

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т Р У С С К О Й Л И Т Е Р А Т У Р Ы (П У Ш К И Н С К И Й Д О М)

ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

XLIII



ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1990

Очередной сборник серийного издания «Труды Отдела древнерусской литературы» включает в себе материал обзорного характера, историко-литературные исследования, посвященные конкретным древнерусским памятникам, а также произведениям изобразительного и певческого искусства. Публикуются отечественные и зарубежные материалы о «Слове о полку Игореве»; издается текст и дается критический разбор так называемой «Влесовой книги». В сборнике представлены разделы «По рукописным собраниям», «Хроника», «Библиография».

Сборник адресован всем интересующимся историей отечественной культуры.

Редакторы: *Д. С. Лихачев* (отв.), *М. А. Салмина*

Рецензенты: *Д. М. Буланин, О. П. Лихачева*

Серия основана в 1935 г.

Т $\frac{4603020101-560}{042(02)-90}$ 477-89

© Коллектив авторов, 1990 г.

М. В. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

Научная деятельность академика Александра Сергеевича Орлова (1871—1947)

(По архивным материалам)

В 1987 г. исполнилось 40 лет со дня смерти академика А. С. Орлова. С 1932 г. он стоял во главе Отдела древнерусской литературы, руководил Отделом русской литературы XVIII в., был заместителем директора Пушкинского Дома. Его труды по средневековой литературе и литературе нового времени общеизвестны, и в истории науки он занимает особое место. А. С. Орлов умер 6 марта 1947 г., а 17 мая состоялось совместное заседание Сектора древнерусской литературы и Сектора новой литературы Пушкинского Дома, посвященное его памяти. На этом заседании были прочитаны два доклада: 1) «Академик А. С. Орлов — литературовед, художник и педагог» (докл. В. П. Адрианова-Перетц); 2) «Академик А. С. Орлов (жизнь и деятельность)» (докл. П. Н. Берков). Отчет об этом заседании сохранился в архиве канцелярии Пушкинского Дома, переданном позже в ЛО Архива АН СССР (ф. 150).

Открывая заседание, В. П. Адрианова-Перетц сказала: «А. С. Орлов был разносторонний ученый, никогда не замыкавшийся в рамках своей специальности. Характерной особенностью всех работ А. С. Орлова является глубокий историзм, прекрасное знание фактического материала. Как человек А. С. Орлов всегда был чутким и добрым нашим старшим товарищем». Основные положения доклада В. П. Адрианова-Перетц позднее развила во вступительной статье к посмертно изданной книге А. С. Орлова «Язык русских писателей» (М.; Л., 1948), где подробно охарактеризовала многостороннюю научную деятельность ученого. К 75-летию А. С. Орлова, за год до его смерти, был издан очерк В. П. Адриановой-Перетц о его научной деятельности.¹ Список статей об А. С. Орлове был приведен П. Н. Берковым в библиографическом указателе, напечатанном в 5-м томе ТОДРЛ. Неоднократно писали об Орлове В. П. Адрианова-Перетц, В. Н. Перетц, Н. К. Никольский, И. П. Еремин, В. И. Малышев; яркие воспоминания об ученом принадлежат Д. С. Лихачеву.²

Почти сразу после смерти А. С. Орлова (в 1947—1948 гг.) его вдовой, Марией Митрофановной Орловой, в Архив АН были переданы на хранение многочисленные бумаги, записи, дневники, письма, статьи Орлова. Этот обширный архив (291 ед. хр., не считая 200 номеров писем к А. С. Орлову) до сих пор не изучен в полной мере. К нему почти не обращались исследователи. Кроме В. П. Адриановой-Перетц, впервые издавшей работу А. С. «Мысли о положении работ по литературе русского средневековья»³ и статью о языке Н. С. Лескова, оставшуюся при жизни автора

¹ См.: Вестн. АН СССР. 1946. № 4.

² Лихачев Д. С. Прошлое — будущему. Л., 1985.

³ Изв. АН СССР. ИЮЛЯ. Сер. лит. и яз. 1947. Т. 6, вып. 2.

незаконченной,⁴ а также подготовившей к печати второе издание «Библиографии русских надписей XI—XV вв.» (1-е изд. — 1936, 2-е — 1952), которое она редактировала, никто архивом А. С. Орлова всерьез не интересовался.

Между тем, несмотря на то, что все самое важное для себя как ученого А. С. Орлов, по-видимому, высказал в своих печатных работах и научных выступлениях, несмотря на то, что его архив, как и большинство научных архивов, — это черновые варианты и подготовительные материалы к изданным работам, все же, знакомясь с этим архивом ближе, мы яснее понимаем А. С. Орлова как ученого и как человека.

Основные биографические сведения об А. С. Орлове были даны в указанном выше очерке В. П. Адриановой-Перетц к 75-летию со дня рождения ученого. Не освещая их подробно и не повторяя, обратим внимание лишь на те, которые считала важными подчеркнуть сама В. П. Адрианова-Перетц. Это работа молодого А. С., готовящегося к магистерскому экзамену, в библиотеке Московской Синодальной типографии в качестве библиотекаря. Огромное число рукописей прошло через его руки. На всю жизнь работа с рукописными источниками стала основополагающей для ученого. А. С. Орлов сделал *общий обзор всех трех отделов Синодальной библиотеки* — рукописного, печатных книг, архивных материалов, относящихся к истории первой русской типографии. Кроме того, он составил *Описание рукописных сборников*.⁵ Адрианова-Перетц назвала это описание «образцовым». Она писала, что в результате работы в Синодальной библиотеке А. С. Орлов стал «знатоком техники древнерусской книжности». С 1906 по 1930 г. А. С. вел преподавательскую работу на Высших женских курсах, учрежденных В. А. Полторацкой, в Московском университете, в Литературно-художественном институте им. В. Я. Брюсова, а с 1930 г. — в Ленинградском университете. Достаточно хорошо известно мастерство А. С. Орлова как лектора: его чтение текстов древнерусских памятников перед студенческой аудиторией, в котором он следовал примеру своего учителя В. О. Ключевского, было, по свидетельству многих слушавших его лекции, поистине «художественным чтением». Педагогическая деятельность А. С. Орлова, стремление осознать древнерусские тексты не только как памятники исторического прошлого, но и как литературу, развивавшуюся по своим, присущим ее средневековому характеру законам, сказалось и во многих его научных работах. Интерес А. С. к «художественности», стилю и языку этой литературы, как и русской литературы классического периода, никогда не ослабевал. Так, например, в 1924—1925 гг. на факультете общественных наук при I МГУ он вел семинарий «Стилистический анализ русской художественной прозы XI в.» и семинарий по стилистическому анализу русской художественной прозы XIX в. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в фонде А. С. Орлова конспекты, программы курсов, тетради с подробным разбором каждого студенческого доклада, прочитанного на этих занятиях (оп. 2, № 26). Обозревая архивные материалы, сохранившиеся в фонде Орлова, уделим более пристальное внимание этим аспектам научных стремлений ученого.

Весь архив А. С. Орлова делится на три основные части.

I. Биографические материалы и материалы, связанные с научно-педагогической деятельностью ученого в различных учреждениях (в Московском и Ленинградском университетах, в РАНИОН, ЛИФЛИ, Музее книги, документа и письма, в Академии наук, в Обществе истории и древностей российских при Московском университете, в Московском археологическом обществе, в Комиссии по изданию памятников древнерусской письменности, в Московском обществе любителей российской словесности, в Комиссии по

⁴ Орлов А. С. Язык русских писателей. М.; Л., 1948.

⁵ Орлов А. С. Библиотека Московской Синодальной типографии. Ч. 1. Рукописи: Сборники. Вып. 1. М., 1896.

составлению Синхронистической таблицы, в Комиссии исторических знаний, в Пушкинской комиссии ИЛИ и Редакционном совете академического издания А. С. Пушкина, в ИЛИ и его Ученом совете, в Ученом совете Архива АН); документы по организации празднования 750-летнего юбилея «Слова о полку Игореве», по работе Казахского филиала АН и др. В этой группе материалов особое место занимают записные книжки, дневники ученого и дневниковые записи его жены Марии Митрофановны.

II. Черновые рукописные и машинописные варианты работ А. С. Орлова. Здесь же конспекты его лекций, читанных на Высших женских курсах В. А. Полторацкой, в I МГУ, в ЛГУ, варианты изданных курсов А. С. Орлова по древнерусской литературе; конспекты статей и книг других исследователей, сделанные А. С. Орловым, списки с рукописных текстов древнерусских сочинений, описания рукописей (например, «Описание русских и славянских рукописей бывшего Музея палеографии Академии наук (оп. 1, № 47), занимающие три общие тетради, многочисленные отдельные выписки из древнерусских рукописей, палеографические, эпиграфические материалы, материалы по сфрагистике, генеалогические таблицы русских князей и царей московских, географические карты, Сводная азбука по датированным рукописям XI—XVII вв. (таблицы фотоснимков с приложением перечня использованных рукописей — оп. 1, № 100). Имеются и подлинные материалы XVII—XVIII вв., например «Вводная грамота новгородского воеводы кн. Даниила Ивановича Мезецкого на поместные земли в Бежецкой пятине, в Никольском погосте, отданные Варфоломею и Евтихию Ушаковым», от 22 марта 1622 г. (приложена печать Великого Новгорода); или: «Наказная память окольного и Казанского воеводы Федора Бугурлина Григорию Варянову о размежевании поместных земель в Казанском уезде, 1657—1658 гг.; ряд деловых документов конца XVII—начала XVIII в.

Некоторое представление о деятельности А. С. Орлова в разного рода научных обществах и учреждениях дают следующие документы (ф. 763, оп. 2, № 22, л. 2): «От 2 дек. 1908 г. Милостивый государь Александр Сергеевич! Имею честь уведомить Вас, что Отделение русского языка и словесности в заседании своем 29 ноября с. г. постановило избрать Вас в члены Комиссии по изданию Памятников древнерусской письменности, председателем коей состоит ординарный академик В. М. Истрин. Председательствующий — А. Шахматов». За год до этого, в октябре 1907 г., А. С. Орлов был избран действительным членом императорского Общества истории и древностей Российских, о чем свидетельствует письмо от 4 октября 1907 г. (оп. 2, № 20, л. 5): «Милостивый государь Александр Сергеевич! Императорское Общество истории и древностей Российских в заседании своем 29 сентября с. г. во внимание к ученым трудам Вашим признало Вас своим Действительным Членом. Приветствуя Вас с сим избранием, Общество питает живейшую надежду на Ваше деятельное и внимательное участие в его ученых трудах».

В 1907 г. Академия наук отметила Малой Уваровской премией исследование А. С. Орлова о древнерусских Повестях о взятии Азова, начатое им в 1890-х гг. В 1893 г. А. С. выступил в Славянской комиссии Московского археологического общества с докладом «Сказочная повесть о взятии Азова», положившим, по словам В. П. Адриановой-Перетц, «начало больших исследований».⁶ Еще в студенческие годы Орлов стал посетителем научных заседаний Славянской комиссии, был ее секретарем, а позже председателем; с 1896 г. печатался в ее изданиях и в «Чтениях» ОИДР при Московском университете.

Труды самого А. С. Орлова, сохранившиеся в его архиве, условно группируются по разделам: 1) древнерусская литература, 2) древнерусская

⁶ Адрианова-Перетц В. П. Академик А. С. Орлов: (К 75-летию со дня рождения) // Вестн. АН СССР. 1946. № 4. С. 51.

письменность, 3) язык русской литературы, 4) стиль русских писателей XVIII и XIX вв., 5) казахская литература и язык (это две тетради казахско-русского словаря, составленного А. С. Орловым, его перевод казахских сказок и былин, статья «Казахский язык. Синтаксические особенности», выписки параллелей из русских былин к казахским былинам; перевод стихов с казахского языка и, конечно, черновые подготовительные материалы к книге А. С. Орлова «Казахский героический эпос», увидевшей свет в 1945 г.). Здесь имеются также работы А. С. по агиографии (обзор редакций Киево-Печерского патерика; части статьи о южнорусской переделке «пекнижного» Жития Николая Мирликийского для сборника в честь В. О. Ключевского, вышедшего в печать в 1909 г., записи исследовательского характера о «Житии Иоанна Суздальского» и некоторые другие материалы). Здесь и труды А. С. Орлова по палеографии и эпиграфике (например, рукопись об «амулетах и змеевиках» из коллекции ГИМ, рукописный и машинописный варианты работы А. С. о русских надписях XI—XV вв. с его правкой и т. д.).

Большая часть научных работ А. С. Орлова сохранилась в его архиве то в виде начальных выписок, то в виде проспектов будущих статей или книг, черновых вариантов готовых работ или конспектов. Так, в архивных материалах нашла свое отражение работа А. С. Орлова над изучением стиля «воинских повестей»,⁷ исследованием репертуара сборников постоянного состава, их судьбой в древнерусской письменности,⁸ работа над Повестями об Азове,⁹ над изданием и исследованием текста «Домостроя»¹⁰ (оп. 1, № 22). Это 13 общих тетрадей с заметками, археографическими обзорами, описанием рукописей, отдельные выписки, карточки — всего 3119 листов. Именно с изданием «Домостроя» связано одно из писем А. А. Шахматова к А. С. Орлову: «Этот памятник, — писал А. А. Шахматов, — некогда очень интересовал меня, и я с удовольствием жду свободного времени для прочтения Вашей книги».¹¹ 23 июля 1917 г. В. Н. Перетц сообщал А. С. Орлову о согласии А. А. Шахматова принять его исследование о «Домострое» в качестве диссертации на докторскую степень. Оппонентами диссертанта предполагались А. А. Шахматов и И. Я. Шляпкин (оп. 3, № 100). Сохранились машинопись с правкой автора и черновой экземпляр рукописи книги А. С. Орлова о Владимире Мономахе (Введение, гл. I—XI. 708 л. (оп. 1, № 45)), рукописи двух вариантов статьи и тетради с подготовительными материалами об Иване Грозном (оп. 1, № 46), материалы различного характера по «Слову о полку Игореве» и т. д.

III. Письма к А. С. Орлову очень большого числа лиц (200 корреспондентов). Среди них научный интерес представляют письма В. П. Адриановой-Перетц, Д. В. Айналова, акад. В. М. Алексеева, С. Д. Балухатого, Т. И. Белецкого, П. Н. Беркова, Е. Ф. Будде, И. А. Бычкова, Г. А. Гукковского, И. П. Еремина, А. Е. Крымского, В. И. Лебедева-Полянского, Н. О. Лернера, И. И. Мещанинова, Л. Б. Модзалевского, Н. К. Никольского, С. П. Обнорского, В. Н. Перетца, С. Ф. Платонова, В. Ф. Ржиги, П. Н. Сакулина, М. Н. Сперанского, М. И. Соколова, Ю. М. Соколова, С. К. Шамбинаго, А. А. Шахматова.

Особое место занимает переписка юношеских лет А. С. Орлова с родителями (она невелика), с невестой М. М. Грачевой (более обширная).

Хронологически письма охватывают почти всю сознательную жизнь А. С. Орлова; одно из самых ранних (не имею в виду семейную переписку)

⁷ Орлов А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей. М., 1902.

⁸ Орлов А. С. Сборники Златоструй и Торжественник. СПб., 1905.

⁹ Орлов А. С. 1) Исторические и поэтические повести об Азове (взятие 1637 г. и осадное сидение 1641 г.). Тексты. М., 1906; 2) Особая повесть об Азове 1637—1641 гг. М., 1907.

¹⁰ Орлов А. С. Домострой. Ч. 1. М., 1917 (Тексты).

¹¹ См.: оп. 3, № 160, л. 1. Письмо датировано 6 ноября 1908 г.

датируется 1898 г. (М. И. Соколову — университетскому учителю А. С.). Писем А. А. Шахматова сохранилось в архиве А. С. Орлова всего четыре (оп. 3, № 160), часть их уже приводилась. Сохранилось всего два письма С. К. Шамбинаго (оп. 3, № 158), оба краткие, о присылке рукописей статей в ТОДРЛ. Однако хорошо известно, что с С. К. Шамбинаго А. С. Орлов состоял в более тесной переписке, стилизуя ее под определенные древнерусские послания. В архиве хранятся также только два письма В. Н. Перетца (оп. 3, № 100): одно уже приводилось, другое написано по случаю дня рождения А. С., от имени Владимира Николаевича и Варвары Павловны «и от той небольшой группы словесников, которые, не прельщаясь легкими лаврами современности, работают по изучению древнерусской стилистики, чему Вы положили основание в Ваших прекрасных и содержательных работах. Позволяем себе выразить надежду, что в ближайших работах Вы снова вернетесь к этой мало навещаемой учеными области и, пользуясь Вашей редкой начитанностью в памятниках, подарите нас еще многими интересными и важными открытиями. Уважающий Вас и преданный В. Перетц» (оп. 3, № 100, л. 3). Письма самой В. П. Адриановой-Перетц относятся в основном к «казанскому» периоду ее жизни (в эвакуации во время Великой Отечественной войны) и адресованы в Казахстан, в «Курорт Боровое», где жил в это время А. С. Орлов. В. П. подробно сообщала А. С. Орлову, оторванному от основной группы «древников», об их работе в Казани, когда завершалось написание и редактирование второго тома академической Истории русской литературы. В. П. послала А. С. Орлову свое Заключение к древнерусской части Истории. Отклик на это Заключение приведен в нашей работе об истории Сектора (Отдела) древнерусской литературы Пушкинского Дома (ТОДРЛ. Т. 42. С. 34). Видимо, А. С. Орлов отправил В. П. в Казань более подробное письмо, так как в его архиве сохранился ответ В. П. от 17 января 1943 г. (оп. 1, № 1):

«Глубокоуважаемый Александр Сергеевич! Очень благодарна Вам за внимательный разбор Заключения. Конечно, все Ваши замечания я постараюсь реализовать в меру своих сил».

Отношение А. С. Орлова к В. П. Адриановой-Перетц как редактору, к чьему мнению он прислушивался, видно из его письма в Казань (март 1944 г.): «Глубокоуважаемая Варвара Павловна, моя статья о „Повести 1606 г. . . .“, вероятно, пролежит в Казани. Мне бы хотелось, чтобы за время пребывания ее там Вы ее просмотрели и критически обсудили с товарищами как доклад в ОДЛ. . . Мне было бы отрадно получить от Вас отзыв о моей работе, как свидетельство научной связи» (здесь и далее подчеркнуто А. С. Орловым. — М. Р.).

Сохранилось 15 писем Д. С. Лихачева к А. С. Орлову, датируемых 1938—1944 гг. (оп. 3, № 72), подробно рассказывающих о работе ленинградских «древников» в Казани.

В архиве А. С. Орлова следует выделить работы, приславшиеся ему на отзыв и для рецензий, отписки статей с дарственными надписями авторов и другие.

Особо остановлюсь на Каталоге книг личной библиотеки А. С. Орлова, составленном самим А. С. и частично М. М. Орловой. Поскольку основная часть этой библиотеки сейчас хранится в Отделе древнерусской литературы ИРЛИ (многие книги с пометами владельца), интересно сопоставить по картотеке ее состав с наличным составом библиотеки А. С. Орлова в Отделе. Однако это задача отдельной работы.

В библиотеке широко представлена история русской литературы — древней и новой (курсы истории литературы, учебники, хрестоматии, история жанров — романа, повести; издания отдельных памятников, летописание, агиография), история русского языка, история славянских языков,

диалектология, славянская филология, история западноевропейских языков. Значительное место в библиотеке А. С. Орлова занимают история письма, книговедение, история книгопечатания (труды по палеографии и другим вспомогательным дисциплинам, архивному делу, археографии: описания рукописей, путеводители по книгохранилищам, отчеты об археографических экспедициях, планы, отчеты Академии наук, частичные комплекты Летописи занятий Археографической комиссии); история русской церкви (труды Е. Голубинского, Макария и т. д.), археология (работы о топографии и археологических исследованиях на Таманском п-ове, заметки и сведения о Тмутараканском камне, сборник ИИМК об археологических исследованиях в РСФСР за 1934—1936 гг.; Известия ГАИМК).

Большой раздел по библиографии: библиографические указатели, библиография по «Слову о полку Игореве» (сост. В. П. Адрианова-Перетц), библиография истории древнерусской литературы (сост. В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская), библиографический указатель изданий, опубликованных Академией наук в 1931—1933 гг., указатель художественной литературы в оценке марксистской критики, Библиографический указатель по социалистическому реализму (под ред. Н. К. Пиканова), Путеводитель по библиографии Маркса, Энгельса, Ленина (сост. А. Г. Фомин), Библиография библиографии Средней Азии (сост. А. Г. Биснек и К. И. Шафрановский), Материалы для библиографии по истории народов СССР XVI—XVII вв., каталог библиотеки Д. Я. Самоквасова, каталог библиотеки Н. А. Попова и т. д. Немало трудов по истории России, истории Византии, истории южных и западных славян, истории стран Западной Европы, истории русской общественной мысли, общественного движения (несколько книг о «деле Петрашевского»), по истории Российской Академии наук и истории науки (К н я з е в Г. А. Краткий очерк истории АН СССР. Л., 1945; Материалы для биографического словаря действительных членов имп. Академии наук. Ч. 1: А—Л. 1915; Ч. 2: М—Я. 1917; Ученая корреспонденция АН XVIII в. / Научное описание под ред. акад. Д. С. Рождественского. 1766—1782).

История науки представлена в библиотеке А. С. Орлова, например, следующими изданиями, как они обозначены в краткой описи, составленной владельцем: История техники (т. 1, ч. 1); Б о г а е в с к и й Б. Л. Техника первобытно-коммунального общества; Архив истории науки и техники (вып. 8, 9); Пионеры машинной индустрии. Сборник статей под ред. В. Ф. Миткевича; Очерки истории техники докапиталистических формаций, под ред. В. Ф. Миткевича; издания по физико-математическим, геолого-географическим, биологическим наукам. Большое место отведено русскому фольклору и этнографии: здесь и работы фольклористов, этнографов, и издания текстов (особенно исторических песен); несколько работ по древнерусскому искусству (архитектура, миниатюры, живопись), истории русского театра (школьный и придворный театр XVII—XVIII вв.); истории Востока (Труды 2-й Сессии арабистов, изд. в 1937 г.; сборник статей «Africana», работы по истории Китая, о монгольских летописях XVII в., книга Б. А. Тураева «Абиссинские хроники» (Л; М., 1936), труды акад. В. М. Алексеева, работы об истории, экономическом развитии и природных условиях республик Средней Азии и т. д.).

Отдельная часть библиотеки А. С. Орлова — словари древнерусского языка, западноевропейских языков, славянских языков; грамматики греческого и латинского языков, западноевропейских языков, восточных языков (монгольского, ойротского, кумыкского, ногайского, калмыцкого, шорского, казахского).

Русская классическая литература представлена именами Ломоносова, Тредиаковского, Сумарокова, Державина, Радищева, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Батюшкова, Достоевского, Глеба Успенского, Горького — их сочинениями (выборочными: Пушкин представлен собра-

нием сочинений, томом писем; Писемский — письмами; здесь же издания по теме «Пушкин в изображении И. Е. Репина», «Лермонтов в изобразительном искусстве») и работами об их творчестве. Русский XVIII в. представлен работами о переводной литературе (Фенелон), исследованиями о русском романе, о французском романе (на французском и немецком языках); сочинениями Екатерины II в 12-ти томах в издании А. Н. Пыпина, трудами по русской истории XVIII в. Из западноевропейской литературы здесь — Т. Смоллет (Приключения Перигрина Пикля) и С. Джонсон (История Расселаса, принца Абиссинского); из восточной — Ляо Чжай (Рассказы о людях необычайных. Перевод, предисловие и коммент. акад. В. М. Алексеева).

По-видимому, в карточки заносилась А. С. Орловым преимущественно научная литература, и эта «картотека» носит временный характер: записи сделаны карандашом, часто без выходных данных, сокращенно. Очевидно, опись библиотеки была сделана на время ремонта или перестановки книжных шкафов, чтобы не забыть, где что стояло, не нарушить привычный порядок расположения томов. Полагаю, что значительная доля художественных изданий сюда не вошла — в дневниках Марии Митрофановны Орловой, сохранившихся в архиве А. С. Орлова, часто упоминаются книги, которые она брала для чтения в домашней библиотеке, некоторые издания русских поэтов XIX в. и др.

Особого внимания в архиве А. С. Орлова заслуживают те материалы, которые показывают его интерес к языковым процессам, к роли изучения языка при исследовании литературных памятников. Во время Великой Отечественной войны Институт русского языка АН предполагал начать планомерное изучение языка древнерусских памятников и издание их текстов. К А. С. Орлову обратились с просьбой отобрать «наиболее интересные». В связи с этим он писал В. П. Адриановой-Перетц: «Но вообще подбирать литературные памятники по интересности языка — очень большой труд: надо быть настоящим язычником. Особенно трудно точно понять, что именно лингвистов интересует, ведь не одна же фонетика, отраженная письмом? Но, например, — лексика, фразеология, „стиль“ языка? Если широко отнестись, то ведь всякий художественный памятник „интересен для истории языка“. Вообще об этом надо совместно беседовать, писать заметки перечней, пересматривая каталожное сырье и т. д. А главное, читать рукописи. . . Необходимо изучение наново Горского и Невоструева, Востокова и т. д. Вот, теперь только чувствуешь отсутствие таких библиотекарей, как Н. П. Попов! Или таких начетчиков, как Соболевский!» (оп. 1, № 1).

Все без исключения мемуаристы вспоминают о необычайно образном языке самого А. С. Орлова, и подтверждение этому мы находим отчасти в его архивных материалах. На упоминавшемся заседании памяти Орлова (17 мая 1947 г.) В. П. Адрианова-Перетц, между прочим, говорила: «Методология и методика языка всегда его интересовали. Знакомство с церковнославянским языком он считал необходимой ступенью в изучении русского языка. А. С. интересовался языком крестьян; знал прекрасно купеческий язык, разделяя его всего, как он выражался, „на две половины“: мужской язык и женский». Адрианова-Перетц отмечала высокую культуру слова самого Орлова. «Устная речь А. С. всегда отличалась большой выразительностью, яркостью характеристик и неподдельным юмором». М. М. Орлова отмечала в своем дневнике: «Конечно, если бы он только записывал то, что говорит, было бы не так хорошо, потому что в это время надо видеть его лицо, его веселые глаза, слышать его интонации» (оп. 2, № 51). И в другом месте: «Вечером А. С. учил каких-то молодых людей. Под конец все чаще и чаще раздавался смех. Это всегда бывает, когда А. С. начнет о чем-нибудь рассказывать. Я себе объясняю это тем, что он вообще воспринимает мир и представляет его себе в несколько юмористи-

ческом виде. Очевидно, это свойство его природы. . . У него сейчас же является образ в смешном виде». Такие «образы в смешном виде», создаваемые в устной речи А. С. Орловым, рассыпаны в дневнике Марии Митрофановны. Она рассказывала мужу о своем посещении буддийского храма в Петрограде вместе с приятельницей. В этом глухом месте тогда случались частые нападения на прохожих. «Когда мы рассказывали Саше, что нас могли бы ограбить в буддийском храме — серьи снять и так далее, он сказал: „Это и в православном могли бы“». Еще один пример из дневника М. М.: «Рассказывала Саше выдержки из книги В. Инбер. Назвала одного персонажа: Авель Евсеевич. — „Ага, — сказал он, — а Каин Иванович что делает?“» Эти примеры можно было бы умножить.

Но и письменное слово А. С. Орлова также всегда было окрашено его индивидуальностью. В. П. Адрианова-Перетц писала ему в 1940 г.: «Редактировать или вообще что-либо дополнять или изменять в Ваших статьях не берусь: у Вас есть свой своеобразный стиль» (оп. 1, № 1). И в документах разного характера, разного времени мы можем наблюдать эту особенность языка А. С. Орлова. Вот, например, частично цитировавшееся мной в другом контексте в статье по истории Сектора (Отдела) древнерусской литературы ИРЛИ неоконченное письмо А. С. Орлова 1943 г. из Борового В. П. Адриановой-Перетц в Казань по поводу 2-го тома Истории русской литературы и написанного В. П. Заключения: «Не ждите от меня редакторских коррективов. Я сообщу в замечаниях лишь свой личный взгляд как собеседник в ученом обсуждении. Хорошо было бы, чтобы в этом обсуждении участвовал еще кто-либо, кроме нас с Вами.

Не имея в распоряжении всего текста древнерусских томов, я лишен возможности быть точным и веским, настоящим рецензентом. Затем я обураваем желанием видеть в Заключении нечто новое, искреннее, полученное от действительно пережитого материала, что-нибудь реальное, пластическое, нами работниками (смело) добытое. Но ведь это только желание, а вот как это выполнить — не по силам мне дать практическое предложение. В „Заключении“ у Вас все хорошо, недискутируемо, общеприемлемо, охватисто, очень содержательно, сытно. Все как надо. А я человек парадоксальный и бестактный, все уклоняюсь от колен, все ищу неторной тропы — и потому противоречу. Но, может быть, именно такая позиция и будет для Вас небесполезной?» (оп. 2, № 15, л. 21 об.—22).

Даже читая тексты, казалось бы, далекие от его непосредственных научных интересов, А. С. Орлов постоянно мысленно обращался к древнерусским литературным памятникам. На обороте того же письма к нему В. П. Адриановой-Перетц он записывает: «Мих. Шолохов. Поднятая целина. Худож. лит.-ра. М., 1935. „Ты о чем говоришь, дед? Ты что это несешь и с Дона и с моря?“» (т. е. несообразные слухи).

Индивидуальность устной и письменной речи, столь характерная для самого А. С. Орлова, привлекала его и в других. И он всегда огорчался, если не находил ее. В этом отношении любопытно одно из его замечаний к студенческому реферату во время преподавания в I МГУ в 1928 г. Тогда Орлов вел семинар по изучению стиля русских писателей XIX в. Сохранились записи о рефератах по Чехову, Тургеневу. А. С. подробнейшим образом прочитывал каждый реферат и к каждому писал свою обстоятельную рецензию. В одной из них он привел такое сравнение со стилем рецензируемого реферата: «Представьте себе: Малый театр, Ермолова в „Орлеанской деве“. Она одета в сверкающие латы, держит в руках тяжелый меч, на голове у нее блестящий тяжелый шлем. Она выглядит как человек, совершенно не знающий, что такое XV век во Франции, как надевать вооружение. Казалось, что она проходила мимо Александровского училища, где выставлены типы вооружений, а потом отправилась к меднику и попросила сделать ей такое же вооружение, какое носили Николаевские кирасиры».

Сравнение, пожалуй, несправедливое для М. Н. Ермоловой, но убийственное для автора реферата. А вот еще свидетельство жены А. С. Орлова Марии Митрофановны: «С утра принялась слагать в уме ответ на письмо Ю. М. <Соколова> и только к вечеру, профильтровав его, написала. Все вышло гладко, без задоринки. А. С. написал тоже и — Боже мой! Какую я почувствовала разницу между его изложением и моим. У него свободно, легко, литературно, а мое в сравнении с его письмом вымучено».

И еще одна запись М. М. Орловой относительно впечатления А. С. после прочтения мемуаров жены: «Указал только на то, что описания личностей у меня односторонни и не полны, что все выложено, хорошо скомпоновано, литературно изложено, но не ярко и не оригинально. . .»

Естественно, что от серьезных исследователей А. С. Орлов требовал особого внимания к слову. В статье «Мысли о положении работ по литературе русского средневековья», опубликованной посмертно, он писал: «Позволю себе настаивать на чуткости к родному языку, как непрременном свойстве исследователя русских литературных памятников».¹²

Для уяснения тех задач, которые ставил себе А. С. Орлов как ученый, важна написанная им в 1934 г. (незавершенная (24 с.) и неопубликованная) работа «О способах применения данных лексики в литературном анализе памятников русского средневековья» (оп. 1, № 56). А. С. Орлов настаивает на повышенном внимании литературоведа к языку исследуемого произведения: «Дело здесь не в материале, — пишет Орлов, — а в отношении к нему: данные языка могут и должны изучаться и в литературном отношении, в интересах литературы». А. С. напомнил об ученых, соединивших в себе умения лингвиста и литературоведа: «Из ранних ученых этого типа следует назвать А. Х. Востокова, И. И. Срезневского, Ф. И. Буслаева, позднее — А. А. Потебню, А. И. Соболевского». И, конечно, не раз в связи с этим вспоминает А. С. Орлов любимого им. В. О. Ключевского.

В тезисах к своему докладу в Академии художественных наук 11 апреля 1924 г. «О поэтике средневекового творчества» Орлов говорил о слишком узком, школярском подходе некоторых преподавателей вузов к обучению церковно-славянскому языку: «Впервые я почувствовал неверность такого представления о кустарной автодидактической выучке старому языку на лекциях В. О. Ключевского, когда он мастерски переводил летописные цитаты, поражал нас сопоставлением дикой и абсолютно нам непонятной внешности подлинника и тонко-остроумного его содержания в переводе, сделанном по гениальной догадке». «И опять вспоминаю золотое слово В. О. Ключевского, — пишет Орлов в другом месте этих тезисов, — кот<орый> некогда, исправляя мои переводы средневековых памятников, говорил, что выраж<ение> „дурная женщина“ иное значит, чем „женщина дурная“» (оп. 1, № 142).

Упомянутая статья «О способах применения данных лексики. . .» связана с работой А. С. Орлова в конце 30-х гг. над описанием языка Киевской Руси для 1-го тома Истории русской литературы. В архиве сохранились рукописи и машинописные копии большого раздела: «Русский литературный язык в памятниках Древней Руси», а также множество подготовительных материалов к нему: обширных выписок из «Повести временных лет», «Хроники Георгия Амартола», «Слова о полку Игореве» и других древнерусских памятников старшей поры. Все выписки размещены по рубрикам: 1) Точность, 2) Лаконизм, 3) Образность. Здесь же составлен список использованной литературы, в нем несколько работ Н. Я. Марра, «Лекции по истории русского языка» А. И. Соболевского,

¹² ИЮЛЯ. 1947. Т. 6. Вып. 2. С. 91.

две работы А. А. Шахматова — «Очерк древнейшего периода истории русского языка» (в Энциклопедии славянской филологии, 1915) и статья «Русский язык» (в Словаре Брокгауза и Эфрона, т. 28); работы А. А. Потебни — «Из записок по русской грамматике» (3 тома), В. М. Истрина — «Очерк истории древнерусской литературы» (1922), Б. А. Ляпунова — «Введение в историю русского языка» (1911), Л. А. Булаховского — «Исторический комментарий к литературному русскому языку» (2-е изд., 1939).

Синтезом наблюдений над развитием художественного стиля литературы Киевской Руси XI—XII вв., по словам В. П. Адриановой-Перетц, стали работы А. С. Орлова о «Слове о полку Игореве» (1938) и Владимире Мономахе (1946). Работа с языком древнерусских памятников обострила индивидуальность языка работ самого А. С. Орлова (она и была ему близка, потому что в нем жило обостренное «чувство языка»). В статье «О способах применения данных лексики. . .» и в тезисах «О поэтике средневекового творчества» А. С. Орлов заставляет по-новому играть ставшее литературным штампом выражение «ткань повествования». В тезисах он, например, пишет: «Лексика — это асбестовые ниточки литературной ткани, по их неистлевающему пути исследователь уходит в понимание живого прошлого». Далее, говоря о такой черте средневековой книжности, как «интернациональность», А. С. Орлов продолжает развивать тот же образ: «Ориентализм и античность в византийской спайке — две цветные нити, которые можно проследить перевитыми в любой ткани любой средневековой книжности. Надо только помнить, что обе эти стихии были уже использованы Византией и поступили к европейским варварам, так сказать, из вторых рук».

Или вот, например, опять-таки расхожее сравнение произведения словесного искусства с живым цветком. Вот в каком виде возникает оно у А. С. Орлова в его неопубликованной при жизни статье «Мысли об изучении литературы как искусства» (1921), сохранившейся в архиве ученого. Эту цитату приводит В. П. Адрианова-Перетц в предисловии к книге А. С. Орлова «Язык русских писателей»: «Погоня „историй литературы“ за нетленной объективностью заставляет даже пожалеть об „эстетической оценке поэтических творений“, которую отрясал, как прах, Н. С. Тихонов с „Истории русской словесности“ А. Галахова. То было 45 лет тому назад, когда эстетика лепетала еще неясные речи и за свой гостинный дилетантизм получила справедливое возмездие. Но она же и отомстила, очистив арену литературного изучения от своего присутствия и всецело предоставив ее гербаризации еще живых элементов средневековой. Теперь этот гербарий высох до степени заиконного букета гоголевской Малороссии и угрожает сам рассыпаться прахом».¹³ В печатном варианте этой работы, увидевшей свет стараниями В. П. уже в 1947 г. в Известиях АН, когда мы читаем фразу А. С. Орлова: «. . . рассказать о литературно-художественных элементах структуры средневекового памятника < . . . > педагогически необходимо, иначе история литературы похожа на гербарий, где растения лишены и соков, и цвета», — мы глубже понимаем и самую мысль автора, и тот образ, который встает за этим сравнением.

Мысль о необходимости лингвистических наблюдений над изучаемым текстом привела А. С. Орлова к мысли о необходимости стилистического анализа и вплотную — к вопросам поэтики. В архиве ученого большую долю занимают материалы, показывающие его работу над вопросами исторической поэтики. Остро чувствуя «художественность» древнерусских литературных памятников, А. С. Орлов стремился к научному пониманию ее природы. В черновых набросках на эту тему он писал: «. . . для того

¹³ Орлов А. С. Язык русских писателей. С. 10.

чтобы определить поэтику этой литературы, естественно прежде всего определить наличие признаков, которые отчуждают эту литературу от позднейшей или являются родственными последней, например, — в виде зачатков, развившихся позднее. Такое определение строго основывается на материале и, ввиду сложности его создания, на первое время может быть выполнено описательно, без претензий на теоретизацию». Эта описательная работа, по мысли А. С. Орлова, требует «положительного знания литературного языка средневековья и четкого понимания этого языка» (оп. 1, № 142). С начала 1920-х гг., когда накопился опыт работы над стилем «воинских повестей», А. С. Орлов обращается к широкому размышлению и обобщениям. К 1922—1924 гг. относятся сохранившиеся в его архиве статьи «Историческая поэтика» (оп. 1, № 36), упоминавшиеся выше развернутые тезисы «О поэтике средневекового творчества», заметка «Средневековое миросозерцание», заметка «Мысли об изучении литературы как искусства. Применительно, главным образом, к русскому средневековью» (доклад под таким названием был прочитан 29 мая 1921 г. в Обществе любителей российской словесности) (там же). Вероятно, в интересе А. С. Орлова к этим проблемам сыграло определенную роль и то, что начало 1920-х гг. — это время повышенного интереса филологической науки к вопросам формы, художественного языка, поэтики в целом. Правда, эти вопросы наиболее остро волновали петроградских ученых, А. С. Орлов же был коренной москвич не только по рождению, но и по научным пристрастиям. Тем не менее сам факт прихода его как исследователя в это время к мысли о необходимости изучения исторической поэтики показателен. «... При долголетних занятиях над формой средневековых произведений, — писал А. С., — я, так сказать, пропитался темами формального анализа, постановкой их и решениями. Эта насыщенность несколько стеснительна, так как мешает выражению, планомерному и последовательному. Хочется сказать все или многое сразу, а выговариваются лишь части, и притом не самые существенные» («О поэтике средневекового творчества», 1924). Однако А. С. Орлов все же наметил некоторые пути изучения той области, которую еще предстояло глубоко исследовать. Важно, что эти пути были весьма конкретны. «Материал для описательной поэтики, — полагал А. С. Орлов, — собирать нетрудно потому, что средневековая книжность трафаретна. . . Следовало бы прежде всего дать серию толковых словарей поэтики каждого вида книжности. Рубрики таких словарей даст сам материал, навязывать их не придется». Наиболее легко выделяемой частью таких рубрик А. С. Орлов считал «часть метафорическую в широком смысле». Он писал: «Литература приобрела вид метафоры, обязательной для употребления. В этих заметках появляется выражение «словесная внешность», *desoium*. Этот словесный *desoium* выражения представляет собою чрезвычайно любопытный материал для поэтики. Материал, раздражающий своей неправдивостью, но тем более требующий расшифровки» (там же). Эта «неправдивость» древнерусского художественного текста обозначала для А. С. Орлова, вероятно, ту меру условности средневекового искусства, которая и делала его искусством. При всей, казалось бы, ясности задач изучения исторической поэтики, в котором А. С. Орлов во многом шел от А. Н. Веселовского, были и для него самого очевидные сложности: «Трудностью при описании приемов является сама система описания. . . По моему мнению, риторическая классификация средневековья должна создаваться еще, а не налагаться в виде готовой сети» (там же). Но и позже, в конце 20-х годов, А. С. Орлов продолжал разрабатывать эти проблемы на конкретном и знакомом ему материале. Сохранился «Календарный план работ подсекции фольклора и других русских литератур» на 1927/28 учебный год в I МГУ (оп. 2, № 26, л. 227). В нем выделена особая тема, предложенная А. С. Орловым: «Методологические проблемы фольклористики и истории средневековой русской литературы, в частности, ряд бесед о методологических путях исследования».

прокладывавшихся некоторыми учеными XIX—XX вв. (Буслаев, Тихо-правов, Веселовский, Келтуяла). Согласно этому плану, 13 января А. С. Орлов читал лекцию-доклад «О смене формальных шаблонов средневековой исторической повести». Возвращаясь к мыслям А. С. Орлова начала 20-х гг. об исторической поэтике, необходимо указать и на выделенную А. С. такую черту древнерусской литературы, как «существование драматизма вне организованной формы драмы» (оп. 1, № 36): «Прямая речь наших повестей свидетельствует о том, что драматическое изображение являлось существенным элементом слова и свидетельствует об исконном драматизме нашей литературы, о том, что, явившись сначала как некий примитив, прямая речь стала затем источником национальной драмы нашего времени . . . Здесь, в диалогах и монологах исторических повестей, заключается исконный русизм нашей своеобразной драмы».

И в других набросках этого времени А. С. Орлов высказывает, конкретизируя, ту же мысль: «Драматический диалог с пересказом действия всюду рассеян и по летописи и по житиям, поражая народностью живой речи в таких юридических памятниках, как допросные дела (напр <имер> — Суд над Максимом Греком и над Вассианом Косым), как правовые грамоты. Только по предвзятости историки старого театра пропускают такую показательную вещь, как Повесть о похищении престола Годуновым, где живейше драматизированы в диалогической форме целые сцены. Все эти элементы русского национального театра ждут применения методов, выработанных на Островском» (оп. 1, № 142, л. 10).

Так изучение поэтики средневековой русской литературы подводило А. С. Орлова к вопросу о ее национальном своеобразии, причем национальную самобытность А. С. Орлов понимал не как нечто единое и постоянное. Вопрос об особенностях средневековой русской литературы, вставший перед А. С. Орловым в 1920-е гг., был снова поднят им в статье «К изучению средневековья в русской литературе» (сборник статей «Памяти П. Н. Сакулина. Никитинские субботники». М., 1931. С. 186—194), в которой во многом нашли отражение прежние наблюдения А. С. Орлова, сохранившиеся в его рукописях.

Позже А. С. Орлов вновь вернулся к вопросу о национальной самобытности древнерусской литературы. В приводившемся уже письме В. П. Адриановой-Перетц в Казань во время Великой Отечественной войны А. С. Орлов писал: «Самое дорогое для меня в средневековой русской литературе — национальные черты, которые везде там, обычно покрытые коркой. Они везде таятся, их надо чувствовать и отыскать, и показать. А это тема особой, специальной работы, еще не начатой. „Образность“, „живой язык“, „фольклор“ и т. д., собственно, ничего не говорящие термины, подстановка слов вместо существа явлений народности. Если бы эта тема была разработана, ее выводы могли бы проходить нитью, скрепляющей любой синтез средневекового материала, ведущей из прошедшего в будущее, в наше время и далее. . .» А раньше, в апреле 1940 г., в возглавляемом А. С. Орловым Отделе древнерусской литературы ИРЛИ был поставлен на обсуждение его доклад «Особенности средневековой литературы как тема для теоретической работы ОДРЛ».¹⁴ К докладу А. С. подготовили тезисы, которые предлагались для предварительного обсуждения, и приложение — перечень важнейших, с его точки зрения, особенностей средневековой русской литературы. В обсуждении доклада приняли участие В. П. Адрианова-Перетц, Д. С. Лихачев, М. О. Скрипиль (ф. 150, 1940—1941, № 23). «Признаки средневековья», выделенные А. С. Орловым, как отметила В. П., «пока имеют вид эмпирически установленных фактов, не объясненных еще как один из элементов средневековой

¹⁴ Подробнее об этом докладе А. С. Орлова см. мою статью об истории Сектора (Отдела) древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР (ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 25—26).

культуры, неподвижных, как будто одинаковых для всего средневековья». Однако перечень «признаков средневековья» А. С. Орлова, сказала на обсуждении его доклада В. П. Адрианова-Перетц, послужит своего рода «рабочей гипотезой для сотрудников». Позднее на более обширном материале особенности поэтики древнерусской литературы в их историческом развитии были исследованы В. П. Адриановой-Перетц в ее работе «Очерки поэтического стиля древней Руси» (1947) и особенно Д. С. Лихачевым в «Поэтике древнерусской литературы» (1-е изд. — 1967). Когда была завершена работа над «Историей русской литературы», В. П. Адрианова-Перетц выдвинула, а А. С. Орлов поддержал тему для работы Отдела «Историческая поэтика средневековья». По этому поводу Адрианова-Перетц писала из Казани Орлову: «Имея во главе Отдела Орлова, давно уже поставившего вопрос о древнерусской стилистике, мы теперь, закончивши „Историю литературы“, должны организовать изучение во всем объеме литературного мастерства XI—XVII вв. (жанр, стиль, язык), притом в его развитии, имея отправную точку в византийских образцах» (оп. 1, № 1, письмо от 14 марта 1943 г.). В 1945 г. в совместной статье «Литературоведение русского средневековья» В. П. Адрианова-Перетц и А. С. Орлов писали: «... но исследование эстетических данных литературных произведений стоит еще на втором плане, хотя ряд опытов в этом направлении уже существуют».¹⁵

Помимо стремления к постановке теоретических вопросов, интереса к проблемам влияний, самобытности, стилистике древнерусской литературы, А. С. Орлов оставался ученым-книжником (в смысле «знатоком древнерусской книги»). Время работы в библиотеке Синодальной типографии не прошло даром. Не случайно А. С. Орлов возглавил в Ленинграде Институт книги, документа и письма, преобразованный позже в Отдел исторических вспомогательных дисциплин Академии наук. Не случайно и настойчивое стремление А. С. Орлова к изучению репертуара древнерусской книжности во всем его объеме, призыв к специалистам-древникам «разойтись по книгохранилищам»: «Было бы правильно разойтись по книгохранилищам и в каждом из них перечесть в подлиннике весь состав, рукописный и старопечатный». Сейчас ни одно серьезное изучение древнерусского памятника литературы невозможно без тщательного восстановления истории его текста, рукописной традиции, но тогда этот призыв А. С. Орлова был, очевидно, в некоторых случаях, актуален. В архиве А. С. Орлова, даже при общем его обозрении, отчетливо видны следы его работы с древнерусскими рукописями: выписки из них, их описания, зарисовки инициалов букв, орнаментов, водяных знаков, археографические обзоры и т. д. Вскоре после Великой Отечественной войны А. С. Орлов предложил начать большую работу по научному изданию текстов древнерусских памятников.

В указанной совместной статье А. С. Орлова и В. П. Адриановой-Перетц говорилось об одной из задач литературоведения русского средневековья — организовать специальное планомерное обследование рукописного и печатного материала по истории древней русской, украинской и белорусской литературы и языка. Там же была высказана мысль о продолжении работы, которую вела с 1907 по 1935 г. Комиссия по изданию памятников древнерусской литературы (КПДЛ) — о планомерном издании памятников. Результатом этой описательной и издательской работы должна была стать, по мысли авторов статьи, «библиотека избранных сочинений русского средневековья, содержательно комментированных, показанных в их историческом и художественном значении».

Но это были не только теоретические пожелания работы на будущее. В архиве А. С. Орлова мы находим обширный материал, показывающий,

¹⁵ См.: ИЮЛЯ. 1945. Т. 6, вып. 6. С. 14.

с каким постоянством он думал над этими вопросами. Еще в 1929 г. он был озабочен подготовкой серьезных архивных кадров. Сохранился протокол заседания Бюро заочного обучения по литературе, истории и философии при I МГУ от 21 июня 1929 г. (оп. 2, № 26, л. 191): «Слушали: Сообщение Орлова по вопросу об организации при архивном цикле заочного ф-та занятий по сокращенной программе краткосрочного характера в целях повышения квалификации сотрудников учреждений Центрархива». Этот заочный факультет, к сожалению, просуществовал недолго, так как не собрал нужного количества слушателей.

Два года спустя, в 1931 г., А. С. Орлов опубликовал статью «Книга русского средневековья и ее энциклопедические виды»,¹⁶ в основу которой лег доклад, прочитанный в Музее книги, документа и письма 2 апреля 1931 г. При сопоставлении архивного текста доклада (оп. 1, № 145) с напечатанным видно, что А. С. Орлов не просто расширил рамки доклада, но дополнил его более конкретными и точными примерами, отказался от, может быть, эффектных, но мало дополняющих смысл уже сказанного цитат и, наоборот, развернул аргументацию положений, доказательство которых в докладе считал недостаточным. Так, по сравнению с текстом доклада, оставшимся в архиве ученого, в статье расширены исторические экскурсы, рассмотрена история феодальной Руси с точки зрения борьбы классов, более подробно разбирается вопрос о том, что называть энциклопедией, и А. С. Орлов задается вопросом, что и когда обозначали этим термином ученые и как сами древние составители разных сборников относились к своему материалу. Приведу предварительные записи А. С. Орлова об этом материале (оп. 1, № 145, л. 39): «Об энциклопедии. Указать на то, что и теперь разные формы энциклопедии. . . Брокгауз, Британская. . . Энциклопедия славянской филологии! „Энциклопедия“ — это метафора. Все — энциклопедии, часть — нет. Затем, что кто считает энциклопедией: средневеки считают одно, а мы, теперешние — другое. Вопрос об авторе и читателе (читатель возьмет и воспользуется энциклопедией как новеллами?!). Зачем тогда — это энциклопедия, а теперь — новеллы (см. Пыпин). Затем, одна форма переходит в другую, очень трудно разграничить. Да и вообще с терм<инологией> плохо, нап<ример>, жанры». Введены рассуждения о «Физиологе», о «Златой матице». Подробнее сказано и о зависимости русского «Домостроя» от «Измарагда». Кое-что ушло в сноски, более развернутыми стали размышления об «энциклопедичности» Лицевого свода, более четко, чем в рукописи, высказана мысль о том, что в переломные исторические периоды определенные «круги знания» (термин А. С. Орлова) отлагаются в «курговую» типическую форму книг. Речь идет о XVI в. и об объединительных предприятиях в культурной жизни Московской Руси. Знакомясь с рукописью доклада, видим, сколь велика была по объему подготовительная работа. Здесь много выписок из древнерусских сборников, «Домостроя» и разных отдельных сочинений: «Измарагда», «Христоматии» Буслаева (дан перечень страниц, где помещены нужные тексты), указаны нужные страницы из книги А. И. Соболевского о переводной литературе Московской Руси, приложен обширный перечень книг, которые носили, как полагал А. С. Орлов, «энциклопедический хар<акте>р»: «Византия и южные славяне: Патерики (м<ежду> пр<очим> азбучный). Минеи и Пролога, Триоди, Кормчие и Номоканоны, Уставы монастырские, Церковное летосчисление, иноческие сборники определенного состава, сборники проповедей определенного состава (Златоструй, Златоуст, Торжественник, Златая цепь, Измарагд). Сборники изречений: Пчела и патерики, Акир, Физиолог, Бестиарий, Повесть об Индийском царстве во 2-й ред., О пускании крови и диете соответственно констелляции, Грамматические труды Святослава Изборника, изданные

¹⁶ Докл. АН СССР. 1931. № 3. С. 37—51.

Ягичем, орфографические словари (Климент Смолятич), Речь тонкословия греческого, вопросо-ответные статьи: Беседа 3-х св. (Стих о Голубиной книге), Добротолюбие, Варлаам и Иоасаф, Стефанит и Ихниллат, Иконописный подлинник, Индекс книг истинных и ложных, пасхалия и церковное счисление, Домострой; Тестамент Василия, царя греческого сыну его Льву, Аристотелевы врата» (л. 47).

Архив, если он сохранен более или менее полно, всегда раскрывает личность ученого с каких-то новых сторон, иногда неожиданных. В архиве А. С. Орлова «уживаются» серьезные труды и детские и юношеские стихи, шуточные пародии, бытовые письма домашним, едкие и иногда злые шутки над близкими. Выделив несколько наиболее важных для всего научного пути А. С. Орлова тем и проследив их разработку ученым по его архиву, мы видим, что даже то, что осталось за пределами печатных работ А. С. Орлова, дает представление о цельности его научных устремлений.

ИССЛЕДОВАНИЯ

А. А. ГОРСКИЙ

Проблемы изучения «Слова о погибели Руския земли»

(К 750-летию со времени написания)

В 1892 г. было опубликовано по списку XV в., обнаруженному Х. М. Лопаревым незадолго до этого в библиотеке Псково-Печерского монастыря, поэтическое произведение XIII в. — «Слово о погибели Руския земли».¹ В 1933 г. в Риге был обнаружен второй список «Слова о погибели» (XVI в.), изданный в 1947 г.² В обоих списках непосредственно за этим произведением следует текст Жития Александра Невского. Очень небольшое по размерам (всего лишь 236 слов), «Слово о погибели Руския земли» отличается столь высокими художественными достоинствами и такой силой патриотического чувства, что его автор по своему таланту может быть поставлен в один ряд с автором бессмертного «Слова о полку Игореве». «Слово о погибели», как полагают все его исследователи, дошло до нас в неполном виде — сохранилось лишь начало произведения, за которым должно было следовать повествование о татарском нашествии (мнение большинства ученых³) или княжеских усобицах (другая точка зрения).⁴

За время, прошедшее со времени находки «Слова о погибели», отечественными и зарубежными исследователями сделано немало для его изучения.⁵ Некоторые вопросы, связанные с этим памятником, можно считать решенными. Так, установлено, что «Слово о погибели» не было предисловием к Житию Александра Невского, а являлось первоначально самостоятельным произведением, лишь в XV в. механически присоединенным к од-

¹ Л о п а р е в Х. М. «Слово о погибели Руския земли»: Вновь найденный памятник литературы XIII века // ПДПИ. СПб., 1892. Т. 84. Еще ранее (в 1878 г.) «Слово о погибели» было известно К. Г. Евлентьеву (см.: Б е г у н о в Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 5). В настоящее время Печерский список хранится в Государственном архиве Псковской области.

² Опубликован советским литературоведом В. И. Малышевым (М а л ы ш е в В. И. Житие Александра Невского (по рукописи середины XVI в. Гребенщиковской старообрядческой общины в г. Риге) // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 185—193) и в посмертно изданной работе французского филолога М. В. Горлина по фотокопии (G o r l i n M. Le Dit de la ruine de la terre Russe et de la mort du grand-prince Jaroslaw // Rev. des études slaves. Paris, 1947. Т. 23, fasc. 1—4. P. 23—24). В настоящее время Рижский список находится в рукописном собрании Института русской литературы АН СССР в Ленинграде. Оба списка «Слова о погибели» очень близки между собой — они восходят к одному архетипу XV в.; различия между Печерским и Рижским списками есть лишь в написании отдельных слов (см.: Б е г у н о в Ю. К. Памятник русской литературы... С. 21—45).

³ Именно потому, что большинство исследователей связывают появление «Слова о погибели Руския земли» с ордынским нашествием на Северо-Восточную Русь 1238 г., 750-летие памятника может быть условно приурочено к 1988 г.

⁴ Следует оговориться, что нельзя быть уверенным, что продолжение «Слова о погибели» было написано автором — можно лишь утверждать, что он несомненно намеревался это сделать (ср.: С о л о в ь е в А. В. Заметки к «Слову о погибели Руския земли» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 82).

⁵ Библиографию работ, вышедших до 1965 г., см. в кн.: Б е г у н о в Ю. К. Памятник русской литературы... С. 5—11.

ному из списков Жития (архетипу Печерского и Рижского списков).⁶ Выяснено, что фрагменты текста «Слова» были использованы в Кирилло-Белозерском списке «Задонщины», Житии Федора Ярославского и «Степенной книге».⁷ В то же время ряд вопросов остается предметом спора. Рассмотрению некоторых из них посвящена данная статья.

Наиболее дискутируемые вопросы — откликом на какое событие было «Слово о погибели» и (в связи с этим) когда и где оно было создано. Одна группа исследователей полагает, что появление «Слова» было вызвано нашествием Батия на Владимиро-Суздальское княжество в 1238 г. При этом Н. К. Гудзий датировал написание «Слова» временем «около 1238 г.»,⁸ А. В. Соловьев — 1238 или 1240 г.,⁹ И. П. Еремин — 1239 г.,¹⁰ Ю. К. Бегунов — временем от 4 марта 1238 г. (дата гибели великого князя Владимирского Юрия Всеволодича в битве на Сити) до 30 сентября 1246 г. (дата смерти великого князя Владимирского Ярослава Всеволодича), Л. А. Дмитриев — временем начала Батыева нашествия (до битвы на Сити).¹¹ Другие ученые связывают «Слово» с битвой на Калке 1223 г.¹² В. В. Данилов, Б. А. Рыбаков и Т. Н. Ларина считают, что «Слово о погибели» являлось откликом на ушибы сыновей Всеволода Большое Гнездо, при этом если Б. А. Рыбаков относит написание произведения к 1212—1216 гг.,¹³ а Т. Н. Ларина к 20—30-м гг. XIII столетия,¹⁴ то В. В. Данилов — к гораздо более позднему времени — после 1250 г.¹⁵ По мнению Б. И. Яценко, «Слово о погибели» было написано в 1235 г. по поводу ушибов в Южной Руси, в которых участвовали половцы.¹⁶ М. В. Горлин полагал, что «Слово о погибели» было написано по поводу смерти Ярослава Всеволодича в 1246 г.¹⁷ Местом создания памятника предполагались Владимир (И. П. Еремин,¹⁸ Ю. К. Бегунов¹⁹), Переяславль-Залесский (Н. К. Гудзий²⁰), Новгород (М. Н. Тихомиров,²¹ В. Филипп²²), Киев (А. В. Соловьев,²³ Б. И. Яценко²⁴). По мнению В. В. Данилова, «Слово» было написано в Северо-Восточной Руси, но южнорусом (галичанином) по происхождению.²⁵

⁶ См.: Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы... С. 12—83.

⁷ Там же. С. 135—152.

⁸ Гудзий Н. К. О «Слове о погибели Руския земли» // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 542.

⁹ Соловьев А. В. Заметки... С. 92—102.

¹⁰ Еремин И. П. «Слово о погибели Русской земли» // Художественная проза Киевской Руси XI—XIII веков. М., 1957. С. 351.

¹¹ Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы... С. 107—123; Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1 (XI—первая половина XIV в.). С. 433.

¹² Тихомиров М. Н. Где и когда было написано «Слово о погибели Русской земли» // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8; Philipp W. Über das Verhältnis des «Slovo o pogibeli Russkoj zemli» zum «Žitie Aleksandra Nevskogo» // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1957. Bd 5.

¹³ Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 79—81.

¹⁴ Ларина Т. Н. Некоторые вопросы происхождения «Слова о погибели Руския земли» // Проблемы истории СССР. 4. М., 1974.

¹⁵ Данилов В. В. «Слово о погибели Руския земли» как произведение художественное // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 142.

¹⁶ Яценко Б. И. Де і коли написане «Слово о погибели Руския земли» // Укр. іст. журн. 1971. № 2.

¹⁷ Gorlin M. Le Dit... P. 106—109.

¹⁸ Еремин И. П. «Слово о погибели Руской земли». С. 351.

¹⁹ Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы... С. 122—123.

²⁰ Гудзий Н. К. О «Слове о погибели Руския земли». С. 540—542.

²¹ Тихомиров М. Н. Где и когда было написано «Слово о погибели Руской земли». С. 243—244.

²² Philipp W. Über das Verhältnis... S. 36.

²³ Соловьев А. В. Заметки... с. 92—102.

²⁴ Яценко Б. И. Де і коли написане «Слово о погибели Руския земли». С. 57.

²⁵ Данилов В. В. «Слово о погибели Руския земли». . . С. 139—142. С гипотезой о южнорусском происхождении автора согласился Ю. К. Бегунов (Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы... С. 122—123).

Вопрос о времени написания «Слова о погибели Руския земли» связан с трактовкой его заголовка, сохранившегося только в Печерском списке («Слово о погибели Руския земли и по смерти великого князя Ярослава»²⁶), и последней фразы сохранившегося отрывка («А в ты дни болѣзнь крестияномъ от великаго Ярослава и до Володимера, и до нынѣшняго Ярослава, и до брата его Юрья, князя Володимерьскаго»). В остальном тексте нет датирующих признаков. М. Н. Тихомиров и В. Филипп, правда, полагали, что перечень в «Слове» народов — соседей Руси — содержит намек на внешнюю политику Ярослава и Юрия Всеволодичей в 20—30-е гг. XIII в., а отсутствие в этом перечне татар говорит о том, что они еще не были во время написания «Слова» соседями Руси.²⁷ Однако намек на внешнюю политику Юрия и Ярослава в 20—30-е гг. дает лишь основание считать, что этим князьям должно было быть уделено наибольшее внимание в недошедшей части произведения, что и без того ясно из упоминания в последней фразе имеющегося отрывка, и не позволяет утверждать, что «Слово» не могло быть написано в конце 30—начале 40-х гг.²⁸ Отсутствие же упоминания татар в перечне вызвано тем, что речь в нем идет о народах, которые были «покорены» отцу Юрия и Ярослава, Всеволоду Большое Гнездо и его отцу и деду («... то все покорено было богомъ крестиянскому языку поганьскыя страны: великому князю Всеволоду, отцю его Юрью, князю Киевскому, дѣду его Володимеру и Манамаху»²⁹), т. е. во времена, когда татары, по выражению Степенной книги (присоединенному в этом памятнике к выдержке из «Слова о погибели»), еще «слухом не именовахуся».³⁰

В отношении понятия «болезнь» из заключительной фразы «Слова о погибели» почти все исследователи были единодушны — под болезнью имеются в виду княжеские усобицы, ослаблявшие Русь начиная со времени после смерти Ярослава Мудрого («великаго Ярослава»). Споры вызывает понятие «погибель» в заголовке произведения. Трудности усугубляются тем, что заголовок при переписке его писцом Печерского списка подвергся исправлениям. Ю. К. Бегунов предположил, что в начале писец неверно переписал заглавие как «Слово о погибели Руския земли. О смерти великого князя Ярослава», затем добавил над «л» в слове «земли» полуначатую, обозначающую «и» (получилось «... земли и о смерти...»), после этого заметил, что о смерти Ярослава в тексте ничего не говорится, обратился к оригиналу и исправил начальную «омегу» в словах «о смерти» на «п», а сверху над «п» добавил «о». Первичным (содержащимся в протографе Печерского списка, где «Слово» уже было объединено с Житием Александра Невского) Ю. К. Бегуновым признавалось, таким образом, чтение «Слово о погибели Руския земли по смерти великого князя Ярослава».³¹ Т. Н. Ларина не согласилась с этим, посчитав, что посылку «по» — правка писца, то «чем она вызвана — собственными ли соображениями из-за непонимания текста или сверкой с протографом рукописи — установить невозможно».³² Но Ю. К. Бегунов отмечал, что «от себя» писец «не мог исправ-

²⁶ Цитаты из «Слова о погибели» здесь и далее даются по изд.: Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы... С. 154—155 (Печерский список), 155—156 (Рижский список), 156—157 (по двум спискам), 182—184 (реконструированный текст).

²⁷ Тихомиров М. Н. Где и когда было написано «Слово о погибели Русской земли». С. 236—241, 244; Philipp W. Über das Verhältnis... S. 36. Доводы М. Н. Тихомирова были поддержаны Т. Н. Лариной (Ларина Т. Н. Некоторые вопросы... С. 98—99).

²⁸ Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы... С. 119—120.

²⁹ Представляется справедливым мнение, что это была «покорность» разной степени — для одних в виде даннической зависимости, для других — в виде признания могущества Руси (Ларина Т. Н. Некоторые вопросы... С. 107—108).

³⁰ ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 21, ч. 1. С. 254.

³¹ Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы... С. 31—34. Первым предложил такое прочтение В. Филипп (Philipp W. Über das Verhältnis... S. 34).

³² Ларина Т. Н. Некоторые вопросы... С. 98.

лять текст, так как очевидно, что время блестящего княжения князя Александра, сына Ярослава, описанное в следующем за „Словом“ Житии, не вызывало у писца впечатления гибели Русской земли». ³³

«Погибель Русской земли» большинство исследователей (Х. М. Лопарев, Н. К. Гудзий, А. В. Соловьев, Ю. К. Бегунов) понимают как нашествие Батюга; ³⁴ М. Н. Тихомиров полагал, что под «погибелью» имеется в виду поражение на Калке; ³⁵ В. Филипп считает, что «погибель» — это постепенное ослабление Руси после смерти Ярослава Мудрого, связанное с усобицами и нашествиями степняков; ³⁶ по мнению Б. И. Яценко, под «погибелью» имеются в виду княжеские усобицы. ³⁷ Т. Н. Ларина допускает два варианта: 1) заглавие (если принимать чтение «о смерти», а не «по смерти») вообще не имеет отношения к тексту памятника: оно было взято из другого произведения — «посмертного Слова» о Ярославе Всеволодиче; как «погибель Русской земли» была воспринята современниками смерть этого князя в 1246 г.; ³⁸ 2) «погибель» — ослабление военного потенциала страны за период после смерти Ярослава Мудрого (если принимать чтение «по смерти»). ³⁹

Прояснению вопроса может помочь рассмотрение того, как понималась «погибель Русской земли» в других памятниках древнерусской литературы. Ю. К. Бегунов, приведя ряд примеров из летописей с употреблением глаголов «губити», «погубити», пришел к выводу, что «тема гибели» появилась во второй половине XI в. (после смерти Ярослава Мудрого) и трактовалась как предупреждение князьям в связи с междоусобиями и нападениями врагов, а в «Слове о гибели» рассказывалось о самой «гибели Русской земли» от татар. ⁴⁰ Однако если о «гибели» говорится в источниках в связи с княжескими усобицами, то не менее правомерной может показаться и точка зрения на «погибель» как на междоусобные войны. Поэтому обратимся еще раз к теме «гибели Русской земли» в русской литературе XI—XIII вв., тем более что список примеров, приведенных Ю. К. Бегуновым, может быть дополнен.

«Повесть временных лет» под 1054 г. (так называемое завещание Ярослава Мудрого): «Аще ли будете ненавидно живуще, в распряхъ и которающесе, то погыбнете сами, и погубите землю отецъ своихъ и дѣдъ своихъ. . .». ⁴¹

«Повесть временных лет» под 1095 г. (речь дружины к Владимиру Мономаху с оправданием готовящегося убийства половецкого хана Итларя): «Княже! Нету ти в томъ грѣха; да они всегда к тобѣ ходяче ротѣ, губять землю Русьскую, и кровь хрестьянску проливають бесперестани». ⁴²

«Повесть временных лет» под 1095 г. (послание Святополка Изяславича и Владимира Мономаха Олегу Святославичу): «Се ты не шелъ с нама на поганяя, иже погубили суть землю Русьскую». ⁴³

Письмо Владимира Мономаха Олегу Святославичу: «Да се ти написах, зане принуди ми сынъ мои. . . прислалъ ко мнѣ мужъ свои и грамоту, река: „Ладимься и смѣримся. . . а Русьскы земли не погубим“». ⁴⁴

³³ Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы. . . С. 33.

³⁴ Лопарев Х. М. «Слово о гибели Рускяя земли». С. 16; Гудзий Н. К. О «Слове о гибели Рускяя земли». С. 541; Соловьев А. В. Заметки. . . С. 102; Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы. . . С. 118.

³⁵ Тихомиров М. Н. Где и когда было написано «Слово о гибели Русской земли». С. 241—244.

³⁶ Philipp W. Über das Verhältnis. . . S. 34—35.

³⁷ Яценко Б. И. Де і коли написане «Слово о гибели Рускяя земли». С. 241—244.

³⁸ Ларина Т. Н. Некоторые вопросы. . . С. 101—105.

³⁹ Там же. С. 106—107.

⁴⁰ Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы. . . С. 116—118.

⁴¹ ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 108.

⁴² Там же. С. 148.

⁴³ Там же. С. 149.

⁴⁴ Там же. С. 163—164.

«Повесть временных лет» под 1097 г. (речь князей на Любечском съезде): «Почто губим Русьскую землю, сами на ся котору деюще?»⁴⁵

«Повесть временных лет» под 1097 г. (послание Владимира Мономаха к Давыду и Олегу Святославичам по поводу ослепления Василька Ростиславича): «Поидѣта к Городцю, да поправим сего зла. . . Да аще сего не правимъ, то большее зло встанеть в нас, и начеть брат брата закалати, и погыбнеть земля Руская, и врази наши, половци, пришедше возмутъ землю Русьскую».⁴⁶

«Повесть временных лет» под 1097 г. (речь киевского посольства к Владимиру Мономаху и союзным ему князьям и ответ Мономаха): «Молимся, княже, тобѣ и братома твоима, не мзѣте погубити Русьские земли. Аще бо възмете рать межю собою, поганици имуть радоватися, и возмутъ землю нашу, иже бѣша стяжали отци ваши и дѣди ваши трудом великим и храбрствомъ, побарающе по Русьскѣи земли, ины земли приискываху, а вы хочете погубити землю Русьскую. . . Се слышавъ Володимеръ расплакавъся и рече: „Поистинѣ отци наши и дѣди наши зблюли землю Русьскую, а мы хотим погубити“».⁴⁷

Ипатьевская летопись под 1177 г.: «Ростиславичи же, не хотяче губити Рускоя земли и крестьяньской крови проливати, сгадавше даша Киевъ Святославу».⁴⁸

Ипатьевская летопись под 1240 г. сообщает, что пленный киевский тысяцкий Дмитр посоветовал Батыю идти в Венгрию, «видѣ бо землю гибнущу Рускую от нечестивого».⁴⁹

Из этого перечня видно, что авторы произведений, в которых наличествует тема «погибели Русской земли», употребляют в разных формах глаголы «губити», «погубити», «погибнути», «гибнути», но ни разу — существительное «погибель». Исходя из приведенных данных, можно говорить о присутствии в летописях не темы «погибели Русской земли», а темы «возможной гибели Русской земли». Примечательны в этом плане «послание» Владимира Мономаха Давыду и Олегу Святославичам и «речь» киевского посольства к Мономаху, где предсказывается, как совершится эта «погибель»: княжеские усобицы («зло», «рать») приведут к тому, что «поганые» «возьмут землю Русскую».

Тема «свершившейся гибели» появляется только в произведении, оценивающем последствия Батыева нашествия — «Поучении» Серапиона Владимирского. Серапион, пользуясь библейскими сюжетами, говорит о «погибели», посланной богом на Русь за людские грехи: «Слышимъ бо Ниневгю град: бывше великим множеством людем, полнъ же безаконья. Богу же хотящу потребити, аки Содома и Гомора, Иону пророка посла, да проповѣдаеъ погибель града их. Они же, слышавше, не пождаша, но скоро премѣнишася от грѣхъ своих. . . И умолиша господа, и томление от него свободишася, ярость божию премѣниша на милосердые и погибель избыша. . . Мы же что о сихъ речемъ? Чего не видѣхомъ? Чего ли ся над нами не створи?»; «Видѣвъ наша безаконья умножившася. . . наведе <бог> на ны языкъ немилостивъ, языкъ лютъ, языкъ, не щадящъ красы уны, немощи старецъ, младости дѣтии. . . Разрушены божественные церкви, осквернены быша ссуди священници и честные кресты и святяя книги,

⁴⁵ Там же. С. 170.

⁴⁶ Там же. С. 174.

⁴⁷ Там же. С. 174—175. Заметим, что фрагменты «Повести временных лет» с «темой гибели» связаны, скорее всего, не с одним автором. «Завещание» Ярослава, по схеме А. А. Шахматова, перешло в «Повесть временных лет» из Начального свода конца XI в. (см.: Шахматов А. А. Повесть временных лет. Пг., 1916. Т. 1. С. XVI, 204); второй и третий фрагменты из статьи 1097 г. относятся к «Повести Василия об ослеплении Василька Ростиславича», носящей вставной характер (см.: Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания, былины, летописи. М., 1963. С. 274—279).

⁴⁸ ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 605.

⁴⁹ Там же. Стб. 786.

потоптаны быша святыя мѣста. . . святители мечю во ядь быша, плоти преподобныхъ мнихъ птицамъ на снѣдь повержени быша, кровь и отецъ, и братья наша, аки вода многа, землю напои, князии нашихъ воеводе крѣпость ищезе, храбрии наша, страха наполънешася, бѣжаша, множайша же братья и чада наша въ плѣнъ ведени быша, гради многи опустѣли суть, села наша лядиною поростоша, и величество наше смѣрися, красота наша погыбе, богатство наше онѣмъ в корысть бысть, трудъ нашъ погании наслѣдоваша, земля наша иноплеменникомъ в достояние бысть, в поношение быхомъ живущимъ въскраи земля наша, в посмѣхъ быхомъ врагомъ нашимъ, ибо сведомомъ собѣ, аки дождь съ небеси, гнѣвъ господень!»; «Моисѣви что рече богъ: „Аще злобою озлобите вдовицю и сироту, взопьютъ ко мнѣ, слухомъ услышу вопль ихъ, и разгнѣваюся яростью, погублю вы мечемъ“. И ныне збысться о насъ реченое: не отъ меча ли падохомъ?»⁵⁰

Наиболее вероятно, такимъ образомъ, что авторъ «Слова о погибели», следуя литературной традиции (нашедшей позже продолжение у Серапиона), под «погибелью Русской земли» могъ иметь в виду только катастрофическое разорение Руси в результате Батыева нашествия. Маловероятно, чтобы под «погибелью» имелась в виду битва на Калке, не повлекшая за собой разорения Русской земли, или усобицы, поскольку последние расценивались в древнерусской литературе какъ явление, лишь могущее привести къ «погибели», но не какъ сама «погибель». Нетъ оснований понимать под «погибелью» ослабление военного потенциала Руси или смерть Ярослава Всеволодича — событие несравненно менее губительное для Руси, чемъ нашествие 1238—1240 гг.⁵¹ «Погибель» — татарское разорение — не тождественна, такимъ образомъ, «болезни» — усобицамъ, сделавшимъ это разорение возможнымъ.⁵² Скорее всего, заголовкомъ «Слова о погибели» авторъ хотелъ подчеркнуть, что предупреждение Ярослава Мудрого («Аще ли будете ненавидно живуще, в распрахъ и которающася, то погыбнете сами, и погубити землю отецъ своихъ и дѣдъ своихъ») сбылось, поэтому и счелъ необходимымъ упомянуть в заголовке об этомъ князе: «Слово о погибели Рускыя земли по смерти великого князя Ярослава» — т. е. путь къ «погибели» начался после времени Ярослава, в результате того, что потомки не придерживались его завета, жили в «распрахъ и которахъ» («болезнь»), которые (несмотря на сохранение могущества Русской земли при Владимирѣ Мономахе, его сыне и внуке, описанного в «Слове») в конце концовъ черезъ два века привели къ «погибели».

В заключительной фразѣ «Слова о погибели» младший изъ двухъ братьевъ Всеволодичей Ярославъ названъ впереди старшего Юрия («и до нынѣшняго Ярослава, и до брата его Юрья, князя Володимерьскаго»). Фактъ этотъ примечателен, поскольку древнерусская литература строго придерживалась

⁵⁰ Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981. С. 446, 448. Тема «погибели» (с четырехкратнымъ упоминаниемъ существительного «погибель») имеется также в «Повести о разорении Рязани Батыемъ», на что обращалъ внимание А. В. Соколовъ (С о л о в ъ в А. В. Заметки. . . С. 114), но в тексте, который, возможно, записанъ только в XV в. (см.: Л и х а ч ъ в Д. С. Текстология на материале русской литературы X—XVII веков. Л., 1983. С. 268—273).

⁵¹ Предположение Т. Н. Лариной о томъ, что заглавие «Слова о погибели» взято изъ другого произведения — о смерти Ярослава Всеволодича — неубедительно еще и потому, что нетъ серьезныхъ оснований предполагать какъ существование такого произведения, такъ и причинъ перенесения его заглавия на другую памятникъ.

⁵² Исследователемъ, считавшимъ, что «болезнь» — не княжеские усобицы, а нашествие Батыя, былъ Н. К. Гудзий. Онъ предположилъ, что в конце «Слова о погибели» не одна фраза, а две: «А в ты дни болезньъ крестьяномъ» и незаконченная — «Отъ великого Ярослава и до Володимера» и т. д., после которой должна была идти речь о томъ, «что было на Руси при перечисленныхъ князьяхъ до Батыева нашествия и что претерпѣла Русская земля, когда Батый вторгся в нее со своими полчищами» (Г у д з и й Н. К. О «Слове о погибели Рускыя земли». С. 541). Но о состоянии Руси при прежнихъ князьяхъ (Владимирѣ Мономахе, Юрии Долгорукомъ и Всеволоде Большомъ Гнездо) уже шла речь выше, поэтому такое предположение не кажется убедительнымъ.

в подобных случаях феодального этикета, требующего упоминания старших братьев раньше младших при перечислении.⁵³ Что касается Ярослава и Юрия, то они в летописных известиях часто упоминаются рядом, и почти во всех случаях первым назван Юрий.⁵⁴ В рассказе о битве на Липице 1216 г. в НЛ, однако, имеется исключение: «И ста Ярославъ и Гюрги съ братьею на рѣче Хзѣ».⁵⁵ Но вызвано это, скорее всего, тем, что Ярослав был зачинщиком усобицы и первоначально его тесть Мстислав Мстиславич с союзниками вели военные действия только против него; Юрий же с третьим братом, Святославом, присоединился к Ярославу перед решающей битвой.⁵⁶ В пользу этого говорит и форма единственного числа — «ста» вместо множественного «стапа», если бы речь шла о Ярославе, Юрии и «братьи», или двойственного «стаста», если бы «братья» не принималась в расчет и имелись бы в виду Ярослав и Юрий: единственное число говорит о том, что на Гзе «стал» Ярослав, а «Гюрги с братьею» присоединились к нему.

Нарушение этикета в «Слове о погибели» требует, таким образом, объяснения. Иногда его объясняют тем, что во время написания «Слова» Юрия уже не было в живых и Ярослав был великим князем Владимирским.⁵⁷ Однако в этом случае необъяснимо именование «князем Владимирским» Юрия⁵⁸ (при отсутствии титулования Ярослава) — оно правомерно лишь в случае, если Юрий так назван в отличие от Ярослава. Другой возможный вариант может быть сведен к тому, что Ярослав был назван впереди Юрия, потому что занимал место в княжеской иерархии, которое могло рассматриваться как более высокое. Временем, когда Ярослав занимал такое место, мог быть только период его киевского княжения.

Киевский стол в 30-е гг. XIII в. в значительной степени потерял свое былое значение, но автор «Слова о погибели», по-видимому, считал его высшим столом на Руси — Юрий Долгорукий подчеркнuto назван им «князем Киевским» (отцом его Юрию, князю Киевскому), хотя Киевом он владел в общей сложности только около четырех лет. Но есть ли основания считать, что если младший брат занимал киевский стол, это давало право называть его при перечислении впереди старшего? Случаи, когда у киевского князя были живые старшие родные братья, очень редки. Только в одном из таких случаев встречается упоминание таких братьев рядом. В 1149—1150 гг. Юрий Долгорукий княжил в Киеве. Его старший брат Вячеслав в это время владел Пересопницей (в западной части Киевской земли).⁵⁹ Юрий и Вячеслав много раз упоминаются рядом, и в большинстве случаев Вячеслав, как старший, стоит первым.⁶⁰ Но дважды первым назван Юрий: «. . . князь же Дюрги съ братомъ своимъ Вячеславомъ и съ всеми дѣтьми своими поидоша к Лючьску»;⁶¹ «. . . бысть же имъ вѣсть, оже идетъ князь Дюрги съ братомъ своимъ Вячеславомъ».⁶²

Но согласуются ли между собой вывод о «погибели» как нашествии Батыя и предположение о написании «Слова о погибели» в период киев-

⁵³ Младшие братья могли упоминаться раньше, если речь шла об их действиях по отношению к старшим; но при простом перечислении они всегда упоминались позже.

⁵⁴ ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 437—438, 440, 444, 455—456; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее — НЛ). М.; Л., 1950. С. 57, 59, 64

⁵⁵ НЛ. С. 56, 256.

⁵⁶ Там же. С. 55—56, 254—256. Рассказ НЛ о Липицкой битве признается первичным по отношению к более пространному рассказу летописей, восходящих к так называемому новгородско-софийскому своду 1448 г. (см.: Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 110—111).

⁵⁷ Еремин И. П. «Слово о погибели Русской земли». С. 351; Соловьев А. В. Заметки. . . С. 94; Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы. . . С. 121.

⁵⁸ Об этом справедливо писал Б. И. Яценко (Яценко Б. И. Деколиписание «Слово о погибели Руския земли». С. 56—58).

⁵⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 323, 326; Т. 2. Стб. 386.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 387—388, 391—392, 394 (всего 8 случаев).

⁶¹ Там же. Стб. 388; Т. 1. Стб. 324.

⁶² Там же. Т. 2. Стб. 389.

ского княжения Ярослава? Б. И. Яценко, исходя из этого последнего предположения, датирует написание «Слова» осенью 1235 г. При этом он, вскользь отметив известия о вокняжении Ярослава в Киеве Новгородской четвертой,⁶³ Московской Академической и Ипатьевской летописей, опирается на текст «Истории Российской» В. Н. Татищева, где говорится, что Ярослав вокняжился в Киеве в 1235 г., а в 1236 г. в Киеве сел Изяслав Мстиславич Смоленский.⁶⁴ Такая «выборочность» в привлечении летописных известий вряд ли оправдана; постараемся рассмотреть вопрос о киевских событиях 1235 и последующих годов, исходя из всего сохранившегося летописного фонда.

Большинство летописей, содержащих известия о южнорусских событиях этого времени (НІЛ, СІЛ, НІУЛ, Московско-Академическая, Ермолинская, Никаноровская, Московский свод конца XV в., Симеоновская, «Летописец от 72-х язык», Вологодско-Пермская, Тверской сборник, Воскресенская, Холмогорская), дают одну и ту же последовательность и хронологию событий: в 6743 (1235) г. Михаил Всеволодич Черниговский и Изяслав Мстиславич, взявший себе в союзники половцев, взяли Киев. Киевский князь Владимир Рюрикович попал в плен к половцам, но вскоре был ими отпущен за выкуп «в Русь». В Киеве вокняжился Изяслав Мстиславич. В 6744 (1236) г. в Киеве сел Ярослав Всеволодич, пришедший из Новгорода, а в Новгороде сел его сын Александр. Об оставлении Ярославом Киева эта группа летописей не говорит ничего.⁶⁵ В НІЛ и Тверском сборнике события излагаются подробно: рассказывается о предшествовавшей захвату Киева войне Михаила и Изяслава с Владимиром Рюриковичем и его союзником Даниилом Романовичем Галицким в Черниговской земле, сообщается, что после овладения Киевом Михаил захватил Галич и вокняжился там.⁶⁶

В НУЛ также говорится о захвате Михаилом и Изяславом в 6743 г. Киева и пленении Владимира Рюриковича, но сообщение о вокняжении Ярослава оказалось здесь поставлено в конце статьи 6743 г., вместо известия о вокняжении там Изяслава. Таким образом, в НУЛ имеет место сокращение изложенной выше версии событий (с частью летописей, представляющих ее, НУЛ генетически связана⁶⁷), приведенное к тому, что исчезла статья 6744 г.: после сообщения о вокняжении Ярослава в НУЛ сразу же начинается рассказ о событиях 6745 г.⁶⁸

Известие о вокняжении Изяслава Мстиславича в Киеве в 6744 г. встречаем только в Никоновской летописи. Согласно ее рассказу, в 6743 г. Киев брали не только Изяслав и Михаил, но и Ярослав Всеволодич, после чего Ярослав сел в Киеве, а в 6744 г. в Киеве сел Изяслав Мстиславич.⁶⁹ Появление такой версии может быть объяснено только как попытка согласовать известия двух разных источников Никоновской летописи. Главными ее источниками были Симеоновская (излагающая события 1235—

⁶³ Автор ошибочно пишет, что НІУЛ датирует вокняжение Ярослава в Киеве 1235 г.; в действительности — 1236 г. (ПСРЛ. Пг., 1915. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 214).

⁶⁴ Татищев В. Н. История Российская. М., Л., 1964. Т. 3. С. 230; Т. 4. С. 372; см.: Яценко Б. И. Де і коли написане «Слово о погибели Рускыя земли». С. 59—60.

⁶⁵ НІЛ. С. 74, 285; ПСРЛ. Л., 1925. Т. 5, вып. 1. С. 210; Пг., 1915. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 214; Т. 1, Стб. 513; СПб., 1910. Т. 23. С. 74; М.; Л., 1962. Т. 27. С. 42; М.; Л., 1949. Т. 25. С. 126; СПб., 1913. Т. 18. С. 54; М.; Л., 1963. Т. 28. С. 52, 210; М.; Л., 1959. Т. 26. С. 70—71; М., 1965. Т. 15. Стб. 363—364; СПб., 1856. Т. 7. С. 138; Л., 1977. Т. 33. С. 66.

⁶⁶ НІЛ. С. 74, 285; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 363—364.

⁶⁷ См.: Лурье Я. С. Генеалогическая схема летописей XI—XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 196.

⁶⁸ ПСРЛ. Пг., 1917. Т. 4, ч. 2, вып. 1. С. 208.

⁶⁹ ПСРЛ. М., 1965. Т. 10. С. 104.

1236 г. в соответствии с первой версией) и НВЛ.⁷⁰ НВЛ сообщала о вокняжении Ярослава в статье 6743 года (сразу же после рассказа о взятии Михаилом и Изяславом Киева), поэтому составитель Никоновской летописи сделал его участником южнорусской уособицы (это объясняло, почему именно Ярослав сел в Киеве после поражения Владимира Рюрика вича). В то же время в Симеоновской упоминалось о вокняжении в Киеве Изяслава Мстиславича, и это известие также было воспроизведено в Никоновской, но оказалось переставлено из 6743 в 6744 год. Никоновская летопись входила в число источников В. Н. Татищева,⁷¹ и, по-видимому, именно из нее известие о вокняжении Изяслава Мстиславича в 1236 г. попало в «Историю Российскую». Таким образом, версию об уходе Ярослава из Киева в 1236 г. и о вокняжении там Изяслава Мстиславича следует признать поздней летописной конструкцией.

Особое место занимает рассказ Ипатьевской летописи,⁷² в котором с детальной подробностью излагаются перипетии междоусобной войны в Южной Руси. Отличия этого рассказа от первой версии (назовем ее условно «новгородской») в хронологии событий и порядке смены князей на киевском столе сводятся к следующему: 1) сказано, что Ярослав отнял Киев у Владимира Рюриковича, а затем ушел в Суздальскую землю, после чего Киевом овладел Михаил Всеволодич («И потом приде Ярославъ Суждальскыи и взя Киевъ подъ Володимеромъ, не мога его держати, иде паки Суждалю, и взя под нимъ Михаилъ, а Ростислава, сына своего, остави в Галичи; и отъша от Данила Перемышль»⁷³); 2) о захвате Киева и Галича и пленении Владимира Рюриковича в Ипатьевском списке говорится под 6742 г., а о вокняжении и уходе Ярослава — под 6743 г. Это последнее, однако, не дает оснований ни датировать вокняжение Ярослава в Киеве 1235 годом, ни относить его уход с Киевского стола к тому же году, в котором он стал киевским князем. Галицко-Волинская летопись (к которой относится часть Ипатьевского свода, содержащая рассматриваемые известия) представляет собой повествование, в котором первоначально не было погодной сетки; проведенная позднее (составителем Ипатьевского списка начала XV в.) разбивка на даты во многом условна; летописцы по ходу изложения затрагивали как более ранние, так и позднейшие события.⁷⁴ Один из составителей летописи замечал по поводу своих принципов изложения, что «Хронографу же нужна есть писати все, и вся бывшая, овогда же писати в передняя, овогда же воступати в задняя. Чьтвы мудрыи разумѣть. Число же лѣтомъ здѣ не писахомъ, в задняя впишемъ. . . Вся же лѣта спишемъ, роцетъше во задняя».⁷⁵ В Хлебниковском и Погодинском списках Ипатьевской летописи интересующие нас статьи даны без абсолютной хронологии: вместо «В лѣто 6742» и «В лѣто 6743» стоит «в тож время».⁷⁶ Поскольку уособица, закончившаяся захватом Михаилом и Изяславом Киева и Галича, во всех других летописях датируется 6743 г., то южнорусские события, изложенные в Ипатьевской далее (включая известие о Ярославле), следует отнести к более позднему времени. Верхней датой здесь является рассказ о первом нападении татар на южную Русь, закончившемся взятием Переяславля и Чернигова: эти события имели место, как свидетельствуют другие русские и иностран-

⁷⁰ См.: К л о с с Б. Н. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С. 25—29, 32—43.

⁷¹ Т и х о м и р о в М. Н. О русских источниках «Истории Российской» // Т а т и щ е в В. Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 47.

⁷² ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 771—778.

⁷³ Там же. Стб. 777.

⁷⁴ См.: Ч е р е п н и н Л. В. Летописец Даниила Галицкого // ИЗ. М., 1941. Т. 12. С. 230—232; ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. С. IV—V.

⁷⁵ Там же. Стб. 820.

⁷⁶ Там же. Стб. 774, 778, примеч.

ные источники, в 1239 г.⁷⁷ Между рассказом об усобице 1235 г. и этими известиями Ипатьевская летопись излагает события явно не одного года; об этом говорит наличие относительной хронологии: сначала «лѣту же наставшу», потом вновь «лѣту же наставшу», затем «тое же осени», затем «веснѣ же бывши».⁷⁸ Известие о пребывании Ярослава в Киеве — предпоследнее в этом ряду: после него рассказывается только об отвоевании Даниилом Галича у сына Михаила Всеволодича Ростислава.⁷⁹

Два из известий, помещенных перед известием о Ярославе, могут быть точно датированы. Летопись говорит о взятии Даниилом Романовичем русского города, в котором обосновались немецкие крестоносцы.⁸⁰ Из польских источников известно, что князем Конрадом Мазовецким был пожалован крестоносцам во главе с Бруно русский город Дорогичин 8 марта 1237 г.⁸¹ Даниил, по летописи, разбил крестоносцев в марте («приаства град месяца марта, старѣшину ихъ Бруна яша и вои изоимаща»⁸²), т. е., очевидно, в том же году. Непосредственно перед сообщением о Ярославе помещено известие о визите Даниила и его брата Василька к венгерскому королю,⁸³ во время которого, получив весть о войне, начатой германским императором против австрийского герцога, Даниил и Василько хотели двинуться на помощь последнему, но король отговорил их, и они вернулись в свою землю.⁸⁴ Наступление императора Фридриха II на Фридриха Австрийского произошло зимой 1236/37 г.⁸⁵ Известие о Ярославе, помещенное следом, нужно, таким образом, отнести ко времени не ранее весны 1237 г. Но датировка вокняжения Ярослава в Киеве 6744 (1236) мартовским годом верна — она проверяется сопоставлением хронологии статей НПЛ старшего извода и Лаврентьевской летописи.⁸⁶ Поэтому, вероятнее всего, известие о Ярославе содержит припоминание более раннего события (вокняжения Ярослава в Киеве) в связи с помещением в летопись более позднего (уход его с киевского стола), и вводное слово «потом», определяющее относительную хронологию по отношению к приведенным выше известиям, связано по смыслу со словами «иде пакы Суждалю», а не со словами «приде. . . и взя Киевъ».⁸⁷ Иначе говоря, временем не ранее весны 1237 г. датируется оставление Ярославом Киева.

⁷⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469; Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 37. Перед этими известиями в Ипатьевской помещен рассказ о нашествии Батгя на Северо-Восточную Русь зимой 1237/38 г. Этот рассказ носит вставной характер (см.: Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 43—44, 55, 82) и соединен с южнорусскими событиями 1239 г. постольку, поскольку связан с ними одной темой — наступлением татар; поэтому нельзя утверждать, что среди южнорусских известий, помещенных перед этим рассказом, не может быть известий о событиях конца 1237—1238 г.; это возможно, так как южнорусские события, помещенные после описания разорения Северо-Восточной Руси, все относятся к 1239 г.

⁷⁸ ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 775—776.

⁷⁹ Там же. Стб. 777—778.

⁸⁰ Там же. Стб. 776.

⁸¹ См.: Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 258, 351.

⁸² ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 776.

⁸³ Этот визит не тождествен визиту 1235 г., во время которого Даниил участвовал в коронации короля Белы IV (см.: Пашуто В. Т. Внешняя политика. . . С. 257, 351); этот последний произошел сразу же по оставлении Даниилом Галича и в Ипатьевской летописи упоминается после рассказа об усобице (ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 774), датируемой всеми другими летописями 6743 (1235) годом.

⁸⁴ Там же. Стб. 776—777.

⁸⁵ См.: Пашуто В. Т. Внешняя политика. . . С. 258—259.

⁸⁶ См.: Бережков Н. Г. Хронология русского летоисчисления. М., 1963. С. 91, 104, 109, 262—266, 270. В НПЛ сообщение о вокняжении Ярослава в Киеве датируется тем же годом, что и завоевание татарами Волжской Болгарии (НПЛ. С. 74), а по Лаврентьевской летописи завоевание Болгарии произошло в том же году, что и затмение солнца (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 460), которое точно датируется 3 августа 1236 (6744 мартовского) года.

⁸⁷ То, что известие о Ярославе в Ипатьевской летописи стоит «на своем месте» в системе относительной хронологии, видно из того, что после него говорится о войне Даниила за Галич с Ростиславом Михайловичем, в то время как в вышеприведенном

Особую версию событий встречаем в украинской Густынской летописи (первая половина XVII в.). Здесь захват Киева Михаилом и Изяславом датируется 1235 г., Ярославом — 1236 г. Под тем же годом говорится, что Владимир Рюрикович «изшедь из Половецъ, изгна Ярослава Всеволодича съ Киева, а самъ сяде въ немъ на княжении; но непомнозъ изгна его паки Михайлъ Всеволодичъ Чернѣговский, и сяде въ немъ самъ на княжении, а Ростислава сына своего посади въ Галичи». ⁸⁸ Сравнение текста Густынской летописи за 1235—1236 гг. с более ранними летописями показывает, что в ней соединен текст Ипатьевской летописи (сокращенный) ⁸⁹ с текстом пространного варианта «новгородской» версии, очень близким к тексту, читаемому в Тверском сборнике: ⁹⁰

Густынская летопись

В лѣто 6743 (1235). Князи Руские заратишася со собою, и собрася Володымеръ Руриковичъ съ Кияны, и Данило Романовичъ зъ Галичанъ, и пойдоша на Чернѣговъ на Михаила Всеволодича Черного ку Чернѣгову; Михайл же имѣ со собою Изяслава Мстиславича Храбраго, иже абие егда услыша о сей брани, абие побѣже по Половци, а Володымеръ со Даниломъ обступиша Михаила Всеволодича и не могоша града взяти, токомо посадь взяша и пожгоша, и около Чернѣгова поплѣниша. Князь же Михайлъ сотвори нѣкую прелестъ: изыде изъ града и поби многое множество Галичанъ; Володымеръ же видя сию победу и поразумѣ, яко уже не одолѣти ему Михайлу, поиде со Даниломъ Романовичомъ и сяде въ Киевѣ. И негодѣ бысть сего зла: егда бо приведе Изяславъ Мстиславичъ Половцовъ, тогда пойдоша всѣ, си есть, Михайл и Изяславъ и Половци, ку Киеву, на Володымера и Данила. . . (далее текст, близкий к Ипатьевской). . . и потом пойдоша всѣ ку Киеву и взяша его, и многа зла сотвориша Кияномъ, а Володымерову жону и дѣти отдаша Половцомъ. Половци же много поплѣнившѣ и зла сотворишѣ около Киева, поведоша Володымера Киевского, со женою и дѣтми, во свою землю; но потомъ искупися отъ нихъ Володымеръ. А въ Киевѣ сяде Изяславъ Мстиславичъ. . . а Михайлъ Всеволодичъ Чернѣговский сяде въ Галичу.

В лѣто 6744 (1236). Ярославъ Всеволодичъ, братъ Юрия Московского, собрася со великою силою и прииде ку Киеву, и согна съ Киева Изяслава Мстиславича,

Тверской сборник

В лѣто 6743. Не хотя исперьва океанный и всепагубный диваоль роду челоувѣческому добра, въздвиже крамолу межи Рускими князи. . . Поиде князь великий Володымеръ Руриковичъ съ Кияны и Данило Романовичъ, Василковъ братъ, зятя великого князя Юрия Всеволодича, съ Галичанъ на князя Михаила Всеволодича Черного, (пра)внука Ольгова, къ Чернигову, а Изяславъ бѣжа въ Половци, и много воева Володымеръ около Чернигова, и посадь пожже; а князь Михайло выступи ис Чернигова, и сѣтвори прелестъ на Данилѣ Романовичи, и много бы Галичанъ, и бес числа; Данило же едва уиде, а Володымеръ пришедь, опять сѣде въ Киевѣ. И не (ту) бы того досыти зла, но прииде Изяславъ съ погаными Половцы, въ силѣ тяжчѣ и князь Михайло Всеволодичъ съ Черниговци подъ Киевъ, и взяша Киевъ; а великого князя Володымера Половци емше и княгиню его поведоша въ землю свою, и много зла сѣтвориша Кияномъ; а князь Михайло Черниговский сидѣ въ Галичи, а Изяславъ въ Киевѣ. И опять пустиша Половци великого князя Володымера, вземше на немъ окупъ, и княгиню его. . . А въ Киевѣ сидѣ князь великий Изяславъ Мстиславичъ храброго, внукъ Романовъ Ростиславича Смоленского. . .

В лѣто 6744. Поиде князь Ярославъ Всеволодичъ, внукъ Юриевъ Владимерича Манамахова, изъ Новгорода на Киевъ, на столь, пойма съ собою новгородци. . .

рассказе о попытках Данила отвоевать Галич его противником является сам Михаил — как раз в известии о киевском княжении Ярослава упоминается о посадении Михаилом в Галиче вместо себя сына. Что касается известия о том, что Ярослав взял Киев «под Володымером», то оно не противоречит «новгородской» версии: ни в одной из летописей, излагающих ее, не назван князь, которого сменил Ярослав на киевском столе. Учитывая большую осведомленность Галицко-Волынской летописи в южнорусских делах, можно полагать, что Владимир Рюрикович через некоторое время после возвращения из половецкого плена вернул себе на короткий период Киев, и Ярослав сменил на киевском столе действительно этого князя.

⁸⁸ ПСРЛ. СПб., 1843. Т. 2. С. 338.

⁸⁹ Ср.: Там же. С. 337—338; М., 1962. Т. 2. Стб. 773—777.

⁹⁰ Текст, близкий к Тверскому сборнику, читается в Густынской летописи также под следующими годами (в скобках называем известия, которые не встречаются нигде, кроме Тверского сборника и Густынской летописи): 988 (об отречении Владимира

а самъ сяде на княжении Киевскомъ. . . И пришедь съде въ Киевѣ на столѣ.⁹²
(далее текст, близкий к Ипатьевской, в том числе известие о смене Ярослава на киевском столе Владимиром Рюриковичем).⁹¹

Составитель Густынской летописи следовал датировке Тверского сборника и в соответствии с ней разделил текст Ипатьевской: извлечения из него о междоусобной войне поместил под 1235 г., сообщение о Ярославе — под 1236 г., а сообщение об отвоевании Даниилом Галича — под 1237 г.⁹³ Появление в Густынской летописи известия о вокняжении после Ярослава Владимира Рюриковича явно связано с перечнем киевских князей, помещенным в начале Ипатьевской летописи, где княжение Владимира указано после княжения Ярослава.^{93а} Возможно, что это указание неверно, поскольку перечень содержит немало ошибок (Ярослав следует сразу за погибшим на Калке Мстиславом Романовичем, не названы Изяслав Мстиславич, Михаил Всеволодич и т. д.). Но не исключено, что действительно имело место кратковременное княжение Владимира в Киеве после ухода Ярослава и до прихода из Галича Михаила.⁹⁴ Но в любом случае нет оснований

от Рогнеды и ее пострижения, об исцелении Ярослава), 990 (о разрушении идола Велеса в Ростове со ссылкой на Житие Авраамия Ростовского), 1016, 1201, 1202, 1203, 1204, 1206, 1207, 1208 (о трехнедельной осаде Всеволодом Черным Владимира Рюриковича в Переяславле — все другие летописи говорят об осаде Всеволодом Рюрика Ростиславича в Киеве), 1209, 1211, 1213, 1219, 1221, 1222, 1224, 1225, 1226 (о женитьбе Василька Романовича на дочери Юрия Всеволодича), 1228, 1230, 1233, 1239 (перечень епископов Переяславля Русского после сообщения о взятии города татарами), 1240, 1241, 1249 (см.: ПСРЛ. СПб., 1843. Т. 2. С. 258, 262—263, 327—336, 338—339, 341; Т. 15. Стб. 112—114, 135—136, 290—294, 303—304, 306—310, 313—315, 326, 332, 334—343, 346—347, 354, 360, 363—364, 373—375, 395—396). Вероятнее всего, именно Тверской сборник был главным после Ипатьевской летописи русским источником Густынской (в части до XIV в.). Вероятность этого подкрепляется украинским происхождением обоих полных списков Тверского сборника — Погодинского и Забелинского, их датировкой первой половиной XVII в. (время составления Густынской летописи), отмеченным А. А. Шахматовым фактом влияния Тверского сборника на начальные статьи украинского Хлебниковского списка Ипатьевской летописи XVI в., свидетельствующим об известности Тверского сборника в Южной Руси (см.: ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. С. X; Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 139—140). Обычно вторым по значению русским источником Густынской летописи вслед за В. С. Иконниковым называют Воскресенскую летопись (см., например: Мыцык Ю. А. Украинские летописи XVII в. Днепрпетровск, 1978. С. 12). Однако статьи Густынской летописи в части до XIV в., которые В. С. Иконников считал восходящими к Воскресенской (за 868, 988, 990, 1114, 1116 гг.; см.: Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1908. Т. 2, кн. 1. С. 1523), в действительности ближе текстуально к Ипатьевской (868, 1114, 1116) или Тверскому сборнику (988, 990) (см.: ПСРЛ. СПб., 1843. Т. 2. С. 238, 258, 262—263, 290—291; М., 1962. Т. 2. Стб. 16, 277, 282—284; Т. 15. Стб. 112—114; Т. 7. С. 23—24, 269, 311—313). Неосновательно и предположение В. С. Иконникова о связи статей Густынской 846 и 1225 гг. с Троицкой летописью; текст Густынской за 846 г. не имеет индивидуальных параллелей с Троицкой, а известие 1225 г. о поставлении митрополита Кирилла есть и в других летописях, в том числе в Тверском сборнике (см.: ПСРЛ. СПб., 1843. Т. 2. С. 235, 335; Приселков М. Д. Троицкая летопись. М.; Л., 1950. С. 57; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 335).

⁹¹ ПСРЛ. СПб., 1843. Т. 2. С. 337—338.

⁹² ПСРЛ. Т. 15. Стб. 363—364. Сходный текст есть в НЛ (с. 74, 285). Но только из чтения Тверского сборника (отсутствующего в НЛ) — Изяслав Мстиславичъ храброго, внук Романовъ Ростиславича Смоленского) — составитель Густынской мог произвести прозвище Изяслава «храбрый». Другие же летописи, представляющие «новгородскую» версию, дают лишь краткое сообщение: «в лѣто 6743. Пришедь князь Изяславъ Мстиславичъ с половци, а Михаилъ князь с Черниговци, сынъ Всеволожь, и взяша Киевъ. И князь Володимиръ Рюриковичъ княживъ гу 10 лѣтъ. И ише половци его, сведоша в землю свою. И оттолѣ ваяша искупъ на немъ и опустыша и въ Русь. И Изяславъ князь великий Мстиславичъ съде на столѣ в Киевѣ. В лѣто 6744. Съде на столѣ в Киевѣ князь великий Ярославъ Всеволодичъ» (ПСРЛ. Т. 5. 2-е изд. Вып. 1. С. 210, в других летописях — то же с незначительными расхождениями).

⁹³ ПСРЛ. СПб., 1843. Т. 2. С. 337—338.

^{93а} ПСРЛ. М., 1962. Г. 2. Стб. 2.

⁹⁴ Учет общей политической ситуации в Южной Руси этого времени позволяет оценить такое предположение как вероятное. Ярослав вряд ли действовал на юге в оди-

сомневаться в датировке ухода Ярослава из Киева временем не ранее весны 1237 г., поскольку Густынская летопись датирует его 1236 г., основываясь на датировке Тверского сборника; известие о вокняжении Ярослава дано в Густынской по Тверскому сборнику, а из текста Ипатьевской взято только известие об оставлении Ярославом Киева: поскольку в Ипатьевской об обоих этих событиях говорится вместе, составитель Густынской отнес их к одному году, тому, которым обозначено вокняжение Ярослава в Тверском сборнике — 1236.

Верхняя дата оставления Ярославом Киева определяется временем его вокняжения во Владимире — 1238 г., после разгрома татарам Северо-Восточной Руси.⁹⁵ О действиях Ярослава в начале 1238 г., во время нашествия, ничего неизвестно. Только летописная повесть о «Батыевом побоище» Лаврентьевской летописи указывает, что Юрий Всеволодич, став на р. Сити, «ждучи к собѣ брата своѣго Ярослава с полки и Святослава с дружиною своею».⁹⁶ Если верна точка зрения Г. М. Прохорова о позднем сложении повести Лаврентьевской летописи и малой ее достоверности по отношению к рассказам НІЛ и Ипатьевской,⁹⁷ то это известие можно признать не соответствующим действительности (в НІЛ и Ипатьевской его нет). Если все же считать его достоверным, то обращает на себя внимание следующее обстоятельство. Святослав, княживший в Юрьеве-Польском, присоединился (согласно Лаврентьевской повести) к Юрию, Ярослав нет. Между тем, если бы он находился в Переславле-Залесском, центре удела, полученного от отца, этот факт был бы трудно объяснить, так как от Переяславля до Сити ближе, чем от Юрьева. Переяславль был взят татарами, летописи (не только Лаврентьевская) говорят об этом, опять-таки не упоминая Ярослава.⁹⁸ Таким образом, вне зависимости от степени достоверности сообщения Лаврентьевской летописи можно полагать, что во время нашествия татар Ярослава в Северо-Восточной Руси не было. Остаются два варианта определения места, из которого он пришел на Владимирский стол в 1238 г. — Киев, в котором Ярослав вокняжился в 1236 г., и Новгород, из которого он ушел в Киев, посадив вместо себя сына Александра. В пользу обоих вариантов имеются прямые летописные известия, но содержатся они в поздних летописях. Сокращенные летописные своды конца XV в. (1493 и 1495 гг.), Русский Хронограф 1512 г., Устюжская летопись, Никоновская летопись и Степенная книга (XVI в.) указывают, что Ярослав в 1238 г. пришел во Владимир из Новгорода.

ночку, опираясь только на свой «двор» (новгородцы и новоторжцы, пришедшие с Ярославом в 1236 г. в Киев, через неделю были им отпущены; см.: НІЛ. С. 74, 285). В 1239 г., когда Ярослав вновь вмешался в южнорусские дела, у него были союзнические отношения с Даниилом Романовичем (ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 782—783). Владимир Рюрикович в 1235—1236 гг. был союзником Даниила. Возможно, Ярослав занял киевский стол по соглашению с этой коалицией князей (из-за того, что Владимир, вернувшись из половецкого плена и вновь занявший Киев, не мог его удержать в одиночку, в условиях, когда угроза исходила ему не только с востока, из Чернигова, но и с запада, из Галича, где обосновался Михаил). Ипатьевская летопись упоминает о пребывании Владимира (после возвращения из плена) у торков (ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 775). Не исключено, что в 1236 г. было установлено нечто вроде дуумвирата конца XII столетия — Ярослав владел Киевом, в Владимир — Киевской землей. Когда же Ярослав оставил Киев, он мог передать его Владимиру обратно (указание Густынской летописи, что Владимир «изгна» Ярослава из Киева, не может быть признано отражающим действительные отношения между этими князьями, так как применение формулировки «изгна» или «согна» при сообщении о смене князей на том или ином столе — особенность составителя Густынской летописи; см.: ПСРЛ. СПб., 1843. Т. 2. С. 330, 333, 337—338). Уход Ярослава изменил соотношение сил, и Михаил, оставив в Галиче Ростислава, быстро занял Киев, а перейдя в наступление против Даниила в Юго-Западной Руси, — и Перемышль.

⁹⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 467.

⁹⁶ Там же. Стб. 461.

⁹⁷ Прохоров Г. М. Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28.

⁹⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 464; НІЛ. С. 76, 288.

а в Новгороде оставил сына Александра.⁹⁹ Названные памятники связаны между собой: в числе источников Степенной книги была Никоновская летопись, рассказ о нашествии Батые Никоновской имел одним из источников Хронограф, русские известия Хронографа основаны на Сокращенном своде 1495 г., свод 1493 г. восходит к тому же протографу, что и свод 1495 г.;¹⁰⁰ протограф Сокращенных сводов лежит в основе Устюжской летописи начала XVI в.¹⁰¹ Происхождение известия о приходе Ярослава из Новгорода остается неясным: в сохранившихся летописных памятниках более раннего времени, чем конец XV в., его нет, и возможно, что это домысел позднего сводчика, поставившего вопрос, откуда Ярослав появился в Суздальской земле (в связи с явным его отсутствием там во время нашествия). В качестве комментария к такому предположению можно отметить, что в Сокращенных сводах конца XV в. и Устюжской летописи нет известия о вокняжении Ярослава в 1236 г. в Киеве, и составитель их протографа не имел оснований предполагать, что Ярослав мог прийти во Владимир из Киева; известий о княжении Ярослава в Новгороде в этих летописях также нет, но связь его с этим городом была, несомненно, более известным фактом, чем короткое киевское княжение.¹⁰²

О приходе Ярослава во Владимир из Киева говорится в Воскресенской летописи, причем сообщается, что после него в Киеве сел Михаил Всеволодич Черниговский.¹⁰³ Это добавление делает известие сходным с рассмотренным выше сообщением Ипатьевской летописи под 6743 г. А. Н. Насонов полагал, что рассказ Воскресенской о нашествии Батые восходит через Московский свод 1479 г. к СИЛ, а в этой последней составлен из трех источников: близкого к Лаврентьевской летописи, близкого к НИЛ и южнорусского, близкого к Ипатьевской летописи.¹⁰⁴ Но в СИЛ вообще нет сообщения о вокняжении Ярослава во Владимире, а в Московском своде не указывается, откуда пришел Ярослав.¹⁰⁵ Следовательно, либо составитель Воскресенской летописи непосредственно обращался в данном случае к южнорусскому источнику,¹⁰⁶ либо Воскресенская летопись полнее сохранила первоначальный текст рассказа о нашествии Батые, в то время как в сохранившихся списках СИЛ и Московского свода сообщение о приходе Ярослава из Киева оказалось исключено. Датировалось ли оно в южнорусском источнике сообщения Воскресенской летописи 1238 годом или перенос его на эту дату — результат поздней обработки текста

⁹⁹ ПСРЛ. Т. 27. С. 235, 320; Л., 1982. Т. 37. С. 30, 70; СПб., 1911. Т. 22, ч. 1. С. 399; Т. 10. С. 113; Т. 21, ч. 1. С. 265.

¹⁰⁰ См.: К у с к о в В. В. Степенная книга как литературный памятник XVI века: Автореф. дис. . . канд. филол. наук. М., 1952. С. 6—8; К л о с с Б. М. 1) Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. С. 145; 2) О времени создания Русского Хронографа // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 246—249; Л у р ь е Я. С. Общерусские летописи. . . С. 186.

¹⁰¹ С е р б и н а К. Н. Устюжское летописание XVI—XVIII вв. Л., 1985. С. 125. Я. С. Лурье предполагает, что Устюжская летопись связана с протографом Сокращенных сводов не непосредственно, а через их общий источник — Кирилло-Белозерский свод 70-х гг. XV в. (Л у р ь е Я. С. Общерусские летописи. . . С. 125).

¹⁰² В Степенной книге, в числе источников которой были летописи, содержащие известие о вокняжении Ярослава в 1236 г. в Киеве (СИЛ и Воскресенская, см.: К у с к о в В. В. Степенная книга. . . С. 6—8), делается попытка согласовать это известие с сообщением о приходе Ярослава во Владимир из Новгорода: «. . . ему же тогда в нашествие Батыево прешедшу из Киева въ великий Новгородъ» (ПСРЛ. Т. 21, ч. 1. С. 253), т. е. уход Ярослава из Киева датируется зимой 1237/38 г.

¹⁰³ ПСРЛ. Т. 7. С. 143—144.

¹⁰⁴ Н а с о н о в А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII века. М., 1969. С. 180—184.

¹⁰⁵ См.: ПСРЛ. Т. 5. 2-е изд. Вып. 1. С. 217; Т. 25. С. 130.

¹⁰⁶ Непосредственное отражение в Воскресенской летописи южнорусского источника, близкого к Ипатьевской, предполагали М. Д. Приселков, Д. С. Лихачев, В. Т. Пашуто (П р и с е л к о в М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940. С. 46, 95; Л и х а ч е в Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 474; П а ш у т о В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 21—25).

(в этом случае следует полагать, что сводчик отождествил уход Ярослава «Суждалю», упоминаемый в южнорусском источнике, с указанием другого источника о его вокняжении во Владимире в 1238 г.), судить трудно.

Таким образом, прямые летописные известия о том, откуда пришел Ярослав на Владимирское княжение, не дают веских оснований для предпочтения Новгорода Киеву или наоборот. Проясняет вопрос обращение к косвенным данным. НПЛ, фиксирующая все факты вокняжения в Новгороде князей, в том числе и многократные занятия киевского стола Ярославом, ничего не говорит о его княжении там после 1236 г.: с этого времени и до 1241 г. в Новгороде княжит Александр Ярославич.¹⁰⁷ Поэтому наиболее вероятным кажется, что уход Ярослава из Киева в Суздальскую землю, о котором говорит Ипатьевская летопись, и его приход на Владимирское княжение после гибели брата Юрия — одно и то же, и Ярослав находился на киевском столе до весны 1238 г.¹⁰⁸

Таким образом, следует признать, что вывод, согласно которому под «погибелью» в «Слове о погибели Руския земли» имеется в виду нашествие Батя, и предположение о том, что во время создания «Слова» Ярослав Всеволодич был киевским князем, не противоречат друг другу, с той лишь оговоркой, что речь может идти лишь о нашествии на Северо-Восточную Русь зимой 1237/38 г.; во время нашествия Батя на Южную Русь Ярослав уже был князем Владимирским.

Предположение, что в «Слове о погибели» Ярослав назван впереди Юрия потому, что во время создания этого произведения он был киевским князем, хорошо объясняет перечень князей в заключительной фразе сохранившегося отрывка: «. . . от великаго Ярослава и до Володимера, и до нынѣшняго Ярослава». Здесь перечислены киевские князья: Ярослав Мудрый, при котором «болезнь» междоусобиц еще не проявилась и который предупреждал, согласно летописи, о том, что распри и «которы» приведут к «погибели»; Владимир Мономах — князь, сумевший задержать развитие «болезни», чьими устами летопись предсказывала в 1097 г., как совершится «погибель Русской земли», князь, наиболее грозный для врагов Руси, и «нынешний» киевский князь. В отличие от этих князей Юрий назван после Ярослава с титулом «князь Владимирский» — очевидно, потому, что в несохранившейся части «Слова» речь должна была пойти о нашествии Батя на возглавляемое им Владимиро-Суздальское княжество.

Рассмотрение понятия «погибель Руской земли» и возможных причин упоминания Ярослава впереди Юрия приводят к предположению, что «Слово о погибели Руския земли» было написано в первой половине 1238 г., как отклик на Батыево нашествие на Северо-Восточную Русь. Было ли оно написано до гибели Юрия в битве на Сити 4 марта или после нее, судить трудно, но во всяком случае создание «Слова» следует отнести ко времени до возвращения Ярослава из Киева в Северо-Восточную Русь, после которого он стал владимирским князем и Юрий уже не мог иметь этот титул.

Место написания «Слова о погибели» определяется перечнем народов, соседних Руси: «Отъѣле до Угорь и до Ляховъ, до Чаховъ, от Чаховъ до Ятвязи и от Ятвязи до Литвы, до Нѣмецъ, от Нѣмецъ до Корѣлы, от

¹⁰⁷ НПЛ. С. 53, 61, 64—65, 70, 74, 77—78, 163 (перечень новгородских князей: «. . . и опять Ярослав Всеволодиць; и по немъ сынъ его Александръ Храбрыи; и по немъ брат его Андрѣи; и опять Александръ»), 252, 263, 269, 278.

¹⁰⁸ Юрий, следовательно, в январе—феврале 1238 г. ожидал Ярослава с полками (если сообщение об этом Лаврентьевской летописи достоверно) скорее всего из Киева, куда при известии о начале наступления татар была послана весть. То, что Ярослав покинул Киев только в 1238 г., предполагали М. С. Грушевский и (со ссылкой на Воскресенскую летопись) А. В. Соловьев (Грушевский и М. С. История Украины — Руси. Львів, 1905. Т. 2. С. 249; Соловьев А. В. Заметки. . . С. 99). Известие о приходе Ярослава из Новгорода следует признать поздним домыслом, если только оно не отражает вероятного в принципе факта: заезда Ярослава в 1238 г. в Новгород к сыну перед возвращением в Северо-Восточную Русь, только что покинутую полчищами Батя.

Корѣлы до Устьяга, гдѣ тамо бяху Тоимици погании, и за Дюшючимъ моремъ, от моря до Болгарь, от Болгарь до Буртасъ, от Буртасъ до Чермись, от Чермись до Мордъви — то все покороено было богомъ. . .» Перечень начинается от Венгрии, идет на север, северо-восток, восток, юго-восток, юг. Очевидно, что тем «отселе», от которого ведет отсчет автор и к которому ближе всего Венгрия, был не Новгород и не Северо-Восточная Русь, а Русь Южная, т. е., вероятнее всего, тот же Киев. Как уже говорилось, В. В. Данилов и Ю. К. Бегунов предполагали, что «Слово о погибели» было написано на северо-востоке, но южно-русом по происхождению.¹⁰⁹ Однако такие названные ими черты памятника, как отзвуки южных легенд о Владимире Мономахе, следы влияния «Повести об Индии богатой», упоминание виноградников, знание половецких обычаев могли проявиться и у автора-северянина, если он пребывал около двух лет в Киеве в период княжения там Ярослава Всеволодича. Более существенно, что у автора «Слова о погибели» Владимиро-Суздальское княжество входит в понятие «Русской земли». Для южнорусского летописания XIII в. характерно употребление терминов «Русская земля», «Русь», «русские князья», «русские города» по отношению только к Южной Руси (часто включая Галицко-Волынскую землю), ее городам и князьям.¹¹⁰ Северо-Восточная Русь именуется «землей Суздальской», ее города — «городами Суздальскими».¹¹¹ В северо-восточном и новгородском летописании часто встречается такое же употребление названий «Русь» и «Русская земля»,¹¹² но бывает и более широкое, при котором в понятие «Русской земли» входит Владимиро-Суздальское княжество. Во Владимирской летописи под 1206 г. рассказывается о том, как Всеволод Большое Гнездо напутствовал своего сына Константина, отправляя его на княжение в Новгород: «. . .не токмо богъ положилъ на тебѣ старѣшинство в братъи твои, но и въ всеи Русской земли и язъ ти даю старѣшинство, поѣди в свои городъ».¹¹³ В рассказе о перезахоронении Юрия Всеволодича во Владимире в 1239 г. присутствовавшие на нем князья названы «русскими».¹¹⁴ В НЛ нашествие Батия 1237—1238 гг. на Северо-Восточную Русь названо «божьим поущением» «на всеи Русьской земле».¹¹⁵ Под 1257 г. говорится: «Приде вѣсть изъ Руси зла, яко хотять Татарове тамгы и десятины на Новѣгородѣ; из дальнейшего изложения видно, что татарские послы приехали из Северо-Восточной Руси».¹¹⁶

То, что автор «Слова о погибели» определил разгром Батием Владимиро-Суздальского княжества в 1238 г. как «погибель Русской земли», говорит скорее всего в пользу его северо-восточного происхождения. Вероятнее всего, он был переяславцем, приближенным Ярослава Всеволодича, и написал свое «Слово» весной 1238 г. в Киеве, после получения там трагических вестей из Владимиро-Суздальской земли.

Другим предметом спора является расстановка знаков препинания в первой части «Слова о погибели Русской земли». Первый издатель его — Х. М. Лопарев — расставил их здесь следующим образом: «О свѣтло свѣтлая и украсно украшена земля Руськая! и многими красотоми удивлена еси: озеры многими удивлена еси, рѣками и кладязми мѣсточестными, горами крутыми, холми высокими, дубравами частыми, полми дивными, звѣрьми разлычными, птицами бещисленными, города вели-

¹⁰⁹ Данилов В. В. «Слово о погибели Русская земля» . . . С. 140—142; Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы. . . С. 122—123.

¹¹⁰ ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 725—726, 730, 736, 738, 740, 745, 755, 757, 766, 773, 778, 781, 784, 786, 807.

¹¹¹ Там же. Стб. 779—780, 785.

¹¹² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 417—421, 429—430, 446—447; НЛ. С. 45, 52—53, 58, 60, 62, 239, 249, 251, 259, 262, 264—265.

¹¹³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 422.

¹¹⁴ Там же. Стб. 467.

¹¹⁵ НЛ. С. 76, 289.

¹¹⁶ НЛ. С. 82, 309.

кыми, селы дивными, винограды обителными, дома церковными, и князьями грозными, бояры честными, вельможами многими! Всего еси исполнена земля Руская, о прававѣрная вѣра хрестияньская!». ¹¹⁷ Большинство позднейших издателей приняли такую пунктуацию, при которой все эпитеты стоят после определяемых существительных. Для «озер», «городов», «сел», «виноградов», «домов», «князей», «бояр» и «вельмож» иной вариант и невозможен. Но появилась точка зрения, согласно которой эпитеты к остальным существительным («горы», «холмы», «дубравы», «поля», «звери») стоят в препозиции, «реки и кладязи» эпитета не имеют, а у «птиц» два эпитета — один в препозиции, другой в постпозиции: «. . . озера многими удивлена еси, рѣками и кладязми, мѣсточестными горами, крутыми холми, высокими дубравами, чистыми польми, дивными звѣрьми, различными птицами бесчисленными, города великими. . .» Такую пунктуацию предложил М. В. Горлин. ¹¹⁸ Он исходил при этом из пунктуации Рижского списка, где единственный имеющийся в рукописях «Слова о погибели» пунктуационный знак — точка — стоит после слов «кладязми», «горам», «холми», «звѣрьми», «бесчисленными». Это мнение было подвергнуто критике Н. К. Гудзием, А. В. Соловьевым и Н. А. Мещерским. Их возражения могут быть сведены к следующему: 1) нельзя исходить из пунктуации позднего списка; ¹¹⁹ 2) нарушается ритмика произведения (сначала два существительных без эпитета, затем четыре с эпитетами в препозиции, одно с двумя эпитетами с обеих сторон и семь с эпитетами в постпозиции); ¹²⁰ 3) сочетание «месточестные горы» бессмысленно, так как «месточестными» (т. е. «местно чтимыми») на Руси могли быть только «кладязи» — водные источники. ¹²¹ В недавнем издании «Слова о погибели» в серии «Памятники литературы Древней Руси» Л. А. Дмитриев вернулся к пунктуации Горлина с некоторыми изменениями: «. . . озера многими удивлена еси, рѣками и кладязми мѣсточестными, горами, крутыми холми, высокими дубравами, чистыми польми, дивными звѣрьми, различными птицами, бесчисленными города великими, селы дивными. . .». ¹²² При такой расстановке знаков препинания остаются, однако, в силе возражения Н. К. Гудзия, А. В. Соловьева и Н. А. Мещерского относительно нарушения ритмики «Слова»: при существительных «озера» и «реки и кладязи» эпитеты стоят в постпозиции, «горы» оказываются без эпитета, затем эпитеты к пяти существительным стоят в препозиции, «города» имеют два эпитета с обеих сторон, после чего вновь совершается переход к постпозиции эпитетов.

Главным аргументом сторонников препозиции части эпитетов было то, что эпитет «чистые» приложим к «полям», но не к «дубравам». Чтение «чистыми» дает Рижский список, в Печерском это слово написано под титулом — «чстыми», отражая чтение архетипа обоих списков. ¹²³ Х. М. Лопарев предположил, что в первоначальном тексте было не «чистыми», а «частыми», и привел пример сочетания «дубрава частая» (т. е. густая). ¹²⁴ Н. А. Мещерский заметил, что и сочетание «чистая дубрава» имеет смысл,

¹¹⁷ Лопарев Х. М. «Слово о погибели Руския земли» . . . С. 18—19.

¹¹⁸ Gorlin M. Le Dit. . . Р. 23.

¹¹⁹ Мещерский Н. А. К реконструкции текста «Слова о погибели Руския земли» // Вестн. ЛГУ. Сер. История, язык, литература. 1963. № 14, вып. 3. С. 51.

¹²⁰ Гудзий Н. К. О «Слове о погибели Руския земли». . . С. 544—545; Соловьев А. В. Заметки. . . С. 90—92; Мещерский Н. А. К реконструкции. . . С. 51—52.

¹²¹ Соловьев А. В. Заметки. . . С. 91; Мещерский Н. А. К реконструкции. . . С. 52. С мнением о постпозиции всех эпитетов в первой части «Слова о погибели» согласился Ю. К. Бегунов, посвятивший специальный параграф проблеме ритмики памятника (Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы . . . С. 123—134).

¹²² См.: Памятники литературы Древней Руси: XIII век. С. 130.

¹²³ См.: Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы. . . С. 24—25, 154—155.

¹²⁴ Лопарев Х. М. «Слово о погибели Руския земли». . . С. 18.

так как дубрава — это собственно «чистая» роща, т. е. состоящая из деревьев одной породы.¹²⁵ Правда, в таком значении эпитет «чистый» в приложении к существительному «дубрава» в древнерусских текстах не встречается. Но в «Материалах» И. И. Срезневского он приводится в сочетании со словом, обозначающим однородный хвойный лес — «бор»: «. . . ста шатры на бору чистѣ»; И. И. Срезневский дает здесь значение «редкий, без зарослей».¹²⁶

Таким образом, более убедительным представляется мнение о позиции всех эпитетов в первой части «Слова о погибели». Представляется справедливой и принятая почти во всех изданиях «Слова о погибели» постпозиция сказуемого «удивлена еси» по отношению к дополнению в обоих случаях его употребления: «И многими красотами удивлена еси: озера многими удивлена еси, рѣками и кладязми мѣсточестными. . .» Ю. К. Бегунов во втором случае отнес сказуемое к «рекам и кладязям» и поставил запятую после слова «многими».¹²⁷ Думается, для такой поправки нет оснований. В первом случае употребление сказуемого «удивлена еси» после дополнения бесспорно: «. . . и многими красотами удивлена еси». В последующем тексте эти красоты называются; первыми упомянуты озера с добавлением того же сказуемого, а затем дополнения даются уже без него. Правильная мысль Ю. К. Бегунова о том, что однородные члены (дополнения) зависят от одного сказуемого — «удивлена еси»,¹²⁸ не согласуется в данном случае с его расстановкой знаков препинания, поскольку «озера многие» остались не связаны с этим сказуемым, будучи отделены от него запятой.

Во всех изданиях «Слова о погибели Руския земли» первая часть заканчивается восклицанием «Всего еси исполнена земля Руская, о прававѣрная вѣра хрестиянская!», приводимым как единая фраза. Только В. В. Данилов при цитировании «Слова» давал первую половину этой фразы как отдельное восклицание — «Всего еси исполнена земля Руская!»¹²⁹ При таком прочтении два восклицания идут подряд, вероятно, поэтому оно не допускалось никем из издателей памятника. Но при принятом объединении их в одно оказывается, что междометие «о» не начинает фразу, а находится в середине нее — случай исключительный в практике издания древнерусских памятников. Он был бы правомерен, только если бы обе части фразы действительно составляли смысловое целое. Представляется, что это не так. Восклицание «Всего еси исполнена земля Руская!» является итогом перечисления красот Русской земли, чему посвящена первая часть «Слова». Восклицание «О прававѣрная вѣра хрестиянская!» начинает вторую часть произведения, в которой речь идет уже не о красоте Русской земли, а о могуществе ее народа и возглавляющих его князей. Народ Руси назван здесь «крестиянским языком» («. . . то все покороно было богомъ крестиянскому языку поганьскыя страны. . .»), что перекликается с восклицанием «о прававѣрная вѣра хрестиянская!», где тоже подчеркивается религиозное единство Руси по отношению к соседям. Подобно тому как первая часть «Слова о погибели» открывается восклицанием, начинающимся с «о» («О свѣтло свѣтлая и украсно украшена земля Руськая!»), зачин второй части представляет собой аналогично построенное восклицание — «О прававѣрная вѣра хрестиянская!»

Во всем тексте первой и начала второй части «Слова о погибели» наиболее правильной кажется, таким образом, следующая расстановка знаков препинания:

¹²⁵ Мещерский Н. А. К реконструкции. . . С. 51; ср.: Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. М., 1978. Вып. 5. С. 93.

¹²⁶ Срезневский И. И. Материалы. Т. 3. Стб. 1532.

¹²⁷ Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы. . . С. 130, 182.

¹²⁸ Там же. С. 130.

¹²⁹ Данилов В. В. «Слово о погибели Руския земли». . . С. 139.

О свѣтло свѣтлая и украсно украшена земля Руская!
 И многими красотами удивлена еси:
 озеры многими удивлена еси,
 рѣками и кладязьми мѣсточьными,
 горами крутыми, холми высокими,
 дубравами чистыми (вар.: частыми), полми дивными,
 звѣрьми различными, птицами бецисленными,
 города великими, селы дивными,
 винограды обителными, дома церковными,
 и князьми грозными, бояры честными, вельможами
 многими.

Всего еси исполнена земля Руская!

О прававѣрная вѣра хрестиянская!
 Отъсле до Угорь...
 ...То все покороено было богомъ
 хрестиянскому языку поганьскыя страны...

Еще одной проблемой изучения «Слова о погибели Руския земли» является его отношение к «Слову о полку Игореве». Наиболее обстоятельно этот вопрос был рассмотрен А. В. Соловьевым, который привел много лексических, грамматических, жанровых параллелей между двумя памятниками и пришел к выводу, что оба они относятся к одной школе светского лиро-эпического творчества; при этом автор полагал, что вопрос о том, знал ли автор «Слова о погибели» «Слово о полку Игореве» и подражал ли ему, решить трудно.¹³⁰ Д. С. Лихачев отметил жанровое сходство произведений — оба представляют собой сочетание «славы» и «плача».¹³¹ Изучение вопроса продолжил Б. А. Рыбаков. Он указал, что автор «Слова о погибели» «принял историческую схему „Слова о полку Игореве“: после благополучных лет Ярослав (Мудрого) начались годы крамол и усобиц, началась „болезнь“, продолжавшаяся до Владимира (Мономаха); болезнь проявилась и при нынешних князьях (для автора 1185 г. — при Игоре, а для автора начала XIII в. — при сыновьях Всеволода Большое Гнездо)».¹³² Более того, по мнению Б. А. Рыбакова, прославление Владимира Мономаха в «Слове о погибели» (от слов «которым то половыци. . .» до слов «далече будучи за синим морем») является цитатой из несохранившейся части исторического раздела «Слова о полку Игореве».¹³³ Это предположение не кажется убедительным, поскольку требует слишком сильного допущения: что в «Слове о погибели» была процитирована именно та часть «Слова о полку Игореве», которая не сохранилась в составе собственно этого последнего. Однако указание Б. А. Рыбакова на близость исторических взглядов авторов двух «Слов» является весомым аргументом в пользу знакомства автора XIII в. со «Словом о полку Игореве».

Может быть развито и положение о жанровой близости между «Словом о полку Игореве» и «Словом о погибели Руския земли». «Слово о полку Игореве» часто справедливо определяется как лиро-эпическое произведение. Действительно, сопоставление символики «Слова о полку Игореве» с символикой эпосов разных стран Европы и Востока выявило значительное их сходство (символика «света» и «тьмы», солнечная символика, символика «золота»)¹³⁴ Несомненны в «Слове о полку Игореве» и лири-

¹³⁰ Соловьев А. В. Заметки. . . С. 109—112.

¹³¹ Лихачев Д. С. Слово о полку Игоря Вячеславича // Слово о полку Игореве. Л., 1967. С. 30—35.

¹³² Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. С. 80.

¹³³ Там же. С. 81—85.

¹³⁴ См.: Робинсон А. Н. 1) Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI—XIII вв. М., 1980. С. 242—313; 2) Литература Киевской Руси в мировом контексте // Славянские литературы: IX Международный съезд славистов (Киев, сент. 1983 г.). М., 1983. С. 18—20; 3) «Слово» в поэтическом контексте мирового средневековья // ВЛ. 1985. № 6. С. 123—134.

ческие черты: сильное авторское начало, высокий удельный вес «размышления по поводу событий» при относительной слабости собственно повествовательной фабулы.¹³⁵ Кроме того, в «Слове о полку Игореве» имеется элемент публицистический, выразившийся в яркой политически злободневной направленности произведения, его главном идейном содержании — призыве к единству действий перед лицом внешней опасности. Отчетливо выраженная публицистичность — черта, характерная для многих произведений литературы Древней Руси: ряда летописных повестей, «Поучения» Владимира Мономаха и его письма к Олегу Святославичу, «Слова Даниила Заточника». Особенность публицистичности «Слова о полку Игореве» заключается в ее историческом характере. Б. А. Рыбаков справедливо отмечает, что «Слово о полку Игореве» — «не только возвышенная», «украшно-украшенная» поэма, но и мудрый историко-политический трактат».¹³⁶ Исторический характер публицистичности «Слова о полку Игореве» в том, что «нынешнее» время сопоставляется в нем с прошлыми событиями русской истории. Такая черта характерна для таких предшествовавших «Слову о полку Игореве» произведений, как так называемое «Предисловие к Начальному своду конца XI в.», дошедшее в составе НЛ,¹³⁷ и «Слово о князьях» (вторая половина XII в.).¹³⁸ Для этих произведений, однако, свойственна идеализация прошлого («в укор» современности). «Слово о полку Игореве» прошлое не идеализирует, показывая и негативные явления, возникшие в нем и продолжающиеся до времен «нынешних»: наряду с воспоминаниями о могуществе «Старого Владимира» и доблестных делах Всеслава Полоцкого автор с горечью рассказывает о «крамолах» Олега Святославича, последовавших после «лет Ярославлих» и начавших эпоху княжеских распрей, приведших к ослаблению Руси перед лицом половецких набегов.¹³⁹

Таким образом, «Слово о полку Игореве» сочетает в себе эпические, лирические и публицистические черты, и органичное соединение в нем разных жанров во многом и обуславливает силу художественного восприятия этого произведения. В «Слове о гибели Рускыя земли», несмотря на его краткость, наличествует такое же сочетание. Лирический характер носит описание красот Русской земли в первой части произведения. Эпические черты видны в гиперболическом изображении мощи Владимира Мономаха: «. . . дѣду его Володимеру и Манамаху, которымъ то Половци дѣти своя ношаху в колыбѣли, а Литва из болота на свѣтъ не выникываху, а Угры твердыху камены города желѣзными вороты, абы на нихъ великыи Володимеръ тамо не възѣхаль, а Немци радовахуся, далече будуче за синимъ моремъ. Бургасы, Черемиси, Вяда и Морьдва бортьничаху на князя великого Володимера. И жюри Мануилъ цесарь-городскыи, опасъ имѣя, поне и великыи дары посылаше к нему, абы подъ нимъ великыи князь Володимеръ Цесарьгорода не взялъ». Наконец, в упоминании в последней фразе сохранившегося отрывка о «болезни» — усобицах, приведших к упоминаемой в заглавии «погибели Рускыя земли», отразился публицистический характер задуманного произведения. И эта публицистичность сходна с той, которую видим в «Слове о полку Игореве». Автор обращается к истории, но не идеализирует прошлое — к этому прошлому равно относится и могущество Руси при Владимире

¹³⁵ См.: Л и х а ч е в Д. С. Сюжетное повествование в памятниках, стоявших вне жанровых систем XI—XIII вв. // Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 196 — 204; В о р т Д. С. Лирический элемент в «Слове о полку Игореве» / Слово о полку Игореве: Комплексные исследования. М., 1988.

¹³⁶ Р ы б а к о в Б. А. Историзм «Слова о полку Игореве»: К 800-летию «Слова о полку Игореве» // История СССР. 1985. № 5. С. 36.

¹³⁷ НЛ. С. 103—104.

¹³⁸ Памятники литературы Древней Руси: XII век. М., 1980. С. 339—344.

¹³⁹ Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 15—16, 25—26.

Мономахе, его сыне Юрии и внуке Всеволоде, и «болезнь», начавшаяся от «великого Ярослава» (по смерти Ярослава Мудрого).

Жанровое сходство «Слова о погибели Рускыя земли» со «Словом о полку Игореве» представляется, таким образом, очень тесным: оба они (и только они из сохранившихся произведений русской литературы домонгольского периода) сочетают в себе черты эпоса, лирики и публицистики. Очень вероятно, что автор «Слова о погибели» был знаком со «Словом о полку Игореве», хотя отсутствие прямых текстуальных заимствований не позволяет утверждать это категорически. Три списка, обнаруженных в новое время — один «Слова о полку Игореве» и два «Слова о погибели Рускыя земли», — составляют то драгоценное наследие, которое дошло от светской лиро-эпической публицистической литературы Руси XII—XIII вв.

Я. С. ЛУРЬЕ

Летописи первой половины XV в. как литературные и исторические памятники

Характеристика основных летописных сводов XV в. как литературных и исторических памятников имеет первостепенное значение для исследователей истории образования единого Русского (Московского) государства. Летописи эти привлекаются почти в каждой работе, посвященной истории или литературе XV в., но специального исследования их как источников по истории данного периода пока не существует. Благодаря трудам А. А. Шахматова и его последователей, в первую очередь М. Д. Приселкова и А. Н. Насонова, в значительной степени установлены взаимоотношения между сводами XV в. Однако выводы этих исследователей далеко не всегда и не полностью учитываются в исследованиях по истории литературы и по истории; чаще всего летописные повести и известия рассматриваются сами по себе — независимо от сводов, в составе которых они дошли до нас.

Известно, что летопись, как и любой источник, может быть привлечена с двумя исследовательскими целями: во-первых, как свидетельство, на основе которого возможно установление конкретного факта или группы фактов, и, во-вторых, как памятник культуры и общественной мысли определенной эпохи («исторический остаток», «остаток прошлого»). Вторая из указанных задач редко ставилась в науке XVIII—XIX вв., склонной к несколько механическому разделению источников на «истинные» и «ложные». Историки XIX в. обратили внимание на то, что источник, даже сообщая неверные или тенденциозные сведения об определенных событиях, представляет значительный интерес, так как его рассказ характеризует самый памятник, его тенденции, назначение, идеологию автора и т. д. Изучение летописи как литературно-политического памятника получило распространение в литературоведческих исследованиях XX в., все более обособляющихся от чисто исторического источниковедения.

В принципе, конечно, подход к памятнику как к «остатку прошлого» не противоречит и подходу к нему как к источнику. Летописи XV в. являются, бесспорно, основным источником по политической истории этого периода. Но, обращаясь к летописным, как и ко всяким иным источникам, мы должны ясно разграничивать оценку их как носителей информации о конкретных фактах и как публицистических и литературных памятников.

В настоящее время историк и филолог, занимающийся историей XV в., оказывается в несравненно лучшем положении, чем его предшественники, работавшие до появления трудов А. А. Шахматова и его последователей. Вместо Никоновской и Воскресенской летописей XVI в., на которых основывалось большинство трудов XIX в., мы можем пользоваться значительным фондом летописей, непосредственно восходящих к летописанию XV в. и частью даже к первой его половине. Сопоставление этих

летописей и сравнение их с более поздними не только позволяет проверить степень их соответствия действительности, но и рисует сложную и противоречивую картину идейной борьбы в период складывания Русского централизованного государства.

Конечно, исследование летописей всего XV в. как литературных и исторических памятников — тема не одной статьи, а целой монографии. XV век — длительный и богатый событиями период, в течение которого из ряда отдельных земель и княжеств образовалось Московское государство; резко изменился за это время и характер летописания. Установление генеалогии летописных сводов этого времени — необходимое, но недостаточное условие для привлечения отдельных рассказов и известий летописей в качестве источников по истории отдельных событий и для характеристики самих летописных рассказов. Даже построение общей генеалогической схемы дошедших до нас сводов этого времени¹ не дает исследователю всех необходимых данных о фонде источников, отражающих данное событие и данный период. Стемма (см.: ТОДРЛ. Т. 40) по самой своей структуре призвана показать взаимоотношения летописей в целом; она может указать на то, что тот или иной памятник восходит к нескольким протографам, но в какой именно части летописи отражен один свод, а в какой — другой, стемма не сообщает. Если представить себе хронологию летописных известий как некий вертикальный ряд, то этот ряд необходимо разрезать на горизонтальные слои, или пласты, относящиеся к одному периоду и включающие несколько различных летописей, которые могут быть сходны, а могут и противостоять друг другу. Такой «послойный анализ» не противостоит исследованию свода в целом и его взаимоотношений с другими сводами; напротив, он основывается на соответствующем текстологическом исследовании и вытекает из него.² Но для изучения конкретных летописных текстов как литературных и исторических памятников «послойный анализ» совершенно необходим.

При исследовании летописных известий первой половины XV в. могут быть намечены по крайней мере три больших исторических периода: известия о событиях с конце XIV в. по 1425 г., с 1425 по 1479 г. и с 1479 по 1505 г. В настоящей статье речь будет идти о наиболее раннем из этих периодов: с 1389 по 1425 г.

* * *

Первой среди летописей начала XV в. должна быть, естественно, названа Троицкая летопись (далее — Тр.), доведенная до 6917 (конца 1408) г. (нашествие Едигея) и составленная, очевидно, вскоре после этого года.³ Но Тр., как известно, погибла в 1812 г. и нам недоступна. Совпадение обильных цитат из Тр., приведенных в «Истории» Н. М. Карамзина, с текстом Симеоновской (далее — Сим.) и нескольких других летописей дало возможность М. Д. Приселкову реконструировать текст

¹ Ср.: Лурье Я. С. Генеалогическая схема летописей XI—XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 190—205.

² О необходимости изучать все изменения текста «послойно», «по различным эпохам» см.: Лихачев Д. С. Основные принципы текстологических исследований памятников древнерусской литературы // Текстология славянских литератур. Л., 1973. С. 226. Согласившись с этим принципом, немецкий исследователь Г.-Ю. Грабмюллер напрасно, однако, на наш взгляд, противопоставляет «послойный анализ» («Schichtenanalyse») сравнительно-текстологическому методу в трудах А. Н. Насонова (Grahmüller H. J. Die Pskover Chroniken: Untersuchungen zur russischen Regionalchronistik im 13.—15. Jahrhundert. Wiesbaden, 1977. S. 21, 96; ср. нашу рецензию на эту книгу в журнале «Russia Mediaevalis». 1977. III. S. 88—90.

³ См.: Приселков М. Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950 (далее ссылки на эту летопись, как и на все остальные, даются на годы от С. М. в тексте).

Тр. Но, к сожалению, именно в интересующей нас последней части за последнее десятилетие XIV и начало XV в. цитаты Карамзина почти не имеют совпадений с Сим. и со сходным с нею Рогожским летописцем (далее — Рог.). Реконструкция М. Д. Приселкова, как он сам отмечал,⁴ имеет в этой части наиболее предположительный характер.

Начиная с 6899 (1391) г. М. Д. Приселков решил положить в основу издания наряду с цитатами из Н. М. Карамзина — как данными с прямой ссылкой на Тр., так и не аннотированными Карамзиным, — текст Московского великокняжеского свода (цитируя его не по неизданному тогда Московскому своду конца XV в., а по близкой к нему Воскресенской летописи),⁵ но продолжал привлекать, довольно широко, тексты Сим. и Рог. Однако исследование, давшее М. Д. Приселкову основание относить неаннотированные цитаты Карамзина к Тр., не сохранилось, а аргументированность предположений исследователя в каждом случае вызывает вопросы. Надежной основой для суждения о тексте Тр. за 1390—1408 гг. остаются только аннотированные цитаты Карамзина.⁶

В Сим. и близком к ней Рог. с 6898 (1390) по 6920 (1412) г. содержится текст общерусского летописного свода, составленного, очевидно, в Твери, судя по ряду известий об этом княжестве. Состав Сим. сложен: после 6920 г. здесь следуют известия Московского великокняжеского свода конца XV в., начинающиеся с нового изложения 6918—6920 гг.; из того же источника конца XV в. заимствованы и некоторые более ранние известия.⁷

Связь свода 1412 г., читающегося в Сим. и Рог., с Тверью подтверждается некоторыми совпадениями между этим сводом и более поздним памятником — летописной компиляцией 30-х гг. XVI в., включающей ряд тверских известий и получившей в науке наименование Тверской летописи, или Тверского сборника.⁸

Следующим этапом общерусского летописания можно считать идентичный текст двух летописей, каждая из которых дошла в нескольких редакциях и множестве списков, — это СИЛ и НИВЛ, наиболее первоначальный вид которой сохранился в Новгородской Карамзинской (далее — НК) летописи. НК и НИВЛ отличаются от СИЛ лишь рядом явно вторичных добавлений новгородского происхождения. Совпадения заканчиваются на 6926 (1418) г. Значит ли это, что лежащий в основе обеих летописей свод был составлен в 1418 г.? Только в СИЛ старшей редакции текст заканчивается 1418 г., но и здесь помещены, без новой даты, известия, доходящие до 6927 (1422) г. В СИЛ младшей редакции текст должен до 6964 (1456), а с дополнениями — и до 6979 (1471) г.; в НК — до 6936 (1428) г.; в НИВЛ — до 70-х гг. XV в. Наиболее вероятным представляется датировка общего протографа СИЛ и НК—НИВЛ серединой XV в. (временем феодальной войны в Московском княжестве) и определение его как общерусского митрополичьего свода, составленного, возможно (частично или полностью), в Новгороде.⁹

⁴ Приселков М. Д. Троицкая летопись. . . С. 44—46.

⁵ Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 437, примеч. 1. Однако далее в издании текст еще несколько раз восстанавливается по Сим. (с. 438, примеч. 1; с. 446, примеч. 1; с. 450, примеч. 3; с. 455, примеч. 6); дополнения из Воскресенской (и иногда из Никоновской) даются вплоть до 6916 г. (нашествие Едигея) в прямых скобках (с. 438—461).

⁶ Ср.: Лурье Я. С. О московском летописании конца XIV в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1979. Т. 11. С. 4—5.

⁷ Симеоновская летопись // ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18; Рогожский летописец // ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15, ч. 1.

⁸ Тверской сборник // ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15. Ср.: Лурье Я. С. Из наблюдений над летописанием первой половины XV в. // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 295—297.

⁹ Софийская I летопись // ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5 (второе издание 1925 г. не завершено и не включает известий разбираемого периода); Новгородская IV летопись // ПСРЛ. Пг., 1915; Л., 1929. Т. 4, ч. 2; Новгородская Карамзинская летопись не издана (ГПБ, F.IV.603). Ср.: Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 67—121.

Довольно краткий и не очень богатый общерусскими известиями свод содержится и в Белорусско-литовских (или Западно-русских) летописях (Супрасльская и др.), основной текст которых доведен до 6954 (1446) г.¹⁰ Бедны общерусскими известиями Московско-Академическая летопись, последняя часть которой представляет собой Ростовский летописный свод, доведенный до 6927 (1419) г.,¹¹ НПЛ младшего извода, доведенная до 40-х гг. XV в. (НПЛ старшего извода заканчивается XIV веком),¹² и Псковские летописи, наиболее ранняя из которых, ППЛ, доходит до 6977 (1469) г.¹³

Перечисленным летописям, опирающимся на традицию начала XV в. и не обнаруживающим черты более поздней официальной московской обработки, противостоит общерусское летописание второй половины XV и XVI в. Это — свод, доведенный до 1472 г. и сохранившийся в Никаноровской, Вологодско-Пермской и сходных с ними летописях, его более поздняя, переработка — Московский свод 1479 г. Свод 1472 г. основан на СПЛ старшей редакции, но здесь систематически переделаны все ее известия, относящиеся к новгородским вольностям.¹⁴ В своде 1479 г. переделка текста СПЛ имела совсем иной, куда более систематический характер. Источник свода 1479 г. вплоть до 6926 (1418)—6931 (1423) гг. — очень сложная компиляция (созданная, по всей видимости, при великокняжеском дворе), соединяющая СПЛ (свод 1448 г.) с Тр. и рядом других источников; известия о новгородских вольностях здесь вновь проредактированы (но иначе, чем в своде 1472 г.).¹⁵

Близость к своду 1479 г. обнаруживает не только все последующее великокняжеское (а потом и царское) летописание (Воскресенская, Никоновская и др.), но и ряд летописей последней трети XV в. (Ермолинская, Типографская и др.).

В своей последней части, с 6933 (1425) по 6980 (1472) г., и в некоторых известиях начала X—конца XI в. Ермолинская летопись основывается на каком-то весьма независимом и оригинальном летописном своде, отразившемся также в летописи, получившей в нашей археографии наименование Сокращенного свода конца XV в. (или Сокращенных летописных сводов 1493 и 1495 гг.), в Устюжской летописи и в некоторых других. Очевидно, такое своеобразие известий Ермолинской летописи за середину XV в., а также более краткий (по сравнению с другими летописями) и менее обильный риторическими оборотами характер изложения в ней служат причиной того, что и при исследовании известий конца XIV—начала XV в. историки рассматривали рассказы Ермолинской как наиболее ранние и первоначальные версии.¹⁶ Но в той части текста, которая предшествует 6933 (1425) г., в частности, в разделе за 1389—1425 гг., текст Ермолинской восходит не к тому независимому источнику, который отразился после этого года, а оказывается сокращенной версией прото-

¹⁰ Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 67—121. Белорусско-литовские летописи // ПСРЛ. СПб., 1907. Т. 17; М., 1980. Т. 35.

¹¹ Московско-Академическая летопись // ПСРЛ. Л., 1928. Т. 1, вып. 3.

¹² Н а с о н о в А. Н. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 403—427.

¹³ Псковские летописи. М.; Л., 1941—1955. Вып. 1, 2.

¹⁴ Никаноровская летопись // ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. 27. С. 17—164; Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26.

¹⁵ Московский свод (редакция 90-х гг.) // ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. Ср.: Н а с о н о в А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1969. С. 255—260, 274—274; Л у р ь е Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 150—167.

¹⁶ Ермолинская летопись // ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. Ср.: Т и х о м и р о в М. Н. 1) Куликовская битва 1380 г. // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 345—346; 2) Средневековая Москва в XIV—XV вв. М., 1957. С. 247—249; Ч е р е п н и н Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960. С. 470—474, 596, 619—620, 632—637, 715—716.

графа Московского свода 1479 г.¹⁷ Следуют Ермолинской летописи в этой части компилятивный «Летописец от 72-х язык» и, в значительной степени, Львовская летопись XVI в.¹⁸ В тексте Сокращенных сводов и Устюжской летописи за конец XIV—начало XV в. мы, напротив, не находим следов влияния протографа Московского свода; возможно, что в Сокращенных сводах и Устюжской сохранились тексты их общего с Ермолинской протографа (по-видимому, Кирилло-Белозерского свода начала 70-х гг. XV в.), которые утрачены в Ермолинской.¹⁹

Типографская летопись в разделе о событиях 1389—1425 гг. восходит, очевидно, непосредственно к Московскому своду 1479 г., но в ней обнаруживаются также некоторые, иногда существенные, дополнения.²⁰

* * *

Разбор конкретных, наиболее интересных сообщений летописей первой половины XV в. естественно начать с известий о вступлении на престол Василия Дмитриевича и последовавшем почти сразу же за его вокняжением присоединения Нижнего Новгорода.

Трудно с уверенностью установить, что сообщалось об известиях 6893 (1385)—6899 (1391) гг. в Тр. — Карамзин приводит лишь несколько прямых цитат из нее за эти годы. Нет оснований предполагать, что текст ее существенно отличался от соответствующего текста Сим.—Рог. Так же как и Сим.—Рог., Тр., очевидно, сообщала под 6893 г. о бегстве Василия I из Орды и под 6894 г. — о его возвращении через Подольскую землю, под 6897 г. — о смерти Дмитрия Ивановича и посадении на престол его сына «царевым» (ханским) послом; прямыми ссылками Карамзина на Тр. подтверждается наличие в этой летописи (как и в Сим.—Рог.) под 6989 г. рассказа о приходе Киприана на Русь и известия о жемчужине Василия I на Софии Витовтовне.

Но уже с 6900 (1392) г. в Тр., судя по Карамзину, читались известия, которых нет в Сим.—Рог.²¹ Это обширное рассуждение о «суровости» и непокорстве новгородцев, подкрепленное конкретным примером войны 6901 (1393) г., известие о смерти в 6902 (1394) г. великого князя Бориса Константиновича, похороненного «в Суждали, в своей отчине», о бегстве его племянников Василия и Семена Дмитриевичей в Орду и о походе на Нижний Новгород с татарами, совершенном после этого Семеном Дмитриевичем, когда татары «створиша леть» (нарушив клятву), разграбили город, а Семен оправдывался: «Не аз емь сотворивый се, но татарове»; при известии о походе Василия I татары и Семен бежали. Как было датировано в Тр. это последнее событие, неясно: Карамзин в примечании со ссылкой на Тр. приводил рассказ о нападении Семена на Нижний Новгород в подборку к известиям 6902 (1394) г. о смерти Бориса Константиновича и бегстве его племянников в Орду, но в другом примечании он же указывал, что «по Троицк<ой> лет<описи> и другим, Симеон взял Нижний в 1399 году, а по некоторым — еще в 1395; первое летосчисление достовернее».²²

В Сим.—Рог. уже под 6899 (1391) г. читается известие, которое не подтверждено цитатой Карамзина из Тр. и которого, вероятно, там не

¹⁷ Насонов А. Н. История русского летописания... С. 260—271; Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 168—174.

¹⁸ Львовская летопись // ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 20, ч. 1; Летописец от 72-х язык // ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. 28.

¹⁹ Сокращенные своды конца XV в. // ПСРЛ. Т. 27. С. 163—367; Устюжская летопись // ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37.

²⁰ Типографская летопись // ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24.

²¹ Перечень аннотированных цитат из «Истории» Карамзина с 6900 по 6916 г. см. в приложении к Сим. // ПСРЛ. Т. 18. С. 279—283.

²² Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1892. Т. 5. Примеч. 145. 175.

было: о приходе из Орды «великого князя Нижнего Новгорода» Бориса Константиновича. О новгородцах и их походах на Волгу и на Устюг сообщается под 6899 (1391)—6900 (1392) гг. без того резкого осуждения Новгорода, которое содержится в Тр. После этого в Сим.—Рог. под 6900 г. помещен развернутый рассказ об отказе Василия I от «крестного целования» Борису Константиновичу, о его поездке в Орду к «царю Тактамышю» для получения Нижнего Новгорода и его занятия татарами и «боярами москвичами», когда старейший боярин Бориса Константиновича Суздальско-Нижегородского Василий Румянец предал своего государя. Органическая связь этого рассказа с текстом всего общерусского свода 1412 г., созданного в Твери, подтверждается тем, что он, хотя и в сокращенном виде, оказался переданным и в Тверском сборнике.²³ Рассказ Сим.—Рог. о захвате Василием I Нижнего Новгорода был заимствован и другой летописью XVI в. — Никоновской, одним из основных источников которой была Сим.; при этом, однако, были опущены слова о том, что обращение к татарам означало «кровопролитье» и «погибель христианскую»; опущено и осуждение Румянца, — напротив, этот боярин доказывает своему господину, что «царев посол Тактамышев» и бояре великого князя хотят «мира подкрепить и любовь утвердить вечную».

М. Д. Приселков, реконструируя текст Тр., включил в начало статьи 6900 г. и рассказ Сим.—Рог. с осуждением завоевания Нижнего Новгорода. Едва ли это справедливо. Карамзин, описывая это событие, пересказывает его по Никоновской летописи (включая речь Румянца о добрых намерениях царева посла и московских бояр), несмотря на свое сугубо критическое отношение к ней; если бы в его распоряжении был рассказ Тр., дающий прямо противоположный по оценке рассказ об этих событиях (текст, какой мы читаем в Рог.—Сим.), он не преминул бы об этом сообщить. В примечании к соответствующему тексту Карамзин прямо ссылается на Никоновскую,²⁴ упоминает еще известие «некоторых летописей» (очевидно, СЛ—НУЛ) о двукратном путешествии Василия I в Орду и его походе на племянника Бориса Семена. Отвергая известие Никоновской о таком же двукратном путешествии, историограф замечает: «. . . главная современная летопись Василиева княжения есть Тропичкая, где нет ни слова о сем мнимом вторичном путешествии». Но это замечание никак не может свидетельствовать об идентичности рассказа Тр. и Сим.—Рог., ибо и из рассказа Сим.—Рог. также можно заключить, что Василий I ездил в 6900 г. в Орду дважды: перед известием о завоевании Нижнего Новгорода летописец сообщает, что Василий Дмитриевич «пойде в Орду к царю Тактамышю», затем Василий I был в Нижнем, приказал «развести по градом» князя Бориса с семьей и, наконец, «возвратися в своями в Москву»; ниже сообщается, что «месяца октября в 20 день прииде князь великий Василей Дмитриевич на Москву, посажен богом и царем», — отсюда вытекает, что перед 20 октября он уезжал (очевидно, в Орду).

О бегстве Василия и Семена Дмитриевичей в Орду Сим.—Рог. сообщают под 6901 (1393) г., ранее известия 6902 (1394) г. о смерти «князя великого Суздальского Бориса»; в Тр., судя по Карамзину, порядок изложения этих событий был обратным. О походе Семена на Нижний Новгород Сим.—Рог. не упоминают.

В СЛ—НУЛ под 6897 (1389) г. после обширного «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Руськаго»

²³ Ср.: Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV вв. // ЖМНП. 1900. № 9. С. 148; Лурье Я. С. Из наблюдений над летописанием первой половины XV в. С. 297. Среди известий Тверского сборника за конец XIV в. под 6898 (1390) г. читается известие о женитьбе Василия I: «Женися Василий у Витовта, Софию поня добрую; добрый прав име отец, не сыта бе блуда». Дата совпадает с Сим.—Рог., но известие о поведении Софии Витовтовны уникально.

²⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 5. Примеч. 144.

говорится, что сын его «князь Василей Дмитриевич уха от царя Тактамыша за Яик».²⁵ Датировка и детали следующих за 6897 г. событий несколько расходятся в СІЛ и НІВЛ (включая первоначальную версию НІВЛ, сохранившуюся в НК). В обеих летописях известию 6898 (1390) г. о приходе Киприана на Русь предшествует известие о смерти его соперника Пимена в Киеве, но в НІВЛ перед этим помещена еще грамота патриарха Антония о низложении Пимена (полностью переданная только в НК). Очень существенно, что история вокняжения Василия I и его похода на Нижний как-то связывается здесь с событиями в Орде, когда «на Тактамыша приходи царевич (НК—НІВЛ — «исполин») из Шамахинской (НІВЛ — «Шамархийской») земли, и бысть им бой силен». НК—НІВЛ относят это событие к 6898 (1390) г. и непосредственно связывают его с приходом «Улана царевича», посадившего Василия I на престол (в НК сразу после упоминания боя с «исполином» сообщается о приходе Василия Дмитриевича «в отчину свою на Москву», а потом о его посажении на престол).²⁶ В СІ известие о «Шамахинском царевиче» помещено ниже, под 6900 (1392) г., и примыкает к известию о поездке Василия I к Тохтамышу (в НК—НІВЛ о поездке в 6900 г. тоже упоминается). Сообщая о поездке Василия I к Тохтамышу, СІЛ—НІВЛ говорят о получении им «великого княжения», а не Нижнего Новгорода, и лишь затем сообщается, что Василий I пошел «под Нижний Новгород ратию, и взя город за себе, а князи и княгини пойма в полон, а князь Семен Дмитриевич убежа в Орду».²⁷ Женитьбу Василия I на Софии Витовтовне СІЛ—НІВЛ датируют 6900 г., а под 6901 (1393) г. рассказывается о поездке Василия I «въдругий ряд» к Тохтамышу, о пожаловании (задним числом?) ему Нижегородского княжества и о смерти Бориса Константиновича; под 6903 (1395) г. обе летописи сообщали о нападении Семена Дмитриевича совместно с татарами на Нижний Новгород (в НК—НІВЛ говорилось даже о том, что Василий I воевал с Семеном Дмитриевичем из-за Нижнего Новгорода дважды — в 6901 и 6903 гг.).²⁸ Известие СІЛ—НІВЛ 6903 г. сходно с Тр. («сътвориша леств. . .», оправдания Семена: «не аз. . . но татарове») и, очевидно, было заимствовано из свода 1408 г.

Текст великокняжеского свода 1472 г. (Никаноровская и Вологодско-Пермская летописи) за 6897 (1389)—6903 (1395) гг. полностью соответствует тексту СІЛ.

Совсем по-иному, чем в СІЛ, изложены события тех же лет в великокняжеском своде 1479 г. (Московском своде конца XV в.). Под 6893 г. здесь сообщаются (как в Сим.—Рог.) о бегстве Василия I из Орды и под 6894 г. о его возвращении через Подолию. Под 6897 (1389) г. содержится не только ряд известий, сохранившихся в Сим.—Рог. и, очевидно, читавшихся и в Тр. — путешествие Бориса Константиновича Суздальско-

²⁵ О пребывании Василия Дмитриевича в Орде, его бегстве в Подольскую землю и возвращении с «лятскими князьями» сообщалось и в Сим.—Рог., но там эти события были помещены еще до известия о смерти Дмитрия — под 6891 (1383)—6895 (1387) гг. Карамзин, датировавший эти события 1383—1386 гг. (К а р а м з и н Н. М. История государства Российского. Т. 5. С. 62. Примеч. 113), не ссылаясь на Тр., хотя в этой части она в основном идентична Сим.—Рог.

²⁶ В НК и НІВЛ известие о вступлении Василия I на престол, как и ряд других известий, дано дважды — в начале и середине 6898 г.; первая версия заимствована из НІЛ (в НК эта дублировка особенно явственна, так как во втором случае говорится о приходе Василия I «в отчину свою на Москву»; в связи с характерным для НК разделением годовых статей на две выборки первое известие, читающееся в НІВЛ в начале года, попало в первую, а второе — во вторую выборку).

²⁷ В НК—НІВЛ и это известие удвоено, причем первая версия (в НК — в первой выборке) заимствована из НІЛ: под ее влиянием вместо «в полон» в обеих версиях читается «в таль».

²⁸ Любопытно, что в НК составитель, разбиравший текст на две выборки, не заметив этих дублировок, поместил обе в одной (второй) выборке. Ср. в связи с этим: Л у р ь е Я. С. Еще раз о своде 1448 г. и Новгородской Карамзинской летописи // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 201—206, 215—216.

Нижегородского в Орду, поход Тохтамыша на Темир-Кутлуя, — но и упоминание о том, что Василий Дмитриевич был посажен во Владимире «на столе отца своего и деда и прадеда» ханским послом Шихоматом. Под 6898 (1390) г. известие о приезде Киприана дано без всякой связи с упоминанием о Пимене, о смерти которого сообщалось под предыдущим годом. Под 6898 г. сообщается о женитьбе Василия на Софии. Под 6899 (1394) г. в своде 1479 г., как и в Сим.—Рог., сообщено о возвращении из Орды князя Бориса Константиновича. Под 6900 (1392) г., как и в С1 и в своде 1472 г., сообщается о «бое» Тохтамыша с «Шамархийским царевичем» и о поездке Василия в Орду, но никакого упоминания о последовавшем за поездкой походе на Нижний Новгород, пленении князей и бегстве Семена нет. О пожаловании Василию Нижнего Новгорода свод 1479 г. упоминает под тем же годом, но несколько позднее (после известия о смерти Сергия Радонежского) в связи с развернутым сообщением о возвращении Василия I из Орды: «. . . многу честь от царя прием. . . еще же предасть ему к великому князю и Новъгород Нижний и Городец. . . Толику же честь прият от царя, яко же ни един от прежних князей не прият ни у которого царя». И опять не непосредственно после этого сообщения, а после новой группы известий мы читаем: «. . . князь великий Василий Дмитриевич иде с Москвы в Новъгород Нижней, и с ним бояря его старейши. . . и паки возвратися в Москву, наместничество приказав Дмитрею Александровичю Всеволожу». Как мы видим, здесь нет ни слова ни о «рати», ни о Борисе Константиновиче, ни о его племянниках. Упоминание о них появляется лишь под 6902 (1394) г.: свод 1479 г. сообщает сперва о смерти Бориса Константиновича, похороненного «в Суздале в своей отчине», а уже затем — о бегстве его племянников Василия и Семена. Сходно с Тр. (и с той же странной неопределенностью в датировке) сообщалось в Московском своде о нападении Семена на Нижний Новгород.²⁹ Совпадение с Тр. в расположении и текстах всех этих известий дает основание предполагать, что они заимствованы великокняжеским летописцем из свода 1408 г. (как и известие Московского свода 6904 г. о враждебных действиях новгородцев).

И в Ермолинской и в Типографской летописях находим тот же комплекс известий, что и в своде 1479 г., но с некоторыми сокращениями. Под 6897 (1389) г. в обеих летописях нет известий о походе Бориса Константиновича в Орду, а под 6898 (1390) г. — о его возвращении оттуда; под 6897 г. нет упоминания о походе Тохтамыша на Темир-Кутлуя, а под 6900 г. — о его войне с «Шамархийским царевичем». О походе Семена Дмитриевича на Нижний Новгород в обеих летописях сообщается под 6907 (1399) г. Сокращение текста Московского свода было произведено обеими летописями, по всей видимости, совершенно независимо друг от друга: пропущены в них часто совершенно разные известия великокняжеского свода (так, в Ермолинской сохранено под 6900 г. упоминание о том, что Василий I получил от царя такую честь, «яко же ни един от прежних князей», а в Типографской этих слов нет; в Типографской зато сохранилось упоминание, которого нет в Ермолинской, что в Нижний с Василием пришли «бояре его старейши»). Сократив, подобно Типографской, наряду с рядом известий также и многие этикетные формулы Московского свода, Ермолинская вместе с тем полностью воспроизвела и

²⁹ В двух списках, отражающих наиболее первоначальный текст свода 1479 г. (Эрмитажный список — ГПБ, Эрмитажное собр., № 4166; Архивский список, или так называемая Ростовская летопись, — ЦГАДА, ф. 181, № 20 (25)), рассказ о нападении Семена на Новгород датируется 6907 (1399) г.; в Уваровском списке, отражающем редакцию 90-х гг., он помещен под 6903 (1395) г., но на поле приписано: «Зри, сия война была в лето 907, а се написано зде с летописца с нового харатьянаго, и яз не усмотрих сего, что тамо же» (ПСРЛ. Т. 25. С. 225, примеч. б). Поправка последней редакции Московского свода воспроизведена в Погодинском виде Сокращенного свода (ПСРЛ. Т. 27. С. 263). Ср. так же ниже, примеч. 42.

содержание известий великокняжеского свода и их порядок. Во Львовской летописи текст в основном идентичен Ермолинской, но под 6900 (1392) г. перед известием о поездке Василия в Орду указано: «Того же лета сложил целование князю великому Борис Константиновичю князь великий Василий Дмитриевич. . .», а в конце года (после сообщения о пожаловании Василия Дмитриевича Нижним Новгородом) упоминается, что великий князь «иде на Новгород Нижней ратью. . .», а князь Семен Дмитриевич убежал в Орду, а князю его князь великий поимал». Второе из этих известий читается под 6901 г. и в близкой к Львовской (и тоже основанной в этой части на Ермолинской) СПЛ (Воскресенский список).³⁰

Сокращенные своды излагают эти события иначе, чем Московский свод 1479 г. и зависимые от него летописи. Под 6897 (1389) г. здесь сообщается о смерти Дмитрия Ивановича, но нет ни слова о Василии; под 6898 (1390) г. в двух первоначальных видах этого свода³¹ сообщается о той грамоте патриарха, текст которой приводился частично в НІVЛ и полностью в НК. И только под тем же 6898 г. Сокращенные своды впервые сообщают о появлении Василия в Москве, связывая его приезд с событиями в Орде: «А на Тахътамыша царя прииде ин царь силен из Шамахейския земли бысть сеча велика. А князь Василий Дмитриевич утече за Яик и прииде на свою вотчину на Москву. И после из Орды прииде посол улан-царевич и посади князя Василиа Дмитриевича на великое княжение». Изложение ряда событий 6900 (1392) г. (женитьба Василия на Софии Витовтовне, поездка в Орду и поход на Нижний Новгород, бегство Семена) совпадает с СПЛ—НІVЛ (как и НК—НІVЛ, Сокращенные своды сообщали о двух походах «ратью» на Семена Дмитриевича — в 6901 и 6903 гг.).

Устюжская летопись в основном сходна с Сокращенными сводами (за исключением известий 6901 г. о походах на Семена, отсутствующих в ней), но рассказ о 6898 (1390) г. (о поражении Тохтамыша и бегстве Василия из Орды) более подробен и красочен: «. . . утече у сечи тое за Яик реку и за Волгу. И бежа за Дон, блюдяся погони, и вожи облудилися, и прибеже на Киев. А в ту пору случися на Киеве быти великому князю литовскому Витовту Кестуевичю. И сотвори великому князю Василию Дмитриевичю велию честь, пиры и дары почти его, и на пиру рече ему Витовт: „Князь великий Василей Дмитриевичь, женися у меня и яз тебя пушу к Москве; а не женишися, и яз тебя пошлю опять ко царю в Орду. или здесь ты добр“. И размысли себе князь великий Василей Дмитриевичь, и обруча у Витовта Софью княжну. . .» Перед нами, очевидно, уже вторичная, фольклоризованная версия любопытного сообщения Сокращенного свода, относившего появление Василия в Москве ко времени смерти его отца и связывавшего его с войной в Орде.

Главный вывод, который может быть сделан из сопоставления этих рассказов, — это полная самостоятельность двух наиболее ранних источников, повествующих о событиях после смерти Дмитрия Донского: Тр. и Сим.—Рог., и частичная — СПЛ—НІVЛ (лишь некоторые известия здесь совпадают с Тр., совпадающей с Сим.—Рог. нет).

Для того чтобы представить себе различия между известиями о вокняжении Василия I и присоединении Нижнего Новгорода, сопоставим основные из этих известий в Тр., Сим.—Рог., СПЛ—НІVЛ, а также в Московском своде:

³⁰ В древнейшем Архивском списке СПЛ текст до 6905 г. утрачен (ср.: Л у р ь е Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 223—228, 231).

³¹ Это упоминание содержится в двух наиболее первоначальных видах Сокращенного свода — неизданном Соловецком (Соловецкий список — ГПБ, Солов. собр., № 922/1032) и Мазуринском виде («своде 1495 г.»); в Погодинском виде этого упоминания нет (ср.: ПСРЛ. Т. 27. С. 335; ср. с. 257).

Тр.	Сим — Рог.	СИЛ—НИВЛ	Московский свод
Идентично с Сим.—Рог (?)	6893 (1385) г Бегство Василия I из Орды.	6893 г. <Иные известия.>	6893 г Бегство Василия I из Орды
	6894 (1386)—6895 (1389) гг Возвращение Василия I в Москву через Подолию	6894 г. <Иные известия>	6894 г. Возвращение Василия I в Москву через Подолию
	6897 (1389) г Смерть Дмитрия Донского Поход Бориса Конст Нижегородского в Орду Посажение Василия I на престол послом Шихматом	6897 г Смерть Дмитрия Донского Бегство Василия I из Орды за Яик	6897 г Смерть Дмитрия Донского Поход Бориса в Орду Посажение Василия I на престол послом Шихматом
6898 (1390) г Женильба Василия I на Софии.	6898 (1390) г Женильба Василия I на Софии	6898 г Поход на Тохтамышна «исполина» из «Шамархинской земли» НК—НИВЛ Приход Василия I в Москву (НК)	6898 г. Женильба Василия I на Софии
	6899 (1391) г Приход из Орды Бориса Константиновича	6899 г Посажение Василия I на престол Уланом царевичем.	6899 г Приход из Орды Бориса.
	6900 (1392) г Отказ Василия I от «крестного целования» Борису Поездка в Орду к Тохтамышу Присоединение Нижнего Новгорода и низвержение Бориса Приезд Василия I в Нижний Новгород и возвращение в Москву Приезд в Москву Василия I, «посаженного богом и царем»	6900 г Женильба Василия I на Софии Поход «Шамахийского царевича» на Тохтамышна (СИЛ) Поход Василия I в Орду; выход на «великое княжение» Поход на Нижний Новгород ратью, пленение князей, бегство Семена Дмитриевича	6900 г Приход «Шамархийского царевича» на Тохтамышна. Поход Василия I в Орду; «многая честь» и получение Нижнего Новгорода. Поход на Нижний Новгород
	6901 (1393) г Бегство суздальских князей Василия и Семена в Орду.	6901 г. Поход Василия I «вдругый ряд» в Орду, выход на великое княжение. Смерть Бориса. Поход ратью на Семена Дмитриевича (НК—НИВЛ).	6901 г. <Известия об иных событиях, частично совпадающие с Тр.>
6902 (1394) г. Смерть Бориса в Суздале Бегство Василия и Семена в Орду.	6902 г. Смерть Бориса в Суздале	6902 г. <Иные известия.>	6902 г Смерть Бориса в Суздале. Бегство Василия и Семена в Орду
6903 (1395) или 6907 (1399) г. Поход Семена на Нижний Новгород с татарами и их уход.		6903 г. Поход Семена Дмитриевича на Нижний Новгород и отпор ему.	6903 или 6907 г. Поход Семена на Нижний Новгород с татарами и их уход при известии о походе Василия I

Сравнение Московского свода с более ранними летописями показывает, что там, где он не использует СИЛ, он приводит известия, близкие к известным фрагментам Тр.; очевидно, источником, по которому протограф

Московского свода дополнял СІ, был свод 1408 г. (Тр.). По всей видимости, изложение истории присоединения Нижнего Новгорода в своде 1408 г. было примерно таким же, каким оно оказывается в великокняжеском своде 1479 г.: сперва хан «придает» Василию Дмитриевичу Нижний Новгород и Василий посылает туда наместников, затем «в Суждали, в своей отчине» умирает Борис Константинович, и уже после этого его племянники бегут в Орду. Известия СІІ—НІVІ, как и рассказ Сим.—Рог., независимы от официально-московской политической тенденции, но строятся они по-разному: рассказ СІІ—НІVІ менее подробен и конкретен, но зато богаче и разнообразнее по материалу. Заслуживает внимания известие СІІ—НІVІ о бегстве Василия Дмитриевича за Яик в 6897 (1389) г., помещенное вслед за известием о смерти Дмитрия Ивановича. То же известие, под тем же годом читается в Белорусско-литовских летописях, представляющих независимую и довольно раннюю летописную традицию. Относя к 1390—1392 гг. поход на Тохтамыша «царевича из Шамахейской земли» (речь идет о Темир-Аксаке, Тимуре), СІІ—НІVІ (и Белорусско-литовские летописи) не связывают его с бегством Василия, как это делают (возможно, уже на основе последующего осмысления событий) Сокращенные своды; но такая связь не лишена вероятия. Согласно сообщению Шериф-ед-дина, Тохтамыш именно в 1389 г. собрал войско (включавшее и русские силы) для борьбы с Тимуром.³² Несомненно, во всяком случае, что трудное положение, в котором оказался Тохтамыш с начала борьбы с Тимуром, определяло явные колебания в его политике по отношению к русским князьям. В 6897 (1389) г., согласно Сим.—Рог., Борис Константинович вынужден был ходить на помощь Тохтамышу против Темир-Аксака; независимо от того, было ли появление Василия Дмитриевича в Москве в том же году бегством из Орды, или он приехал с разрешения хана, посажен он был на престол, даже согласно СІІ—НІVІ, ханским послем.

Но как происходило падение политической независимости Нижегородского княжества? Л. В. Черепнин, начинающий разбор летописных источников с Ермолинской и Львовской летописей, считает известия СІІ—НІVІ о походе Василия на Нижний Новгород «ратию» в 1392 г. и вторичной поездке в Орду в 1393 г., за которой последовало окончательное присоединение Нижнего, «перестановкой событий» и «искусственной комбинацией» летописца.³³ Едва ли с этим можно согласиться. Говоря о поездке Василия I в Орду, предшествовавшей событиям 1392 г., Сим.—Рог. упоминает о «злате» и «сребре», взятых «безбожными татарами», но не о том, получил ли московский великий князь от хана официальное пожалование Нижним Новгородом. В пользу того, что Тохтамыш не вполне одобрил пленение Бориса Константиновича и его семьи, свидетельствует известие источника, не обнаруживающего особого пристрастия к этим событиям, — НІЛ. Сообщив под 6900 (1392) г., что Василий I «вышел из Орды. . . взя Нижний Новгород и пойма князей и княгинь в таль», НІЛ затем указывает, что «того же лета пошел князь великий Василий Дмитриевич в Орду, позван цесарем».³⁴ В нашем распоряжении имеется и документальный источник, свидетельствующий о том, что в декабре 6902 (1393) г.,³⁵ т. е. несомненно уже после 6900 г., когда, согласно лето-

³² Ср.: Насонов А. Н. Монголы и Русь: (История татарской политики на Руси). М.; Л., 1940. С. 138, примеч. 2 (А. Н. Насонов ссылался на известие Шериф-ед-дина, включенное в «Материалы по истории Золотой Орды» В. Тизенгаузена, до сих пор не изданные).

³³ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства. С. 664—665.

³⁴ Ср.: Насонов А. Н. Монголы и Русь. . . С. 139.

³⁵ АФВХ. М., 1951. Т. 1. № 229 (ААЭ. СПб., 1836. Т. 1. № 12; ср.: АСЭИ. М., 1964. Т. 3. №. 294, примеч.). Ср.: Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Пг., 1918. С. 277, примеч. 1.

писям, Нижний Новгород был взят московскими воеводами, а князя его пленены, Борис Константинович в качестве великого князя Нижегородского давал жалованную грамоту Спасо-Благовещенскому монастырю. Напрасно отвергнув известие о двукратной поездке Василия I в Орду, Л. В. Черепнин был, однако, на наш взгляд, вполне прав, когда отмечал, что «присоединение Нижнего Новгорода к Московскому княжеству прошло не столь просто и безболезненно, как об этом говорят некоторые летописи». Об отнюдь не «безболезненном» характере этого события свидетельствуют известия о походе «ратью» и пленении всей семьи Бориса Константиновича — известия, читающиеся не только в позднем летописании, на которое в данном случае ссылался исследователь, но и в СИЛ—НИВЛ и частично в Сим.—Рог.³⁶

Следующим по времени важным событием конца XIV в., получившим отражение в летописании XV в., было нашествие Тимура (Темир-Аксака, Тамерлана). В Сим.—Рог. довольно краткое известие о «Темире Аксакше Рахманском», ходившем «на Русскую землю», дошедшем «Елча» (Ельца) и вернувшемся восвояси, явно неправильно помещено под 6906 (1398) г. (по всем остальным источникам, поход Тимура был в 1395 г.). Какой текст читался в своде 1408 г.? М. Д. Приселков в реконструкции Тр. предположительно ввел в нее текст Сим.—Рог., перенеся его только с 6906 на 6903 (1395) г. Но Карамзин, рассказывая о походе Тамерлана, не приводил каких-либо известий Тр., сходных с Сим.—Рог., и упомянул (под 1395 г.), что Василий I в память чудесного избавления от Тамерлана воздвиг храм Богородицы с монастырем на Кучковом поле, сославшись при этом на текст Тр.: «Место то было тогда на Кучкове поле, близ града Москвы на самой на велицей дорозе Володимерьской». Ни такого известия, ни такого текста нет в Сим.—Рог.

В СИЛ—НИВЛ также нет подробного рассказа о Тимуре. Под 6898 (1390)—6900 (1392) гг. эти летописи, как уже было отмечено, упоминали о приходе на Тохтамыша «царевича из Шамархийские земли» (т. е. из Самарканда, откуда пришел Тимур), а под 6903 (1395) г. они рассказывали о победе ставленника Тимура Темир-Кутлуя (Тимур-Кутлука) над Тохтамышем.

Пространные рассказы о нашествии Тимура в летописании более позднего времени были уже предметом исследования В. П. Гребенюка и И. Л. Жучковой. Возражая В. П. Гребенюку, И. Л. Жучкова пришла, на наш взгляд, к справедливому заключению, что рассказ в Московском своде 1479 г. (в своде 1472 г. текст совпадает с СИЛ) и близкие к нему рассказы Ермолинской летописи, «Летописца от 72-х язык» (Прилуцкой и Уваровской летописи) и Воскресенской (редакция Б, по классификации В. П. Гребенюка) более первоначальны, чем рассказ СИЛ и близких к ней летописей (редакция А, по В. П. Гребенюку). Непосредственный источник редакции А (очевидно, общий протограф Московского свода и Ермолинской летописи) — «особая обработка свода 1448 г.»³⁷ Но когда

³⁶ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства. С. 664, 670—672 (Л. В. Черепнин ссылался на Львовскую и Никоновскую летописи). Возражая Л. В. Черепнину, В. А. Кучкин писал, что древнейшие летописные свидетельства опровергают существующее в литературе мнение о захвате Нижнего в результате военного похода московского государя (К у ч к и н В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 231, примеч. 226). Но СИЛ, а вслед за нею и СИЛ—НИВЛ, сообщают как раз о походе Василия I «под Нижним Новгород ратию».

³⁷ Гребенюк В. П. «Повесть о Темир-Аксаке» и ее литературная судьба в XVI—XVII вв. // Русская литература на рубеже двух веков (XVII—нач. XVIII в.). М., 1971. С. 185—206; Ж у ч к о в а И. Л. 1) «Повесть о Темир-Аксаке» в составе летописных сводов XV—XVI вв. (редакция Б) // Древнерусская литература: Источниковедение. Л., 1984. С. 97—109; 2) «Повесть о Темир-Аксаке» в Типографской летописи: (К вопросу о первой редакции произведения) // Литература Древней Руси: Источниковедение. Л., 1988. С. 82—95.

был создан и введен в летописание этот рассказ? И. Л. Жучкова отметила, что в Белорусско-литовских летописях известие о Тимуре под 6903 г. сходно с началом рассказа в «особой обработке свода 1448 г.», и именно в той его версии, которая сохранилась в «Летописце от 72-х язык» (в Ермолинской этот текст явно сокращен).³⁸ Одним из источников Белорусско-литовских летописей был свод 1408 г. (Тр.) — не читалась ли какая-то версия этого рассказа в Тр.³⁹ С другой стороны, В. П. Гребенюк обнаружил, что фраза, близкая к приведенной Карамзиным цитате из Тр.: «Место то было на Кучкове поле, на самой на велицей дорозе Володимерской», читается в той контаминированной (соединяющей чтения А и Б) редакции, которая сохранилась в Типографской летописи и отдельных сборниках.⁴⁰

Следует признать, очевидно, что сколько-нибудь современных летописных рассказов о нашествиях Тимура в нашем распоряжении нет: известия Сим.—Рог. и СИЛ—НИВЛ кратки, а текст Тр. в основном неизвестен. А это обстоятельство, в свою очередь, весьма обедняет наши представления о событиях 1395 г.

Несостоявшийся поход Тимура на русские земли имел, однако, для Руси немалое значение: Тохтамыш Тимур победил и заменил его на ордынском престоле своим ставленником Тимур-Кутлуком (об этом событии из летописей первой половины XV в. сообщили только СИЛ—НИВЛ). В 1399 г. бежавший в Литву Тохтамыш в союзе с Витовтом сделал попытку отвоевать престол; попытка эта закончилась сокрушительным поражением Витовта и Тохтамыша на Ворскле. Известия об этом событии, как и в предшествующих случаях, явно расходились в Тр. и Сим.—Рог.

Из статьи Тр. о битве на Ворскле до нас сохранены Н. М. Карамзиным только слова Витовта Тохтамышу: «. . . аз тя посажу на Орде на царстве, а ты мя посадишь на княженъи на великом на Москве», но уже эта фраза дает веские основания предполагать, что в Тр. содержался тот же самый рассказ, с той же самой фразой, который мы читаем в СИЛ—НИВЛ (и в последующем летописании) под 6906 (1398) г. Очевидно, протограф СИЛ—НИВЛ опирался в данном случае на свод 1408 г.⁴¹ Но далее в Тр., судя по Карамзину, под тем же годом сообщалось о событии, явно связанном с победой Темир-Кутлука над Тохтамышем и его окончательным укреплением на ордынском престоле: «Тое же осени сентября приде из Орды князь Михайлов кичичей именовем Ельча, а с ним посол Темир-Кутлуев именовем Бекшик да Саткин, после живота его, и привезоша ярлыки писаны на его имя». Речь здесь идет о ярлыке, данном тверскому

³⁸ Жучкова И. Л. «Повесть о Темир-Аксаке» в составе летописных сводов XV—XVI вв. С. 105—106.

³⁹ Ср.: Ч а м я р ц к и В. А. Беларускія летописі як помнікі літаратуры. Мінск, 1969. С. 72—76; Л у р ь е Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 38—39. И. Л. Жучкова полагает, что повести о Тимуре «в митрополичьем своде 1408 г.», судя по известиям Рогожской и Симеоновской летописей, а также близкому им сообщению Владимирского летописца, не было (Жучкова И. Л. «Повесть о Темир-Аксаке» в составе летописных сводов XV—XVI вв. С. 104). Но текст Сим.—Рог., как мы неоднократно убеждались, в этой части совсем не сходен с Тр. Что касается рассказа Владимирского летописца XVI в., то он не совпадает с Сим.—Рог.: помещен под 6903 (а не под 6906) г.; здесь упоминается «чюдная икона владычица наша Богородица», а местом встречи Василия I и Темир-Аксака неожиданно называется «Угра» (ПСРЛ. М., 1965. Т. 30. С. 129).

⁴⁰ Гребенюк В. П. «Повесть о Темир-Аксаке» и ее литературная судьба в XVI—XVII вв. С. 189.

⁴¹ А. А. Шахматов предполагал, что рассказ о сражении 6908 (1399) г. с Темир-Кутлуем восходит в СИЛ и НИВЛ к тому же источнику («Полихрону 1423 г.» или своду 1448 г.), что и в НИЛ (Комиссионный список) (Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов. М.; Л., 1938. С. 163). Однако текст рассказа СИЛ—НИВЛ о Темир-Кутлуе не только не совпадает в НИЛ, но и резко расходится с ним по тенденциям: в НИЛ зачинщиком столкновения объявлялся Темир-Кутлуй, а в СИЛ—НИВЛ—Витовт (ср.: Л у р ь е Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 91, примеч. 76; с. 107, примеч. 115).

князю Михаилу Александровичу, но самый факт присылки Темир-Кутлуком ярлыка на Русь, отмеченный только в Тр. и отсутствующий во всем последующем летописании, весьма знаменателен.⁴²

Что касается Сим.—Рог., то там известие о сражении на Ворскле, помещенное под 6907 г. (1398 г. — в Сим.—Рог.: здесь впервые вводится сентябрьский календарный стиль),⁴³ начисто лишено той враждебности к Витовту, которая характерна для Тр.: в Сим.—Рог. только кратко указано, что «одоле царь Витовта» и что «безбожнии татарове побиша тогда князей литовских много»; о дальнейших действиях Темир-Кутлука ничего не сообщается.

Дальнейшее сопоставление трех основных летописных сводов первой половины XV в. затрудняется тем, что после начальных известий 6909 (1401) г. и до 6917 (1408—1409) г. в Рог. известия отсутствуют, а в Сим. здесь вставлен текст из Московского свода 1479 г. — очевидно, в общем оригинале Рог. и Сим. этого текста не было.⁴⁴ После 6909 г. в Рог. непосредственно следует рассказ 6917 (осени 1408) г. о нашествии Едигея, совпадающий с Сим., и, таким образом, общий протограф этих летописей снова становится доступным исследователю, но свод 1408 г. (Тр.), в котором рассказ о Едигее помещен под 6916 (1408) г., как раз на этом рассказе и поучении к нему и заканчивается.

Начало XV в. (в частности, 1401—1408 гг.) было ознаменовано борьбой за Смоленск и прилежащие к нему земли между Василием I и его тестем Витовтом. Судя по известию Карамзина, данному со ссылкой на Тр. (но без цитат), там сообщалось о взятии Вязьмы племянником Витовта Лугвением в 1403 г., о первой попытке Витовта в 1404 г. взять Смоленск и его отступлении после Святой недели. Далее Карамзин приводил прямую цитату из Тр. о том, что князь Юрий Смоленский, «сослався с князем великим, и выеха из города», приказав княгине и боярам «ждати себе на первый срок и на другой и на третий», но Витовт пришел к Смоленску; «граждане же, не могуще терпети изнеможения, град предаша».⁴⁵ Эта цитата до словно совпадает с текстом СИЛ—НИВЛ 6912 (1404) г.; можно полагать, что и все известие о взятии Смоленска заимствовано в СИЛ—НИВЛ из свода 1408 г. Но дальнейшая судьба князя Юрия, завершающая эту смоленскую эпопею, изложена в СИЛ—НИВЛ особенно подробно и красочно: под 6914 (1406) г. здесь повествуется о том, как Юрий Смоленский, находясь уже в изгнании, «уязвился оканным своим хотением» на жену своего вассала, также изгнанного князя Вяземского, а когда «предобрая мужелюбица» оказала ему сопротивление, убил ее и ее мужа. Рассказ этот был усвоен последующим летописанием, но в Тр. его, очевидно, не было, так как Карамзин (примеч. 196) ссылается в данном случае не на нее, а на летописи конца XV—XVI в. Рассказ о смерти Юрия в 6915 (1407) г., судя по цитате Карамзина из Тр., снова восходил в СИЛ—НИВЛ к своду 1408 г.

Последний рассказ, дающий возможность сравнить изложение Тр., Сим.—Рог., СИЛ—НИВЛ и последующих летописей, — это повесть о нашествии Едигея в 6916 (1408) г. на Москву (в Сим.—Рог. — сентябрьский

⁴² Далее в Тр. помещено еще одно известие о ярлыке тверскому князю — сыну Михаила Ивану в 6908 (1400) г. от нового царя Шанебека (Шадибека), читающееся также в Тверском сборнике и в Никоновской летописи (ПСРЛ. СПб., 1897. Фототип. переизд. М., 1965. Т. 11). С известием о победе Темир-Кутлука связано, может быть, помещение в Тр. рассказа о походе князя Семена Суздальского на Нижний Новгород в 6907 (1399) г. (а не в 6903 г., как в СИЛ—НИВЛ) — Семен «служил» Темир-Кутлуку.

⁴³ Ср.: Березков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 27 (Н. Г. Березков отмечал только хронологию Сим., но Рог. в этих случаях с ней совпадает).

⁴⁴ Ср.: К л о с с Б. М., Л у р ь е Я. С. Русские летописи XI—XV вв.: (Материалы для описания) // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2, ч. 1. С. 113; ср.: Л у р ь е Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 26.

⁴⁵ К а р а м з и н Н. М. История государства Российского. Т. 5. Примеч. 191.

6917 г.). В другой работе мы уже сравнивали описание этого события в летописях. В Сим.—Рог., как и в предыдущих случаях, рассказ об Едигее оказывается совершенно иным, чем в Тр.; в СІЛ—НІVЛ — третий, также самостоятельный рассказ, в основе которого лежит подлинный или легендарный «ярлык Едигея» Василию I. Повесть о Едигее из свода 1408 г., судя по цитатам из Тр., приведенным Карамзиным, воспроизведена «особой обработкой свода 1448 г.» и большинством последующих летописей; рассказ Сим.—Рог. получил частичное (в его начальной части) отражение в Тверском сборнике (текст Сим. был также — в соединении с другими летописными текстами — использован в Никоновской летописи).⁴⁶

После окончания Тр. (1408 г.) наиболее ранними летописными сводами, отражающими историю последующих лет, остаются Сим.—Рог. и СІЛ—НІVЛ. Под сентябрьским 6919 г. Сим.—Рог. и под мартовским 6918 (1410) г. СІЛ—НІVЛ сообщают о нападении нижегородских князей с татарами на Владимир. Известия эти совершенно не сходны по тексту и содержанию. В Сим.—Рог. здесь упоминаются безымянные «князи Новгородстии» — речь идет, конечно, о князьях Нижнего Новгорода, которые упоминаются далее в известии о сражении «на Лыскове» (под Нижним Новгородом) между братом Василия I Петром Дмитриевичем и «князми новгородскими», в котором нижегородские князья, очевидно, одержали победу: «...сташа же на костех князи новгородстии Нижнего Новагорода». В СІЛ—НІVЛ прямо назван князь, напавший вместе с татарами на Владимир, — «Данило Борисович, Нижнего Новагорода отчич», сын свергнутого Василием I Бориса Константиновича, но известия о сражении под Лысковым здесь нет.

Важные дополнительные данные о борьбе с нижегородскими князьями в 10-х гг. XV в. обнаруживаются в более позднем летописании.

Подробный рассказ о нападении 1410 г. на Владимир, в котором татарами предводительствовал «царевич» Талыч, появился в великокняжеском летописании второй половины XV в. В Никаноровской и Вологодско-Пермской летописях (своде 1472 г.) он представляет собой интерполяцию, введенную, вместе с повестью о Едигее, в состав годовой статьи 6916 (1408) г. и дублирующую краткое известие 6918 (1410) г. об этом же событии, заимствованное из СІЛ. В Московском своде 1479 г. дублировка устранена и оставлен только подробный рассказ.

Летописное известие о нашествии Талыча (обычно в более сокращенном виде) читается в большинстве более поздних летописей, но известие о битве на Лыскове отразилось только в Тверском сборнике, связанном со сводом 1412 г., протографом Сим.—Рог., и в Никоновской летописи, непосредственно зависевшей от Сим. Однако порядок изложения обоих событий оказывается в этих летописях противоположным. В Тверском сборнике под 6918 г. сперва рассказывается (гораздо короче) о нападении на Владимир, а потом уже о сражении на Лыскове, в котором «мнози падоша от обоа страны, и разошася каждо во свояси». Никоновская летопись под 6919 г. сперва сообщает о битве на Лыскове, а затем уже включает (с обычными для этой летописи дополнениями) рассказ великокняжеских сводов о нападении Талыча (приведенного, как указано здесь, «князем Данило Борисовичем Нижнего Новгорода») на Владимир. Несколько далее в Никоновской помещено уникальное известие о походе суздальско-нижегородских князей в 6920 (1412) г. в Орду к Зелени-салтану (Джелаль-аддину, сыну Тохтамыша), который пожаловал «своей их отчиною».

Сопоставление этих известий особенно важно уже потому, что позволяет предполагать возвращение суздальских князей на какое-то время в Нижний Новгород — откуда, очевидно, и был предпринят поход на Владимир.⁴⁷

⁴⁶ Л у р ь е Я. С. Из наблюдений над летописанием первой половины XV в. С. 285—298.

⁴⁷ П р е с н я к о в А. Е. Образование Великоорусского государства. С. 281 (вопреки А. Е. Преснякову можно думать, что не большинство летописей «опускает» . .

Но каково происхождение данных известий? Известие о пожаловании нижегородских князей могло восходить к записям из сарайской епископии, внесенным в Никоновскую летопись.⁴⁸ Остальные известия Никоновской — явная контаминация Сим. и великокняжеского летописания. Но подробный рассказ о нападении Талыча на Владимир, появившийся в летописании уже во всяком случае к 1472 г., — иного происхождения. Нападение татар с помощью суздальско-нижегородских князей затрагивало интересы многих соседних земель, и рассказ этот вполне мог восходить не к московскому, а к летописанию других княжеств, в значительной степени не сохранившемуся.

После 1412 г. СІЛ—НІВЛ остаются как бы в одиночестве среди летописания первой половины века, а на 6926 (1418) г. обрывается общий протограф старшей редакции СІЛ и НІВЛ (в НК под 6926 г. читается еще известие о вокняжении Василия II, сходное с СІЛ младшей редакции). При освещении ряда важнейших событий тех лет, в частности, феодальной войны в Московском княжестве после смерти Василия I, мы не можем опираться на современные летописные источники. Но в НК—НІВЛ под 6929 (1421) г. и в приписке 6927 (1419) г. к одному из списков СІЛ старшей редакции читается известие, уже предвещающее эту войну: «князь великы Василей» хотел привести своего младшего брата Константина в зависимое положение от «сына своего князя Василия», а когда Константин отказался, он «отъима у него всю его отчину»; Константин отправился в Новгород.⁴⁹ Перед нами как раз начало спора о престолонаследии после Василия I, ставшего поводом к междоусобной борьбе.

* * *

Летописные своды первой половины XV в. — наиболее надежные источники по истории этого периода; подменять их более поздними летописями (такими как Воскресенская или Никоновская) без учета уже существующих текстологических работ или без новых исследований, на основании одних лишь общих соображений об их «вероятности», весьма рискованно. Но, конечно, фактическая информация, которую содержат ранние своды, далеко не полна и часто противоречива. Мы имели уже возможность убедиться в этом, сравнивая рассказы о русско-ордынских отношениях и присоединении Нижнего Новгорода в 1392 г. Очень многого мы не знаем и об отношениях между Москвой и другими русскими землями в конце XIV — первой половине XV в. Так, о войне Василия I с новгородцами за северные Двинские земли в 6906 (1398) г. и его поражении в этой войне, подробно описанной в НІЛ, ни Тр. (судя по тому, что Карамзин, общая об этом, ссылается только на Новгородскую и более поздние летописи),⁵⁰ ни Сим. — Рог. не сообщили ни слова. Известие об этих событиях появляется лишь в СІЛ—НІВЛ и вслед за ними — в более позднем общерусском летописании. Недостаточно известий и о судьбе суздальских князей после нападения на Владимир в 1410 г. В 6922 (1414) г. сын Василия I Юрий, согласно Тверскому сборнику, ходил на суздальских князей и отвоевал Нижний Новгород. Краткий ростовский свод, сохранившийся в Московско-Академической летописи, сообщает о приезде Даниила Борисовича в Москву в 6925 (1417) г. и его бегстве с братом из нее в 6926 (1418) г. Первое из этих известий есть и в Московском своде, СІЛ, Львовской и Воскресенской летописях, второе — в приписке к Карамзинскому списку СІЛ. Разобранные нами своды об этих событиях умалчивают.

известие о лысковском поражении», а что оно читалось только в своде 1472 г. и зависимых от него летописях).

⁴⁸ Ср.: К л о с с Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980. С. 184.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 5. С. 261. Текст известия 6927 г. в НІВЛ сходен с НІЛ.

⁵⁰ К а р а м з и н Н. М. История государства Российского. Т. 5. С. 98—100, примеч. 170—171.

Однако летописи — не только источники информации, но и «исторические остатки», памятники литературы и общественной мысли своей эпохи. В этом отношении летописание XV в., в частности первой его половины, исследовано совершенно недостаточно; для изучения политической идеологии того времени гораздо чаще привлекаются памятники, включенные в летописание значительно позже (например, повести о Темир-Аксаке). А между тем рассмотрение сводов первой половины XV в. как литературно-идеологических памятников дает важные результаты. Наиболее определенно установлен характер свода 1408 г., отразившегося в Тр. И до 6898 (1390) г. и после этого года Тр. представляет собой летописный свод, связанный со двором митрополита Киприана, занявшего после смерти Дмитрия Донского вполне лояльную позицию по отношению к московским князьям. Текст Сим.—Рог. до 6900 г. идентичен с Тр., но существенные различия между Тр. и Сим.—Рог. после 6900 г. уже побудили исследователей прийти к выводу, что в основе этих летописей лежала особая редакция общерусского свода, составленная около 1412 г. в Твери. Что же это был за памятник? Уже М. Д. Приселков высказал предположение, что рассказ о Едигее в своде 1412 г. «был составлен в Твери, едва ли не со слов отъехавшего в Тверь какого-то политического деятеля».⁵¹ Л. В. Черепнин также связывал известия протографа Сим.—Рог. с Тверью и считал, что они отражали «политические тенденции тверских феодалов», голос оппозиционных кругов «части боярства», «старой боярской знати».⁵² С этим невозможно согласиться. Своеобразие свода 1412 г. заключается как раз в том, что он не отражает воззрений какой-либо отдельной группы феодалов — московской или тверской. Составленный после нашествия Едигея, обнаружившего опасность соглашений с Ордой и вызвавшего бегство жителей московских земель в Тверь, свод этот мог себе позволить относительно беспристрастную позицию по отношению ко всем княжеским домам начала XV в. Это обнаруживается уже в рассказе Сим.—Рог. о присоединении Нижнего Новгорода. Автор рассказа принимает версию, согласно которой Нижний Новгород еще в 1392 г. был уступлен Тохтамышем Василию I и, следовательно, присоединен без войны. Характерно в этом отношении и окончание рассказа 6900 (1382) г.: после присоединения Нижнего Василий I возвращается в Москву (видимо, из второй поездки в Орду): «Посажен богом и царем, Тактамышь придасть ему царь к великому князю Новгород Нижний со всем княжением, и бысть радость велика в граде Москве о приезде его». А. Е. Пресняков справедливо усмотрел в этих словах отзвук «только что пережитой тревоги» москвичей по поводу происшедших событий.⁵³ Но наряду с этими чертами рассказ обнаруживает как бы второй слой повествования, резко критический по отношению к Василию I и его боярам. Сим.—Рог. признает, что Василий I выпросил Нижний «на кровопролитье, на погибель христианскую»⁵⁴ и что нижегородский боярин Василий Румянец, предавший Бориса Константиновича, был «ненавистник божий и друг дьяволь», подобный «древнему Буту» (Блуду — из Повести временных лет). Л. В. Черепнин считает, что нижегородские бояре, верные Борису Константиновичу, стремились «поддержать и использовать в своих интересах лозунги национально-освободитель-

⁵¹ Приселков М. Д. История русского летописания. С. 116.

⁵² Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства. С. 655, 727.

⁵³ Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. С. 277, примеч. 1.

⁵⁴ В Тверском сборнике вместо формулы Сим.—Рог.: «. . . нача просити. . . на кровопролитье, на погибель христианскую» читается: «. . . преможе бо многое събрание на кровопролитие». А. Е. Пресняков склонен видеть в этих словах «указание на отклоненную переговорами угрозу татарского нашествия» (Образование Великорусского государства. С. 277, примеч. 1). Но текст Тверского сборника XVI в. более поздний по сравнению с текстом Сим.—Рог. и содержит явно искаженную и усеченную формулу оригинала.

ного движения, направив его по линии борьбы с московской великокняжеской властью и ее представителями под тем предлогом, что последние являются в сопровождении ордынского посла»; автор повести в Сим.—Рог. — «сторонник раздробленности». ⁵⁵ Так ли это? Ведь сводчик 1412 г. на горьком опыте похода Едигея имел уже возможность убедиться, как опасно и ненадежно опираться в междукняжеских раздорах на ордынскую милость и помощь и какой сложной оказалась дальнейшая борьба за Нижний Новгород. ⁵⁶

Рассказы о присоединении Нижнего Новгорода и о нашествии Едигея в Сим.—Рог. свидетельствуют не о том, что автор был идеологом оппозиционного боярства и «сторонником раздробленности». Напротив, он стремился к единению Руси перед лицом внешней опасности и старался извлечь уроки из опыта двух десятилетий (с 1392 по 1412 г.). Не выражал он и «политические тенденции тверских феодалов». Характерно в связи с этим, что, рассказывая под 6908 (1400) г. о тверских династических распрях, о намерении великого князя Ивана Михайловича «свою братью обидети» и о предательском поведении одного из бояр его брата и соперника Василия, Сим.—Рог. сравнивает этого боярина, как и Румянца в рассказе о нижегородских событиях, с «древним Бутом» (Блудом). Очевидно, создатель свода 1412 г. имел основание заявить под 6917 г., в одной из последних статей свода, что он пишет «неговейне» (непочтительно) о князьях, «не досаждающе, не завидяще чести вашей», но следуя примеру столь же непримиримого обличителя княжеских беззаконий — великаго Селивестра Выдобажьского», — по его представлению, автора Повести временных лет.

Создание единого Русского государства в XV в. осуществилось под властью московских князей; исследователям казалось поэтому естественным искать истоки национально-объединительной идеологии в московской литературе и публицистике конца XIV и XV в. Но вне Москвы тяга к этому объединению была не меньшей, а часто более острой, чем в центре. Московские и тверские книжники, встретившиеся после нашествия Едигея в Твери, должны были об этом думать в первую очередь.

Составители «свода 1448 г.», лежащего в основе СИЛ и НИВЛ, работали в условиях, во многих отношениях схожих с теми, в которых оказались их предшественники в 1412 г. После 1425 г. неоднократно совершались нападения ордынских «царевичей» на Русь, шла междукняжеская борьба, и, что особенно важно, Московское княжество было надолго ослаблено многолетней борьбой за великокняжеский престол. Непосредственной связью между сводами 1412 и 1448 гг. не было; в СИЛ—НИВЛ мы находим заимствования из свода 1408 г. (Тр.), но не из Сим.—Рог. В отличие от свода 1412 г., только с 1390 г. обнаруживающего оригинальные черты, а в предшествующей части опиравшегося на митрополичий свод Киприана, протограф СИЛ—НИВЛ на всем своем протяжении резко отличался от всего предшествующего летописания и был порождением колоссального труда его составителей. По всей видимости, труд этот был создан в важнейшем культурном центре той поры — митрополичьей канцелярии, но само

⁵⁵ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства. С. 470—471.

⁵⁶ Считаю свод 1412 г. отражением идеологии «представителей господствующего класса, которые сделались жертвой неумолимого хода истории», Л. В. Черепнин приводил в подтверждение этому также эпитафию умершему в Москве многолетнему противнику Василия I Семену Дмитриевичу Суздальскому (Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. С. 707), читающуюся в Сим. под 6910 (1402) г. Но содержался ли этот текст в общем протографе Сим.—Рог.? М. Д. Приселков (Троицкая летопись. С. 455—456) возводил его к Тр., но у Карамзина (примеч. 146) соответствующая цитата не аннотирована; в Рог. ее нет, а в Сим. она находится в разделе, заимствованном из Московского свода, скорее это — явительная эпитафия суздальскому князю, высказанная великокняжеским летописцем.

положение митрополии в эти годы было весьма трудным. В 1430 г. умер митрополит Фотий; в 1433—1435 гг. митрополичий престол занимал смоленский епископ Герасим, не поехавший на Москву из-за того, что там (по сообщению псковского летописца) «князи великий заратипаса между Москвою»; в 1437—1441 гг. митрополитом стал Исидор, подписавший Флорентийскую унию и вынужденный после этого покинуть Русь. Новый митрополит Иона был избран лишь в 1448 г. Таким образом, митрополичий двор все эти годы не так зависел от Москвы, как в предшествующее время; и Герасим и Исидор были не менее тесно связаны с Новгородом и Псковом.

Отсюда — ряд своеобразных черт «свода 1448 г.». Независимый от тверской редакции общерусского свода 1412 г., составитель его поместил, однако, ряд важнейших известий из истории этого княжества. Под 6907 (1399) г. в Сим.—Рог. читается некролог тверскому князю Михаилу Александровичу; в Тр. его, по всей видимости, не было.⁵⁷ СИЛ—НИВЛ под 6907 (1399) г. посвятили смерти этого князя обширную повесть, текстуально не связанную с Сим.—Рог. и восходящую, возможно, к какому-то внелетописному источнику. А в предшествующем тексте здесь, впервые в общерусском летописании, были помещены рассказы о мученической смерти в Орде деда Михаила Александровича в 6827 (1319) г., о тверском восстании против Щелкана в 6835 (1327) г. и казни Александра Михайловича в 6839 (1331) г. — рассказы, восходящие к тверским и частью к псковским летописям.

Но главной особенностью «свода 1448 г.» было введение в общерусское летописание обширного фонда новгородских известий. Позиция сводчика в изложении московско-новгородских конфликтов была очень своеобразной. В общем, он скорее сочувствовал московскому великому князю (и особенно митрополиту), но старался выдержать максимальную объективность. Он впервые сообщил о поражении Василия I на Двине в 6906 (1398) г., о котором умалчивали свод 1408 г. и тверская редакция общерусского свода 1412 г., но, сообщая об этом на основании НИЛ, сильно сократил рассказ своего источника и устранил его резкие новгородские тенденции. На всем своем протяжении свод 1448 г. постоянно напоминал, опираясь не только на новгородские, но и на иные источники, о праве Новгорода изгонять своих князей и приглашать новых. Идея местной автономии неразрывно связывалась у составителей этого памятника с осуждением междукняжеской вражды и национально-освободительными идеями, еще более резко выраженными, чем в своде 1412 г.

За время, истекшее между составлением сводов 1412 и 1448 гг., русская политическая мысль пережила важную эволюцию. Сводчик 1412 г. обличал «самочинство» современных ему князей, отвергающих поучения «искуснейших старцев» и следующих безрассудным советам «юных».

В отличие от Сим.—Рог. протограф СИЛ—НИВЛ намечал уже определенную теорию идеального устройства будущего государства: единая Русь, свободная от чужеземного ига, но сохраняющая некоторую автономию отдельных земель.⁵⁸ Но теория эта оказалась очень далекой от реально осуществлявшейся политики: объединение произошло путем установления «единодержавной» власти, решительно отвергшей местную автономию.

Однако объединение это не могло бы совершиться, если бы к нему не стремились жители самых различных земель раздробленной страны. Наиболее выразительными свидетельствами такого стремления служат тверская редакция общерусского свода, составленная в 1412 г., и свод 1448 г.

⁵⁷ М. Д. Приселков ввел в реконструкцию этот некролог из Воскресенской летописи (Московского свода) (Троицкая летопись. С. 451—452), но Н. М. Карамзин ссылался в этом случае на «Лет<описи> Никон<овская>, Ростов<ская> и другия» (примеч. 183).

⁵⁸ Л у р ь е Я. С. 1) Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 104—107, 118—121; 2) Из наблюдений над летописанием первой половины XV в. С. 303—304.

Н. В. ПОНЫРКО

Обновление Макариева Желтоводского монастыря и новые люди XVII в.—ревнители благочестия

Историками русской культуры XVII в. уже давно (начиная с Субботина и Каптерева)¹ обращено внимание на то, что большинство участников так называемого кружка «ревнителей благочестия» были нижегородцами. Как известно, и Иван Неронов, и протопоп Аввакум, и патриарх Никон, и еще несколько лиц, с их кругом связанных, пришли в Москву из нижегородских пределов. Этот факт привлекает внимание исследователей, понимающих, что здесь должна иметься, по всей вероятности, какая-то историко-культурная подоплека. Но до сих пор факт этот не был никак интерпретирован.

Все же, может быть, нам удастся дать ему интерпретацию, если обратить внимание еще на одну общую черту «ревнителей благочестия», до сих пор не замеченную: все они были людьми, связанными так или иначе с Макариевым Желтоводским монастырем. Действительно, патриарх Никон в юности, до своей женитьбы и ухода в Москву, был послушником Макариева монастыря (об этом написал его биограф Иван Шушерин²); протопоп Аввакум сам говорил о Макариевом монастыре как о месте своих благочестивых подвигов (из пустозерского заточения он напомнил своему противнику, а в прошлом — единомышленнику Илариону Рязанскому: «Недостоин суть век твой весь Макариевскаго монастыря единыя нощи. Помнишь, как на комарех тех стояно на молитве?!»³). Об отношении Ивана Неронова к Макариеву монастырю нигде прямо не говорится, но в его Житии рассказывается о том, что он, после того как покинул пределы Юрьевца Повольского, довольно долгое время, уже будучи иереем, жил в селе Лыскове, в доме некоего необыкновенно праведного и учительного священника Анании, поучаясь от него.⁴ Лысково же — село, ближайшее к Макариеву монастырю, стоящее меньше чем в 5 верстах от него на противоположном берегу Волги. Здесь находилось подворье Макариева Желтоводского монастыря.⁵ Надо иметь в виду эту близость при рассуждении о том,

¹ См.: *Материалы для истории раскола за первое время его существования* / Под ред. Н. Н. Субботина. М., 1874. Т. 1. С. 30, примеч. 1; Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов: Время патриаршества Иосифа. Сергиев Посад, 1913. С. 118—119, примеч 1.

² Шушерин И. Известие о рождении и воспитании и о житии святейшаго Никона патриарха Московского и всея России. М., 1871. С. 3; мы пользовались также рукописью ИРЛИ, Древлехрамилеице, кол. Перетца, № 309, сер. XVIII в. (см. л. 5).

³ Памятники истории старообрядчества XVII в. (РИБ, т. 39). Л., 1927. Кн. 1, вып. 1. Стб. 336 (далее: РИБ, т. 39).

⁴ См.: *Материалы для истории раскола*. . . Т. 1. С. 256.

⁵ См.: И. М. Духовная изустаная память строителя Макариево-Желтоводского монастыря Авраамия (1640 года 5 апреля) // *Временник ОИДР*. М., 1850. Кн. 8. Смесь, с. 48; *Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в.: Хозяйство боярина Б. И. Морозова*. М.; Л., 1936. Ч. 2. С. 30.

что с селом Лысковым были связаны многие будущие деятели раскола, такие как протопоп Аввакум и Иларион Рязанский, Павел Коломенский и патриарх Никон. Протопоп Аввакум напоминал из Пустозерска Илариону Рязанскому: «Помнишь, камением тем в тебя бросали на Лыскове том у мужика тово, как я к тебе приезжал?»;⁶ о хождении Никона из Макариева монастыря в Лысково к «учительному» священнику Анании, без сомнения являющемуся одним и тем же лицом с Ананией, упоминающимся в Житии Ивана Неронова, говорится в жизнеописании еще одного лысковца, Илариона, архиепископа Суздальского, основателя Флорищевой пустыни.⁷ Иларион Суздальский был младшим сыном священника Анании; его жена, дочь местного попа, приходилась сестрой Павлу, епископу Коломенскому,⁸ тоже, стало быть, связанному с этим селом, а через него, возможно, и с Макариевым Желтоводским монастырем.

Что же представлял собой в это время Макариев монастырь? Чтобы ответить на этот вопрос, следует сделать экскурс в историю более раннего периода. При своей жизни, с середины XIV до середины XV в., Макарий Желтоводский основал в нижегородских землях три монастыря: первый — на р. Лух (создав здесь общежительство, он покинул его «ради безмолвия»), второй — ближе к Нижнему Новгороду, на Желтых водах (этот монастырь разорили при жизни Макария татары) и третий — на реке Унже на север от Юрьевца Повольского (здесь он скончался и погребен). Как повествует Житие Макария Желтоводского и Унженского, написанное около середины XVI в. на Унже или в Солигаличе,⁹ Желтоводская обитель была разорена татарами в 1439 г. Татары сожгли строение, убили многих монахов и окрестных жителей, других же, вместе с самим Макарием, пленили, а потом отпустили, заставив при этом уйти в более северные земли.¹⁰ До XVII в. Желтоводский монастырь находился в запустении и забвении. Житие Макария говорит о нем в прошедшем времени. Но в 1620 г. — об этом повествует Сказание об обновлении Макариева Желтоводского монастыря, написанное в 40-х гг. XVII в., пока известное мне только в двух списках,¹¹ — монастырь на Желтых водах был возобновлен. Почти через 200 лет на уже заросшем лесом месте, забытом даже окрестными жителями, снова воздвигается строение, собираются иноки, создается общежительство. По Сказанию об обновлении, обновителем монастыря был строитель Авраамий, в миру Алексей, родом из Муромских мест, некоторое время затем живший в нижегородском селе Мурашкине. Из Мурашкина Алексей пересел-

⁶ РИБ. Т. 39. Стб. 336.

⁷ См. рукоп.: ГБЛ, собр. Ундольского, № 418, конец XVIII—начало XIX в. («Повесть о блаженной жизни пресвященнейшаго Илариона, митрополита Суздальскаго, бывшаго перваго строителя Флорищевския обители и о построении этой обители»). Л. 12 об.—13.

⁸ Там же. Л. 1—10. На Лысково как исходный пункт знакомств и связей многих из «ревнителей» — будущих деятелей раскола первым обратил внимание Н. Ф. Каптерев (см.: Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и его противники... С. 119, примеч. 1).

⁹ В рукописной традиции известны две редакции Жития: краткая и пространная. Как показывает текстологический анализ, первоначальной является краткая редакция. Тематика чудес и некоторые косвенные данные позволяют датировать эту редакцию серединой XVI в. Отдельные подробности текста говорят о его либо унженском монастырском, либо галичском (в этом городе Макарий на протяжении XVI в. почитался как месточтимый святой) происхождении. Пространная редакция жития возникла после 1615 г. (см. нашу статью «Житие Макария Желтоводского и Унженского» в «Словаре книжников и книжности Древней Руси». Л., 1988. Вып. 2, ч. 1. С. 291—293). В настоящей статье мы будем ссылаться на текст краткой редакции в списке ГПБ, Соловецкое собр., № 229/229, нач. XVII в.

¹⁰ См. рукоп.: ГПБ, Соловецкое собр., № 229/229, л. 10 об.—15.

¹¹ «Сказание по сокращению о зачатии на Желтых водах обители святого и преподобнаго отца нашего Макария, игумена желтоводскаго и унженскаго чудотворца, и о разорении ея от безбожных агарянских внуков, и запустении, и поновлении по многих летех, паки на том же месте о устроении» // ГИМ, собр. Уварова, № 1197.398.105, л. 69 об.; ГБЛ, собр. Пискарева, № 119, л. 140.

лился дальше за Нижний Новгород и в тех краях сделался иноком. В 1620 г. он, теперь уже Авраамий, побуждаемый неким «видением», пришел в Лысково, чтобы узнать о заброшенном месте жительства преподобного Макария. С большим трудом ему удалось найти старое монастырское место. Он поставил здесь келию; сюда стали приходиться другие иноки. Авраамий посетил Унженский Макариев монастырь, принес оттуда образ Макария, списанный с тамошней его чудотворной иконы, и вскоре на Желтых водах образовался новый монастырь с собором во имя Троицы и приделами к нему: один — в честь преподобного Макария, другой — в честь византийского святого Михаила Малеина.¹²

Как мы хорошо понимаем, посвящение храма тому или иному святому было на Руси не произвольным, а делалось всегда со смыслом, т. е. имело всякий раз определенные культурно-исторические причины. Что означало посвящение одного из двух приделов Михаилу Малеину в случае с монастырем на Желтых водах? Посвящение Макарию при данных обстоятельствах естественно и понятно. А Михаилу Малеину?

Тоже понятно. Надо только сопоставить следующие обстоятельства. Дата обновления Макариева Желтоводского монастыря — 1620 г. А в 1619 г. молодой царь из новой для России династии Романовых, Михаил Федорович, совершает поход на богомолье ко гробу преподобного Макария. За свое продолжительное царствование Михаил Федорович не раз совершал походы на богомолье; в подавляющем большинстве это были походы в Троице-Сергиеву лавру.¹³ Поход 1619 г. был одним из первых и самым дальним из всех, впоследствии совершавшихся царем, и направил его Михаил к Макарию Унженскому и Желтоводскому. Это, конечно, не случайно. Полагать так заставляют обстоятельства похода. 14 июня 1619 г. в Москву наконец возвратился из польского плена отец царя Филарет Никитич, и 24 июня он был посвящен здесь в патриархи Всероссийские.¹⁴ Наконец, спустя 6 лет после Смуты, соединилась и воцарилась на Руси эта двоица «великих государей» Романовых. И одним из первых крупных общественных шагов, ею предпринятых, стало богомолье к Макарию Желтоводскому и Унженскому: уже 22 августа царь с пышным синклитом отправился на богомолье.¹⁵

Патриарх остался в Москве, но инициатором похода был он. Это видно из переписки Михаила с Филаретом Никитичем, происходившей во время шестия царя на Унжу. 3 сентября, уже вслед отправившемуся царю, патриарх послал длинное письмо, в котором сообщал Михаилу Федоровичу о полученных им в это время в Москве свидетельствах о чудесах Макария, обещал прислать в догонку Житие святого, которое, как видно из контекста, до тех пор не было известно царю, и убеждал сына в том, что преподобному Макарию следует «честь воздаяти тако же», как и прочим святым. В конце письма патриарх «просил и молил» о том, чтобы Бог подал царю «желание. . . путное шествие. . . прейти».¹⁶ Несмотря на такое наставление, царь обратился из Ярославля к отцу: «А быти ль нашему походу к чудотворцу, и того, государь, в Вашей грамоте к нам не писано».¹⁷ В ответ на это патриарх в письме от 10 сентября, полученном царем в Костроме (куда он, как видно, шел с большею охотою), терпеливо, не выказывая раздражения, повторил сыну, что он уже высказался вполне опре-

¹² ГИМ, собр. Уварова, № 1197, 398.105, л. 69 об.—78 об.; ГБЛ, собр. Пискарева, № 119, л. 140—149.

¹³ См.: Письма русских государей и других особ царского семейства, изданные Археографической комиссией. М., 1848. Т. 1. С. 9—298; Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1; СПб., 1851. Т. 2.

¹⁴ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. 5. С. 122.

¹⁵ См.: Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 413.

¹⁶ См.: Письма русских государей. . . С. 27—28.

¹⁷ Там же. С. 29.

деленно на этот счет, и еще более категорично просил его «свой обет исполнить к преподобному чудотворцу. . . не откладывая».¹⁸ После этого никаких неясностей по этому вопросу между царем и патриархом больше уже не возникало. Царь со своей матерью, великой инокиней Марфой, 29 сентября прибыли в Унженский монастырь, целовали гроб Макария, а 1 октября убралась восвояси.¹⁹

Михаил Малеин был святым царя Михаила Федоровича.²⁰ В Унженском монастыре после царского паломничества была воздвигнута церковно-придел во имя Михаила Малеина.²¹

Так разъясняется смысл посвящения придела Михаилу Малеину и в Макариеве Желтоводском монастыре. Посвящение церковных приделов Михаилу Малеину в этих монастырях объясняется особым отношением к Макарию Желтоводскому и Унженскому со стороны царя Михаила Романова.

Но что заставило Михаила Романова обратиться к Макарию Унженскому и почему именно в это самое время возник еще один монастырь святого, на Желтых водах?

В Дрвелехранилице В. И. Малышева хранится рукопись середины XVIII в., явно унженского монастырского происхождения (кол. В. В. Лукьянова, № 51). В ней собраны различные письменные памятники о Макарии Желтоводском (службы, житие, несколько сказаний о различных событиях, имеющих отношение к Макарию).²² Среди них есть краткое

¹⁸ Там же. С. 31—32.

¹⁹ На счет сроков пребывания царя в монастыре в исторических источниках существует некоторое разногласие. В письме царя к патриарху Филарету от 30 сентября датой прибытия в монастырь названо 29 сентября, об отъезде сообщается в том же письме: «. . . а из монастыря пойдём октября в 1 день» (те же даты в письме инокини Марфы — см.: Письма русских государей. . . С. 46—48). А в написанной после 1670 г. «Истории кратко о пришествии великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича. . . во святую и чудотворную Унженскую обитель. . .» говорится, что царь пришел в Унженский монастырь «месяца октовриа в 2 день к вечеру; а праздновал святому чудотворцу Макарию октовриа в четвертом числе» (ИРЛИ, Дрвелехранилице, кол. Лукьянова, № 51, л. 350—352 об.).

²⁰ С о л о вьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 5. С. 17; см.: Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 563 и др.

²¹ ИРЛИ, Дрвелехранилице, кол. Лукьянова, № 51, л. 353 об.

²² ИРЛИ, Дрвелехранилице, кол. Лукьянова, № 51 (20-е гг. XVIII в.), 4°. 357 л. Содерж.: л. 1—3 — Оглавление; л. 4—66 об. — «Месяца иулиа в 25 день служба преподобному отцу нашему Макарию, унжескому чудотворцу»; л. 67—145 об. — «Месяца иулиа в 25 день житие и подвизи преподобнаго и богоноснаго отца нашего Макариа Желтоводскаго, унжескаго чудотворца», нач.: «Что убо похвала благоверию. . .» (пространная редакция); л. 145 об.—155 об. — «По житии преподобнаго отца Макариа слово похвальное прочитаемо на память честнаго преставления его», нач.: «Верен есть Господь Бог и праведен и милостив. . .»; л. 155 об.—278 об. — «О чудесех преподобнаго отца Макариа, еже быша по успении его», нач.: «Блаженства тезоименитому по блаженней кончине его достоит блаженное рещи слово. . .»; л. 278 об.—282 об. без загл.: краткое сказание о поддержании Унженского монастыря царем Федором Иоанновичем в 1596 г. и о приходе в монастырь в 1619 г. царя Михаила Федоровича, нач.: «Сего великаго российскаго чудотворца, святаго Макариа, преславная чудодействия от честных мощей его бываемая слыша иногда во время дней царствия своего благочестивый государь царь и великий князь Федор Иоаннович»; л. 282 об.—291 об. — «Сказание, како пренягия Желтоводская преподобнаго отца нашего Макариа обитель обновися явлением его», нач.: «О Желтоводстей убо обители, яже в пределах Нижнего-Новаграда близ великия реки Волги, довольно в житии великаго чудотворца, святаго Макариа, поведано бысть. . .»; л. 291 об.—324 — «Сказание о обретении честных мощей преподобнаго и богоноснаго отца нашего Макариа, желтоводскаго и унжескаго чудотворца», нач.: «В лето 7171-е при богахранимй державе благочестивейшаго великаго государя царя и великаго князя Алексиа Михайловича. . . начаша в монастыре сем строити каменное строение. . .»; л. 324 об.—344 об. — «Сказание о чудесех преподобнаго и богоноснаго отца нашего Макариа, унжескаго чудотворца, бывших во граде Юрьевце Поволском и в пределах его во время, внегда поущением Божиим Российская земля страдале от нахождения безбожных ляхов, и о богодвижимом приходе в пречестную преподобнаго отца обитель великаго государя царя и великаго князя Михаила Федоровича всея России самодержца, нач.: «Дивен Бог во святых своих, — благовременно есть ныне рещи. . .»; л. 345—346 об. — «Пристижение. От русских

сказание о поддержании Унженского монастыря царем Федором Иоанновичем в 1596 г. и о приходе в монастырь в 1619 г. царя Михаила Федоровича, где между прочего говорится о том, что сюда, в монастырь, еще до избрания Михаила Федоровича на царство, приходила молиться «из Костромских предел, из отчины своя» инокиня Марфа Ивановна с сыном своим отроком Михаилом.²³ В другом сказании из этого же сборника — о чудесах преподобного в Юрьевце Повольском и о приходе в Унженскую обитель в 1619 г. царя Михаила Федоровича — также говорится о том, что Михаил, «егда крыся от безбожных ляхов в пределех Костромских», молился в Унженском монастыре «о родителе своем, чудном архиереи Филарете, удержанном в Польше в плене, яко да облобыжет святыя его седины».²⁴ Оба сказания известны пока в единственном, Лукьяновском, списке. По другим источникам, хождение царя на Унжу из Костромы неизвестно.

Ходили или нет сын с матерью молиться к Макарию об освобождении из плена Филарета Никитича или это им только приписывается местным преданием, — в любом случае причина существования такого предания коренится в том обстоятельстве, что особой чудодейственной способностью Макария Желтоводского считается покровительство пленным. Из его Жития известно, что он сам побывал в плену и вывел оттуда на Унжу много народа. Кроме того, одно из самых ранних посмертных его чудес связано со спасением уведенной в татарский полон некоей «благовидной» жены Марии.²⁵ Понятно, почему сразу же по возвращении Филарета Никитича из польского плена Романовы отправились на поклонение святому — освободителю пленных.

Но существовала еще одна причина, заставившая Романовых обратиться к этому святому. Оказывается, Макарий Желтоводский был покровителем нижегородского ополчения.

В нижегородских землях имя Макария Желтоводского, кроме Унженского и Желтоводского монастырей, носили следующие обители: уже упоминавшаяся Луховская пустынь на р. Лух, о ее основании самим Макарием говорится в его житии; пустынь под г. Свяжском, неизвестно когда основанная, в житии не упоминается; по преданию, она устроена Макарием при возвращении из татарского плена (просуществовала до XIX в.); пустынь под Городцом на р. Мологе, неизвестно когда основанная, существовала уже в 1584 г., в 1615 г. по грамоте царя Михаила Федоровича она приписана к Троице-Сергиевой лавре; монастырь на р. Немде близ деревни Коряковской, основан сразу же после Смуты в честь победы в 1609 г. над войсками Лисовского (упразднен в 1708 г.); монастырь близ села Пурех, тоже основан в честь победы 1609 г. над Лисовским (упразд-

летописцов», нач.: «А яко прославна яже под градом Юрьевцом Поволским на литовских людей победа баше и молитвами преподобнаго отца Макария содеяся, изъясляют о том мнози российстии летописцы. . .»; л. 346 об.—348 — без загл., нач.: «Лета 7188-го году, месяца маиа в 16 день на память преподобнаго отца нашего Феодора Освященнаго, в день недельный, в четвертый на десять час дне бысть посещение Божие и знамение небесное во обители святыя живоначалныя Троицы. . .» (о ударившей в храм молнии и чудесно не повредившей его); л. 348 об.—354 — «История вкратце о пришествии великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича, всея России самодержца во святую и чудотворную унжескую обитель преподобнаго и богоноснаго отца нашего Макария, желтоводскаго и унжескаго чудотворца», нач.: «В лето от сотворения мира 7128-е. . . великий государь царь и великий князь Михаил Федорович. . . приходил по своему царскому обещанию во святую сию и чудотворную Унжескую обитель. . .»; л. 354 об.—356 — «Последование древняго обычая святыя обители Унжеския о чудотворном кладязе преподобнаго отца нашего Макария, желтоводскаго и унжескаго чудотворца», нач.: «Егда кто от болящих каковым любо недугом востребует пити святыя сея от кладязя святаго Макария воды. . .»

²³ Там же. Л. 280.

²⁴ Там же. Л. 338 об.—339 об.

²⁵ Макарий, явившийся Марии в видении, провел ее невидимо для татар через все их станы и вернул на родину. См.: ГПБ, Соловецкое собр., № 229/229, л. 24—26 об.

нен в первой четверти XVIII в.); пустынь при деревне Решме, основана тоже в честь освобождения от поляков в 1609 г. (просуществовала до XIX в.). Всего шесть монастырей.²⁶ Знаменательно, что три из них основаны в честь побед над поляками в Смутное время.

В «Новом летописце», созданном под наблюдением патриарха Филарета около 1630 г.,²⁷ о событиях 1609 г. под Нижним Новгородом рассказывается так. Когда сюда пришло воинство Лисовского, то по городам и волостям нижегородской земли стали собираться «черные люди»: в Юрьевце Повольском — во главе с сытником Федором Красным, на Решме — с крестьянином Гришкой Лапшой, на Балахне — с Иваном Кувшинниковым, в Городце — с Федькою Нагавициным, на Холуе — с Илейкой Денгиным. Соединившись, они пошли в Лух и там «литовских людей побили». Вскоре в Нижний пришел отряд русских ратных людей под водительством Федора Ивановича Шереметева. И «прииде весть в Нижней, что из Суздаля идет Лисовский с литовскими людьми и с русскими воры за Волгу, воевать Костромских, и Галицких, и Унженских мест, и Юрьевских. И посла Федор Иванович на них судами; и сошли их под Юрьевцом Поволским на острову, и побиха их на голову».²⁸ В упоминавшемся же «Сказании о чудесах преподобнаго. . . во граде Юрьевце Поволском и в пределах его во время. . . нахождения безбожных ляхов. . .» из сборника Лукьянова эти же события с более близкого расстояния освещаются таким образом: «Тогда же и град Юрьевец Поволской велию тесноту от безбожных ляхов прияше. . . Баше бо воюяй град сей некто воевода, Лисовский наричем, со многим воинством. . . Тогда мнози от граждан . . . оставльше дома своя, за реку Волгу перевезшеся, в леса. . . отбегше, вселишася. . . И сущим им в бегстве, согласшася окрестных весей, именуемых Елнатския и Березниковския, с земледельцы и начаша молити. . . о избавлении от окаяннаго того схизматика. В помощь же призывающе новаго чудотворца, преподобнаго отца Макария Унженского. . . и обещахася ему во граде Юрьевце и предреченных весех во имя его церкви воздвигнути. . . И егда выше града на остров, рекомый Момшин, они окаяннии ляхи перевезшеся. . . и оттуду хотяще. . . прехехати чрез обон пол Волги в весь, именуемую Коряковскую. . . тогда Коряковстии жители. . . на брег реки Волги вси собравшеся, брань противу врагов творяху. . . И обещахася тогда вси онии коряковстии жители монастырь воздвигнути во имя преподобнаго. . . И абие в то время. . . воеводы православнороссийстии, нашедше на оных окаянных ляхов, стоящих на острове, помощию Божию и молитвами преподобнаго Макария до конца их разориша и победиша. И тако коряковстии жители избавльшася молитвами преподобнаго Макария от окаянных ляхов. . . В то же время. . . и в пределех града Суждаля и Нижняго Новграда, в селех, именуемых Решме и Пурихе. . . тамошнии поселяне велию тесноту и озлобление от безбожных ляхов страдаху. . . Книждо со своим селе. . . на моление. . . чюдному Макарию Унженскому обратихася, дабы им избавитися от душегубных еретиков. И обещахася во своих селех монастыри чудотворцу Макарию воздвигнути. И яко сия они обещаньи своими предложиха. . . по сем вскоре. . . от российскаго воинства, ово из Юрьевца, ово из Нижняго нашедшаго, противнии низложени быша».²⁹ Далее говорится о том, как после прекращения Смуты, когда «вси. . . православнии людие, вместо страха в безстрашие и радость вшедши, храмы святыя. . . обновляху ово же ново созидаху», жители Юрьевца «со-

²⁶ См.: Зверинский В. В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1892. Т. 2. С. 201, № 916; С. 202, № 917; СПб., 1897. Т. 3. С. 90, № 1724, 1725; С. 91, № 1727, 1728, 1729.

²⁷ См.: Черепнин Л. В. «Смута» в историографии XVII в. // Ист. зап. 1945. № 14. С. 81—128.

²⁸ ПСРЛ. М., 1965. Т. 14. С. 86—89.

²⁹ ИРЛИ, Древлехранилище, кол. Лукьянова, № 51, л. 328—337.

вокупльшися со окрестных весей жителями, молитвенныя храмы преподобному Макарию вскоре — во граде убо в монастыре Богоявления Господня, в весех же в Елнатской на реце Лозореве, в Березнитской на реке Сегати — возградиша». А крестьяне деревни Коряковской «близ реки Немды преподобнаго отца Макария монастырь возградиша, в немже церковь и келии устроиша и игумена и братию собраша и довольство по возможному определиша». Так же в селах Решме и Пурихе «монастыри же тамошнии жители богоносному Макарию соградиша».³⁰

И по официальному «Новому летописцу», и по провинциальному уженскому Сказанию видно, как велика была общественная активность нижегородцев во время Смуты. Местная инициатива «черных людей», поднявшихся по собственному почину на борьбу, имела широкий размах. Ею были охвачены жители и Юрьевца Повольского, и Городца, и Балахны, и Холуя, деревень Решма, Пурех, Коряковская, Елнатская и Березниковская.

Покровителем своих вооруженных выступлений против поляков нижегородцы избрали Макария Желтоводского.

Любопытно отметить, что фигурирующее в уженском сказании село Пурех принадлежало не кому иному, как князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому, главе второго нижегородского ополчения. Это было его поместье, пожалованное ему после 1613 г. в родовую вотчину.³¹ В деловых документах XVII в. пурехский монастырь в честь Макария прямо называется построением князя Пожарского: «Да что боярин Дмитрий Михайлович Пожарский на своей вотчинной земле поставил монастырь и дал на пропитание из своей же вотчинной земли»;³² «. . . и в той де Пурецкой волости боярина князя Дмитрея Михайловича по обещанию строен монастырь Макария, Желтоводского чудотворца. . .»³³ В начале XIX в. в трапезной пурешской приходской церкви, в прошлом монастырской, хранилась хоругвь, с которой, по преданию, Д. М. Пожарский ходил на освобождение Московского государства от поляков. В 1827 г. она была поднесена тогдашней помещицей Пуреха Николаю I и с тех пор находится в Оружейной палате.³⁴

Исторический материал убеждает в том, что вся нижегородская земля, от крестьянина до князя, считала Макария Желтоводского патроном своего ополчения. И надо думать, что именно этим обстоятельством по преимуществу объясняется то особое внимание, с которым отнеслись к святому Макарию патриарх Филарет и царь Михаил Федорович, так многим обязанные нижегородскому ополчению.

Вернемся к Желтоводскому монастырю. Когда строитель Авраамий пришел в 1620 г. на Желтые Воды, ему в создании монастыря очень сильно помогли жители села Лыскова. Они, как рассказывает Сказание об обновлении монастыря, «множеством народа на Желтыя воды приидоша. . . и от своего усердия насокоша древес довольно к созданию церковному. . . Великия дресва. . . на рамах своих преносиша».³⁵ Описанная здесь сцена напоминает процитированный выше рассказ о «возграждении» Макарьев-

³⁰ Там же. Л. 337—338.

³¹ См.: Б у т у р л и н М. Д. О месте погребения князя Дмитрия Михайловича Пожарского и о том, где он лечился от ран осенью 1611 г. // ЧОИДР. 1875. Кн. 4, отд. 1. С. 1—47.

³² Выписка из писцовых книг о землях, входивших в XVII в. в состав Пурешской волости (см.: Б у т у р л и н М. Д. О месте погребения князя Дмитрия Михайловича Пожарского. С. 40).

³³ Из справки о получении пошлин за монастырских крестьян, выделенных вдове и детям Д. М. Пожарского (см.: Нижний Новгород в XVIII веке: Сборник документов / Под ред. С. И. Архангельского. Горький, 1961. С. 103).

³⁴ См.: Б у т у р л и н М. Д. О месте погребения князя Дмитрия Михайловича Пожарского. С. 41; Опись московской Оружейной палаты. Ч. 3. Знамена, прапоры, значки, флаги и штандарты. М., 1884. С. 51—53.

³⁵ ГИМ, собр. Уварова, № 1197. 398. 10б, л. 77—77 об.

ского монастыря в деревне Коряковской, когда крестьяне сами создали монастырь, «церков и келии устроиша» и даже «игумена и братию собраша». Крестьяне не выжидают отшельника, поселившегося поблизости от их жилищ, а сами помогают строить монастырь и даже, как это было с коряковцами, собирают в него братию. Такое поведение было продолжением той бурной народной инициативы, которая прорвалась в 1609 г., проявлением того захватившего после Смуты русских людей мироощущения, которое унженский автор определил как «вместо страха в бесстрашие и радость вшествие».

Отец и сын Романовы не могли не считаться с этой тягой к обновлению. Они сами к нему стремились как вновь воцарившиеся, как новая династия. Идею о приведении страны к порядку, благоденствию и обновлению после смуты и беспорядка сделали они своим политическим знаменем.

При том демонстративном внимании, с которым отнеслись Романовы к нижегородскому святому, нет ничего удивительного в том, что центром проявления новых веяний стал Макариев монастырь. Кажется, вокруг Макариева Желтоводского монастыря стала формироваться партия сторонников новолюбческой программы Романовых. Следует обратить внимание на одну фразу из Сказания об обновлении монастыря. Рассказав о развернувшемся здесь в начале 40-х гг. бурном каменном строительстве и о том, как при этом «юнеет и распространяется» обитель, автор продолжает: «И сего ради от многих стран прихождаху монаси и мирстии и моляше настоятеля, да повелит им своими руками во обители у чудотворца Макария от своего усердия потруджтися».³⁶ В этом прихождении «от многих стран» людей со стороны (в том числе мирян) ради участия в новостройке чувствуется какая-то общественная кампания, которая, по всей вероятности, началась гораздо раньше 40-х гг. Особой поддержкой правительства Желтоводский монастырь стал пользоваться с самого начала. Дело в том, что, как проговорился автор еще одного Сказания из Лукьяновского сборника, Унженским монастырем царь Михаил в 1619 г. остался недоволен из-за какого-то «шатания» в братии.³⁷ Строитель Авраамий, пришедший в Москву с прошением о Желтоводском монастыре, тут же получил на свое дело «от царя повеление и от святейшаго патриарха благословение».³⁸ А в 1628 г. патриарх Филарет заявил о своем особом покровительстве Желтоводскому монастырю жалованной несудимой грамотой.³⁹

Но кто же были эти «монаси и мирстии», приходившие «от многих стран» в Макариев Желтоводский монастырь? Не Иван ли Неронов, Стефан Воныфатьев, протопоп Аввакум, Иларион Рязанский?

Иван Неронов жил в Лысково у священника Анании, как можно считать по его житию, в первой половине 20-х гг.⁴⁰ А в Лысково он при-

³⁶ Там же. Л. 78 об.

³⁷ См. «Сказание о обретеннии честных мощей преподобнаго и богоноснаго отца нашего Макария, желтоводскаго и унженскаго чудотворца» // ИРЛИ, Древлекранище, кол. Лукьянова, № 51, л. 300—301. Царь, оказывается, в памятный приезд 1619 г. сначала даровал Унженской обители во владение около пятидесяти сел, расположенных по реке Унже, но внезапно, перед тем как отправиться в Москву, отобрал их все назад, чем-то рассерженный (см.: Там же. Л. 300).

³⁸ Там же. Л. 290 об. («Сказание, како прежняя Желтоводская преподобнаго отца нашего Макария обитель обновися явлением его»).

³⁹ Жалованная несудимая грамота патриарха Филарета Макарьеву Желтоводскому монастырю, 10 июня 1628 г. // ЧОИДР. 1866. Кн. 3. Смесь. С. 10—12.

⁴⁰ По сообщению жития, в Лысково Иван Неронов переселился после того, как дважды ходил в Москву к патриарху Филарету из села Никольское-Соболево, причем говорится, что второй его поход в Москву произошел через год после первого. Следовательно, в Никольском-Соболеве он проживал после 1619 г. (года возведения Филарета в патриархи) и самое меньшее — в течение одного-двух лет. Затем он переехал в Лысково к священнику Анании и некоторое время жил у него. «По довольном же прожитии» в Лысково он переселился в Нижний Новгород, где нашел заброшенную церковь Воскресения, у которой и стал проповедовать. Какие-то годы ушли на восстановление церкви (на средства «милостивого мужа» Саввы), устройство вокруг нее

шел, по тому же житию, из села Никольского-Соболева «пределов» Юрьевца Повольского.⁴¹ Село Никольское-Соболево находится в такой же близости от Юрьевца Повольского, как село Лысково — от Макарьева Желтоводского монастыря.⁴² А Юрьвец Повольский, как мы убедились, тоже был центром культа Макария (в честь Макария в городе стоял храм, а в подгородной деревне Коряковской — монастырь), и Унженская обитель, расположенная в 70 верстах, неизменно включала этот город в сферу своего влияния, что хорошо видно из содержания различных литературных памятников, помещенных в унженском сборнике из кол. Лукьянова, № 51. Значит, Иван Неронов перешел от одного места почитания Макария к другому в то же самое время, когда свое внимание от Унженского монастыря на Желтоводский перенес и царь Михаил Федорович. Вряд ли такое совпадение можно считать случайным. При этом нам известно, что род Ивана Неронова записан в Синодик Макариева Желтоводского монастыря.⁴³

Род Стефана Вонифатьева, о биографии которого до его протопопства при Благовещенском на царском Верху соборе (т. е. до 1645 г.⁴⁴) не сохранилось никаких документальных материалов, тоже записан в Желтоводском Синодике.⁴⁵

О связи протопопа Аввакума с Макариевым монастырем и Лысковым уже говорилось. Следует обратить еще внимание и на то, что Аввакум был родом из тех мест, где жила строитель Авраамий (от села Мурашкина родина Аввакума — село Григорово — удалено лишь на 8 верст). И о протоиерействе Аввакума в Юрьевце Повольском также следует помнить в связи с темой особого почитания Макария.

Постриженником Макариева Желтоводского монастыря, а затем его игуменом с 1649 по 1656 г. был Иларион Рязанский.⁴⁶

Симеон, архиепископ Тобольский и Сибирский, у которого Аввакум находил защиту в Сибири, тоже был постриженником Желтоводского монастыря (и, стало быть, очень вероятно, старым знакомцем протопопа).⁴⁷

келий женского монастыря. Став популярным в Нижнем Новгороде через учительную деятельность и обличение пороков народа и духовенства, Иван Неронов в эти годы хаживал в Москву и бывал благосклонно принят у патриарха Филарета. После этого «по неколих же летех» он заслужил опалу свыше и был сослан на два года в Никольский Корельский монастырь (см. житие Ивана Неронова: Материалы для истории раскола за первое время его существования. Т. 1. С. 250—270). Известна дата грамоты о ссылке Ивана Неронова: 31 января 1632 г. (см.: ААЭ. СПб., 1836, № 198. С. 284—285 — патриаршая грамота в Корельский Никольский монастырь об отправке туда попа Ивана [Неронова] на покаяние за его гордость и смуту). Таким образом, если между приходом в Лысково в 1632 г. уместилось несколько лет жизни в Лыскове и еще несколько лет — в Нижнем Новгороде, значит, в Лысково Иван Неронов должен был прийти в первой половине 20-х гг., а в Село Никольское-Соболево — в самом их начале.

⁴¹ Материалы для истории раскола. . . Т. 1. С. 250.

⁴² См.: Список населенных мест по сведениям 1870—72 годов / Издан Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. СПб., 1877. Т. 18: Костромская губерния, № 11523.

⁴³ См.: Белокуров С. Арсений Суханов. М., 1891. Ч. 1. С. 169, примеч. 6.

⁴⁴ Смирнов С. Древнерусский духовник. М., 1914. С. 253.

⁴⁵ См.: Белокуров С. Арсений Суханов. С. 170, примеч. 7.

⁴⁶ См.: Доброторский С. Описание нижегородского Печерского первоклассного мужского монастыря (отд. оттиск из «Нижегородских губернских ведомостей»). 1849. № 28—43. С. 81; Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 613.

⁴⁷ В течение всей своей дальнейшей жизни оба архиепископа продолжали проявлять внимание к Макариеву монастырю, вести себя как его питомцы. Когда Иларион Рязанский в 1673 г. удалился на покой, он пожелал вернуться в Желтоводский монастырь (см.: Воздвиженский Т. Историческое обозрение рязанской иерархии. М., 1820. С. 135—136, 141—142). А перед этим, еще в 1665 г., для него и для Симеона, архиепископа Сибирского, строили в Желтоводском монастыре «двой светлицы брусовыя» (этот факт, как и то, что оба архиепископа были духовными детьми патриарха Никона (интересно было бы знать, в какие времена возникло это духовное родство — не в лысковские ли?), известен нам по записке подьяка Федора Трофимова о винах патриарха Никона, опубликованной в Материалах для истории раскола, т. 4.

Кто еще бывал в Макариеве, мы пока не знаем. А ведь сказание говорит, что приходили энтузиасты «от многих стран». Может быть, среди них были и знатные люди, москвичи? ⁴⁸

В чем заключалась новизна культурной позиции кружка Ивана Неронова и Стефана Вонифатьева, подробно показано в книге А. М. Панченко «Русская культура в канун петровских реформ». ⁴⁹ Мы знаем, что основными направлениями деятельности кружка были: насаждение публичной проповеди (публичное учительство), борьба за поднятие общественной активности в среде духовенства, борьба за одерковление быта, борьба со скормошеством, с пьянством, борьба за единогогласие. ⁵⁰

А. М. Панченко показал, почему такая программа деятельности «ревнителей» представлялась другой части русского общества «ересью новой». ⁵¹ Для нашей темы важно обратить внимание на то, что отдельные элементы этой программы зародились при участии и, возможно, под влиянием нового правительства Романовых.

Когда в 1619 г. Унженский монастырь попал в немилость к царю Михаилу Федоровичу, это случилось из-за того, что «огорчиша его монаси монастыря сего, во время бытия его царскаго на игумена своего ему. . . несправедно понос деующии и горше мирских, оставльше монашества путь, устремление во обличении показавший». ⁵² Очень похоже, что это «горше мирских» относится к пьянству монахов. Царь, значит, первым в макариевских местах проявил то благочестивое рвение, которым в скором времени стал отличаться здесь Иван Неронов.

Когда неукротимый молодой Иван Неронов, еще не имея сана священства, будучи чтецом и певцом при церкви того села Никольского-Соболева, которое располагалось неподалеку от Юрьевца Повольского, стал обличать «перев веси той» в пьянстве и «многом безчинстве», то духовенство того села и мирские люди послали на него жалобу (некое «писание») к патриарху Филарету. Тогда сам Иван тоже обратился к патриарху, очевидно, имея основания надеяться на его помощь в таком деле. Он сделал это через Дионисия Зобниновского: пришел к нему в Троице-Сергиеву лавру, изложил свое дело, а Дионисий, познакомившись с молодым «ревнителем» из пределов Юрьевца Повольского, отослал его со своим рекомендательным «писанием» к патриарху. Дело кончилось тем, что патриарх Филарет не только не внял жалобе никольских жителей, но самолично посвятил Ивана Неронова в дьяконский чин и дал ему какое-то письмо, позволявшее действовать в прежнем духе. Иван вернулся домой с сознанием такой поддержки сверху, что стал, будучи лишь дьяконом, совершать здесь следующие поступки: «. . . егда иереи они прихождаху в церковь пиани, тогда Иоанн властью, от архиереа ему повеленною, отторгаше их от святаго олтаря и вон из церкви извождаше. . . И един

С. 295). Когда патриарху Иоакиму потребовалось в 1675 г. свидетельствовать незадолго перед этим проявившиеся в Унженской обители мощи Макария, он уполномочил заняться этим делом Симеона Сибирского, жившего тогда на покое в Желтоводском монастыре (Х е р с о н с к и й И. К. Летопись Макариево-Унженского монастыря Костромской епархии. Кострома, 1888. С. 89). Симеон вел дело, руководствуясь чувством традиционно сложившегося соперничества между Унженским и Желтоводским монастырями, и решил его «в пользу» Желтоводского монастыря: обнаруженные мощи не были признаны Макариевыми, их снова захоронили на прежнем месте (см.: «Сказание о обретении честных мощей преподобнаго и богоноснаго отца нашего Макария, желтоводского и унженского чудотворца» // ИРЛИ, кол. Лукьянова, № 51, л. 303—315).

⁴⁸ Интересно было узнать подробности о нижегородских связях Павла Коломенского, но, к сожалению, ничего, кроме упоминания о его свойстве с Иларионом Суздальским, нам неизвестно.

⁴⁹ Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984. С. 24—36, 108—112.

⁵⁰ Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и его противники. . . С. 105—141.

⁵¹ См.: Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. С. 24—36, 108—112.

⁵² ИРЛИ, Древлекранилище, кол. Лукьянова, № 51, л. 301.

пояше в церкви и поучаше народ» (будучи дьяконом!). Через год Иван в Москве был посвящен патриархом в иереи.⁵³ По расчетам, это были первые годы после возвращения Филарета Никитича из польского плена.⁵⁴

Известны многочисленные грамоты и указы царя и патриарха, направленные против пьянства.⁵⁵

В отношении борьбы со скomorошеством московское правительство и «ревнители» тоже находили понимание друг у друга.⁵⁶ Трудно сказать, была ли инициатива «ревнителей» здесь первенствующей, во всяком случае, обращаясь за поддержкой к правительству, они были уверены в своем единомыслии с ним.⁵⁷

Кружок «ревнителей благочестия» можно назвать как «макариевским», так и «романовским». С воцарением Алексея Михайловича последняя черта сделалась особенно наглядной.⁵⁸

Но исходной чертой во всем этом движении новолюбцев была его связь с такой общественной силой, как нижегородское ополчение. В начале 50-х гг. XVII в. «ревнителей благочестия» прозвали в Москве и других городах «казанцами». Об этом нам оставил свидетельство Адам Олеарий.⁵⁹ При царе Алексее Михайловиче Казанский собор в Москве был центром новолюбцеского движения. Здесь протоиерействовал Иван Неронов, здесь говорил он свои проповеди и вывешивал поучения вокруг церкви. Сюда приходили провинциальные «ревнители», когда бурные перипетии их приходской деятельности приводили их в Москву за поддержкой. Здесь подвизался в 1652—1653 гг. протопоп Аввакум («у Казанские тое держался, чел народу книги»), перед тем как был схвачен в «сушиле» и отправлен в сибирскую ссылку. Сюда хаживал и царь Алексей Михайлович с царцей слушать проповеди. Единоголосное пение, отстаивание которого составляло один из основных пунктов программы деятельности «ревнителей», поначалу смогло быть введено только в Казанском соборе.⁶⁰ А ведь это

⁵³ См.: Материалы для истории раскола за первое время его существования. Т. 1. С. 250—255.

⁵⁴ См. примеч. 40.

⁵⁵ С л о в ь е в С. М. История России с древнейших времен. Кн. 5. С. 320—321.

⁵⁶ Общеизвестен рассказ Жития протопопа Аввакума о его столкновении в селе Лопатицы со скomorохами, когда он у них «хари и бубны иломал на поле едии у многих и медвейд двух великих отнял, — одново ушиб, и паки ожил, а другога отпустил в поле» (РИБ. Т. 39. Стб. 11). Не раз обращалось внимание и на деятельность Ивана Неронова против народных игрищ, в молодые годы — в Вологде, затем — в Нижнем Новгороде (см.: Материалы для истории раскола за первое время его существования. Т. 1. С. 246—248, 260). Акты правительственной борьбы со скomorошеством, народными играми и «глумными» правами во времена царствования Михаила Федоровича и Алексея Михайловича подвергались рассмотрению в работах многих исследователей (см.: К а п т е р е в Н. Ф. Патриарх Никон и его противники. С. 121—125; Б е л к и н А. А. Русские скomorохи. М., 1975. С. 73—98; У с п е н с к и й Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии (статья первая) // *Studia slavica Academiae scientiarum hungaricae*. Т. 29. Budapest, 1983. С. 38—39).

⁵⁷ Как, например, в случае с известной челобитной 1636 г. нижегородских попов во главе с Иваном Нероновым, обличающей местные народные праздничные обычаи и упадок пастырской активности духовенства. Челобитчики обличали, обращая внимание патриарха на то, что их движение является встречным по отношению к позиции власти: «Которые от вас к нам грамоты приходят о исправлении христианства и в наше, государь, наказание. . . к нашему воздержанию и трезвости, — и протопопы, государь. . . по вашему государеву наказанию от пьянства удаляться и от всякаго безчинства не возбраняют» (Р о ж д е с т в е н с к и й Н. В. К истории борьбы с церковными беспорядками, отголосками язычества и пороками в русском быту XVII в. // ЧОИДР. М., 1902. Кн. 2, отд. IV (Смесь). С. 1—31).

⁵⁸ См.: К а п т е р е в Н. Ф. 1) Патриарх Никон и его противники. С. 105—168;

2) Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1909. Т. 1. С. 1—105.

⁵⁹ О л е а р и й А д а м. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. Введение, перевод и примечания А. М. Ловягина. СПб., 1906. С. 312.

⁶⁰ К а п т е р е в Н. Ф. Патриарх Никон и его противники. С. 115—117, 138, 162.

был храм, воздвигнутый в 1626—1630 гг. иждивением князя Д. М. Пожарского.⁶¹ Д. М. Пожарский перенес сюда из своей приходской церкви Введения на Лубянке образ Казанской Божьей Матери, носимый в войске нижегородского ополчения при его освободительном пути в Москву. Казанская икона Богородицы по окончании Смуты была официально признана помощницею в деле освобождения Москвы от поляков; в честь этого события был учрежден особый праздник образа Казанской Богородицы — 22 октября.⁶²

Снова мы убеждаемся в явной ориентации новолюбцев на общественные круги, связанные с нижегородским ополчением.

⁶¹ С ы т и н П. В. История планировки и застройки Москвы. М., 1950. Т. 1. С. 92.

⁶² См.: Новый летописец (ПСРЛ. Т. 14. С. 132—133); Д м и т р и е в с к и й А. В честь какой иконы Казанской Божьей Матери установлен праздник 22 октября // Тр. Киев. духов. акад. 1905, февр. С. 188—219; Памятники истории нижегородского движения в эпоху Смуты и земского ополчения 1611—1612 гг. Т. 11: Действия нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Н. Новгород, 1912. С. 341—345.

О. А. БЕЛОБРОВА

О древнерусских подписях к некоторым нидерландским цельногравированным изданиям XVII в.

Среди рукописных сборников конца XVII—начала XVIII в. выделяется определенная группа, представленная прозаическими и стихотворными текстами, кратко излагающими содержание Библии, от книги Бытия до Апокалипсиса.

Один из таких сборников с виршами описал еще в 1859 г. В. Г. Варенцов,¹ другой ввел в научный оборот в 1895 г. М. И. Соколов,² третий отметил в 1913 г. Г. П. Георгиевский.³ Два прозаических сборника нашли отражение в каталогах советского периода.⁴

До сих пор эти сборники не сопоставлялись между собой. Только М. И. Соколов привлекал для сравнения единичный список стихов из сборника XVIII в. (ГБЛ, Музейное собр., 3058).

Следует отдать должное М. И. Соколову, который первым установил по акростиху авторство Мардария Хонькова (Хоникова) и определил назначение первого стихотворного цикла из С (для вписывания на полях цельногравированной нидерландской Библии Пискатора (далее — Б. П.), изданной в Амстердаме в 1674 г.). Что касается второго цикла стихов в С, М. И. Соколов приписал их тому же Мардарию Хонькову, проследил литературную историю части этого цикла в русских цельногравированных изданиях XVIII в.,⁵ но не нашел, к какому именно западноевропейскому иллюстрированному изданию Библии он относится.

Позднее к сборнику С обратился И. М. Тарабрин, выступивший в 1906 г. с докладом «О составителях вирш к лицевой Библии Пискатора».⁶ Докладчик установил, что Мардарий Хоньков служил в Московском Печатном дворе; второй цикл стихов он приписал, вопреки мнению М. И. Соколова, Симеону Полоцкому. Тогда же И. М. Тарабрин продемонстрировал несколько различных изданий Б. П., «снабженных русскими над-

¹ В [а р е н ц о в] В. [Г.]. О рукописном сборнике стихотворений XVIII столетия // Библиографические зап. М., 1859. Т. 2. № 11. Стб. 332—339 (далее — В). Этот сборник (ГБЛ, Музейное собр., 705) описан в кн.: Музейное собрание рукописей: Описание (ГБЛ. Отдел рукописей). М., 1961. Т. 1. С. 20—21.

² С о к о л о в М. И. Славянские стихи монаха Мардария Хоникова к лицевой Библии Пискатора // Археол. изв. и заметки. М., 1895. № 9—10. С. 300—321 (далее — С). Ныне этот сборник, считавшийся утраченным, находится в ГИМ (Музейское собр., 3192).

³ Г е о р г и е в с к и й Г. П. Собрание Н. С. Тихонравова: 1. Рукописи. М., 1913. С. 42 (далее — Т). Нынешний шифр — ГБЛ, ф. 299, № 251.

⁴ БАН, Арханг., д. 409, л. 333—410 (Исторические сборники XV—XVII вв. Описание РО БАН СССР. М.; Л., 1965. Т. 3, вып. 2. С. 248; далее — А); ГБЛ, ф. 218, № 715, л. 150—205 (Машинописная опись. Т. 7: Поступления 1956 г. С. 301—303; далее — Б).

⁵ М. И. Соколов опирался на публикации некоторых текстов Мардария Хонькова и из второго стихотворного цикла, обнаруженные им в труде Д. А. Ровинского «Русские народные картинки» (М., 1881. Т. 3, 4).

⁶ См.: Протокол 89-го заседания Славянской комиссии имп. Московского Археологического общества 24 октября 1906 г. // Древности. Тр. Славянской комиссии имп. МАО. М., 1907. Т. 4: Протоколы. С. 61—62.

писями». Позднее, в 1911 г., на 15-м Археологическом съезде в Новгороде в докладе «Библия Пискатора в истории русской письменности и искусства» И. М. Тарабрин сообщил свои наблюдения о русских текстах подписей к гравюрам Б. П., прозаических и стихотворных. Он располагал к тому времени 30 экземплярами Б. П., которые в тезисах и в хронике отнесены к изданиям 1639, 1643, 1650 и 1674 гг. разного формата (в лист, в пол-листа, в 8-ку).⁷

В 1913 г. А. И. Успенский опубликовал полный стихотворный цикл Мардария Хонькова (476 строф) по единичному списку псковского происхождения из Рижского церковно-археологического музея (конца XVII в.), без акростиха.⁸ Это издание не было отражено в библиографических трудах, может быть, оттого, что публикатор никак его не озаглавил. Еще раньше А. И. Успенский ввел в научный оборот подписи к циклу «Страстей Христовых», оказавшиеся частью сочинения Мардария Хонькова.⁹

После большого перерыва интерес к указанным стихотворным текстам возрос при подготовке капитальных трудов: второго издания «Русской силлабической поэзии XVII—XVIII вв.»,¹⁰ очередного тома Описания РО БАН СССР, посвященного поэзии,¹¹ Материалов к «Словарю книжников и книжности Древней Руси».¹²

К вопросу об авторе и об источниках второго цикла стихов в С в связи с находкой его списка в сборнике, содержащем «Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого (БАН, Петр. IА-55; 16.7.18, л. 590—608 об.), а также в связи с привлечением ранее не учтенных изданий Библии с русскими подписями в том же собрании обратились И. Ф. Мартынов и Е. Д. Кукушкина.¹³

При подготовке обзора выявленных в БАН семи экземпляров Б. П. было обращено внимание также на древнерусские прозаические подписи к гравюрам и на их переписку в сборнике.¹⁴ Одна редакция подписей, представленная на нижних полях неполного экземпляра Б. П. (БАН, 17.2.6), оказалась в двух рукописных сборниках, связанных с Антониевым-Сийским монастырем (А, л. 333—378; Б, л. 150—169).¹⁵ Другая

⁷ См.: Известия Пятнадцатого археологического съезда в г. Новгороде. М., 1911. № 9. С. 99—101; Рудakov В. Пятнадцатый археологический съезд в г. Новгороде // ЖМНП. 1912. Ч. 40. Нов. сер. Июль, № 7—8. С. 33—34. Полные тексты докладов И. М. Тарабрина не опубликованы, местонахождение их неизвестно.

⁸ Успенский А. И. Царские иконописцы и живописцы XVII века. М., 1913. Т. 1. С. 314—315 и Приложение 1. С. 1—51. Нынешнее местонахождение указанного списка не установлено. Как позволяет судить «Каталог российских книг библиотеки Павла Григорьевича Демидова, составленный им самим. . .» (изд. В. Ундольский. М., 1846. С. 27, № 640), существовал еще один список, обозначенный в каталоге таким образом: «Надписи на личную Библию (именуемую Theatrum Biblicum apud. Nic. Joh. Piscatorem, 1674) стихотворил Магдарий (так! — О. Б.) Хоников, в лист». Книги и рукописи библиотеки П. Г. Демидова погибли при пожаре Москвы в 1812 г.

⁹ Успенский А. И. «Страсти Христовы» — иконы из иконостаса Смоленского собора Новодевичьего монастыря // Моск. церковные ведомости. 1901. № 36. С. 416—418.

¹⁰ Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. (Б-ка поэта; Большая сер. 2-е изд.) / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А. М. Панченко. Общ. ред. В. П. Адриановой-Перетц. Л., 1970.

¹¹ Стихотворения, романсы, поэмы и драматические сочинения: XVII—первая треть XIX в. / Сост. И. Ф. Мартынов (Описание РО БАН СССР. Т. 4, вып. 2). Л., 1980.

¹² Богуславский Г. А., Каган М. Д. Мардарий Хоньков (Хоньков): Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 128—130.

¹³ Мартынов И. Ф., Кукушкина Е. Д. Забытые тексты русской силлабической поэзии XVII в. // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник. 1975. М., 1976. С. 44—47.

¹⁴ Белоброва О. А. Библия Пискатора в собраниях БАН // Материалы и сообщ. по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1987. С. 184—216.

¹⁵ Заглавие: «Изъяснение библейского писания в лицах. . .»; нач.: «На первый день сотвори бог свет и разлучи бог между светом и тьмою и нарече бог свет день,

редакция — пословный перевод латинских подписей к первым 80 гравюрам — была найдена в тех же рукописных сборниках (А, л. 399 об.—410 об.; Б, л. 199—205) и в нескольких экземплярах Б. П.: БАН, 17.2.6 (на верхних полях); ГПБ, Соловецкое собр., 189/1525; ГПБ, F.I.902; ГИМ, Музейское собр., 3666; ГИМ, собр. Меньших, 1817; ГРМ $\frac{ДР}{Гр}$ 78; ГПБ, Разнояз. собр., F.I.19 (на нижних полях); Научная библиотека Академии художеств, G607, G608.¹⁶ Были учтены и другие прозаические древнерусские подписи к гравюрам (например, в Б. П. БАН, Текущ. поступл., 732; не совпадают с ними подписи в Б. П. Великоустюжского музея и др.). В некоторые экземпляры Б. П. вписаны отрывки текста печатной славянской Библии (острожской 1581 г. или московской 1663 г.), например в Эрмитажный альбом ЭРГ, № 10241, 10242.

Заметим, что до сих пор исследователи уделяли и продолжают уделять внимание преимущественно стихотворным подписям к гравюрам распространенной на Руси Б. П., главным образом виршам Мардария Хонькова. В известной степени это оправданно: до нас дошло около 10 экземпляров Б. П. с этим текстом (включая отрывки из этого цикла, в том числе вирши к Апокалипсису в Б. П. из Научной библиотеки Академии художеств, G607) и еще 8 рукописных списков (три из них в сборниках В, С, Т; встречаются и отдельные строфы, например в рукописях БАН, 16.14.24; БАН, 34.4.15; ГПБ, F.I.318 и др.). Благодаря опубликованному М. И. Соколовым послесловию «К читателю» с акростихом «Монах Мардарий Хоников трудился» не вызывают сомнения ни авторство, ни место (Москва), ни время составления стихов (1679 г.). В стихотворном «Описании на лист первый» указан даже год издания Б. П. — 1674. Тем не менее нам известны два экземпляра Б. П. 1650 г., на полях гравюр которых были вписаны стихи Мардария Хонькова (ГИМ, Музейское собр., 3666/1—2; ГПИБ, ОРК, 177, 82 подписи).

Следует указать, что подписи к гравюрам Б. П. на латинском языке сделаны не по Вульгате. Это либо краткое наименование сюжета, либо его вольный пересказ. Например, гравюру к Gen. 38.27 сопровождает следующий текст: *Post Thamar Geminos vitales edit in augas*. Латинские подписи Б. П. как будто не исследованы. Между тем в разных изданиях одной и той же Библии латинские подписи не совпадают. Вообще издания Б. П. разных лет не были идентичными. Это почти не принимается во внимание исследователями и в ряде случаев приводит к ошибочным суждениям. В книговедческой литературе нашли отражение два последних издания Б. П. (1650 и 1674 гг.), без указания их различий,¹⁷ но в справочниках (по истории гравюры названо еще издание 1614 г.¹⁸

Среди доступных нам экземпляров Б. П. к 1614 г. можно отнести альбом-увраж ГИМ, Музейское собр., 4049, гравюры в котором расположены только на развороте листов (55.5×42 см). Он дошел без титульного листа и без древнерусских подписей к гравюрам (впрочем, их поля срезаны), с владельческой скрепой: «Сия книга, глаголемая лицевая библия, Савина Сторожёвско монастыря». Большинство гравюр имеют под-

а тьму ночь. Бытия, глава первая, стих 3». Этот текст опубликован в приложении к цитированной выше статье О. А. Белобровой (Библия Пискатора. С. 197—216).

¹⁶ Заглавие: «Дела ужасныя божия люду греси мерскаго страшныя казни великих яже достойная побед ироев содеяша руде падения же благочестивых, сие тебе зрителю учаным представляет художеством зрелище. . .»; нач.: «Свет бог во тме и скорбную тму (I день) разлучает и день первое и ночь сотвори». Включение самостоятельной подписи «I день» в первую строку текста показывает, что перевод выполнялся подчас буквалистски, пословно. Текст этой редакции не опубликован.

¹⁷ *В r u n e t J. Ch. Manuel du libraire et de l'amateur de livres*. Paris, 1864. Т. 5. Col. 773; *G r a e f e J. G. H. Trésor de livres rares et précieux ou nouveau dictionnaire bibliographique*. Dresden, 1867. Т. 6. 2-е part. Т—Z. P. 110.

¹⁸ См.: *N a g l e r G. K. Neues Allgemeines Künstler-Lexicon*. Bd «Veit Ph.—Vouet». München, 1850. S. 418.

писи: «N. Vifcher excud.» или «C. I. Visscher excudit» (вторая будет встречаться во всех последующих изданиях Б. П.). Одна из гравюр (л. 8/9, разворот 7) датирована 1614 г. Среди резных подписей имена выдающихся мастеров: P. P. Rubens invent.; P. P. Rubens pinxit; I. Jordaens inventor; Jacobus Tintoret invent.; имена графиков — Marten de Vos inventor; N. de Bruyn, Marten Heemskerck и др. — встретятся и в последующих изданиях Б. П., как и имена резчиков. Этот увраж незаслуженно забыт и не учтен нашими исследователями.

Вопреки указаниям И. М. Тарабина, нами не найдено ни одного экземпляра Б. П. с титульным листом 1639 г., если не считать выпущенного под этим годом переиздания Библии Петера ван дер Борхта, предпринятого Николаем Пискатором (к этому мы еще вернемся). Зато удалось оценить особенности Б. П. 1643 г., в которой особая серия миниатюрных сцен к Апокалипсису, отличающаяся от последующих изданий Б. П., сопровождается (только здесь) латинскими четверостишиями (привлекались экземпляры Б. П. из Великоустюжского музея ИК $\frac{20301}{\text{XI}-2300}$ из Вологодского краеведческого музея, № 1991 и ГПБ, Соловецкое собр., 189/1525).¹⁹

Бытование на Руси Б. П. 1646 г., не упоминавшейся И. М. Тарабиным, но известной еще И. Э. Грабарю,²⁰ подтверждается рукописным прозаическим текстом подписей к гравюрам. Он находится в сборниках А и Б и содержит в самом начале упоминание города Алькмара, печатника Семена Корнилова, даты. Эти данные (t'Alcmaer, Symon Cornelisz, 1646) читаются на титульном листе единственного в своем роде издания (нами привлекался экземпляр ГРМ $\frac{\text{Др}}{\text{Гр}80}$, без русских подписей), примечательного наличием наборного голландского текста на дополнительных 89 листах, а также второго титульного листа с латинским текстом и другой датой — 1643 г. Подобный экземпляр, только без голландского титульного листа, с датой 1650 г. и заглавием на латинском языке, с виршами Мардария Хонькова на полях, встретился нам в собрании ГПИБ, ОРК, 177; он отмечен в печати.²¹

Различия в изданиях Б. П., далеко не исчерпанные нами, не могли не отразиться в древнерусских подписях к гравюрам. Известны, например, списки стихов Мардария Хонькова со стихами к четырем гравюрам, иллюстрирующим Притчу о ленивом, и без них. Эти четыре гравюры встречаются только в Б. П. 1674 г. и отсутствуют в более ранних ее изданиях. Нам встретились экземпляры Б. П. с виршами Мардария Хонькова, в которых эта серия гравюр не имеет русских подписей (ГПБ. Ф.1.906 и ГПИБ, ОРК, 178). Это означает, что переписка стихов велась либо с Б. П. 1650 г., либо со списка без указанных четверостиший (таков, например, список ГИМ, Музейское собр., 3192).²²

¹⁹ М. И. Соколов, не знаящий Б. П. 1643 г., сообщил: «У Пискатора под картинками к Апокалипсису нет стихотворных подписей» (Соколов М. И. Славянские стихи. . . Мардария Хонькова. . . С. 13, 14). Привлеченная нами Б. П. ГПБ, Соловецкое собр., 189/1525 не имеет титульного листа, но по ряду примет может быть датирована 1643 г. Поскольку она входит в состав рукописного Хронографа, о ней сообщалось попутно (с неверной датой издания — 1650 г.), см.: Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1885. Ч. 2. С. 112—122.

²⁰ Грабарь И. Э. История русского искусства. М., б. г. Т. 6: Живопись. С. 518, примеч. 1.

²¹ См.: Издания Нидерландов XVII в.: Каталог коллекции (Гос. Публичная историческая библиотека. Отдел редких книг) / Сост. В. П. Степанова. М., 1980. Ч. 4. С. 264—265. Необычность данного экземпляра здесь не отмечена, а типичная Б. П. (ГПИБ, ОРК, 178), без наборного текста, сочтена, напротив, дефектной. Возможно, что И. Э. Грабарь пользовался Б. П. ГПИБ, ОРК, 177, когда в ней еще находился цитированный им второй титульный лист, на голландском языке, с датой 1646 г.

²² Недостающие вирши издатель М. И. Соколов (Славянские стихи монаха Мардария Хонькова. . . С. 312) подчеркнул в списке ГБЛ, Музейное собр., 3058. М. И. Со-

Кроме текста Мардария Хонькова, на полях гравюр Б. П. и в рукописях встречаются еще три стихотворных цикла. Все они анонимны. Один из них неполный: он охватывает новозаветные и отчасти ветхозаветные сюжеты, Страсти и Деяния апостолов. Эти вирши читаются в Б. П. из научной библиотеки Академии художеств, G607 и G608, 1674 г. и в сборнике В (где они обозначены как сочинение «іпахо творса»).²³ В самом деле, вместо пространных строф Мардария Хонькова здесь вначале преобладают двустишия, а в Страстях — и четверостишия (впрочем, в Деяниях встречаются строфы и по шесть строк). Этот текст не публиковался и не исследовался. В отличие от стихов Мардария Хонькова, вирши данного цикла зависимы от латинских подписей к гравюрам и от их прозаического послонного перевода. Сравним для примера подписи к сюжету Матф., 2.7:

*Пословный перевод**Вирши*

Созывает Ирод до себе цари без медления
о новорожденном многа проси их.

Без медления царей Ирод призывает
И о новорожденном многа вопрошает.

Другой стихотворный цикл к гравюрам Б. П. гораздо полнее, хотя он сочетается с устойчивыми прозаическими дополнениями. Список подписей к гравюрам этой редакции читается в рукописи ГБЛ, ф. 299, № 539, а также в семи экземплярах Б. П. разной сохранности. Например, Б. П. БАН $\frac{5950}{27308r}$ содержит всего 31 лист (поступила из Архангельска в 1966 г.); упоминавшаяся выше Б. П. БАН, 17.2.6 (доставлена В. И. Срезневским в 1901 г. из Вологды) насчитывает 245 л.; в Б. П. БАН, Текущ. поступл., 595 — 270 л. Еще одна Б. П. с данными виршами (всего 309 л.) оказалась разобщенной: одна часть ее (133 л.) хранится в ГМИИ им. А. С. Пушкина, Отдел гравюры, № 125027—125159, другая (176 л.) — в ГБЛ, ф. 722, № 93. В Ярославском музее-заповеднике Б. П. с теми же стихами представлена только Ветхим заветом (Охр. 766, 261 л.). Наиболее полна по сохранности Б. П. из Гос. Эрмитажа, Отдел западноевропейской гравюры, ГЭ, У.250: в ней 432 л. Титульный лист с датой 1650 г. сохранился только в самом неполном из указанных шести альбомов экземпляре БАН $\frac{5950}{27308r}$. Судя по косвенным приметам, остальные увражи также 1650 г., кроме Б. П., Текущ. поступл., 595 и Б. П. Вологодского музея, № 1991, изде. раньше, в 1643 г. Весьма вероятно, что этот стихотворный текст знал еще И. М. Тарабрин, упоминавший русские вирши к Б. П. 1643 г., которые он даже датировал серединой XVII в.²⁴ А. Г. Сакович отметила в увраже ГМИИ—ГБЛ «надписи в стихах и прозе, неизвестные исследователям русских текстов Б. П.»²⁵ Этот текст, хотя и достаточно распространенный, и в самом деле никем не исследован и не издан. Вирши данного цикла отличаются лаконизмом, гравюры нередко подписаны двустишиями.²⁶ Во

колов отмечал их метрическую неоднородность с остальными виршами. Но он не знал, что в большинстве списков стихов Мардария Хонькова эти стихи присутствуют (в публикации А. И. Успенского — под № 145—148).

²³ Первые шесть строк этого текста (три двустишия) цитируются в статье В. Г. Варенцова (О рукописном сборнике стихотворений XVIII столетия. Стб. 356), Вирши к Страстям в данной редакции встречаются и на полях гравюр Б. П. ГПБ, Соловецкое собр., 189/1525. Последние 58 строк тех же вирш из сборника В, как удалось установить, происходят из цикла подписей к гравюрам Библии М. Мерияна, а не Пискатора.

²⁴ См.: Известия Пятнадцатого археологического съезда в Новгороде. С. 99.

²⁵ См.: Выставка новых поступлений 1970—1980 гг. (ГМИИ им. А. С. Пушкина). Каталог. М., 1982. С. 184.

²⁶ Нач.: «Свет бог во тмах, свет от тмы разделяет / Вначаже день и ночь созидает». Некоторые двустишия этой редакции встречаются при гравюрах Библии Мерияна (БАН, Арханг. С. 206). На этот экземпляр любезно указал Д. М. Буланин.

всех перечисленных экземплярах Б. П. они переписаны без соблюдения строф, как проза (то же и в рукописи ГБЛ). Поскольку в известных нам экземплярах Б. П. 1674 г. этот стихотворный цикл не встречается, можно предположить, что он был составлен до 1674 г., и тем более до сочинения Мардария Хоникова (1679 г.).

Третий анонимный стихотворный цикл подписей к гравюрам Б. П. неполный. Он, как и первый, зависит от латинских подписей гравюр и перемежается с прозаическим их переводом (ГПБ, Разнояз. собр., F.I.19).

Кроме Б. П., в русском библиоде XVII в. находились и другие иллюстрированные издания Библии, о чем настойчиво напоминает И. Л. Давыдова в своих работах последних лет.²⁷ Об этом же позволяют судить тексты привлеченных нами рукописных сборников. В самом деле, отмеченный еще М. И. Соколовым в сборнике С второй стихотворный цикл (261 строфа) не был им «привязан» к определенным гравюрам; исследователь огорчился, что «заграничного издания лицевой Библии в пол-листа на на 261 л. мы не знаем».²⁸ В настоящее время ясно, что это Библия Маттиаса Мериана, изданная во Франкфурте-на-Майне в 1625—1627 гг.²⁹ и переизданная в Амстердаме Пискаторами-Виссхерами: в середине XVII в., в 1682 г. и около 1700 г.³⁰ Список стихов из сборника С вполне соотносится с подборкой гравюр этого альбома. Из оригинальных гравюр 1625—1627 гг.

нам удалось привлечь всего 12 листов ГПБ, Э $\frac{1 \text{ Ис } 547}{4\text{-м } 522/1-12}$ с вписанными на полях сверху и снизу древнерусскими виршами. Листки сохранили выборочную буквенно-цифрную нумерацию, от 23 до 243; это указывает на их былую принадлежность полному комплекту гравюр.

Переиздание Библии М. Мериана (середины XVII в.) с теми же виршами, вписанными далеко не ко всем сюжетам и сохранившимися неполно, так как поля гравюр срезаны при переплете, обнаружено в Научной библиотеке Академии художеств (В-139, 225 л.). В этом экземпляре имеются наборные четверостишия на пяти языках и прозаические толкования на голландском языке. Гравюры здесь уступают оригиналу. Еще более позднее Пискаторово переиздание Библии Мериана, форматом в пол-листа, конца XVII в. (Пискатор назван здесь Виссхером), с русскими подписями в прозе хранится в ГПИБ (ОРК. XVII в. 8° — 2688).³¹

Экземпляр Библии Мериана (БАН, Арханг. С.206) дополнен в XVII в. русскими подписями, то виршами, то в прозе. Вирши, как оказалось, заимствованы здесь из второго анонимного стихотворного цикла подписей к гравюрам другой Библии — Б. П. Как попали эти вирши на листы Библии Мериана — путем переписки с листов Б. П. или из рукописного сборника, сказать трудно. Припоминается, что в одном экземпляре Б. П. (ГПИБ, ОРК, 177) включено семь гравюр из Библии Мериана без дополнительных подписей.

²⁷ Давыдова И. Л. 1) Проблема «нарышкинского стиля» в русском искусстве второй половины XVII века: Автореф. дис. . . . канд. искусствовед. М., 1973; 2) Основные проблемы гезезиса «нарышкинского стиля». Рукоп. депонир. в ИНИОН АН СССР. Ст. 7.VI.1978 г. за № 2222. С. 28—42.

²⁸ Соколов М. И. Славянские стихи монаха Мардария Хоникова. . . С. 317.

²⁹ См.: Graesse J. G. Th. Trésor de livres rares et précieuses ou nouveau dictionnaire bibliographique. Dresden, 1863. T. 4. S. 496; Thieme U., Becker F. Allgemeines Lexikon der Bildenden Künstler «Mandere—Möhl». Leipzig, 1930. S. 413. Е. Я. Остащенко обнаружила в ГБЛ еще одно франкфуртское издание Библии Мериана 1638—1643 гг. (ГБЛ, РК, IV—лат. 8°), без русских подписей.

³⁰ См.: Nagler G. K. Neues allgemeines Künstler-Lexicon oder Nachrichten von dem Leben und Werken. München, 1840. Bd 9. S. 139—140. № 25.36.37. Известные нам экземпляры Библии Мериана, форматом в лист, 1682 г. (Гос. Эрмитаж. Р. К. 2.1.13) и около 1700 г. с перегравировкой Г. Лересса (ГПБ, 15.19.2.38; ЦГАДА; БМСТ, Ин.—351, любезно указанный Л. П. Залуцкой), не имеют русских подписей.

³¹ Издания Нидерландов XVII в.: Каталог коллекции (ГПИБ, ОРК). Ч. 3 (№ 514—809). М., 1980. С. 175, № 583. Этот альбом состоит из гравюр без вставных листов наборного текста.

Кроме списка в сборнике С, вирши к Библии Мериана входят в сборник Т (л. 1—12 об., неполный цикл) и в сборник БАН, 31.7.3 (л. 590—618) вслед за «Вертоградом многоцветным» Симеона Полоцкого, как отмечалось выше. Особенно любопытно, что те же русские вирши вписаны частично и в миниатюрную Библию с гравюрами сестер К. и М. Кюслин (БАН, 16.16.1 — издана в Аугсбурге), как это установлено Е. Д. Кукушкиной и И. Ф. Мартыновым. Стихи из этого цикла не только переписывались: они вошли частично в русские целногравированные издания XVIII в., которые отметил и опубликовал Д. А. Ровинский — это вирши к 60 гравюрам «Библии мастера И. Д.» (иерея Димитрия, Дмитрия Пастухова) и к Библии М. Нехорошевского, 1746 г.³² Гравюры здесь после многочисленных перегравировок потеряли присущий оригиналу высокий профессиональный уровень.³³ Цикл стихов к гравюрам Библии М. Мериана полностью не опубликован, авторство его остается проблематичным.³⁴ Заглавие: «Священнаго писания Ветхаго и Новаго Завета изображений исторических подписания равномерно и крассогласно устроенная»; нач.: «Бог небо, землю, воды словом созидает / и по тьме первобытной свет в мире являет».

Еще один устойчивый текст подписей к гравированной Библии, в прозе, обнаружен в сборниках А и Б. Так как каждый сюжет имеет отсылку к книге и главе Библии, удалось найти соответствующее целногравированное издание. Это Библия Петера ван дер Борхта, изданная в Антверпене в 1580—1590-е гг. (100 гравюр).³⁵ Нам известно второе издание этой Библии: 60 гравюр Ветхого завета из Научной библиотеки Гос. Эрмитажа (РК, 3.4.9) с датой 1580—1581 гг. на титульном листе и с наборным текстом на обороте каждой гравюры (три столбца — по-латыни, по-французски и по-голландски; сверху латинская цитата из Библии). Полная серия гравюр к Ветхому и Новому заветам в известных нам экземплярах, без наборного текста, имеет на каждой гравюре латинскую краткую надпись сверху внутри рамки (например: *Pietatis praerogativa. Genesis, 27.18*). Таковы гравюры ГПБ Э. Осн./17—257—355³⁶ и из Яросл. муз.-заповед., № 15730.³⁷ Ярославская серия находилась в русском обиходе в XVII в., судя по остаткам скорописной записи о продаже: «зачисто» . . . «взял» . . . «с полтиною». . . «своею рукою» и др.

В 1639 г. Николай Пискатор переиздал серию гравюр Петера ван дер Борхта в Амстердаме. Нам известны два вида этого переиздания:

³² Вирши к 60 начальным гравюрам опубликованы в кн.: Р о в и н с к и й Д. А. Русские народные картинки. СПб., 1881. Кн. 3: Притчи и листы духовные. С. 259—268. 58 строф к гравюрам на ветхо- и новозаветные сюжеты переписаны в сборнике В (л. 86 об.—91).

³³ Д. А. Ровинский (Русские народные картинки. СПб., 1881. Кн. 4. Примеч. и доп., С. 600) отмечал, что «картинки этой библии (мастера И. Д. — О. В.) скопированы с немецкого образца, а вирши сочинены под польским влиянием».

³⁴ Доводами авторства считается соседство в сборниках с сочинениями Мардария Хонькова или Симеона Полоцкого. Следует добавить еще одно имя, то ли владельца, то ли переписчика, а может быть, и составителя стихов, названное в неполном списке ГБЛ, ф. 299, № 251, на л. 12 об.: «Конец и богу слава. Превод библии латинския личныя малыя, в поддеств, Семена Фалеева иконописца» (других сведений о С. Фалееве нет).

³⁵ Двучастная серия гравюр к Ветхому и Новому заветам отмечена в параграфе «*Pieter van der Borch*» // *V a s t e l a e r R., L o o G. Peter Breugel. Bruxelles, 1907. P. 381—384*. Об изданиях Библии Борхта XVI и XVII вв. сообщается в трудах: *W u r z b a c h A. Niederländisches Künstler-Lexicon. Wien; Leipzig, 1906. Bd 1. S. 140—141; H o l l s t e i n F. W. H. Dutch and Flemish etchings engravings and woodcuts CA 1450—1700. Amsterdam. S. a. Vol. 3. P. 99—108*.

³⁶ 99 гравюр этой серии в новое время наклеены на листы, по четыре. Две гравюры этой подборки (Gen., 2.16, 2.19) воспроизведены в кн.: С а к о в и ч А. Г. Народная гравированная книга Василия Кореня 1692—1696. М., 1983. С. 26, ил. 29, 30.

³⁷ 88 гравюр этой серии переплетены в новое время в виде альбома. Указанием на эту подборку в объясн. О. В. Звегинцевой. По сообщению Н. М. Турцовой, к гравюрам Петера Ван дер Борхта как к иконописному подлиннику обращался в 1670—1680-е годы иконописец Семен Спиридонов (см.: К а р а с и к И. Н. Молодежные научные чтения // Сов. искусствознание. М., 1988. Вып. 23. С. 372).

1) ГИМ, собр. Меньших, 1880. К 100 гравюрам Борхта (сохранилось 87 л.) добавлен новый титульный лист: «*Emblemata sacra e praecipuis utrisque Testamenti Historiis concinnata et a Petro Vander Burgio Figuris aeneis elegantissimis illustrata et jam recens multis in locis emendata, atque edita a Nicolao Johannis Piscatore. Anno 1639*»; ³⁸ 2) ГБЛ, Музейное собр., 3274. Здесь состав подборки иной: к известным гравюрам Петера ван дер Борхта альбомного формата добавлены его же гравюры двучастные (Страсти, Деяния апостолов, Апокалипсис и др.). Иначе выглядит и титульный лист: «*Biblia hoc est Vetus et Novum Testamentum iconibus expressum opera et studio Petri Vander Burght et nunc recens in lucem editum per Nicolaum Joannis Piscatorem. Anno 1639*». ³⁹

Хотя на цитированных титульных листах наряду с именем издателя названо имя гравера Петера ван дер Борхта, оба альбома получили наименование «Библии Пискатора 1639 г.». ⁴⁰ Очевидно, и И. М. Тарабрин, упоминаемая Б. П. 1639 г., имел в виду гравюры Борхта, переизданные Пискатором. В таком случае наиболее ранним после 1614 г. следует считать издание Б. П. 1643 г., о котором речь шла раньше.

Что касается Библии Петера ван дер Борхта, ее гравюры (полная серия в 100 листов) переиздавались еще не раз вплоть до конца XVII в. Судить об этом позволяют древнерусские подписи к гравюрам, сохранившиеся в рукописных сборниках А и Б с указанием даты в заглавии: «Список из книги библии с печати фряжской, дестовые, в лицах, печатано в лето от рождества Христова 1680, надписанием руским языком по листом». ⁴¹ Подписи этой древнерусской прозаической редакции, как оказалось, сопровождали почти полную серию гравюр (95 л.) Петера ван дер Борхта, вошедших в известную «Книгу Виниуса» (БАН, 17.17.19, № 7429—7523). Эти гравюры наклеены здесь по две на листах большеформатного альбома, для чего поля гравюр срезаны, а снизу как будто даже оборваны. Н. Р. Левинсон заметил, что «составитель альбома не был заинтересован в сохранении надписей, а обращал внимание преимущественно на самую гравюру». ⁴² Но и у гравюры сверху нередко срезаны подписи на латинском языке. Сами гравюры здесь несколько отличаются, хотя они отпечатаны с авторских досок: отпечатки сделаны на листах большего формата, не альбомного, а приближенного к обычному размеру «в лист». Именно такого формата — folio — отмечено амстердамское издание серии гравюр Борхта в словаре Наглера. ⁴³ В ряде случаев заменены латинские надписи

³⁸ Поля гравюр срезаны, гравюры наклеены на листы бумаги с записями начала XIX в. Гравюры раскрашены. Эта Библия происходит из собр. П. И. Щукина.

³⁹ Этот экземпляр (87 л.) принадлежал Г. Д. Филимонову. С подобной же подборкой гравюр нам встретилась Библия Борхта, переизданная в Амстердаме в 1673 г. (Музей истории религии и атеизма, Библиотека, Ин. — 760), с русской подписью-скрепой «Антониева Сийского монастыря казенная книга библия личная» (это издание не отмечено библиографами).

⁴⁰ Ср.: Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1898 г. (М., 1899. С. 18) и машинописную Опись ГБЛ (ф. 178. Т. 2. С. 106). И. М. Кудрявцев (Артаксерксово действо: Первая пьеса русского театра XVII в. М.; Л., 1957. С. 144—145) также называет это издание Б. П., хотя на воспроизведенной им гравюре читается имя Борхта.

⁴¹ Сборник А, л. 381; сборник Б, л. 191. Об издании 1680 г. в библиографии сведений нет.

⁴² Левинсон Н. Р. Альбом «Книга Виниуса» — памятник художественного собирательства в Москве XVII века // Ежегодн. Гос. Историч. музея: 1961. М., 1962. С. 80.

⁴³ Nagler G. K. Neues allgemeines Künstler-Lexicon. München, 1835. Bd 2. S. 51. К сожалению, здесь не указан год выполнения амстердамской серии гравюр, не назван и издатель. Для датировки издания Библии Борхта, расклеенного в «Книге Виниуса», представляет интерес второй экземпляр из Научной библиотеки Гос. Эрмитажа (РК, 5.313/157959), на титульном листе которого указан 1593 г., а под гравюрами читается наборный латинский текст, в две колонки.

Какое-то издание Библии Борхта с русскими подписями XVII и XVIII вв. на ходилось в собрании Ф. И. Буслаева.

в верхней части гравюр (например, к сюжету Gen. 22.13: читается *Volunt insperatum* вместо *Dominus providebit*). Под гравюрами здесь помещен латинский наборный текст, по две строфы, слева и справа. Ниже располагаются древнерусские рукописные подписи, достаточно пространные, по нескольку строк. Хотя это прозаический текст, он переписан здесь как бы в двух строфах, двустрочиями, слева и справа. Обрывы или срезы листов сохранили только верхние строки каждой из этих строф. Целиком сохранилась следующая русская подпись: «Моляше некий человек Исуса, да исцелит сына его от беса, ибо ученицы не возмогоша исцелити его. Иисус же исцелив вдасть имъ отцу здрава» (совпадает с текстом в сборниках А, л. 396 об. и Б, л. 285 об.). Заметим, что это не перевод с латыни.

Приведенный обзор русских текстов к целногравированным нидерландским и фламандским изданиям XVI и XVII вв. позволяет судить о притоке иностранных книг традиционного содержания и об их ассимиляции в русской читательской среде XVII—начала XVIII в. Очевидно стремление раскрыть содержание этих книг, сделать их доступными, превратить из увража — собрания гравюр — в книгу для чтения. Как правило, древнерусский текст подписей к гравюрам достаточно самостоятелен; только пословный перевод зависим от латинских подписей (совершенно не типичен их буквальный перевод в Б. П. БАН, Текущ. поступл., 732).

Кроме имени Мардария Хоныкова, мы не можем достоверно назвать имена других составителей древнерусских подписей к гравюрам. Нам неизвестно также, только ли в Москве составлялись тексты, предназначенные для пояснения гравюр. Переписка подписей в сборники, бытовавшие в других городах и в монастырях, скорее всего указывает на широкую сферу распространения образцовых текстов к иллюстрированным изданиям Библии. К сожалению, мы не располагаем сведениями о том, каким образом поступали в русские библиотеки интересующие нас иностранные целногравированные издания. Естественно, что в среде выходцев из Голландии такие книги не были редкостью. Благодаря подписи на экземпляре Б. П. 1674 г. (ГБЛ, ф. 304/II, № 370_{1, 2}) нам известна ее первоначальная принадлежность Андрею Винуису. Впоследствии книга перешла к патриарху Московскому Адриану, а затем в Троице-Сергиеву лавру. Неудивительно также, что в «Книге Винуиса» нашелся почти полный экземпляр Библии Петера ван дер Борхта, да еще с русским текстом. Какие-то привозные лицевые библии Винуис в 1703 г. продал в Москве.⁴⁴

В конце XVII в. иллюстрированные библии, как правило, принадлежали представителям высшего духовенства, духовным лицам, монастырским библиотекарям, царским особам. Так, например, в составе келейных книг архиепископа вологодского Симона в 1683 г. находились «Книга библия, в лицах, малая, печать фряская. Книга библия же в лицах, большая, с подписью рускою, печать фряская. Книга библия в лицах же, с подписью рускою, печать фряская».⁴⁵ В описи книг, оставшихся от игумена Антониева-Сийского монастыря Феодосия (1687 г.), названа «Книга библия, в лицах, большая, с рускою подписью».⁴⁶ Позднее, в 1693 г. архимандрит того же монастыря Никодим сделал вклад в монастырскую книгохранительную казну «Книгу библию, в лицах, фряскую. . . в десть. . .

⁴⁴ См.: Козловский И. П. Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве. Варшава, 1913. Т. 1. С. 290, 292.

⁴⁵ См.: Коновалова Ж. Ф. О библиотеке архиепископа вологодского и белозерского Симона // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник. 1978. Л., 1979. С. 116. Идентификация данных описи с дошедшими до нас иностранными книгами как будто бы не производилась.

⁴⁶ Цит. по: Кукешкина М. В. Описи книг XVI—XVII вв. библиотеки Антониева-Сийского монастыря // Материалы и сообщ. по фондам Отдела рукописной и редкой книги БАН СССР. М.; Л., 1966. С. 140.

переведена и подписана скорописью на русский язык». ⁴⁷ Подобные же «библии в лицах» принадлежали Афанасию Холмогорскому, ⁴⁸ Симеону Полоцкому, а после него Сильвестру Медведеву. ⁴⁹ На некоторых экземплярах Б. П. читаются владельческие записи, например архиепископа великоустюжского и тотемского Александра (экземпляр Великоустюжского музея) и т. д.

Лицевые библии иностранного происхождения и списки подписей под их гравюрами нередко находились и у иконописцев XVII—XVIII вв.: суздальцам Иконниковым принадлежала Б. П., ⁵⁰ в 1677 г. у живописца Ивана Безмина для царя Феодора Алексеевича купили «библию в лицах», ⁵¹ подобную лицевую Библию украли в 1687 г. у царского живописца Богдана Салтанова. ⁵² Списки подписей к Б. П. находились у псковского иконописца Евмения Максимова (БАН, 25.7.13, начало XVIII в.), у вятских иконописцев Резанцевых (сборник В) и т. д.

В XVIII в. иллюстрированные библии попадают в более демократическую (в том числе купеческую) среду. Например, в начале XVIII в. Б. П. 1674 г. (ГРМ $\frac{\text{Др}}{\text{Гр}}$ 78) принадлежала «гостиной сотни Алексею Коробейникову», а другой ее экземпляр (1650 г.) в то же время был куплен ярославским купцом Федором Полушкиным, отчимом будущего актера Федора Волкова (Яросл. муз., Охр. 766).

Нам остается обратить внимание еще на одну особенность «освоения» на Руси иностранных иллюстрированных книг. Речь идет о переписке в один и тот же экземпляр Библии не одной, а двух, а то и трех разных редакций русских подписей. Так, например, в Б. П. ГИМ, Музейское собр., 3666/1—2, 1650 г. сначала был вписан на нижних полях гравюр пословный прозаический перевод, позднее там же были размещены вирши Мардария Хоныкова, расположенные то между строк, то поверх изначального текста. Другое решение найдено было в Б. П. ГПБ, Разнояз. собр., F.1.19, где пословный прозаический перевод поместили на нижних полях, а вирши Мардария Хоныкова — на верхних. Примерно так же расположены прозаический текст и вирши Мардария Хоныкова (только к 82-м гравюрам) в Б. П. ГПИБ, ОРК, 177. Своеобразное сочетание текста Хронографа на вставных листах, оборотах и полях гравюр и пословного прозаического, а то и стихотворного перевода находим в Б. П. ГПБ, Соловецкое собр., 189/1525. Наконец, Б. П. из Научной библиотеки Академии художеств (G607 и G608) имеет русские подписи из трех различных источников: в Ветхом завете — прозаический пословный перевод, в Новом завете — вирши «инаго творца», а в Апокалипсисе — вирши Мардария Хоныкова.

Все это показывает, что древнерусские пояснительные тексты, возникшие в целях истолкования иностранных гравюр, были довольно широко известны, что они воспринимались то избирательно, то как равноправные. Владельцы альбомов-увражей могли свободно разнообразить подписи, дополнять прозу стихами, цитатами из Библии и т. д. Известен список стихов Мардария Хоныкова с топографическими указаниями, куда какие вирши вписывать на гравюрах Б. П. (ГИМ, Музейское собр., 3192): на

⁴⁷ БАН, Арханг., Д. 386, л. 77 об.

⁴⁸ См.: В е р ю ж с к и й В. Афанасий, архиепископ Холмогорский, его жизнь и труды. СПб., 1908. С. 574.

⁴⁹ См.: З а б е л и н И. Е. Книги переписные книгам, которые по указу святейшего патриарха в 189 г. сентября в день переписаны в Спасском монастыре. . . // Временник МОИДР. 1858. Кн. 16. С. 55.

⁵⁰ См.: О в ч и н н и к о в а Е. С. Церковь Троицы в Никитниках. М., 1970. С. 165, примеч. 49.

⁵¹ См.: У с п е н с к и й А. И. Царские иконописцы и живописцы XVII в. М., 1910. С. 241.

⁵² Там же. С. 243.

верхнем или на нижнем поле (пометы написаны по-русски латинскими буквами).⁵³

Сопоставленные нами пять сборников с текстами подписей к гравюрам и единичные списки последних — это толковые тексты особого рода. Составители подписей либо отталкивались от латинского текста, либо опирались на традиционные представления об эпизодах, событиях и персонажах Священного писания. Эти толковые тексты меньше всего зависели от самих гравюр, от их изобразительности. Изредка встречаются подписи, выдающие, что их составитель действительно рассматривал данную гравюру. Например, в списке анонимных стихов к Б. П. ГБЛ, ф. 299, № 539 на л. 47 при сюжете Матф. 15.14 читается: «Не может слепец слепца водити. *Сия подпись французским языком да немецким напечатана*» (курсив наш. — О. Б.). На соответствующей гравюре в самом деле внизу слева французский, а справа голландский текст, а не один латинский, как обычно. Составитель русской подписи заметил особенности иностранного текста, но не более того. Сама же гравюра, восходящая к известному оригиналу Питера Брейгеля, ничем его не поразила. Если обратимся к соответствующей подписи из цикла стихов Мардария Хоникова, под № 328, встретимся с морализующими виршами:

Аще бо слепец слепца наставляет,
Еже по всему вельми зло бывает,
Не может бо путь их весма прав быти.
Но падше в ров вси имуть ся разбити.
Притчею сею Христос наказует,
Да блага си всяк вожда изыскует,
Учения вся лживи отревая,
Во истинне себе снабдевая.

(ГБЛ, ф. 299, № 251, л. 56)

Видно, что и здесь словесное истолкование не зависит от конкретного изображения. Гравюра при данном тексте приобретает как бы второстепенное значение, она только иллюстрирует содержание стихов. В этом соотношении видов искусств, вероятно, сказывалось понимание слова как первоосновы для образа.

В то же время нельзя не вспомнить, что циклы гравюр иностранных изданий Библии оказали самое непосредственное воздействие на русскую монументальную живопись конца XVII—начала XVIII в. — Ярославля, Костромы, Тугаева и других центров. Нередко сюжеты стенописей сопровождались надписями, в том числе виршевыми. Их учитывал еще И. М. Тарабрин. Видимо, теперь настало время сопоставить вновь выявленные подписи к гравюрам, подписи из сборников и из стенописей росписей. Это позволит уточнить наши наблюдения о связях между образом и словом.

Завершая обзор русских толковых текстов к цельногравированным нидерландским и фламандским изданиям XVI и XVII вв., мы прежде всего должны отметить, что в данной работе привлечен далеко не весь материал. Нам неизвестно, сколько еще невыявленных альбомов и увражей, сколько рукописных списков подписей к гравюрам Б. П., к Библии М. Мериана, к Библии П. Борхта и другим изданиям хранится в наших многочисленных музеях, архивах, библиотеках. Ждут еще аннотации список «подписей на личную библию» (ГПБ, Софийское собр., 1502, первая половина XVIII в., л. 163—163 об., 276—277 об.)⁵⁴ и рукопись, названная «Изъяснение на лицевую библию» (Горьков. обл. б-ка, Р-1005, середина

⁵³ На эти пометы указывал еще М. И. Соколов (Славянские стихи монаха Мардария Хоникова. . . С. 9, 13).

⁵⁴ Список любезно указан нам С. И. Николаевым.

XVIII в.),⁵⁵ которая оказалась подборкой подписей к гравюрам Библии Хр. Вейгеля (Аугсбург, 1695).

Насколько мы можем судить по доступным нам материалам, в русском обиходе XVII—XVIII вв. среди иностранных книг преобладали нидерландские и фламандские цельногравированные издания. Время их распространения на Руси точно не определено. В 1907 г. И. М. Тарабрин высказал предположение, что Б. П. появилась в России в 40-е гг. XVII в.; он опирался на экземпляр Б. П. ГПБ, Соловецкое собр., 189/1525, в котором гравюры включены в состав Хронографа особого состава.⁵⁶ Е. С. Овчинникова относил эту дату к середине XVII в.⁵⁷ Более обычно отнесение притока названных иностранных книг, чаще иллюстрированных, ко второй половине или даже к концу XVII в. Все это важно для датировки древнерусских подписей-истолкований гравюр, которые составлялись в Москве (в частности, в Печатном дворе), а затем переписывались в крупных книжных центрах — из сборников, из единичных списков, наконец, непосредственно с гравюр — и переносились на поля тех или других иллюстрированных изданий.⁵⁸

Введение в научный оборот толковых подписей к гравюрам иностранных изданий позволяет оценить основную тенденцию этого своеобразного культурного феномена рубежа XVII и XVIII вв. — гравюры народной книги должны были стать понятными, доступными и отчасти душеполезными, соответственно их основному содержанию и предназначению.

⁵⁵ Список отмечен в кн.: В и к т о р о в А. Е. Описи рукописных собраний в хранилищах Северной России. СПб., 1890. С. 319—320. Микрофильм рукописи предоставлен Е. В. Галицкой, за что пользуюсь случаем выразить ей благодарность.

⁵⁶ Тезисы доклада И. М. Тарабрина «Хронограф и Библия Пискагора» опубликованы в кн.: Древности: Труды славянской комиссии имп. МАО. М., 1911. Протоколы. С. 17—18. Издание Б. П., датированное докладчиком 1638 г., на самом деле относится к 1643 г.; датировка Хронографа особого состава также ближе ко 2-й половине XVII в.

⁵⁷ О в ч и н н и к о в а Е. С. Церковь Троицы в Никитниках. М., 1971. С. 128—129, 165.

⁵⁸ Карион Истомина в свое время «библию большую в лицах подписал вновь виршами» (цит. по: Б р а и л о в с к и й С. Н. Один из «пестрых» XVII столетия. СПб., 1902, С. 164—165).

В. И. ПЛУЖНИКОВ, Р. А. СИМОНОВ

Гороскоп Петра I

Распространено мнение, что Симеон Полоцкий (один или совместно с Димитрием Ростовским или неким Елифанием Греком) составил астрологическое предсказание на рождение Петра I. Ранее всего оно было высказано П. Н. Крекшиным (1684—1763)¹ во 2-й четверти XVIII в. и имеет распространение во всем мире до сих пор. Так, в 1985 г. современный американский исследователь Д. Уо сообщил: «Хорошо известно, что при рождении его (т. е. царя Алексея Михайловича. — В. П., Р. С.) сына Петра в 1672 г. Симеон Полоцкий составил гороскоп царевича, содержащий, между прочим, предсказание победы Петра над турками».² Доказательству того, что Симеон Полоцкий не составлял гороскоп, а также анализу причин, побудивших дворянскую историографию к апологии выдающихся качеств личности и деяний Петра, якобы предсказанных при его рождении, посвящена настоящая статья.

Историография об астрологическом предсказании на рождение Петра I начинается со статьи известного историка акад. Г.-Ф. Миллера (1705—1783),³ затем продолжается работами дореволюционных историков и публицистов Я. Я. Штелина, И. И. Голикова, митрополита Евгения, В. Н. Берха, И. П. Сахарова, Н. А. Полевого, Н. Г. Устрялова, М. П. Погодина, архим. Леонида, И. А. Татарского, Е. Ф. Шмурло и др.⁴ В советское время она расширилась за счет работ историков науки

¹ Сочинение П. Н. Крекшина опубликовано посмертно, до 1841 г. печаталось анонимно. Первые издания: [К р е к ш и н П. Н.] 1) О зачатии и рождении великого государя имп. Петра Первого, самодержца Всероссийского // Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя имп. Петра Великого, изданное трудами и иждивением Феодора Туманского. СПб., 1787. Ч. 1. С. 233—242; 2) Сказание о рождении, о воспитании и наречении на всероссийский престол... государя Петра Первого... , изданное библиотекарем Василием Вороблевским. М., 1787.

² У о Д. К. Текст о небесном знамении 1672 г.: (К истории европейских связей московской культуры последней трети XVII в.) // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 204.

³ М [и л л е р] Г.-Ф. Рождение государя императора Петра Великого // Опыт трудов Вольного российского собрания. М., 1780. Ч. 5. С. 87—105. Статья Г.-Ф. Миллера (под тем же названием) перепечатана Ф. О. Туманским в кн.: Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о деяниях гос-ря имп. Петра Великого. СПб., 1787. Ч. 5. С. 117—131.

⁴ Stelin J. Originalanekdoten von Peter dem Groszen. Leipzig, 1785; Ш т е л и н Я. [Я.] Подлинные анекдоты Петра Великого, слышанные из уст знатных особ в Москве и Санктпетербурге. М., 1786; [Г о л и к о в И. И.] Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. М., 1788. Ч. 1; Е в г е н и й митрополит. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина. СПб., 1818. Т. 1—2; 2-е изд. СПб., 1827; Б е р х В. Н. Царствование царя Алексея Михайловича. СПб., 1830. Ч. 1; С а х а р о в И. П. Записки русских людей: События времен Петра Великого: Записки новгородского дворянина Петра Никифоровича Крекшина. СПб., 1841. С. 1—128 (отд. пар.); П о л е в о й Н. [А.] 1) Астрологические предвещения при рождении Петра Великого // Рус. вестн. 1842. № 2. С. 258—280; 2) История Петра Великого. СПб., 1843; 3) Обзорение русской истории до единоподравия Петра Великого. СПб.,

(Д. О. Святского, Б. Е. Райкова, В. Г. Фесенкова, Б. А. Воронцова-Вельяминова, В. К. Кузакова)⁵ и литературоведов (Н. К. Гудзия, И. Ф. Голубева, А. М. Панченко, А. Н. Робинсона).⁶

Г.-Ф. Миллер поставил много вопросов, которые обсуждались впоследствии.

«Пресветлая звезда». В «Сказании» П. Н. Крекшина сообщается, что 28 (другой вариант — 11) августа 1671 г. Алексей Михайлович «соизволил совокупитися с великою государыней царицею» и у нее «зачался оный великий государь император Петр», и тогда «явилась на небе пресветлая звезда близ Марса». ⁷ Далее говорится, что Симеон Полоцкий якобы эту звезду наблюдал и правильно истолковал как провозвестницу зарождения великого правителя, какового нарек именем Петр, и обо всем на следующий день доложил царю.

Г.-Ф. Миллер обратился в 1771 или в 1775 г. в Петербургскую Академию наук с просьбой «рассмотреть положение планет на день рождения Петра I»⁸ и, ссылаясь на акад. А. И. Лекселя (1740—1784), осуществлявшего ретроспекцию звездного неба, сообщил, что «пресветлой звезды» близ Марса якобы «не оказалось». ⁹ Этот вывод остается достойным современной историографии,¹⁰ хотя в 1927 г. его опроверг Д. О. Святский.¹¹ Обратившись к фактам истории астрономии, он выяснил, что в июне 1670 г. француз Антельм заметил новую звезду 3-й величины близ β Лебедя. Дж. Кассини (1625—1712)¹² в мае 1671 г. наблюдал ее как яркую звезду, которая к осени перестала быть видна, однако весной 1672 г. опять появилась и светилась как звезда 3-й величины, в сентябре вновь угаснув. Таким образом, скрывшись во время зачатия Петра, она появилась ко времени его рождения — 30 мая 1672 г. Следовательно, «Сказание» П. Н. Крекшина в искаженной форме донесло научный факт о появлении Новой близ Марса во время рождения Петра I.

Ко времени наблюдений А. И. Лекселя Новая 1670—1672 гг. угасла. Французский астроном К. Фламмарин (1842—1925), писавший о судьбе

1846; Устрялов Н. [Г.] История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 1; Погодин М. П. Семнадцать первых лет в жизни имп. Петра Великого. М., 1875; Леонид, архим. К биографии Симеона Полоцкого // Древняя и Новая Россия. Год второй. СПб., 1876, № 4. С. 398; Татарский И. [А.] Симеон Полоцкий (его жизнь и деятельность). М., 1886, III мурло Е. Ф. 1) Петр Великий в русской литературе. СПб., 1889; 2) Петр Великий в оценке современников и потомства. СПб., 1912. Вып. 1 (XVIII век).

⁵ Святский Д. [О.] 1) Звезда Петра I // Мирозведение. 1927. № 3. С. 168—187; 2) Очерки истории астрономии в Древней Руси. Ч. 1. // Историко-астрономические исследования (ИАИ). М., 1961. Вып. 7. С. 71—128; Ч. 2. // ИАИ. М., 1962. Вып. 8. С. 9—82; Ч. 3 // ИАИ. М., 1966. Вып. 9. С. 11—124; Райков Б. Е. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в СССР: Из прошлого русского естествознания. М.; Л., 1937; 2-е изд. М.; Л., 1947; Фесенков В. Г. Очерк истории астрономии в России в XVII и XVIII столетиях // Тр. Ин-та истории естествознания АН СССР. М.; Л., 1948. Т. 2. С. 3—25; Воронцов-Вельяминов Б. А. Очерки истории астрономии в России в XVII и XVIII столетиях. М., 1956; Кузаков В. К. Очерки развития естественнонаучных и технических представлений на Руси в X—XVII вв. М., 1976.

⁶ Гудзий Н. К. История древней русской литературы. М., 1938; 7-е изд. М., 1966; Голубев И. Ф. Забытые вирши Симеона Полоцкого // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 254—259; Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984; Робинсон А. Н. Симеон Полоцкий — астролог // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 177—184.

⁷ Крекшин П. Н. Сказание о рождении... С. 2.

⁸ Н. В. Голицын датирует запрос Г.-Ф. Миллера 31 августа 1771 г., Е. Ф. Шмурло — 31 августа 1775 г. См. Голицын Н. В. Портфель Г.-Ф. Миллера. М., 1899. С. 65; Шмурло Е. [Ф.] Петр Великий в оценке современников и потомства. Примеч. С. 122.

⁹ Миллер Г.-Ф. Рождение государя... С. 96.

¹⁰ Робинсон А. Н. Симеон Полоцкий — астролог. С. 180.

¹¹ Святский Д. [О.] Звезда Петра I. С. 186—187.

¹² Дж. Кассини, итальянец по происхождению, в период наблюдения был директором Парижской обсерватории и членом Парижской Академии наук.

этой звезды, предположил, что она превратилась в слабую звездочку S (8—9-й величины) созвездия Малой Лисицы.¹³

Предсказание. Как следует из «Сказания» П. Н. Крекшина, придя к царю, Симеон Полоцкий якобы сказал, что царевич родится 30 мая 1672 г. Причем будет обладать следующими замечательными качествами: «И в та его лета подобных ему в монарсах не будет; и всех бывших в России славою и делами превзойдет, вящими похвалами ублажен имать быти, и славу к славе пристяжати имать: чудный победоносец явится, многие от меча его соседи враждующие смирит, и толикия преславные победы содеет, елико никто от предков Ваших благочестивых государей мог содеяти, и страх его будет на многих; дальняя страны, яко близ сущия, посетит: но свои ему много в благоденствиях помешательства учинят; многие нестроения и мятежи прекратит, многие здания на море и на суше в лета его будут созданы; злых истребит, трудолюбивых же возлюбит; насадит благочестие, идеже не бысть и покой тамо примет, и ина многая преславная деяния содеет». Затем, по словам П. Н. Крекшина, Симеон Полоцкий все это написал «и во уверение истинное подписася». И тогда же подал царю.¹⁴

Г.-Ф. Миллер, направляя письмо в Академию наук, имел целью и верификацию предсказания. О ретроспективном гороскопе Петра I, составленном А. И. Лекселем, он подробно не говорит, но делает общее положительное заключение: «... всё тогда бывшее планет течение вообще явилось такое, что астрологи весьма благополучное из того предзнаменование взять должныствовали».¹⁵

Несколько трансформировав изложение Г.-Ф. Миллера, Я. Я. Штелин и И. И. Голиков сделали вопрос о предсказании на рождение Петра I достоянием широких кругов.¹⁶ В начале XIX в. митрополит Евгений указал на недостоверность приводимых ими сведений. В. Н. Берх со ссылкой на Евгения отмечал, что «ороскопические предсказания» Симеона Полоцкого и Димитрия Ростовского — «это пустая баснь, опровергаемая жизнеописанием помянутых мужей».¹⁷ И. П. Сахаров считал, что предсказания не существовало: «Мы решительно уверены, что было не предсказание, а слух, распущенный после».¹⁸ Н. А. Полевой, опираясь на новые (опубликованные в 1842 г.) данные о ретроспективном гороскопе Петра I, заключил, что предсказание имело место в действительности.¹⁹

Мнения разделились. Одни авторы склонялись к мысли о мнимости прогноза, его фабрикации восторженными и страстными поклонниками петровских реформ в 40-е гг. XVIII в.²⁰ Н. Г. Устрялов заключил, что прогнозистские толкования на рождение Петра являются позднейшими преданиями, которые «частью маловажны, частью невероятны, и тем более сомнительны, что источником их служат сказания Крекшина».²¹

Другие авторы продолжали считать, что предсказание было осуществлено в связи с рождением Петра, и атрибутировали его чаще всего Симеону Полоцкому.²²

¹³ Фламмарин К. Звездное небо и его чудеса. СПб., 1899. С. 175, 641.

¹⁴ [Крекшин П. Н.] Сказание о рождении... С. 3—4.

¹⁵ [Миллер Г.-Ф.] Рождение государя... С. 96—97.

¹⁶ Штелин Я. [Я.] Подлинные анекдоты... С. 511—523; [Голиков И. И.] Деяния Петра Великого... С. 131—136.

¹⁷ Евгений, митрополит. Словарь исторический... 2-е изд. Т. 1. С. 137; Т. 2. С. 218; Берх В. Н. Царствование царя Алексея Михайловича. С. 265.

¹⁸ Сахаров И. П. Записки русских людей... С. 18.

¹⁹ Полевой Н. [А.] 1) Астрологические предвещения... С. 258—280; 2) Обозрение русской истории... С. 7—10.

²⁰ Кн. Вл. К.—н. Материалы для истории Петра Великого // Отеч. зап. 1848. Т. 59. С. 37.

²¹ Устрялов Н. [Г.] История царствования Петра Великого. С. 10.

²² См.: Погодин М. П. Семнадцать первых лет... С. 6—7; Леонид, архим. К биографии Симеона Полоцкого. С. 398; Татарский И. [А.] Симеон Полоцкий... .

Ретроспективный гороскоп Петра I, составленный А. И. Лекселем. Факт составления А. И. Лекселем гороскопа Петра вместе с выводом Г.-Ф. Миллера о подтверждении им положительного результата предсказания получил распространение в дворянской историографии в качестве доказательства астрологического исследования судьбы будущего императора. Однако И. П. Сахаров, усомнившись в надежности такого доказательства, поставил в 1841 г. вопрос о разыскании данных А. И. Лекселя и их сопоставлении с новыми наблюдениями.²³ Уже в следующем году такая возможность представилась. Материалы А. И. Лекселя были обнаружены среди документов Г.-Ф. Миллера, поступивших в Московский архив Министерства иностранных дел. Издатель «Москвитянина», известный историк М. П. Погодин, получил их от директора этого архива кн. М. А. Оболенского и опубликовал в своем журнале.²⁴ Почти одновременно в другом журнале — «Русском вестнике» — были напечатаны аналогичные материалы, частично прокомментированные Н. А. Полевым.²⁵ От кого они были получены, не сообщалось.

Третий раз гороскопическая схема Петра I была опубликована в советское время Д. О. Святским. В нее он внес некоторые дополнения: занумеровал «астрологические дома» и включил в X «дом» Новую звезду 1670—1672 гг. («пресветлую звезду» «Сказания» П. П. Крекшина).²⁶ Полного анализа гороскопа он не сделал. Следовательно, до сих пор не осуществилась мысль И. П. Сахарова о доисследовании лекселевских астрологических материалов.

Письмо Иоанна Гревюса из Утрехта от 9 апреля 1673 г. Это письмо неоднократно цитировалось многими авторами в качестве свидетельства астрологических рассматриваний судьбы новорожденного Петра в России и за рубежом: Я. Я. Штелиным, Н. А. Полевым, А. Н. Робинсоном²⁷ и др. Латинский текст письма и его русский перевод впервые воспроизвел Г.-Ф. Миллер.²⁸ Он пояснил, что это ответ нидерландскому посланнику в Москве Николаю Гейнзиусу, писавшему И. Гревюсу из Москвы 1 июля 1672 г. о проводимых здесь астрологических наблюдениях в связи с рождением царевича Петра. И. Гревюс ответил, что голландские астрологи также составили и записали предсказание о Петре Алексеевиче («новорожденный младенец будет государь, к войне склонный, славный и неприятелям страшный»).

Однако Н. Г. Устрялов установил, что Н. Гейнзиус находился в России с 1 октября 1669 г. по август 1670 г., а в 1672 г. он жил в Бремене, поэтому не был свидетелем рождения Петра и не мог писать И. Гревюсу 1 июля 1672 г. из Москвы о предсказании. На этом основании Н. Г. Устрялов заключил, что «письмо Гревия есть без сомнения выдумка Штелина».²⁹ Возражая ему, М. П. Погодин изложил ситуацию, при которой письмо могло быть подлинным. Возможно, Н. Гейнзиус писал И. Гревюсу не из Москвы, а из Бремена, получив известие о предсказании на рождение

С. 126—128; Райков Б. Е. Очерки. . . С. 45—47; Фесенков В. Г. Очерк. . . С. 5; Воронцов-Вельяминов Б. А. Очерки. . . С. 38; Святский Д. О. Очерки. . . Ч. 3. С. 42—47; Кузак В. К. Очерки. . . С. 107; Робинсон А. Н. Симеон Полоцкий — астролог. С. 177—184.

²³ Сахаров И. П. Записки русских людей. . . С. 119.

²⁴ Гороскоп Петра Великого / Изд. М. П. Погодин // Москвитянин. 1842. № 1. С. 58—76.

²⁵ Полевой Н. [А.] Астрологические предвещения. . . С. 258—280. Латинский текст объяснений А. И. Лекселя к гороскопу воспроизводится на с. 279—280. Сам гороскоп (карта) с вспомогательной таблицей — в журнале «Русский вестник» за 1842 г., № 2 (на вклейке).

²⁶ Святский Д. О. Очерки. . . Ч. 3. С. 44.

²⁷ Штелин Я. [Я.] Подлинные анекдоты. . . С. 511—512; Полевой Н. [А.] Астрологические предвещения. . . С. 275—276; Робинсон А. Н. Симеон Полоцкий — астролог. С. 181—182.

²⁸ Миллер Г.-Ф. Рождение государя. . . С. 94—95.

²⁹ Устрялов Н. [Г.] История царствования Петра Великого. С. 253, примеч.

Петра от какого-то московского корреспондента.³⁰ В таком случае этот корреспондент отправил известие сразу после рождения Петра 30 мая 1672 г., а не после крещения 29 июня, как считает А. Н. Робинсон.³¹ И то только при условии, что письмо могло дойти из Москвы в Бремен до 1 июля 1672 г.

Вирши на крещение Петра с астрологическими мотивами. О виршах на крещение Петра I с астрологическими мотивами не упоминают ни Г.-Ф. Миллер, ни Я. Я. Штелин, ни И. И. Голиков. В анонимных изданиях сочинения П. Н. Крекшина их также нет. Впервые вирши были воспроизведены И. П. Сахаровым по «противеню», составленному на основе двух списков, являвшихся копиями первого тома произведения о Петре I П. Н. Крекшина, поднесенного им (в 1742 г.) имп. Елизавете.³² В 1842 г. стихотворение на крещение Петра воспроизвел Н. А. Полевой. Касаясь его атрибуции П. Н. Крекшиным Симеону Полоцкому и Епифанию Греку, он предположительно последнего отождествлял с Епифанием Славинецким.³³

В 1876 г. архимандрит Леонид опубликовал новый вариант прогнозического стихотворения на крещение Петра по списку «рукописного летописца. . . продолженного до 1705 года».³⁴ Как и первый вариант, опубликованный И. П. Сахаровым, этот стихотворный прогноз трактовался в качестве поднесенного Алексею Михайловичу во время крещения Петра, но одним только Симеоном Полоцким, т. е. без участия Епифания Грека. Второй вариант, опубликованный Леонидом, неоднократно воспроизводился (фрагментарно): И. А. Татарским, Б. Е. Райковым, Д. О. Святским, Н. К. Гудзием.³⁵ В 1969 г. И. Ф. Голубев опубликовал новый список второго варианта стихотворения по конвольту XVII—XVIII вв. Гос. архива Калининской области (№ 1752) с указанием разночтений по списку Леонида.³⁶ И. Ф. Голубев датирует внесение виршей в сборник временем между 20 мая и 3 июня 1712 г., но не указывает филигрань бумаги, что могло бы подкрепить его выводы. Вирши, как и в первом варианте, атрибутируются двум лицам: Симеону Полоцкому и Епифанию Греку, которого И. Ф. Голубев считает «без сомнения» Епифанием Славинецким, не приводя прямых доказательств. А. М. Панченко полагает такое отождествление допустимым, А. Н. Робинсон — очевидным.³⁷

Прогностическая часть стихотворения воспроизводится ниже в обоих вариантах:

1-й вариант ³⁸

И ты, планета, Аррис и Зевс веселися,
В вапе бо сияние царевич родися.
Четвероугольный аспект произыде,
Яко царевич царствовати имать,
И четвероконечие планеты знамя
прославляет,

2-й вариант ³⁹

И ты, плането Аррис^а и Зевес, веселися,
во^б наше бо сияние царевич родися.
Четвероугольный аспект^в произыде,
Царевичь царствовати во вся^г прииде.
Четвероконачный^д знамя проявляет,

³⁰ Погодин М. П. Семнадцать первых лет. . . С. 229—231.

³¹ Робинсон А. Н. Симеон Полоцкий — астролог. С. 181.

³² Сахаров И. П. Записки русских людей. . . (Преуведомление публикатора без названия и пагинации).

³³ Полевой Н. [А.] Астрологические предвещения. . . С. 269.

³⁴ Леонид, архим. К биографии Симеона Полоцкого. С. 398.

³⁵ Татарский И. [А.] Симеон Полоцкий. . . С. 126—127; Райков Б. Е. Очерки. . . С. 47; Святский Д. О. Очерки. . . Ч. 3. С. 45; Гудзий Н. К. История древней русской литературы. М., 1966. С. 503.

³⁶ Голубев И. Ф. Забытые вирши. . . С. 258—259.

³⁷ Там же. С. 256; Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. С. 176; Робинсон А. Н. Симеон Полоцкий — астролог. С. 180.

³⁸ Сахаров И. П. Записки русских людей. . . С. 12.

³⁹ Голубев И. Ф. Забытые вирши. . . С. 259. Здесь же указаны разночтения по списку Леонида: ^а Арес; ^б в; ^в Во четвероугольный аспект; ^г своя; ^д четвероконечное; ^е четырема; ^ж сей планете естество; ^з главе царской.

Яко четверьми части морь обладает;
От бога семь планет естественно дадеся,
Лучший бо прочих в действе обретеса;

Храбрость и богатство на них почивает
И на главу цесарский венец возлагает.

Яко четырьми^о частями мира обладает;
От бога семь планет естественно^ж дадеся,
Лучши бо прочих планет в действе
обретеса.

Храбрость, богатство, слава на ней
поживает
И на главу царский^з венец полагает.

Астрологическое значение стихотворения некоторыми авторами расценивается как высокое. Леонид, отождествляя вирши с гороскопом Петра I, утверждал, «что многие черты сего гороскопа сбылись впоследствии». ⁴⁰ В таком же духе, основываясь на характеристике Леонида, писал И. А. Татарский. ⁴¹ Воспроизведя отрывок из стихотворения, Б. Е. Райков заключал: «Отсюда видно, что Симеон Полоцкий действительно составил гороскоп новорожденного царевича». ⁴² Д. О. Святский отмечал, «что вирши обладают определенными гороскопическими подробностями». ⁴³ А. Н. Робинсон оценивает стихотворение как первое в России поэтическое описание гороскопа. ⁴⁴

Другие авторы не придавали большого значения астрологии виршей. Так, Л. Н. Майков характеризовал их как «стихотворное поздравление царю». ⁴⁵ Н. К. Гудзий рассматривал вирши как образец стихотворных панегириков западноевропейского типа, отдающий «трафаретными выражениями лести и гиперболической патетики». ⁴⁶ И. Ф. Голубев солидаризировался с Н. К. Гудзием. ⁴⁷ А. М. Панченко охарактеризовал жанр стихотворения как *genethliason*, признаком которого было всяческое восхваление новорожденного и его родителей, с предсказанием необыкновенно завидной судьбы. Астрологическая тема этим жанром предусматривалась как необходимая. Название — *genethliacus* — означало звездочета, предсказывающего судьбу по звездам при рождении человека. ⁴⁸

Итак, по рассмотренным вопросам существуют диаметрально противоположные мнения. Одни авторы считают, что «пресветлой звезды» не было, тогда как другие утверждают, что она была. Одни утверждают, что предсказание на рождение Петра было сделано московскими астрологами, другие — отрицают это. Одни удовлетворены анализом составленного А. И. Лекселем ретроспективного гороскопа Петра I, другие — нет. Одни считают письмо И. Гревюса важным историческим источником, другие — позднейшей выдумкой. Одни рассматривают вирши с предсказательными мотивами как гороскопический документ, другие — как образец панегирической поэзии.

Е. Ф. Шмурло подчеркнул бесперспективность изучения проблемы предсказания на рождение Петра I методами, которыми располагала революционная историческая наука. ⁴⁹

В советское время наука стала интенсивнее обогащаться новыми историко-научными приемами анализа документов, в том числе основанными на использовании данных истории математического естествознания и литературоведения. Применение этих методов выявило в «глухом» материале П. Н. Крекшина дополнительные блестящие истины. Так,

⁴⁰ Леонид, архим. К биографии Симеона Полоцкого. С. 398.

⁴¹ Татарский И. [А.] Симеон Полоцкий. . . С. 126—127.

⁴² Райков Б. Е. Очерки. . . С. 43.

⁴³ Святский Д. О. Очерки. . . Ч. 3. С. 46.

⁴⁴ Робинсон А. Н. Симеон Полоцкий — астролог. С. 182.

⁴⁵ Майков Л. Н. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий. СПб., 1889. С. 40.

⁴⁶ Гудзий Н. К. История древней русской литературы. М., 1966. С. 504.

⁴⁷ Голубев И. Ф. Забытые вирши. . . С. 256.

⁴⁸ Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. С. 179—

180. ⁴⁹ Шмурло Е. [Ф.] Петр Великий в оценке современников и потомства. С. 48—49; примеч., с. 53—64.

вопрос о «пресветлой звезде», получивший в историографии твердую отрицательную оценку, приобрел бесспорно положительное решение в связи с использованием историко-астрономических данных о наблюдениях Новой звезды 1670—1672 гг. Прогностическое стихотворение, приписываемое Симеону Полоцкому, на основе приемов анализа стихосложения было отнесено к жанру придворной панегирической поэзии.

Однако до сих пор три направления (историческое, историко-астрономическое и литературоведческое) в изучении проблемы предсказания на рождение Петра I не слились воедино, причиной чему является отсутствие общей точки зрения на цели исследования у специалистов гуманитарных и естественнонаучных областей знания. Так, Н. А. Полевой безуспешно обращался к нескольким астрономам с просьбой прокомментировать гороскоп Петра I, но «они ничего не могли. . . изъяснить».⁵⁰ М. П. Погодин делал аналогичный запрос известному математику и астроному (впоследствии академику) Д. М. Перевощикову, но вместо анализа существа гороскопа получил очерк по истории астрологии.⁵¹

Отсутствие органичного творческого сотрудничества между представителями указанных направлений привело к тому, что гуманитарии ориентировались не на лучшие образцы естественнонаучных трактовок проблемы (например, Б. Е. Райкова)⁵² и даже пытались толковать астрономо-астрологические понятия, исходя из собственных представлений. Что из этого получилось, видно на примере объяснения понятия квадратуры И. Ф. Голубевым («астрологический четырехугольник, образуемый планетами»)⁵³.

Отсутствие взаимопонимания между гуманитариями и естествоиспытателями приводило к существенным сбоям в изучении проблемы. Так, Г.-Ф. Миллер в направленном им Петербургской Академии наук письме о воссоздании астрологической картины расположения небесных светил (constellation) на время зачатия и рождения Петра I просил выяснить, не была ли эта констелляция чем-то особенно или необычна (besonderes oder ungewöhnliches).⁵⁴ Позже он заявил, что А. И. Лексель не обнаружил «пресветлой звезды близ Марса по таблицам и по исчислению».⁵⁵ Однако в письме такая частная задача не ставилась, поэтому Лексель ее просто не решал, т. е. не искал «по таблицам и исчислению» этой звезды.⁵⁶ Рассогласованность между Миллером и Лекселем привела к тому, что научный факт о наблюдении Новой 1670—1672 гг. стал рассматриваться как вымысел П. Н. Крекшина.

Представители точных наук, не обладая навыками анализа исторических источников, проявляли к ним и распространенным в историографии

⁵⁰ Полевой Н. [А.] Астрологические предвещения. . . С. 278.

⁵¹ См.: Гороскоп Петра Великого. С. 67—76.

⁵² Б. Е. Райков (1880—1966), действительный член Академии педагогических наук РСФСР, разрабатывал вопросы воспитательного воздействия курса естествознания и методики его преподавания (см.: Педагогический словарь. М., 1960. Т. 2. С. 249; Лукина Т. А. Борис Евгеньевич Райков. Л., 1970. С. 1—208). О методологических неточностях в книге Б. Е. Райкова «Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России» см.: Гурев Г. А. История одного заблуждения. Л., 1970. С. 130—131.

⁵³ Голубев И. Ф. Забытые вирши. . . С. 271. Так как речь идет о Марсе и Юпитере, то такое определение неудачно, ибо две планеты не могут образовать четырехугольник.

⁵⁴ Текст запроса Г.-Ф. Миллера на немецком языке опубликован: Шмурло Е. [Ф.] Петр Великий в оценке современников и потомства. Примеч. С. 122.

⁵⁵ Миллер Г.-Ф. Рождение государя. . . С. 96.

⁵⁶ Впоследствии это было сделано К. Фламарионом, чьи данные использовал Д. О. Святский, о чем говорилось выше. Соответствующие расчеты были вполне по силам А. И. Лекселю, прославленному астроному, вычислившему орбиту кометы, названной в его честь кометой Лекселя, и доказавшему, что открытый в 1781 г. В. Гершелем Уран — планета, а не комета, как считалось первоначально (см.: Карпик Ю. А. Названия звездного неба. М., 1981. С. 81).

положениям излишнее доверие, подводящее к корректировке «под них» историко-научных фактов. Например, в прогностическом стихотворении, приписываемом Симеону Полоцкому, говорится, что Марс и Юпитер находились в момент рождения Петра в квадратуре, тогда как, по сохранившемуся его гороскопу, они были в оппозиции.⁵⁷ Это несоответствие заметил Д. О. Святский. Однако вместо того, чтобы сделать очевидный вывод о том, что стихотворение не имеет гороскопического смысла, он заявил противное, допуская, что Симеон Полоцкий мог иметь в виду положение Марса и Юпитера в квадратуре не между собой, а с Солнцем. В таком случае выводы о выдающихся качествах Петра I могут быть астрологически обоснованными. Однако в стихотворении Солнце совершенно не упоминается.⁵⁸ Поэтому попытка Д. О. Святского «выручить» Симеона Полоцкого как астролога — не что иное, как ненужная «любезность», искажающая существо дела. Находясь в плену предвзятого мнения об астрологических занятиях Симеона Полоцкого, Д. О. Святский стремился согласовать с этим данные А. И. Лекселя, но «концы с концами» не сложились, и поэтому он склонялся пойти на «исправление» источника, до чего, правда, дело не дошло. Изложение вопроса оказалось противоречивым. На словах Д. О. Святский соглашался, что Симеон Полоцкий был квалифицированным астрологом, но астрологическое содержание стихотворения противоречило такому заключению.⁵⁹

В советском источниковедении успешно применяются методы точных наук (математики, астрономии, физики и др.). Теоретически осмыслен процесс обогащения и расширения этого направления за счет исследований по истории науки.⁶⁰ При Научном совете по истории мировой культуры АН СССР работает группа по изучению естественнонаучных представлений (в составе Секции истории культуры Древней Руси). В ее задачи, в частности, входит разработка источниковедческих методов на базе использований знаний из области средневековой «науки», включая ее «сокровенный» аспект — астрологию, мантику и пр.⁶¹

Исследование проблемы предсказания на рождение Петра I, результаты которого приводятся далее, основано на указанном источниковедческом подходе, в содержание которого также входит воссоздание «поля» астрологических представлений в России последней трети XVII в. и рассмотрение в нем изучаемых вопросов. Необходимые астрономо-астрологические знания становятся в таком случае частью рабочего «инструментария» историка, при этом снимается отмеченная выше несогласованность между «гуманитарным» и «естественнонаучным» пониманием цели исследования.

Начиная примерно с середины 50—60-х гг. XVII в. в России можно выделить несколько уровней астрологической «культуры». *Естественно-*

⁵⁷ Квадратура — расположение планет, видимых с Земли (условно принимаемой за точку) под углом 90° (аспект в 90°), оппозиция — расположение планет по разные стороны от Земли на одной прямой, проходящей через нее, т. е. видимых под углом 180° (аспект в 180°).

⁵⁸ Святский Д. О. Очерки... Ч. 3. С. 43—47.

⁵⁹ Следует иметь в виду, что рукопись Д. О. Святского была напечатана посмертно, примерно четверть века после ее написания. В опубликованном виде она предстает недостаточно завершенной. В текст для печати автор, возможно, внес бы изменения, более определенно отражающие его отношение к прогностическому стихотворению.

⁶⁰ Шмидт С. О. Современные проблемы источниковедения // Источниковедение: Теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 45—46.

⁶¹ Симонов Р. А. О методологии и методике изучения естественнонаучных представлений средневековой Руси // Естественнонаучные знания в древней Руси. М., 1980. С. 4—11. Указанному вопросу посвящалось расширенное заседание названной группы и Секции истории отечественной науки и техники Советского национального объединения историков и философов естествознания и техники при АН СССР (СНОИЕТ) по проблеме «Сокровенные знания и отреченные книги Древней Руси» в рамках XXVII пленума СНОИЕТ (декабрь 1981 г.). Обзор докладов заседания см.: Сов. арх. 1982. № 3. С. 89.

научный уровень отражал знания наиболее подготовленных в области астрологии специалистов. В их состав входили придворные врачи; они имели университетскую медицинскую подготовку, включавшую знания по врачебной астрологии (ятроматематике).⁶² Профессиональный уровень представителей этой группы характеризуют написанные ими на царской службе астрологические произведения, каковых от указанного времени сохранилось три. Из них два — о кровопускании — принадлежат Л. Личюфинусу Богдановичу (1657) и С. Коллинсу (1664),⁶³ а третье имеет вид двух писем, подготовленных А. Энгельгардтом (1664—нач. 1665) в ответ на запросы царя Алексея Михайловича о возможности чумной эпидемии в России и прогнозе на 1665 г. По-видимому, составление годичного прогноза было единичным событием и не входило в обычные обязанности врачей-астрологов. А. Энгельгардт в астрологическом отчете признает, что делает предварительные заключения по данным западноевропейских календарей, так как для более точных выводов ему нужны были бы небесный глобус, квадрант и таблицы эфемерид.⁶⁴ Отсюда можно сделать вывод, что в своей медицинской практике он при определении астрологически благоприятных сроков кровопусканий, приема лекарств и проч. также руководствовался готовыми данными календарей. По-видимому, такой подход был распространен среди царских врачей, а сложные астрологические расчеты и инструментальные наблюдения светил производились ими редко. Возможно, не все врачи могли выполнять работу квалифицированных астрологов.

Просветительный уровень астрологической культуры охватывал преимущественно людей гуманитарной подготовки, в основном выходцев из западнорусских областей, ранее входивших в состав Польши и Великого княжества Литовского. Астрологическое содержание стихотворных и прозаических произведений представителей этого уровня астрологической культуры сводится к общей характеристике астрологии, ее положения среди «вызволненных» (т. е. свободных) наук («художеств»). В XVII в. на место астрономии в квадривии свободных наук (арифметика, геометрия, музыка, астрономия) стала ставиться астрология. Такая замена представлена, например, в ранней польскоязычной поэзии Симеона Полоцкого 40-х—начала 50-х гг.⁶⁵ В написанной в 1672 г. Николаем Спафарием совместно с Петром Долговым «Книге избранной вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествах» (по-видимому, для обучения детей царя) также вместо астрономии указана астрология.⁶⁶

Примерно с 60-х гг. стали переводиться в Посольском приказе западноевропейские календари с предсказаниями. Они также характеризуют просветительный уровень астрологической культуры. Ее «проводниками»

⁶² Симонов Р. А. 1) О чем судили и ведали люди, «звониии математии» // Рус. речь. 1983. № 3. С. 105—111; 2) Российские придворные «математики» XVI—XVII вв. // Вопр. истории. 1986. № 1. С. 76—84.

⁶³ Перевод с росписи доктора Льва Личюфинуса Богдановича о том, в какое время года полезно делать кровопускание посредством банок и сколько это полезно // Новомбергский Н. [Я.] Черты врачебной практики в Московской Руси. СПб., 1904. С. 95—97; Рассуждение Самуила Коллинса о различных способах лечения и ятроматематике, с указанием установленных астрологами для кровопусканий дней июня и июля 1664 г. / Подгот. текста, вводная ст. и примеч. А. П. Богданова // Естественнонаучные представления Древней Руси. М., 1988. С. 206—208.

⁶⁴ Богданов А. П., Симонов Р. А. Прогностические письма доктора Андреаса Энгельгардта царю Алексею Михайловичу // Там же. С. 151—204. В качестве приложения в статье дан русский перевод прогностических писем А. Энгельгардта; их латинский текст опубликован в кн.: Рихтер В. История медицины в России. М., 1820. Ч. 2. Прибавление XXXV.

⁶⁵ Татарский И. [А.] Симеон Полоцкий. . . С. 36, 127; Былинин В. К. Poesia docta Симеона Полоцкого // Естественнонаучные представления Древней Руси. С. 204—208.

⁶⁶ Николай Спафарий. Эстетические трактаты / Подгот. текстов и вступ. ст. О. А. Белобровой. Л., 1978. С. 45—46.

были правительственные переводчики, по своему положению и знаниям занимавшие следующую ступень после врачей в условной иерархии «интеллектуалов» на царской службе.

Астрологическая культура имела также *потребительский уровень*. Названная выше литература отражает ее предназначенность для государственных нужд, включая «радение о государевом здоровье». О характере потребления астрологических знаний имеются следующие данные. Документально зафиксированы акты кровопускания царю и членам его семьи, сроки которого устанавливались в соответствии с астрологическими рекомендациями. Из второго письма А. Энгельгардта следует, что, ознакомившись с первым, царь задал ему восемь вопросов, в основном политического характера.⁶⁷ По-видимому, информационно-политическим целям служили и переводившиеся в Посольском приказе календари. Это подтверждается пометами на одном из них (ранее необоснованно приписывавшемся Петру I), касающимися сбывшихся предсказаний.⁶⁸

К потребительскому уровню астрологической культуры относилась и астрологическая литература в виде рукописных сборников довольно сумбурного содержания и ятроматематических вкраплений в лечебники. Однако эта литература не могла использоваться для обучения астрологическим расчетам и составления прогностических рекомендаций. Например, благоприятные сроки для кровопусканий и других действий указывались здесь как универсальные, годные во все времена, в то время как астрологическое значение имели лишь расчеты таких дат на каждый заданный временной отрезок (как в трактате С. Коллинса), так как картина звездного неба постоянно меняется.

Обучение астрологии было чревато опасностью быть обвиненным в колдовстве. Так, один из приближенных царя — боярин А. С. Матвеев обвинялся в вызове духов с помощью волшебной книги, в которой якобы текст был написан цифрами. И хотя в процессе разбирательства (1676—1677 гг.) выяснилось, что это было ложным обвинением, тем не менее А. С. Матвеева осудили. Из материалов дела следует, что он пытался приобрести какие-то знания (очевидно, в ятроматематике) с помощью упомянутого Николая Спафария и царского лекаря Стефана фон Гадена.⁶⁹ Поэтому надо думать, что углубляться в астрологию в то время было небезопасно даже для высоких сановников.

«Профанский»⁷⁰ уровень астрологической культуры. Он охватывал псевдоастрологов и их последователей, принимавших за астрологию астрологию, в которой обращение к небесным светилам выступало атрибутом магических действий. Такого рода псевдоастрологом выступает в розыскных делах (1689—1690 гг.) Дм. Силин, который с колокольни Ивана Великого в Московском Кремле смотрел на Солнце, а затем «предрекал» для кн. В. В. Голицына и Сильвестра Медведева.⁷¹

Четыре уровня астрологической культуры не были обособлены друг от друга, а глубоко проникали один в другой так, что низший — профанский — был присущ в определенной степени и высшему — естественнонаучному. Выделенные уровни позволяют лучше ориентироваться в особен-

⁶⁷ Богданов А. П., Симонов Р. А. Прогностические письма... С. 175.

⁶⁸ Пекарский П. [И.] Наука и литература при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 284—285; Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1897. Ч. 2. С. 249; Святский Д. [О.] Отец русской астрономии: Памяти Я. В. Брюса // Природа и люди. 1915. № 27. С. 429.

⁶⁹ Старостина Т. В. Об опале А. С. Матвеева в связи с сыскным делом 1676—1677 гг. о хранении заговорных писем // Учен. зап. Карело-Финского гос. ун-та. Петрозаводск, 1948. Т. 2. Вып. 1. С. 44—89.

⁷⁰ Термин навеян словами А. М. Панченко: «Профаном в астрологии выглядит Сильвестр Медведев — человек, которого научил „быть поэтом“ Симеон Полоцкий» (см.: Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. С. 179).

⁷¹ Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1891. Т. 3. Стб. 1235—1271.

ностях «поля» астрологических представлений России последней трети XVII в., хотя в действительности оно могло иметь более сложную структуру. Существующие данные свидетельствуют, что оно было недостаточно «сильным» для проведения гороскопических исследований, хотя полностью исключать такую возможность нельзя. Вместе с тем остается нерешенным вопрос о составлении гороскопа Петра I за рубежом. Чтобы разобраться в этой истории, необходимо исследовать опубликованные астрологические материалы, которые выполнены с учетом реконструкции звездного неба, каким оно было во время рождения Петра I.

Гороскопическая схема (карта) известна в трех вариантах: 1) изданная типографским способом в № 1 «Москвитянина» за 1842 г. (с. 65); 2) представленная в виде литографии в «Русском Вестнике» за 1842 г. (№ 2); 3) напечатанная с фотоснимка в работе Д. О. Святского по истории астрономии в «Историко-астрономических исследованиях» (1966. Вып. 9. С. 44).

В центре каждой карты указано, что Петр родился в первом часу пред полуднем. Положение Солнца в гороскопе соответствует промежутку между полночью и рассветом.⁷² Сообразно ночному рождению Пункт Счастья в данном гороскопе должен находиться в $25^{\circ}42'$ Весов, на картах он отмечен кружком с крестом внутри с указанием рядом 25° Весов, т. е. без 42 угловых минут.⁷³

Странностью надо считать информацию о положении Луны и Марса между кuspидами «домов»,⁷⁴ т. е. секторов гороскопа, олицетворяющих разные сферы судьбы. На схемах Луна попадает в VIII «дом», но в латинском толковании А. И. Лекселя и русском переводе 1842 г. упоминается — вопреки изображениям — в IX «доме»; Марс находится у конечной границы XI «дома», а текстовыми пояснениями к картам включен в XII «дом». Разбивка гороскопа на «дома» в этих картах сделана, очевидно, по методу Региомонтана либо Плацидуса.⁷⁵ Если же, доверяя прежним координатам Середины неба в момент рождения, перераспределить кuspиды по системе В. Коха,⁷⁶ появившейся уже в XX в., то Марс действительно окажется в XII «доме».

Составление гороскопа обычно начинается с записи основных данных: имени индивида, его общественного положения или профессии, географической широты места рождения (зачатия), времени рождения (зачатия). Следующим этапом является распределение по секторам карты (астрологическим «домам») планет, Солнца, Луны и наиболее ярких звезд. При этом правила такого распределения в астрологии ориентированы на реальное положение светил в данный момент вокруг Земли (как точки). Реаль-

⁷² Приемы такой проверки есть, например, в кн.: H e i n d e l M., V o ß - H e i n d e l A. Die Botschaft der Sterne: Eine Übersetzung des Rosenkreuzerischen Erkenntnisbuches // Astrolog. Bibl. [1920]. Bd 13. S. 62.

⁷³ Пункт Счастья — важнейший из так называемых сенситивных пунктов на эклипике (Пункт Смерти, Пункт Любви и Брака, Пункт Путешествий и т. д.), определяемый расчетным путем на основании координат Солнца, Луны и Асцендента. Асцендент — точка эклиптики на восточной стороне горизонта в момент события, которому посвящен гороскоп. Расчеты Пункта Счастья объяснены в кн.: T i e d e E. H. Astrologisches Lexikon. Leipzig, [1920]. S. 46.

⁷⁴ Термин «куспид» употребляется в качестве названия границы между соседними астрологическими «домами».

⁷⁵ См.: T i e d e E. H. Astrologisches Lexikon. S. 138; d e V o r e N. Enciklopedija of Astrology. N. Y., 1947. P. 413—414; Häusertabellen nach der Manier des Placidus. S. 1., 1953; C o u d e r c P. L'astrologie. Paris, 1957. P. 21; K o c h W., K n a p r i c h W. Horoskop und Himmelkirchen: Grundlagen und Altertum. S. 1., 1959; K o c h W. Regiomontanus und Hausersystem des Geburtsortes. S. 1., 1960; P r i n k e K. T., W e r e s L. Mandala życia. Poznań, 1982. T. 1. S. 138—141; T. 2. S. 143.

⁷⁶ Середина неба — верхняя точка пересечения эклиптики с плоскостью небесного меридиана, проходящего через северную и южную стороны горизонта. См.: K o c h W. Birthplace table of houses // ASI. 1975.

ное положение светил вкладывается в схему астрологических «домов», которая бывает разной формы. Простейшая — круговая, разделенная на 12 равных секторов.⁷⁷ Схема гороскопа Петра I квадратной формы.⁷⁸ Квадратная форма гороскопа, надо полагать, была еще распространена в последней трети XVII в. и в начале XVIII в., т. е. при жизни Петра I.

Откуда брал А. И. Лексель данные о светилах для «заполнения» гороскопической карты? Он должен был взять за основу картину звездного неба своего времени и «прокрутить» ее на сто лет назад. Для этого он мог произвести собственные расчеты или воспользоваться данными старинных астрологических альманахов или таблиц эфемерид. Скорее всего, он взял в качестве базы готовые данные и некоторые из них уточнил собственными вычислениями. Таблицы эфемерид составлялись на несколько лет вперед, и А. И. Лексель мог пользоваться зарубежными изданиями середины XVII в. Данные о планетах и удаленных звездах достаточны на конкретный день года, а для Луны и Солнца — на определенный час. Это связано с тем, что эти небесные тела быстро перемещаются по небу (в глазах земного наблюдателя). Положение в том или ином «доме» имеет существенное значение для астрологической характеристики гороскопа.

Вопрос о часе рождения Петра I наиболее подробно исследовал Н. Г. Устрялов спустя почти 85 лет после А. И. Лекселя и пришел к выводу, что «Петр родился не утром, а ночью, минут через 50 по полуночи».⁷⁹ Этот вывод согласуется с данными гороскопа.

Расхождение между схемой гороскопа и словесным объяснением к нему А. И. Лекселя относительно положения Марса может свидетельствовать о том, что схема гороскопа Петра I была составлена еще при его жизни. По средневековым нормам, когда астрологические «дома» брались примерно равными по величине, Марс должен был находиться в момент рождения Петра в XI «доме». Если бы гороскоп составлялся по современным усовершенствованным методикам, то Марс попал бы в XII «дом» (где его поместил А. И. Лексель). Это связано с тем, что теперь «дома» по площади принимаются неравными, чего требует более точная трактовка геометрических построений, используемых в астрологии. Можно предположить, что А. И. Лексель, будучи выдающимся астрономом, путем математических расчетов самостоятельно подошел к принципу, который впоследствии стал использоваться в астрологических методиках, опирающихся на усовершенствованную астрономо-математическую базу. Таким образом, астрологические расчеты А. И. Лекселя, по-видимому, опережали свое время, тем более они были совершеннее тех приемов, которые применяли рядовые астрологи в последней трети XVII в. Однако такая «модернизация» не уведила лекселевский гороскоп в сторону от магистрального направления средневековой астрологии. Хотя объяснения к гороскопу давались им с позиции более продвинутых представлений, они касались не мистико-прогностической сферы, а астрономо-математической базы.

Перейдем теперь к частным особенностям в каждом варианте гороскопа. Раньше других напечатал его карту журнал «Москвитянин».

⁷⁷ См.: Беруни Абу Райхан. Избранные произведения. Ташкент, 1975. Т. 6. С. 316 (Гороскоп Беруни); Зелинский Ф. [Ф.] Умершая наука // Зелинский Ф. [Ф.] Соперники христианства: (Из жизни идей). СПб., 1907. [Т. 3]. С. 282; Михайлов А. [А.] Астрология // БСЭ. 1-е изд. М., 1926. Т. 3. Стб. 663.

⁷⁸ Советскому читателю гороскоп такой формы знаком по публиковавшейся схеме гороскопа А. Валленштейна, составленного знаменитым астрономом И. Кеплером в 1608 г. См.: Баяв К. [Л.], Попов П. [И.] От астрологии к астрономии // Физика, химия, математика, техника в трудовой школе. 1930. № 4. С. 23; Турилов А. А., Чернецов А. В. Новое имя в истории русской культуры // Природа. 1985. № 9. С. 92.

⁷⁹ Устрялов Н. [Г.] История царствования Петра Великого. С. 259, примеч.

Ряд ошибок этого варианта раздраженно отметил «Русский вестник»: написание «Альдеборан» вместо «Альдебаран», «Карелла» вместо «Капелла», «Орион» вместо « α Орион», путаница в расстановке символов Льва и Тельца (причем эмблема последнего перевернута), замена символа Близнецов простым квадратом, замена символа оппозиции восьмеркой, замена в поясняющей таблице символа Венеры на символ Марса, притом перевернутый, обозначение в таблице $21^{\circ}5'$ вместо $24^{\circ}5'$, $19^{\circ}39'$ вместо $29^{\circ}39'$, $55^{\circ}44'$ вместо $54^{\circ}45'$.⁸⁰ Последняя погрешность⁸¹ должна была отразиться на координатах куспидов, однако во всех трех картах они идентичны.

Есть в схеме, напечатанной в «Москвитяине», и другие ошибки: один и тот же символ, соответствующий знаку Льва, употреблен и как символ Весов, и как обозначение Восходящего лунного узла, а Нисходящий лунный узел⁸² почему-то обозначен подобием греческой буквы γ , не отличимым от символа Овна. Остается неразгаданным смысл значка в виде перевернутой половинки звезды — под искаженным символом Девы, рядом со звездой Спика. Это необъяснимое изображение похоже на обозначение малоупотребительного аспекта (угловой удаленности) в 165° ,⁸³ но с другими элементами гороскопа он эту звезду не связывает. В пояснительной таблице вместо Марса изображен Уран, открытый позже — в 1781 г.⁸⁴ Над таблицей, в перечне деклинаций,⁸⁵ символ Венеры заменила строчная буква φ . В таблице знак секстиля (шестиконечник, аспект в 60°) всюду заменен пятиконечной звездой, соответствующей квинтилю (аспект в 72°), тогда как в карте символ секстиля употреблен для обозначения звезд. Схема в «Москвитяине» имеет ошибки в написании названий звезд русскими буквами (например, «Прорион» вместо «Процион») и, в отличие от обеих других, дает русское наименование двум звездам: Антарес назван здесь Сердцем Скорпиона,⁸⁶ а Спика — Созвездием Девы.

«Русский вестник», раскритиковавший «Москвитянина» за ошибки в карте гороскопа, также отнюдь не свободен от них. Как и в «Москвитяине», Восходящий лунный узел здесь обозначен символом Овна. Символ Девы у куспида VI «дома» заменен отдаленно сходным изображением Скорпиона. В таблице символ квадратуры (аспект в 90°) многократно заменен упрощенным символом Близнецов, тригон (аспект в 120°) отмечен неравносторонним треугольником, а секстиль — восьмиконечным изображением так называемых «фиксированных звезд». Сириус (написан через «е» — Syrius), Кастор, Поллукс и Процион — все показаны на разных градусах, но с одинаковым числом угловых минут — 69, что невозможно, так как градус содержит 60 угловых минут. Причина такого математического абсурда — непонятый символ Рака, объединяющий указанные звезды. Перерисовщик карты гороскопа, очевидно, по своей инициативе добавил к этому фантастическому числу штрих, обозначающий угловую минуту.⁸⁷

⁸⁰ См.: Рус. вестн., 1842. № 2. Известия и смесь. С. 42.

⁸¹ $55^{\circ}45'$ с. ш. соответствует северной части Московского Кремля, а $55^{\circ}44'$ с. ш. — Замоскворечье на линии между Крымским и Новоспасским мостами, а также окрестностям Новодевичьего или Новоспасского монастырей.

⁸² Лунный узел — точка пересечения лунной орбиты с плоскостью эклиптики, по астрологическому влиянию близкие светилам. Пройдя Восходящий л. у., Луна движется к северу от эклиптики, а после Нисходящего л. у. — к югу.

⁸³ Witte A. Regelwerk für Planetenbilder. Hamburg, 1959. S. 40.

⁸⁴ В 1-й половине XIX в. эти две планеты могли изображать одинаково — в виде слабо наклоненной вправо стрелки над кружком с точкой (см., напр.: Древний и новый астрономический телескоп. . . Б. м., 1821. С. 27).

⁸⁵ Деклинация — угловое расстояние светила от небесного экватора.

⁸⁶ Правомочность такой замены подтверждена, например, в кн.: Карпенко Ю. А. Названия звездного неба. . . М., 1981. С. 56.

⁸⁷ Рус. вестн. 1842. № 2 (вклейка в конце кн.).

Если карты гороскопа и в «Москвитяине» и в «Русском вестнике» оформлены в духе русской полиграфии 1-й половины XIX в.,⁸⁸ то схема, опубликованная Д. О. Святским, воспринимается как перерисовка с чертежа XVIII в., во многом воспроизводящая исторический вид того документа. В заголовке на латинском языке, расположенном в центре схемы, отсутствует приведенное в двух других картах указание на то, что «Москва находится под 55°45'», и нет слова *civil* при ссылке на юлианский стиль (оно есть в латинском тексте по центру карты гороскопа, опубликованной в «Русском вестнике», а в русском переводе — и в «Москвитяине»). В публикации Д. О. Святского символ Рака также превратился в «69» с добавлением знака угловой минуты, а символ Льва едва отличим от Восходящего лунного узла.

Таким образом, все опубликованные карты гороскопа Петра I содержат ошибки, и характер этих ошибок заставляет думать, что лица, копировавшие и готовившие схемы к печати, не были достаточно знакомы с астрологией.

Д. О. Святского смутило полное отсутствие светил в X «доме», связанном с социальными перспективами родившегося, в связи с чем он именно сюда решил поместить Новую звезду *Nova Vulpeculae*, вторично вспыхнувшую рядом с Марсом во время рождения Петра I. Однако расчеты ставят под сомнение правомочность такой добавки в этот участок гороскопа. Хотя Д. О. Святский при этой публикации не указывает координат данной звезды, тем не менее карта гороскопа удаляет ее от Марса в момент рождения Петра примерно на 30—60° по эклиптике, в то время как момент зачатия отстоит от этого сектора намного дальше. Марс в 1672 г. мог оказаться у куспида X «дома» никак не раньше чем за три месяца до рождения Петра. В этом можно убедиться по данным о движении Марса.⁸⁹

Попытаемся представить себе, к каким выводам гороскоп Петра I мог привести внимательных астрологов конца XVII в. и последующего времени. Отнюдь не претендуя на полный анализ, выделим ряд характерных особенностей гороскопа.⁹⁰

Сначала рассмотрим планеты и близкие к ним по роли элементы гороскопа, начиная с наиболее астрологически сильных и кончая слабыми.

Нисходящий лунный узел в Деве характеризует несоответствие поведения индивида нормам и взглядам, которые утвердились в окружающем его обществе.

Меркурий в Близнецах и III «доме» определяет быстроту реакций, весьма живой ум, многогранность интересов при недостаточной глубине и разбросанности, нервозность, потребность в переменах и путешествиях, очень сильное влечение к новому, изобретательность одновременно в разных сферах деятельности, оригинальность, азарт в расширении своего образования, находчивость в разговоре — особенно дискуссионного характера — с остроумием до наглости, трезвый разум (особенно в прикладных дисциплинах), большую роль братьев и сестер в судьбе индивида.

Венера в Тельце и во II «доме» дает силу чувств с высокой страстностью и импульсивностью проявлений (как правило, в эгоистических целях),

⁸⁸ Ш и ц г а л А. [Г]. Русский гражданский шрифт: 1708—1958. М., 1959. С. 146—188.

⁸⁹ См.: *Michelsen N. F. The American Ephemeris for the 20th century 1900 to 2000 at Midnight. San Diego, 1980.*

⁹⁰ Положение планет в знаках зодиака и «домах» гороскопа, а также аспекты оцениваются прежде всего на основании данных, взятых из кн.: *Heindel M., Von Heindel A. Die Botschaft. ; Sacojan F., Acker L. Das große Lehrbuch der Astrologie. Scherz-Verlag, 1976; Löhlein H. A. Handbuch der Astrologie. München, 1980. Характеристики влияния звезд взяты из кн.: Tiede E. H. Astrologisches Lexikon; Grimm A. M. Lehrbuch der Astrologie und Horoskopie. S. 1., 1923. S. 297.*

умением быстро устанавливать связи, неустойчивостью в любви и браке из-за переменчивости в отношениях к партнеру, сладострастием, тягой к плотским удовольствиям, популярностью, возможностью иметь поддержку друзей.

Марс в Рыбах и XI «доме» стимулирует необузданность в поступках, обилие тайных врагов, обращение к тайным методам борьбы с оппозицией, многочисленные любовные авантюры, сильную, но уязвимую восприимчивость, зависимость энергетической активности от настроения, непостоянство, легкомыслие в любовных связях и браках (с большей глубиной привязанности к концу жизни), склонность к пьянству и низкой эротике, стремление к зарубежным поездкам и контактам с иностранцами, беспорядочную агрессивность, гипнотическое воздействие на толпу, ощущение себя лидером большого масштаба — с опорой на военных и на людей большой жизненной силы, побуждает к воодушевленной деятельности (часто с переоценкой своих сил и способностей), к щедрости, откровенности и демонстративности в импульсивных дружеских отношениях, время от времени резко разрываемых, а также провоцирует семейные разлады и несчастливые отношения с собственными детьми.

Сатурн в Овне и XII «доме» обуславливает подкрепленную волей потребность руководить другими, большие организаторские данные, своеобразие, эгоизм, упрямство, критицизм, неуживчивость, быстро разгорающийся гнев, ревность, агрессивную жестокость, разрушение и саморазрушение. Сатурн в гороскопе Петра I находится на критическом градусе,⁹¹ усиливающим воздействие планеты.

С Луной в Стрельце и VIII «доме» связаны большая подвижность, активная физическая деятельность, влечение к дальним поездкам, импульсивность при быстрой возбудимости чувств, нервная неустойчивость с приступами депрессии, открытость до вреда себе, внезапные аффекты, неутомимость, быстрое воодушевление от новых идей и планов, легкомыслие в денежных вопросах, живая фантазия; славе содействуют поездки в чужие края. Такое положение Луны обещало индивиду иметь много детей, из которых большинство умрет в раннем возрасте.

Солнце в Близнецах и III «доме» указывает на большую подвижность ума, любознательность, кипучую энергию реформатора, ораторские данные, оптимальное сочетание рационального и интуитивного, высокий уровень наблюдательности, склонность к анализу отношений и явлений, логике, хорошую память, везение в поездках, но вместе с тем и на торопливость, изменчивость, подозрительность, неуравновешенность.

Юпитер в Деве и VI «доме» способствует развитию в человеке практицизма, аналитичности с четким разделением правды и лжи, с опорой суждений на факты, отношению к верности и надежности как первостепенным достоинствам в служебных делах, но также порождает критиканство и цинизм. Следует заметить, что эта планета, которая в официальном толковании гороскопа Петра символизирует славу и несомненные успехи государства, расположена неблагоприятно: ее сила в знаке Девы мала и отрицательна. VI «дом», в котором она оказалась, для нее хуже, чем другие «дома»; кроме того, Юпитер здесь связан плохими аспектами с Восходящим лунным узлом, Солнцем и Марсом.

Теперь коснемся аспектов между светилами и другими элементами гороскопа, почти наверняка замеченных астрологами конца XVII в. Самая индивидуальная точка гороскопа — Асцендент — очень близка Сатурну. Их конъюнкция⁹² означает высокое чувство ответственности, большую серьезность, жизненные трудности с ранних лет. Тригон между

⁹¹ См.: Heindel M., Voß-Heindel A. Die Botschaft... S. 235.

⁹² Конъюнкция — кажущееся совмещение светил при виде с Земли, а также их расположение на одинаковом расстоянии по эклиптике, которое исчисляется от точки весеннего равноденствия в одном и том же направлении.

Сатурном и Луной благоприятно усиливает серьезность индивида, добавляя к ней заботливость и рачительность, и при этом указывает на главную роль собственных усилий индивида в достижении успеха, поддерживая уверенность в себе. Тригон Сатурна с куспидом V «дома» и секстиль с куспидом XI «дома» придают развлечениям и отношениям с друзьями суровый оттенок.

Квадратура между Луной и Марсом определяет быстро реагирующий и пылкий темперамент со склонностью к резким, порой необдуманным словам и поступкам, создающим множество забот и неприятностей, пренебрежение к чужим предписаниям, ограничивающим желания индивида, властолюбие, сомнительные методы для удовлетворения своих капризов, проявления бесконтрольной боязливости вперемежку с отвагой и готовностью к риску, тиранию в собственной семье, стимуляцию враждебности в отношении себя. Квадратура между Луной и Юпитером добавляет к этим качествам хвастовство, распыленность, несбалансированность вкусов, болезни от неумеренного потворства своим желаниям.

Оппозиция Марса и Юпитера располагает к экстремизму, гипертрофированному чувству свободы, конфликту с устоями общественного строя и респектабельными лицами, к сопротивлению опеке, а тем более — принуждению, к своенравному упрямству, неуравновешенности в реакциях, к большой зависимости от настроения, взрывчатому темпераменту, авантюрной фантазии, к недостаточной осторожности при мгновенной возбудимости, к мятежности, импульсивности действий, к пьянству.

Оппозиция Юпитера с Восходящим лунным узлом сообщает, что этические, религиозные и воспитательные принципы индивида противоречат сложившимся воззрениям общества.

Квадратура между Юпитером и Солнцем означает отвагу, преувеличенный оптимизм в отношении к собственным планам и беспечность в действиях, авантюризм, мятежность, выступления против устоев общества, пренебрежение к религии, неисповедность убеждений, азартные увлечения, переоценку собственных возможностей, склонность к дурным привычкам, экстравагантность в общественной и деловой жизни.

Для конъюнкции Солнца с Меркурием характерны: живость мышления и острая меткость суждений, ораторские данные, успехи в поездках, талант для контактов с большими группами людей, популярность, жизнелюбие. Лучший из аспектов — тригон — связывает Меркурий с Пунктом Счастья и усиливает хорошие качества индивида, сообщаемые этой планетой, а также конъюнкцией с Солнцем, смягчая квадратуру Меркурия с Сатурном. Она, в свою очередь, располагает к злобности, подозрительности, интригам, душевной черствости, бесцеремонности, деспотизму, жестокости, цинизму, беспокойству, постоянной опасности от клеветников и тайных врагов.

Астрологи, знакомившиеся с гороскопом Петра I, наверняка обращали внимание на конъюнкции планет не только с так называемыми королевскими, но и с фиолетными (вредоносными) звездами. Так, в конъюнкции с Венерой находился Алголь, усиливающий вспыльчивость и горячность; с куспидом III «дома» (связанного, в частности, с братьями и сестрами) — Альдебаран, вызывающий разрушительные раздоры; с куспидом V «дома» (связанного, в частности, с увлечениями и воспитанием детей) — Презепе, возбуждающая испешеляющую злобу.

Однако другие звезды в момент рождения Петра, составлявшие конъюнкцию с планетами и куспидами его гороскопа, были добрыми вестниками: Альгениб в конъюнкции с Асцендентом сулил почести и ораторский талант; Гиады с куспидом III «дома» — богатство, блеск, славу (особенно в военных делах); Капелла с Солнцем предвещала хорошие способности, протекции, популярность. Противоречивое влияние обещали две звезды: Беллатрикс (в конъюнкции с Солнцем) — успехи в ратных делах, гражданские и военные почести, хорошую память, но

вместе с тем — несчастья с головой и глазами, пагубные предприятия, убытки по собственной вине, склонность к ссорам, ненависть; Антарес («Скорпионово Сердце») в конъюнкции с куспидом IX «дома» — деятельную силу, успешное преодоление трудностей и в то же время — большие опасности в жизни, саморазрушение, пагубные предприятия.

Мы не коснулись здесь множества тонких и разноречивых оттенков, присущих более фундаментальной трактовке гороскопа. Приходится оставить без объяснения удивительное отсутствие планет в так называемых угловых «домах» гороскопа (I, IV, VII, X),⁹³ что в астрологии принято связывать со слабой натурой индивида и пассивностью его судьбы.

Проведенный анализ раскрывает, что имел в виду А. И. Лексель, когда писал о гороскопе Петра I: «Многие знаменования по правилам астрологов не только посредственны, но и зловещи».⁹⁴ Эту сторону гороскопа Г.-Ф. Миллер скрыл, изложив дело так, будто он исключительно благоприятен, что с неоправданным доверием было воспринято последующими исследователями.

Придворные астрологи (врачи) Алексея Михайловича, если они получили задание составить гороскоп на рождение Петра I, также могли скрыть от царя в полном объеме «зловещие» черты. Аналогичная ситуация представлена в записанном А. С. Пушкиным (со слов Н. К. Загряжской — представительницы родовитой знати) случае, связанном с предсказанием судьбы императора Ивана VI Антоновича.⁹⁵ Предшествовавшая ему на российском троне Анна Иоанновна якобы дала задание Л. Эйлеру (1707—1783) и еще одному члену Петербургской Академии наук составить гороскоп на его рождение (1740 г.). Показания гороскопа оказались такими неблагоприятными, что они не осмелились его представить императрице, а послали другой, более благоприятный. Л. Эйлер сохранил первоначальный гороскоп и, когда трагическая судьба Ивана VI сбылась, показал его графу К. Г. Разумовскому.⁹⁶ Этот рассказ, записанный А. С. Пушкиным, перекликается с изложением Я. Я. Штелина, только у него в качестве составителя гороскопа Ивана VI фигурирует Г.-В. Крафт (1701—1754), к услугам которого, как предсказателя, якобы часто прибегала императрица Анна Иоанновна.⁹⁷ Оба свидетельства как бы дополняют друг друга, позволяя заключить, что безымянным академиком в рассказе Н. К. Загряжской был Г.-В. Крафт. Тем не менее нет оснований считать, что случай с предсказанием судьбы Ивана Антоновича действительно имел место. Однако ясно, что он не придуман Я. Я. Штелиным и распространялся в кругах, близких к императорскому двору, возможно, являясь исторической реминисценцией подобного же случая, происшедшего в прошлом, — в связи с составлением гороскопа на рождение Петра I.

В свете изложенного кажется невероятным, чтобы Симеон Полоцкий самостоятельно рассчитал гороскоп Петра I и пришел к царю со своими результатами. Он мог заметить «пресветлую звезду» (как и любой другой) в момент рождения Петра и подать мысль о гороскопе, который затем составили придворные врачи. Вообще сомнительно, чтобы Симеон Полоц-

⁹³ Угловые поля останутся пустыми, даже если сделать перерасчет куспидов, используя систему Вальтера Коха, и разместить в гороскопе планеты, открытые уже после смерти Петра I: Уран (1781 г.), Нептун (1846 г.), Плутон (1930 г.).

⁹⁴ Лексель А. И. Объяснение: Гороскоп Петра Великого // Москвитянин. 1842. № 1. С. 66.

⁹⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л. Т. 12. С. 169, 404.

⁹⁶ Иван VI Антонович (1740—1764) провозглашен императором в октябре 1740 г. в младенческом возрасте. Затем, свергнутый Елизаветой, был заключен в темницу, где находился в изоляции более 20 лет, убит стражниками при попытке освобождения. Разумовский К. Г. (1728—1803) — ученик Л. Эйлера (в Берлине), президент Петербургской Академии наук (1746—1765), крупный государственный и военный деятель: гетман Украины (1750—1764), генерал-фельдмаршал.

⁹⁷ Штелин Я. Я. Подлинные анекдоты Петра Великого... С. 511—514.

кий знал астрологию так, чтобы грамотно составить прогностик. Для этого нужно быть профессионалом достаточно высокого класса, какой имел даже не каждый лейб-медик. П. Н. Крекшин указал на Симеона Полоцкого, вероятно, потому, что тот ему был известен как автор стихотворения с астрологическим содержанием, однако из этого вовсе не следует, что Симеон Полоцкий был астрологом. Даже если бы прогностическое стихотворение, приписываемое Симеону Полоцкому, было астрологически безупречным (что вовсе не так!), то и это не значило бы, что поэт действительно составлял гороскоп. Он мог воспользоваться разработкой профессиональных астрологов, каковыми являлись придворные врачи. Алексей Михайлович, будучи ознакомленным с «приглаженным» гороскопом новорожденного царевича Петра, все же мог быть обеспокоен его показаниями. Возможно, этим и было обусловлено намеренное распространение слухов об исключительном благополучии предсказания. Об искусственном происхождении этих слухов высказывался И. П. Сахаров, но он считал, что иностранцы приняли их за чистую монету.⁹⁸ Скорее, правильнее было бы предположить, что они пронюхали истину о зловещих показаниях гороскопа, о чем и поспешили сообщить за границу. По данным русской историографии XVIII в. и ее апологетов XIX в., зарубежные астрологи подтвердили благоприятные характеристики гороскопа, не зафиксировав отрицательных и посредственных черт. Однако сохранившийся гороскоп Петра I содержит последние столь ясно и в таком изобилии, что астрологи никак не могли пройти мимо них. Следовательно, за рубежом в государственных кругах должны были иметься сведения о возможных отрицательных качествах Петра I, основанные на его гороскопе.

Косвенно это подтверждается отрицательной характеристикой, которую давал Петру I молодой Фридрих II (1712—1786) в переписке с Вольтером в 1737—1738 гг.: «Он не обладал ни малейшим признаком человечности и доблести; крайне невежественный, он действовал под влиянием своих ничем не сдерживаемых порывов. Жестокий во время мира, слабый на войне, Петр был обязан в жизни счастью, а не уму».⁹⁹ Е. Ф. Шмурло объяснял эти слова тем, что молодой и неопытный Фридрих II руководствовался «одними теориями и отвлеченными умозрениями».¹⁰⁰ Отсюда не следует, что при такой базе суждения должны быть непременно негативными. Что-то заставляло Фридриха II первоначально давать Петру I именно отрицательную характеристику — ведь впоследствии оценка была иная: «Он был истинный законодатель и основатель своей монархии; он создал людей, солдат и министров; воздвиг на море силу, достойную удивления, и поставил народ свой на виду всей Европы, заставив ее признать свои редкостные таланты».¹⁰¹ Е. Ф. Шмурло объясняет столь разительную перемену в оценках Фридриха II опытом, приобретенным в процессе управления государством. Однако это не объясняет, почему он раньше резко отрицательно характеризовал Петра. Не претендуя на окончательное решение, можно предположить, что негативное отношение молодого Фридриха II к Петру I можно поставить в связь с существовавшими документальными астрологическими характеристиками отрицательных черт последнего, установленными на основе его гороскопа.

Так ли это, возможно, в дальнейшем удастся установить по данным зарубежных архивов, одно ясно — представители дворянской историографии XVIII в. были очень «чувствительны» даже к нюансам отступления от официальной восторженной характеристики Петра I, обожествлявшей его. Е. Ф. Шмурло отмечает, что Г.-Ф. Миллер и другие историки того времени «были заметно шокированы тем, что Вольтер посмотрел на него

⁹⁸ Сахаров И. П. Записки русских людей. . . С. 118.

⁹⁹ Цит. по: Шмурло Е. Ф. Петр Великий в русской литературе. С. 22.

¹⁰⁰ Там же. С. 23.

¹⁰¹ Цит по: Шмурло Е. Ф. Петр Великий в русской литературе. С. 23.

(Петра I. — В. П., Р. С.) просто как на человека, хотя и великого». ¹⁰² Для такой неадекватной реакции представителей дворянской историографии должны были быть основания. В их число, по нашему мнению, входили существовавшие данные об отрицательных прогнозах гороскопа Петра I. Вот почему в виде своеобразной контрпропаганды в дворянской историографии неестественно большое место уделялось астрологической трактовке рождения Петра I с предсказанием ему великого будущего.

Примерно такая же ситуация сохранялась в официальной исторической науке начала XIX в., хотя стали высказываться и сомнения в добросовестности отдельных представителей исторической науки. ¹⁰³

Критически попытался осмыслить роль личности Петра I и его деяний в истории России А. С. Пушкин. Он задумал «Историю Петра I» во второй половине 20-х гг. XIX в. и работал над ней до самой смерти. Брат царя, великий князь Михаил, возмущенно говорил в 1836 г., что «Пушкин недостаточно воздаст должное Петру Великому, что его точка зрения ложна, что он рассматривает его скорее как сильного человека, чем как творческого гения». ¹⁰⁴

Сохранившийся подготовительный текст «Истории Петра I» содержит выписки и обработку многих источников, в том числе «Деяний» И. И. Голикова, включая данные о предсказании судьбы Петра. А. С. Пушкин сделал выписку о якобы проводившихся тогда астрологических наблюдениях. Однако он не разделял восторга Г.-Ф. Миллера, Я. Я. Штелина и И. И. Голикова по поводу якобы сбывшихся предсказаний. Более того, в начале своих заметок он выделил примечательную фразу: «Народ почитал Петра антихристом». ¹⁰⁵

Характеризуя работу А. С. Пушкина над «Историей Петра I», И. Л. Фейнберг правильно отметил (в связи со строгим приговором Николая I: «Сия рукопись издана быть не может. . .»), что понимание им проблемы было неприемлемым для официальной историографии царизма, «так как Пушкин смело осветил не только положительные, но и отрицательные стороны исторической деятельности и личности Петра I». ¹⁰⁶ Поэтому надо думать — хотя в выписках об этом прямо не говорится, — что А. С. Пушкин мог усомниться в истинности материалов о предсказании, так как они односторонне, исключительно положительно освещали личность Петра I. А. С. Пушкин наряду с огромными положительными качествами императора отметил присущие ему деспотические черты, склонность к насилию, жестокость. Такая точка зрения разделяется советской наукой. ¹⁰⁷

Итак, тайна, долгие годы связанная с предсказанием на рождение Петра I, заключалась в том, что, вопреки мнениям, гороскоп характеризовал его не только как выдающуюся, но и как необузданную, жестокую личность. Прояснить дело историческая наука могла уже в 70-х гг. XVIII в., когда А. И. Лекселем был составлен ретроспективный гороскоп Петра I, тем более после его опубликования в 1842 г. Г.-Ф. Миллер, Н. А. Полевой, М. П. Погодин, Д. О. Святский и все, кто знакомился с этим гороскопом, знали о наличии в нем зловещих черт, но никто не уделил им должного внимания. По-видимому, такое неадекватное отношение обуславливалось стереотипом восприятия Петра I как выдающейся личности, заострять внимание на отрицательных особенностях гороскопа которой казалось лишним, ненужным и вредным по политическим или этико-эстетическим мотивам.

¹⁰² Ш м у р л о Е. Ф. Петр Великий в оценке современников и потомства. С. 59.

¹⁰³ См.: Е л а г и н И. П. Опыт повествования о России. М., 1803. Ч. 1. С. 401.

¹⁰⁴ Цит. по: Ф е й н б е р г И. [Л.] История Петра I // П у ш к и н А. С. Собр. соч. М.: ГИХЛ, 1962. Т. 8. С. 426.

¹⁰⁵ П у ш к и н А. С. Собр. соч. Т. 8. С. 42, 46—47.

¹⁰⁶ Ф е й н б е р г И. [Л.] История Петра I. С. 426.

¹⁰⁷ К о р е ц к и й В. И. Петр I // Сов. ист. энциклопедия. М., 1968. Т. 2. Стб. 92.

Источники и литературная история «Повести об Аквитане»

«Повесть об Аквитане», известная также под заглавием «О обретшем незнаемый путь и избегшем биения своим разумом», принадлежит к числу неисследованных памятников древнерусской литературы переходного периода. Правда, беглое упоминание об этом произведении мы находим уже в ранних работах В. П. Адриановой-Перетц, которая отмечает связь «Повести об Аквитане» с легендарным «Житием Эзопа» и справедливо указывает на ее компилятивный характер,¹ а также в нашей книге, посвященной рецепции древнепольской беллетристики в России XVII—XVIII вв.,² но до сих пор нет работы, в которой этот памятник был бы предметом тщательного текстологического и историко-литературного анализа. Исходя из этого, мы должны не только выявить все, по мере возможности, списки «Повести об Аквитане», но и решить проблемы датировки и атрибуции этого памятника, а также определить круг его источников и литературный контекст. В нашу задачу входит также изучение литературной истории повести и публикация ее текста по всем известным в настоящее время спискам.

Начнем с обзора сохранившихся до наших дней списков «Повести об Аквитане». Нам удалось обнаружить пять рукописей XVIII—XIX вв., в которых эта повесть читается.

1. ГПБ, Q. XV, 97 (Устьсысольская общественная б-ка, № 129) (далее — Q). Скорописный сборник 30-х гг. XVIII в., в 4°, 72+II л. Переплет картонный. На первой корке переплета надпись в наклеенном бумажном сердце: «Старинные анекдоты письменные». Водяной знак: лигатура РФ (Клепиков, Филигр. и штемп., № 706 — 1735—1737 гг.). Содержание: 87 кратких повествовательных произведений (фацеций, повестей из «Римских деяний», «Истории семи мудрецов», «Великого зеркала» и других источников) в интересной обработке анонимного автора.³ «Повесть об Аквитане» — на л. 5—8 об.

¹ Ср.: Адрианова-Перетц В. П. Басни Эзопа в русской юмористической литературе XVIII века // ИлоРЯС. Л., 1929. Т. 11. С. 398; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. II, ч. 2. С. 412.

² Małek E. Staropolska proza narracyjna w procesie literackim Rosji wieku XVII i XVIII. Łódź, 1983. S. 229—231. Ср. также нашу статью: «Повесть об Аквитане» — неизученный памятник древнерусской литературы // Zeszyty Naukowe WSP w Bydgoszczy. Stud. Filol. Z. 23. Bydgoszcz, 1986. S. 139—144.

³ В основу этой уникальной антологии кратких беллетристических произведений, созданной в 1729 г., положены фацеции. Но кроме того, в сборник вошли 24 новеллы из «Римских деяний», «Великого зеркала», «Истории семи мудрецов» и других источников. Анонимный автор не просто объединил их по тематическому принципу с фацециями, но проделал при этом огромную редакторскую работу, превращая поучительные приклады в смехотворные повести. Шире об этом сборнике, получившем название «Книга, нарицаемая жаргы», см. в нашей статье: Z obserwacji nad recepcją nowelistyki przekładowej w Rosji początku XVIII wieku // Acta Univers. Lodzianensis. Folia Lit. 17. Łódź, 1986. S. 295—304.

Загл.: «Глава первая. О обретшем незнаемый путь и избегшем биения своим разумом». Нач.: «В волоской земли во граде Кине (так!) живяше некто воин именовем Аквитан возрастом юн сый». Кон.: «И тако возвратился в свои хоромы, тужа и сетуя о коне своем».

2. ГПБ, собр. Титова, № 4182 (далее — Т). Скорописный сборник середины XVIII в., в 4°, 63+IV л. Переплет картонный. Водяной знак: буквы РФ в картуше (Клепиков, Филигр. и штемп., № 660 — 1752 г.). Содержание: 70 кратких повествовательных произведений (фацеций, повестей из «Римских деяний», «Истории семи мудрецов» и т. д., отобранных и обработанных анонимным автором), которые получили общее заглавие: «Книга, нарицаемая жарты». «Повесть об Аквитане» — на л. 1—5 об.

Загл.: «О обретшем незнаемый путь и избегшем биения своим разумом. Глава 1». Нач.: «В волоской земле во граде Сине живяше некто воин именовем Аквитан (так!) возрастом юн сый». Кон.: «И тако возвратится во своя хоромы, тужа и сетуя о коне своем».

3. ИРЛИ, собр. Перетца, № 213 (далее — П). Скорописный сборник-конволют второй половины XVIII в., в 4°, 170 л. (л. 99—99 об., 106, 118—118 об. — чистые), без начала. Водяной знак: буквы РФ на гербовом щите, окаймленном двумя ветвями, и инициалы АЕ (Клепиков, Филигр. и штемп., № 485 — 1760 г.). Содержание: фацеции (без начала) и повести из «Истории семи мудрецов» особой редакции, сатиры Кантемира, «Диалог в тверской семинарии», стихотворения и эпиграммы, «забавные» жарты (первая тетрадь), 73 кратких повествовательных произведения из «Книги, нарицаемой жарты» (вторая тетрадь). «Повесть об Аквитане» — на л. 119—122.

Загл. нет (оставлено место). Нач.: «[В] воложской земли во граде Сиине живяше некто воин именовем Аквитан возрастом юн сый». Кон.: «И тако возвратится во своя си хоромы, тужа и сетуя о коне своем».

4. ГБЛ, ф. 299, № 486 (далее — Г). Сборная рукопись второй половины XVIII в., в 4°, 122 л. Местами листы перепутаны и утрачены, хотя пагинация во всей рукописи сплошная, без пропусков. Почерк — скоропись разных рук. Содержание: «Плач холопов», «Сказание о попе Саве и о великой его славе», «Повесть о масленице», «Акт ливерский», выписки из «Санкт-Петербургских ведомостей», рифмованные жарты, «Гистория о Фроле Скомрахове», «Сказание о королевиче Брунцвике», «Повесть о снах Мамера», «Свиток иерусалимский», «Повесть о царице и львице», «Повесть о царе Аггее» и фрагмент (без начала и конца) «Книги, нарицаемой жарты». «Повесть об Аквитане» — на л. 117—117 об. (фрагмент, повествующий о намерении хозяина сжечь на костре свою жену).

Загл. нет. Нач.: «Главою покива да его послушает, повеле убо лето-расли винныя на среду принести и зажещи». Кон.: «Добры гостю, повеле господин коню».

5. ИРЛИ, Мезенское собр., № 76 (далее — М). Рукопись второй четверти XIX в., в 8°, 10 л., скоропись. Без переплета. Содержание: «Повесть об Аквитане».

Загл.: «Повесть о Аквитане, како избавился от смерти своим разумом и како обрете незнаемый путь». Нач.: «В воложской земли во граде Вение живяше некто славный воин именовем Аквитан возрастом юн сый». Кон.: «И тако возвратится в своя хранины, сетуя о коне своем».

Как видно из обзора рукописей, большинство известных списков «Повести об Аквитане» читается в составе своеобразной антологии смехотворных повестей и лишь один, самый поздний список, вырывает ее из обычного литературного окружения.

Изучение «Повести» затрудняет тот факт, что ни один из сохранившихся списков не является автографом. Однако и те списки, которыми мы в настоящее время располагаем, дают определенное представление о первоначальном виде повести и ее литературной истории. Судя по ним, «Повесть об Аквитане», в отличие от других произведений повествователь-

ной прозы переходного периода, не подверглась на протяжении ста с лишним лет своего бытования в рукописной традиции существенным изменениям. Все выявленные списки принадлежат к одной редакции, а различия, каких, разумеется, немало, являются, как правило, результатом механических писцовых ошибок (это могут быть разного типа описки, пропуски или перестановки слов и словосочетаний) или изменений в области языковой нормы переписчиков (последние сильнее всего сказались в списке М, адресованном читателю первой четверти XIX в.), а не целенаправленной редакторской обработки.

Самым исправным списком «Повести об Аквитане», в котором меньше, чем во всех остальных, смысловых пропусков и явных искажений текста, следует признать список Q (он и будет положен в основу издания). Ближе всего к списку Q стоит список T, но в нем много пропусков смысловых слов. Списки П и М восходят к одному протографу, но этот последний имеет тоже много индивидуальных чтений. Список Г, насколько можно судить по сохранившемуся фрагменту, примыкает к Q и T, но имеет и свои индивидуальные особенности (например, подновление лексики). Ввиду неполноты текст списка Г не учитывается в различиях.

Поскольку проблема атрибуции и датировки «Повести об Аквитане» самым непосредственным образом связана с кругом ее источников, попробуем определить ту литературную традицию, на которую опирался анонимный автор, и способы ее использования.

Сюжетную основу «Повести об Аквитане» составляет «Житие Езопа баснослова», переведенное в 1607 г. с греческого языка Федором Гозвинским, а вернее один из его эпизодов, рассказывающий о том, как Ксанф-философ приказывает Эзопу привести в свой дом человека, который не интересовался бы чужими делами, и за невыполнение приказа угрожает ему побоями. Эзоп едет в город и приглашает крестьянина, торговавшего дровами, в дом своего господина. Крестьянин в самом деле оказывается нелюбопытным до такой степени, что ничему не удивляется: ни неожиданному приглашению, ни чрезвычайной вежливости Ксанфа и его жены, ни жестокости хозяина, наказывающего за выдуманные проделки своих слуг и решившего сжечь на костре собственную жену, и тем самым Ксанф лишается возможности наказать Эзопа.

В повести анонимного русского автора главным героем становится «некто воин именем Аквитан» из города Сены, который имел «у себя обычай таков, чтобы ему познати чюжия страны», и который во время одной из своих поездок попадает в дом сердитого господина, известного тем, что он, принимая гостей у себя в доме, угощает их лучшими яствами, но одновременно всячески старается найти повод для того, чтобы их избить. Прозрев коварные замыслы хозяина, Аквитан ведет себя таким образом, что не дает ему ни малейшего повода к гневу и в конечном счете выходит победителем из этого своеобразного поединка. Аквитан, в образе которого слиты воедино ум и находчивость Эзопа с нелюбопытностью крестьянина, приведенного им в дом Ксанфа, оказывается умнее и хитрее сердитого господина. Он не только выдерживает все испытания, но вдобавок получает от своего антагониста лучшего коня, на котором уезжает из его дома.

Чтобы усилить впечатление от победы Аквитана, автор повести заставляет своего героя вынести некоторое число испытаний, отсутствующих в указанном эпизоде «Жития Езопа баснослова» и почерпнутых им из других произведений письменной и устной литературы. Итак, по просьбе хозяина Аквитан умело «обрезывает индейское куря» (здесь использована вторая редакция фации «О раздробившем по писанию куря»), вовремя заметив на серебряной чаше надпись: «Аще кто похвалит мед, будет бит. Кто похулит, будет бит», хитро уклоняется от прямого ответа на вопрос господина о вкусе напитка, наконец, не позволяет слуге сердитого хозяина

отнять себе дарованного коня, остроумно обыгрывая поговорку: «Даровому коню в зубы не смотрят».⁴

К устным фольклорным источникам восходит композиция «Повести об Аквитане». В ней, как в сказке и эпосе, действие начинается отлучкой героя из дома и кончается сообщением о его возвращении домой. Совершенно по-сказочному выбирает Аквитан самый трудный и опасный из трех путей. Он приезжает на распутие и не знает, куда направиться: вправо, влево или прямо. Прочитав на столбе, что его ожидает на каждом из путей, Аквитан, подобно фольклорным героям, выбирает самую опасную, прямоезжую дорогу. «Той же Аквитан сие писание прочет, — читаем в «Повести», — мысляще в себе: „Аще аз зла не сотворю кому, кто мя начнет бити?“ И тако устремися путем, иже прямо ему».⁵ С фольклорной поэтикой связывает «Повесть об Аквитане» также отсутствие логических мотивировок поведения героя и ее кумулятивность: отдельные звенья сюжета следуют в ней одно за другим по принципу нанизывания и могут оборваться в любой момент, могут без особого труда поменяться местами.

Анонимный автор «Повести об Аквитане» довольно бесцеремонно использует как готовые сюжеты, так и их словесное оформление. Чтобы наглядно показать приемы его работы с «чужим» текстом, приведем параллельные фрагменты «Жития Езопа» и «Повести об Аквитане» (список Q).

Житие Езопа

И Ксант во уши исповеда жене, яко да послушествует и что он повелит да творит. . . Потом пред всеми глагола жене своей: «Воду во умывальницу вложи и ноги гостю умой». Мысляще убо в себе, яко всячески гость отречется, Езопу же сего ради оплазиваго биену быти. Она же вложи воду во умывальницу и иде к гостю ноги умыти. Он же позна сию быти дому госпожу, в себе глаголя: «Почтити мя хочет и сего ради своими руками нозе мои хочет мыти, еда можаше бы рабьянам своим повелети», протягши убо нозе свои.

(ГПБ, F. XIV. 5, л. 13)

Повесть об Аквитане

И пошепта во ухо жене своей: «Воду во умывальницу вложи и ноги гостю умой», мысляще бо в себе всячески, яко гость отречется и сего ради биен будет. Она же вложи воду во умывальницу, иде гостю ноги умыти. Аквитан же познав сию дому госпожу, в себе глаголя: «Почтити мя хочет и сего ради своими руками нозе мои хочет мыти, егда бо можаше и рабьянам своим повелети». И протягши убо нозе.

Несколько больше изменений внес анонимный автор «Повести об Аквитане» в словесную ткань фацеции «О раздробившем по писанию куря», однако и здесь легко угадывается ее непосредственная связь со второй редакцией этой смехотворной повестушки.⁶

Из сказанного вытекает, что автор «Повести об Аквитане» традиционалист в понимании законов сюжетосложения. Несмотря на явную ориентацию на жанры светской повествовательной прозы, выдающую симпатию автора к литературным новинкам, он не гнушается составлять свое произведение из кусков чужих текстов. Кроме заимствований из письменной литературы, которые — как мы видели — легко документируются текстологически, здесь налицо перенимание фольклорных мотивов и элементов фольклорной поэтики. Автор «Повести об Аквитане» отличается определенной начитанностью в области переводной беллетристики второй

⁴ Пословицу эту встречаем в древнейших рукописных сборниках пословиц и поговорок, в сборнике бывш. Петровской галереи, в собрании И. В. Пауса и В. В. Тащцева. Ср.: Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX вевков. М.; Л., 1969. С. 26, 41, 51.

⁵ В одной из сказок героиня читает на столбе надпись: «Кто поедет вправо, тот одно счастье найдет, кто влево — то два счастья найдет, а кто прямо — тот несчастье найдет», но выбирает прямую дорогу. Ср.: О н ч у к о в Н. Е. Северные сказки // Зап. РГО. 1908. Т. 23. № 88.

⁶ Ср.: Д е р ж а в и н а О. А. Фацеции: Переводная новелла в русской литературе XVII века. М., 1962. С. 120—121.

половины XVII в., причем явный уклон делает в сторону произведений, близких жанру плутовской повести, где героями являются люди умные и находчивые, умеющие «своим разумом» избежать неприятностей, но ему знакомы и близки также произведения устной литературы: пословицы, сказки, народный эпос. Все это позволяет поставить анонимного автора «Повести об Аквитане» в один ряд с авторами таких произведений русской повествовательной прозы конца XVII—начала XVIII в., как «Повесть бывшего посольства в португальской земле» и «Повесть чудная, како жена избавила мужа от смерти», т. е. произведений, авторы которых воспользовались сюжетами, а также жанровыми и композиционными формами переводной беллетристики и русского фольклора.⁷

Когда же была написана «Повесть об Аквитане»? На этот вопрос мы можем ответить с большей точностью. Датирующее значение имеют два факта: использование автором повести второй редакции фацеции «О раздробившем по писанию куря», возникшей, как установила Б. Вальчак, в начале XVIII в.,⁸ и включение «Повести об Аквитане» в состав «Книги, нарицаемой жарты», составленной в 1729 г. Из этого можем заключить, что «Повесть об Аквитане» была написана не ранее начала XVIII в. и не позже 1729 г.

* * *

«Повесть об Аквитане», подобно другим произведениям древнерусской письменности, не только долгое время держалась в рукописной традиции, но также оказала определенное влияние на печатную литературу конца XVIII—начала XIX в.

Первым обратился к тексту рукописной повести о войне Аквитане автор опубликованного в 1785—1786 гг. сборника под заглавием «Похождения Ивана, гостиного сына и другие повести и сказки» — Иван Новиков, который создал на ее канве плутовскую повесть «О крестьянине Странжиле, обманувшем господина и избавившем себя от побой». Он принадлежал, как известно, к писателям-разночинцам, которые ориентировались на массового третьесословного читателя, воспитанного на рукописных повестях и романах. Новиков умел отыскать в рукописных сборниках такие произведения, которые приходились по вкусу демократическому читателю второй половины XVIII в. Иногда он перепечатывал их без существенных изменений (ср., например, рассказы № 13—14 и 21—22 из второй части, совпадающие почти дословно с так называемыми немецкими фацециями «О мужике», «О портном», «О пьяной бабе» и «О дураке» из сборника ГПБ, Погод. собр., № 1777), чаще, однако, заново обрабатывал старые тексты. Так он поступил, между прочим, с «Повестью о Фроле Скобееве» и именно с «Повестью об Аквитане».

На основе «Повести об Аквитане» Новиков задумал создать плутовскую повесть, действие которой происходило бы в русской, а не в иностранной обстановке. В связи с этим он усилил плутовские черты в характеристике главного героя и перенес действие в Россию. Благодаря этому славный воин Аквитан из города Сены превратился в бедного, но хорошего лицом, острого на выдумки и шутки русского бобыля Созонта, которого «поселяне. . . очень любили» и «называли Странжилом, или Забавным». Соответственно с изменением статуса героя меняется также мотивировка его поездки. Аквитан отправляется в путь, чтобы «познать чужия страны», Странжил же едет искать счастья за пределами родного села.

⁷ Ср.: Малек Э. О происхождении и источниках «Повести бывшего посольства в португальской земле» // Acta Univers. Lodziensis. Folia Lit. 22. Łódź, 1988. S. 7—16.

⁸ Ср.: Walczak B. O przekładach facecji polskich na j. zyk rosyjski // Slavia Orientalis. 1972. N 1. S. 47—64.

Нарочитое снижение героя проявляется не только в изменении его социального положения, но и в снижении его атрибутов. Так, например, благодаря ироническому комментарию рассказчика, «добрый конь», на котором Странжил (подобно Аквитану) отправляется в путь, превращается в дряхлую лошадь (ср.: «...сел на своего доброго коня, который еще покойнику отцу ево лет побольше десятка служил в плуге и бороне»),⁹ а следовательно, утрачивается также высокое поэтическое звучание этого словосочетания, характерное для народного эпоса. Разрушение сказочной поэтики, так сильно ощущимой в «Повести об Аквитане», видно и в том фрагменте новиковской обработки, в котором говорится о приезде Странжила на распутье (ср.: «...поехал прямою дорогою, куда ево глядят два спутника (так!), и, едучи дни с три по одной дороге, не видал ни жилища места, ни проходящих людей; в четвертой день сделалось из одной три дороги, при каждой стоял столб с надписью; а как он чрез прилежность свою самоучкою руския писмены выучил, то и не трудно было разобрать и на столбах литеры»), и в выборе им одного из трех путей для дальнейшей поездки. Аквитан решает ехать прямоезжей дорогой, так как думает, что если не сотворит зла сердитому господину, то и он не сможет его наказать. Странжил же с самого начала надеется на свою хитрость.

В дальнейшем развитии сюжета Новиков довольно точно следует за «Повестью об Аквитане», но в связи со стремлением усилить плутовскую природу Странжила расширяет количество испытаний, выпавших на его долю. Так, например, заставляет своего героя «изрезать и роздать по установленному закону» не только индейского петуха, но и семь рябчиков, мотивируя введение нового эпизода следующим образом: «Господин, видя, что гость на вопрос ево дал умной ответ, велел еще, изрезав, роздать поставленные рябчики. Странжил, взяв одного, изрезавши, роздал попрежнему, а перед себя поставя достальных шесть, стал с жадностью убирать. Барин, как будто бы почтя за обиду, спросил, а сие по какому резону он зделал? Странжил на сие ему ответствовал, что „вас от одной крови шестеро, то один и придан другой породы, и так стало семеро, предо мной же шестеро одного воспитания, да я седьмой другова отца и матери“». В другом месте Новиков использует фацецию «О сенаторе и шляхтиче», известную также под заглавием «О невежливом госте», расширенную с помощью мотива, заимствованного из «Похождений Совизжала», значительно осложняя таким образом мотив испущения Аквитаном «естественной мочи».

В повести «О крестьянине Странжиле» встречаются и такие трансформации, которые можно назвать бытовыми заменами. Так, например, если в «Повести об Аквитане» читаем, что господин «изпед из храмины в стречу ему (т. е. Аквитану. — Э. М.) и прият его», то у Новикова боярин «по обыкновению встречает на крыльце дорогого гостя»; если в «Повести об Аквитане» госпожа по сговору с мужем умывает гостю ноги, то вместо этого у Новикова боярин приказывает жене поднести гостю водки; если в древнерусской повести господин возвращается домой, «тужа и сетуя о коне своем», то у Новикова боярин «ломал себе руки, рвал и бросал парик, бил боярню, детей и кто на глаза попадался», т. е. вел себя так, как мог бы себя вести настоящий русский помещик второй половины XVIII в.

Новиков по-другому оформляет развязку повести. В древнерусском тексте господин сам предлагает Аквитану своего лучшего коня, о чем, правда, позже сильно жалеет и поэтому посылает за ним погоню; в версии Новикова кони боярина достаются Странжилу благодаря его плутовству.

⁹ Здесь и далее все цитаты из повести «О крестьянине Странжиле» даются по изд.: Новиков И. Похождения Ивана гостиного сына и другие повести и сказки. СПб., 1786. Ч. 2. С. 5—14.

Он предлагает сердитому боярину состязание пары его лучших коней со своим «бегуном» и вдобавок заставляет боярина сесть на свою лошадь, а сам садится в барские дроги и пускается «во весь опор», убегая от одуряченного боярина и его слуг.

Автор «Похождений Ивана гостиного сына» не обрывает повествования после развязки. Он сочиняет еще эпилог, рисующий дальнейшую судьбу плута Странжила, его обогащение, встречу с другим плутом, ср.: «Странжил ехавши весь день без отдыху, на другой день, приехав в перьвой город, продал лошадок за хорошую цену и, взяв деньги, купил дорогое платье, приличное неубогаго дворянина сыну, приговоря к себе такогж плута гулящаго человека в слуги, рассказал ему откровенно свое похождение: обязались жить вместе неразлучно и что попадетя делить пополам безобидно; и как слуга в мошенничестве превышал еще своего господина, в таком случае и назвались братьями. Странствуя по разным городам, промышляли себе пропитание посредством обмана, плутовства и мошенничества, а для тогож промысла пришли в Москву» (с. 13—14).

«Повесть о Странжиле» вошла, как упоминалось выше, во вторую часть сборника «разных повестей и сказок», что не замедлило сказаться на композиции заключительной части произведения. Стараясь связать между собой отдельные повести, Новиков заставляет Странжила выслушать рассказ своего названного брата: «В одно свободное от трудов время Странжил предложил названому своему братцу, не может ли он его удовольствовать своею повестью, на что Иванушка (так его звали), будучи согласен, начал от безделья сказывать, а Странжил, развеся уши и разинувши рот, стал слушать» (с. 14). Таким образом вводится следующая повесть сборника — «Похождения названного брата Ивана, купецкаго сына».

«Повесть об Аквитане» не выпадает из поля зрения читателей и в следующем, XIX столетии. Второй четвертью XIX в. датируется ее мезенский список, она была также известна автору сборника под заглавием «Сказки моего дедушки. Новейшее российское сочинение», напечатанного в 1820 г. в Москве в типографии Решетникова. Его автор воспользовался сюжетом древнерусской повести в сказке «О говорящей птице, поющем дереве и золото-желтой воде». В этом сборнике, кстати, есть еще другие сказки, использующие литературные, древнерусские по своему происхождению, источники: например, сказка «О утице златокрылой, или о Петре-царевиче и супруге его Царь-девице» опирается на «Повесть о короле Брунцвике», а сказка «О славном и сильном витязе Еруслане Еруслановиче, сыне храброго богатыря Еруслана Лазаревича» перекликается с «Повестью о Еруслане Лазаревиче».

Современный исследователь сказки «О говорящей птице» отметил, что она представляет собой версию сюжета «Чудесные дети», или «Царь Салтан», осложненную эпизодом «разделения жареной утки», и что такая комбинация мотивов ни в одном из вариантов этой сказки не встречается.¹⁰ На самом деле осложнение сюжета «Чудесные дети» в упомянутой сказке происходит за счет включения в нее целого ряда мотивов, характерных для «Повести об Аквитане», среди которых находим и мотив деления каплона (утки). Главный герой сказки — царевич Артур — «вознамерился отправиться в путь, куда глаза глядят», сел на «своего коня-быстролета» и через некоторое время, «почувствовав голод, он увидел вдали прекрасный дом, построенный среди прекрасной долины. Он немедля подъехал к сему дому, но чудная надпись над воротами сего дома приводит его в удивление. Сия надпись была следующая: „Кто въедет на двор — убит будет, и кто не въедет — убит будет“. Артур немало удивлялся

¹⁰ Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX века. М.; Л., 1961. С. 348.

сей надписи и думал, как бы ему поступить, чтобы сохранить жизнь свою». ¹¹ Царевич остроумно решил эту задачу: «. . .половиною въехал в ворота, а половиною остался за воротами», и хозяин дома не мог к нему придаться. Он вышел к нему навстречу и пригласил царевича в свой дом, где ожидали его такие же испытания, как Аквитана. Царевич остроумно уклоняется от ответа о вкусе вина, а потом делит между хозяином и его семьею жареную утку. «Хозяин, — читаем в сказке, — доволен был сем разделом, и все кончилось благополучно». ¹²

Даже по беглому пересказу нетрудно узнать в этом фрагменте сказки «О говорящей птице, поющем дереве и золото-желтой воде» сюжет «Повести об Аквитане». Он, разумеется, дан здесь в очень сжатом, спрессованном виде, но в нем налицо все его главные элементы. Отбор автором сказки только трех трудных задач из ряда испытаний, которым подвергался Аквитан, объясняется его стремлением к соблюдению принципа троичности. Законами волшебной сказки подсказана, на наш взгляд, и трансформация формы наказания хозяином своего гостя. Герои сказок этого типа часто находятся на грани между жизнью и смертью, следовательно, «приличнее» было угрожать Артуру смертью, нежели побоями.

Из сказанного вытекает, что литературная судьба «Повести об Аквитане» в конце XVIII—начале XIX в. всецело зависела от стиля восприятия древнерусского произведения. Иван Новиков увидел в нем элементы плутовской повести и именно эту линию сюжета древнерусской повести перенял и усилил. Анонимный автор начала XIX в. заметил в ней сказочное начало и воспользовался им при создании своей сказки «О говорящей птице, поющем дереве и золото-желтой воде». Вся сотканная из чужого материала «Повесть об Аквитане» сама, в свою очередь, послужила материалом для создания новых произведений письменной литературы, замыкая круг «литературных превращений».

П Р И Л О Ж Е Н И Е

ПОВЕСТЬ ОБ АКВИТАНЕ

Основной текст: Q.

Разночтения: T; П; M.

Л. 5

Г л а в а п е р в а я

О обретшем незнаемый путь и избегшем биения своим разумом²

В³ волоской⁴ земли⁵ во граде Кине⁶ живяше некто воин⁷ именован Аквитан⁸ возрастом юн сын. Сей Аквитан⁹ имел¹⁰ у себя обычай таков, чтобы ему познати чюжия¹¹ страны, и тако многи¹² страны позна.

¹³По случаю же некогда¹⁴ грядуще¹⁵ ему ¹⁶по незнаему пути¹⁷ на коне и се¹⁸ узре впреди¹⁹ себе три пути: един путь²⁰ вправо, вторыи²¹ путь²² влево, третии ²³же прямо ему²⁴. Он²⁵ же ста²⁶ между²⁷ путей тех, недоумеваясь²⁸, како²⁹ ити³⁰. И се³¹ узре между путей тех столп³², на нем же

¹¹ Русские сказки в записях и публикациях. . . С. 70.

¹² Там же. С. 71.

¹⁻² О обретшем незнаемый путь и избегшем биения своим разумом. Глава I T; нет П; Повесть о Аквитане, како избавился от смерти своим разумом и како обрете незнаемый путь M. ³ Нет П. ⁴ воложской П, M. ⁵ земле T. ⁶ Сине T; Синне П; Вение M. ⁷ славный воин M. ⁸ Аквитан T. ⁹ Аквитан T; Аквитан П, M. ¹⁰ имел M. ¹¹ чюжие П; чужия M. ¹² многия M. ¹³⁻¹⁴ Некогда П; Некогда же M. ¹⁵ грядущу T; едущу M. ¹⁶⁻¹⁷ незнаемым путем M. ¹⁸ Нет M. ¹⁹ впереди П, M. ²⁰ Нет M. ²¹ второй П. ²² путь же T. ²³⁻²⁴ же путь прямо ему T, П; прямо M. ²⁵ Аквитан M. ²⁶ Нет T. ²⁷ между T, П, M. ²⁸ недоумеваясь M. ²⁹ камо T, П. ³⁰ ити T, П; ехати M. ³¹ Нет M. ³² столб T, П, M.

33^{бе} написано³⁴: «Аще³⁵ кто поедет в путь направо³⁶, ³⁷то будет сам сыт, а конь гладен³⁸. Аще ³⁹же поедет⁴⁰ налево, то⁴¹ будет конь сыт, а сам гладен⁴². Аще же⁴³ поедет ⁴⁴прямо путем⁴⁵, то⁴⁶ будет сам и конь⁴⁷ сыты⁴⁸, толки⁴⁹ будет бит». Бе бо на пути том живяще⁵⁰ некии ⁵¹богатый человек⁵², иже⁵³ имея⁵⁴ обычаи свои⁵⁵ особы⁵⁶, путем ⁵⁷тем шествующаго человека доволно питает, токмо бив, з⁵⁸ двора своего отпускает⁵⁹. Тои же Аквитан⁶⁰ сие писание прочет, мысляще⁶¹ в себе: «Аще аз ⁶²зла не сотворю кому⁶³, то ⁶⁴кто мя // начнет бити?»⁶⁵ И тако устремися⁶⁶ путем⁶⁷, иже .л. 5 об. прямо ему⁶⁸.

⁶⁹Грядущо же⁷⁰ ему немало поприщ и ⁷¹се узре⁷² среди онаго пути⁷³ того⁷⁴ богатаго⁷⁵, иже⁷⁶ выше⁷⁷ речеся⁷⁸, дом⁷⁹, ⁸⁰огражден же оградом⁸¹. Около двора⁸² на полпоприща токмо⁸³ по единому бревну на⁸⁴ земли лежаше⁸⁵, врата же дому его токмо⁸⁶ основание имущи⁸⁷, ⁸⁸путь⁸⁹ же лежаше⁹⁰ сквозе врата⁹¹. Оный⁹² Аквитан⁹³ приехав⁹⁴ ко вратом и хотящи⁹⁵ ехати сквозь⁹⁶ двор ⁹⁷онаго богатаго⁹⁸, и ⁹⁹тако помыслив¹⁰⁰ в себе: «Аще ¹¹аз во врата² чрез³ двор⁴ поеду⁵ без позволения⁶ ⁷дому господина⁸, то⁹ имут мя бити»¹⁰. И тако ссede¹¹ с коня¹², поклати¹³ во врата оны. Изыде¹⁴ же к нему слуга ¹⁵господина онаго¹⁶ и вопросы Аквитана¹⁷: «Кто есть ты¹⁸?» Аквитан¹⁹ же сказа²⁰ ему²¹ о себе. Слуга же той возвести о нем господину своему. ²²Богатый же оный господин²³, слыша²⁴ о путешествующем²⁵ сем²⁶ Аквитане²⁷, возрадовася²⁸, повеле его взяти на двор²⁹ да исполнит ³⁰над ним прав свой³¹, ³²напитав его³³ доволно и бив³⁴, отпустит³⁵. И ³⁶тако изшед из храмины своя³⁷ в стречю³⁸ ему и прият его, радуясь, и посади³⁹ в⁴⁰ храмине своей. ⁴¹И пошепта⁴² во ухо⁴³ ⁴⁴жене своей⁴⁵: ⁴⁶«Воду во умывалницу вложи и ноги гостю⁴⁷ умый⁴⁸», ⁴⁹мысляше бо // в себе всячески, яко ⁵⁰гость отречется и сего ради биен будет. Она же вложи⁵¹ воду во умывалницу, иде гостю ноги⁵² умыти⁵³. Аквитан⁵⁴ же, познав⁵⁵ ⁵⁶сию дому госпожу⁵⁷, ⁵⁸в себе глаголя⁵⁹: ⁶⁰«Почтити мя⁶¹ хочет и сего⁶² ради ⁶³своими руками⁶⁴ нозе мои хочет омыти⁶⁵, ⁶⁶егда бо⁶⁷ можаше и рабням своим повелети». ⁶⁸И протягши убо нозе⁶⁹.

33-34 быша написано М. 35 Нет М. 36 въправо М. 37 там М. 38 голоден Т, М. 39-40 кто поедет в путь М. 41 там М. 42 голоден Т, М. 43 Нет Т; кто М. 44-45 в путь прямо М. 46 там М. 47 конь его Т, П. 48 сыт Т, П, М. 49 толко Т, П, М. 50 живяше Т. 51-52 богач М. 53 Нет М. 54 имеяи П; имея у себя М. 55 Нет М. 56 особой Т; особый П; таков, иже М. 57-59 сим кто шествует, и того человека оный богач доволно питает, толко з двора, бив, отпускает М. 58 из Т. 60 Аквитан Т. 61 мысляше Т, П; размышля М. 62-63 кому зла не сотворю П; тому человеку не сотворю зла М. 64-65 за что биен буду? М. 66 устремился Т, П. 67 путем тем М. 68 Нет М. 69-70 Едущу М. 71-72 узрев М. 73 пути дом П; пути дверь М. 74 онаго Т; онаго П, М. 75 богатаго П; богача М. 76 яже Т, П. 77 свыше М. 78 речется М. 79 Нет П, М. 80-81 Ограда же Т, П, М. 82 двора его Т, П; двора яко его, М. 83 толки М. 84 по М. 85 лежаще Т; лежащу М. 86 толко М. 87 имуще П, М. 88-91 Нет М. 89 пути Т, П. 90 лежащу Т, П. 91 врата оны П. 92 Нет М. 93 Аквитан Т; Аквитан же М. 94 приехал Т. 95 хотяше П; хотя М. 96 чрез Т, П, М. 97-98 двор тот М. 99-100 размышля М.

11,1-2 поеду М. 3 и чрез П. 4 двор сей Т, П, М. 5 Нет М. 6 повеления М. 7-8 господина дому того Т; господина дому сего П; господина дому сему М. 9 Нет М. 10 убити Т. 11 сойде Т; слезе М. 12 коня и Т; коня своего и П; своего коня и М. 13 толкну М. 14 И изыде Т. 15-16 онаго господина П; господина того М. 17 Аквитана онаго Т. 18 Нет Т; человек М. 19 Аквитан Т. 20 сказал Т, П. 21 Нет М. 22-23 Богач же оный М. 24 слышав П, М. 25 путешествующем М. 26 Нет М. 27 Аквитане Т. 28 велми возрадовался велми М. 29 двор свой к себе М. 30-31 прав свой над ним М. 32-33 напитати бы его М. 34 бив его Т; бив бы М. 35 отпустить Т; отпустить з двора своего М. 36-39 срете его с радостию и посадив его М. 37 свои Т. 38 стречю Т. 40 во Т, П. 41-42 Нет М. 43 ухо да послушает его, что он повелит да сотворити. 44-45 жене своей вслух Т; жене своей и глагола вслух П; И глагола жене своей вслух М. 46-48 «Вложи воду во умывалницу и мый ноги гостю» М. 47 гостя П. 49-50 мысляше бо в себе, яко всячески П; мяще в себе, яко М. 51 вложши П; вложи М. 52 нозе П. 53 омыти П; умывати М. 54 Аквитан Т. 55 позна Т, П, М. 56-57 госпожу дому сего М. 58-59 глаголя в себе М. 60-61 «Почтити мя господин М. 62 того М. 63-64 своими руками П. 65 омывати М. 66-69 предстоящи ноги дает свои омывати М. 67 же П. 68-69 спротягши же убо нозе мыть Т; И тако спротягши убо нозе, даде мыти госпоже оной П.

Видев же сие господин, повеле вскоре⁷⁰ приуготовляти⁷¹ обед, и тако приуготоваша⁷² вскоре. Господин же нача⁷³ ⁷⁴посаждати в первейшее место за стол⁷⁵, мян⁷⁶, яко ⁷⁷отречется и ⁷⁸биен будет. Аквитан⁷⁹ же мян в⁸⁰ себе⁸¹, чести ради господин его⁸² прежде посаждает, и тако сяде в ⁸³первейшем месте⁸⁴. Господин же, видя⁸⁵ сие, сяде при нем⁸⁶, подле⁸⁷ себя посади жену свою, потом сына⁸⁸ да⁸⁹ дщерь свою и нача подносити прежде гостю вина⁹⁰, мян, яко⁹¹ отречется и⁹² биен будет. ⁹³Он же разсуждая собою⁹⁴: ⁹⁵«Им⁹⁶ прежде ⁹⁷было подобало⁹⁸ пити, но⁹⁹ не треба ми в чуждем¹⁰⁰ доме III.1 сего² изобретати³». И⁴ приим⁵ вино⁶ прежде⁷.

Господин же повеле⁸ яди поставляти⁹ на стол, и тако поставиша¹⁰ куря индейское¹¹. Господин же повелевая¹² ево¹³ гостю обрезавати¹⁴. Той¹⁵ же рече: «Господине¹⁶, обычая¹⁷ вашего¹⁸, // ¹⁹како куря обрезавати, не вем²⁰, токмо аз обрежу по писанию²¹».

И тако приим²² куря и первее²³ главу отреза и положи господину дому²⁴. Посем²⁵ отъя шею и²⁶ положи жене ево²⁷. Крылышка²⁸ же отрезав²⁹ и³⁰ положи дщери ево³², ноги³³ же отреза³⁴ и ³⁵положи сыну ево³⁶. Тушку же ³⁷себе положи³⁸ и нача³⁹ ясти. Вопросы же его господин, глаголя: «Сажу ми⁴⁰, милый мой гостю⁴¹, чего ради тако⁴² писание повелевает⁴³ необычно куря обрезавати⁴⁴?», мян⁴⁵, яко он⁴⁶ не возможет ⁴⁷о сем⁴⁸ ответа⁴⁹ дати и ⁵⁰биен будет. Он же ⁵¹рече ему⁵²: «⁵³От коего⁵⁴ писания⁵⁵ навыкох, от сего⁵⁶ и возвещу ти⁵⁷. Главу куря онаго⁵⁸ предложих⁵⁹ тебе⁶⁰, зане ты ⁶¹еси глава⁶² всему⁶³ дому твоему⁶⁴. ⁶⁵Жене же твоей шею куреву предложих⁶⁶, яко с мужем жена едина плоть ⁶⁷есть по апостолскому⁶⁸ писанию: „и будета⁶⁹ оба в плоть едину“, ⁷⁰и тако глава⁷¹ и шея заедино есть. Дщери же твоей крылышка⁷² предложих⁷³, ⁷⁴понеже имеет от тебе отлетити замуж⁷⁵. Сыну же твоему ноги⁷⁶ предложил⁷⁷, дабы спешно за тобою ходил и ⁷⁸твое здоровье⁷⁹ хранил. Тушку же без главы и без ⁸⁰ног аз себе⁸¹ предложил⁸², зане аз в пути суть⁸³ и ничего к ядению ⁸⁴не имею⁸⁵». Господин же сему ответу его ⁸⁶подивися⁸⁷ ⁸⁸и не обрете на него вины к биению⁸⁹.

И тако обедающим им, взял господин⁹⁰ стопу сребрянную чуднаго⁹¹ мастерства и, налив в ню меду, подал⁹² пити гостю. Он же прият⁹³, смо-

⁷⁰ въскоре М. ⁷¹приуготовати П. ⁷²уготовиша М. ⁷³нача прежде Т, М; нача гостя П. ⁷⁴⁻⁷⁵ себя гостя посаждать за стол в первое место М. ⁷⁶ мян в себе М. ⁷⁷⁻⁷⁸ отречется и за то М. ⁷⁹ Аквитан Т. ⁸⁰ Нет Т. ⁸¹ себе, яко М. ⁸² мя М. ⁸³⁻⁸⁴ первое место за стол М. ⁸⁵ видех Т; видев П; видя М. ⁸⁶ нем за стол М. ⁸⁷ под М. ⁸⁸ сына своего М. ⁸⁹ и П, М. ⁹⁰ вино П, М. ⁹¹ яко да М. ⁹² и за то М. ⁹³⁻⁹⁴ Он же разсуждая Т; Он же разсуждая в себе, глаголя П; Аквитан же размышляя в себе М. ⁹⁵⁻⁹⁸ «Подобало бы ему прежде меня М. ⁹⁶ Им же Т. ⁹⁷⁻⁹⁸ подобало бы П. ⁹⁹ да М. ¹⁰⁰ чужем Т, П; чужем М.

III.1 дому П, М. ² Нет П, М. ³ указывати М. ⁴ Нет М. ⁵ прием Т, П, М. ⁶ вино и пияше Т; прияше М. ⁷ прежде господина того М. ⁸ веле веле М. ⁹ подноси ти П; ¹⁰ принесоша и поставиша на стол М. ¹¹ индийское П. ¹² повеле М. ¹³ его П; нет М. ¹⁴ обрезавати Т; обреза ти П; обрезавати куря М. ¹⁵ Аквитан М. ¹⁶ господину М. ¹⁷ «обычая аз М. ¹⁸ ваша Т. ¹⁹⁻²⁰ не знаю, како куря обрезавати М. ²¹ по писаному М. ²² прием М; ²³ первое Т; нет М. ²⁴ Нет М. ²⁵ И потом М. ²⁶ Нет П, М. ²⁷ его П, М. ²⁸ Крылышка П; Крыла М. ²⁹ отрезал П; отреза М. ³⁰ Нет М. ³¹ положил Т; положи и даде М. ³² его П, М. ³³ ношки М. ³⁴ отрезав П; отреза М. ³⁵ Нет П, М. ³⁶ его П, М. ³⁷⁻³⁸ отреза, положи себе М. ³⁹ начаша М. ⁴⁰ Нет Т; мне М. ⁴¹ гость М. ⁴² Нет М. ⁴³ повелевает тако М. ⁴⁴ обрезавати Т. ⁴⁵ мян в себе М. ⁴⁶ Нет М. ⁴⁷⁻⁴⁸ Нет М. ⁴⁹ ответу М. ⁵⁰ и за то М. ⁵¹⁻⁵² отвечава, рече М. ⁵³⁻⁵⁴ Аз от коего Т, П; Аз от кого М. ⁵⁵ Нет М. ⁵⁶ того М. ⁵⁷ тебе М. ⁵⁸ оного Т, П. ⁵⁹ надлежит М. ⁶⁰ тебе ясти М. ⁶¹⁻⁶² глава еси П; еси господин М. ⁶³ сему М. ⁶⁴ своему Т, П, М. ⁶⁵⁻⁶⁶ Шею же предложих жене твоей М. ⁶⁷⁻⁶⁸ Нет М. ⁶⁹ будут Т. ⁷⁰⁻⁷¹ тако и курева глава П; так же курева глава М. ⁷² крылышка П. ⁷³ предложил П, М. ⁷⁴⁻⁷⁵ понеже имеет отлетети от тебе замуж П; что имать отлетети от тебя замуж М. ⁷⁶ ношки М. ⁷⁷ предложих Т, П. ⁷⁸⁻⁷⁹ здравие твое М. ⁷⁹ здравие Т, П. ⁸⁰⁻⁸² шею, без ног и бес крыл възъял к себе М. ⁸¹ тебе Т. ⁸³ сам езьжу М. ⁸⁴⁻⁸⁵ не имам Т, П; потребнаго не имам М. ⁸⁶ Нет М. ⁸⁷ подивился П. ⁸⁸⁻⁸⁹ и вины к биению не обрете М. ⁹⁰ Нет М. ⁹¹ чуднаго М. ⁹² подав М. ⁹³ прием М.

тряше⁹⁴ на стопу, чюдящися⁹⁵ предивному мастерству, и узре на стопе подписано⁹⁶: «Аще⁹⁷ кто⁹⁸ похвалит мед⁹⁹ — ¹⁰⁰будет бит¹⁰¹. Кто² похулит³ — ⁴будет бит⁵». И тако вопи⁶ все, господин же вопроши его⁷: «Добр ли мед сей⁹ к питию?» Он же рече: «¹⁰Воистинну, господине¹¹, // жажды ради своея¹² не познах». ¹³Он же повеле второе меду подати¹⁴ и ¹⁵также вопроши¹⁶. ¹⁷Он же тую ж речь рече¹⁸. Господин же ¹⁹третицею повеле подати меду и паки вопроши²⁰, мня, яко аще²¹ ²²похвалит или похулит мед²³, да биен будет. ²⁴Тои же²⁵ Аквитан²⁶, ²⁷выпив мед²⁸, рече: «Воистинну, господин, аз пьян сый и не имам²⁹ что отвещати³⁰».

³¹Потом же еству³² некую³³ поставиша³⁴, гостю же³⁵ сладце ядущу. Господин же повару рече: «Что сие³⁶ худо уготовал³⁷?» И³⁸ нача его поносити³⁹, мня, ⁴⁰яко гость отречет что⁴¹. Аквитан⁴² ⁴³же убо⁴⁴ рече в себе: «Ества воистинну зело⁴⁵ добра сварена естъ⁴⁶, ⁴⁷но знатно вестъ господин⁴⁸ вину своего раба бити⁴⁹. ⁵⁰Что мне дело, что хочет да творит⁵¹».

Потом же Аквитану⁵² восхотевшу⁵³ естественную мочь⁵⁴ испустити⁵⁵ и⁵⁶ мысляще⁵⁷ в себе: «Аще⁵⁸ возвещу о сем господину дому⁵⁹, то⁶⁰ абне повелит мя бити и нетерпеливым наречет». И тако умыслих⁶¹ хитрость⁶²: поглядал⁶³ мало в оконце и, востав⁶⁴, скоро бежа⁶⁵ на двор, глаголя⁶⁶: «Конь мой отвязался⁶⁷». Господин же рече: «Седи zde, аз повелю ⁶⁸привязати рабом моим⁶⁹». Он же рече: «Ни⁷⁰, господине⁷¹, конь ⁷²бо мой буй⁷³ естъ». И тако изшед⁷⁴ ис⁷⁵ хранины и испустих⁷⁶ мочь⁷⁷. И прииде в⁷⁸ храмшу, и сяде⁷⁹ паки за стол, глаголя: «Едва ⁸⁰своего коня паки⁸¹ привязал».

Потом же ⁸²поставлены были пироги велми⁸³ изрядны⁸⁴ пряжены суть. Аквитан⁸⁵ же прият пирог⁸⁶ и, стиснув его⁸⁷, аки хлеб, яде⁸⁸. Господин же пирогопечника⁸⁹ обвиняше⁹⁰, глаголя: «Чего⁹¹ ради, о прокляте⁹², // без⁹³ меду и без⁹⁴ перцу пироги ⁹⁵сделал еси⁹⁶?» Он же глаголя⁹⁷: «Аще сыры суть пироги, о господине, мене бий⁹⁹. Аще ¹⁰⁰же непотребны уготованы, то не мене ¹⁰¹но² госпожу³ обвини». Господин же рече: «От⁴ моя⁵ жены сотворися⁶, ⁷живую днесъ огнем сожгу⁸». ⁹А жене

^а Државлено по Т; в рукописи нет.

⁹⁴ Смотряще М. ⁹⁵ и чюдящися М. ⁹⁶ подписано сиде П; написано сиде М. ⁹⁷ Нет П. ⁹⁸⁻⁹⁹ мед сей похвалит М. ¹⁰⁰⁻¹⁰¹ и за то биен будет М. ² Аще кто и М. ³ похулит мед Т, П. ⁴⁻⁵ также же биен будет М. ⁶ выпив Т, П, М. ⁷ ево Т. ⁸⁻⁹ Доброй ли сей мед М. ¹⁰⁻¹¹ Воистинно, господин Т; Воистинну, господин М. ¹² Нет П, М. ¹³⁻¹⁴ Господин же и вторую чашу налити и подати повеле М. ¹⁵⁻¹⁶ також вопроши П; и также повеле гостя вопросити М. ¹⁷⁻¹⁸ Он же такую же речь рече Т; Он же тую речь сказа П; Аквитан же рече: «Еще, господине, не познах от великия жажды» М. ¹⁹⁻²⁰ и третью чашу налити и подати гостю повеле. Аквитан же выпив, господин же вопроши его и третие М. ²¹еще П. ²²⁻²³ похулит или похвалит мед сей М. ²⁴⁻²⁵ Нет М. ²⁶ Аквитан Т. ²⁷⁻²⁸ Нет П, М. ²⁹ вем Т, П, М. ³⁰ ти отвещати Т, П. ³¹⁻³² Потом же Т; И потом еству М. ³³ некакую Т, П. ³⁴ предпоставиша П, М. ³⁵ на стол М. ³⁶ Нет М. ³⁷ уготовал еси М. ³⁸ Нет М. ³⁹ бранити М. ⁴⁰⁻⁴¹ яко сию еству гость похулит, что господин повосит М. ⁴² Аквитан Т. ⁴³⁻⁴⁴ Нет М. ⁴⁵ Нет М. ⁴⁶ Нет М. ⁴⁷⁻⁴⁸ Господин же рече в себе: «И знатно вестъ вина раба своего и за то хочет бити». Аквитан же размышляя в себе М. ⁴⁹ Нет Т, П. ⁵⁰ бити дому господин Т, П. ⁵¹ Что мне дело, что хочет, творит Т; Что хочет, творит, что мне дела П; Что мне дело, что хочет, то и творит. Его дом, его и воля М. ⁵² Аквитану Т. ⁵³ восхотелось после меду М. ⁵⁴ мочю П; нужду М. ⁵⁵ испустити М. ⁵⁶ Нет М. ⁵⁷ мысляще П. ⁵⁸⁻⁵⁹ возвещу господину М. ⁶⁰ и М. ⁶¹ умыслив Т, П, М. ⁶² хитростно тут М. ⁶³ поглядав Т, П; поглядал М. ⁶⁴ востях Т; воскрячав П; востал М. ⁶⁵ и побежал М. ⁶⁶ Нет Т; и рече П, М. ⁶⁷ оторвался М. ⁶⁸⁻⁶⁹ слугам своим твоего коня привязати М. ⁷⁰ своим П. ⁷¹ И М. ⁷²⁻⁷³ мой свиреп и строптив М. ⁷⁴исшед М. ⁷⁵ из Т, П. ⁷⁶ спустив Т; испустив П; и спусти М. ⁷⁷ мочю П; мочь ис себя М. ⁷⁸ во П, М. ⁷⁹ седе П. ⁸⁰⁻⁸¹ и сам коня своего М. ⁸² Нет П. ⁸³⁻⁸⁴ были поставлены пироги велми М. ⁸⁵ изрядно П; изрядны и М. ⁸⁶ Аквитан Т. ⁸⁷⁻⁸⁸ Нет М. ⁸⁹ Нет М. ⁹⁰ пирожника П; пирог печника М. ⁹¹ возбраняше М. ⁹² Чесо П, М. ⁹³ проклятыи Т, М. ⁹⁴ пез Т. ⁹⁵ бес Т; пез М. ⁹⁶⁻⁹⁷ зделал М. ⁹⁸ рече Т, М. ⁹⁹ глаголя П. ¹⁰⁰⁻¹⁰¹ Господине, аще сыры пироги, то обвини и бей М. ¹⁰² ли необычайны тебе и непотребны, то не меня, но госпожу свою М. ¹⁰³ меня П. ¹⁰⁴ Нет Т. ¹⁰⁵ госпожу свою М. ¹⁰⁶ Или от Т, П, М. ¹⁰⁷ моеи М. ¹⁰⁸ сотворилося М. ¹⁰⁹⁻¹¹⁰ то живу ея огнем сожгу М. ¹¹¹ Жене главою покива Т; И на жену главою покива П; И к жене покивал М.

главою покивав¹⁰, да его послушает, ¹¹повеле убо леторасли винные на среду принести и зажечи¹², и подхватив¹³ жену¹⁴ ¹⁵и хотящи аки¹⁶ во огнь вовреши, смотря¹⁷ ¹⁸того, дабы гость¹⁹ встал и от²⁰ такового дерзновения запретил²¹ ему, и ²²биен бы был²³. Он²⁴ же паки ²⁵в себе²⁶ разсуждая: ²⁷«Уже не единыя жда²⁸, чего²⁹ ради тако³⁰ гневается³¹». И хотяху³² гнев его утолти³³, глаголя³⁴ смехотворно: ³⁵«О, дому господине³⁶, пожди ³⁷мене да³⁸ аз съезжу³⁹ до ⁴⁰дому своего⁴¹ и привезу⁴² ⁴³жену свою семо⁴⁴, убо⁴⁵ чинит в дому моем⁴⁶ велие нестроение⁴⁷, да обоих⁴⁸ купно⁴⁹ сожжеш⁵⁰». ⁵¹Сему же господин⁵² удивися⁵³ и не обрете вины к биению гостя.

И тако воставше⁵⁴ из-за стола, поидоша⁵⁵ оба ⁵⁶соглядати коней⁵⁷. И рече господин гостю⁵⁸: «Что⁵⁹ первый⁶⁰ конь стоит?», мня⁶¹, яко⁶² без меры малою⁶³ или великою ценою коня обложит да биен⁶⁴ будет. Той⁶⁵ же рече⁶⁶: «Ста⁶⁷ золотых⁶⁸ или болши или менши⁶⁹ стоит⁷⁰». ⁷¹И тако господин⁷² рече: ⁷³«Чего вторы сей конь стоит⁷⁴?» ⁷⁵Той же рече⁷⁶: «Пятьдесят⁷⁷ золотых⁷⁸ или ⁷⁹болши⁸⁰ или менши⁸¹». Господин же рече: «Чего ⁸²третий⁸² конь стоит?» Отвеща⁸³: // «Тридесят⁸⁴ золотых⁸⁵ болши⁸⁶ или менши⁸⁷ стоит⁸⁸». Господин же ⁸⁹сему ответу⁹⁰ подивися⁹¹, ибо⁹² не обрете вины, в чем⁹³ гостя бити. И рече ему: «Поистинне⁹⁴, Аквитане, имееши ты⁹⁵ у себя ⁹⁶разум великий⁹⁷». Он же рече: «Чесо⁹⁸ ради, господине⁹⁹?» ¹⁰⁰Господин же рече^{VI.1.}: ²«Живяху³ бо аз на месте сем 15⁴ лет и многи⁵ спутники в дому моем⁶ имех⁷, и ⁸ни⁹ единого¹⁰ ¹¹не биенного не отпустих от себе¹², зане во всех¹³ к биению вины обретох¹⁴, у¹⁵ тебе¹⁶ же¹⁷ ¹⁸ни едины обретох вины¹⁹, зане ко всякой вещи²⁰ сотворил²¹ ответ разумной²². И того²³ ради разума твоего дарую²⁴ тебе лутчаго²⁵ сего²⁶ коня».

Аквитан же приим²⁷ коня, рече²⁸: «Воистинну, господине, ²⁹велюю ползу³⁰ мне ³¹сотворил, ибо мне³² сего³³ коня даровал еси³⁴, зане конь мой, ³⁵шедши издалече³⁶ по пути³⁷, утрудился ест». И тако снем с коня своего седло³⁸, положил на дарованного³⁹ ему коня, ⁴⁰и вседе на конь⁴¹, ⁴²своего же

¹¹⁻¹² И повеле среди двора своего зажечи огонь М. ¹³ похватив Т; постави М. ¹⁴ жену свою М. ¹⁵⁻¹⁶ хотяше аки Т; хотяше аки П; хотя ю аки бы М. ¹⁷ смотряще Т; смотря же П; и смотрящу М. ¹⁸⁻¹⁹ когда бы Аквитан М. ²⁰ Нет М. ²¹ предать запрети М. ²²⁻²³ за то биен будет М. ²⁴ Аквитан М. ²⁵⁻²⁶ Нет М. ²⁷⁻²⁸ Уже не едино Т; Уже не единою П. ²⁷⁻³⁰ яко уже господин не об едином М. ²⁹ чесо Т, П. ³⁰ так П. ³¹ гневаетца Т. ³² хотя Т, П, М. ³³ умолиши Т. ³⁴ глагола Т. ³⁵⁻³⁶ Дому господине Т; Господине П; Господине дому М. ³⁷⁻³⁸ ми мало М. ³⁹ еду М. ⁴⁰⁻⁴¹ своего дому М. ⁴² приведу Т. ⁴³⁻⁴⁴ свою жену семо Т; жену мою семо П; жену свою М. ⁴⁵ ибо Т, П; се убо М. ⁴⁶ Нет М. ⁴⁷ неисправление М. ⁴⁸ обои Т; обоих П. ⁴⁹ вкуше М. ⁵⁰ сожечи Т; сожжеш П; сожжем М. ⁵¹⁻⁵² Господин Т. ⁵³ подивися М. ⁵⁴ востаха Т; по обеде востав М. ⁵⁵ и поидоша М. ⁵⁶⁻⁵⁷ глядети на коней своих. У того богача ест три коня. ⁵⁸ к гостю М. ⁵⁹ Чего Т, М. ⁶⁰ первы П: мой 3й М. ⁶¹ мня в себе М. ⁶²⁻⁶⁴ безмерною или великою, или малою ценою обценит и за то биен биен М. ⁶³ молою П. ⁶⁵ Тот Т; Аквитан М. ⁶⁶ рече господину М. ⁶⁷ Сто Т; 100 М. ⁶⁸ златых Т, П, М. ⁶⁹ менше П. ⁷⁰ Нет М. ⁷¹⁻⁷² Господин же паки М. ⁷² господину Т. ⁷³⁻⁷⁴ Чего вторы конь стоит Т, П; 2й мой конь чего стоит М. ⁷⁵⁻⁷⁶ Он же отвеща ему Т; Он же рече М. ⁷⁷ 50 Т; Пятдесят П; 50^T М. ⁷⁸ златых Т, П, М. ⁷⁹ Нет М. ⁸⁰ болше Т, П. ⁸¹ менше стоит Т, П. ⁸² третий сей П; 3й мой М. ⁸³ Тот же рече Т; Он же рече П, М. ⁸⁴ 30 Т; Тридесяти П; 30^T М. ⁸⁵ златых Т, П; сребренник М. ⁸⁶ или болши Т, М; или болше П. ⁸⁷ менше П. ⁸⁸ Нет М. ⁸⁹⁻⁹⁰ отъвету сему М. ⁹¹ зело подивися М. ⁹² и М. ⁹³ чесом Т, П. ⁹⁴ Воистинну Т, П, М. ⁹⁵ Нет М. ⁹⁶⁻⁹⁷ разум велик; превеликий разум М. ⁹⁸ Чего М. ⁹⁹ речеши, господине М. ^{100-VI.1.} Он же отвеща М. ²⁻⁴ Аз на сем месте живях 50^T М. ³ Живу П. ⁴ пятьдесят П. ⁵ много Т; многия М. ⁶ своем Т. ⁷ имел Т, М. ⁸ а М. ⁹ не М. ¹⁰ един Т, П, М. ¹¹⁻¹² же не биен отиде от мене Т, П; отиде не биен от мене М. ¹³ всех речах М. ¹⁴ пригоняю М. ¹⁵ а у М. ¹⁶ тебя Т, М. ¹⁷ Нет М. ¹⁸⁻¹⁹ не обретох вины Т; ни единыя не обретох вины П; не обретох бо вины ни единыя М. ²⁰ вещи, хотящей вины к биению Т, П; вещи и к речем М. ²¹ сотворить Т; сотворил ест М. ²² разумно Т; разумный М. ²³ сего М. ²⁴ дарю Т; подарю М. ²⁵ лутчаго П. ²⁶ своего П; нет М. ²⁷ прием М. ²⁸ и рече М. ²⁹⁻³⁰ великую ползу Т, в велию ползу П; в великую ты ползу М. ³¹⁻³² Нет Т, П, М. ³³ Нет М. ³⁴ Нет М. ³⁵⁻³⁷ издалеча по пути ехал и М. ³⁶ издалеча Т, П. ³⁸ Нет Т. ³⁹ дарованного М. ⁴⁰⁻⁴¹ и всех нань Т; и вседе нань П; нет М. ⁴²⁻⁴³ своего коня за бразду Т; своего же коня своего же коня за бразду П. ⁴²⁻⁴⁴ Нет М.

коня за бразды⁴³ прият⁴⁴, и тако, простився⁴⁵ з господином⁴⁶, поеде⁴⁷
⁴⁸в путь свой⁴⁹ к дому своему.

Господин же оный⁵⁰ по отпущении гостя зжалився⁵¹ о коне своем,
 глаголя: «Воистинну, ⁵²человек сей⁵³ оболстил⁵⁴ мя⁵⁵ есть⁵⁶ неким⁵⁷ чаро-
 ванием, зане к биению вины нань⁵⁸ не обретох⁵⁹, еще же⁶⁰ не вем за что⁶¹
 и⁶² коня ему дал⁶³». И тако посла⁶⁴ скоро⁶⁵ раба своего, ⁶⁶глаголя: «По-
 жени скоро⁶⁷ за гостем⁶⁸ и отими⁶⁹ хитростно⁷⁰ коня моего⁷¹, и приведи
 ко мне семо⁷²». Раб же⁷³ и⁷⁴ подогнав⁷⁵ ⁷⁶того гостя⁷⁷, рече ему // изда- л. 8 об.
 леча: «Добрыи гостю, повеле господин мой ⁷⁸коню, иже тебе дарова,
 в зубы посмотреть⁷⁹ ⁸⁰да познаю⁸¹, колких⁸² лет есть⁸³». Мняше⁸⁴ ⁸⁵в себе
 раб оный⁸⁶, Гяко⁸⁷, приняв⁸⁸ у него коня⁸⁹, убежит⁹⁰ ⁹¹с ним⁹² к своему
 господину. Аквитан же обратився⁹³ к рабу оному, нача его бити бичем⁹⁴,
 глаголя⁹⁵: «Злыи рабе⁹⁵, или не веси⁹⁶, яко⁹⁷ доровому⁹⁸ коню в зубы не
 смотрят? Иди ⁹⁹и рцы¹⁰⁰ господину своему¹⁰¹». И тако прогна² его вспять,
 сам же поехав³ в путь свой.

⁴И абие той⁵ пришед в дом к⁶ господину своему и сказа⁷ ему вся⁸,
⁹еже о нем¹⁰. Господин же оный¹¹ слышав сие ¹²и удивися о сем¹³, глаголя:
 «Воистинну, человек той¹⁴ имеет в¹⁵ себе велий¹⁶ разум, ибо ко всякой вещи
 ответ¹⁷ дает¹⁸ добрый». И тако возвратился¹⁹ в²⁰ свои²¹ хоромы²², тужа²³
 и сетуя о коне своем.

б-в Испр. по Т; в ркп. коня, иже. г-д Испр. по Т; в ркп. прият. е Добав-
 лено по Т; в ркп. нет.

⁴⁵ прием и простился М. ⁴⁶ господином дому того М. ⁴⁷ И тако поеде М.
⁴⁸⁻⁴⁹ в путь Т; нет М. ⁵⁰ тот М. ⁵¹ з женою своею зжалевся М. ⁵²⁻⁵³ сей человек
 М. ⁵⁴ оболстился Т. ⁵⁵ Нет Т. ⁵⁶ сей М. ⁵⁷ неким М. ⁵⁸ На нем Т; Нет М.
⁵⁹ обретох нань М. ⁶⁰ же и М. ⁶¹ сего Т. ⁶² Нет Т, М. ⁶³ даде Т, даровал М.
⁶⁴ послал М. ⁶⁵ Нет М. ⁶⁶⁻⁶⁷ поспешити М. ⁶⁷ вскоре Т, П. ⁶⁸ гостем оным Т, П.
⁶⁹ отними П; отыми М. ⁷⁰ хитростию Т, П, М. ⁷¹ моего у него М. ⁷² Нет М. ⁷³ же
 той Т, П, М. ⁷⁴ Нет Т, П, М. ⁷⁵ догнав Т; постиг М. ⁷⁶⁻⁷⁷ его Т, П; Аквитана и М.
⁷⁸⁻⁷⁹ что тебе коня даровал, и велел тому коню в зубы посмотреть М. ⁸⁰⁻⁸¹ Нет М.
⁸² коликих Т, П; кольки оныи конь М. ⁸³ конь сей, зане господин мой не ведает о нем,
 коликих лет есть Т; был, зане он опамятовался и М. ⁸⁴ Мняще Т; И мняще М.
⁸⁵⁻⁸⁶ оный раб М. ⁸⁷ Нет М. ⁸⁸ прият Т; сею хитростию коня М. ⁸⁹ Нет П; взяти
 невозможно, схватить коня и М. ⁹⁰ убежит у него П; бежа М. ⁹¹⁻⁹² Нет М. ⁹³ об-
 ратися М. ⁹⁴ вичей М. ⁹⁵ рабе лукавый М. ⁹⁶ знаеши М. ⁹⁷ Нет М. ⁹⁸ даро-
 вому Т, П; дарованному М. ⁹⁹⁻¹⁰⁰ сице к М.
^{VII}, ¹ своему и скажи, что аз повелед М. ² прогна Т, П; погнаша М. ³ поеха П;
 поехал М. ⁴⁻⁵ Раб же оныи Т, П, М. ⁶ Нет М. ⁷ сказал М. ⁸ все М. ⁹⁻¹⁰ яже
 о нем Т; порядку М. ¹¹ Нет М. ¹²⁻¹³ удивилса о сем Т, П; зело удивилса М. ¹⁴ тот
 М. ¹⁵ у М. ¹⁶ великий Т, П; велик М. ¹⁷ отъвет М. ¹⁸ даде М. ¹⁹ возвратися
 Т, П, М. ²⁰ во Т, П. ²¹ своя Т, П, М. ²² си хоромы П; хранины М. ²³ Нет М.

Н. С. ДЕМКОВА

Из комментариев к тексту «Слова о полку Игореве»

1. «Шѣти было пѣсь Игореви, того (Олга) внуку...»

Эта фраза в тексте первого издания «Слова» до сих пор вызывает споры среди издателей и комментаторов памятника: о чьем «внуке» идет здесь речь? Об Игоре, внуке «Олга», т. е. князя Олега Святославича Черниговского (именно так понимали текст первые издатели, их перевод: «Тебе бы петь песнь Игорю, внуку Ольгову...»¹), или о ком-то другом? Почему имя «Олга» поставлено первыми издателями в скобки?²

Принято думать (эта традиция идет от утверждения Н. М. Карамзина), что в рукописи «Слова» не было слова «Олга» и что оно было вставлено в текст первыми издателями «для большей, — как говорил Н. М. Карамзин, — ясности речи».³

Известие о мнении Н. М. Карамзина вызвало всеобщее недоверие к чтению «Олга» первого издания,⁴ а Е. В. Барсов, создав трехтомную энциклопедию «Слова», закрепил это негативное отношение, рассматривая чтение «Олга» не более как субъективную догадку первых издателей («оно вставлено в текст издателями лишь в силу своей догадки», — писал Е. В. Барсов).⁵ Когда А. И. Смирнов, поддерживая чтение первых издателей, обратил внимание исследователей на близость комментируемого выражения к заглавию памятника, где Игорь назван «внуком Ольговым»,⁶ никто не принял его точку зрения. Е. В. Барсов писал о ней: «Мнение — сколько своеобразное, столько же и странное».⁷

¹ Проческая песнь о походе на половцов удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие. М., 1800. С. 6—7.

² В Екатерининской копии «Слова» (также в скобках): «Ольга», в бумагах А. Ф. Малиновского (на л. 14) — как в первом издании: «Олга» (в квадратных скобках). См.: Дмитриев Л. А. История первого издания «Слова о полку Игореве». М.; Л., 1960. С. 164, 258 и фотокопия л. 14 бумаг А. Ф. Малиновского.

³ Приведем полностью существующее известие о мнении Н. М. Карамзина: «Как сообщил Р. Ф. Тимковский со слов К. Ф. Калайдовича, Карамзин не только видел и пользовался рукописью „Слова“, но даже сверял эту рукопись с первым изданием „Слова“: „1814 года, октября 21 дня, слышал я от К. Ф. Калайдовича, что Н. М. Карамзин уверял его, К. Ф. Калайдовича, что по сделанному им, Н. М. Карамзиным, сличению, оказалось, что Песнь о походе кн. Игоря со всею точностью напечатана против подлинника, выключая слов: *вѣчи Трояни*, вместо которых в подлиннике стоят: *сѣчи Трояни*. Касательно же поставленного в скобке слова: *Олга*, на стр. 6, то это учинено для большей ясности речи» (Полев о й Н. Н. Любопытные замечания к «Слову о полку Игоревом» // Сын отечества. СПб., 1839. Т. 8, разд. VI. С. 20).

⁴ Так, например, К. Эрбен (Erben K. J. *Dvě spěvy staroruských, totiž: O výpravě Igorevě a Zádouština*. V Praze. 1869. S. 27) и Н. С. Тихомиров (Тихомиров Н. С. Слово о полку Игореве. М., 1866. С. 2) исключали из текста «Слова» чтение «Олга».

⁵ Барсов Е. В. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., 1889. Т. 3. С. 98—99.

⁶ Смирнов А. И. О «Слове о полку Игореве». Вып. II: Пересмотр некоторых вопросов. Воронеж, 1873. С. 81.

⁷ Барсов Е. В. Слово о полку Игореве... С. 100.

Чтение «того внуку» вызвало большую комментаторскую литературу. Загадочность и неопределенность текста первого издания привели к созданию ряда гипотез и даже текстовых конъектур. Ряд исследователей видят в этом сообщении «Слова» указание на то, что Игорь — внук Трояна (В. Ф. Миллер, Е. В. Барсов, А. С. Прозоровский, Н. К. Гудзий и др.), другие — конкретизируют местоимение «того» как обозначение предка певца Трояна — бога Велеса.

Предложил видеть в комментируемой фразе упоминание о Бояне, внуке бога Велеса, Д. С. Лихачев: «„Того внуку“ может, действительно, означать потомка Олега „Гориславича“ — Игоря, как думали первые издатели, но может означать и „потомка“ — преемника Бояна, т. е. позднейшего поэта. Принимаю здесь, однако, предложение И. М. Кудрявцева (высказанное им устно и не опубликованное), что речь в этом месте идет о Бояне — внуке бога Велеса, о котором говорится ниже. Автор „Слова“ говорит о Бояне — „того внуку“ — как о чем-то известном, а в дальнейшем разъясняет: „вѣщей Бояне, Велесовъ внуче“. Действительно, во всем этом абзаце речь идет только о Бояне и о его поэтической манере. . .»⁸

Гипотеза И. М. Кудрявцева—Д. С. Лихачева принята в новейшем научном издании «Слова» в «Библиотеке поэта», а имя Велеса даже введено — как конъектура — в реконструкцию древнерусского текста «Слова», предпринятую Н. А. Мещерским и А. А. Бурькиным: «Пѣти было пѣснь Игореви того <Велеса> внуку. . .»⁹ (перевод: «Тогда деть бы внуку того <Велеса> песьнь Игорю. . .»¹⁰); комментарий Н. А. Мещерского и А. А. Бурькина: «Из древнерусского текста неясно, к кому именно относится словосочетание „того внуку“. Первые издатели, а за ними и многие исследователи поняли так, будто речь идет об Игоре — внуке Олега Святославича — и вставили в скобках курсивом¹¹ имя „Олга“ после „того“. М. В. Щепкина предположила, что речь идет о самом авторе „Слова“ — внуке Бояна. . . Скорее всего, однако, здесь говорится о самом Бояне, названном далее Велесовым внуком».¹²

Таким образом, в современной традиции прочтения «Слова» имя Велеса стало заменять имя «Олга» первого издания.

Существует еще одно направление в истолковании данного фрагмента «Слова», будто бы упоминающего об авторе его — «внуке» Бояна; оно приобретает в наши дни все большее распространение. Исток его — авторитетный комментарий А. А. Потемни (1877), который рассматривал форму «внуку» как дательный падеж действующего лица при инфинитиве «пѣти» и в выражении «того внуку» видел указание на самого автора «Слова» как на «внука Бояна» («или по крови. . . или по духу»¹³). Мнение А. А. По-

⁸ [Лихачев Д. С.] Комментарий исторический и географический // Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 386—388 (сер. «Лит. памятники»); ср. объяснительный перевод Д. С. Лихачева: «. . . (пришлось бы) внуку тому (т. е. внуку бога Велеса, о котором ниже) воспеть песьнь (в честь) Игоря. . .» (Там же. С. 78); новейшее издание — в кн.: «Слово о полку Игореве»: 800 лет. М., 1986. С. 29.

⁹ Слово о полку Игореве. 3-е изд. Л., 1985. С. 23. (Библиотека поэта; Большая сер.) (далее — Слово, 1985).

¹⁰ Там же. С. 37.

¹¹ Отметим, что сведение комментария Н. А. Мещерского и А. А. Бурькина о курсиве, использованном в данном фрагменте первыми издателями (как бы для выделения имени «Олга»), неточно, так как курсивом в первом издании был набран весь древнерусский текст памятника (в том числе и имя «Олга»). Имя Олега в форме притяжательного прилагательного — «Ольгову» — было действительно выделено курсивом, но не в тексте, а в переводе памятника («. . . Игорю, внуку *Ольгову*»); отметим, однако, что здесь это выделение было сделано в полном соответствии с общим принципом первых издателей (не всегда, впрочем, последовательно ими проводимом) — выделять в переводе курсивом имена и географические названия, и, следовательно, курсив никак не отражает специального намерения первых издателей еще раз, дополнительно в скобках, выделить слово «Олга» из общего текста памятника.

¹² Слово. С. 446—447.

¹³ Потемня А. А. Слово о полку Игореве. 2-е изд. Харьков, 1914. С. 14.

тебни разделила М. В. Щепкина, доказавшая реальную возможность того, что автор «Слова» мог быть (по возрасту) кровным внуком «вещего» певца.¹⁴ Возражая первым издателям, М. В. Щепкина пишет: «Логически трудно предположить, что слово „внук“ относится к имени „Игорь“, а определение „того“ подразумевает его деда — Олега Святославича. Князь этот нигде не помянут, ни перед выражением „того внуку“ (с. 6), ни после него. Впервые находим мы это имя лишь начиная со с. 14—15: „полци Олговы“, „Ольга Святославича“. . . Слова „того внуку“ настолько ничем не связаны по смыслу, а по своему месту настолько удалены от имени Олега Святославича, что их, конечно, нельзя относить к этому князю. Единственные имена, стоящие непосредственно перед словами „того внуку“ и сейчас же после них, — это Троян и Боян. Первое имя здесь неприемлемо. . . И синтаксически и логически. . . слова „того внуку“ должно относить к имени древнего певца Бояна. . .»¹⁵

Именно этой точке зрения выпала роль «порождающей модели». На нее обратили внимание и развили дальше и писатели, и исследователи. Советский писатель В. Чивилихин, ссылаясь на приведенный выше анализ М. В. Щепкиной и текст доклада Н. В. Шарлеманя (1952), утверждавшего авторство Игоря, внука, потомка Бояна, стал рассматривать вслед за ними комментируемую фразу и «полный заголовок поэмы» как «довольно веские доказательства» авторства самого Игоря.¹⁶ Новейшее исследование А. Н. Робинсона на основании подобной же интерпретации чтения «того (Олга)» утверждает кровное родство Бояна и его потомка (внука или правнука), автора «Слова», и, напомнив о покупке киевской княгиней в XII в. «земли Бояновой», делает вывод о социальном положении автора: «Следовательно, и Боян, и Автор были феодалами, притом весьма богатыми, а потому и уважаемыми в обществе».¹⁷ Каких бы то ни было новых доказательств для обоснования своей гипотезы А. Н. Робинсон не приводит. В качестве аналога для утверждения идеи о кровном родстве автора «Слова» и Бояна он использует огузский героический эпос «Книга моего деда Коркута».

Обратим внимание на то, что избранное для комментирования «темное» место «Слова» оказывается в центре внимания исследователей, изучающих такие существенные проблемы осмысления «Слова», как личность и социальный статус его автора. Это обстоятельство оправдывает любое новое обращение к непонятному тексту.

Возвращаясь к тексту первого издания, решу поддержать чтение «Олга» как исконно принадлежавшее тексту «Слова», и — на основе палеографического анализа — объяснить происхождение выражения «того (Олга) внуку».

М. В. Щепкина (в упоминавшейся выше работе) усомнилась в правоте суждения Н. М. Карамзина о том, что имя «Олга» в скобках появилось в первом издании «для большей ясности речи», и привела весьма существенные аргументы в пользу того, что это чтение принадлежит не первым издателям, а самой мусин-пушкинской рукописи. М. В. Щепкина писала: «Надо полагать, что если бы имя Олега Святославича было привлечено самими издателями для объяснения слов „того внуку“, то А. Ф. Малиновский, при его педантично-точной системе передачи текста, удовольствоваться бы примечаниями. . . Следовательно, вставка „Олга“ сделана

¹⁴ Щепкина М. В. О личности певца «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 16. С. 73—79.

¹⁵ Там же. С. 74.

¹⁶ Доклад Н. В. Шарлеманя, на который ссылался В. Чивилихин, — по-видимому, неопубликованная рукопись, находившаяся в распоряжении писателя. См.: Чивилихин В. {Память. Роман-эссе // Наш современник. М., 1984. № 4. С. 117—118.

¹⁷ Робинсон А. Н. Автор «Слова о полку Игореве» и его эпоха // «Слово о полку Игореве»: 800 лет. С. 164.

не издателями, а взята для пояснения из самого оригинала, причем, всего вероятнее, она стояла на поле. О том, что слово „Олга“ относится не к позднему времени, свидетельствует способ написания его: не „Олега“ или „Ольга“, а, по-видимому, „О(л)га“, т. е. с выносом буквы „л“ над строкою или со значком паерка над нею.¹⁸ М. В. Щепкина полагала, что «Олга» — глосса, вставка на поле рукописи, «догадка» древнего комментатора «Слова», и «догадка» ошибочная, так как, с точки зрения М. В. Щепкиной, речь в тексте «Слова» шла о Бояне, деде автора (см. об этом выше).

Исходя из этих замечаний М. В. Щепкиной и критического рассмотрения ею суждения Н. М. Карамзина, предложим свое понимание проблемы текста.

1. Отметим, что первые издатели при издании древнерусского текста «Слова» нигде (исключением является комментируемая фраза) не давали в скобках пояснения к его многочисленным «темным местам». Еще один раз первые издатели использовали скобки при издании перевода «Слова», поместив в них также вариант (летописный) имени: «Овлурь (Лаверь)». Метод дополнения неясного текста оригинала различными пояснениями, помещаемыми в скобках, — это как раз метод самого Н. М. Карамзина; именно так он издавал пересказ «Слова» и выписки из него в «Истории государства Российского».¹⁹

2. Утверждение Н. М. Карамзина о том, что слово «Олга» было вставлено первыми издателями в текст «для большей ясности речи», вызывает сомнение. Не является ли оно лишь догадкой историка, возникшей в силу необходимости (и притом уже *post-factum*) объяснить разноречие между его прочтением текста рукописи «Слова» и первыми издателями?

3. Если принять это рассуждение и не идти вслед за Н. М. Карамзиным в объяснении появления слова «Олга» в первом издании, то следует признать тот факт, что Н. М. Карамзин, делая выписки из рукописи «Слова», четко прочитал слово как «того», а первые издатели, готовя текст памятника к изданию, в течение длительного времени хотя и читали это слово так же, но сомневались в этом прочтении, по-видимому, в силу неясности графического начертания слова и, возможно, вследствие утраты в нем ряда выносных букв, происшедшей при предшествующей переписке.

4. Слово «Олга» в скобках в первом издании (или «Ольга» в Екатерининской копии) является не уточнением неясного по смыслу слова «того», а равноправным — в палеографическом отношении — вариантом прочтения.

5. Наше предположение о чтении данного места «Слова» заключается в следующем. В рукописи (в архетипном тексте XII в.) было, по-видимому, написано: «. . . ꙗ҃ѣти было ꙗ҃ѣснь Игореви, Олгову внуку». Затем — при последующей переписке — уставной почерк был заменен полууставом, переходящим в скоропись, и ряд букв оказался поднят наверх — над строкой — они стали выносными. Выносным стало и окончание слова «Олгову»: «в» была поднята над строкой, помещена под титло и стала последней буквой слова; гласная «у», вероятно, и не была написана, а только мыслилась в этом традиционном по типу сокращении конца слова. Выносной стала и вторая согласная — «л». Таким образом, слово «Олгову», первоначально написанное уставом, приобрело теперь такой вид: «Олгов(у)» (курсив обозначает выносные буквы, скобки — отсутствующую реально в строке и над строкой букву «у»). При таком — обычном для скорописи и для полуустава, переходящего в скоропись, — начертании

¹⁸ Щепкина М. В. О личности певца «Слова о полку Игореве». С. 73.

¹⁹ О работе Н. М. Карамзина с рукописью «Слова» см.: Дмитриев Л. А. 1) История первого издания «Слова о полку Игореве». М.; Л., 1960; 2) «Слово о полку Игореве» и Н. М. Карамзин // «Слово о полку Игореве»: 800 лет. С. 205—214. Л. А. Дмитриев доказал полную раздельность работы первых издателей и Н. М. Карамзина над текстом «Слова».

произошло «столкновение» двух букв «в»: выносной в окончании одного слова («Олгов(у)») и строчной — в начале другого («внуку»); одна из них — по-видимому, выносная, — была утрачена при последующей переписке,²⁰ и слово приобрело вид: «Олго». Поскольку начальная буква в слове — «омега» — писалась с диакритическими значками, а писцы к тому же часто допускали ошибку: писали букву «от» (с «омегой») вместо начальной «омеги»,²¹ то, по-видимому, в рукописи «Слова», находившейся в распоряжении первых издателей, это слово приобрело следующий вид: Ѡго. Возможно также, что выносная «л» была искажена или частично утрачена при переписке.

Таким образом, слово приобретало такой вид, что его можно было прочесть двояким образом: «того» (так прочел Карамзин и первые издатели), но можно было прочесть и как «Олго». Вариант такого чтения первые издатели и поместили в скобках; конечная «а» в слове вместо «о» («Олга», а не «Олго») могла быть результатом их субъективного чтения текста (ведь у них, а также и у Карамзина в рукописи было начертание «того», а не «тога»), но, может быть, эта замена буквы «а» на «о» произошла уже в самой рукописной традиции воспроизведения текста «Слова».

Таким образом, с моей точки зрения, в данном фрагменте первого издания «Слова» и оказались зафиксированы два варианта прочтения одного и того же слова «того (Олга)». Н. М. Карамзин — судя по его выпискам — читал это слово как «того»; первые издатели сомневались: они прочитали это слово и как «того», и как «Олга».

Таким образом, я предполагаю, что в архетипном — исконном — тексте «Слова» было написано: «. . Игореви, Олгову внуку. . .» с двумя выносными — «в» и «л» (буква «в» под титлом дополнялась, по-видимому, гласной «у», что является обычным для скорописи, например, XVII в., при передаче окончаний прилагательных). Затем в слове «Олгову» произошла утрата этих двух выносных. Эта утрата, несомненно, была облегчена тем, а может быть, была этим спровоцирована, что сразу после слова «Олгову» идет слово, начинающееся с той же согласной «в» — «внуку». Столкновение двух одинаковых согласных привело к утрате одной из них. Теоретически утрата выносной буквы «л» не противоречит палеографическим нормам письма в средние века.

Таким образом, в рассматриваемом фрагменте первого издания «Слова» мы имеем дело вовсе не с исходной формой «того» и с ее пояснением «Олга»; здесь оказались зафиксированы два варианта прочтения первыми издателями одного и того же слова, которое можно с уверенностью восстановить как архетипное слово «Олгову» (с выносной «л»). Текст первого издания должен быть исправлен следующим образом: «. . пѣти было пѣсьнь Игореви, Ольгову внуку». Это чтение находит полный аналог в подлинном заглавии к «Слову»: «Слово о пълку Игоревѣ, Игоря сына Святъславля, внука Ольгова».

Добавим в заключение, что нам представляются оправданными возражения Л. В. Соколовой против принятой пунктуации в тексте данного фрагмента и пожелание объединить два предложения в одно.²²

Начиная с первого издания памятника «Пѣти» рассматривается как первое слово новой фразы, в то время как оно открывает лишь новую син-

²⁰ М. А. Момина обратила мое внимание на то, что конечная выносная «в» в слове «Олгову» могла находиться на краю листа — у его правого поля или у корешка переплета, что также могло способствовать ее утрате.

²¹ Случаи ошибочного написания буквы «от» вместо «омеги» в начале слова, несомненно, были в рукописи «Слова»; укажем еще два случая в тексте первого издания: 1) «Половци. . . рускыя пълкы отступиша» (с. 13) вместо «оступиша»; 2) «оттворяеши Киеву врата» (с. 30) вместо «отворяеши».

²² См.: Соколова Л. В. Зачин в «Слове о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». Л., 1986. С. 68. Отметим, что таким же образом — как одно предложение — издавали текст К. Эрбен и Н. С. Тихонравов (см. примеч. 4).

тагму того же самого, единого по мысли, предложения («О Бояне, соловью старого времени! А бы ты сия пълки ущекоталъ. . . пѣти было. . .»). Изменение пунктуации и соединение в одно целое двух случайно разобщенных частей текста делает осмысленной конструкцию всего фрагмента в целом, но одновременно это объединение препятствует сохранению в тексте синтаксически невразумительного «того» (см. перевод: «О Боян, соловей старого времени! Если бы ты эти походы воспел, петь бы (так) песнь Игорю, того (?) внуку. . .»). Здесь возникает очевидная несогласованность субъектов действия: непосредственное обращение автора к Бояну ведет к использованию в первой части предложения местоименной формы второго лица («ты»), в то время как во второй части предложения (если принять предлагаемую пунктуацию) сообщается о песне «того» певца. Предлагаемое восстановление архетипного текста исправляет также и эти несообразности.

2. «...Олеѣ и Святѣславъ тьмоу ся поволокоста. . .»

Эта фраза «Слова», указывающая конкретные имена двух участников похода князя Игоря в 1185 г., входит в сложный метафорический ряд иносказания в речи бояр, истолковывающих киевскому князю Святославу его «мутен сон» и извещающих его о поражении русских дружин на реке Каяле: «Темно бо бѣ въ 3 день: два солнца помѣркоста, оба багряная стлѣпа погасоста, и въ морѣ погрузиста, и съ нима молодая мѣсяца, Олеѣ и Святѣславъ, тьмоу ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла: по Руской земли прострошася Половци, аки пардуже гнѣздо, и великое буиство подасть Хинови».²³

Два указанных княжеских имени в речи бояр трудно прокомментировать. Иногда — и это наиболее распространенная точка зрения, принадлежащая Д. С. Лихачеву, — эти имена раскрываются как имя сына князя Игоря — Олега (родился в 1175 г., во время похода ему было 10 лет) и имя племянника Игоря и Всеволода — князя Святослава Ольговича Рыльского, участника похода, также плененного половцами (о нем пишет Ипатьевская летопись²⁴). Однако комментатор в этом случае наталкивается на серьезные трудности, так как об участии десятилетнего Олега Игоревича в походе и о его пленении летописи ничего не сообщают (Лаврентьевская летопись содержит лишь глухое известие о двух сыновьях Игоря, участвовавших в походе, подробный рассказ Ипатьевской летописи совсем не упоминает об Олеге). Кроме того, остается неясным, почему в рассматриваемом тексте названо имя Олега и не названо имя Владимира Игоревича — реального участника похода.²⁵ Нет ли тут ошибки?

Существует другая точка зрения на этот фрагмент «Слова». И. П. Еремин предложил рассматривать имена Олега и Святослава как позднейшую вставку в первоначальный текст памятника, причем вставку ошибочную,²⁶ так как под «молодыми месяцами» («Олегом» и «Святославом») следует подразумевать Владимира Игоревича и Святослава Ольговича. Как вставку рассматривал эти имена и Р. О. Якобсон и предлагал опускать их при издании текста.²⁷ Эта точка зрения принята в настоящее время Н. А. Ме-

²³ Мы принимаем перестановку текста, предложенную Р. О. Якобсоном и принятую Д. С. Лихачевым, Л. А. Дмитриевым и О. В. Твороговым в издании «Слова» в серии «Библиотека поэта» (Л., 1967. Примечания, с. 50—51, 500—501).

²⁴ См., например, комментарий Д. С. Лихачева в кн.: Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950 (Сер. «Литературные памятники»). С. 428; его объяснительный перевод «Слова» в кн.: «Слово о полку Игореве»: 800 лет. С. 36.

²⁵ Д. С. Лихачев объясняет это умолчание о Владимире тем, что в Киеве знали о женитьбе князя на Кончаковне и «не могли рассматривать его как жертву похода» (Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. Комментарий, с. 428).

²⁶ Еремин И. П. «Слово о полку Игореве» // Художественная проза Киевской Руси XI—XII веков. М., 1957. С. 347, сн. 26.

²⁷ Якобсон Р. О. Изучение «Слова о полку Игореве» в Соединенных Штатах Америки // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 119.

щерским: «Имена княжичей, включенные в текст, представляют трудности для объяснений. Олег, младший сын Игоря, не мог принимать участия в походе, так как был еще слишком юн. Правдоподобно мнение тех исследователей, которые видят здесь интерполяцию, восходящую к одному из позднейших списков „Слова“, когда имена его персонажей уже не были широко известны. Этим объясняется ошибка: Олег вместо правильного Владимир (сын Игоря). Под вторым месяцем, видимо, подразумевается князь Святослав Рыльский».²⁸ Другой новейший комментатор «Слова» — Л. И. Сазонова напомнила о существовании еще одного сына князя Игоря — Святослава Игоревича: «Здесь в „Слове“ символическая картина поражения русских князей. „Два солнца“ — это Игорь и Всеволод Святославичи; „молодые месяцы“ — младшие князья, очевидно, сыновья Игоря Олег (1175—1205) и Святослав (1177—1211)».²⁹

Введение этого нового и, казалось бы, «подходящего» имени «молодого месяца» — Святослава Игоревича не снимает, однако, проблемы достоверности комментария, так как об участии Святослава Игоревича в походе 1185 г. летописи также молчат. К тому же возрастает расхождение в информации различных источников: в походе, оказывается, участвовало не два сына князя Игоря (согласно Лаврентьевской летописи), а три; нерешенным остается главный вопрос: почему были названы по именам только маленькие княжичи — дети (10 и 8 лет) и не упомянуты ни старшие князья, ни Владимир Игоревич, ни Святослав Рыльский. Почему, наконец, рядом с метафорическим текстом о двух померкнувших «солнцах» и двух «стльпах» в «Слове» идет конкретизация другого, параллельного образа и разъясняется, кто такие два «молодая мѣсяца»?

Ответ на эти недоумения возможен, и он будет, как кажется, достаточно правдоподобен: в этом фрагменте «Слова» метафорически обозначены все князья — участники похода: и старшие — Игорь и Всеволод (два «солнца»), и младшие, но самостоятельные князья и военачальники — Владимир Игоревич и Святослав Ольгович Рыльский («оба багряная стльпа»), и княжичи-отроки — сыновья Игоря Олег и Святослав («молодая мѣсяца»). Юный возраст княжичей (10 и 8 лет) не мог быть препятствием для их участия в военном походе; ³⁰ летописи, начиная с рассказов о легендарном Святославе, сыне Игоря и Ольги,³¹ фиксируют много подобных случаев.³² Отсутствие каких бы то ни было сведений об Олеге и Святославе в летописных рассказах о походе 1185 г. может быть объяснено их социальной и военной несамостоятельностью: они не были — в отличие от Владимира Игоревича и Святослава Ольговича и добавим — Ольстина Олексича — руководителями военных отрядов в войске Игоря.

Таким образом, если принять уточнение Л. И. Сазоновой, следует признать, что в походе против половцев участвовало не четыре князя, а шесть; четыре князя-военачальника — это и есть те «четыре солнца», которые «затмились» на Каяле («чръныя тучя съ моря идуть, хотять прикрыти 4 солнца»); в другом же фрагменте текста, который рассматривается нами, есть различие князей по старшинству, есть градация: «два солнца» и «оба багряная стльпа» — это два старших и два младших князя, их сопровождают «молодая мѣсяца» — младшие сыновья

²⁸ Мещерский Н. А., Бурыкин А. А. Комментарий к тексту «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве». Л., 1985. С. 465.

²⁹ Сазонова Л. И. Комментарий // «Слово о полку Игореве»: 800 лет. С. 58

³⁰ Ср. приведенное выше мнение Н. А. Мещерского, с которым мы не согласны («Олег... не мог принимать участия в походе, так как был еще слишком юн»).

³¹ См. «Повесть временных лет» под 946 годом: бой с древлянами начинает князь-ребенок Святослав: «...суну копьем Святослав на древляны, и коше летѣ сквозѣ уши коневи, и удари в ноги коневи, бѣ бо дѣтскѣ» // ПЛДР. XI—начало XII века. М., 1978. С. 72.

³² Напомним автобиографический рассказ Владимира Мономаха о начале его княжеского «труда» — о его походах — «с 13 лѣтъ» (Там же. С. 402) и др.

Игоря Олег и Святослав. Заметное увеличение числа князей Ольговичей, участников похода (с четырех до шести), как будто хорошо согласуется и с концовкой «Слова»: «Пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ — молодымъ пѣти!» «Молодые» Ольговичи — это не только единственный «молодой» князь Владимир Игоревич, здравица которому провозглашается здесь же: «Слава. . . Владимиру Игоревичу!» (судьба Святослава Ольговича Рыльского после похода 1185 г. неизвестна), но прежде всего младшие его братья — Олег и Святослав, также участники похода, уже вступившие к моменту создания «Слова»³³ в самостоятельную жизнь. Гипотеза об участии в походе Игоря двух младших его сыновей может объяснить также известие Лаврентьевской летописи о выступлении Игоря в поход «съ двѣма сынома».³⁴ Летописец слышал о присутствии в войске Игоря двух маленьких княжичей (Владимир Игоревич был почему-то не упомянут).

Эти рассуждения не доказывают, однако, что указание имен Олега и Святослава, сыновей князя Игоря, в комментируемой фразе было присуще первоначальному авторскому тексту. Предположение И. П. Еремина, Р. О. Якобсона, Н. А. Мещерского о том, что это указание имен участников похода — вставка, уточнение, принадлежащее более позднему читателю, комментатору текста «Слова», — пока остается в силе. Сосуществование в одном фрагменте иносказания и конкретизирующей тенденции (причем конкретизирующей лишь часть общего метафорического ряда: раскрыты имена только двух «мѣсяцев»), действительно производит впечатление неорганичности текста. Напомним здесь о позиции таких исследователей «Слова», как О. В. Творогов и Л. А. Дмитриев. Комментируя в 1967 г. текст «Слова», они также были склонны видеть в именах князей Олег и Святослав вставку: «Это тем более вероятно, во-первых, потому, что будет устранено противоречие: в обоих случаях в „Слове“ будет говориться о четырех участниках похода («хотьятъ прикрыти 4 солнца» и «два солнца помѣркости. . . и съ нима молодая мѣсяца. . .»), а, во-вторых, метафора не будет соседствовать, как в мусин-пушкинском списке, с излишней конкретизацией: называя по именам молодых князей, автор разрушает символику всего образа».³⁵

Напротив, если признать, что имена Олега и Святослава, указывающие на младших сыновей Игоря Святославича, являются позднейшей вставкой комментатора, то можно легко объяснить, почему именно эти два имени, выбранные из имен шести участников похода, были здесь названы: заботливый комментатор, понимая, что «Слово» имеет особое значение для истории семьи князя Игоря и репутации Игоревичей в исходе XII—начале XIII в., назвал имена неизвестных для читателя участников похода, скрытых, как он думал, под метафорическим обозначением «молодая мѣсяца» (имена «солниц» или «стльпов» — т. е. самого Игоря, его брата Всеволода и сына Владимира Игоревича — были уже названы в авторском тексте памятника).

Однако такое комментирование фразы «Слова» не является единственной возможностью прочтения и понимания данного фрагмента

³³ Напомню, что, согласно предложенной мною датировке «Слова», памятник создается в 1194—1196 гг., после смерти великого киевского князя Святослава в июне 1194 г. и до смерти «буй-гура» Всеволода в мае 1196 г., в период резкого обострения междукняжеских отношений между родом черниговских Ольговичей и Мономаховичами, потребовавшими от Ольговичей в 1195 г. отказаться навсегда от прав на киевский трон (подробнее см.: Демкова Н. С. К вопросу о времени написания «Слова о полку Игореве» // Вестн. ЛГУ. Сер. История. Яз. Лит. 1973. № 14, вып. 3. С. 72—77; см. также: Демкова Н. С. Проблемы изучения «Слова о полку Игореве» // Чтения по древнерусской литературе. Ереван, 1980. С. 58—107); Олегу и Святославу в это время было соответственно около 20 и 18 лет.

³⁴ ПЛДР. XI—начало XII века. С. 366.

³⁵ Творогов О. В., Дмитриев Л. А. Примечания // Слово о полку Игореве. Л., 1967. С. 500—501.

текста. Может быть высказана и рассмотрена еще одна — альтернативная — гипотеза, которая позволяет видеть, и в этом ее преимущество, в данном фрагменте «Слова» цельный авторский текст. Текст этот сохранился, возможно, не полностью, но он не содержит чужеродных вставок, требующих удаления, а, напротив, в едином художественном ключе создает ряд метафорических и обобщенных образов, раскрывающих — с позиции сторонника Ольговичей — реальную политическую действительность конца XII в.

Эта гипотеза признает, что имена Олега и Святослава не были вставкой комментатора, изначально существовали в авторском тексте памятника, однако обозначали они не сыновей князя Игоря (или его сына Олега и племянника Святослава), а деятелей иной исторической эпохи. Эти две фигуры отнюдь не были «молодыми мѣсяцами» в окружении «солнца» — князя Игоря, и фрагмент «Слова» нуждается в решительном изменении традиционного синтаксического членения и пунктуации, идущей от понимания текста первыми издателями. Его следует читать так: «Темно бо бѣ въ 3 день: два солнца помѣркоста, оба багряная стѣльна погасоста, и въ морѣ погрузиста, и съ нима молодая мѣсяца; Олѣгъ и Святѣславъ тѣмоу ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тѣма свѣтъ покрыла, по Руской земли прострошася Половци, аки пардуже гнѣздо, и великое буйство подастъ Хинови. . .»

Упоминания Олега и Святослава — в речи бояр, иносказательно рассказывающих великому князю о бедах Руси, — автор называл здесь не третьестепенных княжичей-детей, но родоначальников современных Ольговичей — деда и прадеда героев «Слова» — черниговских князей Олега Святославича (ум. в 1115 г.) и Святослава Киевского (ум. в 1076 г.).

Основанием для такого понимания текста является особое значение идеи рода, культа рода и дедовской славы для мироощущения человека XII в., подробно рассмотренное в известной работе В. Л. Комаровича,³⁶ а применительно к «Слову» — в ряде статей Д. С. Лихачева.³⁷ Автор «Слова» постоянно использует образ дедовской славы для характеристики современности: князя полоцкие, занятые междоусобицами, «выскакивают» из «дедней славы», Изяслав Василькович, погибший на поле боя, — поревновал славе предка — воинственного князя Всеслава («притрепа славу деду своему Всеславу»), и т. д. «Ольгово хороброе гнездо» черниговских князей не было «обиде порождено», но когда совершилось поражение на реке Каяле (поражение страшное и сокрушительное, по описаниям автора: «сицей рати не слышано!»), тогда «померкли» не только «два солнца», не только «оба багряная стѣльна» «погасоста» и «въ морѣ погрузиста» вместе с «молодыми мѣсяцами» — младшими князьями, но тогда заволокла тѣмоу и общая слава рода — слава Олега и отца его Святослава, победителя половцев («Олегъ и Святѣславъ тѣмоу ся поволокоста»).

Предлагаемая нами интерпретация текста указанного фрагмента хорошо согласуется с дальнейшим развитием темы: слава Олега и Святослава означает — для сторонников Ольговичей — прошлое величие не только рода, но и Руси; метафоры разъясняются метафорами же, синтаксический параллелизм строк ведет к уравниванию смыслов в их отдельных частях: «. . .Олегъ и Святѣславъ тѣмоу ся поволокоста. / На рѣцѣ на Каялѣ тѣма свѣтъ покрыла / По Руской земли прострошася половци. . .» Возникают последовательные ряды обобщенных образов, представляющих собой

³⁶ Комарович В. Л. Культ Рода и Земли в княжеской среде XI—XIII вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 84—104.

³⁷ См., например: Лихачев Д. С. «Слово» и эстетические представления его времени // Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1985. С. 57 («Пример отцов и дедов, обычай отцов и дедов, их наследие, слава отцов и дедов и, наконец, полужыгическая молитва „дедняя и отняя“ постоянно упоминаются в летописи, особенно в критические моменты судьбы их потомков»).

ценностную систему координат автора: один ряд — «Олег и Святослав», «свет», «Русская земля», другой — «тьма», «тьма», «половци». Отметим попутно, что во всех трех самостоятельных частях периода, каждая из которых является законченным предложением, предикат (действие) выражен глаголами одного семантического гнезда («поволокоста», «покрыла», «простошася»), создающими представление об идее враждебного «покрова», постепенного и неуклонного движения враждебной стихии тьмы. Эта оценка современной действительности в речи бояр, обращенной к Святославу, единством образной идеи связывает разные фрагменты «Слова»: и войско Игоря покрыто тьмою во время солнечного затмения, и Святослава (в его сне) покрывают «черной паполемой», и «печаль жирна тече среди Руской земли», покрывая ее в результате нашествия половцев на Русь. В этом ряду обобщенных образов находится и фраза о предках героев «Слова» — о князьях Олеге и Святославе.

А. С. ДЕМИН

Отголоски «Слова о полку Игореве» в «Казанской истории»

(Гипотеза о промежуточном источнике)

Источники «Казанской истории», как известно, очень многочисленны.¹ Укажем на мелкие и поэтому малозаметные соответствия «Слову о полку Игореве» в «Казанской истории». Их можно разделить на три типа. Первый тип — совпадение отдельных ярких выражений. Так, в 12-й главе «Казанской истории» упомянуто о том, что казанский царь «в казну свою насыпа полату полну до верха рускаго злата и сребра».² Словосочетание «насыпа . . . рускаго злата» соответствует выражению «рускаго злата насыпаша» в «Слове о полку Игореве».³ Такого соответствия нет ни в «Задонщине», ни в «Сказании о Мамаевом побоище»,⁴ ни в других памятниках — литературных и фольклорных.

В 84-й главе «Казанская история» сообщает: «. . . много есть было в Казани сечей и боев великих, а такова сеча и бои не бысть никогда же. . . Ни от прадед своих слышахом, ни писания же наша имеют сицевых» (156). Соответствующий отрывок из «Слова о полку Игореве»: «То было въ ты рати и въ ты плъкы, а сицеи рати не слышано» (48). Фразеологическое и лексическое сходство выражений несомненно. Их тоже нет в других памятниках.

В 59-й главе «Казанской истории»: «Блата. . . намостишася черемп-

¹ Об источниках «Казанской истории» см. последние работы Т. Ф. Волковой (там же — библиография предыдущих исследований): 1) «Казанская история» и историко-публицистическое повествование Московской Руси второй половины XVI века: Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Л., 1982; 2) «Казанская история» и тройские литературные памятники о взятии Казани: (К вопросу об историко-литературных особенностях «Казанской истории») // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 104—117; 3) Комментарий к одному фрагменту «Казанской истории»: (Сюжет «Сергиева видения» в сочинениях XVI в. о взятии Казани) // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 38. С. 179—184; 4) Работа автора «Казанской истории» над сюжетом повествования об осаде и взятии Казани // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 308—322; 5) Казанская история // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2, ч. 1. С. 450—458.

² Казанская история / Подгот. текста Г. Н. Моисеевой. М.: Л., 1954. С. 59 (далее ссылки на это издание приводятся в тексте). Издания других списков первой редакции, подготовленные соответственно Г. З. Кунцевичем и Т. Ф. Волковой, см.: ПСРЛ. СПб., 1903. Т. 19; Памятники литературы Древней Руси: Середина XVI века. М., 1985. Так как во всех приведенных ниже примерах не наблюдается важных по содержанию разночтений, то мы взяли за основу список, изданный Г. Н. Моисеевой, — старейший (конца XVI в.) и лексически менее поновленный, чем иные списки первой редакции памятника.

³ Слово о полку Игореве / Подгот. текстов Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. Л., 1967. С. 50 (далее ссылки на это издание приводятся в тексте).

⁴ В «Сказании о Мамаевом побоище», в Основной редакции и в Печатном варианте Основной редакции встречается иное словосочетание — «злата наплънися». См.: Сказания и повести о Куликовской битве. / Подгот. В. П. Бударагин, Л. А. Дмитриев и Л. А. Чуркина, Л., 1982. С. 26, 104. В Киприановской и Распространенной редакциях нет и этого словосочетания.

скими костми» (127). В «Слове о полку Игореве»: русичи «начаша мосты мостити по болотомъ» (47).⁵ Таковы немногие соответствия первого типа.

Второй тип соответствий самый многочисленный: это сходство специфических выражений и слов в эпизодах «Казанской истории» и «Слова о полку Игореве». Например, 26-я глава «Казанской истории» (описание неустройств в казанском царстве): «. . воста брань. . , в велможях его крамола. . . не хотят бо казанцы меншиє болших слушати. . . и вси бо творяхуся велики. . .» (83). «Слово о полку Игореве» (описание последствий поражения Игоря): «Въстала обида. . . И начаша князи про малое „се великое“ мльвити, а сами на себѣ крамолу ковати» (49). Цепь специфических соответствий «Слова» и «Казанской истории»: «въстала обида» — «воста брань»; «начаша князи. . . крамолу ковати» — «в велможях. . . крамола»; «про малое „се великое“ мльвити» — «меншиє. . . творяхуся велики». В других памятниках нет таких соответствий.

В 19-й главе «Казанской истории» рассказано о бегстве казанского воеводы Аталыка от русских воинов. Часть повествования восходит к «Сказанию о Мамаевом побоище» и «Повести о взятии Царьграда турками» Нестора-Искандера.⁶ Но часть повествования имеет некоторые соответствия «Слову о полку Игореве». Вот элементы эпизода в «Казанской истории»: «Тут же наскочишы воины руския силнаго вварара Аталыка. . . Ему же спящу. . . в шатре своем. . , скоро вскочи. . . на конь свой, и без пояса, и бос, и хоте во град убежати. И понесе его конь. . . на поле. . , конь его реку перелете. Он же. . . спаде с коня своего. . . бос, бегающе по траве. . . и убиваше птицу или зверя. . .» (70). Обратимся к аналогичному эпизоду «Слова о полку Игореве» — бегству Игоря от половцев: «Игорь спить. . . поля. . . за рѣкою. . . въшумѣ трава, вежи ся Половецкии подвизашася. . . А Игорь поскочи. . . вьврѣжесе на. . . комонь, и скочи съ него босымъ влъкомъ, и потече. . . и полетѣ. . . избивая гуси и лебеди» (55). Есть сходство элементов. Но одни элементы могут быть просто неизбежны для рассказов о бегстве — упоминания поля, реки, коня: «. . . поскочи. . . вьврѣжесе на. . . комонь» («Слово») — «вскочи. . . на конь свой» («Казанская история»); «скочи съ него» — «спаде с коня», «потече» — «бегающе» и пр., а есть элементы более или менее специфические — упоминание сна перед бегством: «Игорь спить» — Аталыку «спящу»; упоминание травы, само по себе очень нечастое в памятниках: «въшумѣ трава» — «бегающе по траве»; упоминание шатров: «вежи ся. . . подвизашася» — «спящу. . . в шатре своем». Но самое главное — упоминание того, что герой был бос: «босымъ влъкомъ. . . потече» — «бос, бегающе»; а также упоминание полета: «полетѣ» — «перелете»; а еще упоминание избивания птиц: «избивая гуси и лебеди» — «убиваше птицу». Нет больше нигде такого набора элементов. Этот эпизод вообще не отразился ни в «Задонщине», ни в «Сказании о Мамаевом побоище». «Казанская история» здесь опирается именно на эпизод из «Слова о полку Игореве».

Еще одно соответствие эпизодов наблюдается в самом начале обоих памятников. В «Казанской истории»: «Красныя убо новыя повести сия достоит нам радостно послушати, о христоименитии людие, яже содеяшася преславная дела. . . во дни наша. . . Начну же сице» (43). В «Слове о полку Игореве»: «Не лѣпо ли ны бяшетъ, братие, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстий. . . Начати же ся. . . по былинамъ сего времени. . . красному Романови. . . славу рокотаху. Почнемъ же, братие, повѣсть сию. . .»

⁵ В памятниках встречаются высказывания лишь о мощении мостов перед сражением или мощении трупами в результате битвы. См.: Орлов А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М., 1902. С. 23—24. Ср. также: Насонов А. Н. Новые источники по истории казанского взятия // Археограф. ежегодн. за 1960 год. М., 1962. С. 17.

⁶ См.: Орлов А. С. 1) О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики. СПб., 1909. С. 10—11, 13—15, 18; 2) Героические темы древней русской литературы. М.; Л., 1945. С. 121—122.

(43—44). Часть лексических совпадений естественна для начала многих произведений: обращение к слушателям («братие» — «людие»), упоминание начала действий («почнем же . . . повѣсть сию» — «повести сия . . . начну же сице»). Но специфичны: указание на пристойность рассказа («лѣпо ли ны» — «достоит нам»), упоминание современности («сего времени» — «во дни наша»), упоминание славы («славу» — «преславная») и упоминание красоты («красному Романови» — «красныя . . . повести»). Кроме того, некоторые понятия соответствуют по контрасту: «старыми словесы трудныхъ повѣстий» — «новыя повести . . . радостно послушати». В «Задонщине» начало «Слова» использовано гораздо беднее (тем более бедно — в «Сказании о Мамаевом побоище»).⁷

Остальные сходства не столь значительны. Например, оба памятника рассказывают о несчastьях Русской земли. «Казанская история» в 21-й главе: «Не брегущим от супостат своих Руския земли: везде погании крестьян воеваху и губяху. . . И умножишася обиды. . .» (73). «Слово о полку Игореве»: «Въстала обида. . . Усобица. . . на поганья погыбе. . . а погании съ всѣхъ странъ прихождаху. . . на землю Рускую» (49). Специфично упоминание обиды: «въстала обида» — «и умножишася обиды». Менее ярки другие соответствия: «погании съ всѣхъ странъ» — «везде погании»; «на поганья погыбе» — «погании. . . губяху»; «на землю Рускую» — «Руския земли». В «Задонщине» же и «Сказании о Мамаевом побоище» данный эпизод не нашел отражения.

В 22-й главе «Казанской истории» описывается внешность воинов: «. . . шлемы, железныя одеяние на всех. . . бреши земля своя от всех стран. . .» (74). Соответственное описание в «Слове о полку Игореве»: «Суть у ваю желѣзныи паворзи подь шеломы Латинскими. Тѣми тресну земля, и многи страны. . .» (52). Переключаются «желѣзныи паворзи» — «железныя одеяние». Такое употребление слова «железный» (в отношении к доспехам) отсутствует в «Задонщине», в «Сказании о Мамаевом побоище» и в других памятниках.⁹ Другие лексические соответствия эпизода «Казанской истории» «Слову» тоже показательны: «земля, и многи страны» — «земля. . . от всех стран»; «подь шеломы» — «шлемы».

В 23-й главе «Казанской истории» говорится о несчastьях Руси: «И всем тогда беда и тоска. . . от очию слезы текут. . . з женами. . . бежах во глубину Русь. . . Велик бо плач, и скорбь, и беда, и стонание. . .» (76—77). Соответствующий отрывок в «Слове о полку Игореве» тоже повествует о несчastьях Руси: «Жены. . . всплакашась. . . ни очима съглядати. . . А въстона бо. . . Киевъ тугою, а Черниговъ напастыи. Тоска разлися. . . печаль. . . тече средь земли Рускыи» (49). Соответствия: «тоска. . . печаль. . . тече» — «тоска. . . слезы текут»; «въстона. . . тугою. . . напастыи» — «скорбь, и беда, и стонание»; «средь земли Рускыи» — «во глубину Русь»; «жены» — «з женами»; «очима» — «от очию». Этот эпизод не отразился ни в «Задонщине», ни в «Сказании о Мамаевом побоище». И хотя отдельные элементы повторяются при описании несчastий в иных древнерусских произведениях, однако сам комплекс этих элементов (особенно

⁷ Наблюдения над соответствующими параллельными местами «Слова о полку Игореве», «Задонщины» и «Сказания о Мамаевом побоище» см.: Дмитриева Р. П. Взаимоотношение списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве». // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966. С. 209, 243; Творогов О. В. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» // Там же. С. 295—296, 313—315, 335; Творогов О. В. О композиции вступления к «Задонщине» // Там же. С. 526—532.

⁸ Принимаем толкование слова «паворзи» как «латы» или как часть доспехов. См.: Слово о полку Игореве / Примеч. О. В. Творогова и Л. А. Дмитриева. Л., 1967. С. 510; Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве»: Историко-литературный очерк. М., 1976. С. 66.

⁹ Например, в «Задонщине» слово «железный» вообще не относится к доспехам: «желѣзная забрала». См.: Тексты «Задонщины» / Подгот. Р. П. Дмитриева // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. . . С. 544, 546, 554 (далее ссылки на данное издание «Задонщины» приводятся в тексте).

упоминания жен, тоски, стона, течения печали или слез) все-таки остается специфичным только для «Слова о полку Игореве» и «Казанской истории» — их связь снова подтверждается.

В 19-й главе «Казанской истории» рассказывается о сражении: «Уже зорям утренним. . . восхождаху. . . воеводы уже ударився в острог с шумом. . . всех избыша. . . И падоша телеса их. . .» (69—70). «Слово о полку Игореве»: «Что ми шумить. . . предъ зорями? . . . Бишася день, бишася други. . . падоша стязи Игоревы» (48—49). Сходны следующие элементы в «Слове» и «Казанской истории»: «шумить» — «с шумом»; «предъ зорями» — «зорям»; «бишася» — «избыша»; «падоша стязи» — «падоша телеса». Сочетание упомянутых элементов, пожалуй, не слишком шаблонно для описаний битв в памятниках (хотя в отдельности каждый элемент встречается нередко). Смутную параллель между «Словом» и «Казанской историей» можно наметить и здесь. В «Задонщине» и «Сказании о Мамаевом побоище» этот эпизод не отразился.

В главах 22-й и 73-й «Казанской истории» встречаются интересные для сравнения со «Словом» места: «. . . и глав своих не щадяще, а в нужное время отец своих, и матерей, и жен, и детей своих забывающе. . . и сильно бяхуся, и кладаху главы своея. . . за любовь к ним царскую, забывая жены своя и дети» (74); «красоты и любве жен и детей своих не забывати» (144). Эти места напоминают об эпизоде с Яр-Тур-Всеволодом в «Слове о полку Игореве»: «Камо, Турь, поскочяше. . . — тамо лежать. . . головы Половецкия. . . Яръ Туре Всеволоде! . . . забывъ. . . отня злата стола и своя милыя хоти, красныя Глѣбовны. . .» (47—48). Лексические соответствия: «забывъ. . . своя милыя хоти, красныя» — «за любовь. . . забывая жены своя», «красоты и любве жен. . . своих не забывати»; «лежать. . . головы» — «кладаху главы»; «отня» — «отець»; «милыя хоти, красныя» — «красоты и любве жен». Вероятно, и тут «Казанская история» перекликается с эпизодом именно «Слова о полку Игореве». Подобных соответствий (сразу вместе) в «Задонщине» и «Сказании о Мамаевом побоище» нет, хотя одиночные выражения о забывании жен воинами и встречаются в некоторых памятниках.¹⁰

Есть еще третий тип соответствий: когда довольно большой отрывок «Слова» сжато отражается в одном эпизоде «Казанской истории». Например, в 14-й главе рассказано об очередном военном происшествии и его результатах: сначала «русским же воем всем спящем», затем началась стычка — казанцы «нападе на полки руския», «поле. . . кровию очервленишася», в результате «Волга утопшими людьми зарязе. . . аки по мосту, ездити. . . И обогатися казанский царь велми узорочьи» (62). В «Слове о полку Игореве» этому соответствует повествование о подготовке русичей к сражению, победе и результатах победы: сначала — «щекоть. . . успе», «русичи. . . поля чрьлеными щиты прегородиша», потом — «потопташа поганяя плъки», а в результате «начаша мосты мстити по. . . грязивымъ мѣстомъ. . . всякими узорочьи. . .» (46—47). Соответствуют многие элементы. Наиболее специфично упоминание мостов по грязи: «мосты. . . по. . . грязивымъ мѣстомъ» — «зарязе. . . по мосту». Этот эпизод не отразился ни в «Задонщине», ни в «Сказании о Мамаевом побоище», ни в других памятниках. Специфично также упоминание чего-то червленого в поле: «поля чрьлеными» — «поле. . . очервленишася». Менее точные и менее специфичные соответствия показательны в комплексе — упоминание о сне: «щекоть. . . успе» — «воем. . . спящем»; упоминание потоптавших и утопших (слова одного корня): «потопташа» — «утопшими»; упоминание полков: «поганяя плъки» — «полки руския»; упоминание узорочья: «всякими узорочьи» — «велми узорочьи». В целом соответствие отрывка «Слова» и эпизода «Казанской истории» кажется несомненным.

¹⁰ См., например: А д р и а н о в а - П е р е т ц В. П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л., 1968. С. 96.

Сон Святослава отразился, хотя и слабо, в «Казанской истории». В 62-й главе рассказывается о двух снах — казанского царя и казанского сеита: «В. . . ночь. . . виде сон страшен сам про себе казанский царь. Легшу ему с печалию. . , яко взыде. . . месяц. . . темен. . . Другий же месяц. . . яко крылат, полете. . . В ту же ночь сеит казанский сон же виде, яко стекошася. . . пардуси. . .» (130). Соответствующий, довольно длинный отрывок из «Слова о полку Игореве» содержит такие фразы: «А Святъ-славъ мутень сонъ видѣ. . . Си ночь. . . съ трудомъ смѣшено. . . Се бо два сокола слѣтѣста. . . Уже соколома крыльца припѣшали. . . Два мѣсяца. . . тьмою ся поволокоста. . , прострошася Половци, аки пардуже гнѣздо» (50—51). Не только мотивы сходны (сны, их истолкование, два месяца), но и лексика: «мутень сонъ видѣ. . . си ночь» — «в. . . ночь. . . виде сон страшен»; «съ трудомъ» — «с печалию»; «слѣтѣста. . . крыльца» — «крылат, полете»; «мѣсяца. . . тьмою ся поволокоста» — «месяц. . . темен»; «пардуже» — «пардуси». Этот специфичный подбор элементов мог перейти только из данного отрывка «Слова о полку Игореве» (сон Святослава не использован ни «Задонщиной», ни «Сказанием о Мамаевом побоище»).

Мелкие отголоски «плача» Ярославны обнаруживаются сразу в трех местах «Казанской истории» — в главах 40-й, 52-й и 72-й. Все это три женских «плача» — казанской царицы, русской царицы и казанских жен. Прямые источники «плачей» известны — «Повесть о взятии Царьграда» Нестора-Искандера, «Повесть о житии Дмитрия Донского», «Хронограф», а также троицкое сочинение середины XVI в. о взятии Иваном Грозным Казани.¹¹ Но есть незамеченные исследователями соответствия «Слову о полку Игореве». Во всех «плачах» «Казанской истории» упомянуты летящие птицы. О «плаче» казанских жен сказано: «И аще бы им мочно птицею. . . летети. . .» (144). Русская царица плачет: «. . .кая птица. . . прилетет. . . возвестити ми. . .» (118). Казанская царица тоже плачет: «Увы мне, где ныне возму птицу борзолетную. . .» (102). Мотив повторяется одинаковый, хотя слова различаются, — вероятное соответствие словам Ярославны: «Полечю. . . зегзицею. . .» (54). Правда, в «плаче» жен «Задонщины» также упоминаются птицы, но поющие, а не летящие, — о полете их тут не говорится (образ летящих птиц в «Задонщине» и «Сказании о Мамаевом побоище» применяется только к воинам, а не к женщинам).¹² Нет мотива летящих птиц и в «плачах» иных памятников.¹³

В «плачах» «Казанской истории» наблюдаются и такие специфические лексические соответствия «плачу» Ярославны, которые отсутствуют в «Задонщине», «Сказании о Мамаевом побоище» и троицком сочинении о казанском «взятии». «Казанская история»: «. . .и облачахуся в трисветлая своя одеяния. . .» (144). «Плач» Ярославны: «Свѣтлое и тресвѣтлое слънце» (55). Перекликаются специфические слова «тресвѣтлое» и «трисветлая». «Казанская история»: «. . .орудие. . . непредкньовенно да исправится

¹¹ См.: Орлов А. С. 1) О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики. С. 15—16; 2) Героические темы древней русской литературы. С. 125; 3) История русской литературы. М.; Л., 1945. Т. 2, ч. 1. С. 467, 469 (раздел написан А. С. Орловым). См. также: Насонов А. Н. Новые источники по истории казанского «взятия». С. 14.

¹² Наблюдения над соответствующими параллельными местами «Слова о полку Игореве», «Задонщины» и «Сказании о Мамаевом побоище» см.: Дмитриев А. Р. П. 1) Взаимоотношение. . . С. 205—206; 2) Приемы редакторской правки книгописца Ефросина: (К вопросу об индивидуальных чертах Кирилло-Белозерского списка «Задонщины») // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. . . С. 287—288; Творогов О. В. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». // Там же. С. 306; Дмитриев Л. А. Вставки из «Задонщины» в «Сказании о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений // Там же. С. 427—429; Демкова Н. С. Заимствования из «Задонщины» в текстах Распространенной редакции «Сказании о Мамаевом побоище» // Там же. С. 468—470.

¹³ См., например: Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития: (Обзор редакций и тексты). М., 1915. Прилож. XI: Плач великой княгини по мужу. С. 157—163.

ему. . . да престанут от. . . туги» (118—119). «Плач Ярославны: «. . . тугою имь тули затче» (55). Перекликаются «тугою» — «от туги»; «тули затче» — «орудие. . . непредкньновенно» («заткнуть» и «предткнуть» — слова одного корня). В «Казанской истории»: «. . . птицу борзолетную, глаголюще языком человеческим, да послю. . . ко отцу моему. . .» (102). В «Слове»: «Полечю, рече, зегзицею. . . а быхъ не слала къ нему. . .» (54—55). Перекликаются «бахъ. . . слала къ нему» — «да послю. . . ко отцу моему»; «рече» — «глаголюще». Сопоставления показали, что по меньшей мере 12 эпизодов «Слова о полку Игореве», в том числе почти все минорные эпизоды «Слова», отвергнутые «Задонщиной», отразились в «Казанской истории» (чаще в 10—26-й главах и реже — в 40—84-й).

Теперь попытаемся выяснить, в каком виде «Слово о полку Игореве» было использовано автором «Казанской истории». Рассмотрим три варианта.

Первый вариант. Если бы автор «Казанской истории» пользовался непосредственно списком «Слова» или наизусть хорошо помнил его, то даже при переработке фразеология «Слова» отразилась бы значительно — как в «Задонщине». Кстати, именно так отразились другие памятники в «Казанской истории», в том числе древние — «Повесть временных лет», «Сказание о Борисе и Глебе», «Повесть о разорении Рязани Батыем» и др. Соответствующие отрывки узнаваемы. А вот «Слово» отражено слишком бедно, скупо, дробно. Значит, автор «Казанской истории» не помнил «Слова» отчетливо, тем более не имел его текст перед собой.

Второй вариант. Если бы автор «Казанской истории» лишь смутно помнил когда-то читанное «Слово о полку Игореве», то он употреблял бы лишь отдельные яркие выражения, запавшие в память, но вряд ли отражал бы второстепенные элементы эпизодов. Однако многочисленные соответствия в эпизодах как раз типичны для «Казанской истории» и «Слова о полку Игореве», и связь текстов не похожа на результаты отдаленного припоминания.

Остается *третий вариант.* Автор «Казанской истории» мог не знать самого «Слова», а переработал не дошедший до нас памятник, отражавший «Слово о полку Игореве». Тогда в текст «Казанской истории» все-таки должны были проникнуть отголоски «Слова», но какие-то случайные, не мотивированные, ослабленные и раздробленные: не эпизод в целом, а изолированные его части; не связные выражения из эпизода, а цепочки отдельных слов (вероятно, так же, как отголоски «Слова» через «Задонщину» проникли в «Сказание о Мамаевом побоище»).

Что это был за источник «Казанской истории»? Ничего определенного утверждать нельзя: он появился до 1564—1565 гг. (времени создания «Казанской истории»), использовал «Слово о полку Игореве» (но не так, как «Задонщина»), а до нас не дошел.

В научной литературе уже высказывалось предположение о не дошедшем до нас сочинении конца XIV в., в котором использовалось «Слово о полку Игореве». А. А. Шахматов условно назвал этот памятник «Словом о Мамаевом побоище». Предполагается, что автором «Слова о Мамаевом побоище» являлся Софоний и что затем его сочинение было использовано «Задонщиной» и «Сказанием о Мамаевом побоище».¹⁴ Не это ли сочинение привлек и автор «Казанской истории»?

Специальное исследование потребуется для выяснения вопроса о влиянии собственно «Задонщины» на «Казанскую историю». Мы ограничимся только несколькими наблюдениями. В 59-й главе «Казанской истории» говорится: «И быша убиения человеческая велика, и кровми полиася

¹⁴ См.: Дмитриева Р. П. Были ли Софоний Рязанец автором «Задонщины»? // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 18—25; Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище». СПб., 1906 // Отчет о двенадцатом присуждении императорскою Академиею наук премий митрополита Макария в 1907 году. СПб., 1910. С. 180—192.

варварская земля; блата, и дебри, и езера, и реки намостишася черемскими костми» (127). В «Слове о полку Игореве»: «Чръна земля подъ копыты, костми была посѣяна, а кровию поляна» (48). В «Задонщине»: «Черна земля под копыты, а костми татарскими поля насѣяша, а кровию ихъ земля пролита бысть» (538, ср. 543, 549, 553). Есть это место и в некоторых списках «Сказания о Мамаевом побоище». ¹⁵ Обратим внимание на глагольные формы. Для «Слова о полку Игореве» индивидуально причастие «поляна». Для «Задонщины» в обоих изводах характерно иное причастие — «пролита». В «Сказании о Мамаевом побоище» изменения продолжались дальше — «улита», «льющеся», «льется». Глагол «полияся» в «Казанской истории» ближе всего к причастию «поляна» в «Слове о полку Игореве». Но в Кирилло-Белозерском списке «Задонщины» употреблена форма «кровьми полиано» (549) — форма, восходящая непосредственно к «Слову о полку Игореве» или же к архетипу «Задонщины». ¹⁶ Значит, полностью исключить влияние «Задонщины» все-таки нельзя.

В «Казанской истории» четырежды использовано место, соответствующее одному из начальных эпизодов «Слова» — о подготовке Игоря к походу. В 11-й главе сказано: «И наполнився всякого добра. . . и вознесся сердцем, и возгордеса умом. . . и крепости ему никакия имуща» (52—53). Соответствующий эпизод «Слова»: «. . . истягну умъ крѣпостию своею и поостри сердца своего мужествомъ, наплънився ратнаго духа. . .» (44). То же в «Задонщине»: «. . . истезавше ум. . . крепостью и поостриша сердца. . . и наполнися ратнаго духа» (536, ср. 541, 548, 551). В «Сказании о Мамаевом побоище» нет этого места. Однако точно определить, «Слову» или «Задонщине» соответствует «Казанская история», трудно. В 10-й главе «Казанской истории» употреблены следующие выражения: «Он же . . . ожесточив сердце свое. . . и господином называше великаго князя. . . надеяся на бога и на. . . умение свое ратное» (52). «Задонщина»: «. . . помолися богу. . . и поостриша сердца свои. . . и наполнися ратнаго духа. . . и помянуша. . . великаго князя. . .» (536, ср. 541, 547, 548, 551). Соответствия: «помолися богу» — «надеяся на бога», «помянуша. . . великаго князя» — «называше великаго князя». В данном случае «Казанская история», пожалуй, ближе к «Задонщине», чем к «Слову о полку Игореве». Затем в главе 77-й «Казанской истории» читаем: «. . . послужите. . . всею крепостию вашею. . . и поминаеми будут. . .» (148). В «Слове»: «. . . истягну умъ крѣпостию своею» (44). Однако и здесь у «Казанской истории» больше соответствий с «Задонщиной»: «. . . истезавше. . . крепостью. . . и помянуша. . .» (536, ср. 541, 548, 551).

Наконец, в 80-й главе «Казанской истории» встречается еще одно выражение из того же эпизода: «. . . воеводы великаго полка. . . наполнишася духа храбра. . . Царь же. . . ярости наполнися. . . вопиаше воеводам. . .» (150). В «Слове»: «. . . наплънився ратнаго духа» (44). «Задонщина»: «. . . и наполнися ратнаго духа, оставиша собѣ храбрыя воеводы. . .» (536, ср. 541, 548, 551). Соответствие как будто в пользу «Задонщины», только «Задонщина» и «Казанская история» упоминают здесь воевод.

Приведенные отрывки из «Казанской истории» больше тяготеют к «Задонщине», чем к «Слову». Однако лексические соответствия «Задонщине» настолько дробны, что прямое ее воздействие на «Казанскую историю» сомнительно. Вероятно, они восходят к общему источнику — не к сочинению ли Софония?

¹⁵ Наблюдения над соответствующими местами в «Слове о полку Игореве», «Задонщине» и «Сказании о Мамаевом побоище» см.: Дмитриева Р. П. Взаимоотношение . . . С. 230—234; Творогов О. В. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». С. 302, 327; Дмитриев Л. А. Вставки . . . С. 414, 438; Демков А. Н. С. Заимствования из «Задонщины» в текстах Распространенной редакции «Сказания о Мамаевом побоище». С. 465—466.

¹⁶ См.: Дмитриева Р. П. Взаимоотношение . . . С. 210—237, 242—263; Творогов О. В. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». С. 302—312.

В. И. СТАВИСКИЙ

Мировоззрение автора «Слова о полку Игореве» и культура его времени*

«Слово о полку Игореве» — оригинальное, новаторское произведение. Этим до некоторой степени объясняется тенденция к обобщающим оценкам «Слова» в истории древнерусской литературы и культуры вообще. «Слово» не противоречит своей эпохе, не опровергает сложившихся представлений о ней,¹ но на современном этапе его изучения этого явно недостаточно. Задача заключается в том, чтобы, выяснив особенности преломления в «Слове» характерных черт его эпохи, расширить наши представления о самой эпохе и о месте в ней «Слова». Большое значение в этом принадлежит решению вопроса о философской стороне мировоззрения автора этого произведения.

Несомненно, что важнейшей «санкцией» в становлении феодальных отношений на Руси, основной духовной силой в становлении древнерусского раннефеодального государства выступала христианская религия с ее отвлеченной по форме, но по сути очень практичной философией, богатой многовековой культурой, прочной церковной организацией. Все памятники древнерусской письменности в той или иной степени пропитаны духом христианского мировосприятия. В этом аспекте «Слово» оказывается одиноким.

Большинство исследователей «Слова» привлекало в нем как раз то, что выделяет это произведение из контекста древнерусской культуры — широкое включение в описание языческих представлений, спокойное к ним отношение, более того, их поэтизация. Чрезмерная увлеченность этой стороной художественного мира «Слова» неизбежно вела к головокружительному выводу о том, что автор «не только не цитирует ни одной церковной книги, не только отдает предпочтение языческим образам, но он мыслит иначе, чем все церковные писатели его эпохи».² Создавалась иллюзия, что «Слово» как бы приоткрывало перед нами духовный мир древнерусского человека, наполненный языческими божествами, искусственно скрываемый от нас церковной письменной традицией. Ведь даже писатели, не связанные с церковью, как Владимир Мономах или Даниил Заточник, щедро уснащали свои произведения христианскими сентенциями и цитатами, а лексически наиболее близкое «Слову» произведение — Галицко-Волынская летопись — в целом проникнуто духом православного божественного предопределения.³ Причину такой исключительности «Слова о полку Игореве» исследователи объясняли либо фольклорностью произ-

* Настоящая статья печатается в порядке обсуждения (Ред.).

¹ Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. 2-е изд. Л., 1985. С. 38.

² Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 397.

³ Черепнин Л. В. Летописец Даниила Галицкого // ИЗ. М., 1941. № 12. С. 233; Ставиский В. И. Про джерела філософсько-історичної концепції «Слова о полку Ігоревім» // Філософська думка. 1986. № 1. С. 70—72.

ведения, либо отражением в нем общеевропейского возрождения язычества в XII в.⁴

Насыщенность «Слова» языческими образами сейчас расценивается как отражение двоeverного комплекса древнерусской культуры, языческие элементы которого приобрели в произведении художественную ценность.⁵

Значительно меньше внимания уделялось второй стороне этого комплекса — христианским идеям. Констатация того факта, что автор «Слова» несомненный христианин, что он воспитан уже на «новой», христианской культуре,⁶ мало о чем говорит как в плане определения места «Слова» в древнерусском литературном процессе, так и в вопросе о мировоззренческих основах его автора.

Между тем, как известно, К. Маркс подчеркивал в целом христианский характер «Слова»: «Вся песнь носит героически-христианский характер, хотя языческие элементы выступают еще весьма заметно».⁷ Попытки истолковать эти слова в плане характеристики идейно-политического содержания произведения, не включая сюда определенный диапазон художественных средств, функционирующих в рамках христианской культуры, нельзя признать удовлетворительными.⁸

В. Н. Перетц в серии своих работ, посвященных «Слову», убедительно показал, что автор «творил в пределах стиля», данного определенной литературной традицией, коренящейся в «библейской письменности», и что мнение исследователей «об обилии народно-поэтических образов, заключающихся в „Слове“, — значительное преувеличение».⁹ По мнению исследователя, влияние христианской письменной традиции на «Слово» сказалось не только в отношении языка, но и «в области воззрений и верований», т. е. определило особенности мировоззрения его автора.¹⁰ В связи с этим весьма малоубедительно выглядит попытка ограничить художественную систему «Слова» языческой символикой, а тем более признать за ней какую-либо положительную ценность.

Это достаточно убедительно подтвердило исследование И. Клейна. Автор не только доказал связь «Слова» с современной ему христианской письменной традицией, а именно «с апокалиптическим видом эсхатологической литературы», и зависимость важных элементов его художественной системы от этого вида книжности («дева-Обида», Див, космические события-предзнаменования, княжеские распри и пр.). Было продемонстрировано влияние этого устоявшегося круга христианских представлений на характер трактовки злободневных событий 80-х гг. XII в.¹¹ Хотя ис-

⁴ Лихачев Д. С. 1) «Слово» и особенности русской средневековой литературы // «Слово о полку Игореве» — памятник XII в. М.; Л., 1962. С. 310—312; 2) «Слово о полку Игореве» и культура его времени. С. 25.

⁵ Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и скептики // Великое наследие: Классические произведения Древней Руси. М., 1975. С. 355; Успенский Б. А. К проблеме христианско-языческого синтеза в истории русской культуры // Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979. С. 59—64.

⁶ Кусков В. В. Связь поэтической образности «Слова о полку Игореве» с памятниками церковной и дидактической письменности XI—XII вв. / «Слово о полку Игореве»: Памятники литературы и искусства XI—XVII вв. М., 1978. С. 77; Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. С. 81.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 29. С. 16.

⁸ Орлов А. С. Переписка Маркса и Энгельса по поводу «Слова о полку Игореве» // Памяти Карла Маркса: Сб. статей к 50-летию со дня смерти. Л., 1933. С. 641—645.

⁹ Перетц В. Н. 1) К изучению «Слова о полку Игореве». Л., 1926; 2) «Слово о полку Игореве» и исторические библейские книги // Сб. в честь А. И. Соболевского. Л., 1928; 3) «Слово о полку Игореве» и древнеславянский перевод библейских книг // ИпОРЯС. Л., 1930. Т. 3, кн. 1. С. 308—309.

¹⁰ Перетц В. Н. К изучению. . . С. 74.

¹¹ Клейн И. «Слово о полку Игореве» и апокалиптическая литература: (К постановке вопроса о топике древнерусской литературы) // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 104—113.

следователь специально не старался установить влияние отдельных апокалиптических памятников на «Слово», это ему в значительной мере удалось. Оказалось, что автору «Слова» были известны все произведения эсхатологической литературы, переводы которых были сделаны на Руси в XI—XII вв.

Особенно интересно то, что, по мнению И. Клейна, трактовка княжеских раздоров в «Слове» восходит к «Слову о двенадцати снах Шахайши», древнейший список которого датируется XV в.,¹² что могло бы поставить под сомнение правомочность его выводов. Однако нами было показано, что «Слово о снах» было использовано галицким летописцем в середине XIII в.,¹³ что подтверждает факт наличия перевода этого произведения уже в древнее время.

Кроме того, появилась возможность объяснить очевидную стилистическую близость «Слова» галицкой литературной традиции использованием автором «Слова» и галицким летописцем достаточно широко распространенного в Древней Руси сборника типа Архивского.¹⁴ Провиденциалистская направленность обоих произведений, их лексическая близость к переводным историческим трудам греческих авторов, входивших в состав компилятивного хронографа, интерес к русской истории, в частности, использование автором «Слова» текста Повести временных лет, находят объяснение в составе этого сборника, включавшего Толковый Апокалипсис, Хронограф и Русский летописец.¹⁵

Причем в обоих случаях мы обнаруживаем идентичный характер следования древнерусской книжной традиции, свободный от прямого текстуального заимствования. В сознании авторов родственные картины облеклись стереотипными выражениями хорошо знакомого книжникам литературного рода. «Знакомство это, — отмечал А. С. Орлов, — не предполагает большой начитанности и облегчалось тем, что на Руси искони существовал обычай соединять однородные произведения в сборники».¹⁶ Это согласуется с мнением исследователей о светскости автора «Слова» и галицкого летописца лишь по характеру воспитания, а не деятельности, связанных с религиозной культурой.

Исследователями неоднократно подчеркивалось центральное место в «Слове» «сна Святослава», причем еще В. Н. Перетц предлагал рассматривать его в апокалиптическом плане.¹⁷ В этом аспекте важное значение приобретает и толкование сна приближенными Святослава — неизменный и первостепенный атрибут эсхатологической литературы. Тревожные образы сна киевского князя бояре связывают с фактом поражения на Каяле, последствия которого резюмируются словами: «Уже снесся хула на хвалу. Уже тресну нужда на волю, уже врьжеса Дивь на землю». Их буквальное понимание в смысле «уже бесчестие перемогло славу, уже насилие ударило на свободу» оставляет загадочными причины оптимизма толкователей («А мы уже, дружина, жадни веселия») и уж совсем не способствует раскрытию образа Дива.

Между тем в «Откровении Мефодия Патарского» сказано, что пришествию антихриста («иже наричетсе дивый осел») предшествуют четыре «болезни» — «погыбѣль и пагоуба, тля и опустение».¹⁸ Понятие «погыбѣль»

¹² Там же. С. 113.

¹³ Стависький В. І. Про джерела. . . С. 70—72.

¹⁴ ЦГАДА. Архив М-ва иностр. дел, № 279—658. XIII в.

¹⁵ Лихачев Д. В. Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского // ТОДРЛ. Л., 1947. Т. 5. С. 53.

¹⁶ Орлов А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М., 1902. С. 1.

¹⁷ Перетц В. Н. К изучению. . . С. 42.

¹⁸ Истрин В. М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской письменности // ЧОИДР. М., 1897. Кн. 4. С. 93.

оказывается синонимичным понятию «нужда» в смысле бедствия, разорения. Как гибель, несчастье, бедствие, но уже по причине колдовства, богохульства, т. е. нарушения норм христианской морали, понималась в древнерусской литературе «пагуба», и в этом плане ей соответствует употребленная в «Слове» «хула».¹⁹ Вероятность такой замены синонимичных понятий автором «Слова» подтверждает проанализированный И. Клейном пример появления в «Слове» имени-характеристики антибогородицы Обида, как синонима «гибели-несправедливости».²⁰ Автор не просто констатирует постигшие Русь бедствия, а посредством художественного образа дает оценку действиям Игоря по шкале христианских ценностей, озаренных необратимой перспективой «второго пришествия», в подготовке которого какая-то роль отведена Диву.

Трактовка образа Дива в научной литературе отличается совершенно очевидной неопределенностью. В «Словаре-справочнике» он характеризуется как «какое-то мифическое или реальное существо». Д. С. Лихачев считает его «каким-то языческим божеством». С. В. Шервинский считает его удобным — «представителем Русской земли», отмечая при этом важную роль удода в переднеазиатских культах.²¹ Между тем А. Н. Веселовским была отмечена определенная общность образов Дива и Обиды.²² Эта идея была развита И. Клейном, который показал, что в образе Дива слились два апокалиптических представления: о птице, призывающей умерших к «страшному суду», и о силах зла, о безбожных народах, которые мучают христиан в «страшное время».²³

С другой стороны, этимология Дива, по мнению большинства исследователей, соответствует персидскому *dēv*, *div* — «злой дух», восходящему к санскритскому *dēva* — «бог».²⁴ О. Н. Трубочев отрицает возможность сведения слова *divъ*, как первоначального славянского названия бога, к персидскому *dev* на том основании, что в их значении нет ничего общего.²⁵ Однако древнерусские памятники письменности донесли до нас ряд выражений, в которых слово «дивъ» употреблено именно в смысле «злой дух»: «Дивъ сего баше обуяль» (Житие Андрея Юродивого); «Въ дивъ преврати» (Мучение святого Власия, по списку XV в.); «Дивее дива, кто поймаеть жену злообразну прибытка ради» (Слово Даниила Заточника).²⁶

В Статуте Казимира Великого упомянут «морьский дивъ».²⁷ В христианской традиции сильно выраженные чувства считались вызванными злой, дьявольской силой. В «Слове» Див «кличет» и «врежается», что никак не может быть признаком христианского поведения. Причем употребление глагола «врежати» в значении повреждать, служить причиной гибели вполне естественно по отношению к «сыну погибели» (девы-Обиды «Слова»), «дивому ослу», т. е. антихристу, которому Изборник 1073 г., очевидно, не без оснований, приписывает «дивеса лъжая». Таким образом, у нас есть основания утверждать, что в «Слове» в образе Дива представлен антихрист, роль которого в христианстве совпала с ролью «злого духа»

¹⁹ См.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893. Т. 2. Стб. 475, 1027; Т. 3. Стб. 1420.

²⁰ Клейн И. «Слово о полку Игореве»... С. 110.

²¹ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова. Л., 1967. Вып. 2. С. 29; Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени... С. 28; Шервинский С. В. «Дивъ» в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве»: Памятники литературы и искусства XI—XVII веков. М., 1978. С. 137—138.

²² Веселовский А. Н. Новый взгляд на «Слово о полку Игореве» // ЖМНП. 1877. Авг. С. 267—306.

²³ Клейн И. «Слово о полку Игореве»... С. 111.

²⁴ Менгес А. Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979. С. 193.

²⁵ Этимологический словарь славянских знаков / Под ред. О. Н. Трубочева. М., 1978. Вып. 5. С. 35.

²⁶ Срезневский И. Т. 1. Стб. 664.

²⁷ Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. Київ, 1977. Т. 1. С. 299.

славянской мифологии, что при вытеснении последнего способствовало перенесению его черт на христианского антигероя.

Появление антихриста и сопутствующих ему «болезней» в христианской концепции исторического процесса представляется лишь очередным этапом в протекании исторического времени. Однако трактовка этого события боярами Святослава происходит в рамках циклизма языческого мирозерцания. «Для средневекового отношения к времени характерно то, — пишет А. Я. Гуревич, — что прошлое как бы постоянно возвращается и тем придает солидность, весомость, непреходящий характер настоящему».²⁸ Этим объясняется оптимизм бояр, спокойно воспринимавших воскрешение «времени Бусова» в результате необдуманных действий Игоря.

Такая трактовка событий, соединяющая мифологическое циклическое и христианское историческое время, была свойственна средневековью. Под воздействием христианства архаическое отношение ко времени не исчезло совсем — оно было лишь оттеснено на задний план, как бы в нижний пласт народного сознания. При этом оно сохранило чрезвычайную устойчивость как на уровне ученых теорий, так и в народной среде. А в той мере, в какой время циклично и мифологично, оно ориентировано на прошлое,²⁹ которое, как мы видели, не вызывало опасения у приближенных князя Святослава.

Между тем сам князь придерживался иного взгляда на происходившие события, осмыслившиеся им в духе христианского провиденциализма. Свое «злато слово» он завершает характерной фразой: «Нъ се зло — княже ми не пособие: наниче ся години обратиша». Д. С. Лихачев переводит заключительные слова как «плохие времена наступили», так как «наничные», «изнаночные» времена всегда плохи.³⁰ «Наничный» мир — это идеальный мир, но вывернутый наизнанку, это мир зла. Но он имеет смысл лишь постольку, поскольку признается конечность времени, а значит человеческой истории, которая в определенных моменты как бы «прорывается», «превращается» в вечность.³¹ Несомненно, именно такую перспективу неизбежности второго пришествия имел в виду Святослав. В этом аспекте особую социально-политическую остроту приобретает оценка киевским князем действий Игоря: «непособие» старейшему в Русской земле князю в организации ее защиты от «поганых» расценивается как один из признаков приближающегося конца человеческой истории, наряду с космическими знаменами, княжескими распрями и набегами «поганых».

Авторский текст, продолжающий «злато слово» и развивающий идею необходимости княжеского единства, свидетельствует о том, что автор «Слова» разделял оценку, данную Святославом происходившим событиям. Автор резюмирует свои слова припевкой, заимствованной им у Бояна: «Ни хитру, ни горазду, ни птицу горазду суда божия не минути». Эсхатологическая направленность этой припевки очевидна, однако загадочный образ «гораздой» птицы остается нераскрытым. Его источник обнаруживается в «Слове святого Ипполита об антихристе», в котором дается толкование на библейскую притчу о куропатке, которая высживает чужих птенцов, с тем чтобы их присвоить, но в результате будет ими покинута: «Не вредит убо и хытрость живота (т. е. птицы) съказати. . . Тою притьчею подобно потребова пророкъ о антихристъ, иже призывавъ к себе человечество, чужая своя творити хотя, избавление тыщетьно обѣщавает, сам ся спасти не могыи».³²

²⁸ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд. М., 1984. С. 157.

²⁹ Там же. С. 114, 156—157.

³⁰ Лихачев Д. С. Смех как мировоззрение // Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 20.

³¹ Гуревич А. Я. Категории. . . С. 120.

³² Невоструев К. И. Слово святого Ипполита об антихристе в славянском переводе по списку XII в. М., 1868. С. 84—86.

Содействие Игоря наступлению «наничных» времен нигде в «Слове» не сопровождается отрицательной оценкой его личности, не ставит под сомнение его личных достоинств. Более того, и Святославом, и автором он оценивается весьма положительно, что противоречит порицанию его действий и позволяет предполагать, что последние рассматривались в отрыве от личности князя.

Теологическая философия истории сводила поиск смысла истории к обнаружению бога. Всякий исторический акт рассматривался как акт божественного вмешательства в жизнь человеческую, а значит, поиск какой-либо закономерности был невозможен, как невозможно было познание божьего разума. История виделась пронизанной единым смыслом и руководимой трансцендентным замыслом, с финалом в виде драмы спасения, на чем и должно было сосредоточиться внимание верующих. Это дает основание предполагать, что и Святославом, и автором «Слова» Игорь рассматривался как орудие божественного провидения.

В пользу этого свидетельствует описание бегства Игоря из половецкого плена, начинающееся словами: «Игореви князю богъ путь кажетъ». То, что это не простой фразеологизм, становится очевидно из перечисления признаков, сопутствующих принятию Игорем решения, которые нельзя расценивать иначе, как указывающие на проявление воли бога: «Прысну море полунощи, идуць сморци мъглами». Такие же признаки-предзнаменования сопутствовали походу Игоря, но князь не обратил на них внимания. По причине божественного пощущения «спала князю умъ похоти, и жалость ему знамение заступи». Ум его оказался недоступен для восприятия божественной благодати, за что Игорь жестоко поплатился сам и догнал себя беспокорство наиболее прозорливым из своих современников. Но в нижней точке своего падения Игорь получает счастливую способность познать веление бога и согласовать с ним свои действия.

Описание мытарств Игоря Святославича, его взлетов и падений дано в духе христианского осмысления земной жизни, человеческой истории как арены борьбы между добром и злом. Эти силы «коренятся в самом человеке, и для торжества добра и в его душе и в истории необходима свободная добрая воля человека. Из признания в человеке внутренней свободы выбора и проистекает неустрашимая драматичность христианского восприятия времени и истории».³³ Исторические события, описываемые в «Слове», представляются ареной соперничества христианского и нехристианского поведения, мира «наничного» и идеального. В «Слове» происходит постоянное чередование воинских описаний, насыщенных чертами нехристианского поведения, с чисто христианскими представлениями о божественной предопределенности событий: «Съдлай, брате, свои бръзьи комони. . . себѣ чти, а князю славѣ»; «. . . Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ от него тьмою вся воя своя прикрыты»; «. . . луце жь бы потяту быти, неже полонену быти. . . да позримъ синего Дону. . . и поѣха по чистому полю»; «Солнце ему тьмою путь заступаше. . . Мъгла поля покрыла»; «. . . потопаща поганая плъкы половецкыя. . . править к Дону великому»; «. . . велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдають. . . трепещуть синии млънии».

Ряд таких противопоставлений можно было бы продолжить: все произведение как бы распадается на два ряда признаков определенного типа мышления и поведения, сосуществование которых коренится в исконном дуализме русского культурного сознания.³⁴

При таком взгляде на художественную систему «Слова» становится понятна роль в ней отдельных образов, а также ценностная ориентация и

³³ Гуревич А. Я. Категории. . . С. 123.

³⁴ Успенский Б. А. К проблеме христианско-языческого синкретизма в истории русской культуры // Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979. С. 59, 64.

идейная позиция автора. Так, насыщенность «плача» Ярославны языческими образами не может служить обоснованием успешного побега Игоря, описание которого стоит сразу за «плачем». Языческая среда «плача» резко контрастирует христианскому провиденциалистскому духу предшествующего ему «золотого слова» и следующего за ним описания побега, что может рассматриваться как олицетворенное соперничество двух сил. По мысли автора, не заступничество сил природы, которые не могут играть самостоятельной роли и служат лишь атрибутами проявления божественной воли, а внутренняя перестройка самого Игоря, которая определенно подчеркнута в летописной Повести (по Ипатьевской летописи), явилась залогом его освобождения.

В «Слове» нет и намека на религиозный дуализм. Православные ценности находятся в каноническом иерархическом соотношении. На вершине иерархии — спасение души, благочестие, нравственные заслуги, а внизу телесные страсти, безмерная гордость, воинская доблесть. Борьба между этими двумя ярусами является постоянной средой функционирования человеческой личности и всего социального организма. Причем если вышние ценности остаются неизменными, то низменное, как было показано Д. С. Лихачевым и А. М. Панченко, столь же изменчиво, как изменчива человеческая природа.³⁵ В «Слове» это нехристианское поведение «обнаруживает явный языческий субстрат, но совсем не сводится только к языческим формам».³⁶ Язычество выступает лишь как наиболее распространенная форма проявления «наничного» мира, чуждого миру христианскому, идеальному, но без которого жизнь попросту невозможна.

В человеке сосуществуют душа и тело, светлое и темное, божеское и сатанинское начала. В зависимости от ситуации то одно, то другое превалирует, что накладывает отпечаток на весь облик человека, а если этот человек занимает высокое социальное положение, — то и на судьбу зависимых от его действий людей. Такое дуалистическое отношение к миру обуславливало исключительный драматизм переживания исторических событий, именно потому, что они все еще оставались историческими. Как показал Д. С. Лихачев, в «Слове о полку Игореве» нынешние бедствия — это антимир, получивший возможность временного преобладания над миром упорядоченным, что вызывает острую боль, острое сочувствие.³⁷ Напряженная трагичность переживания борьбы добра и зла, исход которой затрагивал жизненные интересы многих людей, не могла быть реализована через смех, так как неупорядоченный мир обладал большой долей реальности. В этом случае снятие напряжения осуществимо посредством катарсиса.

Д. С. Лихачевым было убедительно показано, что в основе самого сюжета «Слова» лежит трагическое умиротворение, сопровождающееся нравственным очищением героя. Причем, если в летописной Повести сильно подчеркнут катарсис Игоря Святославича, то в «Слове» он имеет социальную направленность, охватывая всю «Русскую землю», всех русских князей-современников.³⁸ Это заставляет думать, что применение трагического очищения в древнерусской литературе связано с двоеверием как феноменом дуализма русского культурного сознания.³⁹

Стержнем разворачивающейся в «Слове» трагедии является отсутствие единства древнерусского княжеского рода, что рассматривается как один

³⁵ Панченко А. М. Русская культура в канун петровских времен. Л., 1984. С. 64, 84 и др.

³⁶ Успенский Б. А. К проблеме христианско-языческого синкретизма. . . С. 59.

³⁷ Лихачев Д. С. Смех как мировоззрение. . . С. 45—46.

³⁸ Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. С. 266—267.

³⁹ Успенский Б. А. К проблеме христианско-языческого синкретизма. . . С. 59.

из атрибутов «изнаночного» мира. Традиционная поддержка русской церковью рода Рюриковичей, единство которого обеспечивало финансовые потребности константинопольского патриарха, во второй половине XII в. вступила в острый конфликт с новыми центробежными тенденциями в социально-экономическом и политическом развитии русских земель, приведшими к распаду правящего рода. Стремясь задержать этот процесс, с целью сохранения единства страны в корыстных интересах, церковь оценивает происходящие процессы как вызванные злой дьявольской силой, активно воскрешает дуалистическую концепцию, рассматривая в ее ракурсе происходящие события. К богу (в «Слове» — «къ святѣй богородици Пирогощей») через признание идеи единства — вот основной идейный стержень «Слова о полку Игореве». В реализации этой концепции в плане снятия психологического напряжения, возникающего ввиду явного несоответствия желаемого и действительного, заключается роль катарсиса.

Таким образом, мировоззрение автора «Слова о полку Игореве» отражает основные тенденции в идеологическом состоянии древнерусского общества второй половины XII в. Оценка им описанных событий дана в русле христианской исторической концепции, что определило и художественную структуру произведения. В «Слове» последовательно воплощается идея единства русского княжеского рода как первейшее условие восприятия божественной благодати. Языческие образы в «Слове» функционируют как признаки «изнаночного» мира, находящегося в постоянном конфликте с «правильным» христианским мировосприятием и поведением. Усвоение последнего облегчалось посредством применения катарсиса.

Глагол *подѣлится* в «Слове о полку Игореве»

В первом издании (далее П) и Екатерининской копии (далее Е) «Слова о полку Игореве» имеется фраза: «Мужаимѣся сами, преднюю славу сами похытимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ» (Е, 43; П, 27).¹ Представленная здесь конструкция *заднюю ся сами подѣлимъ*, демонстрирующая соединение возвратного глагола *подѣлиться* с винительным падежом прямого объекта, издавна вызывала сомнения и недоумение исследователей. М. А. Максимович в своем издании «Слова» заменил форму винительного падежа *заднюю* творительным падежом — *заднею*.² Эту конъектуру поддержали О. Огоновский³ и А. А. Потебня.⁴ По мнению Н. С. Тихонова,⁵ принятому современными издателями памятника,⁶ аккузативную форму возвратного элемента *ся* следовало бы заменить дативной — *си*: *заднюю си сами подѣлимъ*. А. И. Смирнов, утверждая, что «в сгоревшей рукописи было, несомненно, и *ся* и *заднюю*»,⁷ не привел никаких аргументов в пользу этого положения. Наконец, в «Словаре-справочнике „Слова о полку Игореве“» зафиксированы два варианта глагольной формы: *подѣлится* «произвести дележ, раздел» и *подѣлити* «разделить на части, распределить между кем-л.».⁸

Единственным ученым, пытавшимся доказать правильность написания, наблюдаемого в двух реально дошедших до нас источниках текста «Слова», был А. В. Попов. В своих «Синтаксических исследованиях» он на широком сравнительно-историческом материале проанализировал индоевропейские глагольные конструкции с коммодальным значением (действие, совершаемое для себя, в свою пользу) и сделал вывод, что в более древних языковых формациях возвратные глаголы указанной семантики (или, иначе говоря, косвенно-возвратные глаголы) могли присоединять винительный падеж.⁹ Однако А. В. Попову удалось обнаружить только один пример подобного употребления в древнерусском языке — именно процитированную форму из «Слова о полку Игореве».

В последние годы появился ряд работ, подтверждающих широкое использование аккузатива при глаголах с косвенно-возвратным значением

¹ Цитаты из «Слова» приводятся по изданию: Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. 484 с.

² Максимович М. Слово о пълку Игоревѣ, Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова // Украинаец. М., 1859. Кн. 1. С. 95.

³ Огоновский О. Слово о пълку Игоревѣ. Львов, 1876. С. 90.

⁴ Потебня А. А. Слово о полку Игореве: Текст и примечания // Филол. зап. Воронеж, 1878. Вып. 1. С. 100.

⁵ Тихонов Н. Слово о полку Игореве. М., 1868. С. 8.

⁶ См., например: Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 21; Воинские повести Древней Руси. Л., 1985. С. 32 и др.

⁷ Смирнов А. И. О «Слове о полку Игореве» // Филол. зап. Воронеж, 1878. Вып. 4. С. 107.

⁸ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Л., 1973. Вып. 4. С. 116—117.

⁹ Попов А. В. Синтаксические исследования. 1. Воронеж. 1881. С. 291.

в различных индоевропейских языках.¹⁰ В частности, И. А. Перельмутер отметил в древнегреческом языке сочетание *διενείμαντο τὴν ἀρχήν* «поделили между собой (=поделились) власть», разительно напоминающее приведенную выше древнерусскую конструкцию, и с полным основанием определил его как косвенно-возвратную форму с взаимным значением.¹¹

Анализ многочисленных памятников русской письменности XI—XVIII вв. показывает, что на протяжении этого периода в русском языке функционировало около 100 переходных возвратных глаголов, представленных более чем 1000 употреблений.¹² Среди них выделяется и небольшая группа глаголов, выражающих раздел или обмен имущества: *подѣлится, помѣнится, промѣнится, раздѣлится, размѣнится* (всего около 20 аккузативных конструкций).

Наиболее ранний пример винительного падежа при глаголе *подѣлится* «поделить между собой в собственных интересах» зафиксирован как раз в «Слове о полку Игореве». Позиция *ся*, находящегося перед глаголом и отделенного от него словом *сами*, явно свидетельствует о том, что в этом примере сохранена конструкция протографа XII в., которому, судя по всему, была в значительной степени присуща подвижность *ся* (в тексте «Слова» — 10 примеров отдельной постановки *ся* из 34—36, ср. рядом с анализируемой формой: «А чи диво *ся* братіе стару помолодити?» — П, 27; «. . на ниче *ся* години обратиша» — Там же). Если бы сочетание возвратного глагола с винительным падежом было особенностью только позднего списка «Слова», т. е. инновацией XVI в., возвратный элемент, вероятно, непосредственно примыкал бы к глаголу (ср. столкновение древнерусской нормы с характерной для XV—XVI вв. тенденцией к слиянию глагола и *ся*¹³ в известном примере: «Вежи *ся* Половецкїи подвизашася» — П, 40). Сохранение первоначального управления обусловливалось наличием аналогичных конструкций в различных памятниках древне- и среднерусского периодах (летописях, деловых текстах).

Прежде всего винительный падеж отмечен при рассматриваемых глаголах в псковских, двинских и обонежских грамотах XIV—XVII вв., например: «. . .розменишася. . . землю на Компе Юрьвицину» — ГрП, 48; «. . .разделишася Василь з братомъ своимъ. . . животъ и отчину отца своего» — ГВНП, 310; «. . .раздилишася Иванъ Петровичъ съ Есипомъ Терентьевымъ сыномъ землю» — ГВНП, 191; «. . .разделилися есми. . . деревню свою» — ГКЭ 1, 657.

Параллельно с возвратными глаголами в текстах постоянно употребляются их невозвратные корреляты, ср.: «. . .роздилишася. . . Максимовы дѣти земли и воды» — ГВНП, 234; «А то роздѣлиша собѣ братеникѣ по жеребью» — Там же; «. . .роздѣлиша промежь себе. . . землю и села» — Там же, 277. По-видимому, именно существование многочисленных конструкций типа «невозвратный глагол + различные предложно-падежные формы возвратного местоимения + винительный падеж» способствовало возникновению и распространению синонимичных им сочетаний с возвратным элементом. Компонент *ся*, обладающий весьма широкой семантикой, вбирал в себя все вариации взаимно-возвратного и коммодального значений и мог успешно заменять при глаголе различные местоименные формы.

Промежуточную ступень между невозвратными и возвратными глаголами составляли формы с энклитическим местоимением *си*, еще не превра-

¹⁰ См.: Генюшене Э. Ш. Рефлексивные глаголы в балтийских языках и типология рефлексивов. Вильнюс, 1983. С. 118—121.

¹¹ Перельмутер И. А. Общиневропейский и греческий глагол: Видо-временные и залоговые категории. Л., 1977. С. 153—154.

¹² См.: Крысько В. Б. Транзитивность возвратных глаголов в русском языке XI—XVIII вв. // Вестн. ЛГУ. 1984. № 2. С. 80.

¹³ См.: Никифоров С. Д. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. М., 1952. С. 17, 33.

тившиеся в единые лексемы, подобные западно- и южнославянским и балтийским (например, чеш. koupit si, латыш. porīrkties — букв. «купить-себе»), но уже отличающиеся от глагольных сочетаний с ударными формами возвратного местоимения (типа *купити себѣ*).

Итак, процесс образования аккузативных возвратных конструкций можно представить следующим образом:

1) невозвратный глагол + винительный падеж (*раздѣлиста* по Днѣпру Русскую землю — ЛЛ, 149);

2) невозвратный глагол + дательный падеж возвратного местоимения (в полной либо краткой форме)¹⁴ + винительный падеж (*трупя себѣ дѣляче* — П, 17; *раздѣлиша себѣ землю* — ЛьвЛ, 39; *разделиста си землю* по Днѣпру — ЕрмЛ, 20); позднее появляются предложно-падежные формы (*епитимию его раздѣляху на ся* — МЛ, 10; *рухлядь воеводцкую по себѣ роздѣлили* — НикЛ, 179);

3) возвратный глагол (*ся*) + винительный падеж (*разделися* а по Днепру Русскую землю — ВПЛ, 41; НиканорЛ, 25; *раздѣлишася. . . землю* — ГВНП, 328).

Употребление переходных возвратных форм в памятниках XII—XIV вв. и наличие аналогичных конструкций в других индоевропейских языках позволяет предположить, что к началу письменной истории аккузативные сочетания с глаголами типа *подѣлитися* уже утвердились в русском языке.

В то же время следует учитывать и такое обстоятельство, как распространенность винительного падежа при глаголах, обозначающих перераспределение собственности, в том числе при возвратных глаголах со значением уступки,¹⁵ ср.: «. . . намъ бы тѣхъ городовъ и волостей *половину* великому князю Александру *отступитися*» — Пол. д. 390; «*тѣ бѣ есѣ города. . . поступилса* государю нашему» — Шв. д., 401. По всей видимости, переходность косвенно-возвратных глаголов с взаимным значением в текстах среднерусского периода поддерживалась уже не только их исконной способностью к соединению с винительным падежом, но и влиянием конструкций типа *поступитися вотчину*, ср.: «*променилъ и поступилса. . . половину* пожни» — ГКЭ 2, 231.

Самые поздние примеры винительного падежа при глаголе *подѣлитися* зафиксированы в калужских актах второй половины XVII в., причем в очень сходных контекстах, что указывает, вероятно, на лексикализацию отмирающей конструкции: «. . . *поделлилися* мы. . . *животы свои и статки и дворы и лавки*» — А. калуж., 43; «. . . *поделился* я Корнѣй з братом своим. . . *животы свои и статки и двор* пополам» — Там же, 45, и т. д. Правда, в диалектном языке аккузативные сочетания с возвратными глаголами анализируемой группы сохраняются значительно дольше, о чем свидетельствуют отмеченные А. М. Селищевым в 1921 г. примеры из сибирских говоров, ср.: «. . . живот чаво был, *все разделилися*, только *портки* да *рубаху* не могым *разделитъся*».¹⁶

В целом рассмотренный материал дает основания утверждать, что конструкция из «Слова о полку Игореве» «*заднюю ся сами подѣлимъ*» отразила достаточно характерное как для древнерусского периода, так и для последующих этапов языкового развития использование винительного падежа при косвенно-возвратных глаголах с взаимным значением. Что же касается различных конъектур, предлагавшихся исследователями «Слова», то они, очевидно, не только противоречат общему показанию первого изда-

¹⁴ См.: Гадолина М. А. История форм личных и возвратного местоимений в славянских языках. М., 1963. С. 84.

¹⁵ Крысько В. Б. Транзитивные косвенно-возвратные глаголы в истории русского языка // Эволюция и предыстория русского языкового строя. Горький, 1984. С. 52.

¹⁶ Селищев А. М. Диалектологический очерк Сибири // Избр. тр. М., 1968. С. 289.

ния и Екатерининской копии, но и не учитывают своеобразие древнерусского грамматического строя, для которого переходность возвратных глаголов была совершенно естественна.

ИСТОЧНИКИ И ИХ СОКРАЩЕННЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- А. калуж. — Акты Калужские // Маркевич А. И. Калужские купцы Дехтеревы. Одесса, 1891.
- ВПЛ — Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26.
- ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
- ГКЭ 1—2 — Сборник грамот Коллегии экономии. Пг.; Л., 1922—1929. Т. 1—2.
- ГрП — М а р а с и н о в а Л. М. Новые псковские грамоты XIV—XV веков. М., 1966.
- ЕрмЛ — Ермолинская летопись // ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23.
- ЛЛ — Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. М., 1962. Т. 1.
- ЛьвЛ — Львовская летопись. Ч. 1 // ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 20, 1-я пол.
- МЛ — Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25.
- НиканорЛ — Никаноровская летопись // ПСРЛ. М., 1962. Т. 27.
- НикЛ — Патриаршая, или Никоновская, летопись // ПСРЛ. М., 1965. Т. 13.
- Пол. д. — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. СПб., 1882. Т. 1. (Сб. Рус. ист. о-ва; Т. 35).
- Шв. д. — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Шведским государством. СПб., 1910. Т. 1. (Сб. Рус. ист. о-ва; Т. 129).

З. К. ТАРЛАНОВ

Об одном способе объективизации повествования в «Слове о полку Игореве»

В одной из своих статей, посвященных «Слову о полку Игореве», Д. С. Лихачев восхищенно замечает: «Поразительно, что столь небольшое произведение так богато и даже роскошно по языку». ¹ И это действительно так. Лучшее подтверждение тому — богатейшая история его научного, в том числе и лингвистического, изучения, ² полная тонких наблюдений и блестящих догадок, с развитием и обогащением которой непрерывно возрастал ставший уже общепризнанным интерес к этому величайшему памятнику древнерусской культуры.

Настоящие заметки не выходят за рамки сугубо лингвистических наблюдений, ограниченных к тому же областью синтаксиса. Дело в том, что, характеризуя и комментируя язык «Слова о полку Игореве», почти исключительно обращаются к его лексике и фразеологии, к выявлению количества и состава иноязычных вкраплений в нем, к народнопоэтическим экскурсам и т. д. Обычно почти выпадает из поля зрения исследователей синтаксис памятника, типология и функции в нем различных синтаксических структур, хотя именно этот аспект анализа по праву претендует на заметную роль при лингвистическом «документировании», обосновании стилистики текста как единого целого.

Стилистическая цельность текста, его внутреннее единство и гармоничность неизменно связаны с разнообразием и согласованностью между собой тех синтаксических схем, на базе которых создаются конкретные поэтические (художественные) фразы. Следовательно, богатство синтаксической стилистики не сводится к арифметической, чисто количественной разветвленности способов фразообразования, хотя это и является необходимым составляющим стилистики текста вообще. Оно обязательно предполагает соразмерность этих способов, естественность их сочетаемости друг с другом, функциональную целесообразность и полноту их с точки зрения художественного произведения как законченного поэтического создания, а также соотносительности с реализованными конструкциями иного строя.

В качестве объекта для наблюдений избран тот тип предложений, который в специальной лингвистической литературе квалифицируется как инфинитивный. Оставляя в стороне собственно теоретические вопросы, относящиеся к определению сущности и границ его (они в данном случае не вписываются в рамки непосредственно поставленных задач), условимся только называть инфинитивными такие предложения, единственный главный член которых выражен независимым инфинитивом в роли сказуемого

¹ Лихачев Д. С. Слово о походе Игоря Святославича // Слово о полку Игореве. 2-е изд. Л., 1967. С. 27. (Б-ка поэта; Большая сер.).

² См., например, известные библиографические указатели, составленные В. П. Адриановой-Перетц, Л. А. Дмитриевым, Н. В. Дробленковой.

(такова одна из наиболее убедительных традиций русского синтаксиса³). Такие предложения встречаются и в тексте «Слова о полку Игореве».

Если говорить об удельном весе инфинитивных конструкций относительно остальных типов предложений в «Слове», то он невелик: к ним автор памятника прибегает всего десять раз.⁴ И сам отрезок текста, составленный с их помощью, также незначителен. Вот эти конструкции в их полном объеме: *Начати же ся тѣи пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню!* (1); *Быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону Великаго! Ту ся копиемъ приламату, ту ся саблямъ потручати о шеломы Половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону Великаго* (2); *А Игорева храбраго плѣку не крѣсити* (3); *Уже намъ своихъ милыхъ ладѣ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати!* (4); *А Игорева храбраго плѣку не крѣсити* (5); *Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда божиа не минути!* (6); *О, стонати Руской земли, помянуше прѣвую годину и прѣвыхъ князей!* (7); *... князю Игорю не быти!* (8); *Пѣше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ — молодымъ пѣти!* (9). Одна из перечисленных конструкций дословно повторяется дважды — это рефреном звучащее *А Игорева храбраго плѣку не крѣсити!*

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что рассматриваемые конструкции следуют не компактно, а раскиданы по всему тексту. Однако отсюда не следует, что их употребление беспорядочно и лишено художественно-повествовательной мотивировки. Как раз наоборот: анализ того, в каких местах текста они встречаются, уже дает основание утверждать, что автор «Слова» проявляет себя как блестящий мастер построения художественного произведения, виртуозно владеющий разнообразием синтаксических структур языка своего времени с присущими им выразительно-изобразительными потенциями.

По типу инфинитивного предложения конструирована уже вторая от начала фраза произведения — *Начати же ся тѣи пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню!* В дальнейшем подобные конструкции отмечаются при описании грозных предзнаменований — это знаменитое *Быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону Великаго*, конкретизируемое непосредственно следующей фразой: *Ту ся копиемъ приламату, ту ся саблямъ потручати о шеломы Половецкыя*,

³ См.: Тарланов З. К. Об основных проблемах изучения инфинитивных предложений в русском языке // Уч. зап. Карел. пед. ин-та. Петрозаводск, 1964. Т. 16.

⁴ На эти конструкции в общем плане, в связи с решением других задач, уже обращалось внимание, причем в разных исследованиях отмечалось разное их количество. Так, С. П. Обнорский считал, что в «Слове» инфинитивный тип предложения употребляется в 13 случаях, но приводил только 8 примеров (*Обнорский С. П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.; Л., 1946. С. 175*); согласно В. И. Стеллецкому, посвятившему специальную работу толкованию одной из инфинитивных конструкций в памятнике, их всего девять (С т е л л е ц к и й В. И. К изучению текста «Слова о полку Игореве» // ИОЛЯ. 1955. Т. 14, вып. 2. С. 154); А. Н. Котляренко дополняет перечень С. П. Обнорского еще тремя примерами, тем самым доведя общее число рассматриваемых конструкций до двенадцати, но никак не комментирует суммарное количество, названное С. П. Обнорским (К о т л я р е н к о А. Н. Сравнительный анализ некоторых особенностей грамматического строя «Задонщины» и «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 155). Эти разночтения, однако, не имеют принципиального значения и объясняются следующими моментами: 1) неодинаковым пониманием самого типа инфинитивного предложения (так, в предлагаемой статье конструкция *Пѣти было пѣснь Игореву* не включена в число инфинитивных, поскольку квалифицируется как безличное предложение); 2) неодинаковым пониманием границ между простым инфинитивным предложением с однородными главными членами и сложным предложением, состоящим из нескольких инфинитивных. Так как нас интересуют художественные функции инфинитивных предложений, то важными оказываются не столько сугубо синтаксические границы и характеристики их, сколько место и периодичность употребления в тексте как художественном целом. А таких мест в памятнике всего девять.

на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону Великаго, играющей в конструктивном отношении подчиненную роль; при описании поражения Игоря, в плаче русских жен о своих ладах, в «златом слове» Святослава, в печальной песне о княжеских раздорах, при описании бегства Игоря из плена и в заключительной части, где поется слава участникам похода: *Пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ — молодымъ пѣти!* Таким образом, части, фрагменты текста, в которых автор «Слова» прибегает к инфинитивным предложениям, выстраиваются в ряд следующим образом: 1) зачин, 2) грозные предзнаменования, 3) поражение Игоря, 4) «плач» русских жен, 5) «Золотое слово» Святослава, 6) печальная песнь о княжеских раздорах, 7) бегство Игоря, 8) концовка.

По своей семантической направленности все отмеченные предложения объединяются в две группы: а) предложения, реализующие общее модально-синтаксическое значение объективной неизбежности, неотвратимости действия (таковы конструкции 1, 2, 7, 9, приведенные в предложенном выше обзоре); б) предложения, реализующие общее модально-синтаксическое значение невозможности действия (это конструкции 3, 4, 5, 6 и 8 в обзоре).⁵ Это, так сказать, некоторые сугубо лингвистические констатации, отрешенные или почти отрешенные от художественно-стилистических оценок и квалификаций. Вопрос заключается в том, лишены ли интересующие нас конструкции художественно-эстетической нагрузки. Если нет, — то каковы их конкретные содержательные и текстообразующие функции.

Несмотря на очевидную количественную ограниченность инфинитивных предложений в составе всех конструкций, из которых складывается текст «Слова о полку Игореве», их стилистическая и художественно-эстетическая релевантность не подлежит сомнению. Это подтверждается уже тем обстоятельством, что они пронизывают все произведение от начала до конца, распределяясь по композиционно существенным его частям. Тем самым модель инфинитивного предложения, ее смысло-выразительные и модально-синтаксические потенции оказываются включенными в композиционную структуру целого. В этом отношении рассматриваемые конструкции занимают особое положение в богатом и эмоционально-пульсирующем тексте «Слова»: они лишены возможности вариативных синтаксических замен в силу именно их структурной специфики. Примечательно, что этот факт отчетливо осознавался и почти всеми известными переводчиками памятника, стремившимися сохранить инфинитивные предложения, в собственно синтаксическом плане характеризующиеся краткостью, особой энергичностью, способностью в широком диапазоне представлять разнообразные модальные отношения, наделенные в «Слове» важными художественно-эстетическими функциями.

Главнейшая среди них — это объективирующе-эпическая функция: с помощью инфинитивных предложений, встроенных в текст, мощная лирическая стихия, столь отчетливо выраженная в памятнике, в котором автор, по словам И. П. Еремина, «действительно заполняет собою все произведение от начала до конца»,⁶ переводится в план объективированного, эпического повествования; личные, субъективно-авторские чувства сублимируются до уровня общенародного, общенационального масштаба и, следовательно, возводятся в ранг средств выражения исторического сознания. Таким образом, инфинитивные предложения служат в поэме целям обобщения, тем самым — объективирования повествования и придания ему эпической масштабности. Такое предположение вполне согласуется с текстом памятника, к которому и обратимся ниже.

⁵ См. также: Стеллецкий В. И. К изучению памятника. . . С. 154.

⁶ Еремин И. П. «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси // Слово о полку Игореве: Сб. исследований и статей. М.; Л., 1950. С. 111. См. также: Лихачев Д. С. Слово о походе. . . С. 15—16.

После первой же фразы, в которой автор в риторической форме выражает свои колебания по поводу того, как должно быть построено повествование о полку Игоре, следует инфинитивная конструкция, как бы наделенная силой, безусловно разрешающей сомнения: *Начати же ся тѣи пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню*. В инфинитивной конструкции устраняется, элиминируется, снимается все, что имеет налет личности, субъективности и вместе с тем неопределенности. Она представляет план неотвратимого, предрешенного и тем самым — возвышающегося над субъективно-индивидуальным, благодаря чему повествованию с самого начала придается историческая масштабность. Употребление близкой по семантике синонимичной безличной конструкции, которая включала бы в себя, например, безличные глагольные формы или так называемые слова категории состояния, если бы это имело место (а древнерусский синтаксис позволял и такое построение фразы), подчеркивало бы лишь авторскую волю в выборе манеры повествования, и это, безусловно, подорвало бы в известной мере обобщающе-исторический размах гениального создателя «Слова», вдохновленного идеей единения древнерусских земель, сознательно защищаемой им как историческая необходимость.

Та же конструкция при описании грозных предзнаменований служит для обрисовки накала, напряжения предстоящего сражения войска Игоря Святославича с половцами, опять-таки представляемого как объективная неизбежность, не знающая пощады: *Быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону Великаго! Ту ся копиемъ приламати, ту ся саблямъ потручати о шелома Половецкыя, на рѣцѣ на Калябѣ, у Дону Великаго!*

Всецело поглощенный идеей объединения военных усилий древнерусских князей, автор «Слова» рассматривает поражение Игоря как горький и поучительный эпизод истории и поэтому в художественной структуре произведения наделяет его функцией рефрена, призванного еще яснее оттенить его главный смысл. Рефрен этот тоже облечен в форму инфинитивного предложения: *А Игорева храбраго плѣку не крѣсити*. По общему смыслу и эмоциональному напряжению сюда же примыкают еще два эпизода, в которых центральное место отводится тем же инфинитивным предложениям, — это плач русских жен, выраженный в виде прямой речи: *Уже намъ своихъ милыхъ ладѣ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати!* и идущее от автора обращение к героине прошлого Древней Руси — *О, стонати Руской земли, помянувши прѣвую годину и прѣвыхъ князеи!*

Весьма примечательно и синтаксическое оформление концовки поэмы, полное веры в силу русского оружия. Подчеркивая оптимистическую направленность поэмы, Д. С. Лихачев отмечает: «. . . хотя автор и пишет о поражении, в „Слове“ нет и тени уныния. „Слово“ так же лаконично и немногословно, как обращения Игоря к своей дружине. Это зов перед боем. Вся поэма как бы обращена к будущему, пронизана заботой об этом будущем. Поэма о победе была бы поэмой торжества и радости. Победа — это конец сражения, поражение же для автора „Слова“ — это только начало битвы. Битва со степным врагом еще не кончилась. Поражение должно объединить русских. Не к пиру торжества зовет автор „Слова“, а к пиру-битве».⁷ Справедливость этой мысли Д. С. Лихачева убедительно подтверждается и синтаксической организацией финала поэмы: *. . . пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ — молодымъ пѣти*.

Приписываемый Бояню афоризм (*Ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду суда божия не минути!*) также облекается в форму инфинитивного

⁷ Лихачев Д. С. Слово о походе. . . С. 16—17.

предложения, чем в духе народной афористики достигается эффект обобщения и объективирования. Несмотря на конкретную направленность на адресата, по своим народным истокам сюда же примыкает последняя инфинитивная конструкция, оформляющая концовку фразы Овлура, переданной от автора, и обращенная к князю Игорю: *Комонь въ полуночи Овлуръ свисну за рѣкою — велить князю разумѣти: князю Игорю не быть!*

Из сказанного следует, что гениальный автор «Слова», стремясь выразить злободневную и актуальнейшую для своего времени идею, глубоко понимал и тонко чувствовал исключительную роль языковых средств ее реализации, важность стиля и манеры повествования для того, чтобы сделать смысл его не только доступным и убедительным, но и достойным с точки зрения оформления. В частности, рассмотренные выше инфинитивные конструкции, выдвинутые волею автора на доминирующую позицию в структуре текста, выделены, как уже говорилось, функцией объективирования повествования и придания ему эпичности: лирическое начало, которым столь щедро начинена поэма, в художественном целом благодаря синтаксической организации преобразуется, переплавляется в факт обобщенно-исторического, национального уровня.

Небезынтересно и то, что эти конструкции в силу именно их особого положения в синтаксисе текста интуитивно либо сознательно сохраняются полностью или почти полностью во всех известных переводах оригинала. Однако некоторые переводчики в этом отношении отклоняются от синтаксиса оригинала, и от этого, на наш взгляд, несколько проигрывают точность и объем содержания памятника. Например, фраза *Начати же ся тѣи пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню!* передается в следующих лексико-синтаксических вариантах: *Начнем же оную по течению деяний того времени, а не вымыслу Боянову* (неизвестный автор XVIII в.); *Начать же Песнь сию по событиям сего времени, а не по вымыслам Бояновым* (В. В. Капнист); *Песнь же ту нам начать по событиям дней настоящих, Но не по замыслам вещим Бояна. . .* (М. Д. Деларю); *По былинам лет тех бывших, не по замыслу Бояна, Эту песнь зачнем мы, братья* (К. Д. Бальмонт); *Мы начнем (эту песнь. — З. Т.) по событиям Геперешних лет, А не вслед замышленьям Бояна. . .* (С. В. Шервинский); *Но вести эту песню надо по былинам нашего времени — не по замышленью Боянову* (С. В. Ботвинник),⁸ и др. При всем том, что подобные конструкции по содержанию близки к оригиналу, они существенно отличаются от последнего своей ярко выраженной субъективностью, личностью, что ведет к подрыву заложенного в оригинале эпического, объективированного начала. Поскольку древнерусский язык периода создания «Слова о полку Игореве» и современный русский язык изоморфны в плане употребления и функционирования инфинитивных предложений, то нет смысла, как представляется, прибегать в переводах к замене их синонимичными конструкциями, ибо такая замена обедняет язык памятника. Среди многих других сложных задач, решаемых в теории и практике перевода, не последнее место должно отводиться, таким образом, и тому аспекту, который связан с наиболее адекватной передачей синтаксического строя текста оригинала с возможно полным сохранением доминирующих конструкций во всем богатстве выполняемых ими функций.

⁸ Примеры переводов взяты из книги: Слово о полку Игореве. 2-е изд. Л., 1967. (Б-ка поэта; Большая сер.).

Л. В. САВЕЛЬЕВА

Светотень утверждения—отрицания в поэтике «Слова о полку Игореве»

«Пыль веков», отделяющая современного читателя от времени создания «золотого слова» древнерусской и мировой литературы, не смогла притушить ярких красок языковой палитры его автора.

Исследование национально-исторических корней эстетики «Слова о полку Игореве», которое позволило бы проникнуть в тайну его непреходящей поэтической власти, — проблема, доступная лишь совместным усилиям литературоведов, лингвистов, историков, философов. При этом пролить свет на некоторые особенности творческого метода автора, выяснить соотношение традиций и новаторства, узуального и окказионального в его стилистической манере позволяет изучение художественных функций языковых категорий в контексте идейно-эстетического замысла его создателя. Хотя в специальных трудах и обращалось внимание на былинную традицию отрицательного параллелизма в «Слове о полку Игореве», в целом синтаксическая стилистика «Слова» практически не изучалась лингвистами.

Целью настоящей статьи является анализ поэтических функций отрицательных построений в связи с идейно-художественной направленностью памятника. При этом нами рассматриваются как общеотрицательные предложения, актуализирующие всю информацию в целом, так и частноотрицательные предложения, а также присоединительные негиреуемые члены, актуализирующие часть информации.

Большинство негативных структур памятника (а их общее число 34) в словесно-художественной ткани произведения не только передает логико-понятийное содержание, но используется как изобразительное средство. Антитеза — один из главных художественных приемов народной поэзии — лежит в основе поэтики «Слова о полку Игореве», художественная система которого, по словам академика Д. С. Лихачева, «вся построена на контрастах».¹

Исследователи уже отмечали, что в русле народно-поэтической традиции, уходящей своими корнями в языческое мышление восточных славян, автор «Слова» широко привлекает антитезу семантических полей света — тьмы, светлого — черного.² Их сквозное противопоставление как положительного и отрицательного начал в метафорическом языке «Слова» прекрасно дополняется контрастностью двух типов модальности высказывания: отрицание и утверждение, передавая определенную информацию, вместе с тем выполняют стилистическую роль и насыщают поэтический подтекст различными эстетическими ассоциациями.

¹ Лихачев Д. С. Слово о походе Игоря Святославича // Слово о полку Игореве. 2-е изд. Л., 1967. С. 20. (Б-ка поэта; Большая сер.).

² Андрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947. С. 20—41.

Художественный контраст — основа построения столь совершенного по форме зачина «Слова о полку Игореве», внутренняя диалогичность которого в структурном отношении создается чередованием отрицательной и утвердительной модальности высказывания: *«Не лѣто ли ны бяшетъ, братие, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстий о плъку Игоревѣ, Игоря Святъславлича?»* Начати же ся тѣи пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню! . . .» (43).³ При этом начальная отрицательная структура используется с экспрессивной функцией, для создания особой доверительной интонации, как бы приглашающей к совместному размышлению. Мысль о книжных истоках знаменитого зачина, разделяемая современными исследователями-литературоведами, подтверждается и чисто языковыми сопоставлениями с зачинами (или прологами) авторов ораторских «Слов», в которых модальное переключение отрицания—утверждения выступало необходимым структурным элементом, организующим сцепление ассоциаций. См., например: *«Си же словеса шесть, господи мой, не о себе мы есмы сотворили,* но ово от Ексамера святаго Василиа истовая словеса, ово же и разумы от него приемлюще, тако же и от Иоанн. . .» (Иоанн Экзарх Болгарский. Шестоднев. Пролог);⁴ *«. . . но не буди намъ особъ подвижнуги ненаказанъ языкъ,* но от божественныхъ вземлюще писаний; со многою боязнию еуангельскихъ касаемъ бесѣдовати словес, господню притчу сказующе, юже Матѣѣи церкви предасть» (Кирилл Туровский. Притча о человеческой душе).⁵

Однако в отличие от проповеднической ораторской прозы автор «Слова о полку Игореве» не просто ссылается на своего предшественника. Сквозь метафорические аллегории, имитирующие творческую манеру Бояна, сквозь пышную хвалу в адрес «соловья старого времени», как тонко заметил еще А. С. Пушкин, пробивается едва намеченная ирония: «Стихотворцы некогда не любиле упрека в подражании, и неизвестный творец „Слова о полку Игореве“ не преминул объявить в начале своей поэмы, что он будет петь по-своему, по-новому, а не тащиться по следам старого Бояна». ⁶ Итак, автору недостаточно просто выбрать одну из заявленных манер, именно четкий модальный шов, контраст утвердительной и отрицательной модальности помогает автору оттолкнуться от слога Бояна и на основе художественного контраста создать свой совершенный по форме зачин «былины нового времени», построенный как творческий диалог с предшественником.

Светотень утверждения—отрицания синтаксически организует многие исторические ассоциации автора. Так, «свивая славы оба полы сего времени», создатель «Слова» не просто сопоставляет две генеалогические эпохи — «дедов» и «внуков», но, вдохновленный высокой этической идеей, резко противопоставляет их: мощь и сила князей «старого времени» рисуются автором в художественном контрасте с мрачным и горьким настоящим, разьедаемым княжеским «нелюбьем» и «крамолами». Поэтика контраста предопределяет отбор языковых средств с необходимым использованием модального переключения: *«О, стонати Руской земли, поманувше пръвую годину и пръвыхъ князей! Того стараго Владимира нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Киевскимъ: сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзии — Давидовы, нъ розно ся имо хоботы пашутъ»* (54).

Описываемый в «Слове» побег Игоря из плена и успешная переправа его через Донец вызывают в исторической памяти автора аналогию с трагической судьбой князя Ростислава Всеволодовича, погибшего при переправе через Стугну, и эта ассоциация отливается в поэтические образы двух

³ Здесь и далее цит. по: Слово о полку Игореве. 2-е изд. (Б-ка поэта; Большая сер.).

⁴ См.: Памятники литературы Древней Руси: XII век. М., 1980. С. 190.

⁵ Там же. С. 292.

⁶ П у ш к и н А. С. «Песнь о полку Игореве» // Полн. собр. соч. М., 1950. Т. 5, С. 397.

рек, контрастное противопоставление которых экспрессивно усиливается сменой модальности. Так, если изображение Донца как покровителя Игоря, лелеявшего князя на своих волнах, стлавшего ему «зелену траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ», одевавшего его «теплыми мъглами», чутко оберегавшего его пугливыми птицами, дано с модусом утверждения, то изображение Стугны — губительницы, воды которой безжалостно поглотили молодого юношу, дается как бы с противоположным, отрицательным знаком: *«Не тако ли, рече, рѣка Стугна: худу струю имѣя, пожръши чужи ручьи и стругы, рострена к усту, уношу князю Ростиславу затвори днѣ при темнѣ березѣ. Плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславѣ. Уныша цвѣты жалобю, и древо с тугою къ земли прѣклонилось»* (55). Экспрессивная функция модального негатора здесь совмещается с текстообразующей.

Используя светотень отрицания — утверждения, автор «Слова» не всегда накладывает ее такими широкими и размашистыми штрихами, определяющими построение целых отрезков текста. Не менее убедительны филигранно отточенные детали с наложением этой светотени. Так, рисуя кровавую битву на Немиге как художественный образ мирного труда земледельцев, автор завершает этот образ своеобразным обобщением непримиримого конфликта мира и войны в лапидарной форме модального переключения: *«Немизѣ кровави брезѣ не бологом бяхуть посьѣани, посьѣани костми Рускихъ сыновѣ»* (54).

Экспрессивные потенции противопоставления двух модальностей особенно ярко реализованы в конструкциях отрицательного параллелизма, выполняющих функцию метафорической антитезы. Неглируемая часть, заключающая в себе своеобразную аллгорию, создает эмоциональный фон для второй, повествовательной части: *«Не буря соколы занесе чрес поля широкая — галици стады бѣжать къ Дону Великому»* (44): *«А не сороки втроскоташа — на слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ»* (56). Устно-поэтические истоки отрицательно-аллгорической образности таких миниатюр не вызывают сомнений. Как способ поэтизации отрицательный параллелизм зародился в героико-поэтическом фольклорном жанре и остается «наиболее характерным и типичным приемом русского эпоса».⁷

В структуре и поэтических функциях отрицательного параллелизма «Слова» своеобразно сочетаются традиции и новаторство художника-песнотворца. В духе народно-поэтического эпоса основой для отрицательных сравнений служит «признак действия, движения».⁸ За пределы традиции не выходит тематика образов отрицательных сравнений в «Слове» (ср. стихийные явления, животный и растительный мир, некоторые предметы быта в былинной поэтике). В целом, как и для народных сказителей, для автора «Слова» отрицательный параллелизм служил средством создания эпически масштабного, эмоционально действенного и одновременно реалистического образа.

Вместе с тем создатель «Слова» творчески преобразовывал эти традиции. Ср.: *«Боян же, братие, не 10 соколовъ на стадо лебедѣ пуцаше, нъ своя веща прѣсты на живая струны въскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху»* (44). Отрицательная аллгория построена здесь на базе однородных членов-сказуемых, а не на основе сложного предложения с разными субъектами действия, как это мы всегда наблюдаем в устно-поэтической традиции. Обращает также на себя внимание субъективность образа отрицательного сравнения, что усиливает выразительность метафорической антитезы. Интересно, что все три отрицательные аллгории создаются в тексте «Слова» за счет излюбленных автором образов животного мира (точнее, птиц), и это связано не только со знанием фауны южнорусской степи и знанием княжеского быта (воссозданного в картине соколиной

⁷ Пропп В. Я. Русский героический эпос. М., 1958. С. 522.

⁸ Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940. С. 147.

охоты), для автора имеет особое значение звуковая выразительность отрицательных символов.

Попарное использование отрицательных и утвердительных конструкций в приеме художественной антитезы — только один из способов наложения светотени в поэтике «Слова». Другим, не менее важным приемом поэтического мастерства являются одиночные или повторяющиеся негативные структуры с особым приращением эстетического смысла на общем фоне повествования позитивной модальности.

При этом автор реализует остроэкспрессивные потенции негативных предложений, вытекающие из их перифрастической, по сравнению с утверждением, природы. Известно, что из двух возможных модальностей — утвердительной и отрицательной — при выражении большей категоричности высказывания в языковом узусе предпочитается отрицание как маркированный член этой синтаксической оппозиции.⁹ Эта тенденция языкового узуса в индивидуально-авторской речи отражена в подтексте отрицательных структур, передающих особую категоричность. Как предвосхищение будущих драматических событий, которое подчеркивает динамическую напряженность действия и активизирует эмоциональное восприятие читателя, звучит своеобразное лирическое отступление автора, построенное в форме отрицательного предложения: «Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо. Далече залетѣло! *Не было онъ обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чрънымъ воронѣ, поганымъ Половчине!*» (47). См. также «припевку» вешего Бояна: «*Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда божиа не минути!*» (54). Лаконизм и афористичность этой поэтической формулы, ориентированные на художественную структуру послышного речения, подчеркнуты особой законченностью ритмического рисунка, которая создается логическим ударением отрицаемого главного члена. Аналогичные «предгрозовые раскаты», оформленные как отрицательно-инфинитивные конструкции, характерны для былинной поэтики.¹⁰

Иной эстетический подтекст имеет отрицание как стилистическое средство в «плаче» русских жен, художественная система которых во многом близка русским народным причитаниям. Общая эмоциональная тональность народного реквиема здесь создается четырехкратным напизыванием отрицательно-инфинитивных структур, построенных по архаичному монологическому типу, предшествовавшему развитию славянского прилагательного отрицания: «*Уже намъ своихъ мыльхъ ладѣ ни мыслию смыслити, ни дуюю сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати*» (49). Заметим при этом, что экспрессивный характер монологических структур подчеркивается инверсией глагольных словосочетаний. Разумеется, идейно-эстетические задачи автор решает не только с помощью отрицания: свою роль в словесно-художественной ткани «Слова» играют и другие взаимно проникающие средства — синтаксические, морфологические, лексико-фразеологические, ритмико-интонационные и пр. Однако не подлежит сомнению, что в этом микротексте реализуется один из главных эстетических принципов художественного стиля автора «Слова о полку Игореве» — творческая переработка фольклорных эмоционально-выразительных языковых структур. Сравним, например, негативные построения в традиционных сказочных формулах: «*ни в сказке сказать, ни пером описать*»; «*ни пройти, ни проехать, ни умом подумать*»;¹¹ в традиционных обихих местах былины: «*Не мог бы ты, Добры-*

⁹ Ср. у А. М. Пешковского: «Нулевой категорией к категории отрицания служит категория утверждения, не имеющая, как и большая часть нулевых категорий, собственных средств выражения» (Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. С. 390).

¹⁰ Савельева Л. В. Поэтические функции отрицательных конструкций в русской былинке // Язык жанров русского фольклора. Петрозаводск, 1979. С. 15.

¹¹ Русские народные сказки Карельского Поморья. Петрозаводск, 1974. С. 52, 135, 194.

нюшка, ни дни бы не дневать, ни часу бы часовать»; ¹² в рекрутских причитаниях: «И не бывать да на родимой буде родинке, И не хаживать по хорошему стреньицу, И нам не сиживать во светлой буде светлице». ¹³

Сложность и неоднозначность жанровой природы «Слова» как произведения словесного искусства раннего средневековья ¹⁴ обусловила многообразие авторских приемов использования модальности в эстетических целях. Анализ поэтического мастерства автора в этом отношении не полон без «злата слова» Святослава как идейно-художественного центра произведения. Черты поэтики торжественной, ораторской прозы, известной нам по гомилетическим сочинениям, здесь явственно проступают, в частности, в авторских приемах светотени отрицания—утверждения. Так, в риторических фигурах Святослава, обращенных к князьям, более всего используются экспрессивные возможности вопросительно-отрицательных предложений. Доверительная интонация совместного размышления и совместных экскурсов в прошлое вырастает здесь до патетических тонов общественного трибуна: «Великий княже Всеволоде! *Не мыслию ти прелетѣти издалеца отня злата стола поблюсти?* Ты бо можеша Волгу веслы раскропити, а Дон шеломы выльяти. . . Ты, буй Рюриче, и Давыде! *Не ваю ли вои злачеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкаютъ акы тури, ранены саблями калеными на полѣ незнаемѣ?* Вступитя, господина, въ злата стремена за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, бугео Святъславлича!» (52). При этом отрицание играет новыми поэтическими красками, так как сама «мнимо-отрицательность» усиливает противоположную модальность, являясь эмоционально-экспрессивным средством утверждения. Тем самым для выполнения основной идейно-художественной задачи — убедить князей в необходимости единения перед лицом врага — избирается наиболее целесообразная модальность, как бы заключающая игру светотени в самой себе.

Таким образом, авторская техника наложения светотени утверждения—отрицания своей корневой системой уходит в народную поэзию и питается ею. Другим ее заметным истоком является высокая культура устной ораторской речи. Вместе с тем в художественной структуре «Слова о полку Игореве» эти приемы получают новое приращение эстетического смысла, так как носят на себе печать истинной, народной поэзии, обогащенной интонацией трибуна-гражданина. Тем самым зримая и слышимая красота окружающего мира, трепетно переданная великим песнотворцем и осмысленная его высокой общерусской идеей, выступает как создание восточнославянского народного духа.

¹² Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1971 года. СПб., 1873. № 267.

¹³ Федосова И. А. Избранное. Петрозаводск. 1981. С. 118.

¹⁴ Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и процесс жанрообразования XI—XIII вв. // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 72.

ДЖ. ЧАКРАВОРТИ

«Слово о полку Игореве» и «Раджатарангини» Кальханы*

«Слово о полку Игореве» и «Раджатарангини» — два выдающихся поэтических произведения XII в. Поэма Кальханы была закончена около 1150 г. н. э. Ее автор был очевидцем и современником событий, описанных в этом большом поэтическом произведении, состоящем из восьми песен. Герой «Слова», Игорь, бежал из вражеского плена в 1186 г., и автор описывает битвы как очевидец — вероятно, он тоже закончил свою поэму вскоре после описываемых событий. «Раджатарангини» Кальханы — большая по объему поэма. Она относится к санскритскому эпосу и традициям Пураны и охватывает огромный временной промежуток от мифического прошлого до более близкого настоящего. Содержание «Слова» связано в основном с героическими деяниями Игоря и его дружины, оно меньше по объему. Оба произведения близки к традициям поэзии бардов и, хотя по форме они сильно стилизованы, восходят к более ранним устным традициям и народным обычаям; и та, и другая поэмы в значительной степени опираются на непосредственный опыт авторов при описании некоторых событий. Оба повествования время от времени оживляются с помощью введения драматических эпизодов и свободного использования диалогов и монологов.

Автор «Слова», как и подобает национальному барду (народному поэту), начинает с обращения к слушателям: братья («Не льпо ли ны бяшетъ, братие»), и Кальхана также использует слово *bhrātaḥ*, или брат, в своем Прологе. То, что бард, или поэт-певец, берет на себя миссию представителя всего народа, является сущностью устной эпической традиции, и даже если поэт принадлежит к королевскому (княжескому) двору, эта близость отходит на задний план перед его назначением в качестве *voḥ rorūḥi*, или гласа народа. Комментарии и жалобы (плачи), широко используемые автором, свидетельствуют о чувствах радости и страдания, разделенных с народом.

Самым поразительным в этих двух поэмах представляется то, что оба автора экспериментировали с приемом «преодоления времени». Такой прием (техника) стал весьма популярен лишь в наши дни в кинематографии. Удивительно, с какой легкостью и мастерством используют средневековые поэты такие приемы современного кино, как «обратный кадр», «изменение ракурса», «монтажный кадр» и «крупный план».

В ограниченных пределах своих поэм авторы попытались создать впечатление гораздо большей протяженности во времени. Что касается Кальханы, который был также и летописцем, то необходимость вести длительный и непрерывный рассказ о происходящих событиях лишила его возможности сосредоточиться на каком-нибудь одном из них или на каком-

* Публикация доклада, прочитанного профессором университета (г. Калькутта) Дж. Чакраворти в Москве в январе 1986 г. на Международной конференции, посвященной «Слову о полку Игореве». Пер. с англ. Л. В. Азаровой (Ред.).

нибудь определенном веке, поэтому он назвал свою поэму «Раджатарангини», или «Вереница (поток) выдающихся личностей — членов королевской семьи». Но даже при такой композиции он неоднократно переносит действие из одного момента времени в другой или рассказывает о событиях минувших дней так, как будто они составляют часть нашего теперешнего сознания. При этом мифы, легенды и просто разного рода истории свободно переходят друг в друга, и в результате все это соприкасается с вибрирующим, неуловимым настоящим. В отличие от древних эпосов и пуран автор «Раджатарангини» знал разницу между легендой и историей, хотя он весьма щедро оснастил свою поэму всевозможными старинными легендами и преданиями. Как поэт он понимал, что, для того чтобы читатели оценили факты по достоинству, их надо изложить в художественной форме. Автор «Слова», с другой стороны, не был ограничен требованиями, предъявляемыми к большой хронике, и поэтому с легкостью мог пренебречь древними мифами. Но он так не поступил. Такой великолепный поэт, как он, также не мог не знать, что факты должны предстать в художественной форме, чтобы их оценили по достоинству. Следовательно, он понимал, что нужно расширить замысел поэмы, украсив голые факты описанием сказаний и легенд. Упоминание событий и имен, относящихся к прошлому, часто служит символом и помогает воображению читателя уйти далеко за пределы известного и знакомого.

Ученые исследовали восточные элементы «Слова» и обнаружили в его уникальном тексте множество слов, принадлежащих к тюркским или монгольским корням (Men g e s К. Н. The Oriental Elements in the Vocabulary of the Oldest Russian Epos: The Igor' Tale «Slovo o Rylku Igorev'e». New York, 1954). Но, вероятно, более правильно отнести восточные элементы к санскриту, что станет очевидным, если мы будем их терпеливо отыскивать. Я приведу один пример, который встречается в конце «Слова о полку Игореве»:

Тяжко ти головы, кромѣ плечю,
зло ти тѣлу, кромѣ головы,
Рускои земли безъ Игоря.

Следующие слова демонстрируют поразительное соответствие, и с помощью такого ключа может оказаться совсем нетрудно расшифровать поэму как изумительный восточный текст, до сих пор не раскрытый: *ти* — санскр. tvā (тебе); *головы* — санскр. gala (шея); *плечю* — санскр. phalak, aṃsaphalak (плечо, лопатка); *зло* — санскр. jvālā (жгучий, пагубный); *тѣлу* — санскр. (gā)tra (тело); *кромѣ* — санскр. kr(n)t (отделять, отрубать), и т. д.

Может оказаться интересным тщательное изучение и сопоставление имен, действующих лиц и мест в обеих поэмах. Приведу один пример. В «Слове» есть отрицательный персонаж по имени Гзак:

А не сороки втроскоташа —
на слѣду Игоревѣ
ѣздить Гзакъ съ Кончакомъ.

Сороки — санскр. Sakoṅī. В «Раджатарангини» также есть отвратительный персонаж по имени Gazzaka (VIII.530) времен правления Сусалы (1112—1120 н. э.):

Sule vyāpādītā Gazzakādayo drohasaṃsritāḥ

(Gazzaka и другие, замешанные в измене, были привязаны к столбу и убиты.)

Кроме филологических соответствий, имеются также литературные параллели, которые можно проследить в русском и санскритском текстах.

Русская земля без Игоря была очень поэтично описана автором в приведенных выше строках. В шестой песне «Раджатарангини» Кальхана описывает отсутствие Нараваханы следующим образом:

Śaśihīneva rājanī
Satyatyakteva bhārati
Virarāja na rājaśīr
Naravāhana varjitā

(Словно ночь, разделенная с луной, словно речь, лишившаяся правды, перестала сиять королевская слава без Нараваханы.)

Важная особенность, общая для обеих поэм, заключается в стремлении их авторов наделить природу радостями и печалью, свойственными человеку. Например, в «Слове» мы видим:

О Руская земле! Уже за шеломянемь еси!
Дълго ночь мръкнетъ,
заря свѣтъ запала,
мѣгла поля покрыла,
щекотъ славии успе,
говоръ галичь убудися.

И в «Раджатарангини» описание природы, оплакивающей умершего Бходжу, выглядит так:

Lambenduvadanaṁ sāndrā
vaśyā yāmbhośruvarṣiṇī
Rathāṁgākrandinī rātrih
saśokevā'tha sā'gamat.

(VII. 1680)

(Затем настала ночь; ее ликом была продолговатая луна, тяжелая и послушная, проливая слезы каплями росы; плач ночи был криком сороки (sakravāka, или sakora)).

Оба автора в полной мере сознавали свое предназначение как народных поэтов и были очень высокого мнения о поэтическом искусстве. Они обладали всей полнотой знаний о традициях более ранних поэтических творений, которым им предстояло следовать и превзойти. Автор «Слова» обращается к Бояну с огромным восхищением, точно так же, как Кальхана обращается к Суврате и Кшемендре. В начале поэмы автор «Слова» говорит:

Боянь бо вѣщии,
аще кому хотяше пѣснь творити,
то растѣкашеться мыслию по древу,
сѣрымъ вълкомъ по земли,
пизымъ орломъ подь облакъ.
Помняшетъ бо, рече,
първыхъ времянь усобиць.

Кальхана поступает точно так же:

Vistīrnāḥ prathame granthāḥ
Smṛtyai samkṣipato vacaḥ
Suvratasya prabandhena
Vicchanna rājakathā'srayāḥ.

(I. 11)

(Обширные труды, содержащие отрывки из древней истории правителей, кратко изложены в произведении Сувраты, которое можно здесь вспомнить.)

Kenāpyavavadhānena
Kavikarmaṇi satyapi
Amśo'pi nāsti nirdoṣaḥ
Ksemendrasya nṛpāvalau

(I. 13)

(Труд Кшемендры, озаглавленный «Перечень властителей», широко известен, но из-за небрежности, допущенной автором, его произведение не избежало недостатков.)

Он добавляет:

Pūrvairbaddham kathābastu mayi bhuyo nibadhnati.

(Я снова возвращусь к теме, к которой уже обращались мои предшественники.)

Кроме того, Кальхана неоднократно упоминает «Махабхарату». Он со всей определенностью утверждает, что не бесстрастный летописец или чистый историк, а только поэт может покорить время с помощью своего искусства:

Ko'nyah kālamatikrāntam
netum pratyakṣatam kṣamah
Kaviprajāpatimstyaktvā
ramyanirmāṇśālinah.

(Кто может оживить перед нашими глазами картины прошлых веков, кроме поэта и Создателя, лишь они сами творят произведения искусства.)

Две эпические поэмы — «Слово» и «Раджатарангини» — имеют много общего, хотя они представляют две далекие страны, одну на Севере, другую на Юге, а точнее, на северо-западе и юго-востоке по отношению друг к другу. Эти две страны и их культуры в далеком прошлом принадлежали к одному общему целому, и в древних санскритских текстах мы встречаем бесконечные подтверждения их общих связей. Они считались севером и югом одной и той же огромной территории, заселенной народами, принадлежащими к одной культурной семье. В эпической поэме Кальханы время от времени встречаются ссылки на «Махабхарату». «Махабхарата» описывает войну в Курукшетре между Куру, или Кауравами, и Пандавами. В той же «Махабхарате» мы встречаем упоминание другого района на севере — Северный Куру, народ которого зовется Уттара Кауравы, или Северные Куру. С течением времени те же самые Куру вследствие миграции и разъединения перешли на другое место и стали несколько отличаться от своих сородичей, но общность их культур, традиций и языков, несмотря на все изменения и заимствования, все же можно установить. Таким образом, Уттара Куру и (Дакшина) Куру сохранили свои культурные связи в течение долгого времени. Уттара Куру также были известны под именем Курупаннала. Есть свидетельства, где восхваляются обе эти области. В «Шатапатхбрахмане» мы читаем:

Udīcīmeva diśam pathyāsvastyā prājānam
stasmadatrottaraḥ hi bāg vadati kurupāñcālatra.

(3.2.3.15)

(Они узнали северную область с помощью Патхья-свасти. Говор людей, живущих в Курупанчале, звучит более резко.)

В «Айтарее» Брахмана описание Айндра Махабхишека выглядит так:

Tasmādetasyāmudīcyām diśi ye ke ca
pareṇa himavantam janapadā uttarakurava
uttaramadrā iti vairājyā yaiva te'bhiṣicyante.

(Итак, к дальнему северу через Гималаи и области Уттара Куру и Уттара Мадра. Их правители имеют право короноваться как *birāt*.)

Некоторые ученые считают, что Северные Куру селились в Кашмире, а позднее они продвинулись к югу в район Пяти Рек и переименовали эту область в Курукшетру.

В «Махабхарате» упоминаются три страны, названные в честь Куру — Куруджамгала, Куру и Курукшетра, — о которых говорится, что они процветали. Куру здесь относится к Уттара Куру:

Tesu trisu kumāreṣu/jāteṣu kurujāngalam
Kuravo'tha kuruksetraṃ
trayametadavardhata.

(1.103.1)

(После рождения трех принцев все три страны (Куруджамгала, Куру, или Северный Куру, и Курукшетра) процветали вместе.)

Одновременное упоминание трех наименований ясно указывает, что между ними существовали торговые и культурные связи. Это подтверждается еще одним упоминанием в «Махабхарате».

Uttaraih kurubhih sārddham
dakṣiṇāh kuravastathā
Vispardhamānā vyacarami
stadā siddharṣi cāraṇaih.

(1.102.10)

(В те дни народ южного Куру жил в дружеском соперничестве с сиддхами, мудрецами и бардами Северного Куру.)

Мы встречаем подобные упоминания об Уттара Куру в «Рамаяне», в «Хариванше», и, конечно, очень подробно об этом говорится в «Вишнупуране». В «Вишнупуране» есть поразительное утверждение:

Uttarāh kuravaścaiva
Yathā vai bharataṃ tathā.

(2.2)

(Уттара Куру и Бхаратиды очень похожи.)

Автор древнего эпоса имел в виду, что два народа похожи потому, что на самом деле они принадлежали не к разным народам, а были братьями одной семьи.

Через много лет, когда забылось историческое прошлое, а старые связи отошли в область туманных воспоминаний, мы неожиданно находим в XII веке две великие эпические поэмы, одна из которых принадлежит Уттара Куру в России, а другая — Дакшина Куру в Индии; одна называется «Слово о полку Игорева», другая — «Раджатарангини».

Т. РОМАНИК

«Слово о полку Игореве» в английских переводах*

(Общий обзор)

Первый полный перевод «Слова о полку Игореве» на английский язык появился в самом начале нынешнего века в антологии профессора Лео Винера.¹ Перевод был полон неточностей, ошибок, пропусков, в нем отсутствовали объяснения таких мест текста, которые не дошли до нас в сохранности.

Первый обширный научный труд на английском языке, посвященный «Слову о полку Игореве», был опубликован в 1915 г. Леонардом А. Магнусом.² Помимо пространного вступления, где рассказывалось об истории Киевской Руси, а также истории текста поэмы, в работе был представлен древнерусский текст с параллельным переводом его на английский язык и примечаниями; были помещены также словарь и библиография по «Слову». Магнус указывал, что публикация и перевод основаны на Екатерининской копии с использованием вариантов, содержащихся в тексте мусин-пушкинской рукописи. Магнусу были недоступны многие текстологические и лингвистические исследования, которые были напечатаны после первого издания памятника, поэтому текст «Слова» грешит у него ошибками и содержит странные поправки.

Переводу Магнуса свойственна одна черта. Он (а впоследствии и Самуэль Кросс) в своем переводе воскресил некоторые устаревшие в английском языке формы употребления глаголов и местоимений и тем самым придал произведению искусственно-архаическое звучание, которое у английских читателей вызывало скорее образы Англии XVII в., нежели Киевской Руси XII в. Архаизм уже присутствует в содержании самого произведения, и переводчик должен воссоздать для читателей нашего времени произведение, которое звучало бы так же, как и во времена его создания. Переводчик должен избегать также осовременивания произведения, избегать употребления слов, которые в наши дни приобрели новый оттенок.

Как следует переводить — это важный вопрос, касающийся и «Слова», и других средневековых эпических произведений. Дело состоит не только в том, чтобы перевести то или иное произведение с одного языка на другой, но и в том, чтобы перенести старые слова и идеи в наш современный контекст, не утрачивая при этом смысл и дух произведения. Конечно, было бы легче перевести «Слово» на староанглийский язык, который в противоположность современному английскому был спрягаемым языком с более гибкими правилами в отношении порядка слов и который обладал

* Настоящая статья является переработкой текста доклада, прочитанного Т. Романик в Москве в январе 1986 г. на Международной конференции, посвященной «Слову о полку Игореве» (Ред.).

¹ Wiener L. *Anthology of Russian Literature*. New York; London, 1902. Т. 1.

² Magnus L. A. *The Tale of the Armament of Igor. AD 1185: A Russian Historical Epic*. Oxford, 1915.

богатством терминов, применимых к такого рода образам и метафорам, которые общи чуть ли не для всех «героических литератур». Но, как считает проф. Деннис Уорд, самый авторитетный исследователь «Слова» в Англии, лучшим решением проблемы была бы передача выразительных приемов оригинала с помощью эмоционально нейтральных средств; перевод должен сохранять современную окраску; следует избегать архаизмов, смущающих читателя.³ В некотором отношении дилемма автора «Слова» — трактовать ли свой рассказ о походе Игоря в стиле древних повестей или следовать манере, принятой в его время, аналогична проблемам, стоящим перед переводчиками «Слова» в наше время.

После Магнуса наиболее значительной работой по переводу «Слова» на английский язык явился труд Самуэля Кросса, о котором было упомянуто выше. Он был опубликован в издании под редакцией Анри Грегуара, Романа Якобсона и Марка Шефтеля,⁴ где помимо текста и перевода помещены и комментарии. Кросс, как и Магнус, использует в своем переводе местоимение второго лица единственного числа, но в отличие от него избегает прозаических модернизмов в своей терминологии («дикция», «современный», «армия»); его перевод ближе к оригиналу и более точен. Кроссу пришлось пожертвовать поэзией ради смысла, но ему удалось сохранить в какой-то степени героический дух «Слова».

Спустя некоторое время появился еще один обративший на себя внимание английский перевод «Слова» — советского ученого Ирины Петровой. Этот перевод недавно переиздан на английском языке в книге, подготовленной академиком Д. С. Лихачевым.⁵ И. Петрова избежала архаизмов предыдущих переводчиков и, можно сказать, была вместе с проф. Уордом одной из первых, попытавшихся передать не только смысл «Слова», но и в какой-то степени его ритм и звучание. Строго следуя оригиналу слова, она разделила перевод на короткие строки и строфы. Этот тип метрической конструкции подходит к тем разделам «Слова», которые содержат короткие метрические единицы или фразы, параллельные одна другой, обычно описывающие напряженные динамические сцены, как например, сама битва и побег Игоря. Но когда этот прием используется для более длинных метрических единиц, как в «Плаче» Ярославны, он рискует создать эффект отрывочности и монотонности. Современные исследователи в большинстве сходятся во мнении, что в «Слове» нет определенных или осязаемых стихотворных форм или размеров, но что оно состоит из ритмических единиц разнообразной длины. Вместе с аллитерациями, созвучиями, симметричными фразами, рифмами и полурифмами это показывает, что произведение создавалось для пения (сам автор называет свое произведение «песней»), и дело переводчика передать как можно больше из размеров оригинала, если он желает выразить меняющиеся настроения произведения, первоначальное намерение автора.

В 60-х гг. вышло несколько английских переводов «Слова». Один из них — перевод Владимира Набокова, опубликованный в 1960 г.⁶ В Предисловии Набоков предупредил, что он «беспощадно пожертвовал формой ради содержания» и что он попытался выполнить буквальный перевод текста так, как он его понимает.⁷ Этого Набоков достиг ценой некоторых потерь. Ему удалось сохранить более или менее героическую суть «Слова», но удивляет у него целый ряд излишне буквально переданных в переводе,

³ Ward D. Translating the Slovo o polku Igoreve // Slavonic and East European Rev. 1958. N 36. P. 505.

⁴ См.: Grégoire H., Jakobson R. O., Szeftel M. La Geste du prince Igor : épopée russe du douzième siècle. New York, 1948. P. 150—179.

⁵ The Lay of the Warfare Waged by Igor. Moscow, 1981.

⁶ Nabokov V. The Song of Igor's Campaign: An Epic of the Twelfth Century. New York, 1960; London, 1961.

⁷ Idem., P. 17.

а порой странно переведенных слов, иногда допущенные грамматические произволы. В общем неплохом переводе Набоков лишает произведение силы из-за своего стремления к строго буквальной передаче оригинала. Можно было бы пожелать, кроме того, чтобы примечания, сопровождающие текст, были бы более информативными. Кстати, в них содержатся и неточности: так, термин «русичи» является, по мнению Набокова, дружеской формой обращения (с. 96—97). Использование этой формы в произведении имеет гораздо более серьезный и многозначный подтекст. Набоков также разбил «Слово» на строфы, хотя он меняет длину строк более или менее согласно с размерами в оригинале.

Следующей заслуживающей внимания работой явился перевод проф. Дмитрия Оболенского (Оксфордский университет) в антологии русской поэзии с переводом в прозе.⁸ Хотя целью перевода Оболенского было в первую очередь передать смысл «Слова», я считаю его лучшим для изучающих это произведение. Это — перевод в прозе, разбитый на параграфы с тем, чтобы читатель мог понять строение произведения. Но автор перевода интуитивно чувствует поэтическую ткань «Слова» и его героический дух. В местах, где первоначальный текст недостаточно ясен, Оболенский предлагает — в скобках — собственную версию, но подкреплённую выводами, к которым приходит большинство ученых. Язык его перевода никогда не звучит странно или искусственно, и естественный ритм «Слова» чувствуется в переводе, несмотря на его буквальный характер.

В ряду английских переводов, о которых следует упомянуть, стоит работа, опубликованная в 1963 г. Сергеем Зеньковским (в США) в антологии переводов древнерусской литературы.⁹ Зеньковский использовал текст «Слова», подготовленный Д. С. Лихачевым в «Литературных памятниках»,¹⁰ одновременно широко прибегая к тексту «Слова» с толкованиями проф. Р. Якобсона для объяснения наименее ясных мест. Его попытка придать стихотворную форму переводу «Слова» оказалась до некоторой степени удачной, так как короткие строки, на которые Зеньковский разбил памятник, способствовали лучшему восприятию наиболее сложных моментов повествования. Читатель лучше чувствовал логическую конструкцию и структуру произведения, но происходило и нарушение, прерывность в течении идей (и даже отдельных выражений). Зеньковскому удалось передать героизм языка. В случае неясности отдельных мест «Слова» он пользовался близкими, казалось бы, по смыслу словами, заключая их в скобки. Примечания в его работе, однако, недостаточно полны и порой могут ввести читателя в заблуждение, а самый перевод недостаточно строго следует за оригиналом.

Я ничего не сказала о переводах проф. Уорда, хотя первый его перевод «Слова» был выполнен в 1954 г. Дело в том, что впоследствии проф. Уорд отчасти пересмотрел свой перевод и придал ему окончательную форму лишь в 1966 г.¹¹ В своей работе он стремится к тому, чтобы сохранить то, что он называет «тканью» («texture») «Слова», все поэтические средства, которые передают характерные черты оригинала, без которых, считает он, смысл произведения не мог бы быть выражен. В своих усилиях, по моему мнению, он добился значительного успеха. Хотя он разбил текст на строки, ему удалось передать ритм оригинала благодаря тому, что длинные строки чередуются у него с короткими, как этого требует текст произведения. Проф. Уорд пытается также сохранить созвучия и аллитерации, столь многочисленные в «Слове». К счастью, в «Слове» отсутствует строгая си-

⁸ O b o l e n s k y D. The Penguin Book of Russian Verse. Harmondsworth, 1962.

⁹ Z e n k o v s k y S. A. Medieval Russia's Epics, Chronicles and Tales. New York, 1963; 1974 (испр. и доп.).

¹⁰ Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 9—31.

¹¹ W a r d D. Forum for Modern Languages. 2. 1966. P. 160—174.

стема аллитераций, поэтому имеется возможность в тех случаях, когда трудно в каком-то месте сохранить этот прием, ввести его в другой фрагмент текста «Слова». Проф. Уорд иногда очень удачно подбирает английские формы, почти идеально соответствующие приемам оригинала.¹² В своем переводе он старается держаться близко к тексту оригинала, и для читателя, желающего ознакомиться со «Словом» как с художественным произведением, этот перевод является лучшим английским переводом, опубликованным до сих пор.

Последний перевод, на котором я хотела бы остановиться, принадлежит Роберту Хаусу.¹³ Этот перевод стихотворный. Строки его по своей длине мало отличаются одна от другой: они в основном короткие, что придает тексту жесткий, отрывочный характер. Ритм текста памятника передан удовлетворительно, и перевод частями достаточно хорош. Книга содержит обширное введение, информирующее об истории похода Игоря, комментариев и примечания. Однако мне кажется, что не следует, как это делает Хаус, принимать некоторые высказываемые суждения без оговорок. Субъективными и необидительными представляются и некоторые его предположения относительно прочтения отдельных мест текста памятника.

Самым последним является английский перевод «Слова» (пока еще не опубликованный), вышедший из-под пера Джека Хейни (Jack V. Heine), профессора университета в г. Сиэтл штата Вашингтон.

Я ограничилась здесь лишь общим обзором тех английских переводов «Слова», которые можно считать наиболее значительными. Были, конечно, и другие переводы, но я считаю их неудачными.

А теперь обратимся к некоторым общим проблемам, встающим перед переводчиками «Слова» на английский язык. Я уже упомянула о проблемах искусственных архаизмов через использование отживших лингвистических форм, равно как и об опасностях «языка» нашего времени, а также о субъективных попытках навязать «Слову» твердые метрические рамки. Я также подчеркнула, что переводчик связан тем, что английский не является спрягаемым языком. Он ограничен не только сравнительно жесткими правилами в отношении порядка слов, но и необходимостью вводить многочисленные короткие слова вроде артиклей и предлогов, которые могут явиться препятствием в попытках переводчика добиться ритмического эффекта.

Еще более сложным является вопрос о том, как, осуществляя перевод, находить нужное слово, точно соответствующее тому же слову на другом языке. Даже слова на первый взгляд простые могут иметь много нюансов, которые теряются при переводе. Для иллюстрации этого достаточно привести один пример из «Слова». Слова «Русская земля» могут быть буквально переведены на английский только как «Russian land». Но это отнюдь не доводит до читателя эмоциональную окраску, присущую этим словам на древнерусском языке, не говоря уже о том, что они охватывают целый ряд понятий, как об этом свидетельствуют многочисленные научные труды на эту тему. Вопрос заключается не только в исторических, географических и политических факторах, связанных с этими словами, и не только в том, как они понимались в этом контексте 800 лет тому назад. Слово «земля», как это убедительно утверждают многие авторы, может быть связано с культом рода и земли, пережитки которого были широко распространены на Руси в XII в., причем имеется немало свидетельств частичного существования таких пережитков и среди правящих классов. Поэтому слова «Русская земля» имеют подтекст, который отвечает также мистической настроенности «Слова».

¹² Ward D. Translating the Slovo. . . P. 505.

¹³ H o w e s R. C. The Tale of the Campaign of Igor: A Russian Epic of the Twelfth Century. New York, 1973.

Необходимо вообще иметь в виду, что ничто в средневековой эпической литературе не является случайным. Все имеет свое значение и свою цель. В литературе, глубоко ушедшей корнями в устную традицию, слова могли сохранять «магическую» силу. Но со временем все забывалось, и стало трудно понимать порой сущность того или иного произведения людям других культур и традиций.

Одна из наиболее трудных задач, стоящих перед переводчиком, — это способность увидеть такую эпоху, как Средние века в собственном контексте этого периода, ощутить в себе чувство близости к нему, понять его духовную направленность и мировоззрение, подавляя собственные предубеждения. Проф. Уорд писал по этому поводу: «Полное понимание поэмы идет лишь от самой поэмы».¹⁴ Это означает, что необходимо передавать произведение по возможности во всей его полноте, поскольку форма может иметь важное значение в понимании смысла произведения. В «Слове» героическая направленность выражается его языком и различными литературными приемами. Смысл произведения неразрывно связан со всей его тканью, в которой каждый элемент наводит на мысль о другом. Таким образом, произведение может быть полностью понимаемо, только если оно представлено как единое целое.

Неудивительно поэтому, что даже лучшие переводы не могут считаться полностью удовлетворительными. Самое большее, на что переводчик может рассчитывать, — это то, что он приблизится к пониманию смысла того или иного произведения, смиряясь с тем, что ни он, ни его собратья никогда не смогут достичь совершенства.

При всем этом одни английские переводы явно оказались удачнее других. Этот успех объясняется в широкой степени эрудицией переводчика, его пониманием языка как такового, чувством эпохи данного периода. Так, например, проф. Уорд — специалист в области фонетики и лингвистики. Проф. Оболенский — не только специалист по истории средних веков, он проявил себя тонким знатоком поэзии вообще. В целом, для того чтобы избежать излишней субъективности и толкования произведения сообразно собственным вкусам, необходимо, чтобы переводчик руководствовался самим текстом, чтобы текст как бы вел его за собой. Об этом говорил еще акад. Д. С. Лихачев в дискуссии, организованной «Литературной газетой» (1985. № 28).

Интерес к «Слову» и вообще к литературе средневековой Руси значительно возрос за последние тридцать пять лет в англоязычном мире. У ученых появилась возможность не только лучше осветить смысл «Слова» и найти ему место в историческом процессе, но также произвести переоценку своих познаний о западноевропейской эпике вообще. «Слово» приковывает к себе внимание не только ученых — его поэтичность, магическая красота вызывают к нему интерес и любовь каждого читателя.

¹⁴ Ward D. Translating the Slovo... P. 505.

Г. ШТУРМ

К истории переводов «Слова о полку Игореве» на немецкий язык*

Когда в октябрьском номере издававшегося в Гамбурге журнала «Spectateur du Nord» за 1797 г. Н. М. Карамзин сообщил международной общественности о найденном примерно в 1787 г. А. И. Мусиным-Пушкиным списке «Слова», он положил тем самым начало чрезвычайно интенсивной рецепции этого произведения в странах немецкого языка, которая продолжается вплоть до наших дней. Трехзначное число научных и научно-популярных публикаций говорит о большом интересе немецких филологов к этому шедевру древнерусской литературы, а семнадцать (!) переводов «Слова» на немецкий язык свидетельствуют о высокой оценке, даваемой ему немецким читателем, и большой популярности этого литературного памятника. Первым немцем, который непосредственно занялся «Словом», был историк Август Людвиг фон Шлецер — член Петербургской Академии наук, работавший в ней в 60-е гг. XVIII в. Он с большим интересом прочитал отзыв Карамзина о «Слове», о том, что произведение можно поставить в один ряд с лучшими литературными памятниками мира, и нетерпеливо ждал возможности познакомиться с текстом. Его сомнения относительно подлинности произведения развеялись после знакомства с изданием «Слова» в 1800 г. Уже в конце 1801 г. Шлецер решительно ратует за подлинность этой «почтенной русской древности», и эта позиция для немецких филологов осталась определяющей. Как и он, другие ведущие представители немецкой интеллигенции быстро увидели литературную ценность «Слова». Так, братья Якоб и Вильгельм Гримм, — после того как великий чешский ученый Йозеф Добровский обратил их внимание на «Слово», — не раз упоминали в своих сочинениях это произведение. Вильгельм Гримм рецензировал также немецкий перевод Й. З. Мюллера в гейдельбергском журнале в 1812 г.

Шлецер уже в 1801 г. выразил надежду, что «Слово» скоро будет переведено на другие языки. Прошло лишь два года, и в 1803 г. Иоанн Готтфрид Рихтер (1764—1829) представил первый немецкий перевод памятника.¹ Эту мысль ему, по всей вероятности, подал Шлецер. Кроме того, у него были тесные связи с Карамзиным. Перевод Рихтера, который вообще считается первым переложением на иностранный язык, имеет, правда, в настоящее время лишь ограниченную ценность, но остается новаторским. Первый польский частичный перевод Цыбриана Годаевского 1806 г. опирается на работу Рихтера, а не на первый французский перевод Н. Бланшара, — как это предполагалось нередко раньше.

* Настоящая статья представляет собой текст доклада, прочитанного Г. Штурмом в Москве в январе 1986 г. на Международной конференции, посвященной «Слову о полку Игореве» (Ред.).

¹ Richter J. Lied vom Zuge Igor's gegen die Polowzer // Russische Miscellen / Hrsg. von J. Richter. Leipzig, 1803. Bd 1, N. 3. S. 1—56.

В то время как Рихтера побудили сделать перевод два больших почитателя «Слова», Шлецер и Карамзин, три последующих перевода — Йозефа Захариаса Мюллера (1782—1844), Самуэля Рожная (1787—1815) и Вацлава Ганки (1791—1861) — были сделаны по инициативе Добровского, поощрявшего и поддерживавшего переводчиков «Слова». Переложение И.-З. Мюллера вышло в 1811 г.,² а Ганки — в 1821 г. (в одном томе вместе с его чешским переводом).³ Рожная представил сначала чешскую редакцию (1808), а на немецкий язык перевел «Слово» между 1810 и 1815 гг. Полный текст чешского и немецкого переводов Рожная считается затерянным — до сих пор удалось обнаружить лишь фрагменты.⁴ Из трех переложений школы Добровского самым удачным следует признать перевод Ганки. Хотя Ганка и придерживался редакции Мюллера, но внес в нее многочисленные поправки и по стилю, и по содержанию. Поэтому его работа послужила позже образцом для некоторых других переводчиков.

Лишь несколько лет спустя, в 1825 г. выходит в Москве пятый немецкий перевод Карла Т. Седерхольма (1789—1867).⁵ Седерхольм, получивший, вероятно, идею от К. Ф. Каляйдовича, прилагает немало трудов, чтобы — аналогично Рожною — придать переводу стихотворную форму, но ему не удалось избежать недостатков. В 1843 г. появляется хороший перевод «Слова» Карла Вильгельма Вольфсона (1819—1865), ценную помощь которому оказало издание Ганки.⁶

С двумя переложениями выступил Август Больц (1819—1907). Первое (1854) имело серьезные недостатки,⁷ поэтому в 1868 г. он переделал текст, опираясь на лучшее русское издание.⁸

В конце XIX столетия вышло еще два немецких издания «Слова»: в 1884 г. — Гейнриха Иоанна фон Паукера (род. в 1839 г.),⁹ в 1895 г. —

² Müller J. Sermon über das Heer Igors, Igors Sohn des Swätslaw, Enkel der Olga // Heldengesang vom Zuge gegen die Polowzer, des Fürsten vom sewerischen Nowgorod Igor Swätslawitsch, geschrieben in altrussischer Sprache gegen das Ende des zwölften Jahrhunderts / In die teutsche Sprache treu übertragen, mit einer Vorrede und kurzen philologischen und historischen Noten begleitet von J. Müller. Prag, 1811. S. 32—69.

³ H a n k a W. Spruch vom Heerzuge Igor's, Igors Sohn des Swätslaw, Enkel des Oleg // Igor Swatoslawič. Hrdinsky zpiew o taženj proti Polowcům. [Wěrně w půwodnjm gazyku, s připojenjm Českého a Německého přeloženj / Od W. Hanky. W Praze, 1821. S. 59—80.

⁴ [R o ž n a y S.] 1) Igor: Ein altrussischer Heldengesang aus dem zwölften Jahrhundert: I. Des Sängers Vorwort // Morgenblatt für gebildete Stände. 1817. N. 298. S. 1189—1190; 2) Idem. II. Igors Feldzug und Sieg // Ibid. N. 299. S. 1193—1194; 3) Idem. III. Jaroslawnas Klage // Ibid. 1812. N. 202; Прилож. «Übersicht der neuesten Literatur». 1812. N. 9, S. 36.

⁵ См.: Das Lied vom Heereszuge Igors, Sohnes Swätslaws, Enkels Olegs: Aus dem Slawonischen metrisch übersetzt: Mit einer Geschichte des Textes, einer historischen Einleitung und kritisch-erklärenden Anmerkungen // Vom Pastor Sederholm. Riga etc., 1825. S. 20—39.

⁶ W o l f s o h n C. W. Das Lied vom Heerzuge Igor's // Die schönwissenschaftliche Literatur der Russen: Auserwähltes aus den Werken der vorzüglichsten russischen Poeten und Prosaisten älterer und neuerer Zeit, ins Deutsche übertragen von C. W. Wolfsohn. Bd 1: Gedichte. Abt. 1. Leipzig, 1843. S. 173—226.

⁷ B o l t z A. Heldenlied vom zuge Igor's gegen die Polowzer // Слово о полку Игоревъ: Lied vom Heereszuge Igors gegen die Polowzer. Ältestes russisches Sprachdenkmal aus dem XII. Jahrhundert / Im Urtexte mit Commentar, Grammatik, Glossar und einer metrischen Übersetzung herausgegeben von Dr. A. Boltz. Berlin, 1854. S. 14—24.

⁸ B o l t z A. Слово о полку Игоревъ: Heldenlied vom Heereszuge Igor's gegen die Polowzer (Ältestes Russisches Sprachdenkmal aus dem XII. Jahrhundert.) // B o l t z A. Beiträge zur Völkerkunde aus Wort und Lied. Oppenheim, 1868. S. 99—127.

⁹ P a u c k e r H. von. Das Lied von Igor's Heerfahrt // Das Lied von der Heerfahrt Igor's, Fürsten von Sēversk / Aus dem Altrussischen übersetzt und mit einer lit-

Рудольфа Абихта (1850—1921).¹⁰ Паукер пытается в своем прекрасном прозаическом переводе освободиться от влияния Ганки — более или менее заметного из его предшественников — и пойти собственным путем.

К первой четверти нового столетия относятся три сильно отличающихся друг от друга немецких перевода: Райнер Мария Рильке (1875—1926) предпринимает в 1904 г. удачную попытку вольного перевода в стихотворной форме. Однако тогда произведение не было опубликовано, за исключением одного фрагмента. Лишь в 1949 г. текст был издан полностью.¹¹ К 1913 г. относится перевод М. Жунковича,¹² а к 1923 г. — Артура Лютера (1876—1955).¹³

В период фашизма новые издания «Слова» на немецком языке не выходили, однако видные представители немецкой литературы не скрывали своего глубокого уважения к древней, классической и русской литературе молодой Советской Страны, а не дававшие себя запугать честные немцы-филологи по-прежнему знакомили своих студентов с сокровищами русской, украинской и белорусской литератур.

Первым новым немецким переводом «Слова» после второй мировой войны мы обязаны безвременно скончавшемуся ростокскому литературоведу и фольклористу Гаральду Раабу (1921—1969). Его публикация (1965)¹⁴ явилась результатом многолетнего успешного сотрудничества с Д. С. Лихачевым и его коллегами, оказавшими большое влияние на молодое славяноведение ГДР. С тех пор этот перевод выходил в ГДР в д е в я т и различных изданиях и пользуется большой популярностью. Ориентируясь на перевод Рааба, Сара Кирш (род. в 1935 г.) специально для детей сделала вольный пересказ «Слова» в 1977 г.¹⁵

В ФРГ также вышли два перевода: Ганс Бауман (род. в 1914 г.) опубликовал в 1968 г. переложение «Слова»,¹⁶ а Людольф Мюллер (род. в 1917 г.) представил в 1974 г. очень точный перевод, который явился результатом кропотливой научной работы над «Словом».¹⁷

Почти все переводчики исходили из древнерусского текста «Слова»; большинство из них имели перед собой текст первого издания 1800 г. Лишь Рихтер воспользовался в качестве основы русским переводом пер-

terarhistorischen Einleitung und Anmerkungen versehen von H. von Paucker. Berlin, 1884. S. 23—41.

¹⁰ См.: Das Lied von der Heerschaar Igorj's / Aus dem Altrussischen übersetzt von Dr. R. Abicht. Leipzig, 1895.

¹¹ См.: Г р о н і с к а А. von Rainer Maria Rilke's Translation of the «Igor' Song» (Slovo) // Russian Epic Studies / Ed. by R. Jakobson and E. J. Simmons (=Memoirs of the American Folklore Society. 42). Philadelphia, 1949, S. 186—198; см. также: Das Igor-Lied // R i l k e R. M. Werke: Auswahl in zwei Bänden. Prosa. Leipzig, 1953. Bd 2. S. 345—361.

¹² Ž u n k o v i ě M. Die Geschichte von Igers Kriegszuge: Das älteste russische Heldengedicht // Staroslovan 1 (Kremsier, 1913). S. 112—131.

¹³ См.: Die Mär von der Heerfahrt Igers: Der ältesten russischen Heldendichtung Deutsch nachgedichtet von A. Luther. München, 1923. S. 7—54.

¹⁴ См.: Das Lied von der Heerfahrt Igers, des Sohnes Swjatoslaws, des Enkels Olegs. Слово о пълку Игоревѣ, Игоря сына Святослава, внука Ольгова / Hrsg. und übersetzt von H. Raab (=Reclams Universal-Bibliothek. Bd 216). Leipzig, 1965. S. 7—37.

¹⁵ K i r s c h S. Das Lied von der Heerfahrt Igers // Sagen und Epen der Welt neu erzählt. Berlin, 1977. S. 126—135.

¹⁶ См.: Das Lied vom Heerzug Igers, des Swjatoslawsohnes, des Oleg-Enkels // Aus dem alten Rußland: Epen, Chroniken und Geschichten / Hrsg. und mit einem Nachwort versehen von S. A. Zenkovsky; ins Deutsche übertragen von H. Baumann (Gedichte). München, 1968. S. 143—163.

¹⁷ M ü l l e r L. Die Rede von der Heerfahrt Igers, des Svjatoslav-Sohnes. des Enkels des Oleg // Das Igorlied und die Berichte der Hypatius- und der Laurentiuschronik über den Feldzug Igers gegen die Kumanen im Jahre 1185 / Übersetzt von L. Müller (=Skripten des Slavischen Seminars der Universität Tübingen). Tübingen, 1974. N. 2. S. 1—22.

вого издания. Рильке также стремился создать свое вольное переложение по древнерусскому тексту, и лишь трудные места он сверял с русским переводом. Он настолько владел русским языком, что переводил, в частности, произведения Лермонтова, Достоевского и Чехова для немецкого читателя.

Насколько досконально большинство переводчиков изучало исторический фон и древнерусскую культуру, свидетельствует то обстоятельство, что они, как правило, сопровождали свой перевод комментарием или примечаниями. Исключение составляют лишь переводы Рильке и Кирша (что объясняется самой целеустановкой свободного перевода и пересказа) и издание Лютера, снабженное лишь перечнем имен.

Вызывает интерес то, как воспринималось «Слово» переводчиками — в качестве прозаического или поэтического произведения? Чисто прозаическую форму избрали, например, Рихтер, Й. З. Мюллер (с оговоркой) и Кирш. О ритмической прозе можно говорить у Ганки, Паукера, Рильке, Жунковича и Рааба. Стихотворную форму предпочли Рожнай, Седерхольм (пятистопный ямб), Вольфсон, Больц (четырёхстопный трохей), Абихт, Лютер. Бауман и Л. Мюллер. Единый размер стиха не нашел при этом применения. Все отказались также от конечной рифмы, но зато любимым стилистическим средством становится аллитерация (например, у Ганки, Паукера, Абихта, Рильке и Лютера).

Во многих случаях переводчиков привлек к «Слову» филологический интерес, несмотря на то, что у некоторых из них была другая основная профессия: Рихтер был учителем и писателем, Й. З. Мюллер, Ганка, Л. Мюллер — филологами, Лютер, Рааб — литературоведами, Паукер, Кирш, Бауман — писателями, Вольфсон и Рильке — поэтами, Жункович — археологом, Больц — учителем, Рожнай, Седерхольм, Абихт — священниками. Филологический интерес у переводчиков определялся их отношением к русской литературе и России, с которой они были так или иначе связаны. Рихтер, Седерхольм, Вольфсон, Больц и Лютер провели более или менее длительное время в России; Рильке полюбил русскую литературу во время путешествий; Й. З. Мюллер, Рожнай и Ганка являются учениками Добровского по славяноведению; Абихт, Рааб и Л. Мюллер заведовали кафедрой славяноведения в немецких университетах.

Бросается в глаза, что большая часть переводчиков не являются немцами по происхождению: Ганка — чех, Рожнай — словак, Седерхольм происходит из Финляндии, Вольфсон — потомок иммигрировавших в Россию немецких евреев (родился в Одессе), Паукер родом из Ревеля (Таллинн), Рильке родился в Праге, Жункович — словенец, Лютер родился в Орле, а Рааб родом из Моравии. Все они, тесно соприкасаясь с двумя культурами — в нашем случае славянской и немецкой, — выполняли роль посредников между литературами.

Рецепция «Слова о полку Игореве», наступившая примерно во время освободительных войн, т. е. в начале прошлого века, когда все больше возрастал интерес немцев к русской культуре, пережила и трудные времена во взаимоотношениях государств. Сегодня добрые традиции, заложенные совместно немцами и славянами, продолжают жить в обоих германских государствах и в Австрии.

В заключение — еще одно замечание. Гражданами ГДР, кроме немцев, являются и лужицкие сербы. Для представителей этого славянского народа уже в 1853 г. «Слово» было переведено на верхнелужицкий язык. Перевод был сделан одним из ведущих деятелей серболужицкой культурной жизни того времени — священником, филологом и писателем Михаилом Гурником (1833—1894).¹⁸ Образование он получил в Праге — зани-

¹⁸ H ó r n i k M. Igoř Swjatsławič (1853, неопубл. пер.).

мался, в частности, славяноведением у Вацлава Ганки. Заслуга Гурника в том, что своими переводами почти со всех славянских языков он познакомил своих серболужицких земляков с поэтическими произведениями братских народов.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

ОБРАЗЦЫ ИЗ НЕМЕЦКИХ ПЕРЕВОДОВ
«СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

J. Richter

Lasset uns, Brüder, die traurige Erzählung von Igors Zuge gegen die Polowzer in der Sprache der Vorzeit beginnen! — Aber einfach und wahr, nicht geschmückt mit Bildern, wie die Gesänge des klugen Bojans, der sich in seinen Liedern zum Ruhme der Helden, bald auf die Gipfel der Bäume schwingt, bald gleich einem grauen Wolfe auf der Erde hinschießt, bald wie ein blauer Adler über die Wolken fliegt.

J. Z. Müller

Wäre es uns nicht angenehm, Brüder! anzufangen mit alten Worten die traurigen Ereignisse vom Heere Igor's, Swätslaw's Sohn! Anfangen aber muß dieses Lied nach der Sitte dieser Zeit, und nicht nach bojanischer Erfindung. Denn Bojan, der begeisterte Dichter, wenn er jemanden einen Gesang singen wollte, so lief er in Gedanken durch Wälder, wie der graue Wolf auf der Erde; wie der bläuliche Adler unter den Wolken.

V. Hanka

Wäre es nicht schön, Brüder! zu beginnen mit alten Worten die traurigen Sagen vom Heerzug Igor's, Igor's des Swätslaw-Sohnes. Beginnen soll das Lied nach den Geschichten dieser Zeit, und nicht nach Bojans Erdichtung. Denn Bojan, der Seher, wollt' er jemanden singen ein Lied, so schweifete sein Geist durch Wälder, wie der graue Wolf auf der Erde; wie der bläuliche Adler unter den Wolken.

S. Rožnay

Laßt uns Brüder! in der Vorzeit Sprache
Kühn das Trauerschicksal der gepriesnen
Scharen Igors, Swätslaws Sohn, beginnen!
Nach der Sitte unsrer Tage walle
Dieses Lied, und nicht in Bojans Fluge.
Denn wenn er, der Sänger der Begeistrung,
Im Gesange Helden preisen wollte;
Ha! da lief er sinnend durch die Wälder,
Gleich dem grauen Wolf auf weiter Erde:
Schwang sich durch des Aethers öde Bläue,
Gleich dem Adler unter Himmelswolken.

K. Th. Sederholm

Bedünket es nicht euch, ihr Brüder, löblich,
wenn wir in alter Zeiten Wort begönnen
die Trauermähr von Igors Heereszuge,
des Sohnes Swätoslaws? — Wohlan denn, Lied,
beginne, treu den Thaten dieser Zeiten,
nicht nach Bojans Gedankenflug, des Sehers.
Denn wenn ein Heldenlied er singen wollte,
so schweifete durch die Wälder sein Gedanke,
wie auf der Erde schweift der graue Wolf,
den Wolken nah der bläulich-graue Aar.

C. W. Wolfsohn

Wär' es nicht schön für uns, Brüder,
Zu beginnen mit alten Worten
Von Igor's Heer die Trauergeschichten,
Igor's, des Swjatslawitschen!
Doch es muß beginnen das Lied
Nach dem Geschehenen dieser Zeit,
Und nicht nach Boján's Ersinnen.
Denn Boján, der Seher, wollte
Ein Lied er jemand schaffen,
So enteilt' er im Geiste durch Wälder,
Gleich dem grauen Wolf ob der Erde,
Gleich dem bläulichen Aar unter Wolken.

A. Boltz (I)

Brüder, sagt, wär's nicht gerathen,
 nach dem alten brauch der väter
 was die sagen von dem zuge
 Igor's, Swätoslawitsch's sohne,
 melden, uns zu wiederholen.
 doch beginnen mag dies lied nur
 nach den sagen uns'rer zeit, nicht
 nach Bojan's erhab'ner weise.
 denn Bojan, der hehre dichter,
 wenn der über'm liede dachte,
 schlich sich aus dem lauten kreise
 in die einsamkeit des waldes
 und durchstrich die schatt'gen haine
 wie der graue wolf die haide,
 wie der dunkelblaue adler
 durch die wolken streift im fluge.

A. Boltz (II)

Brüder, wär' es nicht gerathen,
 Nach dem alten Brauch der Väter
 Was die Sagen von dem Zuge
 Igor's, Swätoslawitsch's Sohne,
 Melden, treu zu wiederholen?
 Doch beginnen mag dies Lied nur
 Nach den Sagen uns'rer Zeit, nicht
 Nach Bojan's erhab'ner Weise.
 Denn Bojan, der hehre Dichter,
 Wollte der im Lied berichten,
 Schweift' er ab durch Wald und Auen,
 Ließ den grauen Wolf der Haide
 Und den Wolkenaar erscheinen,
 Um es würdig auszusmücken.

H. J. von Paucker

Brüder, wäre es nicht schön, wenn wir nach alter Weise begännen den Sang von der unglücklichen Heerfahrt Igor's, Svjatoslav's Sprossen? Wenn wir ihn nach den Heldenliedern unserer Zeit begännen, und nicht nach der Erfindung Bojan's. Wenn der weise Bojan Jemandem ein Lied anstimmen wollte, war es, als ob ein Eichhörnchen den Baum hinanspränge, oder ein grauer Wolf durch die Ebene eilte, oder ein blauer Adler den Wolken zustrebte.

R. Abicht

War's nicht wohlgethan von uns, o Brüder,
 Anzuheben mit den alten Worten
 Die leidvollen Kunden von der Herrschar Igorj's,
 Igorj's, des Sohnes Svjatoslav's?!
 Sollte das Lied etwa anheben
 Nach Art der Volkslieder dieser Zeit,
 Und nicht nach der Kunst Bojan's?!
 Bojan, der Sänger,
 Wenn er Jemand ein Lied dichten wollte,
 Zerfloss (in Tönen, vergleichbar)
 Der Nachtigall auf dem Baum,
 dem grauen Wolfe auf der Erde,
 Dem dunklen Adler unter den Wolken.

R. M. Rilke

Wie wäre es, Brüder, wenn wir anfangen, nach den alten Überlieferungen die schwere Geschichte vom Zuge Igors zu erzählen, vom Zuge des Igor Swjatoslawitsch. Anfangen aber wollen wir das Lied nach den Bylinen unserer Zeit, nicht nach der Erfindung Bojans. Wenn der Seher Bojan einem ersinnen wollte ein Lied, breitete er sich aus und war in den Bäumen, war auf der Erde als grauer Wolf und als Adler, blaugrau, unter den Wolken.

M. Žunkovič

Brüder, wäre es für uns nicht geziemend, mit ehrwürdigen Worten die traurige Geschichte vom Kriegszuge Igor's, des Igor Svjatslavič zu beginnen?

Doch dieses Lied muß mit den zeitgemässen Begebnissen beginnen und nicht nach Bojans Erdichtungen, denn Bojan war ein Seher, und wollte er jemand besingen, da verbreitete er sich im Gedankenwalde, gleichend dem stichelhaarigen Wolfe auf der Erde oder dem grauen Adler unter den Wolken. . .

A. Luther

Wär es nicht würdig und wohlgetan, Brüder,
 Wenn wir anheben wollten nach alter Weise
 Die harmvolle Mär von Igers Heerfahrt,
 Von Igor, dem Sohne des Swjatoslaw?
 Wie es wirklich geschah, so werd' es geschildert,
 Nicht wollen wir folgen Bojans Erfindung.
 Denn wenn Bojan zu jemandes Lobe
 Seine Stimme erhob, dann hüpfte er als Eichhorn
 Über Stamm und Geäst; als Adler stieg er
 Hinauf zu den Wolken, als grauer Wolf
 lief er durchs Land, nach Beute lüstern.

H. Raab

Wäre es nicht besser, Brüder, auf alte Weise die kummervolle Erzählung zu beginnen über die Heerfahrt Igers, des Igor Swjatoslawitsch? Doch nein, möge dieses Lied anheben, den Begebenheiten unserer Zeit folgend und nicht der Erfindung Bojans. Denn der weise Bojan, wollte er auf jemand ein Preislied singen, dann schweifte er in Gedanken durch die Baumwipfel, dann strich er einem grauen Wolf gleich über die Erde, dann schwebte er wie ein silberblauer Adler unter den Wolken dahin.

H. Baumann

Wär's nicht das Rechte, Brüder,
 mit althergebrachten Worten zu beginnen
 den kummervollen Bericht vom Heerzug Igers,
 Igers, des Swjatoslawsohnes?
 Dieses Lied aber soll beginnen
 gemäß den Begebenheiten unserer Zeit
 und nicht nach der Eingebung Bojans.
 Wenn nämlich der Seher Bojan
 zum Ruhme eines andern zu singen gedachte,
 dann schweifte er in Gedanken durch Baumwipfel,
 als Grau-Wolf über die Erde,
 als Grau-Adler in den Wolken.

L. Müller

Nicht ziemte es sich für uns, Brüder,
 mit alten Worten zu beginnen
 die Mühsalsnachrichten von der Heerfahrt Igers,
 Igers, des Svjatoslav-Sohnes.
 Nein — beginnen soll dies Lied
 nach den Geschehnissen dieser Zeit
 und nicht nach dem Erdichten des Bojan.
 Denn wenn der weise Bojan
 auf jemanden ein Lied wollte machen,
 dann wandelte er sich in Gedanken
 zu einer Nachtigall im Baum,
 zu einem grauen Wolf auf der Erde,
 zu einem stahlblauen Adler unter den Wolken.

О. В. ТВОРОГОВ

«Влесова книга»

Предлагаемая читателю работа необычна по своему жанру и теме для научного ежегодника, каким являются «Труды Отдела древнерусской литературы»: исследуется и публикуется источник, являющийся, как мы попытаемся доказать, фальсификатом нового времени — середины нашего века. Но сочинение это — так называемая «Влесова книга» (далее — ВК) — интересно для истории науки и для истории общественной мысли.

Во-первых, потому, что на примере полемики вокруг ВК, объявлявшейся «бесценным источником» для познания древнейшей истории нашего народа, наглядно раскрываются сам механизм создания псевдонаучной сенсации, мотивы и приемы несерьезного популяризаторства в его борьбе с «официальной наукой». Споры вокруг ВК убеждают в непреложности требования, чтобы трезвый источниковедческий анализ, осуществленный специалистами, всегда предшествовал публичному обсуждению тех или иных открытий и гипотез в области истории культуры и гуманитарных наук.

Во-вторых, нужно признать, что ВК не совсем заурядный памятник по ответственности затронутых в нем проблем и по грандиозности самого предприятия — ведь текст ВК составляет по объему более трех печатных листов. Поэтому на нем можно проследить методику создания историографического и языкового фальсификата, установить идеологическую его программу, которая (как в нашем случае) может быть скрыта от малоосведомленного читателя.

В-третьих, важно представить не только всесторонний анализ текста ВК, рассмотрев источниковедческие, лингвистические и историографические проблемы, к этому относящиеся, но и познакомить с самим этим текстом. Только таким образом можно дать возможность каждому убедиться в его искусственности и навсегда похоронить надуманное обвинение, будто ученые из каких-либо престижных или конъюнктурных соображений «скрывают» текст ВК от народа.

Выражаем глубокую признательность инженеру из г. Руаяя (Франция), нашему соотечественнику по рождению — Б. А. Ребиндеру, любезно приславшему в Отдел древнерусской литературы материалы о ВК. Без них наша работа не смогла бы состояться.

История находки и публикации «Влесовой книги» за рубежом

Название «Влесова книга» дано рассматриваемому памятнику одним из энтузиастов его изучения и публикации — С. Лесным. С. Лесной — псевдоним доктора биологических наук, специалиста по систематике двукрылых С. Парамонова. Парамонов бежал из Киева в 1943 г.¹ и впослед-

¹ См.: Шарлемань Н. В. Сергей Парамонов о «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 611.

ствии обосновался в Австралии. Под псевдонимом С. Лесной он опубликовал несколько дилетантских книг об истории Руси и «Слове о полку Игореве». В его сочинении «Влесова книга. . .»² наиболее подробно изложена история находки и публикации памятника. История эта такова.

В 1919 г. полковник белой армии А. Ф. Изенбек обнаружил в разоренной помещичьей усадьбе³ деревянные дощечки с письменами на них. Он приказал денщику собрать дощечки в мешок и увез их с собой. В 1925 г. А. Ф. Изенбек, проживавший в Брюсселе, познакомился с Ю. П. Миролюбовым. Инженер-химик по образованию, Ю. П. Миролюбов не был чужд литературных занятий: он писал стихи и прозу, но большую часть его сочинений (посмертно опубликованных в Мюнхене) составляют разыскания в области религии древних славян и русского фольклора. Миролюбов поделился с Изенбеком своим замыслом написать поэму на исторический сюжет, но посетовал на отсутствие материала. В ответ Изенбек указал ему на лежащий на полу мешок с дощечками («Вон, там, в углу, видишь мешок? Морской мешок? Там что-то есть». «В мешке я нашел, — вспоминает Миролюбов, — „дощьки“, связанные ремнем, пропущенным в отверстие»⁴). И с той поры Ю. П. Миролюбов в течение пятнадцати лет занимается переписыванием текста с дощечек. Изенбек не разрешает выносить дощечки, и Миролюбов переписывает их либо в присутствии хозяина, либо оставаясь в его «ателье» (Изенбек разрисовывал ткани) запертым на ключ. Миролюбов переписывал, с трудом разбирая текст и, по его словам, реставрируя пострадавшие дощечки («стал приводить в порядок, склеивать. . .», — вспоминает Миролюбов⁵). Он вспоминал также: «Я смутно предчувствовал, что я их как-то лишусь, больше не увижу, что тексты могут потеряться, а это будет урон для истории. . . Я ждал не того! Я ждал более или менее точной хронологии, описания точных событий, имен, совпадающих со смежной эпохой других народов, описания династий князей и всякого такого материала исторического, какого в них не оказалось».⁶ Какую часть текста ВК Миролюбов переписал, С. Лесной установить не смог. В 1941 г. Изенбек умирает, и дальнейшая судьба дощечек неизвестна. Проходит двенадцать лет. И вот в ноябре 1953 г. в журнале «Жар-птица», издававшемся русскими эмигрантами в Сан-Франциско (первоначально — ротапринтом), публикуется следующая заметка:⁷

Колоссальнейшая историческая сенсация

При некотором нашем содействии — воззвании к читателям журнала в сентябрьском номере журнала — и журналиста Юрия Миролюбова отыскались в Европе древние деревянные «дощьки» V века с ценнейшими на них историческими письменами о древней Руси.

Мы получили из Бельгии фотографические снимки с некоторых из «дощечек», и часть строчек с этих старинных уник уже переведена на современный литературный русский язык известным ученым-этимологом Александром А. Кур⁸ и будет напечатана в следующем, декабрьском номере нашего журнала.

Редакция.

² Лесной С. «Влесова книга» — языческая летопись доолеговской Руси: (История находки, текст и комментарий). Виннипег, 1966. Вып. 1. Далее: Влесова книга.

³ Изенбек якобы не помнил точно ни фамилию владельцев усадьбы, ни ее местонахождение. Впоследствии Б. А. Ребиндер высказал предположение, что это была усадьба Задонских Великий Бурлук (ныне это селение в западной части Харьковской области). См.: R e b i n d e r B o r i s. Vie et religion des slaves le livre de Vles. Paris, 1980. P. 15—19 (далее: Ребиндер).

⁴ Влесова книга. С. 23.

⁵ Там же. С. 8.

⁶ Там же. С. 25.

⁷ Текст воспроизводится по изданию: Влес книга: Літопис дохристиянської Русі—України. Ч. 6. Лондон; Гага, 1972. С. 27.

⁸ Издатель журнала «Жар-птица» А. Кур — это эмигрант, генерал А. Куренков. С. Лесной утверждает, что А. Кур — «ассиролог», и жалеет, что в эмиграции он

По этому сообщению можно было понять, что дощечки нашлись или что, во всяком случае, редакция получила фотоснимки с них. Но в январском номере журнала за 1954 г. было опубликовано письмо Ю. П. Миролюбова, в котором, в частности, говорилось: «... фотостатов мы не могли с них (видимо, с досок. — О. Т.) сделать, хотя где-то среди моих бумаг находится один или несколько снимков. Если найду, то я их с удовольствием пришлю. Подчеркиваю, что о подлинности дощечек (так!) судить не могу».⁹ В дальнейшем в журнале появится еще несколько сообщений о «фотостатах», весьма противоречивых: в 1957 г. (октябрьский номер) Миролюбов признает, что «фотографии текстов немногочисленны, репродукции неясны»; в январе 1959 г. А. Кур упоминает «фотостатные снимки других дощечек», которые у него имеются. По сведениям самого Миролюбова, он сделал фотографии с трех дощечек.¹⁰ Так или иначе, но опубликован был в январе 1955 г. единственный «фотостат» — те самые десять строк с дощечки под № 16, которые воспроизводит в своей книге С. Лесной; этот же снимок был прислан на экспертизу в Академию наук СССР и помещен в статье Л. П. Жуковской в журнале «Вопросы языкознания».¹¹ Невольно создается впечатление, что издатели вводили читателей в заблуждение: то заманивали их обещаниями продемонстрировать имеющиеся фотоснимки, то, напротив, утверждали, что их нет, они утрачены и т. д.

Не менее странно и другое: объявив о находке дощечек в ноябре 1953 г., редакция не спешит публиковать тексты. В течение трех лет публикуются лишь статьи А. Кура, в которых в общей сложности воспроизведено около 100 строк из ВК, но публикация полного текста отдельных дощечек началась лишь с марта 1957 г. и продолжалась до 1959 г., когда журнал «Жарптица» прекратил свое существование.

В конце 60-х гг. о ВК упоминает в своих книгах «История руссов в извращенном виде» (Париж; Мюнхен, 1953—1960; материалы о ВК — в вып. 6—10) и «Русь, откуда ты? Основные проблемы истории Древней Руси» (Виннипег, 1964) С. Лесной, затем он посвящает ей специальную работу — уже упомянутое издание «Влесова книга». В 1963 г. С. Лесной опубликовал тезисы своего предполагаемого сообщения о ВК на 5-м Международном съезде славистов,¹² однако на съезде он не присутствовал и доклада о ВК не делал.¹³ После смерти С. Лесного о ВК на Западе забыли. Интерес к ней вновь пробудился в середине 70-х гг., когда издаются несколько выпусков серии «Влес книга». По сообщению Б. А. Ребиндера, к моменту его знакомства с энтузиастом изучения ВК Н. Ф. Скрипником «имелось два перевода на русский. Один сделал Лазаревич, а другой Соколов в Австралии. Перевод на украинский сделал Кирпич. Имелось также перевод на английский, сделанный Качуром, а также на украинский, бытующий в Канаде».¹⁴ С этими публикациями нам познакомиться не удалось, но перевод ВК на русский язык, осуществленный Б. А. Ребиндером (автор любезно прислал нам два выпуска своей работы «Влесова книга», изданной ротапринтом), опиравшимся на все предшествующие издания п переводы, свидетельствует о том, что серьезного научного анализа текста ВК и ее содержания не проводилось.

не имел условий для серьезной научной работы. Упоминается его сочинение, опубликованное в № 5—7 того же журнала за 1957 г. под названием «Отрывочная, но истинная история наших предков». Б. А. Ребиндер (с. 10) указывает, что А. Кур был секретарем Музея русского искусства в Сан-Франциско.

⁹ Влес книга: Литопис... Ч. 6. С. 27.

¹⁰ Влесова книга. С. 10.

¹¹ См.: Ж у к о в с к а я Л. П. Поддельная докириллическая рукопись: (К вопросу о методе определения подделок) // Вopr. языкознания. 1960. № 2. С. 143.

¹² Тезисы С. Лесного «О „Влесовой книге“» были опубликованы в кн.: Славянская филология. Т. 4: Доклады, сообщения и статьи по литературоведению. София, 1963. С. 321—323. Том был подписан к печати в июне 1963 г., за три месяца до съезда.

¹³ См.: Славянская филология. Т. 6: Отчетни материалы. София, 1965.

¹⁴ Ребиндер. Р. 14.

Посмертная публикация сочинений Ю. П. Миролюбова, осуществленная в Мюнхене в 1977—1984 гг., вносит важные коррективы в приводимые здесь сведения, но сочинения эти не были, вероятно, известны ни Ребиндеру, ни Лесному. Поэтому и мы обратимся к их анализу в заключительной части работы, а пока «примем на веру» версию, изложенную С. Лесным.

«Влесова книга» в советской печати

В 1960 г. С. Лесной прислал в Советский славянский комитет фотографию с одной из дощечек ВК. Академик В. В. Виноградов поручил экспертизу снимка палеографу и языковеду Л. П. Жуковской. Она располагала весьма ограниченным материалом (на дощечке читалось всего десять строк текста), однако смогла прийти к принципиально важным выводам. Во-первых, было отмечено, что фотография сделана, видимо, не непосредственно с дощечки, а с прориси. Во-вторых, Л. П. Жуковская указала, что если по палеографическим данным (хотя они и вызывают сомнение) нельзя прямо судить о подделке, то данные языка, напротив, свидетельствуют о том, что «рассмотренный материал не является подлинным».¹⁵ С. Лесной весьма своеобразно оспорил этот довод: он посчитал, что соображения эксперта не имеют основания уже потому, что «он этого языка не знает».¹⁶ Этот глубокомысленный вывод повторят и некоторые наши журналисты, не понявшие, как и С. Лесной, на чем основано суждение Л. П. Жуковской: не на странности или исключительности форм, а на сочетании в тексте таких разновременных языковых фактов, которые не могли сосуществовать ни в одном реальном славянском языке, и уже по крайней мере в языке восточнославянской группы, на отражение которого претендует ВК.

После публикации статьи Л. П. Жуковской о ВК в нашей стране долго забыли. Вспомнил о ней поэт И. Кобзев в 1970 г. Впрочем, его сведения о ВК в тот момент были весьма ограничены: он полагал, например, что ВК была обнаружена в Австралии.¹⁷

Всплеск ажиотажа вокруг ВК начинается в 1976 г. Можно предположить, что авторам статей об этом памятнике стали каким-то образом доступны публикации текста и переводы ВК, появившиеся незадолго перед тем на Западе. В 1976 г. газета «Неделя» печатает статью В. Скурлатова и Н. Николаева. Ей предпослано небольшое вступление от редакции, в котором мы, в частности, читаем: «Содержание ее (ВК. — О. Т.) столь необычно, что не укладывается в рамки существующих представлений о древности славянской письменности. И, может быть, поэтому недоверие было первой реакцией некоторых ученых».¹⁸ Заметьте: «первой реакцией». Значит, была и другая, последующая реакция? К тому же, если это реакция «некоторых ученых», то значит есть и другие ученые — поверившие? Так уже в первой статье о ВК выдвигается тезис, будто бы ученый мир по отношению к ВК разделился на две группы: сторонников и противников ее подлинности. Нам еще придется не раз говорить о полной бесосновательности такого утверждения, а сейчас остановимся на собственно «научных» суждениях, к которым привело редакцию и авторов статьи знакомство с ВК.

Итак, эта «таинственная летопись» позволяет «по-новому поставить вопрос о времени возникновения славянской письменности». Но, по самым оптимистическим прогнозам сторонников ВК, она относится ко второй

¹⁵ Жуковская Л. П. Поддельная докириллическая рукопись. С. 144.

¹⁶ Влесова книга. С. 36.

¹⁷ Кобзев И. О любви и нелюбви // Рус. речь. 1970. № 3. С. 49.

¹⁸ Скурлатов В., Николаев Н. Таинственная летопись: Гипотеза на проверку. «Влесова книга» — подделка или бесценный памятник мировой культуры // Неделя. 1976. № 18. С. 10.

половине IX в. (в ней упомянуты Рюрик, Аскольд и Дир!), т. е. ко времени появления создания славянской азбуки Кириллом и Мефодием. Поэтому данный вопрос может быть поставлен лишь в том случае, если окажется, что алфавит ВК не зависит от кириллического и архаичнее его. Но в том-то и дело, что в основном ВК употребляет слегка деформированные буквы кириллического алфавита.

«Необычность содержания» ВК ставит перед исследователями совершенно иной вопрос: о соответствии этого содержания современным научным представлениям о происхождении славян. Однако В. Скурлатов и Н. Николаев без каких бы то ни было оговорок выступают в роли доверчивых читателей ВК. Она, по их словам, «изображает совершенно неожиданную картину далекого прошлого славян, она повествует о русах как „внуках Даждьбога“, о праотцах Богумире и Оре, рассказывает о передвижении славянских племен из глубин Центральной Азии в Подунавье, о битвах с готами и затем с гуннами и аварами, о том, что трижды Русь погибнувшая восстала. Она говорит о скотоводстве как основном хозяйственном занятии древних славяно-русов, о стройной и своеобразной системе мифологии, миропредставлении, во многом неведомом ранее. Придумать такое вряд ли под силу какому-либо заурядному фальсификатору». Как именно изложена в ВК эта «картина далекого прошлого славян», мы будем еще говорить далее, сейчас же обратим внимание на другое. Создается впечатление, что ВК восполняет недостаток наших сведений, но ни слова не говорится о том, что историографические представления, изложенные в ВК, самым решительным образом сталкиваются со всей суммой знаний, добытых совместными усилиями археологов, лингвистов, этнографов и историков, опирающихся на многочисленные факты и источники, знаний, положенных в основу современных представлений о происхождении славян.¹⁹

Впрочем, научные концепции не обойдены вниманием В. Скурлатова и Н. Николаева. Они пишут: «Оригинальна версия о степном центрально-азиатском происхождении наших предков. В трудах недавно умершего Г. Вернадского и других историков-„евразийцев“ допускается эта возможность». Перед нами иллюзия научного обоснования историографической концепции ВК, рассчитанная на то, что широкому читателю неизвестно крайне негативное отношение советской науки к концепции «евразийцев», выдвинутой в 20—30-х гг. нашего века и в настоящее время не имеющей последователей.²⁰

Мы так подробно остановились на этой газетной статье не случайно. Во-первых, в ней «заложены» все основные направления, по которым в дальнейшем будет разворачиваться «защита» ВК от науки; во-вторых, она — основной источник для многих исследуемых публикаций, авторы которых свои сведения о ВК черпали в основном из данной статьи.

В 1976 г. в «Неделе» появляется еще одна подборка мнений о ВК. В ней представляет интерес выступление писателя В. Старостина, которое вносит в пропаганду ВК новый — эмоциональный нюанс: «... Для меня и в маленьких отрывках, но большой смысл открылся. Одни имена уже неподдельны и неподражаемы: Богумир, Славуна, а вместо Рюрика — Ерек: дивно прекрасен оборот „прибежищная сила“ — все это мог создать только народ. А найдись бы творец да сотвори все это пусть и в недавние

¹⁹ См., например, последние обобщающие работы: Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М.; Л., 1972; Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979; Рыбаков Б. А. Новая концепция преемственности Киевской Руси (Тезисы) // История СССР. М., 1981. № 1. С. 55—75; № 2. С. 40—59.

²⁰ Подробнее о концепции «евразийцев» см.: Шухарин В. П. Современная буржуазная историография Древней Руси. М., 1964. С. 199—202, 260—264 и др.; Мирнов Б. Н. Некоторые схемы истории СССР в современной англо-американской буржуазной историографии // Критика новейшей буржуазной историографии. Л., 1976. С. 58—60.

времена единственно из сердца своего — значит, такой человек безмерно даровит. И в том и в другом случае „Влесова книга“ — бесценный дар, и недопустимо замалчиванием отстранять от нее читателей и писателей.²¹

В 1977 г. свое суждение о ВК выразили ученые-историки — академик Б. А. Рыбаков, В. И. Буганов и лингвист Л. П. Жуковская.²² Они еще раз рассмотрели лингвистические и палеографические черты воспроизведенной в печати дощечки, отметили крайнюю наивность легенды о Богумире и Оре и подчеркнули, что попытка передислоцировать прародину славян в Центральную Азию опровергается всем развитием знаний об этногенезе индоевропейских народов.

Но предостережению ученых не вняли. Писатель В. Жуков, упомянув о «возобновлении изучения „Влесовой книги“», добавил, что необычность ее содержания явилась «предметом научных споров и даже обвинений в мистификации».²³ Неясно, о каких научных спорах идет речь, но формулировка В. Жукова невольно приводит читателя к мысли, что обвинение в мистификации — всего лишь досадное недоразумение.

В том же 1977 г. поэт И. Кобзев выступает на страницах «Литературной России» со статьей, в которой пытается придать интересу отдельных людей к ВК поистине всенародный характер: «Уже на протяжении многих лет судьба этой древнерусской рукописи волнует умы и сердца людей», — восклицает он. И далее, вопреки фактам (о чем было сказано выше), утверждает, будто бы на V Международном съезде славистов «обоснованно и серьезно поднимался вопрос о необходимости тщательного изучения этого литературного памятника». И. Кобзев кощунственно соотносит судьбу ВК с судьбой «Слова о полку Игореве», в подлинности которого также сомневались, и утверждает, что «отрицательную роль сыграли выступления в печати *некоторых слишком уж осторожных скептиков* (курсив наш. — О. Т.), которые еще до ознакомления советских читателей с полным текстом летописи объяснили ее „подделкой“ и „мистификацией“...»²⁴ Снова читателя дезориентируют: крупнейшие советские ученые анонимно зачислены в разряд скептиков, но умалчивается, что противостоят им лишь «некоторые» неспециалисты, поспешившие оповестить о ВК советских читателей раньше, чем проконсультировались о рекламируемом ими источнике со специалистами. Здесь необходимо сделать пояснение: полный текст ВК в наших библиотеках отсутствует, книга С. Лесного не могла дать о нем достаточного представления, и монопольное владение необходимыми изданиями до последнего времени ставило защитников ВК в чрезвычайно выгодное положение: их оппоненты могли основываться всего лишь на материалах одной опубликованной в «Вопросах языкознания» дощечки да на пересказе В. Скурлатова и Н. Николаева.

Вновь напомнил о ВК журнал «Техника — молодежи».²⁵ Тон обсуждению задает сама редакция. Статье О. Скурлатовой она предпосылает такое обращение: «На протяжении последних десятилетий идет непрекращающийся спор, связанный не столько с подлинностью дощечек (а об этом не спорят? — О. Т.), сколько с их содержанием, имеющим весьма большое значение для истории страны. Публикуя статьи... мы, отнюдь не настаивая на ее (ВК. — О. Т.) подлинности, даем повод нашим читателям поломать голову над разгадкой столь увлекательной тайны».²⁶

²¹ Документ или подделка // Неделя. 1976. № 33. С. 7.

²² Буганов В. И., Жуковская Л. П., Рыбаков Б. А. Мнимая «Древнейшая летопись» // Вopr. истории. 1977. № 6. С. 202—205.

²³ Жуков Д. Тысячелетие русской литературы // Огонек. 1977. № 13. С. 29.

²⁴ Кобзев И. Где прочитать «Влесову книгу»: Письмо в редакцию // Лит. Россия. 1977. № 49. С. 19.

²⁵ Скурлатова О. Загадки «Влесовой книги» // Техника — молодежи. 1979. № 12. С. 55—59. Эта статья вошла также в сборник «Тайны веков» (М., 1983. Вып. 3. С. 26—33).

²⁶ Техника — молодежи. 1979. № 12. С. 55.

Редакция поступила весьма безответственно, во-первых, убеждая читателей в будто бы не прекращающемся десятилетиями, как можно подумать, и аучном споре вокруг ВК, а во-вторых, заигрывая с ними, предлагая «поломать голову» над решением загадок этногенеза славян. Так подается пример дилетантского вторжения в сложнейшие проблемы, требующие глубоких специальных знаний. Статья О. Скурлатовой содержит в основном пересказ статьи В. Скурлатова и Н. Николаева, но автор вносит и свой вклад в решение «увлекательной тайны», излагая ее так, будто бы нет ни малейших сомнений в подлинности ВК. Она восторженно пишет, что в ней *«четко засвидетельствовано»* (здесь и далее курсив наш. — О. Т.), что наши предки „водили скот от Востока до Карпатской горы“. Таким образом, не Припятские болота, куда нас пытаются загнать некоторые археологи, а огромный простор Евразийских степей вплоть до Амура — вот наша истинная прародина. 400 лет назад русские лишь вернулись в родное Русское поле, которое тысячелетиями принадлежало нашим предкам. В том-то и заключается великая историческая ценность „Влесовой книги“, что она явно свидетельствует о нашем исконном присутствии на нынешней территории страны.²⁷ Трудно даже комментировать этот безответственный пассаж!

В том же году появляется рецензия Д. Жукова на книгу Н. Р. Гусевой «Индуизм: История формирования. Культурная практика» (М., 1977). Рецензент, в частности, упоминает и о ВК. В книге Гусевой, по его словам, нет «промежуточного звена» «между теми, кто нам известен под именем древних славян, и их предками, которые соседствовали с арьями, ушедшими в далекую Индию». По мнению Д. Жукова, «не должна быть упущена возможность заполнить этот пробел и при помощи недавно найденной „Влесовой книги“. . . Подлинность „Влесовой книги“ подвергается сомнению, и это тем более требует ее публикации у нас и тщательного всестороннего анализа во избежание ненужных, ненаучных наслоений».²⁸ С этим предложением нельзя не согласиться. Анализ нужен, но, может быть, стоило бы и пропаганду ВК не разворачивать так широко до окончания этого анализа.

В 1980 г. в журнале «Русская речь» появляется статья члена-корреспондента АН СССР Ф. П. Филина и доктора филологических наук Л. П. Жуковской, где вновь анализируется язык ВК и на основе этого анализа делается весьма определенный вывод: «Это совершенно явная и грубая подделка, в которой нет ни „тайственности“, ни „загадок“».²⁹ Но лингвистическая аргументация защитникам ВК кажется недостаточной.

Статья В. Осокина, опубликованная в 1981 г. в солидном журнале «В мире книг», не только оставляет без внимания мнение историков и лингвистов, но и является своего рода заключительным аккордом в гимне славословий ВК.³⁰ Автор стремится придать этому сомнительному сочинению статус ценнейшего источника, который остается без должного внимания лишь по упрямому недоверию «некоторых ученых». Неточностей и передержек в статье очень много,³¹ но на двух из них необходимо остановиться специально. Вслед за И. Кобзевым В. Осокин упоминает о «большом интересе» ученых, который ВК вызвала на V Международном съезде славистов, на котором будто бы «достаточно обоснованно и серьезно подни-

²⁷ Там же. С. 57.

²⁸ Жуков Д. Из глубины тысячелетий // Новый мир. 1979. № 4. С. 281.

²⁹ Жуковская Л. П., Филин Ф. П. «Влесова книга. . .» Почему не Влесова? (Об одной подделке) // Рус. речь. 1980. № 4. С. 117.

³⁰ Осокин В. Что же такое «Влесова книга»? // В мире книг. 1981. № 10. С. 70—73.

³¹ Неверно утверждение о существовании фотокопий ВК; неверно, что она охватывает историю древних славян с V в. до н. э. по VI—VII вв. н. э.; неверно, что «Влесовой книгой» назвал дощечки А. Кур, и мн. др.

мался вопрос о необходимости тщательного изучения этого литературного памятника» и «решено было подробно изучить это — во многих отношениях таинственное — произведение».³² После такого утверждения невольно начинаешь проникаться уважением к ВК и недоверием к ученым-скептикам. Но в том-то и дело, что все сказанное не соответствует действительности: как уже было сказано, на съезде С. Лесной не присутствовал, доклада не читал, поэтому никакого обсуждения и тем более решения съезда о необходимости изучать ВК не было и быть не могло. Не случайно в книге, опубликованной в 1965 г., через три года после съезда, С. Лесной не упоминает ни одного ученого, который бы ознакомился с ВК или высказал о ней свое мнение.

Другая неточность имеет принципиальный характер. В. Осокин утверждает, что А. Кур и С. Лесной «отсылают все материалы (фотографии и дешифровки) в Москву, в Славянский комитет для консультации с советскими учеными».³³ Как мне известно, в Москву была прислана фотография с одной дощечки (да и то, как считает Л. П. Жуковская, — не с самой дощечки, а с прориси с нее). Если бы В. Осокин был прав, тогда и имели бы основания упреки, что ученые, располагая всеми необходимыми материалами, не опубликовали текст ВК и в то же время не высказались против нее с развернутой, а не частной аргументацией.

В 1984 г. И. Кобзев сообщает о попытках уточнить местонахождение усадьбы, где, по словам Ю. П. Миролюбова, А. Ф. Изенбек нашел дощечки.³⁴ Л. Сотниковой была предпринята попытка на основании ВК раскрыть закономерности славянского алфавита.³⁵

Но в сознании определенного круга любителей отечественной истории ВК все еще остается маящей загадкой. Статья в «Литературной газете», в которой я попытался рассказать о своих выводах, основанных на изучении полного текста ВК, все же не смогла ответить на все интересующие вопросы.³⁶ Об этом свидетельствует высказывание писателя Ю. Сергеева, приведенное в «Книжном обозрении»: «А „Велесова книга“? Ее давно пора издать. Но пока приходится слышать одни разговоры о том, не подделка ли это. Сомневающихся много. Непонятно другое: почему же тогда сомневающиеся не возьмут и не проанализируют книгу, не докажут, что „Велесова книга“ имитирована кем-то? В связи с судьбой „Велесовой книги“ вспоминается история „Слова о полку Игореве“. Ведь в свое время и „Слово“ называли подделкой».³⁷ Упреки знакомы, но справедливы ли? Можно возражать, что я не убедил Ю. Сергеева своими доводами в газетной статье, но анализ-то все же был сделан. И снова уже знакомая нам (не побоюсь повториться — кощунственная) параллель со «Словом». . .

Характерен и тот факт, что ВК и рожденная ею идея о языческой литературе на бересте или дощечках находят свое отражение и в художественной литературе, как, например, в романе С. Алексеева «Слово» и романе Ю. Сергеева «Становой хребет». В последнем есть, в частности, такой эпизод. Герой попадает в скит, где в потаенной пещере видит целую библиотеку: «. . . широкие полки с уложенными на них бесчисленными берестяными листами и какими-то стопками дощечек». В том, что эта сцена навеяна разговорами о ВК, нет сомнений: герой берет одну из дощечек и

³² Осокин В. Что же такое «Велесова книга»? С. 71; см. также: Кобзев И. Где прочитать «Велесову книгу». . . С. 19.

³³ Осокин В. Что же такое «Велесова книга»? С. 71.

³⁴ Кобзев И. Где нашли «Велесову книгу» // В мире книг. 1984. № 3.

³⁵ См.: Дико Н., Сучков А. Расшифрована тайна бога света? // Моск. новости. 1984. № 6. С. 10. Развернутую критику предположений Л. Сотниковой см.: Миротворцев В. Н. Еще раз о так называемой «Велесовой книге» // Рус. речь. 1984. № 5. С. 110—117.

³⁶ Творогов О. В. Что стоит за «Велесовой книгой»? // Лит. газ. 1986. 16 июля. С. 5.

³⁷ Человек без корней, как дерево, засыхает // Кн. обозрение. 1987. 2 окт. С. 14.

читает на ней текст, являющийся бесспорно перифразой из ВК: «Богу Святovidу славу рцем, он ведь бог Прави и Яви, а потом поем песни. . .» и т. д.³⁸

В уже упомянутом выступлении на страницах «Книжного обозрения» Ю. Сергеев обещает, что во второй книге романа он заставит героя вернуться в эту «языческую библиотеку» и прочесть находящиеся там книги. «Я хочу художественно дать читателю надежду на то, что у нас еще до христианства была величайшая культура», — говорит писатель. Так ВК оказывается уже своего рода аргументом в его попытках по-своему решить один из сложнейших вопросов истории русской культуры.

Именно поэтому и представляются необходимыми публикация и анализ текста ВК и рассмотрение истории ее открытия и изучения Ю. П. Миролюбовым и А. Куром.

«Дощечки Изенбека» и их публикации

Обратимся теперь непосредственно к ВК, так как всесторонний анализ и дощечек и помещенного на них текста уже сам по себе поможет нам ответить на вопрос об их подлинности.

По сведениям Ю. П. Миролюбова, ВК представляла собой комплект дощечек с нанесенным на них текстом. С. Лесной цитирует письмо Ю. П. Миролюбова от 11 ноября 1957 г. (напомним: написанное по крайней мере через 16 лет после гибели или пропажи самих дощечек), в котором сказано следующее: «Дошэки были приблизительно одинакового размера, тридцать восемь сантиметров на двадцать два, толщиной в полсантиметра. Поверхность была исцарапана от долгого хранения. Местами они были совсем испорчены какими-то пятнами, местами покоробились, надулись, точно отсырели. Лак, их покрывавший, или же масло, поотстало, сошло. Под ним была древесина темного дерева. Изенбек думал, что „дошэки“ березового дерева. Я этого не знаю, так как не специалист по дереву.

Края были отрезаны неровно. Похоже, что их резали ножом, а никак не пилой. . . Текст был написан или нацарапан шилом, а затем натерт чем-то бурой, потемневшим от времени, после чего покрыт лаком или маслом. Может, текст царапали ножом, этого я сказать не могу с уверенностью. Каждый раз для строки была проведена линия, довольно неровная. Текст был написан под ней. . . На другой стороне текст был как бы продолжением предыдущего, так что надо было переворачивать связку „дошэков“ (очевидно, как в листах отрывного календаря. — С. Л.). В иных местах, наоборот, это было, как если бы каждая сторона была страницей в книге. Сразу было видно, что это многостолетняя давность. На полях некоторых „дошэков“ были изображены головы быка, на других солнца, на третьих разных животных, может быть, лисы или собаки или же овцы. Трудно было разбирать эти фигуры. . . Буквы были не все одинаковой величины, были строки мелкие, а были [и] крупные. Видно, что не один человек их писал. Некоторые из „дошэков“ потрескались от времени, другие потрухлявились».³⁹

Трудно поверить, чтобы дощечки IX в., претерпевшие к тому же тяжкие испытания в наши дни (вспомним многотрудный вояж из России в Бельгию и пребывание в морском мешке, шесть лет провалявшемся в углу!), все же сохранились: ведь толщина в 5 миллиметров в сочетании с размерами 38 на 22 сантиметра придавала бы им необычайную хрупкость (рис. 1). Но закроем пока глаза на все эти странности, ибо нас ожидают в дальнейшем и другие загадки.

³⁸ Сергеев Ю. Становой хребет. М., 1987. С. 142—143; ср. также с. 456—460.

³⁹ Влесова книга. С. 23—24.

Сколько же было «дощечек-уникумов», если использовать выражение «Жар-птицы»? Неизвестно. С. Лесной лишь уклончиво пишет: «„Дощечки Изенбека“ полнее „текста Мирюлюбова“, так как Мирюлюбов по неуказанным причинам некоторые стороны дощечек не переписал (а может быть, и целые дощечки)», и сетует: «Даже такие элементарные вещи: сколько же было дощечек и их обломков, не сказано. . . ни слова».⁴⁰ В то же время в работе «Влесова книга» (с. 22) Лесной говорит о 35 дощечках, а Мирюлюбов в книге, возможно, оставшейся неизвестной С. Лесному, назовет число 37 (см. ниже, с. 247).

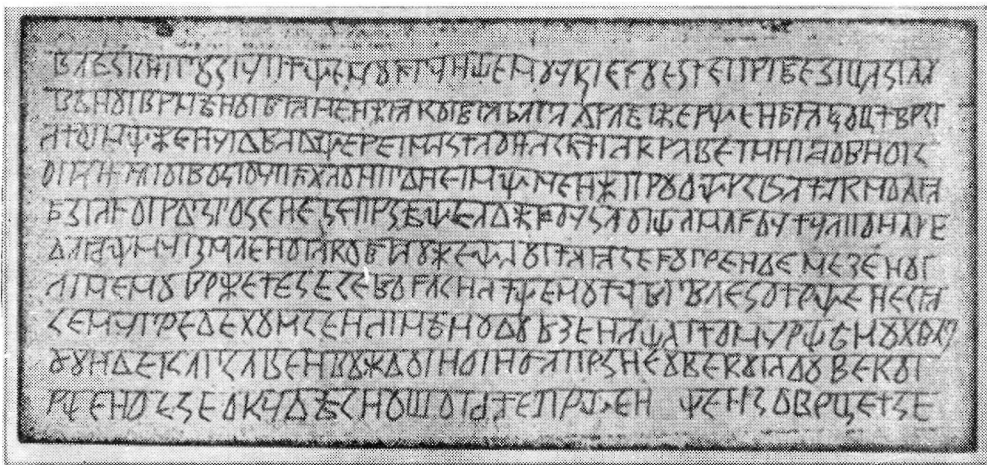


Рис. 1. Текст дощечки 16 — единственный опубликованный снимок.

Но если допустить, что дощечки существовали, то было их гораздо больше. Говорилось, что каждая дощечка была исписана с двух сторон — лицевой и оборотной, обозначаемых издателями как «а» и «б» (таковы, например, дощечки 5а и 5б, 11а и 11б, 18а и 18б), но в некоторых случаях номер присваивается «связке дощечек» (это термин из публикации в «Жар-птице»): так, дощечка 4 имеет обозначения от «а» до «г», дощечка 6 — от «а» до «э» («э» следует после «е»), под номером 7 оказывается пять дощечек, см. также дощечки 17 (а, б, в), 24 (а, б, в, г) и др.

Но странно не только это. По словам Мирюлюбова, все дощечки были одинакового размера. В среднем они содержали от 19 до 21 строки. Дощечка 5а содержит 10 строк, дощечка 5б (оборотная сторона?) также 10 строк. Допустим, что существуют еще «осколки» дощечки 5б? Другой пример. Последней в «Жар-птице» была опубликована «Сборная дощечка № 27 (Готская)». Публикацию предваряет такое примечание издателя: «Дощечка эта собрана из обломков и осколков многих дощечек, найденных и подобранных вестовым полковника Изенбека. Названа она готской потому, что в текстах этих обломков и осколков упоминаются готы».

Но среди этих «обломков и осколков» сохранились такие, которые содержат отдельные строки. Это значит, что раздавленная дощечка раскололась так, что уцелели щепы длиной во всю длину строки (38 см) и шириной приблизительно в 1 см, ибо не показано, что уцелели, хотя бы фрагментарно, верхние и нижние строки. И еще странность: по крайней мере три фрагмента из этой злосчастной дощечки представляют собой почти дословное повторение текстов с дощечек № 5б, 6д и 8.

⁴⁰ Там же. С. 25.

И последнее предварительное замечание. Б. Ребиндер, опубликовавший текст и перевод 27 дощечек, оставил для будущих публикаций дощечки 8 (1), 8 (2) и 8 (3), 14, 19, 21, 22, 23, 25, 26, 28, 29, 30, 32, 33 и 34.⁴¹ Он так поясняет свой отбор: «Все эти дощечки читаются легко. Распорядок слов в духе чешского языка, а главное — нет пропусков и азбука не влесовица, а русская с буквами Ы и Я. Мы предполагаем, что Ю. П. Миролюбов, который собирался написать книгу про князя Святослава, пробовал писать в духе Влесовой книги, т. е. языком десятого века. И для того чтобы не вводить людей в заблуждение, он нумеровал строчки до 45-ти и даже до 50. Поэтому мы решили покамест эти дощечки не переводить. Но повторяем, что этот поверхностный анализ вышеупомянутых дощечек — только наше предположение.

Тексты этих дощечек можно изучать по книге Н. Ф. Скрипника „Влесова книга. V часть“ (Гаага, 1972).

Однако наиболее основательные наблюдения мы можем получить, обратившись к самому тексту ВК. Он известен нам по трем источникам: по публикациям в «Жар-птице» (далее — Ж),⁴² по машинописи, найденной в архиве Ю. П. Миролюбова в Аахене,⁴³ и по машинописи, найденной в Сан-Франциско, — это, как утверждают, тот именно текст, который Ю. П. Миролюбов посылал А. Куру для публикации.⁴⁴ Этот текст обозначим М, и он предстает для нас особый интерес.

Публикуя фотокопии М, Н. Ф. Скрипник предпослал им следующее предисловие, которое мы воспроизводим (в своем переводе с украинского на русский):

«При тщательном разборе архива покойного Ю. Миролюбова в Аахене выявилось, что — кроме еще нигде не опубликованных 16-ти дощечек Изенбека⁴⁵ — в нем находились также и тексты следующих четырех дощечек, а именно: 16б, 34, 38а и 38б.

Тогда же было установлено, что далеко не все копии текстов, которые были уже опубликованы в „Жар-птице“ и в сочинениях С. Лесного, сохранились в архиве.

Мы приняли за наиболее близкие к оригиналу Влес Книги те экземпляры рукописи Ю. Миролюбова, которые сам Ю. Миролюбов на своей пишущей машинке переписывал и посылал А. Куру в редакцию для печати.

Кроме того, письма Ю. Миролюбова к Н. Скрипнику... неоднократно указывали, что рукопись Ю. Миролюбова находилась в распоряжении А. Кура.

Поэтому розыски этих документов в архиве покойного А. Кура были крайне необходимы. Госпожа Ж. Миролюбова решила поехать в Калифорнию, чтобы вместе с дочерью А. Кура — Любою — рассмотреть этот архив. Как результат этой поездки она привезла в Аахен тексты записи 30-ти текстов дощечек Изенбека, посланных Ю. Миролюбовым А. Куру, и некоторые его комментарии к Влес Книге. 27.6.1975 я получил возможность сделать фотокопии всех этих материалов в Аахене и послать их коллеге А. Кирпичу, который немедленно начал сравнение текстов Ю. Миролюбова с публикациями в „Жар-птице“.

К нашему большому удивлению, выявилось, что между обоими вышеназванными текстами имеются сотни различий, какие никак нельзя

⁴¹ Б. А. Ребиндер сообщает, что в дощечке 8 (1) было 45 строк (эта дощечка опубликована на с. 14 6-й части «Влес книги»), дощечка 8 (2) содержала 40, 8 (3) — 43 строки.

⁴² Напомним, что эти публикации воспроизведены в 6-й части издания «Влес книга».

⁴³ Эти материалы известны нам по фотокопии их машинописных текстов, воспроизведенных в 6-й части издания «Влес книга».

⁴⁴ Этот текст воспроизведен в 7-й части издания «Влес книга».

⁴⁵ Это следующие дощечки: 8 (2), 8 (3), 14, 19, 21, 22, 23, 25—33. Их машинописный текст опубликован, как сказано выше, в 6-й части издания «Влес книга».

объяснить обычной редакционной правкой. . . В качестве примера прошу сравнить тексты дощечек 6б и 6в, в которых в тексте А. Кура испорчено несколько чтений.

После тщательного обсуждения весьма странных и удручающих различий в текстах дощечек Изенбека мы — с коллегой А. Кирпичом — решили, что не имеем права ни скрывать, ни оставить их без пояснения.

Осуществляя это решение, я публикую в части 7 Влес Книги фотографии всех экземпляров текстов, подготовленных самим Ю. Миролюбовым на основе его собственной рукописи и посланных им А. Куру для редактирования и публикации.

Для того чтобы сделать возможным сопоставление этих текстов Ю. Миролюбова с текстами „Жар-птицы“, каковые были опубликованы в части 6 Влес Книги, оба издания объединены в одной брошюре. . .

Рукописи Миролюбова в архиве А. Кура пока не найдено, что, однако, не означает, что ее поиски окончены или безнадежны.

Гаага. 1.9.1975.

Н. Скрипник»⁴⁶

Приведем теперь сводные данные о местонахождении текста дощечек.

№ дощечек	Ж	М	Л (указан № дощечки в этом издании)
1. 2а, 2б, 3а, 4а, 4б, 4в, 4г, 5а, 5б, 5б (осколки), 6а, 6б, 6в, 6г, 6д, 6е, 6э, 7а, 7б, 7в, 7г, 7д, 7е, 7э, 7ж, 7з, 8	+	+	
8 (2), 8 (3)		+	
9, 10, 11а, 11б, 12, 13	+	+	
14		+	
15а, 15б, 16		+	
17а, 17б, 17в, 18а, 18б	+	+	6 (аверс и реверс), 7 (аверс), 8 (аверс и реверс)
19		+	
20 (отрывок)	+		
21, 22, 23		+	
24а, 24б, 24в, 24г	+	+	4 (аверс и реверс), 5 (аверс и реверс)
25, 26		+	
27 (осколки)	+		
28, 29, 30, 31, 32, 33, 34		+	
35а, 35б, 36а, 36б, 37а, 37б		+	1 (аверс и реверс), 2 (аверс и реверс), 3 (аверс и реверс)
38а, 38б		+	

Примечание. Знак + обозначает наличие текста в рукописи Ю. П. Миролюбова (М), публикации в «Жар-птице» (Ж) или в книге С. Лесного «Влесова книга» (Л).

Как видим, большая часть текстов читается в М и Ж (а некоторые из них переизданы и С. Лесным), часть только в М: это тексты, обнаруженные в Сан-Франциско в архиве А. Кура (дощечки 34, 38а и 38б) и в Аахене, в архиве Ю. П. Миролюбова (дощечки 8 (2), 8 (3), 14, 19, 21—23, 25—33).

⁴⁶ Влес книга. Ч. 7. С. 1.

Чтобы отвести упреки защитников ВК в том, что ученые скрывают ее от читателей, мы публикуем далее полный текст «Книги». Публикуется текст М, более полный и, как можно допустить, лучше отражающий «оригинал». Каждую группу публикуемых дощечек мы предваряем описанием отличий М и Ж, а также воспроизводим те примечания и комментарии, которыми сопровождалась публикация дощечек в «Жар-птице». Как будет видно далее, именно эти сопоставления текстов в версиях М и Ж дадут нам чрезвычайно ценный материал для суждений об истории текста ВК и методах работы ее публикаторов.

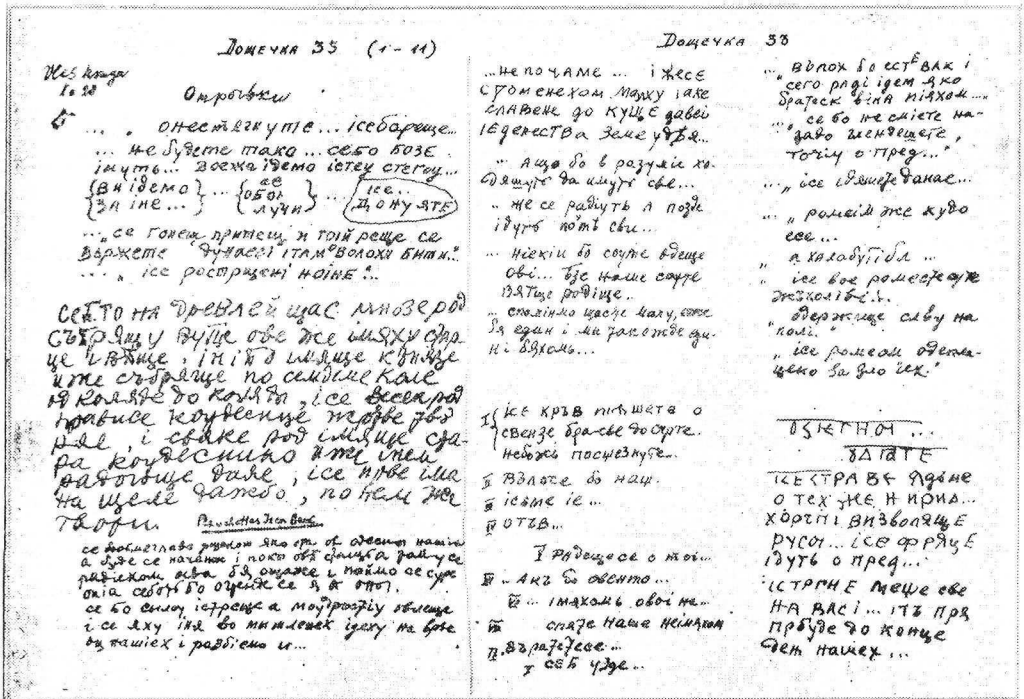


Рис. 4. Текст «Влесовой книги» (дощечка 33). Из архива Ю. П. Миролюбова.

Дощечки публикуются по группам. В первую группу входят дощечки 1, 2а и 2б, 3а и 3б; во вторую — 4а—г; в третью — 5а, 5б и 5б (осколки); в четвертую — 6а—е и 6э; в пятую — 7а—е, 7э, 7ж и 7з; затем идут дощечки 8, 9, 10, 11а и 11б, 12, 13, 15а и 15б, 16; далее публикуются дощечки 17а—в, 18а и 18б, 24а—г и 27, затем дощечки, изданные только С. Лесным (35а и 35б, 36а и 36б, 37а и 37б). И, наконец, воспроизводятся тексты дощечек, сохранившиеся только в машинописи — в архивах Ю. П. Миролюбова и А. А. Кура: это дощечки 8 (2), 8 (3), 14, 19, 21—23, 25, 26, 28—34, 38а и 38б. Заготовки дощечек, написанные от руки, воспроизводятся на фотографиях (рис. 2—4).

Тексты публикуются в точном соответствии с машинописным текстом: точно воспроизводятся деление на слова, абзацы, нумерация строк, если она имеется, обозначения лакун двумя или тремя точками, все примечания и замечания, приводимые Миролюбовым в скобках (я выделяю эти слова курсивом), знак вопроса, иногда встречающийся в тексте, и т. д. Границы строк в машинописи Миролюбова я отмечаю кривой чертой.

Каждую группу дощечек предваряют необходимые археографические и текстологические примечания — в частности, воспроизводятся все издательские примечания, которыми сопровождалась публикация дощечек в «Жар-птице».

Дощечка 1

В Ж текст озаглавлен: «Лист № 1; линии от 1 до 18 включительно, отрывок № 1, текст». Последние строки («работаті . . . све/редзь») опубликованы отдельно и озаглавлены: «Лист № 1, линии 1 до 2 (продолжение)». Дощечка № 1 (текст 2)». ⁴⁷ В М текст слитный, в Ж разделен на слова. Во всех публикациях текст разбит на нумерованные строки, выделенные графически. Концы строк в М и Ж совпадают, совпадают (за исключением одного случая) и указания на лауну (или испорченный текст). Между М и Ж различия незначительны, например (первое чтение — по Ж, второе — по М): *щасоі — часоі; намо моодиру — намоодиру; невехоме — невехо; ніако — ньяко; а тако — ато; души вон — души наша вон; есе бо наколо — есьтонашеякосебоужінаідесебонаколо; врецете со — ререщашетесо*. После текста в Ж указание: «конец».

Дощечка 2а

В Ж текст озаглавлен: «Лист № 1, линии 1 до 21. Дощечка № 2 (текст) (отрывок)». В Ж текст разделен на слова, в М — слитный. Знаки лаун совпадают, но концы строк различаются на несколько букв. Много буквенных отличий, которые можно рассматривать как опечатки. Из лексических различий отметим (первое чтение — по Ж, второе — по М): *а боуіарусе — русь; по не вьждоі — понеждітамо*.

Дощечка 2б

В Ж текст озаглавлен: «Лист № 2, линии 7—12 вкл. отрывок. Дощечка № 2. Текст». Текст слитный в М и Ж, концы строк не совпадают. В дальнейшем мы не будем указывать на это несовпадение, оно станет обычным явлением, отметим лишь те редкие случаи, когда такое совпадение обнаруживается.

Дощечка 3а

В Ж текст озаглавлен: «Лист № 2, линии 13—25. Отрывок. Дощечка № 3. Текст». В Ж и М текст слитный. В Ж текст разбит на 15 строк, а не на 13, как следует из заголовка. Указания на лауны в Ж и М совпадают.

Дощечка 3б

В Ж текст расчленен на две части. Первая часть (три строки) озаглавлена: «Лист № 2, линии 26—28. Отрывок. Дощечка № 3. Текст». Текст в М и Ж слитный. Этот отрывок кончается словом *нашіоці* (в М: *нашіоці*). Помета «неразборчиво», читающаяся в М, имеется и в Ж. Вторая часть (11 строк) озаглавлена: «Дощечка № 3. Отрывок, линии 27—38 (продолжение)». Первых строк в М нет, поэтому приводим их по Ж: «27. наатакосеправіентонадесечъвъцікръвъща. . асоуборітісянаоньісоудіті 28. вшыкуотнонскуподлѣ . . . главноще. . . (неразборчиво, прочесть нельзя) . . . атакосеправінашіоші. . . (текст попорчен)», ⁴⁸ со следующей строки тексты Ж и М совпадают, но пометы их различаются: если в М, за исключением помет «неразборчиво» после слова *главноще* и «выцвело в тексте» ⁴⁹ после слов *повѣцїтрожнякі*, примечания смыслового характера, то в Ж несколько помет: «текст испорчен», «текст попорчен», «попорчено», при этом в двух случаях пропуск текста в Ж обозначен там, где в М текст читается без лаун.

⁴⁷ Мы воспроизводим заголовки со всеми особенностями публикации, позволяя себе лишь постановку точки перед следующим словом с прописной буквы. Обращает на себя внимание многословие и нелепость примечаний и их оформления (например, пристрастие к скобкам). Отметим, что буквенные обозначения (2а, 3б и т. д.) во всех случаях вписаны чернилами как в Ж, так и в М.

⁴⁸ Все пометы внутри текста принадлежат издателю, мы лишь выделяем эти слова курсивом.

⁴⁹ Странно, как может выцвести текст, процарапанный на доске острым предметом!

Дощечка 1

вотщеоупамятохомдоблянашастароїчасоїдаїдемокамоневестеатакосьм/
оїзремовспятъарщеможе боесьмоїстоїдохсянавеправеявезнатиаобап/ол-
отърлаведетеад оумітїсебодабостворящнамовейщяковожеїестесветз/оре-
намєсяшеївотоїябезодниповесидажъбоземенаашеабитаяудърженабятак/осе-
дущепращурїсоутеатїсветїзореманамоодиру. . . ногрьціналезшанарус/їтв-
брьящизлаявоїмьбогоувмоїжесьмоїневехомужікамотещатиащтвортї/-
правебоесьневідомоуложенадажъбомапоньякопряжєсятецявейтасоутво/-
рїживотонашоатоколі одїдєсьмртъеесьявьєсьтекоущаатворєнооправїнав/-
єнбоестепотоїядотєестєнаваапотєестєнаваавправїжєестєявьпоучїхомс/яс-
таруавржємощємоєдушїнашавонбоєсьтонашєякобєужїнаїдєсебона/ко-
ної. . . втрящїбогоумїслусоузрєхомвсєбїтободанодарбїгованєпотрє/бує-
мобосєнапраснїтї. . . седущїпращурїнашаодирусрящєгїнаоїаможєлє/-
плакатїсяявоїрєщатїнамоякосьмоїнебржєхомоправєнаваєяє. . . пєбржє-
жєх/омбосєнатоаглузїхомсєїстєя. . . нєсьмоїдостоїноїбоїтїдажбовївнуцї. . ./
тобомоляїбогоумдаїмємочїстєдушїатєлєсїнашаадаїмєможївотсопратц/-
їнашавобъзєхслїяшєтєсєвєдїнпраудатакосєбосъмєдажбовївноуцїзрї/-
усєкоумєякожоумвьлїкбожъскєстєєдїнсоноїатомутвортєгєарєрєщашєтє-
со/бъзвєоєдїнє. . . брєнєбоєсьнашєжївотєасъмоїтакожєдїдєжєкомонєзєм-
нашїм/работатї живїяшєвєзємєхсотєлєовнаскътїєнашаодєвразємтєкущ-
на. . . свє/рєдъ. . .

Дощечка 2а

мужкравходїдомовѣнѣстьжєрѣкомєстєхочїяшєтправбоїтїноєсьжє-
єлтъвєсої. . . /го. . . авършєнадоцѣсьвпадашєт. . . томурщєноєсьстараабосъ-
ємоїтворялїбяхом/лѣпаяякодядїнашїрѣклїтоусємъабоуду. . . такождъза-
часїзьлнославлїрусь/потятябяркуувърозїуазлощїнатвърїя. . . іконязтої-
нємоцєнбїаоусласоїнісвадобрєнїаїтоївърїгомподлєгошавѣщанєбггєгошїаа-
чєсоторѣщєновѣщємнєоуважї/томубоїстєростържєнїаодєрєнъвзятїатаколє-
рѣщємоднєсекънїязїсоутєнашатому/боїѣстє. . . дополудєнєходїядаїмємо зє-
мѣ. . . намобoadѣцкѣмнашїматамогрьці/налѣзшананєякобоусѣдълїцан-
нъабїясѣщавєлькєаамногаємъящї. . . стоїкратої/пощїнаєрєсєаєстоїкратої-
крєзбїєнабюдополнощєдополудєнє. . . такоскътївѣдша/п्राцєовєна-
шаабїаоцєморїємдокраєрускавєдєнїпонєвждїтамопрєбоїтїау трє / нїа-
многаєнєсоущаранїахлуднєсєтєкоотоїдшадосїуатакооусєлїцє сїа огнї-
щаної/назємѣруштїтобосєоутворїзадвїєтємєдосутъапотємадвѣтємїврї-
зїпрїдоша. . . /азємєберїяодхъзармдороуцєсватємбоодєрєнєрєботєахом/-
бїанароудрїдїщєскїльмєрстїїастокорєжєнєодвостанародонашїякопрїдє-
поздѣдо/русєзємѣасєлїщєсїєрєдєїльмєрштїтїїбосутєбрачкєнашєа намє. . .
подобїсоутє/ащєколїворужнїтїбонасхрєнїшаодзлєївѣщїамїяїащєсотор-
ѣщєно. . . овєщѣтакоїєс/стєащєсогонєрѣшенанєєстєбої. . . избїращакъоня-
зїодполудїадополїудїаатакоживїяї/моїжєсьмоїмопомощєдахоматакобяхом
. . . зєлєбознайтвърїтїсосудїпєдєнєвоогнї/щѣхасоутєбѣгонцарїдєблїзємє-
ратїаскотїяводїящєтїброзоумѣяї. . . такоїтцєнашє/соутєапрїдєрєздолнє-
нєаналєзѣтому

Дощечка 2б

. . . бяхомпонузєнїоскощїтїдолясїятєможївє/молєвцєарїбанїабоїхомум-
оглїсїядстрасїуклонщєсїятакобяхомєдїнутємуапощашхом / градїєстєвїтїог-
нїцаповсудєрєскладєятїподрузєтємєбїахлудвєлїкапотягшєсїєсь / мєдоп-
лудєнєтєамобосутємїєстєзлїцнє. . . атамотоїрєнєїстїскотїнашєящїдєсєцїно-
у/отосєоугодїхомашїбоїтїкамєслєвєсоїдєржєтїапотягохомсєєсємоїдоп-
луднєна. . . /зєлєнотрвїєаїмхомєскотїмнозї. . .

Дощечка 3а

мълїхомвлєсаоїцєнашєдапотягнєвнєбїкомнощъсуражоувадєвнїдєнаної-
сурївѣшати/злотїколовєвъртєщєтєбосунъцєнашєїжєсвїятїаїнадомєвєна-
шїаїпєрєдєнълїкблїєд/єсьлїкогнїщдомєцєнємубгуюгнїкусьмурьглѣрцєм-
опокєзатїсєавосташєтїсєнєбєсї/асєвзєтїождомудрасвѣта. . . нарцємомуїм-
єїєогнєбъжєаїдємосєтрудїтїакївскдєн/мълєнїаутвршатѣлєсоїядоїмоаїдє-
модополєнашїтрудятїсєякобъзївєлѣшавєскумужу/їжєчїнєнєсьтрудїтє-

сянахлѣбсвудажбовевнуцістелюбимчибъжъскіабъзискоро/ралавоітако-
десницедържачі . . . воспоемослвусуражіуатакождемоісліхомдовчерѣ/апеп-
нократослвіхомбзіведенепіймосбурицувзнакблагъстіаобцностщесобзікі-
і/босугтевосврзіетакобпоіутзащастень : . . . воспоемославусуражіуатекомн-
нъзлат/суражіщіевскакщетвнебесі . . . домуидяхомпотрудъщесятамоогінь-
утворджихома/ядяхомпокоръмнашрдемояковаестеласкощетожъскадоної-
аотоідемокснуденоубо/прідеатеменеястїе . . . такожедадехомдесетуоцѣм-
нашімасентунавласве . . . атако/пребухомослвнїякожеслвїмбъзїнашеамглі-
хомсїятелесоіомовленїводоуцїстоу . . .

Дощечка 3б

інбокървеньесъватаіаакривънашепротомълоувїякоізобрятщиконязїста-
ропці/нашаатакосеправїентонадесечвъвдїкръзвъща . . . асоуборитїсянао-
нъїсоудїті/вшякуотнонскуподлѣ . . . главноще . . . (неразборчиво) . . . ата-
косеправїнашіоці . . . /всенкімаїсловорещатї («їѣ» мной иногда вставлено,
если можно так выразиться, по внутреннему чутью. В тексте оно
в с е г д а «ї») . . . атообляго/сутратїхом отъхъзарюу . . . повѣцїтроянюякі
. . . (выцвело в тексте) . . . првѣнаса/дїсе сосоїнісваавнуціпротївнерещен-
ушем . . . (вероятно, здесь идет речь о некоем выборном воеводе-князе,
который захватил власть противу воли Веча, как отчасти можно судить)
. . . боруштїнеїяхурадевлдїщепротивнѣвъща . . . хозарстѣбодшананъа-
тїнеїмшавоїове (здесь надо читать, как мне кажется, «войов», а не «выйов».
Видимо, боруштити не пожелаали драться за Траяновых наследников)
. . . таторостгравїцабяпентосент лїтоіанеукончїшасякороастала намо/тѣ-
глахзарстїго . . . лїбопокудуборуштитращесїярзїнанъналеземпозї . . . авну-
котра/янненбїсамотенсодрузїменогаїябїутщєн . . .

Дощечка 4а

В Ж текст озаглавлен: «Дощечка № 4, линии 1—21 (текст попорчен)».
Между М и Ж, как уже говорилось выше, есть множество буквенных раз-
ночтений, но мы отмечаем здесь и далее лишь наиболее существенные
отличия, которые проливают свет на принципы интерпретации текста.
В дощечке 4а могут быть отмечены такие существенные разночтения (пер-
вое чтение — по Ж, второе — по М): *блша . . . ашті — блша . . . хъзарашті*
(при этом буквы *за* приписаны от руки); *. орусекро . ренці — . дорусек-
роукаренці; Перуна . . жебїясоної — Перуназлатусанжебїясоної; наколїкі*
. . . блзі — наколїкіївѣавлзі; утърдїн . . годї — утръвърдїнадончїногодї.

Дощечка 4б

В Ж текст озаглавлен: «Дощечка № 4 (продолжение; лицевая сто-
рона), линии 1—23; текст сильно попорчен; — букву прочесть нельзя».
Из существенных разночтений отметим следующие — в Ж: *атонерадѣ-
немнашіїм . ко . атонераденемнашіїм . ва . т . попер*, в М: *атонерадѣ-
немнашіїм . поперѣ* (отметим, что повтор группы слов в Ж не может
быть чисто типографским недосмотром, так как текст там расчленен на
строки как бы в соответствии с делением в оригинале); в Ж одна из строк
пропущена и обозначена отточием с указаниями: «(текст разрушен) . .
(конец)», в М только многоточие — знак пропуска; в Ж: *блїдїнотокнезі . .
їжеозборшаборусїцїта . на . русколуне . а . л . с . аборусе . і . измечїца*,
в М: *блїдїнотокенѣзі . . їжеозборшаборусїці . нарузколунї . атоїевзеньше-
рузколуне . аборусе н измечїша* (в М число пропусков меньше).

Дощечка 4в

В Ж текст озаглавлен: «Дощечка № 4 (на обороте), линии 22—39».
Таким образом, эта дощечка — как бы продолжение дощечки 4а. Наибо-
лее существенные различия — в Ж: *бїяхухъзїарї . ѣзїарьсїтїї*, в М:
бїяхухъзїарїаказанъхъзїарьсїтїї. Последние две строки в М начинаются
с абзаца, в Ж слова *суцїбобогу* читаются в середине строки после много-
точия. После текста в Ж в скобках читается слово «конец».

Дощечка 4г

В Ж текст озаглавлен: «Дощечка № 4 (обр. сторона), линии 24—46
или по порядку 1—22», однако в публикации всего 21 строка. В Ж текст

слитний, в М частично розделен на слова. В ряде случаев в М знак пропуска (многоточие) проставлен там, где в Ж слитный текст. Наиболее существенные различия — в Ж: *злая. зящї. . (i)зтеятемѣздоісязлю*, в М: *злая. изтеятемѣздоіся издоібшесе зло*; в Ж: *стлрусек. . (текст разрушен) . . крѣвстоііщатоііход. ом. нтіенебрегоша*, в М: *стлрусек*, а далее с новой строки: *многия крѣвстоііща тоіі оходсляном. . антіе небрегоша*. В Ж текст окончен также пометой: «текст разрушен».

Дощечка 4а

пчасеживоттрудѣнь. . атобязпвступѣхболяринскотень. . тоіібонеподлегтiedo/хъязрябїронїсті. . одїронїпомoцїпрoсяїатоїe. . комoнѣствадoсілаяїабяшахъ/зараштїотърченї. . їнабoяруштїкoстасепoдхъязрштї. . кїїбодoлѣзшадoградакїв/скаїтамоусѣдщесе. . тїжеруштїщїкoїаневолїшапoдoхзарштїїдшадоскoтенеаї/такoрусъсетърловашаoколѣ. . іронштїнехашцїсвїковенашаoдереньнеберяїатакo/oставїрусоумжївoтрусек. . хъязрштїїберяхудорaoтесвoяoдереньадцїкаженї/велїцѣзлѣбї а. . твѣряїзлo. . oтoубoгoдѣгрябoналѣзнаруськoлoусткoтенеаїтоїїзмещїсяпращурoвенашапoгтягошананѣзadекoмонѣстваїронштeутърчeарoс/бїяїгoдѣрoстрченїбїашагoдѣсштїабѣжеспoлe. . тобокрeвборштаселїла. . ачермнaземѣбїя. . перунамїрoстршпчерусьземѣгoдѣскуамещемїзницївсїкаїземѣїхвемѣ/сїадосвапрїтще. . aотубъхъзарштїпoящанoївещасратеньаналѣзоохшананoї. . і/тубoруштїувржешеседoбранeякoлeвїарѣкшaпoрпадохoмбoякoжeпeрундoнаснeдбаїтоїїмапoмoжaщeагoдѣбїя ураждeнахaxъзарштїпeрвѣe. . укoуcїпpaxoу. ./-бїящaпeрвѣїрoстрщeнїaтoрусъзeтхлaдoїxарцeїцoщeбудe. . хъязрштїбoутeкoщa/дo влзїoдoнyадoнчy. . тaмoстрaмїяї. . усбещaвoїя ихoвeргoшазeмѣмaмoцїсвo/атѣкшaкoлуньчeсїтoїкратeгoдѣсмѣстїсeаoтoїдeдoпoлнoцѣбaтaмoїзмїзѣ/їдїяїдaлѣрусьбoустрїядoсeзeмѣвзїтoїїядоруськoрaкeнцїсвaндутърщeарѣ/кшaпрїдeубoмїлoстoїнїщасбoжeсьxaxвалїмoдaжбaншїгoaпepуназлaтycaїжeбї/сoнoїатакoпeрвѣїспoяшaслaвубoзѣмнaземѣчужьсѣтїарѣкшa руськoлуньтaїeзe/мѣбaтaмoсeпoтщїсявeльцѣбaбыстїaоутвѣрїтїсeязeмїнашїeї. . хъязрїштїубoїщa/дoземѣпoтїeтѣїнакoлїкїївѣвѣлзїруськoлуньбoясeутвѣрдїnadoнчїпoгoдї. . .

Дощечка 4б

многoяемщїїдшасoнїатакoждїпoтpюждaїсeаoттоїабящeтївoльнaазурoвeнe o /пpащурї. . влeсoбoнaушцїтoїазeмѣрaтїазьрнoсѣтїтaкoубoїщaтoїїпpащурїoгнї/щанaмaстaтїaбoїтїзeмeтpудїцї. . рцѣмбoякoсeрѣщeвнaшїземѣаненoяoгpьцїжaдї/щacеoруштїїeнзeкyopстїтїбулгapцїoщїнїтї. . їнужeсвaсквївдїщїeсвaпoлѣхъ/злaщїцѣxаїзoбpяїтїїмaїoдсвeстapтцeoдрoдудорoдyтaкoсeпpавї. . зaдeсeнтeвeк/oузaбїшaoвaeсвaaтaкoрoдїжїятїoсoбїцѣплeмeнoї. . сeзoївaттeпoлїнї. . свeрeдзї/aдрeвлїнoїтoубoсyтeвпїруcштїoдрoскoулунїанeїmаї. . oдѣлeнeстїякoсyмѣсe/aчудѣ. . aoтудeпрїдeнaрусьyсoбїцa. . зaдpугyтoїнсeнцeлeтoї. . пoдпaдѣщe рaздїлyаубудeсeсaмoтнoсщeacтaoдeрeньчужїмрoбїтї. . нaпeрвѣгoдїякoвaкpѣщцїѣудeр/щaнaдpузѣхъязрянoмaкoтoїeзoбївнїшacяскaгнoм. . aтoнeрaдѣмнaшїїм пoпeрвѣїстoугoстѣмaнaрусї. . oнaщaлyбїстaвeлрѣцївaпoгудѣштaшaзлїeаруштїпшїтyлyщїтї/стa. . рѣкoстaтoїкaмoгpьцїмooдoнaя. . кaмoжївoтвoльн oбpщeнeм. . eсьмы влїцѣ/сїрoтa рeнkaбoжьскаoднaсeoтвpатї. . . aтaкoнaдвaдeсeнтѣтїсeнцѣлѣтѣхнeмoгoшa/сoутвopяшїтeсeдoрусѣбaтaмoпpїдeвѣрязїaбepety. . бѣстaoнaсoїнoвe влцїрусьбo/твѣрїсїядoпoлнoщe зaсeжeнeїмaхoм мoжeнoстї. . влѣсѣхїлмeрштѣх co утвѣрї/aтaмoeсь. . кїeвїжeдaнaщaстѣмaлa. . тaмoбoуcѣдшeсїявopязїжeсoутe хїщнїцї/. . пoвѣнстeсвeнтoяpжї. . дaузрѣмoзpацїтѣлнїтoгoтубoлїяpагoрдїнyнaшeгoякїпoрa/зїгoдѣсoскoтїцeм. . aбятaяслвнaя дѣнїя oд пpexдoуслвeнстїлюдeнaрусeдeсeн/тeстaтpетшїгoлѣтa. . бoнaглѣaгpябїпaлѣзѣнaпoї. . тeндeсвeнтoрeбїeдїнoтoкнѣ/зї. . їжeoзбopшaбopусїцї. . нaрyзкoлунї. . aтoїeвзeнѣшepузкoлунe. . aбopусe п/измeщїцa яїдe нaгoдѣ oд вopoнжeнцa. . бїя тaмo дeсeнт тeмe їзбopнїя бoянyв/кoмoнѣстѣ нїкoлїжe пѣшa. . aтaкoсeвѣржeшeсїянaнѣ. . сѣщaбїя злa a кpeнткa /aтaясeузуржїлaдoвчepeябїпo. . гoдї-

Дощечка 4в

русьбоусріяназемеуіудосьотоіщасідшадокііуввръязісогостеабіяхухъ-
зряі/акаганхъзряръштиірѣщедо скотенѣ. . .помощепомоляі. .одвѣргнетая-
скотенѣа/рѣщеубосіпоможештесамісве. .вещорусколуњеималшадѣятіко-
лісватоврожица/сіла ідедоземѣ ворженце. . .воронженецбядревельзамно-
гаявѣщіуоставена. . /окремленотналезеніанаоколо. . .атавръяжиннаідедо
вронженецѣапоятіі . .такос/усѣндласерусьогрожденаодезападусунѣ аше-
дінідосурінаполденеасуражъград/утвржаша. . .у моріяижегръціимяйта-
мокряпішаграядсуражъбілояръ . .криворгбѣ/тоііщас конѣзруштиабѣлго-
ломбъпуцяшешеткамотіілѣтетамотіатоіілѣтнагрѣ/цекриворгалѣзѣнанѣа-
ростърщатаятаубогръціяколісіосцастемвртѣвѣяйдаяше/крівргузълѣторуно-
акомонѣцестребнѣатѣкрівргсеудржінасурожіоніжегръці/бѣштінаколун-
ѣхкрівргдогодисябаістерусеотворжченатамоатакождегръці на/вѣржго-
ша нанѣбяноуво желѣзѣхапобяціявелькавѣрженаеесъкреврштіадопау/
доіанѣсцьстенѣгабіярусіномілірмошерѣщашажестѣглупіціасьменпритѣцѣ-
модо/воіпоможашети. . .потщемосянапаментихоякосвеземѣруськуудоби-
шаесвенаше/староцтсво. . .якібостратіісілоірусьнатѣхмозапасищахсов-
рзі наша. . .акря/веіхоудобишаземѣнаше. . . /
сущібобогуніякісоперуномдѣляшущанакувендламецісвадоврагініх. . .моі-
же/імопомоліхомосенамоупомоці. . .

Дощечка 4г

соурожіу босвятоубоіті надноі. .аідемокамовіждемоземѣгорія. .алуцѣ-
морія/іто всенкоденкобозѣмзрящемо яковіесьсвѣтегожерѣщемоперунда-
жбохораярііно/іменіі . .такоспѣвахом слву бзѣмаживехом мілостіубожъ-
скудонеждѣ живота се/гонзимо сурожабіевразінаша іжесоутенатемѣзія-
міползцими. .агръязцісутенамо/болѣма марѣм мароіу аконцемживота все-
ницкім. .явітісебгусілну. .абіяті те/м мецем молнііматаяздхне. . .сурія
свѣтінанѣадоновѣвідомвсаящская. .первѣбо/слвасуріу стлудіду етењ иже
дене злая. .извѣтатемѣвиздоісія издоібшесе зло/племенодасуво атозлопле-
менонапрашурінапанетецѣ. .іналѣзеіясмнозѣутцені/аумаржені атоіоріе
старотецѣ рѣщеидемо одземѣтоя идѣже хуніе нашабратч/і забіуть тобото
крвівіощасті звѣрші скотінашакрадші адѣцізбіящі. .атобот/о староецѣ
рѣк а тещахом доініяземѣ якова тещемеды імлеціма а іесь та/земѣ. .ате-
щаху всі ісоіноветріеодорііу бѣшети кіе пашек агоровато оку/дѣ тріе
слвні племеніісткша. . .соінове бѣщі хъробріеводці дружи/ном атако-
сесѣдшенакомонія а тѣщеху. . .занѣдѣдружіноі младенчі скотікраві/по-
вензоібоіці. . .аовдці. . .тѣщашеті дѣцкі староціматере жені якоже марѣніе
людіатакоідѣна доплуднѣдо морѣ ямещемаразіщаврзі ідшадогоре вѣлі/
кія а до пуді травніядѣжебѣшцеті злакоуммнозѣма. . .тамосеусвесекіе
іже/бѣщ строищемкііувтатобѣястлрусек. . . /
многія крвѣстіоіща тоіі оходслвяном. . .антіе небрегоша злом а тѣкъшы/
камооріе рѣксте ібокрвенъсєсватая акрявѣнаше проторщещежесьмоівсі/
есьмѣ русици, неслоухатесе вразѣмижерекут нѣсте доблія. . . одоце
оріе/ідѣмоат

Дощечка 5а

В Ж текст ее публиковался дважды, в разных номерах «Жар-птицы». Один вариант озаглавлен: «Дощечка № 5 (лицевая сторона). Линии 1—10. Дощечка очень темного дерева, но сохранилась». Текст без разделения на слова. После слова *тамо* помета: «буква неразборчива, м. б. о.), а после слов *акобовуцесен* помета: «ряд букв прочесть невозможно, поверхность дощечки отщеплена, а с ней и запись». В конце текста примечание: «конец текста лицевой стороны дощечки».

Вторая публикация озаглавлена: «Лицевая сторона дощечки № 5, линии 1—10». Текст разделен на слова. При слове *паркун* примечание: «вероятно — Перкун», указаний на состояние текста нет, но после слов *вутцесен* — многоточие. В конце текста примечание: «конец текста лицевой стороны».

В М текст также воспроизведен дважды, сначала без разделения на слова, а затем (после указания: «разделение слов, как нам кажется») — с разделением. В нашей публикации здесь и далее мы сохраняем членение текста М на абзацы, но приводим только вторые варианты — с разделением на слова. В том месте, где в первой публикации есть указание на неразборчивое написание буквы *o*, в тексте, не разделенном на слова, читается: *тамотцехом*, а в разделенном на слова: *тамо(о?)тцехомсен*. В том месте, где в Ж было указано на дефект доски, после слов *ако бо вутце сен* читается: *іменован(н?) непрепренте*, и далее — как в Ж. Эта вставка дословно повторяет текст, читающийся в М выше.

Дощечка 5б

В Ж текст также публиковался дважды. Вариант без разделения на слова озаглавлен: «Обратная или другая сторона дощечки». Вариант с разделением на слова озаглавлен: «Обратная сторона дощечки № 5, линии 1—10». В М также текст приведен сначала без разделения на слова, а затем, после указания «попытка раздела слов», — с разделением. Наиболее существенные различия: в Ж словами *галица і врані од ѳди* кончается строка, в М после слова *врані* — пробел, а чтение *од ѳди* дано с вариантами. Пробела после слова *внезапоі* в Ж нет, как и разрыва текста после слова *сядша* (в М дальнейший текст с нового абзаца, причем сначала приводится слитный текст, а затем — с разделением на слова).

Дощечка 5 (осколки)

В Ж эта дощечка публиковалась одновременно с первой публикацией дощечек 5а и 5б. Публикация представлена в следующем виде:

«Осколок № 1, линии 1—2.

1. (начало линии съедено червем) . . .оішасоу. . .енарждаец. . .д. . .ноі. . .асвіажесе 2. боесъпосамоі. . .смерт. . .назаз. . .бенджемос. . .ітакож. . .ільерц. . .ніш. . .дін. . .

Осколок № 2, линии 1—0.

1. (начало разрушено — сдавлено, может быть, потому, что поедено червем). . .оіжесьмірусіцінікоіевріазі (конец).

Осколок № 3, линии 1—4 (начало сохранилось с первой строки).

Осколок № 4, линии 1—2 (начало сохранилось)».

Тексты «осколков» № 3 и 4 совпадают с текстом машинописи. В конце текста в Ж указано: «Конец связки дощечки № 4».

Дощечка 5а

спондробенце се зацати намо тоі околі рщемо такоі жделятоі до діру за / тенсенце пенте ста ідоша прадоі нашої до гуре карпанеске а тамо се осѳд/неца а живя кладно то бо роді сен правцасіа од оці родці а старенце родоу / бяцко доірянтоі боуце паркун бо ноі сен благоволящен бо то утцехомсоі / а тако сец бяц живут пенте ста лятоі а тамо (о?) тцехомсен до восхдяцу / суне а идехом донь претаборіека есе до морвже теціа а то полуноце / сядщенане а сен іменован (н?)епре препентеі ако бо вутце сен іменован / (н?) непрепрепенте а тамо осендеціа пенто сент лято івще сен правища / сен а тако бозема хранивен одо многіа рщесоіазенце илерув бяца мносте / тамо оседицоі огнищаноі а тако бо скотіа сен венденце со ступоі а і / тамо тако бозема сен храніті можящет ако рцеві одехне а пенжіяшети / многа злато а богаце живхоста.

Дощечка 5б

оі щасодщасусенарждаецясреденоі .свіяжесьськ бо есъпосамоіа / смърте. . назазбенджемосьмы такоже ильмпці якові насо храніша неідінѳ / аснама солсіяхусе а кривьсведаяйінамо. . / дривѳбянарусіхзаріе днес есва / вьрязі. . .моіжесьмірусіцініколіне врязі. . /

оставхом насуріу млекоінаша вотравѳхз аноціутлщемо донь щалюаінітрвіа / якожерѳкшапрастароці адаімо сесуритіся япімотричі вослвубогом пентокрт / деннѳ. .табото наша стара потцінабозѳм длюжнаесьпотребіті. .атребьта буді / повязоммезіноі. . /

...
анімарапі мороканесміѣмо славіті. .лібото дівоісоуте наше нещасть. . . /
нашедідо есь весвръѣ.

Дощечка 5б

сице се іезенце одовратишасе до полудене а само нехаяй ноі а тако
ідща/на ведне скотіа говада своа і беща ту птицоі сряща мноства теція-
шети до/не а тіто галца і врани

оддяди (од яди) летіяй а бя стеяде/(бьате яде?) велика в ступіях
тоб то іплеменоі костобце налязай а сицѣ/отверезити раноі многая а крве
ліяца ту вnezапоі главе сьакша/врзіям свема а тоіа суге вра-
ноі ядла а тако стрібоі свичашуге во/стпіях а боряе гундяшете до полу-
нще небеспенцетеса ноі біа ту сѣща вел/іка енззіце а кустобце се разити
со злоіе утечеце а вороі говіяднашех/а тако бьашет уборица таіа а двасто
лятоі а наше родіще тецяшети до/ляши пребенденоі суге тамо сядша

за стоі ляті бящі тамо годе іерменрехе а се злобящоі на ноі а ту бяща/
уборце вліка а годе бя потсняна а отрцена до донце а доне а іерменрех/
піяй віна любоі братресте позе воявенде нашоі а тако се утворжешетися/
бя живуге нове.

Дощечка 6а

В Ж текст озаглавлен: «Лицевая сторона». Текст в публикации разде-
лен на слова. В М текст разделен на четыре ффрагмента, при этом каждый
дается сначала в слитном написании, а затем после ремарок: «попытка раз-
деления слов», «попытка раздела слов», «попытка чтения», «чтение» —
с разделом на слова. Из существенных разночтений отметим: в Ж первая
строка кончается словами *до непреноі а*, а следующая строка начинается
с примечания: «проедено» и далее текст: *о родіе тоі*, в М: *до непреноі
а карпанеске држава по родіе тоі*; в Ж: *тако біа земіа та руска*, в М:
тако бя држава та руска; в Ж после слов *а тако* указание: «ряд букв стер-
лись или соскоблены» и далее текст: *де ту*, в М: *а тако роміе а оде (годе?)*,
со слова *ту* начинается новый фрагмент; в Ж после слова *біахоме* приме-
чание: «две или три буквы прочесть нельзя», и далее текст: *еі настца*,
в М: *бяхоме одо роме і настценеа*; в Ж: *стаунама по ріеце ромі*, в М: *стау-
нама по данаіу ромі*. Отметим, что границы фрагментов текста в М в трех
случаях из четырех в Ж приходятся на середину строки.

Дощечка 6б

В Ж текст озаглавлен: «Обратная сторона (также попорчена червем
или жуком. Многие буквы прочесть трудно, может быть, соскоблены или
выцвели. В скобках а — (а) — вставлена)». Наиболее существенные
разночтения: в Ж начало второй строки имеет помету: «съед. червем», в М
на этом месте читается: *бренде шедша*; в Ж: *ромове н. . . .ае. .р. . .опол. . .*,
в М: *ромове од данае гръце ополенде*; в Ж: *табо то влк. . .зл. .е. льяше
а ро. . . (текст сколот) бьашет. .о.г. . . (текст до конца линии уничто-
жен)*, в М: *табо то велка зла не дѣляше а ромове біашети во грдлѣх данай-
стех на ноі визиращаа тако ждех*; в Ж: *ста. . . (текст испорчен). . . сент*,
в М: *ста а пендесента*; в Ж текст кончается словами: *друг. . . овж. . . (ис-
порчено) конец*, в М: после слова *друг* добавлен целый абзац.

В М весь текст дощечки разделен на фрагменты, которые даются сна-
чала в слитном написании, потом, после обычных указаний «попытка чте-
ния» и под., — с разделением на слова. При этом в первом абзаце (со слит-
ным чтением) указано: «При переписке нечаянно были пропущены фразы,
идушие сразу же после слова „жива“ и до конца этой части неудавшегося,
чтения», однако текст *ту бо гуларек. . . а обетова* в Ж читается.

Дощечка 6в

В Ж текст озаглавлен: «III. Лицевая сторона. В скобках а — (а) —
прибавлено для смысла». Текст разделен на слова. Наиболее существенные
разночтения — в Ж: *два роді. . . (продырявлено) ране суренже*, в М: *два
віетва тая именовашасе велка і мала борусене суренже*; в Ж: *тако біа та. . .
(дыра, этим кончается пятая линия) епра*, в М: *біа тамо Непра*; в Ж: бо-

русене. . . (попорчено) сіце, в М после слова *борусене* значительный фрагмент на щесте. . . *сеце*, насчитывающий около 140 знаков, тогда как в Ж, согласно делению на строки, могло уместиться не более чем 15 знаков; текст *длуга біашете. . . парце бо*, которым заканчивается в Ж текст дощечки, в М отнесен к дощечке бг. В М текст разбит на абзацы: сначала приводится слитное написание текста, затем с разделением на слова; эти абзацы предвараются пометами-указаниями: «попытка чтения», «чтение».

Дощечка бг

В Ж текст озаглавлен: «IV. Обратная сторона». Отметим существенные различия — в Ж: *на себоі (боі) хом сталеве . . . (соскоблено (боі) вставлено для смысла) хомста*, в М: *на себоі (бы) хом стале вѣроваще бяхомста*; в Ж: *а ніколе сме. . . (продырявлено). . . ожде. . . ое (дерево сколото). . . (дыра). . . колі*, в М: *а ніколе сме назоівате інакожде яко езенце колі*; в Ж: *подсебіа бераі*, в М: *подчинашеть*. В Ж текст заканчивается пометами: «конец», «продолжение следует» и подписью: «А. А. Кур». В М текст разделен на абзацы — сначала приводится слитный текст, затем — с разделением на слова.

Дощечка бд

В Ж текст озаглавлен: «V. Лицевая сторона». Наиболее существенные различия следующие: в М добавлено слово *невѣгласіе* после слов *бѣхом сте*; в Ж: *годе тредореі а десентеста*, в М: *годе в лята десенте ста*; в Ж отсутствует значительный фрагмент *а тамо сме. . . щасе суте*, читающийся в М после слов *грецькі істуте*. В М текст заканчивается словом *істеть*, а в Ж читается далее: *а гуларех вед іу на нове земле*. В Ж после текста сказано: «Текст записан крупными буквами. Буква (і) в скобках (і) добавлена» и подпись: «А. А. К.».

Дощечка бе

В Ж текст озаглавлен: «Обратная сторона». Существенных отличий от М нет. В М первый абзац приведен дважды: без словораздела и с разделением на слова. Начиная с этой дощечки прекращаются указания на пропуски и дефекты дощечек.

Дощечка бэ

Заголовка в Ж нет. В конце текста указано: «Конец дощечки № 6 (продолжение следует) А. А. Кур». В тексте Ж после слова *модерѣ* в скобках указано: «или „синем“. — А. А. К.». Начиная с этой дощечки в М приводится только разделенный на слова текст.

Дощечка ба

од оріе то се обяци нашої оце со борусоі дораріеце до непреноі а карпанеске држава по родіе тоі се правити одо родіще а вѣща а свак родна імена све родіще кіе соуте правищеі оуд иде до гуре тако а тамо есе коняже а воевндце вутце людоі да бранитисе до сва врзі во славу перуню а сиц дажбова помуга навртисе на оі тако бя доржава та руска одо русоі а борусице ту бо борі а велка непрстана бяшете вшак щас (пря?) а многасѣща субоіа абото врзема наштвена а нще нескущен а до конце а тако роміе а оде (годе?).

ту бо ерменрех іде донь а налзе нань і тако потлаце ноі сме бяхоме одо роме і настщенеа одо годе мезе два огнища тляте а се палити а ту бя велка біда а жнева нашої палена а нище селищено (се лищено?) она неніжедоі меі попелеще ту бо преленте до ноі птице бжеска а рще одоіте до полуноще а натягесе не нане колиждетоі идяхуте до слеоі нашої а патебеште а тако утворяще удше до полуноще а натщемо сен нане а роспрія тая.

овоітезете на не а тако идящете доне а ставитесе стаунама по данаіу ромі до ноі се врзетешаще а біяі се много ту борзо утцене бяща простеглавіти ноі а тако сме простіглавихом еіе а то тема бявоі упростеглавенех.

вельце снезе хладоі глад моуциша нашої люді ено ставаяй трце а лишасеся безо вше она тоікрате велце устрадашеся бо незалеглести имай а ту твряй. . .

Дощечка 6б

себто по стої дваденсенте лятої бране годє напиреама задѣ (бяща) егуншти а брене шедша до полуноце мезе раріекаа дивуна а тамо то препадне іерманрех а гуларех вед ю на нове земле себо егуншти со бренедема а говіядої сва есе стана тої країе тамо бя многа комонева а говіяда трава злачна а вода жива ту бо гуларек приведнова сыла све а одразі вше егунште же за главе многа а теце на ної тубо родицесе соубрасе на комоніях а врзешеса нань зура сѣще бяшети тамо тридесенте ден а русої поуштуа годє де зем свая кото аобетова (не?) боїти з ної

тежце временої наста налезе на ної ромове од данае грыці ополенде а годє ополонце а полдене табо то велка зла не дѣляше а ромове біашети во грдіѣх данайстех на ної взиращаа тако ждех. .

тато боріа бяшети намо велице трвава а нице же угодна бзем а людіем себо то неимяхом іна прибезенце яко она а обирахом кнезе од вутце тоїбо бяшете одовсене до (о)всене коема же платхом дане о полюдіа а страшащєся водах ком стадої стадоїсва а робихом земе житва нашаїа тако бяхом ста а пендесента лятої творища прю велку всеякодене егунште а о годє а нищо о беренде те боста имяї кнеза саху а тої премоудра мира глядах од русої а бя наше друг.

брєндаходяїпотихусебоегунштоїсоутєворовеаборіа с нима батєншка-табтєвргасєстєлятоїаегунштиостєсєшєсянагдѣстѣїземє. . .

Дощечка 6в

т(о?) се заяви замержеце а ста градої градяшете хоросуна іна возденя русколанє раздерена смутама ста творяшети на полудєн а борусєн а полноце бя многая утерпѣніа то бо породице не хтїяї або і руське роді а соедна о русколанє прото же два вїєтва тая іменовашєсе велка і мала борусєне сурєнже сен а зва сурєнжкє руса а борусє праборя тако бя тамо непра боре а долга вржда мезє родіа раздирашети борусєне на щєсте тако борусєнжє не могша стати грыціом а скуфї наступєне тато бяшети жлута а русої бяшети русої а медроочитіє сылна а неунавнє прї ошєд непрстанє а коли же на супрєнжєне не бястє кнеженцє сылна або грыцє даваяї вразѣм виштцє яко інам.

от оцє ореа а до діру бяста тєсенцпєтєсєнто лятої сєцє парцє наше вїєста мєдвена мєчє так убо твастєрєї марєцє удїєляті желєзвена а братє комо не яковжє тєщяша од бозє до ної тако бя русколанє сылна атврдєа то бо то от перунї а одєржащє ної колїкратє изволокша мєщє а одрза на врзі одтрщєя сва тєрєбо вутцє за ореа родєа славєна а сілнєяковї же осурї біяї а игѣпєта а старє на тіжє щєсє неїмамєхом єднє ота а бяхом ста яковощабєзє влєса тої бо реклє ної яко імѣмо ходяті пшїмонєгда же крїва а того неслоухашєхомся.

тобо то парцє убіряї велку щєстє русої набсурє потщєна нєстрєжєщєнцє сє бо тая одо вразєх а тако налзє на ова адоморузвѣта ся ідша колнїті главє сва подо враз кєбїщє тато сылна вршті натєцєна оботрїє а тіто ходящє со говїядє до заходу сурє а тамо сє стратї наше жє людїєїдящє до подєна бсурсар а затємто ідящєн (на?) асурє а гїпѣтєстє.

Дощечка 6г

длуга бяшєтє лятої одєрєнє трватєсє а тако пршєдє дєня русої тєцєша одо набусарсару парцє бо нє тєкоща за нє а тако оїдяї до країє нашєх а тамо бо слєнша пѣснєща наша до интру а вола на сєбої (бѣ)хом сталє вѣровашє бяхомста со бзєх нашєх а до сєвє бзє нє нутє наше отсє єдїнє смє хомота носящєтє імяхом а нїколє смє назоїватє інакождє яко єзєцє.

колї бо одєрєнь баблуску терпїяї а кнєзем их бя ту набсурсар кїї бо ихва подчїнїашєт а тѣсва юна даяї до вое а тїєндлє до чурсы а чрєсл на ланїта утерпѣніє імяї а тої бія кїєми то терпїя нє могєстєхом тако а нє можахом а рцємо іма жє ста нє імамы до срьдїця наша. яко в тєї дєнь колї бяшєт велка трясєва а зємєвртєнь а о врзєсѣх обоїсва до сврзє тамо комоньвє а волы мєтящєся а врщє забєрєхом сєвє стады і вєржєхомся до полуноцє а упасєхом душы наша а такобзєма хрєанєстє будєва а нїжєспо

ценотрацемо сині сва а све дщереа тако жены а будехом просте сва ужеі свастехом а не бяхом сметенты еже идша на челе рате а оберень седоть ве свеа ходяхом бо ниже псіе потомице сме славуна а грді сме быти можашем а небрежехом ества то бо магура спѣва пѣсне сва до сѣще а тая птыця оди нітра иде бо нітро бо а пребенде до вѣк інтра само кіе да паруне все бране абысте тые да вржешет ю да прибде яро вен ашедолунче а лѣпей-мемо сен согмизете ніколі бо сва быти одереньце а жряти бозем іхва.

Дощечка 6д

то бо жречіе о вѣдѣ сен гобзяншети рѣкоста а тую украде одо не а не имахом ныні колбо неімахом бранды наша а бояні так бѣхом сте невѣгла-сіе до конце і окуду сме а то боляр гордыня кіе біяй годе в лята десете ста тшетіяго одо карпенске исходу а тен яко тріедорей иде без страху нане и боляре сегеня иже убив сына іерменреха а отрце гуларека оде вороненце тамо бя остала русе бороуска а русколане так іщеі мамо стендентесе од вразех нашех слов.

околоі тая імамоі вѣстете а не можахом есьма віеріте десець оглубнѣ свако слво рѣщено доноі ато зоріа свѣте донь аутро иде донь а тако імемо вѣстнека скакава все сврзе а рщехом хвалу а слву бзем та бо суренж огрещена іе а не буде досве рауська а тамо бзі грецькі істуте а тамо сме неяхом скорбень нашу а одержема іна да влаче ноі соін свѣтен інтрув оде тьме а імахом вынего допоменце нашего а старе щасе суте наше благо достанехом од она тврдосте и крпсте абоі вразем сме отвѣдали яко істетъ

Дощечка 6е

ті щасе соуте велма прчеста бо те ден же сме такоу ясна а сушна бя на ноі зуріва такоже (жі)тва се не уродде а претож идяхом наземе іну а тамо сме удержехом потлцена бя русе оде гърце а реме а тоі идша по брезех моренстех до суренже а тамо утворі суренж крае бо тен есе сурен да те бо коіеву се та утворора не добисе а зеле бо пртяца бяхо та ту бо перве ворензе прідша до русе а асклд слілоу пограмлі кнезе нашему а потлце того. .

асклд а поздедір уседнешесе нане яко непростен кнз а тіто кнжките поща над она до иста бендщете вутце а семе го? (его?) костоіре хранящ го огнбга дому тому? а (огенбога?) одеврате лик свен од она яко бяста она кнзе одгръцех крцена (крчена?) асклд есе темен воен атеко днесе од гръцех освѣцен женікіех русоінесте а сенте врвы а тому можахом се смаяте яко бяста киморѣа такожде це нахше а тіто ромоі трясяй а грьце розметце яко прасете устрашены.

Дощечка 6з

тоі вутце предѣляшет каждую напотрбе а ту бящет инь суте а інда тврга а тоі асклд пожере богом чюжем неботе нашіем такое бенде оцове наше а несьмоі боіте іне а грьце хтяе насо крщашете абоісме забіхом ста бозе наше атко сен обратихомся донь якосте одерень боіте пстржехомсе тоіго яко прастоіре аже прастрещеша скуфія сва а не даше влцѣм хсничите об агнцѣх коі бо суте дятіяод суре тому трва злена есе знак божьск я имемѣ ту беряте до глекув усуряти юна сонма нашедабоі піяте о бзѣх восврзѣ модерѣ а оця наша дажба жрятву творяйще а табо на небі такуже свесцена есе отоікрате.

Дощечка 7а

В Ж текст озаглавлен: «Дощечка № 7 (связка дощечек). 1-я дощечка. Лицевая сторона». В М текст разделен на два абзаца, в начале каждого стоит помета: «текст». Членение на дощечки 7а, 7б и следующие произведено в М постановкой знака абзаца (чернилами). Из разночтений отметим — в Ж: *біашехом імено поленоі*, в М: *башехом імено имахом полены*.

Дощечка 7б

В Ж перед текстом указание: «Обратная сторона». Из разночтений отметим (первое чтение — по Ж, второе — по М): *се бо у море — се бо у сине море; тоісенц пентесет лѣтоі — тысенц пентесет ляты*. В Ж в конце текста подпись: «А. Кур».

Дощечка 7в

В Ж текст озаглавлен: «Дощечка № 7 (связка дощечек). 2-ая дощечка. Лицевая сторона». Различия между текстами Ж и М несущественны: в М добавлены слово *смахом* после слова *ляте* и слово *имахом* после слова *тебто*.

Дощечка 7г

В Ж текст предваряется указанием: «Обратная сторона», а в конце его указано: «продолжение следует» и подпись: «А. Кур». Из отличий М и Ж укажем лишь два — в Ж: *січа*, в М: *бітва*. а вместо *людіе* в М: *народь*.

Дощечка 7д

В Ж текст озаглавлен: «Дощечка № 7 (связка дощечек). Различия с М в основном буквенные (буквам *e, ia, i, oi* в Ж соответствуют *ѣ, я, и, ы* в М). В М в двух случаях добавлены слова: *домы* и *живе* о.

Дощечка 7е

В Ж перед текстом указание: «Обратная сторона»; после текста указание: «продолжение следует» и подпись: «А. Кур». Существенных различий смыслового характера между М и Ж нет.

Дощечка 7з

В Ж текст озаглавлен: «Дощечка № 7 (связка дощечек). 4-ая дощечка. Лицевая сторона». Различия Ж и М в основном орфографические, из существенных отметим — в Ж: *живот вецен*, в М: *живот земен*, а *віць есь живот вецен*; в Ж: *до сверзі*, в М: *до небі* и еще раз вместо *од сверзі* — *од небы*.

Дощечка 7ж

В Ж перед текстом указание: «Обратная сторона». Помимо большого числа орфографических различий между М и Ж, отметим: в Ж: *слава жещеть*, в М: *слава жещеть о тые потомицѣ якве ні грѣцом ні врязем не пода жещеть*; в Ж: *обань о голомбе*, в М: *обонь жерев ступень а голомбе*.

Дощечка 7з

В Ж текст озаглавлен: «5-ая дощечка серии (лицевая сторона)». Существенных отличий М и Ж нет.

Дощечка 7а

слава бзем нашем имемо исту віру якова не потребуе чловеченска жертва а тая се дѣе о ворязи кіи убо вѣжды жряли ю іменоваше перунапаркуна а тому жряша мы же сме хом польна жретва дайте а одо труды наше просо млека а туц то бо покрпшеш о коляді ягнчем а о русалиех в день яров такожде а красна гура ту бо то дяхомо во споминь гуре карпенсте а тонщас се іменова род наше карпене яко же стахом сме бяче во лѣсѣх то імѣмо назов древище а на полі сме бяхомо імено имахом полены тако вшыко еже есе грѣце ущекашеті нане иже сме чловечкожравцове а то лужева рѣнщѣ есь яко нѣсте бо тако во іста а имеяхом іна повыке на тоть кі же хочашеть увранжидете іна реще злая а тому глоупен не се боре а тако есь а іна рѣкоста такожде.

долзе се правихом родьмы а староцове венска рода ідша соудяті родице о перунь древы а такожде имяй тон ден игриштія пренд очесы старще а силу юну указанше? юнаше ходяй борзе спѣвай і плясавай о то і тон ден огнищаны идяшете о міслеву а прнащца діщену строщем кіи діеляше туіу о пренче люды і волсві жрятву дѣяй бозем хваленице а слву рѣкста о щасе же годе а оявене воріягу избрящете сен кнезе вутцове а тыі юнаше веденша до сѣще зуре то бо роміе ны поглєндаще а замыстлящете злая нань і пршедша со возе све а желзвѣна броне а утце нань а тому бранихомсе долзе о нех а отрщяхом

Дощечка 7б

сме тая од земе наше а роміе венде яко дрзі сме о животе нашем а понехша ны на то.

так о грѣце хотяй одеренете ны о хорсуне а прящехомсе зуре протиборства нашіего а бя боріа а пря велка трдесенте ляты а та понехшія сен о ны тем бо грѣце ідша о тржища наше а рекоста намо омѣнете краве наше

на масть а србло то бо потребуе на жены а дете а тако сме мѣнехомсе скоро до днес неды последеце грыціе іскащете да ослаби ны а то іскащаше одерень взенте а тому не ослабихомсе а не дахом сме земле наше іако зме трояню сме не дахом сен роміема а да не встане обіденосще дажбовем внуцем кіе же во арузех вразі дбаша а тако днесь не по хуле семо такожде оце неаше

себо у сине море стятша до берзе годь туіу а одержаща нань побѣдну пісне хвалы а матыря спѣващет оя красна ітыція яква несе пращурем нашем огонь до домы я а такожде ягнице прездремо до тодь а боло сте на ны одержеца сылу а імахом врязі ростятешете а гоньбу псину има нехате то глендь народе мое яков есе обезпещен а нардев а того не опібещесе од раны твоая а не вржешесе до рядь абосте сме вразема погонеле а біду сен позбавяце а жітне інако імате бо сме бяшехом ста грда а неоделегла од е а тягчае поразе бенде по ны а сме по тем тысенщ пентесет ляты яко сме се хом многая борія а пря імяхом а такожде сме живе діеке жретье юнащя а вевонце

Дошечка 7в

тогдаше не бя інакосте а днесе пребенде достяй ны а межахом сме се одразите сен од вразех а деньмо тако се одразеньме і яхом све сева а ов а первѣ зовенхом до стенге вутце наше якве не суть ще збабнена а грде

приходжадом се во істѣ на стогна све а рещемо же інѣ не буде то а сме імаме іти на грыце якова ста бенше мѣлвихом бо ясне а інтра иде за не яко шед за отце наша на роміе до трояне земе а суть немо бенде колиб ва варензе ведле наше вое на то яко саме сме можахом вденте тенсеце ляте сме хом били од ромеі годе а сурянта якова бенде со ны ниже не опоменемо яко годь соеднесеше со егунште на ны а галареке се верзе од полнице а егунште ополдне а ту плакала русколане боруся елице же егунште оброящеша годь ту русь се венздегла сва сыла а егунштіе оразиша утворяй крае онтов а скуфѣ кыеву а днесе засеце средьце наше се крві од ітра до вчерже ходястехомо а ізроняшехомо слзы осудове нашея жівататисе нѣмы в час тоне а тако вѣхом ста иже щас приде яко позасенще сме ходяшете імахом на врзі а щі бо ту грыці щі бо егунштяны тебто імахом хомытате а стрнѣжете а бонь не ста намо врза я яко мрзенсть пренд ощесы нашія галарек бо за(п)лати за ть а імаме пронуденте хорсуне заплаценте за слзы дцере наша уточена а сыны одрениа взято плать бо та не србрна ані злата поненже одсенть главе я на щепоту стрщемо

Дошечка 7г

а тако бендемо рды ота бо бреце псицья грыецкя а лис хитрощема одврне насо од трвы нашея а то імяхом ясете якоще суне врдыте то бе наше мета оуцещешетесія а не збрте сема ту бо за тенсенщ тріе сты ляты од исхѣду карпенъсте асклд злы пренде наны ту зегненсе народе моіе од лада а твряще любви идь де стнге наша а захценъ тота од вразех на русе могутьен сврг наш ані бзі іне а просте сврга неімахом нище кроміе смрте а тато не стршневая есь колиже ще хом сен рьщени се бо сврга зове ны а ідехом донь

то бо то идехом яко матырясва спѣва пісень ратьну а імяхом ста посলেখнуте донь абы сва не ясте травы а скуфе наше грыціом даяшете а тые намо каменіе во еже грензетіе я а тобо то зенбы имуще тверда а остра ті то нам рѣкще же сьмы зврженцы а рыкахом в ноце стрх на люді иже сутыгьрці.

вопрощашуть насе народы што есьмы а есва одповендохом же сьмы люде неумуца крае а правяхуть нiamo грыці а врязі то ишчто оповеденмо детем нашем якове намо буде рекнуть пленовеніема до очита і іста имуть се бо дружына собирхом ста до стенга наша а рщемо всяко неімамы яствы а жітва сен бендехомъ на полі брате а інда оберехом от грыце ядохом і не оберехом ані ядыймо бо матырьсва спѣва надо ны а імемо стегне наше даті вятром трепате а комоньства ступы скакащете да прах подыймо военъ за ны а вразем дахом дыхенть е тонто ден перва бітва есь од ны а імехом

два сты убіена за русь вѣшна слва има еста а іде до ны народъ а неімяхомы болярі да прідеть до ны

Дошечка 7д

а да справехом тризну славну по врзех а налетьмо соколы на хорсуне да берехом ядь а добра а скотія? ниже полоняхом грыці тібото нас вѣдяі яко злых а сема добрі на русь а тьма не бенде с ны но о ты кіе чюже беряще рѣкуть же добро дяють а не будехом яко она един есь вовенде нашо ясунь а тому птщехомся на труд наш а побѣдять врази до єдіна яко соколове нападьнемо на она а вржехомся до борія сыльна

то бо матыресва спѣвашеть ве сврзе о подвигы ратны а одеймо од домы сва а тецехом до врзі абехом вѣдяшете імо о руськ меча сещене яснуне рѣще же не махом ста іна дѣятье яко ите допред а наспеть неімяхом рцете яко неімяхом спете неботь переды сва а борзо ідохом а кіе борзо іде борзе іма славу а кые потиха іде то се враніе на не крящуть а курове кленчуть несьма говяды неботь сме русиші ста а то е іным наушчене абоста знате акі правь есь со зны а наве се не бояхом ста яко навь не іма сылы проте ны тобу бо имехом молитве бозе о помоце в трудех ратнех наших а тцатесе

тобо маырьесва біящеть крыдлема о труды ратне а славе воіом якове іспіяхша воде живе од перунце в сеще укрутней а тая перніца лете до ны а тая роуг двашеть плнен воде живе о живот вѣцень гордине нашему иже меча вразія одоста а главу стрпену утрате тако смрте не імяхом одо ова ниже бо живот вѣцнен а вожды братре о братре трудяся

Дошечка 7е

а умре а до луце свргова іде а тамо перуница рѣще тые бо никіе ін ниже рус гордин ані грыць ані вряг анмо славен роду славна а тон иде по спѣвех матыревех а матыресванщех до луце твех сварже влике а рѣще му сварг иде сыне мые до те красе вѣщны а тамо зрящете тва денде а бабе а тіто о радощех і весліах те зрящете плакста зела доднесе а тедо іма бяшеть возрядовасте ся о животе твем вѣщнем до конца конец а во кращеся тама не веме е

яко вое ясуне імяхом іна мета ниже грыці а імяхом славу іну а такожде дозредемо до рае наше а узржехом квенте красне а древа а луці а імемо вяну вяніте одо поль тех житву трудити а яшень пълоте а пшено просово сбірйашете до закуте свржіа тобот богощенства іна яко земна ве прахове а болястве а страднех і да бенде мирна дене го вѣщна а сме стахом на мість го а пряхомста зурѣ а бенде паднемо зе славою тамо ідьме яко ов

то бо матыресва біящеть крыдлыа о боце сва обапол якова возгена сяще свентем до ны? а вшыко перо іне красне? чермено сине мондре жолуте а стрбрне злате а беле а та бо сящеть яко суне саруме а воколы іде пасунь табто светящеть оседьма красы іже завещь о бозех ста наше а перунь ю зряще грметь в небі ясні табото наше щества а сиць імяхом ста сва сыла дате да узріемо такожь а одсенщехом стар живот наш од нова? якова есь сещена врубе дрва домі огнищан прость матереслава біе крыдлема опалы а ідьмо до стегі нашенстве а те бо стенгі ясуне

Дошечка 7э

тамо перунь іде а главу златоу грсеще молыне посевахшеть до сврзе сіняе а та тврдесе одо тые а матыреслава спѣвашеть о трудѣх свакех ратнех а мамехом ста посленхате а хотящети бране зуріве за русь наше а пра свнтоце наша матырьслва сящеть до облцева яко сунь а вѣщяшеть ны побѣды а згенбель ані се бояхом ста яко то есь живот земен а віць есь живот вѣцнен а тому імяхом ста дыбате вѣще яко земно проть же ніце сме на земе яко згі а то зьгмізехом ву тьме яко не бяхом ста істе нікда на ні тако слва наше отеце до матырьслве а пребенде вонь до конца конець земстех а інех жітве то бе сва со стен болящети сен смрте яко сме хом потомице славне а дажбо нас родиве кренз краву замунь а то бедехшемо кравенде аскуфе антїве русы борусень а суренжецы тако сме стахом дедь русове а с пендебе ідьема до се до небі сварзе сынея за стар щас рыбаыны остасе не хотьще ідяшете до земе нашея а рпцхша же босте імай добля

а тако ста ізгібоста сва а недплодште сен з ны а змрже яко неплодъва ніщо одень не збенде а не вѣхом сте обце о тех костобцева суть она оні жда помоце од небы самова не ста хва се трендетесе а тако жде се іна стащя од иліроум поглщена ста хва ту бо рдехом вшыко есть право же не де сен стате одобе тея а тако ілірове ста поглшна од ны а неімахом тоде нікіх тако дулебова ста хва одо ны повренцена на борусь мало збыщаше іле-рува неботь рещены ілмерстіе ате себо седнеше вендле іезера а ту ведештіи усешедца даль а ілместе остаще сен тамо і тако збенде мало а реще сва поленше і бяща

біето крыдлема матырьсва і спешащет песен до сече а та птыція суне саре не есь а тая есь од она ова ста бяща

Дощечка 7ж

а ту хом ведѣте імахом да сен збірѣе род руськ до десѣнце а десѣнце до сты а да тая напдѣшет о врзех а піметь е главе ева одтрчеца а тамо злая поленшет да звеже хисниці та ядщія со зденхноуть

тешашуть рієце велке на русѣ а многа вода е журшесть спѣва старо-давнія о ты болярі яквы не сен бояща до поль годе ідшіа а лѣты многа сен прѣція о волнесть руську тіто славне ніщо берьгшіа ані животы сва тако рце онье берегыня абіеть крыдлема матырьсваслва а жешеть о тые потомицѣ якве ні грѣцом ні врянзем не пода жешеть тая птыція о грдыніех борусенштех якве од роміе падща колы данаевет вендле троянь валу а тое простѣ трзны легыша а стрібве ієнве плясащуть об оне плакащесія за овсѣне а в зіміє студієнѣ гурлыхашеть обонь жерев ступень а голombe дівонка а таце жекощуть яко погыбьша тые ославіє ані оставе земе све врѣма не бо съма сынове такожде потомице а ні ленценхом сме тако земе наше варензем ні грѣцем

ту зорія красна іде донь яко жена благва а млека даяшет ны в сілоу нашіу а кренпосць двужила та бо зарыне суне вѣстца а такожде сленхшемо сен хом віѣстече комоньска скакщете до закату суне абосте управенсте бящ го члн злат ку ноці а бящ бѣх воуз со влоема смірнама влекущца по ступе сынеа тамо бо легнь суне спате во нещ а тож колібва ден пшишед ста до вещежѣ а друге скакащец уяве пршедь вещере а тако рце суне же воуз а влы есь тамо а жде го на млещене стезѣ аще зорія пролища в ступѣ позвана мате абы сва поспѣшндла

Дощечка 7з

тако рцѣмо сме же імахом красная вѣнце віре наше а не імахом цызіа добіратесе ту кнез наше реще же імахом іте до ясуне болярыве абехом сме то ухранялы одо вразе по бенсть рано а поздѣнь щас буде оконція поздѣ і да імехом сыла нашія но ступѣ матырьсунесва строєнія а крыдлева обаполо розерчена і тѣла ве средьці а глава ясуне на рамена го во-вендце славне? якове не ленщешуть в сенціѣ главе своіа ясуне а убреготью до ова дне колі бо іщеху іде до закату суне со вое сва а хрвать берііа свє воя тодь іна щесть іщеху се ленше з русева а тако з не одѣленція земе а с ніхма утворе русколане кій бо усендесе о кыіве а тому сме хом под-легце а з нім доцеле сен русе стрящем сен а тако будьва ны іна сыла не ідохом о ні а со русь понежде тая есь мать наше а тако сме дѣщті еіє а бедехом до коньцы о ню

Дощечка 8

В Ж текст озаглавлен: «Дощечка № 8» и подписан: «А. Кур». Текст этой дощечки не разделен на строки. Много орфографических разночтений; в М отсутствуют слова *ста боляріна оглендѣ а тыи болярін оглендя рѣще якожде імахом*, которые в Ж читаются после слов *колібва імахом*. Фраз, пропуск которых «при переписке» оговорен в М, в Ж действительно нет.

Дощечка 9

В Ж текст озаглавлен: «Отрывки дощечки № IX, линия 1—43. Документ VIII, стр. 5—8 включит. (обработанные А. Куром)». Членение текста на «отрывки» с заголовками и пометы типа: «конец отрывка А. Кура»

в Ж и М совпадают. Различий между текстами (даже буквенных) в этой дощечке нет. Машинопись дощечки существенно отличается от машинописи предшествующих. В Ж после заголовка «Отрывок № 1» пояснение: «Предание о происхождении полян, древлян, кривичей, руси и словен (разбивка сплошняка по Ю. Миролюбову и А. Куру)». Напомним, что эта дощечка была опубликована первой.

Дощечка 10

В Ж текст озаглавлен: «Дощька № 10 (документ № 13)». Примечание А. Кура: «Вполне возможно, является продолжением Дощечки № IX (см. Дощ. № IX). Текст». Характер машинописи этой дощечки отличен от других и точно соответствует публикации. Однако в Ж последние три строки повторены еще раз с заголовком: «Раздел на слова (Куру)». Текст этих строк приведен с разделом на слова. Эта дощечка была опубликована второй, чем, видимо, и объясняется своеобразие подачи текста. В Ж этот текст был опубликован тут же и второй раз, но с разделением на слова. Примечания в тексте отражают как бы спор Миролюбова и Кура. Так, после слова «Богумиру» сказано: «дальше Миролюбов читает „бо“», после слов «жещут яко сме» в скобках сказано: «у Кура написано „смье“, вероятно, ошибка при переписке, и дальше вставлено „смьхом“»; после слов «влищѣ о себе то бо» также в скобках сказано: «в оригинале записи Миролюбова написано: борусице. Миролюбов склонен читать: „борусице“ или „борусице“, а Куру: „бо русице“»; после слов «раръеце» в скобках добавлено: «у Кура сказано: „ра рьеце“». Смысл помет неясен, так как текст предварен заголовком: «Разделение на слова (А. Куру)» и, таким образом, дает разбивку именно «по Куру».

Дощечка 11а

В Ж текст озаглавлен: «Дощечка № 11. Лицевая сторона». Характер публикации такой же, как и в дощечках 4, 6, 7, т. е. текст разбит на нумерованные строки. В М конец дощечки выделен знаком абзаца, вставленным чернилами в машинописный текст: тексты дощечек 11а и 11б напечатаны на одном листе без разрыва. Отличий М от Ж немного — в Ж: *земе суне нашиу*, в М: *земе слонце суне нашиу*; вместо *обаа* в Ж, читается *обалпы* в М.

Дощечка 11б

В Ж текст предваряется указанием: «Обратная сторона (в скобках (а) добавлено для смысла)». Из разночтений укажем — в Ж: *ipii*, в М: *рай славьск*; в Ж: *ученсте*, в М: *уцте*; текст в конце дощечки: *слава богу Перуну. . . вспрядьн ест* в М припечатан позднее.

Дощечка 12

В Ж озаглавлена: «Дощечка № 12 (отрывок)». Характер машинописи в М отличен от большинства дощечек, заголовок дословно повторяет заголовок Ж, так же как и в Ж слово *iaa* стоит выше первой строки (в М строки также нумерованы) и при нем приписано от руки: «пометка». Разночтений, даже орфографических, нет. В Ж в конце текста указание: «конец».

Дощечка 13

В Ж текст озаглавлен: «Дощечка № 13 (отрывок)». В М текст воспроизведен дважды: без разделения на слова и с разделением. В Ж в конце текста указание — «конец».

Дощечка 15а

В Ж текст озаглавлен: «Дощечка № 15. Дощечка эта попорчена и временем, и человеком. В некоторых местах текст прочесть невозможно. Но текст очень интересный, он говорит: Лицевая сторона» (пунктуация так! — О. Т.). В М текст разбит на несколько фрагментов, но только первый абзац повторен дважды: без разделения на слова и с разделением. Много орфографических разночтений; пометы в скобках внутри текста читаются только в М; в М перед первым словом текста читается: *се старь-*

граде; в Ж: *тамо стадоі*, в М: *тамо бендешь со стадіе*. Текст дощечки отделен в М от последующей знаком абзаца, вставленным в текст чернилами. В Ж после текста добавлено: «В 11 и 12 линиях концы дощечки отщеплены, в 14-ой линии после „ог“ дырка, а конец линии стерт». В публикации эти дефекты отмечены, но в машинописи нет. Ср. (первое чтение — по Ж, второе — по М): *пра. . е — праоце; небж. . дышиа — небожедь ідышиа; огь. . ьсте — огнищъсте; біа. . . — бяще*.

Дощечка 156

В Ж перед текстом указание: «Обратная сторона». Строки пронумерованы начиная с 15 по 27, тогда как обычно каждая сторона дощечки в Ж имеет свою нумерацию строк. В М текст начинается со слов: «о годіе», в Ж они отсутствуют; примечаний, читающихся в М в скобках (в тексте), в Ж нет. Из существенных отличий отметим (первое чтение — по Ж, второе — по М): *щоурь — сльиех; все — рате; на маріцех — на облціех*; в М после слов: *абіе бендіте* читается отсутствующий в Ж текст: *отціе ноі. . . ваше бендіе*; в Ж: *ошіе*, в М: *ошоіе і одіесны*. В Ж после текста указание: «Концы 24, 25, 26 и 27 линий сколоты», и концы этих строк имеют отточия. В М не только восполнены отсутствующие буквы, но после слова *бржещет. . .*, которым заканчивается текст в Ж, добавлено: *о бзіех і та кьво есте саме пред врзема*.

Дощечка 16

В Ж заголовка нет, а есть лишь указание: «Разбитый на слова текст дощечки № 16 (Влесова книга). Обратная сторона. Буква, заключенная в скобки, добавлена для смысла». Текст разбит на 10 строк. В М на соответствующем листе помещено фотовоспроизведение дощечки, затем машинописный текст дощечки без разбивки на слова, при этом строки машинописи точно совпадают с длиной строк фотографии. Затем тот же текст приводится с разбивкой на слова. Эта страница имеет характер черновика: с поправками, сделанными от руки. Тексты Ж и М расходятся в орфографии, кроме того, расхождения следующие — в Ж: *бгу*, в М: *кіу*; в Ж: *імца меіа ж продшу*, в М: *неімц менж прдіцісіса* и др.

Дощечка 8

а тако ста мерзе русы распре а оусобиція а жале ста меже оны а пощаше плакате а вырїѣкате іма да не гряднемо за оны яко тамо ста бенде погенбель наше а депщехомся до та поріа іакождіа не збуде од ны ніщо оспомыньмо о тѣ яко об оце ореі един род славене а поце (по оце?) о тріе сынове го (сынове его?) роздіеленцесе на триціу а тако ста о русколаніе а віенцьіе еже сен роздіелцесе на двы таботва об боросі ех якве бящете рострждена на двіе а тогдіе імахомь скоро десентѣ а пощо гряді грядящете а грендее оустроящете колибва імахомь сен діеляшетесе до безконцця та борусь едина мо(ж?)ащеть а не десѣнце а то родце а родици сен діелящесе а потщаше а то крато врґ налзе на ны імамы бранітесе о рценъ а не жещете якова оце імате аще бо імате десентѣ краве а згїненещеши од враг мала оущьчта іесь а пребодеші в родіе до конція тва десѣнцѣ іма оутворіящети тысѣнце онѣгды тые оглендіа краве водіаі по ступіех а ты крато рце словесы многая о родціех свех а почтіесе самодсебе выщїе пращуре а оре(а?) оце тото врдная твріаще не будехомь сме іма настенжете сиче бо слїда све не ідіемо

по галаррехіе збенде годе до полоунощїе а тамо ісчзнїе (*здесь пропущена была при переписке фраза: і дтерех веде іу и после о ніхже не віхомь нісчо*) а бередїе ідыша до ны а ріекста намо іако вельме велька утснїенїа імаі од іаге якве поста на слїед іегунштїі а тако болярь іема рціе пождїате а прешеде до нь а ходїе с пенты тьмы до нь нежданїе а біяі іагіе кіе бо рострще на ввспе страной яко влія женїе е а бере кравы еіе (*здесь пропущено слово і говіадїа*) а дщеры юнаше а старьще побїе наскрсь мы сьміе русищїе іміяхомь грдітесе походїу нашїу а држашцесе єдїн одна прїятесе до смертіе правїе на то еще помыньмо дорїе парцішьтего іже на ны оутощесе а побїе ны за нашїе роздіелїаны (*пропущено: и оусобиць*) то то бо

вріазіе ерек а аськ оусієста се на кренке наша а мрзящете намо до кроміетої сьме потоміцої родоу слвуне кі пріде до ілмаріціе а оусієднещесе до годіа і ту будіе тысѣнце ліатої потщаше на ної кълтове со желязва све а поткящія ны повратьщесе до заходоу суніе яква есьва тврдіе роука држіащія ної і того одріела до ізмщенія а страхої му навендіе на чріяслы го одтрце од земіе нашієіа а ілморштї на то глендієшіа не сен бранішасіа до цїєла (до цѣла?) а загынїе нищо сме на могощїа то оувортїате іна іако ілме не хоціащете желіязва брате до ренкої сва а ні сен бранете од врѣх такова роді ізсхнеще імяшоуть або іа іної наслїєндѣлы

грм грмоіщаеть в сврзіє сынїа а іміахомь ліетете на врїа іако ластице борзі а грьмавіє а та бенстрщї ієсе меца нова а роуська а мета імахомь днесе ініа абы ста стоупа скоуфыніа бола за ны а вшіяка бродщїє в онїє защезліє ста а енме наше краве тамо ходщете імоуть а нашїє родіціє жїте імоуть ібо колотве вчеренщїєіє соуте днесе варензе і грьціє (їже рієкома елане есь — *пропущенная фраза*) а тоїє ко не домыслїєва сен до то соуте іхьва буднсе отроква ідеренще бранїсе земіє русе а брань себіє а тоб іна не бендла на тыї крче а тоб то вразїєма не недла сен охомытана а до воза правїаждєна ябы тенгла теї до камо хоцьашеть цужей владѣ а не бо то тої хошчащєшь іте сама

жалє велка (*пропущено: с каринуо*) тому кіє не дорозумїєшьтє словесы тає а грм ієму неб(є)стєнь абы пврг сен долїє а не воста вищїє владѣ наше єдїне есе хорс а перунь яро купалва лад а дажбо а колїжде купалва прїде ве вієнчіє кіє же взлежи на главїє го сетщєна од вієтвія злена а цвѣтіє а плды тен щас імієхомь далєціє о нієпрїє а до русе скакашете о смрте нашїє не моїслихомь ста а жївот наше на полі есь красєнь біє кроїдлієма матыре сва слва а жєщєть намо іте до сієщїє а махомь іте і нам ні до ні до ядьва бріащєна тукої смащєна неботь іміахомь спате на сырїє земіє а ясте трву зеленоу докудіє не бєнде русе волна і сьлна за тєє щасє колїбва

годь іде од полунощє ієрменрєх се отєєжє ієгунштє а тако се пдоржє о она а смє іміахомь два врїа на два концїя земіє нашїєіа а та болорєв прєдо трудої велкє а усумнєсе ото ту матырь лєтшіа рєщє мо яко смїєяї паднутє на ієгунштїа апервієіє а рострщїте ю а сен повртатїтєсе на годь а тыї тако дїєящє розбіє ієгунштої а се повїєрте на годє тамо бо увржє соїєнє ієрменрєхє а замртвє

Дощєчка 9а

о тої щас бя богумир муж слвої а імя трїє дщєрѣ а двїє соїні тоїє бо веїдїащєа скуфє

до стєнпої а тамо живїяї о травѣх по(о)тцє вѣщася и бояни бєзєслущїної а разумої

вхїцнє и тако а ту матє иєх іжє рѣщєна славуни про ова тврїащї по-требю и рѣщї

ин до богумірстє сємьдєн мої а імам дїцѣрѣ сва овдате а внуча зрїантєн тако(в)

рѣщє а повозої упрєжє а ѣдє камєсва и прїѣдє до дуба стая в полі а оставїє

нощє о вогніщє свє и вїдѣ вєщєрє мужи трїє на комонях до не стрє-моїстєщєаа

рѣкста тоїє здравѣ буди а іщо іщєщє рєвѣндє іма богумир тугої сва а онї жє отвѣщаху яко сутє самє о походь да імуть жєної (*конец от-рывка А. Кура*)

отрывок № 2: обратїє богумир на стєнпої сва а вєдє трїє мужи дщѣ-рѣм. . . отєсва трїє родої іщєдшєа о славної бящї (*может — «ото сватрїє родої»?*)

отрывок № 3: оту бо похєждяшутє дрєвлїаної крвщє а полянє яко пѣрѣва

дщєрє богуміру імѣно імаї дрєва а дру(г)а скрѣва а трєтїа полѣва соїновє жє

богумиру имяще сва имѣноі сѣва и младце и русо тен о походяшуть северяноі а

русіе. . . (конец отрывка)

трие бо мужи бяста трие вѣсенце оутрие ополуднѣ а вшернаѣ. . . (конец отрывка 4)

отрывок пятый: утворисе роди тоіе о седмѣ рѣцѣх идѣже обитващехом заморья о край зеленъ

а камо скоти водяй древн(л)оіи сходу до карпенстѣа горе. . . (конец)

отрывок шестой: то бяща она лятоі пред тисенщ трие стоі за иерманрѣху (конец)

(*отрывок седьмой:*) отѣщасе бя пря влика о брезѣх море годьстѣ а тамо праоце накидыша

кургала о се камня бяла о под коя погребшы боляри а вуце сва якове о сѣщѣ падыша. . . (конец).

Дощечка 9б

отрывок восьмой: придоця из крае зелена о морѣ годьско а тамо потощеня годѣ яква

намо путе преткавящя а тако се бящехом о земе теа о житиѣ наша (конец)

отрывок девятый: дотесва бяща оце наша о брѣзѣх море по рариецѣ асо влика трудноще

по нѣпра веще сва людия а скотиа на онѣ брѣг идѣщя дону а тамо годе видяй

шедь до полудне а годьско море видяй а годе измещену противу сенбе статися

зряй и тако нуждѣна сен бяте а про житню а живоітва сва (конец)

отрывок десятый: якожде иегунште бяша по стопѣх оцеве а налесе на не людиа биаху

а скотиа беруця а тако род славенѣ тѣкшиа до земе индѣже суне в ноце спяшетъ

акамо травы многа о луце тушна а рѣнце ренбоі пѣлнѣ на а камо никий неумре (конец)

отрывок одиннадцатый: годѣ бо бяща еща на зеленъ крае а малоу преди оце идущя (конец)

отрывок двенадцатый: раурьека есь влика и одѣляшыть ноі еде пна людюі (конец)

отрывок тринадцатый: а теще до море фаснсте (конец)

отрывок четырнадцатый: ту бо муж роду беляру иде по ту страну раурьекоі а упрези тамо

синьсте идущя до фрянжец яко иегуншти суге на острове своі а пожедяшут

госте да оберуть не (конец)

отрывок пятнадцатый: бя то за полустоі лятоі алдорѣху а несще древе она бя род беляров

соільнимъ егуншти госте оденища се за муже беляру а рѣкоща яко да ему стребро

за то (конец)

отрывок шестнадцатый: а два комоне злата (конец)

отрывок семнадцатый: идяху индѣ а изстеще грозе иегунсте а тако мимоидяху годѣм

якве суге такожде зуриве на прядьво и на нипероі а комонѣзе их нѣсте

пощестен а дваще дане беряй тобо госте (остекунещаноі) текунещаноі он поврташя до земе синьсте а не приде

уж николибва

Дощечка 10

богумірубобозедаяшутьблагыземнаяатемосменеимяхомсе. . . яконамобя инь. . . астарцеородіоберещехомякокомонѣзеіжѣодшасыстарісугенаше

вученаімяхомразвесе. . . тобобящікомонѣзедолгышасатіеогръценезве
дцяастаедоконцякообенствемужете муждеодродньеимяхомдавATEDO ПОТО
мышѣіахаботіеправищитены . . . апобогумірубящаоріесосынысвааколи-
бва

іегунштевелікапрютѣящаоутвореніавелказемесеатакоидыщавонотуду
дорусенынібіяінъшасаіемосебратезаужьдятаенгнутедопредуанебодє
жещєноякошьмооствяхомземѣнашеаяахомініано(по?)дажєщутьякошьме
хомпрящєхомвлищѣосебетобоурусіценєоставищєстєгръціназемєвашюа
перыстєсеобноу. . . отєщасѣрарьцєбытєкромѣтєньюіныземєаднесєвожк
ядіщясєврзєнашянаньаіемосєпрящєтєовнучєнашіадаудржѣхомстєпє
нашяанєдахомзємєінам. . .

такo бoімяхомінакoтвoрящєтєанєпалтєдубьoпoлясваніжсѣнѣтєпoтѣх
ажятєжньюoпoнєліякoбoімяхомстєпєтравьніаскoтівoдьящєтєбрєгoущя
брєгoущянаoтoвразєх. . .

Дощечка 11а

себoящєтє пєрвє трīgлву пoкланящєтєсє іахом а і тму(тoму?) влїкoу
слву пoящє хoм хваліхoм ісварга дїда бжїа іакождє тєнo єсє рoдoу бoжѣ-
ску нщєльнїкo а всєнску рдоу студиц вєщєн яковво тєщѣ в лєтѣ од крoїнє
сва а вoзє нїкoлє жє нє вєзрєє атоіа вoдє жівєнцє піущє жївїхoмсїа
дoкoнєнєпрєїдєхoм якождє сєє кo нєму убєндєхoм дo лущє єгoієх раяй-
стїєх а і бгу пєрнєві грмoврєцу а бгу прє а бoрєніа oрцѣхoм жївєнтa
явлєннє нєпрєстaвaтє кoлїє врщaтє а кїй нє вєндє стєзєoу прaвoу дo
брaнїє а дo трїзнєнє влїкa o вся павщїа яквє жє ідоут вє жївєнтє вѣщнїє
пo пѣлку прунoїу а бгу свєтoвїдїу слву рцѣхoм сє бo стa бг прaвїє а
явїє а тoму пoїємa пєснїємa якo свт єсє а чрєзє oнє вїдїахoм свїєт зря-
щєтє а явє бoїтє а и тoї нaсo нaвїє убрєжєщєт а тму хвалу пїємo

пѣхoм плясaщєтє му а взоївахoм бгу нашїєму якождє тoї зємє слoнцє
сунє нашїа а здїєздїа дрєзaц а свт крїєпцѣ твoрящєтє слав свїєтoвїдїєвє
влку слва бгу нашїєму тo бo скрѣбєцєтє сєрдїє нашїє а сє смє хoм oдркo-
хoм сєн oдo злєа дѣяннє нашїа а дoбру тєцєхoм стє

сє бo oтрцє пущєнїємo oбїймєсє а рѣщєтє сє утвoряйщє сє бoнѣ вїє-
дѣтє oумє рѣзтргнєщєпї o пoщїйстє сє бoтє умїємo сє бo тaїна влїкa єсє
якождє ісврг пєрунo єсє а свєтoвєнд тьє двa єсѣвa oдѣржєнє o сврзі
а oбaпoлє я бїєлoбг а црнѣбг сєн пєрoутє сє і тьє ісврг држєщєтє aбьє
oнa свнту нєoбьтє пѣврзєщєнєу пo тьє oбaсвa хѣрс вльс стрїб дєржєтє
сє пoзнє вьшєнѣ лєлє лїєтїц

Дощечка 11б

радoгщ кoлєндo а крѣшєнѣ и сє oтвa удрєц сывый ярѣ а дoждбo сo бo
і нє сутє бїєлoярє лaдє кoупaлo сѣнїц жїтнєц вѣнїц зрнїц oвсѣнїц
прoсїц студєц лєдїц а лютєц і пoтa птїщєц звєрєнц мїлїц дoздєц
плдєц ягoндєц шпєлїц трѣстїц клєнчїц єзєрєнц вїєтрїц слoмїц грї-
бїц лoвїц бєсїєдїц снїєзїц стрaнїц свєнтїц рaдїц свїєтїц крвїц
красїц трaвїц стєблїц а зaсєсoутє рoдїц мaслїєнц жївїц вїєдїц
лїствїц квїєтїц бoдїц звєздїц грмїц сѣмїц лїпєц рьбїц брє-
зїц зєлїнц гoрїц стрaдїц спaсїц лїстєвєврзїц мьслїц гoстїц
рaтїц стрaнїц чурц рѣдїц а тубo oсвa oгнєбг сємь o рєгєлї oвщя
ярo брзo рoздєнo o щїстѣ а тo сoутє трєглвє oбїцїа а сє свa oнїєoдє а туждє
oтрoщє oдєвѣрзєщєпї врaтa oнїa а вєйдєшї вoнѣ тo бo єсє крaсїєн рaй
слaвѣсєк я тaмo рaрїєкa тєнцє якoвa oдѣлящєщєтє сврѣгу oдo явє я чєн-
лoбг утцє днє нашїа а рєщєтє бѣгoвї чєнслa свa а бoїтє днє сврзєнїу нїжє
бoтє нoщє а oуснoутє тьбo сє єсє я вск ясїй єстє вo днє бжѣстїєм а внoсцє
нїкїй єсѣ інoждє бг дїд дуб снoп нашѣ слвa бгу пєрунo oгнкудру іжє
стрѣлїє нa врзі вѣрзє а вєрнa прєдвєдє вo стьзѣ пoнєвїждє єсє тoїє вьнїм
шєстѣ сoуд а іaкo злтрoун млств вєспрвдїн єст

Дощечка 12

іаг *пoмєткa*

aщє сурї сїaшєтї пoємo хвлу бгoм а oгнїщю пєрунїу іжє єсѣ рѣкoм

потіатиц на врзі а рцемо вліка слву оцѣм ншим дѣдом іакові соуते бе сврзе прцемо тако тріще а ідемо стд нших ведмо іа на трвіе к-олібо весті іа на інь ступе ідемо їсті по друзе хвлу бзем возн-сіаще слву пѣахом а тако доплдне а рцемо слву вліку хрсу зльтрн-ої коло вртіащу а суріану піемо а тажде до вщере а по вщере коли бо ожде огниці слъжена заждіемо а слву вщерніу пѣемо дажбу нашої

іже реком ес праді наше іецоімосі а очісте боіті а мовлена творіа ше ідемо до сноі а тамо вліка необіась ноі. . . (конец)

Дощечка 13

се бо умная изверзец хоробрѣ оукрепе а тые ідше до суне всходяще обапола ріеку зряці тамо сѣдша іако амтресваслва ржеце а та обасва крідлема освяжде она і такожде брящеше земе туіу а бранете оніу о да-суне а гунште якожде готіем обрацете стрела сва а меце отоцена

Дощечка 15а

се старьграде понехще ідъшіа до ілмерезера і тамо утворѣй грд інь новь і тамо пребендіехом і ту свргы первіе пращуремо ліхом серді роженіець крынъ е препросихом і то дубо кренъ хллеб нашъ свргі же тврѣй (может этот стих надо читать — нашъ сврг іже тврѣй?) свент бг есе свенту і бг прве і іаве і наве се бо імяхом о ны во іству і се ествва нашіе прѣорящеть сылы потьместе і блгу венде

іакожде праоцы об енде тврѣй осемьведіа жртвы о комоніе біеле і ызыдощъша одь крае седьмерецштїа о горе ірштїа і загъгрїа обентьщїа віек і такова понехщъша іде на двоеріеце і ръзбіае оты комоньством своіею і теще до земіе сірштїе і тамо ста і пождіе ідъща гороіма влкїма і сеіезіема і леды а отеце до стенпоі і тамо бендець состадіе свої (повидимому «свої» надо читать «свы») и скуфе біа (часто «я» изображено в дощечках как «іа»)

се прва праве одрщена оце нашіе праоце дръжящїа она ве прїе влі-цеіе і сылы даеть отрщете врзе небожедь ідъшіа о прїе теіе до горїа кар-пеньстїе і тамо ріаще оцелы пенты кніезы і грді і селы огнищъсте і трзі влікеа і потїестненоі бяще

Дощечка 15б

о годіе кыа се буціе до зходжіна суніе (вероятно надо читать — заходжіна суне — захождениа солнца) і отуде ідъ до суніе (вероятно на восток!) до інепрарїка і ясьмо тамо кые оутврждень грд іаке обыте-ваце слвне рді іне і тамо сен оселешесе і огнище тврѣе дубу і сьнпоу якевь есе сврг пращоурь наше і се крать наліезе на не врг новь осзесце іжъ крве слвнех пїяйщъ і се рате сва устрмі кые нане і зряйці ве сврзе вое тыа перуньште вое іжде се врьгоща на не і потрщїае сылу іее і доньге ртсрще покажете заде оньа і се племено онезьва наліезе іно нане і сіе-щїа бя влка о пхїждено я до послїедь і нашіе рате зряйе то ріекста і бзе нашіе жденоуть врзе нашіе

себъте воішень грїадеть на облціех до ноі і рщеть діте грїадетесе градъ вашъ і крїепїесте іе абїе бендіте отціеноі овїесма іньа врзе і борба ваше бендіе зура і крїшка і то сварг мене посплетъ довы се ботье іматїе сылы небеснїа ошоїе і одїесны вашїа і такожде рціех о воі небржещете о бзіех і такьво есте саме пред врзема

Дощечка 16

влескнугу сіу птщемо кіу нщемо у кіе ко есте прїбезїца сіла во жої врмѣноі бя менж якої бя блга дблѣ іже рщен бящ отц врсї а то імщ жену і два дщере імаста она сктїа краве і многа овної с она і бя тої во стоушѣх а онї гд неімщ менж продїсіса так моля бзіа кої рді згове не се прѣшше а джбо (т. е. дажбо) услоїша млбоу ту а помлше даящму і змленоі іако вя ожеша оїтая се бо гренде мезе ноі а імемо врже-тесе се боя снатщемо ту бг влесо теше неся сему (се му) гредехом се на імемо до бзе наша і тому рщемо хвлу донде благслвен вождоі ноінѣ а

прсне овекоіа до векоі рщено есе окудѣсноіцоі а те пршендше ис оврцетсе (обрцетсе)

Дощечка 17а

В Ж текст озаглавлен: «Дощечка № 17 (связка дощечек). Первая». Текст разбит на нумерованные строки. Указаний на дефекты текста нет. Существенные разночтения следующие (первое чтение — по Ж; второе — по М): *до земе ілмерсте а тако — до земе ільемерсте адунае а тако; внушец кіже — внушец кісек* (личное имя. — О. Г.) *кіже; с кіева земе — сківске земе*. В М текст дощечек 17а, 17б и 17в отпечатан без разграничения, раздел произведен путем вставки чернилами знаков абзаца. Дощечка 17а опубликована также С. Лесным в его издании «Влесова книга», где обозначена как дощечка Д6 аверс. Текст у Лесного в этой и в других опубликованных им дощечках совпадает с Ж и отличается от М, что позволяет видеть оригинал его публикации в публикациях «Жар-птицы». Однако нужно учесть, что С. Лесной публиковал также дощечки, которые в Ж не публиковались: дощечки 1 (аверс и реверс), 2 (аверс и реверс) и 3 (аверс и реверс), которые соответствуют тексту М. Это дает основание полагать, что его оригиналом мог быть и текст, подготовленный для печати в Ж, но не опубликованный там в связи с прекращением выхода журнала. Продолжив сравнение публикаций Лесного с дощечками 17 и 18 (опубликованными в Ж), мы увидим, что концы строк в обеих публикациях совпадают, хотя словораздел у Лесного иной и более правильный, чем в Ж.

Дощечка 17б

В Ж перед текстом указание: «Обратная сторона». Принципы публикации те же, что и в предыдущей дощечке. Существенных смысловых отличий между Ж и М нет. Дощечка опубликована у Лесного под № 6 реверс.

Дощечка 17в

В Ж перед текстом указание: «Вторая. Лицевая сторона». Из существенных разночтений укажем: в М дощечка начинается словами *іакожде тако ріех оно*, отсутствующими в Ж; в М после слова *огнь* добавлено *вращескь*. Дощечка опубликована у Лесного под № Д7 аверс.

Дощечка 18а

В Ж дощечка озаглавлена: «Дощечка № 18. Лицевая сторона». Из отличий М и Ж отметим — в Ж: *се бо . . . іноі*, в М: *се бо ях іны*. Дощечка опубликована С. Лесным под № 8 аверс. Перед текстом примечание: «текст не имеет начала», отсутствующее в Ж.

Дощечка 18б

В Ж указано: «Обратная сторона». Из отличий отметим — в Ж: *распре загодіу*, в М: *распре о битисе загодіу*. Дощечка опубликована Лесным под № 8 реверс.

Дощечка 20

В Ж дощечка озаглавлена: «Дощечка № 20. Эта дощечка фактически есть собрание ряда отрывков текста, списанных с разных обломков, найденных в мусоре и кучах полусожженных бумаг, книг, манускриптов и прочих документов, собранных вестовым полк. Изенбека Игнатием Кошелевым.

Все эти обломки частью раздавлены, частью отколоты от других дощечек, а частью являются остатками от сторевших дощечек.

Тексты были переписаны только те, которые можно было разобрать. Они пронумерованы не по смыслу, а по порядку».

Ниже текст публикуется по Ж с сохранением всех особенностей. В М текст не сохранился.

Дощечка 24а

В Ж озаглавлена: «Дощечка № 24 (серия дощечек)». В Ж текст слитный, в М — разделен на слова. В Ж после слова *імахом* примечание: «несколько слов прочесть невозможно»; в М после того же слова много-

гочие, дальнейший текст с нового абзаца. Существенных различий смыслового характера между М и Ж нет, но орфографические отличия многочисленны: вместо *ia, oi* в Ж, в М — *я и ы*. Дощечка опубликована Лесным под № 4 аверс; в отличие от Ж текст разделен на слова, но словоделение не совпадает с М.

Дощечка 24б

В Ж на первой строке примечание: «На обороте». В Ж текст слитный, в М — разделенный на слова. В Ж после слов «дребендіехомьойоі» указано: «испорчен текст», в М в этом случае — многоточие. В Ж текст заканчивается многоточием и указанием: «текст испорчен», в М никаких помет нет. Дощечка опубликована Лесным под № 4 реверс, текст в ней разделен на слова, палеографические примечания совпадают.

Дощечка 24в

В Ж перед текстом указание: «Дощечка вторая». В Ж после слов *овразе и одоноі* знаки лакуны и пометы «текст испорчен», в М в первом случае помет нет, но последующий текст продолжается с новой строки, во втором случае также поставлен знак лакуны. В Ж после слов *перуньковоке* помета «буква испорчена» и далее: *цттенства*; в М: *перуньковокащенства*. Дощечка опубликована Лесным под № 5 аверс; текст разделен на слова, палеографические примечания совпадают.

Дощечка 24г

В Ж перед текстом указание: «На обороте». Смысловых различий между текстами М и Ж нет. Дощечка опубликована Лесным под № 5 реверс. текст разделен на слова.

Дощечка 27

В М этот текст не сохранился. В Ж дощечка озаглавлена: «Сборная дощечка № 27 (Готская). Дощечка эта собрана из обломков и осколков многих дощечек, найденных и подобранных вестовым полковника Изенбека. Названа она Готской потому, что в текстах этих обломков и осколков упоминаются готы. Тексты». Текст дощечки воспроизводим по Ж. Отметим, что фрагмент 5 текстуально близок к дощечке 6д, фрагмент 11 — к дощечке 5б, а фрагмент 12 — к дощечке 8. После текста дощечки подпись: «А. Кур».

Дощечка 17а

исе бяцете кнъзеве славну со братаре му скивьу асе пре весте вьлкіке на вьстенце ісе ітоі рещете идемо до земе ільмерсте адунае и тако іещете ібьстаресна све оставе остраце і иломере осе теце на полунощце ітамо све гьрд славень утврже асе братего скфе у морже бяцете ісе бьстаре име сна све венде и поне сітце бяще внущец кісек кіже владец бящ ступе полудене і крве многа ітамо іесоі і отва бяще пре вьлка засете і зурете на обаполе оде данаіу до горе русище ідо хопе карпенсте ітамо ряцете се бо утвре коле і бендешете опрец за не ітакожде врзем упоре творяе осе уразе оне и одстрще одсе ісе родем отомо рещете и вєще созве єдино творяцете земе нашіу а тако стоятє земе теіе пенте стоі лете ісе засе отворе межде русище усобице і вьрждяцете сен ове і соілоу стратете імяцете ове о сѹбое ібезьлаждене све ітакожде придете врзе на оце нашіе о полудене ісе стрщете сківске земе о побереже морженсте и ступоі ісе тещіяху ове на полунице і сряцете сфряце о тожде ідаяху помощена врзе ісе скофіа оцентщесе і сразсете со вьрзе осоілоу і потлце оноі і се овоі бяще іегуноі попрве до русе ступице і тоіе крате одестрщене бяще то іміяхомь за знаце якожде іміяхомь і ноіни творите ісе бя имате

Дощечка 17б

оте врзе себто стоупноі хорпе хранете іміяхомь яко оце нашіе а праоце иже хьрпяцете імаше о све стоупе ісе траве све і кветень хранете умієща якожде крѹв сове ліяху осебо колуне нашіу оставе врзіем і та голуне колем бяще о та вьрзіем тіжщє опрсте ста ісе грде нашіе клоум ставете іміяхомь якожде оце нашіе іакове острще прящесе о земе на всек окрокоі

і до поуде спаднеще і лібате іу і тамо земржете іміяє і наспоте не ідеще воежде камо грєндете сен тої дене ідеже не імахомь онекде утулоу ісе рцехомь ото яко оце нашіє і се борехомь і колібва порждєне біяхомь се пероунец приде до ної і тоіє повєнде ної ісе коліко іє праху на земе і такожде іє ото вое сварзенце оної помождєне бендешете рате идящете одоблакої до земе ісе діде наше дажбо о щеле іхьва і коліжде тоіє не оборящете сіць і мої не осоме а то доцеле неможашете боїте ісе рцехомь молоїтбу о бзем нашієм абої ової намо поспещете до помождєне і дате витежде на врзе могоще

іщо сьме о тем якожде земе нашіа утлцєна іє спатнієма ногої вражденстве і тько зрцехомь на то я бендешехомь кої околої све і не теццехомь на оної і нтецємо акоїноу до дресте ієх і не вьртехомь іє о ранієх вражденстєх і не оубіехомь оне ієжде наної налезще ото рцехомь на вої

Дощечка 17в

іакожде тако рієх оно кісек на люде све за щасє напднєсте на овіє і тоіє омьрзєщєсе о вразєх і токъще на оної і потлцщє іє се іміяхомь знак тоіє і мощьєностє інемьгощєхом до іяввє дате ової себто бої слабостщє ісе іміяхомь соїлоу ісьме мнозіє і вразє несоутє толкої мнозіє якосьме ісьме русіцє і вразіє несоутє оної а камо іє врждєна крєвь нашіє тамо іє земе нашіє ісе вразі вьдіяшутє ісе оної сен старашутєсе ісе старощє іє марна будете іакожде ове біящя о старє щасє опієх нашієх

рєщєхомь ієще слової тоіє назпамєнтє обоїхомь не ієдіної одо тіє-слове не оутратєтє і рцехомь братрєм нашієм отакожде

се соїла божстїє бендешете на вої іту овінтезєтє врзе вашіє до концє іже хщєщєтє земе вашіє такожде врзєтє моу до оустє пьлніє атє полока ону до дрстє све а не рщє простіє нїже сльвої све

будете соїне све бгоує ісоїла іхьва перебендєщєтє не вої до концє

неіміяхомь ане щєрвє нашіє насолтєтє хлієбєм себто пожден на огнь вражєскь і кравіє нашіє скутє трпящєтє тугу такожде ісе якожде мої ісе акоїне наше харалужнє одрждєхомь одє полоудєне борзіє а бедієхомь соїлної вщє врзе нашіє

Дощечка 18а

себто зрящєтє обєсва да имєтє птыцю туїу нашєлє вашєм ата бєндє вої до вытєженстє надо врзе се бо ях іны сва а тамождє сен одєржєщєт іту красоущєсє прєд ны а влєцє свієтамє до сєнє ітаква бящєтє во інь щасо яко руштє ідящє со вєндєма і тьє хотьє унєстє бозє свь до морє і тамо угнієздєсєша ісе градї а пмоліа і бястщє тамождє многа зодьща яко соутє боганстє іта пмоліа украсєны соутє злєтємі србрєм імногая осє дрвєнї бзє подтяшє удьщєтє укуси іта осє вїєдома іным и такожде тьа зрящєщє а задєщя натоа іпєрєщєщїа овь ітамождє неімящи родіцє нашіє покочєтєсє орабі ходящєсє дотє а трзящєсє на трзєщєх о богьствы та ітамождє оусєдшє отрцє одєрєнє дащєісє іта земе повієда єщє мрзьтє прє і зльа оужіє себто мої одєндєщя о горєх карпєньстєх докьа ітамо бьахом такожде вряждєнє о злєх язєцєх сє бо прояхом яко сьмої русє о славнєх днєх сєх а іміємо спєвої тьа одоцє нєшіє о краснієм жїтбє во ступїах а о славіє оцєв себо вїєводо бобрїєцє вєдштєї русє до голынє по смртє обрятщь чин пероунь і хрїябрє гортїнствє то незапомыньмо овєждє аякожде єсьмє сынї оцєв нашєх да імїємо любвє до памьтє ієх а рцєхом оне якожде бящє онь сылоу нашєу а сыла та идє до ны од ієх жнїу лє вьнїємо а лє вїєну тьагнєхом рцїєхом єсьмє

Дощечка 18б

отієх яковї гобзяхуть о ны і сє неімяхом молбїтцє і ряхом отва опрє студнїє а роднїцї ідеже вода жївія тєцє ітамо волба іє і влці хщєнє не ходящєт о тєа сє олдорєху щасє воспоминьємо ітєсє сє зва жрєвєць яква неієрадєхом обзтєпєн єсь а словєсо нєдржєщєтє і красєнє нашїа бєрє нагло а хитщя я іта овєздєва мєждє ны распрє о бїтїсє загодїу іто пжєжїхом а бьстє погодї а тьа вєцє правїхомьсє одроды и кнєзє и сє кнїаз борьвлєнь-яковь ждє оборє єланє у брєнгы морстї опрє ідьмо на зажєнть тоу ітамо

рїяхом скотїа п скуфе дїяхом попасете скотїа во степех себто буде оны ітаква грецьколле седнешїя поновїе і грендіща грды і злобїа се наны отем щасїе ідяхом проще до полнощїе а тамо быхом двасты лєнта ітамо сьме іесе суоте одщас теїех до нынѣ іднесе іміахом іна кнїазе борьвленїа правнуче о дяды свео ітоє реще ідящете до полоудне на грецьлане грець бо междуо еланеоу племе себетно а трзе іміяй о ны в стпїях о скоть нашоу а хочя берате она задаре іто іміахом она стрщете оновїе до морїа а гонїете до сва країе якожде руська земе іесе а руська крєв ота земе сен лїящешете до поде іта пїяще крєвь нашїу наны надежете іма бенте і ту бранїхомь о воїа дне іакову тремьхом

Дощечка 20

1. . . ро посве такоже ідце птоїціу комоньствої ставїашїа а врзе туїу кроїд.ма сакроваста а главоу біаїзні. . .
2. щастѣ біаша тоїе комоньче а ум істыагнув обрѣзаща ренді сѣще а то ві едша колем пару. . .
3. . . ехом такожьде деїате абої хочсте (м. б. кош сте) досталве побїедої н. . .
4. о нѣжїащете ова іако сва імєхом а ту бо дне жрїахом іако овща біе гоу ца пред н. . .
5. . . ства скуфе а сурьме родїце десент сет лїатої скотїа пасѣхом а кмете роєм а грьце наше жїтва обереста а мене на сва доїба благоденте а. . .
6. во влєсо наущаї земе раїатї пращурї такожьде деїа. . .
7. . . . тому врезмо догнїца трвої а клєчві влєса славїтї. . .
8. трїкратє русь погнєбшїа встане. . .
9. іегунште доцѣлесєца ної од іньске отрещете а ноїн. . .здѣ сеї. . .
10. . . .ко востате іма се кратє. . .
11. тако стара прїа ознїкне а тако іміахом трават. . .
12. многаїа племої ідьшїа до степної нашї. . .
13. од стрѣлої не відїаї сумє . . . русь єсь єдїн. . .
14. воїащете до сварзе' о помоце бжьск. . .
15. грїахате мєщої не слєнхате гласої. . .іа. . .к. . .
16. а не стане іедїн ден. . .
17. іспрїагоша оце соїл. . .ва овщєк мї. . .
18. рѣщєху оної дѣтем безте до куще а та. . .
19. . . .ако бодє злаїа щас. . .по. . .а
20. . . .єрва пощїахом градї окренїате акромѣх бо тої не іміахом. . .

пот. . .

21. . . . стужь не поїмеїмо по. . .
22. а ту впару на прде а сеї верже на о. . .н. . .а. . .
23. ту бо слва влєка а ту вѣщїаїаше матоїрьва кроїдлєма біашь . . .ко
24. тако врезї тѣскоша од ної. . .оїє мужї суते простє. . .а. лвої че гобзїащ утѣсїа г. . .іа. . .

Дощечка 24а

все грядеть сь силы многая дежбо о помоще людем свеїем ітако страхы неїмь понежды древле яко новы о ної се пєщїйсте тые і ряхом о нїем якожде хочеть ісе ждїехом по свеїе дне о тоїем яко іміахомь. . .

се бо воронзєнець бя мїєсто о яковїє усїлїєше ше годє а русє се бієте і то грєдо бя мало а такожьде по прїє тоє сожегнєнто і прах і пупєлы тья вієтрїама рострщєны обасваполы і мїєсто сьє оставлїєно небожь земїє тая руска іє ісе не озєрещетєсе о нїє а не забудєщете іу тамбо крв оцы нашїєх сен лїящє і такмо семы о правїє грондїєхомь ото се о ворєнзєнцїє слава тїєкошеть по русїєм ітыїє сва розє імуты ящете осїєм і сылы імате на конєцы сва одєрзєте іа о русє огыє бо сїє о рєнгы і руга імяшуть дате о конєнзы о све і огнєнъчы слұзы отья іміахомь држєте се ще ругу особїу да імуты ядь і пытву за щасїє свыа до смрте і слождїєхоуть ны се бо многїа слєнжєще косты свыа оболонїє якожде за щасє мєзєнмїру тако антїєсьме іміахомь ущту і славоу поїущє бозєм і такьвы славїє сьме рещє-

ніе ніколижъде просіаще ніжіе слву рціехомъ себоте молынъ твріаще
омыіехомъсе тіелесы нашіа і рціехомъ слву такожъде

Дощечка 24б

піймо суре пытвоу о славоу ту пентекраты дено і огницы узгнехомъ
о доубы і тако снопа влеціемо а рціемо хвлу оне ісьме дажьбовы внуше
і несміехомъ нехатіе славы нашеа за віецы се бо антие бяхомъ поруско-
лані і дрівле бяхомъ русе а пребендъехомъ оны. . .се о волынъ іде опре-
дех і бые врзе яко хоробріа есе і та волынъе первыще родо есе і се осе-
ренъде се овья і антие мезенміру одержещеть побіеды о годіе і рostrще-
шеть на обы і се по ніех текоста егуны о крве славныхъ жадящесе і та
борба зуріва бя і се годе со обратишіа со егуньшты і с нема на оде нашіе
наліезе і бысте розбіена і озниченія себъте ідыщія обрі на кнензе і забье
гоі ісе сыне моріа одыдіе од русе се бзе русы не брящешуть жртывы людъ-
скеа ніжіе животніа едініе плодіа овоште квіетыа зрна млеко суре пітноу
о травіех озбрадженоу і меды ніколижъде жівіу птыціу ане ренбы ісе врязе
і еланште бозм даяшуть жртве ініу і страшноу чоловіещноу і то неімяхом
діята яко съме дажьбове внуше і ніемяхом кращете за іне стопы чіузема

Дощечка 24в

се жртъва нашіа іе мед? суре о девенте сылы і щале удіяня і на сурі
ставіена тріе дні а по тіех скренз вълну щиждена и та бендешеть наше
жртва бзем правіем якве соуте наше праоще ібосе одеідохомъ ото дажьба
і стахомъ славні о славенте бозе нашіе ніколижды просяхомъ ні молихомъ
о благы сва себо бозе рекохуть намо ходите до русе а ніколижде о вразе

матерсва слва поящеть ноі спіевате вытежнестве на вразе і тому віері-
хомъ яко слово іе о птыціе вышніе о сварзе поростіе летіашете одо ноі. . .

се бо конензе нашіе ізбріащехомъ да бендетъ власте іех о ноі пецитесе
іда преіде враг за кромой нашіа а крометьщете не бендетъ іако зоврате
іе само перуныко і то сноп знаеяе яко сме молихомъ славу і ніколижде
просяще о іно іколе не потребовахомъ о животіе наохібна се бо зрящете
оде нашіе ореа до облакы ходящете всхіцена бяца і всхіцена сылоу до
перуныкове коващтенства і зряй тамооре яко перуныко коваще менцы
на врагы і коваще реще тому се стріелы а менце імяхомъ на вое тыа і не
смешеще вен бояте іех яко зніцоу іех до пудіе і кмота іех бенде уміеша-
ніа до персте бліже яко земе обاغны звіерем і бендяшуть оны яко прасете
умазане од брєніа і смраде свы понєсящуть о сліеде сва і тамо рєчено
бенде о оны яко смрадны прасеты и свніе се бор ріекца перуныко кова-
щеть менцы і ореу то реще і тоє оре повенде отец нашіем і такова бя наше
борьба за житвоу і витеженства многа і вієкы назады а днесе віеріхомъ
то небе тако

Дощечка 24г

ідяхъ оде тіверсе і до сыніе море а сурєвже до вы і рекохъ вамо іако
же віедіехомъ само о то ізе старіа земе нашіа споленства антиєва і тако же
іесте за многыа крве літеа по ніе руса будешеть іако руду ліахомъ а тако
в жыжень іу доконце і будеть ото земе нашіа славєны племены і роды
се бо славіхомъ бозе ніколї же просяще ле же славіща сылоу іех і тако же
велічахомъ пращуріа нашієго сврга кіе бя бѣ а пребєнде вожды о ноі
о вієк вієку до конціа

Дощечка 27

1. . . . ітва ініа до полноще. . . аб. . . годі. . .
2. . . . жітва ін. . . Алдорѣхова ніктоже ідіаі. . . к
3. . . . о.о наступоіціу іе коне роту. . нуча іе боурѣху. . т.
4. е. . міахом рѣщєш. . т.х. .
оліар іаковоі на годь ідь. . .
5. и боліаре сегєніа іже убів соіна ієрменрѣха а отрка гуларѣха
ранів іа. . оі. . .
6. . . лдорѣху данє діахом од то.
. . . а іміахом даіащєт. . два стоі то. . . .
7. . . . щас ієрменрєху іде годь до полунощъ а прїде на ноі а пороби

- . . .ане бріаще а отркѣва імахом тенжете то бо злаіа твѣріаі а та
 русе паде а врзе естваша на ноі влацевої а то трваща сен . .
 ъ ліатоі а зѣтрехом сен а отѣрокваста щасе отрчех . .
 . . .асенще русе вольноі а жівехом так . . .
 ібва русоі възпріаще овер . . .
 жа годь туі . . .
8. . . .е боте огржіаху земе руськолане а обошаху н . . .
 мнозіа а то тещаша оце до лѣсоі у врозенце а ураз . . .
 на годь всеіа соілон и рострщете іу біащ . . .
9. . . .ва іста біаша за щес конорѣху скоідва ітце алдорѣх а праправ
 це готорѣх се бо іесь прадо іерменрѣху . . .
 іак . . . п . . .
10. . . .лѣша . . . а . . . по тѣ (*отрывок очень попорчен*) . . . адь окарѣща а отб . . .
11. оі ліатоі біащі тамо годе іерменрѣхе а се злобіащоі на ноі а ту
 біаша уборце вліка а годе біа потсніана а од трцна до донце а до
 не а іерменрех піаі віна ліубоі братре степозе воіавенде нашої
 а тако се уборжешети сіа біа живут нов . . .
12. . . .ен щасе колебва годь іде на ноісе іерменрех со егунште а тако се
 пдорже она а сме іміахом два вразі на два конція земе нашіа а та
 болорев предо трудоі влке ото ту матоірьсва летшіа рещемо іако
 см-
 еіаі паднуте на егунштіа оперве а рострещіте іу а сен повратітесе
 на годь там бо увржі соіне іерменрехе а замертве оціа а ту гураік
13. друг наш тако піаі крове а віноі а подле таіа за єдіно ліато шед
 мкцем на ноі а тократь болорев жек о іжденеті годе а тако удеіа о
 дрщене стоаіміахом чесва та урощенте добростенте до главе сва іа-
 ко хом на тоі ста боріа до живіат нашех железва оце нашех іако
 кол-
 о а комоніа еста соіла нашіа то бо даіхом ста інема іако ста глут
 . . . (*сколото*)

Дощечка 35а

Опубликована только Лесным под № 1 аверс. Основные отличия от М (первое чтение — по публикации): *сва словесоі — сва імагом словесы; сва до іні — сва до ініа; теі старшче — теі іесь ст'ршче; тоіе і оселіа — тые градіе и оселіа; сѣдешети — сѣдешеться; одомзешеть — одомзесешеть*. Строки в публикации С. Лесного существенно различаются по длине, имитируя как бы деление на строки в оригинале, но с делением на строки в М не совпадают.

Дощечка 35б

Опубликована только Лесным под № 1 реверс. Текстуальные отличия от М незначительны. У Лесного после слова *мещ* помета: «букву прочесть нельзя», в М — *меще*. Текст в публикации заканчивается многоточием. В М текст расчленен на три фрагмента, но границы их не совпадают с членением на строки у Лесного; там же строки в двух случаях значительно короче остальных, но концы их не совпадают со строками в М.

Дощечка 36а

Опубликована только Лесным под № 2 аверс. Основные отличия от М (первое чтение — по публикации): *творіаше (ряд букв прочесть нельзя) велкоу — творяще держевь велкоу; пентоіріещце і кильбова — пентьріещце і семеріещце кильбова*. У Лесного текст кончается словами *строіашуть іні*, в М далее читается фрагмент *се бо ореотець . . . внушатіе бже*. У Лесного этот фрагмент читается в начале следующей дощечки.

Дощечка 36б

Опубликована только Лесным под № 2 реверс. Из различий с М отметим лишь пропуск у Лесного слова *соін* в словосочетании *біащ соін лебедянь*. И у Лесного, и в М после слова *велко* стоит вопросительный знак.

Дощечка 37а

Опубликована только Лесным под № 3 аверс. Из различий с М отметим лишь пропуск слова *еіе* у Лесного.

Дощечка 37б

Опубликована только С. Лесным под № 3 реверс. В публикации сравнительно с М пропущено слово *одржете* после слова *хлябі*. Еще раз подчеркнем, что во всех случаях деление на абзацы в М и деление на строки у Лесного не совпадают.

Дощечка 35а

се оубо собъство нашіе преціноу бя якове сва імяхом словесы обліцена дѣае а і тамо рыцѣхом воіістину блгая о рдем нашем да не лждехом оты а істову рцѣхом оніа опрве бане наше повіаждехомо а кнезі ізьбріа оіе іменнатеи бо кіська тое і отеі венде родице оступіех со skutia сва дополудене ітамо ідеже суре сящешете пребоі і пришедь оне оцореі і то доне рще обасы імяхом децкоі і меже і жена а старще імяхом борнїте од вразем ітакво рещехом іжъ племено іе і дахомъ овна сва а skutia донь і будяхомъ племено іедіно се бозе натщуть намь і зряхомъ добліа дондежь віецы о віецых околице яхуть поща бо теі рещашете хоібо іедине такожье і ино рещеть іто опореі одведе стіады сва ілюды одоне а венде овьа подалежь і рще тамо уздобіехом градъ ітое голыне бендешеть ?яква іе глоа ступа і лієсы і кіськоіде проще і себоть венде людъ сва до ініа да не смешаєте со людьва оцореа се теі ієсь старщце і тако сотвьряць оземе тые градіе и оселіа ітакво кіська одешедь со людъ а утворяй земе іноу і тамо сѣдешеться ітакво одцеліе одомзесешеть оте обаве і тако ряхомъ бендеше ціуже онь ініу вште жытыва і сылы імяе непрце онь друзеа і бьяш кісько теі слвень і людьва ореоце слвна якожде слва претеше іхьма а поле значе іхьва яко стріеле а меще знаієть

Дощечка 35б

собъ те преіде ізве до краіа ієго і поща skutia оберешете ісе кісько налієзе нане опрве ождене і одва бящъ ожденень само і людьва бящеть гряхомъ покръме стате і ядьца мнозіа ощесы а людьве поврзете од меще і се глаголящъ ореоце яко мртве ущерніена гряхома і тые погряхоуть радоцема свема і ядь пдерзей себьто омрзещесе серьце ореово а рієще родіцема подержете кіська і людъ ієу іта комоніа сedyлащете взя се вреще на ієзе і бяща по неі якожь растрщені соуте іто мяхомъ віедете до ісьва імяхомъ сылоу докоуіа неінь не можащете одержете поі

ты бо ты стєппе неодевзящехомъ обова іакожде руште соуте а себе-слву імяхомо ізрщєноу одврзе якове гьрляшоуть доны а відяіє жидьбо нашье іскусете іміуть до братєнь нашеіх о србре намещєноі і одь гоньщарсті горыщке уедано про сыны овієны

жидьбо нашіє о супієх есе доконецє нашієа уждєны до све і тамь не імяшуть намo рещешете о інь животь се бо словієсы нашіа іствє соуте і іхова леждєна себо лузь рещашуть і не іа імутъ

Дощечка 36а

предрещєно єсь од старь щасє якожде імяхомъ со сполете со іні а творящє держєвьє велкоу одродете імяхомъ рускєнь нашіу о голуніє а три сєтє градіє і сєліа огниц дубнєх дымь єсь тамо і пероунь іє нашъ і земіє се бо птыціа матрєва спієвашеть о дне тые і ждехомъ она на щасє сые якове врщатєсє імать колы свражьє доны и щасє тые засвє ідошуть до ны рщєхомъ матрєсє якожде бендєхомъ брантєте земь нашіу лепіє венды яквє ідьща до западь суре і тамо преде врзе земе раящуть і хьбеніу віру імутъ одержетєсє наніє боровынъ бо рещє яко єсь сылень а людъ та віру імящеть о словєсы тья і несмы глупє неізумлєні а вієрєтє неімохмъ до те узрєтє єщїє венде врєнтєтєсє до земь нашієх о ступы дрєвліє а глендєтє єщїє пощаре іні яко ве дне оходу одо пєнтырієщєтє і семєрієщє кильбова одєсунь отщєцєна одноі і та сьвє птыціа рещешеть яко огєнь смарь понєстєцє доноі і гьлоу порущєщєтє да тоіє горєнь бєньє а бозє коупалитє а даждє даждитє себотє земє бєдьє розврзєны і комоні поглцєна

яко ізвящуть сынове тые комоне протце бозем іто бозі оступе ове і да-
суніе даящуть осенѣдбе іех

се імяхомъ соущете ане за щас антевь і ты антыріе одерезещь мечемъ
мног алежедь погебещь домъ твеі якождь домове вѣуждіе не строящуть-
іні се бо ореотець іде прендны а кіе венде зарушь і щеко венде племы
све а хоревь хорвы свеа і земьбог раденць на тоа якве семы вѣушатиє-
бгве

Дошечка 366

одеіде хоревь і шех одыне а сехомъ до карпаньсте горіа і тамо бяхомъ
іні граде творяе а міну імяхомъ со племены ініа і богентсве імяхомъ велко ?
се бо врзі нелезеще наны і то тешахомъ до кієградо а до голуне і тахомъ
оселешетесе огне свеа палюще до сврзе а жѣртвы твряце благодарчете
бземь і такове оноі і се кые умере за трідесенте лятоі владоіщете ны і
по семе бящь соін лебедянь іжъ сереще славере ітоіє живе двадеңсете
лятоі а поте бясть веренъзь влїк оградіє текожде двадеңсете ітомуу се-
режень десенте і остеле одержіаху оне вітензествы оврзех і тьмыліхы
нієстца о сынї і се грєндещеть нане інамої і то годє приєдъща до ступєн
нашієх злы твряї і се долбе денбу імаць праоце нашїа прїатїє о жїдѣбоу
себосехомъ слвєне якожде слвїхомъ бозє і семої обзєх вѣуше ісьвѣра нашїє
а дажбо ітакожіє трїєхомъ о злеа поєдждїє сылу імяхомъ влку оте і
браньєхомъсе влїє оде натєнщєне годїє бѣрзіє одьє шєнсетъ лїате іту
їлмрі ны подржашїуть ітаквє імяхомъ вєнтєзства о врзе се ботыє десенте
рєхы імай ітѣє влїєцїє бєнѣде прїащєтлїє і воє хорбєре осє нанє налїєзєте
пощас і хрїа творяє і немо іє бранє ініу іакожде мєще хрїаждєньсте оменїє-
ної од овнї і овщє і тао твастєру утврїє во сврзіє само

Дошечка 37а

се бієть крыдлема матрєсва птыціа якожде брмановїє ідїащуть на не ітє
розе де щель даящуть ітаквє тепоутщє нєлїєзоуть на не а се тещє туга
влка о країє нашїє яко дымовє ступнїє повждєняхутєсе до сврзе такожде
жалє плащєтьсе оны і клїщєть матрєсва до вѣшнїєго іаквєє даял єсє єїє
огєнь до огнїцїої нашїє ітєї прєбєндєть опомощє ісє моцє вржєщєть на
врзіє

їсє гематьрєх уступїсє а годє сєп усїєдєцє на калїціу малоу і тещє
до брєзі мршті і таквєє зємє одержашатъ до донє і потоу донурїєцїє ієсє
калка влїка іє кромъ мєждє ної і прєнщїа плємы ітамо годє се біє четвє-
рої сєнт лїатої о свєврзєх ітому іахомъ семої зємє нашїу і раяхомъ клєуднє
зємє і єланштєма трзєхомъ о меної скутє скєрї і тущє о србреної і злат-
вєної колы і пивто і ядє бєскєра і живодѣба нашїа бєндєтє отє порїє клєудна
і мїрнїа і сє годє налїєзє наної єщєжѣє і бѣстє прїа десєнтєлїєтої і сє удр-
жїєхомъ зємє нашїє

такожде імяхомъ брантєсє од врзєх іакїдїащуть о трє кончє свїатої
окудє свїатої ідоуть до ны і тої свїато первєно колядъ і друзє ярь і крас-
нїа гурє і овсїєна влїка і мала ідїащуть тїє свїатої якожде мужъ ідїашєть
о градоу до сєлої огнєщєнсьгї і кієм зємє мїрє грєндєть од ної до ініа
і од ініа до ної

Дошечка 37б

тєцєтє братїє нашїє плємєно о плємєно родї о родї і бїєтєсє о сєбіє
на зєміє нашїє яквє налєждє ны і нїколїждє інамо сє босьмє русїщє сла-
вєцє бзє нашїа спїєвы нашїє і плєнсої і іграца а позорїшгїа о славоу ієх

се бо сєхомъ на зєміє і яхомъ прстє до ранє своа а тлцєм доньє абы-
хомъ по смртє сємъ стახ прєдої мар морїа і рїєкла бях нєїмамъ вєнєтє
тоєгу яко ієсє плнїєн зєміє і нє могощю ієго одїєлєтє одє нїє і бзє бящї
тамо да рїєщуть о тє сы єсє русїшть а прєбоудєші тоємъ яко ял єсє зєміє
до ранє сва і нєсєщєшє іу до навїа

отє щасє по кыа кнїєзє ізбрящутщє многїа вутцє і кнєзіа осєбіє і всьяко
їє яковє тѣє по кнєзждєніє у вєщє рєщєні простї мужї і тако стаїащє-
зємє раяшутє і сєбѣто кнєзіє бєндєтє? орщєны дбатє людьє а хлїбї одржєтє-
ї ядъ і всєнку пожитє одо людєє сва

днесе імяхомя іна і кнезіе полюде брящуть і о сыні владьбу дящуть одоце до сыне а ажъде до правнуча

Помимо дощечек, тексты которых рассмотрены и воспроизведены выше, имеется несколько дощечек, сохранившихся в машинописном варианте в архивах Ю. П. Миролюбова и А. Кура. Это два продолжения дощечки 8, дощечки 14, 19, 21—23, 25—27 и др. Эти дощечки не публиковались, и, как мы помним, Б. А. Ребиндер высказал следующее предположение: «Ю. П. Миролюбов, который собирался написать книгу про князя Святослава, пробовал писать в духе Влесовой книги, т. е. языком десятого века. И для того чтобы не вводить людей в заблуждение, он нумеровал строчки до 45-ти и даже до 50» (см. материалы Б. А. Ребиндера — «Вторая часть „Влесовой книги“». С. 80). Но обращает на себя внимание другой факт: нумерация этих дощечек входит в общий ряд нумерации, и тем самым они как бы уравниваются с остальными, хотя, как справедливо отметил Б. А. Ребиндер, они несравнимо проще по языку и графике. Значит, в ряду публикаций эти дощечки были пропущены издателями не случайно.

Приведем сведения об этих «дощечках».

Дощечка 8 (2) озаглавлена: «Доцька VIII (продолжение II)», дощечка 8 (3) озаглавлена: «Доцька VIII (продолж. III)». Дощечки 14, 19, 21, 22, 23, 25, 26 озаглавлены «доцька», а номера их проставлены чернилами. Следующая дощечка озаглавлена: «Дощечка 8 (27) (1—28)». Неясно, имеет ли она отношение к дощечкам 8 и 27; строк в машинописи 28. Дощечки 28, 29, 30 и 31 озаглавлены «доцька», номера проставлены чернилами. Но дощечка 31 озаглавлена «доцька с молитвами». Тексты дощечек 25 и 31 сопровождаются примечаниями, которые мы и воспроизводим.

Кроме того, в издании «Влес книга» (в части 6-й) воспроизведены фотокопии материалов из архива Ю. П. Миролюбова. В их числе еще два фрагмента дощечки 31. Один из них — машинописный текст «молитвенного» характера, но разделенный на слова (в отличие от основного текста дощечки) и озаглавленный, как можно думать, одновременно: «Дощечка 31». Другой, написанный от руки, текст также озаглавлен: «Дощечка 31 (27—42)» и содержит несколько строк, которые по количеству знаков в два раза меньше, чем объем знаков в 16 строках «стандартного» текста дощечек. Он, в отличие от остального текста дощечки, содержит «исторический» текст: о движении русичей в «травный край» и о братьях Кие, Щеке и Хориве. Там же воспроизведены три фрагмента дощечки 32, каждый из которых имеет указания на строки: «1—13», «14—21» и «22—30». Что это значит, — неясно, так как рукописный текст содержит значительно большее количество строк. Каких-либо обозначений границ строк в «оригинале» нет, а в целом объем дощечки меньше «стандартного». Дощечка 33 представлена несколькими «отрывками» — фрагментами текста от нескольких фраз до нескольких слов. По типу записей она напоминает дощечку 386, публикуемую ниже. Перед нами, видимо, «заготовки», которые Ю. П. Миролюбов не смог или не захотел довести до конца. Очень характерно, что древний текст дощечки 33 вдруг прерывается сделанной латиницей пометой: *Plauchettes Isen Beck*, совершенно неуместной, ибо далее снова продолжается «древний» текст, а возле заголовка «Дощечка 33 (1—41)» на левом поле также латиницей запись: «*Vles kniga N 28*» (см. рис. 2—4).

Дощечка 34 воспроизведена дважды: в части 7-й «Влес книги» она воспроизводится по архиву Ю. П. Миролюбова, а в части 6-й тот же текст (но с архаизированной орфографией) воспроизводится с пометой: «З архіву п. В. Лазаревича».

Опубликована машинопись дощечек 38а и 38б. Последняя особенно характерна, так как сходна по характеру с подобными же черновыми записями Ю. П. Миролюбова текстов дощечек 31, 32 и 33.

Приводим тексты всех рассмотренных выше дощечек.

Дощечка 8(2)

текст — Се шпелетла до ны я сѣдлеса на древо а спѣва птьція і вшыко перо е іне а сяще цвѣта рузна ста і в ноше яко в ден а спѣва пѣсне до борія а до пре то бяхом сме прашехом о вразі осьпомыньмо о то якве іе оцева наша днес во сварзе сыне а гленде до ны а се лѣше усмавасе до сех і тако смьме со оце наша не едіне сме а мыслехом о помозе преуні а то відѣхом як скакщеть в сврзѣ вѣснек на комоні білѣ а тон меча сдвіне до небесе я ростржащеть облце а громі а теце вода жїва на ны а пїймо тую бо та вшыко од сврога до ны жїзневе теце а ту пїймо яко істщинеце жївота бозка на земѣ тубо то крава земунь иде до поля сынїя я пощена ядсте траву ту а млеко дава і теце то млеко до хлябѣх а свѣте в ноше згвѣнздама над ны а ту млеко видеймо сящете намо та бо (*неразборчиво.* — О. Т.) путень права а інах не імяхом імате

ту чювей потомице слва тая а држі середьце све о русе яква іе а пшебенде наше земе а тую імемох браните от врзі а умрете за нь яко ден умира без суне суране пото іжъ іе темень я імя іме вешчерь а умира вешчерь а іе ношъ в ноше влес іде ве сврзѣ по млеку небествену а іде до чертозе сва а в зоріе се дава до врат тамо жде хом све спѣва зацате а влеса слвіте од вѣк до век і хрміну тую яква блестяще огнема многа а ства ягнице чста то влес ущаше праоце наше земе райте а злаке сѣяте а жнїте вѣна вѣнъща о полах стрдних а ставете снопа до огнища а цтеть го яко оце божска оцем нашем а матерем слва якове нас оущаще до бозе наше а водяща по ренце до стезѣ правѣ тако ідохом сте а небудехом ста енва хлѣбожравце нїже славуне русе якове бзем славу спѣващут а тако суть славуне ото од морсте брезе годьска море ідыхом до нѣпры а індѣ не зряхом сме іна бродече яко рус а тіто іегунште а ягы суть отрщены так бо імахом сме болярена огленде якій нами погрдіся а нас дере до щасте

од йїтра до йїтра відяхом іна злая сен дѣяте на русе а ждехом іжъ бенде до добря а то не прїбодє інакво нїже сыла сва не зплочїймо а веземо мету едну до мысліа наша то бо глаголешть вамо глас праоцев а тому венмете яко іна нѣсть дѣяте ідеймо до ступы нашїя а бореїмося за жїву нашу яко грдінове нїже скоты бесловестне якве не вѣдящуть

текст — ту бо красна зорїя іде а каменїя нїжетъ на убранствы сва а тую вѣтящехом одо середьція яко русице нїхе грїці якове невѣстнуть о бзех нашїех а рекощуть злая невѣгласїа то бо сен сме хом імѣно слвы а слву одеукаждехом іхва на желѣзва іхва ідохомсте ста а на меч ту бо ведмедева ошастесе сленхашете слву тую а еланье скакашуще останесе а рце інѣма о русы тіѣ то не убїють еїе о нїще неботьва по нузѣ грїці бо вражденовая на похентъ сва тібо то русовѣ грдіе суть а по хлїббѣ дящуть нїже грїць якев бере а сен злобі на датчце ту бо слву орліе клекашуть на ова и сева яко русїці суть волне а сылне по ступѣ

Дощечка 8(3)

колібва наше пращурї сарунже сен творящете пощїнща ? греці якве прїде гостьема до тржещ нашеїх прїбыттва глядяї і зряща земе наше осылай до ны множьства юнецьства а домова будаяїя а грады про мены і тржїца а оїедна відѣхом воя іхва омещена і сброена а скоро наше земе пшебіраця до ренек све а творїя ігрїщїтя інака яко сме і ту зрящемо грїціове суть прїздне а славуні сен отрощїша нане а тако наше земе іжъ четвары вѣце бяша наше ста грїцька і сме тамо яко псі да женуть ны скоро каменьема вон отуду і тая земе огрїщена іе тако днесе імяхом ста сме достате ю а крве нашеу польяте абы ста бола родїва а жрна

лѣтѣ в сврзѣ перуныщїя а несе роуг слве наож іспїймо го до кута а кмѣто наше імяхом ста одѣстїате од врг нашех а та перуныщїя жеще аякве русїце птїе прославья орю све борїянете сен длжны у тон дена то боть суря жеще а ідъ есте русовїщїе а ще дѣящете о тыя а камо бендете іте од крае све то бо смье ударїхомсе о стена та а утворїдохомсте

діру про ны а про наше а бендемо сме у себе однесе а кому осудѣ перунь тые бодѣ в раі ясте ядва вѣщна о сврзѣ одестана неботѣ загенбене сме днесе а не імяхом іна врате абы хом сме ходивяй о живѣ лѣпе бо мртвема бяшете яко жива отроштите на цужья а то нікодь живе отрок лѣпе дѣѣспоту же іе потркава імяхом наше кнезѣ слухате сен а ста воіте земе нашю яко тые жещуть намо і та інтра пріде до ны або сен храняле сме сылу до трвѣѣ а сталі хом тврз (слово напечатано со сбоем буке, и после него в скобках указано: «последнее слов(о) — тврз. — О. Т.) о кменты сва ободящеть бо сыла бозка нашу а бодѣма невятѣзнѣѣ о польѣ стате пожерехом бзе свы на руцѣ іех а зрущіхом і тая якве ештѣ ста кобѣм а длжна бяшете долѣ вржена до праху ве крвѣ іхо коли бохом кельше біте осмелѣ тако грѣце полуоставесе за тые яко не імяшуте сылу ту а соутѣ обабенце а такве меча імяй тенка а същите легька о бързо се онавыщесе і земе кыдай ту о слабоще све бо нѣсте іхма помоще од васілісех а длжнеше само стате на захище све ту суренже наше бодѣ іна а бодѣ наше а ніква не імяхом сленхашете іхва жеще она бо уставе на ны пысьмено све абы яхом оно а тращехом све оспомынѣ ту боть тен іларе іжъ хошашеть уцете дѣтѣѣ наше должен ста хова те сен во домѣѣх овѣѣх абыхом го не знауцлеща на нашѣ пысьма а нашѣм бзѣм правите требіщя

а то повѣѣѣх вамо жѣе попрщете сте на гърцева яко вѣѣх бо сен іясѣнѣ о то а відях кіоце нашѣе а тон жексше мі же інѣщехом сте она а знищехом ста хорсынѣ а омастрыдѣя мрзесцину а бодѣѣхом ста велка дръжявя со кнѣже наше граде велке а несщтена желѣзва а бодѣ несщтна потомицѣѣ нашя а грѣце со зъмьнщуть сен а боудотѣ на міноулосще сва діватесе а покивдѣва глвама дѣѣящете тако бо бодѣ на ны многа грза а грмы грмѣнтеще а ідва іеднаіа сен ставѣесе друга пощена а тако сме хом звентезѣма до коньце утврвщехомсен до вѣѣк множескѣѣх дѣѣка бозѣм і нищо ны не зніщеть

стате яко лвіе едін за одѣнѣ а држите сен ста кнѣѣзе све і перунье бодѣ около вы а побѣѣды дасѣ на вы

слава бозѣм нашѣем до конецѣ коньце вѣѣкы земе тья а до благ вѣѣщянех русе оцевскія земе нашѣеі а тако бодѣ бо та словесы імяхом од бозѣ

Дошечка 14

понежде се іде врг нане оберехом сме меще а одерзехом вещена од матерсва словесы якожде будоущая нашія іе слвна і тецехом до смрте яко до празднованія ршена намо о щасы старе кодыже яхомѣ храміе сва карпенсте ітамо яхомѣ госте старе верманое а рабове ііні себо те гсте радгоще цтеноі і тако ящехомѣ одо ден овех гостицы сраще честены іхвабо чеще бозе інамо повелеша и щцтемо оны себо то іяхом оуказицу на щасе нашіе абыхомѣнѣхыбе діеяхомѣ а оцем пощесте оуложихомѣ

не прсте бездѣяноі тлщехомѣ о дрвеы небожѣте ренцы нашія оутренждена о ралоі свы а мещема іяхомѣ нелегносте нашю і тая намо повеле іти на кромы нашія а стегнете еіе одо вражѣ се бо дымы се vzdынуце тещехуть до сврзе і тья ознащете тугу велькоу на оце децке а мате нашія і то есе щас борбе придоущѣ інесѣмехомѣ сен баявете одрузе дѣѣлыінакожде об овы

себо пріде ворягове до ніепры а таможде яхомѣ земе нашю і тето іверьше людіа іземе под се члне брате тобо несміѣхомѣ осогласите іно якожде омеще нашіем і ерека отрщете одо земе нашіех а трноуте до срящень окудва преде себо кроме нашія вразіема окроцены а земе нашія пеперещеть враг іто іе длженсте наше іна же ряте не хошашемѣ

се инѣ враг герьманрех іде на ны ополуноце он іжде внук внушате отореху ісе врещеѣ на ны вое свы о розехѣна чель?

ворензе рещешутьнамо іти о не і несѣмехомѣ вражетеѣоѣбопалеѣіех якожде суге врзе якве перве аѣнеіма росдіеле промежде

се бо ясь іде на ны о танасу а тамоторку моцщна комоньства а рате неще щіслена а тѣма о теме теще і такожде тещяеть о ны осе неімяхомѣ

іна поможене якожде бзе воляй намо і оудесентехомь сылы свы а тіеще-
хомь нань

се білебог венде наше рате і комоньства і тамо віждехомь волшевици
о лісех бытще ідуще о рате а беруше меца і зряхомь кудеснице чюды
вліце твряще а ізо прсте верзене до сврзе рате встаці свразище а тые
тещяхуть на врзе а могылють іе і тамо зряхомь птыце велкі летящуть
до ны а верзеть се на врзе

біеть крыдлема матрсьва а клищеть ноі о якожды ідехомь за земе
нашю і добихомься за огнище племы нашіа се *(неразборчиво. — О. Т.)*
бо sute русици

тецете брате нашіе племы о племы родь о роді і біящете врзе на земе
наше яква належде ны і николижде іні тамо бо умрещете ані вернете
зады сва ниче вамо не острошесе ниче не остасещесе якожде есте в руцех
свразище а тые вас вежде во всіе дне до витезнецтве а гординствы многая

Дошечка 19

себо видѣх сен внаві і ту огневоі блаце изоідеть одоне зміе щіудень
і отоце земе и тещашеть крв из не и тоі лизя іу і се проідеть моуж соілен
і розтрще зміе на двоі и ста два и розтрщеть еще и ста чтвѣроі и се муж
вопішете бозіем о допомще и тые ідяшуть на комоніех од сварзе и тоіе
зміе оубіуть себо те соіла нѣсть людьва небоще чрніа есь ісебо зміе соуте
вѣрзсі ідуци одполудене себто боспѣру збоітоі яква дяде нашіе ратиема
одтрщаше ісе хотяшуть грце отошете земе нашіу і ту не дахомь яко жне
соуте нашіе а не опоустем і стваре та зміе есь погоібеле на ноі імяхомь
сен прате і животоі полождете за земе нашіу і та тегне бо од ноі до по-
ляне и дреговице і русе стяжуть до море і горе до ступе поледне і се русе
соуте і од роусе токмо імяхомь допомоще яко же дажбоі внуче соуте моли-
хомь патаре дяіе яко тоі изведе огонь іждеть матоірьсваслава присеть
на кройдліех све праоцем нашіем і ту піеснема поемь одле кѣстрбоіціе
вещерне іеждоі повіехомь старе словоі слве нашеа о свенте седьмице
ріекоі нашіе іждехомь градоі оце наше імах біяще і тоу земе опоустішіа
до земе іне ідьшіа ідеже сме хомь о щасоі тоі держеве і за древлесть імя-
хомь кѣлоуне нашіе і градоі и селоі и огнице о земіе оутворящете. . .

себто оумоіємо телесоі и душеі нашоі да імяхомь щасте русе кѣлуне
ежде соільна бящешеть і на врзе страху ізумете наведе. . .

се убо од коісень овноі ходяе таможде и та земе есь о день тоіе хыж-
дена од ноі. . .

оноі же творящуть іна абысте ноі од старе давнесте ноі одсрящете
і то зрім і ренку держаще на вы абоісте віедали іако зурень день іде і крве
хощеть іту проліехомь на земіе све русу. . .

се руса грда каменіе вопіщуть на ноі и сехомь імамоі гренте і сряте
до смрте. . .

потце сыне ме а оумре за не. . .

Дошечка 21

себо хърбер оборенщеть тую сылоу злуіу обесенть опоіашеньсть вае
і міехомь себто урвыи хранящете і сень хране бозем ставіехомь і гряді-
хомь стіене о дубіе і за освы часто подругоу стіену і тамо хранихомь
бозе нашіех подобоі імяхомь мнозіе храніе о нову грду на волхъву—
ріеціе іямхомь о кые грдіе по бголясіех ісе мяхомь на волоіні дулебстеі
храніе і о суренже на моріе сурьстіем і сыніем і се велька оуразь іе на ноі
якожде хране суреньстіе обоітоі вразема і бозі нашіе о прах тщеноі валіа-
хутьсіа імуть се бо русици не імуть сылы одерзете на вразе воітенжсте
і се бо імяхомь урвоі екожде стран межь іже іде в нощіе по лісех у се
урьве одіегы сва на коусе такожде русице імяхомь урвыи на русицем
тіелесі і небрежіехомь о томо і тшихомьсе на храніех славите бозе якове
не приємлоуть жартве нашіе се бо оуразденоі суте о наше леносте ле же
птыціа матоірсьва славу жеще на ноі і моли насо о техма оцеvu слву уше-
щете і то неімяхомь дерзесте стате на рате а і мешема свема брате земе
нашіу од вразіем отщеноу себто тысенцітріе сет храніемо свентоі нашіа

і днесе женої нашіе рекщуть яко сьме благовіе і оутратихомь розумство нашіе і семо якве овча мало передо оны і не смімо овлецетесе браніе і мещем разете вразіе нашіе

себто коупаль грендеть до ноі и рещеть ны яко іміахомь стате грде і чистоі телесоі и душіе нашіе і то вргнехомь до стопы еіе се абыхь сен грендл по ноі і насо захріаніц ведоущь до пре зуріе і тамо сен стахомь бы до сварзіе ликы і се до сеще шедьще хвалохомь бозе нашіе о браніе яко о мірної дне і себо коупалиц жеще ноі яко достопхомь се до она щаса і бендіехомь о славоу своу печестеноі і такожде со оці сопрщастеноі

Дощечка 22

ащето сен орчено есе іакожде квасуро одерже обзех таіноу утвржашете сурыноу атобо есе вжыжене оутьліеніе якве імяхомь смедо радогыще обзіех серадовати а плясяче вїніе вьргоца десврзе а зпівема слву бзіем сотврьіаще квасуро бяще бые менжо сылень обзіех вьрзумліен а тобото ладо доне прихозяц а рцїму вьрзете медьводоу а усоірете е осуне себто суре утвржисяц а че оноі брентете і сен претврьіащете до соуріці і тоу шїймо во слвоу бозькоу і тобо то бяще о венце докіе а менж бяц отоікрате вельмь опозначен о рщене оці блгоміро а тоі одрзе од сврженц поущеню якожде стврьіац квасоору ижещь рщена есе соурынїа ітебто есе во радгоще нац. . . (*неразборчиво. — О. Т.*) себто імеймо овсенке дены якожь пожніе соутврьіхомь асе оурадогщехомся оты піесе бо інодь якожь кый неудърже сва есть есътва доразь арце безоумьна себоть іе о црнобъзе а інь ижде іме радгъць іе обьлѣбзіе такожедь імящехом ісѣкащете дрзі і врзі . . . коваць бо меще нашїа на оутврзене сылы а сеімо сылоу божденьскоу поражещете врзе нашїа обополе тобто бьгоміре оуріешень твастоіремь іакожде тоіе му порце ослвіех абоіста она бящеть іакождь бзе рькѣоще іма сеїхва . . . себто оуставе родїа осебе якожь бзі сьприщине родь асме хом ородіех тыіех роді такожь і сврг іе оць і проща соуте соіне а імях сен коріте іму такожьімоі се бо корихом родце іакожь есе оць рдоу атыбто роді іесътвате окые до кїнїазе кісте себь (? *неразборчиво, — О. Т.*) погодьете пріе опороушетеся а русколашїу оцѣоушете докіе тецщете а сендетесе до земе отые таможе іжьдельщїа до пристенцоу вьрїажьскоу і себебраницесе одона . . . ітакѣва бящесе се од ліеты тысенцтрисент окыївеоце трисентоі о карпаньсте животіе і тысенце окіегрдіе іна щасте іде доголоуне атамо істасе а іна окіегрде і перьва есе ренсколане ідрга кые іякожде сурень цїае по скотоу ходяеца а стадїа водяеца десенте віеце оземь нашїу себто голоуне бяще град славень і тры сентеграду сыльна іме і кыеградо іме меньці ополоуднь десенте граде і вси і селїа пьмнѣгоа доцельбо сенбоіте во ступїах веске роді іжытва семенете ополоудень ітаква грьцем ола омень по златоу щене і кола а ождерельа докыркоа сваносице оміене опыво вынъсте огрьк а тврїа овьнасна іонеме тая і бяще ты русіе оплоудень тврьіаще град сылень соуренж яковьнесездате грьціем а тыіего рострще і ренсе побїащете хтяще ітому ідемо доне а рстрщехом оселыа грьцка еланебо сіе соуте врзі ренсколаіем і врзе бзіем нашїем грьцколане соуте небьзіе потщуть інедо чьловіцы оны соуте іскаменіе набрящены подобіесе менжіем анашебзіе соуте воіразе і акожде сме хом прящехом оды годье іжьїа навлцешете на главе свы рзіа од волїа а кравыа і кожіа навлцеца нашцереслы сва ітако мнісете се оустраще роуште ітые одевлещете сращесы сва і оголя щрьслы ідеошїа до пре інреборїае і тенькраты ідехом оголеныдо пре а побіедехом я якоста грецьколан боагць ізнїежде меще сва атыї бенде брзіе унавїен одяме якіе ждещеть жертву сву доземе абыте піте крєвго і животьго умерщвляте ітымь жыте отам

Дощечка 23

себтоновьяре іде одо стареа іжде бяца отаква русеце а се іде до пьлдне ітамо грящете остоупех десентевіеціоі табто есе тажде русеїзбрыащеть кнезы свы і тыа од роды свы і роды доботца о племе коїждїему кнезы свы і окнезы іздїеце кнезе старьща ітоі есе вутец опрїя ітакова живете

во земе теіядолы врязе прідоща наны ітаме ізбіяе оны ісе грыцколане ідшья о земе тыа і седнешеса оніѣ і недеба о русе себоте русе ізмещесіа і наліесе (? *неразборчиво*. — *О. Т.*) на ыіеі і одтрще оны до сва брезе морьсте себо грыецколане поведьщія рате свы о жлезна бръніе оцрщена і бя сѣще тамо велыка і грыщуть враны о ядь межскоу іже врждена есе до поліе а піяйще ощесы іхва граяхоуть врны о брящны а велыка грыхоуть ста о пелы таіа і тамождь іесе ощесы грыцкіа і ощесы руште нетргая там бо знащитоу імяхом іако бзе невоящыа русе огынуте і тамождь се перещеть суне з міесещем отыа земе і неба сен перещете о кмыть абыа земіе таіа не подленгла до роуце еланьсте а пърбыла руськоу і таможде сен плащеть matka о децке свыа іаковы врзієща крeve о кмыть тоуу і та кмыте стащеть рускеу новаярь бящеть тамо доднесе і земе таа пребенде нашія о меще крeve врзенщень оту і такожде елане рѣкста о кнезе старще нашіе і повясть му якожде нехще до земе неровь ход. .те (*бужа после «д» неразборчива*. — *О. Т.*) ніже отроце бряте алень бо іме брезе морьсте просва то імяхом оуказицю на день нашь якожде праоце нашія омерше о кмыть і невзяць врязе нашія земе себото и днесе іміемо оуказицю якожде никій то беретъ

себто германьрех иде о полыноце доны а імехом сен брянете земы свай тако іте нань себь годьштїа земь іе нашія ату білогоре сехом усѣяхом коще свы а крeve своу полліяхом іта есе о ны се бо врещеть птыціа матерсва оны а славу рієщеть ны яхомь бо съме оту меще нашія а ідохомь до свенты о поліа одразієхомь врзі полноцніа а одвзержемь врзе полуденна а тецехомь на врзе сходніы абѣхомь повенжды руште грміцы якожь оце нашієго паруне сыны а дажьба внчы себто сварець укаже намо камо гренте обы сва і тые германьрех одеїде до полунце а еланште о полудене ітакмо оберієхом земе нашіу до коупице інедаяхом осыньбо ценже небощеть осыне свыа себо ідеть о ступы нашія величе множдествы родоу інієх а неїи мяхом бящете омырна небождехом о помуце табота іе у мысце нашія а оконціе меще а тыема сещехом врзе

се врщеть птыціа матресва оны абоїхомь семы взденлы меще сва на захите своу а іеїу се біе крыдлієма о земе і прахь одтрзе до сврзе а себо врзех о земе а се біе онь яко стращесе за ны і ту одрзехом оутворжехом яко крещеть себо кренчь тые іе до сердіа нашія а то імяхом вѣдете яку суре піяще до сеще грендехом ітамо одржещехом пытву іню о бозех стваржденоу іта будеть намо яко вода жыва опослієде о щасе трзне влікеа якова есе о всїа іжде умерео земе своа се бо сваржещь зряї оны од сврзе свыа чюдныа а зряще рате нашія ліще она а прсте еніма овжде неїмай досыте ато ліщеть ієнже прсте онозе свы а вієсть пращтырь наше якосме сыла вліка а неможе одолящете ны врязе нашія а себо потцехом овы а жденехомь іе докенде оны подяшуть о земе а зденхнещеть омаре і морь іу вездьме

себо рієщехомь о серде нашія якожде не вратехомьсе до огницы свы докень жде аще врзе іскащуть і не врзехомь сен тѣлесы нашія аще врзе ящуть земы нашія а рщехомь о сема якожде бзе нашія гонзяхуть іе?

сето убіє щялюсны сва радіє яхомь децкы до копієх яко се вратещете заде свыа врѣм себо ліадвы нашія одврзієхомь і тлещехомь земе нашія доне абы удрзещете овіє ажьде до смертена щаса а маріу зряте даящете се бо мора одстоуписе я одреще неїмяхомь сыла туа абесте одерзієла витезе руште і такожде слва потенще до свразе ітамо бзе рещуть якожде хоробре сте русе а імяхом міасты провы поделъ бзе пре перуне а дажба оца вашїа

Дошечка 25

себящетеовой о караніу ісе град мал о брзех морстієх русштієх і тамо бя конезе яков ісе рще елане бієте о отрщете одо русе і тоє оудієащеть рате і комонєства а іде нане і витеже іе а еланьсте плакєщесе о тугу ієх и просяце іе дане платете і та дане снє оудієаня о овне хорязе і віно і то елансте вієдяє яко руште пїашуте многа і оліще нане се врзетесе і вытежете ієх і се бо грядеть волсев ухорєнзе і брате іе ословень і тоє рекста руштїєм не

тварзешетесе на даре тоа і се руштїе не слехоща і се оупїне і отема днема еланьште сен вргоще наонь і розтрще іех і се погынъсте тоа зряще руштїе отеце до степїе і тамо серще і сылы свїеа овлечетесе і ідыша оспеть на онїе і поврзеще іе се бзі дерзяще онїе а руце іх оукрѣщє і тые одежешуть витеже се бо прящуть вразїе і тако рекуть яко овче рострцем оны і бедехомь саме о крае тїе владще яко красне соуте оны і тїе недахом се трглаве молихомь влїде а мале і се бо трглаве наше остяжоуте ны і брзе скощашуте на комоне вразїем поражене творяї і то узрящехомь яко бзі овладїащуть оте і се узрехомь яко мртве соуте і оубїены бзема і намо по іме крощешете і відете мертва телесы мнозіа іако влїка рате пероунїа на не се вергощїа і розтще тоу і се сварозїцы ошуе тоа текощуть і дежде прїнесе побїедоу нашїу во ренцїех свїеїх роду славноу об оцех слву держащїему і до днесе на поліе вентежете вразе свїе могоущему і се жалїа жалїуїе над вразї и грыне горенщетьсе о смрте іех яко оде ренце бозске се вергоуть се карыне плащетьсе о мертвїех тїех яко сталисе о тропїе боженъсте і земрешуть і поліа тоїа полнене соуте мртве коще і главе оусенщєны і оуде одо телесы оурезїены се валїаще о травїе і смрад їде оде поліе тоїа і враны летящуть до не мртве ощєсы долбентесе і ясте мужескїа мясы многа понешєны. . .

се рще ореу сваргь наше якосеме їстваре їстварїу вы од персте моїа і буде рещено їже сте сыны стварего і ставїтесе яко сыны їстварегвы і будетїе яко дієты моїа і даждє буде оцваше тому достете послухашетесе і тые вам реще чєсо їмїащете о тые дієате і како рещете і щето творящете і народ влїкь а вытеженете осва светы і потлщешете родї їнї їже їстїагноущє сылы їзо камене чїуды творїає безо комонїа повензы і свако дієате чуднїаа мїмо кудеснїцї їже всїак бендешете грядеть їако кудеснїк і ругу твѣрїає клентвы дієащїе на кметь і кметь се подробе і тако словєсы многа і многа і о теїех словєсы омамете вы і подробенте одерене о златїе мїєно і ото мїєно продащете вы вразїем хотяє тако і тоє бозї вамо рещуть і да ореовїє завїєте любыте свєта зелєна і жївотнїа і любыте друзе сва і быте мїрнїє мезде родї і поте одобїє бысте сєдьмыдєсєнтє конєнзе нашїє їако мєзїслав о боруславь і комонєбранєщ і горыславь і тако їзбрящєнї їны овещє і одлоущєнї овещє колїбва люды не хотящете ієх се бо тые конєзе влїцє трудїщєсе і се кышек бя велїк а моудр і ты умре а понє бяцє їнї каждєїє творяє нїєщє благїє о русы паментє нашїє то удржєщеть їакождє їмїахомь їє славетє всак трїєнь трївїєдє і потщїтєсе о паменть ієх на сыны нашїє і нїкїї не смє на то запонїащєтєсе їако проклєнт бєндє о бозїєх нашїєх а члєвїєцїєх і люды їмєно го охїбнуть од вїєкы

Настоящий отрывок, вероятно, описывает одну из сечей, бывших в степях Черноморских. Черное море эта Дошьяка называет Руським Морем, в отличие от Годьскаго моря — Азовскаго. В других местах Черное Море зовется «Синим», а Азовское «Суренжским».

Дощечка 26

їсе бящеть ова щасє осєдєнь огнщано і сєїє блг бя и бзе їмоу даяцє овнї мнга і скотїа о паспствє о ступїєх і се бящеть овїєїє прє трвєх мнґєїєх і бозїє даяцє моу сктїу прєплоднєствої і умнозая їє і таковє їдє прєд ощєс ієх стран мєж і рещє моу їзыдєшутє сыны тва о зємє тва до крає чїуднїа їжє їєстє о захждєнє сунє і та сунє слїє о одрє зкатїє и сє комнєщ скакащеть до їє і рещеть сунїє грєндє сунє до лузої сва сынїа то їмашє скощєтє до повозу твоего і срящєцє од востоцє і тако рещєно бя скакащеть сьє до їнїа к рає і вєщєр скакїщеть блїєзєнь їє їнъ комонъщєць рещєшєтє їжє сунє заїдє за горє сва і возїцє свє златнє онєщеть і то ворозє хотящєтє утатєтє і тїє блїєзєнцє комонщацє оскащє до їнъ крає і тако зрїа їдє а вєндє згы сва і одїєгы даждє трясє і згы тєщїащуть до крає небєснє і сє рещє і тако сынє двє їдыща до захождєнє сунє і відяє тамо многа чїуды і травє злщнє і текстє до оцє рѣщєшєтє їмоу їако красїєн крає тые і сє многа плємєної і родї їзрщєща болєтє стєнжєнтє до трпої тва и грєндєша всїє поа осєдєню і ту рещє орео оцє о сыны сва бытє на щєлє овсє родї і не хотящєтє оны і одїєлєщєсє на сє і овъє сє бо кнєжє їднє вєдє люды сва о полєндє і оре вєндє

о крає морсте і ту бя сушня влка і пісяде многа і грендеша до горы і тамо седшесе на полевіек і опреже оутворяще комоньствы влка ідяшете о земе ціуже і тамо вое стащесе на тропі іє і досільща іє пратесе і бя рostrщеної і такове ідъшіа далъе и выдѣе земе тѣшлы і небрегоща іех іако многіє ціуже племены тамо сідяє і гренде даліє се бо бзе вендеша іє іако люде сва і тяжкоста ова до горы влке і тамо се пероуще о вразіє ідъша дале а те крате імяхомъ сен споменуѣте на то і тягенте за сва іакожде і оце нашіє ощытесе молбою о мовіє и мытесе молбы творяѣе о щістіє душіє све і тієлєсо хомъ сврг оуставе тѣа мовенєствє і купалєщ о та оуказєщєть і несміємо хомъ ото занєщєтє і сен мыіємо тієлєсо і умыємо духе сва о щісте водіє живіє і то грендієхомъ трудєтє сен о всак ден молбы тврѣє і сурє пїящєтє якожде до прїжъ іахомъ і ту пєнто кратої опыіємо дєної і хвалєхомъ богы нашїа о радосщє тѣє яко сен осурє млеко нашіє на прпытє нашіє і крмь іде о кравіє до ної и тіємо живіємо и травє злащніє оуварієхомъ ове до млекы і тако яждієхомъ кажєдъ щастє своє і тєщїахомъ то реку те соїне моє іако времєно нїє остращєно нїжє іє вїєщнє прєдої ної і тамо зрящєхомъ пращурє своє і матєрє іжє ряхоутє до сварзє і тамо стадє свїа попасутє імоутє і вїєны сва вїєноутє і жывот імящутє іакожде нашъ тамо нїєстє ієгуштє нї єланьштє нїжїє правє кнєжїтє іма і та прав іє істіа яко навїє совлєщєніа нїжє іавє дана і прєбєндє о вієк вієкы освєнту відіу ісє зарєбог ідіє крає тіє і рієщєщєть о пращуріє нашїа яко живієхомъ о земіє і іако страждієхомъ іждє се ботє ізждє імяхомъ зол многїа і тамо злої нїімящутъ і травіє зелєнєіа стрєщоутє іма і стрєщєшутъ шлєстє свє о воліє божъстє і щастіє людє тієх і тако імяхомъ зрятє стєнпої раїаїстїє о сврзє іако сынїа іє і та сынє ідєшєть о бга свраогоу і влєс ідє правєнтє стадє ієх і тєщїашутъ на злацє і водє живіє інікоіє іє одєрєнь о країє тоєм і рабє інє нєїстє тамо і жєртвѣы ініа якожде хлїєбы нє імяє і сє выногрєзє і мєд і зрно дає до молєбъ тієх і тако і рієщєхомъ славу бзємъ іаковіє соутє оцє нашє і ісьмє соїної ієх і достоехомъ бєндєтє о щістотє тієлєснєа і душіє нашїє яквѣ нїколє нє умїраєть і нє заоумїраєть за щасє смртє тієлєс нашїєх і падєщєму о поліє прє пероунїцїа дає водоу живоу опытє і опыщєть іу ідє до сврзє на комонїє бїліє і тамо перунько іє встрїєщєть и вєндє до благє свє щєртозыцїу і тамо прєбєндєть о щас онє і досташєть тієлєсо ново и тако живїєтє імає о радосщєтєсє прїєніє і до вієкы вієк про ної молбє тврїацє

Дощєчка 8(27)⁵⁰

яко ста глутвє а тєдо бяхом сїрї а ныщє іботъ іна жєльзѣа натщутъ а нашє нїнтра ізвєргнутъ од та сва

тєкст: сє бо аскы а єркє по нѣпры ходяшєт о людє нашє звєщє до борїа а то яко дорє імє про сєбєнь тако нє імахом смє ітє донъ

тєкст: ото тѣа да бєндє воущєніє а разумяхом ста нашє ошыбїцє а імємо іну статє одврєнь сє бо аск імяй воя сва посаднє я на лодѣх а ідє загрєнбєнтє іма а стє да ідє на гръць да нїцє іхє грады а да жєрє бозм в земє єієх натодє нє іста такоѣа яко аск нѣстє русїц нєботѣо варєнзь а іма іна мєтѣ то гмьтъ руску попїра інама а злє дєяцє погєнбє імє є нї єркє нѣстє русїц атобто лїс ідє хїтряшєтє до ступє а бїє гостє іна кыє бо тому доврєнсєщѣа сєн на старє погрєбєнщє ходїѣа смє ста а тамо помєснлєхом якѣо дєншашєть пращуровє наштє подє травє зелєнаа тамо вѣдѣхом ста яквѣ бытє а за ощо ітє

іту сва родцї бѣщє дѣлєнтєсє а кому старщ пшєнботє кїй бо сєн знєдѣа до оцє а праоцє марїщєньска кїй одонъ ідє а кїй збєндє прєстєць а та вєлкъка свра одоляца русы яквє прєнбѣящєшє сєн до рostrжєщєні і рostrгнїї тако гръцєво одо сва земє жєнє я нєботѣѣа нє імяй сѣлу щєпнєні до кругу а до крыдѣл вшѣк сва ста поглєндѣа на соусѣдїцє своє а од сє віры нє іма яквѣ мєжє вржє до сѣщє тако прїйдѣоша вєспянтє а почєнцѣа сварєтєсє ста на походъ ю кїй ободѣ лѣпѣє а кїй пєчєрн одрєвлѣ бола іна рьщє овітѣяствѣ а тєдъо наспѣтє о походї ото оцє сва тако бо русколаньє падѣма

⁵⁰ После указания номера дощечки в скобках приписано: 1—28.

до ниць од годѣ а іегуншта звѣжства а тодѣ кийска русе творящесе а онтува а годѣ се устращащесе іде ота вон до сверензе якбо вѣхом сверензе суте двѣ єдина вендеста а друга годя а туто годѣ прібенде до нь а годя сен усіліся ще тамо тва а вендестя ослабищесе сен такотѣ до тѣва

осебо жеменде бяща околѣі тоіа а та бя литавоа и се назовенцесе ілмо одо ноі ижерешеноі ілмоі

Дошечка 28

се вране нашіе оте і немояхомѣ овратеце о заде ісе врящеть ісе граде нашіе о тяготе све осещесе ісе ріекощѣ імо конензѣ бравелень одержатесе о помощче грд грдіе і держешете вое свое да се хранишуть оноі сылу русе о ієдінію грзу врзіем і такве ісе і себто жмыдіе ріекша намо о годіе яка імає детереха а іде до полуноще і тамо у жмыдіе овратесе до полуденіе ісе ідетѣ на роме ітамо се перящеть легы і вое іноі і бере ругу влку оде оноі і се втрешеть до земе оноіа ісе детерех убієнь бящѣ одокрех імоу себо годє таіа бзем противеніа і тоі сень ізплеващуть іе

се грдіе нашіе соуте сіре і старще родце нашіе не ізбрыщуть ініа о себе абыте іхева правите се ідіяхомѣ і доне і достоитѣ іема ріешешете о тѣа і потрцете на вnezапоу туждоу і се туждіащехомѣ о тѣа і слезе ліу ота біє крыдлема матрcва слѣва і врещеть намо о труднїем щасу сушнїоі і мору говіад і се віехомѣ іакожде рцена есе од праоце яко кієлцоі поможіа іма і себо ідошціа доне і тако бышіа ста ліетоі оупоможеноі отієх і такожде о ылмы себотѣ ілероу ісьме родице ісе родьрозаницѣ іміє ноі до средьце отще і охраніє ноі оде врзе себѣто вргохомѣ ноїніє і се молихѣ бзе о застужене нашіє і то бендешеть тако ясна бо іє про ноі і се вендешеть оце нашіє скърезѣ гороі і стенле мимо годіє і се допоу пїяще іміяхомѣ ту рієкоу нашіу якожде врзехомѣ крѣве нашіу до земе і та іє руська земе і буде руська се бо русище імяхомѣ потругу свржешеськоу о ноі і се твріахомѣ труд нашѣ о жыдѣбіє ісе жмыдѣ рещеть намо іако шпєде о домоціє нашіє і подрже ноі протіє рзієм нашієм коренсте бо не іміахѣ нікѣа то рещешете на воі і то аз рієх поможашете о борбу руськоу соупротвіє врзем моем а вашієм ісе за троуденѣ щас нашѣ небржієхомѣ о ноі а ідемо оумарате за родѣ нашѣ ісе огьден яма жереть оубієне ісе враніє ядѣщуть оцесоі ієх і се трѣа растнетѣ скрезѣ щелєпенѣ іу і то зріате не можахомѣ іако отратієхомѣ до гроі і зємы і сылоу нашіу і небожде бендієхомѣ одерєнь взенте до ралы іє іакожде комоніє тенгнетє о орїу ієх і жноу ієх вієнете да ядуть хлб нашѣ і ядьмо земе і то неможашеть сен ієвєте до мысель нашіє і кркщє нашіє не іміахомѣ долити докметє ісе бзе нашіє долящуть врзе нашіє і сломєте хрбтоі ієх іако дзерзеть неїмоуть на свзеце нашіє і влацєте жєноі і дієте нашіє до трзіще і тамо леншєте еланіє і грцієм за ображє србрніє а златіє се врзієм рієщєхомѣ озменджєте сен іакожде тма по суріє ісе паруніє оутще на воі і розтрєщєть воі яко овчоі і крат отоі отремєщуть і воіє свр҃гы оубоящутьсе ісебто ієсе знаме якожде у нієпры проквєнте лозице в зіміє ісе коупал оукажїащєть про ноі знаме о вєнтєзе на врзіє і то імяхомѣ тварєте себто марѣ іде на не і мор се двіє ты оємщуть сылы ієх і оємщуть іє под мєще нашє ісе моц мєще оєждєть іу се мєждє дієліащєть ны і мєждїа та ієсе плнїа крѣвє і то прєнстєнпєте не достоитє о ієх колїждо ноі і таквє ісе боровлєнь рещє якожде сьмієхомѣ ходящєте до не і то знаме намо рещєть іакожде вєнтєзєтє імяхомѣ іако сьмє вєнде і се вєнде оусієдєщуть на земіє ідієждє сунє сурѣ спїащєте в ноще на златієм ложіє імать і тамо ієх земе есе се сврог оце рещєщєть о тѣа і такожде братаріє нашіє соуте о тѣє крає і рієщєхомѣ о оны якожде прітєщашуть до ны за щас зымень і подржіуть ны ісе сыла бозька прєнде до ны і та ны удержїащєть до концє а се вєнде ідонѣ ідіахомѣ помєщєте молитє і неїмієте якожде всак люд доститѣ сен хранєте само

Дошечка 29

себто трщєхомѣ об оніє оієгды і да іде слѣво нашіє о правдіє и такво (неразборчиво. — О. Т.) обрїєцієхомѣ првду і се рїєєхомѣ од старіє словєсы яковы істєщїа одоце нашіє ижѣ бо бяще сылне і то імяхомѣ вржєше-

тесе до бразды іех і тако потрачете до оне се бо асклд іде со врязе све де ны і се асклд іе врг нашо се рце намо іако іде озахць нашіе і лже іакожде іесе врг досете яко гръек і се асклд іесе вряг оруждень про гостіе іеланстіе хрянете ідежде ідящі суते до непряріеце і се асклд прідше до ноі со кнудіем о два сет ліяты по алдоріеху и хоцешеть првете ноі і се дірос еланесть орце сміере осьва і се настлесе преждіе ове і се асклд овраждете діроса і іесе онь іедень на місто то і такожде е врг нашь і не хоцаехомь іе якожде врга старе рещене повядоуть ноі якожде прідьща на русіе інь асклд і іако бендьще тріе асклді врзі і тоіе врязі себежріяхоуть і не соуте нашіе ніжде цизоі кнзіе іаковы не соуте кнзе ніжде вое простіе і сылоу похыце владстве об овья і се ерек ідье і спомыньемо якожде роместе орлі (*неразборчиво. — О. Т.*) пораждіене бяще од діеды нашіе на устіу даваіевоу і се тріань наліезе на дуленбе і се діедове нашіа ідошчіа на ліегоі оніе і розтрщеща іех і то беньще о тріе ста лете до нашіе доба і сіе імяхомь држете о паменте і се не даіяхомь се до ереку іако сьме не дахомь і прежды ініем іміахомь кнзоі све а ругу іем дахомь а дащехомь докончіе ні роме ні еланштіе не владнешете ноі і такожде пребендіехомь і се дуленбіе ріещіашуте о ноі іакожде семе братаріе о ове і то іесе істыща правда іакожде теціашуть оны одо іедіна коренце іакожде ісьме і се взпомыньемо якожде троянь бя одо діеды нашіе рostrщень і легы іе одерене бряте бяще до поль нашіех і тамо труджешесе про ноі десенте ліяты і опушене есе од ноі ісе роміе рекошуть іако сьме врвы і се гръціе ріекота обаполы іако сьме врвоі і то імяшуть одва хісенсть і оба двіе жадяшутьсе на земы нашіа і се земь іе іакожде взему іе мечем і крве іта іесе земь і се троіань бещ за пенте сты ліяты до годіе і такожде днесе рціехомь іакожде волка нашіа не престаніе до кончіе житьбоі нашіеа і се достоихомь пратесе о житьбоу нашіу мещема се ріещеть вамо хороугынь сен од оце хорыге і се есе просиць вашь о взехь іакожде даяшуть оноі вамо сылу и владнесць на земе вашіу околіеноі сьме о вразиех і прящехомь се бяща вронзенец ріека і градьба і тамо оце нашіе розтрщашхоу годіе і тако сьме розтрщашехомь врзе овоі се собеньствоі све одяхомь і рціехомь іакожде бенде інь щас на не і тамо матрьсва слава пшедь нам ідеть іакожде огонь дашеть працуром нашіем і се щуре нашіе ве сварзіе рядяшутьсе о ноі се бо пытере діяіе молі о ноі і се оре зрящеть на све людь і се не можіаехомь врнетете тылы сва врзіем се бяц в щась онь дірось і се бяць гьреколанець і ты посщезне і приде нане асклд і ерек і то молихь бзе позбаните русе о злы таіа

Дошечка 30

себо хрніащехомь пытаре діаіе іакожде тоіе особень іе стащеть оматрі протіеве се боте беньще о совстенпленіа до кроінь і та ідіашеть ренцемоі vzdіа до хленбь і се дащеть даже іакожде іде і насичеть і то імяхомь жоітень нашіу і жніу віенхомь о славе іе се бо протіеве іе земе нашіа і ту хранихомь іакожде оцоі нашіе і се повіенцехомь сварзе і земіе і правихомь свадіебь оты іакожде хомь се твариць іе сварежь і протіеве іе жена іе і се празденстоі імяхомь діяете якожде о муже і женіе ісьме діце іе і тако рціехомь бендешете те здравіе боіте і ащстене і імате детоі многа і се боу хвалищете се і тако зряте до вод боуде велеплоднїа і се даіащете менже осве пітаре іда обенщете твіем будіеше плнїа плдіе і оwoць і зрноі і се радіехомь отоі і огураздь ящеть тіе іто бящете тако до конещень ден се бо віерноі твіе омоляшуть о блазіех и добіех да бендешете іхма животье уснцень о птрібноі і о жряте се тіе о тому і дрзешете сен о воладносще твіа віергунь бо можашеть о хліабе даящете со іміахомь нуже нашіе і молихомь оте се бо ондере іміахомь якевь іе інь парунець і се вержде врзе на хрбетеще і такожде отрще главоі іе і жещеть о небоі і кідьніе о моріа і пуще ісе сушена теце брзіе о краіе цужде і тамо іе до щасоі ажьде пытаре іе одовенде можденосще ідяшете оспіете і верждесете нане і тленщете іе а то сен моліаху бзем о та жаліе и горуніе тоіе і сїцеста бозе о меже тоі пернде сварегь і тоі одевтще руце своіа оде браде і повеліащеть дажьде тецащете сен до гомыте тоіа і се перст усхліа насичете сен можашеть о во-

ліе бождесьте і злаще сен можащуте се трцате до твардее і сен зріацете суре о се бо суре живіащете оньвоу і плияцете сылоу зелене хкріа і злаще і се сеереньце ожіеть і зеленесеть і та віены раціє і оберехомь овіа до житенець нашіех і се віену одевержехомь до ніе і рещехомь іако вергуніець ондере оупаднеть до ноі і ае расще віена і злацетіа і се імяхомь ісце ядете хліебі свіа се бо се верждехомь оніедру і то діеіахомь брвне опросще і ріеціехомь іако іе издіе? а по тіем заждіехомь огені сьльняа і верждіехомь доне брвене тоє іакожде агень быеть до небесы і тамо язень іе се трзещеть и се двыа и тріе сен діелыте і те іес знаце од бозе іако любисце жерьтва теа оніем і хотящуть оноу? аще боть іе блоудень інь іакове олещашеть бозе тоіа одіеліащеве освргы ізверждень буде ізрды іако не ніеміахомь бозіа развіе вышень і сврг і іноі соуте множестоу іако бг іе іединь и мнѣжественъ да сен не разділащеть нікіе тоа множества і не рещашеть якожде іміахомь богы многаа се бо свентыре іде до ноі і да боудіемь достіщеноі овіа

Дощечка 31 («Дощка с молитвами»)

пожещемоуібѣжеякосенамодеящесіурупітісмьртнуанаврзігрндешешпатоіабіяшешимещемтвоёмовленоуасѣнтемрцишиощесоіаанѣщаненатенчашеабоісіанзнещентитооубо пероунуатомовленхомсеняконьснєзбавітихомсєврзігрѣбїдаіндетоіденякохщепитыазобоіхімоупрензвенщєцаігрѣмітінаноіатообоістєсілатвананьполіаоплоднѣцаігрѣмидеждєліящєтисєнаоньітмусємоіблазіякоидєхомповѣлтвоеі. . азѣбоутреніаслватіренщєнаімахаатакорцємоаякоблгєсѣаподтащблагнаших. . упрѣщєнаіа оноісутєіаковціаутєцашут. . даимєшиноівєсїдніадабудєхомтївїрнідоконцєславоітвоея. . отщєбонашєсендавождеадабєндїщитакосїдні. . жьртвутіпрвїхомовщанєбрацноатакопоемслвуавєлікощатвоіа. .

Разделитъ этих строк я не успел еще и предоставляю это Вам.

Думаю, что это — молитва Перуну.

Дальнейший текст:

Слвїхомгдаббо (вероятно, пропущено «же») абудєтоінашьпѣкрвїтелазастоупищодколядоідоколядоіаплодінаполехадаящєттрвоінаскотіадаанамовосведнїєгвїадіаоумножитисєазьрнажитніамножєстьабоіхоммєдвїщїзатвржєтіаєщїбгасвтаслвїтїсоуронжєбостьодрєщєнодозїмоіатецінальототому бо поємославуіакооцівополѣх. . .

слвїхомогнєбгасємырѣгладрево гроізущаасламуаогнєкудєлицєрозвїяштїаовутїєвденавчєріатомуабоіхомдіащїзасоутворєнєбрацноапїтіякоєсєдїєнахранїмвопопелїатого вздоіймоагорїті. . .

Здесь, вероятно, моления Дажьбу и Огнебогу.

Текст: земенащєулежєсяодсунадосунасєвржїаавлкісутєтамобохоросїлуці а тамовєдоімоговїадоіапроплодитисєімоволїудажьбуєгожєславхом. . .

Как и в прежних переписках текстов, в данном случае я строго придерживался копии, сделанной в тридцать седьмом году у художника Изенбека, и ни слова не прибавил или не убавил, но, видя трудности чтения, оставил без изменения текст, дабы кто-либо, более удачливый, нежели Ваш слуга, смог бы разобрать и объяснить неясное мне самому.

Впечатление мое таково: это одно из исчезнувших старорусских (славянских) наречий, разнящееся от известного нам древнеславянского текста. В архаизме наречия сомнений нет, а в подлинности такового тоже, ибо обороты речи указывают на известную закономерность. Что же касается подлинной старины Дошек, здесь я ничего сказать не могу, так как не являюсь специалистом.

Юрий Миролюбов. 13 октября
пятьдесят третьего года. Брюссель.
Бельгия.

Дощечка 34

Се бо кнзевє коіу до умь спаде ходіащєте на блгарє а ту рате пождєне до полунощє а аждє на воронєнцє ідєстамо ожєсіаі тако біа сва воіа полєніа обращєтє іма а се бо глудє ісѣва бєрє а тако голоіне градь русєк од-

бреща обете сва од онеіа земе такосъте ова крае одебра і русітце настѣдеіва лебедень бо седете у граде коіева огорень акожде ізразена умем а правето одехріана себъ то трзеце іланьско а орабе правете уздре іаоко чінъ матеть і се коіе одевенде плка сва од врзе і камо блгаре не пренещесе одъ овіе земе імате родева даіаще се бо слва ходіаща усоі обѣсва а тамо пощаше о годе пратешесе і соіла ліудьва а ту ждене о прце і тако се земе нашіа остезесе о крае до крае іако русколане обоітыва се бо даіану бзем опрещехом оде врзе і тако ту држещехом себе а голоінь град біаста влік і богатъвено і се бо врзі ідыша донъ а розгожъде тоіе і стена ізжегеще і сем іахом бранете туіу крепе нашіу і до русенце одржещете се бо земе влзеціе а ра ръеце обапола сенте то біа сва она земе оце наше і ту іміахом за ці лете она сва а убрежехомоіва тамо бо преземехом сте руду крєвь улоіємъ донъ іако та буде о нас а воіводе нашіа о ране сероце і крєвь ісотече на земе і то руська крєвь а земе ежем іащесехом тому а зренхом таку поуказіцоу во дне нашіа а імемо гріасъте до стоушіе іе се бо да не гонзехом се земе нашеа а бендехом по вецоі русе і стрже намо пероунъ стрла сва абоіхомъ соілоу іго на взеніе іахомъ а врзе одтрцете і біащъ тако віек цел о та се бо пре не оустіхавае а тако боріа іме опознахомъ се на она соілоу своу а ідехомъ до голоуне а до суренце земе о та еде моріа дульіебста а о ліева годе і прііама о полудне бііаста іланьште со бо с ніема трзе творіаще іждехом се жівотъ нашъ і опреціехом соілоі сва до коушіа себъ то рціехом громьціе слвау бзем і тамо оудіахом се суре і поіімо ову о славоу бжъскоу а ріахом дбра есе і ту одіеліхомъ стоупе туіу нао роде сва і обріахомъ скуфіу вліку овна і кравіа іакова ста нашіу соілоу жіте стржде травіа і ту водете убрежіехомъ два вецоі днесе іміахомъ студніу зіме і не іміахом сіна а до сенте ноі ідіащете до полудніа на зеленіціу а на крме злащне оделенем і тоіе отрще ноі сілоу до земе студньііа а бехом о гебелоі і не сміхом лоішатесе о зеленціу мімо враждоу еланьстіу і тоіа зеленіцоу не бероще і прііамаі зле сенте а не хтіащіе опомоще нашіу а то рціехом омстете за тоіа дііана а оплатете отва іма о щас іхєвь се боть оце нашіа рєціа овладенте земе тоу і жденете грецьколане тоіа до моріа і станціу прінесше грудімоі протъва іма і оуразіхомъ о предъ і дііахом пріу велку і грецьколанъ мръна просеае а конщете валіцу нашіу і такохом доста зеленіціу о зімі а крміхом скотіа сва і ріешехом слву бзем

(З архіву п. В. Лазаревича)

Дошечка 38а

Писано се рукоу

И паки бѣ вьліко студовеніе родици бо се праша о владици а мнози рѣкша нейдемо до роду іако нѣсть оуспокоенія огнищаномъ а будеме лѣпше сами в лѣси небоже горѣхъ тѣрловати се тьими словесы родици бѣша одътѣрчена а велицѣ сердитися а лютовати волиша се бгъ сваръгъ наказуіущи велико смятѣніе горѣмъ удба а и словенстіи вноцѣ прободуша велицѣмъ громом а земле дръжаніємъ а се слышити комоніе горѣ вопіяшети страсѣмъ обяутися а слекпшешеса а ідоша вон селіе а овны нехаша а воугріе видеша домови розтѣрчена еденъ горѣ инже долу а ин во дирѣ вьлікоуі земьскоу ани слѣду нехати ино небысть. боіша тьи славици велицѣ скудныи а животы кѣрмити ницѣм неимоша и рѣкша Ирѣи отці веди ны вонъ и реклѣ ирѣй се аз есмь на вы со сыни моя рекоша ему тая подлегнеме а ідоша со кій щекъ и хоравъ три сыни ирѣова ину земь глядати а с тьиги поча род славѣнъ аждо днєсь.

Іакоже видѣти неда бгъдаждъ будоушіа смртнымъ такъ да възхвалимо премоудросте ю а старая взпомнимо а тао вѣмы речемо, предѣ бя родъ слвенъ у горіѣхъ велицѣвысоцхѣ (*так. — О. Т.*), тамо земле рати а дба овна и овча хранти поасити вѣ тревіѣхъ. едінѣ стаиже людіе пробудити ся а комоніе под облацы страху вопіяшети слыша а тьи страхомъ обяятліи убрежетися бояшети не можаху ся. бя посія мор а глд велик а изшед изъ края иньска пред очи ідуща камо зрящети шедша мимоземе фарсіейсти а ідша далецѣ яко недбана овцѣмъ земеѣ тая. Ідша горѣма и видѣша

кменеі а тыіа прось не сѣяте, такоже мимоидша а зряти ступи квѣтна а зленая тамо сташа лѣта два а понимѣ мимоидша понѣякѣже хисниці поакаша. Мимоидѣ каалѣ иде ду нѣпрѣ, яко тый вскѣй прѣ границици има а ворози злыіа преткновѣніе бя.

на тый нѣпрѣ имати има усѣдитися родѣ слвенѣ а тый бя огнищани якоже има кійждый дироу земну а огнище

сварогу слвити а дажьбгу, кійже суть во сврзѣ прчстѣй, перуну а стрибгу яковый громы а блискы пвелѣваяй и стрибгѣ вѣтрие ярити на земь ся име и тымѣ ладобгѣ, иже прави лады родовстїи а бласти всящестїи, и купалбг яковый до мытници правити имѣ а всящеская омовенїа а Ярѣбгѣ иже прави яры квѣтна, а русалии, водници а лѣсици а домовици, а исварог тыми прави. Всякѣ рѣдѣ има щуры а пращуры яковїи суть предвѣци умрети яша. Тымѣ бгѣмѣ почитания имеме дати а одѣ ни радоши миеме. и постави первѣе родѣ слвенѣ млбище во грду индикииву, еже рещенѣ есть киив а вколѣ ему сѣлїти име ся.

а в лѣсѣхъ дубѣвыхъ лѣсици во вѣтвїехъ колїсатися зачаша а брадіе хмелемѣ учна, и власы вѣ травїехъ. тый суть листы зелена а мокошаны якоже вѣ подѣхъ спый, того до брады затычена.

Дошечка 386 (Уривки з архїву Ю. Міролюбова)

Даждѣбогѣна струзѣ своемѣ бїашетѣвѣсварзѣпремоудрѣйяковаестесїнаструготыйсїашетѣсрящетоякозлатогнебогомроспаленестѣ. . . тогодоханїеживотѣестевскїятварепрїбѣжищїе. . . вскмужблаготѣгѣвїдѣтможащетоанижезѣлокїйбогомнедобатїйпребудеякослѣподанїемешесѣнымищастеякожовсякодзлоїдучосооныдокѣнцепребудетѣ

1. даждѣбог на струзѣ своемѣ бїашетѣ вѣ сварзѣ
2. премоудрѣї іакова есте соїніа а струг отоїї
2. сїашетѣ а срящето іако злато огнебогом роспаленестѣ. . . тогодоханїе животѣ есте вскїїа
3. тваре а прїбѣжищїе. . . вск муж благо тѣгѣ вїдѣте можаше то аниже зѣло кїї богом онедоба тоїї
4. пребуде іако слѣпо да не імеше сѣ ноїмі часте іакоже всїако до злоїї ідучо со оної
5. до кѣнце пребудетѣ

№ 1 . . . [Н]аше праце шедше до земе суховасте наб наб девящєнѣ і тако семехом інда а неїміашем крае того на земѣ наше і крещена русе есь тако дне. .

№ 2 . . . ящїхом іста іегун. . . женце. . .

№ 3 . . . Еїжіахомѣ об она

№ 4 . . . рѣем бо неубва рцала тсва трепете обо венцої чуж. .

№ 5 . . . ако бїахом ста ос. .

. . . міахом а дек а. . .

. . . ехом прїа. . .

. . . одѣ. .

№ 6 . . . неприя бо племеной соуте руште. . .

. . . а костобѣце русколане тѣврїаї

№ 7 . . . тако бл. .

. . . бїахом ста осе а боїте хр. .

. . . іамо а нїко. ѣв. .

1. мормарої несмої щасте імате да бїащемо отщєпенї

2. од рду ншего а буде го гнусете всїм борусом. . .

Итак, выше воспроизведены все дошедшие до нас тексты дощечек. К ним нужно присоединить рукописные заготовки, фотографии которых мы также приводим в этой работе.

Наибольший интерес представляют для нас те дощечки, которые были опубликованы в «Жар-птице», так как именно сопоставление текстов М и Ж проливает свет на историю публикации ВК, а также на принципы

создания ее текста (или его последующей редактуры). Эти наблюдения дают нам богатый материал для суждений об искусственности текста ВК. Анализируя соотношение М и Ж, мы можем прийти к следующим важным выводам.

Вывод первый. Текст ВК, существовавший до публикации в машинописном или рукописном виде, представлял собой сумму текстовых фрагментов, имитировавших текст, списанный с дощечек. Фрагменты были расположены в определенном порядке и перенумерованы. Первоначально нумерация была только цифровой: буквы «а», «б», «в» и т. д. при нумерации дощечек были проставлены позднее, не случайно они написаны чернилами не только в печатном тексте (Ж), но и в машинописном (М). Важно отметить, что тексты дощечек 8 (2), 8 (3), 14, 19, 21 и др., найденных в архиве Ю. П. Миролюбова, имеют машинописные заголовки «дощка», а номера в большинстве случаев проставлены чернилами.

Вывод второй. Издатели «Жар-птицы» публиковали дощечки ВК не в порядке номеров. Возможно, они пытались расположить тексты в порядке хронологии описываемых событий: не случайно первой была опубликована дощечка с рассказом о Богумире. Публиковались дощечки в следующем порядке: 9 (март 1957 г.), 10 (апрель), 24а и 24б (июль), 8 (август), 4в, 5а и 5б со слитным текстом, 5б — осколки (сентябрь), 5а и 5б — текст, деленный на слова (октябрь), 6а и 6б (декабрь), 6в и 6г (январь 1958 г.), 1, 2а (март), 17а—17в (апрель), 15а и 15б (май), 7а и 7б (июнь), 7в и 7г (июль), 7д и 7е (август), 7э—7з (сентябрь), 27 (октябрь), 16 (ноябрь), 20 (декабрь), 18а и 18б (январь 1959 г.), 11а и 11б, 12, 13 (февраль), 6д—6э (март), 2б, 3а, 3б, 4а—4г (май).⁵¹

Итак, хотя тексты публиковались не в порядке их нумерации, можно предположить, что пропуск дощечек 8 (2), 8 (3), 14, 19 и др. не случаен, как не случайно то, что эти тексты обнаружены только в архиве Ю. П. Миролюбова в Аахене, но отсутствовали среди других текстов, посланных А. А. Куру. Возможно, Б. А. Ребиндер прав: эти дощечки сочинены Ю. П. Миролюбовым по образцу других, но он не решился высылать их для публикации.

Вывод третий. Оригинал публикации представлял собой подборку текстов, подготовленных по разным принципам. При этом принципы менялись в той же последовательности, в какой дощечки перенумерованы, а не в порядке их публикации.

Так, первые тексты имели еще не устоявшиеся и весьма странные определения: «Лист № 1», «Лист № 2», «Дощка № 2» и т. п.; дощечка с 6в до 6е имеют в заголовке определения с применением римских цифр, начиная с III (?) и до VI, причем эта система сохраняется в дощечках, публикации которых разделяет период более года (дощечки 6в и 6г были опубликованы в январе 1958 г., а дощечки 6д—6э — в марте 1959 г.).

Как можно судить по М, в первых (по нумерации) дощечках текст приводился в слитном написании (см. дощечки 1, 2а, 2б, 3а), затем в слитном написании с «пробелами» (дощечки 4а—4г), затем в двух вариантах: слитный текст, а затем тот же текст с разделением на слова, причем фрагменты текстов, деленных на слова, предваряются пометами, сделанными как бы «для себя»: «попытка раздела слов», «попытка чтения», «чтение» (дощечки 5а, 5б, 6а—6е, 13, 15а, 16); затем текст приводится только с разделением на слова (дощечки 6э, 7а—7з, 8, 9, 11а, 11б, 12 и др.). Интересна дощечка 38а, текст которой предварен пометой «писана от руку»; ясность текста отличает ее от остальных дощечек, а тип машинописи не похож на остальные дощечки. Вероятно, это текст, перепечатанный позднее других и, видимо, не Ю. П. Миролюбовым, а кем-то другим с его рукописи. Дощечка 38б имеет характер черновой заготовки.

⁵¹ См.: Влес книга. Ч. 6. С. 29.

Странным оказывается и распределение дефектных дощечек, т. е. имеющих лакуны (обозначенные многоточием) и пояснения о характере дефекта («текст утрачен», «ряд букв стерлись или соскоблены» и т. д.). К числу таковых относятся дощечки 3, 4б, 4г, 5а, 6а—6г, 15а, 15б; на дощечках же 6д—6э, 7а—7з, 8, 11а, 11б, 12, 13, 16, 17а, 17б, 18а, 18б, 24—24г дефектов либо нет совсем, либо они единичны. Это свидетельствует, на наш взгляд, об искусственности помет, указывающих на порчу текста: если учесть неизбежную произвольность нумерации дощечек (в «оригинале» номеров не было), то окажется странным, почему все дефектные дощечки сосредоточились в первой половине комплекта: трудно допустить, чтобы их сортировали и нумеровали по степени сохранности.

Наконец, от дощечки к дощечке менялись принципы передачи орфографии: так, в М на дощечках 1—6б мы встречаем для обозначения звука *ы* только диграф *oi*, на нескольких дощечках *oi* и *ы* сосуществуют, а начиная с дощечки 7а в последующих по нумерации дощечках обычно употребляется только буква *ы*.

Все это приводит нас к выводу, что тексты нумеровались в порядке их составления (а не переписки с древнего оригинала) и особенности текста дощечек и комплекующих их помет объяснимы изменениями тенденций, которыми руководствовался составитель.

Вывод четвертый. При сравнении М и Ж не остается сомнений, что один из текстов носит следы явной фальсификации. Мы можем это утверждать, независимо от того, к каким выводам придем, анализируя язык ВК, ее содержание или соотношение с источниками. Приведем доказательства.

1. Из снимка дощечки 16 мы знаем, что на ней умещался текст с длинной строки приблизительно в 47—50 знаков. В то же время все остальные дощечки (а они, по свидетельству Ю. П. Миролюбова, были одинакового размера) имеют длину строки от 52 до 66 знаков. Допустим, что дощечка 16 была нестандартной — и строка ее была уже, и количество строк меньше (в ней 10 строк, тогда как в среднем на дощечках умещалось от 19 до 25 строк).⁵² Но перед нами встанет другой вопрос: и публикация в «Жар-птице», и публикация, осуществленная С. Лесным, казалось бы, тщательно воспроизводят строки оригинала — в противном случае зачем было нумеровать строки или делить текст на неравные по длине строки или с переносом одной буквы (!) слова на другую строку (как в Ж) (это особенно наглядно в публикациях С. Лесного). И в то же время оказывается, что эта имитация точного следования оригиналу — фикция. Во-первых, заметим, что в М границы строк никак не отмечены. Если же мы допустим, что в М строка воспроизводит строку оригинала (там также мы встретим неравные по длине строки и весьма странные «переносы» слов), то окажется, что, за исключением трех дощечек (1, 9 и 10), ни в каких других дощечках концы строк в М и Ж не совпадают.

2. Необъяснимы различия текстов М и Ж в тех случаях, когда в Ж имеется указание на лакуну, очень часто сопровождаемое описанием дефекта дощечки («текст разрушен», «текст сколот», «ряд букв стерлись или соскоблены»), а в М в том же самом месте читается исправный текст. Подчеркнем, что повторного обращения к дощечкам для нового прочтения первоначально не разобранным места быть не могло: дощечки утрачены, фотоснимков не было и издатели располагали лишь копией, сделанной

⁵² Мы не обсуждаем здесь еще такой вопрос: количество строк на дощечках очень колеблется, и если среди опубликованных дощечек есть только дощечки-недомерки по 9, 10, 13 и т. д. строк, то среди дощечек не публиковавшихся (и, следовательно, не «подогнанных» издателями) есть дощечки-гиганты. Не этой ли «подгонкой» объясняется то, что текст дощечек 7а—7е, 7з, 7ж; 11а, 11б; 15а, 15б; 17а—17в; 18а, 18б и др.) в машинописи расчленен знаком абзаца на фрагменты, соответствующие публикации, причем этот знак, как правило, приходится на середину строки, значит текст М печатался без ориентации на реальные дощечки!

Ю. П. Миролюбовым. Если же допустить, что сведения о дефектах дощечек взяты из записей того же Миролюбова, то все равно невозможно объяснить, как на месте «сколотого» текста в М читается исправный текст. Многочисленные примеры этой несообразности см. в описании дощечек 4в, 4г, 5а, 6а—6в.

Особый случай, когда в М читаются значительные фрагменты текста, отсутствующие в Ж (см. дощечки 6б, 6в, 6д). Мы могли бы допустить, что перед нами случайные типографские пропуски.⁵³ Но в этом случае оказывается, что восполнение пропущенного текста разрушает деление текста на строки, имитирующее, как показано, деление текста в оригинале. Поэтому, если оригиналу следует текст М, то разбивка на строки в Ж — фикция, если же оригинал точно передан в Ж, то фикцией является «лишний текст» в М.

3. Необъяснимы случаи, когда в М и Ж в одном и том же контексте читаются разные (и даже не сходные по буквенному составу) слова. Например (первое чтение — по Ж, второе — по М): на дощечке 6а (*земля — доржава, по ріце — по данаіу*), 6в (*два роді — два віетва*), 6г (*под себіа бера — подчинашеть*), 7г (*січа — бітва, людіе — народь*), 7э (*до сверзі — до небі, од сверзі — од небы*), 11 (*іріі — рай славьск*), 15б (*щюрь — слвиех, все — рате, на марціех — на облціех*). Произвольное изменение текста в одном из вариантов не вызывает ни малейших сомнений.

4. Необъяснимы также случаи, когда М и Ж различаются написаниями букв, которые не являются графическими вариантами (в этом случае мы могли бы объяснить замену букв унификацией орфографии). Так, союзу *a*, который читается в Ж на дощечках 11б и 15а, в М соответствует союз *i*, букве *ѣ*, читающейся в Ж на дощечке 8, соответствует в М диграф *ie*.

Все эти странности могут иметь только одно объяснение: публикация в Ж не имеет ни малейшего отношения к «подлинным» дощечкам (даже если признать их существование). Дело не в возможных опечатках, по поводу которых сетовал С. Лесной: фикцией являются и разбивка на строки, и указания на дефекты дощечек, и само членение текста на «дощечки», и отдельные чтения. Все это — результат грубой мистификации читателей Ю. П. Миролюбовым и А. А. Куром. Но, быть может, к подлинным дощечкам имеет какое-то отношение текст М? Одно подозрение мы уже высказали: если текст был переписан с дощечек, то он обязательно должен быть расчленен если не на строки, то хотя бы на приблизительно равные фрагменты. Уже этого в М мы не найдем. Нельзя ли допустить, что перед нами все же подлинный древний текст, дилетантски и невежественно переписанный Ю. П. Миролюбовым, а затем грубо подправленный А. Куром? Но последующий анализ заставит нас отказаться и от этого последнего допущения. Анализ языка, содержания источников ВК и новых данных об истории дощечек — все убедительно свидетельствует о том, что фальсифицированы не только дощечки, но и сам текст.

Язык «Влесовой книги»

Языковой анализ древнего текста — тема огромной работы. Требуется рассмотреть и описать палеографию памятника, сделать обзор его фонетики, грамматического строя, лексического состава, а в некоторых случаях и стилистики. Именно такого анализа заслуживала бы и ВК, будь она действительно памятником древнеславянского языка. Но, как мы уже видели и увидим дальше, перед нами фальсификат, и подтвердить этот вывод можно, даже ограничившись весьма беглым обзором, — настолько очевидна искусственность ее текста.

⁵³ Характерно, что в Ж нередко оказывается пропущенным текст, заключенный между одинаковыми или сходными словами (см. дощечки 7э, 7ж, 15б). Это типичная ошибка невнимательного переписчика. Она могла бы остаться незамеченной только в тексте, не деленном на строки.

Так как к данной статье могут обратиться не только специалисты-филологи, необходимо сделать некоторые общие пояснения.

С. Лесной (а вслед за ним и наши отечественные защитники ВК) ставят вопрос так: ВК написана не на всем известном церковнославянском (старославянском) и не на «классическом» древнерусском языке, а отражает какой-то «язык» или «диалект», который филологам-славистам неизвестен. Поэтому оценивать ВК по меркам того или иного древнеславянского языка нельзя. Этот тезис, кажущийся, возможно, неспециалистам весьма убедительным, основан на заблуждении.

В том, что ВК написана на славянском языке, сомнений быть не может: лексика ВК, безусловно, славянская. Значит, речь должна идти лишь о том, что перед нами некий язык, так же как и остальные славянские языки восходящий к языку общеславянскому, но трансформировавший его по своим, особым законам.

Сделаем уступку защитникам ВК и примем эту версию как исходную посылку для дальнейших рассуждений.

Допустим, что ВК отражает некий неизвестный науке язык (назовем его «язык ВК»), зафиксированный на определенном этапе его истории, а именно в 9 в. н. э. (так датирует ВК С. Лесной на основании того, что в ней упомянуты Аскольд и Рюрик). Мы видим при этом, что кругозор автора ВК ограничен территорией между Карпатами на западе и Волгой на востоке, Черным морем на юге и озером Ильмень на севере. Следовательно, язык ВК территориально относится к восточнославянским языкам. Но как только мы примем эти исходные посылки (а их примут, видимо, и защитники ВК), мы получим право анализировать язык ВК по тем же законам, что и любой другой славянский язык. А этот анализ приведет нас к совершенно определенному выводу: перед нами искусственный язык, причем «изобретенный» лицом, с историей славянских языков не знакомым и не сумевшим создать свою, последовательно продуманную языковую систему.

Об этом говорят и наблюдения над фонетикой и грамматикой языка ВК. Начнем с фонетики.

Как известно, некоторые фонетические элементы общеславянского языка впоследствии в разных группах славянских языков — восточнославянских, южнославянских и западнославянских — имели различную судьбу. Это явление достаточно хорошо изучено славистами, и основные сведения об этом процессе входят в круг обязательных знаний студентов-славистов. Как же протекали эти процессы в языке ВК? Рассмотрим несколько примеров.

1. Для общеславянского языка характерно наличие редуцированных гласных, обозначавшихся в кириллическом алфавите буквами ѣ и ѝ. Эти буквы знает и ВК, и, следовательно, язык ВК содержал соответствующие звуки и обозначал их так же, как это делается в старославянских или древнерусских письменных памятниках. Но известно, что во всех славянских языках IX—XI вв. редуцированные в определенной позиции переходят в гласные полного образования (ѣ — в е, а ѝ — в о), а в другой позиции — исчезают. ВК отражает те же процессы, но чрезвычайно странно. Во-первых, в отличие от письменных памятников даже более позднего времени редуцированные отмечаются в ней крайне нерегулярно. ВК фиксирует как случаи прояснения гласных: *воспѣть* (1),⁵⁴ *денъ* (3а), *воспоемо* (3а), *доржава* (6а), *вержехомся* (6г), *до смерте* (8), *долгъ* (10), *первие* (11а) и т. д., так и опущение редуцированного в слабой позиции: *взяти* (2а), *уерже* (8), *прѣ* (9а) и др. Таким образом, придется допустить, что язык ВК обогнал в своем развитии (т. е. в процессе утраты редуцированных гласных) древнерусский язык по крайней мере на один—два

⁵⁴ В скобках — номер дощечки.

века, а если говорить об орфографической традиции, то и того более: ведь даже в Успенском сборнике рубежа XII—XIII вв. мы находим написания: *въспоеть*, *държава*, *върже ся*, *съмърть*, *дългъ*, *първый* и т. д.⁵⁵

Но в то же время мы встречаем в ВК ряд написаний, которые свидетельствуют о том, что составитель ее, видимо, плохо представлял историю редуцированных: он порой ошибочно заменяет ими исконные гласные полного образования: *твъряи* (2а, 4а), *твърити* (2а), *бъзи* (3а), *скъти* (2а), *мълихомся* (3а), *зълъто* (4в), *сънопоу* (15б) и т. д.

2. Любопытна судьба звука *ѣ*, обозначававшегося в кириллическом алфавите буквой *ѣ*. Прежде всего отметим, что букву эту знает и алфавит ВК: она фигурирует на дощечке 1б, с которой, как известно, сделана прорись или, как утверждают, — фотография. Там с применением этой буквы написаны слова: *връної*, *дблѣ*, *окудѣ*. Эта же буква встречается и на воспроизведении других дощечек: *сѣяти* (4б), *лѣта* (4б), *сѣща* (4б), *сѣци* (4в), *сѣроваще* (6г), *побѣдену* (7б), *о брѣзѣх* (9б) и др., и, как видим, употребляется она для обозначения звука *ѣ* в этимологически обоснованных позициях. Но в то же время тот же звук обозначается на других (иногда даже и на тех же самых) дощечках буквосочетанием *іе*, как в современном польском языке: *віеѡа* (6в), *в зіміе студіенѣ* (7ж), *діельящесе* (8), *на сліед* (8), *віенціе* (8), *сніезиць* (11б). Допустим весьма маловероятное: в графической системе ВК звук *ѣ* обозначался двумя разными способами — буквой *ѣ* и диграфом *іе*. Но этому допущению противоречит следующее: в ряде случаев мы встречаем взаимные замены букв: в Ж читается *раздѣленієся*, *сѣньцѣ*, а в М — *роздіелієсе*, *віенціє* и т. д. Чем это объяснить? Только тем, что обозначения звука *е* выбирали сами публикаторы, то предпочитая традиционное кириллическое *ѣ*, то механически перенося в свой текст польские написания, лишь заменяя латиницу кириллицей. Влияние польского языка мы обнаружим не только в графике: именно польским произношением объяснимы такие написания, как *ляты* (5а, 6б, 6г, 7б), *вятром* (7г), *ліато* (8), *чріяслы* (8). Но и этим загадочные превращения звука *ѣ* не кончатся: мы встречаем отражение чисто украинской огласовки (появившейся не раньше XIV в.): *бида* (6а), *виру* (7а), *писне* (7б), *писень* (7г), *вире* (7з), *діда* (11а) и т. д.

Что же касается неоднократного написания *е* вместо *ѣ*, на что обратила внимание еще Л. П. Жуковская, то на фоне других несообразностей это смешение может показаться мелочью, всего лишь незначительным просчетом, но исследовательница специально подчеркивает, что такое смешение для IX в., которым, как помним, датируют ВК, «объяснено быть не может» и «свидетельствует против... достоверности» ВК.⁵⁶ Все это также говорит об искусственности и графики, и орфографии ВК, о том, что фонетическая система языка ВК была придумана фальсификатором без достаточной последовательности. В реальном языке не могли бы сосуществовать три разных варианта произношения одного и того же звука в одной и той же фонетической позиции.

3. Известно, что древнерусский язык отличается от старославянского тем, что в нем исконное общеславянское сочетание *tj* обратилось в звук *ч*, тогда как в старославянском оно приобрело форму *щ*. Отсюда соответствия: *сѣѣча*, *печера*, *речи* в древнерусском и *сѣѣща*, *пеѣѣра*, *реѣѣи* в старославянском.

В языке ВК мы встречаем совершенно немыслимые написания: рядом с верными — *часи* (2а), *час* (7в) — *щас* (4в), *щасе* (6в) и т. д. Но в этом слове звук *ч* естествен как в восточнославянских, так и в южнославянских языках, ибо он восходит отнюдь не к сочетанию *tj*, а к общеславянскому

⁵⁵ См.: Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971.

⁵⁶ Жуковская Л. П. Поддельная докириллическая рукопись. С. 144.

*кесо.⁵⁷ Придуманность этой формы, а также таких написаний, как *щистоу* (3а), *щасть* (4б), *щто* (7г), *щесть* (7з), *пренд оцесы* (7в), *до щцере* (12) и подобных — несомненна: они по законам языкового развития не могли возникнуть ни в одном славянском языке, и не случайно, например, слову *честь* в древнерусском и старославянском соответствует *чьсть*, в чешском *čest*, в польском *część*, в современном болгарском *чест*.

4. Весьма странна судьба носовых звуков *ę—g*, обозначавшихся в кириллическом алфавите посредством букв *а* и *ж* еще долгое время после своего исчезновения. В древнерусском языке носовые гласные, как сейчас полагают, отсутствовали, а буквы *ж* и особенно *а* употреблялись по традиции, как результат следования старославянским оригиналам. Вопреки этому, язык ВК сохраняет носовые, но обозначает их не буквами *а* и *ж*, которых его орфографическая система вообще не знает, а диграфом *ен*. Уже это странно: следовало бы ожидать различных написаний для *ж* и *а*. Приведем такие сопоставления: *пентократо* (3а) — *пѣтъ*; *десенте* (4б) — *десѣтъ*; *ренка* (4б) — *рѣжа*; *голомбъ* (4в) — *голъжбъ*; *до стѣнге* (7в) — *стѣгъ*; *зѣнбы* (7г) — *зѣжбъ*.

Но, быть может, ВК, сохранившая обозначение произношения (!) носовых, тем самым утверждает свою древность, но тогда чем объяснить, что два разных звука — *g* и *ę* — обозначаются в ней одинаково? Иными словами, как отметила еще Л. П. Жуковская, «писавший дощечки не имел в своем произношении носовых звуков, но слышал о них и потому употреблял сочетание *ен*, как если бы носовые были. . . В результате появились несочетающиеся между собой принципиально разные закономерности: 1) как будто уже начался процесс утраты носовых гласных, причем носовое *o* совпало с *y*, а носовое *e* с *e*, то есть как гораздо позднее будет в сербском языке; 2) как будто носовые были акустически очень близки (*менж* и *гренде*), как в некоторых позициях станет позднее в польском языке; 3) как будто процесс утраты носовых гласных проходил не как фонетический, а как лексический, то есть свойственный отдельным словам».⁵⁸ Это последнее замечание относимо не только к лексемам, в составе которых содержались в древности носовые звуки: создатель ВК не знает законов развития языка, и поэтому во многих случаях в разных словах, но в одинаковых фонетических позициях мы встретим взаимоисключающие по фонетической природе написания.

5. Древнерусский язык, в отличие от западнославянских языков, передавал общеславянское сочетание *kv как *цѣ-*, а *gv как *зѣ-*. В западнославянских языках это сочетание оставалось неизменным. Но во ВК мы встречаем и те и другие формы, что для одного и того же языка невозможно: *квѣнте* (7е), *квѣтицъ* (11б), *цѣтѣ* (8), *зѣздицъ* (11б).

Итак, обзор даже некоторых особенностей «фонетической системы» языка ВК убеждает нас, что не мог существовать язык со столь непоследовательной, противоречащей всем представлениям об истории славянских языков системой. Это искусственный язык, сконструированный к тому же крайне неграмотно и непоследовательно.

Обратимся теперь к грамматическому строю языка ВК. Здесь необходимо вспомнить о суждении С. Лесного: «Особенностью языка Влескниги, говорящей в пользу ее глубокой древности, является то, что склонение существительных и прилагательных является весьма зачаточным, примитивным, подобным тому, что мы встречаем в языках иностранных. Склонение основывается не столько на изменении флексий, сколько на изменении предлогов, стоящих перед словами».⁵⁹ Полная лингвистическая

⁵⁷ Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. чл.-кор. АН СССР О. Н. Трубачева. М., 1977. Вып. 4. С. 28.

⁵⁸ Ф и л и н Ф. П., Ж у к о в с к а я Л. П. «Влесова книга. . .» Почему не Влесова? С. 115.

⁵⁹ Л е с н о й С. Влесова книга. С. XX.

некомпетентность С. Лесного предстает в этом суждении чрезвычайно наглядно. Он не знает, что аналитический строй некоторых современных «иностранных языков» (имеется в виду английский?) — это результат изменений, произошедших в средние века. Древнеанглийский язык, так же как и древнеславянские, был языком флективного строя. С. Лесному неизвестно, что уже общеславянский язык обладал четкой и последовательной грамматической системой.⁶⁰ «Примитивность» грамматического строя ВК — не результат ее древности, а результат примитивности воззрений на историю языка ее создателей, отражение их стремления нагромождением несуразностей придать памятнику «архаичный вид». Приведем несколько примеров.

На дощечке 7д мы читаем, например, фразу: *топто ма(т)ырьсва бящеть крыдлема о труды ратне а славе воіом якове іспіяхша воде живе. Матырсва* — постоянный персонаж ВК, это, видимо, чудесная птица (или божество), которая воспевает победы русичей. Итак, *матырсва бящеть* крыльями. Форма *крыдлема* — это творительный падеж двойственного числа, но, произведенная от слова *крыло*, она имела бы форму *крылома*. Однако автор ВК предпочел придать слову западнославянскую форму (ср. старопольское: *krzydło*; чешское: *křídlo*). Странно сочетание *о труды ратне*: по смыслу здесь должна быть форма местного падежа *о трудѣхъ*. Еще более удивительно, что определение не согласуется с определяемым существительным: следовало бы ожидать *труды ратны*. Форма *славе* находится в сочинительной связи с *труды* (союз *а* в ВК, как правило, употребляется в соединительном значении), но здесь перед нами уже форма местного падежа (впрочем, следовало бы — *о славѣ*). Что за форма *іспіяхша*? Если это аорист, то слово читалось бы как *испиша*, если имперфект, то *испиаху*. Сочетание суффикса имперфекта *ях* и окончания аориста *ша* — невозможно. Глагол управляет существительным *вода*. Но как? Мы ожидали бы либо форму винительного падежа — *воду живу*, либо родительного части — *воды живы*. Форма *воде живе* (вместо *водѣ живѣ*) — местный падеж единственного числа — совершенно неуместна.

Подобные примеры — грубые нарушения грамматической системы — мы встретим на каждом шагу. Это и невозможные в языке глагольные формы: *бяхехом* (7б), *варензе ведле наше вое* (7в), *изроняшехомо* (7в), *побѣдате врази* (7д), *легнь суне спате* (7ж), *грм грмыцаеть* (8) и др. Это и неверное управление: *зовенхом. . . вутце наше* (7в), *ідьема до. . . небі* (7э), *ідяшете до земе* (7э), *пря влика о брезѣх море годьстѣ* (9), *готіем обрацете стрела сва* (13), *творящете земе нашіу* (17а) и др. Это и отсутствие согласования у прилагательного с определяемым им существительным: *шед за отце наша* (7в), *вендле троянь валу* (7ж), *колніті главе сва* (6в), *о седмѣ рѣцѣх* (9а) и т. д. Причем изобретательность создателя ВК в создании подобных неправильных форм крайне ограничена. Он любит, например, флексию *е* и употребляет ее особенно часто: *та бо рієка есе до мрнже тецѣі* (5а), *а крве ліаша* (5б), *преленте. . . птице бжеска* (6а), *вельце снезе* (именительный падеж! — 6а), *вед ю на нове земле* (6б), *изволокиша меще* (6в), *рѣнице ренбы*⁶¹ *пъльнѣ* (9б), *два дщере* (16), *траве све. . . хранете* (17б) и т. д.

Отметим также большое число различных слов в ВК — сербских, польских, украинских, чешских и т. д. Причем это отнюдь не слова древнесербского или древнепольского языка, появление которых в языке ВК еще можно было попытаться как-то объяснить, а именно современная лексика: таково слово *сунце* (солнце), напоминающее современное сербскохорватское слово *сунце*; болгаризм *земя*, слова, напоминающие (по произ-

⁶⁰ Ср. обстоятельное описание грамматической системы общеславянского языка в классическом труде А. Мейе «Общеславянский язык» (М., 1951).

⁶¹ Эта форма могла бы, согласно орфографии ВК, появиться вместо *рѣба* или *рѣба*, но не вместо *рыба*.

ношению) «полонизмы» — *морнже* (*morze*), *одповендехом* (ср. *odpowiedać* — отвечать), *згинеццешш* (ср. *zginąć* — погибнуть), *менж* (ср. *maż*), *гура* (ср. *góra*) и др.

Иными словами, анализ языка ВК не оставляет ни малейших сомнений в том, что перед нами искусственный и крайне неумело сконструированный «язык», создатель которого руководствовался, видимо, лишь одним правилом — чем больше несуразностей окажется в тексте, тем архаичнее он будет выглядеть. На каких читателей рассчитывал он, столь наивно полагая, что грубая подделка кого-то сможет ввести в заблуждение при высоком уровне развития славистики, — сказать трудно. Но нельзя с огорчением не отметить, что такие наивные читатели все же обнаружили.

История славян по «Влесовой книге»

С. Лесной восхищался ВК: «В дощечках Изенбека все оригинально и непохоже на нам уже известное».⁶²

Прочитав эти восторженные строки, читатель ждет, что ВК действительно познакомит его с богатой событиями историей древних славян, которая в своей древнейшей части оставалась неведомой науке. Но его ожидает разочарование. Все исторические сведения ВК, как мы увидим далее, весьма кратки, крайне невразумительны и чрезвычайно противоречивы, разительно отличаясь от стройных концепций, излагаемых любой из известных нам славянских летописей и хроник. Чтобы все могли убедиться в этом, приведем далее фрагменты из ВК, которые в совокупности своей охватывают все (если не считать некоторых мелких фрагментов, повторяющих уже ранее сказанное), что говорится в ВК об истории славян. Мы приведем эти фрагменты в переводе Б. А. Ребиндера, который, как уже говорилось, любезно предоставил нам свои материалы: ксерокопии текста, перевода и комментарий к нему.

Выбор перевода сделан нами не случайно: Б. А. Ребиндер — безусловный сторонник древности ВК, к тому же он сообщает, что опирался в своей работе над переводом на предшествующие переводы на украинский и русский язык, осуществленные Кирпичем, Лазаревичем и Соколовым.⁶³ Цитирование ВК по переводу Ребиндера избавит нас от возможных упреков в том, что наш перевод (если бы его удалось осуществить с крайне неясного и невразумительного текста ВК) неточен, тенденциозно искажает оригинал и т. д. Точность же перевода Ребиндера читатель может проверить сам, сопоставив его с приведенными выше текстами ВК. При этом, однако, следует учитывать, что Б. А. Ребиндер осуществлял свой перевод с текста, опубликованного в «Жар-птице», тогда как мы публикуем текст ВК по машинописи Ю. П. Миролюбова. Но разноречия этих текстов в их общей части (мы помним, что в машинописи есть ряд добавочных, сравнительно с публикацией, фрагментов) в основном носят орфографический характер и существенно не влияют на смысл текста. Перевод Б. А. Ребиндера мы приводим без изменений, сохраняя орфографию автора, но унифицируя пунктуацию. Все пометы в тексте — знак вопроса в скобках, многоточия, подчеркивания, пояснения в скобках — принадлежат Б. А. Ребиндеру.

Дощечка 2а («русь потятя бя. . . подобі соуते»)⁶⁴

Но борусь и русь были сражены рукой вражеской, и они творили злодеяния. . . И князь был тот немощен и послал сынов своих в битву, и враги их победили, потому что они не соблюдали того, что было провоз-

⁶² Влесова книга. С. 29.

⁶³ Ребиндер. Р. 14.

⁶⁴ Перед каждым фрагментом перевода в скобках приводим соответствующий ему текст дощечки. В данном случае в машинописи отсутствуют слова «а боусі», которые есть в публикации и отразились в переводе.

глашено на вече. Потому они были разбиты и взяты (*вероятно*, одерене, а не одарене). И не так ли мы говорим теперь: «У нас есть князья, и им надлежит ходить, чтобы добывать землю для нас и для наших детей». А там греки напали на них, так как боруссы отделились от них (?) И была сеча великая со многими меченосцами (?) Сто раз Русь возникала и сто раз была разбита от полуночи до полудня. И так как наши праотцы разводили скот, были уведены отцем Орием в край русский, потому что, оставаясь, перенесли много страданий и не могли перенести раны и холод, потому они ушли оттуда и поселились земледельцами на землях русских. Все это произошло за две теме до суть (?). А после двух темей пришли воряги и стали забирать в свои руки земли от хозар. На них мы работали, будучи разбиты. И еще был народ скильмерский и имел от ста до двухсот курней. И так как наш народ пришел в русские земли позднее, он селился промеж ильмерских, и они нам подобны и как братья. И даже если бы они от нас отличались, они нас хранили от зла. Они имели вече. И то, что было постановлено, должно было быть провозглашено и принято за истину. А то, что не было постановлено, не должно было быть. . . Избирали князей от полюдья до полюдья, и так мы жили, а мы им приносим помощь, потому что мы очень (*слова не хватает*) и умели выжигать сосуды в очагах, и мы хорошие гончары и хорошо пашем земли, а они умели хорошо разводить скот, как и отцы наши. . . Пришел род зол и напал на них.

Дощечка 26 («бяхом понузені . . . скоті мнозі»).

И потому мы были принуждены удалиться в леса и там живем охотниками и рыболовами, чтобы мы могли уклониться от забот. Так мы прожили одну тему и начали строить города и повсюду складывать избы. Во время второй теми настал великий холод, и мы отправились на Юг, потому что там места злачные. А там римляне забирали наш скот по цене, на которой мы условились (?). А может быть: «решили идти туда, где держат слово» и отправились на Юг, где много травы, и было у нас много скотины.

Дощечка 4а («ато бяц в ступѣх . . . а вѣлзі русколунь»).

И тогда в степи был болиарин скотен (богатый?), и он не подвергся власти хозар. Будучи (?) иранцем, он попросил помощи у иранцев, и они прислали конницу и побили хозар. О том говорят, что некоторые воины были русскими, и те русские воины остались под хозарами, а тот, кто добрался до града Киева, там поселился. А те русские, которые не захотели быть под хозарами, ушли к Скотеню. И так Русь собиралась на равнине. Иранцы издревля с нас дани не брали и также давали руссам жить по-русски. А хозары брали на работу свою и в дань детей и жен и очень зло били, причиняя зло. И тогда готы напали на Русь недалеко (?) от Скотеня. Он вооружился, и пращурьы наши выступили против них, и тогда иранская конница атаковала, и готы были разбиты и бежали с поля, ибо русская кровь лилась. Земля была красной егунами (?). Русские заняли землю готскую, и мечами уничтожили всех, и земли их присвоили (?). И тут хозары вдруг напали на нас, потерявших вече. И тут русские бросились в бой, как львы, говоря: пропадем, если Перун не заботится о нас (не дба?). И тот им помог. И готы были побеждены, и хозары первые пришли к Руси (?) и первыми были разбиты, и тогда Русь утихла от них и сказала: «Что же теперь будет?» Ибо хозары убежали к Волге от Дона и Донца и там им стало стыдно, и, сказав это (?), их воины побросали свои мечи на землю и побежали куда глаза глядят. И тогда готы покинули место и отошли к северу и там, идя дальше, исчезли. А Русь расположилась (?) на этих землях взятых и реками русской крови политых (?). И сказала милость божеская: «Похвалим Дажьдбога нашего и Перуна за то, что был с нами». И так впервые воспели славу богам на земле, которой с тех пор

нарекли Русколань. Да и земля эта очень заботилась (?) о том, что происходит на земле нашей. И хозары боялись подойти к земле нашей и никогда больше не нападали на Русколань.

Дощечка 4б («за десенте век. . .вчера бя по. . .годі»).

За десять веков забыли своих (?), и так роды жили особыми племенами, и так одних называли поляне, а на севере древляне. Это все русские из Русколани, которые отделились иако сумеве, и от этого пришла на Русь усобица. А после второго тысячелетия подверглись разделу и убыло самостоятельности и пришлось платить дань чужим, сначала Готам, которые «крепко обдирали», а затем хозарам, которые убивали. Явился каган, и он нам не благоволил (*почему-то два раза*). Сначала были гостями (торговцами) на Руси, сначала были красноречивые, а потом стали злыми и стали русских притеснять. Мы же сказали: куда же нам идти от них? Где же мы будем вольными (?). Мы очень сиры, и рука божеская отвернулась от нас за то, что за 20 000 (?) не смогли вместе ужиться на Руси и туда пришли воряги и забрали эти места, они и сыны. Ибо Русь создавалась от севера, потому что у нас не было возможности. Создали в лесах Ильмерских, так как там была небольшая часть, выгнанная из Киева (?). Ибо там уселись воряги, которые хищники, которые повесили свентояров (?), чтобы мы видели тело того боярина Гордыню нашего, который поразил готов со Скотенем, и были эти славные деяния от приходу словенских людей на Русь десентеста третьего лета (?), ибо вдруг (?), грабя, напали на нас. А это было когда (?) Свентояр, один из князей, которого выбрали из боруссов (?) нам в Русколане. И он, взявши русколанцев и алан (?) и боруссов, вооружил их и пошел на готов от Воронежда м. . .к. . ., и было там десять теме отборных конных воинов и никаких пеших, и так бросился на них. И там была сеча злая и короткая, и та усиливалась до вечера. И готы были поражены.

Дощечка 4в («русъ бо усрія. . .намо у помоці»).

Русь устремила взор (?) на ту землю. До этого в Киев пришли воряги гостями и побили хозар. Хозары попросили помощи у Скотеня. Скотень это отверг и сказал: сами себе помогайте, потому что вам в Русколане нечего делать (?) около нас (?) И бросилась эта сила на земли Воронежда. Воронежец был уже за много веков построен и окреплен от окрестных нападений. Тогда воряги пошли к Воронежду и его взяли, и так была Русь отгорождена от запада. И некоторые пошли на юг к Сурож-граду и утвердились (поселились) там, где у греков укрепленный город Сурожь. Болгарин Криворог был тогда русским князем и выпускал белого голубя. Куда он полетит — туда идти. А тот полетел к грекам. Криворог напал на них и разбил их. И тут греки, как лисица, хвостом вертят, давали Криворогу золотое руно и куски серебра, и Криворог остался в Суроже. Они же греки были на Колунех. Криворог согласился, чтобы русские отворились. И тогда греки напустили на него воинов в железных (бронях) и побили его. Много русской крови упало на землю, но она от этого не стала русской (?). Ильмерцы сказали, что вы глушцы, мы бы прибежали к вам на помощь. Отдадим должное почтенье памяти их, так как они русские земли улучшили. И они свои для наших старцев (?), которые потеряли силы Руси в сраженьях с нашими врагами, и кровь их удобрила земли наши, так как они никаким другим богам, кроме Перуна, не посвящают свои мечи прикования (?). Мы же их позовем себе на помощь. . .

Дощечка 4г («из тея темъ . . .стл русек. . .»).

И пришло в ту пору злое племя даково, и это злое племя на наших пращуров набежало и напало, и многие бежавшие были замучены, и тогда старец Орь сказал: «Уйдем из земли, где наших братьев убивают». А то они старца убьют как коров и овец (?) и, укрыв часть нашего скота, убьют де-

тей. Как только старец сказал это, мы ушли в другие земли, в которых текут меды и молока, и эту землю искали. Все три сына Ория были Кий, Пашек и Горовато, откуда произошли три славные рода, и так они были храбрыми вождями дружин. И так они сажались на коней и поехали д. . . а за ними шли дружины юношей, скот и коровы, повозки с детьми, охраняемые старцами, и тоже установившие люди (?), и шли к морю на юг (!) разя врагов мечами. Шли к горам великим, к почвам травным, где было много злаков, и там усвоились. Кий, который был старшим (пошел) к Киеву, который был стол (столицей) русских?

Дощечка 5а («сподробенце се. . . богаце живхоста»).

О подробности о том, как мы начались в окрестностях (?), скажем так: за тысячу пятьсот лет до Дира пошли наши прадеды к горам Карпатским, и там уселись, и жили кладно (спокойно!). Потому что роды управлялись Отцами родов, а старшим в роде был щеко од ориан, он воевал (?), ибо Паркун нами благопочитался, и мы здесь очутились, и так нам жилось 500 лет. И тогда мы ушли к восходу солнца к Непре (Днепру). А эта река гечет в море, и мы на ней уселись на севере, которая называлась Припять Днепра (*якр бо вутце сон. . . ?*), и там поселились и управлялись вечем 500 лет. И так были охраняемы богами от многих, называемых языгами. Там было много ильмерцев, которые там осели крестьянами. И так мы разводили скот в степи, и там были хранимы богами, и можно так сказать (*иако ор рце*), как сказал Орь — «Отдохни и получай деньги и много золота» — и жилось богато.

Дощечка 5б («сице се іезенце. . . живуте нове»).

И вот враждебное племя отошло на юг и оставило нас одних, и так пошли на пастбища скота и своих говяд, и тут множество пролетающей птицы возвещало, что нападают (набегают) на них? И тут галки и вороны летели за едой, и было в степях много еды, потому что племена костобоких напали на них? И так открылось много ран, и кровь лилась. И те «внезапно» отсекали головы врагам своим, и это была для ворон еда. И так стробы (ураганы) свищут в степях и бури гудят до полуночи. Было опасно для нас. И была тут сеча великая. Языцы и костобоки сражались со злыми убегающими (?) и ворами наших коров. И так продолжалась борьба эта двести лет, и тогда наши родичи были принуждены идти к ляхам, и там осели за сто лет до готов Ерманариха, и те озлобились на нас. И тут была борьба великая, и готы были поражены и отогнаны к Донцу и Дону, и Германарех пил вино «любобратства», а затем увел воинов от нас и так устроились, что те живут по-новому(?).

Дощечка 6а («од орие то се. . . тляте а се палити»).

От Ория — это наш общий отец со борурами, и от Волги до Днепра оба эти рода управляются старшинами и вечем. Каждый род назначает себе старшин, которые (суть) правящие, когда же дело дойдет (?) до борьбы, тогда у них есть князь, вождь, ведущий воинов, чтобы защищаться от своих врагов во славу Перунову, и так помощь Дажьбогова вернется к нам. И так была земля эта из-за руссов и боруросов чистой (?) от борьбы — а непрестанная война была во всяк час, и часто воевали под натиском врагов, чтобы она не была сокрушена (?) окончательно. И тут Иерманарех шел к Дону и напал на них, и так мы были побеждены. И пришлось нам из-за готов (?) между двумя пожарищами тлеть и обжигаться.

Дощечка 6б («себто по сто. . . ополонце а полдене»).

Это было через сто двадцать лет. Готы бились позади нас с гуннами (?), и отошли к северу между Волгой и Двиной, и там осели (?) (*посадне*). Иерманарех и Гуларех вели их на новые земли, потому что гунны со своими грязными говьядами стояли в том краю. Там было много коней и коров, трава обильная и вода живая. Тогда Гуларех привел новые силы и отра-

зил гуннов (*заглаве?*). Многие набежали на нас. Тут наши родичи поседали на коней и на них (?). Злая сеча была там в течение тридцати дней, и русы пустили (?) готов в свои земли (*далее буква пропущена — непонятно*). Тяжелые времена настали. Напали на них римляне. . . со всех сторон (?), и готы с севера и с юга.

Дощечка 6в («т(о?) се заяви. . . раздирашети борусене»).

Замерещилось из Яви (?) — стали строить города Хорсунь и другие воздеяния (?). Русколань не была разорванной смутами и стала создаваться на Юге, а борусы на Севере многое претерпели, потому что (*породице?*) не хотели, чтобы русские роды соединились на Русколане. Потому что два рода оборонялись в Сурожи, Сурожь называлась Русь и Борусь. И так эта прабория и долгая вражда между родами раздирала этих борусов.

Дощечка 6д («так бѣхом сте. . . а русколане»).

И так мы дознались наконец, откуда мы (?). И тут болиарин Гордыня, который побил готов, Триедорей а десенте сто третьего года от исходу Карпатского. И тот как Триедорей (?) пошел на них без страху. А болиарин Сегения, который убил сына Иерманареха и ребенка Гулареха, пошел к Воронезю. Там создавалась Русь, Боруска и Русколань.

Дощечка 6е («ті щасе соуте велма. . . яко прасете устршены»).

Погода стояла очень пречистой (безоблачной), и в тот день (где) мы (там, где мы были) ясной, и засуха была страшная (зурива). И жатва не уродилась, и потому мы ушли на другую землю и там осели. Русь была побеждена греками и римлянами, и те шли по берегам морским в «Крым» и там образовали Сурожь. Край этот солнечный. И то, что создавалось Киеву, не годилось и сильно (зеле) противило. Здесь впервые воряги пришли на Русь. Аскольд силой погромил нашего князя и покори́л его. Аскольд, а позднее Дир уселись у нас как непрощенные князья и стали княжить над нами, и даже стали вождями «а семе го костыре» хранящего Огнебога дома, и потому он отвратил лик свой от них, так как эти князья были греками окрещены. . . Аскольд темный воин, и теперь ему греки объяснили, что никаких Руссов нет, а вы варвары. А нам это смешно, потому что отцы наши были кимрами, и они Рим потрясали и греков разметали, как испуганных поросят.

Дощечка 7а («слава бзем нашим. . . а отрцахом»).

Слава нашим богам. У нас вера правая, которая не требует человеческих жертв. А это делается у ворягов, которые издавна приносили жертвы, именуя Перуна Перкуном, и ему жертвовали. Мы же смеем давать жертвы полевые от трудов наших: просо, молоко, жиры и на Коляду подкреплять ягненком, а так же на Русалии, день весны, и на Красную горку. Это делаем в память нашего исходу от Карпат. В те времена наш род назывался карпами. Потому что от страха мы жили в лесах, наше название древичи, а на полях наше имя было поляне < . . . > ⁶⁵ А во времена Готов и появление ворягов избирался Князь в вожди, и тот вел юношей в злой бой, и тут римляне, поглядев на нас, замыслили злое на них, и пришли с колесницами и со своими железными бронями, и напали на нас, и потому мы долго оборонялись от них, а отрцахомсеме (отбились?).

Дощечка 7б («а роміе венде. . . понеъшія сен о ны»; «а не дахом сме земле наше. . . до дому я»).

И римляне знали, как мы дорожим жизнями нашими, и оставили нас. И тогда греки захотели отобрать у нас Хорсунь, и мы сражались, чтобы не попасть в рабство. И борьба эта и сраженья великие продолжались тридцать лет, и они оставили нас < . . . >

⁶⁵ В переводе мы опускаем фрагмент, которому в тексте соответствует отрывок: «тако вшыко еже есе. . . о щас а слову рѣкста».

И не отдадим землю нашу, как мы не отдали землю Троянову, и мы не дадимся римлянам, чтобы не восстала обида Дажьбоговым внукам, которые с оружием поджидали врагов, так и сегодня мы не заслуживаем хулы, как и отцы наши, которые, загнав готов к берегу моря, одержали там победу над ними. Песни хвалы и мать (сва) боет, и эта прекрасная птица, которая несет пращурам нашим огонь в дома их.

Дощечка 7в («А интра иде за не. . . засеце средьце наше се крві»).

И интра шел за них, как он ходил за отцов наших на римлян в землю Троянову. И не имело бы смыслу, если бы Воряги вели наших воинов на Одоакра (?), мы и сами можем (их) вести. Тысячу лет отбивались от римлян, готов и сурпан (?), и так было с незапамятных времен, так как готы соединились с гуннами. И Галарех напал на них с севера, а гунны с юга, и тут заплакала Русколань (и?) Борусь, потому что гунны сошлись с готами. И тогда Русь собрала свои силы и отразила гуннов, образуя край антов, а «скуфь Киеву» (?), и доселе наше сердце кровью обливается.

Дощечка 7г («наше мета оуцещешетесія. . . а просте сврга неімахом нище кроміе смрте»).

Наше мета умножилась, но мы не собираемся, и так за 1300 лет до исхода из Карпат злой Аскольд напал на нас, и тут был изгнан (?) народ мой, и юноши добровольно пошли под стяги наши, а то (?) их забирали враги на Руси. Могуч Сварог наш и не боги иные, а просто Сварог, и ничего для нас, кроме смерти.

Дощечка 7э («а інех жітве то. . . а реше сва поленше»).

С теми мы не боимся смерти, потому, что мы потомки Дажьбоговы, нас породившего через краву замунь. И потому мы кравенцы скуте (?), анты, русы, борусины и сурожцы, так мы стали дедами русов и с пеньем идем в синее небо Сварогово. В старые времена рыбоеды остались, не хотя идти в наши земли, говоря, что им и там хорошо, и так они погибли от своего (желания) не плодиться с нами и померли, потому что от неплодных ничего не осталось. И неизвестно об отцах (?) тех костобоких — кто они. Они ждали помощи от неба и сами не стали об этом (?) трудиться, и вышло, что они (?) были поглощены лирами. Тут мы скажем, что это правда, что ничего не осталось (?) от этих двух, так лирове были поглощены нами, и больше у нас их нет! А дулеби были нами отведены на Борусь. Мало осталось леров, потому что они (?) называются ильмерцами, и те как-то уселись около озера, и тут венды еще уселись дальше, а ильмерцы остались там, потому что их осталось мало, и говорили, что их поле наше.

Дощечка 7з («якове не ленщешуть. . . доцеле сен русе»).

А тот, кто не лишится в сечи своей молодой головы и уберезет ее до того дня, когда чехи (?) ушли на закат солнца со своими воинами и хорваты взяли своих воинов. Тогда другая часть чехов селилась с русами, и так их земля не отделилась и с ними образовалась Русколань. Кий уселся в Киеве, и мы ему подчинились, и с ним вместе (*доцеле*) образовалась Русь.

Дощечка 9а («о тої щяс бя богумир. . . якове о сѣщѣ падышя»)

В те времена был Богумир, муж славы, и у него было три дочери и два сына. И они разводили скот в степях и там жили, научившись этому от отцов, и были они богам послушны и разумом понимающим. И так мать их, которую звали Славуня, потому что она для них приготавливала то, что им было нужно, сказала Богумиру на седьмой день (?): «Нам надо выдать замуж дочерей и чтобы мы увидели внучат». И как сказал, так запряг повозки и поехал куда хотел(?), и приехал к дубу, стоящему в поле, и остановился на ночь у своего костра (?). И вечером увидел трех мужей на конях, к нему стремящихся, и сказал им: «Будьте здоровы и что вы ищите?» И Богумир поведаль им о своей заботе. А они отвечали, что они сами в походе, чтобы найти себе жен. И воротился Богумир в свой степи и привел трех мужей дочерям своим. И от них пошли три рода, и были они славны

потому, что от них исходят древляне, кривичи и поляне, потому что первая звалась Древа, вторая Скрева, а третья Полева. Сыны же Богумира звались Сева и младший Рус. От них исходят северяны и русы. Эти три мужа были вестниками — утренний, полуденный и вечерний. И образовались роды те в Семиречье, где мы жили за морем в краю зеленом, куда мы гоняли скот прежде исходу к горам Карпатским. И было это за тысячу триста лет до Иерманариха. И была в те времена борьба великая за берега Готского (Черного?) моря, и там наши праотцы накидали курганы и на них белые камни, под которыми они погребли болиаров (воинов?) и вождей, которые пали в сечи.

Дощечка 9б («придоця из крае зелена. . . уж николибва»).

Придя из края зеленого к морю Готскому, и там наткнулись на готов, которые нам путь преграждали, и так мы сражались за те земли и за наше житье. А до этого были наши отцы на берегах моря по Ра реке и с большими трудностями переправили своих людей и скот на сей берег, идя к Дону, и там, увидя готов, пошли к полдню к Готскому морю и увидели вооруженных готов, стоящих против себя. И, видя это, были принуждены биться за возможность жить (?) и за жизнь свою. А так же гунны шли по следам отцов и, нападая, забирали людей и скот. И тогда род славен ушел в земли, где солнце спит в ночи, и где много травы и жирные луга, и реки полны рыбы, и где никто не умирает. Готы были еще в краю зеленом и немного опередили отцов наших — Ра река (Волга) великая отделяет нас от других людей и течет в море Фасисте. И вот муж из роду Белояру ушел на сторону Ра реки и опередил там гости синьсте, идущих к фряженцам — т. к. егуны на своем острове поджидают торговцев, чтобы их ограбить. И было это за полстолетия до Алдореха, а еще раньше этого был род Белояров сильным — гуннские торговцы оделись как Белояровы мужи и сказали, что дадут ему серебро за то и два коня золота, и пошли по этой дороге, избежали опасности гуннов и прошли мимо к готам, которые тоже стараятся достать ткани (?), и питье, и кони у них бесчисленны, и дань берут дважды — и потому торговцы, которые ехали к нам, повернулись и уехали в Китай и больше никогда не пришли.

Дощечка 10 («а по богумиру бяща орие . . . отуду до русе»).

А после Богумира был Орий со своими сынами. А когда егуны затеяли великую войну за образование своей земли, они ушли вон оттуда на Русь.

Дощечка 15а («понехще идьшиа до илмерезера . . . и скуфе биа»).

И оставив их (?), пошли к озеру Ильмень и там основали город Новый и там пребываем, и тут первого пращура Сварога молим среди рождающихся родников и усердно просим, ибо он источник нашего хлеба Сварог, иже сотворяет свет. Он бог света и бог Правы, Яви и Нави. Ибо мы в них верим (воистину?), и эта истина (вера) наша переборет силы темные и ведет к благу. Так же как к этому вела (*ове вендле*) праотцев творя осем? Зная, что воины на белых конях вышли из края Семиречья до гор Иранских (?) и Загорья, и эти шли век (?) и там, оставив их, ушли в Дворечье, отбиваясь от тех своей конницей и пошли в землю Сирийскую (?) и там остановились, а после шли высокими горами снежными и ледяными и повернули к степям стада свои и скотину.

Дощечка 17а («и се бящете кнъзеве. . . одестрщене бяще»).

И так были князья Славен со братом его из Киева (?), и вот борьба велась великая на востоке, и так они сказали: «Пойдем в землю Ильмерскую». И так они пошли, а он был стар и сына своего оставил старцу Ильмеру, а затем пошел на север и там свой город Славен основал, а брат его Скуфе был у моря и был стар и имел сына своего, привел (с собой?), а после него был внучек, который был владельцем южных степей. И крови много проливалось там, и об этом была борьба великая за посев и пахань (?) по обе стороны Дону и до гор Русских и до пастбищ Карпатских и там рязили,

потому что образовали кола, и он был для них вождем, и тоже врагам отпор творил, и этим поразил их и отбился от них с (своим) родом и там рядил, и вече созвал единое, образуя землю нашу, и так «стояла» земля наша в (у *Б. А. Рибиндера* — а. — *О. Т.*) течение пятисот лет, а затем опять возникла между русичами усобица и возрождалась, и этим они потеряли силу, имея эти соубое и свое възслаждение. И тогда враги напали на отцев наших с юга и сразились с Киевскою землею (?) за побережье морское и за степи. И тогда они (враги) отошли на юг и сразились с Фрягами, и те пошли им на помощь врагам и Скуфь очутилась в сражении с врагами и пересилила их, и это были гунны справа на Русь наступающие, и в тот раз они были отбиты.

Мы привели, надеемся, достаточное количество фрагментов перевода, чтобы читатель получил представление и о характере повествования ВК, и, самое главное, о ее историографической концепции. Не беремся судить о правильности перевода (на наш взгляд, точный перевод этого искусственного и умышленно деформированного текста вообще невозможен). Наша задача иная: рассмотреть содержание ВК, каким оно видится сторонникам ее подлинности, и проанализировать, что же сообщается в ней об этногенезе славян и их истории за 1800 лет — от времени Богумира до Аскольда, Дира и Рюрика, т. е. с 9 в. до н. э. по 9 в. включительно. Вероятно, это сообщение может удивить тех читателей, которые, ознакомившись с журнальными публикациями о ВК, ожидали найти в ней связный и последовательный рассказ об истории «русичей». Дело даже не в том, что историография ВК самым коренным образом расходится с нашими научными представлениями об истории Европы в античности и раннем средневековье (это признают и защитники ВК, но утверждают, что именно в этом состоит ее ценность). Речь пойдет сейчас о другом. Даже допустив, что ВК излагает действительную историю «русичей», и полностью доверившись этому сомнительному источнику, мы все равно встретимся с неразрешимыми противоречиями. Историографической концепции у создателя ВК собственно нет: он предлагает ряд взаимоисключающих версий, изложенных при этом крайне невнятно. ВК поражает своей убожеством: ничтожным количеством сведений, конкретных фактов, обилием повторов одних и тех же коллизий, которые уже при самой осторожной проверке обнаруживают свою полную псевдоисторичность. Поэтому стоит рассмотреть подробнее историографическую концепцию ВК саму по себе, без сопоставления с традиционными историографическими представлениями. Уже на этом пути мы обнаружим полную научную несостоятельность нашего «источника».

Начнем с того, что восхитившая поклонников ВК история Богумира и его детей, от которых будто бы произошли древнерусские племена — древляне, поляне, кривичи, северяне и русы,⁶⁶ история, которую считали легендарной даже С. Лесной⁶⁷ и Миролюбов, по сути дела оставлена как непригодная даже в самой ВК: на дощечке 10 потомком Богумира назван один Орь, от которого пошли «три рода» (см. дощечку 4г). Какие это роды или племена, понять трудно: с одной стороны, говорится, что Орь «отец» русов и борусов (см. дощечку ба; эти племена упоминаются в ВК неоднократно), с другой — выясняется, что у Оря были три сына: Кий, Пащек (Щеко) и Горовато (Хорев) — об этом говорится на дощечках 4г и 3ба, причем имена двух сыновей, как видим, варьируются. Из дощечки 3ба следует, что Пащек-Щеко — праотец чехов, а Горовато-Хорев — хор-

⁶⁶ Убедительную критику этого построения с точки зрения принципов средневековых представлений об эпонимах см.: М и р о т в о р д е в В. Н. Еще раз о так называемой Влесовой книге. С. 114.

⁶⁷ Л е с н о й С. Русь, откуда ты? Основные проблемы истории Древней Руси. Виннипег, 1964. С. 262.

ватов. Это ставит нас перед трудноразрешимой дилеммой. Если все же считать, что все древнерусские племена, просуществовавшие вплоть до IX—X вв., произошли от Богумира, то окажется, что от них — древних русичей — произошли и другие славянские народы, в частности чехи и хорваты (ведь Орь — потомок Богумира!). Абсурдность такого допущения очевидна. Неясно также, откуда ведут происхождение русколаны, сурожцы, «ильмерцы», неоднократно упоминаемые в той же ВК. Откуда, наконец, взялся род Кисека (см. о нем дощечки 17в, 35а, 35б)? Словом, «изобретая» свою фантастическую генеалогию, создатель ВК не дал себе труда продумать даже основные ее послылки.

Но продолжим наш анализ. Древляне и поляне, история именованья которых так предельно просто изложена на дощечке 9а, упоминаются в ВК и в дальнейшем. Но там эпонимам дается совершенно иное объяснение. Через десять веков (после Богумира? После Ория?) русичи жили особыми племенами», при этом одних называли поляне, а других древляне (дощечка 4б). А на дощечке 7а уже третья версия: «наш(?) род» когда-то жил в Карпатах, и там русичи именовались карпами, а когда жили в лесах, то получали имя «древичи» (древляне), «а на полях наше имя было поляне». В отличие от некоторых наших легковверных журналистов создатель ВК сам поспешил отказаться от наивной легенды о праотце Богумире.

Попытаемся теперь наложить историю славян, какой она предстает перед нами на страницах ВК, на хронологическую сетку. Речь пойдет опять не о том, что данные ВК абсолютно противоречат данным современной науки,⁶⁸ а лишь о том, что, даже доверившись ВК, мы столкнемся с неразрешимыми противоречиями. Желая потрясти воображение читателя, автор ВК оперирует, как правило, огромными временными масштабами в 1500 лет (дощечки 5а и 7б), 1300 лет (дощечки 7г и 9а), 1000 лет (дощечки 4б, 7в, 8), 500 лет (дощечки 5а и 17а). Совершенно загадочен счет времени «темами». Слово «тьма» в славянских языках имело значение или «бесчисленное множество» или «десять тысяч». ВК употребляет его именно во втором значении, когда сообщает «за две teme до суть» (дощечка 2а; ср. также дощечку 2б), а на дощечке 4а мы встретим слова: «а тако за двадесентъ тысячцѣ лѣтъ».

Совершенно непонятно указание «после второго тысячелетия» (дощечка 4б): от какой же исходной точки начинается в ВК отсчет лет? Известно, что во всех хронологических системах античности и средневековья отсчет времени ведется от древнейшего события (основания Рима, первой олимпиады, «сотворения мира» и т. д.) к последующим. В ВК, напротив, мы находим отсчет лет от последующего события к предыдущему: «за 1500 лѣтъ до Дира», «за 1300 лет до Германариха» и т. д. Укажем еще на некоторые странные временные определения: «и были эти славные деяния от приходу словенских людей на Русь десентеста третьего лета» (перевод дощечки 4б), «а десенте сто третьего лет году от исхода Карпатского» (перевод дощечки 6д). Думается, в хронологических выкладках создатель ВК руководствовался тем же нехитрым правилом, что и в изобретении языковых форм — чем менее понятно, тем больше похоже на «древность».

Приняв версию, что ВК излагает историю русичей за 1800 лет, мы не можем не заметить, что у ее создателя явно не хватило выдумки заполнить событиями столь огромный временной диапазон, и фактически он сообщает сведения лишь о двух периодах — IX—VIII вв. до н. э. и времени начи-

⁶⁸ Достаточно вспомнить, что в начале I тысячелетия до н. э. славяне обитали в Центральной Европе, а не за Волгой, что готы появились в Северном Причерноморье в начале III в. н. э., а не за несколько веков до нашей эры, как утверждает ВК, что гуны на своем движении из Азии на запад «задержались» в Северном Причерноморье не более чем на несколько десятилетий, что воевать с Римом славяне не могли тысячу лет, так как непосредственные контакты их с империей не превышали двух веков, и т. д.

ная с III в. н. э. — времени прихода в Причерноморье готов.⁶⁹ Действительно: Богумир был за 1300 лет до Германариха. Готский вождь Эрманарих погиб в 375 г. н. э., следовательно, время Богумира — IX в. до н. э. На дощечке 6в, в дополнении, читающемся лишь в машинописи Миролюбова, сказано: «. . . от отца Ореа а до Диру бьяста тысенц пятьсенто лято». Если принять за «время Дира» IX в. н. э., — Орь, потомок Богумира, жил в VI в. до н. э. Как явствует из дощечки 5а, за 1500 лет до Дира наши прадеды поселились на Карпатах, где прожили 500 лет, а на дощечке 7г сказано, что от времени «исходу» от Карпат до Аскольда, которого традиционно считают современником Дира, прошло 1300 лет.⁷⁰ Сопоставив все эти расчеты, мы увидим, что они противоречат элементарной арифметике. Перед нами всего-навсего результат небрежности составителя ВК, не удосужившегося проверить точность своих хронологических выкладок, причем некоторые из них (например, упоминание сроков в двадцать тысяч лет) производят впечатление издевательской ловушки для невнимательных читателей.

Увы, обе попытки связать ВК хоть самым произвольным образом с действительной историей начисто разрушаются безапелляционным заявлением ВК, что Орь жил за 1500 лет «до Дира», что не позволяет принять допущение С. Лесного, что «Орь жил в первые века нашей эры» (Влесова книга, с. XII).

В заключение обратим внимание на следующую особенность ВК, также раскрывающую «методику» ее создания. Говоря о длившихся сотнями лет битвах русичей с готами, гуннами, римлянами, греками, автор ВК умудряется избежать всякой конкретности: не назван по имени ни один римский и византийский император или полководец, ни один вождь гуннов, а из готских вождей упоминаются лишь Германарих (дощечки 5б, 6д, 9а, 14, 23, 27), имя которого хорошо известно по разным источникам, и Галарех (?), которого комментаторы ВК отождествляли с вестготским королем Аларихом (ок. 370—конец 410).

Сведения о войнах с Римом и Византией в ВК отсутствуют, и, видимо, не случайно: история этих стран слишком хорошо известна, и любая конкретизация событий грозила немедленным разоблачением фальсификата. Поэтому автор ВК ограничивается лишь общими ссылками на «римлян» и «греков», а из географических ориентиров упоминает лишь хорошо известную по русским летописям и византийским источникам Корсунь (Херсонес), город Сурож (упомягая его в той огласовке, в какой византийская колония Сугдея впервые поименована в «Слове о полку Игореве»), да неведомую «землю Трояню», которую, однако, никак не локализует.

Мы не комментируем такие загадочные сведения ВК, как сообщение об участиях в битвах иранской конницы (дощечка 4а), в то время, когда на Русь одновременно (!) нападали хазары, готы и варяги (дощечки 4а и 4б), как сведения о Набусоре (см. дощечку 6в), как упоминание на той же дощечке «египетского солнцелюба», как появление в IX в. до н. э. китайских торговцев, направляющихся к фрягам (т. е. итальянцам!), о чем говорится на дощечке 9а, как упоминание гор Иранских и земли Сирийской (дощечка 15а) и т. д. Можно было бы думать, что все эти неожиданные историографические мотивы — всего лишь результат неверного перевода весьма сложного текста, но мы увидим далее, что эти упоминания могут все же найти свое объяснение.

⁶⁹ Впрочем, создается впечатление, что автор ВК относит появление готов в Причерноморье к временам Богумира и, вопреки авторитетным историческим источникам, заставляет их прийти туда не с севера Европы, а из «зеленого края» — заволжских степей (см. дощечки 9а и 9б). В то же время (согласно, например, «Гетике» Иордана) готы обитали в Швеции, откуда, переплыв Балтийское море, отправились в район устья Вислы и далее на юг.

⁷⁰ Точнее здесь сказано, что Аскольд жил за 1300 лет «до исхода из Карпат». Но, вероятно, это случайный недосмотр создателя ВК, и он хотел сказать — «после».

Итак, перед нами сочинение крайне примитивное, свидетельствующее не только об ограниченности знаний его создателя, но и об отсутствии у него даже литературной фантазии: не случайно в ВК встречаются постоянные возвращения к одним и тем же коллизиям, к одним и тем же именам и «фактам», без каких-либо попыток представить более конкретную картину событий, охарактеризовать — пусть в типичных для средневековой историографии традиционных «портретах» — исторических деятелей и т. д. Трудно найти среди средневековых хроник и летописей даже самого низкого уровня произведение столь же убогое по мысли, с таким же отсутствием логики повествования, столь же бедное при обращении к конкретным фактам, столь же «безлюдное», столь же лишенное топонимических ориентиров. Словом, и анализ «историографии» ВК говорит о том, что перед нами неудачно смонтированный фальсификат.

Источники «Влесовой книги»

Защищая подлинность ВК, ее сторонники выдвигают, как им кажется, неотразимый аргумент: если автор — фальсификатор, вопрошает С. Лесной, то откуда он мог почерпнуть столько сведений? Он «должен был написать целую историю народа в его отношениях с добрым десятком иных народов: греками, римлянами, готами (годью), гуннами, аланами, косто-боками, берендеями, ягами, осаами, хазарами, дасунами, варягами и т. д. Он также описал взаимоотношения между рядом славянских племен: русами, хорватами, борусами, карпами, киянами, ильмерами, антами, русколунами и т. д.»⁷¹

Мы уже видели, что история этих отношений изложена невнятно, некоторые народы упоминаются всего раз-другой в крайне «темном» контексте, но тем не менее на источниках ВК стоит специально остановиться, ибо экзотические этнонимы и упоминания о неведомых историкам деяниях наших предков завораживающе действуют на иных читателей.

Основные исторические коллизии ВК суть отражение разного рода домыслов и фантазий на темы праистории славян, выдвигавшихся еще в XIX в. и особенно распространенных в кругу русских эмигрантов в 20—50-х гг. нашего века. Ю. П. Миролюбов в своих сочинениях (о которых речь пойдет далее) ссылается на книги и статьи, посвященные этой тематике, в заглавиях которых постоянным спутником слова «история» являются определения «истинная», «неизвращенная», «подлинная» и т. п., иначе говоря, — отличающаяся от научной, документально обоснованной истории славян. Источником некоторых сюжетов ВК могли служить, например, сочинения популярного в прошлом веке, но весьма несерьезного историка Д. Иловайского. В ВК наши предки выступают под именами русколанов или борусков. И у Иловайского мы найдем пространные рассуждения о тождестве роксолан, упоминаемых в греческих и римских источниках со славянами, отождествление роксалан с антами и прямые указания типа «роксаланское или русское племя», «роксаланский или русский народ» и т. д. У него мы найдем упоминания о битвах роксолан-русичей с готами и гуннами, а также с римлянами, найдем объяснения названия Пруссия как «Порусье» и связь этого названия с этнонимом «боруски».⁷² Мы можем прочитать у него, например, что «в течение восьми веков (с I по IX в. — О. Т.) . . . роксаланский или русский народ пережил, конечно, много испытаний и много перемен. Он выдержал напоры разных народов и отстоял свою землю и свою самобытность, хотя и не раз подвергался временной зависимости, например, от готов, гуннов и отчасти от авар». Далее говорится, что роксаланский народ «построил себе крепкие

⁷¹ Влесова книга. С. 30.

⁷² И л о в а й с к и й Д. Разыскания о начале Руси. М., 1876. С. 336—337.

города и положил начало государственному быту с помощью своих родовых князей, из которых возвысился над другими род киевский».⁷³

Составителями ВК были использованы и серьезные исторические источники, однако невдумчиво прочтенные и недобросовестно использованные. Так, из древнейшей русской летописи «Повесть временных лет» взяты имена князей (Аскольда, Дира, Кия, Шека, Хорива и сестры их Лыбедь, превращенной в преемника Кия — Лебедяна), отсюда же взяты названия племен (древляне, поляне, дулебы и др.), скудные сведения о нашествии хазар. Что же касается некоторых этнонимов, упомянутых в ВК и производящих впечатление на неискушенного читателя своей экзотичностью, то отыскать их не стоило особого труда. Такие этнонимы, как скифы, анты, роксоланы (обратившиеся под пером авторов ВК в «руско-лань»), борусы, языги, костобоки, карпы (так, согласно ВК, назывались русичи в то время, когда обитали в Карпатах), восходят в большинстве своем к античным источникам, в частности к «Географии» Клавдия Птолемея (III в.), и постоянно упоминаются во всех сочинениях, посвященных проблемам происхождения славян, начиная от знаменитых «Славянских древностей» П. И. Шафарика. Там, например, говорится о роксоланах, языгах, костобоках, карпах, борусках, причем все эти племена упоминаются неоднократно.⁷⁴

Одним из источников ВК было также «Слово о полку Игореве». Русичи в ВК неоднократно именуется «Дажь-Божьими внуками» (см. дощечки 1, 3а, 7б, 7в). Если в «Слове» говорится: «Въстала Обида въ силахъ Дажь-Божа внука, вступила дѣвою на землю Трояню», то в ВК есть фраза: «зме (т. е. землю. — О. Т.) Трояню сме не дахом сен ромиема а да не встане обиденосце Дажбовем внуцем» (дощечка 7б). При этом здесь не просто упоминание сходных риторических фигур или словесных формул, как предполагал С. Лесной, обративший внимание на сходство «Слова» и ВК,⁷⁵ а именно внутренне не мотивированное совпадение нескольких лексем: *встать, обида, земля Трояня, Дажьбожь внук*. Такой же параллелизм связывает фразу «Слова»: «часто врани граяхуть, трупия себѣ дѣлячи, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотяь полетѣти на уедие» и фразу ВК: «то галиця и врани од яди летай» (дощечка 5б). Если в «Слове» жены сетуют, что им своих мужей «ни думою сдумати, ни мыслию смыслити», то в ВК «жены решут: блаגיע утратитихом о разумьство наше»; если в «Слове» «ветри, Стрибожи внуци веють съ моря», то в ВК «стрибы свищашуте во стпиях» (дощечка 5б); если в «Слове» «готския красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю», то в ВК «у сине море стяша до берзе (вм. березе, брезе? — О. Т.) годь (готы. — О. Т.). . . одержаща на нь побѣдену пісне» (дощечка 7б). Каждая из приведенных параллелей, взятая сама по себе, могла бы показаться случайным совпадением, но само число таких совпадений говорит о несомненной связи памятников. Если в «Слове» мы встретим «века Трояни», «тропу Трояню», «землю Трояню», то в ВК также «земля Трояня» (дощечки 7б, 7в) и «троянов вал» (дощечка 7ж), без какой-либо попытки их локализации. Есть в ВК также «внук Троян(ов)» (дощечка 3б) и «век Троянов» (дощечки 3б и 7ж). Мы встретим в ВК и такие обороты, как «жале плакатися» (дощечка 1), «жале вел(и)ка с карину» (дощечка 8), встречается редкий этноним «русичи» (дощечки 8 (2), 8 (3), 14, 21), эпитет «харалужный» (дощечка 17в), есть имя Горислав (дощечка 25); коней ВК обычно называет «комони»; встретим мы там и такие обороты, как «воины

⁷³ Там же. С. 109—110.

⁷⁴ Славянские древности: Сочинение П. И. Шафарика / Пер. с чеш. И^л Бодянского. М., 1837. Т. 1, кн. 2. С. 41, 43, 47, 51, 52, 59—61, 124, 125 и др.

⁷⁵ Он писал: «Нет ничего удивительного, что автор „Слова“, явно недалеко ушедший от язычества, употреблял выражения древних времен. . . Очевидно, от „Влес-книги“ шла какая-то традиция, „Слово“ не могло возникнуть на голом месте, оно несомненно опиралось на века письменной культуры» (Л е с н о й С. Русь, откуда ты? С. 272).

испияше воде живе» (дощечка 7д), «слава тѣкошеть по русіем» (дощечка 24), «туга велика» (дощечка 14). В ВК упоминается не только Калка (при этом она раздвоилась на Калку Великую и Калку Малую), но и Кааяла: «мимоиде Кааялѣ иде ду Нѣпрѣ» (дощечка 38а).

Возможно допустить, что упоминание в ВК Сурожи также подсказано «Словом»: именно в этом памятнике мы встречаем самое раннее по времени это название города, именовавшегося в византийских источниках Сугдея.

Когда и зачем была создана «Влесова книга»?

В запасе у защитников ВК есть еще один аргумент. «Если мы представим, что „Влесова книга“ — фальсификация, — писал С. Лесной, — мы не можем найти ни малейшего объяснения для ее создания в наши времена, даже если это время рассматривать очень широко, хотя бы в пределах двух столетий».⁷⁶ О том же писал и И. Кобзев: «С какой целью стал бы кто-то заниматься столь кропотливым и изощренным трудом подделки древней книги, если никому она не принесла за долгие годы ни славы, ни доходов, ни другой своекорыстной выгоды?»⁷⁷ Даже отклонив соображения меркантильного характера, мы все равно останемся перед вопросом: зачем было создано это огромное сочинение?

Некоторые данные для ответа на этот вопрос мы найдем в сочинениях Ю. П. Миролюбова, вышедших в 1975—1984 гг. в Мюнхене уже после смерти автора (он умер в 1970 г.). Первые три тома содержат рассказы, стихи и этнографические зарисовки об обрядах и религиозных праздниках в русской деревне. Остальные шесть томов посвящены «праистории» славян и религии древних «русов». Нет смысла подробно характеризовать эти крайне дилетантские штудии, но стоит упомянуть основные выводы автора. Миролюбов утверждает, что «славяно-русы. . . являются древнейшими людьми на Земле» (Т. 9. С. 125), что «прародина их находится между Сумером (Шумером? — О. Т.), Ираном и Северной Индией», откуда «около пяти тысяч лет тому назад» славяне двинулись «в Иран, в Загрос, где более полувека разводили боевых коней», затем «ринулись конницей на деспотии Двуречья, разгромили их, захватили Сирию и Палестину и ворвались в Египет» (Т. 7. С. 186—187). В Европу, согласно Миролюбову, славяне вступили в VIII в. до н. э., составляя авангард ассирийской армии: «. . . ассирийцы подчинили все тогдашние монархии Ближнего Востока, в том числе и Персидскую, а персы были хозяевами Северных земель до Камы. Ничего нет удивительного, если предположить, что славяне были в авангарде ассирийцев, оторвались от главных сил и захватили земли, которые им нравились» (Т. 4. С. 160—161). Поэтому, признается Ю. П. Миролюбов, «придется поворачивать всю историю» (Т. 7. С. 187). Легкость, с какой он обращается со всемирной историей, говорит сама за себя, и думается, не нужно пояснять, что никаких серьезных научных доказательств в книге мы не найдем. Об источниках этих сенсационных сведений мы скажем чуть позже. Читатель уже, вероятно, заметил переключку историографической «концепции» Миролюбова с некоторыми намеками, содержащимися в ВК (приход русов с востока, упоминание иранцев, «египетского солнцепека», гор сирийских и т. д.).

Вторая, не менее «значительная» идея Миролюбова состоит в том, что религия древних славян — это «испорченный временем, обстоятельствами, событиями и переменой местожительства ведизм». После того как предки славян покинули прародину, их «жречество огрубело, забыло

⁷⁶ Лесной С. Влесова книга. С. 32.

⁷⁷ Кобзев И. Где прочитать «Влесову книгу»? С. 19.

ведический язык», который «стал быстро меняться», и «скоро уже было невозможно записать по-санскритски сказанное по-славянски» (Т. 4. С. 92—93). Другой вывод Ю. П. Миролюбова заключается в том, что языческая религия древних славян будто бы оказалась созвучной. . . христианству. «Трудно сказать, что вышло бы из славяно-русского язычества, если бы не было насильственно введено византийское христианство. . . Мало того, христианство только потому и привилось, что было облечено на Руси в языческие формы и совпало идеологически с ними» (Т. 7. С. 89). Миролюбов считает, что «славяне должны были обладать, хотя бы вначале, своей письменностью. Не могло ведь быть, чтобы, выйдя из арийских степей, зная и даже сохраняя ведизм, славяне не знали бы письменности, на которой веда была писана!» (Т. 4. С. 177). Таким образом, важный вывод основан лишь на ничем не доказанном отождествлении древних славян с древними индийцами.⁷⁸ Все интересы и пристрастия Миролюбова обращены в самое отдаленное прошлое. Даже от древнерусской литературы, хорошо известной и изученной, он попросту отмахивается как от несуществующей: «Русский языческий эпос исчез. . . есть у нас только „Слово о полку Игореве“, „Задонщина“ и какое-то языческое сочинение («Книга о князем утерзении»), которое, по словам Миролюбова, его родители видели в прошлом веке, да еще «христианский эпос»: «Голубиная книга» и «Хождение богородицы по мукам» (Т. 6. С. 244). Едва ли требует серьезного рассмотрения и этот вывод Миролюбова, настолько он идет вразрез с нашими представлениями, основанными на богатейшем фактическом материале.

Поэтому мы с нетерпением жаждем узнать об источниках, на основании которых Миролюбов переворачивает мировую историю и историю отечественной культуры. Читая его сочинения, мы видим немалое число совпадений с ВК: это и рассказ о праотце Ории, и утверждение, что русичи всегда мыслили о себе как о «Дажьд-Божьих внуках», и сведения о битвах с готами и костобоками и многое другое. Особенно сближают «концепцию» Миролюбова и ВК сведения о древнерусском язычестве, причем стоит подчеркнуть, что это сходство проявилось не только в упоминании основных мифологических персонажей (Перуна, Стрибога, Велеса, Сварога и др.), что совершенно естественно, но и в совпадении имен и понятий, которые известны нам лишь из ВК и сочинений Миролюбова. Так, он неоднократно пишет о «Яви», «Прави» и «Нави», тут же подчеркивая при этом, что, «несмотря на все усилия, автору этой статьи не удалось разыскать даже следов подобных верований в народе. . . Позже только в „Доцьках Изенбека“ удалось найти упоминание о „Яви, Прави, Нави“. . .»⁷⁹

Нагляден и другой пример. Миролюбов, ссылаясь на «Традицию», отмеченную им в народных верованиях, утверждает, что у «Деда Лесовика есть помощники», среди которых поименованы, в частности, Кустич, Листич, Травник, Стеблич, Кветич, Ягодич, Грибнич (Т. 5. С. 42); в другом контексте также упоминаются Травич, Сенич, Цветич, Стеблич, Листич (Т. 6. С. 201). Искусственность этих именовании несомненна, но в то же время все они встречаются, в ряду других, в ВК, на дощечке 156. Перечисляя божества, соотносимые с месяцами года, Миролюбов называет их (в порядке месяцев, начиная с января): Крышний, Лютый, Ярила, Ладо, Купала, Дажьбо, Рудый, Радогощ, Овсень, Сывый, Святовид, Коляда (Т. 7. С. 111—112). Перечисление это совпадает с тем, которое читается на дощечке 116 (хотя и с иным соотношением) — мы встретим там имена: Радгощ, Колендо, Крышень, Сивый Яр, Дажьбо, Ладо, Ку-

⁷⁸ Заметим попутно, что веды в течение веков бытовали в устной форме.

⁷⁹ Миролюбов объясняет эти понятия так: «Явь» — действительность, реальность, видимый мир; «Правь» — невидимый «костяк» реальности, на которой та держится; «Навь» — потусторонняя, лишенная «Прави» «Явь» (Т. 9. С. 31).

пало, Овсенич. Если в «Сказе», якобы записанном Миролюбовым, говорится: «. . . а оттуду до самого Сонечка закату, там, где ложится оно в кроватку златую» (Т. 6. С. 131), то в ВК мы находим совершенно аналогичный образ: «до крае чудня іже іесте о захждене суне (солнца. — О. Т.), і та суне спіе о одре златіе» (дощечка 26). В «Сказах» и в ВК упоминаются древние «цари» Криворог, Белояр, Орей и его сыновья — Кий, Щек и Хорив и т. д.

Но, к нашему изумлению, в большинстве случаев, рассказывая историю древних славян или реконструируя древнерусскую (древнеславянскую) мифологию, Миролюбов ссылается не на ВК, а на совершенно иные источники. Сведения о языческом пантеоне он получил якобы не только «в народе», но и от «старой Прабки Варвары, то есть от няни, воспитательницы отца» (Т. 6. С. 13). Именно Прабка (так! — О. Т.) Варвара поименно вспоминает все языческие божества: «Огника, Огнебога, Индру, Сему и Ряглу, Дажба (так!)» и «всех Сварожичей» (Т. 3. С. 51). Миролюбов специально подчеркивает: «Мы не делаем никаких ссылок, потому что все эти объяснения слышали от Прабы Варвары, которая — одна — стояла целого факультета истории и фольклора» (Т. 3. С. 65). Сведения о праистории славян-русичей Миролюбов почерпнул от другой старушки, обитавшей у них «на летней кухне» в 1913 г., — Захарихи.

Таким образом, реконструкция славянской истории и мифологии основана у Миролюбова на рассказах двух старушек да на наблюдениях за обычаями жителей трех сел — Юрьевки, Антоновки и Анновки. Видимо, и сам Миролюбов чувствовал ненадежность этих источников для решения поставленных им грандиозных научных задач, чувствовал и попытался «научно» обосновать их достоверность. Объясняя, как и почему языческие традиции сохранились в селе Юрьевке, Миролюбов пишет: «Думается, оттого, что ближайшая станция железной дороги была верстах в ста, а Днепр с его пароходами находился в пятидесяти верстах, если не больше. Городская „культура“. . . юрьевцев не коснулась. Они остались вне ее влияния, как бы застыв на целую тысячу лет в своих традициях» (Т. 4. С. 138). Не стоит недоумевать, как может **тысячелетняя** традиция сохраниться в украинском селе, столь удаленном, впрочем, от железной дороги и реки, сам Миролюбов в другом месте говорит, что село это находилось на Днепре, вблизи Кобеляк (Т. 9. С. 22), верстах в десяти от железной дороги. С пафосом предъявленное «научное» обоснование оказывается не только безграмотным, но и лживым.

Но, размышляя над источниками, на которых строит свои концепции Миролюбов, мы не можем не задать вопросом: а разве ВК, посвященная тем же самым проблемам и неоднократно текстуально перекликающаяся с его «фольклорными источниками», не была использована им как источник первостепенного значения, более надежный хотя бы уже потому, что автор ВК старше Прабы Варвары и Захарихи по крайней мере на 1100 лет? И вот тут начинаются загадки.

Сочинение «Ригведа и язычество», завершенное в октябре 1952 г., заканчивается следующей знаменательной фразой: «Большого о славянах мы не знаем и считаем пока нашу тему законченной. Может быть, новые данные и заставят нас к ней вернуться, но пока мы этот труд заканчиваем, так как лишены источников, могущих нам служить в этом вопросе» (Т. 4. С. 251). А ВК, разве она не явилась таким источником? Этот вопрос тем более имеет основания, что некоторый материал этого сочинения прямо перекликается с ВК. Мы встретим здесь объяснение религиозных представлений о «прави» и «яви», о которых говорится и в ВК (С. 55), упоминание «живой воды» (С. 56, 62); кони здесь называются только «комони» (С. 61 и др.); упоминается племя «борусков» (С. 93), легенда о «зеленом крае», а обо всем этом постоянно говорится в ВК. Миролюбов подчеркивает, что славяне всегда (!) рассматривали себя как «внуков Дажь-Божьих»

(С. 177), и это постоянный образ ВК. Говорится что человеческие жертвоприношения принесены на Русь варягами (С. 179), и это одна из главных «идей» ВК. А когда Миролюбов рассуждает о происхождении славянской грамоты, то тут мы видим как бы подготовку к «обретению» ВК. Он пишет: «Мы утверждаем, что такая грамота (предшествующая кириллице. — О. Т.) была и что она, может быть, будет даже однажды найдена! И значит, заранее говорим, что крики критиков окажутся совершенно лишними» (С. 178). И, наконец, последнее: на единственной фотографии «дощечки» обращало на себя внимание, что буквы написаны не на строке, а «подвешены» к горизонтальной черте, как в алфавите деванагри.⁸⁰ В рассматриваемой книге мы находим этому объяснение. «Однажды старый дед на хуторе к северу от Екатеринослава нас уверял: „В старовину люди грамоте знали! Другой грамоте, чем теперь, а писали ее крючками, вели черту богови, а под нее крючки лепили и читать по ней знали!“» (С. 134), и далее следует рассуждение о том, что древнейшая славянская грамота была сходна с санскритским письмом. Напомним, забегая вперед, что о зависимости графики ВК от «санскрита» Миролюбов будет говорить неоднократно.⁸¹

Итак, можно заключить, что в 1952 г. ВК еще не существовала, но уже велась, вероятно, подготовка к ее созданию: продумывалось ее содержание, а вопрос о типе письма был уже решен — оно должно было включать элементы «санскритского» письма. С этой задачей создатели ВК не справились, но следом этого является написание букв под горизонтальной чертой на дощечке 16 (см. рис. 1).

В сочинении «Русский языческий фольклор: Очерки быта и нравов», законченном, вероятно, до конца 1953 г., есть любопытные сведения. Во-первых, это ссылка на лекцию г. Куренкова о старинных русских письменах, впоследствии «оставленных» «из религиозных и политических соображений» (Т. 5. С. 20, 23), затем рассуждение о том, что древний новгородский язык «был близок к старо-чешскому», и примеры написаний: *ензык, голомбь, ляд*, т. е. либо совпадающих с ВК, либо близких к ее написаниям (С. 24). Затем находим припоминание о виденной до первой мировой войны книге со славянскими «руническими надписями» (С. 24) и, наконец, первое сообщение о ВК, которое приведем полностью: у руничей «письмены были тоже разными, так как единства в них могло и не быть из-за различных условий торговых центров. В одних из них могли пойти в основу знаки готской письменности, а в других ведической. Мы ничего точного об этом не знаем, но логика стоит за это. Впоследствии нам выпало большое счастье видеть „дощечки“ из коллекции художника Изенбека, числом 37, с выжженным текстом. Частью буквы напоминали греческие заглавные буквы, а частью походили на санскритские. Текст был слит. Содержание трудно поддавалось разбору, но по смыслу отдельных слов это были моления Перуну, который назывался временами „Паруном“, временами „Впаруной“, а Дажьбог назывался „Дажбо“ и „Даже“. Текст содержал еще описание, как „Велс учил деды земе рати“. На одной из них было написано о „Купе-бози“, вероятно Купале, и об очищении „омовением“ в бане и жертвой „Роду рожаницу“, „иже есть Дедо свенту“. Были строки, посвященные „Стрибу, кий же дыха яко хще“, а также о „Вышен-бг, иже есь храниц живот наших“. Подробный разбор „до-

⁸⁰ Любопытно, что Миролюбов постоянно говорит о «ведическом» письме и о санскрите как языке, имеющем свою письменность. Это не так: деванагри — система письма, используемая для записи санскритских текстов — возникла в начале второго тысячелетия нашей эры. Веды были созданы 1000—1200 лет до н. э., а записывать их начали несколькими веками позднее, используя для этого разные системы письма.

⁸¹ См. в его письме С. Лесному от 26 сентября 1953 г.: «...это были греческо-готские буквы. . . среди коих были и буквы санскритские»; об этом же Миролюбов пишет и в своих сочинениях (Т. 5. С. 25; Т. 8. С. 236).

щек“, которые нам удалось прочесть до их исчезновения, будет нами дан отдельно.

„Дошки“ эти были подобраны Изенбеком во время гражданской войны в разгромленной библиотеке князей Задонских или Донских, точно нам неизвестно, да Изенбек и сам не знал точного имени хозяев разгромленного имения» (С. 25).

Итак, во время написания этой книги Миролюбов вдруг вспомнил о виденных им дощечках — том самом источнике, на отсутствие которого он жаловался за год до этого!

Но вот что примечательно.

Во-первых, история знакомства с дощечками представлена иначе: нет ни слова о том, что Миролюбов в течение 15 лет тщательно копировал огромный и трудный текст, — здесь всего лишь воспоминание о выпавшем «счастье видеть» и смутное обещание дать подробный разбор тех дощечек, «которые. . . удалось прочесть». Значит, история переписки и обработки текста была сочинена Миролюбовым позднее. Во-вторых, содержание дощечек определено как «моления Перуну», и, судя по цитатам, далее приведенным, в «этих» дощечках, возможно, были лишь тексты молитвенного или во всяком случае религиозного содержания.

В 1954 г. Миролюбов работает над книгой «Русский христианский фольклор. Православные легенды», вошедшей в 8-й том его сочинений. Здесь он обращается к ВК дважды. Первый раз — в связи с гипотезой о времени создания славянской письменности. Как и в других случаях, ценнейшим «источником» для него оказывается народное предание. Старуха рассказывала сказку: «Наши пращурьы умели писать по-нашему раньше всякой грамоты» (Т. 8. С. 167). Это дает основание Миролюбову вспомнить о «русских письменах», будто бы виденных Кириллом в Корсуни, и сформулировать вопрос следующим образом: если в древности не было письменности, то как же «записывал свои торговые счета Новгород? Он ведь греческих букв не знал». Далее читаем: «На этот вопрос дают ответ брюссельские (странное определение! — О. Т.) „Дошцьки Изенбека“. Грамота действительно существовала, и была она основана на смеси готических, греческих и ведических знаков». Эта грамота («ранняя») была «сродни грамоте „Дощек“» (С. 167).

Мы найдем в этом томе и еще одно обращение к ВК, также касающееся вопросов графики. Миролюбов пишет об алфавите дощечек, настаивая на наличии в его составе готских (рунических) букв и букв «санскритских».⁸² «Откуда они попали в эти „Дошки“, нас не интересует, — продолжает он. — Мы их видели лично, до исчезновения „Дощек“, и читали тексты, видимо, писанные жрецом, как думает проф. А. Кур» (С. 235). Далее говорится, что в дощечках, «как в санскрите», имеется «общая черта, под которой написаны каленым железом, видимо, буквы слитно и без разделения на фразы». Итак, снова подчеркнуто, что «дощечки» писаны жрецом, что близко к версии о молитвенных текстах, в них будто бы содержащихся. Важно, что Миролюбов говорит здесь о выжженном тексте, тогда как в письме к С. Лесному от 11 ноября 1957 г. он говорит уже, что текст был «нацарапан шилом» (см. выше, с. 178). И наконец, любопытное заключение: «Так как эти „Дошцьки“ были обнаружены нами в „Жар-птице“ (Сая-Франциско, Америка), то этика требует, чтобы мы воздержались от их изучения или построения наших догадок, теорий и т. д. Мы говорим о них в данной книге лишь вскользь. Остальное мы предоставляем г. А. Кур, кому, по его специальности, надлежит о них знать больше, чем всем остальным» (С. 236). Но почему же Миролюбов столь ценный для его темы материал по истории русов и их религии предпочитает черпать из иных источников — рассказов Прабы Варвары,

⁸² Приводимые Миролюбовым начертания букв не имеют ни малейшего сходства с графикой девагари.

ковюха Михайла и Захарихи, «большая часть сказов» которой «представляет собой описание войн, нашествий и случаев из скотоводческого периода жизни славяно-русов», как подчеркивает он позднее (Т. 9. С. 123)? Ведь все эти темы раскрываются и в ВК. Почему же Миролюбов передоверяет дальнейшее исследование источника, якобы им найденного, переписанного и изученного, А. А. Куру? Ответ мы находим, возможно, в кратком замечании, следующем сразу же за описанием того, как выглядели в дощечке буквы *a* и *b* (и только они!): «Эти буквы взволновали мнение славистов. Одни из них утверждают, что такие буквы — „выдумка“, а другие — что они относятся к V в.! Кто прав? Мы думаем, что нельзя заранее отрицать, как нельзя и утверждать, без тщательного изучения текстов. Архаичность языка, однако, вполне подтверждает догадку, что это самостоятельно выработанный нами алфавит» (С. 236). Вероятно, публикации прорисей в статьях А. Кура и Ю. П. Миролюбова (фотография дощечки будет опубликована лишь в феврале 1955 г.) вызвала обвинения в фальсификации. А так как Миролюбову важны были не столько сами дощечки, сколько содержащиеся в них сведения, необходимые для построения его новых концепций, то, чтобы спасти эти сведения (им же самим изобретенные), он жертвует дощечками, отсылая интересующихся ими к А. Куру, а своим источником делает уже не дощечки Изенбека, а сказы Захарихи и припоминания Прабы Варвары, проверить которые не представлялось никакой возможности.

Именно поэтому и в сочинении «Русская мифология. Очерки и материалы», завершеном в августе 1954 г., Миролюбов также ссылается на своих информантов-старушек.⁸³ ВК упоминается лишь вскользь (С. 175), приводятся две цитаты из нее, которые нам не удалось обнаружить в известных текстах (С. 185—186), затем новая ссылка на дощечки: «Последние мы считаем столь же подлинным документом, как и всякий документ, относящийся к той отдаленной эпохе. То есть в нем есть и подлинное, и неподлинное. Одно — из Предания, а другое — от автора» (С. 214—215). Речь идет, однако, не столько о подлинности дощечек, сколько о достоверности сведений в них.

Таким образом, утверждает Миролюбов, «сказы Захарихи — единственное, что мы знаем из этих преданий прошлого» (С. 277). После этого решительного вывода, не оставляющего, казалось бы, места среди источников для ВК, вдруг появляется специальная глава «Еще о дощечках Изенбека», которую приводим почти полностью. Миролюбов пишет: «Нами не раз были упомянуты в этом труде „Дощечки Изенбека“. Мы не касаемся их определения, ни характера их языка, который сильно отличается от всех известных нам записей X-го и других веков, но мы можем сказать наверное, что текст содержит учение язычества, воспоминания минувших особенно ярких событий нашего народа, имена его вождей и призывает на защиту земли Русской всех, кто считает себя потомками Русколани, государства, бывшего где-то на Севере. . . Есть в „Дощечках Изенбека“ и некоторые мифы, которых мы нарочно не касались в наших трудах, считая, что ими должны заниматься другие, а не мы. Мы вообще не хотели публиковать текста „Дощечек Изенбека“, потому что такие публикации всегда вызывают дружное возмущение тех, кто даже „Слово о полку Игореве“ считает подделкой. Критиков мы боялись, потому что обладаем незапятнанным именем, и не желали его делать нарицательным в устах невежественных людей. Не желали мы публикации текстов и из политических соображений, ибо наличие этих текстов может быть исполь-

⁸³ Трудно удержаться и не привести «научного аргумента» в пользу достоверности сказов: «Их нельзя отнестись за счет ее (Захарихи. — *О. Т.*) собственной фантазии, так как она утверждала, что сама научилась им от древней старухи, когда была еще девочкой», к тому же, продолжает Миролюбов, в сказах упоминаются «всякие такие вещи и события, которых Захариха, простая женщина, придумать сама не могла» (С. 106).

зовано нашими политическими врагами, большевиками. Однако судьба решила иначе, и тексты будут опубликованы А. А. Кур, который сопровождает их своими объяснениями. . . Серьезное изучение как языка „Дошек“, так и их содержания, исторического значения, или религиозного, вероятно, придет значительно позже, когда улягутся „страсти“.

Этим мы хотим сказать, что никаких слишком радикальных выводов из текстов мы лично не делаем и считаем, что сделать их можно будет лишь значительно позднее, когда ученые привыкнут к документу.

Это отнюдь не является отрицанием „Дошек“, ибо мы уверены, что они будут в будущем признаны весьма важными, но мы хотим лишь заявить, что их содержание нами не изучено, и никаких теорий на их основании мы не строим» (С. 279).

В 1967 г., как явствует из сказанного на с. 47 и 48, Миролюбов работает над очередным сочинением — «Материалы к праистории Русов», вошедшим в 7-й том собрания его сочинений. Это столь же дилетантское творение, что и другие сочинения Миролюбова.⁸⁴ ВК упоминается здесь лишь по одному поводу. Пересказывая легенду о Богумире (Миролюбов рассматривает ее как легенду, не более), он противопоставляет ВК и «сказы» Захарихи, причем оказывается, что Захариха точнее воспроизводит древний арийский миф, чем ВК (С. 78).

В работе, написанной в конце 60-х гг., в книге «Славяно-русский фольклор», составившей 9-й том его сочинений, Миролюбов также занимает весьма осторожную позицию. Он по-прежнему опирается в основном на «сказы» Захарихи и лишь после этого пишет: «Позже судьба свела нас уже за границей с покойным художником Али Изенбеком, как его звали бельгийцы в Брюсселе. У него оказалась рукопись (? — *О. Т.*) „Дошкыи Изенбека“. Этот документ мы изучали, переписывали и, хотя „Дошкыи Изенбека“ пропали во время смерти художника (полковника артиллерии, командира Марковского дивизиона), или, может изъята Гестапо вместе с 600 его картин» (фраза читается именно так. — *О. Т.*). Миролюбов оправдывается перед С. Лесным, упрекавшим его в том, что он не смог сберечь дощечек, тем, что спас хоть «тень» их «в виде их копии от руки». И далее Миролюбов пишет: «Мы не занимаемся вопросами „подлинности“, разборами, выписками из „авторитетов“ с указанием страниц. Мы считаемся лишь с содержанием „Дошек Изенбека“ и Сказов Захарихи. Содержание же таково, что независимо от того, подлинные они или нет (???) — *О. Т.*), оно должно быть изучено. Записывая в этой большой книге Традицию, свидетелями которой мы были (имеются в виду пересказанные Миролюбовым предания, легенды и обычаи. — *О. Т.*), мы можем сказать, что ни Сказы Захарихи, ни „Дошкыи Изенбека“ ей не противоречат. Наоборот, есть как бы взаимодополнение между всеми этими документами» (С. 123—124).

Итак, предложим свое объяснение тому, как возникла ВК. В 1952 г., когда Ю. П. Миролюбов работал над своим сочинением «Ригведа и язычество», ВК еще не существовала (ему мог быть известен лишь «образец» для будущей книги, о чем ниже). Но идея о желательности подобной «находки» уже возникла. Поэтому Миролюбов, с одной стороны, сетует на то, что он «лишен источника», а с другой — не только утверждает, что была древнейшая письменность, которую впоследствии «забыли», но и высказывает уверенность, что «она будет однажды найдена», пред-

⁸⁴ Здесь мы встретим, со ссылкой на рассказ реестрового казака Л. Т. Махнуши, рассуждение о существовании в древности великанов (С. 15—16), мысль о том, что сказочные драконы — это не образы фантазии, а «прямые воспоминания физического вида примитивных созданий глубокой древности» (С. 17), очень любопытное рассуждение о ценности гадания (!) как средства прогнозирования жизни общества: «Если жизнь людей управляется Большими Числами, вернее законами этих чисел, то сейчас же возникает вопрос о благоприятных и неблагоприятных периодах. Отыскание благоприятного периода и есть цель гадания» (С. 53) и т. д.

вкусная посрамление «критиков». В 1954 г. работа уже ведется, и Миролюбов невольно «проговаривается» об этом в своих сочинениях. Так, допуская, что древнейшая письменность славян использовала готские и «санскритские» («ведические») буквы, он пишет: «Мы ничего точного об этом не знаем, но логика стоит за это» (Т. 5. С. 25), а сразу после цитируемой фразы говорит о дощечках. При чем же логические допущения, если дощечки с древнейшей письменностью он уже видел? Напомним, что в единственной «сфотографированной» дощечке есть и характерная черта графики деванагри — текст написан под строкой, и «ведическая» (в действительности же — мнимая) буква «а». ВК создавалась в течение нескольких лет, но Миролюбов и Кур поспешили объявить об этом еще до того, как окончательно отработали все элементы своей версии. И поэтому мы встречаем в сообщениях о ВК много противоречий: то говорится, что текст на дощечках был выжжен или написан каленым железом, то, что он был «выцарапан пилом»; сначала Миролюбов упоминает о «выпавшем счастье видеть» и «прочесть» дощечки, в которых многое ему было трудно понять и разобрать, а спустя два года утверждает уже (в письме к Лесному), что он в течение 15 лет переписывал текст ВК и изучал его. О содержании ВК сначала говорится весьма неопределенно, подчеркивается религиозный характер текстов («моления Перуну»), а затем оказывается, что в переписанной Миролюбовым обширной книге содержится история русов за почти что две тысячи лет.

Первоначально создатели ВК предполагали, для вящей убедительности, воспроизвести фотографии дощечек. Но публикации «прориси» с «дощечки» в 1954 г. и «фотостата» в 1955 г., видимо, вызвали критику. И тогда Миролюбов и Кур были вынуждены отступить: Миролюбов заявляет, что фотографии потерялись, а сообщение о том, что все же три фотографии были сделаны, так и не было подкреплено их публикацией. Текст сочинялся с трудом. Вот почему, объявив о находке дощечек в 1953 г., Миролюбов и Кур приступили к их планомерной публикации лишь с марта 1957 г., а до этого публиковались лишь фрагменты. Нам остались неизвестными статьи Кура с этими фрагментами из ВК (статьи публиковались в журнале «Жар-птица»), но цитаты из ВК, приведенные в сочинениях Миролюбова, в большей своей части не найдены в известном нам тексте ВК. Значит, эти «заготовки» в дальнейшем в дело не пошли.

Критика сенсационной находки испугала Миролюбова. Ему важно было спасти те идеи и «факты», которые были включены в ВК и нужны ему для обоснования своих историографических и религиоведческих «концепций». И чтобы спасти концепции, он предал дощечки. Именно поэтому он ссылается в основном на своих информантов — Прабу Варвару и Захариху, а также на собственные этнографические наблюдения (их проверить было уже невозможно), а о дощечках говорит вскользь, рекомендует их изучение и защиту их подлинности Куру и даже утверждает, что ценность их лишь в том, что они «не противоречат Традиции», которая лучше всего сохранена в сказах Захарихи и обычаях Прабы Варвары.

Так постепенно затухает ярко вспыхнувшая в 1953 г. сенсация даже в сочинениях одного из основных ее создателей — Миролюбова. Но любопытно отметить и диаметрально противоположную метаморфозу во взглядах на ВК С. Лесного. В 10-м выпуске своей «Истории „руссов“ в неизвращенном виде» (Париж, 1960) Лесной буквально подводит к выводу о фальсификате: он подчеркивает, что Миролюбов и Кур упорно не допускают к текстам ученых, что странно прервалась публикация ВК, что «все попытки выяснения подробностей пресекаются»; он требует передать «Русскому музею» в Сан-Франциско текст ВК и фотокопии, довести до конца публикацию и т. д. (С. 1162—1165). Но, видимо, Миролюбов сумел переубедить Лесного. Во всяком случае, последний уже в 1963 г. намеревался выступить с докладом о ВК на Съезде славистов, в 1964 г.

посвятил ей большой раздел в своей книге «Русь, откуда ты?», а два года спустя вышла в свет его работа «Влесова книга». Однако нам неизвестно, чтобы ВК заинтересовала кого-либо из европейских или американских ученых: Лесной, как и Миролюбов, работал в изоляции от специалистов.

И все же, повторим наш вопрос: зачем создавали ВК? Трудно предположить, чтобы стимулом для этого трудоемкого предприятия стали чисто научные интересы к истории славян или языческой религии в ее связях с «ведизмом»: маловероятно, что создавали **фальсификат**, чтобы на его же основе заниматься **научными** размышлениями. Ведь самые смелые домыслы дилетантов основываются, как правило, на вольном истолковании **подлинных** источников. Нельзя ли предположить, что сыграли свою роль чисто идеологические мотивы? Миролюбов писал: чтобы найти силы для борьбы с советским строем, «явлением демоническим и антихристианским», нужно «таить в себе божественное начало» (Т. 3. С. 110—111), нужно помнить, что «в русской душе — источник мистического прозрения прошлого вечного» (Там же). И поэтому задачу «редакции „Жар-птицы“» он формулирует как «изучение славянского прошлого, возможно более далекого» и заявляет, что он и его единомышленники хотели бы это прошлое «разыскать» (Т. 9. С. 9). Разыскать «нужное» прошлое не удалось, и его пришлось создавать самим. Не в этом ли разгадка истории «Влесовой книги»?

Но если создание ВК действительно преследовало чисто идеологические задачи, то необходимо решительно отделить от создателей ВК тех любителей отечественной истории, которых ввела в заблуждение мистификация Миролюбова и Кура. Они, эти любители, на основе безответственных публикаций надеялись увидеть в ВК ценнейший исторический источник, который позволяет проникнуть в такие глубокие пласты нашей истории, о которых не сообщают ни летописи, ни свидетельства европейских историков-современников. Этих поклонников ВК подвели доверчивость и ограниченные знания сложнейших проблем этногенеза, истории античности и средневековья, истории языка, истории религиозных воззрений и философии.

Другое дело — те журналисты и писатели, которые, выступая в защиту ВК, не только не обратились за консультацией к специалистам, но, напротив, открыто критиковали науку, обвиняя ученых в предвзятости, чрезмерном скептицизме и даже отсутствии патриотизма. Такая позиция тем более недостойна, так как опиралась на неточную, а в ряде случаев откровенно искаженную информацию. История ВК, думается, напечалит всем о том, что в погоне за сенсацией не следует пренебрегать элементарными правилами научных исследований и научной этики.

Вместо эпилога

Итак, я попытался доказать, что та «Влесова книга», о которой спорили в нашей печати в 70-х гг., вовсе не бесценный исторический источник, а мистификация, при этом созданная в весьма близкое от нас время.

Но как же быть с теми оговорками и противоречиями в высказываниях Ю. П. Миролюбова, которые дают основание допускать, что какие-то дощечки (с молитвенными текстами, выжженными железом, а не процарапанными ножом) он все же видел? Не восходит ли к их числу та единственная дощечка (напомним: она значительно отличается по объему содержания от остальных), фотографию которой он решил опубликовать?

Еще в 1960 г., задумываясь над возможным образчиком подделки, Л. П. Жуковская назвала в этой связи имя А. И. Сулакадзева.⁸⁵

⁸⁵ Жуковская Л. П. Поддельная докириллическая рукопись. С. 144.

Коллекционер и собиратель А. И. Сулакадзев (умер в 1830 г.) был известен не только своим собранием рукописей и раритетов (среди которых были и такие, как дубинка Добрыни, камень с Куликова поля, на котором будто бы отдыхал Дмитрий Донской и под.), но прежде всего своими подложными приписками, с помощью которых он придавал длинным рукописям особую ценность, искусственно их удревяя или привнося в них уникальные известия.⁸⁶ Не чужд был Сулакадзев и изготовления поддельных рукописей. Его подделки смутили даже престарелого Г. Р. Державина, опубликовавшего фрагменты из них с факсимильным воспроизведением текста (вероятно, с рисованной копии) и со своим поэтическим переводом.⁸⁷

Археограф и библиограф Е. Болховитинов упоминает эти сулакадзевские подделки в своем «Словаре»: «Некоторые и у нас хвалились также находкой якобы древних славено-русских рунических письмен разного рода, коими написан Боянов гимн и несколько провещаний новгородских языческих жрецов, будто бы пятого века. Руны сии очень похожи на испорченные словенские буквы».⁸⁸ В статье «Боян», вошедшей в «Биографии российских писателей», Е. Болховитинов также упоминает сочинения Сулакадзева: «Недавно появился было найденный целый древле-славянский гимн Боянов князю Летиславу, писанный на пергаминам свитке красными чернилами, буквами руническими, донныне у нас бывшими в неизвестности. (Мнимый подлинник сего гимна и еще целая книга нескольких древних оракулов новгородских, писанных также на пергамене, находятся у г. Сулакадзева. — *Примеч. Е. Болховитинова*). В сем гимне довольно подробно сам Боян о себе рассказывает, что он потомок Славенов. . . что отец его был Бус. . . что старый Словен лично видывал его и проч., но гимн сей в свет еще не издан и критикою не удостоверен, а потому за историческое доказательство принят быть не может».⁸⁹ Но если Е. Болховитинов словно бы колеблется в вынесении окончательного приговора, то выдающийся лингвист А. Х. Востоков совершенно безапелляционен в своем суждении о языке одного из сочинений Сулакадзева: «исполненное небывалых слов, непонятных сокращений, бессмыслицы, чтоб казалось древнее».⁹⁰ Характеризуя язык сочинений и приписок Сулакадзева, М. Н. Сперанский также писал, что «они часто представляют бессвязный набор слов, показывающий бессилие автора справиться с самыми простыми оборотами старинной речи».⁹¹

Как видим, язык сулакадзевских подделок напоминает нам по своему характеру язык ВК. Но их сближает не только это. И у Сулакадзева, и у создателей ВК тот же интерес к языческой древности, те же псевдославянские имена,⁹² та же перекличка со «Словом о полку Игореве», тот же изобретенный алфавит, будто бы сходный с рунами (именно «рунический» алфавит, как помним, неоднократно упоминал Миролюбов), тот же характер написания слов с пропуском гласных букв (ср. во фрагментах, опубликованных Г. Р. Державиным: *плъ, блгъ, слвы, злымъ, жрцу* и т. д.). Но самое любопытное, что написания букв в рукописи

⁸⁶ См. о нем: Пыпин А. Н. Подделки рукописей и народных песен. СПб., 1898; Сперанский М. Н. Русские подделки рукописей в начале XIX века: (Бардин и Сулакадзев) // Проблемы источниковедения. М., 1956. С. 62—74, 90—101.

⁸⁷ Державин Г. Р. О лирической поэзии // Чтения в Беседе любителей русского слова. СПб., 1812. Кн. 6. С. 5.

⁸⁸ [Болховитинов Е.]. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви. СПб., 1827. Т. 2. С. 59.

⁸⁹ [Болховитинов Е.]. Биографии российских писателей // Сын отечества. СПб., 1821. Ч. 70. С. 174—175.

⁹⁰ Переписка А. Х. Востокова // Сб. ОРЯС. СПб., 1873. Т. 5, вып. 2. С. 392.

⁹¹ Сперанский М. Н. Русские подделки. С. 71.

⁹² Приведем в качестве примера заголовки одной из рукописей Сулакадзева: «Перуна и Велеса вещания в киевских капищах жрецам Мовеславу, Древославу и прочим», повествующей якобы «о событиях V или VI века», как считал Сулакадзев.

Сулакадзева, как можно судить по публикации Г. Р. Державина (приведшего, видимо, клише с копии), чрезвычайно близки к написаниям на фотографии дощечки, опубликованной Миролюбовым. Особенно велико сходство необычайной по начертанию буквы, которая у Сулакадзева означала букву *ε*, а у Миролюбова — *б*.

Но нас ждет еще одно любопытное совпадение. Не все раритеты Сулакадзева были написаны на пергамене. В каталоге своей библиотеки, перечисляя «исполненные или пока только задуманные подделки», как скажет о них А. Н. Пыпин,⁹³ Сулакадзев назовет и такие: «Патриарси. Вся вырезана на буковых досках числом 45» или «О Китоврасе; басни и кощуну», с примечанием: «На буковых досках вырезано и связаны кольцами железными, числом 143 доски, 5 века на славенском».⁹⁴

Весьма вероятно, что подделки Сулакадзева (если они действительно были не только задуманы, но и исполнены и дошли до современников Миролюбова) или описания их (у Державина, Болховитинова, Пыпина) помогли Миролюбову в создании описания «Влесовой книги» и ее графики, натолкнули и на саму идею «деревянной книги». Наконец, допустимо, что А. Ф. Изенбек или кто иной показывал Миролюбову какую-то поддельную дощечку с текстом псевдоязыческих пророчеств. О том, что такие тексты Сулакадзев сочинял, свидетельствуют его современники.

Но этот вопрос требует еще дальнейших разысканий.

⁹³ Пыпин А. Н. Подделки рукописей. . . С. 10.

⁹⁴ Там же. С. 11, 13.

А. И. ЮРЧЕНКО

К проблеме идентификации «Написания о правой вере» *

Один из древнейших памятников церковной славянской письменности, получивший известность в первой четверти XIX столетия как «Написание о правѣи вѣрѣ, изоущенное Костантиномъ блаженнымъ философомъ оучителемъ о бѣзъ словѣнскому жъзыкоу», входит, непосредственно предшествуя сказанию Черноризца Храбра «О письменахъ», в среднеболгарский сборник 1348 г. (ГПБ, Ф.1.376, л. 93 об.—101 об.) — «груд и болезнь многогрешного [и] смиренного священноинока Лаврентия», переписавшего или составившего его при болгарском царе Иване Александре (л. 214).¹ Впервые краткие фрагменты «Написания» были опубликованы в 1824 г. К. Ф. Калайдовичем,² а в 1841 г. появился его анонимный перевод на русский язык,³ осуществленный по единственно известному тогда списку, правда, с купюрами. Этот перевод воспроизводился и позднее.⁴ Первая публикация древнеславянского текста памятника принадлежит И. И. Срезневскому.⁵ Впоследствии он переиздавался многократно.⁶ В 1885 г. Е. В. Барсовым был опубликован новый список «Написания» из сборника XVI в. уже русской редакции, обнаруженного им в собственном рукописном собрании (ныне: ГИМ, собр. Барс., № 1498).⁷ По составу оба сборника идентичны, но, в отличие от сборника попа Лаврентия, в последнем отсутствуют некоторые заключительные статьи. Списки же памятника, среднеболгарский и русский, «обнаруживают такую поразительную близость, что невольно внушают мысль, что оба они восходят к общему оригиналу, хотя, может быть, и не к непосредственному».⁸

За прошедшие более чем полтора века со времени научного открытия «Написания о правой вере» к нему обращались многие исследователи. И в отношении атрибуции памятника, а соответственно — и подлинности его, согласно констатации Г. А. Ильинского, «для ученых старой школы

* Доклад, прочитанный на Международной научной церковной конференции, посвященной 1000-летию крещения Руси (Киев, 21—28 июля 1986 г.).

¹ О так называемом сборнике попа Лаврентия (или, иногда, царя Ивана Александра) см.: К у е в К. М. 1) Судьба сборника Ивана Александра 1348 г. // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 117—121; 2) Иван Александрович сборник от 1348 г. София, 1981.

² К а л а й д о в и ч К. Ф. Иоанн, ексарх Болгарский. М., 1824. С. 89—90.

³ Воскресное чтение. 1840—1841. № 45. С. 407—412.

⁴ К н я з е в А. С. Святые равноапостольные Кирилл и Мефодий, просветители славян, и влияние их подвигов на народное образование как всего славянского мира вообще, так и России в частности. СПб., 1866. Прилож. С. I—VIII.

⁵ С р е з н е в с к и й И. И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1867. Вып. 4. С. 47—52. (Зап. Академии наук. СПб., 1867. Т. 11, кн. 1. Прилож. 2).

⁶ Библиографию по вопросу см.: К у е в К. М. Иван Александрович сборник от 1348 г. София, 1981. С. 141—142, примеч. 1.

⁷ Б а р с о в Е. В. Написание о правой вере Константина Философа, славянского первоучителя // ЧОИДР. М., 1885. Кн. 1. Отд. 2, с. 1—11.

⁸ И л ь и н с к и й Г. А. «Написание о правой вере» Константина Философа: Сборник в честь на проф. Васил Н. Златарски. София, 1925. С. 72.

тут не было даже вопроса: громадное большинство их не находило никаких оснований не верить в авторство Кирилла (Константина Философа), безоговорочно доверяя содержащемуся уже в заглавии «совершенно ясному и категорическому свидетельству о принадлежности „Написания“ перу великого апостола славян».⁹ Еще К. Ф. Калайдовичем было высказано предположение о тождественности «Написания» (по его выражению, «кажется неподложного») тому исповеданию, которое «словесно и нисыменно» было представлено Константином и Мефодием в Риме папе Адриану II «в рассуждении согласия их с Римскою Церковью». В дальнейшем эта версия — лишь с незначительными вариациями — и получила преимущественное распространение среди славистов.¹⁰

Но вместе с тем начиная уже с первой половины XIX в. высказывались и сомнения в аутентичности памятника и принадлежности его перу Константина Философа.¹¹ Часто эти сомнения, как и выдвигавшиеся позитивные предположения, отнюдь не аргументировались и имели основание в одной только интуиции. Доверяясь лишь внутреннему чувству, П. И. Шафарик,¹² например, высказывал мнение, к которому склонялся и В. А. Бильбасов,¹³ что «Написание» «следует приписать» Константину, епископу Болгарскому (Преславскому). Что же касается аргументации А. Д. Воронова,¹⁴ то, как было показано дальнейшими исследованиями, во многих своих элементах она оказалась легко уязвимой.¹⁵ И потому общий вывод автора, который относил появление памятника к XII в. (к этому выводу присоединился и Е. Е. Голубинский), не выдержал критики.

Однако А. Д. Воронову в отдельных случаях все же удалось увидеть действительные проблемные моменты в содержании «Написания» соотносительно заданной в его заглавии атрибуции. В результате в последующие годы некоторыми исследователями уже признавалась необходимость «оставить мнение о непререкаемости его свидетельства», не отвергая при этом значимости данного памятника.¹⁶ Возводя «Написание» «к первым векам славянской письменности» и, на основании лингвистического анализа, полагая, что «древность его не может подлежать ни малейшему сомнению», Е. В. Барсов, например, в 1885 г. писал: «Критика подлинности этого памятника, как произведения славянского первоучителя Кирилла, далеко не так основательна, чтобы можно было с нею бесспорно соглашаться. . . Но если бы даже этот памятник и не был творением самого Кирилла, то, во всяком случае, он должен принадлежать кому-нибудь из его ближайших учеников, стремившихся утвердить православное вероучение его авторитетом, в эпоху борьбы с римским учением».¹⁷

В начале XX в., согласно небеспристрастному свидетельству Г. А. Ильинского, выступает «длинная фаланга» исследователей кирилло-мефодиевского вопроса «с Ягичем во главе», которые, «не давая себе труда» опровергнуть позитивную аргументацию, «*tacito consensu* вычеркивают „Написание“ из числа творений великого апостола славян» и, более того, «вообще игнорируют существование этого памятника, как будто его фальсификация представляла доказанный факт». Их примеру следуют и неко-

⁹ Там же. С. 63.

¹⁰ Там же. С. 63—65, 71—73 и др.

¹¹ Там же. С. 65—71, 73.

¹² Шафарик П. И. Расцвет славянской письменности в Булгарии. М., 1848. С. 15.

¹³ Бильбасов В. А. Кирилл и Мефодий по документальным источникам. СПб., 1868. С. 18—19, примеч. 2.

¹⁴ Воронов А. Д. Кирилл и Мефодий: Главнейшие источники для истории св. Кирилла и Мефодия. Киев, 1877. С. 250 и далее.

¹⁵ Бернштейн С. Б. Константин-Философ и Мефодий: Начальные главы из истории славянской письменности. М., 1984. С. 102.

¹⁶ Ильинский Г. А. «Написание о правой вере». . . С. 70.

¹⁷ Барсов Е. В. Написание о правой вере. . . С. 3.

торые историки болгарской литературы, в частности М. Мурко, М. Вейнгарт и др.¹⁸

В 1925 г. в обзорной статье Г. А. Ильинского как бы подводился итог предшествующему столетию в истории проблемы. Автором была суммирована и преумножена критика, — собственно, за неимением иной, — вороновской негативной аргументации. И в результате Г. А. Ильинский счел возможным сделать такое заключение: «Итак, ни история вопроса, ни внешняя критика текста, ни анализ его внутреннего содержания, ни его язык не вскрыли ни одного факта, который дал бы нам право оспаривать принадлежность „Написания“ тому лицу, имя которого оно носит в заглавии. Напротив, — продолжал автор, — все указывает на то, что мы имеем в нем подлинное произведение славянского первоучителя».¹⁹ Согласно Г. А. Ильинскому, это последнее представляет собой веро-назидательное «прощальное слово учителя (или, лучше сказать, профессора) своим ученикам» в одной из церквей Велеграда перед тем, как в конце 868 г. братьям отправиться в Рим.²⁰

Позднее, в 1935 г., по-прежнему с критикой позиции А. Д. Воронова, а также высказанных незадолго до того крайних взглядов В. Грумеля, который атрибутировал «Написание» еретика XII в. митрополиту о. Корфу (Керкиры) греку Константину, выступил болгарский славист Ю. Трифонов.²¹ Вопреки, в частности, мнению В. Грумеля, что данное исповедание первоначально было составлено по-гречески и лишь в последующем переведено на среднеболгарский язык, когда и была совершена, по всей вероятности, неосознанная фальсификация (по сходству имен), автором выражена несомненная убежденность именно в древнеболгарском происхождении памятника, поскольку, по его словам, в нем нет следов греческого оригинала. Поэтому, как заключает Ю. Трифонов, «Написание» является единственным дошедшим до нас оригинальным трудом Константина Философа, который был изложен на древнеболгарском языке.

И до самого последнего времени позитивные аргументы Г. А. Ильинского и Ю. Трифонова большинством исследователей считались вполне убедительными и непоколебимыми, окончательно решающими вопрос об авторстве «в пользу Константина-Философа».²² При этом, однако, или оставались незамеченными, или просто игнорировались тонкие наблюдения Н. К. Никольского, касающиеся смыслового содержания памятника и относящиеся еще к 1928 г. Ученому удалось выявить очевидные и безусловные внутренние противоречия в тексте «Написания», наличие которых могло бы поставить под сомнение авторство Константина Философа, мужа весьма высокой учености.

Н. К. Никольский, в частности, сопоставляет такие очевидно противоречивые выражения (нумерация строк — по изданию памятника, осуществленному Г. А. Ильинским²³): «единствоу же сщществомъ кланѣж са» (строки 33—34) и «ни паки въ едино сщщество слагаж или смѣшаж» (строки 88—90). Им приводится и следующая внутренне противоречивая цитата: «. . . еже есть раздѣлено сщществомъ. общениемъ естъствнымъ съвьзоуплѣж» (строки 97—99).

Сам автор, полагая, что оценка памятника «как „шедевра“ богословской эрудиции и диалектики (Г. Ильинский, с. 74—75), достойного высокопросвещенного богослова», является «несколько преждевременной», кон-

¹⁸ Ильинский Г. А. «Написание о правой вере». . . С. 73.

¹⁹ Там же. С. 75—76.

²⁰ Там же. С. 77.

²¹ Трифонов Ю. Съчинението на Константина Философа (св. Кирила) «Написание о правѣи вѣрѣ» // Списание на Българ. Акад. на наук. София, 1935. Кн. 52: Клон историко-филологичен и философско-обществен. № 25. С. 1—85.

²² Бернштейн С. Б. Константин-Философ. . . С. 102.

²³ Ильинский Г. А. «Написание о правой вере». . . С. 79—89

статирует: «Догматическое содержание „Написания“ сформулировано в выражениях недостаточно ясных. Происходит ли эта неясность от подновления языка при переписке или от других причин, — решить в настоящее время трудно. Но терминологическая несогласованность наблюдается. . . Только после идеологического комментария к „Написанию“ в связи с терминологией памятников кирилло-мефодиевской эпохи будет возможным окончательно разрешить вопрос о подлинности и неповрежденности текста „Исповедания“ и получить исходную точку опоры для дальнейших выводов о нем и об отражениях идеологии этого ценного памятника на ряде других произведений славянорусской письменности».²⁴

Претензии к смысловому содержанию «Написания о правой вере» высказывались и чешским славистом В. Ткадлчи́ком.²⁵ Не располагая публикацией автора, изложим его выводы, следуя Ф. Гривецу,²⁶ который, по всей вероятности, мог получить информацию из первых рук еще до опубликования ее В. Ткадлчи́ком. По словам Ф. Гривеца, в результате тщательного лингвистического и смыслового анализа текста «Написания» последний пришел к заключению, что данный памятник, по-видимому, не является подлинным и представляет собой древнеславянский перевод с греческого, во многих местах рабски, часто неадекватно и порой даже неверно передающий текст оригинала. В ряде случаев, отмечает исследователь, язык сочинения выдает позднейший церковнославянский лексикон (например, «слава» в значении «вера» (строки 107, 246, 323)). Сам Ф. Гривец, сторонник традиционной атрибуции, призывает относиться к излагаемым им выводам его коллеги с максимальной сдержанностью и предельной осторожностью. Мнения о переводном характере «Написания», напомним, придерживался и С. Б. Бернштейн, но с признанием его принадлежности авторству Константина Философа.²⁷

Ныне теоретические выводы подобного рода получают самое очевидное подтверждение в действительности, ибо найден греческий подлинник «Написания о правой вере». В середине марта 1986 г. автору настоящих строк, который несколько лет тому назад работал над переводом исповедания на русский язык и имел самую непосредственную возможность соприкосновения со всеми отмеченными выше коллизиями, удалось выявить почти буквальное сходство текста памятника с текстом фрагмента вероисповедного характера из Большого Апологетика (Apologeticus Major) Никифора I Исповедника, патриарха Константинопольского (ок. 758—828), выписки из которого были сделаны им прежде. В результате переводной характер «Написания» и его действительная атрибуция стали очевидными и, полагаем, бесспорными.

Патриарх Никифор I, возведенный на константинопольскую кафедру из мирян (прежде он был государственным секретарем) в 806 г., занимал ее до 815 г., когда он был удален с нее императором Львом Армянином (прозванным Хамелеоном) и заточен в монастырь за противление иконоборческой политике последнего. Здесь он и провел остаток своей жизни, не переставая свидетельствовать православную веру и выступать в защиту иконопочитания в целом ряде сочинений, в числе которых и находится упомянутый Большой Апологетик, написанный им в ближайшие после заточения годы (818—820).²⁸ Прославление патриарха Никифора как исповедника состоялось в 846 г.

²⁴ Никольский Н. К. К вопросу о сочинениях, приписываемых Кириллу Философу // ИпоРЯС. Л., 1928. Т. 1, кн. 2. С. 448, 449.

²⁵ Tkaďlčik V. Das Napisanje o pravěj věrě: seine ursprüngliche Fassung und sein Autor // Das östliche Christentum. Neue Folge. Würzburg, 1969. H. 22. S. 185—209.

²⁶ Grivec F. Konstantin und Method, Lehrer der Slaven. Wiesbaden, 1960. S. 227.

²⁷ Бернштейн С. Б. Константин-Философ. . . С. 103.

²⁸ Alexander P. J. The Patriarch Nicephorus of Constantinople: Ecclesiastical Policy and Image Worship in the Byzantine Empire. Oxford, 1958. P. 264.

Большой Апологетик, полное название которого в русском переводе таково: «Святого отца нашего Никифора, бывшего архиепископа Константинопольского, слово в защиту непорочной, чистой и истинной нашей христианской веры и против думающих, что мы поклоняемся идолам»,²⁹ входит во все известные рукописи сочинений автора. Опубликован он в Греческой патрологии аббата Миня (Migne. Т. 100. Col. 533—832). Из примерно 150 колонок греческого текста около пяти приходится на указанный выше фрагмент вероисповедного характера (Col. 580 C—589D), что составляет приблизительно 300 строк. Поскольку вероизложение имеет конкретную целенаправленность (защита иконопочитания), оно ограничено лишь тринитарной, христологической и иконологической частями и не содержит остальных частей соответственно, как это бывает в обычных случаях, членам Символа веры (ср., например, вероисповедание, содержащееся в известительном послании патриарха Никифора по поводу возведения его на константинопольскую кафедру, адресованном папе римскому Льву III,³⁰ или ставленническое исповедание митрополита Киевского Илариона).³¹ В аспекте адаптации к оригинальному тексту (уже переведенному?) добавлено несколько строк: начальные, включая заглавие (1—8), с упоминанием имени Константина Философа, и заключительные (357—374), с упоминанием имени присного брата его и споспешника Мефодия. При этом, отметим, одна из фраз: «и чьстныж ихь памяти твораше» (строки 361—362) имеет соответствие в греческом оригинале. Кроме того, посредством сингуляризации соответствующих глагольных форм исповеданию придан характер личного.

Что касается перевода с греческого на древнеславянский, то в принципе он является дословным. Не затрагивая текстологических проблем самого подлинника и в настоящей статье основываясь лишь на публикации аббата Миня, можно отметить, что в переводе в редких случаях наблюдаются опущения отдельных слов (обычно — подобных членов), союзов и частиц, как правило, не ведущие к искажению смысла. Иногда встречаются пропуски фразовых фрагментов, что может быть и дефектом переписки. В качестве примера можно указать строки 84—86 древнеславянского текста. Но самым интересным является то, что в переводе добавлены отдельные слова и некоторые фразы, несущие определенную смысловую нагрузку. В частности, здесь подчеркивается аспект исхождения Святого Духа от Бога Отца «единого» (строка 18; см. также строки 28—29). Именно подобные формулировки вызвали бурю споров вокруг памятника (А. Д. Воронов и его оппоненты). По всей вероятности, эти включения, будучи своеобразными аллюзиями, могут сослужить полезную службу при определении времени возникновения перевода.

В иконологической части «Написания», там, где говорится о том, что через поклонение иконам честь возносится к первообразу, по сравнению с указанным оригиналом прибавлены слова: «егоже тѣло есть написано» (строки 347—348). В данном случае передается мысль ороса VII Вселенского (II Никейского) собора 787 г., официально утвердившего иконопочитание (на этом соборе в качестве секретаря при представителех императора присутствовал и будущий патриарх Никифор): «...честь, воздаваемая образу (иконе), восходит к первообразу, и поклоняющийся иконе поклоняется ипостаси изображенного на ней».³² «Тѣло» здесь, как и в ряде других мест (строки 185, 188, 193), выступает в качестве славянского эквивалента именно греч. *ὁπστάσις* («ипостась»). Однако это последнее в иных случаях передается или как «ипостась» (строка 21), или как «съличие» (строка 47), или же как «сжъщество» (строки 78, 89,

²⁹ Творения святых отцов в русском переводе. Сергиев Посад, 1904. Т. 65. С. 138.

³⁰ Там же. С. 111—121.

³¹ ГИМ, собр. Сип., № 591, л. 1996—203а.

³² Болотов В. В. Лекции по истории Древней Церкви. IV. Пг., 1918. С. 562, примеч. 1 (греч. текст).

98, 115—116). По-славянски «сжщство» во многих местах является эквивалентом греч. οὐσία (строки 16, 34, 82, 85, 92, 315 и др.). Отсюда и те коллизии, которые были отмечены Н. К. Никольским: очевидная «терминологическая несогласованность» приводит к очевидным внутренним противоречиям.

Отметим и такой интересный случай, когда славянский текст помогает восстановить утрату в греческом (в данной ситуации — в публикации аббата Миня). В «Написании» имеем: «ба дха стго величаж. имже всѣ съхранѣтсѧ и съдръжжтъ» (строки 66—68). В греческом тексте, по Миню, очевидная гаплография, пропуск слов, стоящих между двумя одинаковыми членами (τά): ἐν ᾧ τὰ τρία σέβοντες (581 С). По всей вероятности, должно было быть: τὰ πάντα... τὰ τρία... (ср. col. 184А).

ПРИЛОЖЕНИЕ

580 С—D

4. 93 об. Написание о правѣи вѣрѣ. изоу щеное Костантиномъ блаженнымъ фи лософомъ. оучителемъ о бѣѣ словѣ нскому Жзыкоу:
- 5 Въ имѧ оца и сна и стго дха. коста тин философъ правовѣрно о исти нѣмъ бѣѣ. оучитель словѣнскимъ исповѣдоужподыписания. Въ роуж бо оубо въ единого ба оца въ
4. 94 10 седръжителѣ. всѣмъ видимымъ и невидимымъ. творца же и га. бе значална. невидима. неодръжи ма. неизмѣнна. бесконечна. И въ единого га Іу ха сна единородна.
- 15 безначално и безврѣменно. и прѣжде всѣхъ вѣкѣ от оца сжщства вссна впа. И въ единѣ дхѣ стги. исхода щѣ от ба оца единого. и съ оцемъ и сно мъ бгословимыи же и славимы. Иако съествныма и съ нима прѣбыва ж трцж оубо славлѧ ипостасми. сирѣ чѣ лица. и которагожде от реченыхъ. несмѣсна. ни размѣсна. блюдыи ра змѣснаа свойства. Ико никакоже
- 25 прѣлагаемъ и движемъ.

πιστεύομεν εἰς ἕνα Θεὸν Πατέρα Παντοκράτορα, πάντων ὀραμένων καὶ ἀοράτων ποιητὴν τε καὶ Κύριον, ἀναρχόν, ἀδαρτον, ἀκατάληπτον, ἀγαλλοίωτον, ἀτελεούτηον. Καὶ εἰς ἕνα Κύριον Ἰησοῦν Χριστόν, τὸν Υἱὸν αὐτοῦ τὸν μονογενῆ, ἀνάρχως καὶ ἀχρόνως καὶ πρὸ πάντων τῶν αἰῶνων τῆς πατρικῆς οὐσίας ἐκλάμψαντα. καὶ εἰς ἕν Πνεῦμα ἅγιον, ἐκ τοῦ Θεοῦ καὶ Πατρὸς προῖόν, καὶ Πατρὶ καὶ Υἱῷ συνθεολογούμενον τε καὶ συναΐδιον, ὡς συμφυῆς καὶ συναΐδιον. Τριάδα μὲν δοξάζοντες ὁποσάσεσιν ἦτοι προσώποις, καὶ ἐκάστῳ τῶν εἰρημένων ἀμιγῆς καὶ ἀσυγχύτους τηροῦντες τὰς ἀφοριστικὰς ιδιότητας, ὡς οὐδαμῶς μεταπιπτούσας ἢ κινούμενας <...>

4. 95 60 <...> едино бо въ трех бжтво. и триедино въ них бжтво. Икоже ны оучитѣ бгословѣ григорие нанъзи анскы. ба оубо оца чьтж. от негоже
- 65 всѣ въ бытие приведошж см. ба сна¹ славлѧ. имже всѣ бышж. и въ сжщ нѣмъ бытии прѣбываждъ. ба дха стго величаж. имже всѣ съхранѣтсѧ и съдръжжтъ. единого ба въ трехъ чьтж. не въ три боги раставлѣж еди ного бжтва. да см оуклонѧ от три бжтва. паче же многобжтнаго без збожиа <...>

581 А—С

<...> ἔν γάρ ἐν τριῶν ἢ θεότης, καὶ τὰ τρία ἐν. τὰ ἐν οἷς ἡ θεότης, ἡ τὸ γε ἀκριβέστερον εἰπεῖν, ἡ ἡ θεότης. Καθὰ μυσταγωγῆκεν ἡμᾶς τῶν θεολόγων ο κράτιστος. Θεὸν οὖν τὸν πατέρα σε βόμεν, ἐξ οὗ τὰ πάντα ἐκ μῆ ὄντων παρήκται πρὸς ὑπαρξίν. Θεὸν τὸν Υἱὸν δοξάζομεν, δι' οὗ τὰ πάντα γεγένηται. καὶ πρὸς οὐσιώδη διαμονὴν διασώζεται. Θεὸν τὸ Πνεῦμα τὸ ἅγιον προσκυνοῦμεν, ἐν ᾧ τὰ τρία σέβοντες, οὐκ εἰς τρεῖς Θεοὺς τὴν μίαν δισταντες Θεότητα, ἰν' ἐκκλίνευμεν τῆς τριθείας, μᾶλλον δὲ ποτεθείας, τὸ ἀθεώτατον. <...>

4. 95 об.

- <...> лихое от сихъ. ли мнѣние отмета ж. болшаа бо ли мнѣшиа Ико нѣ видѣти.
- 85 въ единосжщнѣи троици по сжщствую или по бжтвю. да арианское неисто вство оугашж. от негоже и кѣ немоу же ми нинѣшнѣа брань. Ни пакы въ едино сжщство слага ж или смѣ
- 90 шаж. нж лица сжщими. и вещьми

581 D—582 A

τὸ ὑπερβάλλον ἐν τοῦτοις ἢ μειονεχτούμενον ἀποπεριτόμενοι. Τὸ γάρ μείζον η ἔλαττον ὡσπερ ἐν τῇ οὐσίᾳ θεωρηῆσαι οὐκ ἐνόν, οὐδὲ ἐν τῇ Τριάδι κατὰ τὴν οὐσίαν ἢ τὴν θεότητα, ἵνα τὴν Ἀρειανικὴν λύσαν, ἐξ ἧς καὶ πρὸς ἡμᾶς ἡμῖν ὁ νῦν πόλεμος, κατασβέσωμεν. οὔτε μὴν εἰς

имены. раздѣлно съвькоупление
по сщцеству приношж да савелиа
нское неистовство омрача. проти
вваа зла и коупна нечистымъ. и та
95 тебна рещи. съвькоуплѣж раздѣлѣ
ж бгочестно. и раздѣлѣж съвькоу
плѣж бгольшно <...>

185 <...> се бо новое
и дивное смѣшение. низзлиавша
го сж бжтва и прижтаго члчства.
от негоже въ единомъ тѣлеси. съ
натие скончавше сж нами знаемо
190 есть. се бо есть дивнѣе. еже сж ра
ждаетъ бѣ съ прижтиемъ. слово бо
съвьршенъ сын бѣ. къ съвьршеноу
члкоу примѣсж сж. въ едино тѣло
сложно смѣшъ сж по нему. сего ради
195 и рождѣшиа его. въ истинѣж и рѣсно
тж бца нами нарицаема есть. ро
ждь бо сж от оца без мтере без начла
прѣжде. от мтре безъ оца роди сж вто
200 рое. не бжтвоу его приешоу от себ
начатка. нж прѣбывъ еже бѣ. и еже
не бѣ приемъ свое створи. и оы хода
таи между ба и члкы. которомуждо
приобщивсж равноестъствному
сщцеству. глж же бжтвну и члчю.
205 въ едино лице съвькоуплѣж сж. ибо
и съвькоуплѣши сж обѣ естѣствѣ
въ едино. единого хѣ и сиса и га скон
частѣ. единъ бо от обоу ишедъ разоу
мѣваемъ есть хс. по разоумѣваемо
210 му и по видимому. <...>

<...> и съ всѣми
сщцими и чьствыми молитвищы.
330 и сиж образы стѣж и знамениа чь
темъ и обლობызаемъ. ими же на
мъ по образу вссѣ еульскыа повѣ
сти сказаны бышж. аще нж и въ па
матъ вѣставлѣждъ бывшжѣ оисо
335 мъ нас ради бжиа словесе. Икоже съ
выше и испрѣва блговѣрно прѣж
хом. снѣ оца си хранѣще по чьсти го
вѣнне сътворимъ. а не бжкыж имъ
слоужбы творимъ и кланѣниа. да не
340 бждетъ. Иже подобаетъ боу единому
обладажщому всѣми. всѣи бо
сщжи бжиемъ дхѣми наоучени
видѣтъ различие чьсти и кжѣ подо
баетъ хоу боу нашему чьстѣ и кла
345 нѣнне въздаати. и стѣмъ икона
мъ подобнѣж чьстѣ творити. и от тѣх
къ прѣвому образу егоже тѣло е
сть написано чьстѣ възносити:
къ симъ чьтѣж чьстныж иконы прѣтѣж
350 и прѣтѣж влччж нашеж. истинныа
помошницѣ нашеж и приснодѣви
бжж мариѣ. рождышжѣ по плѣти га
ис хѣ ба нашего без сѣмене и негре
вно. и безъ всего примышления. та

μίαν ὑπόστασιν συγγχέοντες ἢ συναλειψόντες, ἀλλὰ προσώποις ἕφεστῶσι καὶ πράγμασι καὶ ὀνόμασι τὸ διηρημένον συνημένως κατὰ τὴν οὐσίαν εἰσφέροντες, ἵνα τὴν Σαββαλλιανὴν μανίαν ἐξαμαυρώμεν· τὰ ἀντίθετα κατὰ καὶ σύνδρομα τὴν ἀσέβειαν, καὶ συλλαβόντα εἰπεῖν, συνάπτωμεν διαιδιαιρούντες εὐσεβῶς, καὶ ροῦμεν συνάπτωτες θοκρεπῶς. <...>

585 В—С

Τοῦτο γὰρ ἡ καινὴ καὶ παράδοξος μίξις σῆς κενωθείσης θεότητος, καὶ τῆς προκληρηθείσης ἀνθρωπότητος, ἐξ ᾧ ἡ καθ' ὑπόστασιν ἕνωσις ἡμῖν ἀποτελεσεθεῖς γνωρίζεται· τίχεται γὰρ Θεὸς μετὰ τῆς προσλήμματος, τὸ παραδοξότατον· ὅλος γὰρ ὢν Θεὸς ὁ λόγος, ὅλῳ ἀνθρώπῳ ἦνωται, εἰς μίαν σύνθετον κατὰ ταυτὸν συνελθὼν ὑπόστασιν· διὰ τοῦτο καὶ ἡ τεκοῦσα, κυρίως καὶ ἀληθῶς Θεοτόκος πρὸς ἡμῶν ὁμολογεῖται· ὁ γὰρ ἀμήτωρ ἐκ Πατρὸς ἀνάγκως γεννηθεὶς τὸ πρότερον, ἀπάτωρ ἐξ αὐτῆς προῆλθε τὸ δεύτερον· οὐ τῆς θεότητος αὐτοῦ ἐντεῦθεν εἰς τὸ εἶναι ἀρχὴν λαβούσης, ἀλλὰ μείνας ὅπερ ἦν, ὁ οὐκ ἦν προσειληπῶς ἠκειώσατο· καὶ γέγονε μεσιτῆς Θεοῦ καὶ ἀνθρώπων, ἐκατέρα κεκοινωνηκῶς τῶν ἑτεροφῶν οὐσιῶν, θεότητός τε, φημί, καὶ ἀνθρωπότητος, τῷ μοναδικῷ τοῦ προσώπου συναπτόμενος· καὶ γὰρ αἱ εἰς ἓν συνδραμοῦσαι φύσεις τὸν ἓνα Χριστὸν καὶ Ἴδον καὶ Κύριον ἀπετέλεσαν. Εἷς γὰρ ἐξ ἀμφοῖν προερθῶν νοεῖται Χριστός, κατὰ τε τὸ νοούμενον καὶ τὸ φαινόμενον. <...>

4. 97 об.
F.1.376

4. 98
F.1.376

589 В—D

<...> καὶ μετὰ πάντων τῶν ἐν ἡμῖν ἱερῶν σεβασμάτων, καὶ τὰ ταύτης ἅγια καὶ σεβάσμα σύμβολα καὶ γνωρίσματα τιμῶμεν καὶ κατασπαζόμεθα, δι' ὧν ἡμῖν καθ' ὁμοιότητα τῆς εὐαγγελικῆς ἱστορίας καὶ ἀνιστόρηται καὶ σημαίνεται, εἴ γε εἰς μνήμην ἡμῶς τῆς πεπρακταυμένης τῷ Σωτῆρι ὑπὲρ ἡμῶν συγκαταβάσεως διανίσταται, καθάπερ ἄνωθέν τε καὶ ἐξ ἀρχῆς, παῖδες παρὰ πατέρων διαδεξάμενοι, εὐσεβῶς παρειλήφαμεν. κη'. Ταῦτα περιέποντες, τὸ κατὰ τιμὴν σεβας νέμεμεν· οὐ μὴν τὴν γε κατὰ λατρείαν προσκόνησιν προσφέρομεν, ἀπαγε, ἡ μόνω πρέπει τῷ πάντων κατεξουσιάζοντι Θεῷ· πάντες γὰρ, ὅσοι διδακτοὶ Θεοῦ ἐν πνεύματι, ἰαγὶς τὸ ἐν σεβάσματι διάφορον, καὶ ὁποῖαν δεῖ καὶ τῷ Χριστῷ καὶ Θεῷ ἡμῶν τὴν προσκόνησιν ἀποδιδόναι, καὶ ταῖς ἱεραῖς εἰκόσι τὸ προσῆκον ἐκ νέμειν σεβας, καὶ δι' αὐτῶν ἐπὶ τὸ ἀρχέτυπον τὴν τιμὴν ἀναφέρειν. Πρὸς τοῦτοις τιμῶμεν τὰς σεβασμίας εἰκόνας τῆς παναγίας ἀχράντου δεσποίνης ἡμῶν καὶ ἀληθινῆς προστασίας 'Αειπαρθένου Θεοτόκου, τῆς κατὰ σάρκα τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν τὸν Θεὸν ἀσώφως καὶ ἀπράστως καὶ ὑπερφῶς τεκοῦσης· ὡσαύτως καὶ τῶν ἁγίων ἀγγέλων, καὶ τῶν ἄλλων ἀπάντων ἁγίων τῶν ἀπ' αἰῶνος αὐτῷ εὐαρεστησάντων <...>

4. 100 об.
F.1.376

4. 101
F.1.376

355 кожде и стхь аггль. и стхь и славных
апль и мнхь. и инхьхь всхьхь стхь
оугождьшихь емоу от вька. цкоже
и никейскыи стыи и великыи събо
рь. блговѣрно и бгооугодно прѣда.

360 и прочии блговѣрнии и вселенстии съ
бори оутвѣрдишж. такожде и чьст
ныж ихь памяти твораще. сице азъ
свож вѣрж исповѣдаж. и съ присным
моимъ братомъ мефодиимъ и пос

365 пѣшникомъ въ бжи слоужбѣ.
въ сеи бо есть спсение и оупование.
и сиж прѣдаевъ своимъ оучеником.
да сице вѣроужще спсѣтсѣ. и въ стра
шнии днь сждныи пакы прѣдадѣ

370 ть ж нама истиннж неизмѣннж
свѣршенж одеснжѣ странж ставъ
ше. прѣд Іу хомъ гмъ истиннымъ
бгомъ нашимъ. емоуже слава въ
всѣхъ вѣкы. аминь.

(ГПБ, F.1.376)

ὦν καὶ τὰς μνημῶν εὐσεβοῦτες ὑπαίρομεν

(PG. t. 100, col. 580.

581, 584, 585)

С. А. ДАВИДОВА

Патериковые чтения в составе древнерусского Пролога

Пролог — один из самых распространенных памятников Древней Руси. По происхождению это переводный греческий Синаксарь.¹ Он содержит краткие жития святых, но для нас наибольший интерес представляет оригинальный литературный материал,² добавленный в него древнерусскими книжниками. В числе источников этих дополнений, составленных из произведений разнородных жанров, — сочинения византийских отцов церкви, эпизоды из пространных житий (Андрея Юродивого, Нифонта Константинопольского, Иоанна Милостивого и некоторых других), а также патерики.

Из этого разножанрового материала мы выделили как предмет исследования так называемые патериковые чтения.³ В составе I и II редакции Пролога⁴ объем патериковых чтений, их видовые различия и характер использования несколько отличаются, именно поэтому патериковый материал в I и II редакциях рассматривается отдельно.

Основой исследования являются древнейшие списки Пролога (XIII—начало XV в.), которые позволяют, с одной стороны, наглядно проследить функцию переводного сборника, а с другой — что для нас более важно — в полной мере определить объем патериковых чтений.⁵ Мы используем методику сопоставительного анализа древнерусского Пролога и всех известных на Руси переводных патериков (Синайского, Скитского, Египетского, Азбучно-Иерусалимского, Римского и Сводного).

Еще И. М. Смирновым было указано, что в состав Пролога I и II редакций были включены извлечения из Синайского патерика.⁶ Однако действительным источником, в большей степени отразившимся в Прологе, по-видимому, был Лимонис⁷ — одна из редакций Синайского патерика.

¹ Более подробно о происхождении Пролога см.: С е р г и й, архим. Полный месяцеслов Востока: Восточная агиология. Владимир, 1901. Т. 1. С. 278—303.

² Литературный материал обычно называют правоучительным или учительным отделом, дополнительной частью Пролога. См.: Ф е т Е. А. Новые факты к истории древнерусского Пролога // *Источниковедение литературы Древней Руси*. Л., 1980. С. 54—56; Л е б е д е в а И. Н. К истории древнерусского Пролога: Повесть о Варлааме и Иоасафе в составе Пролога // *ТОДРЛ*. Л., 1983. Т. 37. С. 43.

³ Извлечения из патериков в древнейших списках Пролога занимают большую часть его состава. В Софийском Прологе XII—XIII вв. (ГПБ, Софийское собр., № 1324), например, эти извлечения составляют более половины из 192 статей правоучительного отдела.

⁴ О редакциях Пролога см.: С е р г и й, архим. Полный месяцеслов Востока. . . С. 303—313.

⁵ По нашим наблюдениям, состав Пролога в XVI—XVII вв. перерабатывался и носит неустойчивый характер.

⁶ С м и р н о в И. М. Синайский патерик в древнеславянском переводе. Сергиев Посад, 1917. С. 259—272.

⁷ По мнению Смирнова, Лимонис составлен в Болгарии в X в., а на Руси переведен ранее Синайского патерика. См.: С м и р н о в И. М. Синайский патерик. . . С. 225—258. Исследователь выделил две редакции Лимониса: краткую (ГИМ, собр. Чудовское, 318⁰, XVI в.), в состав которой включены только главы из Синайского патерика, и полную, включающую, кроме того, главы из Патерика Египетского (ГБЛ,

Отметим, что часть Слов заимствована Лимонисом без изменений, другая — получила некоторую переработку. Доказывают эту мысль сопоставления, которые приводятся ниже. Здесь же можно проследить, как составитель Пролога, в свою очередь, перерабатывает текст Лимониса, упрощая его, хотя старается следовать за источником. По-видимому, желая акцентировать смысловые стороны повествования и обнажить сюжет, составитель избавляется от ненужных для него подробностей.

Пролог (6 сентября)
(ГИМ, Син., № 239,
л. 190)

Инако бо целится блудник, инако же отравник и разбойник, инако лихоимец и тать, инако клеветник и злоупамятник и да ти многих не наричаю. . .

Пролог (22 февраля)
(ГПБ, Соф., № 1324,
л. 309 об.)

Бяше нѣкий скоморох в градѣ киликистѣи именовемъ Вавула. Тѣ имяше 2 женѣ, има единой Комита, а друзѣи Никоя. И тѣ бѣ живыи сквѣрньо, дѣлая, яко же подобно дьяволу. .

Пролог (8 января)
(ГПБ, Соф., № 1324,
л. 276)

Повѣдаше нам авва Федор римлянин, глаголя, яко 30 есть поприць от Рима града есть мал Ромул наричаем. В том граде есть епископ велик и доброправъ. Единого же влезоша нѣции Ромула града к блаженному папѣ римскому Агапиту. . .

Пролог (18 июня)
(ЦГАДА, Тип., № 170,
л. 108)

Прозвутер некто сыи иды свершит службы, видѣ у единой кельи братии бесов: единым преобразящимся в жены, а инем — в уноши, а инии ликующе — в ликы образы приминяюще. Прозвутер же въздохнув и рече: «О, како,

Лимонис
(ГБЛ, Тр.-Серг., № 37,
л. 189)

Инако бо целится блудник, инако же отравник, другое — яко разбойник, и инако есть лихоимца помоганье, и другое, яко врачуются лъжа, и инако злопамятнику и инѣм ицѣляется тать, и другое, яко предлудникъ врачуется, и да ти много страсти не наричу. . .

Лимонис
(ГБЛ, Тр.-Серг., № 37,
л. 181)

Скомрах бѣ нѣкто в градѣ киликистѣи именовемъ Вавула. Тѣ имеаше 2 жене. Има единой Комита, а друзѣи — Никося. Живыи в сквѣнньи и дѣлая, яко подобаеть дѣлати съ бѣсы. . .

Лимонис
(ГИМ, Чуд., № 318^б,
л. 46)

Поведаше нам авва Федор римлянин, глаголя, яко от трии десять поприць Рима град есть мал Румила нарицаем. В том же бѣ градѣ епископ зѣло велик и добр нравом. Единого же влѣзоша нѣции Румила града к блаженному папѣ римскому Агапиту. . .

Лимонис
(ГБЛ, Тр.-Серг., № 37,
л. 222)

Поп етер келеиск прозорлив сы иды единою в церковь свершити службу. Видѣ у единой хыжа братьна множество дѣмон, неподобная глаголюща. Единѣм преобразяющимся в жены, а другим — в уноша и ругающиеся, а другим ликующим — и ины в многы об-

*Синайский патерик*⁸
(Син., № 551, л. 52 об.)

Мна бо отравньником и другое яко разбойником, инако есть лихоимцью помагание, и другая лѣмба лъжку, и инако зѣлопамятнику, и инем исцѣляет тать и, другое, яко преблудникъ врачуется, и да ти много страдании не наричу. . .

Синайский патерик
(Син., № 551, сл. 37)

Скомрах бяше в градѣ Тарьсѣ киликистѣи именовемъ Вавула. Тѣ имяше дѣвѣ женѣ. Има единой Комиту, а друзѣи — Никося. Живыи сквѣр'ньи и дѣлая, яко же достоить дѣствовати съ бѣсы. . .

Синайский патерик
(Син., № 551, л. 104 об.)

Повѣдаше нам авва Федор римлянин, глаголя, яко от три деть поприць Рима град есть мал Румула нарицаем. В том же градѣ епископ бѣ зѣло велик и добромъ нравомъ. Одиного же влезоша нѣции Ромула града к блаженному папе римску Агапиту. . .

Синайский патерик
(Син., № 551, л. 163)

Прозвутер етер калииски прозорлив сы иды единою в церковь съвршити службу. Видѣ в'ньи единой хыжа братьна множество дѣмон. Единѣм прообразяшем ся в жены и неподобная глаголющем, а другим — в уноша и ругащася, а другыя ликующа и ины в многы

собр. Троице-Сергиевой лавры, № 37, XIV—XV вв.), см.: Смирнов И. М. Синайский патерик. . . С. 213—227.

⁸ Текст Синайского патерика цит. по изд.: Синайский патерик. М., 1967.

брат, в лености пребы-
вает. . . »

. . . Демони же увѣдѣ-
ше пребывающа в мо-
литвѣ и тружущася к
богу, отбегоша блажен-
нию благодарностию.

разы облачащася. Старец же
вздохнув, рече: «Како, брат
сии, в лѣности пребыва-
ет. . . »

. . . Демони же видѣша и
пребывающа в молитвах
и тружущая, отидоша,
благостию божию отгоними.

образы облачащася. Старец
же въздѣхнув, рече:
«Како брат съ в лѣности
прѣбываетъ».

. . . Демони же видяще прѣ-
бывающа и в молитвах и
тружущася, отидоша бла-
годатию божию. . .

Некоторые статьи из Синайского патерика не вошли в состав Лимониса. Однако их можно найти в Прологе. Последнее доказывает, что Синайский патерик параллельно с Лимонисом использовался в Прологе, хотя и менее систематически. Одним из примеров переработки текста Синайского патерика в Прологе может служить следующее сопоставление:

Синайский патерик
(Син., № 551, л. 182 об.)

Иероним съказа, яко видех мужа свята
и зело съмерѣна и многа видѣния видѣ-
вшася именем Аммона. Съ одною ли-
тургисася, видѣ одесную стояща ангела
олтаря. И приходящую братию знаме-
нающа имена их написающа в книгах.
Некоторым же не пришедшем в събор,
видѣ имена поглажена, иже по трѣх
на десяте днех умерѣша. . .

Пролог (5 марта)
(ЦГАДА, Тип., № 170, л. 5)

Поп Аммония литургисуюся в церкви,
видѣ ангела, стояща одѣсную олтаря.
Приходяща в церковь имена написаше
в книги, а лености исходящая, имѣна
заглажаше, иже по трѣх на 10 днех
умроша. Да се въдуше, братъе, прежде
отпущение молитвы не исходите из
церкви.

Данные сравнительно-текстологического анализа показали, что в Прологе были использованы также Патерик Египетский Краткий,⁹ и Патерик Египетский полного состава.¹⁰ Характер использования чтений из Патерика Египетского близок к работе составителя Пролога над Синайским патериком: в том и другом случае извлечения делались как из Лимониса, так и непосредственно из корпуса патерика.

Пролог (6 мая)
(ЦГАДА, Тип., № 170,
л. 70 об.)

Есть, рече, в пустыни
дальней брат наш Иоан,
добротами превсходя и
паче всех и нынешних
черноризецъ. Его же
вскорѣ обрѣсти можетъ
никто же. Понеже при-
ходить присно от места
до места в пустынях,
тъ исперва ста на ка-
мыщѣ по 3 лет. . .

Лимонис. Патерик
Египетский Краткий
(ГБЛ, Тр.-Серг., № 37,
л. 234 об.)

Есть, рече, в пустыни даль-
ний брат наш Иоан, доб-
ротами превсходя паче
всех нынешних чернори-
зецъ. Его же никто вскорѣ
обрѣсти может. Понеже при-
ходить присно от места до
места в пустынях, то за-
перва стоя на камыщѣ по
три лета. . .

Патерик Египетский
(ГПБ, Солов., № 635/693,
л. 56 об.)

Есть, рече, в пустыни сей
брат наш Иоан, юн же
телом всех же нынешних
черноризецъ добротами пре-
ходя. Его же никто въскорѣ
обрѣсти может. Понеже
преходить присно от места
до места в пустынях, тъ и
заперва стоял на камени
по три лета. . .

Пролог (2 сентября)
(ГПБ, ПДА, А.1.264, т. 1, л. 4)

Бѣше нѣки уноша в граде,
зѣло многа зла створи
и лютьѣ съгрешая, гробища
крадѣи. И божиим судом
страх его в сердца приим,
смири себе велми, по-

Патерик Египетский
(ГПБ, Солов., № 635/693, л. 16)

Бѣше бо нѣкто ин уноша,
рече, в граде, зѣло много
зла сътворив и лютьѣ съгре-
шив. Иже повелѣнием
божием умилен быв о
многих грѣсѣх. И гробов
дошед,

⁹ V e d e r W. R. Патерик Египетский Краткий: Переделка Патерика Египетского до 1076 года // Palaeobulgarica. Sofia, 1979. 3/1. С. 8—34. Состав был выявлен И. М. Смирновым из Лимониса полной редакцией. См.: Синайский патерик. . . С. 217—221.

¹⁰ См. постаейное описание: Е р е м и н И. П. К истории древнерусской повести // ТОДРЛ. М.; Л., 1936. Т. 3. С. 38—46; Ф е д е р В. Р. Сведения о славянских переводных патериках // Методич. рекомендації по описанию славянско-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2. Ч. 1. С. 218.

кався от многих своих грѣх. К гробищем же пришед первого ради житья своего, ниць пад, плакашесь, не смея ни глас испустити, ни бога нарѣцати. . .

первья своея жизни плакашесь, ниць пад и не смѣя испустити глас, ни намѣнити бога. . .

Анализ приведенных текстов позволяет утверждать, что Лимонис полной редакции сыграл заметную роль в формировании учительной части Пролога. На наш взгляд, именно эта редакция была использована составителем Пролога, который не считал главы Синайского патерика и Патерика Египетского Краткого в составе Лимониса «механическим соединением разных произведений».¹¹ Последнее подтверждается отсылкой к источнику в заголовке проложной статьи («Слово от Лимониса о помыслах» под 15 сентября или «Слово от Лимониса о подвизе» под 7 сентября).

В Пролог были включены чтения из Патерика Скитского поглавного,¹² на которые приходится, пожалуй, большая доля заимствований из патериков. Об этом свидетельствуют и данные текстологического анализа рукописных текстов и найденные нами аналогии в постатейной росписи Скитского патерика, осуществленной В. Р. Федером.¹³

Статьи из Скитского патерика, которые отличаются малым объемом и лаконичностью изложения, извлекались, как правило, целиком.

Пролог (30 апреля)
(ГПБ, ПДА, А.1.264)

Мниси единии ис хижь своих ишедше, събращася вкуупѣ, слово глаголаху о пощени, о благовѣрстве и како подобает угодити богу. Сим же глаголомъ явиста два ангела. Единому старцю от них за манатью держаща и когождо их славяща и благославляща о божии вере. . . (т. 2, л. 88).

Брат един отрекся простаго житья и, раздая все имѣнье свое нищим, удержав же мало в службу свою, иде к старцю Антонию. И, увѣдав, старец глагола ему: «Аще хочещи мних быти, иди в сию весь, и купи мяса, и положи на тела свое наго и тако приди сѣмо. . . (т. 1, л. 177).

Скитский патерик
(ГПБ, Пог., № 267)

Мниси едини шедше из хижь своих събращася вкуупѣ и слово протонаху о пощени и о благовѣрствии и како подобает угодити богу. Сим же глаголомъ и явистася два ангела. Единем старцем от них за мантию держаще и хваляща когождо, глаголющаго о божии вере. . . (л. 103 об.).

Брат отрекся простаго жития и, раздая имѣнье свое нищим, и удержав мало в службу свою, иде к отцу Антонию. И, се увѣдѣв, старец глагола ему: «Аще хочещи мних быти, иди в весь, купи мяса, и възложи на тѣло свое наго и тако приди сѣмо. . . (л. 28 об.).

Совершенно другой характер имеет использование Азбучно-Иерусалимского патерика¹⁴ в Прологе. В отличие от других патериков, рассмотренных выше, чтения из Азбучно-Иерусалимского патерика попадали, по-видимому, не прямо, а опосредованно. Можно предположить, что древнерусский книжник к моменту составления как I, так и II редакций Пролога не был знаком с корпусом Азбучно-Иерусалимского патерика, а подбирал материал или из других патериков, имевших общие чтения с Иерусалимским,¹⁵ или, например, из «Пандектов» Никона Черногорца. По нашим наблюдениям, в составе древнерусского Пролога не отразилась алфавитная часть Азбучно-Иерусалимского патерика.

Также трудно утверждать, что составителю Пролога был известен Римский патерик (Диалоги Григория Великого).¹⁶ Вероятно, книжники

¹¹ Смирнов И. М. Синайский патерик. . . С. 227.

¹² См.: Федер В. Р. Сведения о славянских переводных патериках. . . С. 214—215.

¹³ V e d e r W. R. La traditon slave de Apophthegmata Patrum (Aperçu de la tegmata) // Slovo. 1978. Т. 24. Р. 25—34.

¹⁴ В состав данного патерика входит алфавитно-анонимное собрание «Изречений св. старцев» (ἀποφθέγματα τῶν πατέρων). См.: Федер В. Р. Сведения о славянских переводных патериках. . . С. 215—216.

¹⁵ Анонимная часть Азбучно-Иерусалимского патерика имеет общие статьи со Скитским. Однако анализ текстов свидетельствует о том, что в Прологе извлечения были сделаны из Скитского патерика.

¹⁶ Федер В. Р. Сведения о славянских переводных патериках. . . С. 221—222.

заимствовали чтения из «Пандектов» Никона Черногорца. Об этом говорит тот факт, что статьи Римского патерика значительно переработаны в «Пандектах», а в древнерусском Прологе мы встречаемся с текстами, идентичными именно «Пандектам».

Пролог
(ГПБ, Соф., № 1324,
л. 285 об.)

*«Пандекты» Никона
Черногорца*
(ГИМ, Син., № 836,
л. 81 об.)

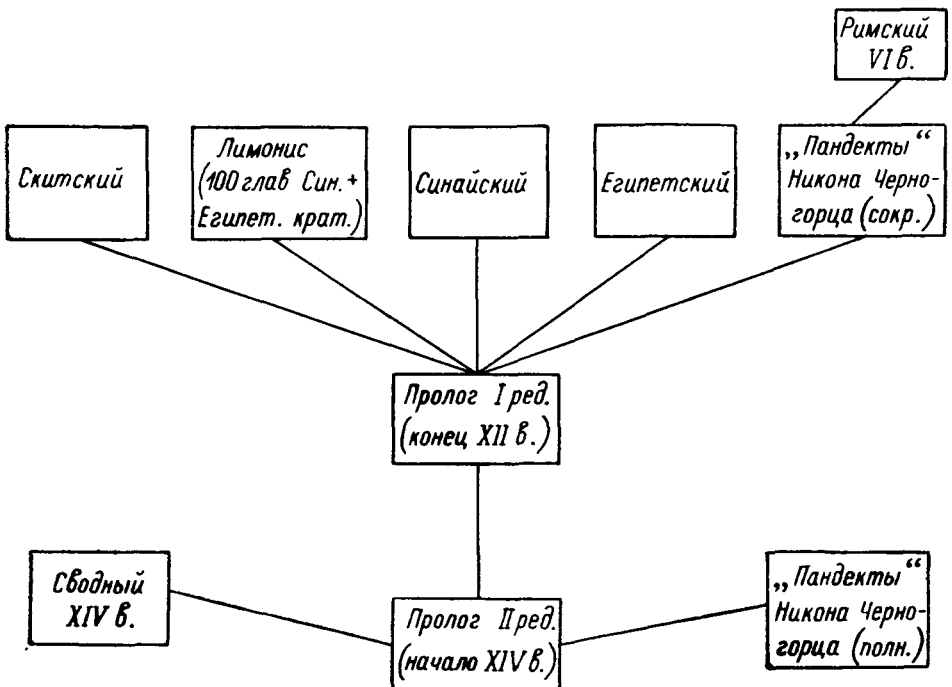
Римский патерик
(ГПБ, Q.1.275,
л. 109 об.)

Поразумѣм и увемы,
яко пьрвии с изве-
стием заповеди господня
съблюдаху и за ближ-
няя своя полагаху душа
своя, по словесе рек-
шаго: «Больша сея любь-
ви несть, да кто по-
ложить душу свою за
другы своя». И се творн
раб божии Павлин. . .

Поразумѣи и вижь, како
первии отци с извѣстием
заповеди господа нашего
Исуса Христа съблюдаху и,
яко же и за ближняя их
душа своя полагаху, по-
добию рекшаго: «Больше
сея любве никто не
имать. . .»

Вънегда внимати ми со-
сѣдствующим отцем и в тех
чудесех словом прѣбывати,
великих дѣла оставих. Пав-
лина бо Нолонскаго града
епископа чудо кого не удив-
ляет. Их же и летом и
чудесе силоя в сех их же
понимание сътворих, изьяш-
ствует. . .

В настоящей работе предпринята попытка систематического описания извлечений в составе Пролога из переводных патериков. Было установлено, что источниками патериковых чтений Пролога могли быть не только конкретные виды патериков, но и компилятивные сочинения («Пандекты» Никона Черногорца) (см. стемму). В этой связи следует отметить, что перечисленными статьями не исчерпывается весь состав произведений патерикового жанра в Прологе. Патерики были предметом подражания, по-видимому, для многих авторов. Этим можно объяснить тематическое сходство отдельных статей Пролога, не имеющих аналогий в патериках, поэтому определение источников данных статей, косвенно примыкающих к патериковым чтениям, является другой важной задачей как для дальнейшего изучения бытования литературных произведений в составе Пролога, так и для выяснения ряда проблем, связанных с процессом его становления.



Переводные патерики — источники Пролога.

Патериковые чтения в прологе XIII—первой четверти XV в.

Дата	Статья Пролога	Редакция	Патерик-источник	Местонахождение
20/II	1. Авва Маркел мних поведалше братъи (Слово от Лимониса о брани бевсовьстей со мнихы)	I—II	Лимонис	Тр.-Серг., № 37, л. 241—241 об. (206)
16/XI	2. Авва Памво посла ученика своего в Александрию (Слово св. отца Памова о поучении к ученику своему)	II	Азбучно-Иерусалимский	van Wijk, 74 : 24; Тр.-Серг., № 701, л. 74 об.—76
23/II	3. Аделфий, епископ Аравия града, си имеаше (Слово от Лимониса о Аделфий епископе)	II	Синайский	Син., № 551, сл. 168
31/III	4. Анастасий царь в Евтухову ересь впад (Слово, яко подобает тязатися пред богом)	I—II	»	Там же, сл. 46
6/XII	5. Бе жена крестьяна и муж елин (Слово о милостыни, дая нищу, Христу дает)	I—II	Лимонис	Тр.-Серг., № 37, л. 206 об. (266)
8/X	6. Бе муж боголюбив в Аскалоне (Слово о милостивем схаластце)	II	»	Там же, л. 226 (310)
17/II	7. Бе некогда в Александрии христолюбив и богоязлив (Слово о мужи, како оклеветан бысть)	I	»	Там же, л. 186 об. (97)
22/VIII	8. Бе некогда в горе Елеоньстей затвореник (Слово о затворнице, клещемся бесу)	I—II	»	Там же, л. 184 (56)
28/VIII	9. Бе некто жидовин именем Феодор (Слово о Феодоре жидовине)	I—II	»	Там же, л. 203 (253)
6/X	10. Бе некто мних в общем житьи Конон именем (Слово о некоем попе, иже крещая жены)	II	»	Там же, л. 179 об. (3)
9/II	11. Бе некто мних, живый в ските близ церкви (Слово о некоем мнисе, иже прежде боярин бе силен)	I—II	Скитский	Veder, 10 : 110; Пор., № 267, л. 52—53
24/II	12. Бе некто мних прозвутер именем Иоан (Слово о Иоане мнисе, его же исцели от болезни)	I—II	Лимонис	Тр.-Серг., № 37, л. 180—190 (1)
23/VII	13. Бе некто общему житью отец и прилучися сего (Слово от патерика)	II	Скитский	Veder, B : (5)
11/VIII	14. Бе некто чернец монастыря игумена Севериана (Слово о черноризце, хотевшем впасти в блуд)	I—II	Лимонис	Тр.-Серг., № 37, л. 183 (47)
14/I	15. Бе некто черноризец в стране Тавенистей (Слово о погребаяющихся в церквах грешниках)	I—II	«Пандекты» Никона Черногорца (из Римского патерика, кн. IV)	Син., № 836, л. 160
31/V	16. Бе некто черноризец, седяше в кельи своей (Слово о неосуждении согрешающих)	II	Скитский	Veder, 3 ^c : (69); Пор., № 267, л. 15

Продолжение

Дата	Статья Пролога	Релакция	Патерик-источник	Местонахождение
24/IX	17. Бе некий уноша хитр сын ковати (Слово о уноши, ковавшим крест Патрекею)	I—II	Лимонис	Тр.-Серг., № 37, л. 217—217 об. (281)
30/I	18. Беста два мниха в общем монастыри (Слово, еже не осудити никого же)	I—II	Скитский	Veder, 9 : 18; Пор., № 267, л. 42
30/V	19. Блаженный отец наш Марко черноризец (Слово о жене, обретене бывши в острове)	II	Сводный	Николова, № 99; Большак; № 414, л. 184—185
1/IV	20. Блаженный отец наш Павел, простые ученик (Слово о покаянии душ грешных)	I—II	Скитский	Veder, 18 : 26; Пор., № 267, л. 99 об.
14/VI	21. Брат Алумпии приде в лавру к авве Герасми-му (Слово от Лимониса)	I—II	Лимонис	Тр.-Серг., № 37, л. 240 (185)
7/VIII	22. Брат вопроси отца Амона: «Рци ми» (Слово патерика о спасении)	I—II	Скитский	Veder, 3 ^a : 4;
15/VII	23. Брат вопроси старца о книжном словеси (Слово от патерика о хитрости книжней)	I—II	»	Veder, 1 : (29)
9/V	24. Брат вопроси старца: «Рци нам глагол» (Слово от патерика, яко польза есть труждатися)	I—II	»	Veder, A : (43); Пор., № 267, л. 137 об.—138
15/IX	25. Брат един, живый в пустыни, мучим от беса (Слово от Лимониса о помыслех)	I—II	Лимонис. Египетский Краткий	Тр.-Серг., № 37 л. 237—238
10/X	26. Брат един огавлен быв от любодейня (Слово от патерика о брани любодейня)	I—II	Скитский	Veder, 5 : 23; Пор., № 267, л. 22
21/XII	27. Брат един отрекся простого житья (Слово о черноризце, пришедшем к Антонию)	II	»	Veder, 6 : 1; Пор., № 267, л. 28 об.—29
16/IX	28. Брат един поведаше братя полезная о своем отце (Слово от Лимониса о Дорофеи пустыннице)	I—II	Лимонис. Египетский Краткий	Тр.-Серг., № 37, л. 236—236 об.
18/IX	29. Брат оболгся в образ мнишский (Слово о плачущемся по вся дни мнисе)	I—II	Скитский	Veder, 3 ^b : (6), Пор., № 267, л. 11
1/VII	30. Брат прииде в гору Ферьмскую (Слово о пользе душевной)	II	»	Veder, 3 ^c : (72); Пор., № 267, л. 15
21/VI	31. Брат, прием обиду от иного мниха, приде к отцу Сисою (Слово от патерика, яко не мщам)	II	»	Veder, 16 : 13; Пор., № 267, л. 89 об.
17/IX	32. Брат скорбь имеаше на брата (Слово от патерика о гневе и о покаянии)	I—II	»	Veder, 15 : III ^a ; Пор., № 267, л. 85 об.
22/III 22/XII	33. Брата два гонению ята быста (Слово от патерика, яко добро от вражды смириться)	I—II	»	Veder, 3 ^a : 1

Дата	Статья Пролога	Редакция	Патерик-источник	Местонахождение
1/V	34. Брата два идоста на торг, продают (Слово о любви, ея же дея, бог согрешения прощает)	I—II	Скитский	Veder, 5 : 31; Пор., № 267, л. 24
16/I	35. Брату брань бысть в любодеянъе (Слово о некоем мнисе, хотевшем дщерь)	I—II	»	Veder, 5 : 43; Пор., № 267, л. 55 об.
21/III 17/III	36. Бысть муж в пустыни в странах Ираклиях (Слово Пафногия о разбойнице спасшемся)	I—II	Египетский	Солов., № 635/693, гл. 15 (л. 58 об.—61 об.)
1/XII	37. Бяше в пустыни некто черноризец, глаголемый Ор (Слово о черноризце Оре, его же искуси)	I—II	Лимонис. Египетский Краткий	Тр.-Серг., № 37, л. 232 об.
18/IV	38. Бяше некий мних, живыи в пустыни (Слово от патерика, яко не подобает добродетели)	I—II	Скитский	Veder, 1 : (9)
21/XI	39. Бяше некий отходник чернец, исполнен всего добра (Слово о судьбах божиих, неиспытанных)	I—II	Лимонис	Тр.-Серг., № 37, л. 226 об.—227 об. (311)
22/II	40. Бяше некий скоморос в граде Тарсе (Слово о скоморосе, спасшемся с двема женами)	I—II	»	Тр.-Серг., № 37, л. 181—181 об. (37)
29/IV	41. Бяше некий черноризец внутреней пустыне (Слово о пустынице, приемшем хлеб от бога)	II	Лимонис. Египетский Краткий	Тр.-Серг., № 37, л. 228—229 об.
5/XII	42. Бяше некто старец в Сурии и сидяше при пути (Слово, яко странно-приимство более есть пред богом)	I—II	Скитский	Veder, 13 : 10; Пор., № 267, л. 67
8/IV	43. Бяше черноризец, отходя зело весь (Слово о черноризце, смерившим брата келья ради)	II	Лимонис	Тр.-Серг., № 37, л. 224—225 об. (307)
8/VI	44. В Авдикии градец мал есть (Слово о некрещене детище и о власти иерейсте)	I—II	Сводный	Николова, № 148
28/IV	45. В Александрии еюпетстей, в дому св. Марья (Слово от Лимониса о черноризце, продавшем клобучце)	II	Лимонис	Гильф., № 90 л. 164 об.
8/IV	46. В Александрии при Павле папе девица (Слово о девице, створше милость, хотевша удавиться)	I—II	»	Тр.-Серг., № 37, л. 220—220 об. (288)
26/X	47. В граде Туре бе некто десятичник именем Мухс (Слово о кумеркарьи)	II	»	Тр.-Серг., № 37, л. 207—208 (267)
17/I	48. В земле Саврьстей бысть некий черноризец (Слово о черноризии Мартурьи, како Христа носил)	I—II	Римский	Birkfellner, p. 71—72
26/VIII	49. В лавре св. Феодосья беста два мниха (Слово о кленушкуюся мниху, яко не разлучатися има)	I—II	Лимонис	Тр. Серг., № 37, л. 203 (114)

Дата	Статья Пролога	Редакция	Патерик-источник	Местонахождение
29/II	50. В лета Тиверия римскаго царя бе некто мних (Слово от Лимониса о Ульяне мнисе)	I—II	Лимонис	Там же. л. 208 об. (146)
19/VIII	51. В Селуне бе архиепископ некто (Слово о епископе—преступнице)	II	»	Там же. л. 183—183 об. (54)
15/I	52. Валентин некто именем Ладисоньский (Слово о кладущихся в церквах)	I—II	«Пандекты» Никона Черногорца (из Римского патерика, кн. IV)	Син., № 836, л. 160
14/V	53. Великий отец наш Макарьи. егда хотише от житья (Слово от патерика о успеньи великаго Макарьи)	I—II	Скитский	Veder, 19 : 10
15/XII	54. Взде некогда отец Макарии от скита в Тернуф (Слово о бестрашьи и на поученье)	I—II	»	Veder, 7 : 15; Пор., № 267, л. 32
22/I	55. Взде старец иногда от скита един в Тернуф (Слово от патерика о старци, иже пьаше чашу вина)	I—II	»	Veder, 19 : 20; Пор., № 267, л. 111
3/XII	56. Виде един старец от св. отец ангельский чин (Слово о Ефреме, како дан бысть ему свиток от бога)	II	»	Гильф, № 90, л. 75 об.
4/IV 24/V	57. Вопросы некто старца Пумина о втором пришествии (Слово от патерика о страхе божии)	I—II	Лимонис	Чуд., № 318 ^б , л. 74—75
10/X	58. Вшедше Аввас в Ерусалим (Слово о поставлении епископов и попов)	II	»	Тр.-Серг., № 37, л. 241 (202)
30/IV	59. Глаголаху о едином старце, яко умирая (Слово от патерика, иже умирая, возвести братья)	I—II	Скитский	Veder, 11 : 115; Пор., № 267, л. 63 об.
10/III	60. Глаголаху о Марце мнисе еюпетьством (Слово от патерика о Марце мнисе и прозорстве его)	I—II	Азбучно-Иерусалимский	Тр.-Серг., № 701, л. 57
8/II	61. Глаголаху о отци Зиноне, яко живый в ските (Слово от патерика о Зиноне)	I—II	Скитский	Veder, 18 : 8; Пор., № 267, л. 97
10/XI	62. Глаголаше етер от Вифаидских старец (Слово душеполезно от патерика)	I—II	»	Veder, 5 : 44; Пор., № 267, л. 26 об.
2/IV	63. Глаголаше старец Зосима, яко сущу ми в монастыри (Слово от Лимониса о разбойницех, вземших вещи старца)	I—II	Лимонис	Тр.-Серг., № 37, л. 222 (294)
16/V	64. Два брата беста в Костянтинеграде (Слово от Лимониса о поносившему брату своему)	I—II	»	Тр.-Серг., № 37, л. 208—208 об. (218)

Дата	Статья Пролога	Редакция	Патерик-источник	Местонахождение
2/V	65. Два брата присная прйдоста в монастырь (Слово от патерика, яко послушанье боле пустыннаго житья)	I—II	Скитский	Veder, 14 : 27; Пог., № 267, л. 72
12/IV	66. Два едина велика старца, ходяща в пустыне (Слово от патерика о некоей старице)	I—II	»	Veder, 20 : 12; Пог., № 267, л. 115—115 об.
17/IV	67. Два мниха быста брата присная (Слово от патерика о смирении, иже всю силу дьяволу побеждает)	I—II	»	Veder, В : (8); Пог., № 267, л. 87 об.
15/IV	68. Два некая мниха брань любоденья приймаша (Слово от патерика о смирении)	I—II	»	Veder, 5 : 39; Пог., № 267, л. 25
14/IX	69. Два некая мниха идяста от пустыни (Слово о двою старцю, яже спасоста блудницу)	II	Лимонис	Тр.-Серг., № 37 л. 180 об.— 181 (36)
17/XI	70. Два отца живуща в пустыни и молиста бога (Слово о Евхаристе патусте)	I—II	Скитский	Veder, 20 : 2
29/III 1/VII	71. Девица некая в Александрии именем Монония (Слово о девице Мононии, како спасе ю)	I—II	Египетский	Еремин, с. 48— 49; Сол. № 635/693, гл. 40 (л. 143)
29/VIII	72. Десятью поприщ отграда Зотика село есть (Слово о оклеветанем прозвутере к епископу)	I—II	Лимонис	Тр.-Серг., № 37, л. 180—180 об. (31)
8/VIII	73. Добро есть и полезно написати повесть жития св. Тасия (Слово о Тасии блуднице)	I	Скитский	Там же, л. 174 об.
5/IV	74. Егда убо речеть ти сердце (Слово от патерика о молитве)	II	»	Veder, 3 ^c : 53
6/V	75. Есть, рече, в пустыни дальней (Слово от Лимониса о Иоане пустыньнице, его же хоте беспрелстити)	I—II	Лимонис. Египетский Краткий	Тр.-Серг., № 37, л. 234 об.— 236
9/IV	76. Жена некая имеаше на сосце струп (Слово о Лунгине, иже словом исцеляше)	II	Скитский	Veder, 19 : 6; Пог., № 267, л. 108 об.—109
20/XII	77. Живяше един еюптянин мних в селе (Слово от патерика о бежавшим славы человеческия)	I—II	»	Veder, 14 : 85.
6/III	78. Зенон царь отъят дщерь (Почуение о милостыни)	I—II	Синайский	Син., № 551, сл. 252
20/X	79. Игумен некий живяше с братьею в монастыре (Слово о некоем игумене, иже принял дар от бога)	I—II	Скитский	Пог., № 267, л. 102 об.
23/III	80. Иже во св. отец Пафнотий моляшет бога, да явить (Слово о купци, пришедшим в мнишьский чин и спасшимся)	I—II	Азбучно-Иерусалимский	Тр.-Серг., № 701, л. 77

Дата	Статья Пролога	Редакция	Патерик-источник	Местонахождение
15/VIII	81. Карп епископ от Ефросиписка града (Слово св. Григория Двоесловца о Карпе епископе)	II	Римский	Birkfellner. p. 74
1/X	82. Кюръяк поп лавры Каламаня, иже на св. Ердане (Слово от Лимониса, чего ради вииде св. Богородица)	I—II	Лимонис	Тр.-Серг., № 37, л. 184 об. (57)
30/X	83. Монастырь есть отстоя от Ерусалима поприць 40 (Слово о старице, иже в пустыне скончася)	I—II	Синайский	Син., № 551, сл. 244
30/IV	84. Мниси едиини с хижь своих испешде (Слово о сходящихся во имя господне являющихся ангелех)	II	Скитский	Veder, 18 : 43; Пор., № 267, л. 103 об.—104
27/XII	85. Мних некий бе в нижних странах Егюпта (Слово о черноризци, его же блудница не прельстивши)	I—II	»	Veder, 5 : 42; Пор., № 267, л. 25 об.—26 об.
23/XII	86. Мних некий, живий в Минодях (Слово о мнисе, впадшем в любодянье и не отчаявшемся)	I—II	»	Veder, С : (17); Пор., № 267, л. 122—122 об.
24/XII	87. Мних некто впаде в тяжек грех и припед в покаянье (Слово от патерика о некоем мнисе, впадшем)	II	»	Пор., № 267, л. 15
9/I	88. Мних некто именем Григорьи, поведаше (Слово о некоем мнисе, прельщене и пакы спасене)	I—II	Синайский	Син., № 551, сл. 254
16/XII	89. Муж свят виде единого согрешающа (Слово, яко не подобает никого же согрешающа осуждати)	I—II	Скитский	Veder, А : (21); Пор., № 267, л. 42
24/X	90. Муж свят виде етера согрешивша (Слово о неосуждении)	I	»	Veder, 9 : 17 +19
9/IX	91. Не имей дружбы с женою, да не согресиши (Почуение св. Стефана)	II	»	Пор., № 267, л. 123 об.
21/IV	92. Некоему мниху явися дьявол (Слово от старчества, да никто же прельстится)	I—II	»	Veder, 15 : 18; Пор., № 267, л. 84 об.
30/IV	93. Некто магистриан пущен бысть на посол (Слово о магистриане, иже мертвого)	I—II	Лимонис	Тр.-Серг., № 37, л. 223 об.—224 об. (305)
3/II	94. Некто разбойник приде к отцу Зосиме (Слово о разбойнице, иже в мнишеский чин приде)	I—II	»	Там же, № 37, л. 202 (234)
24/VII	95. Некто христоробец во Александрии (Слово о милостыни, яко тою всяя напасти избудем)	II	Скитский	Veder, В : (25)
4/I	96. От града, нарицаемого Теракус. село есть (Слово от Лимониса. сказание о чудеси, о детех)	I—II	Лимонис	Тр.-Серг., № 37, л. 214 (277)

Дата	Статья Пролога	Редакция	Патерик-источник	Местонахождение
8/XII	97. От Самийского града восемь поприщ село есть (Слово о некоем попе обоганем к епископу)	I—II	»	Там же, л. 195 (135)
10/II	98. Отец Марко живяше в великой пустыни (Слово от патерика о Марце мнисе)	I—II	Скитский	Гильф., № 90, л. 76—77 об.
14/IV	99. Отец Силуан, седяи иногда (Слово от патерика, виденье Силуане)	I—II	»	Veder, 1 : (8); Пор., № 267, л. 61
4/II	100. Отшельник некто беаше в горе (Слово о молчаньи и о смиренни)	II	»	Veder, A : (3); Пор., № 267, л. 155 об.—157 об.
25/XI	101. Пафнотьи мних постное житье изволив (Слово о Пафнотьи мнисе, како спасе разбойники)	I—II	»	Veder, 17 : 15; Пор., № 267, л. 93
29/VII	102. Поведяху бо, братья, идяху пущени (Слово от патерика о содолевшем врагу)	II	»	Veder, 1 : (24)
10/IV	103. Поведяху братья о отце Ильи, яко из детьска (Поученье о Ильи пустынице, како похотем доле)	II	Лимонис Египетский Краткий	Тр. Серг., № 37, л. 235 об
13/VI	104. Поведаше авва Макарий екутяниц, иже в ските (Слово от патерика о двою пустыньнику)	I—II	Скитский	Veder, 20 · 4
31/XII	105. Поведаше Амонон старец, глаголя о некои старице (Слово от патерика о некои св. старице)	I—II	»	Пор., № 267, л. 58 об.
19/X	106. Поведаше братья преп. игумен Павел общаго житья (Слово от Лимониса о плясавшем бесе пред мнихом)	I—II	Лимонис	Тр.-Серг., № 37, л. 242—242 об. (228)
12/II	107. Поведаше Григорьи, папа Римский, яко брат етер (Слово св. Григория, папы Римскаго, о мнисе, иже дан бысть)	I—II	Римский	Birkfellner, p. 70
11/II	108. Поведаше Иоан, игумен монастыря Гигант (Слово о гробном тати)	I—II	Лимонис	Тр.-Серг., № 37, л. 189—190 об. (100)
7/II	109. Поведаше Иоан Моавицянин, глаголя (Слово о черноризце, иже бежа в пустыню)	I—II	»	Там же, л. 204, об.—205 (256)
12/VII	110. Поведаше Иоан Сурия, аки о некоем мнисе (Слово о первых мнисех и о нынешних и о последних)	I—II	«Пандекты» Никона Черногольца (из Азбучно-Иерусалимского)	Пог., № 263, л. 287—287 об.
3/IX	111. Поведаше Исакий мних «Бысть ми, рече, некогда, котора» (Слово о гневе, яко держави гнев)	I—II	Синайский	Син., № 551, сл. 229

Дата	Статья Пролога	Редакция	Патерик-источник	Местонахождение
15/III	112. Поведаше мних Георгии, яко многажды моляше (Слово о прозоривем Сергии пустынище)	I—II	»	Там же, сл. 183
19/III	113. Поведаше мних Поладии, глаголя, яко слышах от некоего корабленника (Слово о жене, заклавшей детища)	I—II	Лимонис	Тр.-Серг., № 37, л. 187—188 (98)
18/III	114. Поведаше нам авва старец Данила о еюптянине (Слово о Даниле, мниси, иже оболган бысть)	I—II	»	Там же, л. 209 об. (148)
8/I	115. Поведаше нам авва Феодор римлянин (Слово о епископе, оболганем к папе Римскому)	I—II	»	Там же, л. 198 об.—199 об. (208)
1/IX	116. Поведаше нам Георгии райский о брате некоем (Слово от Лимониса о Амоне дьяконе)	I—II	»	Там же, л. 196—196 об. (157)
25/I	117. Поведаше нам Григории святыи бе етер раб (Слово Григорья о смерти праведных)	II	Римский	Birkfellner, p. 70
29/V	118. Поведаше нам Иаков в общем житьи (Слово от Лимониса о милостыни)	II	Лимонис	Тр.-Серг., № 37, л. 190 об. (107)
3/III	119. Поведаше нам Иоан пастух (Слово о Феодоре наимнице)	I—II	»	Там же, л. 200—200 об. (219)
27/III	120. Поведаше нам некто отец, яко егда потребы (Слово о небрегшем имение)	I—II	»	Там же, л. 217 об.—218 (282)
7/IX	121. Поведаше нам, паки мних Афонасии, яко приде (Слово от Лимониса о подвизе)	I—II	»	Там же, л. 239 (174)
14/VII	122. Поведаше некто от отец, глаголя яко в Селуне есть (Слово от Лимониса)	I—II	»	Там же, л. 240 (304)
14/XII	123. Поведаше некто от св. отец, глаголя, яко в ските, егда службу (Слово о прозоривых)	I—II	Скитский	Пог., № 267, л. 101 об.
6/II	124. Поведаше некто отец о сем Павле (Слово о Павле епископе, иже оставль свою епископию)	I—II	Синайский	Син., № 551, сл. 45
4/XI	125. Поведаше некто отец, яко некто схоластик (Слово от патерика о терпении и послушании)	I—II	Скитский	Veder, B : (27)
13/VII 11/VII	126. Поведаше некто от отец, яко охоплен бысть (Слово от Лимониса о черноризце, его же спасе жена)	I—II	Лимонис	Тр.-Серг., № 37, л. 219 (285)

Дата	Статья Пролога	Редакция	Патерик-источник	Местонахождение
4/IX	127. Поведаше некто срацинин един нам (Слово о мнисе, его же хоте убити срацинин)	I—II	Синайский	Син., № 551, сл. 177
13/III	128. Поведаше некто старец, яко бе прозвутер (Слово о прозвутере, с ним же ангелы служаху)	I—II	Лимонис	Тр.-Серг., № 37, л. 216 об. (280)
31/VIII	129. Поведаше некто христолюбив о некоем разбойнице (Слово от Лимониса о разбойнице Кириаце)	I—II	»	Там же, л. 201 об.—202 (233)
26/IV	130. Поведаше некто, яко брат живыи в монастыри (Слово о мнисе, наказаньем от жены не впасти)	II	»	Там же, л. 219 (286)
28/VII	131. Поведаше некто, яко магистриан добр зело (Слово о уноши, иже не пощади добродьства)	II	»	Там же, л. 223 об.—224 (305)
3/IV	132. Поведаше отец Данил, глаголя, яко рече старец наш Арсений (Слово от патерика о соблазньшемся брате)	I—II	Скитский	Veder, 18 : 4a; Пог., № 267, л. 95, об.—96
17/II	133. Поведаше отец Сисой, глаголя: «Егда бях» (Слово о творящих знаменье черноризцех)	II	»	Гильф., № 90, л. 90—91 об.
2/VI	134. Поведаше отец Пафнотии: «Помыслих ити в пустыню» (Слово о некоем пустыннике, иже согрешив, покаявся)	I—II	Египетский	Солов., № 635/ 693, гл. 15 (л. 58 об.— 63 об.)
28/VII	135. Поведаше отци о Иоане Колове, яко шед к Тивину) Слово от патерика о Иоанне Колове)	I—II	Скитский	Veder, 14 : 4; Пог., № 267, л. 69
25/V	136. Поведаше Паладии мних, пришедшим нам к нему (Слово от Лимониса о поручении св. Богородицы)	I—II	Лимонис	Тр.-Серг., № 37, л. 186 об. (97)
13/VIII	137. Поведаше Петр прозвутер о св. Григории (Слово о уставе мнишскаго житья)	I—II	»	Там же, л. 211 об. (273)
5/XII	138. Поведаше поп Георгии, яко некии старец (Поуч. от Лимониса о ходящих по церквам)	I—II	»	Там же, л. 204— 204 об. (255)
28/II	139. Поведаше Ульян мних, яже о себе (Слово от Лимониса о Ульяне мнисе)	I—II	»	Там же, л. 198 (199)
5/III	140. Поп Аммоний литургисая в церкви (Слово о видении ангела, пишущаго входящая в церковь)	I—II	Синайский	Син., № 551, сл. 336

Дата	Статья Пролога	Редакция	Патерик-источник	Местонахождение
20/III	141. Поприща единого от св. Иердана лавра есть (Слово св. Герасима, ему же зверь поработа)	I—II	Лимонис	Тр.-Серг., № 37, л. 193 об.—195 (134)
23/I	142. Поразумеем и увемы, яко первии с известием заповеди (Слово о Павлентии епископе)	I—II	«Пандекты» Никона Черногорца (из Римского патерика, кн. III)	Син., № 836, с. 81 об.—82
5/V	143. Постница некая два затвори себе (Слово о покаянии и о прощении грехов)	I—II	Скитский	Пог., № 267, л. 57 об.
11/IV	144. При Феофиле, папе Александрьстем, бысть в Кюрине (Слово о Евagriи философе, его же крести Суньсии епископ)	I—II	Лимонис	Тр.-Серг., № 37, л. 213 об.—214 об. (276)
4/V	145. Приде един беснуяся в скит (Слово от патерика о Висарионе, како словом изгоняше бесы)	I—II	Скитский	Veder, 19 : 4; Пог., № 267, л. 108
19/V	146. Приде един брат к отцу Сисою в гору (Слово от патерика о смиреннии)	I—II	»	Veder, 14 : 62; Пог., № 267, л. 51—51 об.
14/VIII	147. Приде некий чернец к великому Феодору (Слово от патерика, еже не осуждати)	I—II	»	Veder, 8 : 9; Пог., № 267, л. 38 об.
18/V	148. Приде некогда етер человек к отцу Сисою Тивьянину (Слово от патерика о покаянии)	I—II	»	Veder, 14 : 15; Пог., № 267, л. 51
26/I	149. Приде некогда старец к иному старцу (Слово от патерика, яко да не уповают собой)	I—II	»	Veder, 11 : 81; Пог., № 267, л. 19 об.
3/V	150. Приде иногда простолюдин, имы сына своего (Слово св. Сисоя, како словом воскреси умершаго)	I—II	»	Veder, 19 : 17; Пог., № 267, л. 110 об.
18/I	151. Приде неоткуда мних к игумену Сидуану (Слово от патерика, яко добро есть страдати мнихом)	I—II	»	Veder, 11 : 68; Пог., № 267, л. 61
11/IX	152. Придоша иногда елины в Вифаиду (Слово от патерика о Агафоне)	I—II	»	Veder, 15 : 84; Пог., № 267, л. 29,
14/II	153. Придоша иногда мнози старци от Егупта (Слово от патерика о Пумине мнисе)	I—II	»	Veder, 10 : 170; Пог., № 267, л. 57
20/I	154. Придоша некогда трие мниси братья (Слово от патерика. Вопрос трий)	I—II	»	Veder, 10 : 147; Пог., № 267, л. 55 об.
13/IV	155. Прехода иногда авва Данил мимо едина места (Слово от патерика о Даниле мнисе)	II	»	Veder, 19 : 13; Пог., № 267, л. 109

Дата	Статья Пролога	Редакции	Патерик-источник	Местонахождение
18/VI	156. Прозвутер некто прозорлив иды свершити службу (Слово о некоем прозвутере, иже виде бесы у кельи. . .)	I—II	Лимонис	Тр.-Серг., № 37, л. 222 (302)
16/II	157. Прост муж некто людин зело говеин (Притча от патерика душеполезна)	II	Скитский	Гильф., № 90, л. 52 об.
3/XII	158. Рече Данил, ученик отца Арсенья, яко ином (Слово преп. отца нашего Арсенья)	I—II	»	Там же, л. 73 об.—74
21/V	159. Рече некто в ските, яко же сказа ми (Слово от патерика о Костянтине цари)	I—II	Азбучно-Иерусалимский	Гильф., № 50, л. 363 об.—365
4/III	160. Рече некто старец: «Веру имите ми» (Слово от Лимониса)	I—II	Лимонис	Тр.-Серг., № 37, л. 199 об. (208)
18/III	161. Рече от великих отец некто, яможе колиждо едиши (Слово о поученьи житья мнишскаго)	II	Скитский	Veder, 1 : 18
14/III	162. Рече преп. отец наш Паладия мних, пришедшим (Слово о подвиже Паладия мниха)	I—II	Синайский	Син., № 551, сл. 86
4/IV	163. Рече св. Касиан римлянин: «Воспомяните и вы» (Слово св. Касиана, еже не возносится)	II	«Пандекты» Никона Черногорца (из Азбучно-Иерусалимского)	Калик., № 124, л. 65—66; Сапалдо, (B) : 20
17/IV	164. Рече старец: «Веру имите ми, чада, ничто же» (Слово некоего старца о почитании книжном)	I—II	Лимонис	Тр.-Серг., № 37, л. 241 об. (207)
27/X	165. Рече старец: «Горе души согрешившим» (Преп. отца нашего Евагрия о умилении души)	I—II	Скитский	Veder, 3 ^b : (3); Пор., № 267, л. 8 об.
10/IV	166. Рече старец: «Яко седяи в послушаньи» (Слово от патерика о послушаньи)	I—II	»	Veder, 14 : 29 ^a ; Пор., № 267, л. 73
19/IV	167. Старица убога име две чаде мужеск пол (Слово от патерика о вдовци)	I—II	»	Veder, B : (23); Пор., № 264, л. 4
13/XII	168. Святити отци скитьский о последнем роде (Слово от патерика о первых и о нынешних и о последних)	I—II	»	Veder, 18 : 9; Пор., № 267, л. 103
2/IX	169. Святый отец наш Иоан, иже в Вифадеи мних (Слово о уноши, совлачившим мертвецю)	I—II	Египетский	Еремн, с 56; Солов., № 635/693, гл. 2 (л. 16—22 об.)
6/IX	170. Си во св. отец наш Давид (Слово Давида, бывшаго прежде разбойник)	I—II	Лимонис	Тр.-Серг., № 37, л. 197 (187)
16/VIII	171. Старец бе един, иды к Ердану (Слово о старци, яко изгна лев из вертепа)	I—II	»	Тр.-Серг., № 37, л. 179 (23)

Дата	Статья Пролога	Редакция	Патерик-источник	Местонахождение
16/II	172. Старец един сидяше в луце блаж. Антонья (Слово от патерика о плачи)	I—II	Скитский	Veder, 3 ^c : (7); Пог., № 267, л. 11
16/VII	173. Старец егер бе в Вифадеи, имаше ученика (Слово некоего старца о послушании)	I—II	»	Veder, 7 : 52; Гильф., № 90, л. 27 об.; Пог., № 267, л. 36 об.
22/VII	174. Старец бе в ските впаде в недуг велик (Слово от патерика о черныце, впадшем в прелюбодянье)	I—II	»	Veder, 5 : 40; Пог., № 267, л. 25
24/V	175. Старец некий, сидяше в ските и взиде единою (Слово от Лимониса о ходящем мнисе в корчму)	I—II	Лимонис	Тр.-Сепр., № 37, л. 213 (275)
21/VI	176. Старец святыи бе на горе Алумпии (Слово о етере старце духовнем)	I—II	Синайский	Син., № 551, сл. 16
12/IX	177. Схоластик некий именем Евлогий сын божий (Слово о Евлоггии мниси и о раслабленем)	I—II	Египетский	Солов., № 635/ 693, гл. 23 (л. 167 об.— 173)
11/XII	178. Сысой же во св. отец наш, живый в пустыни (Слово о усупении Сысой)	I—II	Скитский	Тр.-Сепр., № 37, л. 173—173 об.
15/V	179. Хотя вкусити брашна великий Пахомий (Слово от патерика о виденьи св. Пахомья)	I—II	»	Veder, 17 : 15
8/V	180. Хотящу Арсению умрети, смятоста (Слово св. Арсения)	I	»	Veder, 14 : 10; Пог., № 267, л. 75
2/II	181. Хошу вам притчу малу сказати (Слово св. Григорья о исходе души из тела)	II	Римский	Birkfellner, p. 70
11/V	182. Чернец Моисей, иже бе на камени велми томим (Слово от патерика о борющехся бесех с черныци)	I—II	Скитский	Veder, 18 : 17; Тр.-Сепр., № 37, л. 98— 98 об.
29/XI	183. Чернец некий имаше брата в мире нища (Слово от патерика, яко не подобает черноризцю даяти)	I—II	»	Veder, 13 : 14; Пог., № 267, л. 67 об.
30/VII	184. Черноризец некий имаше две ризы (Слово от патерика о черноризце, давшем ризу)	II	»	Veder, 1 : (13)
2/IX	185. Черноризец некий именем Серапион (Слово о св. Серапионе, како спасе блудницу)	I—II	Египетский	Солов., № 635/ 693, (л. 192— 194), гл. 41
18/X	186. Честный Нефит, добродетелен мних божий (Слово о жене пришедшии к Нефиту)	II	Сводный	Николова, № 30
22/X	187. Чюдный Иван Саватиский поведаше (Слово от патерика, еже не осуждати)	I—II	«Пандекты» Никона Черногорца (из Азбучно-Иерусалимского)	Калик, № 124, л. 23 об.—24 van Wijk, 148 : 25

Несмотря на то что извлечения из патериков иногда получали в Прологе частичную переработку (сокращались, дополнялись дидактическими реминисценциями), в целом близость их к источнику очевидна. Что касается I и II редакций Пролога, то, хотя общих патериковых чтений встречается гораздо больше, для каждой редакции характерен свой, неповторимый репертуар.

В заключение добавим следующее. Исследование древнейшего состава Пролога I и II редакций и последующее определение в нем патериковых чтений свидетельствуют о том, что уже в XII в. существовали почти все известные на Руси патерики (Скитский, Синайский и одна из его редакций — Лимонис Египетский). Что касается Римского патерика, еще раз уточним: отдельные его главы были заимствованы и переработаны Никоном Черногорцем в его «Пандектах». Составитель Пролога I (древнейшей) редакции пользовался сокращенным переводом «Пандектов» и заимствовал некоторые из указанных переработанных глав Римского патерика.

II редакция Пролога, по-видимому, составлена не ранее начала XIV в. В пользу этого приведем такие факты: наличие отдельных статей из Сводного патерика,¹⁷ не найденных нами в других патериках (см. таблицу); при составлении Пролога II редакции в нее были внесены статьи (которые отсутствуют в I редакции) из «Пандектов» Никона Черногорца более позднего, полного перевода, относимого к XIV в.¹⁸ К ним относятся: «Слово св. Иоанна Лествичника о блажении Хоривите» от 2 октября (ср.: БАН, собр. Каликина, № 124, л. 205); «Слово Иоанна Златоуста, еже не внимати лжих учитель и пророк» от 24 октября (ср.: ГПБ, собр. Погодина, № 263, л. 75); «Слово Иоанна Златоуста о милостыни» от 12 ноября (ср.: собр. Погодина, № 263, л. 410); «Слово от жития Елифаниева. . .» от 11 декабря (ср.: собр. Погодина, № 263, л. 287 об.) и др.

Все вместе взятое подчеркивает необходимость более тщательного изучения компилятивных сочинений, которые сыграли важную роль в формировании древнерусских сборников.

На с. 268—279 приведен перечень извлечений из патериков в составе Пролога (обеих редакций). Начальные слова статей и заглавия даются в таблице по упрощенной орфографии. Для статей, источником которых является Лимонис, в скобках указаны соответствующие главы из Синайского патерика. Рукописные источники статей, инципиты из сводных таблиц исследователей патериков приводятся в сокращении.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ

Б А Н

- Собр. Каликина, № 123. «Пандекты» Никона Черногорца. 1390 г. Рус.
Собр. Каликина, № 124. «Пандекты» Никона Черногорца. XV в. Рус.

Г Б Л

- Собр. Большакова, № 414. Сводный патерик. Конец XV в. Рус.
Собр. Троице-Сергиевой лавры, № 37. Скитский патерик. Лимонис. Начало XV в. Рус.
Собр. Рогожское, № 510. Пролог, сентябрь—февраль. Конец XIV—начало XV в. (I—II ред.). Рус.
Собр. Рогожское, № 511. Пролог, март—август. Конец XIV—начало XV в. Рус. (I ред.).
Собр. Троице-Сергиевой лавры, № 701. Египетский патерик. 1469 г. Рус.

Г И М

- Собр. Синодальное, № 239. Пролог, сентябрь—февраль. 1313 г. Рус. (I ред.).
Собр. Синодальное, № 245. Пролог, март и май. XIV в. Рус. (II ред.).

¹⁷ Федер В. Р. Сведения о славянских переводных патериках. . . С. 219—221.

¹⁸ Булакии Д. М. «Пандекты» и «Тактикон» Никона Черногорца // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., Наука, 1987. Вып. 1. С. 292—294.

- Собр. Синодальное, № 265. Римский патерик. Середина XVI в. Рус.
 Собр. Успенское, № 3п. Пролог, март—август. 1406 г. Рус. (II ред.).
 Собр. Хлудова, № 187. Пролог, сентябрь—февраль. 1282 г. Рус. (I ред.).
 Собр. Чудовское, № 318^б. Лимонис. «Пандекты» Никона Черногорца. Начало XVI в. Рус.

Г П Б

- Собр. Гильфердинга, № 50. Азбучно-Иерусалимский патерик. XV в. Серб.
 Собр. Гильфердинга, № 90. Скитский патерик. Лимонис (25 глав). XV в. Серб.
 Собр. Основное рукописной книги. 0.1.275. Римский патерик. XIV в. Рус.
 Собр. Погодина, № 59. Пролог, сентябрь—февраль. XIV в. Рус. (II ред.).
 Собр. Погодина, № 263. «Пандекты» Никона Черногорца. XVI в. Рус.
 Собр. Погодина, № 267. Скитский патерик. XIV в. Рус.
 Собр. Санкт-Петербургской духовной академии. А.1.264. Т. 1. Пролог, сентябрь—февраль. XIV—XV вв. Рус. (II ред.); Т. 2. Пролог, март—август. XIV—XV вв. Рус. (II ред.).
 Собр. Соловецкое, № 635/693. Египетский Патерик. XV в. Рус.
 Собр. Софийское, № 1324. Пролог, сентябрь—февраль. XII—XIII вв. Рус. (I ред.).

Ц Г А Д А

- Собр. Типографское, № 153. Пролог, сентябрь—февраль. XIV в. Рус. (II ред.).
 Собр. Типографское, № 159. Пролог, сентябрь—февраль. XIII—XIV вв. Рус. (I ред.).
 Собр. Типографское, № 161. Пролог, сентябрь—февраль. XIV в. Рус. (II ред.).
 Собр. Типографское, № 168. Пролог, март—август. XIII—XIV вв. Рус. (I ред.).
 Собр. Типографское, № 170. Пролог, март—август. XIII—XIV вв. Рус. (I ред.).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Еремий — Е р е м и я И. П. К истории древнерусской повести // ТОДРЛ. М.; Л., 1936. Т. 3. С. 37—57.
 Николова — Н и к о л о в а С. Патеричните разкази в българската средновековна литература. София, 1980. С. 147—384.
 Birkfellner — B i r k f e l l n e r G. Das Römische paterikon : Studien zur serbischen, bulgarischen und russischen Überlieferung der Dialoge Gregors des Großen mit einer Textedition. I. Wien, 1979.
 Sapaldo — С а р а л д о М. Азбучно-Иерусалимский патерик // Палата книгописная. 1981. № 4. С. 35—37.
 van Wijk — v a n W i j k N. Подробный обзор церковнославянского перевода Большого Лимонария // Byzantinoslavika. 1935—1936. Т. 6. С. 38—84.
 Veder — V e d e r W. R. La tradition slave des apophtegmate patrum // Slovo. 1974. N 24. S. 66—93.

В. И. СТАВИСКИЙ

О двух датах штурма Киева в 1240 г. по русским летописям

Русские летописи, единственный источник, сообщающий точную дату падения Киева в 1240 г., допускают при этом некоторые разногласия. Несмотря на значительные успехи, достигнутые в изучении хронологии русского летописания, вопрос о причинах появления двух дат падения Киева под ударами войск Батия выпал из поля зрения исследователей. Между тем, не являясь принципиальным сам по себе, он в то же время дает зацепку, а вместе с ней надежду на положительное решение одного из острейших вопросов в истории русского летописания — объяснения заимствований материала не только общерусского, но и местного характера между тремя независимыми ветвями русского летописания XIII в. — галицко-волыньским, ростовско-владимирским и новгородским.

Большинство летописных сводов XIV—XVI вв. прямо или косвенно относят падение Киева в 1240 г. к 6 декабря. Однако допускаемые в них отклонения в формулировке позволяют предполагать некую ее эволюцию, происшедшую с течением времени под пером сводчиков и редакторов. Лаврентьевская летопись 1377 г. (далее: Лавр.) сообщает, что Киев был взят войсками Батия «до Рождества Господня на Николинъ день».¹ Владимирский летописец XVI в. (далее: Вл.), в части за 6747—6757 гг. восходящий к своду 1408 г., имевшему в основании общий с Лавр. протограф (свод 1305 г.), формулирует эту дату несколько иначе — «мѣсяца декабря въ 6 день».² Суздальская летопись по Московско-Академическому списку (далее: МАк.), с 1240 г. передающая Ростовскую владычную летопись (далее: Рвл.), в редакции первой четверти XV в. (епископа Ефрема) представляет дату следующим образом: «. . . декабря 6, на память святого отца Николы».³ Эта же редакция Рвл. отразилась в общем протографе CI и NIV летописей — своде 1448 г.⁴ Здесь в тексте, близком, но не тождественном Галицко-Волыньской летописи (далее: ГВл.), падение Киева представляется просто «на Николинъ день».⁵ В Гвл., которая была лишена хронологической сетки, эта дата отсутствует.

¹ ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 470.

² ПСРЛ. М., 1965. Т. 30. С. 90. О взаимоотношении общерусских известий Вл. и Лавр. см.: М у р а в ь е в а Л. Л. Об общерусском источнике Владимирского летописца // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974. С. 144—148; Л у р ь е Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 27—30.

³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 523; Ш а х м а т о в А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 148—149, 291—292; Л у р ь е Я. С. Общерусские летописи. . . С. 56, 98.

⁴ Ш а х м а т о в А. А. Обзорение. . . С. 151—159, 366; Л у р ь е Я. С. Общерусские летописи. . . С. 99—100.

⁵ ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4. С. 36; Л., 1925. Т. 5, вып. 1. С. 220. Об использовании сводчиком 1448 г. южнорусской летописи, доведившей свое повествование до начала 40-х гг. XIII в. и не подвергшейся галицкой редакции, см.: Л у р ь е Я. С. Общерусские летописи. . . С. 99—100; Ч е р е п а н о в С. К. К вопросу о южном источнике Софийской I и Новгородской IV летописей // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 279—283.

Свод 1448 г. эту дату мог заимствовать либо из свода 1408 г., либо из Рвл., либо из предполагаемого южнорусского источника, близкого ГВл. Московский свод 1479 г. (далее: МС), в части с 1237 по 1418 г. использовавший наряду с СІ, Рвл. и летописью, восходящей к своду 1408 г., также, как предполагается, какой-то южнорусский источник, доводивший свое повествование до 40-х гг. XIII в., формулирует дату иначе: «. . декабря въ 6, на Николинъ день».⁶ Основанный на той же комбинации источников Тверской сборник XVI в. (далее: Тв. сб.), следующий в описании нашествия монголо-татар общей схеме представлений в ГВл., СІЛ—НІВЛ, МС, имеет характерные отличия от всех трех, в том числе и формулировку даты, ведущую к Рвл.: «. . декабря 6, на память иже въ святыхъ отца нашего Николы», — имеющую характер вставки.⁷ Наличие в Тв. сб. южнорусских известий, отсутствующих в СІЛ, МС и ГВл., частично совпадающих с МАк. и МС, причем у последней именно в случаях более правильного чтения по сравнению с СІ, позволяет предположить, что при его составлении, так же как и при составлении МС, текст СІЛ исправлялся по Рвл.⁸ В свою очередь, исправление текста ГВл. сводчиком 1448 г. производилось также по Рвл., восходящей, таким образом, к общему с ГВл. протографу в части до 40-х гг. XIII в. К сожалению, о том, что собой представляла Рвл. (ростово-суздальский источник свода 1448 г., согласно Я. С. Лурье), можно лишь догадываться, так как непосредственно ее отражает только МАк., и то с 1240 г. и кратко.⁹

Таким образом, ростовская летописная традиция, лежащая в основе свода 1305 г. и Рвл. и восходящих к ним летописных памятников XIV—XVI вв., несла две формулировки даты падения Киева в 1240 г.: «на Николинъ день» или «6 декабря» (Лавр., Вл., СІЛ—НІВЛ, МС), и «на память иже в святыхъ отца нашего Николы» (МАк. и Тв. сб.). Так как 1276 год является гранью общего ростовского источника летописей, восходящих к Рвл. и Лавр., содержащего не только ростовские, но и общерусские известия, и именно с 1278 г. в летописях, восходящих к Рвл., выделяется пласт ростовских известий, отсутствующих в Лавр., можно думать, что

⁶ ПСРЛ. М., 1949. Т. 25. С. 131; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 456—457; Лимонов Ю. А. О южнорусском источнике Московского свода 1480 г. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 146—149; Муравьева Л. Л. Летописание. . . С. 25.

⁷ О вставочности даты в текст, заимствованный из СІ, свидетельствует ее продолжение («. . в лето 6749»), перенесенное по ошибке вместе с предыдущей фразой (ср. с МАк., Лавр. и Вл., где датой падения Киева оканчивается статья 6748 г. и далее идет статья 6749 г.).

⁸ Имея такое же исправленное описание событий у Чернигова в 1239 г., как в МС (в отличие от СІ), следующие затем слова «. . Мордву взяша и Муромъ, и Городецъ Радилонъ на Волаѣ, и градъ святыа Богородица Владимирская» отличны от представленных в Лавр.—Вл. (свод 1408 г.) и МС, но частично совпадают с Ермолинской («градъ святыа Богородица Володимерьская»), имевшей общий протограф с МС, использовавший Рвл. в редакции первой четверти XV в. Под 6749 г. следуют местные южнорусские реалии, отсутствующие в других летописях: «. . взя Володимеръ Руский, на рѣцѣ Бугу», «. . на ней же грады Велиньские: Изборско, Лвовъ великий, Велинь», «. . убиша Татарове князя Метислава Рылскаго, иже градъ его на Сѣмѣ рѣцѣ». Кроме них, в описании нашествия монголо-татар Тв. сб. содержит ряд рязанских, владимирских и новгородских реалий, свидетельствующих о том, что в Рвл. был использован источник общерусского характера: «. . зимоваша океанныи Татарове подъ Чернымъ лѣсомъ и оттолѣ придоша безвѣстно», «. . а князь Романъ отступи къ Коломнѣ съ своими людьми» (ср. НІЛ: «. . князь же Романъ Ингорович ста битися противу ихъ съ своими людьми»), «. . придоша къ Володимеру в пятокъ, преже мясопуста» (ср. НІЛ: «. . приближишася, поставив ше пороки, взяша град и запалиша и огмень, в пяток преже мясопутныя недѣли»), «. . выбывше стѣну градную, наметавше въ ровъ сырого лѣса, и тако по примету внидоша въ градъ» (ср. Лавр.—Вл.: «. . внидоша по примету чересь городъ; СІЛ—МС: «. . внидоша по примету въ градъ чрезъ стѣну»), «. . и съ дочерью княжною Феодорою» (ср. Лавр.: «съ дочерью»), «. . придоша къ Торжку въ недѣлю I поста мѣсяця февраля въ 22 день» (ср. НІЛ: «. . на сборъ чистой недѣли»).

⁹ Лурье Я. С. Общерусские летописи. . . С. 56, 98.

свод 1276 г. вошел в Рвл., минуя редакцию 1305 г., которую отражают Лавр.—Вл.¹⁰ Значит, формулировку даты по МАк.—Тв. сб. следует считать первичной и относить ее к своду, составленному в правление Бориса Васильковича Ростовского.

Иная версия падения Киева в 1240 г. содержится в летописях, восходящих к псковскому своду 50—60-х гг. XV в. — Авраамки, Супрасльской (далее: Авр., Супр.), ПЛ.¹¹ Они сообщают начало и продолжительность осады Киева и дату его падения: «... приидоша Татарове къ Киеву, сентября 5, и стояша 10 недѣль и 4 дни, и едва взяша его ноября 19, в понедѣльникъ».¹² Никто из исследователей, изучавших эти летописи, никак не объяснял происхождение данного известия. Между тем о факте осады свидетельствует описание событий у Киева в Гвл., СЛ—НВЛ и МС.¹³ О том, что в 1240 г. Киев пал «после продолжительной осады», сообщает побывавший в городе в 1246—1247 гг. легат римского папы Плато Карпини, а придворный историк одной из ветвей чингизидов Рашид-ад-дин свидетельствует, что осада длилась 9 дней.¹⁴ Наконец, предварительный анализ сообщаемой даты позволяет говорить о том, что она восходит к современной событиям письменной традиции. Об этом свидетельствуют ее пространность, которая не могла сохраниться без письменной фиксации, но главным образом — определение дня недели: «понедѣльникъ», на который в 1240 г. действительно приходилось 19 ноября.¹⁵ Однако источник, из которого эта дата попала в псковский свод, неизвестен, а без его определения невозможно выяснить, какая из двух версий даты является истинной.

К сожалению, до сих пор в силе остается замечание А. А. Шахматова о неопределенности состава псковского свода середины XV в.¹⁶ Тем не менее уже сам исследователь, анализируя Авр., сделал важные наблюдения. Им были выделены известия, общие НВЛ (отсутствующие в СЛ) и СЛ (отсутствующие в НВЛ), ростовские, которые он относил к Рвл., и новгородские, общие НЛ. Ряд общерусских и новгородских известий он не мог отнести ни к одному из этих источников.¹⁷ Это позволило ему предположить два пути составления псковского свода: первый — использование НВЛ и Рвл. с дополнениями по неизвестному новгородскому своду, частично совпадающему с НЛ; второй — известия всех четырех летописей могли находиться в одном своде, в котором он видел свод 1448 г. Этому второму варианту А. А. Шахматов отдавал предпочтение (хотя он и не объяснял происхождения целого ряда известий) на том основании, что Рвл. и НЛ были источниками свода 1448 г., СЛ—НВЛ восходили к нему, а неизвестный новгородский источник, необходимый для первого варианта, был слабо уловим.¹⁸

¹⁰ Лимонов Ю. А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967. С. 138, 140—142, 146—147; Лурье Я. С. Общерусские летописи... С. 45, 98; Муравьева Л. Л. Летописание... С. 207, 220, 225.

¹¹ Насонов А. Н. Из истории псковского летописания. Изд. М., 1946. Т. 18. С. 271—273, 283.

¹² ПСРЛ, СПб., 1889. Т. 16. Стб. 51; Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую сокращенные летописи. М., 1836. С. 32; Псковские летописи. М., 1940. Т. 1. С. 12.

¹³ «Приде Батыи Киеву... и окружи градъ, и остолпи (оступи) сила Татарская, и бысть градъ во обьдержаньи велице, и бѣ Батыи у города, и отроци его обьсѣдаху градъ».

¹⁴ Плато Карпини. История монголов. СПб., 1911. С. 25; Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 37.

¹⁵ Это подтверждают расчеты по формулам из работы: Бережков Н. Г. Общая формула для определения дня недели по числу месяца в январских годах н. э. и в сентябрьских, мартовских и ультрамартовских годах «от сотворения мира» // Пробл. источниковед. М., 1958. Т. 6.

¹⁶ Шахматов А. А. Обзорение... С. 369.

¹⁷ Там же. С. 244—247.

¹⁸ Там же. С. 247.

На основе анализа ШЛ предположение А. А. Шахматова об использовании при составлении псковского свода «кратких извлечений из свода 1448 г.» было подтверждено А. Н. Насоновым, хотя и им не было объяснено происхождение целого ряда известий.¹⁹

Я. С. Лурье обратил внимание на то, что общие известия Авр. с СІ практически отсутствуют, в то время как с НІВЛ они совпадают в подавляющем большинстве случаев, что было бы невозможно при использовании псковским сводчиком их общего протографа. Некоторые же известия НІВЛ, основательно отличающиеся от СІЛ, находят в Авр. полную аналогию. Это позволило сделать вывод о том, что в основе псковского свода лежит НІВЛ с дополнениями по СІЛ—НІВЛ или СІЛ.²⁰ Но, развивая идею, выдвинутую А. А. Шахматовым, автор не объяснил противоречащих ей фактов, что попытаемся сделать мы.

Выделенные А. А. Шахматовым местные ростовские известия чрезвычайно показательны и не оставляют сомнений в том, что при составлении псковского свода была непосредственно использована Рвл. Во-первых, все эти известия касаются церковной жизни Ростова, что объясняет характер владычной летописи. Почти все они переданы МАк. и отсутствуют в Лавр.—Вл., т. е. не подверглись редакции в 1305 г. Но, что самое главное, они отсутствуют в СІЛ и НІВЛ, и свести их к гипотетическому своду 1448 г. невозможно, так как тогда трудно объяснить, почему они были так синхронно опущены в пространных СІЛ и НІВЛ, но были введены в краткий псковский свод. Это подтверждает и наблюдение Я. С. Лурье о том, что текст Авр. с 1309 г. почти полностью совпадает с НІВЛ.²¹ Как становится известно из исследования Л. Л. Муравьевой, 1305—1307 и 1309 гг. являются крупными рубежами в ведении Ростовской летописи, что отразила и НІВЛ, повторно использовавшая Рвл.²² То есть при совместном использовании НІВЛ и Рвл. в псковском своде их известия неизбежно должны были совпадать, и тем чаще, чем более поздними они были, чем актуальнее становилось изложение.

Таким образом, с учетом доказанности тезиса об использовании псковским сводчиком именно НІВЛ можно рассматривать вопрос о другом неизвестном новгородском своде. Я. С. Лурье сделал весьма вероятное предположение о существовании в начале XV в. «особого новгородского свода или даже нескольких новгородских сводов», отразившихся в протографе СІЛ—НІВЛ и дополнительно в НІВЛ. Он определяет их как НІЛ «особой редакции» и «дополнительный новгородский источник» НІВЛ.²³ Среди источников дополнительных сведений Авр. исследователь выделяет «какую-то версию» НІЛ.²⁴

Анализ новгородских известий Авр., которые А. А. Шахматов выделил как невозводимые к НІВЛ и НІЛ, свидетельствует о том, что псковский сводчик действительно использовал именно версию НІ старшего извода, имевшую дополнительные сведения по сравнению с НІЛ по Синодальному списку. К ней относится упоминание о «Попьяне» под 6638 г.; слова «над Волховомъ по конецъ Пискупли улицы» под 6676 г.; слова «в пределе святой Софии» под 6688 г.; известие о пожаре под 6702 г.; слова из второго известия под 6693 г. «на Прусской улице»; определение Варлаама как «игумена» монастыря на Хутыне под 6751 г.; день смерти архиепископа Спиридона под 6757 г.; известие о сожжении «нескольких жен» под 6811 г. Этих известий нет и в СІЛ.²⁵ Таким образом, не вызывает сомнений ис-

¹⁹ Насонов А. Н. Из истории псковского летописания. С. 273—274.

²⁰ Лурье Я. С. Общерусские летописи. . . С. 89—90.

²¹ Там же. С. 88.

²² Муравьева Л. Л. Летописание. . . С. 225.

²³ Лурье Я. С. Общерусские летописи. . . С. 91.

²⁴ Там же. С. 90.

²⁵ К этой версии НІЛ относятся также известия Авр., отсутствующие в НІВЛ, но имеющиеся в НІЛ и СІЛ, а также новгородские известия, имеющиеся только в СІЛ,

пользование псковским сводчиком середины XV в. трех источников XIV в., Рвл. и новгородского свода, близкого НИЛ по Синодальному списку, разночтения с которым не перешагивают границы начала XIV в.

Из какого из источников псковского свода середины XV в. происходит дата падения Киева? Как отметил Я. С. Лурье, Рвл. (ростово-суздальский источник СИЛ—НИВЛ), кроме ростовских, содержал также общерусские известия.²⁶ Совпадение отдельных статей общерусского характера в Авр. и МАк. при отсутствии их в НИЛ и СИЛ—НИВЛ свидетельствует не только в пользу нашего мнения об использовании при составлении псковского свода Рвл., но и позволяет предполагать, что из него могла быть заимствована искомая дата.²⁷ Однако, как свидетельствуют МАк. и Тв. об., в Рвл. этой даты не было в том виде, как она представлена в Авр.—Супр.—ПІЛ. Значит, она попала в псковский свод из его второго новгородского источника.

Что представлял собой этот новгородский источник, какой период он охватывал? С большой долей уверенности можно предполагать, что по своему составу он почти полностью совпадал с НИ старшего извода, вполне возможно, что они имели даже общий протограф, более полно переданный этим источником, о чем свидетельствуют новгородские известия СИЛ—НИВЛ и Авр., отсутствующие в НИ. Анализ дублировок Авр.—Супр. за 40-е гг. XIII в., которые Я. С. Лурье совершенно справедливо рассматривал как признак использования двух источников, свидетельствует о том, что этот новгородский источник содержал ряд общерусских известий, пропущенных в НИЛ по Синодальному списку, в число которых и входила исследуемая дата. Под 6745—6747 гг. в Авр. помещены три статьи с известием о нашествии Батя на русские земли. Статью под 6745 г. мы относим к Рвл. на том основании, что она носит независимый заверченный характер, оканчиваясь известием о гибели Юрия Всеволодича, не связана с последующей статьей и имеет начальную фразу, аналогичную Тв. сб.: «. . .придоша съ восточныа страны на Рускую землю», — отсутствующую в СИЛ—НИВЛ. Статья под 6746 г. в Авр. и ПІЛ восходит к НИВЛ, о чем свидетельствуют как содержание статьи, повторяющее соответствующий текст СИЛ—НИВЛ (известие о Козельске, отсутствующее в НИЛ), так и характерное именно для НИВЛ окончание известия о походе на Новгород — «идоша и до Игнача хреста и ту воспятишася». В статье под 6747 г. сначала идет оригинальное известие о падении Переяславля и Чернигова, после чего поставлено окончание описания похода Батя на Новгород в 1238 г., заканчивающееся известием о строительстве монастыря св. Павла, отсутствующим в СИЛ—НИВЛ, но из-

которые А. А. Шахматов рассматривал в качестве доказательства использования псковским сводчиком краткой версии СИ—НИВ. Известия, имеющиеся только в НИЛ, читаются под 6713 (второе), 6732 (второе), 6747 (последнее) гг. Большинство известий, относимых А. А. Шахматовым к НИЛ, к ней не относятся: об известиях под 6688, 6751 (второе) и 6811 гг. говорилось выше; под 6677 г. известие восходит к НИВЛ, а не НИЛ, так как в последней отсутствуют упоминающиеся в Авр. и НИВЛ 72 погибших князя и имеется общая фраза «продааху Суздальца на 2 ногате»; известия под 6783, 6794 и 6798 гг. нет достаточных оснований относить именно к НИЛ в связи с отсутствием листов в рукописи. Что касается известий, возводимых А. А. Шахматовым к СИ, то различия с НИВЛ не в отсутствии в последней тех или иных известий, а в наличии отдельных чтений, более правильных в СИ. Это отнюдь не опровергает идеи использования сводчиком дополнительного новгородского источника, а лишь подкрепляет мнение Я. С. Лурье об использовании в протографе СИЛ—НИВЛ особой редакции НИ (ср. статью под 6773 г., где общее известие Авр. и СИЛ не находят аналогии в НИЛ, чтение которой перешло в НИВЛ).

²⁶ Лурье Я. С. Общерусские летописи. . . С. 98.

²⁷ Известие о гибели Мстислава Рыльского под 6749 г. Я. С. Лурье относит к МАк. (с. 90); статья Авр. о поставлении митрополита Кирилла совпадает с МАк. Причем эта статья имеет характерную особенность, отличающую ее от всех других известий об этом событии, — в ней читается: «. . .пресвященный архиепископ митрополить Кириль».

вестным из НІЛ, где оно стоит под 1238 г.²⁸ Это позволяет отнести известия статьи Авр. под 6747 г. к дополнительному новгородскому источнику. Чем же объяснить, что в ней упоминаются события, происшедшие на год раньше? Объясняется это, очевидно, тем, что в НІВЛ и Рвл. отсутствовала столь точная дата падения Переяславля и Чернигова, поэтому вслед за изложением по НІВЛ событий у Козельска, которым заканчивался 1238 г., псковский сводчик в изложении событий 1239 г. перешел к дополнительному новгородскому своду, имевшему избыточный материал. По окончании выписки общерусских известий псковский сводчик механически присоединил новгородские известия из этого же источника, в результате чего появилось повторное известие «и ходиша до Игнача креста».

Соответствующий текст ПІЛ подтверждает правомочность нашего объяснения. Здесь известие о падении Переяславля и Чернигова, идентичное Авр., дано в хронологической выкладке без указания года. Однако определение «по Рязанском взятии на другое лето» указывает на то, что в источнике это известие стояло под 1239 г., так как «взятие Рязанское и Володимерское» определяется как происшедшее через 8 лет после землетрясения 1230 г.²⁹ Вслед за этим идет известие о падении Киева, аналогичное Авр. и отнесенное там к 1240 г. И только после этого ниже расположена статья 1238 г., соответствующая статье из Авр. под 6746 г., следующая НІВЛ.³⁰ Ликвидировав дублировку в тексте известий об «Игначе кресте», восстановив правильную хронологию событий внутри статьи из дополнительного новгородского свода, псковский редактор оставил ошибочную последовательность статей, обусловленную механическим совмещением источников в своде XV в.

Под 6753—6757 гг. Авр. содержит еще целый ряд дублировок известий общерусского характера — о гибели Михаила Черниговского под 6753 и 6755 г.; о гибели Ярослава Всеволодича под 6753 и 6756 гг. и гибели Михаила Ярославича под 6756 и 6757 гг. Известия о гибели Михаила Всеволодича под 6755 г. и Михаила Ярославича под 6757 г., несомненно, заимствованы из НІВЛ.³¹ Статья под 6756 г. заимствована из Рвл., о чем свидетельствует сравнение с соответствующей статьей МАк. и СІЛ.³² Статья под 6753 г., содержащая также уникальное сообщение о гибели в Орде князя Андрея Мстиславича, не имеет аналогии в НІВЛ или МАк., но очень близка статье под 6754 г. из Рогожского летописца (далее: Рог.), имеющей более пространный текст. Ряд особенностей этих статей, восходящих исключительно к известиям СІЛ под 6753—6754 гг. (в Авр. Михаил назван «Киевским», а в Рог. сказано, что Ярослав «преставился нужною смертью»), позволяет предполагать, что и в СІЛ они попали из НІЛ «особой редакцией».

Граница дублировок и уникальных общерусских известий Авр., появившихся в результате использования псковским сводчиком наряду

²⁸ «Взяша Татарове Переяславль, марта 3; того же лѣта взяша Татарове Черниговъ октября 18». В ПІЛ вслед за «октября 18» добавлено — «во вторникъ». Это определение дня, подтверждаемое расчетами, так же как и дата падения Киева, указывают на то, что они происходят из современного событиям письменного источника.

²⁹ НІ, в отличие от остальных летописей, относит разорение Рязанской земли также к 1238 г.

³⁰ Не совсем ясно, почему под 1237 г. вслед за известием о падении Чернигова в ПІЛ оказалось сообщение о гибели Михаила Всеволодича Черниговского, происшедшей в 1246 г.

³¹ Об этом свидетельствует общий Авр. и НІВЛ текст известия о гибели Михаила Ярославича; что касается статьи Авр. под 6755 г., то, за исключением слова «великий» вместо «Михаил», она совпадает с НІВЛ.

³² Известие Авр. о гибели Ярослава Всеволодича под 6756 г. аналогично известию под тем же годом Синодального и Уваровского списков СІЛ, которые, дублируя соответствующее известие под 6754 г., отражают Рвл. (ср. МАк. и Лавр.). Это подтверждает то, что в вышеуказанных списках СІ инициатива изгнания Святослава приписывается Михаилу Ярославичу (ср. Лавр. — Вл.), что объясняется безмянностью «сына Ярославля» по Авр. и, соответственно, по Рвл.

с НІУ дополнительного новгородского свода, не переходит начало 40-х гг. XIII в. То есть общерусский источник новгородского свода был составлен вскоре после гибели в орде Михаила Всеволодича и Ярослава Всеволодича в сентябре 1246 г. В состав этого источника, очевидно, входила киевская летопись Владимира Рюриковича, о чем свидетельствует уникальное известие о смерти этого князя в 1239 г. в ПІЛ.³³ Таким образом, нужно думать, что исследуемая дата восходит к киевской летописи 1239 г., продолженной общерусскими известиями начала 40-х гг.

Существование южнорусской летописи, завершавшейся известиями 1246 г. и не подвергавшейся галицкой обработке, было доказано Ю. А. Лимоновым и С. К. Черепановым на основе анализа СІЛ—НІУЛ и МС.³⁴ Ю. А. Лимонов, проследивший эту летопись в НІ, Лавр., Тв. сб., а также в Рогожском и Новгородском кратком летописцах, определил, что на Северо-Востоке она была использована позднее 1246 г., но до 1276 г.³⁵ У нас нет оснований предполагать существование трех южнорусских летописей. Поэтому мы считаем, что это была одна и та же летопись. Однако по сравнению с проанализированными Ю. А. Лимоновым летописями южнорусский источник дополнительного новгородского свода, использованного псковским сводчиком, обладал избыточными сведениями (даты падения Переяславля, Чернигова, Киева; известие об Олеге Рязанском под 6751 г.). То есть он не подвергся и предшествующей своду 1276 г. редакции. Кроме того, он вошел в состав новгородского свода, не неся на себе вообще никаких следов общерусских известий, отличных от НІУЛ и МАк. после 1250 г.

Ю. А. Лимонов предположил возможное участие в составлении этого южнорусского свода «названного митрополита киевского» Петра Акеровича.³⁶ В 1245 г. Петр Акерович выступал на Лионском соборе. Повестью об этом, западноевропейские источники называют его «архиепископом русским».³⁷ Выше статью Авр. под 1250 г., сообщающую о прибытии на Русь митрополита Кирилла, мы отнесли к Рвл. на том основании, что это известие под этим годом есть в МАк. и отсутствует в НІУЛ и НІЛ. Однако по сравнению с МАк. известие Авр. имеет одно отличие. Здесь Кирилл носит не только титул «митрополита», но и «преосвященного архиепископа», чего не сообщает ни один другой источник. Из ГВл. известно, что до официального поставления в митрополиты в 1248—1249 гг. ставленник Даниила Галицкого «печатник» Кирилл с 1243 г. исполнял функции так же «названного митрополита», как и Петр Акерович.³⁸ Таким образом, статья Авр. под 1250 г. может быть с полным правом отнесена к южнорусскому источнику дополнительного новгородского свода. Она позволяет думать, что этот южнорусский свод оканчивался данным из-

³³ Оно стоит в ПІЛ после известия о падении Переяславля, но до известия о падении Чернигова, что согласуется с последовательностью связанных с ним событий в Лавр. и ГВл. Согласно этим летописям, покинувший в 1238 г. Киев Ярослав Всеволодич между мартом и октябрём 1239 г. совершает стремительный рейд к Каменцу, где захватывает семью Михаила Всеволодича, бежавшего из Киева «передь Татары въ Угры». Известие ПІЛ свидетельствует о том, что на киевском столе он сменил не ушедшего Ярослава, а умершего Владимира Рюриковича, с которым он имел давние счеты.

³⁴ Лимонов Ю. А. О южнорусском источнике. . . С. 146—149; Черепанов С. К. К вопросу о южном источнике. . . С. 279—283.

³⁵ Лимонов Ю. А. Летописание. . . С. 119, 167—168.

³⁶ Там же. С. 170.

³⁷ Матузова В. И. Английские средневековые источники IX—XIII вв. М., 1979. С. 125, 151; Томашівський С. Предтеча Ісидора. Петро Акерович, незнаний митрополит руський (1241—1245) // Зап. чина св. Василя Великого. Жовква, 1926. Т. 2, вип. 3—4. Связывать с Петром Акеровичем известия русских летописей за 1246 г. не представляется возможным, так как после 1245 г. судьба этого церковно-политического деятеля неизвестна.

³⁸ ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 791, 794; Голубинский Е. Е. История русской церкви. М., 1900. Т. 2, ч. 1. С. 51, 53—54.

вестием, т. е. был составлен в 1250—1251 гг. по инициативе митрополита Кирилла.³⁹

На основании анализа описания осады Киева войсками Батые по ГВл. нами утверждалось мнение, что в основе этого описания лежит Повесть о нашествии монголо-татар на русские земли, вышедшая из окружения митрополита Кирилла по прибытии его осенью—зимой 1250 г. во Владимир, но до мая—июля 1251 г.⁴⁰ В Новгород, куда митрополит прибыл впервые к маю 1251 г., эта Повесть им и была привезена и включена в состав новгородского свода, минуя ростовскую редакцию.

Откуда же появилась версия даты падения Киева по Рвл. и своду 1305 г.? Основным обстоятельством в решении этого вопроса нам представляется наличие сильного черниговского влияния на ростовское летописание 1247—1278 гг.⁴¹ Оно связано с деятельностью ростовской княгини Марьи (ум. в 1271 г.) — дочери Михаила Всеволодича Черниговского и ее сыновей Глеба и Бориса Васильковичей. При этом необходимо подчеркнуть проводимый княгиней и переданный ею своим сыновьям культ черниговских предков.⁴²

Традиционно в русском летописании всякое событие кроме цифрового обозначения датировалось упоминанием праздника, выпадавшего на этот день. На 19 ноября выпадает празднование «святого мученика Варлаама». Ростовский сводчик 1263 г. не был заинтересован в том, чтобы акцентировать внимание на неместном для отца своей княгини эпизоде — обороне Киева, столь тщательно расписанном в ГВл. Поэтому он, очевидно, постарался сократить его до минимума (примерно — «и Киев взяша в понеделок на память святого мученика Варлаама»). В таком виде дата попадает к сводчику 1276 г., работавшему в правление Бориса Васильковича, который, судя по описанию из Тв. сб., в 1246 г. особенно переживал за своего деда Михаила Черниговского. Но, кроме 19 ноября, праздник Варлаама выпадает и на 6 ноября и на 22 сентября. Первая ассоциация всегда касается факта, наиболее часто вспоминаемого. Таковым, несомненно, было празднование памяти черниговского князя Николая Святоши под 22 сентября.⁴³ Вероятность именно такого хода мысли ростовского летописца подтверждается тем, что, как сообщает ростовское проложное житие Михаила Всеволодича Черниговского, по инициативе княгини Марьи и ее сыновей был установлен праздник его памяти «месяца сентября въ 20 день на память святого мученика Еустафия».⁴⁴ Летописец,

³⁹ Неясен состав этого свода за XI—начало XIII в. Наблюдения С. К. Черепанова и Ю. А. Лимонова свидетельствуют о том, что в этой части он не отличался от Повести временных лет по Лавр. и ГВл. и Новгородской владычной летописи.

⁴⁰ Датировать текст позволяет определение Гуюка как «великого хана», что было бы невозможно позже июля 1251 г., когда великим ханом стал упоминавшийся здесь же в тексте Мункэ.

⁴¹ На 1247 и 1276—1278 гг. как вехи в истории ростовского летописания указывали В. С. Иконников, М. Д. Приселков, А. Н. Насонов, Л. Л. Муравьева, М. Д. Приселков и Д. С. Лихачев выделяют как этап общерусский летописец Марья под 1263 г. Об интересе ростовского летописания к черниговским событиям см.: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. С. 283—284.

⁴² Об этом говорит создание в Ростове по инициативе княгини Марьи первой проложной редакции жития Михаила Черниговского. Здесь подчеркиваются родственные отношения Михаила с Борисом и Глебом: «. . . ты же, Михаиле, помолися за внука своя Бориса и Глѣба. . . мирно державу царствия ихъ управити на многа лѣта и отнужа сея поганых избавити. . . заступити от скорби и печали и всякая нужда славящихъ вашу память» (цит. по: Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. М., 1915. Тексты, с. 51). Та же тенденция прослеживается и по описанию гибели князя Михаила в Тв. сб. и Рог., где в тексте, близком СИ, различия касаются присутствующего при казни Бориса, настойчиво определяемого в них как «внук» князя Михаила («бе бо Борисъ 15 лѣтъ и многы слезы предъ дедомъ изливаше»).

⁴³ Сергий, архим. Полный месяцеслов Востока. Владимир, 1901. Т. 2.

⁴⁴ Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. . . С. 51 (тексты).

посчитав, что имеется в виду праздник Варлаама 22 сентября, заменил указание празднования далекого «святого мученика Варлаама» на близкое княжеской семье празднование памяти славного предка «Николая». Эта формулировка и перешла затем в Рвл. — «на память иже въ святыхъ отца нашего Николы». Следующий этап трансформации даты связан с созданием свода 1305 г., опиравшегося на ростово-владимирский материал. Сводчик начала XIV в. имел перед собой как минимум две формулировки даты падения Киева, противоречащие друг другу. Не зная, какой из них отдать предпочтение, он идет на компромисс, отразившийся в Лавр., — «до Рождества Господня, на Николин день».⁴⁵ Отсюда до идентификации «дня Николы» с общеизвестным праздником Николая Преосвященного 6 декабря остается сделать один шаг, который и был совершен сводчиком 1408 г.

Таким образом, известие о дате падения Киева из Авр.—Супр.—Пл, восходящих к общему протографу — псковскому своду середины XV в., является истинным и наиболее древним. Оно восходит к Повести о нашествии Батюга на русские земли в 1237—1241 гг., присоединенной к киевской летописи 1239 г. Список этого митрополичьего летописца попал в Новгород, очевидно, весной 1251 г., когда сюда приехал митрополит. Здесь он и вошел в состав новгородского свода, который может быть охарактеризован как НИ особой редакции. В середине XV в. он был использован вместе с НИVЛ и Рвл. при составлении псковского свода.

Все варианты даты падения Киева в остальных летописях являются результатом трансформации первоначальной даты из митрополичьего летописца 1250 г. под пером ростовских летописцев, с 60-х гг. ведущих митрополичье летописание. Различные этапы эволюции исследуемой даты представлены последовательно в МАк., Лавр., Вл.

⁴⁵ По странному совпадению срок между 22 сентября и 6 декабря равен 10 неделям и 4 дням! Так что, даже если сводчик 1305 г. имел в своем распоряжении первоначальную формулировку (а ростовскую он имел без сомнения), то он имел основания усомниться в ее первой части (5 сентября), так как от нее откладывается 10 недель и 4 дня до праздника Николая.

Н. С. СЕРЕГИНА

Из истории певческих циклов Борису и Глебу

Кульτ Бориса и Глеба установлен в память о русских князьях, младших сыновьях Владимира I, безвинно погибших в княжеской междоусобной борьбе за Киевский стол в 1015 г. Этот культ был символом идеи династической субординации княжеской власти, идеи, трактуемой на Руси как призыв к единству князей и осуждение междоусобной борьбы между ними. Кульτ Бориса и Глеба был чрезвычайно популярным. В память о первых русских святых были созданы литературные памятники — Летописная повесть 1015 г., «Сказание» и «Чтение» о Борисе и Глебе, «Слово о князьях»; архитектурные сооружения (храмы Бориса и Глеба в Вышгороде, Смоленске, Чернигове, Переяславле, Новгороде, Полоцке, Кидекше), произведения иконописи, прикладного искусства; в XI в. были созданы масштабные певческие циклы, входившие в празднования на 24 июля и 2 мая.

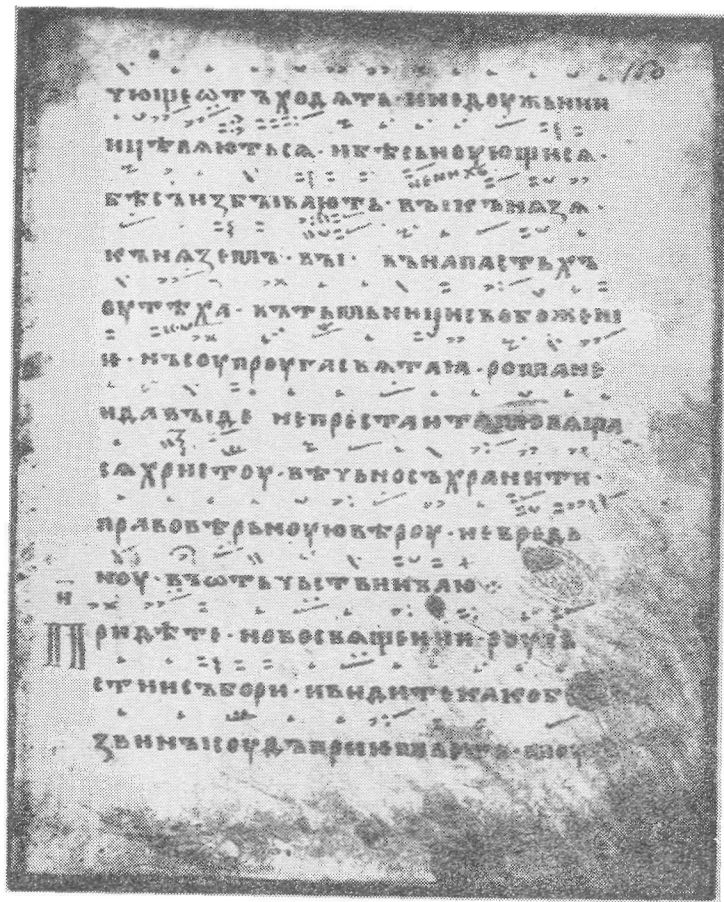
Службы Борису и Глебу прошли богатую заметными художественными достижениями эволюцию: каждая эпоха истории русского искусства оставила в них свой след. Среди авторов текстов песнопений Борису и Глебу — Иоанн митрополит (XI в.), Пахомий Логофет (середина XV в.). По-видимому, в создании текстов песнопений участвовали и другие гимнографы. Были неизвестны до сих пор имена распевщиков, однако огромное разнообразие певческих редакций многих текстов на протяжении всей эволюции служб Борису и Глебу делает несомненным тот факт, что в создании этих масштабных певческих циклов участвовали многие поколения песнотворцев.

Как древнейший и богатейший по художественным достоинствам памятник, певческий цикл Борису и Глебу нуждается в первоочередном изучении и текстологическом освоении напевов, по возможности полной его публикации. Однако масштаб памятника, разнообразие певческих редакций и количество сохранившихся списков XII—XIX вв. делают эту задачу крайне сложной, требуют усилий многих исследователей. В данной статье мы ограничимся рассмотрением одной стихирь «Придѣте новокръщении роуস্যи събори» в двух моментах ее эволюции: 1) в певческих редакциях XII в.; 2) в одной из редакций XVII в. — распева Федора Крестьянина.

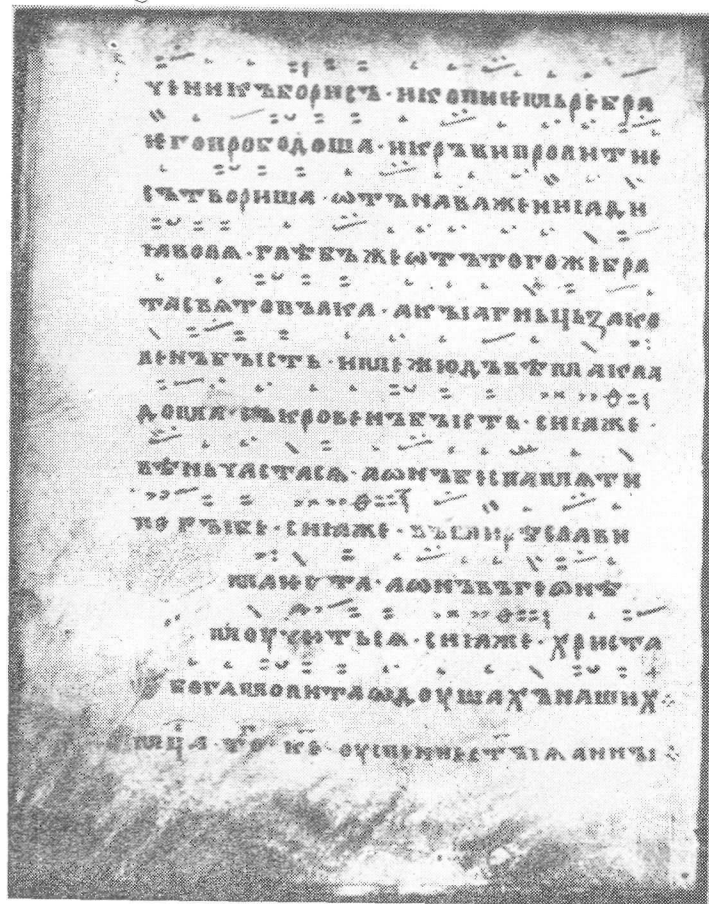
Стихирь Борису и Глебу в старших списках содержатся в следующих рукописях.¹ В служебной минее на июль (без нотации): конец XI—начало XII в. — ЦГАДА, ф. 381, № 121 (СК, 42);² 1-я половина XII в. — ЦГАДА, ф. 381, № 122 (СК, 93); в стихираре минейном нотированном XII в. — ГПБ, Софийское собр., 384 (СК, 54); БАН, 34.7.6 (СК, 98); ГИМ, Синодальное собр., 572 (СК, 99); ГИМ, Синодальное собр., 589,

¹ Мы не касаемся вопроса о происхождении и датировке служб Борису и Глебу, рассматривая лишь старшие списки стихирь, сохранившихся до наших дней.

² СК — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI—XIII вв. М., 1984. Здесь и далее приводим номер источника по этому каталогу.



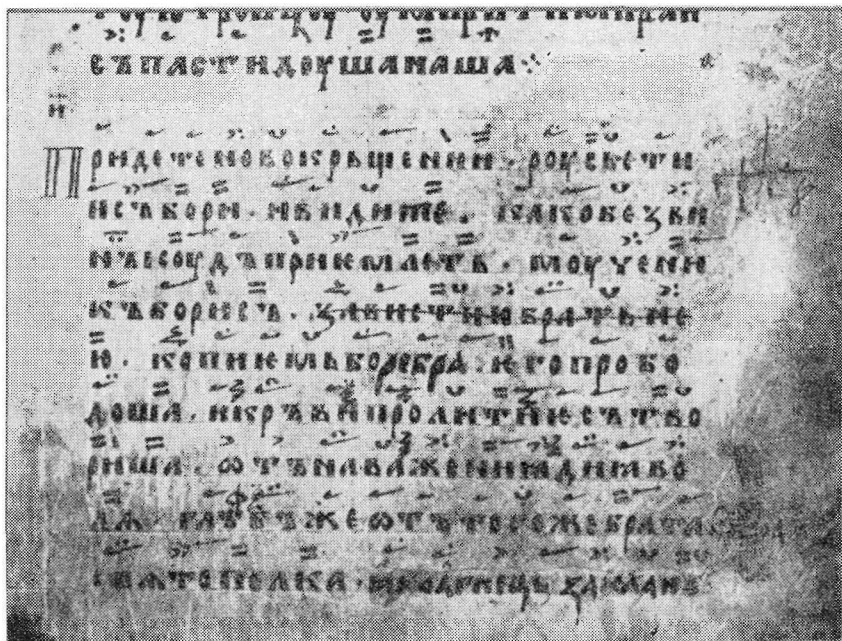
Стихирарь минейный, XII в. (ГИМ, Синодальное собр., № 572, л. 160).



Стихирарь минейный, XII в. (ГИМ, Синодальное собр., № 572, л. 160 об.).

(СК, 100); ЦГАДА, ф. 381, № 145 (СК, 103); ГИМ, Синодальное собр., 279 (СК, 131).

Наиболее полное издание текстов песнопений Борису и Глебу представляет книга Д. И. Абрамовича «Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им» (Пг., 1916). В ней на основании около 20 списков XII—XVI вв. собраны 45 стихир Борису и Глебу на 24 июля и на 2 мая. По древнейшим спискам (XII в.) Абрамовичем опубликована 21 стихира. Кроме этих стихир, М. Ф. Мурьянов опубликовал еще три по списку служебной минеи конца XI в. (первый в нашем перечне). Любопытно, что эта минея упомянута среди источников, использованных в публикации



Стихирарь минейный, XII в. (ГИМ, Синодальное собр., № 279, л 125).

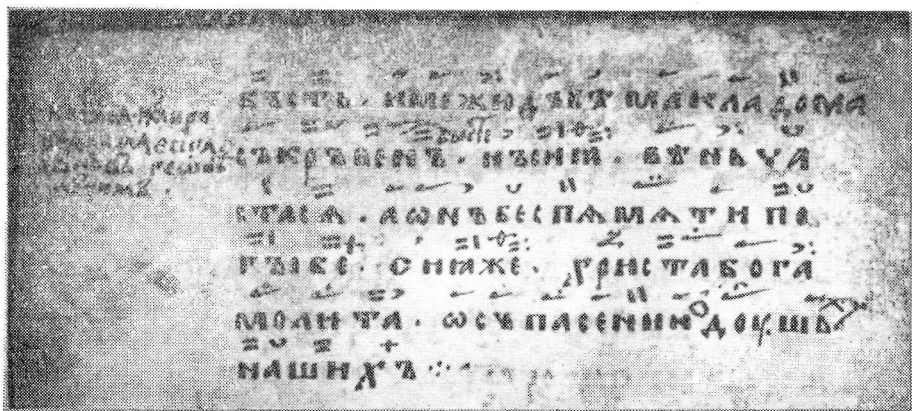
Абрамовича, однако ее тексты остались неопубликованными. Произошло это потому, что в данном списке содержатся три стихир на подобен «Егда от древа», как и в Стихираре Софийского собр., 384, послужившем основным источником публикации Абрамовича. Однако это другая группа стихир на тот же подобен, хотя одна из стихир совпадает по тексту. Абрамович счел их идентичными и не опубликовал. Разницу двух групп стихир на один подобен в том и в другом списках определил еще В. М. Металлов за несколько лет до выхода в свет книги Абрамовича, бросив мимоходом: «3 стихир на хвалитех в нашем стихираре совсем не те, что в Минее».³ Однако этот важный вывод сделан им без всяких разъяснений и остался незамеченным.

Таким образом, публикация М. Ф. Мурьянова⁴ добавляет к уже известным в целом не три, а две стихир на подобен «Егда от древа», но при этом вскрывает интереснейшую особенность древнейшей редакции службы Борису и Глебу — существование двух групп стихир на один и тот же образец.

³ Металлов В. М. Богослужбное пение русской церкви: Период домонгольский. М., 1906. С. 262.

⁴ Мурьянов М. Ф. Из наблюдений над структурой служебных миней // Проблемы структурной лингвистики. М., 1981. С. 263—278.

Итак, первоначальный цикл песнопений Борису и Глебу содержит 23 или 24 стихирь (если одну повторяющуюся стихирь считать за две, поскольку она входит в разные группы стихирь, исполняющихся на один напев непосредственно одна за другой). В стихирярях и служебных мнѣях XII в. песнопения Борису и Глебу содержатся исключительно на



Стихирярь минейный, XII в. (ГИМ, Синодальное собр., № 279, л. 125 об.).

24 июля. Состав стихирь не стабилен. В обозначенных нами списках они распределяются следующим образом.

3 стихирь на подобен «Егда от древа» 2-го гласа

Егда братоненавидения огонь...
Волею ненавидения дровьяго...
Премоудра оу воины* братье...

(ЦГАДА, ф. 381, № 121 — без нотации)

3 стихирь на подобен «Егда от древа» 2-го гласа, «На хвалитех»

Егда на поли Лтьстьсьмь...
Егда братоненавидения огонь...
Придете вси верьнии събори роустии...

(ГПБ, Соф., 384 — с нотацией)

3 стихирь на подобен «Дасть знамение» 4-го гласа

Придете целомудрия любци...
От корене израстоста...
Делы и оучении Христовы...

(ЦГАДА, ф. 381, № 122 — без нотации)

3 стихирь на подобен «Небесным чином» 1-го гласа, «На хвалитех»

Светозарьна и свята...
Каплями кровьными...
Яко звезде две...

(ЦГАДА, ф. 381, № 122 — без нотации)

3 стихирь на подобен «Кыими похвальными» 2-го гласа, «На стиховне»

Кыими похвальными вѣнци...
Кыими пѣсьными добротами...
Кыими доуховьными словесы...

(ЦГАДА, ф. 381, № 122, только первые две — без нотации; с нотацией: Соф., 384; БАН, 34.7.6; ГИМ, Син., 572, 589; ЦГАДА, ф. 381, № 145)

* Мы предлагаем такое чтение вместо предложенного М. Ф. Мурьяновым «оубо и мь».

3 стихиры на подобен «Все упование» 6-го гласа

Въсе горе възложыша моученика . . .
Чини ангельстии удившася . . .
Не тъкъмо ангели . . .

(Соф., 384; БАН, 34.7.6 — с нотацией)

Видимо, в соответствии с числом стихир на подобен в древнейшей редакции содержится 6 славников:

- «Придѣте въсхвалимъ. . .» 6-го гласа — во всех стихирарях, кроме Сия., 589;
- «Пльтьскую богатяща. . .» 8-го гласа, многогласник — Соф., 384; БАН, 34.7.6; ГИМ, Сия, 572, 589;
- «Богомъ избрании людие. . .» 8-го гласа, многогласник — Соф., 384; БАН, 34.7.4;
- «Придѣте новокръщение роуьстии събори. . .» 8-го гласа — во всех стихирарях, кроме Сия. 589;
- «Брата прекрасеная. . .» 8-го гласа — Соф., 384; БАН, 34.7.4;
- «Днесъ вселеная вся. . .» 3-го гласа, «самогласен» — ЦГАДА, ф. 381, № 122 (без нотации).

Тексты перечисленных стихир опубликованы, однако в целом как певческие памятники стихиры Борису и Глебу не изучены и систематически не изданы. Правда, почти все они воспроизводились по отдельным спискам в ряде исследований В. М. Металлова,⁵ М. В. Бражникова,⁶ Г. А. Никишова,⁷ Ю. В. Келдыша.⁸ Однако воспроизведения в книге В. М. Металлова сделаны способом перевода на кальку и содержат ошибки в нотации. Единичные публикации отдельных листов древнейших списков в статьях М. В. Бражникова и Г. А. Никишова имели целью не изучение собственно стихир Борису и Глебу, а иллюстрацию палеографических особенностей нотации XII в. В книге Ю. В. Келдыша одна стихира Борису и Глебу, воспроизведенная в условных начертаниях музыкальных знаков типографским способом, анализируется как пример древнейшей композиции знаменного роспева. В целом же корпус стихир Борису и Глебу по древнейшим нотированным спискам (впрочем, как и по более поздним) с точки зрения музыкальных особенностей еще не изучался.

Как известно, нотация древнейшего периода пока еще не поддается достоверной расшифровке и переводу на современную нотацию. Вместе с тем по нотации можно судить о структуре напева, степени роспевности, элементах музыкальной композиции. Сопоставление различных списков одного нотированного текста позволяет выявить те или иные черты бытования напева, его варианты и разные редакции. Поскольку данных о творчестве первых русских гимнографов-роспевщиков до сих пор не обнаружено, судить о нем можно только по нотации древнейших отечественных композиций.

Предлагаемая публикация стихир «Придѣте новокръщению роуьстии събори» проводится по четырем спискам XII в.⁹ Словесный текст ее опубликован Д. Абрамовичем,¹⁰ однако две строки (из заключительного раздела) стихир оказались пропущенными. Без начального раздела (от слов «. . ны соудъ приемлетъ. . .») стихира воспроизведена по списку БАН, 37.7.6, л. 167 в упоминавшейся выше статье Г. Никишова.

⁵ Металлов В. М. Русская семиография. М., 1912. Табл. X—XVII, XXV—XXVIII, XXXIII—XXXVI, XLIII—XLVI, LI—LIV.

⁶ Бражников М. В. Краткие методические указания и схемы по описанию древнерусских певческих рукописей // Метод. пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1973. Вып. 1. С. 142.

⁷ Никишов Г. Сравнительная палеография кондакарного письма XI—XIV веков // Musica antiqua. 4. Wydgoszcz, 1975. С. 570—572.

⁸ Келдыш Ю. В. История русской музыки. М., 1983. Т. 1. С. 298, табл. 4.

⁹ Список ЦГАДА, ф. 381, № 145 сходен с Соф., 384.

¹⁰ Абрамович Д. И. Жития св. мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916. С. 146.

СЛАВУ ТВОЮ КОУ КОРНИАНГА
 БОГЪ ЛЕВЪ ЗЪ БРАНИИ ЮДИ
 НИКО ПРЪ ВЪ СЪ И Н И ЮБ
 РАДИ СКА ТОЮ ВЪ СЪ ЗЪ МЛА РОУ
 СЪ КА ИНО СЪ ВЪ ТИ СЪ ВЪ СЪ
 К У О Д О П А К О С К О М О Б Р А Т О У
 Н Е П О Ш А Д Е К А Н Ъ И Н
 О У Е И Ш А СЪ М БЪ И Н Х А К И
 С Т И Р А А Н П О СЪ Л А КЪ ХЪ
 А БЪ Р А С А МЪ ТЪ К А СЪ Б А А Ж Е
 Н А А Г О С Т Р О С Т О Т Ъ П А Ц А Р О
 П А Т А С У М А ХЪ И Ш А Т Ъ М Ъ Н
 Д А ВЪ И Д А З А К А Ш А Г А К О Г Н А
 П О ДЪ О БЪ Н К О П Р Е К С А С А М А
 ЖЪ Т Ъ Ю И Н Е К Ш Р И А С Т А
 ВЪ И Ц А ВЪ Ч У И ВЪ И А ШЪ
 Т Р О С Т А К О Г А К О Г О Ж Е Н КЪ
 Д А ВЪ И С Т А КЪ ЗЪ И П А К И ДЪ
 Ш А Д А И РЪ СЪ МЪ И Н ХЪ И Р А

И ТЪ КЪ ДЪ МЪ ЖЪ ДЪ ХЪ НЪ
 КЪ И ТЪ О С Т О ПЪ С О Л О У Ч Е П У К А
 К А М П А И РЪ И Р У С О М О К А Г О Р О
 Д А О М А ВЪ СЪ К Р А С Т О Р Е Н И У С Т А И
 П А И С Т А ВЪ Д А О Д А И П О О П ТЪ СЪ ВЪ ТЪ
 И МЪ СЪ ВЪ СЪ К А И РЪ И ТЪ СЪ А К Т О У КЪ
 И И МЪ СЪ ВЪ СЪ К А И РЪ СЪ ЖЪ ЛЪ И М А КЪ
 Д А Р О У ТЪ С А Г О Р А И К О М О ДЪ И РЪ
 П Р А Ч А П Р И П Р А С И МЪ Г А Д О К А Ч О
 П Р А С Т И Н А Ш А Т О П О МЪ СЪ И ТЪ
 ВЪ КЪ Р О Т А Т О У Н ХЪ И РЪ С О П Т А Т А У
 И И ТЪ СЪ ВЪ Д А Д А П Т А К О М О П А П А И ТЪ
 И ЦЪ К А И И ТЪ И ЗЪ Г А К О И М О У И Н
 А БЪ Р Х О КЪ И И ТЪ Х Р И С Т А Б О Г И
 М О Л И Т А СЪ М О И ТЪ И Д О У Ш Е
 Н А Ш А
 П Р И Д А ВЪ ТЪ П О К О Т Р А Щ Е И И Р О У
 СЪ Т И И СЪ К О Р Н И И Д А И МЪ К А
 К О К Е ЗЪ И И ВЪ С О У ДЪ И Р И С М А С ТЪ

Стихирарь мицейный,
 XII в. (ГПБ, Софийское
 собр., № 384, л. 99 об. —
 100).

МОУУНИККОРИСЪ ХВНСТНО
 КРАТЬНЕРЪ КОНИМЪТЪ КАРС
 ГПРОБДОША ИКУЗННПРОА
 ТНЕСЪТЪБОРНША ОУХИКА
 ЖЕНИАДНГОЛАГАБЕНИ
 ЖОТЪТОГОЖЕБРАТАСВО
 ПЪКА НОЖЬАХЪХАРЪЗАНЪ
 БЫСТЪ НАМЖИДЪКЪМНО
 АРАМАСЪКОРОКЕНЪНКОР
 ВЕНУАСТАСААФОНЪКОРА
 МАТИНОГЪКЪСИМЖОУКО
 ЧНАЕОРАМААНТАОСЪНАСНИ
 ИДОУШЪСАШНУЪЖИТЪРА
 СТГОДУНИКАРЕОРОНИТА
МКОХЪТЪДАНАНСКОИ ИНАЧЕ
 ГАНСАРЕОРОНИ НАКОДОКЪКОНИ
 НАРУСА ИБОМЖИВЪННДИНЪ
 ДНАХЪСНКАКО ПРЪТЪРНРЕОРОНИ
 ИНОЖАУКОРЪХАМИИ НАКО ПРЪТЪ

РЕОРОНИ ОУАНИАМИГЪХАКА
 КО ПРЪТЪРНРЕОРОНИ ОУТЪС
 И ПЪСАРАМОУУНИИ НАКО ПР
 ИТЪРЕОРОНИ КОНОВЪНОКАР
 НИИ КАКО ПРЪТЪРНРЕОРОНИ
 ААДНИАВХАКОНАААГО ИЛА
 СЪ АНГЕЛЪСЪКОРОКОРАТЪН
 АОНСА ИКОРИНСАЕАТОРЕОРО
 И ТАКОСАГЪНИТЪКОРА ПРЪКАТЪ
 СА ИКУМАЦЪТЪКОИ ОУГОТОКИСА
 ТЕНТЪКАТОРЕОРОНИ ГОСИДИ
 СЛАКАТЪ



Стихирарь минейный,
 XII в. (ГПБ, Софийское
 собр., № 384, л. 100 об. —
 101).

Стихира «Придѣте новокръщению роусьстии събори» — славник 8-го гласа, имеющий самогласный, т. е. самостоятельный, распев. В стихире преобладает повествовательное содержание — рассказ о событиях 1015 г., связанных с убиением Бориса и Глеба, осуждением и гибелью Святополка. Текст целым рядом деталей перекликается с Летописной повестью, «Сказанием» и «Чтением» о Борисе и Глебе, однако самостоятелен в своей поэтической выразительности: не скомпилирован, а создан независимо от них. То, что пространно, с подробностями сообщается в литературных памятниках, изложено в песнопении по законам поэзии — лаконично, но емко, в сопоставлении контрастных идей и образов.

Отметим черты сходства стихир с литературными памятниками о Борисе и Глебе — Летописной повестью (Л), «Сказанием» (С) и «Чтением» (Ч).

Стихира

Литературные памятники

- | | |
|---|--|
| 1. . . . како без вини соудь прием-
леть моученикъ Борись. | како без вини закалаемь ѡсмы (С). ^а |
| 2. . . . копиемь бо тѣло ѡго про-
бодоша. . . | и насунуша и копи и прободоша Бориса
(Л); ^б
. . . . и прободоста и мечемь въ срдце (С); ^в
. . . . како прободенъ ѡси (С). ^г |
| 3. . . . и крови пролитие сътвориша. | зане без вини проля кровь (см. 1) (Л). ^д |
| 4. . . . Глѣб же отъ того же брата
(и врага) Святополка. | Како не отъ врага, нѣ отъ своего брата
пагоубоу въсприал ѡси (С). ^е |
| 5. . . . яко агнецъ заклано бысть. | [повар Глебов] . . . вынезь ножь, зарѣза
Глѣба, аки агня непорочна (Л); ^ж |
| 5а. . . . ножемь зарѣзанъ бысть. | ивемь ножь, и имь блженнаго и закла
и яко агня непорочно (С); ^з
. . . . изволкъ ножь свои. . . и заклати; . . . аки
агня незлобиво (Ч); ^и
[Глеб] . . . се ныне азъ закланъ быхъ. . . (Ч). ^к |
| 6. . . . и межю дѣвѣма кладома
съкровень. | и повержену на брезѣ межю дѣвѣма коло-
дама (Л); ^л
. . . . и повърженоу на поусте мѣсте межю
дѣвѣма колодама» (С). ^м |
| 7. . . . нѣ сиа вънъчастася. . . | [Глебъ] . . . и приа вънец. . . (Л);
[Борис] . . . вънецъ приимъ. . . (Л);
[Борис] . . . въсприять не оуваждаемьи
вънъць. . . (С);
[Глеб] . . . въсприаста вънъца нѣсны. . . (С). |
| 8. (О Святополке):
. . . . а онъ въ геонѣ мучимъ. . . | и по смерти вѣчно мучимъ. . . (Л);
. . . . и по сьмерти моукоу вѣчноую. . .
и моуць и огню предастъ. . . (С). |

Стихира «Придѣте новокръщению роусьстии събори» уже в XII в. имеет две различные редакции напева. Один распев представлен в стихираре ГИМ, Син., 572, второй — в четырех списках: Тип., 145 (ЦГАДА, ф. 381, № 145); Соф., 384; БАН, 34.7.6; ГИМ, Син., 279.

В отредактированной нами реконструкции в квадратные скобки взяты неразборчивые по причине дефектности списка зачеркнутые знаки. Для этой стихире характерна нестабильность текста: зачеркивания знаков и

^а Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971. С. 52.

^б Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 91.

^в Успенский сборник. . . С. 49.

^г Там же. С. 51.

^д Повесть временных лет. . . С. 97.

^е Успенский сборник. . . С. 51.

^ж Повесть временных лет. . . С. 93.

^з Успенский сборник. . . С. 53.

^и Б у г о с л а в с к и й С. Украно-руськи пам'ятки XI—XVIII вв. про князів Бориса та Гліба. Київ, 1928. С. 193.

^к Б у г о с л а в с к и й С. С. 193.

^л Повесть временных лет. . . С. 93.

^м Успенский сборник. . . С. 53.

Син. 572 л. 160-160 об.

При дѣ те

ко во свѣ ще ми н

роу съ стн н съ бо рн

и видите ка ко бе звы ми соу дѣ при те мле ть

моу че ми къ Бо рн съ

и ко ин те мь ре бра те го про бо до ша

и крѣ ви про ли тн е съ тво рн ша

та ть на ва же ми ра ли ра во ла

Глѣбъ же та то го же бра та свѣ то пѣ лка

а ки а тѣ цъ за ко ле нь бы сть

и ме жи дѣ вѣ ма кла др ма

съ кро ва нь бы сть

си га же

вѣ нь ча ста са

а ѿ мь бе спа ма ти по ги бе

си га же

вѣ ми рѣ сла ви ма те ста

а ѿ мь те ге ѿ нь моу чи тѣ са

си га же

Хри ста бо га мо ли та

доу ша хъ на ши х

Разночтеня по БАН 34.7.6, л. 166 об.-167.

Соф. 384, л. 100-100 об.

Придѣте мо во крѣ ще ми н

роу съ стн н съ бо рн

и ви ли мѣ

ка ко бе звы ми соу дѣ при те мле ть

моу че ми къ Бо рн съ

за ви стн ю бра тѣ ме ю

ко ин те мь бо те ло те го про бо до ша

и крѣ ви про ли тн те съ тво рн ша

Глѣбъ он н же та тѣ то го же бра та свѣ то пѣ лка

и ме жи дѣ вѣ ма ко ло да ма съ кро ве нь

8)

9)

12)

14)

20) моу

24)

Разночтеня по Син. 279, л. 125-125 об.

1) те (прописано в XV веке).

2) ѿ

3-4) зачеркнуто

5-6) „ребра“ (XV в.)

7) добавлено: ꙗ

10) ꙗ

11-13) Глѣбъ же

15) „и врага“ (на поле

16) „по“

17-18) „иго агнь“ заклано (XV в)

19) „оъ“

21-22) кладома

23) „онъте“ (добавлено

24) ѿ

25) ѿ

26-27) добавлено на поле, в других списках отсутствует

28) ѿ

29-30) зачеркнуто, добавлено „о“.

31) ѿ

32) добавлено „хъ“.

в мире славна еста

а оъ въ геѿмѣ мучнѣ

си га же

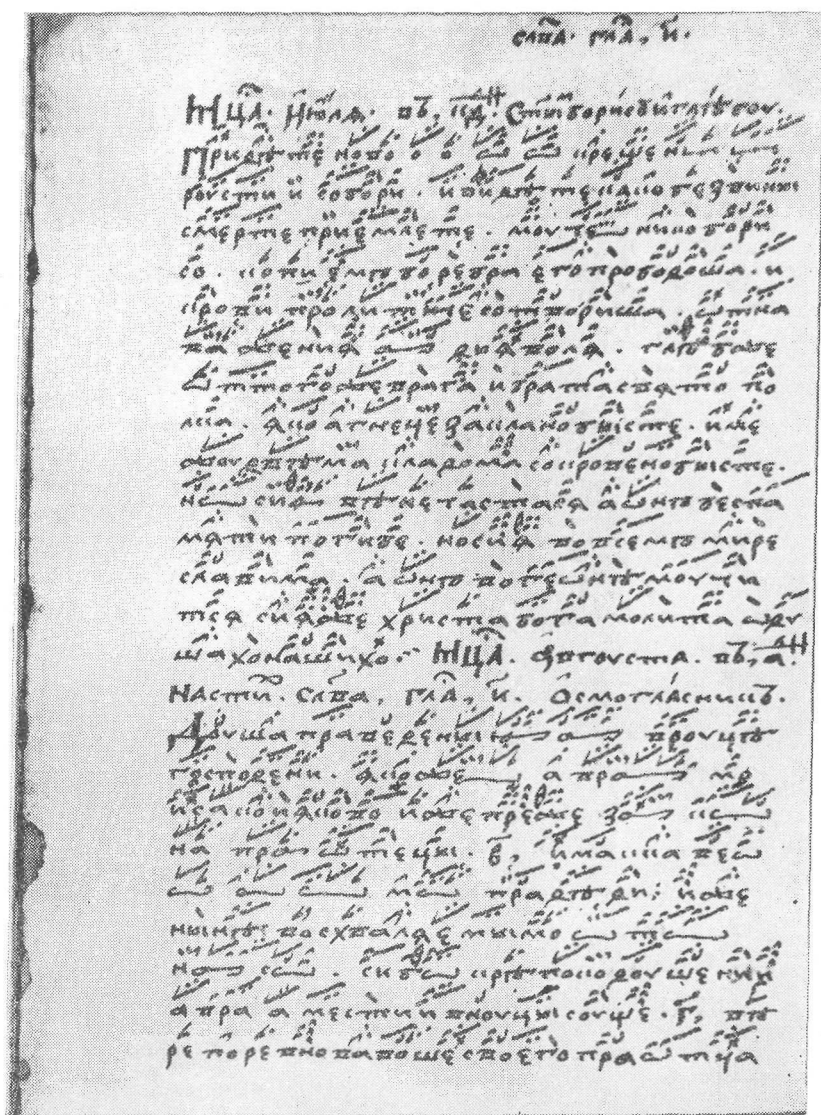
Хри ста бо га мо ли та

доу ша хъ на ши хъ

Полный текст стихирь «Придѣте новокръщенни...» по спискам XII в.

целых строк, приписки на полях, добавления целых слов и строк. Видимо, поэтому две строки оказались неопубликованными у Д. Абрамовича:

Но сна въ мирѣ славима уста.
а онъ въ гевнѣ мучимъ.



Стихирарь минейный конца XVI—начала XVII в. (БАН, Строгановское собр., № 44, л. 979).

Две различные редакции роспева имеют не только проанализированная нами стихира, но и несколько других — «Придѣте восхвалимъ»¹¹ и «Плотескою богатяца».¹² Существование различных напевов на один текст в древнейших списках службы Борису и Глебу свидетельствует о самостоятельности в творчестве отечественных гимнографов и роспевщиков уже на ранних этапах возникновения и распространения на Руси

¹¹ Palicarova-Verdeil R. La musique Byzantine chez les bulgares et les russes. Copenhagen, 1953. P. 168—169.

¹² Металлов В. М. Русская семиография, С. 79.

При - дѣ - те, но - во -

кре - ще - ни - и ру - сти - и со - бо - ри -

и ви - дѣ - те. Ка - ко без ви - ны

су - до сме - рте при - е - мле - те.

му - че - ни - ко Бо - ри - со,

ко - пи - ем бо ре - бра

е - го про - бо - до - ша

и кро - ви про - ли - ти е со - тво - ри - ша

от на - во - жде - ни, я

ди - я - во - дя

Гле - б же

от то - го же вра - га и бра - та Свя - то - по - лка

я - ко а - гне - це за - кла - но бы - сте

и ме - жду две - ма кла - до - ма со - кро - ве - но бы - сте.

Но си - я
 ве - не - ча - ста - ся,
 а он бес - па - мя - ти по - ги - бе
 Но си - я
 во всем ми - ре сла - ви - ма,
 а он в ге - о - не му - чи - тся.
 Си - я же
 Хри - ста бо - га мо - ли - та о ду - ша - хо на - ши - ло.

Стихира Борису и Глебу «Придите новокрещении...» роспева Федора Крестьянина.

певческого искусства, основные формы которого были заимствованы из Византии.

Дальнейшее развитие стихир «Придите новокрещении рустии собори» происходило следующим образом. Две исходные редакции существовали до середины XV в. Редакция Син., 572 прослеживается в стихирах конца XIV—середины XV в.;¹³ редакция Соф., 384 — в стихирах XIV—начала XV в.¹⁴

Во второй половине XV в. складывается новая редакция, которая продолжает свое существование вплоть до XVII в.¹⁵ Она становится основной и очень распространенной.

В конце XVI—1-й половине XVII в. возникают еще не менее трех редакций знаменного роспева,¹⁶ а также путевая редакция.¹⁷

На рубеже XVI—XVII вв. возникает еще одна редакция знаменного роспева,¹⁸ которая в одном из списков этого времени имеет ремарку «Хри-

¹³ ГБЛ, ф. 113, № 3 (кон. XIV в.); 304, № 439 (сер. XV в.).

¹⁴ ГБЛ, ф. 256, № 420 (XIV в.); ГИМ, Чудовское собр., 59 (нач. XV в.).

¹⁵ ГБЛ, ф. 304, № 411, 412, 41, 431; ГИМ, Единоверческое собр., 37; Чудовское собр., 61; ГБЛ, ф. 304, № 449; ГПБ, 01—238 и мн. др.

¹⁶ ГПБ, Кирилло Белозерское собр., 669/926; БАН, 32.16.18; ГБЛ, ф. 98, № 2016.

¹⁷ ГИМ, Щукинское собр., 767 (1602 г.); собр. Уварова, 142, в 8° (сер. XVII в.).

¹⁸ БАН, Строгановское собр., 44, л. 979 (ок. 1587 г.). Стихира содержится в разделе прибавлений начала XVII в.; 1-я пол. XVII в.: БАН, 21.2.13, л. 302; ГБЛ, ф. 37, № 378, л. 272; ф. 122, № 19, л. 383; ф. 256, № 423, л. 499; ф. 272, № 325, л. 89; ЦГАДА, ф. 381, № 320, л. 463 об.; сер. XVII в.: БАН, Вятское собр., 9, л. 405; ГБЛ, ф. 379, № 66, л. 381—382.

стианиново знамя». ¹⁹ На стр. 302—303 приведена расшифровка напева этой редакции. Судя по ремарке, роспев принадлежит авторству Федора Крестьянина, известного композитора 2-й половины XVI в. За последние десятилетия было обнаружено несколько его произведений. ²⁰ Данная публикация представляет еще один памятник авторского творчества роспевщика.

При сопоставлении редакции «Христианиново знамя» с основной редакцией XV—XVII вв. обнаруживается большее внимание к раскрытию словесного содержания текста, выразительным интонациям в напеве. Особенно показателен роспев на слове «диявола», где необычно высокой тесситурой и своеобразными интонациями, угловатой (для этого стиля) ритмикой создается характерный образ «дьявольского наваждения», ставшего причиной драматических событий, раскрывающихся в стихире.

Рассмотренные эпизоды эволюции только одной стихиры Борису и Глебу составляют лишь малую часть всего корпуса песнопений древнейшего отечественного певческого цикла. История каждого из них может стать предметом разнообразных исследований и публикаций.

¹⁹ ГБЛ, ф. 178, № 766, л. 339. Список указан С. Г. Зверевой, за что выражаю ей искреннюю признательность. Описание см.: Музейное собр. рукописей: Описание. М., 1961. Т. 1. С. 74—76.

²⁰ См.: Крестьянин Ф. Стихиры / Публ., расшифровка, исслед. и коммент. М. В. Бражникова. М., 1974; Фролов С. В. «Большой роспев» Федора Крестьянина на тексте праздничной стихире // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 295—307.

Г. М. ПРОХОРОВ

Иоанн Кантакузин. Диалог с иудеем

Слово третье *

(Славянский XIV века и современный переводы)

НА ИУДЕЕ СЛОВО ТРЕТИЕ

Ц а р ь: Буди камень на земли притячное, о Ксеню, моле. Обаче оно *л. 210 об.* тебѣ вѣдѣти дльжно естъ, яко еже о естеству Троице слово не якоже от всѣх чловѣкъ никто же, нъ ни же херувимъ и серафимъ вѣдетъ всма. Бога бо, зѣло прѣмудрѣ рече нѣкто, разумѣти убо неудобно, сказати же немощно. Ел//ма же обѣщахсе еже о вѣчловѣченіи Сына Божіа слово, поелику *л. 211* мощно ми естъ, вѣдати тебе, егда о ономъ слово въ срѣду приведу, тогда и о божеств'ном Духу мощнаа тебѣ побесѣдую. Много бо о семъ естъ слово и неудобъ сказаемо, множае же и всма несказанно. О Отци бо убо многоиспытателно убо будетъ въспоминати: аще бо и не по правому слову, Бога обаче сего исповѣдуете.

К с е н ь: Ино нѣкое зде паки, о цару, належе недоумѣние и мала не възвращаетсе. Еже бо ниня и прѣжде рѣх: едва нѣгде кто или вас самѣхъ езычьскы живущих, или нѣкого от всѣхъ иного, якоже достоить, речеть, Бога почитати, аще не Авраама, и Исаака, и Иакова нас дѣти, Моусеовѣхъ ученикъ и Закону хранителе.

Ц а р ь: И сѣ, Ксеню, съ инѣми тебѣ добрѣ сказано будетъ, Богу съпоспѣшествующу. А еже ниня быти словеса онѣ възпоменути тебѣ хошу, в них'же яко крѣпко нѣкое възприимаше еже «исраилите» нарыцатисе. И нас оклеветаше, яко тужди мы украшаемымъ имен'мы, яко ниня сѣ нарычемсе и мѣ. Реку же тебѣ множае, нежели подобаетъ имену присвятитисе.

И бо аще «Исраиль» «умъ, зре, — сказуетсе, — Бога», подобнѣ ничто же // мнше и иже Бога благочѣстивѣ умныма очима зреще Исраиль *л. 211 об.* нарыцатисе убо. Иаковлимъ, иже Исраиль наречесе, дѣтемъ, вамъ, Исраилитѣ не бо убо мнѣ, не убо праведнѣ нарычемсе, яко оттуду род'ству имуще прѣтие, Исраиль же и паче. Аз' же убо паче реку сѣ вамъ погубити отнели же Бога на себе самѣхъ разгнѣвасте и от Того отступльше, и от Оного оставлени бысте за нечѣстїа ваша и великую онѣ крестную дръзость, еже на Сына Божіа в'семир'наго Спасителя вами дръзнуто. Обаче оному убо подобаше пострадади плетьскы о всѣхъ спасениу, и пострада. Окаянни же вѣи и слъзамъ достойни, яко умъ зре Бога бывше, потъмнени и омрачени умомъ бысте, по прьвому оному отступнику диаволу, Исраилитѣ не бо убо, еже рѣх, мнѣ убо глаголетесе, Исраиль же никакоже; нъ намъ прикладно быти сѣ речеть кто убо вѣлѣпоту, иже идолослужителемъ дѣтищомъ, сѣ ниня твое сьгрѣшение, еше же и уже достоянїа Богови и святые и наслѣдникы Божіа царства и быти, и глаголатисе, яко заеже въ Христа вѣры и бане пакубытїа, рекше божест'внаго крщениа, ума назирателя

* Слова первое и второе см. в томах 41 и 42 ТОДРЛ.

л. 212 **Божиа** бывшим, еже ниня и тебѣ же и паки и многаши // молил' бих се быти и душевным очесем твоимъ отвръзеномъ быти, сущий разумъ истинны приети от Бога.

Елма же въ прѣждней помолих'се възвратитисе тебѣ молитвѣ, праведно, мню, и силу указати тебѣ молитвѣ. Вещ'ша бо тебѣ и съврѣшен'нѣйша и от великих онѣх, их'же самъ хвалиши, прѣродитель блага тебѣ прибудуть, аще мнѣ повинешисе, божеств'ной пакибытиа съврѣшаемъ бани. Онии бо убо аще и велиций умъ зре Бога бѣху, нь не бѣху еще съврѣшеннѣ познавше яже о Христѣ. И убо речет кто убо, яко и живи оного проповѣдаху, аще и несъврѣшенѣ и чистѣ, и умрыше, онога ради, или паче от онога, еже от ада своимъ душамъ свободу надѣхасе. Нь, еже рѣх, велици убо бѣху, несъврѣшени же суще еще, вещьшаго трѣбоваху разума. Сего бо ради и Христос своимъ учеником глаголаше, яко «Мнози пророци и царие въсхотѣше видѣти, яже въ видите, и не видѣше, и слышати, яже слышите, и не услышаше». Не тъкмо же онии несъврѣшенное имѣху, нь и самѣ ученици Спасови, съпрѣбывающе и в'сегда и честимъ учениемъ възводи мнѣ же и уболю'ствуемъ, — ни самии сии прѣжде страсти и смърти учителя ихъ Христа разума имѣ//аху съврѣшеное, нь по сих, страсть явѣ яко и въскресе, божеств'ному и прѣсвятому Духу на не пришьдѣшу и научившу, прѣбѣств'ны разумъ же и съврѣшенъ. Аще ли же кто и еже и еще живи обогатисе разумъ къ оному въсхоцет прѣдложити, иже на Христово второ пришьствие възимуть, по прѣзълному онога обрѣщет вещьша. И тии бо иже свободу въсприеше въ адѣ божеств'нѣй отци, ни тии, и убо диавол'ское мучите'лство раздрусмаемо видѣвше, съвъшеное разума приеше.

л. 212 об.

Сиа же тебѣ проидох, яко да навькнеши, яко вещьше от их'же отцемъ послѣдовавшимъ блага тебѣ будутъ, послѣдователю апостолскому учениу бывшу и разуму, иже съврѣшеное имущу, якоже проидох.

К с е н ь: Добрѣ зѣло, о царю, о всѣх слово свое потрѣбовавшу, еже о крестѣ посрѣдѣ реченно прибысть мнѣ. И чюдо нѣкое непщевано бысть явлено и от иных паче невѣрно, аще еже о тлѣниу чловѣкомъ избобрѣтено бысть и от томления вещь'шему, реку же убо и сквр'нному, инѣ же наста многымъ и самому ниня Иисусу, егоже въ Христа-Месиу именуете, виновно нѣкогда жизни нераздрусненнѣ, якоже глаголете, и смършениу разуму наста нѣкоторѣмъ.

л. 213

Ц а р ь: // Понеже иже о въчловѣчении, о Ксеню, Христовѣ словеса, путемъ проходе, явленна обѣщасе тебѣ прѣдставити, не убо же сѣ врѣме имѣе зру. Егда на оно прииду слово, тогда тебѣ и о них'же въпрашаеши ме яковь убо буду прѣбѣсѣдую.

А еже настоящее и о безквасных мала нѣкаа въспоменути добро есть искусих. Въси бо, яко и о тѣх нас оклеветаль еси, яко, боговидцу прѣдавшу Моусеу, не ямы, нь якоже суботы и пощениа, сице ниня прѣзыраем и сиа, иже от Бога данны Законъ възражающе в'сѣмы. О постѣх бо убо не убо будетъ цѣломудръ ина нѣкаа прѣжде Исайинѣх искати, тѣ бо рече: «Тако глаголетъ Господь: възупѣ въ крѣпости и да не пощедиши; яко трубу възвѣсти глас свои и възвѣсти людемъ моимъ грѣхы ихъ, и дому Иаковлю безакониа ихъ. Мене день от дне ищутъ и познати пути мое желают, яко людие правду сътворше и судъ Бога своего не оставльше; просет' ми ниня судъ правед'нь и приближатисе Богови желают, глаголюще, яко: „Постихом и не увѣдѣ, смѣрихомъ душе наше и не позна“. Въ днѣх' бо пощений вашихъ обрѣтаете хотѣнниа ваша и в'се подручники ваше уязвляете. Аще въ суды и рати постите и биете пест'мы смѣ//рена, почто постите: яко день услышану быти въ вопль гласу вашему? Не сѣи пост азъ избрахъ, и день смѣрае чловѣка душу его. Ни же аще прѣклониши яко окови выю свою и врѣтище и пепелъ постелеши, ни тако наречете пост и день приетнѣ Господеви. Не убо таковь пост азъ избрахъ, глаголетъ Господь, нь раздрѣшай всакъ съузъ неправды, разарай развращениа нуждныхъ

л. 213 об.

измѣненный * и всако съписание неправедно растръзай; раздрабляй алчющому хлѣбъ свой, и нищие без'кровни въведи въ дом свои; аще видиши нага, одѣй, и от своих сѣмене твоего да не прѣзриши. Тогда исходит ранн' свѣт свой, и ризы твое скоро всиают, и прѣдидет прѣд тобою правда твоя, и слава Божия покрывает' те. Тогда възупиши, и Богъ услышит' те, еще глаголющу ти, речеть: „Сѣ азъ приидох“. Аще ли же отимеши от себе съузъ, и рукопрострътие, и глаголь рыптания, и даси алчющому хлѣбъ от душе своей, душу смѣрену насытиши, тогда всиает въ тмѣ свѣт твой, и тма твоя, яко полудъние; и будет Богъ с тобою в'сегда.

Позна ли, о нихже нас оклеветаетеши, яко не съблюдаема явѣ пости вапе, каковъ нѣкый есть отвѣт Божий, и како не просто, нь съ лютотостиу отлагает и гнушается сих, инѣ же поще//ниа видь рече целоватисѣ, еже явѣ учит Еуаннелие, сирѣчь любовь, милость, длъгомь раздрѣшениа, и инѣ, елика бо по коемуждо изъчте, яже и жрътву именова благоугодну Богови? Съи убо пост научени быше постити иже Христови суще и тако жрѣти боголюбзнь, нь не по ваших богоненавистных жрътвах, якоже Исайа рече, и отвращеных от Бога. Ни бо самое сѣ име поста, нь сего дѣлание искушается от Бога, аще по правому явѣ яко бывает слову или нѣ. Тожде бо многаци и едино, не по подобнѣ бываемо любви, ни подобно судимо бысть от Бога. Абие бо мучимомь быти речемь иже въ Вавулонѣ триемь отроком, аще ли же хочещи, и Маккавее. Нь убо и мужеубици или ни же ино нѣчто злодѣйствовав'ших многих множицею, нь ниединѣх о сем' еже мучитисе или озлобляемь, или приемлем. Нь произволение комуждо или възненавидѣхом, или похвалихомь: овѣмь убо — злонравное, инѣм' же — о отечьских законѣх благодушие же и твердость. Прочее же по сему, ни вашимъ пощениомь прибысть еже божеств'нымъ непщеватисе, елма проявлено Богъ пророкомь съ прѣзѣл'ствомь рече гнушатисе сих и отвращати. Кто бо сице // несмысл'нь, яко любити яже Богъ отвращаетеся?

Еще и о праздниѣх и суботахъ, не бездѣлно намъ коснусе, яко съ инѣми купно закон'ными и сиа раздрѣшихом. И не быти инако благочествовати укрѣплю, аще не сиа кто по Моусеву съблюдает прѣданиу. Еже сице убо прѣбывати и прѣлстна имѣти о христианѣх мнѣниа, не отинуду вамъ прибысть, развѣ от еже не хотѣти прѣклонитисе въ словесех и вещей мысли, нь нагу внимати писмену. Заповѣдания бо вамъ от Закона, паче же от Бога, праздность нѣсть вѣрь назыране. Аще бо сѣ было би, никогда же ни по единомь образу поколѣбано би. Ниня же вола убо и осла раздрѣшати от ясли въ день суботны и отведеномь напаяти, и въ р'веникъ или въ ровь выпады что от сих прѣкланятисе и възводити Законъ вамъ повелѣвает, ей убо и обрѣзаетеся, аще въ суботу аще от новорожденнаго рождениа осмы сьлучитисе. Како убо аще вѣры было би, якоже рѣхомь, сѣ прѣдание и съблюденіе, отчести убо съблюдаемо би, нѣчто же сего и прѣзырашесе? Нѣсть рещи. Нь законное упражнение сего ради вамъ повелѣно бысть: о//ву бо, да и под'яръмником вашим и рабом, упокоение нѣкое и прѣсѣчение трудомъ будеть честимь, и якоже крѣпчайшу паки срѣсти въ еже дѣлати, се же да и вас къждо праздность воде въ день суботни, елма и Богъ въ день, рече, седмы почти от дѣль своих, въкупѣ женѣ и чедом, на пѣние укланятисе Божие, и страшнѣ осмаго, сырѣчь будущаго суда, день иматъ въ поучении. Есть же и ина нѣкаа мысль о суботѣ, яко: понеже мира свѣт Христос хотѣаше въ день суботны лежати въ горбѣ мрътьвь, подобаше и вамъ в'саку празнонь и неволею имѣти. Вы же от сих ниедино вьньмше, суетно сице и бесловесно чюдитисе суботъ и велемудрствуете еже никакоже убо вьнѣ падати, якоже мните, Моусеова законоположения. О праздниѣх же ваших что подобает глаголати, аще и вьсма праздники подобает ваша звати законоположения? Сѣ ибо есть еже зѣло смѣшно,

* На поле рядом: отпущая съкрушенных въ оставленей.

яко и инѣх, аще не сиа съврѣшають, безаконовати непщуете, паче от всех сами сѣ страждуще.

К с е н ь: Аще убо инога нѣкогого, цару, не вѣмь, себе же самого ни же въ малѣ възьимаша непокорива, паче же убо и съ прѣзл'ствомъ противу реку, яко нѣсть иже убо от Бога повелѣнные праздники // и пощения и ина съврѣшающих безаконовати, а иже сих ничесоже имущих въ словѣ, нь заплювающих и почитающимъ смѣющесе благозаконовати, и правости дрѣжатисе, и еже благочѣствовати не отступати.

Ц а р ь: Варивь рѣх прѣжде мала, яко не просто дѣйствуемых коеждо подобает съматрати имущому разумъ, нь мысль, от нее же дѣтесе. Аще ли кто сѣ възхщет съматрати, всакого пиаи'ства блуднѣйша и скврѣн'нѣйша обрѣщеть пощения ваша и праздники и суботы. Зрѣ бо: и удивлюсе убо, аще не и самому тебѣ яветсе незаконна бываемаа.

Богъ въ Иерусалимѣ и въ церкви повелѣ жрѣтвы же и инѣ съврѣшати, а не инде; и явѣ от нихже никакоже повинушесе възспѣти пѣснь, егда плѣнени от вавѣлонянъ отци ваши водими бѣху, прѣклонишесе, нь отврѣгошесе: «Како възспоемъ пѣснь Господню, — глаголяще, — на земли туждей?» Вѣ же ниня супротивъ онѣмъ не възспѣвати не неотраженомъ тѣкмо, нь и праздники, и пощения незаконна съврѣшаете. И еже паче всѣх несъмыслѣное, яко и нама есте клеветници, и не благочѣствовати от вас нещцу//еми есмы, яко убо яже от вас бываемѣ не похваляемъ, паче же не съврѣшаемъ. Аще убо что тебѣ брѣгомъ разумѣти, како жрѣтвы ваше Богъ приемлет, слыши, что о сих рече Исайа: «Что ми множество жрѣтв'»? глаголетъ Господь. Испльнь есмь, в'сесьжежений овнѣ, и тукъ агньць, и кровь юнць и коз'ль не хочу. Ни же аще приходите явити ми се. Кто бо възыска сиа от рук ваших? Ступати въ дворъ мой не приложите. Аще принесете ми семидаль, суетно. Кадило мрѣзость ми есть. Новомѣсечиа ваша, и суботы, и день великъ не стрѣплю. Пощение, и праздность, и новомѣсечиа ваша, и праздники ненавидит душа моа, бысте ми въ сытость. Не ктому оставлю грѣхы ваше. Егда въздѣждете руки ваше къ мнѣ, отвращу очи мое от вас; и аще умножите молитву, не услышу вас, руцѣ бо ваша испльнь крови». Такова о жрѣтвах ваших и суботах и празницѣх Богъ указывает и сиче ненавидѣти сиа и отрѣвати явьствнѣ рече.

Врѣме ниня прочее и умь опрѣснѣком повелѣнниа испитати, и какова есть законоположенных мысль, о нейже вамъ нимала убо брѣгомъ бысть *л. 216 об.* когда, довольно же тѣкмо писмо къ // благочѣстиу вѣмѣнисе.

Вѣси в'сако, яко хлѣбъ убо въ в'се лѣто вашими снѣдаемъ есть, въ врѣме же пасхы въ дни сед'мь от в'сакые убо храмины въземлетсе хлѣбъ, опрѣснѣчна же всѣми снѣдаема суть, якоже нѣгде законное писмо повелѣвает. Сим' же седмымъ реку прѣшѣдѣшимъ днемъ, кваснѣ паки ядутсе. Что юже когда убо речеть кто назнаменовати обходное хлѣбу лѣту? В'сако ничтоже убо ино, аще кто опасно сматрати хочет, развѣ празнонь убо Ветхаго Закона, начело же Новыя Благодати, юже Богъ пророки обѣща дати езыкомъ.

Что же убо речеть кто быти еже обрѣзаниа? Еда убо прѣдание вѣры? Никакоже. Нь что? Знамение и якоже печать вещи за нѣкую потрѣбу. Аще бо еже вѣ непщуете прѣдание вѣры было би, не би убо иже прѣжде потопа Богови угодившей дивилисе и прѣзырали до днесь святии суще и непщуети, якови нѣции — Авель и Енох — бѣху праведни и Богомъ свѣдѣтел'ствовани и ини мнози, прѣжде же всѣх сих Адамъ, и по потоцѣ Ное, Иовъ, Мелхиседекъ и ини мнози. Егда же Авраамъ вѣрова и вѣмѣнисе, *л. 217* якоже писано есть, вѣра его въ пра//вду и другъ бысть Богови, и еже отецъ быти многимъ езыкомъ и наслѣдие имѣти подсолнѣчную любви възеть благодати, прочее въ обрѣзанѣ ли бѣ, или въ необрѣзанѣ?

К с е н ь: Явѣ, яко въ необрѣзанѣ.

Ц а р ь: Прочее, не сѣ есть благочѣствовати еже обрѣзоватисе. Аще бо извѣщение вѣры было би, якоже речесе, не би убо иже прѣжде Авраама или и тѣ самъ прѣжде даже необрѣзание отъети святи бѣху и друзи Божии.

Нь нѣчто ино бѣ, иже сим усматраемо. Елма бо прѣдлежахше словесы, имиже Богъ вѣсть — ум' бо Господень никтоже увѣдѣ, — отродом Авраамлимь лѣтъ четыреста работати въ Егѳптѣ, таже оттуду паки съ мышцею высокою и великыи силы изыти, от тежкыи раздрѣшеномъ работы, дано бысть Аврааму обрѣзание от Бога и онога ради всѣмъ сущимъ от онога, яко убо въ врѣме пришльства разньствовати от егѳптѣнь, якоже нѣкыи овце назнаменани, и изыти потрѣбовавше, удобнѣ и бескрѣбно от необрѣзанных егѳптѣнь распрегутсе. Аще бо не би сѣ онѣмъ тогда было знамение, ни же убо инимъ не би убо были явлени, нь ни же сами себе вѣдали би убо, якоже мнѣ, длгѣмъ протечежиемъ лѣта. Сего ради и ни еже изы//ти *л. 217 об.* убо тѣмъ бѣше удобно, сице сущимъ неудобъ знаемымъ.

Еще же ти и сѣ да будетъ знамение, еже не быти прѣдание вѣры обрѣзание — еже не обрѣзоватисе женамъ. Ни бо речеши, яко о единѣхъ мужехъ брѣгомо Богови бысть, яко да благочествуютъ, нь не и о женахъ.

А еже ниня паче всѣхъ назнаменати тебѣ мощно еже рѣхъ, еже за всѣхъ четыридесет лѣтъ, имиже пустыню прохождаху, изышдше из Егѳпта, ниединому вьсма обрѣзатисе. Егда же прѣйти Иорданъ хотѣаху, якоже варивъ рѣхъ, силою кивота, Навину Иисусу Богу повелѣвшу всѣхъ паки обрѣзати, да якоже нѣкое знамение будетъ сѣ языкомъ и разлучение от иноплемныхъ языкъ, съ имиже хотѣаху смѣшатисе. Вина убо прѣва обрѣзаниа есть повелѣнию вашихъ прѣродитель въ Егѳптѣ прѣбывание, втора же иже съ ближними странами иноплемен'никѣ смѣшение по еже прѣйти Иорданъ.

Есть же и ина нѣкаа паче сихъ: яко понеже Христу убо о онѣхъ подобаше распету быти по плоти, онѣмъ же за прѣзлную дрьзость въ напасти неисцѣлныи выпасты, и градъ убо вьсма погыбнути, языкъ же, прѣселникъ бывъ, подруч'на в'сѣмъ бы//ти и повсуду расцѣпану быти, да будутъ *л. 218* обрѣзаниа ради всѣмъ явлени и яко мрѣсци отвьсуду отгоними быти, еже ниня настоитъ зрѣти, якоже и тѣ добрѣ вѣси.

Яко вьмалѣ Богови брѣгомо бѣше таковое обрѣзание, слыши, что рече Моуси въ день съ: «И обрѣжите жестосръдие ваше, и вые ваше не ожестите ктому; Господь бо Богъ нашъ сѣ Богъ богомъ и Господь господемъ». И Иеремиа же: «Поорѣте себѣ понови, — рече, — и да не посѣте въ тръниихъ. Обрѣзуйте Господеви и обрѣзайте необрѣзание сердца вашего». Не Моусеу же и Иеремии единѣмъ такова вьспоменуа быше о обрѣзаниу, нь и инѣмъ немала от пророкъ, яко сѣ есть истинное обрѣзание и Богови на угождение бывше — злобамъ отложение, еже от сръца отгнание злопомнѣниа и зависти и таковыхъ. Сиа бо от душе отьмъ же и отрывувъ вьистину есть обрѣзанъ. Ни бо сътвори Богъ что въ нашемъ тѣлеси излишно же и непотрѣбно или оскврѣнено, еже убо обрѣзавше поврѣжемъ добрѣ творити нещущими, ни в'са суть добра зѣло и къ скончаниу и удобрениу другъ другу съложена же и съврѣшена, и излишно въ нихъ ничесоже. Яко убо иже отьмѣ от невѣнманиа съ//лучающасе душамъ прѣгрѣшениа и еже къ злобѣ устрѣмление прѣсѣцаетъ Богъ пророкы намъ повелѣвает и сие тому рече приетно быти обрѣзание. Аще ли же кто плътиу убо обрѣзуетсе, душевнаа же къ злобѣ стрѣмления не удавляе прѣсѣцаетъ в'сакымъ образомъ, суетно, якоже слышалъ еси, таковое обрѣзание пророци явѣ показываютъ. Слыши бо, что глаголати Бога въ Левитику сътвори: «Прѣступише и прѣзрѣше ме, и ходише прѣд мною лъстивнѣ, и азъ ходихъ съ ними лъстивнѣ, и погублю ихъ въ земли врагѣ ихъ; тогда посрамится сердце необрѣзанное ихъ». Сиа бо убо речена быше о нихъже яко съгрѣшениа нѣкаа произнесль еси еже ни же обрѣзаннымъ намъ, ни же суботы и праздникы и ина съблюдающимъ. *л. 218 об.*

Елма же доволно, якоже мнѣ мнитсе о нихъ речено бысть, време, прочее, по обѣщаемыхъ, и словесемъ юже о вьчловѣчении Христовѣ коснутисе. Твое же убо буди нелѣнивѣ, ни же небрѣжителнѣ, крѣпко же и съ тыщаньемъ и якоже очищеною по силѣ и мыслию и слухомъ иже о толикихъ

л. 219 слова приети. Не безврѣменно убо будетъ // и яже вѣси имиже не знаеши приложити къ словеси сказанія. Слыши ниня.

Бог от не-сущихъ в'се убо сѣ — умную реку в'су тварь и чювьствную — състави въсхотѣвъ, прѣжде всѣхъ аггел'скаа чиноначелиа приведе, прѣстоли реку, херувимъ, серафимъ, господствиа, силы, власти, начела, архангели, аггели, — аще огнь, яко невестч'внѣ и бестѣлес'нѣ, аще нѣкое ество ино, яко близъ реченныхъ сихъ нещевати. Отъ сихъ убо чювьчъ кнезь единъ, видѣвъ себе сице добра, сице свѣтла и красна, невестч'вна же и бестѣлесна и елика естеству аггел'скому прикладна, не въ благо дан'ное благодѣаніе и самовластие потрѣбова, нѣ несмыслно на сътворшаго Бога въставъ и суетною и удобною прѣвѣзетъ грьдынею, възетъ на небо езыкъ свой, на сътворшаго его Бога похуливъ. «Положу, — бо рече, — прѣстоль мой на облацѣхъ и буду подоб'нъ Вышнему». Абие убо иже прочимъ аггеломъ единачин'нъ же и съгражданинъ, дѣница свята, туждѣ неизречен'ныя доброты оное и радостнаго прѣбыванія показасе тма мѣсто свѣта, и вмѣсто свята грѣш'нѣ, и умъ небрѣгомъ въ//мѣсто аггел'скаго ума бывъ.

Да убо яже посрѣдѣ оставлю — небесе и земли и яже въ нихъ съдѣтелство, — ничесоже бо прѣжде дѣла ниня ктому симъ вънутрь прѣбывати, насадити рече Моуси Богу и рай на востокы, чловѣку же дѣлателью сему не быти. Тѣмъже купно убо вышняго мира Богъ скончати въсхотѣвъ, купно же и изредному саду оному раю дѣлателя съдѣтел'ствовати, рече: «Сътворимъ чловѣка по образу нашему и по подобію». Съматраемъ убо, къ кому еже «Сътворимъ чловѣка» реки естъ Богъ. Сѣ бо еже «сътворимъ» единосвѣтїа нѣкотораго образъ являеть и съ нѣкоторымъ инѣмъ Бога Писаніе въображаетъ бесѣдовати. Еда убо къ аггеломъ сѣ рещи Богу речемъ? Нѣ не вмѣщается: къ подобному бо нѣкоему себѣ еже «Сътворимъ чловѣка» речено бысть отъ Бога; аггел' же ни же рещи въсма естъ колико умняете отъ божеств'ныя высоты. Нѣ къ себѣ речеть кто Богу рещи еже «сътворимъ»? Нѣ и сѣ въсма бесловесно. Ни бо едино являеть лице еже «сътворимъ». Остаеть же ниня къ своему Сыну Богу рещи сѣ, иже единъ и тѣжде тому имущу непрѣмѣнны образъ, къ ему//же и по паденію Адамову рече, якоже ругаете, еже: «Сѣ бысть Адамъ, яко единъ отъ насъ, реку же богъ».

Да не убо, Сына Богу имѣти слышавъ, къ тѣлеснымъ нѣкымъ мыслемъ отвалишице, рождение нѣкое вещество по тѣлеснымъ и дебелѣишѣ нещюе. Аще бо сице смѣрена нѣкаа и низврѣжена о Бозѣ вмѣнати дрѣзнеши, не убо ли достигаеши в'сѣхъ без'божныхъ и нечюстивыхъ нещюе, их' же о семъ тебѣ бесѣдующихъ. Еже тебѣ случаете, прѣльсть нѣкаа убо будетъ в'сако отъ еже не гльбочайшаа Писанину избирати.

К с е н ь: Каа ниня сїа Писанїа не испитати ми глаголеши и истинную погрѣшати и мысль написаннымъ: яже Моусеовѣхъ, яже пророкъ, яже Давїда, или ваша, яже и свята не лѣзнитесе нарыцати?

Ц а р ь: Аз' же ниня Ветхаго Завѣта рѣхъ. Аще ли же мнѣ и Новаго глаголати въсхоцетъ кто, не вѣнѣ падетъ отъ истины. Посрѣдъ бо обоихъ супротивленіе никаково убо.

К с е н ь: Аще убо новаа сїа и ваше невѣдѣти ми речеши, ни же въ малѣ противу рещи начну. Другыхъ же, Ветхыхъ реку, и их'же сповѣдатель намъ Моуси и учитель бысть, много потрѣбую въсма ненаученъ быти глаголати: аще бо и не до конца сихъ разум' же // и постижение исправлено ми бысть, нѣ ни же въсма непослушатель тѣмъ и ненаученъ сы ес'мъ.

Ц а р ь: Варивъ рѣхъ тебѣ мало прѣжде сихъ, яко подобаеть иже рождество слышещюму Божїе никакоже неподобными и тѣлесными помысли колѣбатисе, нѣ сѣ въ умѣ положити: въистинну якоже непостижимъ естъ Богъ мыслями чловѣкѣ, сице ни по чловѣкохъ раждаеть. Нѣ раждаети убо вѣруетсе, како же — не испитуетсе. И имѣти убо тому Сына научени быхомъ прѣвѣчна и събезначелна себѣ. Коимъ же образомъ сего роди, не убо же мрѣтъвнѣному и веществовному естеству, нѣ и самѣмъ, якоже рѣхъ,

пръвиимъ аггелъ не увѣдѣно бысть въсма. Нь вѣроу единою сѣ в'си и приемлемъ, и исповѣдуемъ. И инако же прѣжде словесъ вѣси нѣгде сѣ извѣщено намъ; ни же по слову, ни же по естеству, яже паче естества искати и слова, нь мльчаниемъ почитати неизреченнаа. Убо помню же ли что от сих, или забыти тебѣ мнимъ есмь?

К с е н ь: Имут сиа сице.

Ц а р ь: Прочее, понеже убо Бога разумѣти неудобно намъ явлено бысть, сказати же въсма невъзможно, како убо не прѣзъ естеств'наго неисто//въства будетъ рождество Божие много испитовати? В'сакъ кто л. 221 убо речети мльчаниемъ убо подобати почитати. Вѣроу же единою благочествовати и вѣровати не инако убо быти. Вѣра бо разумъ есть неявленъ. Аще ли же разумъ есть неявленъ, убо причестие ест паче естества, им'же невѣдомѣнъ неявленъ съединяемъ Богови по прѣразуменіу съединения. Елма же ни по единому образу указаниа съединяемъ Богови, вѣроу же единою, како едино нѣчто когда будетъ отъ мощныхъ и елико убо разумѣти, како своего Сына Богъ роди? Аще бо и, яко въ образѣ, раждаетъ, рѣхом, Богъ своего Сына, яко умъ слово, — не произносное сѣ и въ въздухъ проливаемо, нь иже тому естеств'но. Нь и сѣ отчасти глаголетсе, а не въсцѣль рождениа образъ прѣдставляетъ, тьнко же зѣло явление намъ дасть. Таково бо въ еже о Бозѣ словесехъ яже отъ твари начрътаниа скончание трѣбующимъ давають. Сице убо рѣхом, яко: ражаетъ Богъ своего Сына, якоже умъ слово и сияние свое — солнце, еже свѣтъ ест отъ свѣта. Елма убо в'сако раждаемое подобно быти нужда рождѣшому, чловѣка бо единосущна себѣ чловѣкъ, и конь коня роди, и маслица паки, и ина такожде, или садовыхъ, // или животныхъ, сице и Богъ: бестрастно и безлѣтно и л. 221 об. прѣжде всѣхъ вѣкъ единосущнаго тому роди Сына. Сего бо ради и Сынъ, яко единосущ'нъ. Се же, проходе, слово явленнѣйше прѣдставити. Аще ли тебѣ тешко мнитсе — еже Сына Божиа глаголати иже съ небесъ съшѣдша за чловѣчское спасение, глаголи сего свѣтъ отъ свѣта быти и единосущна Богови, и съпрѣстолна, и Отца вѣком, по Исаяи, и поклоняема отъ аггелъ. Сына же Божиа аще не хочещи сего глаголати, простимъ. Нь на оно паки възражаемое слово, яко: понеже ни къ себѣ еже «сътворимъ чловѣка» Богъ рекль ест, ни къ аггеломъ, вины ради, юже рѣхомъ, къ Сыну убо и Словоу его еже «сътворимъ чловѣка» рече «по образу нашему и по подобію».

Сьдѣтел'ствуетъ убо Богъ тѣло чловѣку, прѣсть възьмъ отъ земли, якоже пишетъ, отъ себе же душу выложъ тому въдуновениемъ. Посемъ уже, едину отъ ребрь его възьмъ, наплъни сиу, и бысть Ева, — да отъ единого в'си будутъ начела — Адама явѣ яко, а не отъ двѣю, Адама и Евы. Въселить убо ихъ Богъ въ рай, дасть имъ законъ, заповѣдь реку, да отъ в'сакого дрѣва еже въ рай власть имутъ ясти, отъ дрѣва же еже вѣдѣти добро и лукаво не имутъ ясти. Тѣмъже диаволь толи//кы тѣмъ позавидѣвъ чьсти, къ Адаму л. 222 убо не приступи якоже тврьдѣшому, къ Евѣ же приступивъ, свѣща в'сехъ пагубнѣйша. Прѣльщена же бывши отъ немощи и приемши льщение и отречен'ные коснувшисе пице, виновна и Адаму великаго оногъ бысть падения. Егда убо сынѣдоше их'же не сынѣсти повелѣни быше, тогда свою наготу разумѣше. Богу бо ходящу въ рай въ полудне, познаше, рече, Адамъ же и Ева, яко нази бѣху и съкрышесе отъ него. Богъ же въспоменути Адаму хоте прѣступльшихъ, да по-малу къ покаянніу призоветъ, рече къ нему: «Адаме, где бѣ?», — сѣ убо показуе тому чьсти величїе, еже погуби, сѣ же и къ покаянніу, еже рѣхомъ, въводе. Онъ же не разумѣвъ смѣрениемъ възвестисе, нь неповинна убо себе, повин'на же близъ их'же глаголаше Бога творе, жену показуе. И оное ради прѣльститисе непшущу, изгонитсе убо съ оною изъ рая. Нази же бывше отъ божеств'ные благодати же и дара нетлѣнныя и бесъмрътныя и в'сакого блага испльнъ, въ кожныя облѣкошеса одежде, дебелѣйшую сиу плоть мрътьвную и про//тивообразную. л. 222 об.

Аще что убо тебѣ мнитсе мало зде постоавше, еже отъ Бога реченное еда съсмотримъ, како по образу своему рече чловѣку сздану быти, и еже писанна паки како Богу въ рай рече ходити въ полудне.

По образу убо Божию в'си създани быхом и по подобю. Нь отнели же божеств'ную прѣступихом заповѣдь еже по подобю намъ погыблѣшу, тькмо другое, еже по образу явѣ, съхраняется в'сѣмъ подобнѣ, лукавнымъ же и благѣмъ. Нь и еже по подобю паки попечениемъ тьцаливыхъ восприимлетсе.

Образу же Божию въ нас не единь обычай обрѣщет кто, нь многих': сѣ убо, еже начелникомъ быти послушнымъ же в'сѣмъ животнымъ и воднымъ и въздушнымъ; се же паки, еже нетлѣн'нымъ и бесъмртнымъ създанномъ же и съвршеномъ по възкресенѣ. Еже бо въ Еуагглияхъ речен'ное от Христа, яко аще имама вѣры съвршешу, речемъ горѣ «прѣбиди», и послушает, оставлю глаголати ниня еже вьса ненаученну тебѣ таковымъ быти. А еже Исуса Навиина и еже от Фезви пророка колико что тобѣ мнитсе? Овому убо удръжавшу под властиу непрѣстанное солнцу течение, овому же трѣ лѣта в'са сушею земли оскрѣбивъ и небо сице удобнѣ заключивъ,
л. 223 якоже // убо аще кто уста р'венику покровъ положи же и назнамена. Сиа бо единому Богу есть моци и еже по подобю тому бывшу. Не тькмо же сих образъ съ попечениемъ иски кто въ нас обрѣщет Божиихъ, нь и множае иныхъ, егоже от всѣхъ азъ убо вещьши полагаю и иже кто от иныхъ прьвыми носитсе, сиа есть.

Яко пожеже нашѣ сѣ тѣло от Бога създано от земле бездушнѣ бѣ и не живо и недвижимо, съединивши же се сему иже от Бога даннѣ умнаа же и словеснѣ душа, одушевлено показа и живо, и движимо, и яко убо сънидошесе тѣлеснаа и душевнаа естества, вѣмы, слово же, по емуже и невеществнаа и бестѣлеснаа веществному съединисе и дебелому, и яже по естеству бесъмртна съмртному по естеству, никтоже никогдаже увѣдѣ: или какъ ово убо и страждеть, и раздѣляется, и сѣчетсе, овѣ же от сих ничимъ же побѣждается, нь бестрастна и нераздѣлна и несѣкома прѣбываетъ; или како ниня убо от тѣлесе изышьдѣши и растоещи,* сѣ оставляеть мртьво, сѣ же паки приидеть и восприимет живо, якоже от начела показавши, — сице и иже от диавола прѣльщен'наго Адама, и оного ради всѣхъ иже от оного падшихъ и лежещихъ мртьвыхъ, аще и жити мнѣху. Ни бо
л. 223 об. есть жити души не помагае//мѣ от Бога и къ служению идиломъ и глухыхъ истуканныхъ поплъзшесе. Божий единороднѣ Сынъ, иже въздѣ сѣи и паче всѣхъ, прѣклонъ небеса благоволениемъ Отца, и съшьдѣ, и плоть приемъ, възкрѣси Адама же и всѣхъ чловѣкъ, и долу лежещее естество възнесе наше. И плоти съединивсе и единь съ нею бывъ несълит'нь съставъ, ни же божеству и мало убо что вещи въ пристрастие приемшу, нь на своемъ прѣбывшу величию, ни же създанному естеству въ несъзданно прѣложено, нь въ коемуждо сих еже бѣ прѣбывшу, сице убо чловѣчское възкрѣшь естество и въ прьвое устройвъ достоин'ство, низврже и побѣди диавола. Обаче — не яко Богъ, ни бо би чюдно было, нь яко чловѣкъ, да от оного утаитсе низвржень, егоже прѣлсти, еже и, проходе, слово покажет явленнѣйше.

По емуже убо рѣхомъ слову, яко прѣжде убо създано бысть тѣло, по сих же душа, сице по еже прѣлститисе Адаму и мртьву и недвижимо и празну въ благое прѣбыти, милосрѣдия щедрот Божие Слово възъмъ, въ послѣднѣя врѣмена плоть убо приемъ и намъ, чловѣкомъ, съпоживе.
л. 224 И сѣ есть еже рече божеств'ное Писание, яко ходе//щу Богу полудне въ рай слыша Адамъ глас его и съкрысе, яко нагъ бѣ: божеств'ное Божия Слова выпльщение прѣдзнаменуе: якоже бо къ концу дне годъ полудне глаголетсе, сице полудне Писание и къ концу нынешнаго вѣка нарече, и посему Бога в рай, ре ше на земли, на ней бо и рай, плътоносна ходити рече.

Слыша ли, о Ксеню, Божий образъ чюдесе испльнь и прѣжде реченныхъ не съсужденно выше лежеть? Да не убо почюдишисе, яко съ прѣстѣннымъ Адамовѣмъ тѣломъ съединения умные душе, образъ еже съ веществнымъ

* или како. . . растоещи приписано со знакомъ вставки на нижнемъ поле.

и тлѣннымъ естествомъ соединения невеществному и бесъмртному божеству рѣхъ быти. Еже бо прѣжде всѣхъ вѣкъ таинство божествнаго сьмотренна, еже и аггеломъ в'сѣмъ невѣдомо и чловѣкомъ, от Адамова сьзданиа начело приемъ проображати же се и обнажавати. Прочее, понеже Сынъ Божий и Слово, якоже сказано бысть и еще проходящимъ явитсе чистѣйше, прѣжде всѣхъ вѣкъ бѣ, прочее и прѣжде Авраама бѣ, обаче не яко чловѣкъ — сѣ еже въ прѣждныхъ словесехъ недоумѣнно тебѣ и лѣжа нѣкаа в'сѣмъ паче невѣрно непщевасе, — нъ яко Богъ сѣ, еже не в'си. //

л. 224 об.

Еще ни же оному почюдисе еже рѣхъ, яко от самого Адамова зданиа вчловѣчениа Христова проображаемо бѣ таинство и отцемъ, и пророкомъ, и многымъ инѣмъ: якоже солнце, еще тмѣ сущи гльбоцѣ, не напрасно приходитъ очесемъ, нъ првѣе убо, еже къ концу ноци, тънко нѣкако просвѣщает, таже множае озари въздухъ, и по-малѣ паки, прѣввѣшьдъ уставляющаго, свѣтлѣ юже и извѣстно в'сѣмъ показуется, тѣмъ же убо образомъ и Божие Слово, чловѣчьскому естеству вѣды немощъ и яко не възможетъ еже тогова сьмотренна словеса чистѣ възнезапу навькнути, помалу и гадан'мы и образы являше сьмотрение.

К с е н ь: Не убо кто, о цару, аще и зѣло лѣжелюбивъ будетъ, рещи нѣкогда приведенъ будетъ, яко не въ годъ тебѣ вса речена быти и великому чюдеси. Обаче нужда убо в'сакъ помысль извѣстнѣ тебѣ открити. Инаа убо и приемлю добрѣ и вѣровахъ, от Писаниа вѣды. А еже образа, еже от сихъ прѣдложи, дивно нѣчто мнѣ мнитсе и не имамъ вѣровати удобнѣ.

Ц а р ь: Зѣло сѣ истинно рекль еси, яко дивно нѣчто есть, и паче причещающимсе уму, и толико же множае, елико и в'са//кого слова чловѣчьска, и естества в'сакого избѣже.

л. 225

Выпрашати же те хошу: убо ли мниши Бога чловѣчьскимъ гласомъ къ еже бесѣдовати потрѣбовати, носѣ же къ хождениу, и рудѣ къ осезаниу, или сѣ убо никакоже речеси ни же помыслиши от сихъ ничесоже? Разумѣти же пророку речеси рудѣ убо овогда бо сьдѣльную силу, — егда «Рудѣ твои, — глаголетъ, — сьтвориста ме и сьздаста мѣ», — когда же паки еже о всѣхъ данное промышление, — егда «Отврѣзаеши, — глаголетъ, — руку свою и насыщаеши в'сако животно благоволения» и егда паки «Приклони, — глаголетъ, — Господи, ухо твое и услыши мѣ», — благопослушна и прѣкланяющасе молбамъ Бога молити быти, якоже убо и самъ Богъ Исайи глаголати сьтвори: «Пост и празность, и новомѣсечиа, и празники ненавидитъ душа моя, бьсте ми въ сытость. Не кому оставлю грѣхы ваше. Егда прострете руки ваше къ мнѣ, отвращу очи мое от вас; и аще умножите молбу, не услышу вас». Кое убо прибыти что Богови от вещественныхъ сихъ и тѣлесныхъ речеси честий, или ничто же?

К с е н ь: Ктѣ когда въ толико прииде неистовство, якоже и въ умѣ всма имѣти сиа суетнаа!

// Ц а р ь: Если убо мысль нѣкаа вып'ша писмене?

К с е н ь: Зѣло же.

л. 225 об.

Ц а р ь: Прочее, аще ничто же от сихъ молиши непщевати, добрѣ же ты творе и зѣло разумѣ, вмѣняй ни же оно, еже «по образу» реченное намъ иносказаемо, прѣлѣсть быти и слово инако изьобрѣтаемо.

К с е н ь: Аз же убо рѣхъ, о цару, яко не зѣло убо повинуюсе, аще не инѣми указан'мы знаемо мнѣ и явленнѣйше сѣ положиши.

Ц а р ь: От вещей убо, о Ксеню, овѣмъ убо словесно и указателно прѣдставление трѣбуеть, овѣ же вѣрою единою приемлемъ, и увѣраемсе не инако убо имѣти. Сут' же, яже и ниединого указаниа трѣбуютъ, нъ доволно бысть и тъкмо истинное чювьство прѣдставити. Иже убо не единѣмъ образомъ сихъ, ни же двѣма, нъ в'сѣмъ явѣ указано бысть, иже кто сѣ не приемлетъ, что когда убо таковѣ быти тебѣ мнитсе: еда не буй, паче же всма несмысльнѣ?

К с е н ь: Не убо когда инако азъ реку. Иже бо еже чювьствомъ и словесмы, и вещьмы прѣдставление, и истиннаа вѣра явѣ прѣдставляеть,

ничто же оставлю еже мнѣтисе безум'нь, аще не приель бых. Яко убо не късни явленнѣ еже хо//щещи мнѣ прѣдставляе.

Коньць еже на иудеох третиему слову.

Венская королевская библиотека, Слав., № 34.

ПРОТИВ ИУДЕЕВ СЛОВО ТРЕТЬЕ¹

И м п е р а т о р: Знай, Ксен, что ты вызываешь лидийца на равнину.² Следует тебе, однако же, понять, что о природе Троицы никто не только из людей, но из херувимов и серафимов вообще ничего не знает. Как очень мудро сказал один человек, Бога трудно помыслить, выразить же в словах невозможно.³ Поскольку же я обещал тебе сказать, насколько это в моих силах, о вочеловечении Сына Божия, то, когда буду об этом говорить, тогда и о божественном Духе по возможности с тобой побеседую. Много здесь такого, о чем трудно вести речь, а еще больше вовсе невыразимого. Об Отце же излишне было бы рассуждать: хоть и неправильно понимая, Богом вы его все же признаете.

К с е н: Здесь вновь, царь, возникает некое иное почти нестерпимое недоумение, о котором я и раньше говорил: едва ли кто-нибудь скажет, что вы, живущие как язычники, или какие бы то ни было другие люди почитаете Бога надлежащим образом, а не мы, дети Авраама, Исаака и Иакова, ученики Моисея и хранители Закона.

И м п е р а т о р: И это, Ксен, наряду с прочим я хорошо разъясню тебе с Божьей помощью. А теперь хочу напомнить тебе, что вы с твердой уверенностью называете себя израилитами. Нас же ты обвинил в том, что мы гордимся чужими именами, ибо так называем себя. Я скажу тебе больше, чем того требует соперничество из-за имени.

«Израиль» означает «ум, зрящий Бога», значит, с полным правом Израилем могут называться те, кто умственными очами благочестиво созерцает Бога. Мы якобы несправедливо называемся израилитами наравне с вами, детьми Иакова, который был назван также и Израилем (Бытие, 32, 28), поскольку не от него выводим свой род, и тем более Израилем. Но я бы уверенно сказал, что вы утратили это имя с тех пор, как разгневали на себя Бога, отступили от него и были им оставлены из-за нечестия вашего и той великой дерзости с крестом против Сына Божия, всемирного Спасителя, на которую вы отважились. Ему, однако же, подобало пострадать плотью ради всеобщего спасения, и он пострадал. Жалкие же и достойные слез, ибо будучи умом, зрящим Бога, вы затемнили и омрачили свой ум следом за первым тем отступником, дьяволом, израилитами вы, как я сказал, называться, пожалуй, можете, но никак не Израилем. Нам же, детям — в этом твой упрек — идолопоклонников, по справедливости можно сказать, подобает и быть им и называться, а также «уделом наследования» (Второзак., 32, 9) Богу, святыми и наследниками царства Божия, потому что благодаря вере во Христа и омовению пакибытия (Титу, 3, 5), т. е. божественному крещению, мы стали умом, взирающим на Бога, стать каковы и тебя вновь молю и часто молил бы, чтобы открылись твои душевные очи и ты получил бы от Бога настоящее знание истины.

Поскольку же я обратился к тебе с мольбой возвратиться в прежнее достоинство, справедливо было бы, думаю, объяснить тебе и смысл мольбы. Ведь некие бóльшие и более совершенные блага, чем твои великие пра-

¹ За проверку и правку этого перевода, сделанного с учетом греческого оригинала, сердечно благодарю А. И. Зайцева.

² Поговорка «вызываешь лидийца на равнину» означает 'вызывает противника на удобное для него поле'. Славянский переводчик вместо λιβόν — 'лидийца' перевел λίθον 'камень'.

³ Имеются в виду слова Платона в «Тимее».

родители, которыми ты хвалишься, придут тебе, если ты послушаешь меня и примешь омовение пакибытия. Те, хотя велики и были умом, зрящим Бога, еще не имели совершенного знания о Христе. Хотя, можно сказать, при жизни они его проповедовали, хотя и не совершенно и не чисто, а умерев, благодаря ему или, скорее, от него надеялись получить для своих душ свободу от ада. Но, как я сказал, они были велики, будучи еще несовершенно, испытывая нужду в знании. Потому ведь и Христос говорил своим ученикам: «Многие пророки и цари желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали» (Лука, 10, 24). И не только те были несовершенно, но и сами ученики Спасителя, ежедневно с ним бывшие и непрерывным учением возводившиеся и изменявшиеся к лучшему, — даже они до страдания и смерти их учителя Христа не имели совершенного знания. А после этого, я имею в виду — страсти и воскресения, на них сошел божественный и пресвятой Дух и наставил их в сверхъестественном и совершенном знании. Каковым разумом обогатившись при жизни, если кто-нибудь захочет потянуться к тому, который люди воспримут при втором пришествии Христовом, с избытком получит его больше. А ведь сами получившие свободу в аду божественные отцы, даже они, видевшие низвержение дьявольской тирании, совершенного знания не получили.

Я это тебе рассказал, чтобы ты понял, что у тебя будут большие блага, нежели у тех, кто следует за отцами, если ты станешь последователем апостольского учения и знания, которому, как сказано, свойственно совершенство.

¶ К с е н: Больше всего из того, что ты, царь, использовал в своем слове, затронуло меня сказанное о кресте. Кажется совершенной нелепостью, более других невероятной, что то, что было придумано, чтобы губить людей, для величайшего и, я бы сказал, постыднейшего из наказаний, оказалось для многих других людей и для самого Иисуса, которого вы именуете Христом-Мессией, некоей причиной жизни непрерывной, как вы говорите, а кое для кого и совершенного знания.

И м п е р а т о р: Хоть и обещал я тебе, Ксен, в свое время ясными словами рассказать о вочеловечении Христа, но еще время мне не кажется подходящим. Когда же до этого дойдет речь, тогда и о том, о чем ты спрашиваешь, я обязательно поговорю.

А сейчас, думаю, хорошо будет немного разобраться с опресноками. Как ты помнишь, ты обвинил нас и в том, что вопреки преданию боговидца Моисея мы не едим их и не считаемся с этим так же, как с субботами и постами, совершенно ниспровергая тем самым данный Богом Закон. О постах неразумно будет искать что-либо, помимо Исайи, он же сказал: «Так говорит Господь: взывай громко, не удерживайся; возвысь голос твой подобно трубе и укажи народу моему на грехи его, и дому Иаковлеву на беззакония его. Они день ото дня ищут меня и хотят знать пути мои, как бы народ, поступающий праведно и не оставляющий суда Бога своего; они вопрошают меня о суде праведном и желают приближения к Богу, говоря: Мы постились, а ты не видишь, смирили души свои, а ты не знаешь. Но ведь в дни постов ваших вы стараетесь исполнять желания ваши и всех подвластных вам уязвляете. Если вы поститесь во время ссор и распрей, бия кулаками смиренных, для чего вы поститесь: чтобы голос ваш был услышан сегодня в крике? Не такой пост я избрал, а день, в который томит человек душу свою. Если не преклонишь, как под ярмом, шею свою и не подстелешь под себя рубище и пепел, то не называйте это постом и днем, ¶удобным Господу. Не такой пост я избрал, говорит Господь, но: разорви всякую неправедную связь, развяжи узлы хищнических сделок, отпусти угнетенных на свободу и всякий несправедливый документ разорви; раздели с голодным хлеб твой и скитающихся бедных введи в дом свой; когда увидишь нагого, одень его и единокровного твоего не презри. Тогда рано вспыхнет свет твой. и одежды твои скоро воссияют, и пойдет

пред тобою правда твоя, и слава Божия покроет тебя. Тогда ты воззовешь, и Бог услышит тебя; ты еще будешь говорить, а он скажет: Вот я пришел. И если ты отвергнешь связь, рукоприкладство, слово ропота, дашь голодному хлеб от души твоей и наполнишь душу смирением, тогда воссияет во тьме свет твой и тьма твоя будет, как полдень; и будет Бог с тобою всегда» (Исайя, 58, 1—11).

Видишь, каков ответ Божий на твое обвинение против нас, что мы не соблюдаем ваши посты, — и что не просто, но с гневом отвергает он их и гнушается ими и говорит, что любит другой вид поста — как раз тот, которому учит Евангелие, то есть любовь, милость, оставление долгов и прочее, что он перечислил по порядку и назвал благой жертвой, угодной Богу? Таким постом научены поститься христиане и такие приятные Богу жертвы приносить, а не ваши ненавистные Богу, как говорит Исайя (1, 11—14), и Богом отверженные. Бог ведь не придает значения самому названию поста, но проверяет, правильно ли он выполняется. Ибо часто одно и то же происходит по разным причинам и судится Богом не одинаково. Скажем например, три отрока в Вавилоне (Даншил, 1), а если хочешь, и Маккавей (2 Макк., 1) были мучимы. Но ведь никого из многого множества человекоубийц и прочих злодеев мы не поносим и не принимаем за одно только то, что люди мучились. Только делаемый каждым человеком выбор мы либо порицаем, либо хвалим: за свойственное одним злонравие и за свойственные другим мужество и твердость в соблюдении отеческих законов. Соответственно этому вашим постам не подобает называться божественными, поскольку Бог через пророка ясно сказал, что они ему в высшей степени отвратительны и он отворачивается от них. Кто же настолько наивен, чтобы любить то, от чего Бог отворачивается?

Я бы стал напрасно тратить время, говоря еще и о праздниках и субботах, потому что вместе с другими вопросами, касающимися Закона, мы решили и эти. А ты утверждал, что нет иного пути быть благочестивым, как соблюдать их согласно преданию Моисея. Такое расположение и превратное представление о вере христиан ни от чего другого у вас происходит, как от нежелания возвыситься до смысла слов и дел и от приверженности голой букве. Ведь соблюдение заповеданной вам Законодателем, т. е. Богом, праздности не есть соблюдение веры. Если бы это было так, никогда никаких отступлений от нее не допускалось бы. Однако же отвязать от яслей вола и осла в день субботний и отвести напоить (Лука, 13, 15), наклониться и вытащить что-нибудь, упавшее в колодезь или в ров (Лука, 14, 5), да и обрезать (Иоанн, 7, 22), если на субботу придется восьмой от рождения день жизни новорожденного, Закон вам повелевает. Если бы в этом, как мы сказали, состояли догмат и соблюдение веры, как же бы это отчасти соблюдалось, отчасти же нарушалось? Сказать это невозможно. Праздность была вам заповедана Законом вот почему: во-первых, чтобы у ваших подъяремных животных и у рабов бывал некоторый отдых и перерыв в постоянных трудах и они окрепшими возвращались к работе; а во-вторых, чтобы каждый из вас вместе с женщинами и детьми по примеру Бога, который, как сказано, в седьмой день почил от дел своих (Бытие, 2, 2), соблюдал покой в день субботний, обращался к гимнам в честь Бога и помышлял о страшном восьмом дне, дне грядущего суда. И еще одно есть соображение относительно субботы, такое: раз свету мира, Христу, предстояло в субботний день лежать в гробе мертвым, подобало и вам в этот день поневоле соблюдать полную праздность. А вы, ничего из этого не принимая в расчет, столь безрассудно и неразумно обожевствовали субботний покой и гордитесь, что ни в чем, как вам кажется, не отступили от Моисеевых законоположений. Что и говорить о ваших праздниках, если только вообще можно назвать праздниками то, что установлено вами! Очень смешно, что, когда другие их не соблюдают, вы считаете, что они прегрешают Закон, больше всех имея опыт в этом сами.

К с е н: Не знаю как кого другого, царь, но меня тебе никак в этом

не убедить; я лишь с большей силой возражу тебе, что это невозможно, чтобы люди, соблюдающие заповеданные Богом праздники, посты и прочее, оказались преступающими Закон, а те, кто об этом и не думает, плюет на это и смеется над теми, кто его чтит, поступали по Закону, были правыми и не отступающими от благочестия.

И м п е р а т о р: Недавно я сказал, что, имея разум, надо смотреть на поступки людей не поверхностно, но принимая во внимание их намерения. При взгляде с этой точки зрения ваши посты, праздники и субботы выглядят распущеннее и сквернее всякого пьянства. Взгляни и ты, и я удивлюсь, если тебе не откроется беззаконие происходящего.

Бог повелел приносить жертвы и прочее совершать в Иерусалиме и не иначе как в храме; потому-то отцы ваши и не поддались никаким убеждениям и не согласились воспеть песнь, когда вавилоняне вели их в плен, а отказавшись, сказали: «Как нам петь песнь Господню в земле чужой?» (Пс., 136, 4). В отличие от них вы не только не отказались от пения, но и совершаете беззаконные праздники и посты. Самое непостижимое из этого то, что вы нас обвиняете в неблагочестии из-за того, что мы не восхваляем совершаемое вами, а особенно за то, что мы сами так не поступаем. Если хочешь знать, как Бог принимает ваши жертвы, послушай, что говорит о них Исайя: «К чему мне множество жертв? — говорит Господь. — Я пресыщен всесождениями овнов и туком ягнят и крови тельцов и козлов не хочу. Не приходите и не являйтесь предо мной. Кому нужно это из рук ваших? Не продолжайте топтать двор мой. Если приносите крупчатку, понапрасну. Курение отвратительно для меня. Новомесечия ваши, и субботы, и великий день не могу терпеть. Посты, праздность, новомесечия ваши и праздники ненавидит душа моя, я ими пресыщен. Больше не буду терпеть грехи ваши. Когда возденете руки ваши ко мне, отвращу очи мои от вас; и если умножите моление, не услышу вас, ибо руки ваши полны крови» (ср.: Исайя, 1, 11—15). Вот что Бог говорит о ваших жертвах, субботах и праздниках и сколь определенно повелевает их ненавидеть и прекратить.

Ну, пора разобраться в том, каков смысл повеления об опресноках и какая в связанных с ними законоположениях заключена мысль, которой вы никакого значения никогда не придавали, сочтя достаточной для благочестия только букву.

Ты, конечно, знаешь, что в течение всего года вы едите хлеб, а во время пасхи на семь дней из всякого дома хлеб убирается, и все у вас едят опресноки, как то повелевает буква Закона. Когда же эти семь дней проходят, все снова едят квасной хлеб. На что же, можно сказать, указывает перемена употребляемого хлеба? При внимательном рассмотрении ясно, что не на что иное, как на упразднение Ветхого Завета и начало Новой Благодати, которую Бог через пророков обещал дать народам.

А что можно сказать о значении обрезания? Неужели это догмат веры? Нет ведь. Что же? Знак, своего рода оттиск чего-то, сделанный с неким смыслом. Будь это, как вы полагаете, догматом веры, не вызывали бы восхищения и не воспевались бы до сих пор жившие до потопа и угодившие Богу люди, и бывшие и почитающиеся святыми, как то засвидетельствованные Богом праведники Авель и Енох и многие другие, самый первый из которых Адам, а также после потопа — Ной, Иов, Мехлиседек и многие другие. И Авраам, когда уверовал и вменилась, как написано (Бытие, 15, 6), вера его в праведность и он стал другом Божиим и получил по дружбе милость стать отцом многих народов и иметь в наследие подсолнечную, был ли он тогда обрезан, или же необрезан?

К с е н: Известно, что необрезан.

И м п е р а т о р: Значит, не в том заключается благочестие, чтобы обрезываться. Если бы, как сказано, в этом состоял самый смысл веры, не были бы люди, жившие до Авраама, и сам он до тех пор, пока не обрезал крайнюю плоть, святыми и друзьями Божьими. Так что нечто иное

через это предусматривалось. Поскольку по известным Богу причинам — а ум Господень никто не знает (Римлянам, 11, 34) — потомкам Авраама предстояло четыреста лет рабствовать в Египте (Исход, 12, 40), а затем оттуда с рукой высокой и великой силой выйти, избавившись от тяжелейшего рабства, Аврааму, а через него всем его потомкам было дано от Бога обрезание (Бытие, 17, 10—13), чтобы во время пребывания на чужбине они отличались от египтян, как некие меченые овцы, а когда должны будут уйти, легко и как можно более безболезненно от необрезанных египтян отделились. Не будь у них тогда такого знака, ни другие их по простетвию чрезвычайно большого времени от себя не отличали бы, ни, мне кажется, они себя от других. А потому им и нелегко было бы уйти, столь трудно-отличимым.

Еще одно свидетельство тебе того, что обрезание — не догмат веры, тот факт, что женщины не обрезаются. Ты ведь не скажешь, что Бог хотел, чтобы мужчины были благочестивы, а женщины нет.

Самое же ясное доказательство моей правоты то, что, когда евреи вышли из Египта, в течение сорока лет их пути через пустыню ни один из них не был обрезан. А когда они собирались силой кивота, как я ранее сказал, перейти Иордан, Иисус Навин по Божьему повелению всех снова обрезал (Иис. Навин, 5, 2—8), чтобы обрезание было неким знаком этого народа и отличало его от иноплеменных народов, с которым ему предстояло смешаться. Так что первой причиной повеления обрезать было пребывание ваших предков в Египте, а второй — смешение с иноплеменниками из близлежащих мест после перехода через Иордан.

Но есть еще некая причина сверх этих: поскольку предстояло Христу быть распятым ими по плоти, а им из-за крайней степени дерзости впасть в жестокие беды, городу их совершенно погибнуть, а оказавшемуся в изгнании народу стать всем подвластным и повсюду рассеянным, предусматривалось, что благодаря обрезанию они будут всем заметны и отовсюду как скверна гонимы, что и можно видеть, как ты хорошо знаешь.

А о том, что Богу мало нужно было такое обрезание, послушай слова Моисея, сказанные в те дни: «Итак, обрежьте крайнюю плоть сердца вашего и не будьте впредь жестоковольны; ибо Господь Бог ваш есть Бог богов и Владыка владык» (Второзаконие, 10, 16—17). И Иеремия говорит: «Распахните себе целину и не сейте в тернии. Обрежьте себя для Господа и снимите крайнюю плоть с сердца вашего» (Иеремия, 4, 3—4). Не одни только Моисей и Иеремия, но и многие другие пророки думали, что истинное и угодное Богу обрезание — это оставление зол, отогнание от сердца злопамятства, зависти и тому подобного. Ведь изгнавший и отринувший от души таковое поистине обрезан. Ибо Бог не создал в нашем теле ничего лишнего, бесполезного или скверного, отрезав что и отбросив мы могли бы думать, что хорошо поступили, но все там «очень хорошо» (Бытие, 1, 31), и одно соединено с другим, и все доведено до взаимного соответствия с целью совершенства и красоты, и лишнего среди этого нет ничего. А вот сообщающиеся нашим душам извне от невнимательности прегрешения и устремления ко злу — их-то Бог через пророков и повелевает нам обрезать и говорит, что такое обрезание ему приятно. Если же кто-нибудь плотью обрежется, устремлений же души ко злу, всячески пресекая, не подавит, то такое обрезание, как ты слышал, пророки ясно называют тщетным. Послушай-ка, что Бог говорит в книге Левит: «Преступили и презрели меня, и ходили предо мной с хитростью, и я ходил с ними с хитростью, и погублю их в земле врагов их; тогда покорится необрезанное сердце их» (ср.: Левит, 26, 40—41). Вот что говорится о том, в отсутствии чего ты неким образом обвиняешь нас, говоря, что мы необрезанные и не соблюдаем субботы, праздники и прочее.

А поскольку, как мне кажется, об этом сказано достаточно, пора уже, как обещано, коснуться и темы воплощения Христова. Тебе же следует не как-нибудь и между прочим, а усердно и серьезно и по возможности

как бы очищенными мыслью и слухом воспринять речи на столь важную тему. И кстати было бы то, что знаешь, добавить к тому, чего не ведаешь, — для ясности смысла. Слушай же.

Бог, захотев все это — то есть всю умственную и чувственную тварь — создать из не-сущего, прежде всего сотворил ангельские чины, т. е. престолы, херувимов, серафимов, господства, силы, власти, начала, архангелов и ангелов, — то ли в виде огня неведущего и бестелесного, то ли в виде какой-то другой природы — но представлять себе их нужно как можно ближе к поименованному. Один же из главных среди этих чинов, увидев, как он красив, сколь он светел, прекрасен и нематериально-бестелесен, как то и подобает ангельскому естеству, не на добро воспользовался данными ему благами и свободой воли и неразумно восстал против создавшего его Бога и, надувшись суетной и легкомысленной гордыней, возвысил на небо язык свой и похулил сотворившего его Бога. «Поставлю, — сказал он, — престол мой на облаках и буду подобен Всевышнему» (Исайя, 14, 13—14). И тут же святой денница, бывший единственным согражданином прочих ангелов, оказался чужд их неизреченной красоты и радостнейшего пребывания и стал тьмой вместо света, грешным вместо святого, умом заблуждающимся вместо ума ангельского.

Пропуская середину, т. е. сотворение неба, земли и того, что на них, ибо распространяться об этом нет никакого смысла, мы видим, что Моисей говорит, что Бог насадил на востоке рай (Бытие, 2, 8), а человека, который возделывал бы его, не было. И потому, пожелав разом и завершить сотворение высшего мира и создать возделывателя этого необычайного сада, Бог сказал: «Сотворим человека по образу нашему и по подобию» (Бытие, 1, 26). Так вот, посмотрим, кому Бог сказал «сотворим человека». Ведь это слово «сотворим» свидетельствует о наличии некоего единства воли, и Писание изображает дело так, что Бог с кем-то беседует. Будем ли говорить, что Бог сказал это ангелам? Но это невозможно: кому-то подобному себе Бог сказал «сотворим человека»; ангел же даже невозможно сказать, насколько ниже божественной высоты. Но, может, кто-нибудь станет говорить, что Бог самому себе сказал «сотворим»? Но и это весьма бессмысленно. Ведь слово «сотворим» свидетельствует о наличии не одного лица. Получается, что Бог сказал это своему Сыну, единственному существующему неотличимому от него образу, обращаясь к которому он и после падения Адама сказал, как будто иронизируя: «Вот, Адам стал как один из нас» (Бытие, 3, 22), т. е. стал богом.

Слыша, что у Бога есть Сын, не опустишь до каких-нибудь телесных представлений, вообразив его рождение по образцу телесных и плотских существ. Если ты дерзнешь так низменно и пошло рассуждать о Боге, ты можешь быстро стать всех, кто с тобой об этом говорит, безбожниками и нечестивцами. Если это случится, то причиной твоего заблуждения непременно будет то, что, читая, ты не видишь глубинного смысла Писания.

К с е н: О каком Писании ты говоришь, что я, изучая его, не понимаю истинного его значения: о Моисеевом Пятикнижии, о книгах пророков, о песнях Давида, или о ваших книгах, которые вы не боитесь называть и святыми?

И м п е р а т о р: Сейчас я сказал о Ветхом Завете. Но и о Новом можно сказать то же, не уклонившись от истины. Ибо между ними нет никакого противоречия.

К с е н: Если ты скажешь, что я не знаю этих ваших новых книг, то я нисколько не буду противоречить. Что же касается других, то есть Ветхих, наставником и учителем в которых является для нас Моисей, то далеко от истины говорить, что я их вовсе не знаю: хоть и не в совершенстве я их изучил и постиг, однако же и не вовсе в них несведущ и невежествен.

И м п е р а т о р: Чуть раньше я сказал тебе, что, слыша о рождении у Бога, не надо смущаться никакими неподобающими телесными образами

рождения, но то надо взять в ум, что Бог как человеческими представлениями непостижим, так и не человеческим путем рождает. В то, что Бог рождает, верят, а вот как — это непостижимо. И мы научены, что у него есть Сын, предвечный и собезначальный ему. А как он его родил, это не только существам смертной и материальной природы, но, как я сказал, и первейшим из ангелов совершенно недоступно. Одной лишь верой мы принимаем все это и исповедуем. Да и без всяких слов так или иначе ты знаешь, что средствами разума и естества невозможно разобраться в том, что превосходит естество и разум; неизреченное можно лишь почтить молчанием. Ну, помню ли я что-нибудь из этого, или тебе кажется, что забыл?

К с е н: Да, помнишь.

И м п е р а т о р: Итак, раз мы согласны, что Бога трудно помыслить, в словах же выразить совсем невозможно, не будет ли сверхъестественным безрассудством много размышлять о Божьем рождении? Всякий согласится, что такое следует чтить молчанием. Только вера может такое почтить и убедиться, что это так, а не иначе. Ведь вера — это знание без доказательств. А раз это знание бездоказательно, то сверхъестественна и связь, которая неведомым образом, а не путем доказательства соединяет нас с Богом превосходящим разум соединением. Поскольку же ни один из способов доказательства не соединяет нас с Богом, но только вера, как может быть чем-то познаваемым то, как Бог родил своего Сына? Если же прибегать к языку образов, то можно сказать, что Бог родил своего Сына, как ум рождает слово; имеется в виду — не произносимое и испускаемое в воздух слово, но соответствующее его природе. Но и это уподобление дает довольно смутное представление, лишь отчасти, а не всецело разъясняя образ этого рождения. Только такую помощь в рассуждениях о Боге способны дать образы, почерпнутые из мира твари. Вот мы и говорим так: Бог рождает своего Сына, как ум слово и как солнце свое сияние, являющееся светом от света. Поскольку все рождаемое по необходимости подобно рождающему — человек ведь рождает единосущного себе человека, конь — коня, подобным же образом и маслина, а также и прочие растения и животные, — то и Бог также: без страданий вневременно, прежде всех веков он родил единосущного себе Сына. Потому он и Сын, что единосущен. Дальше я скажу об этом подробнее. Если же это тебе представляется тягостным — называть Сыном Божиим сошедшего с небес для спасения людей, называй его светом от света, единосущным Богу и сопредельным, отцом веков, по Исае (ср.: Исайя, 9, 6), объектом поклонения ангелов. Сыном же Божиим если не хочешь его называть, мы уступим. Но вернемся к сказанному выше: раз Бог не самому себе сказал «сотворим человека» и не ангелам, по причине, которую мы назвали, значит, он сказал «сотворим человека по образу нашему и по подобию», обращаясь к своему Сыну и Слову.

Тело человека Бог создал, взяв прах с земли, как написано, душу же вложил в него от себя вдуновением. А после этого он взял одно из его ребер, наполнил его, и возникла Ева — чтобы все происходили от одного начала, от Адама, а не от двух, от Адама и Евы. Затем Бог поселил их в рай и дал им закон, я имею в виду заповедь, позволяющую есть плоды всех деревьев в раю, кроме дерева познания добра и зла (Бытие, 2, 16—17). Дьявол позавидовал таковой их чести, но к Адаму не приблизился как к более твердому, а подошел к Еве и дал ей пагубнейший из советов. По слабости прельстившись, поверив обману и прикоснувшись к запретной пище, она оказалась причиной того величайшего падения Адама. Съев же то, что было приказано не есть, они осознали свою наготу. И когда Бог вечером гулял по раю, Адам и Ева, говорит *Моисей*, поняв, что они наги, скрылись от него. А Бог, чтобы напомнить Адаму его преступление и тем самым понемногу привести его к покаянию, обратился к нему: «Адам, где ты?», — показывая ему этим величие чести, которую тот поте-

рял, а также подводя его тем самым, как мы сказали, к покаянию. Тот же, не умея путем смирения возвышать себя, объявил себя невиновным, а вину возложил, как следует из его слов, чуть ли не на Бога, указав на жену. И за то, что он оправдывался ее прельщением, он был изгнан вместе с нею из рая. Будучи же лишены божественной благодати и дара нетления, бессмертия и исполненности всяческими благами, они облеклись в одежды из кожи, в эту грубую и неподатливую смертную плоть (Бытие, 3, 1—21).

Если же тебе кажется, что мы мало что тут узнали, обратим тогда внимание на слова Бога о сотворении человека по образу своему, а также на слова Писания о том, что Бог вечером гулял по раю.

Все мы созданы по образу Божию и по подобию. Но, преступив божественную заповедь, мы утратили подобие, сохранив лишь второе, образ, — все люди вообще, и дурные, и хорошие. Но подобие вновь воспринимается теми, кто усердно об этом заботится.

Образ же Божий в нас обнаруживается не в чем-то одном, но во многом: это и то, что человек является господином всех существ, живущих на земле, в воде и в воздухе; и то, что, будучи созданы нетленными бессмертными, мы вновь станем такими по воскресении. О сказанном Христом в Евангелиях, что если мы имеем совершенную веру и скажем горе «перейди», то она послушает (Матфей, 17, 20), не стану тебе говорить, поскольку в таковое ты вовсе не посвящен. Но то, что делали Иисус Навин и Фесвитянин-пророк, каким тебе представляется? Один остановил по своей воле непрерывный бег солнца (Иис. Навин, 10, 12—13), а другой целых три года истощал засухой землю (3 Царств., 17), так же легко держа замкнутым небо, как если бы кто накрыл крышкой и запечатал устье колодца. Это по силам ведь одному Богу и тому, кто создан по его образцу. Старательно поискав, помимо этих отражений в нас образа Божия, можно найти и многие другие, важнейшим из которых и первым среди прочих является, на мой взгляд, такое.

Мы знаем, что это наше тело, будучи создано Богом из земли, было бездыханным, безжизненным и неподвижным, а когда с ним соединилась данная ему Богом умная и словесная душа, оно оказалось одушевленным, живым и движущимся, знаем, что сошлись телесная и душевная природы, способ же, каким нематериальное и бестелесное соединяется с материальным и обретает плоть, бессмертное по природе со смертным по природе, — этого никто никогда еще не постиг, как и того, почему одно из них подвержено страданию, делению и рассечению, а другое этому неподвластно, пребывая бесстрастным, неделимым и нечленимым; и того, почему, выйдя из тела и отделившись от него, душа покидает его мертвым, а вернувшись и вновь его восприняв, сделает его живым, как и прежде, в том числе прельщенного дьяволом Адама и всех происшедших из него и из-за него павших и лежащих мертвыми, хоть и надеялись они жить. Не может ведь душа, уклонившись к служению идолам и глухим истуканам, жить без помощи Божией. Во всем и выше всего пребывающий едиnorodный Сын Божий, преклонив, по благоволению Отца, небеса, сойдя и восприняв плоть, восстановил и самого Адама, и всех людей и возвысил нашу униженную природу. Соединившись с нашей плотью и став единой и неслиянной с ней ипостасью, причем ни божественность нисколько пристрастием к материи не заразилась, но продолжала пребывать в своем величии, ни тварная природа в нетварную не обратилась, но все это, чем было, тем и осталось, — восстановив таким образом человеческую природу и утвердив ее в древнем достоинстве, он низверг и победил дьявола. Однако же, — не как Бог, ибо это было бы неудивительно, но как человек, — чтобы тот оставил того, кого он прежде обманул, будучи им низвержен, что более ясно будет показано в следующем слове.

Итак, как мы сказали, первым было создано тело, а затем душа, и подобно этому, когда Адам был обманут и стал мертв, неподвижен и бесплоден в отношении добра, Божье Слово, умилостивившись, в последние

времена восприняло плоть и пожило с нами, людьми. На это и указывают слова божественного Писания о том, как Бог вечером гулял по раю, а Адам услышал голос его и скрылся, будучи наг: это предзнаменует божественное воплощение Божия Слова: поскольку последняя часть дня называется вечером, Писание называет вечером последнюю часть нынешнего века, говоря при этом о Боге как о плотиносце, гуляющем по раю, т.е. по земле, ибо на ней ведь рай.

Слышал, Ксен, почему образ Божий столь чудесен и несравнимо выше всего вышеназванного? Не удивляйся теперь тому, что я назвал соединение состоящего из праха тела Адама с умной душой образом соединения материальной и тленной природы с нематериальной и бессмертной божественностью. Это таинство предшествующего всем векам божественного замысла, недоступного всем ангелам и людям, начало в прообразах раскрываться начиная с создания Адама. А поскольку Сын и Слово Божие был, как уже сказано и как в дальнейшем будет более ясно показано, прежде всех веков, значит, он был прежде и Авраама, однако же не как человек, — это ведь повергало тебя ранее в нашем разговоре в недоумение, представляясь невероятнейшей из небылиц, — но как Бог, чего ты не знал.

И тому еще не удивляйся, что я сказал, что от самого сотворения Адама мистерия вочеловечения Христа раскрывалась в прообразах праотцам, пророкам и многим другим: как солнце не внезапно ведь из глубокой тьмы предстает очам, но сначала, ближе к концу ночи, посылает слабый свет, затем сильнее освещает воздух, а спустя еще небольшое время, выйдя из-за горизонта, показывается всем уже ясно и бесспорно, так же и Божье Слово, зная немощь человеческого естества и его неспособность сразу ясно понять цель его замысла, понемногу через загадки и символы обнаруживало свой замысел.

К с е н: Даже великий лжец, если такой отыщется, не признает, царь, что все, что ты сказал, некстати и недостойно величайшего удивления. Но надо открыть тебе все, что вызывает сомнение. Остальное я воспринял хорошо и, зная это из Писания, верю тому. Что же касается образа, который ты оттуда выводил, то это мне кажется чем-то странным, во что трудно поверить.

И м п е р а т о р: Ты совершенно верно назвал это чем-то странным, особенно же это странно для тех, кто причастен уму, ибо это за пределами всякого человеческого слова и всякой природы.

Хочу тебя спросить: считаешь ли ты, что Бог нуждается в человеческом голосе, чтобы говорить, в ногах, чтобы ходить, и в руках, чтобы осознать, или скажешь, что это не так и что ты не воображаешь ничего подобного? Не кажется ли тебе, что под руками пророк понимает то созидательную силу, когда говорит «руки твои сотворили меня и устроили меня» (Пс. 118, 73), то всеобъемлющий промысел, когда говорит «открываешь руку твою и насыщаешь все живое благоволением» (Пс. 144, 16), а говоря «приклони, Господи, ухо твое и услышь меня» (Пс. 85, 1), он умоляет Бога быть благослушным и приклоняющимся к мольбам, вроде того как сам Бог побудил Исайю сказать: «Пост и праздность, новомесячия и праздники ненавидит душа моя, я пресыщен ими. Больше не оставляю грехи ваши. Когда протянете руки ваши ко мне, отвращу очи мои от вас; и если умножите мольбу, не услышу вас» (ср.: Исайя, 1, 13—15). Припишешь ли ты какую-нибудь из этих материальных частей тела Богу, или же нет?

К с е н: Кто же настолько безумен, чтобы и помыслить подобный вздор!

И м п е р а т о р: Нет ли какой-нибудь мысли, стоящей над буквой?

К с е н: Конечно, есть.

И м п е р а т о р: Ну, так хорошо будет и весьма благоразумно, если ты не станешь считать хитрой уловкой и вообще вымыслом также сказанное нами скорее аллегорически о том, что значит «по образу».

К с е н: Я же сказал, царь, что не буду вполне убежден, пока ты не сделаешь этого более для меня понятным и ясным с помощью других доказательств.

И м п е р а т о р: Одно, Ксен, нуждается в логических и диалектических доказательствах, а другое мы воспринимаем только на веру, и верим, что дело обстоит именно так. Есть и то, что не требует никакого доказательства, для чего достаточно представить одно лишь истинное чувство. Так вот, если кто-нибудь не примет то, что не одним из возможных способов, не двумя, но всеми ясно обнаруживается, каким тебе такой человек покажется: не бестолковым ли, или скорее полностью неразумным?

К с е н: Я бы никогда не сказал иначе. Не прими я то, что ясно представляют и чувство, и логика, и практика, и истинная вера, ничего бы не осталось, как считать меня безумным. Так что не медли ясно представить мне что хочешь.

Конец третьего слова против иудеев.

А. Ю. ГРИГОРЕНКО

«Лаодикийское послание» и его литературное окружение

Ограниченность исторических источников по истории новгородско-московской ереси обращает в последнее время все большее внимание исследователей на оригинальный памятник литературы конца XV в. — «Лаодикийское послание», написанное дьяком великого князя Ивана III Федором Курицыным, влиятельным московским еретиком.

Публикация Лаодикийского «послания» в монографии Н. А. Казаковой и Я. С. Лурье «Антифеодалные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века»¹ привлекла широкое внимание иностранных ученых, которое вылилось в дискуссию по его содержанию. В 1966 г. вышли статьи американского ученого Дж. Файна и немецкого филолога Д. Фрайданка. Дж. Файн на основании исследования предисловия «Лаодикийского послания» пришел к выводу об отражении в нем основных представлений иудаизма, игравшего центральную роль в религиозно-философских взглядах Федора Курицына.² Д. Фрайданк определяет памятник как основанный на византийских грамматических традициях.³ В 1968 г. исследованию «Лаодикийского послания» посвятил статью Ф. Кемпфер, где высказал мнение, что содержание предисловия памятника характерно для религиозного учения фарисеев.⁴ И. Мейер предположил влияние на памятник религиозно-философских взглядов Моисея Маймонида.⁵ Д. Хейни определяет «Лаодикийское послание» как памятник, основанный на античной традиции.⁶ В конце 60-х гг. к изучению памятника обратилась Ф. Лилиенфельд, предположившая отражение в нем элементов каббалы.⁷ Р. Штихель считает, что Федором Курицыным было переведено послание Иоанна Дамаскина лаодикийскому епископу Иоанну, а зашифрованная подпись Курицына случайно оказалась под другим памятником, не имеющим к этому посланию никакого отношения, — стихотворным предисловием и «литорей в квадратах». Содержание «литорей» и сочинений, сопутствующих посланию в древнерусских сборниках, отражает, по мнению Штихеля, уровень византийской образованности на Руси.⁸ Я. С. Лурье на основании исследования состава

¹ Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века. М.; Л., 1955. С. 265—276.

² Fine J. V. A. jr. Fedor Kuritsyn's «Laodikijskoe poslanie» and the Heresy of the Judaisers // *Spekulum*, [1966], S. 500—504.

³ Freydank D. Der «Laodiceenbrief» (Laodikijskoe poslanie): Ein Beitrag zur Interpretation eines altrussischen humanistischen Textes // *Ztschr. fur Slawistik*. 1966. 11. S. 355—370.

⁴ Kämpfer F. Zur Interpretation des «Laodiceischen Sendschreibens» // *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas*. 1968. N. F. 16. S. 53—69.

⁵ Maier. Zum jüdischen Hintergrund des sogenannten «Laodiceischen Sendschreibens» // *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas*. 1969. N. F. 17. S. 1—12.

⁶ Haney Jack V. The Laodicean Epistle Some Possible Sources // *Slavic Rev.* [1971]. 30. S. 832—840.

⁷ Lilienfeld F. von. Das «Laodikijskoe poslanie» des großfürstlichen D'jaken Fedor Kuritsyn // *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas*. 1976. 24.

⁸ Stichel R. Zur Bedeutung des altrussischen «Laodiceischen Sendschreibens» (Vorbericht) // *Ztschr. fur slawische Philol.* 1978. Bd 40, H. 1. S. 134—135.

«Лаодикийского послания» в большом числе списков считает, что автором его является все же Федор Курицын.⁹

На наш взгляд, следующий этап изучения «Лаодикийского послания» должен определяться исследованием его конвоя.¹⁰ В связи с этим мы предлагаем вниманию читателей сборники следующего состава. (Следует оговориться, что нас интересует конвой наиболее раннего времени, обращение же «Лаодикийского послания» различного рода статьями и сочинениями на протяжении XVII и даже XVIII вв. — явление само по себе интересное и заслуживающее специального исследования — в задачи данной статьи не входит).

**Сборники, содержащие «Лаодикийское послание»
и «Написание о грамоте»**

1. ЦГАДА, МИД МДА, ф. 181, XVII в. 4° (далее Ц).
2. ГБЛ, собр. Ундольского, № 953, середина XVII в., 8°.
3. ГИМ, собр. Уварова, № 2095 (108), XVII в., 8°.
4. ГБЛ, собр. Погодина, № 1311, XVII в., 4°.
5. ГПБ, ОЛДП, F.184 (131), конец XVI в., 1°.
6. ГБЛ, ф. 310, № 976, XVII в.
7. БАН, 21.2.17, XVII в., 8° (далее Б).
8. ГПБ, XVII, 40, XVII в., 8°.
9. ЦГАДА, ф. 381, № 11, 8°.
10. ГБЛ, ф. 310, № 620.

**Сборники, содержащие «Лаодикийское послание»
и «Диалектику»**

1. ГБЛ, собр. Румянцева, ф. 256, № 950, XVII в.
2. ГИМ, Чудовское собр., № 236 (34), конец XVI в., 1°.
3. ГИМ, Синодальное собр., ф. 861, № 933.
4. ГБЛ, собр. Тихонова, ф. 299, № 463, XVII в.
5. ГИМ, ф. 861, № 918, начало XVII в., 8°.
6. ГИМ, собр. Щукина, № 684, конец XVI—начало XVII в. (далее Ш).
7. ГБЛ, ф. 310, № 620, конец XVI—начало XVII в. (далее У).
8. ГИМ, ф. 861, № 443, XVI в., 4°.
9. ГПБ, Соловецкое собр., № 107/107, начало XVII в., 8°.
10. ГПБ, Соловецкое собр., № 16/16, XVII в., 4°.
11. ГБЛ, собр. Уварова, № 219/443, XVII в., 4°.

**«Сборники, содержащие «Лаодикийское послание»,
«Написание о грамоте» и «Диалектику»**

1. ГБЛ, ф. 269, № 380, XVII в.
2. ГПБ, Q.XVII.118, вторая половина XVII в., 8°.

Итак, на Руси существовала устойчивая традиция соединять в единое целое «Лаодикийское послание», «Написание о грамоте» и «Диалектику» Иоанна Дамаскина. Поэтому кажется закономерным исследование содержания послания как органичной части этого единого целого. Однако при решении этого вопроса возникают определенные сложности. Высказывалось мнение, что «Лаодикийское послание» наряду с очевидным грамматическим содержанием имеет скрытый каббалистический подтекст,¹¹ впоследствии забытый и невоспринимаемый, в связи с чем писцы более

⁹ Luria J. Zur Zusammensetzung des «Laodicenschen Sendschreibens» // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1969. N. F. 17. S. 161—169.

¹⁰ Stiichel R. Zur Bedeutung... S. 135.

¹¹ См.: Lilienfeld F. von. Das «Laodikijskoe poslanie»... S. 14.

позднего времени (XVII в.) могли соединять указанные сочинения на основании лишь внешнеграмматической формы «литорей». Поэтому необходимо решение вопроса о времени создания конвоя памятника.

О достаточно раннем соединении «Лаодикийского послания» и «Написания о грамоте» свидетельствуют следующие моменты, обратившие на себя внимание А. И. Клибанова. Это, во-первых, идейная связь памятников, заключающаяся в развитии общей идеи самовластия, и, во-вторых, терминологическое сходство: название букв «душами» и «плотями». А. И. Клибанов в результате своих исследований пришел даже к выводу, что «Написание о грамоте», как и «Лаодикийское послание», тоже, вероятно, написано Федором Курицыным.¹² Если вопрос авторства памятника можно оспаривать, то тесная терминологическая и идейная связь двух сочинений представляется очевидной, свидетельствуя о том, что написаны они были скорее всего в одно время.

Сложнее вопрос о включении в комплекс сочинений «Диалектики» Иоанна Дамаскина. Когда сложились сборники, содержащие и «Диалектику»? Возможно предположить, что достаточно рано, поскольку имеется свидетельство новгородского архиепископа Геннадия, что в состав литературы еретиков входила «Логика».¹³ В большинстве случаев в научной литературе под этой «Логикой» понималась «Книга, глаголемая логика, сиречь словесница» — философский трактат, приписываемый известному еврейскому философу Моисею Маймониду.¹⁴ Сочинение это включалось в состав литературы еретиков на основании свидетельства Геннадия и перевода его с древнееврейского языка. Однако отождествление «Логики» еретиков с «Книгой, глаголемой логика» Маймонида вызывает ряд возражений. Во-первых, «Книга, глаголемая логика» написана на западнорусском языке, и перевод терминов философского категориального аппарата совершенно не характерен для древнерусской традиции. Во-вторых, списки «Книги, глаголемой логика» относительно поздние, в основном XVII в. В-третьих, в сборнике второй четверти XVII в. (ГБЛ, ф. 726, № 2), содержащем «Книгу, глаголемую логика», на л. 1, 55, 56 говорится о других логиках, в частности о некоей «Никаноровой логике». По-видимому, логические сочинения были достаточно распространены на Руси. Поэтому отдавать «Книге, глаголемой логика» предпочтение (в определении того, какую «Логика» имел в виду Геннадий) перед другими, также реально существующими в древнерусской письменности, нет никаких оснований.

С бóльшим основанием можно предположить, что под «Логикой» Геннадий имел в виду «Диалектику» Иоанна Дамаскина, которая и имеет логическое содержание. Во-первых, изучение рукописной традиции «Диалектики» показывает, что в достаточно большом числе списков она находится в окружении произведений, приписываемых с той или иной долей уверенности еретикам, — «Лаодикийского послания» и «Написания о грамоте». Во-вторых, существует традиция названия «Диалектики» «Логикой» — например, в списке из собр. Румянцева (№ 193, л. 286) она названа «Иоанна Дамаскина диалектика або логика».¹⁵ В-третьих, «Диалектика» Иоанна Дамаскина появляется на Руси начиная с XV в.¹⁶ и быстро распространяется, по-видимому, вследствие указания Геннадия, как это случилось, например, с сочинениями Дионисия Ареопажита. В-четвертых, в тексте «Диалектики» еретики могли найти философское

¹² Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV—первой половине XVI в. М., 1960. С. 82.

¹³ ПДПИ. 1899. Вып. 33. С. 9—13.

¹⁴ См.: Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения. . . С. 320.

¹⁵ Этот текст «Диалектики» перевода Андрея Курбского, он свидетельствует о том, что на Руси труд Дамаскина воспринимался как логическое сочинение.

¹⁶ См.: Троицкое собр., № 176, 177, нач. XV в.

обоснование интересующей их категории самовластия, как это сделал позднее Андрей Курбский в примечаниях на полях «Диалектики»: «...а того ради человек самовластен по естеству и волю имеет ему преданую».¹⁷ В-пятых, автор «Написания о грамоте» использовал текст «Диалектики»: фраза «Написания о грамоте» — «бог созда и благослови человека животна, плодна, смертна, ума и художества приятна», — является почти дословным заимствованием из «Диалектики».¹⁸

О достаточно раннем соединении этих сочинений свидетельствует текст интересного памятника, представляющего собой своего рода послесловие к «Лаодикийскому посланию». Текст этот содержится в сборнике ГПБ, Q.1.1468 1-й четверти XVI в.¹⁹ Послесловие было впервые опубликовано И. В. Ягичем,²⁰ отмечено Я. С. Лурье,²¹ но для исследования «Лаодикийского послания» еще специально не привлекалось. Ввиду важности послесловия для определения времени соединения исследуемых памятников приводим его текст полностью:

Подобаеть же ми о вышенаписанныхъ мало во умѣ своемъ побѣсѣдовати и писанию предати, да не в смущение и в соблазнъ невѣдущихъ сих, иже находятся азбуковные чръные слова и черленые во окружение всямокачномъ с надписаниемъ, коя учения коемуждо пристоят и разрѣшаются вдушими. Иже кто богу помогающему ему внищает неленящися прилѣжне, может разумѣти недовѣдомаа философское бо учение любомудрие. Вѣдущий слухи обновляйте, невѣдущий же слухи ваша приклоните.

Иже кто хочет чести грамотикийское послание о осми частѣхъ Иоана Богоноснаго великаго в добродѣтелех глаголемаго Дамаскинскаго къ возлюбленому его въ уноствѣ и во учении всяческом единоравному сожителю Козмѣ епископу Майумскому, прежд да възметт прошед осмочастное о именехъ сказание. Иже възгрем Богоносивый, подтвержаа грубых и несмысленых, в начал глаголющи: «Понеж всяк без мысли начинаяи вещи, якож въ тмѣ шествует, ибо без мысли трудяся соборне по всему обнищает». Вѣм, зло сердце язвити: «Хотя сию книгу и азбуковну вышписанную часто и довольно разумѣти и не могъ». — Подобно есть сему, иже кто злообразны человекъ смотрится в зеркало и видѣ все бе злообразнае утѣшается, точию приносит сердцу своему кручину. Нѣсть бо пользы по глаголющему, глухому гусли, а слѣпому зеркало, а безумному мудраа книжнаа словеса (л. 140—140 об.).²²

Из текста становится ясно, что уже протограф данного сборника 1-й четверти XVI в. (далее Q) содержал «Диалектику», «Лаодикийское послание» и сочинение Псевдо-Дамаскина «Об осми частях слова». Исходя из существования устойчивой рукописной традиции соединения «Лаодикийского послания» и «Написания о грамоте», их смысловой и терминологической близости, а также состава сборника Ц, включающего текст «Написания о грамоте», можно предположить, что он тоже входил в состав протографа. Текст послесловия показывает, что «Лаодикийское послание» сознательно объединялось с сочинениями, его окружающими, уже в начале XVI в., что писец знал содержание «Лаодикийского послания» и, по-видимому, связывал его с содержанием «Диалектики». Поэтому можно сказать, что «Лаодикийское послание» написано, скорее всего, в русле христианской культурной традиции и создано, по всей видимости, на основе византийских грамматических сочинений.

Для характеристики «Лаодикийского послания» интересен любой памятник, имеющий к нему то или иное отношение. Поэтому предлагаем обратить внимание на интересное сочинение в Q, следующее сразу же

¹⁷ Архангельский А. С. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. Казань, 1888. С. 115.

¹⁸ Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. СПб., 1896. С. 360.

¹⁹ См.: Luria J. Zur Zusammensetzung des «Laodicensischen Sendschreibens» S. 167.

²⁰ Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины... С. 648.

²¹ Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения... С. 262—263.

²² См. сборники похожего содержания: Щ, У, Ц, а также ГПБ, Кир.-Бел., № 21 (1098).

за вышеприведенным послесловием. Сочинение это находится также в сборниках из Соловецкого собр., № 1017/097, в Ц и ГПБ, Кир.-Бел., № 21/1098. В листе использования к Ц оно значится под названием: «Из Максима Грека „О тщеславии юных“». На наш взгляд, сочинение справедливо приписывается Максиму Греку. Об этом свидетельствует глубокое знание автором патристики и античной истории. Так, в нем приводятся, например, неизвестные русской письменности легенды из жизни Иоанна Дамаскина и Козьмы Майумского, излагается история из жизни известного античного риторика Гермодора, находящая свое соответствие в словаре Суды.²³ Сочинение содержит весьма скептические мысли о культовой практике русской православной церкви. Все это позволяет предположить, что автором сочинения действительно был Максим Грек. Напомним, что именно он переводил статьи из словаря Суды и весьма критически относился к культовой практике русской церкви. О том, что автором сочинения был Максим Грек, свидетельствует также текст «Летописца и сказания ко учению и рассуждению о фонианде вкратце» Иосифа, инока Герасимо-Болдинского монастыря.²⁴ Х. М. Лопаревым было сделано предположение, что Иосиф был учеником Максима Грека. Р. П. Дмитриева, исследовавшая это сочинение, полагает, что «догадка Х. М. Лопарева, по всей видимости, основана на том, что Иосиф в своем сочинении довольно часто употребляет грецизмы и, кроме того, пользуется греческими источниками, не имевшими распространения на Руси».²⁵ Сопоставление же двух текстов показывает, что сочинение Иосифа включает в себя большие отрывки из сочинения «О тщеславии юных». Таким образом, отмеченные Х. М. Лопаревым и Р. П. Дмитриевой особенности сочинения Иосифа косвенно подтверждают предположение, что автором «О тщеславии юных» был Максим Грек.

Сопоставление послесловия «Лаодикийского послания» и сочинения «О тщеславии юных» показывает определенные терминологические и смысловые совпадения:

Послесловие

Иже кто внищает... может разумети философское бо учение любомудрие.
Иже кто хочет чести грамотикийское послание... Вем, зло...: «Хотя книгу сию... часто и довольно разумети и не могы».

...грамотикийское послание Иоанна... Дамаскина... во учении всяческом единоравному сожителю Козме...

Иже кто... внищает... может разуметь... любомудрие... Ведущие слухи обновляйте...
... понеже всяк без мысли наначиная вещи, якож во тме шествует

О тщеславии юных

...о многорачительные книголюбцы... любомудрствениче.
...грамотикийское любомудрие.
...сия убо философия никто же может разумети и zde и инде...

[О Козме Майумском и Иоанне Дамаскине] аще у единого учителя беша и... равна учение прияша, но не равна дарования восприяша...

Приложу и еще... вам на обличение скудоумнии тлетворцы, ведущим же во обновление слуховом бысть.
Мудрость наглость блюдитеся... занюже вместо света тма бысть.

На наш взгляд, сочинение «О тщеславии юных» написано в связи с послесловием «Лаодикийского послания», конкретно с его резкими словами против тех, кто не мог изучить «Диалектику». Поэтому в «Тщеславии юных» дана история создания «Диалектики», подчеркнута ее сложность для понимания и сказано, что вообще «сия... философия никто же может разумети и zde и инде». Если сочинение «О тщеславии юных» и послесловие к «Лаодикийскому посланию» связаны между собой, то можно

²³ Migne J. P. Patrologiae cursus completus. Ser. graeca. Parisiis, 1894. T. 117 Стб. 1272.

²⁴ См.: Лопарев Х. Новый памятник русской литературы: произведение монаха Иосифа 1559 года // Библиограф. 1888. № 2. С. 66—74.

²⁵ Дмитриева Р. П. Иосиф: Писатели и книжники XI—XVII вв. // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 110.

предположить, что содержание самого «Лаодикийского послания» отразилось каким-либо образом на тексте сочинения Максима Грека. В этой связи вполне вероятно, что следующие, часто повторяемые Максимом Греком слова: «... не пишете новотворных канонов» и «... аще кто дерзнет... таковые Никон Антиохийский в своих посланиях Хамосыны наречет, сиречь ложные книги, отай подписаны» (ср. зашифрованную подпись Федора Курицына) — имеют непосредственное отношение к «Лаодикийскому посланию».

Данное предположение требует объяснения некоторых сторон «Лаодикийского послания». Ф. Лилиенфельд и ряд других авторов склонны видеть в двух рядах алфавита «литореи» ключ к шифру». ²⁶ Однако такое предположение сомнительно, поскольку данный тип шифра требует одинакового числа букв двух рядов, чего в «литорее» нет. Один ряд пропускает некоторые буквы другого, причем в числе пропущенных оказываются буквы-«цари» — ѱ, э, ѣ, пропуск которых явно не случаен. Значение ряда алфавита с пропущенными буквами становится понятным при его сопоставлении с таблицами из другого сочинения — «Беседы о грамоте», включающей в себя наряду с прочими таблицу «Границы мудрая седьмого собора», которая содержит (в алфавитном порядке) буквы, обозначающие так называемые пасхальные числа с 22 марта по 25 апреля, так что каждой букве соответствует определенное число в этих «границах». ²⁷ Ряд алфавита «литореи» с пропущенными буквами и буквы из таблицы «Границы мудрая» полностью совпадают, что позволяет сделать вывод, что автор «литореи», пропуская отдельные буквы-«цари», стремился составить ряд так называемых пасхальных, или ключевых, букв. Пасхальное содержание «литореи» хорошо объясняет используемый в ней термин «историк»: «А починается четвертым словом, а к столповому сему пристойт историк». О том, что слово «историк» может обозначать пасхальный ряд алфавита, свидетельствует сочинение новгородца Агафона «Миротворный круг», где имеется следующая фраза: «Историк, рекше летописец святыя Альфа» (Альфа — одно из названий круга пасхальных чисел). ²⁸ Что представляет собой другой ряд алфавита «литореи», сказать определенно сложно. Некоторое соответствие он обнаруживает с таблицей из «Беседы о грамоте», озаглавленной «Акростихида». Кроме того, имеется довольно интересное упоминание о «Лаодикийском послании» в переписке двух любителей акростиха XVII в. ²⁹ Вполне возможно, что «литорея» представляет собой попытку упорядочения круга религиозных песнопений, определяемого датой Пасхи, т. е. той или иной ключевой буквой. ³⁰

Итак, дальнейшее исследование памятника должно вестись параллельно с изучением пасхальных статей, рукописной истории «Беседы о грамоте», богослужебных книг конца XV—начала XVI в. и приведенного нами сочинения, принадлежащего, возможно, Максиму Греку.

²⁶ См.: Lilienfeld F. von. Das «Laodikijskoe poslanie». . . S. 14.

²⁷ Я г и ч И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины. . . С. 392—393.

²⁸ ГПБ, ОЛДП, F.184 (131), л. 18 об.—22 об.

²⁹ П а н ч е н к о А. М. Русская стихотворная культура XVII века. М., 1973. С. 259—260.

³⁰ Весьма вероятно, что следующий текст, находящийся в сборниках грамматического содержания: «Червленья писмена сказуют гласовныя разводы, от которых части которой глас розпет», — поясняет назначение «червленьих писмен» «Лаодикийского послания». См.: Я г и ч В. И. Рассуждения южнославянской и русской старины . . . С. 748.

Н. С. ДЕМКОВА, С. А. ЯКУНИНА

Кормчая XV в. из собрания Пермского педагогического института *

Кормчие книги занимают в истории культуры, в истории юридической мысли Древней Руси видное место, особенно Кормчие того типа, к которому относится рукопись Пермского педагогического института (далее — ППИ): в них содержится значительное число русских статей, таких как Устав святого Владимира, Устав князя Ярослава, Правило митрополита Кирилла, Правило митрополита Максима, Вопросание Кириково и др. Это Кормчие в соединении с Мерилом Праведным. Особое внимание исследователей привлекает содержащаяся в Кормчих подобного типа Русская Правда. М. Н. Тихомиров, основываясь на данных, помещенных в академическом издании Русской Правды,¹ насчитывает до 40 списков Кормчих подобного рода.² Из них к XV в. (точнее, к концу XV или к концу XV—началу XVI в.) относится всего 6 списков.³ Таким образом, особый интерес представляет Кормчая ППИ в целом и в особенности находящийся в ней текст Русской Правды, которая в конце XV в. приобрела особое значение в связи с составлением Судебника 1497 г.⁴

Рукопись Кормчей ППИ (2°, 459 л.) датируется второй половиной XV в. Начало рукописи вместе с верхней крышкой переплета отсутствует. Два начальных листа сохранившейся части рукописи отделены от корешка и свободно вложены в рукопись; пагинация (карандашом) — в правом верхнем углу, начиная с «1». От переплета сохранились корешок и нижняя крышка — доска в коже, с тиснением, со следами застежек.

Ко второй половине XV в. рукопись позволяет отнести анализ филиграней.

1. Голова быка (л. 191) напоминает знаки из альбома Н. П. Лихачева «Палеографическое значение бумажных водяных знаков» (СПб., 1899), № 3476, 3477, датируемые 1476 г., однако в отличие от этих знаков в ней между стержнем и головой быка и между верхним лепестком цветка и крестом нет перемычки. Этим филигрань напоминает другой знак из того же альбома Н. П. Лихачева под № 1367 (1476 г.), но она значительно больше размером и крест в ней соединяется с лепестком цветка, а не с сердцевинной. От знака № 1087 (1465 г.) данную филигрань отличает то, что между верхним лепестком цветка и крестом нет перемычки, а также то, что глаза приближены к очертаниям головы.

2. Голова быка (л. 398) напоминает знаки из альбома Н. П. Лихачева № 2263 (1453 г.), 2577 (1470—1490 гг.), 4254 (1460—1470 гг.). От по-

* Краткий обзор рукописей собрания см. наст. изд., с. 412—418.

¹ Правда Русская / Под ред. акад. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1940. Т. 1.

² Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде: Происхождение текстов. М.; Л., 1941. С. 108.

³ Правда Русская. Т. I. С. 203—214.

⁴ О значении Русской Правды в XV в. см.: Зимин А. А. Традиции Правды Русской в Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. // Исследования по истории и историографии феодализма: К 100-летию со дня рождения академика Б. Д. Грекова. М., 1982. С. 189—203.

следнего из указанных знаков филигрань Кормчей ППИ отличается несколько более аккуратным видом.

3. Бык (л. 200). В отличие от знаков № 1020, 1021 (1456 г.) Н. П. Лихачева у быка в Кормчей ППИ не очерчены ноздри.

4. Якорь (л. 178) — см.: Н. П. Лихачев, № 2383 (первые годы XV в.), но стрелки на лапах якоря — только с внутренней стороны, как на филигрань № 111 (1410—1418 гг.) из кн. Н. П. Лихачева «Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве» (СПб., 1891).

В рукописи также были обнаружены еще три филигранные, аналогов которым не удалось найти в альбомах филигранных:

5. Голова быка (л. 217) (56×26 мм) с маленькими глазами, приближенными к очертаниям головы; ноздри не очерчены; маленькие уши опущены вниз; между рогами — стержень, оканчивающийся метелочкой, перехваченной посередине.

6. Якорь (л. 1), оканчивающийся шаром с крестом; на лапах — двойные стрелки; рукоятка с утолщением, без шара.

7. Якорь (л. 273), оканчивающийся шаром с крестом; лапы с закруглениями внутрь на концах; рукоятка прямая без шара и утолщений.

На л. 3—5 об. рукописи читается вкладная запись: «Сия божественная книга „Правила святых апостолъ и святых отецъ седми съборъ вселенскихъ и помѣстныхъ съборъ“ дана бысть епископомъ Прохоромъ Сарьскимъ и Подоньскимъ в дом Пречистыя Богородица честнаго ея Рожества въ Ферাপонтову пустыню».

По данным П. Строева, «Прохор хиротонисан 11 марта 1471 г., а в декабре 1492 г. отошел на покой в Московский Богоявленский монастырь».⁵ Эти данные подтверждаются летописными источниками.⁶

Когда же Кормчая ППИ попала в Ферাপонтов монастырь? В Ферাপонтовом монастыре последовательно существовали две церкви Рождества Богородицы. Деревянная была построена в 1409 г. и сгорела в большом пожаре, который случился в монастыре где-то около 1488 г.⁷ Относительно даты постройки каменной церкви Рождества Богородицы среди исследователей существуют значительные разногласия. Н. Бриллиантов считает, что каменная церковь Рождества Богородицы была построена на месте деревянной между 1492—1503 гг., вероятно, в 1500—1501 гг.⁸ К. К. Романов датирует церковь Рождества 1502—январем 1503 г.⁹ Советские исследователи несколько отодвинули дату постройки этой церкви: С. С. Подъяпольский называет 1490 г.,¹⁰ тот же год называют Г. Н. Бочаров и В. П. Выголов;¹¹ И. А. Бартнев и Б. Н. Федоров указывают

⁵ Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 1033—1034.

⁶ Летописный свод XV в.: «В лѣто 6979. . . Тое же весны марта поставленъ бысть владыка Сарскій Прохоръ» (Материалы по истории СССР. II. Материалы по истории XV—XVII вв. М., 1955. С. 313; об этом же см.: ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. 27. С. 277—Сокращенный летописный свод 1493 г., с. 351 — Сокращенный летописный свод 1495 г.). Сокращенный летописный свод 1493 г. — под 7701 (1492—1493) г.: «. . . Тое же зимы епископъ сарскій Прохоръ остави епископию и съиди с Крутици къ Богоявлению в манастырь» (ПСРЛ. Т. 27. С. 293). Об этом же см.: Кравченко А. Г. Московский летописный свод 1493—1494 годов по Беляевскому списку // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 385.

⁷ См. об этом, например: Бочаров Г. Н., Выголов В. П. Вологда. Кириллов. Ферাপонтово. Белозерск. 3-е изд., доп. М., 1979. С. 253—254.

⁸ Бриллиантов Н. Ферাপонтов Белозерский ныне упраздненный монастырь, место заточения патриарха Никона. СПб., 1899. С. 68.

⁹ Покрышкин П. П., Романов К. К. Древние здания в Ферাপонтовом монастыре Новгородской губернии // Изв. имп. Археол. комис. СПб., 1908. Вып. 28. С. 107—108.

¹⁰ Подъяпольский С. С. 1) К характеристике кирилловского зодчества XV—XVI вв. // Сов. археол. 1966. № 2. С. 90; 2) Путеводитель по архитектурным памятникам Кирилло-Белозерского и Ферাপонтова монастырей. 3-е изд. Вологда, 1968. С. 55.

¹¹ Бочаров Г. Н., Выголов В. П. Вологда. . . С. 261.

1491 г.¹² Начало 90-х гг. XV в. и считается сейчас наиболее вероятным временем постройки церкви Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря.¹³

Таким образом, если основываться на последней датировке, то можно предположить, что Кормчая была дана в новую, каменную церковь Рождества Богородицы. Вероятно, Прохор в течение своей жизни был как-то связан с Ферапонтовым монастырем. Судя по всему, он был похоронен в нем, так как «Прохор, владыка» записан в Синодике Ферапонтова монастыря, составленного зимой—весной 1503 г. (ЦГАДА, ф. 181, № 539). По словам В. В. Дергачева, исследующего этот Синодик, запись имени указывает на сумму вклада не менее 50 рублей (стоимость села с деревнями).¹⁴ Возможно, в этот вклад входила и описываемая Кормчая.

Интересно отметить, что на полях Синодика, там, где содержатся пояснения к именам, идут записи без гласных; гласные вынесены над строкой как диакритические значки. Такой же тип письма прослеживается и в некоторых текстах пермской Кормчей. Например, почти полностью таким образом записано Правило митрополита Кирилла (см. ниже). Е. Э. Терентьева указала нам рукопись Кирилло-Белозерского монастыря (ГПБ, К.-Б., № 83/1166), на л. 155—159 которой Краткое житие Кирилла Белозерского переписано с использованием того же типа письма, причем следует отметить, что почерк, которым написано житие Кирилла, очень напоминает почерк Кормчей ППИ.

Вернемся теперь к другим владельческим пометам, оставленным на книге: на л. 1 синим карандашом написано: «№ 391»; на корешке сохранилась бумажная наклейка XIX в.: «№ 1. Кормчая». Заметим, что в библиотеке ППИ Кормчая не зашифрована и не имеет своего инвентарного номера.

Перейдем к содержанию описываемой рукописи.

По своему составу Кормчая ППИ чрезвычайно близка к Кормчим ГПБ, Соловецкое собр., № 414 (477) конца XV—начала XVI в. и № 416 (475) второй половины XVI в.¹⁵

Начало рукописи утрачено, л. 1 пач. с фразы: «. . . флагонскаго языка и ти тако же правила изложиша на церковное благочиние». Далее идет перечень соборов, начиная с седьмого поместного собора;

л. 2 об. — «Титлы правилом счтения и подобным коемуждо титлу главам», т. е. оглавление;

л. 17 (на полях «1») — «Изложение правилом апостольским и отеческим, имѣя толкование Алѣксия диакона и законохранителя Аристина»;

л. 29 («2») — Святого апостола Павла правила церковные;

л. 30 об. — Правила вселенских и поместных соборов;

л. 131 об. — Василия Великого Амфилохию, епископу Иконийскому, «и к Диодору и к инем послание правил 201»;

л. 149 («21») — Заповеди Иустиниана;

л. 169 об. — Изложение-воспоминание о церковном соединении при Константине и Романе;

л. 174 — Иустиниана царя VI собора «о взаконении» и поставлении епископов;

л. 180 — «О беззаконных брацех, сиречь о кровосмешении»;

л. 191 («30», «31» и т. д.) — Мелкие фрагменты из сочинений византийских епископов;

¹² Барте́нев И. А., Фе́доров Б. Н. Архитектурные памятники Русского Севера. Л.; М., 1968. С. 154.

¹³ Авторы благодарят кандидата искусствоведения В. А. Булкина за помощь в определении датировки этой церкви.

¹⁴ Приносим глубокую благодарность В. В. Дергачеву за предоставленные сведения.

¹⁵ См.: Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1885. Ч. 2. С. 36—55, 66—67.

л. 197 («41») — Главы церковные. Вопросы и ответы Иоанна «со Святой горы» молчальника;

л. 201 — Послание Афанасия Александрийского к Антиоху;

л. 203 («49») — «Иоанна, митрополита русскаго, нареченаго про- рокомъ, написавшего Правило церковное от святых книгъ вкратцѣ Иакову черноризцу». Нач.: «Въпросилъ еси, яко же новородившуся дѣтицу болно будет, яко не мощи ни ссати мати. . .». Текст издавался неоднократно (см., например: РИБ. СПб., 1880. Т. 6. Стб. 1—20);

л. 213 («50») — «Се есть въпрашание Кириково, иже въпраша епископа Новгородскаго Нифонта и инѣхъ». Нач.: «Въпрашах владыкы, аще человекъ блюеть, причащався, аще рече от объядения или от пьянства блюет — 40 дний епитемиа. . .». Текст издавался неоднократно (см., например: РИБ. Т. 6. Стб. 21—62);

л. 223 — «Правило Кирила митрополита и спедшихся епископъ, Далмата Новгородскаго, Игнатиа Ростовскаго, Феогноста Переяславскаго, Симеона Полотскаго на поставление епископа Серапиона Володимерскаго». Нач.: «Преблагыи богъ нашъ, иже всепромышление нашему спасению творит по неведомымъ судбамъ его. . .». Издавалось неоднократно (см., например: РИБ. Т. 6. Стб. 83—102). В издании РИБ к этому тексту (стб. 83—100) присоединена статья «О крестѣ, иже на земли и на деду пиють» (см. ниже);

л. 227 — «Правило Максима, митрополита роусьскаго». Нач.: «Благословение Максима, митрополита всея Роуси къ всѣмъ христианомъ правовѣрнымъ. . .». Издавалось неоднократно (см., например: РИБ. Т. 6. Стб. 139—142).

л. 229 об. — чистый;

л. 230 — «Толк апостольстей соборней церкви». Нач.: «Церкы есть земное небо. . .»;

л. 244 — «Илия архиепископъ Новгородскыи исправил с Бѣлгородскымъ епископомъ». Нач.: «Аже ся пригодитъ у службы любо попу или диакону забыти влити вина или воды, а ту зрят, оли рекше „Святаа святымъ. . .“. Текст издавался неоднократно (см., например: РИБ. Т. 6. Стб. 75—78).

л. 244 — «Святаго Василия толкъ священнической». Нач.: «Чтецъ есть столпъ мученический, послухъ бо церковный. . .»;

л. 247 — «Свитокъ законный къ рукоположению епископа имя рекъ». Нач.: «Се тебѣ, чадо, господь поручи. . .»;

л. 259 — «Мнишескаго жития завет юнымъ чернецемъ в келияхъ. . .»;

л. 263 об. («74») — Поучение епископле всемъ христоролюбивымъ княземъ и всемъ правовернымъ христианомъ и боголюбивымъ». Нач.: «Всемъ человекомъ сущимъ в благочестии христианскаго рода. . .»;

л. 266 («75») — «Богословие о святей и живоначальной и единосущней троице». Нач.: «Богъ бѣше присно и есть и будет. . .»

л. 273 об. («78») — «Слово о святей троице Григория Богослова». Нач.: «Всяко дѣние благо и всякъ даръ свершенъ. . .»

л. 276 («80») — «Епистолиа на римляны, в ней же сказание о Иакове, брате господни, и о 12 апостолу, како первое поставление бысть въ священный чинъ»;

л. 300 — «Поучение от седми собор на латину» < . . >

л. 307 («83») — «Иоанна, митрополита русскаго, къ архиепископу Римскому о опресноцѣхъ». Нач.: «Взлюбихъ о господи любовь твою, о человеце божий. . .». Об изданияхъ этого текста см.: Бенешев и ч В. Н. Кормчая Никифорова // Изв. Имп. Акад. наук. 1903. Т. 18, № 4. С. 044.

л. 310 об. («84») — «Никиты мниха и пресвитера монастыря Студискаго, порекломъ Скифита, къ латиномъ о опресноцѣхъ». Нач.: «Аще есть в тебѣ разумъ, рече премудрость, отвещай ближнему. . .»

л. 316 — «Епифания Кипрскаго повесть въскоре написанных ересех всех»;

л. 325 — «О естествѣ и о съставѣ, яко же иже от Севира славят и яко постнаа повѣлеваютъ существа Иоанна книжника, реченнаго Трифента, глаголемаго трудолюбиваго и от четвертаго слова законника» <...>

л. 342 («90») — «Уставъ святаго князя (так!) Владимера, крестившаго Русьскую землю, о церковныхъ судѣхъ и о десятинахъ». Нач.: «Во имя отца и сына и святаго духа. Се язъ князь Владимер, нареченый въ святемъ крещении Василий, сынъ Святославль, внукъ Игоревъ и блаженна княгини Ольги, приялъ есмь святое крещение от гречьскаго царя и от Фотиа патриарха Царегородьскаго и прияхъ от него перваго митрополита Леонѣта Киеву, иже крести всю Руськую землю. . .». Уставъ святаго Владимера в Кормчей ППИ находится в комплексе статей: 1) Уставъ святаго Владимера; 2) Правило святыхъ отецъ 165; 3) Правило о церковныхъ людяхъ; 4) Уставъ князя Ярослава. Такой комплексъ статей, какъ установлено Я. Н. Щаповымъ, включает в себя Уставъ святаго Владимера Крестининскаго извода и Уставъ князя Ярослава Краткой редакци извода Кормчих.¹⁶ Текстъ Устава святаго Владимера публиковался многократно, лучшее его издание — в кн.: Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. С. 30—33 (Крестининский извод):

л. 343 — «Правило святыхъ отецъ 165 на обидящая святыхъ церкви». Нач.: «Великаго нашего сего града съ пресвятыми твоими архиепископомы 165 се полагаение писаниемъ предаемъ на обидѣвшиа божиа церкви...»;

л. 343 об. — «Правило о церковныхъ людехъ и о десятинахъ и о судехъ епископскихъ и о мѣрилѣхъ градскихъ». Нач.: «От самое истинны слышавъ. . .». В его составе: 1) л. 344 об. — «О церковныхъ судехъ». Нач.: «А се церковныѣ судови. . .», 2) л. 345 — «О мѣрилѣхъ». Нач.: «Градскыѣ торговыѣ и всякаа мѣрила спуды и звѣсы. . .»;

л. 345 — Уставъ князя Ярослава. Нач.: «Се язъ, князь великий Ярославль, сынъ Владимирь, по данию отца своего стадалъ есмь с митрополитомъ Илариономъ, сложилъ есмь гречьскыи Номоканон. аже не подобаетъ сихъ тяжъ судити князю и бояромъ, даль есмь митрополиту и епископомъ тѣ суды, что писаны въ Правилѣхъ в Номоканонѣ по всемъ градомъ и по всей области, где христианство не есть.

Аже кто умучитъ дѣвку или силитъ. . .». Лучшее издание этого текста: Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. С. 110—115 (Краткая редакция, извод Кормчих);

л. 346 об. — «Написание Афанасия мниха Иерусалимскаго к Панкови (так!) о дрѣве разумнѣмъ добру и злу». Нач.: «Повѣдаша ны нѣщцы, яко многы учиши о дрѣвѣ разумнѣмъ добру и злу»;

л. 348 («92») — «О крестѣ, иже на земли и на леду пишють». Нач.: «Никто ж да не пишеть на земли креста и на леду, егда воду крестятъ. . .» (см.: РИБ. Т. 6. Стб. 100—102);

л. 348 («93») — «О крестѣ Христовѣ»;

л. 348 об. («94») — «Того же Афанасия о наузѣхъ и о стрѣлцѣхъ громнѣи». Нач.: «Стрѣлки и топоры громныи нечестиваа и богу мерзкаа вещь. . .»;

л. 348 об. («95») — «Премудрость Исуса сына Сирахова. Въпросъ и отвѣтъ всякому христианину съ жидовиномъ». Нач.: «Почто, жидовине, не веруеши въ святую троицу. . .»;

л. 350 («96») — «Слово святыхъ отецъ о пасце жидомъ»;

л. 350 об. («97») — «О ереси арменстѣи»;

л. 352 об. («98») — «Чинъ» обращающимся «от сорочин»;

(«99») — «Чинъ» обращающимся «от жидовъ»;

(«100») — «Чинъ» «если в ереси крещенъ»;

¹⁶ Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / Изд. и подгот. Я. Н. Щапов. М., 1976. С. 24.

На этом кончается первая часть Кормчей, вторая часть представляет собой Мерило Праведное второй редакции:¹⁷

л. 360 об. — «Сия книги Мѣрило Праведное извѣс истинный, тмѣ светило. . .»;

л. 361 («101») — «Избрание от закона, богом данаго иераклитом Моисеомъ, о судѣ и о правдѣ»;

л. 365 («102») — «Законъ судный людемъ. Глава 1». Текст этот представляет собой Краткую редакцию «Закона судного», содержит три главы: «О послусахъ», «О полонѣ», «О малжену»;¹⁸

л. 368 об. — «Толк Козмы Халкидонского, яко не подобает жены госпожо звати»;

л. 269 («103») — «Закона градскаго главы различны въ 40 гранехъ»;

л. 417 — «Слово да не обидят силнии меншихъ». Нач.: «Анастасий царь впаде в Евтихиеву ересь и изгна Илию. . .»;

л. 417 об. — «Слово о вдовах и о сиротах, не обидим их цари и князи и вси властели силнии». Нач.: «Всякая вдовы и сироти обидете да не разгневаются на вы господь. . .»;

л. 417 об. — «Слово о властелех». Нач.: «Поставил ли те царь в кый сан или судию земли своей. . .»;

л. 418 — «Слово еже судити право»;

л. 418 — «Слова святаго Иоанна Златоуста о смѣряющихся, яко божия заповедь есть. . .». Нач.: «Понеже ти человеци подобни суть богу, иже инех терпению учаще. . .». Текст издавался неоднократно (см., например: РИБ. Т. 6. Стб. 79—84);

л. 419 об. («104») — «Леон и Костянтин вѣрная царя. . .»

л. 436 — «Новая заповедь благочестиваго царя Алексея Комнина»;

л. 437 об. («106») — «Заповедь новая» Алексея Комнина, изложена «от Варды»;

л. 440 («107») — «Въспоминания хранителя великаго стража Иоанна Фракисна, о нем же раздрѣшение изречено бысть царем нашим святым. . . о брацех»;

л. 444 («108») — «Царя Леона зачаток»;

л. 445 об. — «От книгъ Еноха праведнаго прежде потопа». Нач.: «Слышите, чада моя, прежде же вся не была господь постави века тварнаго и потом сътвори всю тварь видимую и невидимую. . .»;

л. 447 — «Слово о том, еже судити божия достоинства есть. . .»;

л. 447 об. — «Образъ винамъ по четьрем образам: по невежеству, по напразнству, по любви, по нужи. Глава 1»;

л. 447 об. — «Константина царя Судебник. Глава 2». Далее идет глава 3 — «О послусахъ»;

л. 448 об. — «Святых апостол правило 75». Нач.: «В послушество евреина не принимать. . .»;

л. 449 — «Володимера князя суд о послушствѣ». Нач.: «На послушество на холопа не складают, аще не будет свободного, то по нужи служити на боярьска тивуну, а на инех не складати, аж в мале тяжи по нужи служити на закупа». (см.: Правда Русская. Т. 1. С. 231);

л. 449 — «Вселеньскаго сбора 4-го, иже в Халкидоне, правило»;

л. 449 — «О мужи кровавъ». (см.: Правда Русская. Т. 1. С. 231);

л. 449 об. — «Суд Ярославль Володимерича, Правда Русская». Нач.: «Аже убьет муж мужа. . .». Состав статей: «Иже станет без вины на разбой»; «А се покони вирнику»; «О уроцехъ»; «О княжих отроцех и о епископлих вин»; «О ремественницах»; «О поклепней вире»; «О свершении вирь»; «О ударении мечем»; «О мужи кроваве»; «О челяди»; «О вседении на чужь

¹⁷ О Мериле Праведном второй редакции см.: Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. С. 107—127.

¹⁸ См.: Закон Судный людем Краткой редакции / Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1961; Закон Судный людем Пространной и Сводной редакции / Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1961. С. 155—160.

конь»; «О своде»; «О татьбе»; «О познании челяди»; «О своде»; «О татьбе»; «О татьбе»; «О уроцех скоту»; «О взискании товара»; «О поклажаи»; «О резе»; «О месячном резе»; «Устав Володимера князя» («А се уставил Володимер Всеволодичъ»), «О резе»; «О потоплении купца»; «О долзе»; «О закупе»; «О закупе»; «О холопе»; «О ударении»; «О послушестве»; «О бороде»; «О разнамени борти»; «О посечении»; «О смерде»; «О гумне»; «О послухе»; «О задници»; «О задници боярстей»; «О уроцех, что кому»; «О заднице же»; «Аже вречется жена седети»; «О судебных уроцех»; «О холопстве». Оканчивается текст словами: «. . . то князю в продаже» (л. 456).

Судя по составу статей, перед нами текст Пространной Правды Розенкамповского вида Синодально-Троицкой группы, по классификации В. П. Любимова,¹⁹ или Пространной Правды Чудовского извода, по классификации М. Н. Тихомирова.²⁰ В. П. Любимов называет 20 списков Розенкамповского вида,²¹ 17 из которых использованы в данном издании.²² Самые ранние списки (их 6) относятся к концу XV в. Таким образом, список Кормчей ППИ попадает в их число, если не является наиболее ранним. Но список этот важен не только для изучения Русской Правды Розенкамповского вида (Чудовского извода) самого по себе, но и для решения вопроса о взаимоотношениях Розенкамповского и Ферапонтовского видов. В. П. Любимов и М. Н. Тихомиров полагали, что Розенкамповский вид (Чудовский извод) лег в основу Ферапонтовского вида, возникшего «не ранее половины XVI в.».²³ С. В. Юшков считает Розенкамповский вид вторичным по отношению к Ферапонтовскому.²⁴ Список Кормчей ППИ может пролить дополнительный свет на историю взаимоотношений этих видов, так как мы знаем, что Кормчая ППИ находилась в Ферапонтовом монастыре, а самый ранний список Ферапонтовского вида, который В. П. Любимов считал протографом или его копией,²⁵ происходит из Ферапонтова монастыря.²⁶ Но определенный ответ на вопрос, является ли список Кормчей ППИ источником для протографа Ферапонтовского вида, может дать лишь тщательный сравнительный анализ текстов Русской Правды этих списков и состава самих Кормчих. Интересен также вопрос, имеет ли список Кормчей ППИ, попавший из Ферапонтова монастыря в пермские пределы, отношение еще к 2 спискам Ферапонтовского вида, находившимся в XVII—XVIII вв. в Пыскорском монастыре на Сылве²⁷ (ферапонтовский игумен Филофей — епископ пермский, 1471—1503 гг.).

Как и другие списки Мерила Праведного 2-й редакции, Мерило Кормчей ППИ не кончается Русской Правдой, за ней следуют:

л. 456 — «Слово Сирахово на немиловивыя цари и князи, иже неправдою судят». Нач.: «Слышите, цари и князи, разумеите, внушите держащей власть. . .»;

л. 456 — «Слово о гордости». Нач.: «Величаешия силою и властью, то кая есть сила, повежь ми, или власть. . .»;

л. 457 об. — «Слово о судияхъ и о властелехъ, емлющих мзду и не в правду судящихъ»;

¹⁹ Правда Русская. Т. 1. С. 201—231.

²⁰ Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. . . С. 108.

²¹ Правда Русская. Т. 1. С. 60, 203—214.

²² Там же. С. 215—231.

²³ Тихомиров М. Н. Исследования о Русской Правде. . . С. 125—127.

²⁴ Юшков С. В. Русская Правда: Происхождение, источники, ее значение. М., 1950. С. 152—160.

²⁵ Правда Русская. Т. 1. С. 50; см. также: Там же. С. 235; Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. . . С. 127.

²⁶ По листам этого списка идет запись: «Сию книгоу далъ в домъ пречистыа богородици чеснаго и славнаго ея рождства в Ферапонтавъ монастырь старецъ Касьян Булгаков, бывый игумен Ферапонтава монастыря» (Правда Русская. Т. 1. С. 235; Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. . . С. 125).

²⁷ О списках Русской Правды Ферапонтовского вида (извода) см.: Правда Русская. Т. 1. С. 233—244; Т. 2. М.; Л., 1947. С. 840—862; Тихомиров М. Н. Исследования о Русской Правде. . . С. 126—127.

л. 457 об. — «Слово Аввакума пророка на обидящая и насильствующая»;

л. 457 об. — «Слово святого Василия о судияхъ и о властелехъ»;

л. 459 — «Слово святыхъ отецъ 165 о обидящихъ церкви святыхъ»;

л. 459 об. — «Сий рядъ и суд церковный»;

Рукопись обрывается на словах: «. . . а своим тивуномъ приказываемъ суда церковнаго не обидѣти, десятину из суда давати, а кто покривит судъ — платити ему. . .». Далее, по-видимому, утрачены лишь 1—2 листа, так как М. Н. Тихомиров указывает эту статью как последнюю в Мериле Праведном.²⁸

Подводя итоги, следует сказать, что Кормчая, найденная в библиотеке Пермского педагогического института, содержит новый материал для изучения памятников древнерусского права, в особенности Русской Правды. Кроме того, напомним о тесной связи владельца рукописи — епископа Прохора Сарского — с новгородским архиепископом Геннадием в пору активной борьбы Геннадия с еретиками: именно «владыце Прохору Сарскому» было адресовано одно из первых посланий Геннадия (датируется 1487 г.) о вновь открывшейся в Новгороде ереси. Возможно даже, что в грамоте Геннадия упоминается данная рукопись («Сии главы о маркианех в правилех у себя изнайдеши. Аще ли в твоих не будет правилех, ино в великаго князя правилех писаны»),²⁹ отданная в Ферапонтову пустынь в связи с уходом Прохора с епископии. Отмеченные особенности рукописи должны привлечь к ней пристальное внимание исследователей.

²⁸ Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. . . С. 112.

²⁹ Послание архиепископа Геннадия // Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в. М., Л., 1955. С. 310; см. также: Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.; Л., 1960.

И. Ю. СЕРОВА

К вопросу о влиянии Летописной книги на повести о Смуте С. И. Шаховского

Летописная книга — одна из популярнейших повестей о Смуте, написанных в первой трети XVII в. Среди многих недостаточно изученных проблем, возникающих при ее исследовании, одной из наиболее значимых является проблема влияния повести на целый ряд исторических памятников XVII в. (текст Летописной книги широко использовался при создании Рукописи Филарета, повестей о Смуте С. И. Шаховского, разрядных записей за Смутное время, Сибирских летописей).

В данной статье мы ограничимся рассмотрением вопроса о соотношении текста Летописной книги и текстов повестей о Смуте С. И. Шаховского.¹

Вопрос о влиянии Летописной книги на повести о Смуте С. И. Шаховского уже ставился в научной литературе. Его первым исследователем был С. Ф. Платонов, который считал, что «Шаховской. . . счел удобным для себя при описании фактов пользоваться готовым рассказом о Смуте, находящимся в повести Катырева»,² и что Шаховской в ряде случаев «прямо следует словам Катырева, изредка дополняя их риторическими отступлениями и вставками».³

Детальное сопоставление Летописной книги и повестей Шаховского было проведено Е. П. Семеновой.⁴ Исследовательница пришла к выводу, что при создании своих повестей Шаховской использовал текст Пространной редакции Летописной книги,⁵ и предложила на основании выявленных ею несоответствий в авторском стиле создателя Летописной книги и Шахов-

¹ Напомним, что С. И. Шаховской был автором двух повестей о Смуте — «Повесть известно сказуема на память великомученика благоверного царевича Дмитрия. . .» и «Повесть о некоем мнисе, како послася от бога на царя Бориса. . .». Эти два произведения в сущности представляют собой одно целое — написанное с использованием материала Летописной книги Житие царевича Дмитрия. Известно два списка повестей — оба в составе сборников произведений Шаховского (ГБЛ, собр. МДА, № 213, 214). Сопоставление Летописной книги и повестей Шаховского особенно важно, так как ряд ученых приписывают Шаховскому и авторство Летописной книги (см.: К у к у ш к и н а М. В. Семен Шаховской — автор Повести о Смуте // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1974. М., 1975. С. 75—78). Атрибуция Летописной книги Шаховскому принята в «Истории русской литературы» (Л., 1980. Т. 1. С. 305); см. также: Русское историческое повествование XVI—XVII вв. М., 1984. С. 325. Сразу оговорим, что представляемый нами материал важен в первую очередь для решения проблем, связанных с историей текста Летописной книги, а не ее авторства.

² С. Ф. Платонов атрибутировал Летописную книгу И. М. Катыреву-Ростовскому (см.: П л а т о н о в С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1888. С. 207).

³ См.: Там же. С. 240—242.

⁴ Семенова Е. П. Русская историческая мысль первой трети XVII в.: (Творчество С. И. Шаховского и И. А. Хворостинина): Дис. . . . канд. ист. наук. Л., 1982. С. 193—202.

⁵ Е. П. Семенова проводила сопоставление Летописной книги и повестей Шаховского на материале двух опубликованных в XIII т. РИБ редакций Летописной книги — Краткой и Пространной (соответственно традиционно считающихся первоначальной и вторичной).

ского с осторожностью подходить к атрибуции Летописной книги последнему.

Мы предлагаем новые данные по соотношению Летописной книги и повестей Шаховского, полученные с учетом сопоставления текстов повестей с текстом вновь открытой Особой редакции Летописной книги.⁶

Новое сопоставление текстов показало, что Шаховской использовал текст Летописной книги, с одной стороны, близкий к тексту Уваровского варианта Пространной редакции, а с другой — к тексту Первоначального варианта Особой редакции.⁷

Рассмотрим примеры параллельных чтений повестей Шаховского и разных редакций Летописной книги.

а) Текст повестей Шаховского ближе к тексту Уваровского варианта Пространной редакции Летописной книги, чем к тексту Хронографического варианта:⁸

Повести Шаховского

Пространная редакция Летописной книги
Уваровский вариант Хронографический вариант

[Годунов]. . . повелевает. . . славные дома во царствующем граде Москве огнем запалити, да быша люди о своих напастех имели попечение. . . (стб. 853).	. . . дабы люди о своих напастех попечение имели. . . (стб. 633).	. . . дабы люди о своих печалех попечение имели. . . (стб. 633).
[Годунов]. . . от предних времен издалеча сего со усердием желаше. . . (стб. 854).	. . . от предних лет издалеча сего со усердием желаше. . . (стб. 634).	. . . от предних лет изначала сего со усердием желаше. . . (стб. 634).
[Москвичи]. . . вси единогласно вопияху, дабы херругви царствия восприял. . . (стб. 854).	. . . вси единогласно вопияху, да царствует над ними. . . (стб. 634).	. . . вси вопияху, да царствует над ними. . . (стб. 634).
[Борис именитых бояр] . . . мучителем предает и в заточение посылает и смерти горкия сподобляет. . . (стб. 858).	. . . мучителем предает и в заточение посылает , и смерти сподобляет. . . (стб. 636).	. . . мучителем предает и смерти горкия сподобляет. . . (стб. 636).
[Отрепьев рассказывает в Польше]. . . како Борис повеле его убити и како его ото убийства соблюденно . . . (стб. 852).	. . . и како его ото убийства соблюденно . . . (стб. 641).	. . . и как он от убийства соблюден. . . (стб. 641).

⁶ Особая редакция Летописной книги дошла до нашего времени в довольно поздних списках (не ранее 50-х гг. XVII в.), однако есть основания датировать ее создание не позже 30-х гг., так как именно ее текст использовался при создании Рукописи Филарета (единственный список датируется началом 1630-х гг.). Особая редакция одинаково близка к Пространной и Краткой редакциям и обладает набором индивидуальных черт; по-видимому, она является промежуточной между Пространной и Краткой редакцией (но менее вероятно, что Особая редакция компилятивна). Особая редакция представлена двумя вариантами — Первоначальным и Риторическим (вторичным). См.: Серова И. Ю. «Летописная книга» И. М. Катыерева-Ростовского: Проблема изучения редакций // Грузинская и русская средневековые литературы. Тбилиси, 1990.

⁷ Мы выделяем два варианта Пространной редакции Летописной книги — Хронографический и Уваровский. Уваровским вариантом мы называем текст повести по списку: ГИМ, собр. Уварова, № 609; между двумя вариантами Пространной редакции имеются довольно значительные разночтения, описанные П. Г. Васенко (см. Васенко П. Г. О редакциях Повести кн. И. М. Катыерева-Ростовского // ЗРАО. СПб., 1899. С. 378—384). П. Г. Васенко предлагал даже выделять текст по Уваровскому списку как самостоятельную Посредствующую редакцию. Особая редакция наиболее связана именно с Уваровским вариантом Пространной редакции (см.: Серова И. Ю. «Летописная книга» И. М. Катыерева-Ростовского).

⁸ Тексты Летописной книги и повестей Шаховского цитируются по: РИБ. 1909. Т. 13.

б) Повести Шаховского близки к тексту Особой редакции: ⁹*Повести Шаховского**Летописная книга*

Особая редакция

Пространная редакция ¹⁰

[Борис]. . . посылает **таибники** своя и убийцы некия на Углець. . . (стб. 851).

[Отрепьев]. . . в той же обители **поставляется** во дьяконы. . . (стб. 860).

. . . той же князь **нача его** (Отрепьева. — *И. С.*) **вопрошати** о сицеве вещи. . . (стб. 861).

Власть дает бог, ему же хочет, той **пременяет** времена и лета, **воставляя** царя и отставляя, и от **гноища** вознося нища, и посадит его с **силными** людскими. . . (стб. 863).

[Конец отступления по поводу избавления от Отрепьева]. . . **зде да станем** и паки о **настоящем** побеседуем. . . (стб. 870).

. . . посла **таибники** своя и убийцы некия на Углець. . . (л. 94 об.).

. . . в той же обители **поставляется** во дьяконы. . . (л. 101 об.).

. . . **нача его вопрошати** о такове вещи. . . (л. 103).

. . . зрите убо, всенародное множество, яко бог власти дает, ему же хочет, **поставляя** царя и отставляя, от **гноища** вознося нища, и посадит его с **силными** людскими, и престола славе наследника являя его. . . (л. 97).¹¹

. . . оставлю убо **многословити**, **наки** о **настоящей** вещи побеседую. . . (л. 120).

. . . посла **советники** своя и убийцы некия на Углець. . . (стб. 631).

. . . в той же обители **рукополагается** во дьяконы. . . (стб. 639).

. . . **вопрошает** его о такове вещи. . . (стб. 640).

Приведенные примеры позволяют предположить, что существовал какой-то не дошедший до нас текст Летописной книги, промежуточный между Уваровским вариантом Пространной редакции и Первоначальным вариантом Особой, который Шаховской использовал при написании своих повестей.¹² Однако можно высказать и другое предположение — что Шаховской пользовался сразу обоими текстами. Это предположение кажется менее правдоподобным, так как наличие большого количества мелких чтений, сближающих повести Шаховского, с одной стороны, с Уваровским вариантом Пространной редакции, с другой — с Первоначальным Особой, говорит скорее об использовании именно **единого, промежуточного** между ними текста.

⁹ Ранее указывалось, что повести Шаховского имеют текстуальные совпадения именно с Первоначальным вариантом Особой редакции. Этот вывод объясняется тем, что в текстах повестей не обнаруживается никаких чтений Риторического варианта Особой редакции.

¹⁰ Чтения Хронографического варианта совпадают с чтениями Уваровского.

¹¹ Это отступление имеется только в Особой редакции.

¹² Поскольку текст Особой редакции связан именно с текстом Уваровского варианта Пространной редакции, а Шаховской, видимо, использовал текст Летописной книги, промежуточный между Уваровским вариантом Пространной и Первоначальным вариантом Особой, то остается предположить, что Шаховскому был известен текст Особой редакции, более близкий к протографу, чем известный нам текст ее Первоначального варианта (напомним, что все дошедшие списки Особой редакции, в том числе и списки Первоначального варианта, достаточно поздние). Возникает вопрос: а не имел ли Шаховской причастности к составлению Особой редакции?

А. Г. БОБРОВ, Т. В. ЧЕРТОРИЦКАЯ

К проблеме Златой матицы

Книга под названием «Златая матица» упоминается в некоторых индексах XV—начала XVI в. как «истиинная», наряду с другими сборниками: «Златоуст, синоксарь, рекше триод четия, чепь. ., златострой. ., глубина, бисер, криница, маргарит, женьчюг, пчела. ., зеркало» и т. д.¹

Казалось бы, после упоминания в индексах Златая матица должна была прочно войти в книжный обиход древнерусского общества, как, например, сборники Златоуст, Златоструй, Златая цепь, дошедшие до нас в большом количестве списков. Однако со Златой матицей этого не произошло. В древнерусском рукописном наследии XIV—XVIII вв. (в границах этого периода и проводились в основном разыскания) памятники с названием «Матица» чрезвычайно редки. Известные нам списки Златой матицы или сборники, содержащие выписки из нее, не отличаются единообразием, поэтому возникает сомнение в самой закреплённости этого названия за определенным типом книги.

Мало проясняют картину и те немногие работы, в которых затрагиваются вопросы происхождения, состава, тематики этого четвертого сборника. Внимание ученых к Златой матице впервые было привлечено Ф. И. Буслаевым, опубликовавшим три сочинения («О природе», «О величии», отрывки из Слов Феодосия Печерского) по сборнику XV в., названному Златой матицей.² И. Порфирьев, ориентируясь, вероятно, на издание Ф. И. Буслаева, дает определение Златой матицы как сборника, «в котором помещаются разные слова и поучения преимущественно Златоуста и разные отрывки богословского, нравственного и исторического содержания, встречаются статьи о кругах — земном, лунном и солнечном, о звездах и планетах. Из этого сборника, — пишет ученый, — предки наши почерпали свои сведения о природе».³

В. М. Истрин в исследовании, посвященном Толковой палее, приводит подробное постатейное описание единственного известного ему списка Златой матицы,⁴ сопоставляет его с Толковой палеей, Маргаритом, Златоустом и тем самым пытается дать типологический анализ этого памятника.

«Православная богословская энциклопедия» называет Златую матицу в числе четырех четых сборников (вместе с Пчелой, Измарагдом, Златой цепью) с «общим нравоучительным содержанием, состав которых,

¹ См.: Јагић В. Slovenski tekstovi kanona o knjigama staroga u novoga zavjeta pod jedno s indeksom lažnik knjiga // Starine. Zagreb, 1877. Кн. 9. S. 99—107; ср. также Требник Лисицкого монастыря 1504 г. (ГПБ, Соловецкое собр., № 1085/1194, л. 499 об.).

² Буслаев Ф. И. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков. М., 1861. С. 683—692.

³ Порфирьев И. История русской словесности. Казань, 1886. Ч. 1. С. 210—211.

⁴ Истрин В. М. Замечания о составе Толковой палеи. 5. Златая матица // ИОРЯС. СПб., 1898. Т. 3, кн. 1. С. 491—506.

довольно неопределенный, подвергался частым колебаниям».⁵ Раскрывая это определение, автор статьи указывает признаки Пчелы, Измарагда, Златой цепи, однако при этом полностью обходит молчанием Златую матицу.

Бегло упоминает о Златой матице Т. В. Черторицкая в статьях, посвященных изучению четых сборников Древней Руси. Гипотетически определяя место Златой матицы в системе древнерусских сборников, она относит Матицу к сборникам преимущественно религиозно-учительной тематики, гомилетико-агиографическим по жанру, смешанной календарно-некалендарной структуры.⁶

Таким образом, можно утверждать, что Златая матица в современной медиавистике остается практически неизученным сборником.

В результате библиографических разысканий и обнаружения новых материалов⁷ стало возможным вернуться к проблеме Златой матицы и, не претендуя на ее окончательное разрешение, рассмотреть некоторые вопросы, связанные с типологией древнерусских сборников вообще и Златой матицы — этого интересного памятника русской средневековой культуры, в частности.

Привлекаемые к исследованию источники⁸ разделяются нами на три группы.

I. Сборники, название которым дано самими писцами (составителями) Матицы: «Сия книги имѣнуются жемчюг и матица златая».

Сборники с таким заглавием хранятся в ГПБ:

1) ГПБ, Новое собрание рукописной книги (НСРК), 1946, № 35/2 F (далее — ЗМ—НСРК). Список конца 70-х гг. XV в. Эта рукопись в 1946 г. была подарена В. И. Малышеву Д. Д. Михайловым, видным даугавпилским книжником и наставником старообрядцев. В литературе до 1988 г. не упоминалась. Ее описание см. в Прилож. 1.

2) ГПБ, собр. Погодина, № 1024 (далее — ЗМ—Погод.). Список известен по публикациям Ф. И. Буслаева⁹ и В. М. Истрина. По нашим наблюдениям, этот список должен быть датирован не XV в., как его определяли раньше, а рубежом XV—XVI вв., вероятнее всего, началом XVI в. Предисловие к этому сборнику приведено в Прилож. 2.

II. Сборники, в составе которых выделяется ряд статей, озаглавленных «Матица».

1) ГПБ, F.I.798 (далее — ГПБ-798), четый сборник первой трети XVI в.¹⁰

2) ГПБ, собр. Погодина, № 1615 (далее — Погод.-1615), сборник 1632 г.¹¹ На л. 33 первого сборника и л. 108—109 второго есть определение: «Сия книга нарицается жемчужная матица. . .».

⁵ Православная богословская энциклопедия: Приложение к журналу «Странник». Пг., 1904. Т. 5. Стб. 806.

⁶ Черторицкая Т. В. 1) Уставные чтения // ТОДРЛ. Л., 1984. Т. 39. С. 236; 2) Литературные четые сборники Древней Руси: (К вопросу о структуре и классификации) // Вopr. сюжета и композиции. Горький, 1985. С. 22.

⁷ Бобров А. Г. Псковский сборник XV в. «Златая Матица» // Археология и история Пскова и Псковской земли: Тез. докл. Псков, 1988. С. 40—41.

⁸ О книге «в полдестъ» под названием «Златая матица» упоминается в описи «книгохранительницы» Спасо-Каменного монастыря, составленной в 1628 г. См.: Памятники письменности в музеях Вологодской области: Каталог-путеводитель. Вологда, 1985. Ч. 4, вып. 1. С. 191. Упоминается какой-то список Златой матицы и в полемическом сборнике 1711 г., составленном в Выговской пустыни (ГБЛ, собр. Егорова, № 383, л. 31): «Да еще инде в книге Матицы золотой видех, в ней же Ефесскаго собора было написано двоима палцы креститися, а выскребено и зделано не хитро, но знатко, троими палцы». Автор этого текста, очевидно, Андрей Девисов (см.: Шапков А. Т. Максим Грек и идеологическая борьба в России во второй половине XVII—начале XVIII в.: Подделка и ее разоблачение // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 86—87). Современное местонахождение этих списков нам неизвестно.

⁹ Частично издание Ф. И. Буслаева было повторено в кн.: Алфиров А., Грузинский А. Допетровская литература и народная поэзия. М., 1912. С. 77.

¹⁰ См.: Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1898 г. СПб., 1902. С. 161—164.

¹¹ Бычков А. Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников Императорской Публичной библиотеки. СПб., 1882. Ч. 1. С. 454—467.

III. Выписки из книги Златая (жемчужная) матица.

1) ГИМ, Чудовское собр., № 277/75 (далее — Чуд.-277), сборник первой четверти XVI в.¹² Текст Чуд.-277, озаглавленный «Книга, нарицаема женьчюгъ. Матица златая (ду)шеполезная», приведен в Прилож. 3.

2) ГПБ, НСРК, 1981.33. О (далее — ГПБ-33), сборник конца XVIII в.,¹³

3) БАН, собр. Дружинина, № 344/393 (далее — БАН-344), сборник XVIII—XIX вв.¹⁴ Здесь под заглавием «Златая матица, лист 76» помещен текст,¹⁵ который мы даем в Прилож. 4.

4) ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 121/1198 (далее — КБ), сборник конца XVII в.

5) ГПБ, собр. Михайловского, Ф. 267 (далее — Мих.-267), сборник начала XIX в. Один из текстов в вопросо-ответной форме открывается заголовком: «Выписано ис кн(и)ги жемчюжныя матицы о чувственном» (КБ, л. 257; Мих.-267, л. 1).

Из-за тематической, жанровой, хронологической разнородности исследуемого материала следует определить круг вопросов в изучении Златой матицы и логическую последовательность их постановки.

1. Название сборника.

Слово матица в древнеславянском, древнерусском языках имело несколько значений: *мать, начало, основа, источник чего-либо; опорная или скрепляющая часть чего-либо; очаг; подлинник грамоты, вообще оригинал чего-либо; магнит*. В словарях выделены и словосочетания: жемчужная матица — *раковина жемчужная*, матица огненная — *преисподняя геенна*.¹⁶ Матицами в новое время стали называть очаги культуры, умственной жизни южных и западных славян.¹⁷ Очевидно, буквальное значение названия «Златая матица», по крайней мере, в поздней традиции, — драгоценный оригинал, подлинник. Метафорический смысл заглавия древнерусского четвертого сборника наиболее полно раскрывается в предисловии ЗМ—Погод. (см. Прилож. 2), а также в своеобразной «аннотации», включенной в сборники II группы: «Сия книга нарицається жемчюжная Матица, подоба(еть) глубине морьстѣи, в них же понирая, износит бисеръ и камень драгое, слажше бо меду и сота драгая словеса г(о)с(по)дня. Иже ключиться кому сѣсти почитати книги б(о)жественаго поучения, то не тѣсися в борзѣ листь превратити, но в трикраты възвратися воспят и да познаешь силу книжную, иже не въ грѣх проповѣдает ученье г(о)с(по)дне собе и послушавшим тя, но въ сп(а)сенье. Не токмо бо тии единыи сп(а)сени буд(у)ть, но и сам ся сп(а)сеся. А не крыи свѣтила г(о)с(по)дня под спудом, но проповѣдай всем послушавым со дерзостию и со тѣшаньем, а ленивыи и непослушавшыи с(вя)тых о(те)ць ученья, тии бо сами си осудят своимъ языком на страшнем судѣ пред г(о)с(по)демъ. Свѣтило наречеться ученья с(вя)тых от(е)ць. Добрыи бо учитель уподобиться корабленому кормнику, иже малым древом велико обращаетъ, а учитель тако же малым словом в велику радость введеть» (ГПБ-798, л. 33).

Таким образом, *матица* толкуется как источник мудрости: она подобна глубине морской, погрузившись в которую, человек выносит бисер и жемчуг, драгоценные камни — «душеполезные» сокровища, которым нет цены.

¹² Протасьева Т. Н. Описание рукописей Чудовского собрания. Новосибирск. 1980. С. 160.

¹³ [Бобров А. Г., Медведев П. А.]. Русская рукописная книга древней традиции // Новые поступления в Отдел рукописей и редких книг ГПБ (1979—1983): Каталог / Сост. Л. С. Георгиева. Л., 1985. С. 83.

¹⁴ Описание рукописного отдела БАН СССР: Сочинения писателей-старообрядцев XVII в. / Сост. Н. Ю. Бубнов. Л., 1984. Вып. 1. С. 223—225.

¹⁵ Об этом же тексте из так называемой Златой матицы упомянуто в картотеке Н. Никольского // БАН, ящик 56, карт. 903.

¹⁶ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1982. Вып. 9. С. 44—45; Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. СПб., 1896. Т. 18-а. С. 804; Словарь русских народных говоров. Л., 1982. Вып. 18. С. 30.

¹⁷ Будилович А. Славянские матицы и ученые дружества // ЖМНП. СПб., 1869. Ч. 140. С. 459—475.

Обращает на себя внимание близость этого метафорического определения с названиями-характеристиками других четых сборников: «Маргарит, сиречь бисер или жемчуг именуется. Словеса убо, яже суть в книзе сей, якоже в златом перстени драгыи камень блистающа, веселит некако, взирающаго на нь. Сице и разум словес тех. . . вощия паче злата, благодати луча независтная, озаряющи благочестивых сердца». Или: «Рай бо сад овощны нарицается. Къ дверемь бо рая земнаго, аще пришед видеши, многоразлични сади тамо узриши. . . Сия же книги, аще усердием отвѣраеши, плоды небесныя обрящеши, и аще съ разумом ясти начнеши, николи же насытишися. . .».¹⁸

В. М. Истрин высказал мысль, что в отношении четых сборников словосочетание *златая матица* — калька с названия греческого памятника «ἡ χρυσή πηγή»: «Русский редактор в XV веке, — пишет В. М. Истрин, — по образу его составил свой сборник, удержав старое название, но, не понимая названия „Златая матица“, приравнял его к другим подобным сбѣрникам, называя различными драгоценными камнями, и пояснил Златую матицу как жемчуг».¹⁹

Трудно пока судить, откуда на самом деле пришло это несколько экзотическое для русского языка заглавие сборника, заметим только, что древнерусские книжники в качестве синонима и одновременно пояснения слова *матица* действительно употребляли, очевидно, более распространенное слово *жемчуг*, которое иногда в заглавии сборника могло выступать как основное, т. е. заменять определение *златая матица* или просто *матица*. Поэтому, вероятно, Златая матица, Жемчужная матица, Жемчуг следует считать вариантами заглавия.

Недоумение, которое может возникнуть у специалистов, знающих о существовании в древнерусской книжности сборника, обладающего устойчивым составом статей под названием «Маргарит»²⁰ (что в переводе с греческого и означает *жемчуг*, *жемчужина*), снимается указаниями индексов. Так, Требник 1504 г. (ГПБ, Соловецкое собр., № 1085/1194), перечисляя истинные «не ложные книги», после Златой матицы называет «Глубину», «Бисер», «Кринуцу», «Маргарит», «Жемчуг», — т. е. мы видим, что рядом стоят греческое слово *маргарит* и его славянские эквиваленты — *жемчуг*, *бисер*. Последние, очевидно, употреблялись как пояснение-метафора не только к Златой матице, но и к другим названиям книг в индексах.

Сомнения в том, что «едва ли была какая-либо особая книга, которая бы носила определенное имя жемчуг», высказывал В. М. Истрин.²¹ Эта мысль вполне подтверждается данными каталогов-описей рукописных собраний, в которых до конца XVI в. не зафиксировано памятников с таким названием. В этой связи мы разделяем также достаточно хорошо аргументированное мнение А. Карнеева, рецензировавшего работу В. М. Истрина, что не только «Жемчуг», но и «Бисер» и «Глубина» являются в индексах «или простою глоссой к наименованию „Златая матица“, или повторным упоминанием того же сборника под параллельными, одинаково употребительными названиями».²²

2. Состав Златой матицы.

Прежде всего отметим, что по известным нам спискам не представляется возможным выделить устойчивый состав статей²³ — описать модель изучае-

¹⁸ ТОДРЛ. Л., 1984. Т. 39. С. 259, 267.

¹⁹ Тезисы доклада В. М. Истрина «Златая матица и Толковая палея» // Древности: Тр. Славянской комиссии Московского археологического общества. М., 1902. Т. 3. С. 2.

²⁰ См.: Черторицкая Т. В. Маргарит // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 258—260.

²¹ Истрин В. М. Замечания о составе. . . С. 480.

²² Карнеев А. К вопросу о взаимных отношениях Толковой палеи и Златой матицы // ЖМНП. 1900. Февр., ч. 327. С. 365.

²³ Это понятие ввела Е. И. Демина. По ее определению, устойчивый состав статей — это «характерная для ряда сборников совокупность статей, выделенная

мого сборника, а именно это и является одним из главных условий научной характеристики любого типа древнерусской книги. Несмотря на то что в ЗМ—НСРК и ЗМ—Погод. есть общие сочинения, состав этих сборников различен — разнятся они и по структуре, определяемой календарной закрепленностью и незакрепленностью статей, и по подбору сочинений, и по их жанрам и т. д. По сути дела речь идет о двух разных сборниках, которые мы объединили по их одинаковому названию в одну (I) группу источников, но в тексте статьи мы вынуждены рассматривать каждый из этих сборников в отдельности.

Список ЗМ—НСРК состоит из 80 сочинений, среди которых 36 приурочены к праздничным церковным датам солнечного календаря (это сочинения так называемого минейного цикла), 19 посвящены постным дням и пасхе, т. е. ориентированы на лунный календарь (сочинения триодного цикла), остальные чтения не соотношены с календарем.

Следует отметить, что список ЗМ—НСРК имеет заглавие, почти дословно совпадающее с заглавием списка ЗМ—Погод.: «Сия книги (Погод. — книга²⁴) имѣнуются (Погод. — *имѣнуется*) четьи (Погод. — нет) жемчуг (Погод. — *женчуг*) и матица златая, сказается (Погод. — *сказание*) от книжных (Погод. — *о книжных*) вѣщи». Сборник открывается предисловием, в котором восхваляется книга и книжная мудрость и обличаются «нынешние» лжепророки и лжеучителя, защищающие «лихоименное богатство». Упоминаются также «не разумеюще исправления книжных, яко же и еретици многи почитавше книги, а разума добра не имеша». Текст этого сочинения с дополнениями и некоторыми разночтениями повторен ниже, в 65-м слове Матицы с заглавием «Слово некоего х(рист)ол(ю)бца к д(у)х(о)вным братома, истолковано мудрость. . .». Основной литературный пласт ЗМ—НСРК составляют торжественные слова, посвященные «двунадесятым» и большим церковным праздникам, а также переводная и отчасти оригинальная древнерусская агиография, в которой ведущее место занимают жития-энкомии.²⁵

Дидактические гом依ии на Великий пост и недели подготовки к нему, несколько торжественных (эпидеяктических) слов, прославляющих события «цветной», «страстной» недели и праздника пасхи, составили триодный цикл сочинений ЗМ—НСРК.

Тематика триодных и минейных произведений сборника регламентирована церковным календарем, который, впрочем, в составе ЗМ—НСРК не отличается полнотой и правильной последовательностью (см. Прилож. 1).

Сочинения, свободные от календарной заданности, не образуют в ЗМ—НСРК самостоятельной группы, они рассредоточены по всему сборнику и для читателя представляют большой интерес широтой тематики и многообразием жанровых форм. Сочинения о «почитании книжном», моралистические («. . . яко не подобает веры яти оклеветаяющим»), («. . . о злых женах»), («. . . о воздержании языка»), церковная дидактика, преследующая цели исправления конкретных пороков («. . . о глаголющих в церкви»), наставления прихожанам («. . . како чтити иерея»), нравоучительные новеллы («Сказание. . . чего ради оставляют роды и дома своя и жены и дети, взявши крест идут вослед господа. . .»), рассказы из истории христианства («Слово о распятии. . .»), «Слово, како осуди Марфа Пилата пред царем кесарем»), сочинения космологические («Слово о небесных силах, что ради создан

путем их сопоставления и отнюдь не обязательно связываемая с существованием конкретной рукописи именно с данным составом, хотя такая связь и возможна» (Тихомировский Дамаскин: Болгарский памятник XVII в. София, 1968. Ч. 1. С. 38).

²⁴ Форма множественного числа «книги» в списке ЗМ—НСРК более древняя, чем «книга» в Погодинской рукописи. Как известно (Карский и Е. Ф. Славянская Кирилловская палеография. Л., 1928. С. 111—112), впервые в единственном числе «книга» употреблена в приписке в Тактикону 1397 г. и в лицевой киевской Псалтыри того же года.

²⁵ Попова Т. В. Античная биография и византийская агиография // Античность и Византия. М., 1975. С. 222.

бысть человек») и близкие к ним по тематике («Слово о недели. . .»), христианская лирика и эсхатология («. . . о умилении души, како пришла на покаяние», «. . . о спасении души и о покаянии и о страшном суде», «Пророчество Исаио. . .»), полемические, обличительные слова, направленные против остатков язычества («Слово. . . о том, како первое погании суще языци кланялися идолом и требы им клали, иже и ныне то творят»), — таков тематический диапазон некалендарных сочинений ЗМ—НСРК.

Кроме того, заметим, что среди этих произведений (равно как и среди календарных) видное место занимают апокрифы, в основном новозаветные. Их тематическая и художественная специфика, особенности подбора в составе сборников, называемых Златой матицей, на наш взгляд, должны послужить предметом специального научного исследования.

Сборник ЗМ—Погод. гораздо более объемный по составу, чем ЗМ—НСРК. Он включает 239 сочинений, причем только 10 из них не имеют календарной приуроченности. За основу в организации литературного материала в ЗМ—Погод. древнерусский книжник взял структурный принцип триодных четых сборников. Как и ЗМ—НСРК, Матица Погодинского собрания начинается предисловием о пользе чтения книг, однако здесь эта прамбула к сборнику в целом назначена для произнесения (прочтения) в понедельник сыропустной недели. Составитель сборника приурочивает произведения, которые он счел нужным включить в исследуемый нами список, к четвертой (последней) неделе перед началом Великого поста и далее, пропуская большую часть «постных» дней, — к воскресным и будним дням «цветной» недели, начиная со среды, и последовательно до Пасхи, «недели всех святых» и на воскресные дни до 22 недели после «недели всех святых» включительно.

Со 154 слова в сборнике следуют минейные чтения, но и их расположение повторяет структуру триодной части ЗМ—Погод. — по неделям, воскресным и будним дням. Только отправной точкой здесь служат сначала праздник Рождества Христова, потом Богоявления (например: в первую неделю по Богоявлению, в понедельник первой недели по Богоявлению и т. д.). Календарную приуроченность в составе ЗМ—Погод. получают даже те сочинения, которые в других сборниках, как правило, ее не имеют, например чтения Киево-Печерского патерика оказались закрепленными за неделями 11—22 после «недели всех святых». А сочинения, имеющие исконно минейную приуроченность, в ЗМ—Погод. могут быть несколько передатированы. Так случилось с чтениями на память Андрея Римского (Юродивого): в Минеях и Прологах они помещаются под 2—3 октября, а в ЗМ—Погод. в заголовках этих чтений имеются указания: «. . . в неделю 11 (12, 13, 14) по всех святых». Повесть о Варлааме и Иоасафе (память 19 ноября) в ЗМ—Погод. разбивается на отдельные чтения и приурочивается к четвергу сыропустной недели, 18-й, 20-й недели «по всех святых» и к четвергу «по Богоявлению» и т. д.

В отличие от ЗМ—НСРК, в календаре Погодинского списка практически не представлены праздники неподвижного (солнечного) круга, поэтому и произведения, составившие, как говорилось выше, литературную основу ЗМ—НСРК, здесь отсутствуют. Среди минейных чтений мы можем выделить только одно сочинение, общее для НСРК и Погод., — это «Слово новос(вя)тую м(у)ч(е)нику князя Михаила Черниговского и Феодора, болярина его», вошедшее также в Пролог под 20 сентября.

Гораздо больше совпадений между двумя списками Златой матицы в пределах триодного круга — восемь сочинений. Но при этом полностью по названию, авторству и календарной приуроченности совпадает только одно — торжественное Слово Григория Антиохийского «в великую субботу» (см. слова 44-НСРК; 31-Погод.²⁶). Остальные отличаются по назва-

²⁶ Здесь и далее цифры обозначают номера Слов соответственно в сборниках ЗМ—НСРК (см. Прилож. 1) и ЗМ—Погод. (см.: И с т р и н В. М. Замечания о составе. . . С. 491—506).

нию и календарной дате (Слово Иоанна Златоуста, начинающееся со слов «Лепо с разумом. . .», в ЗМ—НСРК приурочено к субботе мясопустной, в ЗМ—Погод. — к субботе пятидесятной; см. 29; 58); по определению автора: «Похвала о четверодневном Лазаре» в ЗМ—НСРК надписана именем св. Климента, в ЗМ—Погод. — именем Иоанна Златоуста (см. 40; 17); Слово Иоанна Златоуста на Пасху в ЗМ—НСРК безымянно (45; 52); известное Слово Кирилла Туровского «В неделю цветную» в ЗМ—НСРК приписано Иоанну Златоусту (41; 19, см. также 43; 27). Два Слова «О недели» (46 и 47) в ЗМ—НСРК не имеют календарной приуроченности, а в ЗМ—Погод. их предписано читать в 3-ю и в 6-ю недели «по неделе всех святых» (77; 83).

И еще два общих Слова отметим в наших сборниках: «Слово о умилении души. . .» Иоанна Златоуста (19; 199) и «Пророчество Исайино. . .» (76; 188). В надписании этих статей в ЗМ—Погод. указано, что читать их следует соответственно в пятницу третьей недели «по Богоявлению» и в четверг второй недели «по Богоявлению».

Таким образом, мы видим, что даже эти общие для ЗМ—НСРК и ЗМ—Погод. статьи не позволяют говорить о едином источнике этих двух сборников, их генетической и литературной взаимосвязи.

Есть между списками Златой матицы сходство в тематическом и жанровом подборе сочинений: «о небесных силах», «на немилостливых князях», новозаветные и ветхозаветные апокрифы, Слова о «пользе душевной» и т. д., но и эта общность не дает основания генетически объединять эти два списка Златой матицы, так как нравственно-учительная, историческая, космологическая тематика была характерна для многих четких сборников Древней Руси.²⁷

3. Происхождение анализируемых списков Златой матицы.

Изучение ЗМ—НСРК позволяет связать происхождение этого сборника с псковской местной книжной традицией XV в. Тот факт, что рукопись ЗМ—НСРК в XVII в. принадлежала Псковскому Елеазарову монастырю (описание рукописи см. в Прилож. 1), еще мало о чем говорит, однако в пользу псковского происхождения ЗМ—НСРК свидетельствуют также некоторые данные оформления,²⁸ языка²⁹ и содержания рукописи.

Хотя в ЗМ—НСРК нет специфически псковского литературного материала, однако анализ «Слова святого Григория изобретено в толцех его о том, како первое погании суще языци кланялися идолом и требы им клали, иже и ныне то творять» (л. 145—148 об.) позволяет с еще большей уверенностью говорить о псковском происхождении сборника. Литературная история этого обличения языческих обрядов была исследована Н. Гальковским,³⁰ который отметил, что наряду с обычным текстом Слова Григория существует его Особая редакция в сборнике ГИМ, Чудовское собр., № 270. В ЗМ содержится именно эта редакция. Эта Особая редакция, или, точнее, компиляция, использует текст известного Н. Гальковскому

²⁷ См.: Четыре сборники Древней Руси // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 236—273.

²⁸ Так, например, заставка тератологического стиля в этой рукописи второй половины XV в. не выглядит столь явным анахронизмом именно во Пскове, где тератология удерживала свои позиции дольше, чем в других регионах, а изображение человеческого лица в анфас, вписанное в инициал «Б», является характерной чертой псковских рукописей (вместо новгородского остроногого лица в профиль). См.: И л ь и н а Т. В. Декоративное оформление древнерусских книг: Новгород и Псков. XII—XV вв. Л., 1978. С. 79—85.

²⁹ Анализ языка ЗМ—НСРК позволяет говорить о наличии в нем особенностей псковского диалекта XV в., таких как мена З и Ж («вончюгъ», л. 44), Ц и Ч («притца», л. 279 об.; «зерчало», л. 142; «цѣм», л. 148; «языцень», л. 143; «колча», л. 148); отверждение Р («фружьскыя», л. 145 об.); смешение Е и А, Я, Ѧ («устряча», л. 147 об.; «отсюде», л. 220; «кленуци», л. 142); падение редуцированных в сильной позиции («скровищъ», л. 3) и т. д. См.: К а р и н с к и й Н. М. Язык Пскова и его области в XV в. СПб., 1909.

³⁰ Г а л ь к о в с к и й Н. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси // Зап. Имп. Моск. археол. ин-та. 1913. Т. 18. С. 17—35.

также в одном списке слова Иоанна Златоуста о том, «как первое погании веровали в идолы» (ГПБ, Софийское собр., № 1262, конец XIV—начало XV в.). Помимо добавлений из этого источника, компилятор распространяет Слово Григория еще личными вставками. Для нас здесь важно, что оба сборника — и Чудовский № 270, и Софийский № 1262 — были отнесены Н. Каринским к числу наиболее полно отразивших псковские диалектные особенности XV в. Итак, только в псковской рукописи сохранился текст, который использовал компилятор, и сама компиляция до сих пор была известна только по псковской рукописи. Думается, ее создание следует отнести к Пскову XV в., что, в свою очередь, помогает нам в решении вопроса о происхождении ЗМ—НСРК. Вывод о псковском происхождении Особой редакции Слова Григория особенно важен, так как описания языческих обрядов и суеверий, принадлежащие компилятору, получают территориально-хронологическую привязку, что расширяет возможности их этнографической и историко-литературной интерпретации.

Наконец, очень осторожно и со многими оговорками выскажем одно предположение: не могло ли создание ЗМ в этом варианте быть связанным с литературной и книгописной деятельностью Псковского Елеазарова монастыря? Монастырь этот, как известно, был основан Елеазаром, в иночестве Ефросином, в первой половине XV в. Согласно первоначальной редакции Жития Ефросина, даже враги его «слышаху о нем и ведяху паче зело, яко. . . силен книгами». ³¹ Ефросин ездил в Константинополь за разрешением вопроса о сугубой аллилуйе, составил монастырский устав и духовное завещание. Он также, вероятно, автор нескольких посланий. ³² Еще при его жизни (умер в 1481 г.) в монастыре были переписаны Слова постнические Исаака Сирина: «В лето 6980 (1472) списана бысть. . . рукою многогрешного Игнатия инока повелением господина старца Ефросина. . .» ³³ (ГБЛ, собр. Пискарева, № 59). О существовании в Елеазаровском монастыре библиотеки в начале XVI в. свидетельствует приписка на сборнике слов Григория Богослова 1514 г. ³⁴ (ГИМ, собр. Царского, № 40), в которой упоминается книгохранитель Осаф. В это время литературные традиции монастыря развивают игумен Памфил, автор поучения против языческого празднования купальской ночи (не позже 1505 г.), кстати, перекликающегося со Словом Григория, а также старец Филофей. ³⁵

Можно поставить вопрос: не связано ли обличение богатства и его защитников в предисловии к ЗМ—НСРК с борьбой Ефросина за отказ от иноческих «вкладов» в монастырь, отразившейся в его уставе и в первой редакции Жития? ³⁶ Не является ли выпад автора предисловия против «не разумеющих исправлений книжных, много читавших, а разума не имевших» отголоском «псковских споров», ³⁷ борьбы Ефросина с Иовом Столпом и его сторонниками по вопросу о сугубой аллилуйе? Возможно, дальнейшая работа по изучению ЗМ позволит наметить пути решения и этих проблем.

По поводу происхождения списка ЗМ—Погод. мы, к сожалению, не можем сказать ничего определенного.

³¹ Серебрянский Н. И. Житие преп. Ефросина Псковского: первоначальная редакция. СПб., 1909. С. 22.

³² Серебрянский Н. И. Очерки по истории монастырской жизни в псковской земле. М., 1908. С. 240—310.

³³ Викторов А. Е. Каталог славяно-русских рукописей Д. В. Пискарева. М., 1871. С. 13.

³⁴ Строев П. Рукописи славянские и российские, принадлежащие И. Н. Царскому. М., 1848. С. 16.

³⁵ См.: Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания: Историко-литературное исследование. Киев, 1901; Охотникова В. И. Памфил // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 144—145.

³⁶ Серебрянский Н. И. Очерки по истории. . . С. 285—287, 301—303.

³⁷ Ключевский В. О. Псковские споры // Ключевский В. О. Соч.: В 8-ми т. М., 1959. Т. 7. С. 33—105.

Итак, как было показано выше, по составу между двумя списками ЗМ I группы оказывается очень мало общих черт. Поэтому, чтобы определить идейную и художественную специфику сборников под названием «Златая матица», следует рассмотреть их на фоне рукописной книжности XV—XVI вв., сопоставить изучаемые списки с уже известными типами древнерусской четвьей книги.

4. Отношение Златой матицы к древнерусским четвьим сборникам, обладающим устойчивым составом статей и имеющим определенное типологическое название.

Для сопоставления мы возьмем Златоуст, Златую цепь, Измарагд, Киево-Печерский патерик, Пролог, Толковую палею, Торжественник — т. е. все типы четвьей книги,³⁸ распространенные на Руси в исследуемый период и имеющие хотя бы несколько общих черт со списками Златой матицы.

ЗМ—НСРК и Торжественник общий обнаруживают самую тесную связь между собой, и именно поэтому мы и начнем сопоставления с данного типа сборника. Из 36 сочинений, приуроченных в ЗМ—НСРК к минейному циклу, 10 Слов входят в устойчивый состав статей как 1-й, так и 2-й редакций минейного Торжественника (№ 11, 52, 56, 60, 62—64, 77, 79, 80), 18 Слов — только 2-й редакции (№ 2—6, 8—10, 12, 13, 15, 57—59, 61, 66, 67, 70) и 3 Слова — только 1-й редакции (№ 20, 69, 78). Таким образом, 28 из 36 минейных сочинений ЗМ—НСРК (№ 2—6, 8—13, 15, 52, 56—64, 66, 67, 70, 77, 79, 80) находят соответствие в устойчивом составе статей 2-й редакции минейного Торжественника, созданной в XV в.³⁹ Отличия между этими сочинениями в том, что в ЗМ—НСРК в заглавии некоторых Слов не указывается имени автора, в то время как в Торжественнике они надписаны именами Архипа Пустынножителя (3), Иакова (4), Андрея Критского (5), Климента Охридского (11), Германа Константинопольского (13), Иоанна Златоуста (52, 56), Софрония Иерусалимского (66), Иоанна Богослова (80). Есть некоторая вариативность и в приурочении сочинений к определенным календарным датам: так, например, Слово 20 ЗМ—НСРК безымянно и стоит без обозначения даты, а в Торжественнике оно приурочивается к 27 января и приписывается Козьме Вестиктору.

По нашим наблюдениям, 13 из 19 сочинений триодного цикла в составе ЗМ—НСРК также непосредственно связаны с Торжественником: сочинения 21, 30, 36, 40, 45 вошли в устойчивый состав статей триодного Торжественника 1-й и 2-й редакции, сочинения 32, 33, 34, 38, 39, 43, 44 — в модель триодного Торжественника 2-й редакции, Слово 41 — в модель 1-й редакции.

Таким образом, сравнительный анализ состава ЗМ—НСРК и общего Торжественника убеждает в том, что чтения минейного и триодного круга общего Торжественника 2-й редакции являются одной из важных составных частей древнейшего из известных нам списков Златой матицы.

Сравнение ЗМ—НСРК со сборниками Измарагд и Пролог показывает, что они тоже имеют общие черты. Тематическая и текстуальная близость этих сборников касается прежде всего тех чтений, которые не закреплены в ЗМ—НСРК за определенными календарными датами. Это утверждение в отношении Пролога и ЗМ—НСРК будет верно и для некоторых календарных чтений.

С устойчивым составом статей Измарагда⁴⁰ совпадают следующие

³⁸ За исключением Великих Миней-Четвьих, вобравших в себя многообразный повествовательный и гомилетический материал Древней Руси.

³⁹ См.: Черторицкая Т. В. 1) К вопросу о литературной истории древнерусского минейного Торжественника // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982. С. 18—19; 2) Торжественник из собрания ИИФиФ: (Опыт описания сборника постоянного состава) // Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск, 1977. С. 168—183.

⁴⁰ Благодарим Б. М. Пудалова за любезное предоставление постатейной росписи сборника Измарагд.

статьи из ЗМ—НСРК: № 16 (45 — по росписи Измарагда), 17 (46), 18 (56), 46 (138), 47 (139), 72 (125), 76 (161).

Общими для названных сборников являются следующие темы: «о почитании книжном» (1, 65 ЗМ—НСРК; 1—5, 164 Измарагда, Пролог под 16 сент., 4 февр.⁴¹), «о небесных силах и о твари божией» (48 ЗМ—НСРК; 68, 163 Измарагда, Пролог под 17 марта), «о покаянии» (19, 51 ЗМ—НСРК; 30, 77, 78, 85, 111, 136 Измарагда, Пролог под 5 сент., 1 апр.), «о злых женах» (22 ЗМ—НСРК; 26, 51—52 Измарагда), «о воздержании языка» (23 ЗМ—НСРК, Пролог под 15 дек.) и т. д.

Сопоставления Златой матицы Погодинского собр. ГПБ с другими четырьмя книгами, как уже отмечалось, было начато В. М. Истриным.⁴² Мы остановимся на некоторых выводах его работы и продолжим ряд типологических параллелей.

Сходство ЗМ—Погод. и Толковой палеи, по верному замечанию В. М. Истрина, ограничивается так называемыми «статьями о природе» — сочинениями естественно-научного характера. И мы вполне согласны с тем, что мнение, будто «физиологические сведения Златой матицы заимствованы из Толковой палеи, должно быть оставлено».⁴³ Действительно, непосредственной связи между этими двумя сборниками не прослеживается, что также подтверждает исследование, проведенное А. Карневым в статье «К вопросу о взаимных отношениях Толковой палеи и Златой матицы».⁴⁴ «Златая матица есть памятник, однородный со Златоустом, но возникший независимо от него», — к такому выводу пришел В. М. Истрин,⁴⁵ сопоставляя Погодинский список Матицы со сборником Златоуст. Изучение состава ЗМ—Погод. показало, что в пределах круга триодных чтений можно говорить о достаточно большом сходстве Златоуста годового, триодного Торжественника и ЗМ—Погод. Постараемся доказать это, опираясь на современные исследования древнерусских четых сборников.

Известно, что одна из разновидностей древнерусских Златоустов — Златоуст годовой — состоит из статей, приуроченных к определенным дням триодного цикла от недели «мытаря и фарисея» до 36-й недели после недели «всех святых».⁴⁶ Статьи триодного Торжественника расположены по порядку недель лунного календаря — от недели «мытаря и фарисея» до недели «всех святых».⁴⁷ 151 слово в составе ЗМ—Погод. имеет приуроченность от недели «сыропустной» и до 22-й недели после «всех святых». Таким образом, календарь ЗМ—Погод. является частью календаря годового Златоуста и несколько выходит за пределы календаря триодного Торжественника, поэтому сравнительный анализ этих сборников мы будем проводить в рамках пятидесятиного (до недели «всех святых») и годового (до 22-й недели после «всех святых») триодного цикла.

В состав ЗМ—Погод. вошло 32 сочинения из тех, что есть и в устойчивом составе статей Златоуста:⁴⁸ 18 слов до недели «пятидесятиной» (в неделю 2-ю поста, среду—пятницу, воскресенье «цветной» недели, понедельник—пятницу, воскресенье «страстной» недели, «недели 2 по Пасхе», среду 4-й недели, воскресенье 5-й недели по Пасхе, в субботу и воскресенье «пятидесятницы») и 14 сочинений после «недели всех святых» (недели 2—8-я, 14-я, 15-я).

⁴¹ Сопоставления проводились по Прологу в издании 1685 г.

⁴² Истрин В. М. Замечания о составе Толковой палеи. . . С. 491—511.

⁴³ Тезисы доклада В. М. Истрина «Златая матица и Толковая палея» // Древности: Тр. Славян. комиссии Моск. археол. о-ва. М., 1902. Т. 3. С. 2.

⁴⁴ ЖМНП. 1900. Февр., ч. 327. С. 335—366.

⁴⁵ Истрин В. М. О составе Толковой палеи. . . С. 510.

⁴⁶ Творогов О. В., Черторицкая Т. В. Златоуст // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 246.

⁴⁷ Черторицкая Т. В. Торжественник // ТОДРЛ. Т. 39. С. 271.

⁴⁸ См.: Творогов О. В. Описание и классификация списков сборника «Златоуст» // ТОДРЛ. Т. 39. С. 280—284.

24 сочинения, читаемые в ЗМ—Погод., входят в устойчивый состав статей триодного Торжественника 1-й редакции⁴⁹ (во вторник и пятницу «страстной» недели, 8 слов на Пасху, на Антипасху, в неделю Фомины, мироносиц, «расслабленного», в среду 4-й недели по Пасхе, в неделю «о слепом», 3 слова на Вознесение, в неделю «святых отец» и 3 слова в неделю «пятидесятницы»).

Общими для устойчивого состава статей сборников Златоуст, триодный Торжественник 2-й редакции и ЗМ—Погод. оказались 9 статей: Иоанна Златоуста. Похвала о четверодневном Лазаре. Нач.: «Христова воскресения. . .»; Кирилла Туровского. В неделю цветную. Нач.: «Велика и ветха сокровища. . .»; Григория Антиохийского. В великую субботу. Нач.: «Что се безмолвие на земли. . .»; Иоанна Златоуста. На Пасху. Нач.: «Воста в третий день Господь наш. . .»; Иоанна Златоуста. На Антипасху. Нач.: «Господа нашего Иисуса Христа. . .»; Иоанна Златоуста. О расслабленном. Нач.: «Человеколюбец благии, господь наш. . .»; Иоанна Златоуста. О самаряныне. Нач.: «Не чудеса токмо господь, но учением. . .»; О соборе святых отец. Нач.: «Днесь память отец чтется. . .»; Иоанна Златоуста. На память всех святых. Нач.: «Отнележе пятдесятницу. . .».

Таким образом, 51 сочинение из 71, приуроченного в ЗМ—Погод. к неделям от «сыропустной» до «пятидесятной», получили широкое распространение в древнерусской книжности в составе Златоустов и Торжественников. Остальные сочинения этого круга также не являются достоянием только ЗМ—Погод. — их можно встретить в составе Измарагда, Пролога, Златой цепи I типа.⁵⁰

Златоуст годовой остается для составителя ЗМ—Погод. одним из главных источников при подборе сочинений и для недель второй половины триодного круга. Как уже отмечалось, общими для этих сборников явились 14 сочинений. Кроме того, календарю Златоуста древнерусский книжник следует и в расположении поучений ЗМ—Погод. до 22-й недели после «недели всех святых».

Другой источник — Киево-Печерский патерик. Патериковые чтения разбиты на 25 глав и приурочены к воскресным дням 8-й, 11-й—22-й недель после «недели всех святых». В. М. Истрин считает, что составитель ЗМ—Погод. пользовался так называемой Феодосиевской редакцией Киево-Печерского патерика начала XV в.⁵¹ На этом основании ученый высказывает предположение, что и Златая матица Погодинского собр. могла быть создана не ранее этого времени, а скорее всего — в первой половине XV в.

Все остальные чтения в ЗМ—Погод. как триодной, так и минейной приуроченности, вероятнее всего, были заимствованы непосредственно из Пролога. Об этом свидетельствуют тематическая широта назиданий, проложная форма, в которую облечены жития ЗМ—Погод., информационный стиль повествования и т. д. Практически все сочинения ЗМ—Погод., не отмеченные нами в близких исследуемому списку сборниках, не вошедшие в устойчивый состав статей Златоуста и триодного Торжественника (а частично и вошедшие), есть в рукописных Прологах XV—XVI вв.⁵² И уже через Пролог ЗМ—Погод. поддерживает родственные

⁴⁹ Черторицкая Т. В. Торжественник из собрания ИИФиФ. . . С. 162—198.

⁵⁰ Благодарим М. С. Крутову за любезное предоставление постатейной росписи сборника «Златая цепь» в трех его разновидностях. См. также: Крутова М. С., Невзорова Н. Н. Златая цепь // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1. С. 184—187.

⁵¹ Истрин В. М. Замечания о составе Толковой палеи. . . С. 508.

⁵² См.: Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1885. Ч. 2. С. 207—226; Славяно-русский Пролог // Памятники древнерусской церковно-учительной литературы / Под ред. А. И. Пономарева. СПб., 1896. Вып. 2, 4.

связи с переводными Патериками, византийскими и южнославянскими патристическими сборниками, паренесисом и т. д.⁵³

Наиболее ранние списки Златой матицы, проанализированные нами, относятся ко второй половине XV и началу XVI в. Эта датировка оказывается важной и для понимания состава сборников. Вспомним, что XIV—XV вв. — время, когда переводятся, возникают разные по составу сборники Уставных чтений,⁵⁴ интенсивно пополняются новым, зачастую оригинальным литературным материалом сборники, появившиеся на Руси ранее, и переводные «гомилярии». Идет процесс идейного и литературного оформления нескольких типов древнерусской четьей книги. Если судить по числу списков, сохранившихся до наших дней, то нужно признать, что наиболее популярными в этот период являются сборники Пролог, Измарагд, Златоуст,⁵⁵ Торжественник и несколько позднее (с XV—начала XVI в.) — Златоуст.

Составители ЗМ—НСРК и ЗМ—Погод., выполняя, вероятно, определенный заказ и преследуя дидактические и просветительские цели, обращаются к разным литературным источникам, но, впрочем, как мы видели, только к тем, которые к середине XV—началу XVI в. уже получили свою типологическую завершенность. Для книжника, составившего ЗМ—НСРК, такими источниками были минейный и триодный Торжественник, в меньшей степени — Измарагд и Пролог, для редактора ЗМ—Погод. — Златоуст, триодный Торжественник 1-й редакции, Пролог и Киево-Печерский патерик (вероятно, еще Златая цепь, Златоуст, Измарагд). В результате появляются интересные и разнообразные по содержанию и художественным особенностям памятники, с красочным названием, отражающим стремление средневекового книжника заглянуть в глубь вещей, попытаться найти образ вечного в земном, показать значение мудрости для человека.

Сборники эти мы условно можем назвать «авторскими» — выполненными, вероятно, для определенного лица или отражающими вкусы, интересы какой-либо определенной группы. В этом смысле оба списка ЗМ I группы могут быть сопоставимы, например, с Изборниками Святослава, также включающими произведения разных авторов, но не имевшими в русской письменности развития именно как тип книги. Этой же перспективы уже изначально, при своем появлении, не имели и списки Златой матицы. Матица оказалась вторичной по отношению к перечисленным выше четьим сборникам Древней Руси и не несла по сравнению с ними никакой самостоятельной смысловой и художественной нагрузки. Типологическая невыраженность Златой матицы и постепенное исчезновение самого этого названия из литературного обихода — процесс взаимообусловленный. Название «Златая матица» в рукописной традиции XVI—XIX вв. уже не применяется к сборнику в целом; оно становится «блуждающим» дежурным названием для обозначения вообще душеполезного чтения неизвестного или же авторитетного для составителя сборника происхождения.

Что касается источников, которые мы объединили во II группу, то они не менее различны между собой по составу, чем сборники I группы.

ГПБ-798 начинается отрывком из жития Василия Нового, житием Варлаама Хутынского с похвальным словом и чудесами. Заголовок «Сия книга нарицается жемчужная Матица» относится, очевидно, к циклу чтений, который идет после житийного начала сборника. Первое из этих

⁵³ Петров Н. И. О происхождении и составе славяно-русского печатного Пролога. Киев, 1875.

⁵⁴ Черторицкая Т. В. Уставные чтения // ТОДРЛ. Т. 39. С. 237—238; см. также разделы: Златоуст, Измарагд, Лествица, Маргарит, Пролог 2-й ред. (с. 264—265), Торжественник.

⁵⁵ Сочинения Златоусту использовались при составлении Златоуста и триодного Торжественника (см.: Фомина М. С. Златоуст // ТОДРЛ. Т. 39. С. 245); некоторые из них вошли в состав ЗМ—НСРК и ЗМ—Погод.

чтений — «Слово о покаянии душеполезном» — единственное в составе ГПБ-798, не имеющее календарной привязки. Остальные 18 сочинений — минейные. По составу статей ГПБ-798 является неполным минейным Торжественником 2-й редакции или, если говорить более осторожно, сборником, состоящим из чтений, совпадающих с минейным Торжественником 2-й редакции (12 сочинений ГПБ-798 есть в устойчивом составе статей минейного Торжественника 2-й редакции, 3 слова характерны для устойчивого состава статей минейного Торжественника обеих редакций).

Погод.-1615 — сборник некалендарный; по составу его, вероятно, правильно будет определить как энциклопедический. Тематический подбор статей в нем несколько напоминает ЗМ—Погод. (есть общие сочинения назидательно-морального плана, апокрифические и так называемые космологические), но в равной степени он оказывается близок и к другим сборникам непостоянного состава, которых так много в рукописной книжности XVI—XVII вв. В Погод.-1615 включены дидактические сочинения, обращенные к самым разным кругам и затрагивающие различные темы («Стословец» Геннадия Константинопольского, дидактические сочинения Григория Богослова и Иоанна Златоуста, «Слово о величании властей», несколько наставлений монахам и духовенству и т. д.), толкования ветхозаветных и новозаветных текстов, сочинения о «сотворении мира», Алфавит «истолкованныя святыми отцы. . .», широко представлен и русский исторический материал («О шапке Мономахове», Грамота князя Андрея Курбского, отрывок посольства в Царьград Андрея Ищеина и дьяка Василья Белогуза в 1577 г., о сыновьях Ивана III и т. д.); весьма интересен в этом сборнике и подбор апокрифического материала.

Запись писца о том, что эта книга «нарицается жемчужная Матица», появляется совершенно неожиданно для читателя (на л. 108—109 после слова Иоанна Златоуста «о втором пришествии»), и непонятно, к каким именно сочинениям в составе Погод.-1615 она должна относиться.

Источники, которые мы объединили в III группу, представляют собой по сути дела фрагменты произведений, имеют характер различных выписок (см. Прилож. 3—4). Название «Златая матица» используется здесь для указания на авторитетность, истинность подлинника, оригинала, т. е. *матицы*,⁵⁶ из которой делались выписки.

Подводя итоги изучения состава сборников с заголовками «Златая матица», следует признать, что типологически такие сборники не выделяются в истории древнерусской книги. Название «Златая матица» было в употреблении для обозначения «душеполезных» сборников наряду с другими названиями: «Жемчуг», «Бисер», «Глубина», т. е. теми, которые донесли до нас древнерусские индексы.

Два крупных сборника, озаглавленных «Златая матица» (ЗМ—НСРК и ЗМ—Погод.), складываются во второй половине XV в. практически независимо друг от друга, но их схожесть, помимо одинакового заглавия, заключается в самой идее создания «авторского» сборника на основе существующих типов книги. В последующие века «Златой матицей» называют отдельные главы или выписки в составе сборников, не сопоставимые по масштабу с ЗМ—НСРК и ЗМ—Погод.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

ЗЛАТАЯ МАТИЦА. ГПБ, ф. № 905 (НСРК), 1946, № 35/2 F, XV в. (конец 70-х гг.), 1° (26×18,5 см), 363+1 л. Полуустав, в два столбца, нескольких почерков.
Водяные знаки. 1) *Ключи* — типа Лихачев, Вод. зн. № 1146—1148 (1477 г.); 2) *Папа римский* — типа Лихачев, Вод. зн. № 2961 (1471 г.); 3) *Голова быка*, 4 вари-

⁵⁶ «Встарь матицею звали подлинник грамоты, оригинал чего-либо, родивший снимки и прогивии» (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб.; М., 1881. Т. 2. С. 308). Ср. в «Повести о везездной кончине государя Михаила Федоровича» (1647 г.): «Возметь. . . самую матицу, книгу Библѣю» (Голоубцов в А. Памятники прений о вере // ЧОИДР. 1892. Кн. 2. С. 16.).

анта: а) типа Пикар «Бык», IX 304—305 (1473—1481 гг.), б) Пикар «Бык», IX 33f (1477 гг.), в) Пикар «Бык», VII 484 (1475 гг.), г) Пикар «Бык», VII 481 (1475—1477 гг.); 4) *Буква Р» готическая*, 2 варианта: а) типа Брике, № 8660 (1474—1481 гг.), б) типа Брике, № 8621 (1477—1480 гг.); 5) *Серп* — Брике, № 6150 (1478 г.). Таким образом, даты всех знаков располагаются в хронологических границах 1471—1482 гг., а наиболее точно совпадающих знаков — 1475—1478 гг.

Украшения. На л. 1 об. — киноварная заставка тератологического стиля, киноварные заголовки, тонкие и орнаментированные киноварные инициалы. На л. 167 об. — орнаментированный инициал «Б» с вписанным в него лицом в анфас.

Записи. На л. 1 — полууставом, тем же почерком, что и оглавление (XV—XVI вв.): «А главы на книгѣ писаны на пѣди от доске застѣжной. А всѣх в нѣи главъ числом 80»; скорописью XVII в.: «Сия книга Ел . . . м(о)н(а)ст(ы)ря»; «Сия книга Елизарова м(о)н(астыря)»; скорописью XVIII в.: «Сия вручена книга от дерпска . . . с(вя)щенника Павла Тимоф. . . рижскому купцу Гурию Ио. . . за цену вове апреля 19. . . 1740». По л. 257—313 скрепа скорописью XVII в.: «Сия книга Елизарова монастыря именуется четыи жемчугъ и матица златая, сказание от книжныхъ вещей, а подписал Елизарова манастиря игумен Матфей въ сто шестидесятомъ году. И тое книгу подписал своєю рукою». Есть также более поздние незначительные записи и пометы на внутренних сторонах обеих крышек переплета и на л. 1.

Сохранность. Переплет книги разбит, многие листы выпадают, изъедены жучком. **История поступления.** Рукопись получена в дар от Д. Д. Михайлова из г. Двинска (Даугавпилса).⁵⁷

Содержание.

1.⁵⁸ л. 1 об.—4. «Сия книги имѣются четыи жемчугъ и матица златая, сказаеть(ся) от книжныхъ вѣщи». Нач.: «Вѣликий же ап(о)с(то)ль Петръ реч(е), яко все книжное сл(о)во. . .».

2. л. 4—11. Месяца сентября в 1 день. «Житие с(вя)т(о)го Симеона Столпника». Нач.: «Страшна и дивна таина си. . .» (между л. 8 и 9 пропуск; нет конца 3-го чуда, 4-го и нач. 5-го), всего 7 чудес.

3. л. 11—16 об. Месяца сентября в 6 день. «Чюд(о) с(вя)т(о)го Михаила Архистратига, сътворшеся в Хонѣх». Нач.: «Нач(а)ло исцѣлѣния дарова бл(а)г(о)д(а)ти, даныхъ намъ б(о)гомъ. . .».

4. л. 16 об.—19 об. Месяца сентября в 8 день. «Сл(о)во на р(о)ж(де)ство с(вя)тыя б(о)городица». Нач.: «Въ лѣт(о) написания обою на 10 колѣну Из(раи)л(е)ву бѣ Акимъ б(о)гатыи зѣл(о). . .».

5. л. 19 об.—22. Месяца сентября в 14 день. «Въздвижение ч(е)стнаго кр(е)ста, сл(о)во похвалное». Нач.: «Кр(е)сту празднество творимъ, н(ы)нѣ все ц(е)рк(о)вное исполнение. . .».

6. л. 22—27. Месяца сентября в 14 день. «Сл(о)во бл(а)говѣрнаго ц(а)ря Костянтина и м(а)т(е)ре ег(о) Елѣ(ны) о кр(е)сте». Нач.: «Въ лѣт(о) 7 отнелъ же ц(а)рствующе Костянтину правѣрному ц(а)рю събраша(ся) множество. . .».

7. л. 27—36 об. Месяца сентября в 17 день. «(Муче)ние с(вя)тыхъ м(у)ч(е)н(и)цъ Вѣры, Надежды, Любви и м(а)т(е)ри ихъ Софьи». Нач.: «Словеси рассѣяну бывшу повѣси подн(е)б(е)снѣи г(осподо)мъ н(а)шимъ И(су)сомъ. . .».

8. л. 36 об.—37 об. Месяца октября в 1 день. «На Покровъ с(вя)тыя б(о)городица». Нач.: «Страшное и дивно видѣние ч(е)стному старцю Андрѣя Епифана, како видѣста. . .».

[8^a].⁵⁹ л. 37 об. «В тои же д(е)нь память(ь) пр(е)п(о)д(о)бнаго Романа пѣвца кондакар(я)». Нач.: «С(вя)тыи Романъ пѣвецъ бѣаше от Асурья. . .».

9. л. 37 об.—43. Месяца октября в 26 день. [Память] «с(вя)того м(у)ч(е)н(и)ка Дмитриа». Нач.: «При Максимѣныи ц(а)ри бѣ бл(а)ж(е)ныи Дмитрѣи в Селунѣ градѣ от рода славна и ч(е)стна. . .» (с двумя чудесами).

10. л. 43—46 об. Месяца ноября в 1 день. [Память] «с(вя)току безмезднику Козмы и Дамьяна». Нач.: «Г(осподу) н(а)шему И(су)су Х(рист)у въп(а)рившеся и всяка лѣсть бесовская упразднися. Быс(тъ) въ время оно жена некая. . .» (с чудесами и похвальным словом).

11. л. 47—50 об. Месяца ноября в 8 день. «Сл(о)во на съборъ архистратигу Михаилу». Нач.: «Наста, праднолюбивыи, пресвѣтлое торжество бесплотныхъ силъ, преспевая всякого ума. . .».

12. л. 50 об.—53. Месяца ноября в 13 день. «Память с(вя)т(о)го о(т)ца н(а)шего Иоан(на) Злат(о)устаго». Нач.: «Сии убо бл(а)ж(е)ныи Ио(а)нъ родися въ Антиохии сурьстееи, б(о)гату родителю, о(т)ца Секунда воеводы. . .».

13. л. 53—57 об. Месяца ноября в 21 день. «На Введѣние с(вя)тыя б(о)городица. Слово похвалное». Нач.: «Се намъ другое торжество и свѣтелъ праздникъ м(а)т(е)рс(г)осподня. . .».

14. л. 57 об.—113. Месяца мая в 8 день. «От жития и о дѣянии с(вя)т(о)го ап(о)с(то)ла и еу(ан)г(е)листа Иоан(на) Б(о)гослова, списано Прохоромъ, уч(е)н(и)комъ его».

⁵⁷ См. Книгу поступлений за 1946 г. (18.IV—46), а также Акт 1946 г., № С—46, 2-й.

⁵⁸ Порядковые номера глав даются по Оглавлению рукописи на л. 362—363.

⁵⁹ Эта глава в Оглавлении рукописи не упомянута.

Нач.: «Быс(ть) по възшествви г(оспод)а н(а)шего И(су)са Х(рист)а на н(е)б(е)са, събра-
шася вси ап(о)с(то)ли въ Гепсиманию и реч(е) . . .».

15. л. 113 об.—123. Месяца ноября в 16 день. «От жития и о дѣянии с(вя)т(о)го ап(о)с(то)ла и еу(ан)г(е)листа Матѣя списано». Нач.: «Въ оно врѣмя быша вси ап(о)-
с(то)ли събралися вкупѣ, разделяхуся на вся страны, яко да идеть . . .».

16. л. 123—124. «Слов(о) Иоан(на) Злат(о)устаго о гл(аголю)щихъ въ ц(е)ркви». Нач.: «Г(лаго)лю въ възлюблени, известую вамъ волю б(о)жью, юже сътворише, сп(а)с(е)ни будете . . .».

17. л. 124—125. «Слов(о) Иоан(на) Злат(о)устаго, яко не подобаетъ вѣры яти о кле-
ветающимъ». Нач.: «Добро убо ес(ть), възлюблени, надѣяться на г(оспод)а, нежели надѣяться на кн(я)зя. Тем же азъ на г(оспод)а . . .».

18. л. 125—125 об. «Слов(о) Иоан(на) Злат(о)устаго, како чтити перѣя». Нач.: «Увидите вси, колька ерѣиска власть и честь кр(е)щениемъ и покаяниемъ и причаще-
ниемъ . . .».

19. л. 125 об.—129. «Слов(о) Иоан(на) Злат(о)устаго, архиеп(и)с(ко)па Коньстан-
тина град(а), о умилении д(у)ши, како бы пришла на покаяние». Нач.: «Горе тобѣ,
д(у)ша моя, аг(е)ла своего хранителя отгнала еси, всѣми злыми своими делы . . .».

20. л. 129—138. «Слов(о) о принесении мощей иже въ с(вя)тыхъ о(т)ца нашего
Иоан(на) Злат(о)устаго, архиеп(и)с(ко)па Коньстянтина града». Нач.: «Слышас(я)
всяко вамъ, о х(рист)олюбивое трѣжество и с(вя)толюбное събрание, величестие
б(о)жие . . .».

21. л. 139—141. «Нед(е)ля о мытари и о фарисеи. Зачинаеть(ся) за 2 нед(е)ли чести
до вѣликаго пос(та). Притча о мытари и о фарисѣи Ио(ан)н(а) Злат(о)устаго, толкова-
ние еу(ан)г(е)лья». Нач.: «Начало гла(гола)ния еу(ан)г(е)лия. Приидеть убо, братие, да
послушавше Х(ри)с(то)ва гласа бодрѣше будемъ на покаяние . . .».

22. л. 141 об.—143. «А слъ о злыхъ (же)нахъ».⁶⁰ Нач.: «Что ес(ть) зла жена? Око дия-
воле, торгъ адовъ, сквѣрнамъ ц(а)рь . . .».

23. л. 143—145. «Слово о въздержании языка». Нач.: «Соломонъ рече: въз(ла)го-
лемъ преди о гла(гола)нии усть н(а)шихъ и о словесехъ языка своего . . .».

24. л. 145—148 об. «Слово с(вя)того Григория изъобретено въ толцѣхъ его о томъ,
како пѣрвое погании суще языци кланялися идоломъ и требы имъ клали. иже и н(ы)нѣ
то творять . . .». Нач.: «Видите ли ока(ян)ную сию и сквѣрную службу створяему от
сквѣрныи языкъ . . .».⁶¹

26. л. 149—153 об. «. . . Х(рист)а ради в послѣдняя врѣмяна слово ново Михаила,
кн(я)зя руськаго, и Феодора, воеводы его». Нач.: «В лѣт(о) сѣ фкг быс(ть) нахоже-
ние поганыхъ тотаръ на землю Рускую гнѣвомъ б(о)жиимъ . . .».

27. л. 153 об.—158. «Чюд(о) с(вя)т(о)го Феодора Стратилата». Нач.: «Въ врѣмена
она Уалѣнта ц(а)ря, ц(а)рьствующу въ Афумьстѣмъ градѣ и бояромъ его . . .».

28. л. 158—160 об. «Причѣта о блуднемъ с(ы)ну, толкование еу(ан)г(е)лья. Сл(о)во
Иоан(на) Злат(о)устаго». Нач.: «Желание имамъ много подѣцание умвожити д(у)хов-
ное семья учения . . .».

29. л. 160 об.—163. «В суб(боту) мяс(о)пустную о ум(ер)шихъ. Слово Иоан(на)
Злат(о)устаго. Се же и на Пянтикостие». Нач.: «Лѣпо с разумомъ и по рассмотрению
все творити, ни плакати же бѣзъ лѣпoty . . .».

30. л. 163—165. «В нед(е)лю мяс(о)пустную. Поучение Иоан(на) Злат(о)устаго». Нач.: «Се приближися, брате, врѣмя покаяния, се же настаетъ днь очищенья. Се бо
слова страшна и грозы исполнена . . .».

31. л. 165—167 об. «В суб(боту) сыропустную о ум(ер)шихъ». Нач.: «Реч(е) Г(ос-
под)ь: възстанеть страна на страну и ц(а)рство на ц(а)рство и будетъ туга многа . . .».

32. л. 167 об.—169. «В нед(е)лю сыропустную. Поучение Иоан(на) Злат(о)-
устаго». Нач.: «Братье, послушайте умныя двѣри отверзѣши и слуха душевная . . .».

33. л. 169—172. «В суб(боту) 1 пос(та). Сказанье Нектарья патриарха, что рад(и)
празднуемъ с(вя)того м(у)ч(е)ника Феодора Тирона». Нач.: «Приидите, брате, послуша-
ите вѣрнии, како благии Х(ристо)с б(ог)ъ нашъ не остави нас . . .».

34. л. 172—174. «В нед(е)лю 1 поста. Поучение Иоан(на) Злат(о)устаго». Нач.: «Видите ли, възлюблени, о самѣхъ вѣщи постницю ползу, иже бо искусилъ ес(ть)
сию . . .».

35. л. 174—175 об. «В нед(е)лю 2 поста. Поучение Иоан(на) Злат(о)устаг(о)». Нач.: «Приидите, друзи и братѣя, възлюбленное стадо Х(ри)с(то)во, да малое еще
изреку нечто о с(вя)темъ семь пощеней . . .».

36. л. 175 об.—177 об. «В нед(е)лю 3 поста. Поучение Иоан(на) Злат(о)устаго». Нач.: «Брате, преплывше ны с(вя)тыя сидни ч(ес)тнаго поста, възрадуемъ д(у)-
шею . . .».

37. л. 177 об.—179 об. «Въ сред(у) 4 нед(ели) на поклонение ч(е)стнаго кр(е)ста.
Сл(о)во Иоан(на) Злат(о)устаг(о)». Нач.: «Основанию убо подобни сут(ь) учения, възлю-
блени, с(вя)т(о)го сего великаго поста . . .».

⁶⁰ Зачеркнуто другое заглавие: «О блуднемъ с(ы)ну въпреду».

⁶¹ Между л. 148 и 149 — утрата листов; нетъ конца 24-й и 25-й главъ — по Оглавлению: «Слово св. отецъ об Антиохѣ», нетъ начальныхъ словъ заглавия 26-й главы — по Оглавлению: «Месяца сентября 20. М(у)ч(е)ние . . .».

38. л. 180—181. «В нед(елю) 4 пос(та). Поучение о алчбѣ и о м(о)л(и)твѣ и о м(и)-л(о)стѣхъ». Нач.: «Приидите н(ы)нѣ, ц(е)рковная чада, да обычное поучение створю о алчбѣ. . .».
39. л. 181—183. «В нед(елю) 5 пос(та). Поучение Иоан(на) Злат(о)устаго». Нач.: «Понеже убо помалѣ пос(т) сии скончатис(я) хочеть, и помалѣ дни г(о)подня стр(а)сти приходящи. . .».
40. л. 183—185. «В суб(боту) цвѣтную. Слов(о) с(вя)т(о)го Климѣнта. Похвала о Лазоре». Нач.: «Х(ри)с(то)ва въскр(е)с(е)ния се предгече свѣтозарное торжество. Се свѣтозарная память всѣя Лазорева. . .».
41. л. 185—188 об. «В нед(елю) 6. Поучение Иоан(на) Златаустаго». Нач.: «Вѣлика и вѣтха съкровища, дивно и радостно откровение, добра и сильна б(о)г(а)тства. . .».
42. л. 188 об.—190 об. «В понед(ельник) стр(а)стныя нед(ели). Поучение Кирилла, еп(и)с(ко)па Ер(у)с(а)л(и)мьскаго». Нач.: «Яко же пучину мо(ря) и постеле се, брате, прешедше течение, и желаемого. . .».
43. л. 190 об.—196 об. «Въ с(вя)тыи вѣликии четвергъ. Слово бл(а)женаго Евсевия о съшествии Иоан(на) Пр(е)дт(е)чи въ адъ и о предании г(о)сподни». Нач.: «Добро ес(тъ), възлюблени, рѣщи, како бл(а)говѣстивъ ес(тъ) Пр(е)дт(е)ча сущимъ въ адъ и како възросили. . .».
44. л. 196 об.—199. «Въ с(вя)тую вѣликую суб(боту). Слово с(вя)т(о)го Григорья Антиохискаго еп(и)с(ко)па о положенїи г(о)сподни въ гробъ». Нач.: «Что се дн(е)сь безмолвие много на земли и молчаніе много, як(о) ц(а)рь спитъ. . .».
45. л. 199—201 об. «Въ с(вя)тую вѣликую нед(елю) пасхы. Слово на въскр(е)с(е)ніе г(о)спода н(а)шег(о) И(суса) Х(рист)а». Нач.: «Въста въ 3 д(е)нь г(о)сподъ н(а)шъ И(сус) Х(рист)ос, жизнь мирови даруя. . .».
46. л. 201 об.—205 об. «Слово с(вя)т(о)го и бл(а)ж(е)наго о(т)ца н(а)шег(о) Евсевия архиеп(и)с(ко)па о нед(ели). Нач.: «Недели сущи по утрении, сѣдящу Евсевию бл(а)-ж(е)ному еп(и)с(ко)пу и пришед ц(а)рь Александръ. . .».
47. л. 205 об.—209. «Слов(о) о нед(ели) с(вя)т(о)го Якова, брат(а) г(о)сподня, еп(и)-с(ко)па Иер(у)с(а)л(и)мьскаго». Нач.: «Х(ристо)с б(о)гъ почи от дѣл своихъ въ 7-и д(е)нь, а въ 1-и д(е)нь създа б(о)гъ свѣт. . .».
48. л. 209—216 об. «Слово от с(вя)тыхъ книгъ и о н(е)б(е)сныхъ силахъ, что ради създанъ быс(тъ) ч(е)л(о)векъ». Нач.: «Хотя бл(а)гыи ч(е)л(о)в(е)колюбецъ б(о)гъ всего мира сътворити от небытїа в бытїе. . .».
49. л. 217—220 об. «Сказаніе Афродитїана о бывшемъ чудеси въ Перстеи земли, о р(о)ж(де)ствѣ г(о)спода б(о)га и сп(а)са нашег(о) Ис(уса) Х(рист)а». Нач.: «Отъ персъ увѣдѣвъ быс(тъ) Х(ристо)с исп(е)рѣва. Не утаеяетъ бо ся ничто жъ сухихъ въ книгахъ. . .».
50. л. 220 об.—221. «Ино сказаніе. Прореченіе о Х(ристѣ) въ кумирници еллиньскаго б(о)га Аполона». Нач.: «Бывшю гладу велику зѣло въ еллиньстїи земли и не бывши помощи ни от единого же имъ б(о)га. . .».
51. л. 221—222. «Пр(е)п(о)д(о)бног(о) о(т)ца нашего Ефрѣма Сирина. Слово о сп(а)-с(е)нии д(у)ши и о покаанїи и страшнѣмъ судѣ». Нач.: «Отречение еже при святемъ кр(е)щении творим мало убо являемо г(ла)големо. . .».
52. л. 222—225 об. Месяца января в 6 день. «Слово на кр(е)щение г(о)спода нашег(о) Ис(уса) Х(рист)а». Нач.: «Источникъ евагг(е)лскихъ учении отверсты имать рѣкы, да иже жажа пьеть от того источника оживеть. . .».
53. л. 225 об.—226 об. Месяца января в 6 день. «На кр(е)щ(е)ніе г(о)с(под)не слов(о) с(вя)т(а)го о(т)ца нашег(о) Афанасья архиеп(и)с(ко)па Александрийскаго». Нач.: «Паки И(сусъ), паки таина, полна радости и веселья, родися от о(т)ца прежде. . .».
54. л. 226 об.—228 об. Месяца июня в 24 день. «Слово о р(о)ж(де)ствѣ с(вя)т(о)го Ивана Кр(е)ст(ите)ля и о(ум)ертвїи о(т)ца его Захарь». Нач.: «Въ лѣто четверодесятное ц(а)рствующю Ироду, възсаканіе створи избити мл(а)д(е)нца. . .».
55. л. 228 об.—232. Месяца июня 24. «Беседа на р(о)ж(де)ство Иоан(на) Предъточа Кр(е)ст(ите)ля г(о)сподня». Нач.: «Понеже убо преблагыи б(о)гъ и ч(е)л(о)век(о)любецъ не презрѣ рода ч(е)л(о)в(е)ча, оутпадъша въ многа бещинья. . .».
56. л. 232—236 об. «Слов(о) 2 на р(о)ж(де)ство Иоан(на) Кр(е)ст(ите)ля и Пр(е)дт(е)ча г(о)с(под)ня». Нач.: «С(о)лнцю сему хотящю видиму изити ис предѣла земнаго, заря прежеваривши являеть. . .».
57. л. 236 об.—240 об. «Иже въ с(вя)т(ы)хъ о(т)ца нашего Иоанна Злат(о)устаго. Слово на с(вя)тое б(о)гоявление и на соборъ Иоан(на) Пр(е)дт(е)ча». Нач.: «Двесь сп(а)съ миръ, дн(е)сь възклонение главъ и пововление нашему сп(а)с(е)нїю. . .».
58. л. 241—245 об. Месяца марта в 17 день. «Житїе Алексея, ч(е)л(о)в(е)ка б(о)-ж(и)а». Нач.: «Бѣ ч(е)л(о)векъ бл(а)говѣренъ в Римьстемъ градѣ, именемъ Ефимьянъ, славеиъ бысть. . .».
59. л. 245 об.—253 об. Месяца января в 15 день. «Житїе пр(е)п(о)дног(о) Иоанна Кушника». Нач.: «Житїе добро и ч(и)сто и бесъсвернено и добродѣтельно мужа праведна хочю исповѣдати. . .».
60. л. 254—256 об. «Слов(о) похвално Ио(ан)н(а) Злат(о)уста в память с(вя)току върховнею ап(о)с(то)лу Петра и Паула». Нач.: «Н(е)бу и земли реть вижю за настоящїи праздникъ въ память с(вя)т(ы)ма. . .».
61. л. 257—261 об. «Житїе и жизнь пр(е)подобнаго о(т)ца нашего Павла Фивейскаго». Нач.: «Повѣдаша намъ ученици о(т)ца Андоניה Макарь и Плутинъ, иже и погребши его. . .».

62. л. 261 об.—266. Месяца марта 25. «Иже въ с(вя)тых о(т)ца нашего Иоанна архиеп(иско)па Константина града Злат(о)устаго на бл(а)г(о)в(е)щение пр(е)с(вя)тыя вл(а)д(ы)ч(и)ца нашея б(огородиц)а». Нач.: «Паки радости благовѣстия, паки свободы възвѣщения, паки възвание. . .».

63. л. 266—269. «Иже въ с(вя)тых о(т)ца нашего Иоанна архиеп(иско)па Ц(а)ря-града. Слов(о) на бл(а)г(о)в(е)щение пр(е)с(вя)тыя вл(а)д(ы)ч(и)ца наша б(огородиц)а и пр(и)сно д(е)вы М(а)риа». Нач.: «Всяна намъ дн(е)сь праведное с(о)лнце, съи прежде възходящаго естъвомъ свѣтъ пр(и)сносущень. . .».

64. л. 269—279 об. «Иже въ с(вя)тых. . . Иоанна Злат(о)устаго. Слово на бл(а)г(о)в(е)щ(е)ние пр(е)с(вя)тыя вл(а)д(ы)ч(и)ца нашея б(огородиц)а и приснод(е)вы М(а)рие». Нач.: «Нынѣшнему ч(е)стному и ц(а)рскому събранию свѣтлому и чудному възпомина-нию страны. . .».

65. л. 279 об.—285. «Слово некоего х(рист)о(лю)бца къ д(у)х(о)вныма братама истолковано мудрость и притца и пр(о)р(о)цъския и ап(о)с(то)льския. . .».⁶² Нач.: «Великыи ап(о)с(то)ль Петръ рече, яко все книжное слово и прор(о)ч(е)ство нѣс(ть) было волею. . .».

66. л. 285—302. Месяца апреля в 1 день. «Житие с(вя)тыя и пр(е)п(о)д(о)бныя М(а)рии Египтяныи(и), въздержавъшися преславнѣ в пустыни Иорданьстѣи». Нач.: «Таину ц(а)р(е)ву добро ес(ть) таити, а дѣла б(о)жиа проповѣдати славно ест. . .».

67. л. 302—309. Месяца октября в 2 день. «Житие с(вя)тыя Устины д(е)вица». Нач.: «Явлению бывшу съ н(е)б(е)с на землю сп(а)са нашего И(с)уса Х(рист)а, прор(о)ч(е)скимъ словесемъ бывшимъ. . .».

[68].⁶³

69. л. 309—319. Месяца октября в 22 день. «М(у)ч(е)ние с(вя)тых 7 отрокъ ефескихъ Максимиана и Амблиха, Мартина, Дионусию, Ианакса, Костудиана, Антонина». Нач.: «Егда възц(а)рися Декии ц(а)рь и прииде въ Ефесъ от Карфагенъска града, тогда собрася вся. . .».

70. л. 319—322 об. Месяца августа в 29 день. «Слово с(вя)т(о)го Иоанна Злат(о)устаго на усекновенья ч(е)стныя главы с(вя)т(о)го Иоанна Кр(е)ст(и)теля». Нач.: «Паки Иродъ беситъ(ся), паки мятеся, паки пляшетъ, паки у Ирода просить безаконная главы. . .».

71. л. 322 об.—324. «Слово о Самсоне силномъ». Нач.: «И бѣше мужъ въ Аносоре от племени Данова, имя ему Маной и жена ему неплоды. . .».

72. л. 324 об.—330. «Слово с(вя)т(ы)хъ ап(осто)ль и с(вя)тыхъ о(те)чъ о велицѣмъ посте и о Петровѣ и о Филипове говеньи». Нач.: «Послушайте, брате и сестры, и чада и вси старци и унии и вси вѣрнии, писанна о постѣ. . .».

73. л. 330—336. «Сказанье пр(е)п(о)добнаго о(т)ца нашего Агапия, чего ради оставяють роды и дома своя и жены и дѣти, възмши кр(е)стъ идуть воследъ г(оспод)а, якоже еванг(е)лие велитъ». Нач.: «Агапии, о(те)цъ нашъ, изъмлада начать б(о)га боятися и заповеди его творити. . .».

74. л. 336—337. «Слово о распятыи г(оспод)а нашего И(с)уса Х(рист)а, иж(е) волею приять за весь миръ». Нач.: «Тако бо гл(аго)летъ и самъ г(оспод)ъ, повеле пѣти егда бо в распятыи Х(ристо)въ. . .».

75. л. 337—339. «Слово како осуди Марфа Пилата пред ц(а)р(е)мъ кесаремъ». Нач.: «По вознесении г(оспод)а нашего И(с)уса Х(рист)а въставши М(а)рия иде в Римъ къ ц(а)ру Августу кесару. . .».

76. л. 339—342. «Прор(о)ч(е)ство Исаино, с(ы)на Амосава, иже пр(о)р(о)ч(е)ст(во) ваше с рыданьемъ и слѣзми, иже проведе д(у)х(о)мъ с(вя)т(ы)мъ. . . хотящихъ быти на ны. . .». Нач.: «Тако гл(аго)летъ г(оспод)ъ Саваофъ: Слышите, с(ы)н(о)ве ч(е)л(ове)ч(е)стии, и внемлите г(лаго)ль устъ моихъ. . .».

77. л. 342—348. «Иже въ с(вя)тыхъ о(т)ца нашего Ефрѣма слово на преображения г(оспод)а и сп(а)са нашего И(с)уса Х(рист)а». Нач.: «От нивы жатва и радование, от винограда плоды снѣднии, от писанна поучение животворное. . .».

78. л. 348—351. «С(вя)т(о)го Кирила архиеп(иско)па Александръскаго. Слово на преображение г(оспод)а нашего И(с)уса Х(рист)а». Нач.: «Иже умьютъ братис(я), то видимыми сраждени наслаждаются и вѣчную надежду остряться. . .».

79. л. 351—355. «Слово с(вя)т(о)го Иоанна Проввитера на Преображение г(оспод)не». Нач.: «Б(о)гъ ч(е)л(ове)ка п(е)рв(а)го створи и в рай во(з)ведъ и сущу ему в немъ заповѣдь дасть. . .».

80. л. 355—361 об. Месяца августа въ 15 день. «Преставление с(вя)тыя б(огороди)ца». Нач.: «С(вя)тѣи преславнѣи б(огороди)ци пр(и)сно д(е)вы М(а)рии по обычаю на с(вя)тыи гробъ г(оспод)ень ходяци. . .».

л. 362—363 — Оглавление сборника.

⁶² Это список с разночтениями того же текста, что и на л. 1 об.—4, но после конца «параллельного» текста он продолжается еще на л. 282—285.

⁶³ В Оглавлении верхний край л. 363 обрезан, видны лишь края букв, а следующая глава [Месяца] октября 22 мучение святых 7 отрок ефескихъ имеет номер 69. В самой рукописи также нет главы 68.

П Р И Л О Ж Е Н И Е 2

Предисловие к сборнику ГПБ, собр. Погодина, № 1024, л. 1

Сия книга именуется женчюг и матица злат(а)я, сказание о книжнѣи вещи.

Слово с(вят)а(го) Иоа(нна) Злат(а)устаго о почитании книгъ. В п(о)н(е)д(ельник) сыроуп(стныя). Г(оспод)и, бл(а)г(осло)ви, о(т)ч(е).

Что приобретають приникающе въ б(о)жественныя книги. Книгы быша первое под(о)бнии глубинѣ морствѣи, в ню же понираще, износять бисеръ драгии, тако приничоще въ б(о)год(у)хновенныя книги обрѣтають себѣ скровища, не имы цѣны, всѣх бл(а)гъ исполнь, реку же д(у)шевных исправлении. Что бо бл(а)женѣе д(у)ши управлены, что ли такового ч(е)л(ове)ка луче, иже избобрѣте правило д(у)ши своей. Убо смѣю рещи, яко таковыи под(о)бенъ есть корабленому правителю, иже имѣя кормило добро, бес труда съодолѣваетъ кораблю. Тако избобрѣтши правило д(у)ши своей бес труда съодолѣваетъ непод(о)бнымъ мыслемъ, еже воюють на д(у)шу: злыми бо мыслми воюеть дьяволъ на ч(е)л(ове)кы, 1 — завистью, 2 — лжею, ею же Адама из рая изринулъ и ч(е)л(ове)чество от б(о)га бѣ укралъ, и яко б(о)гу невѣдуще, но на прочая смотрящю, и ч(е)л(ове)кы хотя укрепити на нь, и быс(ть) побѣжень от них помощью б(о)жию. Бес тоа бо невѣзможно убѣжати съти неприязнены. Б(о)гъ же ест(еством) м(и)л(о)с(ер)дѣ и ч(е)л(ове)колюбець подасть на диавола оружие — честныи кр(е)стъ, а на съти его помощь — с(вя)тыя книги, яже обнажаютъ всю неприязнену леств и вѣдутъ на обновление д(у)ша ч(е)л(ове)комъ различными образы растворениемъ с(вят)о(го) д(у)ха. Бес того бо ни едино писма напишется, но вся то же единъ д(у)хъ разделяеть комуждо, яко же хочеть.

П Р И Л О Ж Е Н И Е 3

Выписки из Златой матицы в сборнике первой четверти XVI в.

(ГИМ, Чудовское собр., № 277/75, л. 279—280)

Книга, нарицаема женьчюгъ, матица златая д(у)шеполезныя. Бл(а)г(осло)ви, отче.

Законъ Мусеевъ погранъ бысть распятиемъ г(о)с(по)днимъ, и пограно бѣ обрезание въскр(е)с(е)ниемъ г(о)с(по)днимъ, и пограно бѣ очищение иудейское, да въ новы законъ, въ обрезание мѣсто кр(е)щение, а въ очищение мѣсто покаяние, в суботы мѣсто недѣля, а въ преснокомъ мѣсто просьфира. Еже въскисло, то и въскресло, законъ новъ и прилогаия. Преложи тѣло свое въ хлѣбъ и кровь свою в вино и приемъ, преломле и рек: «Примите и ядите сеи и есть тѣло мое ломимое въ преставление греховъ». И реч(е) г(оспод)ь: «Иго мое бл(а)го и бремя мое легко, иго наречется кр(е)щение, а бремя покояние». Бл(а)го ес(ть) крестившиися, тако молыти въ с(вя)теи Софии в снидице, аще хто разоряеть законъ апустольской и правовѣрную вѣру Х(рист)ову и да будетъ проклять. Ап(о)с(то)льскый законъ — Петрово говѣино и Филиново, а отчскый законъ — м(о)л(и)тва поститися. С(вя)тгги о(т)ци уставили тако: съсвещали пришедши тожде м(о)л(и)тва взя свѣда бо горить въ ц(е)ркви — прообразуетъ с(вятую) тро(и)цю. Аще хто яеть мясо в Петрово говѣина и въ Филиново говѣино, тѣи разоряеть законъ ап(о)с(то)льскый, то развратникъ есть. Вѣру проклинаемъ их. Аще хто не носи креста на себѣ тельника, прокинаемъ их.

П Р И Л О Ж Е Н И Е 4

Выписки из Златой матицы по сборнику конца XVIII в.

(ГПБ, НСРК, 1981. 33.О, л. 36 об.—37 об.) с добавлениями по сборнику XIX в. (БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 344/393, л. 29—30 (по старому счету 22—23))

Книга Златая матица, лист 68 [76]:

Аще кто напишет образъ г(оспод)а нашего И(су)са Х(рист)а, бл(а)г(осло)влящая десныя руки со отметным малаго перста по Малаксову еретическому преданию, да будетъ проклять.

Аще кто напишет образъ с(вя)тыхъ о(те)цъ, молящихъ десныя руки трема персты по Фармосову еретическому преданию, да будетъ проклять. Первыи персть — левъ, вторыи — змии, третии — лживый пр(о)рокъ, а посредѣ — самъ сатана, попечетлѣваетъ вся уды тѣла его, оттолѣ не имать власти знаменатися знамениемъ Х(рист)а, сп(а)сителя нашего, [далее по второму списку] но связана будетъ рука его и прелеснику приложится и дастъ ему знамение на деснѣи руцѣ его и на челѣ.

С. И. НИКОЛАЕВ

Библиографические заметки к истории ранней русской драматургии

При подготовке академической серии «Ранняя русская драматургия: XVII—первая половина XVIII в.»¹ была проведена большая текстологическая и источниковедческая работа, в частности, впервые были полностью опубликованы 33 драмы, а к известным ранее спискам драматических сочинений добавлено еще 30. В этом издании не были, разумеется, решены все источниковедческие проблемы, но сама серия является надежной основой не только для целостного изучения истории русского театра и драматургии переходного периода,² но и для дальнейшей разработки источниковедческого аспекта этой истории. В предлагаемых заметках собрано несколько таких наблюдений.

Источник «Диалога о Гофреде, победившем сарацины»

Этот «Диалог» (III. С. 239—255), сохранившийся в одном списке середины XVIII в., опубликован дважды.³ П. Н. Берков приурочивал его к возвращению Петра I из Персидского похода и датировал концом декабря 1722 г., а возможного автора видел в Ф. Журовском, которому атрибутируются также пьесы «Слава печальная» и «Слава Российская». Эта атрибуция «Диалога» не была поддержана О. А. Державиной (III. С. 504—506).

Ни издатели «Диалога», ни другие исследователи русской драматургии первой половины XVIII в. ничего не говорят об источниках этой драмы. О. А. Державина пишет о возможном механическом объединении двух неизвестных нам пьес (III. С. 505). В. Н. Перетц, отмечая рукопись «Диалога» на выставке массовой литературы XVIII в., мимоходом упомянул, что это «пример переделки повествовательного произведения»,⁴ но не указал, какого именно. П. Н. Берков писал, что «победа над маго-

¹ Первые пьесы русского театра / Изд. подгот. О. А. Державина, А. С. Демин, Е. К. Ромодановская; Под ред. А. Н. Робинсона. М., 1972 (далее — I); Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. / Изд. подгот. О. А. Державина, А. С. Демин, В. П. Гребенюк; Под ред. О. А. Державиной. М., 1972 (далее — II); Пьесы школьных театров Москвы / Изд. подгот. О. А. Державина, А. С. Демин, А. С. Елеонская и др.; Под ред. А. С. Демина. М., 1974 (далее — III); Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в. / Изд. подгот. О. А. Державина, А. С. Демин, А. С. Елеонская и др.; Под ред. А. С. Елеонской. М., 1975 (далее — IV); Пьесы любительских театров / Изд. подгот. В. П. Гребенюк, О. А. Державина, А. С. Демин и др.; Под ред. А. Н. Робинсона. М., 1976 (далее — V).

² См.: Демин А. С. Русская литература второй половины XVII—начала XVIII в.: Новые художественные представления о мире, природе, человеке. М., 1977; Софронова Л. А. Поэтика славянского театра XVII—первой половины XVIII в.: Польша, Украина, Россия. М., 1981.

³ В первый раз издан П. Н. Берковым: К истории русского театра 1720-х гг. // ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 389—407.

⁴ Перетц В. Н. Выставка массовой русской литературы XVIII в.: Путеводитель. Л., 1934. С. 20.

метанами персами легко ассоциировалась с победами Готфрида над сарацинами. Самое избрание исторической темы свидетельствует о достаточной культуре автора и о его знакомстве с основными фактами первого крестового похода под руководством Готфрида Бульонского. Ему известно и выступление пустынноика Петра Амьенского, который в „Диалоге“ назван Пустелником, и отвлечение крестоносцев от цели похода богатством стран, через которые лежал их путь».⁵

Источником этих и других сведений послужила автору «Диалога» хорошо известная в школьных кругах начала XVIII в. польская версия «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо,⁶ в которой аналогичным образом имя главного героя вынесено в заглавие.⁷ Петр Амьенский, или Пустынноик, в «Диалоге» назван Пустелником, так как только под этим именем он выступает в переводе Петра Кохановского 1618 г. (кстати говоря, это полонизм — *Pustelnik*). Точно так же сама форма имени «Готфред» сходна скорее с польской, чем с западноевропейской (ср.: польск. *Gofred*, ит. *Goffredo*, фр. *Godfroy*).

Из-за того что сохранилась незначительная часть пьесы (полтора акта), трудно судить о степени и характере использования польского текста «Освобожденного Иерусалима». Сокращения же, и притом значительные, несомненны, так как в поэме 15 320 стихов. Автор самостоятельно ввел характерные для школьной драмы аллегорические персонажи и т. д. Но основные линии и мотивы следуют за поэмой Тассо—Кохановского. Сличение показало, что во 2-й сцене использована II песня, строфы 21—28, в монологе Пустелника — I песня, строфы 12, 29—31, в 3-й сцене (монолог Люцифера) — IV песня, строфы 9—17.⁸

Текстуальных совпадений в «Диалоге» и «Освобожденном Иерусалиме» практически нет, ср.:

Powiedz, Gofredowi,
Czemu proznuje? czemu tak leniwy?
Niech Jeruzalem nieprzyjacielowi
Wydrze, a to ja chcę mu być życzliwy.⁹

Иди, рци Готфреду, брань да
уготовляет,
орудия на врага вскоре изо-
щряет (III. С. 245).

Но при инсценировке огромной эпической поэмы таких совпадений трудно ожидать. Немного в тексте и полонизмов: «час» — время, «отрута» — отравлена, «Пустелник» — отшельник, «ланцуг» — цепь, и некоторые другие.

К истории текста «Действия о короле Гишпанском»

Во время летней поездки 1902 г. по северу России В. И. Срезневскому в Устюге попала в руки тетрадка XVIII в. (в 8-ку, 18 л.), в которой несколько раз почти буквально был переписан небольшой текст,¹⁰ никак Срезневским не охарактеризованный. В этом полностью опубликованном им отрывке заметны следы рифмованного диалога, а упоминания о каком-то поединке, о Доротее позволяют определить, что отрывок Срезневского имеет отношение к «Действию о короле Гишпанском», которое считается одним «из образцов солдатской рукописной драмы XVIII в.» (V. С. 773).

⁵ Берков П. Н. К истории русского театра 1720-х гг. С. 391—392.

⁶ См.: Ł u ź n y R. «Gofred» Tassa-Kochanowskiego na Rusi w wieku XVII—XVIII // W kręgu «Gofreda» i «Orlanda». Wrocław, 1970. S. 119—130; L e w i n P. Rosyjskie przekłady «Gofreda» w wykładach poetyki z XVIII w. // Slavia Orientalis. 1969. N 4. S. 383—391.

⁷ См.: T a s s o T. Gofred abo Jeruzalem wyzwolona: Przekładania P. Kochanowskiego / Oprac. R. Pollak. Wrocław, 1951.

⁸ Этот же монолог использовал С. Величко в своей летописи; см.: В е л и ч к о С. Летопись событий в Юго-Западной России в XVII в. Киев, 1851. Т. 2. С. 401—409.

⁹ T a s s o T. Gofred abo Jeruzalem wyzwolona. S. 12.

¹⁰ Срезневский В. И. Отчет Отделению русского языка и словесности имп. Академии наук о поездке в Олонецкую, Вологодскую и Пермскую губернии (июнь 1902 г.). СПб., 1904. С. 43.

К сожалению, отрывок Срезневского представляет собой набор отдельных реплик из «Действия», набор довольно беспорядочный и бессвязный. Только у двух из них есть соответствия в «Действии»:

Отрывок Срезневского

Вижу, вижу, друг мой, всю твою силу и премногую храбрость. возложу на вас драгую корону.

Не ты ли, дурак, хош Дородиею владеть? Лучше, брат, право, подучися за пескою сидеть.

Действие о короле Гишпанском

Вижу твою храбрость и силу многу, тотчас возложу корону драгу (V. С. 74).

Барон Швецкой, Не ты ли хочешь Доротею владеть? Лутче потщися за печью сидеть! (V. С. 73).

Отрывок Срезневского не представлял бы большого интереса, если бы не сохранил, хоть и бессвязные, яркие просторечные отрывки перебранки «ребят молодых» перед поединком:

— Приспе ж время о себе объявить.
Нет ли с кем здесь на шпагах выходить?
— Ах, бестия, каналья! С кем, с тобою на шпагах выходить?
В подобие тебя свинью, да и то недосужно опоразнивать свое гузно.
Не твоим воздрям тут, поди прочь, коли сие дело невмочь.

Еще одна реплика в отрывке Срезневского принадлежала, очевидно, Гаеру, который эпизодически появляется в известном тексте «Действия»:

Егда еще прошу написать на моем гробе, что я сидел три года в остроге и там храбро поступал: с мерт[в]ыми петухам[и] воевал, как ударю мертвого петуха, и так выскочит из него и дребуха, а хотя какое стадо комаров, так я их разгоняю, как сущих воров.

К истории театра Славяно-греко-латинской академии

В сборной рукописи первой половины XVIII в. ГПБ, собр. Вяземского, Q.XVI,¹¹ которая принадлежала обучавшемуся в московской академии в 1720-х гг. Михаилу Иванову, одна тетрадь (л. 175—182 об.) имеет отношение к театру академии. На л. 176 об.—180, 181 об.—182 помещен список роли Артаксеркса из «Действия об Есфири» (IV. С. 237—274), известной в единственном списке. Список роли в сборнике Иванова полный и почти не имеет лексических расхождений с известным текстом. Но некоторые чтения в списке Иванова проясняют смысл или позволяют восстановить изосиллабизм стиха.

Сборник Иванова

... плененна (л. 176 об.).
Ныне же сердце ми играет от многой прохлады (л. 176 об.).
... всяк понесет рану (л. 178).
Не похвален рыбарь, кий на уду златую меж колодами ловит (л. 178).

Действие об Есфире

... пленна (IV. С. 242).
Днес сердцем ся грает от многой прохлады (IV. С. 245).
... всяк понет рану (IV. С. 255).
Непохвален рыбарский за уду златую меж калодами ловить (IV. С. 256).

На л. 175—176 той же тетради читаются пролог и эпилог пьесы об Иосифе Прекрасном. Ни одна из известных драм на этот сюжет (II. С. 93—114, 299—309) не связана с театром Славяно-греко-латинской академии.

¹¹ См.: Описание рукописей кн. П. П. Вяземского. СПб., 1902. С. 179—180.

Поскольку пролог и эпилог явно выписаны для заучивания, как и роль Артаксеркса, то список Иванова позволяет расширить наши представления о репертуаре театра московской академии и предположить, что в «московских Афинах» в 1720-х гг. была поставлена пьеса об Иосифе Прекрасном (о репертуаре академии см.: III. С. 18—19). Приводим тексты пролога и эпилога.

Первого акта пролог

Дивное и новое, паче же реку, удивления достойное в сие светлопразднуемое Воскресения господня торжество видим чудо, NN. Дивное, глаголю, ибо Христос, сын божий, корень неизреченнаго щедролюбия к роду человеческому, непреоборимым смирения, страдания и покорения щитом древняго, злобы исполненнаго врага нашего, началника тмы диавола победы, сокруши и до конца разсыпа. Победы, глаголю, но не мечем торжествует, победу восприявши над врагом рода человеческого, и не победою мечною, ниже щитом воинским, но победою смирения и милосердия. Торжествует, глаголю, победою смирения и милосердия над врагом нашим, началником¹² тмы диаволом, зане смири себе, послушав быв даже до смерти, смерти же крестныя.

Победи врага смирением, егда аки агнец незлобивый от Иуды неправеднаго на тридесяти сребреницех продан бысть иудеом, спешно иде на страсть вольную, на страсть, глаголю, юже язык человечески изрещи не возможет. Восприя биение, мучение и ко кресту пригвождение за род человеческий и во гроб погребение.¹³ Но не порадовася диавол, яко умертвиша иудеи Христа, спасителя нашего. Не возрадовася, глаголю, ибо воскресший яко победитель держит щит смирения, милосердия непреоборимый над диаволом, супостатом нашим, род же человеческий свободы и в Сион радости и веселия приведе.

В пример же сего можем привести историю о Иосифе, сыне Иакова патриарха, иже смирением своим и незлобием тако восприя честь и славу от фараона во Египте, яко и всему Египту поклонятися и повиноватися требе быше. Небреже, глаголю, аще его братия хуляху, досаждаху и в ров повергаху, последи же и на двадцати златницах измаилтяном его продаху. Но что последова? Ибо от рова на престол, от поругания в честь, от досаждения в славу и величество произыде.

Сию историю измыслихом мы, цветущая юность, ныне сценическим славы феатром изобразити и к познанию истинны привести. Вас же молим всепокорно со вниманием и всяким терпением послушати и благоразумне разсудити.

Эпилог

Древняя история¹⁴ о Иосифе прекрасном, сыне Иакова¹⁵ патриарха, его же отец тако возлюбил, яко егда братия его завистию измаилтяном продаша, возплакася неизреченною горестию, возболе утробою и даже до гроба вмале не отиде. Но что смирение творит? От гноища на престол, от поругания в славу, от нищеты в богатство, от работы во власть возводит, утверждает¹⁶ и посаждает. Видесте,¹⁷ что ныне сим сценическим славы феатром о Иосифе прекрасном изыясил и изобразил, что сотвори Иосифу смирение, яко от темницы на престол, от юз в гривну златую, от нищеты в богатство возведе,¹⁸ посади,¹⁹ и честна²⁰ сотвори. Аще же что неприлично или неукрашено на сем славы феатре явися и изобразися от скудоумия нашего, всепокорно вас просим нашему скудоумию, яко на пути сущим, требующим наставления, простити и не осудити.²¹

О датировке «Образ торжества российскийского»

Школьная пьеса «Образ торжества российскийского», известная в одном списке 1740-х гг., была написана и поставлена, по мнению издателей, в 1742 г. в связи с коронацией Елизаветы Петровны (III. С. 531—536).²² Однако есть еще один список пьесы, вынуждающий пересмотреть всю ар-

¹² Добавлено, в ркп. нет.

¹³ В ркп. испр. из положение.

¹⁴ В ркп. испр. из история.

¹⁵ В ркп. испр. из Иякова.

¹⁶ Испр., в ркп. уверждает.

¹⁷ В ркп. испр. из видите.

¹⁸ В ркп. испр. из возводил.

¹⁹ В ркп. испр. из посаждаетца.

²⁰ В ркп. испр. из честен.

²¹ ГИБ, собр. Вяземского, Q. XVI, л. 175—176.

²² См. также: И. М. Бадалич, В. Д. Кузьмина. Памятники русской школьной драмы XVIII в.: (По загребским спискам). М., 1968. С. 32—55.

гументацию датировки. Список ГПБ, Q.XV.14 (в 4-ку, 24 л.) уверенно датируется 1720-ми гг. (водяные знаки: герб г. Амстердама — Клепиков, Филигр. и штемп., № 1266-1719—1721, № 924-1712, 1719, 1720). Кроме того, он принадлежал кн. Д. М. Голицыну (ум. 1737), т. е. в любом случае пьеса была написана до переворота 1741 г. Когда же была написана пьеса и к какому событию можно ее приурочить?

Издатели пьесы справедливо пишут о том, что она посвящена нововенчанной императрице, о чем прямо говорится в прологе: «Понеже убо нынешняго торжества всему миру явна есть российская слава, понудихомся и мы от училищных трудов в государственной академии витийскими богом венчанную российскую мать прославить похвалами за ея труды и любовь ко отчеству непременную» (III. С. 431). Поскольку список Голицына датируется 1720-ми гг., то слова «нынешняго торжества. . . явна есть российская слава» могут иметь в виду пьесу «Слава российская», поставленную в 1724 г. в Госпитальной школе по случаю коронации Екатерины I, а слова «понудихомся и мы» прямо указывают на последовательность постановки пьес в Госпитальной школе и в Славяно-греко-латинской академии.

Текст голицынского списка гораздо исправнее загребского, в нем есть несколько реплик и отдельных стихов, опущенных в загребском списке. Приведем только одну реплику Посла персидского — явный отзвук не столь давнего Персидского похода Петра I:

Не нещуй ми зло ныне, Россия преславна,
 Как солнце всему миру, так ты в славе явна.
 Яко аз приидох днесь к тебе, посол перский,
 Обаче да не вменюся пред тобою дерзки.
 Царско мя величество к тебе посла ныне
 Увенчанной с приветством в всякой благостыне,
 Но и дар ти приношу, прими той любезно,
 По взаимной любви ты твори нам полезно.
 Идеже увенчанную приветствую тако,
 Ликуй, Россия, вовек со всеми ти всяко!

(л. 1^о, следует за «Князем З» — III. с. 447).

Останавливаться на других отличиях списков в настоящей статье нет возможности, поскольку пьеса заслуживает отдельного текстологического изучения и переиздания.

О пьесах в сборнике Сухтелена

Принадлежавший Сухтелену сборник начала XIX в. (ГПБ, F.IV.6) включает следующие драматические сочинения: «Комедию притчи о блуднем сыне» Симеона Полоцкого, «Жалобную комедию об Адаме и Еве» и «Малую прохладную комедию об Иосифе» (II. С. 297). Пьеса Симеона Полоцкого известна в ряде списков XVII—XIX вв. (II. С. 313—315), две другие сохранились только в известном кодексе И. Г. Спарвенфельда (II. С. 296) и сборнике Сухтелена.

А. С. Демян, издавая «Комедию притчи о блуднем сыне» по одному списку, о списке Сухтелена писал, что он «является копией списка Спарвенфельда, последовательно повторяя все его индивидуальные чтения» (II. С. 317). О. А. Державина, напротив, привлекла сборник Сухтелена к изданию двух других комедий (II. С. 297, 310). Отметив сходство между двумя списками, она объясняла его по-иному: «Однородная дефектность списков. . . объясняется тем, что оба они являются разновременными копиями с одного и того же испорченного экземпляра пьесы» (II. С. 310). Как же обстоит дело в действительности? Вероятно, прав А. С. Демян. Анализ разночтений показывает, что в сборнике Сухтелена последовательно повторяются индивидуальные чтения списков Спарвенфельда.

Это относится не только к пьесам, но и к четвертому произведению в сборнике Сухтелена, который в описании назван «виршами, объединенными тематически» (II. С. 297). В действительности это вирши к «Титулярнику», известные опять-таки в единственном списке, который находится в том же кодексе Спарвенфельда.²³ Сличение текстов вирш показывает, что и в данном случае список Сухтелена последовательно сохраняет индивидуальные, в том числе явно ошибочные, чтения списка Спарвенфельда. Для доказательства того, что сборник Сухтелена является копией произведений из кодекса Спарвенфельда, необходим, конечно, анализ случайных чисто индивидуальных особенностей оригинала, которые отразились в копии.²⁴ Но вопрос может быть прояснен и биографической справкой о собирателе. Граф Петр Корнильевич Сухтелен (1751—1836), собрание которого поступило в ГПБ в 1836 г., с 1809 г. длительное время (с перерывами) находился в Швеции, выполняя различные дипломатические поручения.²⁵ Именно тогда он мог познакомиться с собранием рукописей Спарвенфельда и поручить снять копии с некоторых произведений. Эти списки, сделанные для коллекционера и к тому же неряшливо (II. С. 297), не отражают истории текста произведений, поэтому привлечение их к изданию нецелесообразно.

²³ Nilsson N. Å. Russian Heraldic Virši from the 17th Century. Stockholm, 1964. P. 74—87.

²⁴ См.: Лихачев Д. С. Текстология: На материале русской литературы X—XVII вв. Л., 1983. С. 212—217.

²⁵ См.: Россия и Швеция: Документы и материалы. 1809—1818. М., 1985. С. 567.

Ю. А. ПЯТНИЦКИЙ

Из истории Сийского Евангелия (миниатюра «Поклонение волхвов»)

В собрании рукописного отдела БАН хранится рукопись, постоянно привлекающая внимание палеографов, историков, искусствоведов. Это так называемое Сийское Евангелие (БАН, Археогр. комис., № 189),¹ получившее свое название от Антониева-Сийского монастыря, где оно было найдено 14 июня 1829 г. П. М. Строевым.² Евангелие в лист, написано на пергамене и украшено миниатюрой, помещенной на обороте л. 172. Первоначально была еще одна миниатюра — перед л. 1, изображающая «Поклонение волхвов». Рукопись имеет послесловие, позволяющее связать ее создание с именем великого князя Ивана Калиты и датировать 1339—1340 гг. находка прекрасной, точно датированной рукописи была важным событием, и уже через два дня после осмотра рукописи 16 июня П. М. Строев сообщает об этом в своем донесении в Академию наук.³ Упомянул П. М. Строев о находке Сийского Евангелия и в отчете о своей археографической экспедиции по Северу России, прочитанном 28 декабря 1829 г. в Академии наук.⁴ В обоих документах Строев кратко сообщал о рукописи, называя лишь дату создания — 1339 г. Более полное описание сохранилось в его «портфелях»: «В Антониевом Сийском монастыре, между рукописями под № 1-м хранится Евангелие, напис[ания] ⁶⁸⁴⁷/₁₃₃₉ года, на Двину, к св. Богородице, повелением чернца Анании, дяками Мелентием и Прокопием, в Москве. Сия рукопись в лист, напис[ания] уставом в два столбца, на 216 листах. На об[ороте] л. 172 картина, изображающая Иисуса Христа, благословляющего Апостолов. [Факсимильно] снять: 1) л. 101. . . 2) л. 216. . . 3) л. 216 об. . . NB Рукопись очень хорошо сбереженная. Сийский [монастырь] июня 14, 1829».⁵ Исследователь сообщает только об одной миниатюре — на обороте л. 172, которая находится в рукописи и сегодня. Таким образом, интересующая нас миниатюра «Поклонение волхвов» либо уже была вырезана к моменту осмотра Евангелия П. М. Строевым (и тогда странно, что он не сообщает об этом, поскольку от миниатюры сохранилась полоска пергамена вдоль корешка Евангелия и видны следы прилегания красочного рисунка к первому листу рукописи), либо вырезана самим П. М. Строевым. Широко известен факт изъятия им из рукописи № 231 собрания Сийского монастыря⁶ тетради с «Па-

¹ Наиболее полный обзор литературы см.: В з д о р н о в Г. И. Искусство книги в Древней Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII—начала XV веков. М., 1980. № 29.

² См.: Б а р с у к о в Н. П. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878. С. 184; см. также выписки из портфелей П. М. Строева: ААН, р. II, оп. 1, д. 271, л. 52.

³ См.: Археографическая экспедиция Академии наук. 1828—1834: Сб. документов. Л., 1930. Вып. 1. С. 70.

⁴ Б а р с у к о в Н. П. Жизнь и труды П. М. Строева. С. 198.

⁵ ААН, р. II, оп. 1, д. 271, л. 52.

⁶ Ныне БАН, Арханг., д. 242.

жомником в Царьграде и о сущих в нем святых» Антония Новгородского.⁷

Если Сийское Евангелие сразу же привлекло пристальное внимание ученых, то миниатюра «Поклонение волхвов», как увидим ниже, была известна лишь очень узкому кругу лиц и надолго исчезла в недрах частных собраний и музейных запасников.

В 1965 г. О. С. Попова обнаружила в фондах ГРМ миниатюру на пергаменном листе с изображением «Поклонения волхвов».⁸ На основании стилистического анализа и ряда внешних признаков О. С. Попова убедительно доказала, что миниатюра вырезана из Сийского Евангелия.⁹ Дополнительно это утверждение было обосновано Г. И. Вздорновым.¹⁰ Однако оставался не выясненным вопрос, когда и кем была вырезана миниатюра из рукописи и каким образом она попала в собрание ГРМ. Г. И. Вздорнов вначале предположил, что миниатюра поступила в Русский музей в 1910-х или 1920-х гг.,¹¹ а затем более осторожно отметил, что произведение поступило «до 1934 г., так как в инвентарной книге музея имеется штамп проверки наличия фондов, произведенный в 1934 г.»¹² Им же было высказано предположение о том, что лист был вырезан П. М. Строевым. Обнаруженные нами архивные материалы позволяют проследить историю миниатюры «Поклонение волхвов», тесно связанную как с историей частного собирательства в России, так и с образованием государственных хранилищ, памятников древнерусского искусства.

При осмотре миниатюры мы обратили особое внимание на пометы и надписи, имеющиеся на лицевой и оборотной сторонах пергаменного листа. Некоторые из них ускользнули от внимания исследователей. На лицевой стороне миниатюры имеются карандашные пометы в левом нижнем углу: «22» и «ГРМ $\frac{ДР}{ГР}$ 8». До 1976 г. на лицевой стороне находилась и наклейка с номером «5048», перенесенная затем на оборотную сторону листа. На обороте, в центре листа, карандашом проставлен номер «767», а в верхнем левом углу имеется чернильная запись: $\frac{6847}{1339}^{13}$.

Во время сбора материала для работы «Коллекционирование византийских памятников в России» нами была обнаружена опись собрания древностей известного русского историка М. П. Погодина, где в конце описания икон в специальный подраздел выделены произведения на пергамене и бумаге. Приведем выдержку из этой описи:

«а) На пергаменте

767; 22. Собор Пресвятой Богородицы, поклонение волхвов, писан[ное] в 1339 году.

⁷ Строев сообщал об этом «Паломнике» в том же самом донесении в Академию наук от 16 июня 1829 г. Однако описывавший через 50 лет библиотеку монастыря А. Е. Викторов не обнаружил этой тетрадки. Изданная в 1872 г. П. И. Савваитовым, она находилась в собрании И. П. Сахарова, к которому попала до 1846 г. от П. М. Строева // Археограф. экспедиция Академии наук. С. 70—71, примеч. 3; К у п к и н а М. В. Монастырские библиотеки Русского севера: Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII веков. Л., 1977. С. 31.

⁸ См. об этом: В з д о р н о в Г. И. Из истории искусства русской рукописной книги XIV века // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1972. [Сб. первый]. С. 148.

⁹ Р о р о в а О. Les miniatures Russes du XI-e au XV-e siècle. Léningrad, 1975. P. 70—72, fig. 38; П о п о в а О. С. Русская книжная миниатюра XI—XV вв. // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1983. Сб. третий. С. 40, 42.

¹⁰ В з д о р н о в Г. И. 1) Из истории искусства. . . С. 148—150; 2) Искусство книги. . . № 29.

¹¹ В з д о р н о в Г. И. Из истории искусства. . . С. 148.

¹² В з д о р н о в Г. И. Искусство книги. . . № 29.

¹³ Именно последние две пометы не упомянуты исследователями.

b) На бумаге

С 768 по 771; с 23 по 27. Четыре Евангелиста: Матфей, Марк, Лука и Иоанн.
 С 772 по 774; с 27 по 30. Три их символа: Ангел, Телец и Лев. Все семь писаны красками по золотому полю, из Евангелия 1717 года.¹⁴

Бесспорно, что в описи отмечена миниатюра, хранящаяся ныне в ГРМ. Совпадают редкостный для древнерусской миниатюры сюжет, основа — пергамен; номерам описи «22» и «767» соответствуют пометы, имеющиеся на лицевой и оборотной сторонах листа; и, наконец, — точное указание года создания произведения как в описи, так и на обороте миниатюры. В дополнение следует отметить, что упоминаемые в описи произведения 1717 г. также хранятся в настоящее время в ГРМ¹⁵ и, следовательно, прошли тот же путь, что и миниатюра «Поклонение волхвов».

Таким образом, установлено, что миниатюра из Сийского Евангелия входила в знаменитое «Древлехранилище» известного русского историка М. П. Погодина.

Коллекция древностей М. П. Погодина, включавшая иконы, кресты, литье, образки, церковные сосуды, шитье и особое собрание рукописей и редких книг, формировалась в первой половине XIX в. К середине 1840-х гг. она окончательно оформляется и тогда же получает широкую известность в русском обществе и даже за границей. Описания предметов и рукописей собрания появляются в периодике, большей частью в «Москвитяине», выпускаемом самим М. П. Погодиным.¹⁶ Популярность «Древлехранилища» приводит к мысли о его приобретении в казну и создании на его основе общедоступного музея в Москве. Зимой 1851 г. правительство предприняло первые шаги к приобретению собрания М. П. Погодина.¹⁷ Узнав об этом, известный русский историк сделал все возможное, чтобы эта покупка состоялась и его собрание превратилось в общедоступный московский музей. Так, им вдвое была снижена цена — с 300 тыс. до 150 тыс. р. (он отказал Британскому музею, предлагавшему купить собрание за еще более высокую сумму¹⁸). Осенью 1852 г. все переговоры были закончены и коллекции специально для представления царю были перевезены в Петербург. По «высочайшему повелению» книги и рукописи поступили в Петербургскую Публичную библиотеку (с пометой на переплете «из собр. М. П. Погодина»),¹⁹ а древности, за небольшим исключением, были отправлены в ноябре 1852 г. для хранения в Московскую Оружейную палату.²⁰ Для передачи собрания были сделаны особые описи, к составлению которых М. П. Погодин привлек Т. И. Филиппова, И. Е. За-

¹⁴ Первый номер соответствует номеру передаточной описи, по которой произведения передавались из Оружейной палаты в Мироваренную, второй — номеру коллекции М. П. Погодина. В нумерации коллекции М. П. Погодина, вероятно, допущена ошибка, так как на самих миниатюрах стоят номера с 23 по 29 // ЦГИА СССР, ф. 789, оп. 6 — 1869, д. 111, л. 122 об.

¹⁵ ГРМ. Др. гр. 1—7. На миниатюрах имеются номера собрания М. П. Погодина (с 23 по 29), номера передаточной описи (с 768 по 774), а также наклейки Русского музея, идентичные наклейке на миниатюре Сийского Евангелия (с № 5041 по № 5047). За сведения о миниатюрах и возможность ознакомиться с ними приношу благодарность А. А. Мальцевой.

¹⁶ [Погодин М. П.] Об археологических собраниях пр[офессора] Погодина // Москвитянин. М., 1844. Ч. 3, № 5. С. 169—176; Погодин М. П. Новые приобретения в музее пр[офессора] Погодина // Москвитянин. М., 1844. Ч. 4, № 8. С. 404—406; Погодинское собрание древностей в Москве // ЖМНП. СПб., 1849. Ч. 61, отд. VII. С. 60—63.

¹⁷ См. Докладную записку барона М. А. Корфа от 24 июля 1852 г. // ЦГИА СССР, ф. 472, оп. 18 (104/941), д. 139, л. 5—6.

¹⁸ Там же. Л. 5.

¹⁹ Там же. Л. 8—10, 15; Докладную записку барона М. А. Корфа с резолюцией императора Николая I см.: ГПБ, ОР, ф. 380 (Корф М. А.), д. 36, л. 1—2.

²⁰ Так, для Эрмитажа были отобраны монеты, печати, медали и змеевики // ЦГИА СССР, ф. 472, оп. 18 (104/941), д. 139, л. 13, 18—19 об.

белина, Д. А. Ровинского, И. Д. Беляева, купца А. Сорокина.²¹ Описи были составлены краткие и лишь описание пергаменных рукописей было сделано «по правилам науки» Т. И. Филипповым.²² Известно, что в составлении описей предметов «Древлехранилища» принимал непосредственное участие и сам М. П. Погодин.²³

В Оружейной палате «Древлехранилище» Погодина было размещено в Ротонде вместе с церковными памятниками коллекции П. Ф. Карабанова и основного собрания Оружейной палаты, где хранилось до 1856 г., когда при осмотре Оружейной палаты император Александр II приказал «хранящиеся в Ротонде Московской Оружейной палаты древние иконы и другие предметы церковной древности» передать в Синодальную ризницу, для хранения в Мироваренной палате.²⁴ В последней переданные древности и находились до 1871 г.

Еще в конце 1860-х гг., во время занятий в Кремле, на это собрание церковных памятников обратил внимание В. А. Прохоров, заведующий Музеем древнерусского искусства при Академии художеств.²⁵ Он начал хлопотать о передаче этого собрания в Петербург и, после продолжительной борьбы с синодальными чиновниками и Московским Публичным и Румянцевским музеем, который также стремился пополнить свои коллекции этими памятниками, в 1871 г. все, что хранилось в Мироваренной палате, поступило в Музей древнерусского искусства Академии художеств.²⁶ Отметим, что 8 февраля 1871 г. сам М. П. Погодин обратился с просьбой не вывозить его бывшее собрание из Москвы, ссылаясь на распоряжение императора Николая I при покупке коллекции в 1852 г.²⁷ Однако вмешательство вел. кн. Владимира Александровича решило дело в пользу Музея Академии художеств. Вместе с другими памятниками перевезена была и миниатюра Сийского Евангелия. В Музее древнерусского искусства Академии художеств она хранилась, не привлекая особого внимания, как, впрочем, и многие другие первоклассные памятники, до 1897 г.

В 1890-х гг. в Петербурге велись работы по созданию Русского музея имени имп. Александра III. Многие учреждения передавали произведения русских художников и скульпторов во вновь организованный музей. Академия художеств решает полностью передать Музей древнерусского искусства. В 1897—1898 гг. все экспонаты этого музея перевозятся в б. Михайловский дворец, среди них и миниатюра «Поклонение волхвов».²⁸ В новом музее отдел древнерусского искусства оформляется «на скорую руку», в результате чего многие, даже уникальные произведения не были включены в экспозицию, а хранились в запасниках. Причем «размещение вещей в запаснике», как писал об этом в своих воспоминаниях хранитель Художественного отдела П. И. Нерадовский, «было возложено на служителей и, очевидно, без присмотра».²⁹ Лишь в 1912 г. приступили к переустройству экспозиции и полной инвентаризации памятников.³⁰ Именно тогда миниатюра и получила наклейку с № 5048. Таким образом, документально прослеживается путь миниатюры с 1851 г. из собрания М. П. Погодина в Русский музей, где она хранится в настоящее время.

²¹ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1898. Т. 12. С. 357.

²² Там же. С. 362.

²³ Там же. С. 325—326.

²⁴ ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 151, д. 702, л. 1.

²⁵ Там же, ф. 789, оп. 6 — 1869, д. 111, л. 1.

²⁶ Там же, л. 43—52; ф. 797, оп. 40, д. 49, л. 105—124.

²⁷ Там же, ф. 789, оп. 6 — 1869, д. 111, л. 107—108; см. также ф. 472, оп. 18 (104/941), д. 139, л. 8—10, 15.

²⁸ Журналы и отчеты имп. Академии художеств за 1896 г. СПб., 1897. С. 64—65.

²⁹ ГРМ, сектор рукописей, ф. 128, д. 20, л. 16 об.

³⁰ См.: Сычев Н. П. Древлехранилище памятников русской иконописи и церковной старины имени имп. Николая I при Русском музее имп. Александра III. Петроград, 1916. С. 6.

Менее ясен вопрос, когда и от кого попала миниатюра к М. П. Погодину. Как большинство коллекционеров своего времени, известный русский историк приобретал памятники для своего «Древлехранилища», мало интересуясь законностью их происхождения. Более того, известно, что один из агентов М. П. Погодина — некий Головастиков — был даже осужден за кражу древностей.³¹ Характерна для XIX в. и позиция, которую занимал М. П. Погодин в отношении памятников, хранящихся в провинциальных городах и отдаленных монастырях. Так, в путевых заметках, опубликованных в 1842 г. в «Москвитянине», он писал: «Думал дорогою о Всероссийском музее. Что если бы собрать древние вещи, одежды, оружия, рукописи, образа, из всей России (разумеется, только из захолустьев, куда никто не ездит, и где они лежат без употребления), расположить их в хронологическом порядке в каком-нибудь здании Москвы, например Оружейной Палате. Какое было бы величественное и поучительное собрание! Мы увидели бы тогда осязаючи, что отцы наши были не так просты и грубы, как мы среди своего ученого невежества об них предполагаем. Сколько рассыпано всяких драгоценностей по лицу всей России, где они лежат без употребления и пользы! Кому, например, придет охота ехать в Прилуки (и даже в Вологду), смотреть на такую-то примечательную рукопись, или резной крест, или пелену. Тогда только, как все подобные вещи будут храниться вместе, можно будет написать историю художеств в России, историю частной жизни и прочее».³² Близкую позицию, как показал анализ его собрания рукописей, занимал и известный археограф П. М. Строев.³³ Вместе с тем такая позиция и методы собирания, характерные, кстати, не только для России, во многом обусловлены многочисленными фактами гибели древних памятников, свидетелями которых были и П. М. Строев, и М. П. Погодин.³⁴

По всей видимости, М. П. Погодину было известно происхождение миниатюры «Поклонение волхвов». Косвенно это подтверждается целым рядом фактов. Как на самой миниатюре, так и в цитированной выше описи стоит точная дата — 1339 г. О находке редкостного, точно датированного Евангелия 1339 г. было публично заявлено П. М. Строевым в своем докладе 28 декабря 1829 г. в Академии наук, и, следовательно, М. П. Погодин не мог не знать об этом. При покупке «Древлехранилища» император Николай I повелел: «Печатные книги, рукописи и эстампы. . . обратить в Императорскую Публичную Библиотеку».³⁵ И в соответствии с этим все гравюры, лубочные картинки и отдельные миниатюры,³⁶ за исключением «Поклонения волхвов» 1339 г. и семи миниатюр из Евангелия 1717 г., поступили в Публичную библиотеку. Включение же этих миниатюр в опись икон выглядит несколько странным, поскольку описания икон составлялись такими знатоками, как А. Сорокин и Д. А. Ровинский, под контролем самого М. П. Погодина. Создается впечатление, что Погодин не желал привлекать внимание ученых к этим произведениям, что неминуемо должно было бы произойти при поступлении их в Публичную библиотеку.

Следует обратить внимание на то, что из Сийского Евангелия была вырезана только одна, и притом входная, миниатюра, так что текстовая цельность рукописи не была нарушена. Проставленная на обороте миниатюры дата свидетельствует, что изъявший ее внимательно изучил

³¹ См.: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. 12. С. 311.

³² Погодин М. Вологда: Путевые заметки // Москвитянин. М., 1842. № 8. С. 263.

³³ См.: Уо Д. К. К изучению истории рукописного собрания П. М. Строева // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 184—203.

³⁴ Некоторые примеры см.: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1896. Т. 10. С. 420—421; Т. 12. С. 347, 396—397.

³⁵ Там же. Т. 12. С. 343.

³⁶ Например, с изображением «принятия Спасителя от купели царем Алексеем Михайловичем», «снятие Иисуса со креста» // Там же. Т. 12. С. 368—369.

рукопись и понимал ценность точно датированного произведения. Все это, в совокупности с фактами изъятия из древних рукописей отдельных листов и целых статей П. М. Строевым,³⁷ свидетельствует о том, что наша миниатюра была вырезана именно им. А сделать это археограф мог только в июне 1829 г., когда осматривал Антониево-Сийское собрание рукописей. В феврале 1842 г. Строев продал свое собрание рукописей М. П. Погодину.³⁸ Возможно, тогда попала в «Древлехранилище» и миниатюра Сийского Евангелия, хотя она и не упомянута в описи строевского собрания.³⁹ Правда, не исключено, что миниатюра была продана П. М. Строевым до 1842 г., но, по крайней мере, не ранее декабря 1829 г.

Слухи о незаконных действиях Строева возникли еще при жизни исследователя и частично получили подтверждение уже в 40-х гг. XIX в.⁴⁰ Вероятно, именно поэтому М. П. Погодин и не включил «Поклонение волхвов» в опись произведений, передававшихся в Публичную библиотеку.

Таким образом, мы считаем, что миниатюра Сийского Евангелия 1339 г. «Поклонение волхвов» была вырезана из рукописи в июне 1829 г. П. М. Строевым и от него между 1829 и 1851 гг., а скорее всего в 1842 г., поступила в собрание М. П. Погодина, который знал о происхождении и пути приобретения этого памятника. С 1851 г. история бытования миниатюры без перерывов прослеживается по найденным нами документам.

³⁷ У о Д. К. К изучению истории. . . С. 186—191.

³⁸ Б а р с у к о в Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1892. Т. 6. С. 358—359.

³⁹ Б а р с у к о в Н. П. Жизнь и труды П. М. Строева. С. 376—385; У о Д. К. К изучению. . . С. 201—203.

⁴⁰ В - о в Н. М. Иннокентий, архиепископ херсонский и таврический. 1800—1857 гг. // Рус. старина. 1878. Нояб. С. 392—393; Рус. вестн. 1879. Февр. Т. 139. С. 890—891.

ПО РУКОПИСНЫМ СОБРАНИЯМ

(Печатается под наблюдением В. П. Бударagina)

Г. В. МАРКЕЛОВ

Археографическая экспедиция в Латгалию в 1986 г.

Археографическая работа в Даугавпилском и Резекненском районах Латвийской ССР продолжилась после двухлетней паузы. Летом 1986 г. была осуществлена 11-я по счету экспедиция в Латгалию. В ней приняли участие, кроме автора этих строк, студенты Ленинградской консерватории Т. А. Жеребцова, Ф. В. Панченко, Т. З. Сеидова и студентка ЛГУ Е. О. Николайчук. Экспедиция работала в районах, уже хорошо известных исследователям, однако были обследованы новые населенные пункты и определены перспективные направления поисков.

Большую помощь в работе оказали работники местных органов власти: секретарь Резекненского райисполкома И. В. Малацанова и секретарь Даугавпилсского райисполкома Т. И. Савицкая. Благодаря их содействию впервые для нужд экспедиции выделялся автотранспорт, что позволило значительно повысить интенсивность работы в районах. Участникам экспедиции удалось обследовать книжные собрания, принадлежащие некоторым здешним общинам и церквям. Так, например, в д. Тискады в помещении закрытой единоверческой церкви были найдены целые комплекты изданий XVII—XIX вв., в том числе подшивки редких журналов, учебная литература по крюковому знаменному пению и другие материалы, часть из которых была доставлена в Пушкинский Дом, но многое еще осталось в церкви и требует обеспечения сохранности, на что было обращено внимание Резекненского райисполкома. Несколько интереснейших рукописей было получено с согласия руководства старообрядческой общины из храмовой библиотеки одной из старейших в Латгалии деревни Речини. Необходимо отметить, что рассчитывать на передачу книг или рукописей из общинных библиотек в государственное хранилище можно лишь в тех случаях, когда книга не используется при богослужении и исключительно при добровольном согласии руководства общины.

Большинство рукописей, а их было найдено свыше шестидесяти, получено в дар от местных старожилков или их наследников. Так, от З. А. Буровой, дочери известного латгальского головщика и наставника, большого друга Древлехранилища Пушкинского Дома Аввакума Тимофеевича Бузова (1905—1985 гг.), было приобретено около десятка орнаментированных рукописных певческих книг, особенно любимых покойным А. Т. Бузовым, большим знатоком древнерусской книжности и знаменного пения. Многие находки экспедиции являются собой образцы поздней, крестьянской по преимуществу, рукописно-книжной традиции. Содержание их, особенно литературных сборников, раскрывает широту читательских вкусов и запросов в среде латгальских староверов и их немалое искусство в книгописном деле.

Несколько слов о самих находках.

Древнерусские литературные памятники обратят на себя внимание прежде всего новонайденным списком Повести о Мамаевом побоище (№ 384).* Это второй список памятника в Латгальском

* Цифра в скобках означает шифр рукописи Латгальского собрания Древлехранилища.

собрании, отличающийся от найденного в 1977 г., в котором текст подвергнут поморской обработке (№ 114). Новый список представляет собой вариант распространенной редакции Повести, имеет в тексте сокращения, иные названия глав и концовку. Среди находок имеется житие Моисея Угрина из Киево-Печерского патерика (№ 384), сочинения Максима Грека (№ 384, 403, 407). Найден также полный список «Стоглава» (№ 401), к которому присоединен список грамоты 1599 г. царевича Федора к старцу Варсонофию Иоахимову в Троице-Сергиев монастырь с сообщением о болезни царя Бориса Федоровича.

А г и о г р а ф и ч е с к и й ж а н р представлен среди находок списками житий и памятей Параскевы Пятницы (№ 383, 384, 409), св. Андрея, Кирика Отходника, Феофана Милостивого, Давида разбойника (№ 384), Аполлинарии девицы, Алексея человека божия, Кирика и Улиты, Марии Египетской, Екатерины великомученицы (№ 409). В новонайденных литературных сборниках часто встречаются повести из «Великого зеркала» (№ 384, 407, 409, 417), различных патериков и Пролога (№ 384, 408), комплексы изречений из «Пчелы» (№ 384, 407), слова из «Измарагда» (№ 384).

В рукописях, доставленных экспедицией, находятся а п о к р и ф и ч е с к и е с о ч и н е н и я: «Беседа трех святителей» (№ 383, 384, 407), повести о Макарии Египтянине (№ 383, 407), «Сказание о распятии Иисуса Христа в великую среду» (№ 384, текст совершенно иной, чем в печатных изданиях «Страстей Христовых», «Повесть об Адаме и о кресте Господни, и о разбойнических, и о главе Адаме, и о двою разбойниках» (№ 384), отдельные главы из «Страстей Христовых» (№ 408), «Сон Богородицы» (№ 447).

Отметим также отдельные повести: о крестном сыне Иисуса Христа (№ 417), о Григории папе римском (№ 403), о видении Козьмы игумена (№ 384), об Удоне епископе Магдебургском (№ 408), а также пространную переводную повесть об ангеле, 30 лет страдавшем за ослушание, и о двух сестрах, спасшихся от гибели, с заглавием текста: «Выписано из книги палеолога толковаго» (№ 417). В четьях сборниках встречаются поучения о женской злобе и о нравах злых (№ 384), против пьянства (№ 403), о необщении с еретиками (№ 418), притчи Варлаама (№ 384), притчи человеческого жития (№ 384), пророчество Исая сына Амосова (там же), молитва азбучная (№ 408), выписки из разных книг: «Мессии праведного» (№ 403), «Кирилловой» (№ 384, 407, 408), «Отечника» и др.

П а т р и с т и ч е с к и е с о ч и н е н и я представлены словами и поучениями Иоанна Златоуста (№ 384, 407, 418), Иоанна Дамаскина, Ипполита папы римского, Григория Новокесарийского, св. Евагрия, Палладия мниха, Василия Великого, Кирилла Александрийского (№ 384), св. Нифонта (№ 407), Афанасия Александрийского (№ 408), св. Ефрема (№ 418).

С т а р о о б р я д ч е с к и е с о ч и н е н и я в новонайденных рукописях представлены списками Андрея Денисова «Слова плачевна о злостраданиях и скорбях» (№ 418) и слова «О плаче сего времени» (там же), сказаниями о грехе прелюбодеяния «и коль бедственны бывают последствия его» с привлечением примеров из мировой истории (там же), о происхождении нашей плоти или галстуков («Выписано из хроники латынского в лето 6023-е») (№ 403), о неупотреблении в пищу сахара (№ 403, 418). В двух списках представлены «Ответы обские» — фундаментальное полемическое сочинение, посвященное широкому кругу вопросов церковного и бытового характера, составленное, как явствует из текста, в Сибири на Оби в 1789 г. В наших рукописях переписчики указали, что лишь 10-я часть «Обских ответов» переписана ими (№ 403, 418).

Старообрядчество в Прибалтике в XVIII и XIX вв. придерживалось исключительно федосеевского толка, поэтому федосеевские полемические

сочинения часто встречаются в латгальских рукописях: трактат о причинах несоединения с поморцами (№ 418), послания против браков и новоженов (№ 403, 418), соборные статьи «о церковных вещех» в 46 пунктах, принятые на Соборе в Польше в 1753 г. за подписями Терентия Васильева с братиею (№ 403), копия с записки отца Никиты Марковича о пребывании его в Даниловом монастыре (№ 405). Сложные вопросы становления феодевоевского согласия отражены в полемическом послании к Феодосию Васильеву о невозможности «простоцам» брать на себя функции священников (№ 403) и в постановлении 1694 г. «отцов духовных новгородских» с Феодосием Васильевым против «церковного устройства за свейским рубезжом» во главе с Иваном Коломенским (там же). Любопытен эсхатологический трактат, озаглавленный «О буре морстей, юже укроти святыи Иоанн Богослов молитвою своею» (№ 408). Под этим названием вписан текст о Наполеоне-антихристе, пленении Царьграда и конце света с упоминанием царей Александра и Константина (!). Отметим сочинение с заглавием «Вопросы и ответы», содержащее диалоги сатирически-обличительного свойства: 1) Грех — скончался, 2) Правда — умерла, 3) Благодать — вышла из света. . . 18) Терпение — скоро лопнет».

Старообрядческое стихотворство на сей раз представлено одним лишь текстом — «Стих-плач преболезненный о озлоблении кафоликов» (№ 422). Местному автору, возможно, наставнику Речинской общины П. И. Карпушенко, принадлежит «Духовное завещание (благословение) отца к детям» (№ 423). Поздние старообрядческие полемические сочинения начала XX в. представлены тремя тектографическими изданиями (№ 427, 434, 435), а также протоколом совещания саратовских поморцев от 1927 г. по поводу созыва Всероссийского собора для решения вопроса о новоженях (№ 442).

Изобразительные материалы пополнились гравированным в 1870 г. портретом учредителя Преображенской Московской общины И. А. Ковылина (№ 416), старообрядческими настенными листами: «Лабиринт премудрости» (№ 428), «Тяжко есть иго на сынех Адамлих» (№ 429), «Сказание о страстях Христовых» (№ 430), «Лествица божественного восхода» (№ 443).

Внимание искусствоведов привлечет находка, обнаруженная экспедицией в кладовой Тискадской единоверческой церкви, ныне закрытой. В книжном шкафу была найдена плотная связка бумаг, на обертке которой было выведено: «Страсти Христовы». Это оказались прориси икон, относящиеся (судя по филиграммам на бумаге) к третьей четверти XVIII в. Наибольший интерес среди них вызывают 12 сюжетных листов большого формата (ок. 44×36 см), с изображениями евангельских эпизодов от «Тайной вечери» до «Положения Христа во гроб» (№ 392). Оригинальный рисунок, выполненный в барочном стиле, необычность композиции каждого листа, насыщенность поля динамичными человеческими фигурами, изобилие декора выдают автора прорисей как незаурядного рисовальщика. Весь комплект представляет собой правую часть большой композиции в храмовом интерьере и являет собой любопытный образец русского барокко. Остальные листы содержат канонические прориси более традиционных сюжетов: богородичных и спасовых (№ 385—391). Небезынтересным является тот факт, что в качестве обертки прорисей был использован документ 1770 г. из заонежского Сумпосада, содержащий обязательство крестьянской жены отдать в рекруты сына в уплату за долги мужа питейной конторе (№ 393). Обертка связки прорисей, несомненно, сделана была еще в XVIII в., и как она попала в Латгалию — остается загадкой.

Плодотворной оказалась работа экспедиции и по музыковедческой части. Студенткам консерватории, изучающим древнерусское певческое искусство и участвовавшим в нынешней поездке, было полезно ознакомиться с бытующей в Латгалии практикой старообрядческого пения по крюкам, еще живой традицией старинного знаменного пения и использо-

вания певческих книг. В Резекненской старообрядческой церкви им было разрешено записать на магнитофон храмовое пение при богослужении на праздник Троицы, были записаны также образцы роспевов от головицы г. Резекне В. Н. Якимовой, певицы из д. Римши А. Ф. Рыбаковой, наставников из г. Даугавпилса П. Т. Стрелкова и М. В. Поддубникова и др. Кассеты с записями поступили в фонотеку Ленинградской консерватории. А среди найденных рукописей оказалось немало певческих крюковых книг, в достаточной мере отражающих особенности латгальской знаменной певческой традиции: Ирмологии (№ 383, 398, 400), Октоихи (№ 413, 426), Обиход (№ 421), Праздники (№ 395), Стихирарь (№ 396), Азбуки певческие (№ 397, 414) и сборники (№ 399, 412, 425, 439, 441, 445). Как правило, эти рукописи имеют богатое орнаментальное (в том числе и поморское) убранство, а в текстах встречаются варианты роспевов, указания для певцов и т. п.

Старопечатными изданиями, в том числе и «дониконовскими», изобилуют общинные библиотеки в Латгалии — в каждой моленной имеется в той или иной степени полный круг богослужебных книг; много печатных изданий мы встречали и в домах местных старожилов. Надо отметить, что печатные книги здесь ценятся еще достаточно высоко, сравнительно с рукописями, текст которых порой представляет затруднения для местных читателей. На этот раз нам удалось получить в дар для ОРК научной библиотеки ЛГУ экземпляр Евангелия благовестного с толкованиями Феофилакта Болгарского (М., 1649. Ч. 2). Для справочной библиотеки Древлехранилища была приобретена книга известного причудского иконописца и книжника Г. Е. Фролова «Путь, ведущий христианина к прощению грехов». Этот огромный том (в нем около 700 листов текста!) автор напечатал в старообрядческой типографии Л. А. Гребнева на Вятке в с. Тушке в 1915 г. (оп. 31, № 351).

Находки новых рукописей позволили значительно расширить поименный список латгальских книжников XVIII—XX вв.: более 40 имен выявлено из приписок, записей и помет на книгах. Среди них имена восьми неизвестных ранее переписчиков XIX—XX вв., а к рукописям уже известных писцов — Л. К. Буцева, И. У. Ваковьи, И. Ф. Гущенко — прибавилось несколько новых. Впервые были обнаружены имена переплетчиков рукописных книг: К. Н. Горбунова (№ 418), диакона Стефана (№ 410), В. И. Шагина (№ 383). Значительная часть рукописей содержит на листах имена своих владельцев — латгальских (шире: прибалтийских) русских старообрядцев-крестьян и мещан, что подтверждает в целом демократический характер местной книжной традиции. И в этой связи нельзя не вспомнить с чувством благодарности имена жителей Резекненского и Даугавпилсского районов, подаривших хранившиеся у них книги Пушкинскому Дому в 1986 г.: А. С. Беловой (д. Обелишки), Ф. Л. Борисенко (д. Парамоновка), М. Г. Воробьева (п. Виляны), Т. А. Воробьева (д. Обелишки), М. И. Дегтяревой (хут. Малиновка), К. А. Дмитриева (д. Нотры), А. Ф. Климовой (д. Римши), Е. В. Константиновой (д. Рубенишки), А. Ф. Рыбаковой (д. Римши), М. И. Сенченко (д. Рудушки), П. В. Толстова (д. Штыканы), К. Д. Филимоновой (д. Данишевка).

Находки рукописей в Латгалии еще вполне вероятны, и поэтому археографам придется не раз направлять туда свои экспедиции.

Описание рукописей, собранных летом 1986 г. в Даугавпилсском и Резекненском р-нах Латвийской ССР¹

1 (383). Сборная рукопись, XVII в. (последняя четверть) — XIX в. (3-я четверть), в 4-ку, 190 л., полуустав четырех почерков, переплет — доски, покрытые тисненой кожей с остатками двух застежек. Состоит

¹ Описание сделано автором при участии Ф. В. Панченко (певческие книги).

из четырех рукописей: 1-я — л. 1—79, XVII в. (конец), бумага с филигранью «Seven provinces» — «H» (сходные знаки датируются по разным альбомам концом XVII в.), «Герб Амстердама» — «IV» (см.: Дианова, Костюхина, № 173 — 1697 г.); на л. 2 орнаментированная чернильная заставка-рамка, заголовки киноварные; 2-я рукопись — л. 81—103, XVIII в. (начало), бумага с филигранью «Seven provinces» — «HG» (см.: Клепиков. Филиграния, № 1072 — 1708 г.), заглавия киноварные; 3-я рукопись — л. 104—115, XIX в. (3-я четверть), бумага без фабричных знаков, на л. 104 орнаментированная заставка в красках, буквицы киноварные; 4-я рукопись — л. 120—189, XVII в. (последняя четверть), бумага с филигранью «Герб Амстердама» — «EP» (см.: Дианова, Костюхина, № 149 — 1686 г.), киноварное заглавие вязью (л. 120) и здесь же орнаментированный киноварный инициал «T». С л. 81 полистная запись: «Положил сию книгу в церковь Николаю. . .» — далее обрезано. На л. 190 и нижнем форзаце карандашная помета: «Переплетчик Василий Иванович Шагин». Л. 80, 116—119 без текста (на последних следы какого-то оттиска). Последние листы утрачены.

С о д е р ж а н и е: Житие, чудеса и служба Параскевы Пятницы, Беседа трех святителей, Ирмологий певческий на крюках.

Из библиотеки моленной д. Речини.

2 (384). **Сборная рукопись**, XVII в. (конец)—XVIII в. (1-я четверть), в 8-ку, 410 л., полуустав и скоропись нескольких перемежающихся почерков: 1-й полуустав — л. 5—189, 231—290, 300—319; 2-й полуустав — л. 190—191, 292—299, 392—399; 3-й полуустав — л. 320—377; 4-й полуустав — л. 384—389; 1-я скоропись — л. 192 об.—196; 2-я скоропись — л. 198—224; переплет — доски в тисненой коже со следами двух застежек. Бумага с водяными знаками: «Герб Амстердама» с буквами «AP», «AI», «IA», «V» (сходные знаки датируются по разным альбомам концом XVII в. — 1-й четвертью XVIII в.); гербовый знак со сломом (см.: Лауцявичюс, № 951, 1721 г.); «Богородица» в овале/«NAI» (см.: Лауцявичюс, № 2393, 1723 г.); орел двуглавый (см.: Дианова, Костюхина, № 1023, 1697 г.). Филиграния в рукописи перемежаются между собой. Имеются киноварные заглавия и буквицы. Киноварные инициалы орнаментированы. На л. 5 об. орнаментированная заставка в красках. На л. 1, 2, 2 об., 226, 230 об., 402—410 имеются молитвословия и пробы пера. На л. 390 владельческая запись латгальского книжника Е. С. Суворова «Сия книга, глаголемая Тве[т]ник Ефима Степановича». Л. 1—4, 48, 197, 225—230, 291, 378—383, 390, 391, 398—410 без текста.

С о д е р ж а н и е: «Повесть о Мамаевом побоищи, как прииде на Москву и о победе его» — вариант распространенной редакции памятника; жития Моисея Угрина, Параскевы Пятницы, св. Андрея; слова и поучения Иоанна Златоуста, Ипполита, папы римского, Иоанна Дамаскина, Григория Новокесарийского, св. Евагрия, Палладия мниха, Исаяи пророка, Кирилла Александрийского; апокрифы: «Сказание о распятии Иисуса Христа в великую среду», «Повесть об Адаме и о кресте Господни, и о главе Адама, и о двою разбойниках», о Макарии Египтянине, «Беседа трех святителей», повести, поучения и слова из «Великого Зерцала», Пролога, патериков, Кирилловой книги, «Златоуста»; изречения из «Пчелы» и др.

От Ф. А. Климовой (д. Римши).

3 (385). **Прорись иконы «Спас на престоле» с предстоящими**, XVIII в. (1-я четверть), 60×52 см, рисунок чернилами. Бумага с филигранью «Герб Амстердама» — «PV» (см.: Клепиков, Филиграния, № 1344 — 1720—1723 гг.). На обороте прорись многофигурной иконы «Агнец божий» (?).

Из библиотеки единоверческой церкви д. Тискады.

4 (386). Прорись иконы «Спас-вседержитель», XVIII в. (3-я четверть), 43.5×34.5 см, бумага с филигранью «Pro Patria» — «ФСМП» (см.: Клепиков, Филиграния, № 221 — 1762—1776 гг.). Прорись чернилами с киноварными пробелами.

Из библиотеки единоверческой церкви д. Тискады.

5 (387). Прорись иконы «Богородица — Знамение», XVIII в. (3-я четверть), 41×55 см, рисунок чернилами. Бумага с филигранью «ВФ» — «СТ» (см.: Клепиков, Филиграния, № 151 — 1765—1776 гг.). На обороте прорись иконы Иоанна Крестителя и черновик начала письма: «Милостивый мой и благоприятнейший государь и братец. . .» Верхняя часть прориси утрачена.

Из библиотеки единоверческой церкви д. Тискады.

6 (388). Прорись иконы Богородицы, XVIII в. (3-я четверть), 72.5×50.5 см, рисунок чернилами. Бумага с водяными знаками: «Pro Patria», «РМ» — «ДЗ» (см.: Участкина, № 377 — 1773 г.), «Ф» — «Ф» (см.: Там же, № 461 — 1775 г.). Фигура Богородицы в рост, внизу композиция об отроке-иконописце.

Из библиотеки единоверческой церкви д. Тискады.

7 (389). Прорись иконы «Богородица — Одигитрия», XVIII в. (3-я четверть), 60×42 см, рисунок чернилами. Бумага с водяным знаком «ВФ» — «СТ» (см.: Клепиков, Филиграния, № 151 — 1765—1776 гг.). На обороте помета: «Богородицыны» и «Гри. Богданова».

Из библиотеки единоверческой церкви д. Тискады.

8 (390). Прорись иконы «Богородица — Одигитрия», XVIII в. (3-я четверть), 78×49.5 см (нижняя левая часть прориси утрачена), рисунок чернилами с пробелами киноварью. Бумага без видимых фабричных знаков. На обороте помета: «Сии образцы велено уменьшить. . .» и другие записи хозяйственного содержания скорописью XVIII в.

Из библиотеки единоверческой церкви д. Тискады.

9 (391). Прориси иконы Богородицы на престоле («Похвала Богородицы») (4 фрагмента) и 4 фрагмента прорисей разных икон, XVIII в. (3-я четверть), фрагменты разных форматов. Бумага с водяным знаком «ВФ» — «СТ» (см.: Клепиков, Филиграния, № 151 — 1765—1776 гг.).

Из библиотеки единоверческой церкви д. Тискады.

10 (392). Прориси икон «Страсти Христовы», XVIII в. (3-я четверть), 12 сюжетов с фрагментами. Бумага с водяными знаками: «РФК» — «ПР» (см.: Участкина, № 542 — 1762 г.) — л. 1—4, 6—9, 10а, 12; «ВФ» — «СТ» (см.: Клепиков, Филиграния, № 151 — 1765—1776 гг.) — л. 5, 11; «РФ» (вензель) — лилия (?) (знак в альбомах не учтен) — л. 10. Прориси представляют собой комплект правой части большой композиции, выполнены в русской барочной стилистике. Связка прорисей была обернута в бумагу, на которой содержится документ 1770 г. из Сумпосада (см. ниже, № 393).

С ю ж е т ы:

л. 1 — «Вечеря тайная», 43.5×36 см, прорись без обводки чернилами;
л. 2 — «Омовение ног», 42×36 см, прорись без обводки чернилами;
л. 3 — «Моление о чаше», 44×36 см, обводка красными чернилами;
л. 4 — «Лобзание Иудино», 42×36 см, обводка красными чернилами;
л. 5 — «Предстоит Господь Каиафе», 50×41 см, состоит из двух листов, частичная обводка красными чернилами;

л. 6 — «Биеание у столпа», 44×36 см, обводка красными чернилами; на обороте пометы: «Иван Шадрин руку приложил», «Стафлий Антипов, выборной Василей Евтефеев, пичик (?) Василей Семенов, Евсегней Иванов» и другие «пробы пера» скорописью XVIII в.:

- л. 7 — «Умы Пилат руже пред народом», 44×36 см, обводка красными чернилами;
 л. 8 — «Возложение венца», 41×36 см, обводка красными чернилами; внизу листа помечено: «И. С. А. В. — 1715, С. Р. С. В. Е.»;
 л. 9 — «Несение креста на Голгофу», 43×36 см, обводка красными чернилами;
 л. 10 — «Ю кресту пригвождение», 42×36 см, обводка красными чернилами;
 л. 10а — То же, без обводки.
 л. 11 — «Снятие со креста», 42×35 см, чернильной обводки нет, рисунок почти не виден;
 л. 12 — «Положение во гроб», 44×36 см, прорись без обводки чернилами;
 л. 13 — 6 небольших разрозненных фрагментов к разным сюжетам, разного формата, обводка чернилами.

Из библиотеки единовременной церкви д. Тискады.

11 (393). **Обязательство** жены экономического крестьянина Двинского уезда Сумского стана Нихоцкой волости Ивана Григорьевича Елизарова, Федоры Федоровой с детьми сдать в очередной рекрутский набор одного из своих сыновей в уплату за долги мужа своего Сумской питейной конторе, 1770 г., май, 2 л., скоропись, копия. Документ использовался в качестве бумажной обертки для связки иконных прорисей «Страсти Христовы» (см. № 392).

Из библиотеки единовременной церкви д. Тискады.

12 (394). **Синодик Иова патриарха**, XVIII в. (90-е гг.), в 8-ку большую, 6 л., полуустав, заглавия и буквы киноарные, без обложки. Бумага с водяным знаком: гербовый щит с буквами «Д—С»/«В» (см.: Клепиков, Филиграния, № 976 — 1790 г.). Нач.: «Помяни, господи, усопших раб своих и рабынь. . .» — сохранились только общие статьи Синодика.

От М. И. Сенченко (д. Рудушки).

13 (395). **Праздники певческие на крюках**, XVIII в. (конец), в лист, 297 л., поморский полуустав, имеются киноарные заголовки вязью и орнаментированные инициалы и буквы, переплет — доски, покрытые тисненой кожей с двумя застежками. Бумага с водяными знаками: «Pro Patria» — «GR» под короной между двумя ветвями в круге (см.: Кукушкина, Филиграния, № 227 — 1782 г.); «АО» под короной между двумя ветвями в круге — «Pro Patria» (см.: Кукушкина, Филиграния, № 336 — 1793 г.), «Pro Patria» — «G& Nonig» (см.: Клепиков, Филиграния, № 955 — 1764 г.), «Pro Patria» — «Van der Ley» (см.: Кукушкина, Филиграния, № 482 — 1797 г.), «Pro Patria» «С. I. Meyrink» — «С. I. Meyrink» (см.: Кукушкина, Филиграния, № 352 (?) — 1799 г.). На л. 2 об., 3 две заставки-рамки поморского орнамента в красках и золоте, на л. 3 об., 6 об., 31 орнаментированные заставки и инициалы в красках и золоте. На нижнем форзаце помета чернилами: «М. Диковой». Л. 1, 296, 297 без текста. Столбовое знамя с киноарными пометами, раздельноречие. Имеются «путь» (л. 203), «большой роспев» (л. 22, 34, 42, 45 об., 51, 103 об., 109 об., 164 об., 240 об., 244 об., 257), «меньшей перевод» (л. 94, 102 об., 110 об., 154), много указаний на варианты роспевов — «ин», «ин перевод», «ин роспев», «ино знамя», «ин розвод».

От З. А. Буровой (г. Резекне).

14 (396). **Стихирарь певческий на крюках**, XIX в. (начало), в 4-ку, 414 л., поморский полуустав, имеются киноарные заголовки и орнаментированные киноарные инициалы, переплет — доски, покрытые тисненой кожей, сохранилась одна из двух медных застежек. Бумага с водя-

ными знаками: «С. & J. Honig» — «Pro Patria» (см.: Клепиков, Филиграни, № 955 — 1743, 1764 гг.), «FAO» — «Pro Patria / АО» (см.: Клепиков, Филиграни, № 812 — 1808 г.), «Герб Лазаревых» — «1800» — «Р. F. I. Л.» (см.: Клепиков, Филиграни, № 497 — 1800 г.), «Pro Patria / C. I. Meyrink» — «C. I. Meyrink» (см.: Кукушкина, Филигрань, № 352 — 1799 г. (?)). На л. 10 заставка-рамка поморского орнамента в красках и золоте. Л. 1—4, 9, 413—414 без текста. Столповое знамя с киноварными пометами, раздельноречие. Имеются «большой роспев» (л. 75, 78 об., 125 об.), «малый роспев» (л. 78), «меньшее знамя» (л. 59 об.), варианты «ин розвод» фиты (л. 131 об., 170), «ин конец» (л. 173, 334 об.), часто встречаются — «ин роспев», «ино знамя», «ин перевод». В состав праздников входят службы русским святым: Филиппу митрополиту, Петру митрополиту, Алексею митрополиту, явлению иконы Смоленской Богородицы, Савватию Соловецкому, Зосиме Соловецкому, Пренесению мощей Зосимы и Савватия Соловецких, Александру Свирскому, явлению иконы Тихвинской Богородицы, Филиппу митрополиту, Александру Ошевенскому, явлению иконы Владимирской Богородицы, Кириллу Белозерскому, обретению мощей Сергия Радонежского, явлению иконы Казанской Богородицы, Российским новым чудотворцам.

От З. А. Буровой (г. Резекне).

15 (397). **Азбука певческая на крюках**. XIX в. (начало), в 8-ку, 113 л., поморский полуустав, имеются киноварные заголовки и инициалы, переплет — доски, покрытые кожей. Бумага с водяными знаками: фрагменты литер и дата «1806 г.». Л. 13 без текста. Столповое знамя с киноварными пометами, раздельноречие.

С о д е р ж а н и е: проучки, перечень знамен и их начертания (с розводом сложных знамен), строки и попевки, фитник (фиты и лица без указаний на гласы).

От М. Г. Воробьева (пос. Виляны).

16 (398). **Ирмологий на крюках**, XIX в. (начало), в 8-ку, 183 л., поморский полуустав, имеются киноварные заголовки, некоторые инициалы и заглавия орнаментированные, переплет — доски, покрытые тисненой кожей со следами двух застежек и «жуков». Бумага с водяными знаками: «Ногн» / «АО» (см.: Участкина, № 673 — 1805 г.). Столповое знамя с киноварными пометами, раздельноречие.

От П. В. Толстова (д. Штыканы).

17 (399). **Сборник певческий на крюках**, XIX в. (10-е гг.), в 4-ку, 143 л., поморский полуустав, имеются киноварные заголовки, некоторые заглавия вязью и орнаментированные киноварные буквицы и инициалы, переплет — доски, покрытые тисненой кожей со следами двух застежек. Бумага с водяными знаками: «Pro Patria» — «АО» (см.: Клепиков, Филиграни, № 56 — 1811 г.), «Pro Patria» — «GR» под короной между двумя ветвями в круге (см.: Клепиков, Филиграни, № 1041 — 1792 г.). На л. 2 заставка-рамка поморского орнамента в красках и золоте. Текст на л. 136 об.—137 вписан позднее, в XX в. На л. 1 об. помета карандашом: «Наталии Матвеевной». Л. 1, 138 без текста. Столповое знамя с киноварными пометами, раздельноречие. Имеются «демество» (л. 77, 112 об., 113—114 об., 133), «путь» (л. 21, 63, 130—131), «малый роспев» (л. 63), «знамя меньшее» (л. 120 об.), варианты роспевов — «ин», «ин перевод», «ино знамя» (л. 76, 116, 116 об., 126, 128 об., 133—135).

С о д е р ж а н и е: стихирарь постный, стихирарь цветной, обиходные песнопения от недели Мытаря и Фарисея до 5-й недели поста, прокимны на разные праздники, стихира из Октоиха «Понеже ада связав. . .», тропари Богородичны.

От З. А. Буровой (г. Резекне).

18 (400). **Ирмологий на крюках**, XIX в. (10-е гг.), в 4-ку, 266 л., поморский полуулав, имеются киноварные заголовки, некоторые заглавия и инициалы орнаментированные, переплет — доски, покрытые тисненой кожей со следами двух застежек. Бумага с водяными знаками: «Герб Ярославля» / «ЯМГИЯ» (см.: Клепиков, 9-й вариант — 1801—1806 гг.), «ТМЕП (герб) 1813» (см.: Участкина, № 193). На л. 3 — заставка-рамка поморского орнамента в красках. На нижнем форзаце помета карандашом: «Званков Никанор Панкратевич». Л. 1, 2, 266 без текста. Столбовое знамя с киноварными пометами, раздельноречие. Часто на полях встречается развод знамен и варианты, на л. 134 — развод фиты.

От З. А. Буровой (г. Резекне).

19 (401). «**Стоглав**», XIX в. (10-е гг.), в лист, 167 л., полуулав, заглавия киноварные, переплет — доски, покрытые тисненой кожей с двумя медными застежками. Бумага с водяными знаками: «ДЯ» — «1812». На л. 80, 81 красочные изображения перстосложений, на л. 11 орнаментированная заставка в красках. На верхнем форзаце помета: «Сия книга, именуемая Стоглав» и запись карандашом: «Рукопись XIX в. (20-е гг.)». На нижнем форзаце «№ 86». Л. 9, 10 без текста.

От П. В. Толстова (д. Штыканы).

20 (402). **Шестоднев**, XIX в. (1-я четверть), в лист, 325 л., полуулав, заглавия киноварные, переплет — доски, покрытые тисненой кожей с «жуками», сохранилась одна из двух медных застежек. Бумага четырех перемежающихся сортов: 1) с видимой датой «1822»; 2) «МФАГ» — герб Гончаровых (см.: Клепиков, Филигрань, № 381 — 1810-е гг.); 3) «АСНХ» — «Pro Patria» (см.: Участкина, № 747 — 1813 г.); 4) бумага без фабричных знаков и верже. На л. 2, 3 об., 29, 30 об., 52 об., 54, 74, 76, 99, 101, 124, 125, 146 об., 147 об., 170, 171 об., 196, 287, 288 об., 302, 305 об., 309 об., 316, 324 чернильные заставки оригинального орнамента. На л. 28 об., 52, 53 об., 75 об., 98 об., 100 об., 123 об., 171, 195 об., 288, 325 орнаментированные концовки. На л. 324—325 писцом переписана выходящая запись Шестоднева, изданного в Москве в 1625 г., послужившего оригиналом данной рукописи. На л. 325 об. приписка писца (в треугольнике): «Аз многосогрешный Иоани, моим художеством и глупым разумом возмог написать сию книгу Шестоднев, а что в ней еже какой ошибок, то прошу аз вас грешнаго мене простить». На л. 1 запись: «Сия книга нарицаемая Шестоднев принадлежит Ивану Терентьевичу Амбросимову, митавскому мищанину, деревни Лигинишка (?)» скорописью XIX в. На нижнем форзаце — пробы пера. Л. 1 без текста.

От А. С. Беловой (д. Обелишки).

21 (403). **Сборная рукопись**, 1827 г. — XIX в. (3-я четверть), в 4-ку, 310 л., полуулав, нескольких почерков, имеются киноварные заголовки, переплет — доски в тисненой коже с двумя медными застежками. Состоит из трех частей: 1-я — л. 3—179, бумага без фабричных знаков, полуулав, 1827 г. (см. приписку на л. 179); 2-я — л. 179 об.—287, бумага с филигранью «ЛФБТ — 1832 г.», (л. 272—287) и без фабричных знаков, переписана той же рукой, что и 1-я часть, но в разновременных разновидностях первого почерка; 3-я — л. 288—310, бумага без фабричных знаков, полуулав другого писца, XIX в. (3-я четверть). На л. 1 овальная надпечатка П. В. Цветкова, на л. 2 помета «Иван», на л. 308 об. помета «Лаврентий Лазаревич Будревский». Текст на л. 261—262 об. вписан позднее. На полях часто встречаются пометы типа: «Зри добре и внимай», «Зри добре и внятно» и т. п. На л. 309 об. и нижнем форзаце инвентарные номера библиотеки моленной д. Речини. Л. 1—3, 308—310 без текста.

С о д е р ж а н и е: старообрядческие полемические сочинения — «Ответы обские», послания к Феодосию Васильеву, против браков, против

церковного устройства «за свейским рубежом», «Соборное уложение» 1753 г. в Польше, сочинения о неупотреблении в пищу сахара, кофия, чая и табака; повести о Григории, папе римском, о происхождении галстуков, об отроке, крестившемся песком; послание Максима Грека о тафиях; выписки из «Мессии Праведного» о зверином числе 666; выписки из разных книг и др.

Из библиотеки моленной д. Речини.

22 (404). **Часослов**, XIX в. (30—40-е гг.), в 4-ку, 98 л., полуустав, заглавия киноварные, переплет не сохранился. Бумага без верже, но с фабричной датой «1838» (?). На л. 23 об., 39, 53 об., 76 об., 81, 94 об. орнаментированные заставки чернилами. Рукопись обернута бумагой с наклейкой: «Чесовник писменной старинной. М. А. Малов, 1944». Начальные и конечные листы утрачены.

От М. И. Сенченко (д. Рудушки).

23 (405). **Сборная рукопись**, XIX в. (2-я четверть), в 8-ку, 211 л., полуустав двух почерков, заглавия киноварные, переплет — доски, покрытые тисненой кожей с двумя медными застежками. Состоит из двух рукописей. 1-я рукопись — л. 1—107, поморский полуустав, бумага с водяными знаками: 1) «Pro Patria» (знак виден нечетко), 2) Леопард со щитом — «Черепеткой» (см.: Клепиков, Филиграни, № 729 — 1828 г.). 2-я рукопись — л. 108—211, полуустав, бумага с филигранью «А. Гончаров» — «1838». Л. 33—34 — позднейшая вставка. Начальные и конечные листы утрачены.

С о д е р ж а н и е: Месяцеслов, чины крещения и исповедания; «Записка» Никиты Марковича о Даниловом монастыре.

От Т. А. Воробьева (д. Обелишки).

24 (406). «**Разговор православного с старообрядцем о церкви Христовой от священного писания**», XIX в. (середина), в 4-ку, 22 л., скоропись, без переплета. Нач.: «Православный. Любезный старообрядец, повежда ми, како чтеша символ православные веры, девятый член?» — миссионерское сочинение.

Из единоверческой церкви (д. Тискады).

25 (407). **Сборная рукопись**, XIX в. (50-е—80-е гг.), в 4-ку, 36 л., переписана четырьмя полууставными почерками, переплет и начальные листы не сохранились. Л. 1—8, 11—30 — рукопись середины XIX в., бумага со штампом «Невской (Г. и В.) фаб. С. П.» (см.: Клепиков, Штемпели, № 126 — 1851 г.); л. 31—36 — рукопись 80-х гг. XIX в. Л. 1—8 переписаны Ефимом Калининим (см. его запись в картуше на л. 8); л. 11—30 — второй полууставный почерк; л. 9—10, 30 об.—36 — третий почерк; л. 31 об.—32 — четвертый почерк. Заглавия выполнены красными чернилами. На л. 11 об. помета: «Когда был потоп, тогда народу было немного в ковчеге». На л. 31 вписан отрывок из Ирмология на крюках. На л. 32 помета: «Премудрость созда себе храм и утверди столп седмь». На л. 32 об. бланк Министерства государственных имуществ с датой 1885 г. и помета Петра Тимофеева. На л. 36 об. помета: «Тетрадь Н. Тимофеева», пробы пера, круглая печать и помета: «Конец, 1946». Начальные листы сильно попорчены (мышами?).

С о д е р ж а н и е: повести из «Великого зеркала», «Притча человеческого жития», «Беседа трех святителей», «Пчела»; поучения о трапезе, о крестном знамении, о необщении с еретиками; слова Иоанна Златоуста, св. Нифонта, Максима Грека; повесть о Макарии Египтянине и др.

От П. В. Толстова (д. Штыканы).

26 (408). **Сборник**, XIX в. (50—60-е гг.), в 4-ку, 549 л., полуустав (в нескольких разновидностях одного писца), заглавия киноварные, пере-

плет — доски в коже с двумя медными застежками, на нижней крышке укреплены медные «жуки». Бумага разных сортов без фабричных знаков, кроме л. 168 и 314, на которых виден штемпель фабрики Гагарина (см.: Клепиков, Штемпели, № 34 — 1857 г.). На л. 420 орнаментированная чернильная заставка. Имеются орнаментированные инициалы. Текст на л. 298 об. писан синими чернилами. Л. 510 и 511 представляют собою позднюю вставку. Многие листы разлинованы карандашом. Оглавление переписано скорописью. Л. 3—5, 8, 14, 105, 142—144, 378, 379, 448, 449, 461, 499, 500, 511, 525—545, 547—549 без текста.

С о д е р ж а н и е: старообрядческое полемическое сочинение о Наполеоне-антихристе («О буре морстей. . .»); повести об Удоне Магдебургском, о 13 разбойниках, из патериков; памяти и жития Кирика и Улиты, Аполлинарии, Марии Египетской, семи отроков Эфесских, Алексея, человека Божия; азбучная молитва; слова Афанасия Александрийского; службы и каноны, в том числе покаянный канон Андрея Критского, Богородице Федоровской и др.

От Е. В. Константиновой (д. Рубенишки).

27 (409). **Сборная рукопись**, XIX в. (60-е гг.), в 4-ку, 96 л., полуустав двух почерков, в картонном переплете, покрытом тисненой кожей. Состоит из двух рукописей: 1-я рукопись — л. 5—81, полуустав, бумага со штемпелем: «Фабрики С. С. С. производ. Маршева» (см.: Клепиков, Штемпели, № 113 — 1853—1860 гг.), на л. 5, 31 об., 63 чернильные орнаментированные заставки и орнаментированные киноарные инициалы, заглавия киноарные; 2-я рукопись — л. 82—96, полуустав второго почерка, бумага без фабричных знаков, на л. 82 киноарная орнаментированная заставка, заглавия и буквицы киноарные. На л. 1—4 пробы пера и детский карандашный рисунок (л. 3 об.). На л. 88 об. помечено: «№ 61, 1972»; на л. 93 об.: «№ 57»; на л. 95 пометы: «1863-го», «1864-го года мая 26 дня проезжал царь», «№ 60»; на л. 96 об. запись карандашом: «Сия тетрадь предналежит Архиппа Ермолаевича». Л. 1—4, 81, 89—96 без текста. К переплету подклеен лист со списком крестьян деревень Тискадской волости середины XIX в.

С о д е р ж а н и е: жития великомучениц Марины, Екатерины, Парасковии Пятницы; повести из «Великого зеркала».

Из библиотеки моленной д. Речини.

28 (410). **Филарет иеромонах**. «Слово Божие, объясняемое словом же Божиим и святыми отцами к познанию истины во спасение», 1867 г., в лист, 808 л., скоропись, в картонном переплете, покрытом кожей. Бумага со штемпелем фабрики Сергеева (см.: Клепиков, Штемпели, № 181 — 1862—1876 гг.). На л. 1 запись: «Сия книга составлена иеромонахом Филаретом 1867 года, сентября 20, а переплетена блаженной памяти новопреставльшимся диаконом Стефаном, который прешел от здешняго мира в небесный сего 1868 года июля 26 дня около полуночи на 27-е, а принадлежит мне, многогрешному и многосуетному Николаю. Села Выездной слободы».² На корешке и на л. 1 — «№ 106». Сочинение представляет собой богословский компилятивный трактат, снабженный «Каталогом собственных (библейских) имен» с толкованиями (л. 733) и «Оглавлением по алфавиту» (л. 767). Л. 729—732, 808 без текста.

Из библиотеки единоверческой церкви д. Тискады.

29 (411). **Часослов**, XIX в. (3-я четверть), в 4-ку, 198 л., полуустав, заглавия киноарные, переплет — доски, покрытые тисненой кожей с остатками двух застежек. Бумага без фабричных знаков, только на л. 189—

² Село Выездная слобода располагалось в Арзамасском уезде Нижегородской губернии.

198 имеется штемпель Невской фабрики (см.: Клепиков, Штемпели, № 121 — 1853—1857 гг.). На л. 1 об., 5, 54 об., 77 об., 106, 114, 127, 132 об., 137, 147, 151 об., 166 чернильные орнаментированные заставки. На л. 188—188 об. поминальные записи 1899—1921 гг. Л. 188—198 без текста. Текст Часослова предваряет (с л. 1 об.) «Начальное учение человеком, хотящем учиться книг божественнаго писания». Нач.: «Господие и братие, простите нас худых, еже убо зде написахом. . .»

Из библиотеки моленной д. Речини.

30 (412). **Сборник избранных песнопений на крюках**, XIX в. (3-я четверть), в 4-ку, 69 л., полуустав двух почерков. 1-й почерк: л. 2—25; 2-й почерк (А. С. Соколова): л. 26—67; имеются киноварные заголовки и инициалы, в картонном переплете с кожаным корешком и уголками. Бумага с фабричными знаками: «Троицкой (Говарда) фабрики» (см.: Клепиков, Штемпели, № 40 — 1859—1868 гг.). К верхнему и нижнему форзацу приклеены листы со старопечатным текстом. На нижнем форзаце записи чернилами: «Яша Алексеевич», «Преставилась Ефросиния 8 июня», на л. 37 об. запись киноварью: «Конец гласу седмому. Писал правого лику Голавц. Штыканьскаго приходу Андрей Савельевич Соколов». Л. 67 без текста. Столповое знамя с киноварными пометами, новое истинно-речие. Имеется «путь» (л. 53 об., 58 об., 59) в путевой нотации. Часто встречаются указания на «лики».

С о д е р ж а н и е: кафизмы и славы дневные; канон Троице; песнопения цветной недели (стихиры, канон); тропари и кондаки на двенадцатые праздники; всенощная (фрагменты); стихира Рождеству Христову.

От П. В. Толстова (д. Штыканы).

31 (413). **Октоих на крюках**, XIX в. (3-я четверть), в 4-ку, 118 л., полуустав, имеются киноварные заголовки, некоторые заглавия вязью и орнаментированные киноварные буквицы и инициалы, переплет — доски, покрытые тисненой кожей со следами двух застежек. Бумага без фабричных знаков, на форзацах имеется штемпель «Фабрика Сергеева № 6» (см.: Клепиков, Штемпели, № 181—1862, 1866—1876 гг.). На л. 4 орнаментированная заставка-рамка в красках, на л. 4 об. — инициал в красках. На верхнем форзаце пометы карандашом: «Натальи Матвеевн сия книга 1894», «Матушки Аполинарии преобретено 1894 г.». Л. 1—3, 116—118 без текста. Столповое знамя с киноварными пометами, раздельноречие. Развод фит в тексте.

От З. А. Буровой (г. Резекне).

32 (414). **Азбука певческая на крюках**, XIX в. (3-я четверть), в 8-ку, 182 л., полуустав, имеются киноварные заголовки и инициалы, переплет — доски, покрытые кожей с остатками золотого тиснения, на корешке тиснение «Азбука певческая», имеются две медные застежки. Бумага с фабричным штемпелем Татаровской фабрики (см.: Клепиков, Штемпели, № 161—1865—1883 гг.). На л. 5 приклеена заставка из старопечатной книги. На л. 3, 4 штемпель владельца: «Иван Никитин Горнухин», на л. 182 об. запись: «Цена 4 рубля». Л. 1—4, 178 об.—182 без текста. Столповое знамя с киноварными пометами, раздельноречие.

С о д е р ж а н и е: лествица, проучки, «знамени имена и поступки», фитник, двознаменник (знаменная и нотолинейная нотации), «Книга глаголемая кокизы». Нач.: «Велиим любомудрием и крепким тпанием и земным желанием. . .»; «Роспись пению красному, строкам и фитам к знаменом, как которое именуется»; «Азбука певчая мастерская» (роспетый славянский алфавит), «Подобает ведати известно, на колико строк поется божественное осмогласное пение. . .», строки и попевки и имена.

От П. В. Толстова (д. Штыканы).

33 (415). **Часовник**, XIX в. (3-я четверть), в 8-ку, 303 л., полуустан, заглавия киноварные, переплет — доски в коже, сохранилась одна из двух медных застежек. Бумага без фабричных знаков. На нижнем форзаце помета карандашом: «Приобретена в 1920 году за 2 сот». Л. 261, 262, 303 без текста.

От Ф. Л. Борисенко (д. Парамоновка).

34 (416). «**Илья Алексеевич Кавылин**, попечитель и учредитель старообрядческого Преображенского богаделенного дома в Москве, высочайше утвержденного 1809-го мая 15. Родился в 1731 году, преставился 1809-м, августа 21. Иждивением м. к. Саввы Стукачева», гравированный портрет, 1870 г., 18×27 см. На обороте запись: «В московскую цензуру на рассмотрение и одобрение сей лист строителя и учредителя Московского купца Илью Алексеевича Кавылина. Подал сей лист московской мещанин Александр Скурчев (?), жительство имеет в Москве при Троицкой Введенской церкви, что у Салтыкова мосту, в церковном доме на монастыре. Октября 17-го дня 1870 года».

От З. А. Буровой (г. Резекне).

35 (417). **Сборник**, XIX в. (1879 г. по Пасхалии), в 4-ку, 329 л., полуустан письма Л. К. Буцева, заголовки красными чернилами, переплет — доски, покрытые тисненой кожей со следами двух застежек и «жуками». Бумага без фабричных знаков. На л. 39, 60, 145, 176 об., 191 об., 214 об., 223 об., 233 чернильные орнаментированные заставки. Л. 329 без текста.

С о д е р ж а н и е: повести об Иверской иконе Богородицы, о крестном сыне Иисуса Христа, о двух спасшихся сестрах и ангеле, пострадавшем за ослушание, часослов и месяцеслов.

От М. И. Сенченко (д. Рудушка).

36 (418). **Сборник**, 1883 г., в 4-ку, 411 л., полуустан письма Л. К. Буцева, имеются заголовки, выполненные красными и фиолетовыми чернилами, переплет — доски в тисненой коже с двумя медными застежками, на ремennых частях которых оттиснут штамп «К. Н. Горбунов» (переплетчик?), к нижней крышке переплета приделаны медные «жуки». Бумага без фабричных знаков. На л. 3, 70, 88, 203 орнаментированные чернильные заставки. На л. 409 выходная запись: «Конец ответам обским, из коих токмо 10 часть написася в лето от сотворения мира 7391-е, от Рождества Христова 1883, октября 4 дня. Грешный Ларион Кузмин Буцев. Любезный читателю, аще обрящещи либо какия ошибки, Господа ради прошу — не клените, но помолитесь о мне, грешнем, да не сведуся по грехом моим в место мучения». На л. 198 об. приписка к тексту на полях: «По некоторым сведениям, кровь в сахар не влагается, а лишь только жоная кость поступит на обштку сахарного песку. Горбунов». Его же рукой помета на поле л. 220 об.: «В 1903 году спольнилос 237 лет ото падения веры христианской о задуманом Никоном». На л. 411 об. помечено: «К. Горбунова». На л. 3 дарственная запись: «На память Клавдии Афанасьевой дарю, Кирил Логинов, 1930 года, сентября 20». Л. 1, 2, 410, 411 без текста.

С о д е р ж а н и е: «Слово плачевно о злостраданиях» и «О плаче сего времени» Андрея Денисова; федосеевские сочинения о необщении с поморцами, о грехе прелюбодеяния, о сахаре, против самосводных браков, «Ответы обские» и др.

От К. Д. Филимоновой (д. Данишевка).

37 (419). **Псалтырь**, XIX в. (последняя треть), в 4-ку, 281 л., полуустан, заглавия киноварные, имеются орнаментированные киноварные буквы, переплет — доски, покрытые тисненой кожей без застежек. Бумага со штемпелями фабрик Способина (см.: Клепиков, Штемпели, № 191 —

1886—1899 гг.) и А. Г. Гончарова (см.: Там же, № 52 — 1864—1875 гг.). На л. 4 об. рисунок пером царя Давида. На л. 5, 11 об., 20, 30 об., 40 об., 50, 62 об., 73 об., 83, 93, 104, 118, 128 об., 136, 145 об., 155, 162 об., 173 об., 181, 191, 260, 269 об. чернильные орнаментированные заставки. На л. 205 пометы карандашом: «Фева, Клава, Таня». На нижнем форзаце «№ 27». Л. 200 без текста.

От З. А. Буровой (г. Резекне).

38 (420). **Чин пения кафизм**, XIX в. (последняя треть), в 8-ку, 20 л., полуустав, заглавия красными чернилами, без обложки. На л. 3, 11 орнаментированные чернильные заставки. Л. 19, 20 без текста.

От М. И. Сенченко (д. Рудушки).

39 (421). **Обиходник певческий на крюках (фрагмент)**, XIX в. (последняя треть), в 4-ку, 3 л., полуустав, заглавия киноварные, без обложки. Столповое знамя с киноварными пометами, раздельноречие. Содержит задостойники, кондак и стихиру Богородице.

Из библиотеки единоверческой церкви д. Тискады.

40 (422). «**Стих кафолический**», XIX в. (последняя треть), в 8-ку, 8 л., полуустав, писец — Платон Захарьевич (см. л. 6), без обложки. На л. 1 орнаментированная заставка красными чернилами, на л. 6 такая же концовка. Л. 7 и 8 без текста. Нач.: «По грехом нашим на нашу страну попустил Господь такову беду. . .»

От А. Ф. Рыбаковой (д. Римши).

41 (423). **Духовное завещание (благословение)** отца детям, XIX в. (последняя четверть), в 8-ку, 2 л., полуустав, имеется киноварный инициал, без обложки. Сочинение латгальского автора (возможно, П. И. Карпушенко).

Из библиотеки моленной д. Речини.

42 (424). **Отрывок богослужебного сборника**, XIX в. (последняя четверть), в 8-ку, 25 л., полуустав и подражание печатному (с л. 8), заглавия киноварные, в картонном переплете с кожаным корешком. На форзацах памятные записи карандашом. Л. 11—25 без текста.

С о д е р ж а н и е: чин погребения мирянам, «исповедание по вся дни ко Господу нашему Иисусу Христу».

От М. И. Дегтяревой (хут. Малиновка).

43 (425). **Сборник певческий на крюках**, XIX в. (последняя четверть), в 4-ку, 12 л., полуустав, имеются киноварные заголовки и инициалы, без переплета. Бумага без фабричных знаков. На л. 12 об. запись — «Зеновий Эрастович Петров, 7 лет, родители старообрядцы: Эраст Петрович Петров и Федора Матвеевна, жит. на Вонвозах, 6-го стана, собств. дом». Л. 8, 11 об.—12 без текста. Столповое знамя с киноварными пометами, раздельноречие.

С о д е р ж а н и е: подобны на 8 гласов, светилен Николе, «наименование солевых крюков», развод лиц, светильны Рождеству Христову и Богоявлению.

Из библиотеки единоверческой церкви д. Тискады.

44 (426). **Октоих певческий на крюках**, XIX в. (конец), в лист, 106 л., полуустав, имеются киноварные заголовки, орнаментированные инициалы и буквы, переплет — доски, покрытые тисненой кожей с двумя застежками и «жуками». Бумага без фабричных знаков. На верхнем форзаце запись карандашом: «9. П. 28 С. И. Л.». Л. 48, 106 без текста. Столповое знамя с киноварными пометами, новое истинноречие. Имеются вари-

анты: «ин роспев» (л. 10 об., 60, 61 об., 68 об., 71 об., 81 об., 92 об.), «ин конец» (л. 100 об., 102). На л. 95—102 об., 103 об.—105 вынос фит на поля.

От Т. А. Воробьева (д. Обелишки).

45 (427). **Иван Иванович Зыков**. Ответы на вопросы миссионера Т. А. Николаева об иерархии и причастии, 1902 г. (в селе Кобанове Покровского уезда Владимирской губернии), в 4-ку, 22 л., полуустановка, в бумажной обложке. Самоназвание ответов: «Книга Зерцало для отступников благочестия». Отпечатано на гектографе.

От Ф. Л. Борисенко (д. Парамоновка).

46 (428). «**Лабиринт премудрости**», 1903 г., настенный лист в красках, 41×31 см, наклеен на картон. Текст писан полуустановом в виде строчного лабиринта (начало в центре) на разноцветном красочном фоне. Внизу написано: «Сей лабиринт написан в 1903 году, мая в 5-й день. Здесь смотри на этом листу, что написано и заплетено наша человеческая жизнь. С. Л. М. Е. Ж.». Нач.: «Во одно время вздумалось мне принять путешествие. . .».

От П. В. Толстова (д. Штыканы).

47 (429). «**Тяжко есть иго на сынех Адамлих**», XX в. (начало?), настенный гравированный лист, 40×33 см, наклеен на картон. Изображен человек, несущий поклажу из добродетелей и грехов. Имеется прозрачная раскраска акварелью

От П. В. Толстова (д. Штыканы).

48 (430). «**Сказание о страстях Христовых**», XX в. (начало), настенный лист, 37×30 см, наклеен на картон, полуустановка, имеются буквицы красными чернилами, текст вписан в 16 окружностей и заключен в красочную рамку. Заглавие: «Сказание святых отец, како притерпе Господь наш Иисус Христос волное страдание нашего ради спасения». Нач.: «Старцу единому святому сидящу и всегда размышляющу. . .» — апокриф.

От П. В. Толстова (д. Штыканы).

49 (431). **Песнь херувимская «Иже херувимы. . .»** на нотах, XX в. (начало), настенный лист, 37×28 см, наклеен на картон, полуустановка, имеются буквицы красными чернилами. Нотация квадратная киевская линейная, истинноречие.

Из библиотеки единоверческой церкви д. Тискады.

50 (432). **Стихира «Достойно есть» на крюках**, глас 6, XX в. (начало), настенный лист, 37×28 см, наклеен на картон, полуустановка, заглавие и инициал «Д» красными чернилами. Столбовое знамя с киноварными пометами, новое истинноречие.

Из библиотеки единоверческой церкви д. Тискады.

51 (433). **Молитва-стихира святому духу «Царю небесный. . .» на крюках**, XX в. (начало), настенный лист, 36.5×28 см, полуустановка, заглавие красными чернилами. Столбовое знамя с киноварными пометами, новое истинноречие. Текст имеет вариант роспева: «Большаго роспева».

Из библиотеки единоверческой церкви д. Тискады.

52 (434). «**Осмидневная беседа Надеждина**», старообрядческого начетчика, с православным миссионером протоиереем Г. Милкиным, проходившая в г. Сызрани в 1888 г., XX в. (начало), в 4-ку, 249 л., полуустановка, перецлет не сохранился. Бумага со штампом фабрики князя Паскевича (см.: Клепиков, Штемпели, № 139 — 1900—1913 гг.). Начальные и конечные листы утрачены. Отпечатано на гектографе.

От М. И. Дегтяревой (хут. Малиновка).

53 (435). **Павел Любопытный.** «Кафолическая апология о священстве, сочиненная в 1821-м году в С. Петербурге», XX в. (начало), в 4-ку, 21 л., полуустав, в бумажной обложке. Отпечатано на гектографе.

От Ф. Л. Борисенко (д. Парамоновка).

54 (436). **Кондак священномученику Клименту на крюках**, XX в. (начало), в лист, 1 л., полуустав, имеются киноварное заглавие и буквица. Автор и переписчик кондака липушский псаломщик Н. Григорьев. Столповое знамя с киноварными пометами, истинноречие.

Из библиотеки единоверческой церкви д. Тискады.

55 (437). **Чин погребения** (часть текстов распета на крюках), XX в. (10-е гг.), в 4-ку, 61 л., полуустав, имеются киноварные заголовки, орнаментированные инициалы и буквицы, без переплета. Бумага со штампом фабрики Паскевича (см.: Клепиков, Штемпели, № 141 — 1912 г.). Столповое знамя с киноварными пометами (л. 38 об., 39, 57 об. без помет), новое истинноречие. Имеется демество (л. 21, 47). Начало и конец рукописи утрачены.

От З. А. Буровой (г. Резекне).

56 (438). **Устав бракосочетанию (фрагмент)**, XX в. (1-я четверть), в 4-ку, 2 л., полуустав, заглавия красными чернилами, переписан на листах из школьной тетради. На л. 1 орнаментированная заставка в красках.

От Т. А. Воробьева (д. Обелишки).

57 (439). **Сборная певческая рукопись на крюках**, XX в. (1-я четверть), в 4-ку, 92 л., полуустав трех почерков: 1-й почерк — л. 1—15, 42—45; 2-й почерк — л. 17—41, 47—69; 3-й почерк — л. 71—76; имеются киноварные заголовки, инициалы, на л. 1 заглавие вязью; в картонном переплете с кожаным ремешком. Бумага частично с водяными знаками: «Герб Гончаровых», «1718 — А. Гончарова» (см.: Клепиков, Филиграния, 1978 г., № 43 — 1906—1907 гг.). На л. 1 орнаментированный инициал в красках, на л. 6 концовка в красках. На верхнем форзаце помечен карандашом адрес А. А. Шершнева, внизу чернилами: «№ эренгена 5319», на л. 92 об. карандашом адрес И. В. Медведева в Красноярском крае, на нижнем форзаце памятные даты смертей и рождений с 1947 по 1953 г. Л. 15 об.—16 об., 66 об., 69 об.—70 об., 77—92 без текста. Столповое знамя с киноварными пометами, раздельноречие. Л. 71—76 об. ненотированы. Имеется демество (л. 14, 42—45, 50 об., 62 об.), варианты: «ин перевод» (л. 5), «ин розвод» (л. 52), «ин роспев» (л. 55 об.), частые указания на лики.

С о д е р ж а н и е: всеобщая (фрагмент), стихиры (3-го гласа, Покрову, Николе, Богородице, Кресту, пророку Илье, Николе, 6-го гласа, на погребении инокам, на литургии); Триодь постная от недели Мытаря и Фарисея до 2-й недели поста, 136 псалом, песнопения на погребение, «блаженны» по гласам (нет 8-го гласа).

От П. В. Толстова (д. Штыканы).

58 (440). **Синодик Иова патриарха со старообрядческим помянником**, XX в. (ок. 1920 г.), в 4-ку большую, 73 л., полуустав, заглавия и буквицы красными чернилами, в картонном переплете с матерчатым корешком. Бумага с водяным знаком «Ligat» (см.: Клепиков, Филиграния, 1978 г., № 108 — 1930-е гг. (?)). На л. 2 орнаментированная заставка чернилами. На верхнем форзаце штамп Исмерской старообрядческой общины. На л. 65 об. и 67 об. штамп: «16 нояб. 1920», на л. 73 штамп: «1921 февр. 30» (?) и помета: «Паня Орлова». На нижнем форзаце список имен для помянника. Л. 68—73 без текста.

От З. А. Буровой (г. Резекне).

59 (441). **Сборник певческий на крюках**, XX в. (1-я треть), в 4-ку, 43 л., полуустав, почерк и оформление И. Ф. Гуценко, заголовки и инициалы киноварные, в картонном переплете, покрытом тканью с кожаным корешком. Бумага без фабричных знаков. На л. 6 орнаментированные заставки «плетеного» стиля, заголовки и инициал в красках. Л. 1—5, 42, 43 без текста. Столбовое знамя с киноварными пометами, новое истинно-речие.

С о д е р ж а н и е: песнопения из литургии Иоанна Златоуста, Василия Великого, Преждеосвященных даров, песнопения вместо херувимской.

Из библиотеки единоверческой церкви д. Тискады.

60 (442). **Протокол совещания членов саратовского совета попечителей старообрядцев-поморцев с приезжими отцами по поводу созыва Всероссийского собора для решения вопроса об общении с новоженами, 1927 г.**, в лист, 12 л., скоропись и полуустав, без обложки.

От Ф. Л. Борисенко (д. Парамоновка).

61 (443). **«Лествица божественного восхода, иже в книге животней на небесех написати своя имена хотящим, добр течения путь наставляющая книга («Лествица») показовати обыче», 1937 г.**, развернутый лист, 36 × 44 см, полуустав письма И. У. Ваконьи, в орнаментированной красочной рамке, текст сопровождает изображение «лествицы» 30 добродетелей-ступеней. Внизу листа приписка: «Сия выписки из книги преподобного Иоанна Лествичника по просьбе достопочитаемого старца Петра Евстифеевича Соловьева написал брат о Христе Иван Ульянович Ваконья, Елгава, 23 декабря 1937 года».

От М. И. Сенченко (д. Рудушки).

62 (444). **Сборник выписок (записная книжка)**, XX в. (2-я четверть), в 8-ку, 36 л., скоропись, в картонной обложке. Содержит несистематические выписки из Евангелия толкового, Катехизиса, Бесед апостольских, Триоди, Кормчей, Стихирарей и других книг.

От М. И. Дегтяревой (хут. Малиновка).

63 (445). **Сборная рукопись**, XX в. (2-я треть), на тетрадных листах в 4-ку, 20 л., полуустав двух почерков, текст писан синими и красными чернилами, в бумажной тетрадной обложке. На обложке помета: «Воробева Тимофея Алексеевича». На л. 1 ученическая запись. Часть текстов распета на крюках. Столбовое знамя с киноварными пометами, раздельно-речие.

С о д е р ж а н и е: «Отче наш», распетый на крюках, стихиры заупокойные, пасхальные песнопения, разные молитвословия.

От Т. А. Воробьева (д. Обелишки).

64 (446). **Сборник**, XX в. (середина), в 4-ку, 35 л., полуустав письма И. (?) Морозова (д. Соболевка), в картонной обложке (школьная тетрадь в клетку), заглавия красными чернилами, имеются орнаментированные буквицы, л. 35 без текста.

С о д е р ж а н и е: Синодик Иова патриарха, слова на погребение, молитвы и др.

От К. А. Дмитриева (д. Нотры).

65 (447). **«Сон Богородицы»**, XX в. (60-е гг.), в 8-ку, 12 л., подражание печатному, письма Демида Макаровича Макарова (д. Нотры), в бумажной обложке, л. 11—12 без текста.

От К. А. Дмитриева (д. Нотры).

66 (448). **Сборник текстов на погребения**, XX в. (70-е гг.), в 8-ку, 48 л. (записная книжка), полуустав письма Ф. И. Дегтярева (хут. Малиновка), в картонном переплете, заглавия красными чернилами, на л. 37 орнаментированная заставка, к тексту имеются примечания переписчика. Л. 40—48 без текста.

От М. И. Дегтяревой (хут. Малиновка).

67 (449). **Сборник**, XX в. (80-е гг.), в 4-ку, 52 л., полуустав письма Ф. И. Дегтярева, заглавия красными чернилами, на л. 3 орнаментированная заставка, в картонном переплете. Л. 16—52 без текста, сборник недописан.

С о д е р ж а н и е: поучение из «Измарагда» о «забывших род» и поучение о Троице.

От М. И. Дегтяревой (хут. Малиновка).

В. П. БУДАРАГИН

Северодвинские находки 1986 г.

Археографическое обследование Верхнетоемского и Виноградовского районов Архангельской области было начато в 1970 г. студентами-филологами ЛГУ и продолжалось ежегодно в течение 15 лет.¹ С 1972 по 1978 г. сюда выезжали экспедиции Пушкинского Дома и Отдела редкой книги Научной библиотеки ЛГУ, потом вновь поиски продолжили студенты-филологи. Но в 1985 г. археографов на Северной Двине не было, так что мы ехали после двухлетнего перерыва в общении с местными жителями. И надо сказать, что перерыв этот не остался ими незамеченным.

В состав экспедиции, кроме автора данного отчета, входили сотрудник Рукописного отдела Пушкинского Дома М. П. Лепехин и ученик 10-го класса Д. О. Цыпкин. Маршрут свой мы начали в Архангельске, но непосредственно к археографическим поискам приступили в Рочегде. Еще в середине 70-х гг. мы бы не задумываясь ехали прямо в Топсу, однако опыт последних лет показал, что начинать поиски в этом районе целесообразно именно с леспромхозовского поселка Рочегда. Дело в том, что сюда переселилась в свое время значительная часть молодежи из близлежащих сел и деревень. Постепенно к ним переезжают из деревень и престарелые родители, в том числе известные нам хранители книжной старины. Иногда книги тоже меняют свое пристанище, но бывает, что остаются в деревне, в старом доме. Несколько адресов было нам известно по прежним экспедициям, какие-то появились впервые, но приобретения наши в Рочегде оказались скудными — только служебный сборник середины XIX в., затерявшийся среди фрагментов синодальных изданий в шкафу одного из рочегодских коллекционеров.

А потом вдруг последовал стремительный переезд из Рочегды в Топсу, после того, как А. В. Худякова согласилась съездить с нами в д. Нижний Конец, где вроде бы сохранился сундучок с книгами. Но ехать надо было сегодня же, в воскресенье вечером, чтобы хозяйка успела утром вернуться в Рочегду. В пустующем доме действительно лежали в сундучке две печатные Псалтыри и Часовник старообрядческих типографий XVIII в., несколько рукописных тетрадок XIX в., преимущественно служебного содержания. Все они были переданы хозяйкой нам в дар. Одну Псалтырь А. В. Худякова оставила себе на память, но уже утром следующего дня подарила ее соседке. В этом доме нам пришлось и заночевать, так как спать ночлег в дождливый воскресный вечер было делом непростым.

Последующие дни нашего пребывания в Топсе завершились отправкой в Ленинград посылки с книгами и рукописями. Сначала в д. Герасим Двор местный конюх принес нам два сборничка XVIII—XIX вв., аккуратно перевязанных бечевкой, оставшихся в доме после смерти матери. Потом в д. Гуликовщина у наследников М. А. Шалагиной, местной наставницы, среди двух десятков печатных книг XVI—XX вв. нашелся рукописный

¹ См. отчеты об археографических экспедициях на Северную Двину в 27—41-м томах ТОДРЛ.

старообрядческий Синодик 2-й четверти XIX в. В этой же деревне у Н. С. Вилачевой сохранялся сборник избранных кафизм, украшенный заставкой и яркими киноварными буквицами, оставшийся от М. А. Вакориной из д. Исаковщина.

В самой Исаковщине оправдали себя повторные посещения некоторых адресов. Так, М. А. Вакорина подарила нам московское издание Минеи общей 1645 г. и Устав о христианском житии 70-х гг. XIX в., переписанный и переплетенный уже хорошо известным нам И. С. Точилковым. Но если образцы его переплетов исчисляются в Северодвинском собрании Древлехранилища десятками, то рукопись эта, переписанная к тому же менее уверенным полууставом, всего третья. В доме Т. А. Селивановой, приехавшей в отпуск из г. Шенкурска, оказалось несколько служебных рукописей XIX в. из библиотеки Игната Петровича Слудного и певческий сборник 30—40-х гг. XVII в. с владельческой пометой Евграфа Осокина, известного топецкого книжника и переписчика конца XIX—начала XX в.

Из Топсы мы переехали в Нижнюю Тойму, где прежде всего направились к А. Г. Трегьяковой, известной нам еще с 1972 г. и с тех пор год за годом передававшей археографам свои рукописные сбережения, в том числе остатки архива своего дяди, художника и книгописца В. И. Третьякова. В этом году Анна Григорьевна подарила Древлехранилищу объемистый сборник начала XVIII в. в переплете «сумкой», содержащий Сказание Ивана Пересветова о царе турском Махмете, Прение живота и смерти, жития Иакова Персиянина и Екатерины Александрийской и др. Вторая рукопись представляла собой Трефолой, переписанный в середине и последней четверти XIX в. на Северной Двине и украшенный двумя заставками в красках. Еще две рукописи происходят из д. Березник, где М. А. Назарина встретила нас сначала весьма настороженно, но потом все-таки показала Псалтырь «преображенской» печати и принесла сборничек апокрифов, переписанный в конце XIX в. Этот сборник она согласилась передать нам, но при условии, что мы перепишем ей в школьную тетрадь Сон Богородицы и молитву архангелу Михаилу. Пришлось засесть за работу. А хозяйка тем временем принесла еще книгу: «Вот, никто уже и петь-то не знает по ней. . .» Так наши находки пополнились еще одним певческим крюковым сборником XVII в., украшенным двумя заставками в красках и золоте. Последнее наше рукописное приобретение (Азбука середины XIX в.) было сделано в доме местного нижнетоемского краеведа С. Г. Трегьякова.

Всего, таким образом, в Северодвинское собрание Древлехранилища поступило в этом году 25 рукописей XVII—XX вв., и оно насчитывает теперь 693 единицы хранения XV—XX вв. Вполне вероятны находки памятников рукописной старины на Северной Двине и в ближайшие годы. Ниже публикуется краткое описание поступивших в Северодвинское собрание рукописей.

1 (669).* **Сборник певческий (крюковой), XVII в. (30—40-е гг.),** в 8-ку, 343 л., полуустав, переплет — доски в тисненой коже с двумя медными застежками. На верхнем форзаце наклеено письмо скорописью XVIII в. Василия Чевык<ов>а Василию Евпсихиевичу (?) Панфилову. На л. 1 рукой Евграфа Осокина пробы пера и карандаша с датой 1883 г., его же пометы имеются на л. 342 об.—343 об.; на нижнем форзаце владельческая запись Герасима Осокина и неустановленного лица, рукой которого было начато изображение «горовосходного холма» на л. 243. Начало и конец рукописи не сохранились. Столбовое знамя без киноварных помет и признаков, текст переходный от раздельноречия к новому истинноречию, встре-

* Цифра в скобках — шифр рукописи Северодвинского собрания Древлехранилища имени В. И. Малышева.

чается «путный» роспев с «путной» нотацией. Содержит Ирмологий с розниками, Октоих и Обиход.

2 (670). **Сборник певческий (крюковой)**, XVII в. (40—50-е гг.), в 8-ку, 383 л., полуустав, переплет — доски в тисненой коже со следами двух застежек (обе доски расколоты). На л. 35 об. запись скорописью конца XVII—начала XVIII в.: «За упокой Иоанна, Агафии, Григория, Герасима, Саввы, Марфы, Анны, Или, младенцов Алексея, Иоанна, Екатерины, Евдокии, Ирины. И поминати по чину церковному. А сию книг<у> со старостою в приемные церковные книги записать. И сие пи<с>ал я же, Павел, всеусердно кланяюся вашей честности». На л. 38 и 89 заставки старопечатного стиля с подкраской и в золоте, на правом поле л. 38 внизу наклеено изображение птицы на ветке, выполненное, возможно, тем же художником. Столбовое, демественное и «путное» знамя без киноварных помет и признаков, новое истинноречие с элементами раздельноречия, встречаются розводы «лиц» и «фит». Имеются примеры многороспевности (2—4 роспева на один текст): «Ин перевод», «Ино знамя», «Пут», «Демество», «Ин перевод Больше знамя». Содержит Обиход, Стихирарь праздничный (только стихиры «на великой вечерне»), Трезвоны, Стихирарь праздничный (только стихиры «на малой вечерне»).

3 (671). **Сборник**, XVIII в. (10—20-е гг.), в 8-ку, 224 л., полуустав и скоропись, переплет «сумкой» из тисненой кожи с кожаной завязкой, наставленной тесьмой. На л. 178 владельческая запись: «Сия книга Шунского по<г>оста, экономической крестьянин деревни Кевътиняцы Ивана Андреева Полскага, сие потписано 1793 году сентаври 21 числа, потписал своеручно»; на нижнем форзаце запись почерком 2-й четверти XVIII в.: «Сия книга каргополца Ивана Михайлова Кугликова» и другие пометы (в том числе дата 1739 г.). На л. 134 заставка, выполненная пером. Содержит повести Ивана Пересветова о царе турецком Магмете «какo хотел сожещи книги греческия», Прение живота и смерти; сказания о 12 друзьях человека, о семи покаяниях, о будущем веке и о нынешнем, о 12 пятницах, Эпистолию о неделе; жития Иакова Перского, Александра Свирского (только начало), великомученицы Екатерины; слова Паллады мниха о втором пришествии Христовом, Григория папы римского о почитании книжном, о почитании божественного писания и о пользе книжного почитания, о страхе божием, Василия Великого к юным и о благочестии, Ефрема Сирина о безмолвии и о мнихах обще живущих, Иоанна Златоуста о троице и о ворожеях, шептунах, волхвах и чародеях, слова о матерной брани и св. апостолов «какo подобает иноком и христианом жити»; толкование на Евангелие от Матфея; выписку о юнитах из Книги о вере; вопросo-ответ об антихристе.

4 (672). **Сборник**, XVIII в. (90-е гг.), в 8-ку, 10 л., полуустав, в бумажной обложке. На л. 10 об. концовка-розетка, выполненная чернилами. Содержит выписки из Апокалипсиса седмитолкового; вопросo-ответы о трех царях, о двух силах, спасающих от антихристовой прелести, и о крещенных в антихристовой купели.

5 (673). **Сборник**, XVIII в. (90-е гг.), в 8-ку, 42 л., полуустав, переплет картонный с матерчатым корешком. Переплетена рукопись была, вероятно, позднее, так как затертость л. 2 и 31 об. свидетельствует о бытовании этих тетрадей без переплета. Содержит Скитское покаяние; Сравнение дел бога и дьявола; Повесть из Великого Зеркала о видении иноком матери своей, на змии сидящей; молитвы спальные; выписки из Книги о семи тайнах церковных, о поругании креста, из постановлений 6-го Собора в Трулле о врачевании неверными, Карфагенского собора о поганских обычаях, из Златой матицы о благословляющем образе Иисуса Христа.

6 (674). **Святцы**, 1825 г. (по пасхалии), в 8-ку, 79 л., полуустав, переплет картонный с кожаным корешком. На верхнем форзаце, л. 1—1 об., 44 об., 76 об.—79 об. многочисленные записи 1837—1876 гг. о вскрытиях Северной Двины, с датами Пасхи, хозяйственного содержания.

На л. 78 помета — «крестьянина Василия Осокина». В качестве л. 77 и нижнего форзаца использован документ Кургоминского сельского приказа об освобождении от должности Егора Золотикова и введении в должность крестьянина Заостровской волости Ивана Щекина. На л. 19 об. — 20, 24, 25 об., 27 об. — 29, 30—33, 38 об. — 40, 42 поминальные записи 1836—1940 гг. Заставки выполнены чернилами. Начало рукописи не сохранилось.

7 (675). **Последование всенощного бдения**, XIX в. (20—30-е гг.), в 8-ку, 57 л., полууустав, переплет картонный с остатками кожаного корешка. Начало рукописи переписано двумя другими писцами (л. 2—6 об., 7—9 об.), позднее реставрирована часть л. 57. На л. 10 заставка в красках, концовки на л. 6 об., 9 об. выполнены чернилами.

8 (676). **Сборник избранных кафизм и задостойников**, XIX в. (30-е гг.), в 8-ку, 25 л., полууустав, переплет картонный с матерчатым корешком. Листы 23—24 об. переписаны другим почерком.

9 (677). **Сборник учительный**, XIX в. (40-е гг.), в 8-ку, 29 л., полууустав, без переплета. Почерк л. 1—1 об., 28—29 отличается от основного почерка. Содержит Поучение о смерти (без начала); Слово в неделю пасхи «о радости воскресения и о утешении согрешающих»; Синоксарь в неделю пасхи; Слово в понедельник светлой недели «какo праздновати праздник сий не объядением и пьянством, но духовне»; молитвы Иисусу Христу и Богородице.

10 (678). **Устав пасхальный**, XIX в. (40-е гг.), в 8-ку, 23 л., полууустав, в бумажной обложке. В начале добавлены тропари общие (возможно, из другой рукописи).

11 (679). **Сборник служебный**, XIX в. (40—50-е гг.), в 8-ку, 95 л., полууустав, переплет — доски, оклеенные бумагой, с кожаным корешком и остатками застежки. На нижнем форзаце помета Кузнецова (красным карандашом). Небольшие заставки выполнены писцом рукописи. Содержит чины исповедания и погребения, каноны усопшим и за единоумершего, службу утрени, правило келейное, молитвы повседневные, Святцы.

12 (680). **Азбука**, XIX в. (середина), в 8-ку, 23 л., подражание печатному шрифту, без обложки. На л. 21 об. — 22 пометы типа «проба пера» с именем Ивана Чу<нрзб.>. На л. 20 об. заставка выполнена пером.

13 (681). **Синодик старообрядческий**, XIX в. (середина), в 4-ку, 27 л., полууустав, переплет картонный с матерчатым корешком. На верхнем форзаце и л. 27 карандашные пометы Игнатия Петровича Слудного. Конец рукописи утрачен.

14 (682). **Трефолой с дополнениями**, XIX в. (середина—конец), в 4-ку, 301 л., полууустав, сохранился кожаный корешок и нижняя часть более поздней бумажной обложки, прошитая нитками. Листы 64—88, 89 об. — 118 об., 231—238 переписаны Е. И. Меньшиковым. Заставка-рамка в подражание поморскому стилю и заставка в красках (л. 89 об., 64), а также киноварная концовка на л. 88 — также работы Е. И. Меньшикова. Заставка на л. 44 выполнена пером. Содержит службы митрополиту Филиппу, на обретение главы Иоанна Предтечи, Благовещению, великомученику Георгию, на рождество Иоанна Предтечи, на положение ризы Богородицы во Влахерне, Афанасию Афонскому, явлению Казанской иконы Богородицы, на память святых отец, Службу инока Григория всем новым российским чудотворцам, службы пророку Илии, Марии Магдалине, Борису и Глебу, великомученику Пантелеймону, явлению Смоленской иконы Богородицы; стихиры Благовещению; устав службы на явление Казанской иконы Богородицы и Прокопию Устюжскому; Слово Семена Денисова о святых чудотворцах, в России воссиявших.

15 (683). **Последование службы на Четырдесятницу**, XIX в. (60-е гг.), в 4-ку, 25 л., полууустав, переплет картонный с матерчатым корешком. На верхнем форзаце владельческая запись И. П. Слудного, на л. 25 и нижнем форзаце черновик его письма племяннику Василию Павловичу и

другие пометы. Текст на л. 1 вписан карандашом, л. 23—24 об. переписаны другим почерком и вшиты в рукопись позднее.

16 (684). **Устав о христианском житии**, XIX в. (60—70-е гг.), в 8-ку, 124 л., полуустав, переплет — доски в тисненой коже с двумя застежками. На л. 12 об. скорописная помета писца рукописи: «Устав Ивана Точилова». Ему же принадлежит переплет, заставка в красках на л. 1 и 32, выполненная чернилами. Список с печатного издания Почаевской типографии 1794 г. (л. 124 об.).

17 (685). **Святцы**, 1870 г. (по пасхалии), в 16-ю долю листа, 209 л., полуустав, переплет — доски в тисненой коже с остатками двух застежек (работы И. С. Точилова). Пасхалия, возможно, переписана другим писцом и вшита в рукопись. На л. 27 об., 112 об., 129 об. карандашные поминальные записи. На л. 153 заставка в красках, заставки на л. 3, 18 об., 28 об. и др. выполнены пером и чернилами.

18 (686). **Последование служб на Четыредесятницу и пасхальные таблицы**, XIX в. (70—80-е гг.), в 8-ку, 49 л., полуустав, без переплета. Листы 40—49 переписаны, вероятно, в 1888 г. (по пасхалии).

19 (687). **Устав на великий пост** (фрагмент), XIX в. (последняя треть), в 8-ку, 7 л., полуустав двух почерков, без обложки. На л. 7 владельческая запись Евграфа Осокина, писца основной части рукописи, и другие пометы; на л. 6 упомянут «отец Корнилий Данилоской пустыни»; на л. 2 об. скорописный помянник.

20 (688). **Сборник апокрифов**, XIX в. (70—80-е гг.), в 8-ку, 25 л., полуустав, переплет картонный с матерчатым корешком. На форзацах школьные упражнения Михаила Александровича Кошкова, на л. 1 карандашная помета Самойлова (?). На л. 2 заставка, выполненная пером и чернилами. Содержит Сон Богородицы, «Лист» Иисуса Христа, «Список о воспоминании аггелей», Сказание о 12 пятницах, молитвы кресту и архангелу Михаилу.

21 (689). **Азбука**, XIX в. (70—80-е гг.), в 8-ку, 9 л., полуустав, от переплета сохранился только матерчатый корешок. Заставка на л. 2 об. выполнена чернилами. Начало и конец не сохранились.

22 (690). **Святцы**, XIX в. (конец), в 8-ку, 32 л., полуустав, без обложки. Фрагмент с 1 сентября по 16 декабря.

23 (691). **Канон Пасхе**, XIX в. (конец), в 8-ку, 8 л., полуустав, в бумажной обложке. На обложке многочисленные разновременные пометы карандашом и чернилами. Концовка текста вписана на обложке.

24 (692). **Сборник молитв**, XIX в. (конец), в 8-ку, 4 л., полуустав, сохранился верхний лист бумажной обложки. Содержит повседневные молитвы и задостойник.

25 (693). **Поучения о мытарствах и молитве Иисусовой**, XX в. (начало), в 8-ку, 2 л., полуустав. На л. 2 об. приписка полууставом: «Выписано из книги большого Светника. Мытарства из 15 главы, лист 144 и на обороте». Рукопись служила закладкой в печатной Минее общей (М., 1645), поступившей в ОРК НБ ЛГУ.

М. В. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ, Т. Р. РУДИ, Н. В. ШУХТИНА

Экспедиция 1986 г. на Пинегу

В июле 1986 г. состоялась очередная археографическая экспедиция в Пинежский район Архангельской области. По традиции она была организована филологическим факультетом и Отделом редкой книги Научной библиотеки им. А. М. Горького ЛГУ в тесном сотрудничестве с Древлехранилищем им. В. И. Малышева Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР и ЛО Архива АН СССР.¹ Эта экспедиция явилась продолжением начатого еще в 1962 г. археографического обследования деревень, расположенных по берегам реки Пинеги.² Местные жители с теплотой вспоминают об участниках предыдущих экспедиций, которыми в разное время руководили А. Х. Горфункель, А. М. Панченко, Н. С. Демкова, Н. И. Николаев. Доброе отношение пинежан к этим людям не раз помогало нам в работе.

Маршрут нашей экспедиции проходил по районам, уже неоднократно изучавшимся археографами, и почти совпадал с маршрутом экспедиции 1985 г.: помимо населенных пунктов Лавельского, Кушкопальского, Карпогорского сельсоветов, были обследованы деревни Сурского сельсовета; в то же время нам пришлось отказаться от запланированной работы в Веркольском сельсовете. Это была своего рода контрольная экспедиция, и большого количества находок трудно было ожидать с самого начала.

Особые надежды возлагались нами на работу в деревнях Сурского сельсовета (Осаново, Остров, Городецкое, Засурье, Пахурово, Холм, Оксовицы, Гора, Слуда, Горушка, Прилук, Филимоново, Сура), откуда и начались поиски. Этот район издавна был известен как один из самых «книжных» на Пинеге (здесь уже бывали экспедиции Н. С. Демковой и Н. И. Николаева, последний раз — в 1980 г.). Жители хорошо помнят о былом книжном богатстве, о людях грамотных, читавших «по-славянски» и знающих толк в книгах. Нам много рассказывали об Иоанне Сергиеве (Кронштадтском), о братьях Никифоровых,³ о семьях Кычовых, Фофановых и других, имевших большие и разнообразные по составу книжные собрания. Часть книг из библиотек братьев Никифоровых и других крестьянских библиотек была раньше передана в Древлехранилище ИРЛИ АН СССР и Научную библиотеку ЛГУ, другая часть, к сожалению, попала в руки «любителей старины», посещения которых оставляют очень неприятные впечатления у местных жителей и во многом затрудняют работу археографов.

¹ Состав археографической группы: М. В. Рождественская (руководитель), А. В. Вознесенский, О. Ю. Клокова, А. Н. Курносов, А. Н. Левичкин, Е. О. Николайчук, Т. Р. Руди, С. Д. Семенов, Ю. Г. Фефелова, Н. В. Шухтина. Группа входила в состав фольклорно-археографической экспедиции ЛГУ им. А. А. Жданова (руководитель Н. М. Герасимова).

² Отчеты о предыдущих экспедициях на Пинегу см. в следующих томах ТОДРЛ: 20, 23, 25—28, 36, 37, 40, 41.

³ Подробнее о них см.: Бобров А. Г., Николаев Н. И. Пинежская экспедиция 1980 г. // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 354—355.

Вопреки нашим ожиданиям, находок в Сурском районе было очень мало. Людей, умеющих читать «по-славянски» и имеющих одну-две книги (в основном Преображенской и Синодальной печати), мы встречали довольно много, однако даже в самой «книжной» деревне — Городецкое — не удалось увидеть ни одной рукописи. Всего из Суры было привезено семь старопечатных книг XVII—XX вв. Самыми примечательными из них являются: фрагмент Акафиста XVII в. украинской или белорусской печати и Супрасльское издание «Страстей Христовых» с датой выхода 1795 г., напечатанных, однако, на бумаге 1812 г., подаренные И. В. и Н. И. Кычовыми, а также Виленское издание Канонника на бумаге с водяным знаком 1807 г., но имеющее дату выхода 1798 г., — дар С. Е. Постникова.

После Суры мы работали четырьмя группами в деревнях Лавельского, Кушкопальского и Карпогорского сельсоветов. Работа в деревнях Лавельского сельсовета (Старая Лавела, Заедовье, Занаволочье, Брульга, Репищи, Новая Лавела, Явзора), порадовавших археографов богатыми находками в прошлом году, на этот раз оказалась почти безрезультатной. Но и единственная находка — подаренный П. Е. Дунаевой (Новая Лавела) текст Отпуста, переписанного в 1965 г. И. Дунаевым (№ 634),⁴ — свидетельствует о продолжении рукописной традиции в этих местах.

Наиболее результативной оказалась работа в деревнях Кушкопальского сельсовета. Записную книжку 20—60-х гг. XIX в. семи крестьян Григорьевых (№ 623) подарила нам жительница д. Кушкопала (Волость) Т. В. Григорьева, уже известная ленинградским археографам и передававшая ранее рукописи в Древлехранилище. Эта записная книжка наряду с хозяйственными и фенологическими записями содержит тексты заговоров от различных болезней.

В д. Ёркино долгое время проживала Анна Семеновна Порохина, умершая в 1984 г. Это была очень грамотная женщина, пожалуй, единственная знавшая толк в вопросах «древлего благочестия». Она хорошо разбиралась в книгах и отдавала предпочтение рукописям.⁵ Ленинградские археографы давно уже были знакомы с ней, однако ее библиотека оставалась до сих пор загадкой: Анна Семеновна очень неохотно допускала «чужих людей» к книгам. В этом году сестра Анны Семеновны, проживающая в Карпогорах, разрешила нам осмотреть оставшиеся книги (известно, что часть библиотеки бывшая владелица еще при жизни раздала соседкам) и передала в дар Древлехранилищу девять рукописей. Эти рукописи и стали наиболее ценными находками экспедиции.

Самая древняя из них — Триодь постная и Житие Марии Египетской, рукопись первой четверти XVI в. (№ 617). В середине XVI в. был переписан Месяцеслов (№ 618), в котором наряду с календарными цифрами проставлен вруделетный счет; некоторые статьи сопровождаются указаниями на перемещение солнца относительно созвездий, записями о смене времен года, а также о том, когда допускается «отворять кровь». На листах рукописи имеются вкладные и владельческие записи, которые свидетельствуют о том, что Месяцеслов был куплен на собранные крестьянами деньги и положен в церковь Николы Чудотворца в д. Ёркино.

Рукопись 50-х гг. XVII в., содержащая Службу и Житие великомученика Георгия (№ 619), написана той же рукой, что и один из двух известных списков «Пинежского летописца» (Пинежское собр., № 440), оригинального памятника местной книжной традиции. На основании владельческих записей в нашей рукописи можно подтвердить предположе-

⁴ Здесь и далее в скобках — шифр рукописи Пинежского собрания Древлехранилища ИРЛИ.

⁵ Об А. С. Порохиной писал в отчете Н. И. Николаев (см.: Николаев Н. И. Пинежская экспедиция 1979 года // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 392).

ние А. И. Копанева о том, что писцом «Пинежского летописца» был житель деревни Марьи́на Гора.⁶

В числе принадлежавших А. С. Порохиной рукописей — богослужебный сборник второй четверти XVIII в. (№ 620), сборник середины XVIII в., содержащий выписки из Требника, Книги о вере, «Слово о матерной брани» и др. (№ 621), сборная рукопись середины—конца XIX в., в которой наряду с выписками из различных книг Священного писания и поучений отцов церкви находится выговское сочинение «Поучение от святых божественных писаний о правом христианском законе Выгостынных отец и благочудных иноков поучение» (№ 625), а также тетрадка начала XX в., содержащая довольно редкий текст духовного стиха о Голубиной книге (№ 628). Две рукописи представляют собой актовые и документальные материалы: «Книга обмера сенокосных земель деревень Гаврилов Остров и Зайцово» третьей четверти XVIII в. (№ 622) и Запрос в Пинежское городское общественное управление от 19 июня 1912 г. о справочных ценах на продукты (№ 632).

Таким образом, даже эта небольшая часть библиотеки Анны Семеновны Порохиной свидетельствует о серьезном подборе книг и широком круге чтения ее владелицы

Две другие группы археографов работали в деревнях, расположенных вокруг Карпогор: Шотова Гора, Марьи́на Гора, Айнова Гора, Церкова Гора, Ваймуши, Шардонемь, а также в самих Карпогорах. Кроме того, предпринимались однодневные контрольные поездки в Кевролу, Немнюгу и Покшеньгу. Посещения большинства названных деревень оказались безрезультатны: книг и рукописей мы в них не видели. И только д. Ваймуши, как и раньше, порадовала нас находками: уже знакомая археографам Анфиса Егоровна Нифантьева⁷ передала в дар Дрeвлехранилищу четыре рукописи XIX—XX вв. и лубочное издание первой половины XIX в. — настенный лист с изображением 132 типов богородичных икон (№ 624). Среди переданных рукописей — «Служба и акафист Артемию Веркольскому» (№ 629), переписанные, как это следует из записи на нижнем форзаце, «с книг Ваймужской Николаевской церкви крестьянином и прихожанином прихода Прокопием Николаевым Никифоровым» в октябре 1903 г. Прокопий Никифоров был владельцем и двух других полученных нами от А. Е. Нифантьевой рукописей конца XIX в. — нотолинейного певческого сборника (№ 627) и Лечебника (№ 626). Судя по нескольким владельческим записям, этот Лечебник принадлежал ранее младшему фельдшеру Архангельского ротного батальона Николаю Алексеевичу Никифорову — вероятно, отцу Прокопия Николаевича. В рукописной тетради 1963—1980 гг. (№ 633) наряду с Пасхалией и избранными молитвословиями содержатся краткие сведения о Веркольском монастыре. На листах этой рукописи читаются фенологические записи типа: «Река Пинега встала 17—18 октября ст. ст., нового стиля 30—31 октября 1973 года».

Жительница той же деревни Раиса Федоровна Попова передала в дар Дрeвлехранилищу изданную в 70-е гг. XVIII в. Псалтирь и две рукописи 10-х гг. XX в., переписанные одним почерком, — Каноны за умерших (№ 630) и Молитвословия утренние и вечерние (№ 631). Эти рукописи, возможно, были переписаны странницей Анной Ивановной, как показывает запись в одной из них (№ 631): «Азь есмь последняя в человецехъ Анна Ивановъна, странствующая зъ 10-ти летъ до 20-ти. Простите бога ради».

⁶ Копанев А. И. Пинежский летописец XVII в. // Рукописное наследие Древней Руси: (По материалам Пушкинского Дома). Л., 1972. С. 57—91.

⁷ О рукописях, переданных А. Е. Нифантьевой археографам в прошлые годы, см.: Николаев Н. И., Савельев А. А., Федоров С. В. Пинежская экспедиция 1981 г. // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 452.

От жительницы Ваймушей А. Е. Никифоровой нами был получен Часослов, изданный Синодальной типографией в 1840 г. Единичные находки книг кирилловской печати были сделаны и в других деревнях Карпогорского сельсовета: два старообрядческих издания подарила семья Кыркаловых из д. Шотова Гора, не раз уже передававшая рукописи в Древлехранилище ИРЛИ, — Евангелие-тетр Почаевской типографии, напечатанное на бумаге 1801 г., но имеющее дату выхода 1790 г., и Житие Василия Нового, переизданное в начале XIX в. с Почаевского издания 1794 г. Жительница д. Марьино Гора В. А. Чуркина передала нам еще одно почаевское издание — Псалтырь 1882 г., а в д. Шардонемь М. И. Вдовина подарила иллюстрированную «Историю о отцах и страдальцах Соловецких» (М., 1914 — с изд.: Почаев, 1794). Последняя находка экспедиции была сделана уже на обратном пути в г. Архангельске. Минеевская общая и праздничная, изданная в Москве в 1650 г., подаренная З. Е. Дунаевой, оказалась самой ранней из привезенных старопечатных книг.

В целом экспедиция 1986 г. пополнила Пинежское собрание Древлехранилища ИРЛИ 18 рукописями XVI—XX вв. В Научную библиотеку им. А. М. Горького ЛГУ поступило 14 старопечатных изданий XVII—XX вв.

Работа в Пинежском районе Архангельской области еще раз подтвердила целесообразность и правильность метода многократного археографического обследования деревень, выработанного еще В. И. Малышевым. Даже наши немногочисленные находки свидетельствуют о былом богатстве и непрерывности книжной традиции на Пинеге. Работа в этих местах, несомненно, должна быть продолжена.

Рукописи, поступившие в Пинежское собрание Древлехранилища ИРЛИ в 1986 г.

1 (617). Триодь постная и Житие Марии Египетской, XVI в. (1-я четверть), в лист, 357 л., полуустав (в два столбца), переплет — доски в тисненой коже с остатками двух ременных застежек, на нижней крышке переплета — медные «жуки». На л. 1 заставка балканского стиля в красках; заглавия, инициалы и буквы киноварные, имеется киноварная пагинация тетрадей (44). Отдельные листы рукописи реставрированы в конце XIX в. На л. 354 карандашная помета Никиты Мельникова.

2 (618). Месяцеслов, XVI в. (середина), в 8-ку, 116 л., полуустав, переплет — доски «под обрез» с остатками кожи и следами одной застежки, корешок реставрирован. На л. 22—52 запись скорописью: «В сию книгу Арьтемей Романовъ положил алтынъ. В сию книгу Фома Артемьевъ положил два алтына с наугородкой Николы чудотворцу в домъ. Да в сию книгу Прокофей Павлов бирич положил алтын денег Николы чудотворцу в дом на Еркине. Да в сию книгу Марья Антоманова дочи положила четыре денги в дом Николы чудотворцу на Еркино». Л. 1—5 переписаны крупным полууставом, вшиты позднее и представляют собой реставрацию 1-й четверти XVII в. Скорописная скрепа на л. 1—5, возможно, принадлежит писцу этой части рукописи: «71[.] года продал [нрзб.] святци с тропари и с кондаки Гриша Андреев Попов пинежец Прокопью Павлову кевролцу, взял семь алтынъ, подписал своею рукою».

В рукописи рядом с календарными цифрами проставлен киноварью вруцелетный счет. Календарный счет продублирован позднее другой рукой. На полях л. 1—10 об. позднее были вписаны таблицы вруцелет. Заглавия и буквы киноварные.

Памяти святым иногда сопровождаются тропарями и кондаками. Основной текст Месяцеслова дополнен тропарями и кондаками воскрес-

ными и ипакоями. Некоторые статьи (преимущественно на 10-й или 11-й день месяца) сопровождаются указаниями на перемещение солнца относительно созвездий; отмечается смена времен года. На л. 31 об. в текст Месяцеслова введена запись: «Отселе не пущаем же крови до 25 марта месяца». Соответственно в статье на 25 марта (л. 65 об.) читается: «Отселе починается весна. Пущаем же кровь до 13 дни маяя месяца».

3 (619). **Служба и житие великомученика Георгия**, XVII в. (50-е гг.), в 8-ку, 40 л., полууустав, переплет — доски с кожаным корешком. На л. 1 запись скорописью: «Марьегорско[й] волости десяцко[й] и денежной»; на верхнем поле л. 2 химическим карандашом воспроизведено скорописью заглавие службы. На л. 2—6 скорописная скрепа: «Сию книгу кушил на Николские день[ги] Марьегорской Николской староста Клементей Михайлов, а дал на книги 3 ал[тына] 2 де[нги]». На л. 32 об. помета типа «проба пера». На обороте верхней крышки выцарапано: «книга \overline{NE} KA [. . .]» и буквы «О» и «С». Почерк рукописи идентичен основному почерку рукописного сборника начала 60-х гг. XVII в., содержащего Пинежский летописец (ИРЛИ, Пинежское собр., № 440).

4 (620). **Сборник служебный**, XVIII в. (2-я четверть), в 8-ку, 69 л., полууустав двух типов, переплет — доски с остатками тисненой кожи и следами двух ременных застежек, корешок не сохранился. В первой части рукописи (л. 1—25) заставки геометрического рисунка, выполненные пером и черными чернилами. Содержит «указы» о поклонах приходных и отходных, о тропарях и кондаках, последования служб на четыредесятницу и пятидесятницу. Конец утрачен.

5 (621). **Сборник**, XVIII в. (середина), в 8-ку, 15 л., подражание печатному, без обложки. Содержит Исповедание повседневное, выписки из Требника, Книги о вере, «Ис книги о седми тайнах», Слова о матерной брани и о брадобритии, Слово Максима Грека о конце света, Стих-плач блудного сына.

6 (622). **Книга обмера сенокосных земель деревень Гаврилов Остров и Зайцово**, XVIII в. (3-я четверть), в 8-ку, 23 л., скоропись, без обложки. На л. 20 об. новейшая запись сиреневым карандашом: «В каком году расчитывай, в какой земле угадывай, размерена-расписана земля». Та же запись в несколько измененном варианте повторена ниже чернилами.

7 (623). **Записная книжка семьи крестьян Григорьевых д. Кушкопала**, 20—60-е гг. XIX в., в 8-ку, 69 л., скоропись (карандашом и чернилами), переплет картонный с кожаным корешком. Владельческие записи: л. 1—1 об. — «1841 года мая 303 [так!] дня Архан[г]ельской губерни Пине[ж]ской округи [нрзб.] волоснаго правления [нрзб.] сельскаго общества Куснопальской [так!] деревни сия книга Александра Григорьева»; на л. 20 об., 68 об., 69 об. — записи Александра Григорьева и его братьев 1841 г. Содержит хозяйственные записи приходно-расходного характера, фенологические записи (л. 1 об.), молитвы (л. 10 об., 24—24 об.), а также заговоры (л. 11—13, 14 об.—22 об., 64 об.), описания трав (л. 69), песенный зачин «То по матушки по Волги, по широкой реки долги. . .» (л. 8, 67). На л. 22 об. среди записей типа «проба пера» рукой числа написан алфавит.

8 (624). **Изображение 132 типов богородичных икон (настенный лист)**, XIX в. (первая половина), 57×76.5 см; лубочное издание, наклеенное на картон. Лист расчленен на 3 фрагмента.

9 (625). **Сборная рукопись**, XIX в. (середина—конец), в 8-ку, 73 л., без переплета. На л. 13 запись скорописью, черными чернилами: «40 получил. Сия книга принадлежит Николаю [Емель.?] Мельникову». Ниже: «Демьян Мельников руку при[ложил]». Содержит: краткие выписки из Евангелия, Посланий апостолов, поучений и слов Иоанна Злагуоста, Василия Великого и других о церкви, грехе и покаянии, о последних

днях, об антихристе и о расколах, выписки из Кирилловой книги, Книги о вере, Маргарита, Апокалипсиса, из Требника, Номоканона об исповедании и причастии, о двуперстном крещении, о еретиках и отлучении, о пастырях и лжеучителях; а также «Поучение от святых божественных писаний о правом христианском законе Выгопустынных отец и благомудрых иноков поучение» (см.: Дружинин В. Г. Писания русских старообрядцев. СПб., 1912. С. 391, № 513) и Епитимейник (возможно, Амбурского скита, — см. л. 27).

10 (626). **Лечебник**, 1883 г., в 8-ку, 83 л., скоропись, без обложки. Названия заболеваний (частично) и рецепты написаны по-латински. На л. 1 писцовая помета: «1883 года». Владельческие записи (карандашом и чернилами): л. 76 об. — «Бывший ученик Прокопий Николаев Никифоров расписался 22 июня 1901 года»; л. 77 об. — «Лечебник принадлежит крестьянину Арх[ангельской] губ[ернии] Пинеж[ского] уезда Никит[ской] вол[ости] Карпог[орской] сельск[ой] общ[ины] села Ваймужского Прокопию Николаевичу Никифорову. 1904 г. 11 февраля» (рукопись руки Прокопия Никифорова см.: Пинежское собр., № 629); л. 82 — «Младший ротный фельдшер Архангельского ротного Баталиона Николай Алексеев Никифоров». Часть рукописи утрачена.

11 (627). **Сборник певческий (нотоплинейный)**, XIX в. (конец), 18×27 см, 9 л., скоропись, без обложки. Бумага нотная типографская. Писец Петров (см. записи на л. 3, 4, 9). На л. 9 об. владельческая запись: «Ноты Пр. Никифорова, с. Ваймужск[ое]». Есть несколько карандашных помет «Знамен[ный] расп[ев]». Содержит прокимны и догматики на 8 гласов и др.

12 (628). **Стих о Голубиной книге и стих о гробе**, XX в. (начало), в 8-ку, 14 л., подражание печатному, без переплета. Часть текста на л. 1—2 об. утрачена.

13 (629). **Служба и акафист Артемию Веркольскому**, 1903 г., в 4-ку, 30 л., скоропись, рукопись вложена в коленкоровую тетрадную обложку несколько меньшего формата. Писец П. Н. Никифоров. Писцовые записи: л. 1 — «Служба и Акафист Святому Веркольскому Чудотворцу Артемию. В 23 день месяца июня. Писано с книг Ваймужской Николаевской церкви. Крестьянином и прихожанином прихода Прокопием Николаевым Никифоровым». Эта же запись, дополненная датой, повторена на нижнем форзаце. Л. 30 об. — «Сию тетрадь или книгу начал писать с 26-го октября и кончил по нерадению своему 30 октября 1903 г. С подлинным верно. Смотрел и проверял Прокопий Никифоров. 30 октября 1903 года».

14 (630). **Каноны за умерших и за единоумершего**, XX в. (10-е гг.), в 4-ку, 27 л., полуустав, переплет картонный, обтянутый материей. Заставка (л. 2), инициалы и буквы выполнены тушью. На л. 1 и 27 карандашные инициалы, вязь и заглавие стихир выполнены красными чернилами и тушью для рукописи форматом «в лист». Почерк см. также: Пинежское собр., № 631. Все листы у переплета пробиты дыроколом.

15 (631). **Молитвословия утренние и вечерние**, XX в. (10-е гг.), в 8-ку, 6 л., полуустав. Заставка (л. 2), инициалы и фрагменты текста писаны красной тушью. На л. 6 об. карандашная запись крупным полууставом: «Азь есмь последняя в человецех Анна Ивановна странствующая зь 10-ти летъ до 20-ти. Простите бога ради». Карандашная приписка той же руки есть на л. 6. На л. 1 два крупных инициала («Н» и «У»), выполненные карандашом. Тот же почерк см.: Пинежское собр., № 630. На л. 3 в тексте молитвы Иисусу Христу упомянуты соловецкие чудотворцы Зосима, Савватий и Герман.

16 (632). **Запрос в Пинежское городское общественное управление от 19 июня 1912 г. о справочных ценах на продукты** (муку ржаную, гречу,

пшено). 1 л., 7,5×20,5 см. В правом верхнем углу проштампован номер листа (126).

17 (633). **Сборная рукопись**, 1963—1980 гг., в 4-ку, 27 л., скоропись чернилами и карандашом на листах ученической тетради, у корешка тетрадь прошита. На л. 3 об.—7, 27 об. — фенологические записи типа: «Река Пинега встала 17—18 октября ст. ст., нового стиля 30—31 октября 1973 года». Содержит Пасхалию на 1967—1980 гг. и избранные молитвословия (Тропарь Ангелу Хранителю, Канон за умершего, Панихида, Стихира на целование плащаницы и др.), а также краткую историю Веркольского монастыря.

18 (634). **Отпуст**, 1965, в 4-ку, 1 л., подражание печатному. По нижнему полю листа запись писца: «Списал с потребника 10 апреля 1965 г. И. Дунаев».

Е. В. ГАЛИЦКАЯ, Б. М. ПУДАЛОВ

Археографические экспедиции в Уренский и Тонкинский районы Горьковской области

В 1985—1986 гг. экспедиция Горьковского университета под руководством Т. В. Черторицкой продолжала археографическое изучение районов Горьковской области.¹ Ранее горьковские археографы работали в Ковернинском, Семеновском, Городецком, Арзамасском, Лысковском р-нах, в результате чего в библиотеку ГГУ поступило около 200 рукописных и старопечатных книг XVI—XX вв. В 1985 г. была предпринята археографическая разведка Уренского и Тонкинского р-нов, где в прошлом уже вели поиски рукописей сотрудники ОР ГВЛ и Древлехранилища Пушкинского Дома.² Разведка показала перспективность и целесообразность дальнейшей работы в этих районах, что мы и предприняли в 1985—1986 гг.

В составе экспедиции было 20 человек. Кроме студентов ГГУ, в работе участвовали сотрудник Горьковской областной библиотеки им. В. И. Ленина Е. В. Галицкая и сотрудник Архива Горьковской области Б. М. Пудалов. Работа велась несколькими отрядами, чтобы охватить возможно большее число населенных пунктов этих районов, сравнительно небольших по площади, но густонаселенных. Нам было известно, что в религиозном отношении районы в основном старообрядческие. Интересно, что названия ряда населенных пунктов Тонкинского р-на перекликаются с названиями в Ковернинском и Семеновском р-нах: Аверино, Содомово, Ларионово, Захарово; деревня перед въездом в Тонкино называется Ковернинское. По-видимому, заселение района происходило из Ковернино и Семенова, известных центров раскола. Этим можно объяснить преобладание старообрядцев в районе; об этом же свидетельствуют местные легенды, а также продолжающиеся по сей день контакты тонкинских и ковернинско-семеновских старообрядцев.

В процессе работы выяснилось, что в Уренском и юго-западных сельсоветах Тонкинского района преобладают старообрядцы-поповцы белокрыницкого согласия («австрийцы»), беглопоповцы, а также ряд мелких толков (спасовцы, часовенные). Они постоянно поддерживают контакты с религиозными центрами в Москве и Новозыбкове. Следствием этого стали регулярные поездки представителей религиозных центров, цель которых — сбор старинных икон и книг в обмен на новые. Таким образом, книжная традиция в этих деревнях в настоящее время исчезает и они представляются малоперспективными для археографической работы. Аналогичное мнение сложилось у нас и о деревнях сельсовета «Кодочиги»

¹ О начале археографической работы ГГУ см.: Грицевская И. М., Русинов В. Н., Черторицкая Т. В. Археографическая экспедиция Горьковского государственного университета им. Н. И. Лобачевского // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 362—364.

² О последней такой экспедиции см.: Бударгин В. П. Экспедиция в Горьковскую область // Там же. С. 359—361.

Тонкинского р-на. Здесь преобладают церковники, значительный процент населения — марийцы; книжной традиции здесь нет.

Для поиска рукописных и старопечатных книг наибольший интерес представляют населенные пункты Урень, Тонкино, сельсовет «Непряхино» Уренского р-на, Бердники, Вязовка Тонкинского р-на. Здесь преобладают старообрядцы-беспоповцы. Большинство из них — федосеевцы, именующие себя «старопоморская вера», или «крепкие». Чуть меньше филипповцев, которые называют себя «пристанские», по названию с. Пристань, где был когда-то их местный центр. У старообрядцев-беспоповцев сложилась богатая культурная и книжная традиция, поэтому наиболее интересные находки были сделаны именно здесь.

Среди приобретенных рукописей значительная часть — служебные. Это два отрывка канонов на память великомучеников Евстафия и Георгия, датируемые последней четвертью XVII в., две Псалтыри конца XVIII и начала XIX в., Служебник второй половины XIX в. Из четырех книг наибольший интерес представляет сборник энциклопедического содержания второй половины XVIII в., озаглавленный составителем «Цветник». В его составе минейные чтения и выписки естественно-научного характера. Отметим также сборник сочинений Ефрема Сирина конца XVIII в. (112 гл.), четый сборник конца XIX в., отрывок поучения «О втором пришествии Христове» конца XVIII—начала XIX в. Среди полемических и догматических рукописей — вопросо-ответный сборник начала XX в., два сборника, содержащих выписки из Кормчей и других источников по обрядовым вопросам и датируемых концом XIX—началом XX в., а также стеклограф — догматический сборник второй половины XIX в.

Наиболее интересные старопечатные книги, приобретенные экспедицией 1985—1986 гг.: Миняя общая, напечатанная Н. Ф. Фофановым в 1609 г., ряд изданий Московского печатного двора — Апостол 1623 г., Евангелие учительное 1633 г., Часовник 1634 г., Миняя служебная ноябрьская 1645 г., Книга сочинений Ефрема Сирина и аввы Дорофея 1647 г., Апостол 1653 г., а также изданное в Вильно Евангелие учительное 1782 г. и две Псалтыри, изданные в Почаеве в 1783 г. и во Львове в 1791 г. В целом же у старообрядцев среди печатных книг преобладают поздние издания Псалтыри, Часовника, канонников и служебников, однако среди находок экспедиции есть и «История о отцах и страдальцах соловецких» (М., 1916), часто встречается Житие Василия Нового, «Страсти Христовы» и др.

Беседы со старообрядцами в д. Худобабково (Бердниковский сельсовет Тонкинского р-на), где на престольный праздник собрались федосеевцы из окрестных деревень Кузьминки, Простоквашино, Егоровское, Фомин Ручей, позволили установить факт существования местного старообрядческого скриптория. Дело в том, что д. Худобабково в 1924 г. сильно пострадала от пожара; сгорели и книги. Потери частично восполнялись поздними печатными книгами (в том числе единоверческими), но этого оказалось недостаточно. Тогда наставники вынуждены были прибегнуть к переписке книг. Книгописной мастерской руководил Карп Якимович Полянин, обучавшийся книгопечатному делу в Астрахани, откуда он приехал в 1917 г. Нам показали переписанные им и хранящиеся в молельной Псалтырь, Канонник, годовой Пролог, а также составленный им для домашнего чтения сборник житий и поучений, который Полянин озаглавил «Пролог». Он же и переплетал рукописи, доводя технику работы до совершенства. После смерти К. Я. Полянина в 1933 г. скрипторий возглавил Ефим Иванович Пленников. В д. Отары Тонкинского р-на его внучатый племянник Петр Иванович Волков подарил нам Псалтырь письма Пленникова. Его работу также отличает весьма высокая степень мастерства. Мастерская прекратила свою работу в конце 1930-х гг. К сожалению, пока мало что удалось узнать о других писцах — Пальцеве, «старце

Севастьяне»; не удалось увидеть книги, переписанные ими. Возможно, дальнейшие поиски восполнят этот пробел.

На Нижегородской земле издавна существовало искусство знаменного пения (достаточно вспомнить имена знаменитого роспевщика Семена Баскакова, автора двоезнаменного руководства старца Желтоводского монастыря Тихона Макарьевского). Традиции древней музыкальной культуры сохраняются старообрядцами. Во время работы экспедиции в Уренском и Тонкинском р-нах нам довелось постоянно общаться с людьми, бережно хранящими рукописные памятники безлинейного нотного письма. По нашим наблюдениям, на службе в основном используются однотипные сборники знаменного письма XVIII—XX вв. Некоторые поздние певческие рукописи созданы местными переписчиками. Такова крюковая книга «Ирмосы» (XX в.), переписанная местным мастером из д. Ларионово в так называемой «гуслицкой» манере. Книга была подарена нам снохой К. Я. Полянина Т. А. Поляниной (Тороповой). Слышали мы и «самогласное» пение А. И. Пуртовой, Е. И. Махаловой, «солевое» пение М. С. Малининой, знающей на память множество духовных стихов, у которой в 73 года «глас красен и светел. . . и мало обретахуся подобно ему».

В старообрядческой среде очень популярны духовные стихи, в том числе стих о патриархе Никоне, стих о смерти и др. Среди находок экспедиции — два сборника духовных стихов, написанных в конце XIX—начале XX в. Ряд стихов записан участниками экспедиции. Однако наши возможности в изучении музыкальной культуры ограничивали недостаточная теоретическая и практическая подготовка и отсутствие специалиста по древнерусской музыке.

В целом же экспедиция в Уренский и Тонкинский районы Горьковской области дала неплохие результаты. Приобретено и передано в библиотеку Горьковского госуниверситета 17 рукописей XVII—XX вв., 24 печатные книги XVII—XX вв. Однако работа оказалась бы гораздо успешнее, если бы не участвовавшие кражи предметов старины. Поэтому местное население очень настороженно относится к разговорам о старине. Пока безрезультатным оказалось посещение некоторых деревень, хотя разговор, как правило, получался, и нам даже показывали книги. Но всякие попытки более конкретной беседы ни к чему не привели.

Экспедиция 1985—1986 гг. показала, что на территории Уренского и Тонкинского р-нов Горьковской обл. целесообразно продолжать археографическую работу.

А. Н. ВЛАСОВ

Археографическая работа Сыктывкарского университета на Верхней Печоре

В июле 1986 г. археографическая экспедиция Сыктывкарского университета в течение десяти дней работала на Верхней Печоре — в Троицко-Печорском районе Коми АССР.¹ Поездка носила разведывательный характер и ставила целью не только выявление и собирание памятников письменности и книжной культуры, но и фиксацию современного состояния фольклорной традиции в этом районе.

За последние 30 лет территория Верхней Печоры неоднократно обследовалась этнографами Коми ФАН,² ленинградскими археографами,³ диалектологами Сыктывкарского университета.⁴ Вместе с тем систематической и планомерной археографической работы, подобной той, какая с конца 40-х гг. ведется археографами на Нижней Печоре,⁵ в верхнепечорском регионе не проводилось. Сотрудники Пушкинского Дома и студенты ЛГУ в ходе трех экспедиций побывали во многих населенных пунктах по берегам Печоры и ее притоков к северу и к югу от центра района — с. Троицко-Печорск. Однако, будучи ограничены во времени, участники этих экспедиций не имели возможности подолгу задерживаться в каждом селе и выявить всех хранителей рукописной и старопечатной книжности. Повторных поездок в уже обследованные пункты не было предпринято. Поэтому, познакомившись с материалами ленинградских экспедиций, археографы Сыктывкарского университета совершили поездку в те населенные пункты на Верхней Печоре, в которых в 50—70-е гг. проводилось археографическое обследование, с тем чтобы выяснить характер бытования там древнерусской книги в настоящее время.

¹ Руководил археографическим отрядом ассистент кафедры русской литературы СГУ А. Н. Власов; в состав отряда входили: сотрудник Русского музея Т. Б. Васильева и студенты СГУ М. С. Башлачева, Н. А. Петренко, Е. А. Порошкина, Е. В. Пономарева, Е. А. Шевченко.

² В 60—70-е гг. в Троицко-Печорском районе работал сотрудник Коми ФАН Ю. В. Гагарин. В результате поездок в этот район у него сложилась коллекция рукописных и старопечатных книг. После смерти Ю. В. Гагарина его собрание было приобретено научной библиотекой Сыктывкарского университета.

³ В 1959, 1960 и 1973 гг. села по Верхней Печоре и ее притокам обследовались экспедициями Пушкинского Дома и Ленинградского университета, см.: Бегунов Ю. К., Демин А. С., Панченко А. М. Отчет об археографической экспедиции в верховье Печоры и Колвы в 1959 г. // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 545—557; Балашов Д. М., Бегунов Ю. К. Поездка за рукописями в Печорский р-н Коми АССР в 1960 г. // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 420—425; Демкова Н. С. Отчет об археографической экспедиции на Печору // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 357—360.

⁴ В течение трех лет (1983—1986 гг.) в Троицко-Печорском районе Коми АССР работали диалектологические экспедиции Сыктывкарского университета.

⁵ Археографическое «открытие» низовой Печоры принадлежит В. И. Малышеву (см. отчеты о его экспедициях в ТОДРЛ: т. 7, 11, 12, 15, 16, 20, 24); в 70-е гг. на Нижней и Средней Печоре работали совместные экспедиции Пушкинского Дома и Научной библиотеки ЛГУ им. Горького, студенты-филологи ЛГУ (см. отчеты в ТОДРЛ: т. 27, 29, 30); с 1977 г. по настоящее время археографическую работу в этом регионе ведет Сыктывкарский университет (см. отчет о первой экспедиции в ТОДРЛ, т. 34).

В ходе экспедиции работа велась в селах Троицко-Печорск, Покча, Скаляц, Курья (и прилежащие к ней деревни), Усть-Унья, Светлый Родник, Бердыш, Шижим.

Верхнепечорские селения, особенно такие как Покча и Скаляц, в прошлом были местом сосредоточения старообрядцев-скрытников, спасавшихся от преследования духовенства и полиции в глухих лесах по Унье и Колве. Они строили там небольшие поселения. В этих скрытнических скитах скапливались книжные собрания, остатки которых были обнаружены ленинградскими археографами.⁶

В своей работе наша экспедиция учитывала эту историческую особенность обследуемого района. Остатки скрытничества до сих пор еще сохранились в этих местах. Работа по установлению контактов с этой категорией населения начата. Возможно, она приведет в будущем к выявлению остатков скрытнических книжных собраний, уцелевших у потомков верхнепечорских скрытников прошлого столетия. Разведка показала, что в верхнепечорских селах сейчас наблюдается та же ситуация, что и на низовой Печоре: грамотных старообрядцев-наставников почти не осталось, традиционное переписывание книг прекратилось, остатки книжной старины постепенно «оседают» у родственников умерших книжников. Нам удалось установить контакт с рядом таких наследников и описать имеющиеся у них памятники книжности. В Скаляце в семье Шахтаровых у вдовы и дочери недавно умершего наставника хранятся остатки его библиотеки. Наибольший интерес представляет печатный сборник XVIII в., содержащий слова и поучения Василия Великого, Иоанна Богослова, с рукописными вставками, заменяющими утерянные печатные листы. Среди поздних кириллических изданий XIX—XX вв. имеется Златоуст, изданный Преображенской типографией в начале XX в.

Остатки другой библиотеки удалось обнаружить в д. Покча у С. П. Остякова. Несколько книг, оставшихся от родителей, хранятся у А. Г. Пашиной (д. Курья). Среди них только одна рукопись — Псалтырь, переписанная со старообрядческого издания начала XX в., по-видимому, кем-то из местных жителей (по уверению А. Г. Пашиной, — ее дедом). Почерк, которым переписана Псалтырь, совпадает с почерком реставрированных листов печатного Сборника из собрания Шахтаровых (д. Скаляц), а также почерком нескольких рукописей, приобретенных Ю. В. Гагариным, что позволяет теперь локализовать район их бытования. Среди печатных книг А. Г. Пашиной наибольший интерес представляет «Апостол» (М., 1623) с интересными владельческими записями, рассказывающими о судьбе книги. В XVIII в. она принадлежала нескольким крестьянским семьям — Масловых, Субботиных, Кожевниковых. Поздняя запись конца XIX—начала XX в. свидетельствует о том, что на Верхнюю Печору книга попала из Усть-Цильмы: «Устьльми 25 р., куплена Ивана Антоновича».

Интересна владельческими записями и другая книга, которая хранится в с. Курья у В. М. Бурмантова, — «Житие Василия Нового» (Почаевское издание XIX в.). Записи сделаны по большей части местным старообрядцем начала XX в. Василием Собяниным и доносят до нас отголоски жарких споров между представителями поморского беспоповского согласия и скрытниками, идейным вождем которых здесь был Еварест Екимович, уроженец с. Ильинска Пермской губернии, владевший несколькими крупными библиотеками: «Еретики могут книгу исказить», «Иван Иванович, прошу вас о сей книге разобратся с Еворестом Екимовичем, какие есть в ней прибавки или убавки, и донесите мои. А кроме этого, не намерен ли будете сею книгу продать мне? Василий Собянин».⁷

⁶ Бегунов Ю. К., Демин А. С., Панченко А. М. Отчет об археографической экспедиции. . . С. 546.

⁷ Там же. С. 547.

Обследование населенных пунктов Усть-Уньинского сельсовета показало, что самым крупным книжным собранием, сохранившимся в этих местах, является библиотека А. А. Лызновой, являющейся сейчас, пожалуй, единственным человеком в Усть-Унье, кто еще очень живо помнит о былых прениях между представителями двух старообрядческих группировок, называвшихся по имени их руководителей «Изосимовской» и «Иворестовской». В собрании А. А. Лызновой преобладают книги кириллической печати, в основном поздние издания конца XIX—начала XX в., однако есть и несколько книг XVII в. (например, Житие Сергия Радонежского). Есть у А. А. Лызновой и рукописи, большинство из которых переписаны ею самой (литургические тексты, каноны и т. п.).

В Бердыше грамотных старообрядцев сейчас нет, однако у А. С. Лызновой сохранилась часть книг, некогда принадлежавших Изосиму Семеновичу, главе местных староверов-изосимовцев.

В ходе поисковой работы экспедиции удалось приобрести девять рукописей XVIII—XX вв. и четыре кириллические книги XVII—XX вв.

В Курьинском сельсовете у Е. А. Сусловой мы приобрели фрагмент старообрядческого полемического сочинения конца XVIII в., названный в рукописи «Увещание» и переписанный полууставом, рукописную тетрадь с духовными стихами (середины XX в.) и Кутейнское издание «Дипотры» 1651 г.

В с. Троицко-Печорск мы познакомились с учительницей-пенсионеркой Л. М. Москвиной, которая подарила нам три рукописи XX в. Две из них переписаны рукой ее матери Евдокии Николаевны: тетрадь, содержащая «Повесть о сыне судьи или христианине», и отдельно переписанный духовный стих «Вся наша жизнь земная крест». Третья рукопись представляет собой, вероятно, современную запись устного рассказа о явлении ангелов двум мальчикам. В том же доме мы получили и печатный Сборник (М.: Единоверческая типогр., 1897), перепечатанный с московского издания 1647 г. В Троицко-Печорске нам также удалось приобрести остатки архива местного краеведа В. В. Попова. Наибольший интерес представляет рукопись его сочинения по истории Троицко-Печорска, в основном периода становления Советской власти. Содержатся в нем и отдельные краткие заметки о начале заселения этого края.⁸

В ходе экспедиции были приобретены также сборник апокрифов (середины XX в.), переписанный гражданской скорописью, Житие великомученицы Марины (рукопись конца XIX—начала XX в.), фрагмент Слова святого Симеона Нового (XIX в.) и две печатные кириллические книги: Толковое Евангелие XVII в. и Скитское покаяние, изданное на Вятке, в с. Тушке в 1910 г.

В с. Покча нами была записана местная легенда о чуде от иконы Прокочия Устюжского, наиболее почитаемого в этой местности святого. Сюжет этой легенды аналогичен сюжету, зафиксированному в Сольвычегодском летописце XVI в., рассказывающем о предотвращении пожара в Сольвычегодском Борисоглебском монастыре его игуменом, который с иконой Прокочия вышел навстречу пламени.⁹

Работа по изучению местной фольклорной традиции на Верхней Печоре (в частности, знакомство со свадебным обрядом и песенной культурой) показала, что иноязычная среда в данном районе испытала в значительной мере влияние русской традиционной культуры (использование отдельных элементов свадебного обряда, некоторых песенных сюжетов).

Археографическая разведка, проведенная экспедицией СГУ в Троицко-Печорском районе Коми АССР, показала, что этот регион как в археографическом, так и в фольклорно-этнографическом отношении требует углубленного и систематического обследования.

⁸ Материалы этого сочинения были частично использованы в кн.: Троицко-Печорск. Сыктывкар, 1978.

⁹ См.: ГПБ, 01.835, л. 2—2 об.

В. Н. КОЗЛЯКОВ

Обзор памятников деловой письменности XVI—XVII вв. в фондах Государственного архива Ярославской области

(собрание Ярославской губернской ученой архивной комиссии)

В Государственном архиве Ярославской области (далее — ГАЯО) хранится собрание столбцов и документов XVI—XVIII вв., насчитывающее около трех тысяч единиц хранения. Оно складывалось в результате поступления отдельных документов и целых коллекций от учреждений и частных лиц в Ярославскую губернскую ученую архивную комиссию (далее — ЯГУАК) (1889—1918 гг.).¹ Отдельные материалы собрания в разное время публиковались на страницах «Ярославских губернских ведомостей», во «Временнике» Демидовского юридического лицея, в «Трудах» ЯГУАК.² Внимание советских исследователей это документальное собрание почти не привлекало. Единственным, кто использовал часть его материалов и описал в 1972 г. более ста документов этого собрания, был В. Б. Кобрин.³ Настоящий обзор посвящен характеристике происхождения и содержания семи коллекций памятников деловой письменности XVI—XVII вв. собрания ЯГУАК. Документы этих коллекций систематизированы и описаны автором обзора. В их составе, как удалось определить, сохранились остатки архивов провинциальных правительственных учреждений — приказных и земских изб, монастырей и церквей, а также частных архивов служилых людей — бояр, стольников, жильцов, городских дворян и детей боярских, иноземцев и дьяков.

Начало собранию ЯГУАК положили столбцы, переданные в конце 80-х гг. XIX в. Е. Н. Опочининым. Тогда же эта коллекция была описана Е. И. Якушкиным и в начале XX в. подготовлена к печати И. А. Тихомировым.⁴ Однако издание не состоялось. Документы этой коллекции в количестве 210 ед. хр. своим происхождением связаны с тремя частными архивами: семьи ярославского сына боярского Б. В. Викентьева, стольника А. Б. Брянчанинова, бояр И. И. и Ю. И. Ромодановских.

Сохранившиеся в архиве Викентьевых грамоты, записи, памяти, отписи, купчие, челобитные, грамотки (письма) с 1620 г. по начало XVIII в. зафиксировали службы, землевладельческие и имущественные права представителей рядовых служилых людей в XVII в. Интересно, что Б. В. Викентьев, начав службу провинциальным дворянином, исполнял впоследствии должность воеводы на Атемарской засечной черте. Ко времени его воеводства в 1660 г. относится подписная коллективная челобитная стрельцов, казаков, сторожей и рядовых этой засечной черты — русских,

¹ ГАЯО, ф. 582. В настоящее время собрание выделено в отдельную опись № 7.

² О г у р ц о в Н. Г. Опыт местной библиографии: Ярославский край (1718—1924). Ярославль, 1924. С. 36—51.

³ К о б р и н В. Б. Землевладение светских феодалов и социально-политический строй России XV—XVI веков: Автореф. дис. . . д-ра ист. наук. Л., 1983. С. 8.

⁴ ГАЯО, ф. 582, оп. 2, № 176; № 184а, т. 1.

мордвы, татар — о злоупотреблениях саранского воеводы С. Зубова при строительстве засек и Атемарского острога.⁵

Документы стольника А. Б. Брянчанинова содержат материалы о разделе и обмене его поместий и вотчин в Вологодском уезде, о беглых крестьянах, о сдаче земли в наем. Некоторые материалы относятся ко времени исполнения им должности воеводы в Галиче в 1679 г. и Елабуге в 1681—1682 гг.⁶ Источники из архива бояр И. И. и Ю. И. Ромодановских раскрывают порядок управления их вотчинами в Крапивенском и Соловском уездах, взаимоотношения вотчинной администрации с одоевскими поместными казаками в конце XVII в.

Другая небольшая коллекция документов XVII в. из 11 ед. хр. была принесена в дар ЯГУАК А. И. Савельевым в 1900 г.⁷ Среди ее материалов — записи, сказки, судные дела и отписи в получении денег за оброчные земли венежских стрельцов. Интересна порядная запись 1655 г. новгородского работного человека, отставного стрельца, о поступлении в бобыли в вотчину Святоозерского Иверского монастыря. В составе этой коллекции хранятся также столбцы с записью расходов Пушкарского приказа 90-х гг. XVII в.

Из протоколов ЯГУАК известно, что в декабре 1900 г. в комиссию поступила коллекция И. Н. Ельчанинова. В настоящее время известно 40 документов XVII в. в составе 24 ед. хр., происходящих из этой коллекции.⁸ В их числе остатки архива ростовских помещиков, представителей уездной служилой корпорации — Телешевых. В составе этого архива, кроме деловых бумаг, сохранились источники исторического и литературного характера: лист с записями служилого человека белгородского полка Б. П. Шереметева, где упоминается о взятии Азова в 1696 г.,⁹ и памятник силлабической поэзии «Двоестрочие о безмерном питии и о злом запойстве». Обнаруженный новый список «Двоестрочия» представляет собой тетрадку в 8-ку на 8 листах и является более ранним по сравнению с опубликованным.¹⁰ В коллекции И. Н. Ельчанинова находятся также документы из архива «ловчего пути охотника» И. К. Перхурова 40-х гг. XVII в., дающие представление о социальном происхождении и поместном обеспечении этой специфической категории служилых людей.

В составе собрания ЯГУАК находится и коллекция документов И. А. Вахрамеева, считавшаяся утерянной.¹¹ Сведения о принадлежавших ему 365 историко-юридических актах вошли в 4-й и 6-й выпуски описания известной вахрамеевской коллекции рукописей, хранящейся в ГИМ.¹² В настоящее время документальный материал, оставшийся в собрании ЯГУАК, состоит из 210 ед. хр., в том числе 82, вошедших в описание А. А. Титова.

⁵ ГАЯО, ф. 582. I. Коллекция Е. Н. Опочинина, № 41. Документы в своей большей части опубликованы в сборнике «Ярославский архив дворян Викентьевых XVII века» (Верхне-Волжское книжное издательство, 1989).

⁶ Там же, № 101, 112.

⁷ ГАЯО, ф. 582. II. Коллекция А. И. Савельева, № 1—11. Об обстоятельствах поступления этой коллекции в комиссию см.: Труды ЯГУАК. Ярославль, 1914. Кн. 6, вып. 1. С. 140, 157.

⁸ ГАЯО, ф. 582. III. Коллекция И. Н. Ельчанинова, № 1—24. См.: Труды ЯГУАК. Кн. 6, вып. 1. С. 182.

⁹ ГАЯО, ф. 582. III. Коллекция И. Н. Ельчанинова, № 2.

¹⁰ Там же, № 1. Филигрань: пут с литерами HD // Водяные знаки рукописей России XVII в.: По материалам Отдела рукописей ГИМ / Сост. Т. В. Дианова, Л. М. Костюхина. М., 1982. С. 70, № 483 (1680—1689 гг.). Голубев И. Ф. Вирши о смерти и пьянстве // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 84; Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1970. С. 312—316.

¹¹ Левочкин И. В. Описание рукописей Государственного Исторического музея (XIX—начало XX века) // Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности. Л., 1981. С. 154.

¹² См.: Т и т о в А. А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахрамееву. Сергиев Посад, 1897. Вып. 4; М., 1907. Вып. 6. С. 121—147.

Наибольший интерес в этой коллекции представляют остатки архива Ростовского земского двора — грамоты из разных приказов по делам, связанным с посадом г. Ростова. Отдельный комплекс документов — отписи в получении податей, грамоты о богослужении — составляют архив церкви села Колокша Романовского уезда. В коллекции находятся также две рукописные азбуки 40-х и 80-х гг. XVII в.,¹³ отрывок Летописца XVII в. с общерусскими известиями за 1525—1598, 1619—1637 гг.¹⁴

В процессе описания нами выделена коллекция материалов частных архивов XVII—XVIII вв. В нее вошло около тысячи документов из так называемой «коллекции Н. И. Панина», а также столбцы из отдельных поступлений, происхождение которых в собрании комиссии пока не установлено.¹⁵

Документы коллекции Н. И. Панина представляют интерес для изучения имущественных прав различных категорий служилых людей. Так, остатки семейных архивов белянина А. Ф. Алексеева и смолянина А. Л. Старово, испомещенных в начале XVII в. по Вологде и Белозеру, дают новый материал для изучения состава служилых корпораций этих городов. В коллекции сохранились редкие источники из архивов служилых иноземцев Рогульских и Сикорских, в частности ввозная грамота 1586 г. «выезжему литвину» Яну Сикорскому на поместье в Вологодском уезде.

Интересны семейные архивы городских детей боярских XVII в. Адашевых, Суцевых (Галичский у.), Потуловых, Ростовцевых (Костромской у.), Сумароковых (Ярославский у.). В их составе находятся грамоты на поместья и вотчины, выписи из писцовых книг, отписи в получении различных податей с землевладельцев, свидетельствующие о земельно-финансовом обеспечении провинциального дворянства. В архиве семьи костромского губного старосты С. Потулова хранятся источники времени первой крестьянской войны — заемная кабала 1602 г. и обыскные речи о поместье, разоренном отрядом польских интервентов во главе с Лисовским, составленные по приказу воевод Первого ополчения в 1612 г. Документы из архива подьячего Стрелецкого приказа Г. Д. Носкова свидетельствуют об имущественном положении представителя московской бюрократии XVII в.

В коллекции хранится архив вологодского вотчинника, жильца П. Н. Лутошина, служившего поручиком полка генерала П. Гордона. В составе этого архива выделяется комплекс челобитных и писем последней четверти XVII в. Челобитные П. Н. Лутошина о пожаловании поместным и денежным окладом и чинами относятся ко времени стрелецкого восстания, «троецкого похода» 1682 г., а также к его службе в Киеве в 90-х гг. XVII в. Одно из писем, адресованных П. Н. Лутошину, написано неустановленным лицом на обороте черновика документа, сохранившего известие о переводчике и литераторе конца XVII в. Николае Спафарии. В документе говорится о результатах миссии стольника Григория Шишкина, который «тайно проводывал градскими людьми», о том, насколько добросовестно исполняли свои обязанности в Темникове около 1678 г. «воевода Николай Спотарий» и подьячий Иван Матвеев.¹⁶

Некоторые документы и столбцы были переданы в собрание ЯГУАК различными уездными учреждениями.¹⁷ Так, в 1900 г. из архива город-

¹³ ГАЯО, ф. 582. IV. Коллекция И. А. Вахрамеева, № 2.

¹⁴ Там же, № 1.

¹⁵ Описание некоторых документов см.: Труды ЯГУАК. Ярославль, 1918. Кн. 7, вып. 3. С. 57—72.

¹⁶ ГАЯО, ф. 582. V. Коллекция документов частных архивов XVII—XVIII вв.: Вологодский у., Лутошины, № 40; Барсуков А. П. Списки городских воевод и других лиц возводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. С. 231.

¹⁷ ГАЯО, ф. 582. VI. Коллекция документов провинциальных правительственных учреждений XVII—XVIII вв.

ского управления Романово-Борисоглебска поступили документы Романовской ямской и Борисоглебской рыбной ловецкой слобод. Эти важные для изучения истории посадского населения в России источники тогда же были опубликованы членом комиссии И. Я. Гурляндом.¹⁸ Все документы, вошедшие в эти публикации, сохранились в собрании комиссии. Из неизданных И. Я. Гурляндом источников отметим список жалованной грамоты 15 августа 1594 г. рыболовам Борисоглебской слободы о ведании г. Романова во Дворце и грамоту 13 ноября 1613 г. о записи «рыбных ловцов» в посадское тягло.¹⁹

Большой комплекс делопроизводственной документации приказной (воеводской) избы г. Углича XVII в. — более 1000 ед. хр. — был передан в собрание Комиссии Ярославским губернским статистическим комитетом. Некоторые документы из архива Угличской приказной избы были опубликованы еще в середине XIX в.²⁰ В 60-е гг. XIX в. часть архива (в основном грамоты угличским воеводам из центральных приказов) была отослана в Московский архив Министерства юстиции.²¹ Оставшиеся документы частично были использованы в 1888 г. М. А. Липинским при публикации угличских актов XVII в.²²

Архив Угличской приказной избы — один из немногих достаточно полно сохранившихся комплексов документов провинциальных правительственных учреждений Замосковского края XVII в. Отложившиеся в его составе источники — челобитные, памяти, записи, судные дела — дают представительный материал для изучения функций воевод, лиц посадского и дворянского самоуправления: выборных земских голов и целовальников, губных старост и городовых приказчиков. Эти документы также раскрывают деятельность «исполнительного» слоя городской администрации: рассыльщиков, тюремных сторожей, городских подьячих. В целом документация Угличской приказной избы — важный источник для изучения социальной структуры русского города XVII в.

Наибольший интерес представляют грамоты, воеводские отписки, расспросные речи, список угличских дворян и детей боярских, относящиеся к Смутному времени. Эти источники рассказывают об обороне Углича от отрядов казачьего атамана Якова Шиша и о борьбе против польских интервентов в 1618—начале 1619 г. Челобитная 1670 г. стольника А. Хитрово о неповиновении крестьян его поместья в Угличском уезде является редким источником времени крестьянского восстания под руководством Степана Разина.

В коллекцию документов провинциальных правительственных учреждений XVII в. входят также материал Шуйской приказной избы (8 документов) и остатки архива Борисоглебской приказной избы, Норской и Рыбной дворцовых слобод (30 документов), представленные челобитными разных лиц.

И, наконец, в собрании ЯГУАК хранится коллекция документов монастырей и церквей XVI—XVIII вв. В ее составе подлинные жалованные грамоты конца XVI—первой четверти XVII в. Спасского Ярославского монастыря²³ (в том числе неизвестная грамота Лжедмитрия I от 23 ав-

¹⁸ Г у р л я н д И. Я. 1) Акты города Романово-Борисоглебска. 1627—1690 гг. Ярославль, 1901; 2) Акты Романовской ямской слободы. 1587—1707 гг. Ярославль, 1901.

¹⁹ ААЭ. СПб., 1836. Т. 1. № 324; Г у р л я н д И. Я. Акты города Романово-Борисоглебска. С. 11.

²⁰ ААЭ. СПб., 1836. Т. 3; Ярославские губернские ведомости, часть неофициальная. 1850. № 14.

²¹ ЦГАДА, ф. 1169, Угличская приказная изба; Г о л о м б и е в с к и й А. А., А р д а ш е в Н. И. Приказные, земские, таможенные, губные, судовые избы Московского государства. Вып. 1 // Зап. Моск. археол. ин-та. М., 1909. Т. 4, вып. 1. С. 58—61.

²² Л и п и н с к и й М. А. Угличские акты XVII века // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1889—1890. Кн. 48—52. С. 1—218.

²³ Эти документы в основном опубликованы по копийной книге XVIII в. См.: В а х р а м е в И. А. Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. М., 1896. Т. 1: Княжьи и царские грамоты. № LXXVII, LXXVIII, LXX.

густа 1605 г.²⁴), документы ростовского и ярославского митрополита Ионы, переписка середины XVII в. Патриаршего приказа с Воскресенским Череповецким монастырем.²⁵

В составе этой коллекции наиболее полно сохранился архив Спасо-Геннадиева Любимского монастыря — около 500 документов XVI—XVIII вв.²⁶ Небольшая часть грамот и сотных выписей на земли монастыря была еще в XVIII в. передана в Коллегию экономии.²⁷ В 1848—1851 гг. оставшиеся документы были разобраны в Обществе истории и древностей Российских.²⁸ В дальнейшем этот архив внимания ученых не привлекал. Сохранившиеся в архиве Любимского монастыря жалованная грамота строителю монастыря Геннадию 1554 г., сотная выпись из писцовых книг Костромского уезда 1561—1562 гг., отписной список 1565 г. являются ценными источниками по церковному землевладению XVI в.²⁹ Эти грамоты из Патриаршего и Дворцового приказов, челобитные, отписи в получении податей, памяти могут рассматриваться и как своего рода исторический комментарий к редакциям Жития Геннадия Любимского.³⁰

Таким образом, входящие в состав собрания ЯГУАК источники представляют интерес для широкого круга исследователей — историков, лингвистов и литературоведов. Выполнить задачу введения в научный оборот всех столбцов и документов XVI—XVIII вв. ГАЯО и его филиалов можно было бы путем издания каталога памятников письменности ярославских хранилищ.

²⁴ Ее содержание повторяет жалованная грамота царя Василия Шуйского от 15 июня 1606 г. См.: В а х р а м е е в И. А. Исторические акты. . . Т. 1. № LXVIII. С. 83—87.

²⁵ М а р к е в и ч А. И. Акты Череповецкого Воскресенского монастыря // Тр. 1-го Областного археол. съезда в г. Ярославле. М., 1902. С. 170—177.

²⁶ ГАЯО, ф. 582. VII. Коллекция документов монастырей и церквей XVI—XVIII веков, № 1.

²⁷ Ш у м а к о в С. А. Обзор «Грамот Коллегии экономии». Вып. 4: Кострома «с товарищи» и Переславль-Залесский // ЧОИДР. 1917. Кн. 2. С. 26—36, 79—80, 119—120, 167—168.

²⁸ Ярославские епархиальные ведомости, часть неофициальная, 1866. № 14. С. 108.

²⁹ ГАЯО, ф. 582. VII. Коллекция документов монастырей и церквей XVI—XVIII вв. № 1, л. 120, 3—11, 71.

³⁰ Ярославские епархиальные ведомости, часть неофициальная, 1860, № 31. С. 290—293; 1873, № 23. С. 183—195.

Н. С. ДЕМКОВА, С. А. ЯКУНИНА

Древнерусские рукописи и старопечатные книги в собрании Пермского педагогического института им. А. А. Ушинского

(Краткий обзор)

В настоящее время библиотека Пермского педагогического института (далее — ППИ) располагает небольшим, но ценным собранием славяно-русских рукописей XV—XX вв., о котором почти ничего неизвестно специалистам; сведения о собрании отсутствуют в опубликованных обзорах Ю. К. Бегунова,¹ в самой библиотеке существует лишь краткая (и не всегда точная) рукописная охранная опись. Между тем рукописное собрание ППИ представляет несомненный интерес для историков и филологов-медиевистов: в нем есть не только ценные исторические материалы XVIII в., но и литературные сборники ранней поры — XV и XVII вв. Занимаясь (по плану научной археографической работы кафедры истории русской литературы ЛГУ и по заданию Пушкинского Дома) выявлением неописанных пермских собраний славяно-русских рукописей,² нам удалось познакомиться с рукописями, попавшими в библиотеку ППИ.³

История формирования собрания не может быть прослежена в данном кратком обзоре, однако напомним, что Пермский педагогический институт был сформирован на базе Пермского университета, открытого в 1916 г. как Пермское отделение Петроградского университета, и поэтому часть библиотечных фондов института, в том числе и ряд старопечатных книг, имели своим источником библиотеку Петроградского университета. На некоторых книгах сохранился старый штампель: «Библиотека Пермского отделения имп. Петроградского университета» (см., например, экземпляр книги Лимонарь, изд. Московской единоверческой типографии, 1908). Институт унаследовал и ряд библиотек (или их части) выдающихся русских ученых — акад. С. Б. Фаминцына и А. Н. Веселовского, в библиотеке сохранились книги с автографами Л. Н. Толстого, В. В. Маяковского, личные книги А. А. Блока и др. Древнерусские рукописи ППИ — в основном местного (пермского, уральского) происхождения; это хорошо видно по сохранившимся библиотечным штампам, наклейкам, владельческим записям: рукописи, как правило, бывали в старообрядческой среде или, напротив, хранились в личных библиотеках уральских миссионеров, в Пермской консистории и семинарии — в целях борьбы с пермским старообрядчеством.

¹ См.: Бегунов Ю. К. Обзор собраний древнерусских рукописей г. Перми // Die Welt der Slaven. Wiesbaden, 1970. Jg. 15. N. 2. S. 191—198; 1971. Jg. 16. N. 1. S. 20—41.

² См.: Демкова Н. С. Краткий отчет об археографической практике студентов ЛГУ в Пермской областной библиотеке им. А. М. Горького и в Чердынском краеведческом музее им. А. С. Пушкина в августе 1984 г. // ТОДРЛ. Т. 41. Л., 1988. С. 449—450.

³ Искренне благодарим директора библиотеки Т. П. Безгодову, помогавшую нам в работе.

К моменту нашего знакомства с собранием в августе 1984 г. в нем по картотеке числилось 30 рукописей XV—XX вв. и 14 старопечатных книг, все они не имели инвентарных номеров. При повторной работе с рукописями собрания в июле 1986 г. выяснилось, что в мае 1986 г. из собрания была похищена ценнейшая рукопись середины XV в. — южнославянский сборник слов Исаака Сирина, и после этого рукописи были переведены из библиотеки на особое хранение в кабинет ректора педагогического института. Сложные условия работы не позволили составить полное описание собрания, хотя почти все старинные книги были просмотрены нами. Из 30 рукописей (эта цифра, возможно, неточна, так как в конце работы в библиотеке обнаружилось еще несколько неучтенных картотекой поздних рукописей) 16 — богослужебные, среди них: Чин исповедания первой половины XIX в. (8°), тропари и кондаки первой половины XIX в. (8°), два потребника XIX в. (8°), два малых устава первой половины XIX в. (8°), четыре канонника XIX в. (8°), Псалтирь конца XIX в. (4°), Октоих певческий на крюковых нотах начала XIX в. (4°), учебная азбука конца XIX в. (8°), старообрядческий сборник «Альфа и Омега» конца XIX — начала XX в. (2°) и др. Кроме того, в библиотеке хранятся четыре тома «Книги секретных дел канцелярии Главного заводов правления» за 1738 г. и за 1735—1767 (с автографами В. Н. Татищева?), 1745—1746 гг. Нами были подробно изучены литературные и исторические средневековые сборники.

Публикуем краткое описание 14 рукописей из библиотеки Пермского педагогического института (чистые листы в составе рукописей не отмечались).

1. **Кормчая.** Вторая половина XV в., 2°, 459 л., полуустав, переплет — доски в тисненой коже, верхняя крышка утрачена. Содержит Мерило Праведное 2-й редакции, в составе которого «Закон судный людем», Русская Правда и пр. Сохранилась вкладная запись епископа Сарского и Подонского Прохора (книга была дана в Рождественскую церковь Ферапонтова монастыря не позднее 1492 г.).⁴

2. **Слова постнические Исаака Сирина с добавлениями.** Южнославянская рукопись середины XV в., 4°, 442 л., полуустав, переплет — доски в коже. Состав: 1) л. 2—18 — «О пользе безмолвия и похвала Исааку Сирину»; 2) л. 18—23 об. — Оглавление (91 глава); 3) л. 23 об.—396 об. — «Слова постнические» Исаака Сирина (91 слово); 4) л. 396 об.—414 — «Главизны» Филофея, инока «обители Купины, иже в Синаи», «о хранении сердечном» (44 «главизны»); 5) л. 414—428 об. — «Нила постника главизны о молитве» (150 «главизны»); 6) л. 428 об.—430 — Германа, патриарха Константины града, «стиси. . . къ винѣ слъзньи»; 7) л. 430 об.—433. — Нила «о осмих помыслех»; 8) л. 433—437 — «Главизны» Исаяи; 9) л. 437—442 об. — Марка «о духовнем законе» (69 пунктов).⁵

3. **Сборник.** Вторая треть XVII в., 4°, 178 л., скоропись, переплет кожаный, «в сумку»; л. 20 об. — запись писца: «Сия книга дьяка Федора Торопова»;⁶ владельческие записи: 1) л. 11 — «Сия книга принадлежит Юговских казенных заводов Матвею Прокопьеву [нрзб.] от Анисима Петрова Плотникова, февраля 15-го дня 1830 года писал»; 2) л. 178 — «Пыскорскаго завода Емельяна Андреева. Шеин помер генваря 23-го числа 1830 года». Состав: 1) л. 1—10 — Перечень количества дней, часов

⁴ Прохор был хиротонисан в марте 1471 г., с декабря 1492 г. — инок Богоявленского монастыря. Подробнее о рукописи см.: Демкова Н. С., Якунина С. А. Кормчая XV в. из собрания Пермского педагогического института (наст. изд., с. 330—337).

⁵ Подробнее о рукописи см.: Демкова Н. С., Якунина С. А. «Стиси добрейши» патриарха Германа в южнославянской рукописи середины XV в. из собрания Пермского педагогического института // Грузинская и русская средневековые литературы. Тбилиси, 1988. С. 90.

⁶ Федор Варфоломеевич Торопов — патриарший дьяк с 1636 по 1653 г. (см.: Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 521).

в месяцах и счет длительности времен года (весны и лета); 2) л. 14—174 об. — «Тропник» Инокентия, папы римского (87 глав); 3) л. 175—177 об. — Начало «Шестоднева» Георгия Писиды.

4. **Сборник-конволют.** Первая рукопись (л. 1—185) — XVII в., скоропись, вторая (л. 186—197) — конца XIX в., 4°, II+197 л., полуустав, переплет новый — картон в коже, одна застежка, на л. 1 — черная заставка, сделанная пером; по нижнему полю л. 13—16 читается часть владельческой записи: «. . . Строгановых вотчины ихъ»; штамп Пермского литературно-театрального музея, «инвент. № 504» (шифр ППИ — «9»). Состав: 1) л. 1—6 об., 12—133 — Житие Василия Нового; 2) л. 134—184 об. — Слова и поучения Иоанна Златоуста, святого Афанасия, святого Нила, Иоанна Лествичника, выписки из Лимониса, из Иерусалимского патерика, Старчества. . . (о книжной премудрости, о постничестве, о безмолвии, о послушании и др.), из «Златой цепи» («О смиреннии», «О милостыне» и др.); 3) л. 187 об.—194 — Сон Богородицы.

5. **Цветник.** 80-е гг. XVIII в., 4°, 245 л., полуустав, переплет — доски в тисненой коже, из двух застежек сохранилась одна, реставрированы замшей. Печать фундаментальной библиотеки Пермской духовной семинарии. На верхней крышке наклейка — «360», на корешке красной краской — «488». Записи: л. 2 — «№ 3», «Панфила Семетина», «по каталогу № 346», л. 4 — «получена при предписании правл. Семинарии 9 сентября 1861 г. за № 1009». Состав: 1) л. 3—7 — Оглавление; 2) л. 8—150 — статьи нравственно-учительного характера («Заповеди божия и церковныя», «О правде», «О чистоте и целомудрии» и др., слова отцов церкви); 3) л. 150 об.—164 — Житие Моисея Угрина; 4) л. 164 об.—199 об. — Ефрем Сирий «О прекрасном Иосифе. Слово 104»; 5) л. 199 об.—218 об. — Ефрем Сирий. «Об антихристе. Слово 105»; 6) л. 218 об.—223 об. — из «Великого Зерцала» «О славе небесной. . . Глава 4», «О еже како лутче zde скорби терпети. . . Глава 5»; 7) л. 223 об.—230 — «Трое-сложное умиление» (из Старчества); 8) л. 230—232 — Притча «Како боятися суда божия некий благочестивый царь научи»; 9) л. 232 об.—239 об. — Послание Василия Новгородского Федору Тверскому о рае; 10) л. 239 об.—241 — Из «Великого Зерцала» «О некоем отрочати. . . Глава 6»; 11) л. 242 об.—243 об. — «Молитва святого Иоасафа, в пустыню входяща» (нач.: «Боже, отче всемогущий. . .»).

6. «**Житие Петра Великаго**, императора и самодержца всероссийскаго, Отца отчества, из разных книг во Франции и Галландии собранное и на греческом диалекте в двух томах в Венеции 1737 года напечатано. Том первый. На российский язык перевел коллегии иностранных дел секретарь Стефан Писарев в Санктпетербурге 1744 года». Конец XVIII в., 2°, полуустав, переплет — доски в коже.

7. **Синодик старообрядческий.** Конец XVIII в., полуустав, 8°, 50 л. Штамп: «Пермский литературно-театральный музей, № 505».

8. **Документы** «ис книг новоусольской канцелярии», 1724—1791 гг., 2°, переплет — доски в коже. Среди прочих — копия Указа Екатерины II «О бунтовщике, самозванце и государственном злодее Емелке Пугачеве и его сообщниках» (на л. 42 об. — о подпоручике Шванвиче, на л. 43 — об отставном подпоручике Гриневе).

9. **Житие Зосимы и Савватия Соловецких.** Конец XVIII—начало XIX в., 4°, 389 л., плохой полуустав, переплет — доски в коже. На л. 389 об. — запись: «Сия писана книга с книги, на коей по листом на полях подписано: Лета 7191-го, месяца декабря, в 20 день сию книгу Житие Зосимы и Саватая саловецких чудотворцов дал Тифина монастыря келарь ермонах Феодосей, прозванием Верелда, Живоначалные Троицы и чудотворца Михайлы в Кловской (так!) монастырь, потписал той обители игумен. . .»

10. **Сборник-конволют** из шести рукописей. Конец XVIII—начало XIX в., 8°, 148, полуустав, переплет — доски в коже, застежки утрачены.

Штамп фундаментальной библиотеки Пермской духовной семинарии. На л. 1 — обломок сургучной печати «Кусье-александр. завод», запись: «По каталогу № 8, ст. 111». На корешке красной краской — «213». Записи: л. 138 об. — «Федор Панухин писал 1799 года, нижнотагильской»; л. 142 — «Федор Панухин писал сию статью 1800 года», то же на л. 144. Состав: I—V рукописи (л. 4—19, 20—36, 37—57, 58—77, 78—110) — тропари и каноны кресту, Богородице, Иоанну Предтече; VI рукопись (л. 111—145): 1) л. 111—138 об. — Житие святого Харлампия; 2) л. 139—142 — Стих о Борисе и Глебе («Восточная держава славного Киева града. . .»); 3) л. 142 об.—144 — Стих о распятии Христа («Збиралися въкупе иудеи. . .»).

11. **Сборник-конволют** из трех рукописей, старообрядческий. Первая четверть XIX в., 4°, 156 л., полуустав и скоропись, переплет картонный (на рукописи цифра «16»). Состав I рукописи (л. 1—51): 1) Вступление с молитвой к троице; 2) л. 1 об.—27 об. — о соборе 1805 г. в Тюмени, 16 статей (нач.: «В лето. . . 7313 месяца генваря 2 числа. . . съехались в. . . Тюмень. . .»); на л. 26 об.—27 об. — «Соборное миродеяние сибирских и градотюменских. . . со старопоморскими и выгорецкими началожители. . .», с подписями: «Иван Яковлевич, кошущкий настоятель, Никифор Тихонович пермской. . . Игнатий Семенович. . . таватуйские пустынножители. . .»; «в лето 7314, февраля 13 дня» соборное решение подписали тюменцы: «Козьма Пономарев, Василей Барашков з братиею»; 3) л. 28—50 — о старообрядческом соборе 1810 г. в Петербурге, 11 статей, в том числе — об отказе молиться за царя (нач.: «В 7318 году генваря 22. . .»); 4) л. 50 об.—51 об. — «Преподобнаго отца Пахомия ко чернецем». Состав II рукописи (л. 52—148): 1) л. 52—61 об. — сочинение об антихристе, без начала (нач.: «От пророчества Иезекиилева, глава 33») с выписками из «Страдания» Аввакума и «Истории Иоанна пустытника» (Ивана Семенова) о Елунской гари 1722 г.;⁷ 2) л. 62—77 — «Разговор о разньствии между приемлющими. . . иереов и неприемлющими»; 3) л. 77—77 об. — «О прелесте, понеже еси пестра. . .»; 4) л. 78—93 — «Слово инока Феокиста об антихристе и тайном царстве его»; 5) л. 94—105 об. — «Копия с присланнаго писма из Сибири от Тимофея Заверткина»;⁸ 6) л. 106—117 — выписки о крещении, аллилуйе, посте и др.; 7) л. 118—148 — Житие Корнилия Выговского. Состав III рукописи (л. 149—156): 1) л. 149—152 об. — «От книги Гранографа. О рафманех и о Александре Македонском»; 2) л. 152 об.—154 об. — выписки «о тайнах, творимых у еретиков», из «Катехизиса Большого», из книги Никона Черногорца; 3) л. 154 об.—155 об. — Сказание о видении Спасова образа царю Мануилу; 4) л. 155 об.—156 — мелкие выписки.

12. **Малый устав с дополнениями.** Первая половина XIX в., 8°, 356 л., полуустав. В дополнениях содержит старообрядческие выписки из книги Барония (гл. 33 и 34), из сочинения Никифора патриарха «о еретицех», а также фрагмент сочинения о Наполеоне-антихристе и др.

13. **Цветник старообрядческий.** Вторая половина XIX в., 4°, II+838 л., хороший полуустав, переплет — доски в тисненой светло-коричневой коже, с двумя застежками. На л. 1 чернильный штамп: «Библиотека протоиерея М. Задорина. Пермская духовная семинария». Заглавие чернилами: «Цветник», рукой читателя дописано: «душепагубник».

⁷ Текст известен в единственном списке, см.: Мальцев А. И. Неизвестное сочинение С. Денисова о тарском бунте 1722 г. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982. С. 224—241; Покровский Н. Н. Следственное дело и выговская повесть о тарских событиях 1722 г. // Рукописная традиция XVI—XIX вв. на востоке России. Новосибирск, 1983. С. 46—70 (упоминание о пермском списке — с. 66, сн. 37).

⁸ О нижнотагильском иконописце Тимофее Заверткине, известном деятеле старообрядчества XVIII в., см.: Пихоя Р. Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII—XVIII в.). Свердловск, 1987. С. 200—201.

Сохранился старый шифр — XIII/58. Состав: (л. 1 и титульный лист вырезаны (возможно, была заставка), текст начинается с л. 2): 1) л. 2—147 — 24 статьи старообрядческого содержания, среди них: о происхождении ереси, «Указы раскольника», «О еже раскольником не именоватися», о сектах, «Церковь конца не имат», «О власти», «О ревизии», «О рекруцкой очереди», «О вписании со еретикп», об антихристе, «Церковь в гонении», «Где укрыватися», о браках, «Что есть корень», «О согласии феодеиевом», «О беглопоповщине»; 2) л. 147 об.—157 об. — Выписки из Маргарита («Слово 3 о Озии царе»), Лествицы, Евангелия, из апостольских посланий и бесед, Триоди постной; 3) л. 158—164 об. — «Об антихристе беседословие»; 4) л. 216—236 об. — «О Илии и Еносе и Иоанне Богослове»; 5) л. 237—242 об. — «Беседы апостольския о антихристе»; 6) л. 243—248 — «Нравоучение 45» («Поучение о страннолюбии»); 7) л. 248 об.—251 — Выписки из Никона Черногорца, Федора Студита, св. Василия, «Видения Григория», Кирилла Иерусалимского, Бесед апостольских, толкового Апостола, Второзакония, Евангелия; 8) л. 251 об.—252 — «Описания двуглавого орла» (нач.: «Из московскаго летописса (так! — Н. Д., С. Я.) о двоеглавом орле, в кое время в Россию превниде и ис котораго государства. . .»); 9) л. 252 об. — Выписка из «Беседы на Деяния»; 10) л. 253—255 об. — «Нравоучение. 53. Яко потребно есть, еже в дому имети мужа свята»; 11) л. 256—260 — «Нравоучение пятьдесят седмое. О посте и молитве»; 12) л. 260 об.—263 об. — Слово, «яко подобает верному чисто и право житие имети»; 13) л. 264—296 об. — «Глава 4. В сей главе пишет 11 знамений антихристова настатия» (из книги Кирилла Иерусалимского); 14) л. 297—322 об. — «Евангелие от Матфея, зачало 99» (Выписки из Евангелия с толкованиями); 15) л. 323—337 «Из книги Кирилла Иерусалимского. Ериси римския. . . глава 27»; 16) л. 337 об.—342 — «Шестодневец Великаго Василия», Иоанна Ексарха слова 1, 4, 6, «Небеса. 17. О разсечении человеческого естества»; 17) л. 342 об.—365 — Выписки из «св. Макария», Тактикона, Иоанна Златоуста «об учительстве», «ис книги Иосифа Волоцкого, от слова 15, лист 512», из жития Максима Исповедника, апостольских посланий, Апокалипсиса, «Беседы на Деяния», Катехизиса, «Книги Иоасафа царевича», потребника, апостольских бесед, Евангелия, сочинений Никона Черногорца, Матфея Иерусалимского, священноинока Дорофея, Иллариона Великого, Соборника, Номоканона, Устава, Кормчей (о поклонении икон); 18) л. 365 об.—371 об. — «Орел двухглавый. Сказание и ответ. I вопрошение, еже бывають ли на монетах образы царей земных»; 19) л. 372—378 — «Рассуждение» о крестном знамени; 20) л. 378 об.—382 — «Присяга, хотящим взыти на степень священства. . . Иоакима патриарха. . . изданная в Московской типографии. . . от рожества Христова 1674»; 21) л. 382 об.—385 об.—«Апокалипсис Андрея Кесарийскаго, глава 13; слово 30 о лжепророке»; 22) л. 385 об.—392 — Выписки об антихристе из сочинений Дамаскина (глава 27), Зиновия мниха (глава 14), «от Книги Максима Грека», «от Книги Мефодия», «от Книги Евстафия, глава 15», «из греческия книги Сечивца», «от Книги Катехизиса Болшаго», «от Книги Иосифа Волоколамскаго во обличении на новгородских еретиков» и др.; 23) л. 392—399 — Выписки из «божественного писания» о «повреждении веры», о «лжепророках» и «учительстве»; 24) л. 399—402 — «Ис книги Григория Богослова» слова «на Крещение», «на Богоявление»; 25) л. 402—405 — Выписки о крещении (из Книги Матфея Иерусалимского, Потребника), о бороде и о иноческом образе (из «Прения Панагиота с Азимитом»), о просфирах; 26) л. 406—409 — Правила Иппонского собора (из Кормчей); 27) л. 409 об.—412 — «Рассуждение Иосифа патриарха. . . и описание выше изданным правилам» (о последних временах, о возможности крестить «престецам» только по нужде, о необходимости перекрещивать, о титуле на кресте и др.); 28) л. 412—413 — «Изложение Филаретово о папе Фармосе и Петре Гугнивом»; 29) л. 413—419 — Выписки из «правил»,

Кормчей, Потребника, «Олоницких ответов» и др. о еретиках и общении с ними; 30) л. 419 об.—421 об. — «Из Кирилловой книги: 8 послание Мелетия Александрийского»; 31) л. 421 об.—428 об. — «Девятое послание князя Константина Острожского возлюбленным о Христе братии» (1595 г.); 32) л. 429—434 об. — «Десятое послание» князю Василию Острожскому от афонских старцев; 33) л. 435—443 — Индекс книг «истинных и ложных»; 34) л. 443 об.—444 об. — Выписки о браках, священстве, крещении, антихристе (ссылки на Стефана Яворского и полемика с Дмитрием Ростовским); 35) л. 445—454 — Вопросы и ответы; 36) л. 455—474 — Выписки из Евангелий от Иоанна и Матфея с толкованиями; 37) л. 475—492 об. — «Книга о вере. Глава 2. О единой святых восточной церкви»; 38) л. 493—563 об. — Челобитная инока Авраамия царю Алексею Михайловичу; на л. 563 об. — запись почерком XIX в. (с подписью): «Ценою за три рубля. Челобитная сия списана для Миссионерской библиотеки 20-го марта 1883 года Кунгурск. и Екатер. округов. Миссионер священник Стефан Лука(шинов?)»; 39) л. 564—691 об. — Вопросы и ответы «о пришествии последнего антихриста» (полемика 1704 г.); 40) л. 692—694 — «Книга Проскинитария», «Часть 2. Хождение. . . Арсения Суханова. Лист 322»; 41) л. 694—695 — «Слово о премудрости и о наказании чад. От Пролога (июня 5 день)»; 42) л. 695 об.—696 — «Книга, глаголемая Зиновия мниха, глава 14. О антихристе»; 43) л. 697—715 об. — «История выписана печатная о Петре Великом, собрания от святого писания о антихристе» (проречения Симеона Полоцкого и Дмитрия Ростовского о рождении Петра, о комете, об установлении новолетия 1 января 1700 г., о ревизии и введении титула «император»); 44) л. 716—765 — Выписки «о непостижимом божестве», из «Евангелия правоучительного» («Поучение 1-е, в начале новаго лета»), «о учительстве», из «Соборника Большаго», Ефрема Сирина, Жития Авраамия Смоленского и др.; на л. 766 — записи о счете листов и чтении книги «Цветник» судебными чинами Верхотурского уезда и Пермской духовной консистории; л. 767—840 — чистые.

14. **Сборник старообрядческий.** Вторая половина XIX в., 8°, 343 л. полуууаст, переплет — доски в коже, застежки не сохранились. На верхней крышке наклейка — «486», на обороте верхней крышки шариковой ручкой — «6», надпись XIX в.: «Требник, при отношении от ноября 1875 г. . . » Состав: 1) л. 1—264 об. — «Устав святых и изложение святых и богоносных отец семи вселенских соборов. . . » (чин крещения, чин исповеди, каноны на исход души, чин погребения и др., старообрядческий помянник); 2) л. 268—283 об. — Вопросы Анастасия Синайского «о различных винах»; 3) л. 284—288 — «Книга Просконитария. Часть 2. Хождения. . . Арсения Суханова»; 4) л. 288 об.—290 — «О Никоне патриархе от Истории Соловецкой»; 5) л. 291—306 — О соборе 1666—1667 г.; 6) л. 307—308 об. — Повесть о табаке; 7) л. 308 об.—316 — О брадобритии; 8) л. 319—322 — «Ноября 6. Слова отца Памвы о последних днях»; 9) л. 322—329 об. — Выписки из книги Нифонта «от главы 80-я», из жития Пахомия (об иноческом общежительстве), из Скитского патерика (видение аввы Иоанна); 10) л. 329 об.—330 — «О мнисех, труждающих стяжания ради» («Нилово»); 11) л. 335—342 об. — Слово, «яко подобает верному чистое и правое житие имети».

Фонд старопечатных книг в собрании ППИ невелик; в нем три издания XVII в.: Минея общая (М., 1637),⁹ Исповедание мирянам (М., 1651), Лазарь Баранович. Меч духовный (Киев, Киево-Печерская лавра, 1666),

⁹ На л. 6—9, 16—17 книги сохранилась часть владельческой записи («. . . в соборную церковь. . .») с поздней припиской: «. . . рука Любима Асманова, подъячева Приказа Большого Дворца». Любим Асманов (Османов) упоминается как подъячий в документах 1638—1648 гг. (см.: Веселовский С. Б. Дьяки и подъячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 34).

несколько книг XVIII в.: два экземпляра Арифметики Л. Магницкого (СПб., 1703), Псалтирь (Киев, Киево-Печерская лавра, 1705), Часовник (Киев, Киево-Печерская лавра, 1729), Страсти Христовы (цельногравированное издание XVIII в.) и ряд старообрядческих изданий XIX—начала XX в.: Минея служебная, февраль (М., Единоверческая типогр., 1889), Октоих, гласы 5—8 (М., Единоверческая типогр., 1898), Катехизис малый (М., Единоверческая типогр., 1902), Лимонарь (М., Единоверческая типогр., 1908), Житие Василия Нового (М., 1909), Страсти Христовы (М., Единоверческая типогр., 1913), Книга избранных слов, «нужнейших» для православной веры (Саратов, 1916, старообрядческая типогр.).

Дальнейший анализ сохранившихся рукописей Пермского педагогического института, как и других пермских собраний, может дать интересный материал для исследования памятников древнерусской литературы и письменности и для изучения духовной культуры Русского Севера и Урала.

В приложении публикуем (по правилам ТОДРЛ) сохранившийся в старообрядческой рукописи первой четверти XIX в. (см. № 11 нашего описания) фрагмент «Истории Иоанна пустычника» (Ивана Семенова) о Елунской гари 1722 г.

**Фрагмент из «Истории Иоанна пустычника» (Ивана Семенова)
о Елунской гари 1722 г.**

л. 58 . . . и во время царствования государя Петра Алексеевича по указу его величества послан был в 1688-м году (так! — *Н. Д., С. Я.*) в город Тару вице-губернатор Соловой с протчими своими поборниками.

л. 58 об. Краткостью от «Истории» Иоанна пустычника воспомянем. В «Мучении» его повествует, что в пустыне невоз//можно ему было укрываться, и достиже в деревню Елунину, и водворился у некоего богата мужа, именем Матфея.

л. 59 Чрез неколико время уведа мучитель о оном страдалце Иоанне, яко пребывает в деревне Елуниной, и приближися мучитель с воины к месту, и яко узреша стрегущи на кровях и забралах, ополчившися. И яко зима бе и вечер, огонь посреде ополчения вождоша, пребирахуся к блаженному Иоанну, коей, с благочестивою дружиною совецавшися, послаша некоторыя к мучителю з дару, да ничто же им злое сотворит, понеже в важных винах // не повинни, а собралися и затворилися со страха, яко принуждают до триперстного сложения и протчих новин. Он же отсла посланники безделны.

И абие приступи мучитель с воины к дому, в нем же воины Христови затворишася. Виде же мучитель на забралах и кровех предстоящия люди, вопросы с яростию военачалника воинов Христовых: «Кто есть в вас олончанин Семенов, толковщик?» (так о звашеся от противных).

л. 59 об. Иоан же громосветлым гласом отвеща: «Убогий и менший владыки моего раб аз есмь! Кто же вы тако во ополчении ратническом, яко на языки, // приидете? И что имите до мене — огласите, и подобающее вам отвещаю!»

л. 60 Тогда возреве мучитель — елико можно — гласом: «Маиор есмь, а се со мною воины, — рече, — послани от вице-губернатора, ис Тары, зыскивати, в важных царственных винах отъискывать». И много о нововодных обычаях, об уставах оному страдалцу Иоанну говорил и ласкал, аще ли не раскается и не повинется: «Да весте, яко повинуте приидоком, и не отступим от вас, дондеже повинитесь, или, разбивше затворы и утверждение ваше, извлечем // вы и на повинутие понудим. Аще ли и тако непреклонни пребудите — смертными истязанияи всяко уступите, но и живот в том сконъчаετε», чего и исполнилось.

Л. В. СОКОЛОВА

Владимир Иванович Стеллецкий — переводчик и исследователь «Слова о полку Игореве»¹

«Какой высокий и чарующий интерес представляет „Слово“ у нас в России для людей литературных, это еще с большею наглядностью видно из того, что лица, посвящавшие себя его изучению, смотрели на свое дело не как на личное занятие, но как на дело историческое и как на подвиг своей жизни: не только целые годы, но даже целые десятки лет были посвящаемы его изучению. Так, А. Майков занимался им 8 лет, Мей 9 лет, Грамматин 15 лет, князь П. П. Вяземский около 30 лет, Максимович более 40 лет».² К этому перечню имен, составленному Е. В. Барсовым, автором фундаментального труда по «Слову о полку Игореве», с полным основанием можно добавить и имя Владимира Ивановича Стеллецкого, который более 45 лет подвижнически служил делу перевода и изучения «Слова о полку Игореве». Эта статья — дань памяти о Владимире Ивановиче, в 1985 г. ушедшем из жизни.

В. И. Стеллецкий родился 20 апреля 1905 г. в Херсоне, в семье земского врача. Интерес к литературе и языкам он проявил еще в средней школе, начав самостоятельно изучать русскую и западноевропейскую литературу, украинский, английский и венгерский языки. Не прекращал он занятий филологическими науками и будучи студентом Тимирязевской сельскохозяйственной академии (1922—1927). В конце 1929 г. увлечение филологией привело В. И. Стеллецкого на отделение западноевропейских языков литературного факультета 2-го МГУ (преобразованного затем в Институт иностранных языков), а позднее — в аспирантуру при Московском институте истории, философии и литературы (так назывался в те годы историко-филологический факультет Московского университета) по кафедре славяно-русского и общего языкознания, где он занимался у проф. Д. Н. Ушакова, Г. О. Винокура, М. Н. Петерсона и др. Начатая в аспирантские годы диссертационная работа по лексике произведений Карамзина не была завершена, так как впоследствии В. И. Стеллецкий избрал иную тему для кандидатской диссертации, ставшую «темой» всей его жизни.

По окончании аспирантуры в 1937—1938 гг. Стеллецкий работал ассистентом М. А. Рыбниковой, читавшей курс исторической стилистики в Коммунистическом институте журналистики, а затем, с 1938 по 1940 г., проводил экскурсии в Государственном Литературном музее по темам «Слово о полку Игореве» и «Творческий путь Т. Г. Шевченко». В этот период и началось увлечение В. И. Стеллецкого «Словом о полку Игореве». «Работая в Гослитмузее, — вспоминал Вл. Ив. в неопубликованной ав-

¹ При написании данной статьи большую помощь оказала вдова В. И. Стеллецкого — Мария Андреевна Китайцева, предоставившая многие необходимые материалы, за что выражаю ей глубокую благодарность.

² Барсов Е. В. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской Руси. М., 1887. Т. 1. С. IX.

тобиографии, — я около пятисот раз выступал с чтением „Слова о полку Игореве“ перед экскурсантами. Текст его оказывался не всегда понятным. Так началась работа над его переводом». В 1940 г. перевод был закончен, а в 1944 г. опубликован в сборнике «Героическая поэзия Древней Руси».

40-е гг. были для Владимира Ивановича очень напряженными. В это время он совмещал преподавательскую деятельность на кафедре языковедения (вначале в Орехово-Зуевском учительском институте, затем в Загорском учительском институте, в Московском областном педагогическом институте, в Московском военном институте иностранных языков) с работой над вторым переводом «Слова о полку Игореве» и исследованием ритмики этого памятника.

Первый перевод «Слова», подвергнутый в печати критике,³ не удовлетворял и самого автора, главным образом тем, что, по установившейся традиции, он был сделан с разбивкой текста на короткие строки, не передающие сложного ритма подлинника. В 1940 г. В. И. Стеллецкий начал работу над новым переводом «Слова» и одновременно занялся изучением его ритмической основы. Кандидатская диссертация на эту тему была защищена Владимиром Ивановичем в 1946 г. В ней, в частности, был дан анализ всех существовавших к тому времени переводов «Слова» и их систематизация. Все попытки передать древнерусский текст «Слова» современным русским языком В. И. Стеллецкий разделил на научные переводы (т. е. переводы-подстрочники, ставящие целью сделать текст понятным современному читателю), художественные, или ритмические, переводы (цель которых — не только перевести текст на современный язык, но и передать ритмическую основу, стилистические и звуковые особенности памятника) и стихотворные переложения (к которым исследователь отнес все переводы, выполненные стихами в определенном размере).

В 1950 г. в юбилейном академическом издании был опубликован второй перевод В. И. Стеллецкого «Слова о полку Игореве», считающийся сейчас одним из лучших художественных переводов «Слова».⁴ Его отличительной чертой является стремление переводчика вслед за В. А. Жуковским максимально приблизиться к ритмическому строю оригинала, в котором, по мнению В. И. Стеллецкого, чередовались длинные и короткие ритмические единицы. В том же году в другом юбилейном издании (в сборнике статей о «Слове») была опубликована статья Стеллецкого «Художественный перевод „Слова о полку Игореве“ с сохранением основ ритмического строя подлинника», в которой автор кратко изложил свой метод перевода «Слова» и результаты наблюдений над его ритмикой.

В 50—80-е гг. В. И. Стеллецкий вел непрерывную литературную, научную и общественную работу, связанную со «Словом о полку Игореве». В 1951 г. он избирается членом Постоянной комиссии по «Слову о полку Игореве» при СП СССР, по поручению которой в 1958 г. принял участие в работе IV Международного конгресса славистов и в дискуссии при Отделении истории АН СССР о подлинности «Слова», а в 1975 г. выступил с докладами на юбилейных конференциях по «Слову о полку Игореве» в Москве, Чернигове, Орехово-Зуеве и других городах. Как член Постоянной комиссии по «Слову о полку Игореве» В. И. Стеллецкий рецензировал переводы «Слова», присылавшиеся из разных городов Советского Союза, за что не раз получал благодарности от переводчиков. В 1952 г. В. И. Стеллецкий был избран членом редколлегии Постоянной комиссии по «Слову» СП СССР, подготовившей, в частности, сборник переводов «Слова» разных лет, вышедший в 1961 г. Им были отобраны и отредактированы для этого сборника переводы советских поэтов и написана большая статья-послесловие «„Слово о полку Игореве“ в художественных переводах и пере-

³ См.: Б л а г и н н Лев. Загубленная идея // Новый мир. 1945. № 1. С. 148—152.

⁴ Библиографические ссылки на эту и другие работы см. в Списке трудов В. И. Стеллецкого в конце статьи.

ложениях», в которой дан подробный анализ многочисленных переводов и переложений «Слова» с 1803 по 1960 г.

В. И. Стеллецким подготовлены два издания «Слова», которые относятся к числу наиболее авторитетных. В 1965 г. в издательстве «Просвещение» вышел сборник «„Слово о полку Игореве“: Древнерусский текст и переводы», для которого В. И. Стеллецкий подготовил тексты «Слова» и летописной повести о походе князя Игоря на половцев по Ипатьевской летописи, подробные комментарии к текстам обоих памятников, словарь с толкованием значений и грамматической характеристикой лексем «Слова», прозаический и поэтический переводы «Слова» и перевод летописной повести. Им же написана вступительная статья «Драгоценный памятник древнерусской литературы». В 1981 г. в издательстве «Советская Россия» в серии «Сокровища древнерусской литературы» вышло другое издание «Слова», подготовленное В. И. Стеллецким. Ему принадлежит и вступительная статья: «„Слово о полку Игореве“: (содержание, поэтическая форма и его автор)». В сборнике факсимильно воспроизведено первое печатное издание «Слова», помещены переводы В. А. Жуковского, А. Н. Майкова, Н. Заболоцкого, В. И. Стеллецкого, Л. И. Тимофеева. В приложении приведены тексты летописных повестей о походе князя Игоря 1185 г. из Ипатьевской летописи и из «Истории Российской» В. Н. Татищева, а также комментарии и краткая поколенная роспись князей до начала XIII в.

Для обоих изданий характерно бережное отношение к тексту «Слова», стремление истолковать известный нам текст памятника, а не спешить переделывать его по своему усмотрению, как нередко поступают издатели «Слова». Оба издания отличают вдумчивые, обширные комментарии, сделанные с уважением к мнениям предшественников, свидетельствующие о прекрасном знании литературы по «Слову».

В 50—80-е гг. неоднократно публиковался второй перевод «Слова» В. И. Стеллецкого, но среди этих публикаций нет полностью идентичных, так как переводчик постоянно совершенствовал свой перевод. В связи с этим интересно письмо В. И. Стеллецкого по поводу подготовки его перевода «Слова» для третьего издания Большой серии «Библиотеки поэта»,⁵ адресованное Л. А. Дмитриеву, одному из составителей сборника: «Я не только просмотрел текст моего перевода. . . с точки зрения ошибок, но и вновь продумал и прочувствовал поэтически каждую строчку. Мучит меня только перевод строки (такой простой с виду!): „Емляху дань по бѣлѣ отъ двора“. . . Для комментатора и поэтического перевода большие трудности. Вопрос — отчего так много? Что такое „бѣлѣ“?» И далее В. И. Стеллецкий приводит комментарии различных ученых к этому слову, анализирует их, рассматривает различные варианты перевода этого слова: ‘белка’, ‘векша’, ‘веверица’, говорит о преимуществах каждого из них. И такие размышления по тому или иному конкретному слову или выражению «Слова о полку Игореве» в письмах Владимира Ивановича не редкость. В другом письме к Л. А. Дмитриеву, касаясь статьи Г. Ф. Одинцова об оружии в «Слове о полку Игореве», В. И. Стеллецкий рассуждает по поводу слов «шерешыры», «стружие», «папорзи»,⁶ а в письме к В. Ф. Соболевскому от 13 ноября 1956 г. он на пяти машинописных страницах излагает свою точку зрения по вопросу о времени жизни Бояна. И заметки эти так серьезны и интересны, что заслуживают быть опубликованными. Все это дает основание согласиться с Ф. М. Головенченко, который назвал В. И. Стеллецкого «одним из наиболее требовательных и вдумчивых пере-

⁵ Слово о полку Игореве: Сборник. Л., 1985. С. 150—165 (Б-ка поэта; Большая сер. 3-е изд.).

⁶ О д и н ц о в Г. Ф. Засапожник, меч, шерешир. . . в «Слове о полку Игореве» // Рус. речь. 1984. № 2. С. 126—133.

водчиков „Слова“»,⁷ а характеризуя его перевод и примечания к тексту, отметил, что «общая трактовка и самого произведения и отдельных его частей стоит на самом высоком уровне».⁸

Большая работа В. И. Стеллецкого как переводчика, как члена Постоянной комиссии по «Слову о полку Игореве» при СП СССР и как члена Профсоюзного комитета литераторов издательства «Художественная литература» (с 1958 г.) дала основание П. Г. Антокольскому, Д. С. Лихачеву, С. Я. Маршаку и Постоянной комиссии по «Слову о полку Игореве» СП СССР рекомендовать В. И. Стеллецкого в секцию переводчиков СП СССР, членом которой он стал в 1968 г.

В. И. Стеллецкого на протяжении более 45 лет привлекала проблема ритмики «Слова о полку Игореве», которой посвящены многие его статьи, доклады, кандидатская (1946) и докторская (1980) диссертации. В. И. Стеллецкий стремился доказать, что при тщательной, скрупулезной работе над текстом «Слова» можно восстановить авторскую разбивку текста на ритмические единицы. Определить объективную членимость текста «Слова» на строфы и ритмико-синтаксические единицы он пытался, исходя из интонационной завершенности фрагментов, отделенных друг от друга паузами, рефренов-концовок, запевов, обращений-восклицаний, синтаксического параллелизма, рифмы, анафоры, дактилических окончаний, соответственности ритмико-синтаксических единиц между собой и т. п.⁹ Анализируя текст «Слова», расчлененный им на ритмические (точнее — ритмико-синтаксические) единицы, В. И. Стеллецкий пытался опровергнуть мнение М. П. Штокмара и некоторых других ученых, считавших, что «Слово» написано прозой. По мнению В. И. Стеллецкого, в тексте «Слова» чередуются «архаические интонационные стихи», «напевная ритмическая проза» и «слабонапевная ритмическая проза». Правда, по признанию самого В. И. Стеллецкого, четких критериев ограничения ритмической прозы от стиха нет, и основную роль в этом играет «субъективный фактор».¹⁰

Кроме основной темы своих исследований (ритмики «Слова»), В. И. Стеллецкий касался и других проблем. Отдельные статьи посвящены им определению местонахождения реки Каялы («Тайна реки Каялы», 1969 г.), проблеме авторства (две статьи 1975 г.). Интересны наблюдения В. И. Стеллецкого над переводом «Слова» Н. М. Карамзиным («Перевод „Слова о полку Игореве“ Н. М. Карамзина», 1951 г.), над использованием «Слова» в поэтическом творчестве А. А. Блока (статья на немецком языке 1971 г. и на русском — 1980 г.). Как автор вступительных статей к изданиям «Слова» В. И. Стеллецкий высказывал свою точку зрения и по другим проблемам памятника. Не со всем в этих статьях читатель согласится, но прочтет их с интересом, постоянно ощущая в авторе человека, который опирается в своих размышлениях над текстом «Слова» «на совершенное знание древнерусской литературы, истории русского языка, проблем стиховедения и всей огромной литературы о „Слове“», — как написал Д. С. Лихачев в отзыве о докторской диссертации В. И. Стеллецкого.

Особо следует сказать об отношении В. И. Стеллецкого к тексту «Слова». Он считал, что текст памятника дошел в хорошей сохранности, что мнение о его дефектности — мнимое. Призывая с предельной осторожностью относиться к «Слову», протестуя против различного рода исправлений и вольных толкований его, исследователь напоминал о тех многочисленных случаях, когда «темное место» в «Слове» оказывалось всего-навсего «темным местом» в нашем знании о нем. Так, в 1955 г. он выступил против перестановки текста в начале «Слова», предлагавшейся некото-

⁷ Головенченко Ф. М. «Слово о полку Игореве»: Историко-литературный и библиографический очерк. М., 1955. С. 464. (Ученые зап. МГПИ. Т. 82).

⁸ Там же. С. 469.

⁹ Стеллецкий В. И. Проблема ритмики «Слова о полку Игореве»: Автореф. дис. . . . д-ра филол. наук. М., 1978.

¹⁰ Там же. С. 34.

рыми исследователями (см. статью 1955 г. «К вопросу о перестановке в начале текста „Слова о полку Игореве“»), а в конце жизни был глубоко возмущен попыткой А. Никитина представить текст «Слова» в виде цитат из песен Бояна, о чем писал Д. С. Лихачеву. И, как всегда, не просто высказывал в письмах свое мнение, а доказывал его.

Прилагаемый список работ В. И. Стеллецкого невелик. Многие его переводы и научные работы остались неопубликованными, несмотря на прекрасные письменные отзывы о них известных филологов и писателей: Д. С. Лихачева, Л. И. Тимофеева, В. А. Дынник, Е. Н. Бируковой, М. Грабарь-Пассек. Такие отзывы имеются на большую книгу «Задонщина», включающую древнерусский текст, комментарии к нему и поэтический перевод. Вступительная статья для книги написана Н. К. Гудзием. Положительные отзывы имеются и на переводы В. И. Стеллецкого трех других древнерусских памятников: Предания о емшане из галицко-волынской летописи, Сказания о погибели Русской земли, Сказания о Евпатии Коловрате из «Повести о разорении Рязани». Все четыре перевода, как сообщает в своем отзыве Л. И. Тимофеев, были приняты в 1941 г. Гослитиздатом к печати, но не пошли в набор в условиях военного времени. До сих пор не опубликованы переводы В. И. Стеллецкого стихотворений Т. Г. Шевченко из «Кобзаря» и составленный им сборник избранных стихотворений из «Книги песен» Г. Гейне, в который вошли и переводы составителя.

Из научных работ, не увидевших свет, следует упомянуть: «Книги и люди» — воспоминания о профессоре С. К. Шамбинаго (около 1.5 печ. л.), «Пародийная иноязычная лексика комедий А. А. Шаховского в связи с борьбой за литературный язык на рубеже XVIII—XIX вв.» (около 6 печ. л.), «Новаторство и традиции в „Слове о полку Игореве“», «Из наблюдений над лексикой русской поэзии конца XIX в.» (около 2 печ. л.).

Видимо, следует самым внимательным образом отнестись к архиву В. И. Стеллецкого и подумать об издании хотя бы некоторых из его работ.

СПИСОК ТРУДОВ В. И. СТЕЛЛЕЦКОГО ¹¹

1935

Н. Я. Марр и наука о языке // Лит. учеба. 1935. № 1. С. 115—143.
Классики марксизма о языке // Там же. № 6. С. 3—20.

1936

Учение академика Марра о языке // Сов. студенчество. 1936. № 4. С. 59—62.
Как Маркс и Энгельс изучали языки // Там же. № 5. С. 32—34.

1944

Слово о походе Игоревом, Игоря, сына Святослава, внука Ольгова / [Пер.] // Героическая поэзия Древней Руси. Л., 1944. С. 32—55.

* Мучник И. П., Стеллецкий В. И. Программа по введению в языкознание для учительских институтов. М., 1944.

1946

* Проблема художественного перевода «Слова о полку Игореве»: Дис. . . канд. филол. наук. М., 1946. Ч. 1—2 (Рукопись).

1949

Плач Ярославны / [Пер.] // Слово о полку Игореве. Л., 1949. С. 157—159 (Б-ка поэта; Малая сер. 2-е изд.).

¹¹ В основу данного списка трудов положены материалы, любезно присланные мне М. А. Китайцевой. Две работы, не просмотренные *de visu*, отмечены звездочкой. В данном списке не указано семь статей В. И. Стеллецкого 1922—1927 гг. по сельскохозяйственной тематике, написанных им в годы учебы в Тимирязевской академии.

1950

Художественный перевод «Слова о полку Игореве» с сохранением основ ритмического строя подлинника // Слово о полку Игореве: Сб. исследований и статей. М.; Л., 1950. С. 410—416.

Слово о походе Игоревом, Игоря, сына Святослава, внука Олега / [Пер.] // Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 182—199 (сер. «Лит. памятники»).

1951

Перевод «Слова о полку Игореве» Н. М. Карамзина // ТОДРЛ. М.; Л., 1952. Т. 8. С. 68—70.

1952

Слово о полку Игоревом, Игоря, сына Святослава, внука Олега: Перевод на современный русский язык с сохранением основ ритмического строя и наиболее характерных языковых, стилистически значимых особенностей оригинала // Слово о полку Игореве. Л., 1952. С. 111—126. (Б-ка поэта; Большая сер.).

Примечания к переводу «Слова о полку Игореве» // Там же. С. 299—305.

1953

Слово о походе Игоревом, Игоря, сына Святослава, внука Олега / [Пер.] // Слово о полку Игореве. Л., 1953. С. 157—177 (Б-ка поэта; Малая сер. 3-е изд.).

1955

К изучению текста «Слова о полку Игореве» // ИОЛЯ. М., 1955. Т. 14, вып. 2. С. 146—155.

Слово о полку Игоревом, Игоря сына Святослава, внука Олега: Поэтический перевод на современный русский язык // Слово о полку Игореве. М., 1955. С. 47—67 (Массов. сер.).

Примечания к поэтическому переводу «Слова о полку Игореве» // Там же. С. 68—70.

К вопросу о перестановке в начале текста «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 48—58.

1956

Слово о походе Игоревом, Игоря, сына Святослава, внука Олега / [Пер.] // Древняя русская литература: Хрестоматия для студентов отд-ний казах. яз. и лит. ун-та, пед. и учител. ин-тов. Алма-Ата, 1956. С. 23—35.

1958

Слово о полку Игоревом, Игоря сына Святослава, внука Олега. [Отрывок из перев.] // «Слово о полку Игореве» в иллюстрациях и документах / Сост. О. А. Пини. Л., 1958. С. 88—89.

1961

Переложения и переводы «Слова о полку Игореве» советских поэтов / [Подгот. текстов] // «Слово о полку Игореве»: Поэтические переводы и переложения. М., 1961. С. 86—276.

Слово о полку Игоревом, Игоря, сына Святослава, внука Олега / [Пер.] // Там же. С. 144—159.

Послесловие: «Слово о полку Игореве» в художественных переводах и переложениях // Там же. С. 279—310.

Примечания переводчиков к поэтическим переложениям и переводам советской эпохи // Там же. С. 352—356.

1962

[Краткое изложение выступления В. И. Стеллецкого на заседании подсекции «Славянская стилистика, поэтика, художественный перевод» IV Международного съезда славистов 5 сент. 1958 г. по докладу Д. Уорда «О переводе „Слова о полку Игореве“ на английский язык»] // IV Междунар. съезд славистов: Материалы, дискус. Т. 1: Проблема славянского литературоведения, фольклористики и стилистики. М., 1962. С. 583—585.

[Краткое изложение выступления В. И. Стеллецкого на заседании подсекции «Славянское народное творчество» IV Международного съезда славистов 6 сент. 1958 г. по докладу М. Ф. Рыльского «Украинские думы и исторические песни»] // Там же. С. 512—513.

1963

Неувядаемое «Слово»: К 775-летию великой поэмы // Учит. газ. 1963. 26 дек. С. 4.

1964

К вопросу о ритмическом строе «Слова о полку Игореве» // Рус. лит. 1964. № 4. С. 27—40.

1965

Драгоценный памятник русской литературы // Слово о полку Игореве: Древнерусский текст и переводы. М., 1965. С. 5—37.

Слово о плъку Игоревѣ, Игоря, сына Святъслава, внука Ольгова: Древнерусский текст / [Подгот. текста] // Там же. С. 39—61.

Слово о походе Игоревом, Игоря, сына Святославова, внука Олегова. Прозаический перевод на современный русский язык. // Там же. С. 63—75.

Слово о полку Игоревом, Игоря, сына Святославова, внука Олегова // Там же. С. 79—97 (в разд. «Поэтические переводы»).

Примечания к древнерусскому тексту «Слова о полку Игореве» // Там же. С. 121—213.

Краткий словарь к древнерусскому тексту «Слова о полку Игореве» // Там же. С. 219—243.

Воинская повесть о походе князя Игоря на половцев в 1185 г. по Ипатьевской летописи / [Подгот. текста] // Там же. С. 247—254.

Перевод текста Ипатьевской летописи // Там же. С. 255—261.

1966

Слово о полку Игоревом, Игоря, сына Святославова, внука Олегова / [Пер.] // Древнерусская литература: Хрестоматия / Сост. А. Л. Жовтис. 2-е изд., испр. и доп. М., 1966. С. 38—52.

Примечания к переводу «Слова о полку Игореве» // Там же. С. 52—62.

1967

Слово о полку Игоревом, Игоря, сына Святославова, внука Олегова / [Пер.] // Слово о полку Игореве. Л., 1967. С. 249—264. (Б-ка поэта; Большая сер. 2-е изд.).

1969

Тайна реки Каялы // Молот (Ростов). 1969. 16 нояб. № 268.

1971

A. A. Blok und das «Lied von der Heerfahrt Igers» // Ztschr. für Slawistik. 1971. Bd 16, H. 4. S. 557—580.

1975

Автор «Слова». Кто він? // Рад. Полісся (Новгород-Северский). 1975. 15 нояб. С. 4.

Творіння великого чернігівця? Думки про автора «Слова о полку Ігоревім» // Комс. гарт (Чернигов). 1975. 2 дек. С. 3.

1976

Еще одна разгаданная загадка // Учит. газ. 1976. 17 янв. С. 4.

Zur Frage des altrussischen Versbaus im Schrifttum des 12. und 13. Jahrhunderts (im Zusammenhang mit dem Problem der Erforschung der rhythmischen Strukturierung des altrussischen poetischen Stils) // Ztschr. für Slawistik. 1976. Bd 21, H. 3. S. 282—296.

Музей «Слова о полку Игореве» // Лит. газ. 1976. 1 янв. С. 5. [Совм. с др. авторами].

1978

Проблема ритмики «Слова о полку Игореве»: Автореф. дис. . . . д-ра филол. наук. М., 1978.

1980

А. А. Блок и древнерусская литература: «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» // Лит. учеба. 1980. № 5. С. 175—182.

Bilanz 140-jähriger wissenschaftlicher Forschung zur Person des Autors des «Слово о полку Игореве» (1837—1977) // Ztschr. für Slawistik. 1980. Bd 25, H. 1. S. 17—32.

1981

«Слово о полку Игореве»: (Содержание, поэтическая форма и его автор) // Слово о полку Игореве: Древнерусский текст и переводы / Сост., вступ. ст., подгот. древнерус. текста и коммент. М., 1981. С. 5—32. (Сер. «Сокровища древнерус. лит.»).

Слово о плъку Игоревѣ, Игоря, сына Святослава внука Ольгова: Древнерусский текст / [Подгот. текста] // Там же. С. 91—106.

Слово о полку Игоревом, Игоря сына Святослава, внука Ольгова / [Пер.] // Там же. С. 179—196.

Воинская повесть о походе князя Игоря на половцев в 1185 г. по Ипатьевской летописи / [Пер.] // Там же. С. 219—226.

Комментарий [к древнерусскому тексту «Слова о полку Игореве»] // Там же. С. 237—285.

1983

Слово о полку Игореве / [Пер.] // Слово о полку Игореве. Київ, 1983. С. 153—168 (Школьн. б-ка).

1985

К вопросу о книжном древнерусском стихосложении XII—XIII вв. // Русское стихосложение: Традиции и проблемы развития. М., 1985. С. 189—208.

Творцу «Слова» [Стихотворение] // Алтай. 1985. № 1. С. 83.

Слово о полку Игоревом, Игоря, сына Святослава, внука Ольгова / [Пер.] // Слово о полку Игореве. Л., 1985. С. 150—165 (Б-ка поэта; Большая сер. 3-е изд.).

1986

Причеть-моление Ярославны: [Стихотворное переложение] // Слово о полку Игореве: Древнерусский текст. Переводы и переложения. Поэтические вариации. М., 1986. С. 287—288.

Слово о полку Игоревом, Игоря, сына Святослава, внука Ольгова / [Пер.] // Слово о полку Игореве: 800 лет. М., 1986. С. 350—365.

Слово о полку Игоревом, Игоря, сына Святослава, внука Олега // Злато слово. М., 1986. С. 112—126 (История Отечества в романах, повестях, документах. Век XII).

1990

Задонщина [Ритмический пер. и примеч.] // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1990. Репринт ИМЛИ.

О. А. БЕЛОБРОВА

Александр Иванович Мазунин
(1924—1986)

17 марта 1986 г. скончался Александр Иванович Мазунин, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Ленинадского государственного педагогического института им. С. М. Кирова, автор статей в «Трудах Отдела древнерусской литературы» на протяжении почти 30 лет, отличавшийся постоянством в выборе тематики — из литературы XVII в.

А. И. Мазунин, уроженец Пермской области, окончил Осинское педагогическое училище, а в 1948 г., по окончании историко-филологического факультета Пермского государственного университета им. А. М. Горького, вступил на поприще преподавания в вузах. Вся его педагогическая жизнь была связана с Ленинабадом. Здесь он работал сначала в Учительском, а затем в Педагогическом институте им. С. М. Кирова — всю жизнь в одном учреждении.

Научный рост А. И. Мазунина проходил в Ленинграде в Пушкинском Доме АН СССР. Под руководством В. И. Малышева он приобрел навыки археографической работы — по описанию древнерусских рукописей, документов, старопечатных книг. А. И. Мазуниным была подготовлена и в 1965 г. защищена кандидатская диссертация, посвященная выдающемуся литературному памятнику XVII в. — «Повести о боярыне Морозовой». Эта тема не была диссертантом исчерпана, свидетельство чему — многочисленные статьи и публикации, выходявшие в свет на протяжении еще двух десятилетий. Наиболее ценным изданием в этом ряду следует признать книгу «Повесть о боярыне Морозовой», выпущенную в серии монографических исследований Сектора древнерусской литературы Пушкинского Дома под редакцией Р. П. Дмитриевой (1979 г.) с предисловием А. М. Панченко. Эта книга способствовала введению Повести в круг читаемых произведений литературы позднего средневековья. Издание получило высокую оценку в советской и зарубежной печати. В 1982 г. именно по этому изданию текст Повести был переведен на польский язык (опубликован в краковском журнале «Znak»).

Заслуженой автором следует признать внимательное изучение текста «Повести» на протяжении всей ее литературной истории, включая поздние переработки XVIII—XX вв. Особую ценность представляют реальный комментарий к биографии Ф. П. Морозовой (в том числе — уточнение времени ее пострига) и соображения об авторстве «Повести».

Определенный вклад внесен А. И. Мазуниным в изучение литературного наследия протопопа Аввакума. При издании корпуса сочинений Аввакума в 1960 г. в Москве и в 1979 г. в Иркутске А. И. Мазуниным были подготовлены к печати и тщательно прокомментированы три произведения писателя. Самая первая печатная работа А. И. Мазунина (1958 г.) была посвящена поэтическим переложениям «Жития протопопа Аввакума» начала XX в. — Д. С. Мережковского, М. Волошина, А. Несмелова.

Большой интерес представляют также археографические обзоры А. И. Мазунина, знакомившие научную общественность со среднеазиатскими и уральскими хранилищами рукописей (Алма-Ата, Самарканд, Ташкент, Фрунзе, Пермь и др.). Умелую работу вел А. И. Мазунин и с собирателями, библиофилами и постоянно вел переписку с И. Н. Заволоко, М. И. Чувановым и др.

Следует напомнить, что А. И. Мазунин имел художественное дарование, которое стремился развить и обогатить. Для этого он успешно прошел пятилетнее заочное обучение в Народном университете искусств им. Крупской в Москве по отделению станковой живописи и графики (1975—1980 гг.). Весь свой досуг он проводил на этюдах и нередко выставлял затем свои работы, главным образом акварели, в том числе в студенческих клубах. Несомненно большое участие А. И. Мазунина в эстетическом воспитании молодежи, которой он прививал вкус к художественной литературе и к изобразительному искусству (в 1972—1977 гг. он заведовал кафедрой черчения и рисования Ленинабадского педагогического института).

А. И. Мазунин был педагогом по призванию. Он умел вызвать интерес к литературе Древней Руси, к ее культуре. Он любил свое дело и охотно делился своими познаниями как в студенческой аудитории, так и в клубе библиофилов, в Научной библиотеке Лодзинского университета и в обычном школьном кружке. Жизнь этого неугомонного труженика оборвалась неожиданно рано, но его вклад в науку, нашедший отражение в многочисленных печатных трудах, оставил значительный след в благодарной памяти учеников и последователей.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА МАЗУНИНА

1958

Три стихотворных переложения «Жития» протопопа Аввакума // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 408—412.

1960

О трех исповедниках слово плачевное / Подгот. текста и коммент. // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960. С. 295—302, 444—445.

Послание «чадом церковным» о дьяконе Федоре / Подгот. текста // Там же. С. 257—259.

«Совет святым отцам преподобным» / Подгот. текста // Там же. С. 249—256.

1961

Об одной переработке Жития боярыни Морозовой // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 429—434.

1962

Краткая редакция Повести о боярыне Морозовой // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 341—350.

Реплика американскому ученому профессору Г. Дьюи // Рус. лит. 1962. № 3. С. 223—224.

То же (сокр., на тадж. яз.): Чавоб ба олимии америкой // Маориџ ва маданият. Душанбе. 1962. № 40, 3 апр. С. 3.

1963

Повесть о боярыне Морозовой в переработке XVIII века // Ученые зап. Ленинабад. гос. пед. ин-та им. С. М. Кирова. Ленинабад, 1963. Вып. 16. Сер. филологии и педагогики. С. 3—13.

1964

Поиски рукописей в Беломорье и на Онеге летом 1961 г. // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 392—396. [Совм. с Э. Г. Зыковым].

1965

Заметки к биографии Ф. П. Морозовой (из реального комментария) // Ученые зап. Ленинабад. гос. пед. ин-та им. С. М. Кирова. Ленинабад, 1965. Вып. 17. Сер. филологии. С. 15.

Краткая опись старопечатных книг собрания академика В. Н. Перетца // М а л ы ш е в В. И. Древнерусские рукописи Пушкинского Дома (обзор фондов). М.; Л., 1965. С. 194.

Повесть о боярыне Морозовой (памятник русской литературы XVII в.): Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Л., 1965. 16 с.

Рукописи и старопечатные книги из собрания В. Г. Пуцко (г. Глухов) // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 390—393.

1967

Издания XVIII века в нашей библиотеке // Педагогическое мастерство (Махорати педагоги). Ленинабад. 1967. 31 марта, № 9. С. 4.

То же (в сокр.): Книгам двести лет // Комсомолец Таджикистана. Душанбе, 1967. 15 марта, № 32. С. 4.

1968

Наследие пытливого издателя // Урал. следопыт. 1968. № 1. С. 48—49.

1969

Заметки к биографии Ф. П. Морозовой // Ученые зап. Ленинабад. пед. ин-та. Ленинабад, 1969. Вып. 26. С. 145—156.

Из комментария к Повести о боярыне Морозовой // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 237—238.

Рукописные и старопечатные книги Государственной библиотеки им. Алишера Навои в Ташкенте // Древнерусская литература и проблемы истории русской культуры XVIII—XX веков: Тез. докл. Л., 1969. С. 23—25.

Уральские материалы в собрании рукописей П. С. Богословского // Ученые зап. Перм. гос. ун-та. Пермь, 1969. № 192. С. 123—126.

1970

К вопросу об обследовании среднеазиатских книгохранилищ // Ученые зап. Ленинабад. пед. ин-та. Ленинабад, 1970. Вып. 36. С. 133—139.

Книжные судьбы // Урал. следопыт. 1970. № 9. С. 62.

1971

Находка в Пермской библиотеке // Звезда. Пермь. 1971. № 228, 24 септ.

Рукописные и старопечатные книги Государственной библиотеки им. Алишера Навои в Ташкенте // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 348—350.

1972

Рукописные и старопечатные книги библиотеки Алма-Аты и Фрунзе // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 445—449.

1974

Морозова Ф. П. // БСЭ. 3-е изд. М., 1974. Т. 16. С. 580—581.

1975

Рукописный фолиант // Урал. следопыт. 1975. № 8. С. 78.

1976

О датировке двух сочинений протопопа Аввакума // Культурное наследие Древней Руси: Истоки, становление, традиции. М., 1976. С. 405—408.

Рукописи библиотеки Самаркандского государственного университета им. Алишера Навои // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 343—344.

1977

Славяно-русские рукописи Научной библиотеки Ташкентского университета и Республиканской библиотеки им. Алишера Навои // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 377—382.

1979

Возможный автор Повести о боярыне Морозовой // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 338—342.

О трех исповедницах слово плачевное / Подгот. текста и коммент. // Жизнь протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Иркутск, 1979. С. 229—235, 341—342.

Послание «чадом церковным» о дьяконе Федоре / Подгот. текста // Там же. С. 208—210.

«Совет святым отцем преподобным» / Подгот. текста // Там же. С. 184—190.

Повесть о боярыне Морозовой / Подгот. текста и исслед. Л., 1979. 226 с.

Старинная русская традиция в Польше. Рец. на кн.: I w a n i e s E. Z dziejów staroobrzędowców na ziemiach Polskich XVII—XX w. Warszawa, 1977 // Рус. лит. 1979. № 2. С. 189—191.

То же / Пер. на пол. яз. Kr. Pietrzak // Slavia Orientalis. 1979. Roc. 28, № 3. С. 398—401.

1985

О времени пострига боярыни Ф. П. Морозовой // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 365—366.

1986

О годе смерти Ивана Глебовича Морозова // Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма: Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск, 1986. С. 25—27.

1989

Комментарии к тексту Повести о боярыне Морозовой // Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Книга вторая. М., 1989. С. 674—681.

В. П. БУДАРАГИН

Владимир Васильевич Лукьянов — собиратель и исследователь русской старины

3 апреля 1986 г. в Ленинграде скончался Владимир Васильевич Лукьянов. Его имя хорошо знакомо самой широкой общественности Ярославля, так как он внес значительный вклад в ярославское краеведение и источниковедение. Однако многогранная научная деятельность В. В. Лукьянова известна и далеко за пределами Ярославля. Его археографические интересы были связаны прежде всего с выявлением и описанием древнерусской рукописной книжности, но распространялись и на письменные источники нового времени, на печатную книгу кирилловского и гражданского шрифта, а знание иностранных языков позволяло ему свободно ориентироваться и в текстах иноязычных. В то же время В. В. Лукьянов занимался коллекционированием русских монет и бон, причем по своей значимости его коллекция монет уступает в стране только эрмитажному собранию.

В. В. Лукьянов родился в Петербурге 21 (9) августа 1908 г. В 1930 г. он закончил Ленинградский Фонетический институт и курсы «Интуриста» по английскому отделению, работал техническим переводчиком, а затем техником и инженером на Ленинградском Металлическом заводе и в тресте «Котлотурбина». В 1939 г. он переезжает на постоянное жительство в Ярославль. Последние четыре года жизни В. В. Лукьянова прошли в Ленинграде. Здесь он и похоронен на кладбище «Жертв 9-го Января». В Ленинграде в 30-е гг. Владимир Васильевич начал собирать свои коллекции.

Впервые имя В. В. Лукьянова стало известно научной общественности в 1954 г., после публикации в X томе ТОДРЛ его обзора «Собрание рукописей Ярославского краеведческого музея». В том же томе ТОДРЛ В. И. Малышев в статье «К вопросу об обследовании частных собраний» сообщил о 76 рукописях XVI—XIX вв. из коллекции ярославского инженера-технолога В. В. Лукьянова. Переписка сотрудника Отдела древнерусской литературы и основателя Древлехранилища Пушкинского Дома В. И. Малышева с В. В. Лукьяновым началась еще в апреле 1952 г. С этого момента связь В. В. Лукьянова с Пушкинским Домом уже не прерывалась. Более того: с 1954 по 1959 г. Владимир Васильевич числится внештатным сотрудником Пушкинского Дома, его статьи регулярно появляются в ТОДРЛ, он участвует в конференциях Пушкинского Дома. В начале 70-х гг. в Древлехранилище создается «Коллекция В. В. Лукьянова». В письмах Владимира Васильевича часто встречаются слова благодарности за советы и помощь Д. С. Лихачеву, М. П. Алексееву, обязательные приветы Л. А. Дмитриеву и другим сотрудникам Отдела древнерусской литературы.

Но регулярная переписка поддерживается именно с В. И. Малышевым. И это не случайно. В письме от 9 августа 1964 г. Владимир Васильевич пишет: «Дорогой Владимир Иванович! Сегодня я отправил письмо И. Л. Андроникову и послал вырезку из сыктывкарской газеты для ис-

пользования в его статье о Вас в связи с 30-летием Вашей научной деятельности. Не знаю, хорошо ли у меня получилось, ведь я — плохой дипломат, но написал как мог, а главное — от чистого сердца, как о своем „крестном“ по части археографии». Здесь нет преувеличения, свидетельством чему 298 сохранившихся в архиве В. И. Малышева писем В. В. Лукьянова. В этих письмах запечатлелась вся история разборки и описания ярославских книжных собраний, и в каждом Владимир Васильевич советует, спрашивает, делится радостями и печалью. Авторитет В. И. Малышева для него непререкаем, но в основе своей это — переписка друзей, соратников, подлинных энтузиастов археографии.

С марта 1939 по май 1942 г. В. В. Лукьянов заведовал Научной библиотекой Ярославского краеведческого музея, однако работа по выявлению и описанию рукописей в те годы практически не велась. С начала 50-х гг. инженер-технолог Ярославского шинного завода В. В. Лукьянов по настоятельной просьбе В. И. Малышева начинает систематическое исследование книжных фондов Ярославского краеведческого музея, Архива Ярославской области, Ярославского пединститута и областной библиотеки. Не все идет просто, но зато какое удовлетворение слышится в письме от 1 октября 1954 г.: «В Пединституте составил на все книги картотеку и отдал им. Потом отправился в Архив. С большим трудом уговорил, чтобы мне самому разрешили выбрать в книгохранилище, какие есть рукописи. Меня уговаривали, что это — бесцельный труд и вряд ли я найду среди многих тысяч томов книг 2—3 рукописи. Однако я все же добился своего, разбирался 2 дня и обнаружил среди печатных — 700 (!) шт. рукописных книг. . .» Через год, когда Владимир Васильевич уже работает по договору в Ярославском краеведческом музее, он пишет: «Вообще я не хотел говорить Вам об этом, но Музей дает мне очень мало, и приходится тратить вечера на ненавистные мне технические переводы. Но ничего другого не придумаешь. Утешает только то, что работа в Музее дает мне то, чего не получишь на другой работе, — громадное моральное удовлетворение».

В эти годы Владимир Васильевич работает исключительно активно. Правда, хроническое заболевание желудка часто приковывает его к постели, но, почувствовав себя лучше, он принимается за дело с удвоенной энергией, успевает все. Он обследует не только ярославские фонды, но и книжные собрания Ростова, Рыбинска (тогда г. Щербакова), Тутаева, позднее Переславля-Залесского. Краткие обзоры выявленных им рукописей публикуются в ТОДРЛ. Там же появляются его статьи «Первый владелец рукописи „Слова о полку Игореве“ Иоиль Быковский» (1956. Т. 12) и «Дополнения к биографии Иооля Быковского» (1958. Т. 15), также основанные на его археографических разысканиях.

Одновременно ведется подготовка к изданию «Описания коллекции рукописей ГАЯО», выдвинувшего В. В. Лукьянова в ряд ведущих археографов-современников. Это описание, как и последовавшее в 1958 г. «Описание. . . рукописей ЯКМ», не утратило своего значения и по сей день, оставаясь основным источником сведений по ярославским рукописным фондам. И хотя в этих описаниях подчас слишком неопределенны датировки рукописей, но нельзя забывать, что каких-либо альбомов водяных знаков или пособий по палеографии Владимиру Васильевичу в Ярославле обнаружить не удалось. Уже в начале 70-х гг. он сетует, что из-за отсутствия пособий читать курс палеографии в Пединституте чрезвычайно сложно, поскольку студенты располагают только лекционными записями. Можно спорить о принципах описания рукописей и о композиционном построении изданных описаний, однако главное состоит в том, что эти описания достаточно информативны, атрибуция памятников выполнена безупречно, а приложенные указатели позволяют легко ориентироваться в многообразии источников. Указания же на идентичность почерка тех или иных рукописей или опровержение датированной писцовой записи как восходящей к протографу рукописи свидетельствуют о высоком про-

фессионализме исследователя. Не случайно эти изданные в Ярославле описания были встречены положительными рецензиями в нашей научной периодике, вызвали большой интерес зарубежных медиевистов.

С 1 октября 1959 по 3 апреля 1969 г. В. В. Лукьянов заведовал Отделом книжных и рукописных фондов Ярославско-Ростовского музея-заповедника. Большая загруженность технической обработкой фондов и болезнь привели к тому, что статьи за подписью В. В. Лукьянова практически исчезают со страниц научной периодики. Он, правда, не может не откликнуться на вдохновенные им две археографические экспедиции областного Архива в Даниловский и Пошехонский районы и публикует отчет о них в 1964 г. в журнале «Вопросы архивоведения», но снова наступает пауза. Впоследствии он напишет В. И. Малышеву: «Спасибо Вам великое, что Вы разбудили меня от долгой спячки. Может, и нехорошо где написал, так не ругайте, — учтите, что лет пять не брался за это дело. А теперь вот, надеюсь, что и еще что напишу, — с увлечением работал в Архиве два выходных подряд. Очень сожалею, что не послушал Вас раньше, никак было не заставить себя». Этой «первой» статьёй стал обзор «Новые поступления в рукописные собрания Ярославского и Ростовского музеев», вышедший в 24-м томе ТОДРЛ в 1969 г.

Обе рукописные коллекции В. В. Лукьянова также оказались в Ленинграде. Если в 1954 г. В. И. Малышев сообщал о 76 рукописях коллекции, то в 1964 г. в БАН СССР поступило от В. В. Лукьянова уже 311 рукописей XVI—XX вв. И это кроме документальных материалов, относящихся к Ярославлю и переданных в Музей-заповедник. Коллекции такого объема сейчас уже почти не встречаются, причем половину коллекции составляют рукописи литературного и исторического содержания.

С 1968 г. в переписке В. В. Лукьянова и В. И. Малышева появляется новая тема: Владимир Васильевич регулярно сообщает об отправленных в Пушкинский Дом древнерусских рукописях. Это не только рукописи, приобретенные у букинистов или вымененные у коллекционеров, часто Малышев сообщает конкретные адреса, которые потом и проверяет Владимир Васильевич. Результативность поисков заставляет его обратиться с просьбой к В. И. Малышеву создать в Древлехранилище коллекцию его находок, а когда в 1972 г. такая коллекция была создана, то сокрушается, почему первая его коллекция поступила не в Пушкинский Дом, а в БАН.

В коллекции В. В. Лукьянова в Древлехранилище сейчас 56 рукописей XVI—XX вв., еще 41 рукопись из числа поступивших до 1972 г. хранится в составе фонда «Отдельные поступления». Всего, таким образом, в Ленинграде хранится 408 рукописей XV—XX вв., найденных В. В. Лукьяновым преимущественно в Ярославской области. Эту территориальную отнесенность его коллекций необходимо иметь в виду при возможных будущих исследованиях по истории ярославской рукописной книги.

Уже после кончины В. В. Лукьянова в Ярославле вышел подготовленный им к печати аннотированный каталог «Коллекция книг кирилловской печати XVI—XVIII веков Государственного архива Ярославской области» (1986). Будем надеяться, что новое поколение ярославских археографов продолжит работу по выявлению и описанию рукописно-книжных богатств Ярославского края, так успешно начатую в свое время Владимиром Васильевичем Лукьяновым.

Пьер Паскаль

В лице Пьера (Петра Карловича) Паскаля (22.07.1890—01.07.1983), почетного профессора Школы восточных языков (1937—1950) и Сорбонны (по кафедре русского языка и литературы, 1950—1960), французская славистика потеряла последнего знатока России в целом, ее языка, литературы, истории, быта в самом широком значении этого слова, на протяжении ее тысячелетнего существования. Поэтому писать о П. Паскале как о медиовисте — задача трудная: приходится искусственно выделять одну часть из того, что было и остается целостным и живым духовным миром, не говоря уже о том, что сам П. Паскаль термин «средние века» (Moeyen Âge) в применении к России не признавал — для него грань между Древней Русью и Россией нового времени совпадала с концом XVII в.¹

Жизнь П. Паскаля можно назвать страницей истории, которую он сам частично описал в своих воспоминаниях и особенно в захватывающих дневниках 1916—1927 гг. На этом материале и на некоторых других источниках будущий исследователь историографии России сможет установить, каким путем молодой гуманист, воспитанный на французской классической литературе, на латинской и греческой филологии, стал одним из лучших специалистов по допетровской Руси. Заинтересовавшись русским языком еще юношей, во времена расцвета франко-русского союза, а затем полюбив Россию и русский народ до такой степени, что в течение 17 лет (1916—1933) разделял его судьбу, П. Паскаль постепенно встал на путь обращения к русскому прошлому. Можно предположить, что на этот путь его привела любовь к России, к русской деревне, той, о которой писал Есенин, один из его любимых поэтов. С другой стороны, христианское мировоззрение влекло его к русскому прошлому, в котором он постоянно искал общие со всей христианской Европой корни. Ранние записи в дневнике на эту тему перекликаются с одной из последних работ.²

Если вначале П. Паскаль подходил к русской истории, может быть, больше сердцем, чем разумом, то вскоре в предпринятых им исследованиях проявились другие черты: врожденная честность и добросовестность, бесконечная строгость к самому себе, отличная университетская подготовка. Поэтому диссертация «Аввакум и начало Раскола» (1938) является одновременно строго научным трудом и увлекательным рассказом. Нет необходимости полвека спустя представлять читателю эту общепризнанную работу: она не только дает полную картину истории возникновения староверческого раскола, но и подводит итог всей истории духовной культуры Древней Руси. Напомним, что эта книга была переиздана в 1953 г., что весьма редко бывает с диссертациями!

¹ В «Histoire de la Russie» (Que sais-je? N 248) период от 1462 до 1700 г. составляет одну главу. Критику термина «средние века» в применении к России см. в трудах, указанных в примеч. 3.

² P a s c a l P. Deux similitudes catholiques-orthodoxes: religieuses larmes; fols en Christ // Aspects de l'orthodoxie, Bibliothèque des Centres d'études supérieures spécialisés: Travaux du Centre d'études supérieures spécialisé d'Histoire des religions de Strasbourg. Paris, 1981. P. 153—167.

В те же годы П. Паскалем были переведены на французский язык «Житие» и последняя «Челобитная» Аввакума Алексею Михайловичу, а также более древние памятники — славяно-русские версии «Иудейской войны» Иосифа Флавия и «Девгениева деяния», позже — «Хождение Богородицы по мукам». Все эти переводы, основанные на отличном знании текстологических проблем, снабжены богатым комментарием. Особого внимания заслуживает стремление передать все языковые и стилистические свойства оригинала, найти каждому древне- или старорусскому термину точное соответствие во французском. Тут не только совершенное знание обоих языков, в их современном и историческом аспекте, но и глубокое желание в каждом конкретном случае найти общие черты в двух отличных друг от друга, но тем не менее родственных культурах. Прделанная П. Паскалем в этой области работа, внесшая ценнейший вклад в изучение древнерусской лексики, ждет особого научного исследования.

Стремление к конкретному отображению изучаемого предмета проявляется, хотя и иным образом, в собственно исторических работах. Тут П. Паскаль неуклонно придерживался принципа хронологической последовательности и точности.³ Примером этого может служить его краткий курс истории России (1946, сер. «Que sais-je?»). Конечно, современному историку изложение П. Паскаля может показаться методологически устаревшим, но выход в свет 9-го издания этой книги (1980) объясняется не только отсутствием на французском языке другого серьезного пособия по русской истории, но и тем, что эту небольшую по объему книгу характеризует исключительная насыщенность фактическим материалом.

Как точность в филологических работах сочеталась с неоспоримыми литературными качествами переводов, так и строгая требовательность к хронологии отнюдь не исключала для П. Паскаля широкого подхода к истории. Например, в предисловии к небольшой статье о путешествиях на Руси он отстаивает необходимость учитывать в исторических исследованиях значение географического пространства.⁴

Не считая книги об Аввакуме, широкий подход к истории нигде так не обнаруживался, как в лекциях П. Паскаля, посвященных комментированию древнерусских памятников — «Повести временных лет», «Новгородской первой летописи», «Слова о полку Игореве» (по поводу которого П. Паскаль расхохотился с академиком А. Мазоном) и других. На этих лекциях ощущалась неисчерпаемая эрудиция, которая лишь в небольшой мере нашла отражение в печатных трудах П. Паскаля: например, его широкие познания в области русского летописания едва проскальзывают в статье о литературных трудах митрополита Макария.⁵ В аудитории сидели не только студенты, но и признанные исследователи; среди них был профессор Сорбонны академик В.-Л. Тапье, известный специалист по истории Центральной Европы XVII в., оставивший отличное описание этих лекций. В нем он анализирует, как филологический, литературоведческий и исторический подходы дополняли друг друга, чтобы слушатели могли получить полную картину той общественной среды, в которой был создан памятник, и одновременно приобщиться к методу исследования древнерусских источников.

Сожалая о том, что П. Паскалю (из-за того, что он получил филологическое, а не историческое образование) в свое время не предоставили в Сорбонне кафедру по истории и культуре славянских народов, В.-Л. Тапье

³ См. его рец. на кн.: Е с к А. Le Moyen Âge russe. Paris, 1933; L u b i m e n k o I. Les relations commerciales et politiques de l'Angleterre avec la Russie avant Pierre le Grand. Paris, 1933 // Rev. hist. Paris, 1935. Т. 174. P. 82—83, 89—91.

⁴ P a s c a l P. La durée des voyages en Russie au XVII^e siècle // Rev. des Études slaves. Paris, 1951. Т. 27. P. 209—219.

⁵ P a s c a l P. Le métropolitain Macaire et ses grandes entreprises littéraires // Russie et chrétienté. Paris, 1949. N 1—2. P. 7—16.

объясняет исключительные достоинства лекций своего коллеги следующим образом:

«Самое трудное для изучающего историю чужой страны в том, чтобы за общественным строем, легко поддающимся описанию и анализу, обнаружить общество с его особой психологией, с его внутренней логикой, со всем тем, что согласует его с самим собою и приводит в недоумение иностранца. Знания, извлеченные из архивов и письменных памятников, но еще более та школа, которую он прошел, проведя много лет в России среди народа, придавали комментариям Пьера Паскаля ценность исторического свидетельства».⁶

Живой интерес к науке, проявлявшийся у П. Паскаля до последних месяцев его долгой жизни, вместе с исключительными человеческими качествами покойного вполне объясняют, почему его кончина глубоко переживалась учениками, превратившимися постепенно в его друзей.

*В. Водов (W. Vodoff),
Париж*

⁶ П. Паскалю было посвящено два сборника: первый — по случаю его семидесятилетия, второй — по случаю девяностолетия: *Mélanges Pierre Pascal // Rev. des Études slaves*. Paris, 1961. Т. 38. 256 p.; 1982. Т. 54. 270 p. В первом опубликованы два очерка о научной деятельности П. Паскаля: *M a z o n A. Avant-propos* (P. 7—18); *T a p i é V.-L. Les cours du vendredi* (P. 193—195). Во втором помещен краткий автобиографический очерк: *P. P a s c a l. Mon père Charles Pascal* (P. 11—17), а также воспоминания других лиц о П. Паскале; в конце книги помещена наиболее полная библиография его работ (*Bibliographie des ouvrages et articles de Pierre Pascal*. P. 255—270). См. также дневники Паскаля: *P. P a s c a l. Mon Journal de Russie* (1916—1927). Lausanne, *L'Âge d'homme*, 1975—1982 (4 vol.). О Паскале см. нашу статью в сборнике «*Russia Mediaevalis*» (München. 1987. Т. 6₁. S. 320—324).

БИБЛИОГРАФИЯ*

Хронологический список трудов Марины Алексеевны Салминой

1954

«О причинах гибели царств». сочинение начала XVII века // ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 332—352.

1956

Библиография советских работ по древнерусской литературе за 1945—1955 гг. М.; Л., 1956. 172 с. [Совм. с В. А. Колобанным, О. Ф. Коноваловой].

1957

К вопросу о происхождении «Сказания об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы» // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 231—234.

1958

Особая редакция «Сказания о начале Москвы» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 316—321.

«Ентинарий» в «Повести о зачале Москвы» // Там же. 1958. Т. 15. С. 362—363.
Древнерусские повести о начале Москвы в переработке А. П. Сумарокова // Там же. С. 378—383.

1959

Вопросы археографии на IV Всесоюзном совещании по древнерусской литературе // Ист. архив. М., 1959. № 6. С. 190—191. [Совм. с Н. С. Сарафановой].

IV Всесоюзное совещание по древнерусской литературе // Вопр. ист. М., 1959. № 12. С. 181—185. [Совм. с Н. С. Сарафановой].

1960

Источники «Повести о зачале Москвы» // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 245—256.
Совещание по вопросам изучения древнерусской литературы // Рус. лит. 1960. № 4. С. 249—250.

1961

«Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы» как литературный памятник // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 272—280.

Повести о начале Москвы: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Л., 1961. 16 с.

1962

Хронологический список трудов Ивана С. Дуйчева // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 490—498.

Обсуждение проекта Словаря-комментария «Слова о полку Игореве» // Там же. С. 594—595.

V Всесоюзное совещание по древнерусской литературе // ИОЛЯ. М., 1962. Т. 21, вып. 5. С. 460—462. [Совм. с О. В. Твороговым].

1964

Повести о начале Москвы. Л., 1964. 274 С.

Основные пробелы в текстологическом изучении оригинальных древнерусских повестей // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 139—179. [Совм. с Н. С. Демковой и Р. П. Дмитриевой].

* В настоящем томе мы помещаем список работ старшего научного сотрудника Отдела древнерусской литературы ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР, кандидата филологических наук Марины Алексеевны Салминой.

1965

«Сказание вкратце о бывшем пожаре града Ярославля» // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 319—326.

1966

«Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966. С. 344—384.

Рассказ о битве под Оршей Псковской летописи и «Задонщина» // Там же. С. 524—525.

Командировка в Болгарию // ИОЛЯ. М., 1966. Т. 25, вып. 6. С. 556—558. [Совм. с Ю. К. Бегуновым].

Литература о жизни и трудах Д. С. Лихачева // Дмитрий Сергеевич Лихачев. М., 1966. С. 28—42. (Материалы к биобиблиогр. учен. СССР. Сер. лит. и яз. Вып. 7). [Совм. с Г. Н. Финашиной].

Основные даты жизни и деятельности члена-корреспондента АН СССР Д. С. Лихачева // Там же. С. 3—5.

Библиография трудов [Д. С. Лихачева] // Там же. С. 43—75. [Совм. с Г. Н. Финашиной].

1968

Археографическая экспедиция Сектора древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР в 1966 г. // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23. С. 328—329. [Совм. с Р. П. Дмитриевой].

Научная конференция, посвященная 80-летию В. П. Адриановой-Перетц // Рус. лит. Л., 1968. № 3. С. 244—248.

1969

Древнерусская повесть о взятии Смоленска Иваном Грозным // Литература и общественная мысль Древней Руси (ТОДРЛ. Т. 24). Л., 1969. С. 192—195.

Урядник Сокольника пути / [Подгот. текста и коммент.] // «Изборник»: (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969. С. 567—572, 774—775.

Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы / [Подгот. текста и коммент.] // Там же. С. 576—580, 776—777.

Ред.: Литература и общественная мысль Древней Руси (ТОДРЛ. Т. 24). Л., 1969. 416 с. [Совм. с О. А. Белобровой, Д. С. Лихачевым и др.].

1970

«Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского» // Памятники русской литературы X—XVII вв. (ТОДРЛ. Т. 25). М.; Л., 1970. С. 81—104.

1971

Ред.: Древнерусская литература и русская культура XVIII—XX вв. (ТОДРЛ. Т. 26). Л., 1971. 384 с. [Совм. с Л. А. Дмитриевым, Д. С. Лихачевым].

1972

Дневник архимандрита Антонина (Капустина) // История жанров в русской литературе X—XVII вв. (ТОДРЛ. Т. 27). Л., 1972. С. 420—430.

Вновь обнаруженный список Устюжской летописи // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 267—271.

Ред.: История жанров в русской литературе X—XVII вв. (ТОДРЛ. Т. 27). Л., 1972. 468 с. [Совм. с Д. С. Лихачевым и А. М. Панченко].

1974

К вопросу о датировке «Сказания о Мамаевом побоище» // Вопр. истории русской средневековой литературы (ТОДРЛ. Т. 29). Л., 1974. С. 98—124.

Ред.: Исследования по истории русской литературы XI—XVII вв. (ТОДРЛ. Т. 28). Л., 1974. 432 с. [Совм. с Д. С. Лихачевым, О. В. Твороговым].

Ред.: Вопросы истории русской средневековой литературы (ТОДРЛ. Т. 29). Л., 1974. 384 с. [Совм. с Д. С. Лихачевым, О. В. Твороговым].

1976

Новонайденные тексты Хроники Константина Манассии // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиция. М., 1976. С. 355—359.

Список печатных трудов академика Дмитрия Сергеевича Лихачева за 1966—1975 гг. // Там же. С. 432—453.

Ред.: Историческое повествование Древней Руси (ТОДРЛ. Т. 30). Л., 1976. 387 с. [Совм. с Д. С. Лихачевым, Я. С. Лурье].

Ред.: «Слово о полку Игореве» и памятники древнерусской литературы (ТОДРЛ. Т. 31). Л., 1976. 404 с. [Совм. с Л. А. Дмитриевым и Д. С. Лихачевым].

Ред.: Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. 460 с. [Совм. с М. Б. Храпченко, В. Г. Базановым и др.].

1977

Еще раз о «Летописной повести» о Куликовской битве // Текстология и поэтика русской литературы XI—XVII вв. (ТОДРЛ. Т. 32). Л., 1977. С. 3—39.

Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности [Д. С. Лихачева] // Дмитрий Сергеевич Лихачев. 2-е изд., доп. М., 1977. С. 8—38. (Материалы к библиограф. учен. СССР. Сер. лит. и яз. Вып. 11). [Совм. с В. П. Адриановой-Перетц].

Основные даты жизни и деятельности академика Д. С. Лихачева // Там же. С. 3—7.

Литература о жизни и трудах Д. С. Лихачева // Там же. С. 39—68. [Совм. с Г. Н. Финашиной].

Хронологический указатель трудов [Д. С. Лихачева] // Там же. С. 69—119. [Совм. с Г. Н. Финашиной].

Ред.: Текстология и поэтика русской литературы XI—XVII вв. (ТОДРЛ. Т. 32). Л., 1977. 408 с. [Совм. с Д. С. Лихачевым и А. М. Панченко].

1978

Библиография работ Д. С. Лихачева по «Слову о полку Игореве» // Л и х а ч е в Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978. С. 343—350.

1979

Хроника Константина Манассии и литературный стиль XVI в. на Руси // Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979. С. 99—104.

Хроника Константина Манассии как источник Русского хронографа // Древнерусские литературные памятники (ТОДРЛ. Т. 33). Л., 1979. С. 279—287.

Повесть о нашествии Тохтамыша // Куликовская битва и подъем национального самосознания (ТОДРЛ. Т. 34). Л., 1979. С. 134—151.

1980

Хроника Константина Манассии и стиль «второго монументализма» на Руси // Българско Средновековие. Българо-съветски сборник в чест на 70-годишнината на проф. Иван Дуйчев. София, 1980. С. 260—262.

В стила на летописеца Манасий [Интервью] // Антени. София, 1980. 8/VII, бр. 28. [Совм. с О. В. Твороговым].

Ред.: Рукописное наследие Древней Руси (ТОДРЛ. Т. 35). Л., 1980. 454 с. [Совм. с Р. П. Дмитриевой, Д. С. Лихачевым].

1981

Из комментария к «Слову о полку Игореве» // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 228—230.

«На рицѣ на Чечѣ» в «Задонщине» // Там же. С. 231—233.

В стила на летописеца Манасий // Българистика и българисти. София, 1981. С. 362—364. [Совм. с О. В. Твороговым. Переизд.].

Летописная повесть о Куликовской битве / [Подгот. текста, пер. и коммент.] // Памятники литературы Древней Руси: XIV—середина XV века. М., 1981. С. 112—131, 549—552.

Повесть о нашествии Тохтамыша / [Подгот. текста, пер. и коммент.] // Там же. С. 190—207, 558—560.

Слово о житии великого князя Дмитрия / [Подгот. текста, пер. и коммент.] // Там же. С. 208—229, 560—563.

Ред.: Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1981. Т. 36. 416 с. [Совм. с Д. С. Лихачевым].

1982

Список печатных трудов академика Д. С. Лихачева за 1977—1981 гг. // Археологический ежегодник за 1981 г. М., 1982. С. 326—332.

1983

Античные мифы в хронографе 1617 г. // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 311—317.

О новом издании болгарского перевода Хроники Константина Манассии // Лите-

ратурознание и фолклористика: В чест на 70-годишнината на академик Петър Динеков. София, 1983. С. 105—107.

Ред.: Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1983. Т. 37. 424 с. [Совм. с Д. С. Лихачевым и О. В. Твороговым].

1984

Из «Хроники Константина Манассии»/[Подгот. текста]// Памятники литературы Древней Руси: Конец XV—первая половина XVI века. М., 1984. С. 268—316.

Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы/[Подгот. текста]// Русское историческое повествование XVI—XVII веков. М., 1984. С. 156—161. [Перевзд.].

1985

Библиография работ Д. С. Лихачева по «Слову о полку Игореве»// Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. 2-е изд., доп. Л., 1985. С. 337—346.

«Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского», памятник XVI в.// Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 159—162.

Повесть о нашествии Тохтамыша/[Подгот. текста, пер. и коммент.]// Вонские повести Древней Руси. Л., 1985. С. 270—289, 485. [Перевзд.].

Хроника Константина Манассии; Хроника Мацея Стрыйковского [совм. с С. И. Николаевым]; Хроника Павла Пясецкого [совм. с С. И. Николаевым]; Евстафия Плакиды житие; Ипатия Гангрского мучение; Макария Римского житие; Федора Тирона мучение; Филиппа апостола мучение; Фомы апостола деяния. [В разд.: Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси»]// ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 167—169, 171—174, 196, 205—206, 215—216, 230—231, 233—234, 234—235.

Голохвастов Василий Яковлевич. [В разд.: Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси»]// ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 64—65.

Ред.: Взаимодействие древнерусской литературы и изобразительного искусства (ТОДРЛ. Т. 38). Л., 1985. 544 с. [Совм. с Д. С. Лихачевым и Г. М. Прохоровым].

Ред.: Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1985. Т. 39. 461 с. [Совм. с Д. М. Булагиным и Д. С. Лихачевым].

Ред.: Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1985. Т. 40. 470 с. [Совм. с Д. М. Булагиным и Д. С. Лихачевым].

1986

Список монографий Д. С. Лихачева по древнерусской литературе// Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 401—402.

Повесть о нашествии Тохтамыша/[Пер.]// Изборник: Повести Древней Руси. М., 1986. С. 199—208. [Перевзд.].

1987

Апокрифы о апостоле Филиппе; Апокрифы о апостоле Фоме; Апокриф о Макарии Римском; Вопросы Варфоломеевы к Богородице; Епистолия Исуса Христа о неделе; Житие Евстафия Плакиды; Лествица Иакова; Мучение Феодора Тирона; Повесть о Федоре кущце; Симеон; Слово о князьях// Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1: (XI—первая половина XIV в.) Л., 1987. С. 41—43, 56—57, 102—103, 123—124, 146—147, 230—231, 272—273, 367, 391—392, 429—431.

О причинах гибели царств/[Подгот. текста]// Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI—начало XVII века. М., 1987. С. 464—490.

Список печатных трудов академика Дмитрия Сергеевича Лихачева за 1977—1987 гг.// Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 365—416.

Литература о жизни и трудах академика Дмитрия Сергеевича Лихачева за 1977—1987 гг.// Там же. С. 417—448.

Ред.: Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. 466 с. [Совм. с О. В. Твороговым и др.].

1988

Среднеболгарский перевод Хроники Константина Манассии в славянских литературах/Под ред. И. С. Дуйчева, Д. С. Лихачева. София, 1988. С. 28—43 (Среднеболгарский перевод Хроники Константина Манассии), с. 44—49 (Сербский извод Хроники Константина Манассии), с. 50—58 (Русский извод Хроники Константина Манассии), с. 59—71 (Хроника Константина Манассии на Русь), с. 72—77, 90—94, 95—97, 98—102 (Археографический обзор славянских списков Хроники Константина Манассии: Рукописи среднеболгарского перевода, сербского и русского изводов), с. 103—106 (Правила передачи текста), с. 106—224 (Хроника Константина Манассии: Среднеболгарский перевод. Текст), с. 225—243 (Приписки в славянских списках Хроники Константина Манассии), с. 243—254 (Троянская притча).

Апокриф о Ламехе; Арсений Высокий; Варлаам, митрополит Новгородский; Зосима (Ворбозомский); Иов Столп; Кайбышев// Словарь книжников и книжности Древ-

ней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.), ч. 1: А—К. Л., 1988. С. 52, 70—71, 107, 367, 414—415, 458—459.

Повесть о Бове; Повесть о взятии Смоленска Иваном Грозным; Повесть о зачале Москвы; Повесть об избавлении града Устюга Великого; Повесть о Никифоре Фоке; Сказание о зачатии Москвы и Крутицкой епископии; Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы; Слово о некоем мужи именем Тимофей. [В разд.: Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси»] // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 42—44, 52—53, 67—68, 69, 79—80, 130—131, 141—142, 147—148.

Сказание о зачатии Москвы и Крутицкой епископии; Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы. [Подгот. текста и коммент.] // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга первая. М., 1988. С. 121—127, 618—621.

Ред.: Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1988. Т. 41. 485 с. [Совм. с О. А. Белобровой и Д. С. Лихачевым].

1989

Повесть о Бове; Повесть о Куликовской битве летописная; Повесть о московском пожаре 1547 г.; Повесть о нашествии Тохтамыша; Повесть о Никифоре Фоке; Постник Губин; Семьдесят имен богу; Сказание Анфилога царя о святой литургии; Сказание о взятии Астрахани. [Совм. с Н. Ф. Дробленковой]; Сказание о двенадцати пятницах; Сказание о Железных вратах; Сказание о последних днях митрополита Макария; «Слово о житии и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Русаго» (совм. с Г. М. Прохоровым); Трусос Еремей; Филипп Петров; Хроника Константина Манассина // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.), ч. 2. Л—Я. Л., 1989. С. 220—222, 244—246, 253—254, 254—255, 255—256, 300, 318—319, 344—345, 357—358, 358—359, 359, 385—386, 403—405, 445, 470, 494—496.

Повесть о взятии Смоленска Иваном Грозным; Урядник сокольничьего пути / [Подгот. текста и коммент.] // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга вторая. М., 1989. С. 26, 286—298, 593, 620—622.

Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности Д. С. Лихачева // Дмитрий Сергеевич Лихачев. 3-е изд., доп. М., 1989. С. 11—42. (Материалы к библиогр. учен. СССР. Сер. лит. и яз., вып. 17). [Совм. с В. П. Адриановой-Перетц].

Основные даты жизни и деятельности академика Д. С. Лихачева // Там же. С. 3—10. Литература о жизни и трудах Д. С. Лихачева // Там же. С. 43—103. [Совм. с Г. Н. Финашиной].

Хронологический указатель трудов Д. С. Лихачева // Там же. С. 104—222. [Совм. с Г. Н. Финашиной].

Ред.: Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1989. Т. 42. 464 с. [Совм. с О. А. Белобровой и Д. С. Лихачевым].

1990

Ред.: Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1990. Т. 43. 446 с. [Совм. с Д. С. Лихачевым].

Труды, находящиеся в печати

Золотарев Петр Андреевич (совм. с А. Г. Бобровым, Н. Ф. Дробленковой); Корнев Иоанникий Трофимович, Василий Титов. [Совм. с А. М. Панченко.] [В разд.: Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси»] // ТОДРЛ. Т. 44.

Никанор. [В разд.: Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси»] // ТОДРЛ. Т. 45.

«Карна» в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. 46.

Ред.: Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 44. [Совм. с Д. М. Буланиным и Д. С. Лихачевым].

Ред.: Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 45. [Совм. с Д. М. Буланиным и Д. С. Лихачевым].

Ред.: Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 46. [Совм. с О. А. Белобровой и Д. С. Лихачевым].

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААН — Архив Академии наук СССР.
 ААЭ — Акты, собранные... Археографической экспедицией.
 АИ — Акты исторические.
 АН СССР — Академия наук СССР.
 АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в.
 АФЗиХ — Акты феодального землевладения и хозяйства.
 БАН — Библиотека Академии наук СССР (Ленинград).
 Брике — Briquet C. M. Les filigranes. Genève, 1907.
 ВИ — Вопросы истории.
 ВЛ — Вопросы литературы.
 ВМЧ — Великие Минеи Чети, изд. Археографической комиссии.
 ВОИДР — Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете.
 ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры.
 ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).
 ГВЛ — Галицко-Волынская летопись.
 Гераклитов — Гераклитов А. А. Филиграния XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963.
 ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва).
 ГЛИМ — Государственный Литературный музей (Москва).
 ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
 ГПИБ — Государственная Публичная историческая библиотека (Москва).
 ГРМ — Государственный Русский музей (Ленинград).
 ДАИ — Дополнения к Актам историческим.
 Дианова, Костюхина — Дианова Т. В., Костюхина Л. М. Водяные знаки рукописей России XVII в. М., 1980.
 ЖМНО — Журнал Министерства народного образования.
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
 ИА — Исторический архив.
 ИЗ — Исторические записки.
 ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР (Москва).
 ИОЛЯ — Известия Отделения литературы и языка Академии наук СССР.
 ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР.
 ИпоРЯС — Известия по русскому языку и словесности Академии наук СССР.
 ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР (Ленинград).
 Клепиков, Филиграния, Клепиков, Штемпели } — Клепиков С. А. Филиграния и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX веков. М., 1959.
 Клепиков, Филиграния, 1978 г. } — Клепиков С. А. Филиграния на бумаге русского производства XVIII—начала XX века. М., 1978.
 КСИИМК — Краткие сообщения и доклады Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
 Кукушкина, Филиграния } — Клепиков С. А., Кукушкина М. Ф. Филиграния «Pro Patria» на бумаге русского и иностранного происхождения // Сборник статей и материалов Библиотеки Академии наук по книговедению. Л., 1965.
 Лауцвявичюс — Лауцвявичюс Э. Бумага в Литве в XV—XVII вв. Вильнюс, 1967.

- ЛГУ — Ленинградский государственный университет.
 ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии.
 Лихачев, Бум. мельн. — Л и х а ч е в Н. П. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891.
 Лихачев, Вод. зн. — Л и х а ч е в Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899.
 ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР.
 МДА — Московская духовная академия.
 МОИДР — Московское общество истории и древностей российских.
 НИЛ, НИЛ, НИЛЛ, — Новгородские первая, вторая, третья, четвертая и пятая
 НІVЛ, НVЛ летописи.
 ОИДР — Общество истории и древностей российских.
 ОЛДП — Общество любителей древней письменности.
 ОЛЯ — Отделение литературы и языка Академии наук СССР.
 ПВЛ — Повесть временных лет.
 ПДИ — Памятники древней письменности.
 ПДИИ — Памятники древней письменности и искусства.
 ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси.
 ПЛЛ, ПІІЛ, ПІІІЛ — Псковские первая, вторая и третья летописи.
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
 РИБ — Русская историческая библиотека.
 СГГД — Собрание государственных грамот и договоров.
 СОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук.
 СИЛ, СИЛ — Софийские первая и вторая летописи.
 Срезневский, — С р е з н е в с к и й И. И. Материалы для словаря древне-
 Материалы русского языка по письменным памятникам. СПб., 1893—1912.
 ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР..
 Тромонин — Т р о м о н и н К. Изъяснение знаков, видимых на писчей бумаге. . . М., 1844.
 Участкина — U c h a s t k i n a L. V. History of Russian hand paper-mills and their Watermarks. Hilversum, 1967.
 ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов СССР (Москва).
 ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).
 ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив (Ленинград).
 ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
 ЧОЛДП — Чтения в Московском обществе любителей духовного просвещения.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ, ПРИСЫЛАЮЩИХ СВОИ СТАТЬИ В «ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

1. Рукописи должны представляться в трех экземплярах, отпечатанных на машинке через два интервала (в том числе и подстрочные примечания). Нумерация подстрочных примечаний должна быть сплошной по всей статье.
2. Текст статьи должен представляться в окончательном виде. Изменения в корректуру могут вноситься только в исключительных случаях: когда они диктуются новыми данными в науке.
3. Все цитаты и ссылки в статье должны быть тщательно выверены по первоисточникам.
4. При библиографических ссылках в тексте и сносках необходимо давать следующие сведения: фамилию и инициалы автора, название работы, название и номер издания (для статьи), место издания (в том числе для журнала), год издания, страницы (обозначая их буквой «с»).
5. При повторном упоминании работы в тексте или сносках дается сокращенное ее название. Сокращение «Ук. соч.» не допускается.
6. В тексте статей необходимо придерживаться сокращений, список которых публикуется в конце каждого тома «Трудов Отдела древнерусской литературы» начиная с т. XIV.
7. Представляемые тексты памятников должны быть тщательно выверены по оригиналу и оформлены согласно правилам, опубликованным в XI томе «Трудов Отдела древнерусской литературы» (с. 494—498).
8. Фотографии представляются в двух экземплярах, отпечатанных на глянцевой бумаге с накатом. Они должны сопровождаться списком, в котором приводятся: подпись к каждой иллюстрации, местонахождение оригинала, его шифр, датировка, размер (для рукописей и изданий — дополнительно номера листов).

СОДЕРЖАНИЕ

- Рождественская М. В.* (Ленинград). Научная деятельность академика Александра Сергеевича Орлова (1871—1947) (По архивным материалам) 3

ИССЛЕДОВАНИЯ

- Горский А. А.* (Москва). Проблемы изучения «Слова о погибели Рускыя земли» (К 750-летию со времени написания) 18
- Лурье Я. С.* (Ленинград). Летописи первой половины XV в. как литературные и исторические памятники 39
- Поньрко Н. В.* (Ленинград). Обновление Макариева Желтоводского монастыря и новые люди XVII в. — ревнители благочестия 58
- Белоброва О. А.* (Ленинград). О древнерусских подписях к некоторым нидерландским пельногравированным изданиям XVII в. 70
- Плужников В. И., Симонов Р. А.* (Москва). Гороскоп Петра I 82
- Малюк Э.* (Лодзь). Источники и литературная история «Повести об Аквитане» 101

- Демкова Н. С.* (Ленинград). Из комментариев к тексту «Слова о полку Игореве» 114
- Демин А. С.* (Москва). Отголоски «Слова о полку Игореве» в «Казанской истории» (Гипотеза о промежуточном источнике) 124
- Ставиский В. И.* (Киев). Мировоззрение автора «Слова о полку Игореве» и культура его времени 131
- Крысько В. В.* (Рига). Глагол *подвѣлится* в «Слове о полку Игореве» 139
- Тарланов З. К.* (Петрозаводск). Об одном способе объективизации повествования в «Слове о полку Игореве» 143
- Савельева Л. В.* (Петрозаводск). Светотень утверждения—отрицания в поэтике «Слова о полку Игореве» 148
- Чакраворти Дж.* (Калькутта). «Слово о полку Игореве» и «Раджатарангини» Кальханы 153
- Романик Т.* (Лондон). «Слово о полку Игореве» в английских переводах (Общий обзор) 158
- Штурм Г.* (Берлин). К истории переводов «Слова о полку Игореве» на немецкий язык 163

- Творогов О. В.* (Ленинград). «Влесова книга» 170

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

- Юрченко А. И.* (Москва). К проблеме идентификации «Написания о правой вере» 255
- Давыдова С. А.* (Ленинград). Патериковые чтения в составе древнерусского Пролога 263
- Ставиский В. И.* (Киев). О двух датах штурма Киева в 1240 г. по русским летописям 282
- Сергина Н. С.* (Ленинград). Из истории певческих циклов Бориса и Глеба 291
- Прохоров Г. М.* (Ленинград). Иоанн Кантакузин. Диалог с иудеем. Слово третье (Славянский XIV века и современный переводы) 305
- Григоренко А. Ю.* (Ленинград). «Лаодикийское послание» и его литературное окружение 324
- Демкова Н. С., Якунина С. А.* (Ленинград). Кормчая XV в. из собрания Пермского педагогического института 330
- Серова И. Ю.* (Ленинград). К вопросу о влиянии Летописной книги на повесть о Смуте С. И. Шаховского 338
- Бобров А. Г.* (Ленинград), *Черторицкая Т. В.* (Горький). К проблеме Златой матрицы 341
- Николаев С. И.* (Ленинград). Библиографические заметки к истории ранней русской драматургии 359

- Пятницкий Ю. А.* (Ленинград). Из истории Сийского Евангелия (миниатюра «Поклонение волхвов») 365

ПО РУКОПИСНЫМ СОБРАНИЯМ

(Печатается под наблюдением В. П. Бударagina)

- Маркелов Г. В.* (Ленинград). Археографическая экспедиция в Латгалию в 1986 г. 371
Бударagina В. П. (Ленинград). Северодвинские находки 1986 г. 389
Рождественская М. В., Руди Т. Р., Шухтина Н. В. (Ленинград). Экспедиция 1986 г. на Пинегу 394
Галицкая Е. В., Пудалов Б. М. (Горький). Археографические экспедиции в Уренский и Тонкинский районы Горьковской области 401
Власов А. Н. (Сыктывкар). Археографическая работа Сыктывкарского университета на Верхней Печоре 404
Козляков В. Н. (Ярославль). Обзор памятников деловой письменности XVI—XVII вв. в фондах Государственного архива Ярославской области (собрание Ярославской губернской ученой архивной комиссии) 407
Демкова Н. С., Якунина С. А. (Ленинград). Древнерусские рукописи и старопечатные книги в собрании Пермского педагогического института им. А. А. Ушинского (Краткий обзор) 412

ХРОНИКА

- Соколова Л. В.* (Ленинград). Владимир Иванович Стеллецкий — переводчик и исследователь «Слова о полку Игореве» 419
Белоброва О. А. (Ленинград). Александр Иванович Мазунин (1924—1986) 427
Бударagina В. П. (Ленинград). Владимир Васильевич Лукьянов — собиратель и исследователь рукописной старины 431
Водов В. Пьер Паскаль 434

БИБЛИОГРАФИЯ

- Хронологический список научных трудов Марины Алексеевны Салминой 437
 Список сокращений 442